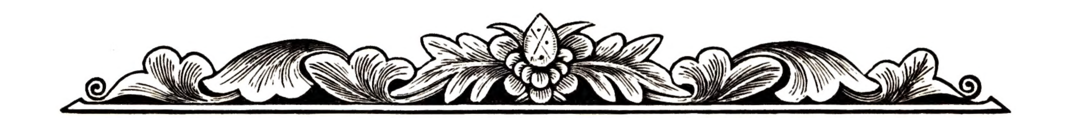
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

КОНЕЦ XV в. — НАЧАЛО XVII в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик **Н. М. Дружинин** *(председатель),*

доктор исторических наук

А. Л. Сидоров *(зам. председателя),*

академик **А. М. Панкратова,**

члены-корреспонденты АН СССР:

М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин,

доктора исторических наук:

М. П. Ким, А. А. Новосельский, П. Н. Третьяков, Л. В. Черепнин,

кандидат исторических наук

Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1955

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

КОНЕЦ XV в. – НАЧАЛО XVII в.

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА (КОНЕЦ XV—XVI ВВ.)
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА И БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XVII В.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

докторов исторических наук
А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина,

кандидата исторических наук
А. А. Зимина

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1955

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий том «Очерков истории СССР», охватывающий время с 80-х годов XV в. до начала XVII в. (1618 г.), посвящен тому периоду истории нашей Родины, когда в силу глубоких социально-экономических процессов, протекавших в недрах феодального общества, укрепилось Русское государство, централизация которого была ускорена потребностями обороны. Основная задача тома состоит в том, чтобы, осветив эти процессы, изложить историю великого русского народа, взявшего на себя роль объединителя национальностей[1], а также историю украинского, белорусского народов, народов Прибалтики, Молдавии, Кавказа, Средней Азии, Сибири и др., исторически связанных с русским народом и ныне входящих в состав Союза Советских Социалистических Республик.

Процесс объединения русских земель под властью Москвы, в основном завершившийся в 80-х годах XV в., рассмотрен в предыдущем томе «Очерков истории СССР». Конец XV в. был решающим этапом в образовании централизованных государств и на Западе Европы — во Франции, Англии, Испании, где зарождались капиталистические отношения и где централизованные государства складывались как национальные. На востоке Европы, где приходилось сдерживать напор нашествия монголов и других народов, процесс формирования централизованных государств протекал быстрее процесса складывания людей в нации, в результате чего там возникли многонациональные государства, состоявшие из ряда народностей, не успевших еще консолидироваться в нации.

С 80-х годов XV в. обнаруживается ряд новых явлений в социально-экономической, политической и культурной жизни Руси, свидетельствующих о ее быстром развитии на пути преодоления последствий татаро-монгольского завоевания.

Централизованное государство возникло на феодальном базисе, являвшемся для того времени прогрессивной системой производственных отношений. Объединение земель под властью московского правительства ускоряло экономическое и культурное развитие страны и выдвигало новые задачи по организации центральной власти.

---

[1] См. *И. В. Сталин*. Соч., т. 2, стр. 304.

Крестьянская война начала XVII в. под предводительством И. И. Болотникова, представлявшая собой широкое стихийное выступление крестьянства против феодального гнета на значительной территории Русского государства, и победа русского народа над польско-шведскими интервентами, одержанная к 1618 г., завершают рассматриваемый этап истории нашей Родины. Примерно с XVII в., как указывает В. И. Ленин, начинается «новый период русской истории», когда происходит процесс постепенного слияния отдельных областей, земель и княжеств, вызывающийся концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок[1]. Таким образом, время с начала XVII в.—это новый период в истории феодализма, к пониманию которого должен подвести материал настоящего тома.

В конце XV — первой половине XVI в., как и в более раннее время, основной производящей силой в земледелии и в промышленности на Руси были истинные творцы истории — крестьяне и ремесленники, обладавшие собственными орудиями труда. Основу феодальных производственных отношений в это время, соответствовавших уровню производительных сил и дававших простор их развитию, составляли собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства[2].

В конце XV — первой половине XVI в. происходило дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве и ремесле. Распространялась трехпольная система земледелия. Укреплялась феодальная собственность на землю,—экономическая база господствующего класса помещиков-крепостников.

В XV — XVI вв. происходил захват феодалами земель у «черных» крестьян в тех районах, где земли оставались еще не освоенными частными землевладельцами, как, например, в некоторых районах Белозерского края. В значительном количестве земли переходили и во владение духовных феодалов — церквей и монастырей. Развитие товарно-денежных отношений приводило к разорению части феодалов-землевладельцев, главным образом крупных вотчинников-бояр. Если крупные княжеско-боярские вотчины были наследием феодально-раздробленной Руси, то новым экономическим и политическим явлением в истории форм феодальной собственности было землевладение поместное. Дворяне-помещики постепенно становились основной социальной опорой великокняжеской власти.

Новые явления, связанные с подъемом производительных сил в сельском хозяйстве и развитием товарно-денежных отношений, приводили к изменениям в формах эксплуатации непосредственных производителей. Развивалось барщинное хозяйство. Повышался удельный вес денежной ренты, хотя значение ренты продуктами, взимавшейся феодалами с кре-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[2] См. «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 120.

стьян, было еще велико. Укрепление экономической власти помещиков приводило к дальнейшему закрепощению крестьян. Отражая интересы широких кругов феодалов, правительство Ивана III закрепило в Судебнике 1497 г. в общегосударственном масштабе «Юрьев день осенний», как единственный в году разрешенный срок крестьянского выхода.

В условиях господства натурального хозяйства на значительных пространствах страны в конце XV — первой половине XVI в. преобладала домашняя или деревенская патриархальная промышленность. В то же время в результате развития экономики в разных частях России протекал, хотя и неравномерно, процесс общественного разделения труда. Местами производство в разных отраслях добывающей промышленности (в рыболовстве, в солеварении, в железодобывающей промышленности) и в ремесле принимало товарный характер. В городах развивалась ремесленная специализация. В процессе расширения торговли и сближения местных рынков намечались межобластные экономические связи.

Развитие товарного производства не могло еще поколебать натурального характера крестьянского и феодального хозяйства, преследовавшего потребительские цели, но в дальнейшем подготовило некоторые условия для капиталистического производства[1].

В результате сдвигов в развитии социально-экономических отношений обострялась классовая борьба в деревне и в городе. В деревне она выражалась как в пассивных (например, побеги), так и в активных формах (покушение на жизнь феодалов, их имущество и т. д.). В городах в конце XV и в первой половине XVI в. дело доходило и до открытых восстаний (например, во Пскове).

В качестве одного из проявлений классовой и внутриклассовой борьбы в конце XV — начале XVI в. получили развитие ереси, особенно распространившиеся в Новгороде и Москве.

Образование централизованного государства соответствовало интересам класса феодалов в целом, так как сильное централизованное государство могло лучше обеспечить эксплуатацию непосредственных производителей, что в свою очередь содействовало дальнейшему развитию феодального способа производства. Надстройка активно содействовала укреплению феодального базиса[2].

Вместе с тем ликвидация порядков феодальной раздробленности лишала крупное боярство из старой знати экономических и политических преимуществ. Поэтому старая знать сопротивлялась политике государственной централизации и укрепления самодержавия, поддерживаемой дворянством.

Укреплявшееся самодержавие стремилось к созданию центральных органов управления, которые должны были распространять свое действие на всю территорию страны, единого законодательства, единой организа-

---

[1] См. *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 15.

[2] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 7

ции военных сил, к ограничению частновладельческих иммунитетов и ликвидации пережитков феодальной раздробленности. Великокняжеская власть проводила в жизнь свои мероприятия, опираясь на дворянство и используя поддержку со стороны посадского населения.

В конце XV в. был издан Судебник как кодекс общерусского феодального права, отвечавший интересам государственной централизации и отражавший правовые нормы, сложившиеся на данном этапе развития феодального базиса. Боярская дума все более получала характер постоянного совещательного учреждения при великом князе. Все это позволило ограничивать власть наместников и привилегии крупных феодалов.

Создание и укрепление системы централизованного управления содействовало осуществлению главной функции феодального государства — держать в узде эксплуатируемые народные массы.

Неразрывно с внутренней политикой была связана внешняя политика в конце XV и первой половине XVI в. При ее осуществлении русское правительство ставило своей задачей расширение территории господствующего класса за счет территории других государств и защиту государственной территории от нападений иноземных захватчиков[1].

Важнейшими целями внешней политики в изучаемый период было воссоединение в составе Русского государства тех русских, украинских и белорусских земель, которые находились под властью Польского и Литовского государств, оборона на юге и востоке от агрессии со стороны Крыма, а также борьба с Казанским и Астраханским ханствами, за спиной которых стояла Турция. Эта внешнеполитическая линия, диктовавшаяся в первую очередь интересами дворянства и посадского населения, имела объективно прогрессивное значение как для широких масс населения Русского государства, так и для нерусских народов нашей Родины. После уничтожения остатков монгольского ига и объединения основных русских земель укрепилось международное положение Русского государства. С Русским государством вынуждены были считаться крупнейшие державы Западной Европы и Азии. Порабощенные Турцией славянские народы искали у него помощи в борьбе за свою независимость.

Объединение русских земель в единое государство способствовало развитию в конце XV — первой половине XVI в. русской культуры. Идеи объединения, характерные для русской действительности того времени, нашли свое отражение и в литературно-исторических трудах. Московские летописные своды конца XV — первой половины XVI в., отстаивая идею централизации Русского государства, в то же время обобщали и перерабатывали опыт летописной работы различных феодальных центров страны. Укрепление международного престижа Русского государства сказалось на содержании русских хронографов, в которых история Руси рассматривалась как одна из центральных страниц мировой истории. Эти идеи пронизывали лучшие произведения русской литературы и публицистики.

[1] См. *И. Сталин*. Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1952, стр. 644.

До нас почти не дошли произведения, вышедшие из-под пера «еретиков», которые уничтожались представителями реакционной части духовенства. Но даже враждебная «еретикам» публицистика («Просветитель» И. Волоцкого и др.) не могла скрыть те новые, передовые идеи, которые высказывались и развивались «еретиками» (критика общественных порядков, направленная против социального неравенства и феодального гнета). Развитие русской общественно-политической мысли проходило в непримиримой борьбе нового со старым, отживающим, которое было представлено публицистическими и иными произведениями, вышедшими из-под пера идеологов боярства (В. Патрикеев и др.). Проповеди боярского самовластия и сепаратизма была противопоставлена идея объединения страны, централизации государственного аппарата («самодержавия»). Теория теократического характера русского самодержавия (Иосиф Волоцкий), тезис «Москва — III Рим» (Филофей) брались на идейное вооружение русским правительством.

Основываясь на лучших образцах киевского и владимирско-суздальского зодчества, русские мастера создали мощные архитектурные памятники и оборонительные сооружения. Новые кремлевские стены и башни, Белый город и Китай-город в Москве символизировали возросшее могущество Русского государства и выдающуюся роль Москвы как его столицы. Они свидетельствовали также о больших достижениях русских архитекторов. Успенский и Архангельский соборы в Москве являлись замечательными памятниками национального русского зодчества. В области живописи, овеянной гением Рублева, в конце XV и начале XVI в. особенно выделялась школа виднейшего художника Дионисия, украсившего своими фресками Ферапонтов монастырь, многие соборы Москвы и Волоколамска. Передовые художники и архитекторы этого периода все более обращали свои взоры к традициям русского народного искусства.

* * *

Время с конца 40-х годов до середины 80-х годов XVI в. было важным этапом в истории нашей страны, связанным с прогрессивными реформами правительства Ивана Грозного, направленными к укреплению Русского централизованного государства; вместе с тем эти реформы усиливали власть помещиков-крепостников над крестьянами. В середине XVI в. происходили дальнейшие сдвиги в экономике страны. Развивалось феодальное землевладение за счет захвата черносошных крестьянских земель, за счет освоения новоприсоединенных районов на юге и востоке. Все острее вставал вопрос о перераспределении земель в среде господствующего класса феодалов.

Попытка прибегнуть к секуляризации монастырских и церковных земель встретила сопротивление со стороны реакционной части феодального духовенства (Стоглавый Собор 1551 г.).

В годы опричнины правительству Ивана Грозного удалось в значительной степени удовлетворить нужды дворянства за счет конфискации земель у опального боярства.

В это время усилилась эксплуатация крестьян за счет повышения удельного веса денежной ренты, обусловленного ростом общественного разделения труда и постепенным развитием товарного обращения в стране. Однако в России, как и в других странах к востоку от Эльбы, приспособление потребительского по своему характеру феодального хозяйства к товарно-денежным отношениям пошло по линии усиления барщины и роста крепостничества.

Процесс отделения ремесла от земледелия в третьей четверти XVI в. вызывал рост городов, в которых увеличивалось посадское население. В отдельных сельских районах и городах замечались уже серьезные признаки имущественной дифференциации. Столица Русского государства Москва с населением до 100 тысяч человек превращалась в один из самых обширных городов Европы. Перевод в столицу «лучших людей» из числа местных торгово-промышленных верхов еще более укреплял ее экономическое положение. Развитие рыночных связей в XVI в. приводило к тому, что уже создавались предпосылки «всероссийского рынка».

Правительство Ивана Грозного вело покровительственную политику по отношению к городам. Все заметнее проявлялся тот союз королевской власти с городами, о котором писал Ф. Энгельс применительно к истории Западной Европы[1]. Торгово-ремесленная верхушка городов энергично поддерживала централизаторские мероприятия русского правительства времени опричнины.

Развитие социально-экономических отношений приводило к усилению феодальной эксплуатации господствующим классом крестьянства и посадского населения. Все возрастал и налоговой гнет в связи с потребностями русского правительства в средствах для достижения внутренних и внешнеполитических целей. Усиление крепостнической эксплуатации приводило к обострению классовой борьбы, которая проявлялась в различных формах. В середине XVI в. по стране прокатилась волна городских восстаний, в которых принимало участие и сельское население (восстание в Москве 1547 г. и др.). В этот период распространение получило «рабье учение» Феодосия Косого, провозгласившего равенство всех людей и призывавшего к неповиновению властям.

Изменения в феодальном базисе, происходившие в условиях напряженной классовой борьбы, приводили к изменениям в надстройке. В середине XVI в. правительство Ивана Грозного проводило ряд важных реформ, направленных к укреплению централизованного аппарата власти. Созыв земских соборов, организация стрелецкого войска, издание Судебника 1550 г., отмена системы кормлений и реформа местного управления, уравнение вотчин с поместьями в отношении военной службы (1556) и, наконец, оформление приказного аппарата имели своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти и политическое возвышение дворянства.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

Реформы середины века позволили Русскому государству достигнуть крупных внешнеполитических успехов. Русское государство в середине XVI в. первоочередной задачей поставило борьбу с Казанским и Астраханским ханствами, которая объяснялась не только необходимостью приобретения новых земель для поместного дворянства и расширения экономических связей по волжскому пути, но диктовалась в значительной мере потребностями обороны от турецко-татарской угрозы, нависшей над южными и восточными рубежами страны.

Присоединение Казани (1552), Астрахани (1556) и ряда приволжских народов, совместно с русским народом боровшихся с крымско-татарскими феодалами, — таковы лишь важнейшие вехи внешнеполитических успехов Русского многонационального государства середины XVI в.

Преобразования середины XVI в., проведенные в интересах всего класса феодалов в целом, не подорвали, однако, экономических устоев боярской аристократии, препятствовавшей процессу дальнейшей централизации государственного аппарата.

Вопрос о необходимости решительной борьбы с сепаратистскими тенденциями боярства приобрел особенную остроту в условиях начавшейся Ливонской войны (1558—1583), когда дело дошло до прямой измены ряда бояр и потомков удельных княжат, пытавшихся использовать поддержку польского короля в своей борьбе с централизаторской политикой правительства Ивана Грозного.

В таких условиях в 1565 г. была введена опричнина, знаменовавшая новый этап укрепления централизованного аппарата власти. Опричнина имела своей целью подрыв экономической и политической мощи реакционного боярства и одновременно усиление аппарата принуждения, укрепление власти помещиков над крестьянами. Создавая «прогрессивное войско опричников»[1], Иван Грозный, человек с сильной волей и характером, проводил решительные мероприятия для укрепления государственного аппарата.

Мероприятия времени опричнины, осуществленные за счет усиления феодально-крепостнической эксплуатации крестьян, позволили Русскому государству в течение более четверти века вести напряженную борьбу за выход к побережью Балтийского моря, за земли «отчич и дедич».

В ходе Ливонской войны возобновились и окрепли старинные связи русского и прибалтийских народов, совместно боровшихся против немецких, польских и шведских феодалов. Ливонская война, которую правительство начало в интересах господствовавшего класса, была в то же время направлена на разрешение коренных потребностей Русского государства. Укрепление внутреннего положения правительства содействовало разгрому Ливонского ордена, угнетавшего прибалтийские народности. В это время значительно возрос и международный авторитет

---

[1] О кинофильме «Большая жизнь». Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. Госполитиздат, 1951, стр. 21.

Русского государства, с которым вынуждены были считаться крупнейшие европейские державы.

Введение опричнины отвечало прежде всего интересам дворянства и верхушки городов и проводилось за счет усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Мобилизация земельной собственности во время опричнины была сопряжена с захватом помещиками крестьянских земель, с увеличением крестьянских повинностей и дальнейшим закрепощением крестьян. Проводившаяся в условиях обостренной внутриклассовой борьбы опричнина повлекла за собой рост классовых противоречий и углубление классовой борьбы, которая в дальнейшем вылилась в крестьянскую войну начала XVII в.

Третья четверть XVI в. была временем подъема русской культуры, когда постепенно все сильнее и сильнее распространялось светское мировоззрение. Возникновение книгопечатания на Руси и деятельность первопечатника Ивана Федорова сыграли большую роль в развитии русской культуры. Такие произведения, как Никоновский летописный свод, Казанский летописец, Степенная книга, свидетельствовали о крупных достижениях исторической мысли на Руси. В прогрессивной исторической литературе того времени отстаивалась идея утверждения самодержавия и борьбы с боярским своевластием. Эти же идеи волновали русских общественно-политических мыслителей, одним из наиболее видных среди которых был дворянский публицист Иван Пересветов. Крупным писателем своего времени был и Иван Грозный, развивавший свои взгляды на самодержавие и резко обличавший клеветнические писания изменника Курбского. В публицистике, отражавшей интересы угнетенных масс, появляются гуманистические идеи борьбы с социальной несправедливостью. Их высказывал прежде всего беглый холоп Феодосий Косой, идеи которого оказали большое влияние на развитие общественной мысли в Польско-Литовском государстве. За отмену холопства ратовал Матвей Башкин и др. В области зодчества этого времени возникают такие монументальные произведения, как храм Василия Блаженного, в области живописи — такие шедевры, как миниатюры Лицевого (иллюстрированного) летописного свода.

В XV—XVI вв. великороссы не составляли еще нации. О национальных связях в это время говорить еще нельзя. Пережитки феодальной раздробленности и прежде всего хозяйственная раздробленность в стране служили серьезным препятствием к развитию русской народности в нацию. Вместе с тем в конце XV—XVI в. происходило дальнейшее развитие русской (великорусской) народности. Расширялись территориальные связи, развивался русский язык, росло сознание общерусского единства, находившее свое отражение в области культуры.

* * *

Изнурительные войны, эпидемии, напряженная борьба с боярством привели к сильному хозяйственному потрясению в стране. Все это наряду с усилением феодального гнета и мероприятиями по более прочному при-

креплению непосредственных производителей к земле (отмена «Юрьева дня» и введение заповедных лет, переписи населения 80-х годов XVI в.) уже с 70—80-х годов XVI в. создавало предпосылки крестьянской войны. Одним из следствий хозяйственного разорения и усиления крепостнического гнета было массовое бегство крестьян на южные окраины, запустение центра страны.

В начале XVII в. в обстановке неурожая и голода началась крестьянская война, первым этапом которой было восстание Хлопка (1603). Крестьянская война осложнялась иностранным вмешательством во внутреннюю жизнь Русского государства. Пользуясь обострением социальных противоречий в России и усложнением ее внутриполитического и внешнеполитического положения, панская Речь Посполитая, а затем Швеция начали агрессивные действия против Русского государства, пытаясь реализовать свои старые захватнические планы.

В 1605—1606 гг. польско-литовское магнатство и отдельные группировки польской шляхты попытались подчинить себе Русское государство, используя для этой цели авантюру своего ставленника самозванца Лжедмитрия I.

В обстановке обострившихся в связи с политикой Бориса Годунова классовых противоречий Самозванцу, опиравшемуся на вооруженную поддержку интервентов, действительно удалось на время захватить Москву. Однако хозяйничанье иноземных захватчиков вызвало всенародное движение, которым воспользовалось московское боярство для того, чтобы покончить с Лжедмитрием и посадить на русский престол боярского царя — Василия Шуйского. В этих условиях начался новый этап крестьянской войны. Во главе восставших крестьян и холопов стал талантливый полководец, выдающийся вождь народных масс — Иван Исаевич Болотников. Крестьянская война под предводительством Болотникова (1606—1607), начавшаяся в южных окраинах Русского государства, вскоре перекинулась в центр и охватила огромную по размерам территорию. К движению, с одной стороны, примкнули на время отдельные отряды тульско-веневского и рязанского дворянства, недовольные боярским царем Василием Шуйским, а с другой стороны — народности Поволжья, испытывавшие двойной феодальный гнет — со стороны русских и местных феодалов. Уже в октябре 1606 г. восставшие осадили столицу Русского государства — Москву. В условиях нарастания народного движения дворянские попутчики предали народные массы и перешли на сторону правительства, которому лишь с огромным напряжением удалось отбить восставших от стен Москвы. Крестьянская война под предводительством Болотникова продолжалась еще более полугода, после чего была подавлена. Крестьянские движения только тогда могут рассчитывать на успех, когда они сочетаются с рабочим движением, когда рабочий класс руководит этими движениями. Одной из причин поражения был также царистский характер крестьянского движения. Народные массы еще не избавились от наивной веры в «хорошего царя». Однако крестьянская война,

возглавленная Болотниковым, имела выдающееся историческое значение. Это была попытка «...стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта»[1]. Агрессивные круги польско-литовского магнатства и шляхты, использовав то обстоятельство, что основные силы правительства Шуйского были брошены на подавление восстания Болотникова, вновь сделали попытку интервенции в Русское государство и выдвинули нового самозванца, Лжедмитрия II, осадившего Москву. С ним боярское правительство царя Василия Шуйского долгое время вело безуспешную борьбу. Попытка заключить соглашение о военной помощи со Швецией привела к вероломному началу интервенции со стороны шведских феодалов, захвативших Новгород и другие русские земли. Только народное движение против иноземных захватчиков, охватившее прежде всего северные и северо-восточные города, привело к разложению Тушинского лагеря и гибели Лжедмитрия II, после чего правительство Сигизмунда III перешло к открытой интервенции. Польское войско в 1610 г. осадило Смоленск, героический немногочисленный гарнизон которого в течение двадцати месяцев выдерживал осаду.

Против польских и шведских интервентов развернулась массовая народная партизанская борьба, в которой участвовал не только русский народ, но и другие народы нашей Родины, в том числе карелы.

Потерпев разгром от польских войск под Клушиным, Василий Шуйский, окончательно дискредитировавший себя даже в глазах тех бояр, которые его долгое время поддерживали, был сведен с престола. Боярское правительство, захватившее власть в Москве, вступило в переговоры с Сигизмундом III о приглашении на русский престол его сына, королевича Владислава, и предательски впустило в сентябре 1610 г. в столицу Русского государства отряды польских войск. Над страной нависла реальная угроза порабощения и потери государственной самостоятельности. Первое ополчение (1611) во главе с Ляпуновым, Трубецким и Заруцким попыталось, используя силу народного сопротивления захватчикам, освободить Москву. Однако откровенно крепостническая политика его руководителей вызвала обострение классовых противоречий в ополчении и привела к его распаду.

В этот критический для судеб нашей Родины момент, когда боярские верхи господствующего класса вели политику национального предательства, на защиту своей отчизны грудью стал великий русский народ, не раз спасавший ее от иноземных захватчиков. Всенародное ополчение, возглавленное Кузьмой Мининым и Димитрием Пожарским, зародившееся в Нижнем-Новгороде, получило поддержку широких кругов русского народа и прежде всего посадского населения и крестьянства. Сплотив эти силы вокруг знамени борьбы за спасение отчизны, наши великие предки Минин и Пожарский сумели в октябре 1612 г. освободить Москву.

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 112.

Вскоре вся русская земля была освобождена от иноземных захватчиков. В 1617 г. был заключен Столбовской мир со шведами, а в 1618 г. отбита последняя попытка польского королевича Владислава овладеть Москвой.

Героическая борьба русского народа и других народов нашей Родины за свою свободу, честь и независимость в трудные годы иностранной интервенции была воспета в народных песнях, была осмыслена в многочисленных литературно-публицистических произведениях первой половины XVII в., когда страна, преодолев последствия хозяйственного разорения и разрухи, вступила на путь дальнейшего экономического и политического развития. Этому новому периоду (с 1618 г.) истории нашей страны посвящены последующие тома «Очерков истории СССР».

* * *

Со второй половины XVI в. все отчетливее проявляется многонациональный характер Русского государства. В его состав в середине XVI столетия вошел целый ряд народов Поволжья — чуваши, казанские татары, башкиры и т. д., а в конце XVI — начале XVII в.— народы Западной Сибири. Господствующий класс русских феодалов был заинтересован в расширении территории государства и увеличении своих доходов за счет эксплуатации нерусских народов. Народам Поволжья, Севера и Сибири приходилось испытывать гнет и своих собственных, и русских феодалов. Политика царизма в отношении нерусских народов была политикой национального угнетения. Но присоединение народов Сибири и Поволжья к Русскому государству, стоявшему на более высоком уровне развития, имело для этих народов прогрессивное, цивилизующее значение[1]. Оно приобщало их к более высокой культуре русского народа и содействовало их экономическому, социальному и культурному развитию. Присоединение спасло народы Поволжья от татаро-турецкого порабощения. Народы Сибири были защищены от поглощения их отсталыми азиатскими государствами. В совместных выступлениях русского крестьянства и народов Севера и Поволжья против феодальной эксплуатации пока еще стихийно укреплялись корни будущей дружбы народов нашей страны. Эти выступления не имели ничего общего с реакционными попытками отдельных башкирских и других феодалов разорвать узы, связывавшие народы Поволжья с русскими, выйти из состава Русского государства, наложить иго турецко-татарского гнета на плечи поволжских народов.

* * *

Народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Северного Кавказа, Грузии, Армении, Азербайджана, Средней Азии, Восточной Сибири в конце XV—начале XVII вв. не входили в состав Русского цент-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 211.

рализованного государства. Однако образование последнего имело громадное значение для дальнейшего развития этих народов. Украина, оторванная от остальной территории древней русской земли, находилась под властью феодалов Польши, Литвы, Венгрии, крымских ханов; Белоруссия была насильственно включена в Великое княжество Литовское; Молдавия томилась под властью османской Турции; народы Прибалтики были порабощены немецкими агрессорами. Территория Северного Кавказа и Закавказья страдала от захватнических нападений Турции и Персии.

С образованием Русского централизованного государства украинский и белорусский народы, порабощенные в XVI—XVII вв. Литвой и Польшей, нашли в нем опору в борьбе против иноземных захватчиков.

На Украине и в Белоруссии в конце XV — начале XVI в. быстро расширялось феодальное землевладение польско-литовских, украинских и белорусских помещиков; с распространением денежной ренты и барщины резко усиливалось закрепощение крестьян. Крестьянские массы оказывали ожесточенное сопротивление своим и иноземным феодалам, что особенно ярко проявилось в ряде открытых восстаний, во время которых восставшие устремляли свой взор к братскому русскому народу.

Несмотря на тяжелые условия крепостнического и национального гнета, росли и крепли культурные связи украинского и белорусского народов с братским русским народом. Деятельность русского первопечатника Ивана Федорова, развернувшаяся также на Украине, сыграла значительную роль и в истории украинской культуры.

Народы Прибалтики накапливали жгучую ненависть к завоевателям — немецким и шведским феодалам, безжалостно закабалявшим местное трудовое население. Во время Ливонской войны русские войска оказывали активную поддержку народам Прибалтики, выступавшим с оружием в руках против своих поработителей.

Под игом иноземных захватчиков оказалась и Молдавия. К началу XVI в. турецким захватчикам удалось подчинить ее своей власти и установить там систему грабежа и нещадной эксплуатации. Молдавские крестьяне в XVI — начале XVII в. превращались в крепостных местных феодалов, сделавшихся послушными исполнителями приказаний турецких султанов. Борьба молдавского народа за свержение турецкого ига слилась воедино с борьбой украинского народа против турецких захватчиков.

Дружественные связи Молдавии с Москвой в конце XV—XVI в., имевшие под собой прочную основу, росли и крепли на почве совместной борьбы против агрессии панской Польши и султанской Турции.

В конце XV — начале XVII вв. зажатые между двумя усилившимися государствами — Персией и Турцией, народы Северного Кавказа и Закавказья вели напряженную борьбу за свою независимость. Раздробленные на множество мелких феодальных государств, они не могли сохранить целостность своей территории, не могли создать условий для куль-

турного, хозяйственного роста своей страны, обеспечить ее независимость. Союзником в борьбе с турецкой агрессией и здесь выступала Россия, оказавшая в конце XVI в. вооруженную поддержку Кахетии в ее борьбе с захватчиками.

К XV в. в Средней Азии с проникновением туда кочевых узбекских племен сложилось Узбекское государство. Среди узбекского населения господствовали патриархально-феодальные отношения. Среднеазиатские ханства представляли непрочные государственные образования. В процессе феодализации эти ханства дробились, становились объектом агрессивной политики персидских шахов. Для экономического и политического развития народов Средней Азии было важно расширение дипломатических и торговых связей с Русским государством, рост которых наблюдается особенно после присоединения к России Казанского, Астраханского, Сибирского ханств.

Таковы важнейшие проблемы истории народов СССР в рассматриваемый период. В данном томе на основе марксистско-ленинской методологии делается попытка подведения известных итогов, достигнутых советской исторической наукой. Ряд вопросов авторами ставится по-новому. Многие вопросы в советской исторической науке еще не решены и требуют дальнейшего исследования. Надо полагать, что подведение итогов изучения истории России и народов нашей Родины в конце XV — начале XVII в., а также попытка наметить отдельные новые проблемы будут содействовать дальнейшему развитию советской исторической науки.

В написании книги принимали участие:

Л. С. Абецедарский (гл. 5, § 3)
В. А. Александров (гл. 3, § 1, русская историография)
Н. Г. Аполлова (гл. 5, § 12)
М. С. Асратян (гл. 5, § 10)
Н. А. Бакланова (гл. 2, § 13а)
А. И. Баранович (гл. 5, § 2)
С. В. Бахрушин (гл. 2, §§ 4, 8; гл. 4, § 2б)
Н. А. Бердзенишвили (гл. 5, § 9)
И. Д. Бойко (гл. 5, § 2, культура)
И. У. Будовниц (гл. 2, § 13в)
А. К. Вассар (гл. 5, § 6)
В. Г. Гейман (гл. 3, § 10)
Ю. В. Готье (гл. 3, §§ 9, 11)
Л. В. Данилова (гл. 2, § 13д; гл. 3, § 14; гл. 4, § 1)
Б. О. Долгих (гл. 4, § 4)
В. Д. Дондуа (гл. 5, § 9)
Т. Я. Зейдс (гл. 5, § 5)
А. А. Зимин (гл. 1, § 1; гл. 2, §§ 1, 2, 7, 8, 9; гл. 4, § 2б)
И. А. Иванова (гл. 1, § 10д; гл. 2, § 13г)
Н. И. Казаков (гл. 3, §§ 9, 11)
А. С. Кан (гл. 3, § 1, шведская историография)
С. М. Каштанов (гл. 1, § 8д; гл. 2, § 10г)

В. Д. Королюк (гл. 2, § 12; гл. 3, §§ 4, 5)
Е. Н. Кушева (гл. 5, § 8)
Я. С. Лурье (гл. 1, §§ 6, 8а, 9; гл. 2, § 6)
А. Н. Мальцев (гл. 1, § 8г; гл. 2, § 10в)
А. Г. Маньков (гл. 1, §§ 2, 7; гл. 3, §§ 2, 7)
Ш. Ф. Мухамедьяров (гл. 4, § 3а)
А. Н. Насонов (гл. 1, § 4; гл. 2, § 4)
В. Н. Перцев (гл. 5, § 3, культура и реформационное движение)
И. П. Петрушевский (гл. 5, § 11)
Л. Н. Пушкарев (гл. 1, § 10а,б,в,г; гл. 2, § 13б; гл. 3. § 13)
М. Г. Рабинович (гл. 1, §§ 3, 5; гл. 2, §§ 3, 5)
Е. М. Руссев (гл. 5, § 7)
А. А. Савич (гл. 3, § 7)
П. А. Садиков (гл. 2, § 9)
И. И. Смирнов (гл. 3, §§ 3, 4, 6)
А. Н. Усманов (гл. 4, § 3б)
Н. В. Устюгов (гл. 4, § 3б)
Л. В. Черепнин (гл. 3, § 1, польская историография; гл. 4, § 3а; гл. 5, § 1)
А. В. Чернов (гл. 1, § 8б, в гл. 2, § 10а,б)
Е. В. Чистякова (гл. 3, § 12)
И. П. Шаскольский (гл. 3, §§ 8, 10; гл. 4, § 2а,в)
В. А. Шишкин (гл. 5, § 12)
С. О. Шмидт (гл. 2, § 11)
В. И. Шунков (гл. 4, § 4)
К. Яблонскис (гл. 5, § 4).

Кроме того, использован материал работы И. И. Любименко «Проект английской интервенции в России в 1612—1613 годах» и частично использован материал работы А. С. Гудковой «Внутренняя торговля в Русском государстве в конце XV—начале XVI в.» (в соответствующих местах имеются ссылки), а также работа А. А. Савича об открытой польской интервенции (гл. 3, § 8).

Том редактировали: А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, а также И. И. Смирнов (гл. 3).

В томе учтены замечания проф. Р. И. Аванесова по вопросам истории русского языка. В редактировании гл. 4 и 5 принимала участие Л. В. Данилова. Техническая подготовка текста к печати и организационно-техническая работа выполнена В. Г. Шерстобитовой при участии М. Д. Курмачевой и Т. С. Майковой.

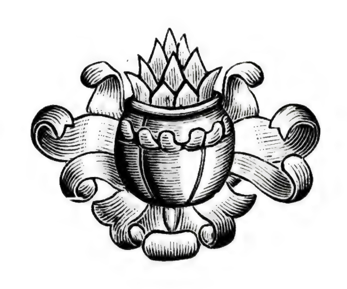
Подбор иллюстраций произведен Н. А. Баклановой.

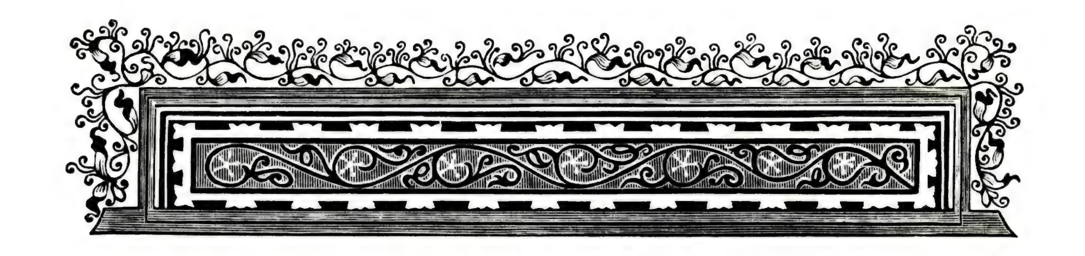
Карты составлены И. А. Голубцовым. Именной и географический указатели составлены Е. А. Яновской[1].

На первоначальной стадии в технической работе по подготовке томов «Очерков» участвовала М. М. Зайцева.

---

[1] В томе «Очерков истории СССР периода феодализма» (IX—XV вв.), ч. 1 пропущено указание на участие К. В. Кудряшова в написании гл. 3, § 4 ж.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РУССКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНЦЕ XV И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Представители дворянско-буржуазной историографии исходили из идеалистического понимания исторического процесса и не видели, что ключ к пониманию исторической жизни общества следует искать в условиях его материальной жизни, в развитии производительных сил и производственных отношений. Поэтому они не смогли правильно решить основных вопросов истории Русского централизованного государства конца XV — первой половины XVI в. Государство рассматривалось ими как надклассовое явление.

Для выдающегося русского дворянского историка первой половины XVIII в. В. Н. Татищева (1686—1750) история России конца XV — первой половины XVI в. прежде всего история русского самодержавия. Монархия на Руси была создана Рюриком, и Иван III всего лишь «прежде падшую монархию восстановил»[1]. Вся дальнейшая история России рассматривалась им в плане постепенного развития, совершенствования монархии. «Великий князь Иоанн III, паки некоторыя княжения присовокупя, монархию основал; по нем сын и внук в лучшее состояние привели»[2].

Самодержавие («монаршее правление») Татищев, как дворянский идеолог, считал лучшей формой правления для Руси[3]. Происхождение монархии Татищев, историк-рационалист, выводил не из социально-экономического развития общества, а из договора между самодержцем и народом[4].

Исторические воззрения В. Н. Татищева оказали большое влияние на дворянско-буржуазную историографию в России. Видный историк конца XVIII — начала XIX в. Н. М. Карамзин (1766—1826), идеолог

---

[1] *В. Н. Татищев.* История Российская с самых древнейших времен, кн. 1, ч. 2, М., 1769, стр. 541.

[2] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 138.

[3] *В. Н. Татищев.* История Российская..., кн. 1, ч. 2, стр. 545.

[4] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ, стр. 141.

консервативной части дворянства, заинтересованной в укреплении самодержавия в период назревания кризиса феодально-крепостнической системы в России, так же как и В. Н. Татищев, рассматривал историю России конца XV — первой половины XVI в. как историю русского самодержавия. Его «Историю государства Российского» А. С. Пушкин называл апологией «самовластия и прелести кнута». Отдельные личности, цари и полководцы, а не народ являются по Карамзину основными движущими силами исторического процесса. Иван III,— по Карамзину,— «герой не только российской, но и всемирной истории»[1] был «первым, истинным самодержцем России»[2]. Его сын Василий III «шел путем, указанным ему мудростью отца»[3].

Против реакционно-дворянской концепции исторического процесса в конце XVIII — начале XIX в. выступили дворянские революционеры А. Н. Радищев (1749—1802) и декабристы. В их трудах был поставлен вопрос о роли народа как движущей силы исторического процесса, о борьбе свободы и самовластия на протяжении всей русской истории. Однако, не зная действительных законов общественного развития, они не могли правильно оценить важнейшие моменты истории Русского централизованного государства. Идеализируя строй жизни и «вольности» древнего Новгорода, где якобы «простой или черный народ пользовался одинаковыми правами с прочими сословиями»[4], они в целом резко враждебно относились к московскому самодержавию. Ведя непримиримую борьбу с абсолютистской монархией конца XVIII — начала XIX в., они не поняли прогрессивного значения образования Русского централизованного государства в конце XV в. Только некоторые из дворянских революционеров сумели увидеть положительные моменты в политике Ивана III, способствовавшие образованию единой русской государственности. К их числу принадлежали А.Н. Радищев[5], М. С. Лунин[6], Н. И. Тургенев (1789—1871)[7].

В 40-е годы XIX в. в русской историографии широкое распространение получили взгляды наиболее крупного буржуазного историка С. М. Соловьева (1820—1879). Историческая концепция Соловьева знаменует собой шаг вперед в развитии русской историографии. С. М. Соловьев поставил в своей «Истории России» и в других трудах проблему закономерности развития исторического процесса в ее идеалистическом понимании и попытался ее применить при изучении русской истории XV—

---

[1] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. VI, СПб., 1842, стб. 210.

[2] Там же, стб. 214.

[3] Там же, т. VII, гл. III, стб. 350.

[4] *А. Бестужев-Марлинский.* Полное собр. соч., т. III, ч. VII, СПб., 1847, стр. 167; *А. Н. Радищев.* Соч., т. 1, М.—Л., 1938, стр. 419; *его же.* Избранные соч., М.—Л., 1949, стр. 650; *Б. Б. Кафенгауз.* А. Н. Радищев об истории России. «Ученые записки МГУ», вып. 156, М., 1952, стр. 71.

[5] См. *Э. С. Виленская.* Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 50.

[6] *М. С. Лунин.* Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 79.

[7] *Н. И. Тургенев.* Дневники и письма, т. III, Пг., 1921, стр. 123.

XVI вв. В общем построении исторического процесса Соловьев отводил значительное место вопросам колонизации страны.

В своей «Истории России» Соловьев собрал большой конкретно-исторический материал, почерпнутый им из первоисточников. Но историю укрепления русского централизованного государства Соловьев рассматривал с идеалистических позиций в плане борьбы двух начал: «родового» и «государственного». «Переход родовых отношений между князьями в государственные» составляет «главное, основное явление», характеризующее указанный период истории России[1]. Завершение этой борьбы падает, по мысли С. М. Соловьева, на время правления Ивана Грозного. Ошибочность этой концепции, в корне противоположной революционно-демократическим воззрениям на историю России, проистекала из игнорирования сущности государства как аппарата насилия эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством. В. И. Ленин в своей работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» подверг решительной критике утверждение о наличии родовых связей на Руси в XV—XVI вв. Он писал, что «...в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало...»[2]

История России в трудах С. М. Соловьева попрежнему сводилась к истории государства как надклассовой силы, а закономерность — к развитию формально-юридических порядков.

В первой половине XIX в. стали появляться работы, в которых специально рассматривались вопросы истории землевладения и крестьянства. Однако изучение производственных отношений подменялось в данных работах рассмотрением юридических форм, прикрывавших эти отношения. Историки так называемой «государственной школы» (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.) стремились установить «естественную преемственность быта юридического после родового»[3]. Они рисовали идиллическую картину существования свободного крестьянства в XV в., которое постепенно закрепощается в результате прямого вмешательства государства[4]. Некоторые историки-славянофилы также утверждали, что «до Петра помещичьи и вотчинные крестьяне были люди свободные и полноправные»[5].

Против искажения отечественной истории дворянскими и буржуазными историками выступили революционеры-демократы — В. Г. Белинский (1811—1848), А. И. Герцен (1812—1870), Н. А. Добролюбов (1836—1861) и Н. Г. Чернышевский (1828—1889). Развивая взгляды Радищева и декабристов, они выдвигали в качестве основной движущей силы

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, СПб., кн. 1, стб. 4.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.
[3] *К. Д. Кавелин.* Соч., т. 1, СПб., стб. 285.
[4] *Б. Н. Чичерин.* Очерки по истории русского права. М., 1858, стр. 125, 229 и др.
[5] *К. С. Аксаков.* Полное собр. соч., т. 1, М., 1889, стр. 515.

исторического развития народные массы. В. Г. Белинский, придавая большое значение созданию единого Русского государства, считал, что народ в этом процессе играл ведущую роль. Он писал: «дух народный всегда был велик и могущ: что доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига..., и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия»[1]. В. Г. Белинский решительно критиковал Н. М. Карамзина, который приписывал всю заслугу в создании единого Русского государства одной личности—Ивану III. Хотя Белинский и подчеркивал, что Иван III—«первый царь русский, замысливший идею единовластия и самодержавия», он прежде всего обращал внимание на тесную связь процесса создания русской государственности и борьбы с татаро-монголами: русский народ в этой борьбе закалил свои силы и создал свою государственность и ее центр — столицу Москву[2]. Решающую роль народа в процессе «перехода от феодальной раздробленности к самодержавной централизации», историческое значение Москвы как центра созидающегося единого государства отмечал А. И. Герцен. Правда, он преувеличивал роль общины и роль личности в истории страны. «Россия могла быть спасена или развитием общинных учреждений или самодержавием одного лица. События сложились в пользу абсолютизма. Россия была спасена»[3].

Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов в своих сочинениях выдвигали на первый план народ в качестве подлинного творца исторического процесса[4]. Н. Г. Чернышевский подчеркивал стремление русского народа к национальному единству как одну из важных причин, способствовавших созданию Русского централизованного государства[5], причем установление единовластия на Руси он относил ко времени Ивана IV[6]. Справедливо критикуя концепцию Соловьева, сводившего по существу историю России к истории Русского государства, Чернышевский и Добролюбов вместе с тем не сумели понять прогрессивного значения великокняжеской политики конца XV — начала XVI в., направленной на укрепление централизованного аппарата власти. Оставаясь еще на уровне домарксовой исторической мысли, они переносили свое отношение к самодержавно-крепостническому строю России XIX в. на оценку великокняжеской власти в XV—XVI вв. Правильно изображая последнюю как носительницу гнета и насилия, классово чуждую народным массам, революционные демократы в то же время упускали из поля зрения относительно прогрессивную роль самодержавия на определенном этапе его развития.

---

[1] *В. Г. Белинский.* Полное собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. XII, М.—Л., 1926, стр. 274.

[2] Там же, т. IV, СПб., 1901., стр. 42; т. XII, стр. 296.

[3] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч., под ред. Лемке, т. VI, П., 1919, стр. 318.

[4] *И. Сладкевич.* Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова. «Вопросы истории», 1949, № 2, стр. 37.

[5] *Н. Г. Чернышевский.* Соч., т. II, СПб., 1906, стр. 541.

[6] Там же, т. X, ч. II, стр. 130, 166.

Большое внимание революционные демократы уделяли вопросу об эксплуатации, которой подвергалось в течение веков русское крестьянство. Ссылаясь на Судебники 1497, 1550 гг. и другие исторические источники, Н. А. Добролюбов ярко изображал систему гнета и насилия, которой опутывали князья и бояре народные массы Руси[1].

Во второй половине XIX в. появляется уже целый ряд специальных исследований, посвященных отдельным проблемам истории Русского государства в конце XV — первой половине XVI в. Выходят в свет исследования по истории феодального землевладения[2], крестьянства[3], городов[4], государства и права[5] и т. д. Однако всем этим трудам был присущ формально-юридический подход к освещению важнейших вопросов исторического развития нашей страны.

Большой интерес представляет книга И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси». Положительным явлением в буржуазной историографии была самая попытка дать историю трудящихся масс. Работа Беляева явилась первым обобщающим трудом по истории русского крестьянства, в которой автор на основе многочисленных источников пытался нарисовать картину закрепощения крестьян. Однако общая концепция Беляева отражала славянофильскую идеологию с ее идеализацией крестьянской общины как самобытной особенности Руси, хотя в известной мере она испытывала влияние так называемой «юридической школы». До XVII в., по утверждению И. Д. Беляева, крестьяне якобы сохраняли личные права.

Попрежнему игнорировалась история России как многонационального государства, история входивших в ее состав народов по существу не освещалась. Такие работы, как труд Н. А. Фирсова «Положение инородческого населения Северо-восточной Руси в Московском государстве» (1866) и другие, построенные в буржуазно-либеральном плане и посвященные политике царизма, третировали нерусские народы как «инородцев».

В 70 — 80-х годах XIX в. сложилась концепция одного из крупнейших буржуазных историков — В. О. Ключевского (1841—1911). Являясь учеником С. М. Соловьева, В. О. Ключевский в своих построениях исходил из схемы русского исторического процесса, дававшейся в трудах Соловьева как представителя так называемой «историко-юридической» или «государственной» школы, рассматривавшей государство в формально-юридическом аспекте. Пытаясь дополнить соловьевскую схему истории России

---

[1] *Н. А. Добролюбов.* Соч., т. III, М., 1938, стр. 274—278.

[2] *В. Милютин.* О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862; *А. Горбунов.* Льготные грамоты, жалованные монастырям и церквам в XIII, XIV и XV веках. «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, 1860—1861», кн. 1, СПб., 1860; кн. 5, СПб., 1863; кн. 6, СПб., 1869; *М. И. Горчаков.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода. М., 1871.

[3] *И. Д. Беляев.* Крестьяне на Руси. М., 1860.

[4] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

[5] *В. И. Сергеевич.* Русские юридические древности, т. I—II, СПб., 1900—1902; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права. СПб., 1900 и др.

указаниями на многочисленные факторы исторического развития, Ключевский по существу в центре своего внимания поставил проблему развития великокняжеской власти в XV—XVI вв., хотя выдвигал и вопросы социально-экономической истории России этого времени. Развивая построения С. М. Соловьева, В. О. Ключевский придавал большое значение в историческом процессе природным условиям страны и ее колонизации. Шагом вперед по сравнению с концепцией Соловьева было внимание к экономическому развитию. Однако эклектический подход Ключевского при объяснении исторического процесса, в частности при освещении истории Русского централизованного государства конца XV — XVI в., свидетельствовал о начавшемся кризисе буржуазной исторической науки. Период с половины XV в. до второго десятилетия XVII в. Ключевский рассматривал как время, когда «великорусское племя впервые соединяется в одно политическое целое под властью Московского государя... Это Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая»[1]. Основным фактом в этом периоде он считает «завершение территориального собирания северо-восточной Руси Москвой», которое «превратило Московское княжество в национальное великорусское государство»[2].

Создание национального великорусского государства (его многонационального характера Ключевский не понимал) представлялось Ключевскому, как и Соловьеву, по существу процессом превращения «вотчины» князей в «государство»[3]. В деятельности Ивана III, в его отношении к старшему сыну и внуку, по Ключевскому, проявилась борьба вотчинника и государя, самовластного хозяина и носителя верховной государственной власти[4].

Эта борьба якобы привела к глубоким политическим потрясениям, в результате которых при преемниках Ивана III, к началу XVII в., выявился кризис созданного ими государства[5]. Таков конечный вывод Ключевского по истории Русского государства XV — XVI вв.

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались распространением марксизма в России, появлением трудов Ленина и Сталина, гениальных продолжателей Маркса и Энгельса. Появление и распространение марксизма-ленинизма произвело переворот в исторической науке; в трудах основоположников научного социализма было дано всестороннее, единственно научное освещение основных вопросов истории России. Период империализма в России был временем глубокого кризиса буржуазной исторической науки. Этот кризис, в частности, выражался в якобы новой трактовке реакционных концепций исторического процесса, в возврате, в частности, к обветшалым догмам «историко-юридической» школы, преподно-

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. I, М., 1937, стр. 22—23.
[2] Там же, ч. II, стр. 120.
[3] Там же, стр. 144.
[4] Там же, стр. 136.
[5] Там же, стр. 136—138.

симым в подновленном виде, в уходе от широких обобщений в исследование отдельных малозначительных проблем и т. д.

В трудах Н. П. Павлова-Сильванского (1869—1907) был поставлен вопрос о том, что Россия, подобно другим европейским странам, пережила стадию феодализма[1]. Однако Павлов-Сильванский рассматривал феодализм вообще и феодализм на Руси в конце XV — первой половине XVI в. в формально-юридическом аспекте, прежде всего как раздробление верховной власти, систему вассальной иерархии и господство крупного землевладения[2]. Понятие феодализма, как социально-экономической формации было чуждо Павлову-Сильванскому, а конкретное изучение русского исторического процесса зачастую подменялось им механическим сопоставлением русских феодальных институтов с западноевропейскими. Павлов-Сильванский совершенно искусственно доводил период феодализма только до середины XVI в. «Феодальный порядок,— писал он,— падал у нас с Ивана III», окончательно же пал «политический феодализм» в середине XVI в., когда он был заменен сословной монархией[3]. Противопоставление сословной монархии «феодальному порядку» свидетельствовало о непонимании сущности феодальных отношений этим буржуазным историком.

Для А. Е. Преснякова (1870—1929) история Русского государства XV—XVI вв.[4] — это прежде всего история «собирания власти из состояния ее удельно-вотчинного рассеяния»; социально-экономические, классовые основы процесса создания и развития Русского централизованного государства игнорировались этим буржуазным ученым[5].

С позиций экономического материализма пытался осветить общий ход исторического процесса представитель мелкобуржуазной идеологии Н. А. Рожков (1868—1927). Вульгарно-экономический фактор, механистически понимаемый вне рассмотрения взаимодействия базиса и надстройки, выдвигался Рожковым в качестве ведущего при изучении явлений общественной жизни. Рожков оказался неспособным понять основное содержание исторического процесса как смены социально-экономических формаций, определявшихся развитием производительных сил и производственных отношений. «Н. Рожков...,—отмечает В. И. Ленин,—... *заучил* ряд положений марксизма, но *не понял* их»[6]. Этим, в частности, объясняется то, что вслед за Н. П. Павловым-Сильванским Н. А. Рожков ограничивал период феодализма на Руси серединой XVI в. Русское самодержавное

---

[1] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910; *его же.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в древней Руси, стр. 69—70.

[3] Там же, стр. 124; ср. стр. 37.

[4] *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства. М., 1918; *его же.* Московское царство. Пг., 1918.

[5] *Л. В. Черепнин.* Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. «Исторические записки», кн. 33, стр. 220 и др.

[6] *В. И. Ленин.* Соч., т. 19, стр. 443.

государство Н. А. Рожков выводил, как В. О. Ключевский и другие буржуазные историки, из великокняжеской вотчины XIII — XV вв., разросшейся в результате собирания земель.

Антимарксистской была историческая концепция другого мелкобуржуазного историка—М. Н. Покровского (1863—1932). Покровский признавал существование на Руси конца XV — начала XVI в. феодальных отношений, которые он, однако, рассматривал, вслед за Н. П. Павловым-Сильванским, как систему юридических институтов, а не как способ производства материальных благ[1]. Являясь представителем экономического материализма, не понимая марксистского учения о базисе и надстройке, М. Н. Покровский пытался механически из экономики вывести все явления политической и идеологической жизни общества. Вопрос об активном воздействии надстройки на базис Покровским по существу снимался. Изменения в экономической жизни общества сводились М. Н. Покровским прежде всего к изменениям в области обмена, а не способа производства. Поэтому классовая борьба как движущая сила исторического процесса не находила в концепции Покровского правильного объяснения. Торговый капитал изображался Покровским в качестве двигателя исторического процесса[2]. Рассматривая историю России конца XV — начала XVI в., М. Н. Покровский не видел ничего нового в аппарате власти московского великого князя по сравнению с предшествующим периодом. Как и для В. О. Ключевского, для М. Н. Покровского великий князь этого времени представлялся прежде всего вотчинником, а его система управления «была особой формой хозяйственной деятельности»[3]. Победу «патриархального абсолютизма» он относил к периоду опричнины, объясняя ее, главным образом, деятельностью торгового капитала. В первой половине XVI в. складываются экономические предпосылки опричнины, происходит, согласно порочной теории М. Н. Покровского, «аграрный переворот», сущность которого Покровский толковал как «переход феодального вотчинника к денежному хозяйству»[4].

Взгляды М. Н. Покровского имели хождение среди некоторой части советских историков и тормозили развитие советской исторической науки. В решениях партии и правительства 1934—1936 гг. были вскрыты и разоблачены «антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку» так называемой «школы» Покровского[5].

---

[1] *С. В. Бахрушин.* «Феодальный порядок» в понимании М. Н. Покровского. «Научные труды», т. II, М., 1954, стр. 155.

[2] Подробнее см. *К. В. Базилевич.* «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского. Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, М. — Л., 1939.

[3] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. 1, 1933, стр. 143; ср. стр. 145.

[4] Там же, стр. 166.

[5] Сб. «К изучению истории», М., 1946, стр. 20.

* * *

Подлинно научное изучение истории Русского централизованного государства конца XV — начала XVI в. возможно только в свете марксистско-ленинского учения о возникновении и развитии централизованных государств позднего средневековья. Ключом к решению этой проблемы является марксистское учение о базисе и надстройке.

При изучении надстроечных явлений, в частности истории централизованных государств, классики марксизма-ленинизма обращают внимание прежде всего на социально-экономические условия, их породившие.

Характер развития феодальных отношений в период позднего средневековья в Европе выяснили в своих трудах («Капитал», «Фейербах» и др.) Маркс и Энгельс, которые уделили при этом известное внимание истории России конца XV — первой половины XVI в.[1] Это развитие выражается в росте производительных сил, общественного разделения труда, товарно-денежного обращения и городов.

Сдвиги в социально-экономической жизни не замедлили сказаться и в области политической: складываются и развиваются крупные феодальные централизованные государства. Эти монархии отражали интересы средних и мелких слоев класса феодалов — дворянства. В борьбе верховной власти за централизацию ей оказывали поддержку и города, заинтересованные в том, чтобы был положен конец бессмысленным войнам, являвшимся непременными спутниками феодальной раздробленности. «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов»[2].

Образование крупных феодальных монархий было исторически прогрессивным явлением. «Только страна, объединенная в единое централизованное государство,— указывает И. В. Сталин,— может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости»[3].

Сложение и развитие централизованных государств на востоке Европы, в частности в России, протекало в условиях, несколько отличных от условий, имевших место в Западной Европе. Здесь «капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шёл быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные

---

[1] См., например, «Хронологические выписки К. Маркса».

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 15.

[3] *И. В. Сталин*. Приветствие в день 800-летия Москвы. «Правда», 7 сентября 1947 г.

государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство»[1]. Таким образом, на востоке Европы складываются «в условиях неликвидированного еще феодализма» централизованные смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, причем в России в роли объединителя народностей выступили великороссы, «...имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»[2]. Фактором, ускорявшим образование централизованных государств на востоке Европы, была потребность обороны от татаро-монголов, турок и других народов Востока, что, конечно, нисколько не умаляет основного значения социально-экономических предпосылок экономической необходимости процесса создания централизованных государств востока Европы[3].

Русское централизованное государство «с единым правительством, с единым руководством»[4] было создано к 80-м годам XV в. Ф. Энгельс писал, что «...в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III»[5].

В трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина указан путь к правильному решению основных вопросов экономического развития общества, в частности древней Руси, подчеркнуто значение феодальной собственности на землю как основы феодализма, освещены вопросы развития товарного производства.

* * *

Руководствуясь основными методологическими положениями, имеющимися в трудах классиков марксизма-ленинизма, советские историки уделили значительное внимание важнейшим вопросам истории Русского централизованного государства конца XV — первой половины XVI в.

Руководящие указания партии и правительства по идеологическим вопросам являются для советских историков основой при разработке истории нашей Родины.

Выход в свет ряда сборников актовых материалов по истории феодального землевладения и хозяйства[6], по истории внутренней и внешней по-

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 34; ср. там же, стр. 15.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 304.

[3] См. «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 62; *И. В. Сталин.* Соч., т. 9, стр. 176—178.

[4] *И. В. Сталин.* Приветствие в день 800-летия Москвы. «Правда», 7 сентября 1947 г.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 450.

[6] «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков» (далее — АФЗиХ), ч. 1, М., 1951; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. I, М., 1952.

литики[1], публикации древнерусских летописных сводов[2] обогатили советскую историческую науку новым конкретным материалом по истории нашей страны в XV — XVI вв.

Работами Б. Д. Грекова значительно продвинулось вперед изучение положения непосредственных производителей на Руси XV—XVI вв., и прежде всего истории крестьянства[3]. Автором вскрыты особенности развития форм докапиталистической ренты на востоке Европы в условиях роста товарного производства. Б. Д. Греков показал усиление феодальной эксплуатации крестьян в связи с развитием барщинного хозяйства и его борьбу с крепостническим гнетом.

В трудах советских историков большое место занимает проблема развития феодального землевладения XV—XVI вв., в частности захвата феодалами крестьянских земель[4]. Много материала и ценных наблюдений по истории землевладения XV—XVI вв. содержится в трудах С. Б. Веселовского, трактовавшего, однако, проблемы феодального землевладения на Руси в ряде случаев с позиций буржуазной историографии[5].

Истории городов Русского государства XV—XVI вв. и классовой борьбы посадских людей посвятил свои работы, наполненные большим, свежим материалом, П. П. Смирнов[6]; однако в его работе встречаются отдельные спорные или неправильные выводы[7].

Советскими историками освещаются проблемы внутриполитической борьбы на Руси XV — первой половины XVI в., проблемы внешней политики Русского централизованного государства этого периода и его международной роли[8], а также истории русской культуры и общественно-политической мысли[9]. Вышла в свет «История Москвы»[10].

---

[1] «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (далее — ДДГ). М.— Л., 1950.

[2] «Московский летописный свод конца XV века». «Полное собрание русских летописей» (далее—ПСРЛ), т. XXV, М.—Л., 1949; «Псковские летописи», вып. 1, подготовил к печати А. Н. Насонов, М.— Л., 1941; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» (далее — НПЛ). М.— Л., 1950 и др.

[3] См. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.— Л., 1946; 2-е изд. 1952—1954.

[4] *А. И. Копанев.* Землевладение Белозерского края XV—XVI вв. М.— Л., 1951.

[5] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси XV — XVI вв., ч. 1, М.— Л., 1946, и др. Ср. *И. И. Смирнов.* С позиций буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1948, № 10, стр. 113—124.

[6] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1, М.— Л., 1947.

[7] См. послесловие С. В. Бахрушина к работе П. П. Смирнова, т. II, М.—Л.,1949.

[8] «История дипломатии», т. 1, М., 1941; *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства, 2-я половина XV в. М., 1951; *И. И. Смирнов.* Восточная политика Василия III. «Исторические записки», кн. 27.

[9] *Д. С. Лихачев.* Культура Руси эпохи образования Русского национального государства, 1946; *его же.* Национальное самосознание древней Руси. М.— Л., 1945; *его же.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.— Л., 1947; *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI в. М.— Л., 1947.

[10] «История Москвы», т. I, М., 1952.

2

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН

Собственность феодала на землю и неполная собственность на работника производства, составлявшие основу производственных отношений феодального общества на протяжении истории феодализма на Руси, не меняя своей принципиальной сущности, претерпели значительные изменения.

Ко второй половине XV в. относятся дальнейшие сдвиги в развитии производительных сил и производственных отношений. Они привели к заметным изменениям в феодальном землевладении и в положении непосредственного производителя — крепостного крестьянина.

Образование централизованного государства в конце XV в., ставшего активной силой в укреплении и развитии феодального базиса, явилось в свою очередь фактором, способствовавшим дальнейшему экономическому росту страны.

Создание Русского централизованного государства было связано с объединением в рамках единой государственной территории основных великорусских земель и княжеств.

За время княжений Ивана III и Василия III территория Русского государства возросла более чем в шесть раз и достигла значительных размеров.

Основным исторически сложившимся видом производственной деятельности населения многонационального Русского государства являлось земледелие.

Естественно-географические особенности отдельных районов государства сказывались в некоторых особенностях систем земледелия этих районов.

В центральных областях государства господствующей была давно сложившаяся паровая зерновая система с более или менее правильным трехпольным севооборотом[1]. Однако это не исключало одновременного наличия других систем — перелога, а в лесистых местностях — подсеки.

В северных районах, в условиях значительных лесных пространств, весьма существенное значение имела подсечная система земледелия. Однако и здесь были уезды, где наряду с подсекой имела место паровая система земледелия в форме трехполья и пестрополья. К ним относятся Белоозеро, Каргополь, Заонежская половина Обонежской пятины и Северо-Двинский край[2]. В Вологодской и Кемской землях наряду с подсекой видное

[1] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, М., 1899, стр. 60 и др.

[2] *П. Н. Третьяков.* Подсечное земледелие в Восточной Европе. «Известия Института материальной культуры», т. XIV, вып. 1, 1932, стр. 12.

место в сельском хозяйстве занимала переложная система[1]. На Крайнем Севере (Мурманский берег, по реке Печоре и в Пермском крае) пашни почти не было. Здесь преобладали рыболовство, солеварение, охота и пушной промысел.

Южная степная окраина государства, простиравшаяся до среднего течения р. Сейма, отличалась сосуществованием трехполья, перелога и частично подсеки в лесистых местах. Здесь были значительные размеры «дикого поля» и так называемой «пашни наездом»[2].

Таким образом, несмотря на очевидное преобладание в районах наиболее развитого земледелия, в центре и на северо-западе (Новгород, Псков), паровой трехпольной системы, и несмотря на то, что эта система все более и более распространялась, следует иметь в виду, во-первых, наличие наряду с нею перелога, залежной земли, пашни наездом и местами подсеки и, во-вторых, что едва ли во всех случаях для этого периода можно говорить о правильной трехпольной системе. Более вероятно во многих случаях наличие «пестрополья», двуполья или неурегулированной паровой системы[3].

В условиях феодально-крепостнического строя, при только еще развивающемся трехполье, орудия сельскохозяйственного производства были примитивными и различались в зависимости от системы земледелия.

Сосуществование систем земледелия приводило к сосуществованию различных орудий производства[4]. С подсечным земледелием была связана «суковатка» — примитивное упряжное орудие, разрыхляющее верхний слой почвы. При обработке земли суковаткой ликвидация пропусков (огрехов) требовала проходки до десяти раз, что было сопряжено с большой затратой сил[5]. Из этой суковатки и развилось более совершенное орудие — соха[6]. Сохи были двузубые, с железными лемехами-отвалами (галицами). Не говоря уже о местах преобладания трехполья и пестрополья, соха значительно вытеснила суковатку и в условиях подсеки. В значительной части центральных и юго-восточных уездов наряду с сохой употреблялся деревянный плуг. В зависимости от состава почв, в разных местах вырабатывалось несколько вариантов основного типа двухральной перекладной сохи — «владимирка», «вятка», «костромская косуля» и др. Из числа сельскохозяйственных орудий в источниках упоминаются, кроме того, бороны, косы, серпы, грабли, сошники, как деревянные, так и железные.

---

[1] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 84—86.

[2] Там же, стр. 96—98.

[3] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. 1. М., Госполитиздат, 1950, стр. 236.

[4] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 25 и др.

[5] «Суковатка» — ствол ели с подрубленными и заостренными сучьями. См. *А. К. Супинский.* К истории земледелия на Русском севере. «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 138—139.

[6] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 25.

Наиболее часто сельскохозяйственные орудия упоминаются в многочисленных поземельных актах в обычной формуле определения земельных границ: «куды коса, соха, топор (и плуг) ходили»[1]. Эти несложные орудия производства, как правило, находились в единоличной собственности крестьянина и служили средством обработки крестьянского надела и запашки в имениях феодалов.

Паровая трехпольная система требовала удобрения земли. Сплошь и рядом доставка навоза на поля входила в состав повинностей крестьян[2].

Почти повсеместно основными посевными злаками были озимая рожь и яровой овес. Наряду с ними высевались ячмень (жито), а в небольших количествах пшеница, гречиха, горох. Однако удельный вес того или иного вида злаков в различных местах зависел от естественно-географических условий и господствующего здесь вида земледелия. В ряде северных районов сеялся один ячмень, без ржи и овса. В Ярославском уезде в 40-е годы XVI в. среди злаков преобладал овес. Преобладание яри (овса) над озимью (рожью) характерно для многих мест сельскохозяйственного производства того времени. В ряде уездов рожь и овес производились примерно в равных количествах[3].

Видное место в Новгородско-Псковской земле занимали технические культуры — лен и конопля. Лен встречался и в Пошехонье, Ярославском, Угличском и других уездах, а конопля в очень многих центральных уездах и частично в северных и южных (Поднепровье).

В центральных, северных и западных уездах при усадьбах устраивались хмельники.

Широкое распространение имели овощные огородные культуры — капуста, морковь, свекла, огурцы, лук, чеснок, репа. В Северо-Двинском крае на подсеке репа высевалась в особенно больших количествах и давала высокий урожай, так как присутствие золы в почве благоприятно отражается на урожайности корнеплодов. До появления картофеля репа играла важную роль среди продуктов питания на севере[4]. В ряде районов страны высокосортные дыни, как сообщают современники, выращивались «с особой заботливостью и усердием». Имелись фруктовые сады[5].

Высевалось обычно на десятину 2 четверти ржи, а яри вдвое больше[6]. Половина этого высевалась на ту же площадь при подсеке на лесных участках, что объясняется почти полным отсутствием здесь сорняков[7]. Созревший хлеб жали серпами, вязали в снопы, которые складывали на поле

[1] См., например, АСЭИ, т. I, №№ 488—490, 509, 536, 537, 546, 547, 550, 565, 615, 622, 625, 648, 658 и др.

[2] «Грамоты Коллегии Экономии» (далее — ГКЭ), Волок., № 36/2932.

[3] АСЭИ, т. I, №№ 582, 607, 641, 658.

[4] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 14; *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 118—121.

[5] *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 98—99, 106.

[6] АФЗиХ, ч. 1, стр. 152; ГКЭ, Волок., № 3/2432.

[7] *П. Н. Третьяков.* Указ. соч., стр. 15.

Пахота, сев и жатва. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в

в копны, одонья и скирды[1]. Перед обмолотом снопы просушивались в овинах. В овин закладывалось определенное количество снопов, поэтому он был не только производственным помещением, но и мерой хлеба в снопах[2]. Другой наиболее распространенной мерой хлеба в снопах была сотница (сто снопов). С сотницы намолачивали $1-2^1/_2$ четверти зерна[3].

Вопрос об урожайности в земледелии конца XV—XVI в. изучен очень слабо. Размер урожая зависел прежде всего от качества почвы и системы земледелия, что связано было с качеством обработки земли. Писцовые книги различают четыре сорта земли: земля добрая, средняя, худая и добре-худая. Средняя урожайность хлебов в XVI в. была невысокой и достигала всего лишь сам-3. При подсеке урожай с одного участка собирался обычно 3—4 года, причем наибольший урожай собирали в первый год эксплуатации участка. Урожайность на пожоге вдвое превышала урожайность на перелоге[4].

Сельскохозяйственное производство часто страдало от неурожаев, которые были следствием не только природных (засухи, дожди,

[1] АСЭИ, т. I, №№ 599, 641 и др.

[2] Там же, № 641.

[3] Отдел древних рукописей и актов Института истории Академии Наук СССР (в Ленинграде) (далее — ОДРА), копии грамот С. Б. Веселовского, № 735; четверть зерна в XVI в. обычно весила шесть пудов. *Л. В. Черепнин.* Русская метрология. М., 1944, стр. 66—67.

[4] *С. Струмилин.* К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 51.

Рыбная ловля на севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, изд. 1555 г.

морозы), но и общественных явлений (войны, набеги татар и проч). По летописям известен ряд неурожайных лет за первую половину XVI в.— 1508, 1516, 1525, 1533, 1540, 1542 и др.

Разумеется, летопись отмечала лишь наиболее значительные по размерам последствий неурожайные годы, когда недостаток хлеба охватывал значительные территории. Местные неурожаи в подавляющем большинстве случаев в них не отражались.

Невысокая продуктивность сельского хозяйства была прямым следствием экстенсивного характера земледелия, когда главное внимание обращалось в силу рутинного состояния техники не на улучшение обработки почвы, а на получение урожая за счет расширения посевных площадей. В условиях феодального общества «...угнетение земледельца истощает его поле и делает последнее неплодородным» [1], «...ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой» [2].

Рутинное состояние техники было одним из условий крепостнической системы хозяйства. Этими же обстоятельствами следует объяснить и низкий уровень животноводства. Так как хозяйственную основу феодальной вотчины составляло мелкое крестьянское хозяйство, то и основу животноводства в крепостническом хозяйстве составляло животноводство крестьянское, а «Мелкая земельная собственность, по самой своей природе, исключает... скотоводство в крупных размерах...» [3] Поэтому в конце XV—XVI в. крупные феодальные хозяйства в сколько-нибудь значительных размерах

[1] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. I, М., 1924, стр. 276.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.
[3] *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 820.

Охота на пушного зверя на севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, изд. 1555 г.

скот не разводили. В связи с природно-хозяйственной спецификацией отдельных частей государства уже в XVI в. можно наблюдать различную степень развития животноводства по районам. Более заметную роль в хозяйстве скотоводство играло на севере и в южных степных пространствах.

Наиболее распространенной тягловой силой в земледелии была лошадь, в отдельных местах использовалась дополнительно сила волов. Лошади лучших пород приводились в Русское государство из Ногайских степей. В хозяйстве имелись коровы, овцы, козы и свиньи. В условиях трехпольного севооборота скот приобретал большее значение, как источник удобрения[1].

Видное место в хозяйстве занимали промыслы — рыболовство, бортничество, смолокурение и охота. Удельный вес этих промыслов в различных областях был далеко не одинаков. Рыболовство и бортничество поставляли главным образом продукты питания, но при этом рыба и продукты ее переработки составляли одну из виднейших статей питания, тогда как мед такой роли не играл. Бортничество было распространено главным образом в двинских, вологодских, вятских, пермских, нижегородских и костромских местах, богатых лесом. Рыболовство, частично охота были важнейшими промысловыми статьями северных районов, в особенности Поморья. В центральной же полосе по отношению к основной деятельности населения — земледелию — они играли вспомогательную роль.

Таковы основные моменты, характеризующие развитие производительных сил в феодальной деревне конца XV — первой половины XVI в.

---

[1] Перечисление разновидностей скота содержится в многочисленном актовом материале. См., например, АСЭИ, т. I, №№ 607, 607а, 612, 616, 641, 658 и др

* * *

Полная собственность феодала на средства производства (земля, воды и леса) в условиях феодального общества составляет основу производственных отношений. В изучаемый период существовало несколько видов феодального землевладения: вотчинное, поместное, монастырское, церковное, черное и дворцовое. Черное землевладение отличалось от всех других видов земельной собственности тем, что земля здесь принадлежала не частным лицам — феодалам и корпорациям (монастырям) как феодальным владельцам, а феодальному государству в лице великого князя—государя. На различных этапах развития феодального общества соотношение и роль этих разновидностей землевладения были различными.

Для периода сложения и укрепления централизованного государства характерно возникновение и интенсивное развитие поместной системы землевладения, которая характеризуется расщепленной формой собственности. Верховным владельцем и полным собственником поместной земли был государь; ее фактическим обладателем, но не собственником, служилый дворянин — помещик, обязанный нести службу государю, преимущественно военную. Следовательно, поместье было условной формой земельного владения, носившей ярко выраженный сословный характер.

Условное землевладение исторически существовало еще в период феодальной раздробленности[1], но поместное землевладение как система складывалось только в конце XV в. В условиях господства натурального хозяйства средством обеспечения служилого дворянства могла быть прежде всего земля, населенная крестьянами. Поэтому правительства Ивана III и Василия III, активно расширявшие и укреплявшие поместное землевладение, встали перед необходимостью изыскания земель, пригодных к раздаче служилым дворянам. В центральных уездах, входивших в состав Московского великого княжества, после ликвидации татарского ига пошли в поместную раздачу земли, принадлежавшие ранее так называемым ордынцам, числякам и делюям, обязанным принимать и содержать ханских послов и баскаков[2].

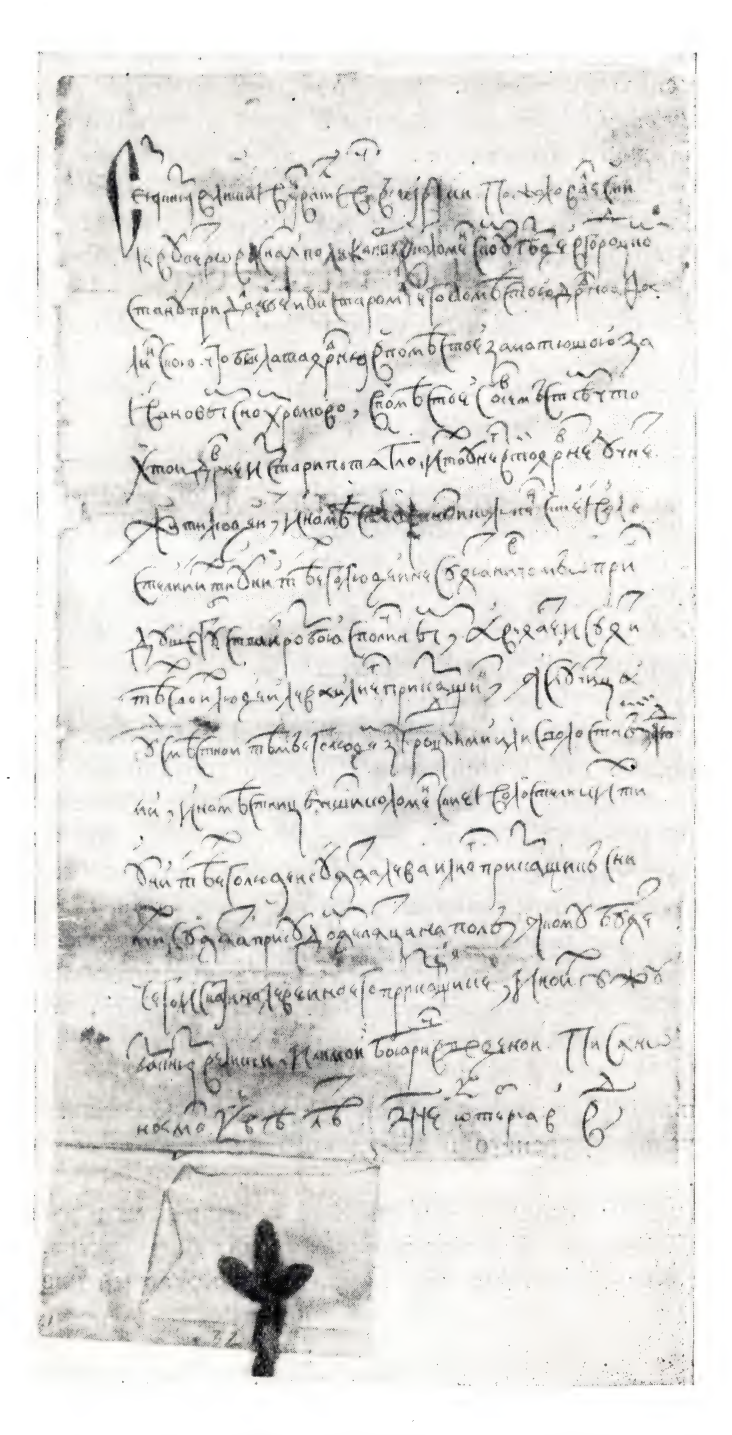
Наиболее мощный массив поместных земель образовался в результате присоединения Новгородского и Псковского краев. До московского «взятья» в новгородских землях господствовало крупное боярское землевладение. Частновладельческие земли составляли там 66,5%; половина из них принадлежала 68 крупным владельцам[3]. В борьбе с новгородским

---

[1] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 66 и др.; *М. Н. Тихомиров.* Условное феодальное держание на Руси XII в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952, стр. 100—104.

[2] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси в XV—XVI вв. М.— Л., 1947, стр. 283—284.

[3] *А. М. Гневушев.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве, т. I, ч. 1, Киев, 1915, стр. 157 и др.

Жалованная грамота Ивана IV помещику Льву Поликарпову на деревню в Коломенском уезде, 1546 г.

Государственный Исторический музей

боярством Иван III на протяжении 1478—1500 гг. неоднократно производил конфискацию их вотчин. Частично были отобраны земли у новгородского архиепископа и монастырей[1]. Всего в результате ликвидации крупного и среднего вотчинного землевладения новгородского боярства и церкви на великого князя был «отписан» земельный массив, достигавший миллиона десятин и использованный для поместной раздачи[2].

Всего на Новгородской земле в конце XV в. было испомещено 2000 человек дворян[3].

К исходу первой половины XVI в. в Вотской, Шелонской, Бежецкой и Деревской пятинах Новгорода определилось уже господствующее положение поместного землевладения[4]. В Обонежской пятине преобладали черные и дворцовые земли.

Претерпели значительные изменения виды феодального землевладения и в других частях Русского государства. В Псковском уезде широкое распространение получило монастырское и поместное землевладение. На севере — в Поморье и Двинском крае — было развито землевладение черносошное. Поместных земель здесь не было вовсе, зато в этих местах возникали и росли монастырские вотчины — Михайло-Архангельского, Никольско-Карельского и других монастырей.

В Вологодском уезде наряду с обширными пространствами черных земель было сильно развито монастырское землевладение. Были здесь и поместные земли[5]. Так, в этой части Русского государства существовало поместное, монастырское и великокняжеское черное землевладение.

На Белоозере в XV—XVI вв. черные волости все еще занимали западную и северную части области, хотя в результате захвата монастырями и частично светскими вотчинниками размеры черных земель уменьшались. Восточные и южные районы края были районами преимущественно монастырского землевладения. Имелись здесь и вотчинные княжеские и боярские земли. В XV — первой половине XVI в. часть их переходит в руки монастырей, а во второй половине столетия некоторые из них исчезают вовсе[6].

Значительный фонд земли перешел в руки московского великого князя после включения Тверского и Рязанского княжеств в состав Русского государства.

Поместье уже к исходу половины XVI в. было самым распространенным видом землевладения в центральных уездах государства. Однако по размерам площадей ему пока еще не уступали монастырские владения и

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 215—216, 220 и 249.

[2] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 286—287; ПСРЛ, т. XII, стр. 220.

[3] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 290.

[4] *В. Ф. Загорский.* История землевладения Шелонской пятины в конце XV и XVI веках. «Журнал Министерства юстиции», 1909, № 8, стр. 271, 280.

[5] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 410.

[6] *А И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 169, 177, 186.

земли вотчинников, с течением времени заметно сокращавшиеся. Например, по писцовой книге 1548 года в Тверском уезде поместные и служние земли составляли 33%, вотчинные — 36%, монастырские и владычные — 27%[1]. Черные земли во многих уездах центра исчезли уже в первой половине века или незначительно пережили середину столетия[2].

Эти изменения в соотношении форм феодальной земельной собственности явились следствием социально-экономического процесса; в непосредственной связи с этими изменениями находилась перегруппировка сил внутри класса феодалов в Русском государстве конца XV — первой половины XVI в.[3]

Реальный размер поместья, т. е. поместная дача, уже в первой половине XVI в. в значительном количестве случаев был меньше определявшегося правительством поместного оклада. В дальнейшем, когда земельные фонды, предназначенные для испомещения, стали заметно убывать, а источники их пополнения сокращаться, несоответствие между дачами и окладами все более углублялось.

В конце XV в. в Новгородской земле поместные дачи колебались обычно от 200 до 600 четвертей (100—300 десятин), в зависимости от служебного положения помещика. В Шелонской пятине размеры большинства поместий равнялись 200—400 четвертям земли[4]. В Тверском уезде по писцовой книге 1539—1540 гг. средний размер пашенной земли поместья по 13 волостям составлял 550 четвертей. Однако колебания размеров поместий были значительны — иногда одно превышало другое в три и более раза[5]. Различно было в поместьях количество деревень и дворов крепостных крестьян. Количество деревень колебалось от одной до нескольких десятков; наиболее часто встречались поместья в составе от 2 до 10 деревень. Соответственно и количество крепостных крестьян было различным, однако наиболее распространены были поместья в 10—30 дворов. Помимо деревень и в отдельных случаях сел, поместье нередко имело починки и всегда угодья — лес и луга для сенокоса[6].

Развитие поместного землевладения было обусловлено прежде всего тем, что поместная форма землевладения в новых исторических условиях обеспечивала дальнейшее укрепление феодальной собственности на землю как основы феодализма.

В первой половине XVI в., когда поместное землевладение только складывалось и развивалось, в руках княжат, бояр и церкви находились

---

[1] Составлено по *И. И. Лаппо.* Тверской уезд в XVI в. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (далее — «Чтения ОИДР»), 1894, кн. IV, стр. 130—131.

[2] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 429.

[3] См. об этом гл. I, § 8а настоящего издания.

[4] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 288; *В. Ф. Загорский.* Указ. соч., стр. 275. Земля в Новгороде измерялась обжами. Нами сделан перевод в четверти и десятины из расчета: 1 обжа = 10 четвертям.

[5] Составлено по *И. И. Лаппо.* Указ. соч., стр. 103, 106—129.

[6] АФЗиХ, ч. 1, стр. 43—45.

огромные населенные и освоенные пространства; к XV в., например, они составляли $^2/_3$ всей удобной для хозяйства земли[1].

В XV в. и на протяжении почти всего XVI в. продолжал происходить интенсивный рост монастырского землевладения. Средством его расширения были: захват общинных земель с помощью пожалований, заимка неиспользованной земли, купля, мена земельных участков, наконец, широко практиковавшиеся вклады в монастыри «на помин души». Монастыри прибегали в больших размерах к ростовщическим операциям. Под заклад вотчин они ссужали разоряющихся бояр деньгами, возврат которых сплошь и рядом для должника был непосилен. Поэтому заложенная земля обычно оставалась за монастырем. Ярким примером может служить история монастырских вотчин на Белоозере в XV—XVI вв. Крупнейшая из них вотчина Кириллова монастыря путем мены, купли, вкладов и захватов с санкции правительства поглотила почти все княжеские, боярские земли и значительную часть черных земель края[2].

На севере государства, например в Двинском крае, почти при полном отсутствии поместного и вотчинного землевладения, монастырское хозяйство росло путем наступления на черные общинные земли. Захваты общинных земель правительство поощряло и земли закрепляло за монастырями[3].

Государевы пожалования черных земель монастырям в вотчины имели место и в других частях государства[4]. Используя свою экономическую и политическую мощь, монастыри и митрополиты могли самочинно захватывать черные земли. Можно догадываться, что случалось это не редко, имея в виду многочисленные спорные дела о земле[5]. В большинстве случаев феодальный суд «оправлял» монастыри и митрополита, а крестьян «обвинял», санкционируя и узаконяя захват общинной земли. Только в немногих случаях — там, где этот захват земли был слишком явен и не мог быть прикрыт ни жалованной грамотой, ни давностью срока, вопрос решался в пользу крестьян[6].

Жизнеспособные и стойкие монастырские и церковные хозяйства сумели в короткий срок приспособиться к новым условиям экономического развития. Главнейшим признаком такой перестройки было появление и дальнейшее развитие в монастырских и митрополичьих вотчинах собственной барской запашки.

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 2, М., 1954, стр. 64.

[2] *А. И. Копанев.* Указ. соч., гл. IV.

[3] *Г. Н. Образцов.* Крестьяне вотчины Антониева-Сийского монастыря в XVI—XVII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1951, стр. 6—8.

[4] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых, как исторический источник. М., 1871, стр. 416.

[5] См. *Н. П. Лихачев.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, ч. 2, СПб., 1895, стр. 124—128; «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 32, стб. 127; АФЗиХ, ч. 1, №№ 253, 258, 261 и др.

[6] РИБ, т. 32, стб. 62—69; *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 144—172.

С историей монастырского, церковного и боярского землевладения тесно связан вопрос об иммунитете, т. е. о праве феодалов на суд и управление в отношении населения своих владений. Материальной основой иммунитета была феодальная земельная собственность[1]. В истории феодального иммунитета конца XV — первой половины XVI в. получил отражение процесс экономического и политического возвышения дворянства. На это время падает значительное количество жалованных тарханных грамот, выданных служилым людям—помещикам[2]. Великокняжеская власть путем выдачи жалованных грамот, подтверждавших определенный круг судебных и финансовых прав феодала, вставала на путь ограничения иммунитета. Обычно жалованные тарханно-несудимые грамоты узаконяли право вотчинного суда «опричь душегубства и разбоя с поличным», освобождение от дани, государева городового дела, яма, постоя, дачи кормов князьям, боярам, запрещение посторонним людям проезда через вотчину и т. д.

Феодалам часто выдавались и торговые льготы, обычно в форме регламентации размеров беспошлинной продажи, купли и провоза какого-либо товара.

Внеэкономическое принуждение крестьян обеспечивалось в феодальных вотчинах также разветвленным аппаратом управления. Среди управителей крупной митрополичьей волости Караш Ростовского уезда в актах упоминаются наместник во Владимире, тиуны, дворецкий, казначей, введенный дьяк, десятинники, посельский. У митрополита имелся большой круг своих бояр и служилых детей боярских. В системе митрополичьего землевладения и в крупных монастырских вотчинах практиковалась раздача земель боярам и детям боярским в условное пожизненное владение, сопровождавшееся наделением их иммунитетными привилегиями[3]. Дробление власти в пределах отдельных крупнейших вотчин отвечало иерархической структуре феодального общества периода раздробленности. В период сложившегося централизованного государства подобный порядок был уже пережитком.

Недостаток земель, пригодных для испомещения служилых людей,— особенно в центральных уездах,— заставил правительство обратить внимание на огромные пространства монастырских и церковных вотчин и сделать в 1503 г. попытку их секуляризации. Однако вследствие сопротивления части духовенства этот правительственный план не был осуществлен. Пришлось ограничиться изъятием земель у новгородского владыки, пермского епископа и других церковных феодалов. Несколько позже уложением Василия III было запрещено жителям отдельных городов и уездов и потомкам суздальских, ярославских и стародубских

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 339.

[2] *И. И. Смирнов.* Судебник 1550 года. «Исторические записки», кн. 24, стр. 296—301.

[3] АСЭИ, т. I, стр. 56. Ср. также стр. 50—52, 65—66, 113—114, 189 и др.; *С. Шумаков.* Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 3, М., 1912, стр. 29.

князей продавать и давать «по душе» вотчины в монастыри без доклада и без ведома великого князя[1].

Если крупное церковно-монастырское землевладение представляло могущественную силу феодального общества первой половины XVI в., то в ином положении оказалось землевладение удельно-княжеской и боярской аристократии. К новым экономическим условиям монастыри приспосабливались лучше, чем бояре и князья. Отсталое по своей организации боярское хозяйство уже не было в состоянии полностью удовлетворить возросшие потребности феодала[2].

Не следует забывать, что в стране в целом еще господствовало натуральное хозяйство. Феодальное хозяйство было потребительским, основной своей задачей имело удовлетворение внутренних потребностей княжеского, боярского и монастырского обихода. В княжеских дворах, например, скоплялось громадное количество продуктов сельского хозяйства, промыслов и вотчинного ремесла: кади ржи и овса, пуды сливочного масла и меда, бочки рыбы соленой и свежей, ведра слив и яблок, меха, шубы, тулупы, холсты. В барских дворах по отдельным селам собиралось огромное количество «оброчного жита» или «хлеба посопного», который ссыпался в житницы. В княжеских хозяйствах, под ведением дворецкого или специальных приказчиков, хранились большие запасы ржи, овса, пшена, муки ржаной (простой и ситной), муки овсяной и пшеничной, муки толченой и крупичатой, круп овсяных и гречневых, солода ржаного и ячного, отрубей, толокна, молочных и иных продуктов. Эти запасы поглощались княжеской кухней и истреблялись княжеской дворней. Обиход феодала обслуживали также бортные угодья, бобровые гоны, рыбные промыслы, на которых работали специалисты — бортники, бобровники, рыболовы. Потребности феодалов удовлетворяли также вотчинные и зависимые деревенские ремесленники.

Вместе с тем товарно-денежные отношения в разных формах все более проникали в феодальное хозяйство, не меняя его сущности.

Потребность в денежных средствах представителей старой княжеско-боярской аристократии, не приспособившейся к развивающимся в недрах феодальной формации товарно-денежным отношениям, приводила к росту их задолженности и разорению. Например, белозерско-верейский князь Михаил Андреевич задолжал 267 рублей, из них одному Кириллову монастырю — 216 рублей. Князь Иван Борисович волоцкий был должен 640 рублей. Кредиторами его были преимущественно монастыри. Долги брата Ивана III Юрия достигли колоссальной суммы—31 500 рублей. Протопоп Благовещенского собора в Москве Василий называет в духовной своими должниками десять княжеских имен. Многие из князей-должников в течение долгого времени не могли заплатить даже проценты по взятым в долг суммам.

---

[1] «Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографическою экспедициею Академии Наук» (далее — ААЭ), т. I, № 227, стр. 219.

[2] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 54.

Князья и бояре, не будучи в состоянии повысить товарность своего хозяйства, предпочитали продавать, закладывать и перезакладывать свои вотчины. В известной мере за счет боярских вотчин выросли владения Троице-Сергиева монастыря [1].

Кириллов монастырь в течение XVI в. поглотил почти все княжеские и боярские земли Белоозера. Владения князей Кемских, Ухтомских, Каргопольских, бояр Монастыревых и ряда других вотчинников различными путями переходили в его владение [2]. Оскудение и сокращение княжеского и боярского землевладения обусловливало и ограничение политической роли бояр и князей.

Другой стороной роста поместного и монастырского землевладения было прогрессирующее уменьшение черных общинных земель.

В первой половине XVI в. постепенно исчезали некоторые пережиточные формы феодального землевладения. Условное землевладение княжеских и боярских слуг было предшественником поместного. До середины XVI в. оно еще существовало, правда в незначительных размерах. Постепенно исчезало и землевладение новгородских своеземцев, частично сливаясь с поместным. Разорившиеся своеземцы попадали также в положение феодально-зависимых людей [3].

* * *

Основную производительную силу всех феодальных хозяйств составляли зависимые крестьяне, прикрепленные к земле и сидевшие на своих наделах.

В условиях крепостнической системы «...«надел» крестьянина служил... средством обеспечения помещика рабочими руками» [4]. Изучая сущность экономических отношений феодального общества, В. И. Ленин определяет земельный надел крестьянина как своеобразную форму оплаты его труда. Наделение непосредственного производителя землей, а также иногда инвентарем и скотом является непременным условием крепостнического хозяйства [5]. Только в том случае, если обрабатываемая земля находится в руках непосредственного производителя, возможно получение феодальной ренты. При этом, как говорит К. Маркс, «...отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [6].

---

[1] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 59.
[2] *А. И. Копанев.* Указ. соч., гл. V.
[3] Подробнее см. гл. 2, § 2 настоящего издания.
[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 158.
[5] Там же, т. 15, стр. 66.
[6] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 803.

Таким образом, крестьянское хозяйство составляло экономическую ячейку хозяйства феодала. Имеется немного данных относительно размера крестьянской запашки. В Тверском уезде в 1539—1540 гг. на один крестьянский двор приходилось в черных деревнях 8,2 четверти пашни, на служилых землях — 8,4 ч.; в одной из вотчин Дмитровского уезда в 40-е гг.— 10 ч.; в Вотской пятине в 1500 г. на поместных землях —7,17 ч., на черных—7,72 ч.; в Бежецкой пятине в 1544—1545 гг.—4,7 ч.; в Торопецком уезде на поместной земле — 5,5 ч.; в Деревской пятине в конце XV в. в черносошных волостях—4,7 ч. и т.д. [1] В тех же размерах колеблется крестьянский надел в Обонежской пятине — от 4 до 9,5 четвертей в трех полях на крестьянский двор [2]. Отсюда видно, что крестьянский надел в первой половине XVI в. отличался некоторой устойчивостью независимо от места расположения и категорий феодальных хозяйств.

Однако уже в первой четверти XVI в. в отдельных местах намечается тенденция к некоторому сокращению крестьянской запашки. Это наблюдается, например, в ряде дворцовых волостей Шелонской пятины [3].

Помимо пашни в трех полях в состав крестьянского надела входили сенокосные угодья [4].

Обычно крестьянский двор состоял из одного взрослого работника мужского пола и его семьи, реже — из двух работников.

По данным письма Шелонской пятины 1498—1501 гг., насчитывалось 55% крестьянских дворов с одним работником и 35% — с двумя [5]. В Обонежской пятине отмечалось значительное количество дворов, населенных 2—3 крестьянскими семьями [6].

Основным типом поселений крестьян была деревня, обычно состоявшая из одного-четырех дворов. Деревни, как тогда говорили, «тянули» к селу или сельцу, где находился двор феодала, а на черной земле — волостной центр. Например, у князя А. Нащокина по сотной выписи из книг 1543—1544 гг. значилось в имении одно сельцо, 27 деревень, 2 пустые деревни и 2 починка. В них указаны следующие дворы: один двор князя, один двор попа, 8 дворов служних, 39 дворов крестьянских, 2 двора пустых [7].

Вся масса феодально-зависимых крестьян Русского государства по правовому положению делилась на три группы: черносошных, дворцовых и частновладельческих. Первые состояли в феодальной зависимости от государства, вторые являлись зависимым населением княжеского хозяйства,

[1] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 146, 152, 196 и 197.

[2] *И. Л. Перельман.* Новгородская деревня в XV—XVI вв. «Исторические записки», кн. 26, стр. 152.

[3] *В. Ф. Загорский.* Указ. соч., стр. 333—334.

[4] *Д. Я. Самоквасов.* Архивный материал, т. I, М., 1905, стр. 77.

[5] *А. А. Кауфман.* Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Пг., 1915, стр. 23.

[6] *И. Л. Перельман.* Указ. соч., стр. 147—148.

[7] *С. Шумаков.* Обзор грамот Коллегии экономии, вып. 2, М., 1900, стр. 118.

третьи были крепостными бояр, помещиков, монастырей, митрополии и т. д.

С историей черносошного землевладения тесно связан вопрос о крестьянской общине. Марксистско-ленинская историческая наука дала принципиальное решение этого вопроса. Крестьянская община исторически ведет свое происхождение от сельской территориальной общины, возникшей в результате разложения первобытно-общинного строя. Однако с течением времени она претерпела значительные изменения. Формы крестьянского землевладения представляли компромисс между общинным и частным землевладением. В частной собственности находились усадьба, дом, полосы земли в различных «концах» поля, в общинной собственности — выгон [1].

В конце XV — первой половине XVI в. черносошные крестьяне могли продавать, закладывать и менять пашенные участки и частично сенокосные угодья. В общем владении волости были леса, луга, выгоны, охотничьи и рыболовные угодья.

Общиной управляли выборные мирские власти — старосты, сотские и т. п. Под их наблюдением состояли и земли, находившиеся в частном владении черных крестьян. Волостной мир пытался, зачастую безуспешно, охранять общинные земли от посягательств феодалов — монастырей, бояр и т. д. Известны, например, многочисленные тяжбы волостного крестьянского мира с Кирилло Белозерским монастырем, наступавшим на общинные крестьянские земли.

Вместе с тем уже в изучаемый период заметно определилась тенденция к превращению мирских организаций в административно-фискальные органы правительства, используемые в интересах феодального государства для сбора податей и подавления классовой борьбы крестьянства. Государевы подати и повинности налагались на общину — волость в результате правительственной разверстки, а органы мирского управления производили раскладку (разруб) внутри общины между ее членами по «животам и промыслам» [2].

Кроме того, существовали сборы на нужды самой сельской общины. Выплата этих податей черными крестьянами строилась на принципе круговой поруки. В случае бегства или выбытия крестьянина из общины по какой-либо причине (заклад за монастырь, подряд в половники и т. д.) доля его податей и повинностей разверстывалась между остальными членами общины. Поэтому органы мирского управления были заинтересованы не только в сохранности земельного фонда общины, но и личного состава ее тяглецов. Заинтересованность в последнем проявляло и государство.

В условиях развития товарно-денежных отношений росло имущественное неравенство среди черносошных крестьян. Разверстка сбора «по животам» в 1549 г. в Куростровской волости показала, что «животы» одного

[1] См. «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 31.

[2] Подробнее о податях, платившихся черносошными крестьянами, см. гл. 1, § 8д настоящего издания.

богатея местной общины были оценены почти в такую же сумму, как и имущество 40 волостных малоимущих крестьян. В той же общине семь зажиточных крестьян, составлявших 3,7 % от общего числа плательщиков волости, уплатили больше, чем восемьдесят шесть других крестьян, составлявших 46,6% числа волостных дворов[1]. Большие колебания размеров крестьянской запашки известны и по ряду погостов Обонежской пятины в конце XV в.[2] Так постепенно разрушалась черная крестьянская волость, теснимая извне наступавшими на нее феодалами и подтачиваемая изнутри растущим имущественным неравенством.

К концу XV в. крестьянское население, феодально-зависимое от князей, бояр и других феодалов, распадалось на крестьян-старожильцев, новопорядчиков, бобылей, половников.

Старожильцы представляли собою основную массу зависимого тяглого населения частновладельческих или черных земель, обязанную повинностями в пользу феодалов и государства[3]. Для подавляющей их части характерно то, что они сидели на земле своих дедов, прадедов и прапрадедов. Однако источники выделяют, кроме старожильцев, давно живущих в данной вотчине, также: а) крестьян, порядившихся в старожильцы на определенных условиях, б) ставших старожильцами после истечения льготных лет в качестве новопорядчиков.

Правовое положение старожильцев с течением времени менялось. В конце XV — первой половине XVI в. это были зависимые земледельцы, юридически еще пользовавшиеся правом перехода. Однако Судебник 1497 г. ввел в общегосударственном масштабе ограничение крестьянского перехода, сформулировав это положение в специальной 57-й статье «О христьянском отказе»: «А христианам отказыватися из волости (в волость), из села в село один срок в году, за неделю до Юрьева дня весеннего и неделя после Юрьева дня осеннего. Дворы пожилые платят в полех за двор рубль, а в лесех полтина». Таким образом, помимо ограничения срока выхода крестьян двумя неделями в году, Судебник непременным условием выхода ставил уплату крестьянином феодалу «пожилого» в сумме рубль «в полех» и полтину в «лесех», что затрудняло переход к другому владельцу.

Поскольку в конце XV — начале XVI в. еще происходил рост помещичьего землевладения, ограниченная возможность перехода крестьян в то время еще отвечала интересам помещиков. Вместе с тем среди основных групп господствующего класса (бояр, монастырей, помещиков) развертывалась борьба за рабочие руки.

В условиях роста внутреннего рынка появлялось все большее количество обедневших людей из крестьянской среды, порвавших с общиной,

---

[1] *А. И. Копанев.* Куростровская волость во второй половине XVI в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей, стр. 151—152.

[2] *И. Л. Перельман.* Указ. соч., стр. 153.

[3] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 89, 95.

лишившихся средств производства и ищущих возможности на тех или иных условиях вернуться в крестьянское состояние. Из их числа и выходили новопорядчики. Крестьянин-новопорядчик поряжался к феодалу на определенных условиях, получал от него податную льготу. Право перехода крестьян-новопорядчиков, как и старожильцев, было ограничено Судебником 1497 г. Новопорядчики выплачивали пожилое господину в зависимости от срока, прожитого в его владении. Состояние новопорядчика было временным. По истечении льготных лет новопорядчик обычно становился старожильцем, т. е. растворялся в основной массе крестьян вотчины или поместья[1].

Рост внутреннего рынка во второй половине XV — первой половине XVI в. определил возникновение бобыльства. Бобыль — это обычно обедневший человек, не способный нести государево тягло и платящий более легкий бобыльский оброк. Первое упоминание о бобылях имеется в Псковской летописи под 1500 г., где идет речь о составе псковского войска, в котором бобыли, как бедные люди, составляли пешую часть[2]. По своей природе бобыль близок к крестьянину — их роднит причастность к земледелию. Источники называют, однако, наряду с пашенными бобылями бобылей беспашенных. Несомненно, даже среди деревенских бобылей были такие, которые земледелием не занимались и род занятий которых составляли ремесло и даже торговля, но в значительном числе случаев бобыли назывались официально «беспашенными» потому, что не обрабатывали тяглой земли и не несли государева тягла. Поэтому землевладельцы имели некоторую заинтересованность в развитии бобыльства. Бобыли все же пахали либо оброчные земли, либо собственную пашню землевладельца. В силу причастности некоторой части бобылей к ремеслу и торговле имущественное положение бобылей было различным.

В тех местах, особенно в северных уездах, где происходил процесс освоения феодалами черной общинной земли, значительное распространение имело половничество. Оно было явлением старым, но получило наиболее заметное развитие со второй половины XV в.

Половник — обычно обедневший крестьянин-общинник либо вольный человек, лишенный средств производства. Условиями его перехода в зависимое от землевладельца состояние были ссуда от феодала на обзаведение хозяйством с условием ее погашения и обязательство отдавать феодалу половину урожая. Часть половников в XVI в. превращается в старожильцев, другая продолжает оставаться на положении временно зависимых людей.

В XV—XVI вв. наблюдалось дальнейшее сокращение применения рабского труда. В это время происходил массовый отпуск холопов на волю. Их труд в новых условиях был менее производительным, а потому невыгодным. Практиковался и перевод части барской челяди на пашню. Пашенных холопов источники называют страдными людьми. Помимо

---

[1] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 163—185.

[2] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 84.

отпуска холопов на волю, были и другие пути изживания рабского труда. Согласно «Русской правде» человек становился холопом по тиунству и «по ключу» (т. е. в результате административно-хозяйственной службы во дворе феодала). Судебник 1497 г. ввел ограничение в это правило, установив, что поступление в городские ключники не влечет за собой холопства. По «ключу сельскому» Судебник предусматривает переход в холопство. Но в «книге ключей» Волоколамского монастыря за 1547—1559 гг. записаны не холопы, а вольные слуги и ремесленники. Следовательно, фактически с сельским «ключем», по крайней мере в середине XVI в., не обязательно было связано холопское состояние.

На смену полным холопам (рабам) с конца XV в. пришли кабальные люди. Развитие товарно-денежных отношений привело к появлению обедневших людей, лишившихся средств существования. В форме кабального холопства феодально-крепостническая зависимость распространялась и на те слои свободного населения, которые оказывались неспособными в новых хозяйственных условиях сохранить собственное хозяйство и были вынуждены идти в кабалу, беря денежную ссуду и давая обязательство вместо процентов работать на господина — кредитора[1].

Кабальная зависимость оформлялась «служилой кабалой». Если первое упоминание слова «кабальный» встречается в духовной князя Андрея Васильевича 1481 г.[2], то наиболее ранняя дошедшая до нас служилая кабала относится к 1510 г.[3]

Юридически кабальный человек, взяв на себя обязательство работать на феодала в течение определенного договором срока, имел право в любое время уйти от хозяина, вернув ему долг. Однако почти полная невозможность выплаты долга делала кабального человека зависимым до конца жизни, что и служило основанием рассматривать его как холопа.

В монастырских хозяйствах в связи с ростом собственной запашки монастырей к середине XVI в. заметную роль стала играть особая категория феодально-зависимых людей — «монастырские детеныши», использовавшиеся преимущественно на монастырской пашне[4].

Итак, эксплуатация различных категорий феодально-зависимого населения шла по пути переплетения внеэкономического принуждения, служившего средством получения феодальной ренты, с экономической зависимостью. Внеэкономическое принуждение укрепляло экономическую власть помещиков-крепостников.

Классики марксизма-ленинизма связывают внеэкономическое принуждение с хозяйственной самостоятельностью крестьянина, с наличием в его руках земельного надела и орудий производства. «При таких условиях

---

[1] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 334

[2] ДДГ, № 74, стр. 277.

[3] *А. И. Юшков.* Акты XIII—XVII вв., представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. «Чтения ОИДР», 1898, кн. II, стр. 66, № 78.

[4] См. гл. 2 § 2 настоящего издания.

прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них (крестьян.— *Ред.*) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее»[1]. Формы же внеэкономического принуждения были весьма различными — от крепостного состояния до сословной неполноправности[2].

Крестьянское крепостное население вотчин и поместий несло двойные подати и повинности — государственные и владельческие. Государственное тягло имело тот же состав, что и на черносошных землях[3]. В отличие от черных крестьян, поместные и вотчинные крестьяне платили его в несколько меньшем размере, но на их плечах лежало тягло владельческое.

В конце XV — первой половине XVI в. господствующей формой ренты была рента продуктами, но наряду с ней стала развиваться в связи с ростом товарно-денежных отношений и внутреннего рынка отработочная рента и рента денежная, удельный вес которой с течением времени все более и более увеличивался. На новгородских землях с изменением форм землевладения изменялись и формы тягла. Специальным распоряжением Ивана III «старые доходы» в Новгороде были отменены, а вместо них был установлен оброк деньгами и хлебом с возможной заменой последнего деньгами[4]. В волости Белой Бежецкой пятины, в то время, когда она принадлежала новгородскому архиепископу, «старого дохода» полагалось деньгами 4 гривны и 4 деньги с сохи, натурой 7 коробей ржи, 2 коробьи муки ржаной, 2 коробьи пшеницы, четверть конопляного семени и яловица; кроме того, взимались доходы в пользу слуг архиепископа. При отписке этой волости в ведение государева дворца был установлен оброк со всей земли в размере 87,5 рубля[5]. Кроме оброка, в дворцовых волостях существовал сбор мелкого дохода натурой и корма дворецкому. Натуральные поборы были здесь разнообразнее (и хлеб, и скот), а подати в целом выше, чем в черных волостях.

Развитие товарно-денежных отношений в стране порождало новые потребности и побуждало помещиков к переводу части натурального оброка на денежный, хотя основным видом повинностей оставался натуральный оброк.

В вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря со значительного количества сел и деревень оброк собирался натурой[6]. С части сел и деревень той же вотчины оброк брался в смешанной форме (деньгами и натурой), а с небольшого количества деревень только деньгами[7]. Таким образом, взимались смешанные поборы, но с преобладанием оброка натурой.

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 803; ср. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 158—159.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.

[3] См. ниже, гл. 1, § 8д настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 17.

[5] *Д. Я. Самоквасов.* Указ. соч., т. I, отд. I, стр. 79.

[6] «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века». М.—Л., 1948, стр. 159 и др.

[7] Там же, стр. 158.

Бывало, что натурой собирался оброк с селений, занимавшихся промыслами. По книгам 1498—1501 гг. одна из дворцовых волостей Шелонской пятины, в которую входил Сумерский погост, состоявшая из 26 деревень (42 двора), платила оброк медом — в размере 100 пудов, хотя у крестьян имелись в обычном размере и пашня и сенокосы[1].

Наряду с развитием денежного оброка наблюдается и развитие других форм эксплуатации крестьянства.

Характерным для хозяйственного развития поместья было появление в нем собственной барской запашки. В Шелонской пятине, например, в 1498 г. помещики распахивали на себя от 5 до 10% земли. Земля для этой цели отбиралась у крестьян и обрабатывалась на помещика силой зависимого крестьянства в порядке выполнения барщинной повинности. Это явление наметилось в конце XV в. лишь как тенденция тех серьезных изменений в развитии феодального хозяйства, которые проявились в заметной форме позднее. Появление и рост барской запашки означали развитие отработочной ренты, усиление эксплуатации крестьян. Так, в 1531—1532 гг. Шарап Гаврилов продал Махрищскому монастырю село и деревню в Переяславль-Залесском уезде; в купчей было сказано: «а христианом полосинским и глинковским сего лета на меня на Шарапа и на мое дети пашня пахати десятины, как на меня преже сего пахали». В Буегородской волости Волоколамского уезда почти все крестьяне обрабатывали в 1543—1544 гг. государеву десятинную пашню[2].

Появлялась и распространялась барская запашка с привлечением для ее обработки труда крепостных крестьян и в церковно-монастырских землях. В конце XV в., по челобитной архимандрита Константиновского Нижегородского монастыря, митрополит предписывал своему посельскому обязать крестьян работать на монастырской барщине, обрабатывая господскую пашню в размере одной пятой доли от величины крестьянских участков[3]. В то же самое время у одного митрополичьего сына боярского было отписано его поместье с. Горки. Введенный дьяк «приказал то сельцо... ведать и пахать на государя на митрополита»[4]. В вотчине новгородского Софийского Дома барская запашка возникает в первой половине XVI в.[5]

Признаки роста барщины означали пока еще первый шаг на пути усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Начало усиления эксплуатации сказалось и в росте оброка за первую половину XVI в. Так, в 1513 г. в центральной части государства с 800 четвертей земли приходилось оброка на деньги 4 р. 28 а. 4 д., в 1525 г.— 12 р. 19 а. 3 д. и в 1532 г.— 8 р.[6]

[1] *В. Ф. Загорский.* Указ. соч., стр. 326.

[2] Оба примера взяты у Н. А. Рожкова. Указ. соч., стр. 154.

[3] АФЗиХ, т. I, № 205, стр. 182.

[4] *Л. В. Черепнин.* Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв. «Исторические записки», кн. 9, стр. 38.

[5] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 50.

[6] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 233.

На поместных землях бывших новгородских пятин величина обложения крестьян определялась по формуле, согласно которой помещик «волен» был «прибавить на крестьян своего доходу», «только бы было не пусто, что бы великого князя дань и посошная служба не западала». Никакой старины в установлении обложения крестьян в новгородских землях не было и не могло быть. С приходом московской власти старина здесь была сломлена. Встречающееся же в отдельных актах об испомещении выражение «по старине» следует понимать не как старину, связанную с обычаем и традицией, а как старину, относящуюся к порядку обложения при прошлом владельце, имя которого обычно указывалось в акте. Этим владельцем являлся, очевидно, тоже помещик, но, видимо, умерший или погибший где-либо, в результате чего его поместье вновь отходило к государю и передавалось данным актом другому лицу на том же поместном праве. В тех же случаях, когда земля испомещалась впервые, указания на старину не делалось. Вместо него применялась такая формула — передаются в поместье такие-то деревни «з доходом з денежным и з хлебным и з мелким доходом, оприч нашие, великих князей, обежные дани»[1]. Наконец, рост тяжести обложения виден из того, что в условиях некоторого сокращения крестьянской запашки на двор за первую четверть XVI в., вызванного развитием отработочной ренты, по ряду дворцовых волостей Шелонской пятины размеры крестьянских платежей к 1524 г. остались неизмененными[2].

В условиях роста имущественного неравенства среди крестьян и стремления феодалов к усилению их эксплуатации развивалась задолженность значительной массы сельского населения. О наличии «серебра», лежащего на господских крестьянах, говорят многие духовные грамоты второй половины XV в. В вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря долги крестьян к 30-м годам XVI в. получили столь широкое распространение, что потребовалось составление специальной долговой книги. В одном месте книги долги крестьян называются «головным серебром». Указаны в ряде случаев и причины задолженности. Иванка Голова взял в долг 10 алтын для приобретения лошади. С той же целью задолжал и Клим Кириллов. Целая группа крестьян села Балашова взяла повторно в долг после пожара от 10 алтын до полтины. Очень часто ответственность за долги возлагалась не только на главу семьи, но и на его жену и детей[3]. Задолженность крестьян, несомненно, способствовала усилению крепостнической эксплуатации. Имущественные права крестьян не были обеспечены законом. Фактически в случае имущественной несостоятельности феодала отвечали его крепостные крестьяне. Вступать в какие-либо имущественные сделки или продавать свои продукты на рынке крестьянин не мог без ведома владельца. В случае же недостаточности имущества крестьянина для распла-

[1] *Д. Я. Самоквасов.* Указ. соч., № 66, 69, 70, 75 и др.

[2] *В. Ф. Загорский.* Указ. соч., стр. 333—334.

[3] «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», стр. 130, 132, 155.

ты за свою вину или вину господина, крестьянин отдавался истцу «головою до искупа». Особенно страдали крестьяне в случаях борьбы феодалов за землю. Например, помещик Толочанов в Ярославском уезде насильно со своими людьми захватил монастырскую деревню, крестьян согнал, а имущество их пограбил[1].

Заметное ухудшение положения крестьян в первой половине XVI в. обратило на себя внимание современников. Максим Грек писал, например, что крестьяне «во скудосте и нищете всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядущу, многажды же и без соли от последния нищеты». Крестьянин «изнемог тягостию налагаемых им беспрестани от нас трудов же и деланий»,— продолжает автор[2]. Очень ярко обрисована тяжелая участь крепостного крестьянина Вассианом Патрикеевым: «Живущая братия наша убогиа в селех наших различными образы окорбляем их и лесть на лесть и лихву на лихву на них налагающе... Егда не взмогут отдати лихвы, от имений их обнажахом, без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отчиахом, некиих же и княжеской власти предаваше»[3].

Так уже в первой половине XVI в. определились предпосылки нового этапа в истории крестьянского закрепощения, дальнейшее развитие которого падает на вторую половину века.

3
РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В ДОБЫВАЮЩЕЙ И ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Развитие ремесла и промыслов как в городе, так и в деревне в конце XV — первой половине XVI в. было связано с общим хозяйственным ростом страны и выражалось прежде всего в совершенствовании, хотя и медленном, техники, орудий труда и трудовых навыков. Росла специализация ремесел.

Кричное дело (добывание железа из руды) и добыча соли стали специфически деревенскими промыслами, так как они связаны с залежами ископаемых, поэтому в городах они не были распространены. Для их успешного развития необходимо было довольно сложное оборудование. Так, добыча соли из подземных залежей производилась при помощи бурения глубоких скважин (глубина их в середине XVI в. превышала иногда 100 м) — «труб», в которые нагнеталась вода, а затем выкачивался рассол[4]. Добывание железа из руды производилось уже не в примитивных сыродутных горнах, а в «домницах» более сложной конструкции, включавших несколько горнов. Например, в районе Торопца была открыта при раскопках мастер-

[1] *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 195—210; «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахрамеевым, т 1, М. 1896, стр. 12—13.

[2] *М. Грек.* Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 131—132.

[3] «Православный собеседник», 1863, т. III, сентябрь, стр. 109.

[4] *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники. М., 1950, стр. 277.

ская с четырьмя горнами по углам. Сами горны становятся выше, достигая трех метров, а в плане приобретают квадратную форму (древние горны были округлыми и низкими). Каждый из них мог дать за сутки до 6 криц, что составляло примерно 70—100 кг металла[1]. Руду для домниц добывали специальные «копачи». Зачастую перед загрузкой в горн руду промывали. Самый процесс восстановления железа из руды производили «домники», а добытые из горна крицы проковывали «ковали» или кузнецы.

Горн и кузница. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Кузнечное и гончарное ремесла в деревне в рассматриваемый период мало изменились по сравнению с предыдущим временем, а литейное и ювелирное производства даже несколько свернулись, так как в сельских местностях приобретались вещи, сделанные городскими мастерами[2]. Но развиваются сапожное, портняжное и другие ремесла, обслуживающие быт, что говорит об ослаблении замкнутости крестьянского хозяйства.

Ремесло играло значительную роль в жизни русских городов. Здесь сосредоточивались наиболее квалифицированные ремесленники, развивалась передовая для своего времени техника и организация ремесел.

Для городских ремесел первой половины XVI в. характерно прежде всего высокое развитие обработки металлов. В этой отрасли производства можно проследить дальнейшее развитие техники, увеличение числа профессий.

В связи с тем, что кричное производство сосредоточивалось в деревне, городские кузнецы работали уже на готовых крицах. В XVI в. в городах уже нельзя было встретить мастерскую, хозяин которой был бы одновременно кузнецом, кричником и ювелиром. Кузнецы в том или ином количестве жили почти во всех городах того времени. В кузнечном производстве достигла значительного развития специализация. Источники XVI в. знают уже 22 специальности в области обработки железа — кузнецы, гвоздочники, ножевники, сабельники, стрельники, бронники,

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М.— Л., 1948, стр. 544.

[2] Там же, стр. 591.

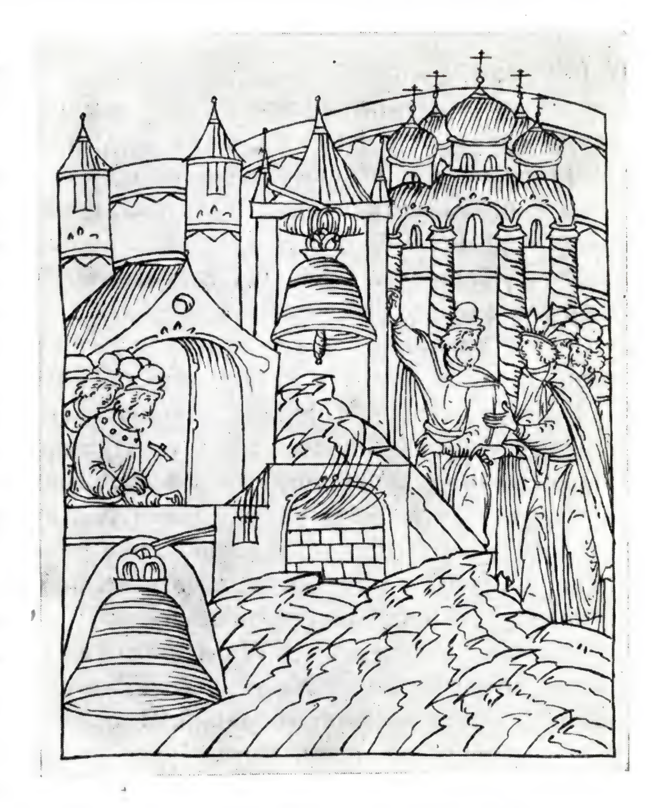
скобочники, лемешники, подковщики, секирники, сковородники, забойники, молотники, угольники, замочники, игольники, часовщики, удники, точильщики, самопальники, ствольники, замочники (ружейные замки)[1]. Одно перечисление этих специальностей показывает, насколько широко развилась специализация ремесленников-металлистов, каждый из которых поставлял только один из видов продукции — гвозди, ножи, сабельные полосы, наконечники стрел, металлическую броню, скобы, лемехи для сох и плугов, подковы, топоры, сковороды, угольники, дверные замки, иголки, ружейные стволы и замки. Выделка всех этих предметов была тесно связана с ковкой железа. Самый процесс ковки был к началу XVI в. настолько разработан, что был весьма сходен с процессом обработки железа, применявшимся в кустарных кузницах в XIX в. Разница была главным образом в том, что сырьем в XVI в. служили губчатые крицы, которые сначала нужно было проковывать и только после этого можно было пускать в дело. Источники знают мастеров и молотников, т. е. кузнецов и молотобойцев. В этом сказывалось дальнейшее разделение труда среди ремесленников. Кузница в городе представляла собой небольшое бревенчатое или дощатое здание, оборудованное горном и мехами, наковальней и мелким инструментом — молотами, клещами, зубилами, пробойниками и др. Сами наковальни были различных родов — большие и малые; иногда они имели приспособления для сложных поковок. Изображение кузницы на новгородской иконе XVI в. дает нам представление о работе кузнецов. Мастер держит клещами на наковальне поковку и маленьким молотком указывает места ударов. Молотник ударяет большим молотом, который держит обеими руками. Виден еще один подмастерье, раздувающий мехами пламя горна. Кузницы с их горнами представляли для деревянных городов того времени постоянную опасность пожара. Их выносили поэтому на окраины города. По мере роста города перемещались и районы расселения кузнецов. Это ярче всего видно на примере Москвы, где до XV в. кричное, кузнечное и литейное производства были сосредоточены на Подоле Великого посада в современном Зарядье. В XV—XVI вв. кричное производство здесь уже не прослеживается по археологическим материалам, а остатки кузнечного производства найдены в районе современного Кузнецкого моста и Георгиевского переулка. Эти находки подтверждают прежнее предположение об устройстве кузниц на правом берегу реки Неглинной, которая отделяла их от ядра города. Очевидно, к концу XVI в. относится заселение ремесленниками Заяузья. Во всяком случае за Яузой у современной ул. Володарского известна церковь Козьмы и Дамиана, «что в Старых кузнецах». В этом районе, кроме кузнецов, селились бронники, гончары, котельники и таганники, а по правому берегу Яузы — и серебряники[2].

---

[1] *Б. А. Колчин.* Обработка железа в Московском государстве в XVI в. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, М., 1949, стр. 203.

[2] *М. Г. Рабинович.* О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой.«Известия АН СССР»,серия истории и философии,т.V, № 4. М.,1948, стр.370—375.

Они обслуживали важнейшие потребности как городского рынка, так и государства.

Литье колокола в Москве. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Особое значение имело литье крупных предметов, среди которых на первом месте были пушки и колокола. Литье пушек и колоколов из меди, производившееся зачастую одними и теми же мастерами-литейщиками, практиковалось вместо ковки пушек из железа на Руси по крайней мере уже с середины XV в. В XVI в. оно достигло высокого развития. В Москве в то время уже создалась школа русских литейщиков, работавших преимущественно на организованном в конце XV в. великокняжеском пушечном дворе за Неглинной. На это указывают часто встречающиеся на изделиях надписи: отлил такой-то ученик такого-то. Так, еще в XV в. известен мастер Яков, а затем — Ваня и Васюк, «ученики Яковлевы».

Эта русская школа совершенно вытесняет из Москвы иностранных мастеров. Последний приезд в Москву пушечников «из Заморья» относится к 1505 г.[1] В 1503 г. мастер Петр-пушечник отлил колокол в 350 пудов, в 1501 г. Петр (возможно тот же самый) отлил крупную пищаль. В 1513 г. мастер Булгак Новгородов сделал пищаль весом 83 пуда, к 1542—1543 гг. относится литье первой гаубицы («гафуницы») мастером Игнатием.

В 50-х годах XVI в. в Москве работал мастер Богдан, отливший множество пушек и пищалей, из которых до нас дошло 18 пищалей. Характерно, что подпись Богдана снабжена особым упоминанием о национальности мастера — «русской мастер Богдан». Богдан, очевидно, был одним из выдающихся представителей русской школы мастеров-пушечников. Позднее известен мастер «Богданов ученик Пятой».

---

[1] *А. П. Лебедянская.* Очерк из истории пушечного производства в Московской Руси. «Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея», т. I, М.—Л., 1940, стр. 57—71.

Орудия, разнообразие которых указывает на высокий уровень развития русской артиллерии, изготовлялись обычно по восковой модели, сделанной в натуральную величину предмета. На модель наносился богатый орнамент и даже надписи. Процесс литья, очевидно, был дифференцирован. Во всяком случае наряду с мастерами-пушечниками известны и особые специалисты — «литцы». Очевидно, мастер должен был рассчитать размеры будущего изделия и изготовить модель, которая в дальнейшем облеплялась глиной, застывавшей в виде литейной формы. Мастер вел и общее наблюдение за литьем. Процесс литья пушки изображен на одной из миниатюр Никоновской летописи. Здесь видны плавильная печь, помещающаяся в особом здании, каналы, по которым расплавленный металл течет в формы и, наконец, несколько человек, ведущих этот процесс. Орудия, отливавшиеся на Пушечном дворе в Москве, делались по последнему слову тогдашней артиллерийской техники. Уже в XV в. пушки отливались без швов, с раструбом дульной части[1], что позволяло увеличить заряд пороха, а стало быть и вес и разрушительную силу удара ядра. Наряду с каменными распространяются кованые железные ядра, которые изготовлялись кузнецами.

Мелкое литье в XV—XVI вв. продолжало обслуживать в основном бытовые потребности населения. Техника его, судя по дошедшим до нас изображениям на миниатюрах XVI в., мало изменилась по сравнению с предыдущим периодом. Металл расплавляли в маленьких (объемом около 150 см³) керамических тиглях, на небольших круглых горнах. Огонь в горне усиливался при помощи мехов, тигли брали клещами и разливали из них металл в каменные или глиняные формы. В конце XV—начале XVI в. усложняется как ассортимент изделий, так и сами изделия. Большое распространение получили литые иконки и кресты сложной композиции с изображениями целых сцен на религиозные сюжеты и с надписями. Это требовало высокой квалификации, главным образом от мастеров, изготовлявших литейные формы, так как самый процесс литья не усложнялся.

Особое значение в XVI в. приобрело среди ремесел по обработке цветных металлов денежное дело—чеканка монеты, производившаяся при помощи особых матриц — штемпелей[2].

Ювелирное дело достигает особенно высокого развития в Москве в связи с бытом великокняжеского двора.

Из тонких ремесел следует отметить художественную резьбу по кости и дереву, в которой русские мастера достигли высокого совершенства. Особенно прославились резчики Троице-Сергиева монастыря, изделия которых, главным образом на религиозные сюжеты, распространялись по всей Руси.

---

[1] *А. В. Арциховский.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 54.

[2] *И. Г. Спасский.* Анализ технических данных в нумизматике. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XXXIX, М., 1951, стр. 69—71.

Материалом для резных изделий служили местные породы дерева, кости домашних животных, часто — рога лося, для особенно дорогих — моржовый клык («дорог рыбий зуб») и дорогие сорта дерева — кипарис, самшит, розовое дерево, привозившиеся из дальних стран.

Перечеканка монеты при Елене Глинской. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Большие сдвиги произошли и в кожевенно-сапожном производстве. Выделка кожи отделилась от сапожного производства, сыромятники и кожевники выделились из числа сапожников. Среди сапожников также идет дальнейшее разделение труда. Появляются каблучники, подошвенники, голенищники. Особо следует отметить развитие художественной отделки кожи — окраски ее в разные цвета, и тиснения, украшавшего не только детали вооружения (например, ножны сабель и кинжалов, налучья и седла), но даже и обувь — переда и верхи голенищ сапог. Кожевники, сыромятники, сапожники заселяли в некоторых крупных городах целые районы.

Интенсивное строительство городских каменных зданий повело к возрождению производства кирпича, прекратившегося в ряде городов после татарского нашествия. Постройка каменных зданий велась в первой половине XVI в. еще в значительной мере из белокаменных блоков, но кирпич все более вытесняет этот древний строительный материал. Особенно большого развития кирпичное строительство достигло в Москве, где постройка небывалой величины каменной крепости — кремля, а также ряда церквей и гражданских зданий потребовала массового производства этого важнейшего строительного материала. Кирпич делали в Гончарной слободе Москвы за рекой Яузой, а в 1474 г. для обеспечения постройки Успенского собора в Москве был устроен первый кирпичный завод. В начале XVI в. выработались даже размеры кирпича, по которым и сейчас можно узнать немногие сохранившиеся здания, построенные в первой половине XVI в. В отличие от киевской квадратной «плинфы» и золотоордынских кирпичей подобного формата, это кирпич удлиненный, близкий по пропор-

Серебряная чарка XVI в.
Оружейная палата.

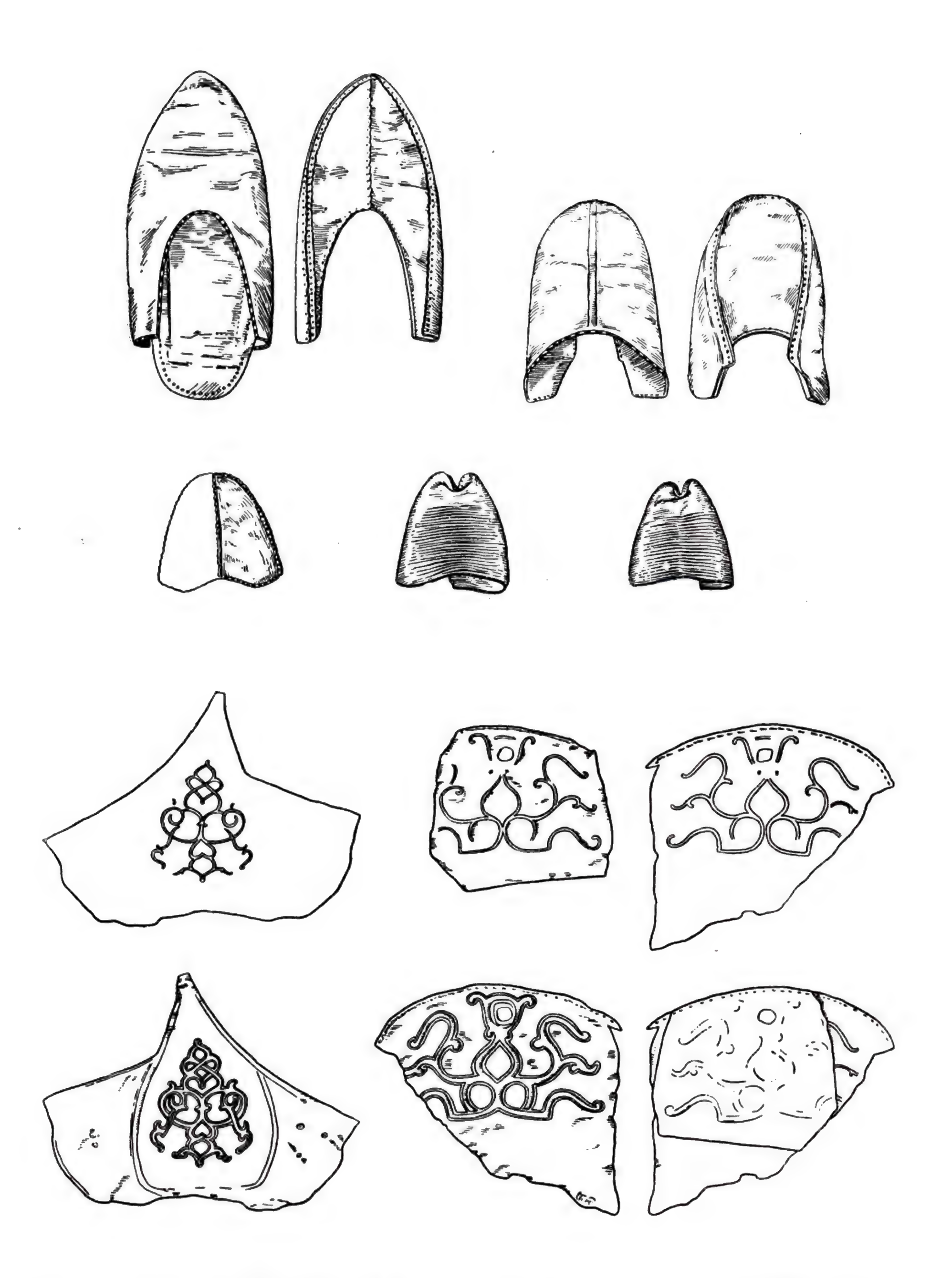
циям к современному. Но размер его очень мал (длина до 20 см, ширина 10—12, толщина 4—5 см), почему он и назван условно специалистами «маломерным». Кроме кирпича, московские гончары производили кровельную черепицу и плитки для мощения полов. Остальная продукция — посуда, игрушки — оставалась примерно той же, что и в XV в. Но в конце XV — начале XVI в. московские гончары начали применять такую обработку поверхности изделий и такой режим обжига их в горнах, в результате которых сделанная из красной глины посуда приобретала темный цвет и металлический блеск. Это достигалось путем заглаживания («лощения») поверхности сосудов по сырой глине (когда они были сняты с гончарного круга) костяным или каменным лощилом, а затем путем обжига в горне при недостаточном доступе кислорода, причем смолистое топливо, сгорая, поглощало кислород из состава глины обжигаемых изделий и восстанавливало красную окись железа до серой, почти черной закиси. Черная блестящая (так наз. «чернолощеная») посуда напоминала модную в ту пору металлическую посуду и охотно использовалась средними слоями горожан как парадная и столовая. В первой половине XVI в. она только начала выделываться, а наибольшее ее распространение приходится уже на конец XVI в.[1] Такая же техника применялась и при выделке черепицы и плиток для полов. Крыши домов, таким образом, могли иметь черный аспидный цвет, а полы выкладываться в шахматном порядке черными и красными плитками.

В XV — начале XVI в. в гончарном производстве возрождается утраченная после татарского нашествия техника декорирования поверхности изделий глазурью. К этому времени относится развитие во Пскове производства керамических надгробий, оттискивавшихся в деревянных разборных формах и покрывавшихся зеленой поливой[2]. Но распространение производства поливных изделий по всей территории Русского государства имело место лишь значительно позже, в конце XVI — начале и середине XVII в.

---

[1] *М. Г. Рабинович.* Московская керамика. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 12, М., 1949, стр. 67 — 80.

[2] *А. В. Филиппов.* Древнерусские изразцы, т. I, М., 1938, стр 23.

Фрагменты обуви, найденные при раскопках сапожной мастерской XV—XVI вв. в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы.

Строительная техника достигла высокого уровня развития. При строительстве зданий, особенно каменных, применялись простые машины — рычаги и блоки[1]. Русские плотники издавна умели быстро разбирать и собирать на другом месте сложные деревянные постройки. О том, как далеко продвинулась эта техника, говорит сооружение в 1551 г. на территории Казанского ханства крепости Свияжска, все срубы которой были заранее заготовлены, быстро подвезены на баржах и смонтированы в устье реки Свияги. Надо думать, что подобные приемы базировались на многолетнем опыте развитого деревянного строительства. Для первой половины XVI в. характерно применение разнообразных строительных материалов и сложных конструкций. В этом отношении показательна конструкция стены Китай-города, выстроенной в 1535—1538 гг. Этой большой стройке предшествовало сооружение в 1534 г. вокруг Великого посада Москвы деревянно-земляных укреплений, которые, очевидно, были признаны недостаточными. В следующем году был собран специальный налог на устройство каменных стен, и к 1538 г. были возведены по последнему слову тогдашней техники укрепления, сохранившиеся кое-где и до наших дней. Стена, проходившая по низменному, болотистому берегу Москвы-реки, опиралась на несколько рядов вбитых в землю дубовых свай. На эти сваи была насыпана белокаменная щебенка, поверх которой был выложен клетками каркас из еловых бревен, также засыпанный щебенкой. На этом упругом основании, углубленном в землю на метр с лишним, выкладывался фундамент из белого бутового камня, переходивший в надземной части в цоколь, облицованный белокаменными же плитками. Основная же надземная часть стены была снаружи и внутри облицована кирпичом, а в толще своей забита тем же белокаменным бутом[2]. Стена была приспособлена для артиллерийского боя; она имела 14 башен, бойницы ее были расположены и в нижней и верхней части, так что можно было вести и дальний артиллерийский обстрел.

По сравнению с кремлевской стеной она не так красива, но ее бóльшая толщина (6 м, а Кремля — 4 м) и приземистость (высота 6,3 м, а Кремля — 10—16 м) были рассчитаны на сопротивление более совершенной артиллерии. Большая стройка требовала, конечно, квалифицированных мастеров и рабочих.

О развитии техники говорит также обилие в городах водяных мельниц и дренажных устройств городского хозяйства. В 1524 г. в Новгороде была предпринята грандиозная (правда, неудавшаяся) попытка перегородить плотиной Волхов с целью устройства водяных мельниц[3].

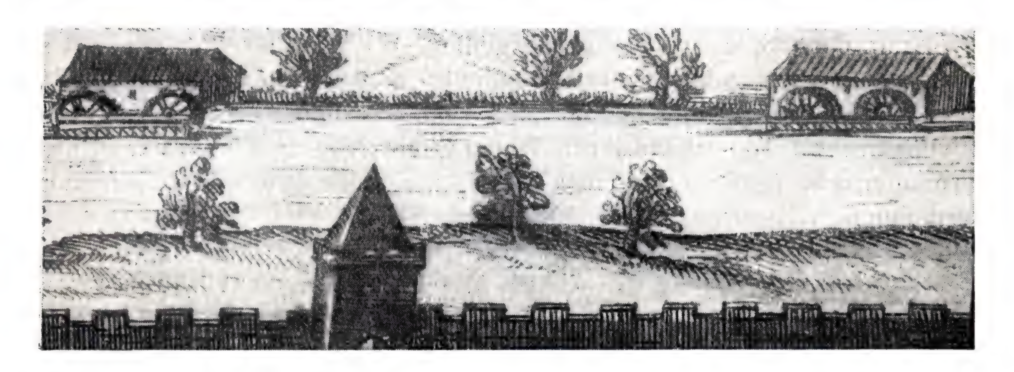
Для русского города XVI в. характерно обилие ремесленников, обслуживавших повседневные нужды домашнего обихода, и горожан —

---

[1] См. «Очерки истории СССР, период феодализма IX—XV вв.», ч. II, стр. 94.

[2] *М. Г. Рабинович.* Раскопки в Москве в 1950 г. «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», вып. XLIV, М., 1952, стр. 123.

[3] «Псковские летописи», вып. I, стр. 104.

Водяные мельницы по р. Неглинной. Деталь плана Москвы Герберштейна XVI в.

портных, хлебников, калачников, рыболовов, кисельников, пивоваров, хмельников, скорняков, овчинников, швецов, рукавичников, колпачников, свечников, мыльников, смольников.

Расслоение в среде ремесленников все увеличивается. Выше уже приводились факты работы мастеров с подмастерьями. Самое усложнение производственного процесса создавало неравенство в распределении труда между его участниками, например между кузнецами и молотниками, пушечниками и литейщиками. С организацией крупных по тому времени отдельных государственных предприятий, вроде Пушечного двора, выделялись опытные мастера, получавшие солидное жалованье от великого князя и выступавшие уже не столько как исполнители, сколько как организаторы производственного процесса. С другой стороны, множество подручных, требовавшихся при такой организации ремесла, составляли низшие слои ремесленников. Подобные крупные мастерские в XV—XVI вв. были не только в Москве. Так, в Новгороде организованные еще в XV в. архиепископом Десятинные мастерские продолжали действовать и после присоединения Новгорода к Москве и прекратили свое существование лишь в начале XVI в., когда мастера из них были куда-то переведены. В середине XVI в. в Новгороде было крупное производство оружия и боеприпасов для государственных нужд, которое обслуживали мастера различных профессий — «зелейники», пушкари, кузнецы, плотники (выделывавшие деревянные части оружия)[1].

На государственных и дворцовых предприятиях было занято сравнительно много людей. Но разумеется, несмотря на появление более или менее крупных государственных и дворцовых предприятий, на которых работали казенные и дворцовые ремесленники, труд рядовых городских ремесленников сохранял свое значение в производстве, особенно в тех отраслях ремесленного производства, которые обслуживали бытовые нужды городского населения.

[1] *А. И. Семенов.* Новгородские литейные и оружейные мастерские в XV—XVI вв. «Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея», т. I, стр. 239—240.

Итак, рост городского ремесла в конце XV в. и первой половине XVI в. характеризуется усложнением техники, дальнейшей специализацией, развитием металлургии и обработки металлов, а также строительного дела и сопряженных с ним профессий, появлением крупных государственных предприятий, развивавшихся в мануфактуры. Однако эти предприятия выполняли только государственные заказы.

4

РОСТ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА

В конце XV — первой половине XVI в. господство натурального хозяйства как системы не было еще поколеблено, и удовлетворение потребностей княжеского, боярского, помещичьего и монастырского обихода было основной задачей феодального хозяйства. Еще в большей мере экономическая замкнутость характеризует крестьянское хозяйство. Сырые материалы, которые добывались крестьянской семьей, перерабатывались членами этой семьи. Ими изготовлялись изделия из льна, конопли, дерева и пр., использовавшиеся в собственных потребительских целях или поступавшие в виде оброка помещику. Для собственных нужд крестьянская семья производила хлеб, делала пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Разделение труда между членами семьи и рабочее время каждого из них определялись различиями пола и возраста и природными условиями труда, изменяющимися со сменой времен года. Среди предметов натурального оброка писцовые книги упоминают разнообразные продукты и изделия крестьянского хозяйства: сыры, овчины, пиво и т. д. Деревенские специалисты-ремесленники, работавшие на заказ, были далеко не повсеместным явлением в крестьянском быту (чаще встречались кузнецы и гончары). Таким образом, общий фон, на котором развивались ремесло на заказ и ростки товарного производства в добывающей и обрабатывающей промышленности, составляла домашняя промышленность, натуральное крестьянское хозяйство, господствовавшее на громадном пространстве восточно-европейской равнины.

На фоне натурального хозяйства товарное производство в известной мере существовало и раньше. Развиваясь, оно в дальнейшем подготовило некоторые условия для капиталистического производства. С развитием товарного производства создавался внутренний рынок, основой которого было общественное разделение труда[1]. Степень дробности общественного разделения труда определяет высоту развития внутреннего рынка[2].

С конца XV и в первой половине XVI в. на обширной территории страны, представлявшей централизованное государство, наступают заметные

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 45—46 и др.

[2] См. Там же, стр. 15—16, 47 и др. (Определение товарного производства дает *К. Маркс*, см. «Капитал», т. III, стр. 650).

изменения в развитии внутреннего рынка, подготовленные всем предшествующим ходом экономической жизни.

Татаро-монгольское иго сильно задержало экономическое развитие страны. Со второй половины XIV в. началось хозяйственное оживление, а с последней четверти XIV в. стало развиваться денежное обращение. Рост товарно-денежных отношений, вызванный общим подъемом хозяйства в стране, развитием производительных сил, влиял на распространение денежной ренты, что, в свою очередь, побуждало крестьян больше продавать, чем менять, добывая деньги на уплату феодальных повинностей.

С конца XV в. в развитии внутреннего рынка на территории Русского государства произошли существенные сдвиги. Разделение труда получило дальнейшее развитие в деревне. Конечно, как было указано, эти явления были не правилом, а исключением и протекали на общем фоне домашней или деревенской патриархальной промышленности. Однако процесс развития общественного разделения труда в сельских районах и в городах определял новые, более широкие связи между поселениями. Короче говоря, хотя господство натурального хозяйства еще не было поколеблено, происходило сближение местных рынков, на основе которых, примерно с XVII в., шел процесс складывания всероссийского рынка.

Возникновение централизованного государства в свою очередь содействовало развитию внутреннего рынка.

* * *

В. И. Ленин подчеркивал, что «...уже самое мелкое товарное производство в крестьянских промыслах начинает отделять промышленность от земледелия, хотя промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется»[1]. Это указание В. И. Ленина помогает понять ряд явлений как в добывающей промышленности, так и в производстве на заказ или на рынок ремесленных изделий на Руси конца XV — начала XVI в. В процессе отделения промышленности от земледелия, развития производства и товарного обращения вырастали в некоторых случаях из деревень и сел торгово-ремесленные поселения — «рядки», являвшиеся переходной формой к поселению городского типа. Развитие товарного производства происходило прежде всего в добывающей промышленности: в железоделательной промышленности, в рыболовном деле, в солеварении.

Добыча болотной руды и железоделательное производство существовали на Беломорье и в Заонежье; в значительной мере они были распространены близ побережья Финского залива и в Серпуховско-Тульском районе, кроме того — близ Тихвина, Белоозера, Устюжны Железопольской и др.[2]

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 289.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 545.

Однако в разных районах товарное производство развивалось неравномерно.

Серпуховско-Тульский железодобывающий и железоделательный район снабжал железом Тулу и Серпухов. Производство в сельских домницах носило здесь товарный характер; можно об этом судить по тому, что в Серпухове из 286 ремесленников к началу 50-х годов XVI в. одних кузнецов числилось более 60[1]. Есть сведения о производстве железа в Кашире[2]. В первой половине XVI в. на базе железоделательной промышленности и торговли вырос Тихвинский рядок. Относительно Устюжны Железопольской мы не имеем ясных данных о широком производстве железа на продажу в конце XV и первой половине XVI в.[3]

На территории, примыкавшей к Финскому заливу, в конце XV в. было зарегистрировано около 200 домниц, а в действительности их было больше.

Первоначально железоделательная промышленность вырастала здесь на местах добывания руды. Рост этой промышленности выражался, во-первых, в концентрации домниц в отдельных селениях, во-вторых, в распространении железоделательного производства также за пределами тех мест, где добывалась руда. Признаки концентрации домниц в пределах отдельных селений заметны в районе добывания руды. Так, в Вотской пятине в с. Великино на 27 дворов приходилось 11 домниц; в с. Валговичи на 28 дворов приходилось 10 домниц[4] и т. п. В то же время в том же районе можно было встретить домницы довольно далеко от тех мест, где добывалась руда, причем здесь домницы были более разбросаны, не было такой их концентрации в пределах отдельных селений.

Во всем районе, примыкавшем к Финскому заливу, не было, повидимому, отдельных крестьян, владевших значительным количеством домниц. Бывало, что несколько дворов владели одной домницей. Как правило, в Вотской пятине домницы имели одну печь. Отдельные случаи пользования наемным трудом могли быть, хотя прямых указаний на это нет[5]. В большинстве случаев, если не во всех, владельцы домниц были пашенными крестьянами.

Развитие железоделательного и железообрабатывающего производства вело к отделению кузнечного ремесла от железоделательных процессов. Это явление особенно ясно обнаруживается в районе железообрабатывающей промышленности, прилегавшем к г. Яму.

Для того чтобы получить металл, пригодный для изготовления орудий, пористую крицу нужно было долго ковать в горячем виде. При плавке

[1] *П. Симсон.* История Серпухова. М., 1880 (приложения).

[2] «Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках», изд. В. Любича-Романовича. СПб., 1843.

[3] Ср. ГБЛ. Троицкое собрание, № 13/883.

[4] «Новгородские писцовые книги»(далее — НПК), т. III, СПб., 1868, стр. 907—931.

[5] Позже приписка к таможенной Ореховской грамоте 1563 г. предусматривает существование «казаков», как при кузницах, так и при домницах, наряду с «мастерами». «Дополнения к Актам Историческим» (далее — ДАИ), т. I, СПб., 1846, № 116, стр. 168.

в домницах, т. е. при низкой температуре, на древесном, а не на каменном угле, из руды получается, как известно, не чугун, а мягкое, ковкое железо. Проковка могла производиться здесь же при домницах, если при них было кузнечное оборудование, или в том же селении, или, наконец, в других селениях кузнецами-ремесленниками. Совмещение железоделательной промышленности с кузнечным ремеслом, имевшее в некоторых случаях место в Вотской пятине на рубеже XV—XVI вв., отражало первоначальную стадию развития этого вида промышленности. В деревне Луг Покровско-Дятелинского погоста в конце XV в. владелец одного двора стал высевать 1,5 коробья ржи, косить 30 копен сена, обзавелся домницей с одной печью, сам копал руду и одновременно занимался кузнечным ремеслом. Помещик брал с него оброк натурой.

В XVI в. появлялись в пределах пятины новые домницы, горны и кузницы, как это можно заключить из таможенной грамоты 1563 г. г. Орешка[1].

Однако на рубеже XV—XVI вв. железоделательное производство в указанных районах находилось на той стадии развития, когда кузнечное ремесло, как правило, отделилось от железоделательных работ в качестве самостоятельной отрасли.

В большинстве случаев занятие кузнечным ремеслом совмещалось с земледелием. Так, в одной из трех деревень Копаниц дворохозяин занимался хлебопашеством и ремеслом: с него, между прочим, брали в качестве оброка «сковороду рукоятную да топор»[2]. Вместо хлеба в конце XV в. с него стали взимать деньги. Кроме того, он занимался рыбной ловлей.

В селе Муковичи были два пашенных кузнеца[3]. Среди пашенных крестьян значатся также 19 семейств кузнецов (в 15 дворах) деревни Пилола и т. п.

Продукция местной железоделательной и кузнечной промышленности шла не только на местный крестьянский рынок, так как количество железа, выплавлявшегося в пределах Вотской пятины, могло превышать сотню тысяч пудов.

Главную массу готовой продукции кузнечного ремесла везли к г. Яме или через него, а не к берегу залива. В Толдожском погосте Ямского уезда было в общем немного более домниц, чем в Каргопольском. Между тем количество указанных кузнецов Толдожского погоста в три раза превышало количество кузнецов Каргопольского погоста Копорского уезда. Это объясняется тем, что район этот лежал на путях сбыта. Особенно много было кузнецов в селениях, расположенных на пути к г. Яме. Из Ямы или через Яму железо (крицы) везли, вероятно, на новгородский рынок, где оно требовалось в значительном количестве.

---

[1] ДАИ, т. I, № 116, стр. 163—168.

[2] НПК, т. III, стр. 502.

[3] *А. М. Гневушев.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины. Киев, 1908, стр. 36—37.

Развитие товарного производства и процесс отделения промышленности от земледелия можно было наблюдать в рыболовном деле, представляющем собою особую разновидность добывающей промышленности.

Грамоты начала XVI в. позволяют предполагать развитие товарного рыболовства на Галицком озере, на Переяславском озере. Вне всякого сомнения, товарное производство развивалось на Шексне и особенно на Белоозере, откуда местная рыба увозилась в громадном количестве. Проникновение товарности в рыболовную промышленность делало значительные успехи в поселениях на побережье Невы, Ладожского озера, Волхова, оз. Ильменя и в других местах. Процесс этот определялся ростом общественного разделения труда и сопровождался развитием рыболовных промыслов за счет земледелия. К числу благоприятствовавших условий относилось местоположение поселений на водных торговых путях, что облегчало вывоз рыбы. Такими районами были, например, район, примыкавший к Старой Ладоге, на побережье Невы, на побережье Ладожского озера от устья р. Кобоны до окрестностей с. Дубна, на побережье Ильменя от устья Шелони до Волхова и близ устья Ловати.

Можно отметить наличие трех этапов в развитии рыболовных поселений. Вначале, на первом этапе, рыболовство играло в земледельческих поселениях подсобную роль в хозяйстве. В дальнейшем начинают выделяться непашенные рыболовы, поселения переживают вторую стадию развития, и земледелие или совсем забрасывается, или, обычно, остается в скромных размерах, не будучи преобладающим в хозяйстве. Последующее развитие приводит к тому, что поселение становится «рядком», в нем возникают строения, обслуживающие торговлю. Это — третья стадия. В поселении выделяются ремесленники-специалисты; оно могло вырасти в город в экономическом смысле слова, причем переход к поселению-городу знаменовался выделением особого слоя торговцев, наряду с рыболовами и ремесленниками. Рыболовных поселений на том этапе, когда рыболовство играет подсобную роль в хозяйстве, на нижнем Волхове уже не было; их можно было найти в южной части Приладожья, в некоторых местах Приильменья и по Волхову, на Неве, по побережью Финского залива. Так, в Никольском погосте, например, в дер. Тигари имелось 4 двора; крестьяне сеяли 12 коробей ржи и косили 80 копен сена; доходу с них поступало, кроме «полтины», рожь и пшеница, а ключнику, кроме ржи, льна и хмеля, — пять сигов. Сокращение запашки должно было свидетельствовать об увеличении размеров рыболовных промыслов, добывающих продукты на сбыт, о промысловом развитии поселения.

Следующую стадию представляли деревни, в которых часть дворов или даже все дворы бросали земледелие; владельцы их становились «непашенными». Так, в дер. Белобородово на нижнем Волхове было 6 дворов, сеявших на 2 обжи; с них монастырь брал оброк деньгами и хлебом[1].

[1] НПК, т. III; «Переписная окладная книга». «Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете» (далее — «Временник ОИДР»), кн. XI, М., 1851, стр. 32.

В 1568 г., согласно произведенной тогда переписи, в той же дер. Белобородово было 15 дворов рыбных ловцов, засевавших пашни на 2 обжи, и 8 дворов непашенных, причем с пашенных брали хлеба треть, а с непашенных — 26 алтын 4 деньги (по гривне с двора «в московское число»)[1]. В отдельных случаях можно наблюдать свежие следы такого перехода в конце XV в.

В некоторых деревнях по р. Неве также появились крестьяне, совсем не занимавшиеся земледелием. Часть их была рыбаками. Так, о «поземщике», т. е. о съемщике земельного участка в деревне, на устье Сензорицы на Неве (Городенского погоста) прямо говорится: «а ловит на Неве рыбу неводом»; он платил помещику «позема» (оброка?) гривну, а великому князю «позема» — 2 деньги. Появление непашенных крестьян означало в данном случае рост товарности рыболовных хозяйств, что должно было вызвать появление торговцев—скупщиков рыбы. Есть основания предполагать, что среди «поземщиков», т. е. съемщиков земельных участков в деревнях, были и торговцы, скупавшие рыбу в этом рыболовном районе. По крайней мере в одном случае мы имеем прямое указание, что «поземщик» — торговец[2].

Только промысловым или, вернее, торгово-промысловым характером можно объяснить значительные размеры поселений, существовавших на том месте, где через 200 лет был основан Петербург, при устье Невы. На «Васильеве острове на устье Невы» было 16 дворов непашенных «поземщиков» (из которых 9 прямо названы рыбными «ловцами»), плативших по 3 деньги с двора[3], и 13 дворов пашенных, занимавшихся также (все или частью) рыбной ловлей. На «Фомине острову на Неве у моря» было 32 двора пашенных и 4 двора непашенных[4].

В связи с расширением внутреннего рынка в первой половине XVI века местами рыболовные поселения, развиваясь, приобретали специфические признаки торговых поселений, причем некоторые из них достигали значительных размеров, что позволяло называть их «рядками».

Если название «рядок» дается селению тогда, когда в нем имеются или появляются специфические внешние признаки торгового поселения (торговые строения, рыночное место), то вполне понятно и появление в Вотской пятине в XVI в. новых «рядков», из которых некоторые (Дубно, Сумск, Новинка) не упоминаются уже как деревни в писцовой книге 1500 г. Так, Дубно носит явно торговый характер. В 40-х годах XVI в. говорили только о «ряде» «в Дубне», но уже в писцовой книге 1568 г. говорится о «рядке Дубна», у Ладожского озера над речкой Дубной, причем

[1] Центральный государственный архив древних актов (далее — ЦГАДА), б. ф. Архива министерства иностранных дел, по Новгороду № 7; писцовая книга Вотской пятины, лл. 351—352 об.

[2] «Переписная окладная книга». «Временник ОИДР», кн. XI, стр. 130.

[3] Последние сведения относятся к семи дворам.

[4] «Переписная окладная книга». Временник ОИДР», кн. XI, стр. 117—118, 344, 372.

к нему причисляются и 8 дворов в Сумске. По разрядному списку 1545 г. в «рядке» Дубна, в Сумске и в трех деревнях было «тяглых 33 двора», а в 1568 г. в Дубне числилось (вместе с 8 сумскими) 40 дворов, населенных рыбными ловцами, и два пустых. В рядке Дубна находилось 19 амбаров разных владельцев, причем два из них принадлежали ладожанам: о некоторых из них узнаем, что они были владельцами торговых помещений (амбаров и пр.) в Ладоге. К числу новых «рядов», не отмеченных как деревни в писцовой книге 1500 г., относятся существовавший в 1545 г. «ряд» Новинка, лежавший пониже «ряда» Сухая Вельца, и существовавший в 1568 г. рядок в Кобоне, который следует отличать от рядка на устье р. Кобоны.

На нижнем Волхове, кроме Новинки, в первой половине XVI в. существовал рядок Сухая Вельца; в 1568 г., кроме этого «рядка», населенного рыбными ловцами, с незначительным количеством пашни[1], видим еще «рядок» Меншая Вельца, также населенный «рыбными ловцами» и с весьма малым количеством пашни[2]. Деревня Черная из 6 дворов превратилась к 1568 г. в «рядок» с незначительным количеством пашни[3]. Деревня Лидна из 5 непашенных дворов превратилась к 1568 г. в «рядок» больших размеров, в 26 дворов, населенных «рыбными ловцами», с небольшим количеством пашни.

По мере того как рыболовное поселение приобретало специфически торговый характер, в нем стала отслаиваться особая группа торговцев и ремесленников разных специальностей. В городах изучаемых районов ясно видны результаты этого процесса. Но особый слой торговцев мог образоваться и в большом рядке. Так, в Сванском Волочке, который был «придан» к г. Кареле, но являлся по существу самостоятельным рядком (хотя «рядком» он называется только в описании 1568 г.), население, по писцовой книге 1500 г., делилось на «рядовых, торговых» и на «рыбных ловцов». Сванский Волочек — переходная ступень между поселением — рядком и городом.

Интенсивно развивалось товарное производство в солеварении. Соль в Восточной Европе добывалась, как известно, тремя способами: 1) вываркой морской соли, 2) вываркой рассола подземных вод и 3) ломкой каменной соли. Соляная вода наливалась в огромные сковороды («црены») и выпаривалась на огне. Под «цреном» устраивали печь, и рядом находился амбар для сушения и хранения соли; иногда вместо «црена» употребляли котел («салга»). Соляные промыслы охватывали сплошным кольцом весь Беломорский край. Соль добывали также в Пермской области (на Вычегде, на Чердыне-Соликамской) и у Галича. Соляные промыслы существовали также под Новгородом — в Старой Русе и на Шелони, при устье Мшаги.

В Старой Русе, согласно данным Герберштейна, была «соленая река», которую «граждане задерживают широким рвом на подобие озера и оттуда

[1] ЦГАДА, Писцовая книга Вотской пятины, лл. 372—374 об.; ААЭ, т. I, № 205, стр. 190, 191.

[2] Там же, лл. 375—376 об.

[3] Там же, лл. 359—361.

проводят воду по каналам, каждый себе в дом, и вываривают соль»[1]. В городе многие из дворохозяев занимались солеварением. Отдельные небольшие центры солеварения находились у Нерехты, близ Переяславля, близ Ростова и Балахны.

Товарное производство в солеварении принимало все более крупный характер. Мелким предпринимателям было трудно конкурировать с крупными, по крайней мере на Севере.

Заготовка и доставка дров к варницам была сопряжена здесь с большими затруднениями. Кроме того, мелким хозяевам было труднее конкурировать с крупными на рынке.

Соловецкий монастырь систематически скупал варничные доли членов соляных артелей (дело в том, что соляными варницами нередко владели совместно несколько мелких хозяев; иными словами, такие соляные варницы находились в долевом владении). Деятельность этого монастыря по приобретению соляных угодий простиралась на все Беломорское побережье[2]. В Неноксе, например, Соловецкий монастырь начал со скромной роли арендатора небольших долей в посадских варницах еще в начале XVI в., а впоследствии оказался энергичным скупщиком варниц. Хороший соляной рассол и удобное для торговых дел местоположение Неноксы привлекали сюда всех крупных соляных «промышленников» того времени — торговых людей и монастыри, конкурировавшие с Соловецким.

С последней четверти XV в. в другом крае — в Сольвычегодске — начинает развертываться промысловая деятельность Строгановых. Сохранился ряд актов второй четверти XVI в., показывающих, как в руки Аники Строганова переходили промыслы его соседей-солеваров, причем не только доли и целые варницы мелких хозяев, но и предприятия крупных промышленников-солеваров, конкурировавших с ним. Московское правительство поощряло развитие солеварения в Сольвычегодске, и Аника Строганов в 1550 г. получил льготную грамоту на варничное дело. После его смерти осталось 10 варниц на полном ходу с необходимым оборудованием и запасными солеваренными принадлежностями, с трубами, из которых тянулся рассол, колодезями и пр.[3]

Аника Строганов и его сыновья, кроме соляных промыслов, имели железоделательные и кузнечные, вели ярмарочную торговлю по селам Поморья и посадам Русского государства и впоследствии в большом количестве добывали пушнину. Со временем Строганов организовал товарообменную торговлю с народами Сибири и скупал меха в своих пермских вотчинах, где имел склады во всех городах и острожках[4].

---

[1] *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах, стр. 120.

[2] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 96, 97.

[3] *А. А. Введенский.* Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. «Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922.

[4] Там же, стр. 103.

* * *

Развитие производительных сил в деревне и в городе определяло успехи товарного производства и в обрабатывающей промышленности.

Преобладание в конце XV и в XVI в. домашней или деревенской патриархальной промышленности, между прочим, объясняет тот факт, что писцовые книги весьма редко упоминают о ремесленниках-специалистах. Последние в основной своей массе были ремесленниками, работавшими на заказ потребителя. Редко мы находим указания, что в одном поселении жили ремесленники разных специальностей. Кроме того, как правило, деревенские ремесленники все или почти все в известной мере занимались земледелием. Материал мог принадлежать потребителю-заказчику или ремесленнику, а оплата труда производиться либо деньгами, либо натурой.

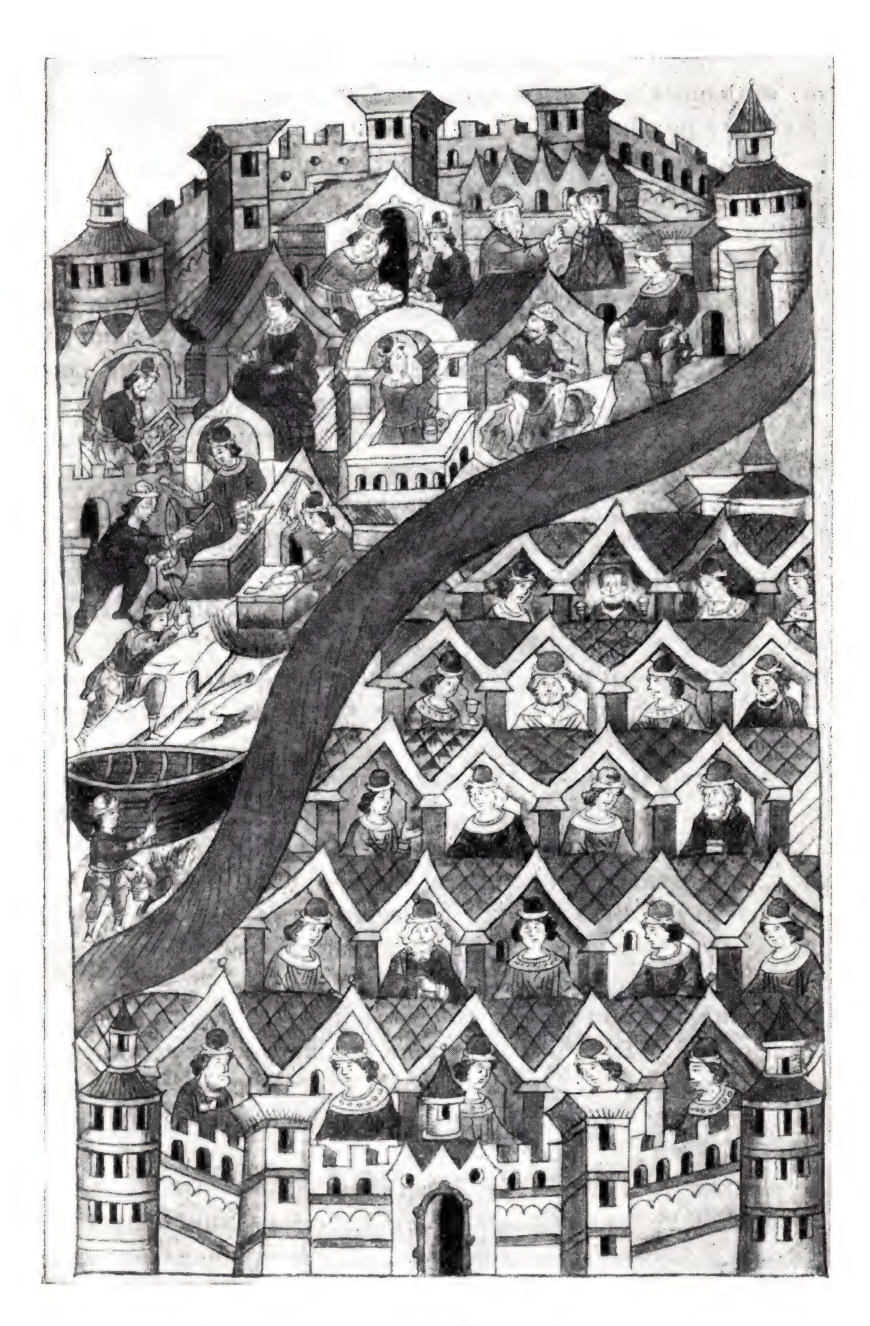
В известном количестве такие ремесленники существовали по деревням и в древней Руси. Это была первая форма промышленности, отрываемой от земледелия,— производство изделий по заказу потребителя. Как ранее, так, очевидно, и в XVI в., ремесленники эти обслуживали главным образом крестьянское население данной деревни и близлежащих селений. Они могли в отдельных случаях выполнять заказ феодала, например князя, епископа или монастыря[1]. В течение XVI в. количество сельских ремесленников, работавших на заказ, росло. Следует помнить только, что они далеко не были повсеместным явлением в крестьянском быту. Но в общей массе деревенских мастеров работавшие на заказ составляли, вероятно, значительное большинство.

Одновременно с распространением ремесленного производства на заказ шел процесс перехода части ремесленников к производству на рынок, т. е. на положение товаропроизводителей. Процесс этот совершался постепенно. Раньше всего он происходил в городе, необходимой составной частью развития которого было ремесло. Но в XV—XVI вв. это явление можно было наблюдать и в деревне. Первоначально ремесленник продавал случайно остававшиеся у него на руках изделия, потом начинал их производить специально на рынок, причем зачастую продукт ремесленного труда переходил непосредственно из рук производителя в руки потребителя. Необходимо иметь в виду, что общее количество мастеров-товаропроизводителей в деревне было незначительным. Селения, где производились товары, были редкостью, исключительным явлением. Только в отдельных населенных местностях восточно-европейской равнины были деревни, в которых можно было встретить непашенных сельских ремесленников или мелких товаропроизводителей, занимавшихся разнообразными ремеслами.

В Шелонской пятине, например, помимо обычных деревенских ремесленных специальностей (кузнеца, швеца, сапожника, плотника, дегтеря,

---

[1] Ср. ДДГ, № 74, стр. 276, № 88, стр. 351; «Летопись занятий Археографической комиссии» (далее — ЛЗАК), вып. 33, Л., 1926, стр. 282—283.

Ремесленники в феодальном городе (ювелиры, портные, каменщики, иконописцы, литейщики, кузнецы, лодочники). Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

гончара, ведерника, пивовара, овчинника, решетника, бочечника, колпачника) встречаем кузнеца-замочника, епанечника, серебряника, хомутиника, мыльника и многих других.

Уже в первой половине XVI в. в Шелонской пятине, по данным писцовых книг, непашенных сельских ремесленников значилось около половины[1]. Такие районы в то время являлись исключением; на данной стадии развития промышленник от земледельца «...в большинстве случаев еще не отделяется»[2].

Всего более ремесленников-товаропроизводителей мы встречаем там, где возникали особые торгово-ремесленные поселения. В первой половине XVI в., например, за р. Вохтомой Костромского уезда появилась слобода беспашенных и ремесленных людей в 17 дворов[3]. Когда лежавшее на р. Тверце с. Медна попало во владение Троицкого монастыря, там стал развиваться «торг»; к середине XV в. числилось 72 двора и из них 56 дворов непашенных людей, среди которых — 8 портных мастеров, 9 сапожников, 1 овчинник, 1 колпачник, 8 хлебников и калачников, 1 горшечник, 4 кузнеца, 1 скоморох и 1 смычник, т. е. мастер по изготовлению лучин[4]. В течение XVI в. с. Медна как торгово-ремесленное поселение значительно выросло.

В иных случаях торгово-ремесленное население, обслуживающее сельскую округу, имело по одному или два ремесленника разных специальностей.

Развитие некоторых видов ремесла было связано с добывающей промышленностью или особенностями сельскохозяйственного производства, подобно тому как появлялись кузнецы-специалисты в районах добывания железа, торговавшие изделиями своего ремесла. Так, на р. Мсте, вблизи от «угодья», где добывали горшечную глину, к середине XVI в. вырос рядок Потерпелец с группой непашенных дворов, принадлежавших ремесленникам-горшечникам[5].

В городах процент мастеров, работавших на рынок, был, конечно, значительно выше. Из городов изделия товаропроизводителей могли расходиться далеко за пределы города. Преобладание тех или иных видов производства в городе иногда определялось характером производства в прилегавшем к городу сельском районе. Так, в г. Серпухове явно преобладали кузнецы и ремесленники, связанные с кожевенным производством: 36 кожевников, 49 сапожников, 7 овчинников и 1 чоботный мастер. Немало числилось и гончаров: 29 гончаров и 2 горшечника[6].

---

[1] НПК, т. IV, СПб., 1886, стб. 237 и др.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 289.

[3] *С. Б. Веселовский.* Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 24.

[4] Там же, стр. 93.

[5] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, стр. 71.

[6] См. *П. Симсон.* Указ. соч.; *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

В г. Торопце, наряду с производством на продажу продуктов питания, выделялось производство кожевенных и металлических изделий. Здесь в первой половине XVI в. числилось 8 калачников, 4 мясника (заметим, что 27 лавок находились в ряду мясном и рыбном), 8 сапожников, 3 сыромятника, 3 скорняка, 2 овчинника, 2 епанечника, 2 седельника, 7 кузнецов, 2 котельника, 4 серебряника, 1 ведерник, 1 сабельник, 1 игольник и т. д. В Старой Ладоге, по писцовой книге 1500 г., из 114 дворов ремесленники, работавшие на заказ или на рынок, отмечены только в четырех; а в 1568 г. на то же приблизительно количество дворов писцовая книга отмечает их 36; большинство занималось продажей продуктов питания. Некоторые ремесленники, повидимому, в большинстве товаропроизводители, вели более или менее крупную торговлю; здесь среди владельцев амбаров мы встречаем скорняка, калачника, хлебника, мясника, а среди владельцев «щербетей»—мясника, портного мастера, зелейника[1].

Крупнейшими ремесленными центрами страны были Москва и Новгород. Высокого уровня достигло ремесленное производство в Москве. Московские мастера снабжали ремесленными изделиями не только горожан, но и сельскую округу.

Новгородские ремесленные изделия, как и московские, покупались не только горожанами, но шли и за пределы города и прежде всего покупались приезжавшими в город крестьянами и расходились по ближайшей сельской округе, что делало излишним развитие сельского ремесла в ближайших к Новгороду погостах. Интересно, что в таких погостах Вотской пятины писцовая книга не отмечает своих, сельских ремесленников.

* * *

В конце XV и первой половине XVI в. яснее определяются линии развития товарного обращения. Первоначально, как известно, рынком для сбыта товаров служит мелкий сельский базар или ярмарка, или город для ближайшей сельской округи. В дальнейшем, согласно данным В. И. Ленина, появляются посредники; образуется областной рынок; растут экономические связи между областями[2]. В конце XV в. и в первой половине XVI в. обозначился сдвиг в процессе сближения местных рынков, в образовании более крупных, областных.

С ближайшей сельской округой, откуда приезжал непосредственный производитель сельскохозяйственных продуктов, были связаны и крупные и небольшие города. Так, например, в г. Орешек, лежавший близ истока р. Невы, крестьяне приводили на продажу коров, баранов, свиней, приносили масло, сыры, яйца. Крестьяне Вологодского уезда приезжали «на торг с рожью, и со пшеницею, и с овсом, и с солодом, и с мясом, и с лыки, и с хомуты, и с рогожами, и с иным сельским мелким товаром».

---

[1] ЦГАДА, Писцовая книга Вотской пятины по Новгороду, № 7, лл. 302 об., 304, 305, 308, 309, 309 об.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 288.

Подобную картину можно было наблюдать и в маленьких городах, например в Угличе, куда съезжались «торговать» крестьяне даже из деревень Кашинского уезда [1], или в Рузе, куда приезжали крестьяне продавать, покупать или менять [2]. Крестьяне Звенигородского уезда ездили с товаром в Звенигород и в Москву [3]. В Москве, по словам Контарини, побывавшего в столице в 70-х годах XV в., на Москве-реке, когда она покрывалась льдом, купцы ставили «лавки свои с разными товарами». «На таковой рынок,— писал он,— ежедневно, в продолжении всей зимы, привозят хлеб, мясо, свиней, дрова, сено и прочие нужные припасы. В конце же ноября все окрестные жители убивают своих коров и свиней и вывозят их в город на продажу. Любо смотреть на это огромное количество мерзлой скотины, совершенно уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах» [4]. По словам Герберштейна, в Москву вели скот «из ближайших деревень» [5].

О развитии производства крестьянского хлеба на продажу в изучаемый период нет ясных данных. Жестоко эксплуатируемые крестьяне вынуждены были продавать продукты сельского хозяйства для уплаты денежных повинностей, особенно с распространением (с конца XV в.) денежной ренты. Такой сбыт шел в значительной мере за счет собственного потребления. Один из иностранцев отмечал, что крестьяне Руси в XVI в. жили очень бедно, питались одним ржаным хлебом и все более ценные продукты своего хозяйства продавали на рынке [6]. Но возможно, что среди тех, которые везли на продажу хлеб (например, в Вологду, Дмитров и другие места), были и зажиточные люди, сеявшие с расчетом на продажу. Грамота 1504 г. Симонову монастырю освобождала от мыта крестьян сел Дмитровского уезда, которые «из тех сел и из деревень жито... в монастырь повезут или иное что» [7]. В Дмитрове крестьяне торговали «хлебом и животиною», торговали также в Кимрах и Рогачеве; некоторые из них имели в городе свои лавки, что, впрочем, было редким явлением [8]. К сожалению, нет сведений о производстве крестьянского хлеба к югу от Москвы, откуда в большом количестве хлеб шел на Север [9].

---

[1] АСЭИ, т. I, № 364, стр. 267.

[2] ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря, № 339, отд. 13; 1534 г.

[3] ААЭ, т. I, № 201, стр. 179—181.

[4] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I СПб., 1836. Путешествие А. Контарини, стр. 109—110.

[5] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 98.

[6] *Даниель Принц.* Начало и возвышение Московии. «Чтения ОИДР», 1876, кн. IV, стр. 71.

[7] Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина (далее — ГБЛ), собр. Беляева, № 23; *А. С. Гудкова.* Внутренняя торговля в Русском государстве в конце XV — начале XVI в. (рукопись).

[8] «Архив П. М. Строева», т. I. РИБ, т. 32, № 172, стб. 295; *А. С. Гудкова.* Указ. рукопись.

[9] В тех частях России, где по местным условиям хозяйства своего хлеба недоставало, там населению приходилось менять или прикупать хлеб (особенно на Севере).

Однако этим далеко не ограничивались рыночные связи в изучаемую эпоху. По стране развивалась сеть мелких торговых мест — «рядков» и «торжков».

Показания источников об этих «рядках» и «торжках» свидетельствуют, что они не были только рынком для сбыта местных произведений, так как туда съезжались не только местные, «тутошние» люди, но и «приезжие», скупавшие или продававшие товар на местных торжках. Так, например, в Новоторжском уезде в боярских селах Беркове, Загорье, Ивашкове и Ильинском в XV в. появились торжки, где «тутошние» люди и «приезжие» «многие торгуют всяким товаром»[1]. Во владения Кирилло-Белозерского монастыря на «праздник пречистыя и на чюдотворцеву память» приезжали торговать крестьяне и городские люди[2]. За Белым озером в волости Угле был «торг», где разрешалось торговать житом и всяким товаром[3]. Под Переяславлем в начале XVI в. у монастыря «Пречистой на Киржачи... торгуют в год на три праздника», а «съезжаютца торговати многие люди, а торгуют всяким товаром»[4]. В Рузском уезде в Сестринском стану и некоторых селах и деревнях шла торговля «по празникам» с приезжими из Рузы и из деревень и «меж себя»[5]. Существовали торжок в Кличанской волости, на Селигере и несколько «рядков» на р. Мсте, на водном пути Мста — Тверца — Волга. Так, на Млевском погосте, например, было торговое место, состоявшее, по «новому письму» (1551 г.), из 332 лавок, «больших», «средних» и «меньших». В этих «лавках» торговали «приезжие гости» в определенные сроки («до Петрова дни и по Петрове дни всего две недели»).

При лавках были два «квасных амбарца» и две хлебни. Здесь был «торг» и место, где крестьяне «ставились с хлебом и со всяким товаром». В стороне от того же пути, при озере Удомле, были расположены 22 лавки, 6 амбаров, несколько прилавков и 9 житниц, некоторые с прилавками. Эти лавки, амбары и житницы поставлены были крестьянами различных окрестных деревень, а частью новгородцами.

В житницы ссыпали «привозячи» хлеб и всякий мелкий товар и в них же торговали. У лавок и житниц находилось «дворишко гостиное торговых людей на приезд». Все это торговое место располагалось на пути от монастыря Ивана Богослова к озеру; а за монастырем на посаде стояли только два двора «торговых людей», из которых один был «седельником», т. е. занимался выделкой седел.

Процесс сближения местных рынков выражался, во-первых, в углублении внутриобластных рыночных связей в пределах отдельных «земель» и, во-вторых, в росте связей между «землями» Русского государства.

---

[1] ААЭ, т. I, № 188 (1539 г.), стр. 165.

[2] Там же, № 177 (1533 г.), стр. 149.

[3] Там же, № 134 (1497 г.), стр. 99—101.

[4] «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою экспедициею» (далее — АИ), т. I, СПб., 1841, № 138 (1537 г.), стр. 200—201.

[5] ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря, № 339, отд. 13; 1534 г.

В Москву приезжали с товаром и за товаром не только из ближайшей округи. «Москва,— писал в середине XVI в. Р. Ченслер,— находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками... Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль; все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико»[1]. По Москве-реке снизу привозили товары на судах, сверху по реке доставляли на плотах в Москву «материалы для постройки домов и других потребностей»[2]. В Москве и других городах закупали необходимое крупные феодальные хозяйства, которые в течение XVI в. все более и более втягивались в товарно-денежные отношения. Так, в 1536—1537 гг. Иосифо-Волоколамский монастырь закупал клей, железо, киноварь, горячую серу, покупал в Москве сапожные гвозди и т. д.[3] В Москву приезжали «гости» из «уделов», из «Московской земли», а также из других «земель»; как явствует из духовной грамоты 1504 г., «гостиные дворы» в Москве имели значение мест, где можно было ставить приезжих «гостей». Грамота Ивана III 1504 г. отражает рост торгового значения Москвы к началу XVI в.: старшему сыну завещается Москва «з дворы городцкими... и с тамгою и с пудом и с померным и с торги и с лавками и з дворы з гостиными и со всеми пошлинами»[4]. В духовных грамотах предшествующего времени подобного перечисления доходных статей с торговли мы не находим.

Главный московский «торг» помещался у Кремля, захватывая нынешнюю территорию Красной площади; здесь находились лавки и торговые ряды, а местность, лежавшая за рядами, носила название Зарядье, где в XVI в. начинались «гостиные дворы». Далее тянулся торговый посад, обнесенный в 30-х годах XVI в. китайгородской стеною. В XVI в. существовали «ряды»: москотельный, сапожный, рукавичный, котельный, рыбный, овощной, житный, соляной и др.

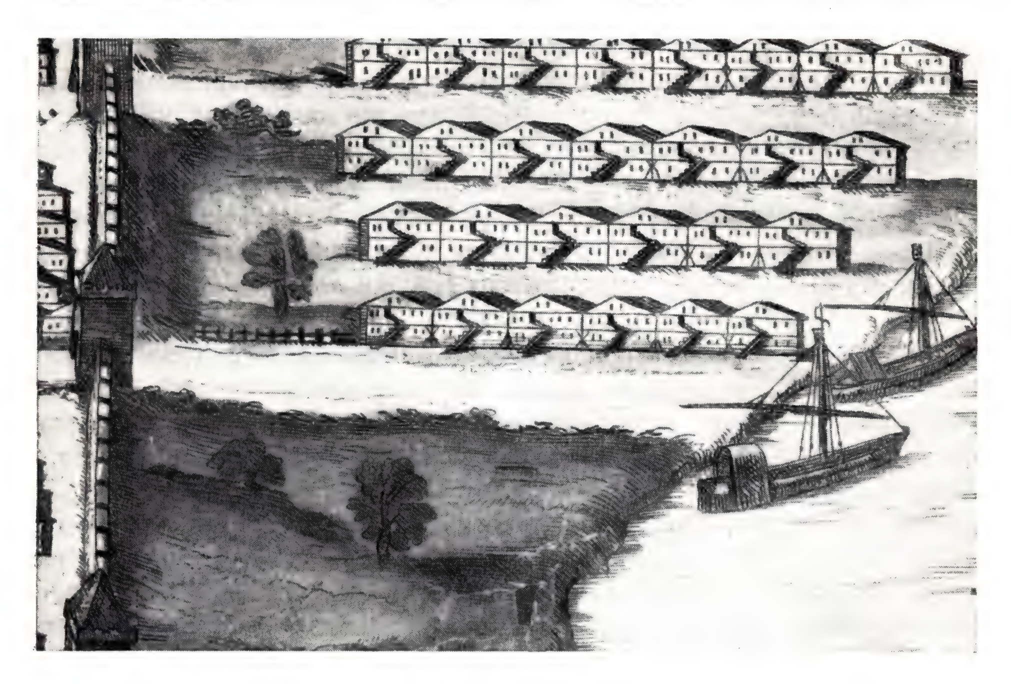
Феодальное дворцовое хозяйство многими слободами с ремесленным населением раскинулось в разных частях столицы. Например, слобода кислошников, заготовлявших на государев обиход кислую капусту, огурцы и пр., находилась в районе нынешних Кисловских переулков. Калаш-

[1] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», 1937, стр. 56.

[2] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 97.

[3] Государственный Исторический музей, отдел рукописей (далее—ГИМ), Епархиальное собрание, № 379 (585); *А. С. Гудкова.* Указ. рукопись.

[4] ДДГ, стр. 351—353.

Пристань на Москве-реке. Деталь плана Москвы Герберштейна XVI в.

ники, заготовлявшие калачи и хлеб, жили на месте Калашного переулка. Недалеко от Яузы располагались ремесленные слободы Гончары и Кожевники и т. п. В течение XVI в. жители дворцовых «слобод» втягивались в торгово-ремесленную жизнь посада, вели торговлю в житном и других рядах.

Несмотря на то, что центральный, «московский» район Русского государства имел свою железодобывающую и железоделательную промышленность, свои рыболовные и соляные промыслы, потребность в соли и в рыбе далеко не покрывалась местной промышленностью. Рыбу ввозили в центральный район главным образом из Белоозера. Соль шла с Севера, преимущественно беломорская, а частью из Астрахани, где, по словам путешественников, лежало «Соленое озеро», снабжающее солью «Российские владения»[1]. Наконец, в «Московской области», как явствует из слов С. Герберштейна, было мало пушного зверя, за исключением зайцев[2]. Пушнину привозили с Севера. По данным первой половины XVI в., в Москву везли пушнину через Вологду[3]. Везли ее и из Пермского края, Двинского и др. Купцов из «Московской земли» можно было встретить и в Новгородской земле, и в Белоозере, и в Двинской земле, и в Пермском крае. На Север главным образом шел хлеб. Троице-Сергиев монастырь торговал

[1] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I, Путешествие И. Барбаро, стр. 75, 95; Путешествие А. Контарини, стр. 168 и др.

[2] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 99.

[3] «Русские акты Ревельского городского архива». РИБ, т. 15, № 48, стб. 85—88.

с Нижней Двиной [1]. В торговые отношения с другими «землями» втягивались и небольшие сравнительно города «Московской земли». Так, например, г. Дмитров, расположенный на пути из Москвы в Белоозеро и к Волге, грамоты первой половины XVI в. обрисовывают значительным торговым центром, хлебным рынком, куда ездили торговать не только из поселений «Московской земли», но также из Новгорода, Твери, Белоозера и даже из Казани и из Рязани: одни — за хлебом, другие — за солью, воском или зарубежным товаром [2]. В торговлю с иными «землями» втягивались и крупные феодальные хозяйства центрального района. Так, Троице-Сергиев монастырь посылал суда не только в Двинскую землю и в Вологду, но также на Белоозеро, покупал товары в селениях Углицкого и Бежецкого уездов и т. п.[3] Переяславский Данилов монастырь посылал своих людей торговать в Холопий городок на Мологу (1548), в Нижний Новгород, на Балахну [4].

Торговое значение Новгорода основывалось прежде всего на развитии внутреннего областного новгородского рынка, не изолированного, а связанного в известной мере с рынками других «земель». В XVI в. разнообразные категории новгородских купцов занимались торговлей продуктами сельского хозяйства и промыслов, привозившимися из «волостей» («льняники», «холщевники», «хмелевики», «яблочники», «луковники» и др.).

Среди этих категорий видное место занимали многочисленные «рыбники»: «прасольные рыбники» и просто «рыбники», торговавшие в Новгороде рыбой (в Новгороде было два рыбных «ряда»). Некоторые из них имели амбары. Одну из фамилий таких владельцев (она фигурирует среди рыбников Новгорода) мы встречаем и в Ладоге и в «рядке» Дубно. Один из них имел амбары в Ладоге и в Дубно. В обоих селениях имели амбары и представители другой фамилии [5]. Некоторые из «рыбников» приходили в Новгород из рыболовных селений. В одном источнике 20-х годов XVI в., хотя и преувеличивающем размеры и значение торговли в России, правильно отмечен рост городского населения, движение некоторой части сельского населения в города: «...люди, которые года два тому назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами...»[6]

Лен привозили в Новгород, повидимому, преимущественно из западных окраин «земли», где встречались также торговые селения с значительным количеством амбаров или с населением, занимавшимся «торгом»

---

[1] ГКЭ, т. I, стр. 35, 36.

[2] «Архив П. М. Строева», т. I, № 103, стб. 170—173; ААЭ, т. I, № 167, стр. 136.

[3] ААЭ, т. I, № 42, стр. 32, № 78, стр. 57, № 222, стр. 211—212; АСЭИ, т. I, № 292, стр. 208, № 318, стр. 227, № 303, стр. 214; *А. С. Гудкова*. Указ. рукопись.

[4] ААЭ, т. I, № 222, стр. 212.

[5] ЦГАДА. Писцовая книга Вотской пятины по Новгороду, № 7.

[6] *Г. Гильдебранд*. Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельских архивах по части русской истории. Приложение к т. XXIX «Записок Академии Наук», СПб., 1877, стр. 93.

и «извозом»[1]. В Новгороде был особый «льняной ряд». В Пскове также находился «льняной двор». Лен частью вывозился за границу. Железо в Новгород привозилось из железоделательных новгородских районов. В некотором количестве железо ввозилось из-за границы. Соль не только непосредственно потреблялась населением, но и требовалась на нужды растущей рыболовной промышленности. На новгородский рынок поступала соль старорусская и соль беломорская («морянка»), прибывавшая водным путем через Олонец и Ладожское озеро, а также привозившаяся из-за рубежа. Вместе с тем Новгородский край нуждался в хлебе, который ввозился с юга речным транспортом и сухопутным: вьюками, на возах, на санях. Многочисленными каналами хлеб и соль развозились по городам, «рядкам» и деревням. Не только в Орешке, но и в Ореховском уезде, например, у некоторых жителей были поставлены амбары и лавки «по их дворам», и в них «те люди» «товар свой соль» клали и хлеб ссыпали «на продажу»[2]. Меха привозились в Новгород через Вологду и другими путями с Севера.

Белоозеро было не только экономическим центром значительной территории. Оно играло роль рынка в транзитной торговле и обслуживало продуктами своего производства другие «земли». В город привозилось большое количество продуктов сельского хозяйства. В городе торговали не только «городские люди» и «окологородцы», но и «волостные», очевидно, крестьяне более отдаленных поселений. Таможенные грамоты 1497 и 1551 гг. дают представление о разнообразном ассортименте товаров. На рынке продавались: пшеница, рожь, ячмень, солод, конопля, греча, горох, толокно, домашняя птица, скот, сыры, яйца, лен, лук, чеснок, орехи, мак, яблоки, репа, хмель, зола, деготь, сухая рыба, рыба свежая, мед, икра, соль.

Беломорская соль приходила в Белоозеро, главным образом, с Онеги, из Турчасова и Каргополя. В Белоозеро приезжали «гости» из других «земель» и торговые экспедиции из многих монастырей закупать соль и рыбу, в большом количестве продаваемую местными рыболовами. Кирилло-Белозерский монастырь покупал хлеб и другие товары в Ростове, Дмитрове, Ярославле, Кашине, Бежецке, торговал в Москве, в Холопьем городке, продавал в Дмитрове ежегодно 10 000 пудов соли[3].

Местами транзитной торговли служили Вологда и Устюг, где торговали хлебом, солью, мехами. Автор, писавший в 20-х годах XVI в., замечает, что в Устюг приезжали «пермь, печера, югра, вогуличи, пеняжане, и другие отдаленнейшие народы» и привозили с собою дорогие меха куниц, соболей, волков, рысей и черных и белых лисиц[4].

---

[1] НПК, т. IV, стр. 162, 502—504.

[2] См. ДАИ, т. I, № 116.

[3] «Архив П. М. Строева», т. I, № 77, стб. 124—125; № 97, стб. 162; № 182, стб. 316; № 202, стб. 424; № 225, стб. 453; *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы, ч. 2, М., 1951, стр. 224; *А. С. Гудкова.* Указ. рукопись.

[4] *Павел Иовий Новокомский.* Книга о Московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 267.

Пермская земля торговала с западными и центральными районами Русского государства.

На Нижней Двине было несколько торговых мест; в XVI в., в интересах удобства сбора торговых пошлин, было запрещено приезжим торговым людям торговать ниже Холмогор, т. е. в Уне, Неноксе. Холмогоры служили не только центром складывающегося областного рынка, но и в некоторой мере рынком для отдаленных «земель»: здесь шла торговля хлебом, мехами, солью, рыбой.

В конце XV и в первой половине XVI в., без сомнения, начался сдвиг в процессе сближения местных рынков, в процессе образования областных рынков и известной связанности их между собой. Эти экономические связи были еще слабыми. Но наряду с господствующим типом хозяйства — натуральным — существовало товарное производство и товарное обращение, обслуживавшие феодализм.

5

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД

В конце XV — первой половине XVI в. русские города сохраняли черты городов периода феодальной раздробленности. Городские земли принадлежали феодальным сеньорам — государю или другим крупным землевладельцам, которым городское население было обязано платить налоги, а иногда и нести в их пользу ряд повинностей. Многие горожане не порвали еще вполне с сельским хозяйством. Но в условиях господства феодальных отношений многие города являлись носителями прогресса в области производства и обмена, центрами политической и культурной жизни. Они были опорой объединительной политики центральной власти, решительно поддерживали правительство в его борьбе с остатками феодальной раздробленности. Первостепенное значение имела Москва — экономический и политический центр всей страны. Древние города — Новгород Великий, Псков, Смоленск, Тверь, Нижний Новгород и другие— были значительными экономическими и культурными центрами.

С конца XV в. в связи с развитием товарного производства и внутреннего рынка вырастало экономическое значение города для страны. Торгово-промысловые и торгово-ремесленные поселения перерастали в поселения городского типа (см. выше) и в них выделялись особые слои ремесленников и торговцев-профессионалов.

Торгово-ремесленная жизнь города была неразрывно связана с хозяйственной жизнью сельской округи. Городское ремесло, для которого характерна развивающаяся специализация, приобретало все больше и больше характер товарного производства. С конца XV в. все более намечалась роль города как центра «областного» рынка и появились признаки растущих рыночных связей, еще, впрочем, слабых, между городом и другими «землями» или «областями». Эти явления отражались

на жизни городов и прежде всего на численности и составе городского населения.

В первой половине XVI в. в Русском государстве было всего около 170 городов[1], из которых большинство были городами в экономическом смысле слова. Крупные города достигали в начале XVI в. значительных размеров, зачастую превосходя по величине современные им западноевропейские города.

Сплошная застройка Москвы занимала к 1504 г. уже почти всю территорию современного Бульварного кольца, а за пределами сплошь застроенной городской территории вдоль главных дорог по обоим берегам р. Москвы вырастали тянувшиеся к городу слободы, впоследствии вошедшие в его состав[2]. Как по своим размерам, так, вероятно, и по количеству населения Москва превосходила Новгород. Современники-иностранцы писали, что Москва вдвое больше Праги и Флоренции.

Новгород, о котором иностранцы писали, что это «удивительно большой город», занимал в XVI в. ту же территорию, что и теперь. В середине XVI в. в нем было 5096 дворов, а число жителей превышало, по всей вероятности, 20 000 человек[3].

О городах Новгородской земли дают представление сохранившиеся до нашего времени новгородские писцовые книги.

Самый большой из них — Корела — включал в 1500 г. 267 дворов, в которых жило 368 взрослых мужчин, а всего более 1100 человек. В г. Яме было 239 дворов, население его должно было достигать 1000 чел., в Орешке — 190 дворов и 800—900 человек, в Ладоге — 111 дворов и 450 человек[4].

Были на Руси и такие города, которые имели только административное и военное значение. Ремесло и торговля в этих городах были развиты слабо. Такие городки-крепости строились в основном в пограничных районах. По мере объединения русских земель вокруг Москвы, с расширением границ государства, многие из них потеряли свое значение и опустели. В качестве примера можно привести городок Тушков, вблизи Можайска. Расположенный в верховьях реки Москвы, на важном стратегическом пункте, неподалеку от тогдашней литовской границы, он был, как показали раскопки, заново укреплен в конце XIV в. Дмитрием Донским и стал центром волости[5]. Но к началу XVI в., когда границы

---

[1] Н. Д. Чечулин, произведший подсчет городов Русского государства в XVI в., указывает всего 220 городов, кроме отошедших к Польше и Литве. Если исключить из приводимого им списка города, основанные или присоединенные во второй половине XVI в., то останется указанное нами число. См. *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке, стр. 14—21.

[2] *П. В. Сытин.* История планировки и застройки Москвы, т. I. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. 1, М., 1950, стр. 45—47; «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 173.

[3] По подсчетам Н. Д. Чечулина (указ. соч., стр. 50—52).

[4] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 34—38.

[5] ДДГ, стр. 34.

Великого княжества Литовского отодвинулись далеко на запад. Тушков прекратил свое существование, и впоследствии самое имя его было забыто.

После того, как в состав Русского государства вошла Новгородская земля и могуществу крупных новгородских феодалов был положен конец, мало-помалу были заброшены некоторые городки в новгородских пятинах, бывшие административными центрами крупных вотчин с небольшими посадами (Молвотицы — владение новгородских архиепископов, Березовец — владение Исаковых-Борецких и др.). В писцовых книгах они названы уже «городищами», т. е. местами бывших городов.

С другой стороны, на новых границах государства вырастали новые города — крупные крепости, как, например, Ивангород. Такие городки-крепости обрастали со временем посадами, где поселялось незначительное торгово-ремесленное население, обслуживавшее в основном нужды гарнизона.

В некоторых рядках и слободах, выраставших в поселения городского типа, строились укрепления. Одним из таких городов был, например, городок Шестаков на реке Вятке, получивший по жалованной грамоте 1546 г. ряд льгот по налогам и уплате прежних долгов[1].

Население большинства городов в первой половине XVI в. сильно выросло. Так, уже упомянутый выше город Корела по переписи 1568 г. имел 482 двора, в которых жило 683 взрослых мужчин, а всего население Корелы достигало 2230 человек, т. е. увеличилось по сравнению с 1500 г. вдвое[2].

Городами управляли наместники великого князя. Они ведали также судом, уголовным и торговым. В помощь им назначались городовые приказчики, тиуны и целовальники. Некоторые города имели особые привилегии в области суда; например, в Новгороде с 1518 г. при наместниках был суд выборных целовальников в количестве 48 человек.

Каждый, даже самый маленький, город имел укрепление («город» в собственном смысле этого слова), за пределами которого располагался обычно неукрепленный городской посад. Крепость (большей частью деревянно-земляная) занимала наиболее выгодную в стратегическом отношении возвышенную часть города, укрепленную и естественными условиями, например крутыми обрывистыми берегами рек и оврагов. В ней располагались дворы великокняжеского, а иногда и архиепископского наместника и небольшое число так называемых «осадных» дворов, принадлежавших окрестным землевладельцам, которые зачастую жили у себя в деревнях и держали эти дворы на случай войны и для хозяйственных целей. Здесь же в больших городах находились административные учреждения и соборы. Основное население города сосредоточивалось на его посаде.

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, стр. 56—57.

[2] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 39—41.

Торговля хлебом и медом в Новгороде. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Строительство в московском Кремле в конце XV— начале XVI в., возведенная в 1535 — 1538 гг. каменная стена Китай-города отражали возросшее значение Москвы как столицы Русского централизованного государства[1].

Московский Кремль был в несколько раз больше прославленных европейских крепостей — Милана и Меца. Он являлся самой сильной крепостью тогдашней Европы.

Застройка городов, особенно их периферийных частей, где жил беднейший люд, оставалась попрежнему беспорядочной. Улицы, на которые выходили глухие заборы усадеб феодалов и дома ремесленников, были в большинстве кривыми, как во всех городах того времени. Но большая их часть была покрыта добротными деревянными мостовыми, а по мере надобности улицы осушались при помощи сложных гидротехнических сооружений — системы каналов и деревянных труб, открытых при раскопках в Москве и в Новгороде.

Центральное место на посаде, чаще всего поблизости от реки, занимал «торг» — рыночная площадь, на которой обычно находились «ряды» лавок, группировавшихся по видам товаров, которыми здесь торговали. В Москве главный торг издавна был сосредоточен на Великом посаде, в районе Красной площади, в Новгороде — на Ярославовом дворище, отчего вся сторона города по правому берегу реки Волхова называлась впоследствии «торговой».

В больших городах было по нескольку рынков, один из которых считался главным, а остальные имели местное значение, обслуживая районы города.

Основной единицей застройки являлся двор — комплекс жилых и хозяйственных построек, стоявших в одной ограде и находившихся во владении одного хозяина. Двор являлся и учетной податной единицей. Население его было различным в зависимости от положения хозяина.

[1] Подробнее см. гл. 1, § 10д настоящего издания.

Так, во дворе рядового посадского человека жила обычно одна семья, в которой редко бывало больше двух взрослых мужчин. В «осадных» дворах своеземцев, т. е. владельцев собственных участков земли, не облагавшихся налогом («белых»), зачастую жили «дворники», находившиеся в той или иной степени зависимости от владельца двора и занимавшиеся ремеслами и торговлей. Двор феодала населяла многочисленная дворня, обслуживавшая все потребности хозяйства. В ее состав входили и ремесленники, хотя вотчинное ремесло с развитием товарно-денежных отношений в XVI в. постепенно приходило в упадок. Помимо барских хором (зачастую уже каменных) и домов для дворни, во дворе феодала находился ряд хозяйственных помещений и служб — конюшни, поварни, погреба-ледники, бани. Все это окружалось прочным тыном и представляло как бы небольшую крепость [1].

«Дворы» крупных вотчинников-бояр и монастырей попрежнему нередко играли большую роль в феодальном хозяйстве. Они служили административными центрами вотчинного хозяйства, откуда руководили хозяйственной жизнью деревень и слобод, принадлежавших феодалу-боярину или монастырю, служили средоточием судебной власти феодала, пользовавшегося иммунитетными правами.

Основную массу горожан составляли посадские люди. Само название «посадские люди» появилось в конце XV в. [2] и обозначало население городских посадов, обязанное тянуть посадское «тягло», т. е. платить в казну великого князя подати. Оно постепенно заменило название «горожане», обозначавшее владельцев дворов «на городских местах тяглых». В противоположность «белому», свободному от налогов населению собственно го́рода-крепости, посадские люди назывались также «черными», а заселенные ими участки земли, составлявшие собственность государей, «черными слободами». Посадские люди в большинстве своем занимались ремеслами и торговлей. Однако они обычно в той или иной мере не утрачивали и связи с сельским хозяйством. В городах имелось много огородов, садов, разводился крупный и мелкий скот и т. д. В XVI в. имущественное расслоение среди посадских людей зашло уже далеко. Писцовые книги начала столетия уже различали среди них по достатку «лучших», «средних» и «молодших», что определяло и соответствующие налоги. Среди молодших посадских людей, помимо большого количества ремесленников, встречались работавшие по найму, в частности обслуживавшие транспорт, лодочники, грузчики и т. п. Так, имеются, например, сведения о целой «гильдии носильщиков» в Новгороде в 1523 г.

Верхи посадского населения крупных городов составляли «гости» — купцы, которые издавна объединялись в корпорации («сотни»). Продолжали существовать для приезда иногородних купцов торговые дворы.

---

[1] Подробнее см. *М. Г. Рабинович.* Дом и усадьба в древней Москве. «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 50—75.

[2] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 103.

Наиболее богатые купцы, объединенные в гостиную сотню, пользовались рядом привилегий. Мелкие торговцы по своему имущественному и правовому положению приближались к рядовым ремесленникам.

Правовое и имущественное положение ремесленников уже не было в этот период единообразным. Начавшееся в XIV—XV вв. их расслоение все увеличивалось. Положение низов городского посадского населения было тяжелым. Именно на них всей тяжестью ложились многочисленные подати и повинности, число которых постепенно возрастало[1].

Ремеслом занимались и городские служилые люди (воротники, пушкари и пр.), которых было особенно много в пограничных городах-крепостях. Они не несли тягла, т. е. налогами не облагались.

В Новгороде меньшую часть населения города составляли своеземцы. Эта категория горожан также не была однородной. Среди своеземцев встречаются и владельцы небольших земельных участков с одним двором, независимых, но не обеспеченных доходами с земли. Они нередко занимались ремеслами и торговлей, владели лавками на городском рынке.

Были в городах и крупные земельные участки с множеством дворов, находившихся во владении крупных духовных (монастырей) и светских феодалов, имевших особые «тарханные» грамоты — иммунитеты. На этих участках во дворах селились горожане, платившие за пользование дворами не великому князю, а владельцу земли, иногда и обязанные ему рядом повинностей. Так зачастую складывались целые слободы, принадлежавшие крупным феодалам. Из духовной грамоты князя Ивана Юрьевича Патрикеева видно, что он владел в Москве многими земельными участками и дворами, церквами и даже монастырями. В число их входила и «Заяузьская слободка с монастырем с Кузмодемьяном»[2], пожалованная Патрикееву Иваном III вместо других участков в центре города, отобранных в казну.

Владения крупных феодалов, огражденные иммунитетными жалованными, «тарханными» и «несудимыми» грамотами, исключались из великокняжеской юрисдикции, являясь как бы остатками порядков феодальной раздробленности. В конце XV — начале XVI в. русское правительство взяло курс на ликвидацию этих владений, ограничивая, а иногда и вовсе отменяя иммунитеты. В это же время было окончательно ликвидировано «третное» владение самой Москвой, которую Василий III получил уже в безраздельное владение после смерти последних князей-совладельцев [3].

Ограничение владельческих прав крупных духовных и светских феодалов в городах, подчинение посадов непосредственно центральной власти способствовало укреплению союза между городом и властью московских

---

[1] См. подробнее гл. 1, § 8д настоящего издания.

[2] ДДГ, стр. 348.

[3] *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва. М., 1947, стр. 89.

князей. Посадские люди сыграли активную роль в борьбе с феодальной реакцией в 40-х годах XVI в.[1]

Тяжесть феодальной эксплуатации приводила к росту классовой борьбы в русских городах, которая нередко выливалась в открытые восстания. Так было в 80-х годах XV в. во Пскове. Так было позднее, в 1547 г., в Москве[2].

6

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Развитие производительных сил, определявшее успехи товарного производства, послужило главной причиной оживления внешней торговли России. XVI век — время складывания мирового рынка[3]. Русское государство также втягивалось в мировую торговлю.

Объединив многочисленные земли и княжества Северо-Восточной Руси, Москва стала играть исключительную роль и во внешней торговле Русского государства. К традиционным связям самой Москвы с многочисленными зарубежными рынками присоединяются при Иване III внешнеторговые связи Новгорода и Твери, при Василии III — Пскова и Рязани. Русское централизованное государство вело торговлю на западе с Великим княжеством Литовским, Польшей, Ливонией, Ганзой и государствами Западной Европы, на юго-востоке — с татарскими ханствами, Средней Азией, Кавказом, Турцией.

Развитие внешней торговли Русского государства было теснейшим образом связано с развитием товарного производства в стране. Увеличение удельного веса продуктов ремесленного производства в составе русского экспорта, выделение торговых людей, специализировавшихся на внешней торговле, было бы невозможно без тех значительных успехов, которых достигло товарное производство на Руси в конце XV — первой половине XVI в. С другой стороны, внешняя торговля (и особенно торговля с восточными странами, предъявлявшими большой спрос на предметы русского ремесла)[4] в значительной степени стимулировала развитие ремесленного производства.

Особое место во внешней торговле Русского государства занимала торговля с Литвой и Польшей. С Великим княжеством Литовским, — в особенности с русскими землями, входившими в его состав, — было связано экономическими узами издревле Московское княжество; не менее были

---

[1] См. подробнее гл. 2, § 7 настоящего издания.

[2] См. подробнее гл. 1, § 7 и гл. 2, § 7 настоящего издания.

[3] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 153; *Ф. Энгельс.* Конспект «Капитала». *Ф. Энгельс.* О «Капитале» Маркса, Политиздат, 1940, стр. 70.

[4] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. «Труды Государственного исторического музея» (далее — «Труды ГИМ»), вып. XXI, М., 1952, стр. 6 и 138.

связаны с Литвой Новгород и Тверь. Тверские купцы и после присоединения Твери к Москве сохранили особые интересы в Литве. Так, в 1488 г. именно тверские купцы жаловались Ивану III на увеличение торговых пошлин в Вязьме, находившейся в тот момент еще под литовской властью; интересы тверских купцов (наряду с новгородскими и псковскими) стремился оградить Иван III, заключая в 1494 г. договор с Александром литовским [1].

Экономические связи Северо-Восточной Руси с Западной помогали Ивану III и Василию III в их борьбе за западнорусские земли. Воссоединение «верховских княжеств», Вязьмы, Гомеля, Чернигова и Стародуба, с остальными русскими землями при Иване III и Смоленска при Василии III означало не только ликвидацию политических границ между этими русскими землями и Москвой, но и уничтожение многих таможенных барьеров, тех «мытов», на которые жаловались русские купцы в Литве [2]. Воссоединение этих земель, и в особенности воссоединение Смоленска с основными русскими землями в 1514 г., вело к дальнейшему расширению торговых связей Русского государства с Польско-Литовским: подданные русского государя были еще теснее и глубже связаны с литовскими рынками, чем москвичи, тверичи и новгородцы времени феодальной раздробленности. В конце XV — начале XVI в. русские купцы торговали в столице Литвы — Вильно (Вильнюсе), Киеве, Луцке.

Основными предметами русского вывоза в Литву, как и в другие государства на Западе, были меха, кожи, воск, «рыбий зуб» (моржовые клыки), повидимому, также лен, конопля для веревок, мед и охотничьи птицы [3]. К этим основным статьям русского экспорта того времени можно прибавить еще один — соль. Соль обычно ввозилась в Литву с Запада, но в 20-х годах XVI в., в связи с усилением морского пиратства, литовцы стали пользоваться русской солью [4].

Значение Великого княжества Литовского и Польши в русской внешней торговле в большой степени определялось тем, что через эти государства на Русь шли товары из Западной Европы. После присоединения Новгорода перед Иваном III встал вопрос о торговых отношениях и с другими поставщиками западных товаров — с немецкими купцами, в частности с купцами Ганзейского союза.

Основными предметами ввоза с Запада были сукна, преимущественно ценных сортов. Анализ цен на эти товары позволяет говорить о том, что Ганзейскому союзу, к которому принадлежало большинство купцов, тор-

---

[1] «Сборник Русского Исторического Общества» (далее — Сб. РИО), т. 35, стр. 9, 128, 132; ср. *В. Е. Сыроечковский.* Гости-сурожане. М.— Л., 1935, стр. 44.

[2] *В. Демченко.* Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III. Киев, 1916, стр. 21—22.

[3] *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах, стр. 91; ср. *В. Демченко.* Указ. соч., стр. 23; *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 267.

[4] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 167.

говавших с Новгородом, не удавалось полностью отгородить Новгород от Западной Европы, превратить торговлю с русскими землями в некое подобие «колониальной торговли». Цены на основные предметы экспорта и импорта — меха и сукна — были примерно одинаковы в Новгороде и в далеком Брюгге [1].

Тем не менее, благодаря своим монополистическим тенденциям, Ганза становилась в XV—XVI вв. реакционной силой, мешавшей экономическому развитию европейских национальных государств. Несмотря на частые конфликты с Ганзой, Новгороду до 1478 г. так и не удалось добиться отмены ганзейских привилегий и установления «чистого пути» для торговли с Западом [2]. Решительный удар по ганзейской монополии был нанесен только после присоединения Новгорода к Русскому государству — недаром самое это присоединение вызвало в ганзейских кругах настоящую панику.

К выступлению против Ганзы Иван III начал, повидимому, исподволь готовиться сразу же после 1478 г.; при этом выступлении он учел опыт маленького, но опасного соперника ганзейских монополистов — ливонского города Нарвы, не входившего в Ганзейский союз и постоянно конкурировавшего с ним в торговле с Новгородом. В 1492 г. Иван III поставил «на немецком рубеже», напротив Нарвы (по другую сторону реки Наровы) «русскую Нарву» — крепость Ивангород. Экономическая роль Ивангорода была двоякой — Ивангород отвлекал от Нарвы иностранных купцов (например, шведов), ездивших туда прежде, и вместе с тем представлял собою серьезную угрозу и для ганзейской монополии. Через два года после построения Ивангорода, в 1494 г., Иван III прямо выступил против Ганзы, закрыв ганзейский двор в Новгороде и «поимав» немецких купцов [3].Изгнание ганзейцев из Русского государства не было окончательным — в 1514 г. Василий III вновь разрешил Ганзейскому союзу торговлю в России; но прежнее монопольное положение Ганзы уже не могло быть восстановлено: у ганзейцев появились соперники в лице датчан и шведов; стремление русских к самостоятельной торговле на Балтийском море становилось все более настойчивым.

На юге и юго-востоке Русское государство вело торговлю в первую очередь с татарскими ханствами — с Казанью и особенно с Крымом. Важная роль, которую татарская Золотая Орда некогда играла в торговле

---

[1] *М. П. Лесников.* Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. VIII, 1948, стр. 93; *его же.* Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV в. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 5, 1951, стр. 453—454, 459; *его же.* Торговые сношения Новгорода с Тевтонским орденом. «Исторические записки», кн. 39, стр. 265, 276—278.

[2] *Н. А. Казакова.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. «Исторические записки», кн. 28, стр. 111—131.

[3] Подробнее см. *Н. А. Казакова.* Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. «Исторические записки», кн. 47, стр. 259—290.

между Восточной Европой и Ближним Востоком, была утеряна ею еще в начале XV в. (в связи с походами Тимура). Однако сами татарские ханства, выросшие на развалинах Золотой Орды, препятствовали развитию экономических и культурных связей Руси с Кавказом и Средней Азией. Связь между Москвой и государствами Передней и Средней Азии вновь стала налаживаться лишь в последней четверти XV в., главным образом через Крым. До Крыма русские купцы в конце XV — первой половине XVI в. добирались обычно донским путем [1]. Важнейшим центром крымской торговли была Кафа — итальянская колония, завоеванная в 1475 г. Турцией, но не потерявшая все же и после этого завоевания экономического значения. Иван III поддерживал постоянные связи с Кафой, особенно через своего агента, купца Хозю Кокоса, а также вел переговоры с князьками соседних причерноморских городов — Исайкой Манкупским, Захарией Гвизольфи Таманским. Через Азов и Крым, а также по территории Великого княжества Литовского (по Днепру через Киев и сухим путем через Минск) русские купцы с конца XV в. начинают ездить в Турцию [2].

На юг вывозились традиционные товары русского экспорта — меха, кожи, «рыбий зуб», охотничьи птицы, но наряду с этим и изделия русского ремесла.

По словам Герберштейна, «в Татарию вывозятся седла, уздечки, одежды... ножики, топоры, иглы, зеркала, кошельки и другое тому подобное» [3]. Это известие Герберштейна получает полное подтверждение в документальных источниках. Грамоты крымского хана Менгли-Гирея к Ивану III содержат частые и настойчивые просьбы о присылке русских панцырей и ювелирных изделий. «У нас так сделати мастера доброво не добыти»,— писал хан [4]. Непосредственно из Крыма на Русь доставляли только породистых коней и валеные белые материи [5]; остальные предметы ввоза шли из более отдаленных стран. Это были шелк, восточные ткани, пряности и другие товары, иногда драгоценные камни [6].

В торговле на юго-востоке, как и в торговле на западе, Русское централизованное государство в значительной степени использовало экономические связи присоединенных в конце XV в. княжеств. Купцы «Твери старой, Твери богатой» издавна вели торговлю на юге, обычно используя для этой торговли наиболее удобный и освоенный путь — через украинские земли. В конце XV в., после присоединения Твери к Москве, с уси-

---

[1] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 39—42; *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 13—14.

[2] *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 19—20.

[3] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 91.

[4] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, стр. 599, 660.

[5] *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 259.

[6] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 53—59; *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 81—82, 86—87, 106—107.

лением враждебных отношений между Русским государством и Великим княжеством Литовским, тверичи стали в большей степени пользоваться волжским и донским путем; но роль тверских купцов в торговле на юге попрежнему оставалась весьма значительной [1]. Тверь имела экономические связи не с одним Крымом. Уже в 40-х годах XV в. в Тверь приезжали послы (привезшие «камкы драгия» и «отласы чюдныя») из «Шаврукова царства» [2], т. е. от Шахруха, царствовавшего в Герате, или от его сына Улуг-бека, правившего (от имени отца) в Самарканде. На торговые традиции своих земляков опирался, вероятно, и «купец тверитин» Афанасий Никитин в начале своего «хожения» — во время путешествия в Ширван (Сев. Азербайджан) в обществе «6 москвичь и 6 тверичь».

Дальнейшее «хожение» Никитина — его смелое до дерзости путешествие — в Иран и Индию не нашло подражателей в конце XV — начале XVI в.; но сношения со Средней Азией и Азербайджаном не прерывались и при Иване III и при Василии III. Уже через несколько лет после Никитина посетил Ширван московский посол Марк, вернувшийся в Москву в сопровождении купцов, везших многочисленные товары с юга [3]; в 1499 г. ширваншах посылал в Москву посла «о дружбе и о любви» [4]. Еще за несколько лет до этого, в 1490 г., приходил «посол к великому князю из Чягадай» (Средняя Азия), от Усейн-салтана Урус-Богатырь «о любви и о дружбе» [5]; в начале XVI в., по известию современника, в Москвув ывозилось из Самарканда «очень много шелковых одежд» [6].

Торговые связи России со Средней Азией имели большое значение в деле сближения русского народа со среднеазиатскими народами.

По своим масштабам внешняя торговля Русского централизованного государства была весьма значительной. Торговля эта велась большими группами, иногда целыми караванами купцов. По словам Герберштейна, «когда московиты отправляют посольство, к ним также примыкают купцы и, таким образом, в одном посольстве идут 800, 1000, 1200 лошадей» [7]. Существовавшая уже и прежде в отдельных землях Северо-Восточной Руси система «складничества» купцов становится к концу XV в. типичной формой русской внешней торговли. Московские «гости», ведшие торговлю с Югом («сурожане») и Западом («суконники»), объединялись в особые

---

[1] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 19, 42—45.

[2] *Н. П. Лихачев.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908, стр. 37—38.

[3] «Библиотека иностранных писателей о России», т. I. Путешествие А. Контарини, стр. 63, 78, 82—83. Ср. *М. М. Альтман.* Из истории торгово-дипломатических связей Москвы и Ширвана. «Труды Института истории им. Бакиханова АН Азербайдж. ССР», т. I. Баку, 1947, стр. 156—160; *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века), 1952, стр. 409, прим. 1.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 43; т. VIII, стр. 236.

[5] Там же, т. VI, стр. 38; т. VIII, стр. 220.

[6] *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 259.

[7] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 301.

корпорации, сложившиеся еще в XIV в. «Гости» имели свою патрональную церковь, обладали особыми привилегиями [1].

Внешняя торговля Русского централизованного государства отличалась от внешней торговли отдельных русских княжеств не только количественно. Объединение под властью московских государей огромной территории от Финского залива до Урала и от Ледовитого океана до Средней Волги (хотя некоторые таможенные границы еще оставались) не могло не иметь важного влияния на развитие мировой торговли. Торговля с отдаленной «Московией» привлекала к себе многочисленные страны, вступившие в сношения с Русским государством с конца XV в.

Роль Русского государства в мировой торговле определялась как естественными богатствами Руси и развитой обрабатывающей промышленностью, так и богатой возможностью транзита через русскую территорию товаров с Востока в Западную Европу и обратно. Ганзейские купцы, торгуя с Новгородом, вывозили оттуда не только местные товары, но и восточный шелк. Известия о вывозе шелка из Новгорода мы встречаем и в последней четверти XV в. — в годы, непосредственно предшествующие закрытию ганзейской конторы [2]. В конце XV и начале XVI в. шелк вывозился русскими купцами и в Литву. С другой стороны, мы встречаем известия о продаже русскими купцами в Крыму западноевропейских сукон [3]. Стремясь сохранить преимущества посреднической торговли между Западной Европой и Востоком в русских руках и не желая допустить перехода этой торговли в руки иностранцев, русское правительство разрешало западноевропейским купцам торговать на Руси только в Новгороде, а турецко-татарским — только в Холопьем городе (село Борисоглебское Ярославской обл.) [4].

Возможность сношений с Передней Азией через русскую территорию сильно привлекала западноевропейских купцов. Конец XV — начало XVI в. были временем усиленных поисков пути в Индию. В начале XVI в. генуэзец Паоло Чентурионе решил искать пути в Индию через Московию. В 1520 г. Чентурионе явился в Москву, но осуществить его план ему не удалось [5].

План Чентурионе, несомненно, свидетельствовал о серьезном интересе западноевропейских купцов к русской транзитной торговле. Было бы, однако, неверным преувеличивать значение этой транзитной торговли. Главными статьями русского вывоза были не восточные шелка и бакалейные товары и не западные сукна, а товары русского происхождения.

---

[1] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 22—39; *М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва, стр. 113—116. Ср. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, стр. 113—115.

[2] *А. И. Никитский.* Очерки экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 168—169.

[3] *В. Е. Сыроечковский.* Указ. соч., стр. 63.

[4] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 90.

[5] *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 252—254.

Русские меха уже с конца XV в. получают большое распространение на Западе: в начале XVI в. они появляются даже в далекой Испании и Англии [1]. Именно русские меха, воск и охотничьи птицы и упоминаются в первую очередь в документах, отражающих торговлю с Ганзой и с соседями Руси — Крымом, Литвой и др.

При продаже заграничных товаров на Руси в очень незначительной степени учитывалась возможность дальнейшей *перепродажи* их — возможность продажи западных товаров на Востоке [2] и восточных на Западе.

На пути русской внешней торговли в конце XV — первой половине XVI в. стояло слишком много препятствий. На юго-востоке главным из этих препятствий было Казанское ханство. Владевшие Средней Волгой казанские ханы могли по своей воле пропускать или задерживать купцов, едущих на юг и обратно. Сложная и противоречивая политика ханов резко отражалась на судьбе русских купцов — в 1505 г. выступление хана Мухаммед-Эмина против Руси сопровождалось «поиманием», грабежом и убийствами «людей великого князя торговых». Желая подорвать экономическое положение Казани, Василий III сделал попытку бойкотировать казанскую торговлю, запретив купцам возить туда на продажу соль и перенеся ярмарку в Нижний-Новгород. Однако попытка эта лишний раз обнаружила значение Казани в русской внешней торговле: прекращение казанской ярмарки привело к исчезновению с русского рынка многих товаров, привозимых с юга [3].

Не менее серьезные препятствия встречала русская внешняя торговля и на Западе. Правители соседних государств — Литвы и Ливонского ордена, руководители Ганзейского союза последовательно и настойчиво боролись против непосредственных торговых сношений Руси с Западной Европой. Целый ряд товаров вообще не допускался к провозу в Россию — в первую очередь серебро и военное снаряжение. Попытка Ивана IV в начале его царствования завязать непосредственные сношения с Западом с помощью купца Шлитте кончилась неудачей. Торговля через Прибалтику имела большое значение для русских городов, и перед русским правительством неизбежно должна была встать задача борьбы за Прибалтику, борьбы за *выход к Балтийскому морю* [4].

Со времени образования централизованного государства и вплоть до середины XVI в. русская внешняя торговля развивалась в крайне неблагоприятных условиях: в руках врагов Руси находилась главная дорога на юго-восток — Волга и основные пути сообщения с Западом. В середине XVI в. Русское государство стало овладевать этими путями [5].

---

[1] Ср. *И. Гамель.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Статья 1. Прилож. к т. VIII «Записок Академии Наук». СПб., 1865, стр. 35.

[2] Ср. *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 81.

[3] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 157.

[4] См. «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», т. VIII, стр. 165.

[5] См. ниже, гл. 2, § 6 настоящего издания.

7
КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Образование Русского централизованного государства происходило в обстановке обострения классовой борьбы. Господствующий класс феодалов был заинтересован в создании и укреплении такой власти, которая могла бы предоставить ему наиболее мощные средства, чтобы держать эксплуатируемое большинство в узде.

Феодальный строй — один из типов общественного производства, характеризующихся наличием антагонистических классов; классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту феодального строя[1].

Нарастание классовой борьбы в феодальной деревне со второй половины XV в. явилось следствием усиления феодальной эксплуатации крестьян путем увеличения оброка, роста барщинного труда и появления новых форм зависимости[2]. Рост феодального гнета в городе, где многочисленные феодальные путы препятствовали развитию ремесла и торговли, вызывал протест со стороны посадского населения.

Формы борьбы крестьянства против крепостного гнета, как и в более раннее время, были весьма различными: жалобы на захват крестьянской земли феодалами, побеги и уклонения или отказ от выполнения феодальных повинностей или выплаты взятого под проценты «серебра», захват земли или имущества феодала, выступления против вотчинной или поместной администрации, наконец, стихийные, локальные восстания крестьян. История конца XV — первой половины XVI в. знает немало примеров борьбы народных масс, которая протекала во всех названных формах[3].

Распространенным видом пассивной борьбы крестьян против феодального гнета были побеги. Ограничение крестьянских переходов в общегосударственном масштабе, проведенное по Судебнику 1497 г., конечно, не могло приостановить побеги крестьян. Даже среди основной массы крестьян-старожильцев источники выделяют тех, «которые прежде сего туто живали», а затем перешли в другие вотчины или на черные земли. Не в меньшей степени, чем крестьяне, а, возможно, даже в большей, бежали от своих господ холопы, положение которых было особенно тяжелым. Упоминаниями о беглых «людях» пестрят завещания феодалов первой половины XVI в. Весьма частыми были случаи отказа крестьян выполнять феодальные повинности. Феодалы прибегали тогда к различного рода

---

[1] См. «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1952, стр. 120.

[2] Об этом см. гл. 1, § 2 настоящего издания.

[3] Анализ этих форм в период образования Русского централизованного государства см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II, М., 1953, гл. 1, § 4, стр. 115—131.

репрессиям вплоть до насильственного изгнания непокорных из их владений. Например, грамотой великого князя Василия III предписывалось выселить с земли Богословского монастыря крестьянина Ивана Батурина за неплатеж оброка. В одной из митрополичьих вотчин серебреники отказались уплатить монастырю «ростовое серебро». По распоряжению митрополита волостель должен был произвести розыск про «серебрецо церковное на людех» [1].

Черносошное крестьянство в изучаемое время боролось против захвата феодалами волостных общинных земель. Черные крестьяне выступали против вторжения светских и духовных феодалов в общинные земли, обращаясь в суд и к помощи органов волостного мира. Значительное количество поземельных судебных споров по искам крестьян к феодалам падает на полустолетие 1475—1525 гг. На Белоозере, например, множество крестьянских исков возбуждалось в связи с «отводом» монастырских земель в 1482 г. после того, как Белозерский уезд был подчинен в административном отношении Москве. Любопытно отметить, что крестьяне в этих случаях выступали организованной силой — целым миром.

Крестьяне Волочка Словенского предъявили иск Кириллову монастырю на 48 деревень и 3 пустоши, т. е. на 84,2% всех деревень Кириллова монастыря. Эти деревни, по свидетельству крестьян, были насильно захвачены монастырем. Все дела, однако, были решены судом в пользу монастыря [2].

Крестьяне Залесской волости Костромского уезда «тягались» с троицким «заказщиком» Афанасием и приносили жалобу на него в том, что он «отнял» у них землю Стременникову; а «земля» та, — говорили они, — «наша волостная Залешаа черная тяглая исстарины, а стояла... пуста и косили... ту пустошь мы». Суд «обвинил» не «заказщика», а крестьян, ссылаясь на то, что они стали «искать» ту «землю» через семь лет, а также оговариваясь, что один из их свидетелей показал в пользу Афанасия [3].

Много правых грамот о земельных тяжбах черных крестьян с феодалами сохранилось и по другим уездам государства. Немало таких споров было в митрополичьих вотчинах центральных уездов; были они и в других монастырских вотчинах [4].

По документам известны судебные процессы против крестьян Ферапонтовского, Никольского-Корельского, Троице-Сергиева и ряда других мо-

---

[1] АФЗиХ, ч. 1, стр. 174.

[2] *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.— Л., 1951, стр. 113—195.

[3] АСЭИ, т. I, стр. 486—489.

[4] Как примеры, см. АФЗиХ, ч. 1, стр. 222—223, 256, №№ 253, 258, 261 и др.; РИБ, т. 32, стб. 111—124; *Н. П. Лихачев.* Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 124—128, 144—172; *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, М., 1951, стр. 239—242.

настырей [1]. Почти во всех случаях дела были решены в пользу владельцев монастырских вотчин. К сожалению, до нас не дошли вотчинные архивы светских феодалов XV—XVI вв.

Видимо, окончательное утверждение власти московского государя на местах могло дать повод крестьянам рассчитывать на поддержку великого князя [2]. Вселять в них надежду на успех дела могло и другое обстоятельство. Большинство известных нам случаев судебных поземельных тяжб связано с вотчинами монастырей или митрополичьего дома. В обстановке, когда правительство пыталось осуществить конфискацию церковных и монастырских земель, хотя и неудачно (на Соборе 1503 г.), черное крестьянство могло рассчитывать на успех исков к монастырям, захватившим общинные земли. Надежда на помощь со стороны великого князя была, несомненно, проявлением царистской идеологии крестьянства. Жизнь показала другое. Антифеодальная борьба крестьянства вызвала появление специальных законов, пресекавших всякое покушение на феодальную земельную собственность. Классовый суд феодального государства твердо отстаивал интересы феодалов.

Охрана феодальной земельной собственности получила яркое выражение в Судебнике 1497 г. Одним из средств достижения этого было введение Судебником смертной казни для «ведомого лихого человека». К числу «лихих» дел Судебником отнесены «душегубство», «татьба», «убийство государя» (феодала), поджог и др. Ясно, что под «душегубством» и «татьбой» разумелись не только действия хищника-грабителя, но и проявления классовой борьбы.

Согласно статье Судебника 1497 г., за уничтожение меж, отделяющих земли феодалов, полагалось наказание кнутом. С другой стороны, размах крестьянской борьбы за землю вынуждал феодалов объединять усилия для защиты вотчинных границ. Яркий пример тому дает раздельная грамота князей Кемских, в которой закреплено следующее взаимное обязательство: «А которые наши земли сошлися с великого князя землями... и по грехом вступятся у кого мужики через те межи, и нам о том стоять съодного» [3].

Однако все эти меры не могли остановить обострения классовой борьбы. Наоборот, крестьяне вставали на открытый путь борьбы за земельные участки, присвоенные феодалами. Во многих случаях, как свидетельствуют материалы вотчин ряда монастырей: Троицко-Болдинского (1528), Данилова-Переяславского (30-е годы XVI в.), Кириллова-Новоезерского (1517), Арсеньева-Комельского (1527), Адрианова-Пошехонского (1540) и др. [4], крестьяне, умудренные опытом жизни,

[1] «Акты юридические» (далее — АЮ), СПб., 1838, №№ 3, 4, 5, 6, 11, 16, 18 и 20.

[2] *А. И. Копанев.* Указ. соч., стр. 194.

[3] АЮ, № 264, стр. 278; *А. И. Копанев.* Указ. соч., стр. 199.

[4] *В. В. Мавродин.* К вопросу о роли классовой борьбы в истории феодализма в России. «Вестник ЛГУ», 1950, № 2, стр. 84. В настоящем параграфе использованы некоторые данные А. М. Панфиловой.

стремились активным вмешательством предотвратить возможность захвата общинной земли.

Интересные факты борьбы крестьян против монастырского землевладения дают «Жития святых» северных районов (Вологодского края и др.), а также «Житие» Даниила Переяславского.

Обычно монастыри при содействии правительства значительно расширяли свои владения, в иных случаях даже вопреки воле основателя монастыря.

В Пошехонском лесу по разрешению митрополита Макария поставил монастырь инок Адриан. По жизнеописанию Адриана Пошехонского, основание нового монастыря вызвало недовольство среди крестьян окрестных сел, которых очень волновала дальнейшая судьба своих земельных владений. Они полагали, что монастырь использует все средства, чтобы завладеть их землями. По словам жизнеописания Адриана, «инии поселяне» рассуждали так: «яко на придвориях наших черньцы вселяются да обладают и нами» [1].

В 1513 г. инок Антоний пришел на реку Емцу к порогу Темному и «хижицу себе ту поставиша и чясовню устроиша». Но «люди» «от приближающися тамо веси Скроботова зовомая» подняли «ропот велик» и, как рассказывает жизнеописание (в рукописи конца XVI в.), согнали Антония «с братиею его оттуда, яко же втораго Димитрия... Прилуцкого (т. е. так же, как Димитрия Прилуцкого [2]) жители Авнежскиа веси, помыслиша бо в себѣ, яко великии сии старець близ нас вселися, по мале времяни съвладиет нами и селитбы нашими» [3]. Антоний ушел на реку Сию, где организовал новый монастырь.

По сведениям, содержащимся в одной из редакций «Жития» Антония Сийского, когда в монастырь прибыл «посланник от самодержавного государя великого князя Ивана Васильевича для устроения царской милости в потребу братии...», то жители окрестных сел, не желая покориться монастырю, подняли сильный ропот на Антония и стали осыпать его ругательствами [4].

В «Степенной книге» есть рассказ о том, как «владущии (собственники) в селех близь монастыря» Даниила Переяславского «со оружием и дреколием приходяще и во ограде у монастыря не дадуще иноком земьли копати и с прещением (т. е. запрещением), яко неволею пророчествоваху» Даниилу, «глаголюще: «Почьто на нашей земьле поставил еси монастырь? Или хощеши земьлями и селы нашими обладати», — еже и збысться последи», — добавляет «Степенная книга» [5].

---

[1] «Житие Адриана Пошехонского». ГБЛ. Собрание Ундольского, № 1308, л. 110.

[2] Димитрий Прилуцкий жил в XIV в.

[3] «Житие Антония Сийского». ГИМ, Собрание Уварова № 252 (1174), л. 70 об. и др.

[4] *А. С. Павлов.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, Одесса, 1871, стр. 21.

[5] ПСРЛ, т. XXI, вторая половина, стр. 619.

Изгнание крестьянами-общинниками монахов, поселившихся на неосвоенных черных землях. Миниатюра из «Жития Антония Сийского», 1648 г.
Государственный Исторический музей

Указания на ропот крестьян против монастырей-феодалов, а затем и открытые выступления их в защиту своих прав на землю не редки в «житиях». Они относятся преимущественно к северным районам страны, где сравнительно больше оставалось черных общинных земель. Приведенные случаи падают на первую половину XVI в. Борьба черных крестьян с монастырями-вотчинниками была явлением не случайным.

К концу XV в. в связи с общим обострением классовой борьбы крестьянства могло быть немало случаев классовой мести. Это видно из той организации борьбы с «лихими людьми», к которой прибегало феодальное государство.

В 70-е и 80-е годы XV в. были выделены великим князем специальные княжеские приставы для борьбы с «татями» и «разбойниками». Белозерская уставная грамота 1488 г. возлагает ответственность за «душегубство» на посад и на волостных крестьян. Они были

обязаны «доискаться» «душегубца» и передать его наместникам, а если «не доищутся», то уплатить штраф[1].

Покушения крестьян на имущество и жизнь феодалов носили локальный, стихийный характер. Иногда это были даже одиночные выступления крестьян и холопов против феодалов. Но в общей массе они представляли значительную угрозу для феодального строя, угрозу, сила которой непрерывно возрастала за первую половину XVI в. Появление с 1539 г. губных грамот следует, повидимому, связывать с нарастанием классовой борьбы. В них говорилось, что в «волостях многия села и деревни розбойники розбивают, и животы ваши (феодалов.— *Ред.*) грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и розбивают, и убивают многих людей до смерти»[2].

Организацию губных учреждений [3] как органов классовой диктатуры феодалов на местах и следует поставить в связь с массовым развитием «разбоев», которые иногда свидетельствовали о вспышках классовой борьбы.

Наиболее ярким проявлением обострения классовой борьбы в конце XV в. были движения городского люда Новгорода накануне присоединения его к Москве и псковских смердов в 1483—1486 гг.

Обострение классовых противоречий сопровождалось подъемом освободительной борьбы против иноземных завоевателей и национального самосознания народных масс. Последнее получило выражение в стремлении их к объединению с Москвою, которая возглавила борьбу с татаро-монголами и другими захватчиками. Это и составило содержание борьбы новгородских низов против боярской верхушки города.

Выступления посадских черных людей против боярства и крупного купечества Новгорода были использованы московским великим князем в его борьбе за включение Новгородской земли в единое Русское государство [4].

Обострение классовых противоречий обнаружилось и в событиях конца XV в. в Пскове, когда, по образному выражению летописца, «вся земля мятяшеся по два года» [5].

События развернулись следующим образом. В 1483 г. «посекоша псковичи дворы у посадников... и у иных много дворов посекоша». Год спустя поводом к волнению послужило то, что совет господ в Пскове ввел в качестве закона новую смердью грамоту —уставную грамоту, фиксировавшую повинности смердов. Посадники узаконили («в ларь вложиша») новый текст грамоты без ведома веча, что было нарушением соответствующих статей Псковской судной грамоты. Посадники были схва-

[1] *Л. В. Черепнин.* Формы классовой борьбы в северо-восточной Руси в XIV—XV веках. «Вестник МГУ», 1952, № 4, стр. 117.

[2] *С. Шумаков.* Новые губные и земские грамоты. ЖМНП, новая серия, 1906, октябрь, стр. 332.

[3] См. гл I, § 8б настоящего издания.

[4] Об этом см. «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. II.

[5] См. ПСРЛ, т. V, стр. 45.

чены и приговорены к смерти. Трое из них бежало в Москву. Один был убит на вече. Схвачены были и представители смердов. В течение этих лет псковичи посылали несколько посольств в Москву к Ивану III с требованием отмены новой смердьей грамоты. Но Иван III поддерживал посадников.

Великокняжеская власть в условиях формирования централизованного государства была прежде всего заинтересована в усилении государственных повинностей смердов, хотя бы в некоторой мере в ущерб повинностям в пользу города Пскова. «Черные люди» Пскова восставали против новой грамоты потому, что с ее введением часть повинностей в пользу города, повидимому, перелагалась на черных людей. После пятого посольства требования Ивана III прекратить «брань» были выполнены. Однако замирение произошло ненадолго. На этот раз с требованиями выступили землевладельцы, домогавшиеся усиления повинностей смердов в их пользу. Дело в том, что смердья грамота предусматривала, повидимому, не только обязанности смердов по отношению к князю и городу Пскову, но и «урочные работы» смердов в пользу землевладельцев.

В 1486 г. классовая борьба между землевладельцами и смердами обострилась. Бояре обвиняли смердов в том, что они «потаили» какую-то старую грамоту; по «волостям» поднялись «обидные люди», желавшие усилить «работы» смердов. «Некий поп», действовавший в интересах бояр, обнаружил какую-то старую смердью грамоту, согласно которой смерды обязаны были «из веков вечных» давать князю дань и, кроме того, выполнять «всякие работы урочные». Дело разрешилось так, как требовала московская власть. Все эти события свидетельствовали, во-первых, об обострении классовой борьбы между землевладельцами и смердами, во-вторых, о том, что торгово-ремесленное население выступало действующей силой на политической арене, что было следствием его экономического усиления. В-третьих, события продемонстрировали усиление московской великокняжеской власти.

Классовая борьба в Пскове не утихала и в XVI в. Когда в 1528 г., после смерти в Пскове дьяка М. Мунехина, по великокняжескому указу стали «живот его сыскивати», то «бысть в людех мятеж велик о его животех» [1].

В первой половине XVI в. в связи с ростом феодальной эксплуатации наблюдается дальнейшее усиление классовых противоречий. Выступления крестьянства перемежались с выступлениями посадских людей. Летописцы говорят о выступлении «черни» в Гомеле во время русско-литовской войны [2].

Ослабление централизованного аппарата власти в годы боярского правления в малолетство Ивана Грозного сопровождалось заметным обострением классовой борьбы. Боярские правители, пользуясь своим положением, усиливали эксплуатацию народных масс. Поэтому открытые движения как в городе, так и в деревне прежде всего были направлены против

[1] «Псковские летописи», вып. 1, М.—Л., 1940, стр. 105.

[2] *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв. «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 13.

этих представителей господствующего класса. Вместе с тем отдельным группировкам бояр в борьбе со своими политическими противниками удавалось использовать те или иные стихийные выступления крестьян и черных людей. Под 1537 г. летопись очень глухо упоминает о том, что «бысть на Москве волнение велико» [1]. В другом месте арест удельного князя Андрея Старицкого в связи с этим волнением объяснен таким образом: «чтобы вперед такие замятни и волнениа не было, понеже многие люди московьские поколебалися были» [2]. Подобное волнение было в Москве и в 1542 г., когда дворян, пришедших из Владимира и выступивших против правительства князя Бельского, поддержало население посада. Псковская первая летопись сообщает под 1544 г., что «промеж себя брань была велика во Пскове большим людем с меньшими, и езды многие к Москве и денги многие травили» [3]. Интересный случай восстания «мужиков» имел место в 1545 г. в Гороховце. Зимою казанские татары совершили большой набег на владимирские места. Из Владимира на татар пошло несколько воевод во главе с воеводой И. Воронцовым, «а из Мурома ходил за ними князь Александр Борисовичь Горбатой со многими людми и ходили за ними до Гороховца и не успе им ничего». Тогда на защиту родной земли против татар выступили гороховские «мужики»: «А у Гороховца, у острогу, с казанскими людми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя, а воеводу Фоку Воронцова с товарищи хотели гороховцы камением побити за то, что они с казаньскими людми не делали бою, а их упустили» [4].

Ярким проявлением ненависти народных масс к феодальному строю явилось и вооруженное выступление новгородских пищальников против самого царя. На отказ Ивана IV в 1546 г. рассмотреть их челобитную во время одной из его поездок в Коломну пищальники пустили в ход оружие и заставили Ивана Грозного проехать в Коломну обходными путями [5].

Классовая и внутриклассовая борьба в конце XV — первой половине XVI в. зачастую носила религиозный отпечаток, выступая в виде различного рода ересей [6]. Русские еретики не ограничивались обличением пороков духовенства, но выступали и против социального неравенства в обществе и засилья богачей. Таким образом, ереси были одной из форм проявления классовой борьбы. «Если... классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» [7].

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 301.

[2] Там же, т. XIII, первая половина, стр. 118.

[3] Там же, т. IV, стр. 306.

[4] *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года. «Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 257 и 290.

[5] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 448—449.

[6] О ересях подробнее см. гл. 1, § 10б настоящего издания.

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. VIII, стр. 128.

Какую бы форму ни имели народные движения феодальной эпохи, они неизбежно носили стихийный, неорганизованный характер. В. И. Ленин указывал, что «Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли» [1].

Классовая борьба крестьян и городских черных людей оказывала заметное влияние на весь ход истории страны. С нею были связаны крупнейшие преобразования в государственном строе феодального общества: и создание централизованного государства, и дальнейшее развитие государственного аппарата (губные учреждения, принятие царского титула Иваном IV и т. п.). Вместе с тем классовая борьба расшатывала основы феодального общества и подрывала устои крепостнической эксплуатации. В этом состояло ее большое прогрессивное значение.

8

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

а) Завершение объединения русских земель и борьба феодальных группировок за власть

После присоединения при Иване III к Московскому княжеству Новгородской земли (1478) и великого княжества Тверского (1485) задача объединения Северо-Восточной Руси под властью Москвы в основном была разрешена. Из числа русских земель, существовавших до середины XV в. в качестве самостоятельных «полугосударств», вне формирующегося Русского централизованного государства оставались формально только Псков и Рязань. Но и эти последние феодальные центры находились фактически в сфере влияния московской великокняжеской власти. Псков при Иване III неизменно был союзником Москвы; рязанские князья находились в полной зависимости от «государя всея Руси»; незадолго до смерти Ивана III часть рязанской территории (по завещанию одного из местных князей) уже формально перешла под московскую власть.

Наряду с последними великими княжествами исчезали и уделы внутри Московского княжества. Сохранивший свои владения со времени Василия Темного удельный князь Михаил Андреевич Верейско-Белозерский умер в 1486 г., будучи вынужден, задолго до смерти, отказаться от всех своих наследственных прав; сын его, замешанный во внутренней политической борьбе при дворе великого князя, еще в 1484 г. бежал в Литву.

После присоединения Твери в 1485 г. Иван III начинает себя именовать уже великим князем «всея Руси» [2].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 6, стр. 384.

[2] АСЭИ, т. I, стр. 356.

Резной трон из слоновой кости, XV—XVI вв.

Оружейная палата

Объединение Северо-Восточной Руси в единое государство не означало еще окончательного уничтожения феодальной раздробленности на этой территории. Удельными князьями оставались еще братья великого князя Андрей Углицкий и Борис Волоцкий.

Признанные московскими князьями привилегии княжеско-боярской аристократии, основанные на крупной феодальной земельной собственности, по мере развития централизованного государства оказывались в серьезном противоречии с его интересами. Уже правительство Ивана III начало борьбу с привилегиями крупных феодалов, регламентируя обязанности наместников, ослабляя значение иммунитета путем широкой раздачи несудимых грамот незнатным лицам и пытаясь, правда в очень осторожной форме, ограничить местничество. После уничтожения независимых «полугосударств» Северо-Восточной Руси борьба с феодальной оппозицией внутри Русского государства становилась главной формой борьбы против остатков феодальной раздробленности.

Феодальная оппозиция великокняжеской власти обнаружилась еще в 1480 г. — во время так называемого «стояния на Угре». Носителями ее оказались в первую очередь ближайшие родственники Ивана III — его братья Андрей Большой и Борис.

В отличие от прежних носителей феодальной раздробленности, младшие сыновья Василия II не выступали против расширения территории Московского княжества и присоединения новых земель; они считали, однако, что присоединяемые новые земли (например, Новгородская земля) должны поступать не только под власть великого князя, но и частично делиться между его вассалами.

Перед лицом непосредственной военной угрозы со стороны татарского хана и польского короля Казимира (с которым братья вели

переговоры) Ивану III пришлось пойти на уступки[1]. Мир между Иваном III и его братьями-вассалами был, однако, весьма непрочным; в течение 80-х годов Иван III несколько раз пересматривал условия своих «докончаний» с удельными князьями, все более урезывая их права[2].

Иван III. Гравюра из книги А. Тевэ XVI в.

В 1491 г. он расправился с наиболее опасным из братьев: пригласив Андрея Углицкого «к себе хлеба ести», Иван III заманил его в «западню» и «поимал»[3].

Во время «стояния на Угре» Ивану III пришлось встретиться с оппозицией не только со стороны братьев.

Против войны с ханом в 1480 г. выступала реакционная влиятельная группа бояр, которых враждебный им летописец презрительно именует «сребролюбцами богатыми и брюхатыми»; решительной битвы с Ахматом требовал московский посад — «гражане».

Выступления «брюхатых» на Угре были проявлением боярской оппозиции. И примерно в то же время (1479—1484) Ивану III пришлось столкнуться с сопротивлением другой влиятельной группы феодального класса — высшего духовенства. Ожесточенная борьба между Иваном III и митрополитом Геронтием свидетельствует о политических противоречиях между самодержавной властью и частью крупных духовных феодалов. Противоречия эти вызывались не только общим наступлением велико-

---

[1] Иван III обещал Андрею и Борису раздел владений умершего брата Юрия. Это известие содержится в Вологодско-Пермской летописи и сходной с ней (в этой части) Софийской летописи по Воронцовскому списку. Рукописный отдел БАН, 16.8.15, л. 269; 34.2.31, л. 459 об.

[2] *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. I, стр. 163—183.

[3] «Устюжский летописный свод», подготовила к печати К. Н. Сербина. М.—Л., 1950, стр. 98—99.

княжеской власти на привилегии крупных феодалов, но и специально ее политикой по отношению к монастырскому и владычному землевладению в интересах землевладения дворянского[1]. В последующие годы мы не встречаем известий о какой-либо явной оппозиции великокняжеской власти. Но оппозиция эта, несомненно, имела место: крупные преобразования, проводимые великокняжеской властью в 80—90-х годах XV в., не могли не вызывать серьезного сопротивления со стороны феодальной знати. В течение этих лет был подвергнут опале ряд представителей боярства, игравших прежде (при Василии Темном и в первую половину княжения Ивана III) видную роль при великокняжеском дворе,— И. В. Ощеря, И. Д. Руно, М. Я. Русалка[2].

Борьба политических группировок приняла в эти годы также и форму идеологической борьбы; временами она велась под оболочкой религиозных движений. В 80-х годах XV в. в Новгороде возникла ересь (получившая от своих противников название ереси «жидовствующих»); еретики резко критиковали основные догматы и организацию православной церкви. Еретическое движение проникло и в Москву — кружок еретиков действовал при дворе Ивана III. В кружке этом принимали участие виднейший политический деятель и дипломат того времени дьяк Федор Курицын, сноха Ивана III Елена Стефановна; с еретиками был связан митрополит Зосима. Явное покровительство еретическому кружку оказывал первоначально и сам великий князь, усматривавший, вероятно, в пропаганде еретиков, нападавших на монашество, обоснование своих секуляризационных мероприятий.

С идеологической борьбой тех лет была связана и династическая борьба, борьба за престол между двумя возможными наследниками Ивана III: его внуком и сыном. До 1490 г. наследником Ивана III был его старший сын (от первой жены) Иван Иванович, считавшийся соправителем отца. В 1490 г. он умер, оставив после себя сына Дмитрия. Поскольку его отец (вместе с дедом) был великим князем, Дмитрий мог считаться законным наследником престола. Но у Дмитрия был соперник — его дядя, второй сын Ивана III, Василий. Активную роль в борьбе за престол играли, однако, не малолетние князья (Дмитрий родился в 1483 г., Василий — в 1479 г.), а их сторонники, в том числе матери — сноха Ивана III молдаванка Елена Стефановна и его вторая жена София Палеолог. Елена Стефановна была тесно связана с еретиками, а София (через своих приверженцев) — с их противниками.

В 1497 г. борьба за власть стала открытой. Зная, что Иван III склоняется к признанию наследником внука, сторонники Софии и Василия решили силой воздействовать на великого князя. Василий должен был решительно порвать с отцом и «отъехать» от него; он замышлял

[1] См. об этом гл. I, § 2 настоящего издания.

[2] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века), стр. 358—360.

Так называемая «шапка Мономаха».
Оружейная палата

захватить Вологду и Белоозеро и убить Дмитрия. Заговор не удался: узнав о нем заранее, Иван казнил заговорщиков, а сына и жену подверг опале.

Скудость известий о заговоре 1497 г.[1] затрудняет решение вопроса о социальном характере этого движения. Некоторые заговорщики были связаны с крупными боярскими фамилиями, в частности с теми, которые пострадали во время опал 90-х годов, однако непосредственные участники заговора были не особенно знатными людьми: летопись именует всех казненных заговорщиков «детьми боярскими»[2]. Что касается их

[1] Известия эти сохранились только в отрывке летописного свода времени Ивана III: ПСРЛ, т. IV, стр. 530—531; ПСРЛ, т. VI, стр. 279; ПСРЛ, т. XII, стр. 263; *А. А. Шахматов.* О так наз. Ростовской летописи. М., 1904, стр. 82—84. В летописях более позднего времени о заговоре 1497 г. не упоминается.

[2] В советской исторической науке вопрос о социально-политическом характере заговора 1497 г. является спорным. Ряд историков считает этот заговор реакционным движением, связанным с боярской и удельно-княжеской оппозицией (*Я. С. Лурье.* Из истории политической борьбы при Иване III. «Ученые записки ЛГУ», вып. 10, 1941, стр. 88—92; *его же.* Первые идеологи московского самодержавия. «Ученые записки ЛГПИ», т. 78, 1948, стр. 95—98; *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. II, стр. 293—303; *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 360—364). Другие историки, наоборот, считают заговор 1497 г. движением дворянско-помещичьим, направленным против феодальной знати (*И. И. Смирнов.* Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 79—81; *А. А. Зимин.* Рецензия на книгу Л. В. Черепнина. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II. «Советская книга», 1952, № 4).

высоких покровителей, то относительно политических воззрений восемнадцатилетнего Василия нам ничего неизвестно, а относительно его матери Софии Палеолог, довольно тесно связанной с «богатыми и брюхатыми», сохранились противоречивые сведения [1].

Победа Ивана III над заговорщиками, во всяком случае, свидетельствовала о силе и прочности централизованного государства. Усмотрев в заговоре 1497 г. покушение на самодержавную власть, Иван III ответил на него рядом мероприятий, направленных на укрепление власти.

В феврале 1498 г. внук Ивана III Дмитрий был торжественно коронован в Успенском соборе в качестве великого князя — соправителя своего деда. Дмитрий был увенчан шапкой Мономаха — эмблемой, о которой до этого момента не упоминали летописи, но которой отныне суждено было стать символом русского самодержавия. Обращаясь к деду во время венчания внука, митрополит именовал Ивана III «православным царем» [2].

С разгромом заговора 1497 г. и утверждением Дмитрия наследником совпадает и другое важное событие в истории Русского государства. Митрополит и великий князь недаром во время венчания Дмитрия призывали молодого соправителя любить «суд праведен»: на свет появился Судебник Ивана III — первый общерусский правовой кодекс. Созданный в первую очередь для защиты интересов феодального класса в целом от посягательств со стороны эксплуатируемого большинства, Судебник 1497 г. вместе с тем знаменовал своим появлением важный этап в борьбе великокняжеской власти с феодальной раздробленностью [3].

Разгром заговора 1497 г. и коронация Дмитрия в 1498 г. не были, таким образом, отступлением Ивана III от его основной политической линии, а находились в полном соответствии с этой линией. Тем не менее, Иван III не долго оставался верен принятому им решению вопроса о престолонаследии. Уже в 1499 г. он назначил своего сына Василия великим князем Новгорода и Пскова (оставив московско-владимирский престол за Дмитрием). А спустя еще несколько лет, в первые годы XVI в., происходит полный поворот в отношениях между великим князем и его наследниками: Иван III передает титул московско-владимирского князя Василию и подвергает опале Дмитрия и Елену.

Обстоятельства неожиданной победы Василия не менее темны, чем обстоятельства неудачного заговора 1497 г. Только в одном кратком летописце мы находим некоторое освещение этого факта. В 1500 г. Василий

---

[1] Летописный рассказ, осуждающий «богатых и брюхатых» за их поведение в 1480 г. (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 198), столь же решительно осуждает и Софию Палеолог. София Палеолог была связана с верейским князем Василием Ярославичем (там же, стр. 203) и после его бегства в Литву хлопотала перед Иваном III о его возвращении (сб. РИО, т. 35, стр. 85, 168, 212). Сохранились враждебные высказывания по адресу Софии Палеолог и со стороны реакционно-боярских кругов (Берсень-Беклемишев, А. М. Курбский), относящиеся, правда, к более позднему времени (20—70-е годы XVI в.).

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 242; там же, т. XII, стр. 247—248.

[3] См. характеристику Судебника в гл. 1, § 8г настоящего издания.

Иванович предпринял новую попытку воздействовать на отца, во многом сходную с первой. Василий опять попытался «отъехать» от отца; вместе со «своими советники» он бежал к литовской границе — в Вязьму, оттуда собираясь направиться к Брянску. Новая попытка «отъезда» привела совсем к иным результатам, чем первая. «Князь великий нача думать со княгинею Софиею», возвратил бежавшего Василия, «и даша ему великое княжение под собою, а князя Дмитрея поимаша и с материю княгинею Еленою...»[1]

Окончательное падение Дмитрия и победа Василия Ивановича относятся к апрелю 1502 г. О причинах этой победы мы можем только догадываться.

Известную роль здесь могла играть внешнеполитическая обстановка. Василий «отъехал» к литовской границе во время войны с Литвой. Ссора Ивана III с Софией (матерью великой княгини Литовской) и бегство Василия Ивановича легко могли быть использованы Александром Казимировичем и литовским панством во враждебных целях[2].

Падение Елены и Дмитрия могло объясняться и другими причинами: Елена Стефановна была связана с еретиками, а еретическое движение, в течение некоторого времени использовавшееся Иваном III в борьбе против феодальных привилегий духовенства, в конечном счете оказывалось неприемлемым для самодержавия.

В начале XVI в. Ивану III в условиях обострения классовых противоречий пришлось отказаться не только от планов радикального переустройства церкви, но и от более скромных планов секуляризации. В 1503 г. на церковном соборе несколькими участниками (впоследствии получившими прозвище «нестяжателей») был поставлен, согласно желанию великого князя, вопрос о праве монастырей владеть «селами». Но эта попытка провести секуляризацию встретила решительный отпор со стороны большинства участников собора 1503 г. Великому князю, стремившемуся использовать поддержку духовных феодалов в целях укрепления великокняжеской власти, пришлось уступить.

Собор 1503 г. и последовавшая за ним окончательная расправа с еретиками происходили уже в то время, когда рядом с «великим князем Иваном Васильевичем» делами управлял «сын его князь великий

---

[1] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1612, л. 143.

[2] Ср. *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 375. Существует также мнение, не разделяемое всеми историками, что падение Елены и Дмитрия было связано с опалой на бояр Ряполовского и Патрикеевых (происшедшей через год после коронации Дмитрия и за несколько месяцев до частичной реабилитации Василия). Взгляд этот, однако, отвергается другими историками (*Я. С. Лурье.* Из истории политической борьбы при Иване III, стр. 91, прим. 1; *его же.* Первые идеологи московского самодержавия, стр.97, прим. 2; *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 371—374) по той причине, что он основывается только на источнике середины XVI в.— «Степенной книге» (ПСРЛ, т. XXI, стр. 572) и не подтверждается более ранними источниками.

Василий Иванович всеа Русии». В 1505 г. смерть Ивана III сделала Василия III полновластным «государем всея Руси». Молодому княжичу, недавно еще добивавшемуся власти с помощью «отъезда», предстояло теперь самому защищать эту власть от покушений феодальной оппозиции.

* * *

Политика Василия в значительной степени была продолжением политики его отца. В начале XVI в. был окончательно завершен процесс объединения основных русских земель в составе Русского централизованного государства. В 1510 г. к нему был полностью и формально присоединен Псков.

Присоединение Пскова, находившегося на западной границе Руси, значительно подымало авторитет русского государя: после занятия Пскова Василий начал чеканить там деньги с титулом «царь и государь всея Руси»[1]. В 1514 г. в состав Русского государства был включен также Смоленск. Воссоединение Смоленска в результате успешной войны с польским королем Сигизмундом I было важным моментом процесса объединения Руси в единое государство.

В значительной степени Василий III следовал традициям своего отца и во внутренней политике. Подобно Ивану III, преследуя цели укрепления феодальной земельной собственности, защищая интересы светских феодалов, он боролся против массовой передачи вотчинных земель монастырям. Следуя принципу Судебника 1497 г., предусматривавшего участие «лутчих людей» в «наместничьем управлении», правительство Василия III дало в 1519 г. распоряжение об избрании в Новгороде «из улиц лутчих людей четыредесять восемь человек» для контроля над наместниками и тиунами, судившими «сильно» и «по мзде»[2]. Василий III покровительствовал и другим формам участия посадских верхов в городском управлении.

Но Василий III унаследовал от отца не только сильные стороны его политики. Могущество крупных феодалов, игравших важную роль в административном аппарате нового государства и нередко противопоставлявших себя этому государству, сказывалось и при новом «государе всея Руси». Василий III далеко не сразу решился на борьбу с реакционно-феодальными элементами; в течение долгого времени он пытается, повидимому, найти с ними общий язык.

Связь Василия III с верхушкой класса феодалов в первый период его княжения обнаруживается, в частности, в его церковной политике. Борьба между осифлянами (последователями Иосифа Волоцкого) и нестяжателями, начавшаяся еще при Иване III, стала при его сыне спором не только о монастырских «селах», но и почти обо всех политиче-

---

[1] *А. Орешников.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896, стр. 19.

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 280—281.

Василий III. Гравюра из книги А. Тевэ XVI в.

ских вопросах. Иосиф Волоцкий и осифляне обнаружили после разгрома ереси горячее стремление сблизиться с великокняжеской властью — в глазах современников они становились как бы «дворянами великого князя»[1]; учение нестяжателей, наоборот, пользовалось значительным успехом среди бояр, заинтересованных в ликвидации монастырского и церковного землевладения[2]. Однако, несмотря на настойчивые попытки осифлян, им не удалось удержать влияние на великого князя; Василий III все больше поддавался влиянию нестяжателей — обличителей монастырского стяжания. В 1511 г. при неясных обстоятельствах «оставил митрополию» митрополит Симон, связанный с осифлянами[3]; его преемником стал близкий к нестяжателям Варлаам. «Великим временным человеком» при Василии III становится видный идеолог нестяжателей инок Вассиан — князь Василий Патрикеев, и в монашестве остававшийся типичным идеологом боярства[4].

Окончательный выбор между осифлянами и нестяжателями Василию III пришлось сделать позже — в связи с общим обострением отношений с оппозиционной феодальной знатью.

Обострение это относится к 20-м годам XVI в. Военная угроза, нависшая над южными границами Руси, заставила великого князя обратить внимание на существование внутри государства еще не уничто-

---

[1] *В. Ф. Ржига*. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». «Известия Академии Наук», отд. гуманитарных наук, VII серия, 1929, № 10, стр. 809.

[2] См. гл. 1, § 10б настоящего издания.

[3] ПСРЛ, т. XXIII, стр. 199.

[4] «Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского», «Чтения ОИДР», 1847, кн. VII, стр. 11.

женной феодальной оппозиции и ускорить расправу с ней. Рязанский великий князь Иван Иванович, владевший лишь частью некогда могучего княжества, внезапно принял решение выступить против Москвы. Решение это было принято, несомненно, под влиянием резкой перемены в политике Крыма, позволявшей с минуты на минуту ждать нашествия хана. Рязанский князь пошел на сближение с ханом. Однако эта попытка не удалась. Князь Иван Иванович был вызван в Москву и посажен под стражу, но нападение Мухаммед-Гирея на Москву в 1521 г. и паника в городе помогли рязанскому князю бежать. Пробравшись в Литву, он продолжал там активную деятельность против Василия III.

Рязанское княжество было окончательно присоединено к Русскому государству. После выступления рязанского князя московское правительство должно было пересмотреть свою политику и в отношении других князей-вассалов. К числу таких вассалов Василия III принадлежали его братья, получившие уделы по завещанию Ивана III, а также князья Василий Иванович Новгород-Северский (Шемячич) и Василий Семенович Стародубский, потомки давних врагов Василия Темного, «перешедшие» в конце княжения Ивана III под русскую власть вместе с землями, полученными от польского короля. Братья не раз вызывали подозрения великого князя, однако до разрыва с ними дело не дошло: Василий ограничился лишь переменой бояр у одного из них и письменным выговором другому. Но мириться с дальнейшим существованием удельных княжеств на юго-западной границе Руси в момент серьезнейшей военной угрозы со стороны татар и Литвы русское правительство не могло. В 1522 г. Новгород-Северский удел был окончательно ликвидирован — «Шемячич поиман бысть»; Стародубский удел был уничтожен еще раньше.

Наступление на удельных князей совпало с усилением политической борьбы и в самой Москве. В 1522 г. было «поимано» несколько видных бояр — князья В. В. Шуйский, И. М. Воротынский и др.; в том же году «остави митрополию» и был сослан в Вологодский уезд митрополит Варлаам[1]. Обстоятельства этой опалы нам неизвестны, но представляется весьма вероятным известие о том, что непосредственной причиной конфликта между митрополитом и великим князем было нежелание Варлаама помочь Василию III в «поимании» Шемячича[2]. Назначенный на место нестяжателя Варлаама осифлянин Даниил сразу пошел в этом вопросе навстречу великому князю — Шемячич был «поиман» при непосредственном участии Даниила.

К 1525 г. относится целый ряд важных политических событий. В 1525 г. Василий III насильно постриг в монахини свою первую жену Соломонию «тягости ради и болезни и бездетства» и женился на Елене Глинской. Развод и вторичный брак великого князя сразу же подняли множество острых по-

---

[1] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 221; т. VI, стр. 264.

[2] *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах, стр. 44—45.

литических и нравственных вопросов. Прежде всего поступок Василия III был вызовом традициям и церковным установлениям. Вставал, следовательно, вопрос о пределах власти «государя всея Руси», о том, что сильнее: эта власть или вековой обычай, утвержденный церковью. Размежевание сил в этом вопросе было достаточно определенным. Осифляне (в первую очередь митрополит Даниил) поддержали развод Василия с бездетной женой. Нестяжатели были против насильственного пострижения и развода и вторичного брака великого князя.

Борьба, разгоревшаяся в связи с вопросом о разводе Василия III, совпала с моментом наибольшего обострения отношений между великокняжеской властью и феодальной оппозицией. В том же 1525 г., когда Василий развелся с Соломонией, в Москве был подвергнут опале Иван Никитич Берсень-Беклемишев. Дело Берсеня-Беклемишева представляет особый интерес, как первый известный нам чисто политический процесс в Москве. Василий наложил опалу на Берсеня не за попытку «отъезда» и не за защиту каких-либо индивидуальных феодальных прав, а за выступление против всей внутренней и внешней политики великого князя. Прежде всего Берсень был возмущен расправой с Шемячичем, арестованным после того, как митрополит гарантировал ему неприкосновенность. Полная покорность осифлянина Даниила великому князю дает недовольному сыну боярскому повод усомниться, «есть ли митрополит на Москве? —учительного слова от него нет никоторого, а не печялуется ни о ком». Главное, что ставил Берсень в вину Василию III,— это ломка «обычая», отказ от традиционной системы сотрудничества с боярством, стремление к единовластию: «ныне деи государь наш запершись сам-третий у постели всякие дела делает»[1].

Мятежные речи ревнителя старины стоили ему головы; но Берсень-Беклемишев не был одинок в своих взглядах. Германский посол Герберштейн, находившийся в Москве в 1526 г., уже после казни Берсеня выслушал от своих собеседников-бояр и записал точно те же обвинения против Василия, какие высказывал Беклемишев[2]. Совершенно очевидно, что иностранный дипломат намеренно собирал материал о боярской оппозиции самодержавию. Возможно также, что недовольные великокняжеской властью бояре группировались вокруг Герберштейна, посвящая его в политические дела. Такое поведение свидетельствовало о их резкой враждебности централизованному государству.

Последние годы правления Василия III были временем напряженной политической борьбы. В 1525 г. (еще до оформления развода с Соломонией и второго брака Василия III) подвергся первой опале и соборному суду один из идеологов нестяжательства Максим Грек; в 1531 г. он был осужден вторично. К 1531 г. относится и суд над Вассианом Патрикеевым.

---

[1] ААЭ, т. I, № 172, стр. 141—145.

[2] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 28, 42, 45 и 107.

Отзвуки внутренней борьбы последних лет Василия доходят до нас и в источниках, написанных после его смерти. Из этих источников мы узнаем о напряженных отношениях между великим князем и его братьями: Юрий пытался переманить от великого князя бояр А. М. и И. М. Шуйских (оба боярина за попытку «отъехать» попали в опалу); Василий держал для слежки за братом специальных лазутчиков и т. д.[1]

Страх перед угрозой выступления своих политических противников, опасения за судьбу наследника престола, малолетнего Ивана, преследовали Василия III даже в последние дни его жизни. Неожиданно заболев осенью 1533 г., Василий сразу же принял ряд мер предосторожности: он уничтожил свое первое завещание, написанное до рождения Ивана, уничтожил, повидимому, заодно и завещание своего отца[2], поскольку в этих документах предоставлялись определенные права удельным князьям. Перед смертью Василий III заставил своих братьев поклясться в верности племяннику. Все эти предосторожности не помогли. Вступление после смерти Василия III (1533) на престол малолетнего князя развязало руки феодальной реакции.

* * *

История политической борьбы во время малолетства Ивана IV может быть разбита на два этапа: время правления вдовы Василия III — Елены и время подлинного «боярского правления» после смерти великой княгини в 1538 г.

Правительственная политика в 1533—1538 гг. мало чем отличалась от политики предшествующих лет. Лица, управлявшие государством за малолетнего Ивана, — Елена, ее фаворит Овчина-Телепнев-Оболенский, митрополит Даниил — стремились, как и правительство Василия III, к укреплению Русского государства. В это время продолжалась характерная для конца XV — начала XVI в. борьба против расширения монастырских земель за счет служилых людей[3]. В 1536 г. по повелению малолетнего Ивана IV были даже «отписаны» подгородные пожни у новгородских церквей и монастырей [4]. В те же годы была проведена важная денежная реформа[5]. Были усилены оборонительные сооружения в ряде городов (особенно пограничных), причем к строительству «стены градной» в Новгороде было привлечено даже духовенство[6].

Но если правительственная политика не изменилась после смерти великого князя, то зато значительно усилилось сопротивление этой политике со стороны реакционно-феодальных элементов.

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 77—78; АИ, т. I, № 136.

[2] *А. Е. Пресняков.* Завещание Василия III. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 71—80.

[3] *А. С. Павлов.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1, стр. 102—103, прим. 1.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 299.

[5] О финансовой реформе см. гл. I, § 8д настоящего издания.

[6] ПСРЛ, т. VI, стр. 293.

Оппозиция великокняжеской власти в это время носила прежде всего династическую окраску. У Василия III осталось два брата — удельный князь Юрий Дмитровский и Андрей Старицкий. Оба они были насильственно приведены к присяге племяннику и оба считали себя гораздо более достойными кандидатами на престол, чем малолетний Иван. Столкновение между Юрием и правителями государства произошло в конце 1533 г. — сразу же после смерти Василия III. Обстоятельства этого столкновения неясны (источники сильно расходятся в его описании) [1], но несомненно, что дело шло именно о борьбе за «великое княжение». «Посаженный за сторожи» по приказу правительства, Юрий умер в августе 1536 г.; роль главного претендента на престол перешла к другому брату Василия — Андрею Старицкому. Первое выступление Андрея против правительницы относится еще к 1534 г.; в 1537 г. ему удалось поднять реакционный мятеж против Ивана IV. Андрей «отъехал» в Новгород и пытался, повидимому, начать оттуда открытую борьбу с Москвой, но разбитый войсками Овчины-Телепнева, сдался в плен и разделил судьбу Юрия — попал в заточение, где был впоследствии «уморен шляпой железной» [2].

Андрей и Юрий не были одиноки в своих выступлениях против великокняжеской власти. За каждым из братьев стояли влиятельные боярские группировки; в деле Юрия были замешаны князь А. М. Шуйский, в деле Андрея — князья Пронский, Палецкий, Пенинские-Оболенские; Андрей пытался привлечь на свою сторону и помещиков—новгородских «послужильцев». Борьба 1537 г. сопровождалась, повидимому, и движением горожан [3]. Поражение обоих братьев завершилось репрессиями по отношению к их сподвижникам.

Боярская оппозиция в годы правления Елены выражалась не только в поддержке выступлений Юрия и Андрея. В 1534 г., во время войны с Польшей, был раскрыт крупный боярский заговор; двое из участников этого заговора, князь С. Ф. Бельский и окольничий И. В. Ляцкий, бежали к польскому королю; остальные — князь И. Ф. Бельский, И. М. Воротынский и другие — были посажены «за сторожи». Одновременно был арестован и дядя Елены — князь М. Л. Глинский, также, повидимому, связанный с делом Бельского и Ляцкого (в изменнических связях с Польшей М. Глинского уличал еще Василий III).

К концу жизни Елены целый ряд боярских фамилий оказался, таким образом, в числе опальных. Внезапная смерть Елены в 1538 г. была как нельзя более кстати для этих бояр. Весьма вероятным представляется поэтому известие о том, что правительница была отравлена [4].

---

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 286 (этот рассказ содержится и в большинстве списков Никоновской летописи — ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 77—78, прав. кол.); там же, стр. 77—79, лев. кол.

[2] ГБЛ, Собрание ОИДР, № 127, л. 411 об.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 118.

[4] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 43.

Смерть Елены послужила толчком к дворцовому перевороту. Виднейшие представители боярства, арестованные при Елене, князья А. М. Шуйский и И. Ф. Бельский были освобождены по приказу, изданному от имени Ивана. Одновременно шла расправа с участниками правительства Елены. Уже 9 апреля был «поиман», а затем «уморен гладом» фаворит великой княгини Овчина-Телепнев-Оболенский. Год спустя был «сведен с митрополии» митрополит Даниил, ненавидимый боярами, и на его место был посажен близкий к нестяжателям Иоасаф.

Обстановка, создавшаяся в Русском государстве, открывала чрезвычайно благоприятные возможности для феодальной олигархии. После гибели Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого вся великокняжеская семья была представлена двумя детьми: восьмилетним Иваном и его шестилетним слабоумным братом Юрием (сын Андрея Старицкого Владимир, тоже малолетний, находился в заточении). Фактическая власть в стране перешла в руки двух крупнейших боярских фамилий — князей Шуйских и Бельских, уже с XV в. игравших видную роль при московском дворе.

Начав свое господство с совместного выступления против Овчины-Телепнева, Шуйские и Бельские очень быстро вступили во взаимную борьбу; уже в 1538 г. Шуйские «посадиша... за сторожи» И. Ф. Бельского, но, спустя два года, сторонники Бельского добились его освобождения.

Смена одной боярской группировки другой не означала изменения политического режима в стране, но, несомненно, борьба между ними подрывала силу Русского государства. Хотя помилование и возвышение Бельского в 1540 г. формально не означало опалы на его соперников, Шуйские все же были чрезвычайно недовольны этой политической переменой: И. В. Шуйский, наиболее видный представитель этой фамилии, «о том вознегодовал» и «на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити» [1]. В январе 1542 г. сторонники И. В. Шуйского вновь «поимали» И. Ф. Бельского, «переимали» близких к нему лиц и «с великим бесчестием и срамотой» «согнали с митрополии» виновника освобождения Бельского — митрополита Иоасафа. Несколько дней спустя И. Ф. Бельский был убит [2].

События 1542 г. вновь вернули Шуйским преобладающее влияние в стране. Однако события эти имели и другие последствия, которых не предвидели мятежные бояре. Для того чтобы добиться победы над соперниками, Шуйским пришлось привлечь к своему выступлению не только бояр, но и другие силы — «детей боярских» из Владимира, «детей боярских городовых», в частности «новгородцев Великого Новагорода». Переворот 1542 г. сопровождался «великим мятежом» «на Москве» — очевидно, при участии горожан [3]. Немаловажным фактом была смена митрополитов:

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 132—133.

[2] Там же, стр. 140—141.

[3] Там же, вторая половина, стр. 439—440; ср. *И. И. Смирнов.* Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в., «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10, стр. 100.

недовольные изменой Иоасафа, Шуйские посадили на его место Макария, бывшего новгородского архиепископа и убежденного осифлянина. Вступление в политическую борьбу этих новых элементов представляло собой серьезную угрозу боярской олигархии. Еще в течение года Шуйские чувствовали себя хозяевами положения; в 1543 г. они позволили себе даже учинить скандал «в избе великого князя», захватив на глазах Ивана его любимца Федора Воронцова и сослав его, вопреки протестам Ивана, в Кострому. Но уже в декабре того же года «князь великий Иван Васильевич всея Руси не мога того тръпети, что бояре безчиние и самовольство чинят..., велел поимати первосъветника их князя Андрия Шуйского и велел его предати псарем, и псари взяша и убиша его» [1]. Свержение Шуйских не означало еще подлинного установления власти «великого государя»: в течение нескольких лет молодой Иван находился под влиянием различных временщиков — его родственников (по матери) Глинских, того же Ф. Воронцова (затем казненного по приказу царя), — но времена господства Шуйских и Бельских уже не возвращались. «Боярское правление», начавшееся в 1538 г., подходило к концу. Широкие круги дворянства были основной опорой малолетнего Ивана IV в его борьбе с княжеско-боярской оппозицией. Поддерживало его и посадское население, для которого феодальные неурядицы несли новые тяготы и разорение.

В 1547 г. Иван IV предпринял важный шаг, имевший целью официально провозгласить самодержавный характер его власти. Иван Васильевич принял титул царя — титул, которым именовались уже иногда его предки (Иван III, Василий III), но лишь неофициально и в сношениях с второстепенными государствами (вроде Ливонского ордена). 16 января 1547 г. Иван IV венчался бармами и шапкой Мономаха, повторив в более торжественной форме ту демонстрацию, которую учинил в 1498 г. Иван III при венчании своего внука Дмитрия [2]. Титул царя стал официальным и основным наименованием русского государя. Этим еще раз подчеркивалось стремление Ивана IV «самому строити свое царство» и полностью покончить с «боярским правлением».

Время «боярского правления» было сопряжено с временным внутренним ослаблением Русского государства. Политика крупных феодалов, вызывавшая опасения еще у Ивана III и Василия III, в годы малолетства Ивана IV временно ослабила централизованное государство. «Как великого князя Василья не стало и великой княгини, а государь нынешний мал остался, а бояре живут по своей воле, а от них великое насилие, а управы в земле никому нет, а промеж бояр великая рознь», — так описывал «боярское правление» современник-очевидец [3]. Особенно ярко боярское «великое

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 145; *М. Н. Тихомиров*. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. «Исторические записки», кн. 46, стр. 285.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 150—151; вторая половина, стр. 451—453; ср. *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, стр. 304.

[3] «Показания Петра Фрязина дерптскому епископу». АИ, т. I, № 140, стр. 203.

насилие» проявлялось в деятельности наместников, превратившихся в эти годы почти в независимых правителей своих «градов» [1].

Все это еще более усиливало недовольство народных масс как города, так и деревни [2].

Обнаружив глубокие противоречия между интересами крупных феодалов и великокняжеской властью, «боярское правление», однако, не привело к распаду государства, к захвату его территории внешними врагами, которые пытались воспользоваться в своих интересах феодальными усобицами 30 — 40-х годов XVI в. Даже в годы малолетства Ивана Грозного Русское государство оказалось достаточно прочным.

Не прекратились в годы «боярского правления» и внутренние реформы. К 1539, 1540 и 1541 гг. относятся первые известные нам «губные грамоты» — грамоты, передающие дела о «розбое» в руки местных выборных властей из числа детей боярских и «лутчих людей крестьян» [3]. Грамоты эти, относящиеся и ко времени господства Шуйских (1539), и ко времени возвышения И. Ф. Бельского (1540—1541), конечно, не были делом рук той или иной боярской клики, а представляли собой прямой результат давления снизу многочисленных «челобитий», частью выходивших из среды местного дворянства. Даже во времена самоуправства «сверепих аки львове» наместников боярские олигархи не могли не считаться с требованием основной массы феодалов. Централизованное государство именно потому и оказалось сильнее боярского самоуправства, что его существование было необходимым прежде всего для самого класса феодалов, вопреки «бесчиниям и самовольству» его верхушки.

Ликвидация «боярского правления», победа централизованного государства были исторически прогрессивными явлениями, ибо содействовали хозяйственному и культурному росту страны.

б) Органы власти и управления

В процессе формирования и укрепления Русского централизованного государства сложился высший, центральный и местный аппарат как система государственных органов (учреждений), осуществляющих внутреннюю и внешнюю функции в интересах господствующего класса.

Высшим государственным учреждением при великом князе «всея Руси» являлась Боярская дума, которая выросла из княжеской думы — эпизодически созывавшегося князем совещания из бояр и вольных слуг для решения различных государственных вопросов. Бояре как крупные землевладельцы являлись экономической и политической силой, с которой князь не мог не считаться.

---

[1] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 110; «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 27—28.

[2] См. гл. 1, § 7 настоящего издания.

[3] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 2, 1887, стр. 109—116.

В процессе образования централизованного государства состав бояр великокняжеского двора расширялся. Боярами великого князя являлись теперь не только старые московские бояре, но и бывшие удельные князья, ставшие «служебными» (служилыми) князьями в централизованном государстве, и бояре этих князей.

При назначении на высшие должности в центральном и местном правительственном аппарате и в войске большую роль играло местничество. Система местничества сложилась в XV в., когда при дворе московского великого князя собрались многочисленные потомки удельных и иных княжат и их бояре. Согласно этой системе место феодала на служебно-иерархической лестнице чинов определялось прежде всего его родовитостью, с учетом службы его предков и его самого при великокняжеском дворе. Местничество отражало экономическое и политическое могущество феодальной аристократии и являлось серьезным препятствием для дальнейшей централизации государственного аппарата.

Укрепляя централизованное государство, великие князья стремились освободиться от боярской опеки, от необходимости повседневно советоваться с боярами. Уже про Василия III бояре говорили, что он «встречи против себя не любит» и что он решает дела «сам третей у постели», т. е. без участия всей Боярской думы.

Мало-помалу изменился (расширился) и состав Боярской думы. Кроме бояр, жалуемых в это звание великокняжеской властью из среды землевладельческой знати (преимущественно княжеских фамилий), думными чинами являлись «окольничие», назначаемые в думу из менее знатных феодалов и молодых людей знатных семей. При Василии III произошло дальнейшее расширение состава думы путем привлечения представителей дворянства. Это были «дети боярские, которые в думе живут» (позднее «думные дворяне»). Наконец, в это же время, в процессе образования центрального государственного аппарата, в заседаниях думы стали участвовать дьяки, получившие звание «думных дьяков» и являвшиеся, наряду с думными дворянами, представителями интересов растущего поместного дворянства.

Расширение состава Боярской думы не устранило преобладания в ней бояр. Как показало боярское правление в малолетство Ивана Грозного, бояре стремились к восстановлению своей прежней политической самостоятельности, к возрождению порядков феодальной раздробленности Руси.

Функции Боярской думы трудно отделить от функций (прерогатив) великокняжеской власти. В качестве постоянно действующего органа при великом князе дума участвовала, как правило, в обсуждении и разрешении вопросов административных, хозяйственных, судебных, военных и т. п. Формула «царь указал и бояре приговорили», известная нам со второй половины XVI в., несомненно фактически существовала и в изучаемый период. Это значит, что решения выносились от имени великого князя и Боярской думы и что последняя являлась высшим законодательным органом.

Одним из результатов возникновения централизованного государства было зарождение и развитие приказов как органов центрального государственного аппарата.

По мере расширения территории Московского княжества и усиления власти великого князя последний стал нуждаться в помощниках по управлению государством, исполнителях великокняжеских указов и распоряжений. Этим лицам (боярам, дьякам), которым в помощь давались подьячие, и поручалось выполнение тех или других заданий государственного значения. Тем самым проводилось отделение власти исполнительной от власти распорядительной и законодательной.

Между возникшим штатом распределялись отдельные функции, поручения и таким путем постепенно создавалось целое учреждение.

Таким образом, приказы как центральные государственные учреждения зародились и выросли в результате централизации аппарата власти из личных поручений (приказов), которые давались великими князьями отдельным лицам из среды господствовавшего класса. Приказное управление явилось более совершенной формой государственного аппарата по сравнению с предшествующим периодом.

Поскольку централизованное государство складывалось в обществе, расколотом на антагонистические классы, постольку и деятельность княжеских помощников являлась выражением интересов всего господствовавшего класса феодалов.

Из функций должностных лиц и органов вотчинного управления выросла сеть дворцовых приказов. Органы дворцового управления существовали самостоятельно от учреждений государственных. Так, в Новгороде, например, еще в конце XV в., кроме государевых дьяков, существовали особые дворцовые дьяки. Дворцовые земли вновь присоединенных княжеств ведались Тверским, Дмитровским, Новгородским и другими дворцами во главе с дворецкими [1].

Основное отличие дворцовых учреждений от приказов состояло в том, что дворцовые ведомства распоряжались великокняжеским, позднее — царским, хозяйством и дворцовыми землями, выполняя функции хозяйственно-административного характера.

Русское централизованное государство являлось военно-феодальной монархией, имевшей «...во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию» [2]. Поэтому раньше других зародились и выросли приказы преимущественно с военными функциями.

Рост числа дворян и детей боярских, усиление их политического и военного значения и образование единого великокняжеского войска

---

[1] *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 32, 34, 35, 37; «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М.—Л., 1950, стр. 114.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 304.

в виде дворянского (поместного) ополчения привели к образованию Разряда, позднее именовавшегося Разрядным приказом.

Вполне достоверные сведения о существовании Разряда относятся к 1535 г., когда в нем «сидели» дьяки Елизар Цыплетев, Афанасий Курицын, Григорий Загряжский и подьячие Леонтий и Иван Вырубовы [1]. Состав должностных лиц Разряда показывает, что в данном случае мы имеем дело уже с вполне сформировавшимся учреждением, возникновение которого должно быть отнесено к более раннему периоду. Это подтверждается служебной деятельностью разрядных дьяков, которую можно проследить почти с первых лет XVI в. [2]; в процессе этой деятельности и должен был постепенно сложиться Разрядный приказ. Разрядным дьякам как постоянным должностным лицам предшествовали дьяки с «разрядом» (войсковой росписью ратных людей). На существование таких дьяков находим намеки уже в росписи воевод, участвовавших в походе на Новгород в 1478 г. [3]

В 40-х годах XVI в. мы встречаемся уже с новым поколением разрядных дьяков. В июле 1540 г. в Коломне с полковым наказом упоминается дьяк Иван Курицын, повидимому, сын Афанасия Курицына. В походах Ивана IV в Коломну и на Казань (1547) участвовал дьяк Иван Елизарович Цыплетев, сын дьяка Елизара Цыплетева [4]. Таким образом, следует отметить зарождение преемственности (наследственности) в приказной службе, получившей широкое распространение позднее.

Разряд ведал всеми вопросами военного дела, являясь исполнительным органом великого князя и Боярской думы. В частности, Разряд должен был заботиться о комплектовании и формировании полков, вести учет всех ратных людей в мирное время, назначать им поместные и денежные оклады, участвовать в судебном разбирательстве местнических споров, руководить постройкой крепостных сооружений и организацией пограничной службы; через Разряд великий князь и Боярская дума руководили боевыми действиями русского войска.

Определяя Разряд как центральный орган, ведавший всеми вопросами военного дела, нужно иметь в виду, что уже в тот период начался процесс обособления некоторых отраслей военного дела в самостоятельные ведомства со своими особыми органами управления. Это было результатом усложнения состава и организации вооруженных сил. Так, Оружничья палата и Пушкарский двор, руководимые оружничим, ведали изгото-

---

[1] *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 80. Более ранние упоминания о Разряде имеются за 1531 г., когда опального князя Воротынского было велено из Тулы привезти в Москву в Разряд дьяку Афанасию Курицыну (там же, стр. 81).

[2] *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 49, 75, 82, 86, 95.

[3] *С. А. Шумаков.* К истории московских приказов. «Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем», вып. II—III, Ярославль, 1911, стр. 515.

[4] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 108, 123, 126.

влением и хранением огнестрельного и холодного оружия и, вероятно, были самостоятельны от Разряда.

Наконец, еще одна отрасль военного управления не входила в ведение Разряда, — обеспечение служилых людей поместными землями. Разряд лишь назначал поместный оклад, т. е. размер поместного жалованья служилому человеку, а фактическим наделением поместьями («дачей в оклад») ведала Поместная изба. Появление Поместного приказа, называвшегося первоначально Поместной избой, связано с возникновением и развитием поместного землевладения, с задачами дальнейшего укрепления феодальной собственности на землю. Время возникновения Поместной избы до сих пор не установлено.

Поместный приказ возник, как и другие приказы, из функций особых должностных лиц (бояр, дьяков). Такие дьяки, ведавшие земельными делами и хранившие документы (писцовые книги и пр.) по этим делам, известны с конца XV в.[1] Так, в конце XV — начале XVI в. дьяк Никифор Кобелев участвовал в разрешении спорных (судных) земельных дел между помещиками и вотчинниками, между феодалами и крестьянами и подписывал соответствующие документы по этим делам. В ведении того же дьяка находилось межевание и описание земель. Деятельность дьяка Кобелева, а также его предшественников и преемников и была тем зародышем, из которого позднее вырос Поместный приказ как центральное учреждение по обеспечению землей служилых людей.

Наличие особых дьяков по земельным делам дает право считать, что Разрядный приказ не ведал наделением служилых людей поместьями не только со второй половины XVI в., но и ранее, т. е. в период своего зарождения и формирования.

Преимущественно военными потребностями государства было вызвано и зарождение Ямской избы, ведавшей ямской гоньбой. Ямские дьяки, или дьяки, «которые ямы ведают», известны с 1492 г.[2]

Расширение международных связей Русского государства привело к выделению из числа великокняжеских дьяков особых лиц, постоянно ведавших сношениями с иностранными государствами. Дьяки по посольским (внешнеполитическим) делам, или посольские дьяки, упоминаются с 1486 г. Деятельность этих дьяков в процессе расширения внешней политики и роста международного значения государства положила основание Посольскому приказу, выросшему к середине XVI в.[3]

Так зародились важнейшие приказы —Разрядный, Поместный и Посоль-

---

[1] АЮ, №№ 3, 5, 6; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (далее — АЮБ), т. III, № 356; Акты Федотова-Чеховского, т. I, №№ 8, 13, 34; «Архив П. М. Строева», т. I, стр. 105; АФЗиХ, ч. I, стр. 50, 233.

[2] *Г. Успенский.* Опыт повествования о древностях русских, 1818, стр. 299; *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, стр. 264; АФЗиХ, ч. I, стр. 53.

[3] *Н. П. Лихачев.* Указ. соч., стр. 69, 548; *С. А. Белокуров.* О Посольском приказе. М., 1906, стр. 26.

ский, просуществовавшие до начала XVIII в., когда было упразднено приказное управление.

Наряду с государственными приказами формировались и дворцовые приказы. Функции государственные и дворцовые совмещала Казна, во главе с казначеем, известная с конца XV в. В Казенной избе (Казне) хранились личное имущество великого князя, а также великокняжеский архив. Как хранитель архива казначей пользовался большим влиянием в посольских делах. С конца XV в. известны дворцовые дьяки, а в 1501 г. упоминается Дворцовая изба, во главе с дворецким. В ведении Дворца находились великокняжеский двор (дворец) и княжеские (дворцовые) земли. К этому же времени относится зарождение Конюшенного приказа (конюшенный дьяк упоминается в 1496 г.), заведовавшего княжескими табунами.

Дьяк Посольского приказа.
Гравюра середины XVI в.

Значение дворцовых ведомств в развитии государственного управления состояло в том, что эти приказы, кроме выполнения своих основных функций, эпизодически ведали и вопросами общегосударственного значения.

Таким образом, надо считать, что приказное управление зародилось в конце XV в., при Иване III. Вместе с усложнением управления государством в XVI в. расширялись сеть и функции приказных ведомств.

Историческое значение указанной системы государственных органов состояло в том, что эта система, в обстановке образования и укрепления централизованного государства, успешно выполняла основные функции государства. Через приказное управление правительство сумело создать мощные вооруженные силы и руководить ими, организовать народные массы на борьбу с внешней военной опасностью и отстоять самостоятельное существование русского и других народов. Словом, приказное управление знаменовало крупный шаг вперед в деле государственного строительства.

* * *

В административном отношении территория государства делилась на уезды, станы и волости. Основной и наиболее крупной единицей деления являлся уезд с городом, его административным центром, непосредственно подчиненным Москве.

Сохранились кое-где и другие названия административных единиц, например, Новгородская земля делилась на пятины, которые существовали на правах уездов.

Уезды делились на станы и волости. Четкости во взаимоотношении между станами и волостями не было: иногда они считались равнозначными административными единицами, иногда волость делилась на станы. Новгородская земля была разделена на пятины, а пятины на погосты, в Псковской земле существовало деление на губы.

Государственное управление на местах находилось в ведении наместников и волостелей. Наместник управлял городом, а уездом или волостями ведали волостели.

Делопроизводство наместнического управления было сосредоточено в руках дьяков и подьячих. Наместническое управление находилось в руках феодальной знати.

Наместники и волостели ведали делами гражданскими и военными, являлись администраторами и судьями. Их судебные функции были различны [1]. Они являлись кормленщиками, получавшими содержание с жителей натурой. Корм наместников и волостелей слагался из нескольких частей: они получали «въезжий корм» в виде «добровольных» приношений со стороны жителей; им полагался особый корм на крупные церковные праздники; они пользовались пошлинами судебными, торговыми, свадебными и др.

Кормления обычно ограничивались определенным сроком, бессрочные кормления встречались редко.

Система управления через наместников и волостелей на определенном этапе сыграла прогрессивную роль. Через своих наместников московские князья проводили политику государственной централизации. Однако с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием централизованного государства кормленная система представляла собой уже отжившую форму административного аппарата, используемую в своих интересах реакционным боярством.

Правительство принимало меры к ограничению власти кормленщиков [2]. В целях централизации суда и финансов при Иване III населению некоторых городов и уездов стали выдаваться особые уставные грамоты, определявшие размеры поборов с населения кормленщиками и устанавлив-

---

[1] См. гл. 1, § 8г настоящего издания.

[2] Об ограничении судебных прав кормленщиков см. гл. 1, § 8г настоящего издания.

шие судебные пошлины. Упорядочен был сбор таможенных пошлин на местах особыми таможенными грамотами.

В устройстве местного государственного управления большое значение имело составление Судебника в 1497 г., вводившего на территории всего государства единый порядок управления и суда и ограничивавшего власть наместников и волостелей.

Решающий удар наместническому управлению был нанесен только в середине XVI в. [1]

в) Вооруженные силы

Организация вооруженных сил централизованного государства занимала важное место в деятельности русского правительства. Вооруженные силы являлись одним из действенных орудий в осуществлении функций классового государства.

Образование войска централизованного государства проводилось двумя основными способами: во-первых, путем объединения феодалов с их дворами под великокняжеской властью, привлечения землевладельцев к несению военной службы со своих земель и, во-вторых, путем расширения великокняжеского двора.

В процессе объединения русских земель многие князья и бояре со своими вотчинами и дворами добровольно переходили на службу к московскому князю.

Становясь боярами московского великого князя, «служебные» (служилые) князья и бояре сохраняли за собой значительные феодальные права. Они продолжали жить в своих уделах-вотчинах, иметь своих служилых людей, с которыми выступали в походы. Подчиненность их московскому правительству состояла в основном в том, что они были обязаны по первому требованию великого князя выступать в поход лично или только посылать своих воевод со своими ратными людьми. В случае недовольства они считали себя вправе отказаться от службы, «отъехать» к другому государю, даже находившемуся во враждебных отношениях с великим князем.

Право «отъезда» ликвидировалось постепенно, путем ограничения его разными способами. Первое место среди этих ограничений попрежнему занимал вопрос о землевладении. Прежде всего, при Иване III был подтвержден договор великого князя Василия II с Литвой о том, чтобы служебных князей с вотчинами не принимать ни той, ни другой стороне [2]. Боярам и детям боярским бывшего княжества Ярославского также запрещалось «отъезжать» со своими вотчинами с великокняжеской службы; в случае «отъезда» земли виновных конфисковывались в пользу великого князя [3].

---

[1] См. гл. 2, § 10а настоящего издания.

[2] Сб. РИО, т. 35, стр. 127.

[3] ААЭ, т. I, № 227.

Сильным средством ограничения свободы службы была раздача земель князьям и боярам в вотчину, с обязательством службы с нее, и особенно в условное (поместное) владение.

К концу XV в. изменилось и политическое положение служилых князей и бояр. Правительство стало ограничивать и личные права указанных лиц. Первое дошедшее до нас известие о таком ограничении относится к боярам — выходцам из Литвы. В 1473 — 1474 гг. с князя Данилы Холмского была взята клятвенная запись о верности службы великому князю московскому [1].

Подобные записи, подкрепленные поручительством других князей и бояр, имели своей целью воспрепятствовать переходу московских бояр-князей на службу к литовскому князю и создавали круговую ответственность боярства друг за друга в верности московскому князю.

Ограничения свободы службы имели крупное политическое значение. Из вассалов великого князя, выполнявших службу на особых договорных условиях, князья и бояре превращались в его подданных, обязанных являться на службу по первому требованию князя, причем место, характер и объем этой службы постепенно стали регламентироваться великокняжеской властью. Закрепление на московской службе родовитых феодалов означало привлечение к этой службе и их бояр, детей боярских, и других служилых людей, что увеличивало вооруженные силы государства.

Основную массу великокняжеского войска составляли дети боярские, мелкие свободные вотчинники, ставшие великокняжескими военными слугами, помещиками. Вторую группу служилых людей великокняжеского двора составляли дворяне. Социальным ядром, из которого выросло дворянство, были слуги княжеского двора, свободные и несвободные [2]. Дворяне являлись классовой опорой и наиболее надежной военной силой в руках великого князя.

В военном отношении великокняжеский двор сохранял свою самостоятельность, и мелкие походы в конце XV в. осуществлялись его силами. Позднее, в первой половине XVI в., дворяне и дети боярские великокняжеского двора составили великокняжеский (государев) полк.

Кроме детей боярских, из княжеских и боярских дворов были взяты на великокняжескую службу и слуги (дворяне) последних. Это мероприятие правительство особенно широко провело в новгородских землях [3].

Таким образом, великокняжеское войско сложилось из двух основных элементов: прежних вольных слуг (детей боярских) и дворян (сво-

---

[1] «Собрание государственных грамот и договоров» (далее—СГГД), ч. 1, М., 1813, № 103, стр. 249.

[2] Подробнее см. «Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.», ч. II, стр. 162—163.

[3] *К. В. Базилевич.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV века. «Исторические записки», кн. 14, стр. 69; ЦГАДА, рукоп. отд., № 83/109, лл. 23—33, 63; № 84/110, лл. 426—428.

бодных и несвободных людей). Постепенно эти две группы великокняжеского двора стали сливаться в один разряд служилых людей, позднее известный под именем московских дворян.

Служба детей боярских, и особенно дворян, требовала материального обеспечения, основу которого составляло наделение землею в условное (поместное) владение [1].

Образование поместного ополчения сыграло огромную роль в организации вооруженных сил государства. В руках правительства оказалась значительная по численности, надежная по составу и достаточно послушная вооруженная сила, которой оно могло распоряжаться по своему усмотрению и на которую имело возможность опереться во всей своей внутренней и внешней политике. Появление поместного ополчения имело крупное политическое значение.

Его наличие не устранило полностью военной организации, характерной для периода феодальной раздробленности, отдельных отрядов во главе с феодалами (князьями и боярами), но поместное ополчение было той силой, опираясь на которую правительство стало постепенно ликвидировать элементы феодальной раздробленности, сохранившиеся в организации войска.

От середины XV в. имеются уже известия о «казаках», которые вместе с московской ратью бились с татарами [2].

Казаками в широком смысле назывались люди, оторвавшиеся по разным причинам и разными путями от своей социальной среды [3]. Собираясь в отряды, казаки селились обыкновенно в малодоступных ненаселенных местностях, какими являлись преимущественно окраины государства. В силу этого казаки принимали участие в пограничных столкновениях, защищая территорию государства.

Впервые казаки упоминаются в составе войска на южной границе (в Рязанском княжестве), где они выполняли, повидимому, пограничную службу. Некоторые сведения о рязанских казаках дает наказ Ивана III рязанской княгине Агриппине 1502 г. Из него следует, что казаки были наемными людьми, а противопоставление их «лучшим людям» свидетельствует о социальном положении казаков [4]. Это был тот свободный, бездомный элемент из ремесленников, крестьян и посадских людей, который жил наемной работой и составлял часть населения русских городов. Эти люди и образовали первые отряды русских служилых казаков.

Они положили начало сторожевой и станичной службе на южной границе; в период войн казаки участвовали и в военных действиях [5].

---

[1] Подробнее о поместном землевладении см. гл. 1, § 2 настоящего издания.
[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 62.
[3] «Казак» в узком смысле — наемный работник.
[4] Сб. РИО, т. 41, стр. 413.
[5] «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ», изд. Ю. Юшковым (далее «Акты Юшкова»), ч. 1, М., 1898, № 131, стр. 113—114.

Русское население южных степей, позднее известное под именем казаков волжских, донских и др., в изучаемый период московское правительство не считало своими (служилыми) казаками. Эти казаки под именем «вольных» казаков на государственной службе появились с середины XVI в.

С образованием поместного ополчения характер участия народа в войнах резко изменился. Представители народа стали прежде всего нести службу в качестве «людей» (холопов) помещиков.

Служба «людей» была такой же постоянной повинностью, как и служба самого помещика. В силу этого социальный состав поместного ополчения был далеко не однородным. Руководящая роль в поместном ополчении принадлежала дворянам и детям боярским. Таким образом, народные массы не только содержали помещика своим трудом, но выполняли и военную повинность.

Для крупных военных действий сил поместного ополчения было недостаточно. В таких случаях правительство привлекало к военной службе городское и сельское население, строго регулируя размеры и способы участия в войске народных масс и подчиняя их своему начальствующему составу. Тяглое население отбывало военную повинность с «сохи», т. е. определенной податной единицы. Отсюда ратные люди, собираемые с сох, назывались «посошной» ратью, а сама повинность—«посохой». Население обязано было выставляемых с сох ратников снабжать оружием, доспехами и содержать их во время нахождения на службе. Посошная рать предназначалась для непосредственного участия в военных действиях. В отдельных случаях она являлась решающей боевой силой [1]. Состоя преимущественно из пеших воинов, эта рать существенно дополняла в боевых действиях поместную конницу.

В связи с возросшим значением огнестрельного оружия в начале XVI в. в составе русского войска появились «пищальники», т. е. ратные люди, вооруженные поголовно огнестрельным оружием — ручными пищалями [2].

Основное отличие пищальников от посошных людей в части комплектования состояло в том, что пищальники набирались не с сох, а с дворов и брались, повидимому, преимущественно с городского населения [3].

Появление пищальников имело важное значение в организации вооруженных сил. Русское войско впервые получило особые отряды пехоты, поголовно вооруженной огнестрельным оружием. Пищальники явились предшественниками стрельцов и по боевым качествам стояли выше пехоты Западной Европы, частью вооруженной лишь холодным оружием.

---

[1] ПСРЛ, т. XII, стр. 265; т. XX, первая половина, стр. 280; НПК, т. I, стр. 766; т. II, стр. 295; ЦГАДА, рукоп. отд., № 395/847, л. 22.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 388; т. XIII, вторая половина, стр. 448; т. XX, вторая половина, стр. 431; Сб. РИО, т. 95, стр. 140; ЦГАДА, рукоп. отд., № 111/157, л. 21.

[3] ААЭ, т. I, № 205, стр. 184—195.

Образование отрядов пищальников изменило значение в войске посошных людей. Последние стали выполнять различные военно-инженерные работы по прокладке дорог, строительству мостов, крепостных сооружений и т. п.

К составу войска принадлежали и ратные люди, обслуживавшие «наряд» (артиллерию). Указанная категория людей появилась с распространением огнестрельных орудий в XIV—XV вв. Эти люди, как и пехотинцы, вооруженные огнестрельным оружием, назывались вначале пищальниками (пищаль—орудие), а в первой половине XVI в. обособляются в особый «разряд» ратных людей «пушкарского чина» (пушкари, затинщики, воротники и др.). Люди пушкарского чина набирались из тяглого населения и за службу, которую они выполняли постоянно, освобождались от тягла. В некоторых городах существовали особые слободы, где и селились люди пушкарского чина[1].

Таким образом, русское войско в конце XV — начале XVI в. имело в своем составе все основные разряды ратных людей: конницу, пехоту и артиллерию. В количественном отношении первое место занимала конница.

Сведений об общей численности войска не имеется. Иностранные источники дают разноречивые сведения: от 150 до 350 тыс. человек. Последняя цифра несомненно преувеличена. Более достоверными являются сведения о численности войска в походах. Так, в походе на Вятку в 1489 г. участвовало 64 тыс.; в битве с литовцами в 1500 г. великокняжеская рать насчитывала более 60 тыс. князей и детей боярских, «опроче их служилых людей». Наибольшая численность войска отмечается в 1480 г., в ожидании вторжения хана Ахмата, когда Иван III выставил сначала на Оке, потом на р. Угре до 180 тыс. человек. В состав этого войска входила, повидимому, и посошная рать.

В целом можно считать, что при серьезной военной опасности Русское государство могло выставить в поле до 150 тысяч конных и пеших воинов. В менее важных случаях состав походного войска насчитывал несколько десятков тысяч человек.

Наряду с расширением состава войска и увеличением его численности получила дальнейшее развитие и усовершенствование организация войска. Со второй половины XV в. было окончательно оформлено деление войска по полкам. Формирование войска в составе трех или пяти полков стало проводиться не только на поле боя и во время походов, как это было раньше, но и на месте сбора войска. Такая организация войска приобрела более постоянный характер. Каждая самостоятельная рать или все войско делились или на три полка (большой, передовой и сторожевой — так называемый «малый разряд»), или на пять полков (большой, передовой.

---

[1] «Переписная окладная книга Вотской пятины 1500 г.». «Временник ОИДР», кн. 11, стр. 114; кн. 12, стр. 6; НПК, т. III, стр. 494; *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке, стр. 35, 37, 38, 52, 60.

«правая рука», «левая рука», сторожевой — «большой разряд»). Иногда сторожевой полк отсутствовал.

Формирование полков в местах сбора ратных людей проводилось по «разрядам» (войсковой росписи по полкам).

Введение «разрядов» было одним из мероприятий правительства, объединявшим составные части войска и централизовавшим управление всеми вооруженными силами государства. Значение этого мероприятия тем более велико, что процесс слияния отдельных феодальных отрядов (дворов) в общую войсковую организацию был далеко не закончен.

Организация русского войска в составе трех или пяти полков существовала до середины XVII в. Живучесть этой организации объясняется тем, что она соответствовала общему уровню военного искусства того времени, отвечала численности войска и по своей несложности имела ряд преимуществ. Устойчивость полкового состава войска упрощала учет вооруженных сил, распределение их по полкам, слияние или разъединение ратей в походе и на поле боя. Она позволяла воеводам быстрее и лучше входить в свои обязанности в вопросах соподчинения полков и их тактического назначения, что при частой смене воевод имело большое значение. Наконец, полковое устройство войска облегчало разрешение местнических споров и сводило их до минимума. Все указанные особенности усиливали руководство вооруженными силами со стороны верховной власти.

С развитием производительных сил страны росло и совершенствовалось вооружение войска[1]. Особенно значительные успехи были достигнуты в изготовлении и применении огнестрельного оружия. Крупное значение в истории развития артиллерии имел переход от железных кованых орудий к литью их из меди.

Вместе с расширением изготовления орудий росло и производство пороха. Кроме Москвы, производство пороха возникло и в других крупных городах России, где, наряду с Москвой, появляются специальные склады (зелейные погреба) с запасом пороха и орудий[2].

Для руководства изготовлением и хранением огнестрельного и холодного оружия в начале XVI в. появилось особое должностное лицо под именем оружничего (обыкновенно из бояр), а хранение оружия в Москве было сосредоточено в особо учрежденной Оружейной палате[3].

Развитие оружейного производства было результатом расширения добычи и обработки руд, роста и усовершенствования русского ремесла. Оружейное производство в свою очередь способствовало росту добычи и обработки металлов. Среди русских ремесленников произошла дальнейшая

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Избранные военные произведения, т. I, М., 1940, стр. 208.

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 46, 53, 238; т. XX, первая половина, стр. 353; *Н. Е. Бранденбург.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея, ч. 1, СПб., 1877, стр. 53, 55; «Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии», вып. 1, М.— Л., 1940, стр. 243.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 152; т. XX, вторая половина, стр. 470; «Летописец руской», ч. IV, СПб., 1792, стр. 193.

специализация мастеров по выделке огнестрельного оружия: наряду с пушечниками появились мастера-пищальники [1].

С конца XV в. Русское государство имело достаточно сильную артиллерию, и все крупные походы русского войска с последней четверти века происходили при участии «наряда» (артиллерии).

До XVI в. артиллерия принимала участие лишь при осаде и обороне крепостей. В первой половине века значение артиллерии в вооруженных силах значительно выросло.

Подвоз в лодках орудий и осадных сооружений. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В 1522 г. «наряд» принял участие в походе против крымского хана, и с этого времени появилась полевая артиллерия. Применению артиллерии в полевой войне способствовали введение колесного лафета и использование конной тяги в передвижении орудий, что усилило их подвижность.

Возросшее боевое значение орудий отразилось и на организации артиллерии. «Наряд» в составе войска стал самостоятельной частью во главе со своими особыми воеводами.

Во второй половине XV в. появилось на Руси и ручное огнестрельное оружие. Именно так можно понять указание летописцев, что в 1480 г. в столкновении с татарами «многих побиша стрелами и пищалми...» [2] В данном случае речь идет несомненно о ручном огнестрельном оружии. Русское войско до конца XVII в. было вооружено ручной (завесной) пищалью.

Руководство всеми вооруженными силами государства в мирное и военное время принадлежало великому князю и Боярской думе. Усложнение состава и организации вооруженных сил вызвало образование особого

---

[1] «Древняя Российская Вивлиофика» (далее — ДРВ), ч. XVIII, изд. II. М., 1791, стр. 9; *Д. М. Иловайский.* История Рязанского княжества. М., 1858, стр. 283.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 206; т. XXII, первая половина, стр. 501; т. XXV, стр. 328.

центрального военного управления в виде зарождающихся приказов Разрядного, Поместного, Оружничьей палаты и др.[1]

Если в походах на Новгород проявила свои боевые качества московская конница, то в борьбе с Казанью выявилось боевое значение пехоты и не только на суше, но и на речных путях. В походах на Казань во второй половине XV и в первой половине XVI в., впервые со времен древнерусского государства X—XII вв., были широко использованы водные пути в боевых действиях по рекам Москве, Оке, Вятке, Каме, Волге. В составе войска крупное, а порой и решающее значение имели судовые рати. Боевые действия соединенных сил сухопутных (конных) и судовых (пеших) отрядов часто развертывались на речных путях, превращаясь в крупные по тому времени речные сражения.

В овладении Смоленском, в начале XVI в., решающую роль сыграла, в сочетании с пехотой, русская артиллерия. Русское войско во главе с Василием III подступило в 1514 г. к Смоленску «с великим нарядом пушечным и пищальным». По словам очевидца обороны города, русское войско имело под Смоленском до двух тысяч пищалей больших и малых, «чего никогда еще ни один человек не слыхивал»[2]. Это свидетельство, при всем его преувеличении, ценно как показатель того, какой страх внушала русская артиллерия того времени противнику. Орудия были удачно расставлены под городом, и великий князь «повеле град бити с всех сторон, и приступы велики чинити без отдуха, и огненными пушками в град бити». Обстрел из орудий сопровождался беспрерывными штурмами днем и ночью, на приступы посылался отряд за отрядом. В результате этого осажденные сложили оружие, и Смоленск был сдан[3].

Овладение Смоленском явилось триумфом русского военного искусства: возросшая мощь артиллерии была умело использована в сочетании с действиями пехоты.

Итак, к началу XVI в. на Руси были достигнуты значительные успехи в организации вооруженных сил. Именно в это время были заложены основы существования единого великокняжеского войска в России (поместного ополчения из дворян и детей боярских). Расширился состав войска: кроме поместного ополчения и посошной рати, появились казаки, стали обособляться в особый род войска пушкари, затинщики и др. Дальнейшее развитие получила организация войска в составе трех или пяти полков. Эта организация окрепла и приобрела более постоянный характер. Крупные успехи были достигнуты в технической оснащенности войска. Изучаемый период явился началом массового применения огнестрельного оружия. Русская артиллерия стала применяться не только в крепостной, но и в полевой войне. Были созданы особые отряды пищальников — ратных людей, вооруженных ручными пищалями. Широкое при-

---

[1] О военном управлении см. гл. 1, § 8б настоящего издания.

[2] *И. С. Рябинин.* Новое известие о Литве и московитах. «Чтения ОИДР», 1906, кн. III, отд. 5, стр. 5—7.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 255; т. VIII, стр. 255.

менение огнестрельного оружия явилось результатом развития русского ремесла, а военные потребности государства способствовали дальнейшему росту последнего.

Вооруженные силы обеспечили выполнение правительством тех задач в области внутренней и внешней политики, которые стояли перед Русским государством в конце XV — первой половине XVI в.

г) Право и суд

В связи с образованием Русского централизованного государства в конце XV в., когда в основном было завершено объединение «земель» под властью Москвы, встал со всей остротой вопрос о централизации суда, об установлении для всего государства единых правовых норм, т. е. о создании общерусского правового кодекса. Таким общерусским кодексом феодального права Русского централизованного государства стал Судебник 1497 г.

Система правовых взглядов и соответствующих им правовых учреждений является составной частью надстройки над экономическим базисом феодального общества.

В феодальном обществе право — это воля господствующего класса — феодалов, возведенная в закон, причем «...все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[1]. Суд, меры наказания являлись одними из важнейших орудий власти феодального государства и прежде всего содействовали осуществлению его основной функции — подавления эксплуатируемого большинства населения.

Разнообразный правовой материал, разбросанный по различным источникам, в связи с потребностями образовавшегося к концу XV в. Русского централизованного государства нуждался в объединении, в кодификации.

В целях охраны классовых интересов феодалов в Судебнике 1497 г. основное внимание уделялось вопросам централизации суда, установлению единообразия в отправлении судопроизводства и применении правовых норм. В качестве источников при составлении Судебника 1497 г. были использованы Русская Правда, Псковская Судная грамота, уставные и жалованные грамоты, обычное право. Возможно, что в основу Судебника были положены и другие не сохранившиеся в самостоятельном виде источники, в частности уставы о местных и центральных судах[2]. Судебник 1497 г. использовал не только предшествующий правовой материал, в его состав вошло не менее 26 новых из 68 имеющихся в нем статей. Новый законодательный материал составляет, таким образом, немногим менее половины всех статей Судебника.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 445.

[2] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, стр. 359—385.

Кодификация русского права, отраженная в Судебнике, имела большое положительное значение, особенно если вспомнить, что ряд крупнейших стран Западной Европы не имел в конце XV в. законодательных кодексов своего национального права. Однако Судебник 1497 г. не обнимал всех институтов права, например государственного, брачно-семейного, финансового и др. Поэтому лишь привлечение других источников права Русского централизованного государства конца XV—первой половины XVI в., и прежде всего огромного актового материала, дает возможность получить четкое представление о различных институтах права, иногда совсем не представленных или слабо представленных в Судебнике 1497 г., что дополняет и расширяет тот материал, который имеется в нем.

Такими источниками, также ярко рисующими право и суд Русского централизованного государства рассматриваемого времени, являются правые, жалованные, таможенные грамоты, уставные грамоты наместничьего управления, позднейшие редакции Русской Правды, церковные уставы (Владимира и Ярослава) и обычное право.

Правые грамоты, например, отмечают, что истцов иногда отдавали на поруки; пострадавших от побоев надлежало осматривать и расспрашивать: «осмотрити да и вспросити, хто его бил» [1].

Жалованные тарханно-несудимые грамоты феодалам ограничивали судебный иммунитет изъятием из их компетенции важнейших уголовных дел: «А наместници наши московские и волостели и их тиуни тех его людей не судят ни в чем опричь душегубства и розбоя с поличным» [2].

Уставные грамоты давали определение поличного — непосредственной улики в виде украденных вещей: «А поличное то, что выимут из клети из-за замка; а наидут что в дворе, или в пустой хороминe, а не за замком, ино то не поличное» [3]; предусматривали применение свода: «А у кого что признают татебное, и тот с себя сведет свод, хотя и до десятого своду и до чеклого татя, а наместники у них в том не возмут на них ничего» [4].

Уставные грамоты фиксировали также меры наказания за ряд преступлений: «А которой будет тать, или убойца, или ябедник, ведомой лихой человек, и ловчей мой (князя.— *Ред.*) велит заплатити исцово из его статков; а того лихого человека велит казнити смертною казнью; а не будет у которого лихого статка, чем истцово заплатити, и ловчей мой того лихого человека истцу в его гибели не выдает, а велит его казнити смертною казнью» [5].

В первой половине XVI в., как предполагают, возник не дошедший до нас Судебник Василия III, а с конца 30-х годов XVI в. появляется новый

---

[1] АФЗиХ, ч. 1, стр. 14—15.

[2] Там же, стр. 47.

[3] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», под ред. А. И. Яковлева. М., 1909, стр. 4.

[4] Там же.

[5] Там же, стр. 14.

Лист из Судебника 1497 г. Статьи «О межах» и «О землях суд».

Центральный Государственный архив древних актов

источник права — губные грамоты, в которых содержится ценный материал по уголовному праву и процессу.

Губные грамоты дают чрезвычайно ценный материал о мерах розыска, пресечения и наказания за важные уголовные преступления: «вы б тех татей и розбойников имали безпенно; да которых татей и розбойников поимаете на погоне с поличным с татебным или с розбойным, или без поличного, а ведомого татя или розбойника, или х которым людем тати или розбойники приезжают, а вы их переимаете и поличное у них вымете, а тот будет ведомой лихой человек, что к нему лихим людям, татем и розбойником, приезд есть, и вы б тех татей и розбойников и х которым людем они приезжают, меж себя обыскав и испытав накрепко и доведчи на них правду, казнили их смертью ж» [1].

Новые социально-экономические явления, развитие товарно-денежных отношений обусловили в конце XV — первой половине XVI в. дальнейшее развитие гражданского права. Судебник 1497 г. содержал сравнительно немногочисленные нормы гражданского права [2], которые в большей степени отразились в жалованных, купчих, духовных и других грамотах. Значительное место в Судебнике и в актовых материалах занимают правовые вопросы, связанные с феодальной собственностью на землю. Это далеко не случайно, ибо основой производственных отношений при феодальном строе является собственность феодала на средства производства, прежде всего на землю, и неполная собственность на работника производства — крепостного.

В рассматриваемый период безраздельно господствующими формами феодальной земельной собственности являлись вотчины и поместья. Вотчина находилась в наследственном владении. Владелец вотчины имел право распоряжаться ею по своему усмотрению, мог отчуждать ее: продавать, менять, отдавать в залог, дарить. Поместья представляли собой условные земельные держания, которые давались московскими великими князьями за военную службу и под условием службы. Владелец поместья не мог его отчуждать и передавать по наследству, хотя часто практиковалось, что после смерти отца поместье жаловалось его детям, т. е. фактически оставалось в пределах одной семьи, передавалось по наследству. Это различие между вотчиной и поместьем как формами феодальной поземельной собственности в течение последующего времени постепенно стиралось.

Развитие товарного обращения, превращение земли в объект купли-продажи обусловили развитие вещного права. В рассматриваемый период проводилось различие между правом пожизненного владения и правом собственности, причем законодательство предусматривало усиленную защиту феодальной собственности.

---

[1] «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства», стр. 57.

[2] «Судебники XV—XVI веков». Под общей редакцией Б. Д. Грекова. М.— Л., 1952. Судебник 1497 г., статьи 46, 47, 54, 55, 60—63 и др.

Практика и отчасти законодательство устанавливали следующие способы приобретения права собственности: покупка, получение в дар, наследование, мена, завладение никому не принадлежащим имуществом (под этим предлогом часто практиковался захват черных крестьянских земель), владение в силу давности, пожалование великим князем [1].

По сравнению с предшествующим временем обязательственное право в конце XV—первой половине XVI в. не претерпело значительных изменений. Под обязательством понималось право на обязанное лицо, а не на действия и имущество обязанного лица. Последствием договора займа, как и в предшествующее время, нередко являлся личный заклад должника. Должник, у которого было имущество, часто выдавался «головой до искупа». Договор личного найма вел к установлению холопства [2]. Феодальный закон стоял на страже интересов господствующего класса и содействовал превращению в крепостных обедневших и разорившихся людей.

Договоры в рассматриваемое время заключались, как правило, в письменной форме, особенно когда речь шла о земле. Практика и отчасти законодательство знали договоры купли-продажи, мены, займа [3], залога (с правом выкупа), заклада, дарения, личного найма [4] и др. При заключении договора о купле-продаже земли обычно в договоре оговаривалось, что продаваемая земля никому не заложена и т. д. Помимо продавца, договор подписывали послухи, которые как бы являлись поручителями того, что сведения, сообщаемые продавцом о земле, являются правильными. Договор о купле-продаже земли должен был быть также засвидетельствован у местных духовных властей, ибо в противном случае родственники продавца могли не признать сделку и имели право выкупа. Акты дарения и мены часто представляли собой замаскированную продажу земли духовному или светскому феодалу, причем нередко с правом пожизненного пользования.

Брачно-семейное право в конце XV — первой половине XVI в. регулировалось церковными нормами и по сравнению с предшествующим временем изменилось мало. Господствующей формой брака являлся церковный брак. Характерно дальнейшее ограничение церковью развода. Безусловными поводами к разводу признавались только пострижение одного из супругов в монашество или прелюбодеяние. В одной из поздних редакций устава Ярослава предусматривалась возможность развода в том случае, если жена услышит от чужих людей о заговоре против «царя

---

[1] Об этом говорят правые грамоты XV в. Судебник 1497 г. в ст. 63 определяет срок давности по искам о земле в 3 года и 6 лет. Шестилетний срок применялся только при иске великого князя.

[2] *С. Н. Валк.* Грамоты полные. См. «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 115—132.

[3] «Судебники XV—XVI веков». См. Судебник 1497 г., ст. 55, а также ст. 6, 38 48, 53.

[4] Там же, ст. 54.

или князя» и не скажет своему мужу[1]. Таким образом, обострение классовых и внутриклассовых противоречий в рассматриваемое время получило отражение и в брачно-семейном праве.

Для наследственного права конца XV — первой половины XVI в. характерно расширение круга лиц, привлекаемых к наследованию.

Это вызывалось развитием и укреплением феодальной собственности. Русскому праву изучаемого периода было известно наследование по закону и по завещанию, причем круг наследников постепенно расширялся. Судебник 1497 г. устанавливал (ст. 60), что если кто-либо умрет, не оставив завещания, и у него не останется сыновей, то имущество должно перейти к дочери, при отсутствии и дочерей — к боковым родственникам. Известно было и наследование по завещанию, причем стала практиковаться явка завещаний к засвидетельствованию у местных духовных властей.

Если нормы гражданского права в Судебнике 1497 г. представлены недостаточно, то основные начала уголовного права изложены сравнительно полно.

Одним из основных принципов феодального права являлась усиленная защита жизни, чести, здоровья, имущества представителей господствующего класса феодалов. В рассматриваемый период под преступлением понималось причинение материального, морального и физического вреда государству, государственным органам и частным лицам.

Круг деяний, признаваемых преступными, в рассматриваемый период значительно расширяется. Виды и степень наказания зависели от социального положения потерпевшего, что свидетельствует о сословном характере суда в Русском государстве. Судебник 1497 г. в подавляющем большинстве случаев не предусматривал конкретной санкции за то или иное преступление. Это давало возможность представителям господствующего класса феодалов расправляться с тем или иным лицом по своему усмотрению. В большинстве случаев в качестве субъекта преступления рассматривалось отдельное лицо.

Судебник 1497 г. (а позднее и губные грамоты) совершенно не оговаривает условий формального вменения обвинения. В Судебнике мы встречаем характерную формулировку — «ведомый лихой человек» (ст. 9 и др.). Объявление того или иного человека, неугодного представителям господствующего класса, «ведомым лихим человеком», без уличения в каком-либо преступном действии, угрожало ему самым суровым наказанием — смертной казнью.

Источники права рассматриваемого периода и прежде всего Судебник 1497 г. предусматривали более широкий круг преступлений, чем источники права предшествующего времени, что объясняется отчасти дальнейшим развитием уголовного права. Судебник устанавливал

---

[1] *М. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 1, 1889, стр. 223, прим. 16.

кары за преступления против государства как органа господствующего класса («коромола», т. е. бунт, мятеж, ст. 9), против представителей господствующего класса феодалов (ст. 9—«государской убойца»), против церкви (ст. 9, 10), против суда (ст.8, 39— «ябедничество»). Судебник говорит также об убийстве (ст. 7 и др.), разбое (ст. 7 и др.), грабеже (ст. 48), татьбе (ст. 7, 10 и др.), поджоге (ст. 7) и т. д.

В Судебнике 1497 г. проводится различие между простым и квалифицированным преступлением (повторная кража, кража в церкви) и учитываются отягчающие и квалифицирующие обстоятельства преступления.

Наказание в этот период преследовало прежде всего цель устрашения, а также возмездия и извлечения из преступника имущественной выгоды. Однако имущественные наказания постепенно отходят на второй план. Судебник 1497 г. и другие источники права знают несколько видов наказаний. Высшей мерой наказания являлась смертная казнь (ст. 8, 9 и др.)—простая (отсечение головы, повешение, утопление) и квалифицированная (сожжение, четвертование, колесование). Другими видами наказаний были: торговая казнь (ст. 10), т. е. битье кнутом и материальное возмещение истца; заточение в тюрьму, в монастырь; имущественные наказания — конфискация имущества (ст. 7— так называемая «продажа»), возмещение убытков истца или выдача истцу ответчика «головою на продажу». Смертной казнью карались «коромольники», «государские убойцы», «ведомые лихие люди»; торговая казнь полагалась за простую кражу, денежные взыскания — за повреждение межевых знаков и т. д. Церковные наказания назначались за некоторые виды преступлений против церкви, а также за преступления против семьи и нарушения половой нравственности. Иногда в качестве наказания практиковалось насильственное пострижение в монахи.

Регламентация и тяжесть наказаний своим острием были направлены против попыток народных масс посягнуть на основы феодального строя.

Суд был государственный (центральный и местный) и вотчинный. Центральными судебными органами являлись: суд великого князя (для наиболее привилегированных представителей господствующего класса в качестве единственной судебной инстанции, а для других — в качестве высшей инстанции), специальная боярская коллегия, которая должна была докладывать важнейшие дела великому князю. На основании решения последнего выносился окончательный приговор.

На местах судебными органами являлись суды наместников и волостелей. Объем судебной власти наместников и волостелей не был одинаковым. Существовали кормления «с боярским судом» и «без боярского суда». Наместники и волостели с правом боярского суда могли выносить окончательное решение по ряду наиболее важных дел (о разбойниках, татях, холопах). Наместники и волостели, лишенные права боярского суда, обязаны были докладывать о важнейших делах в вышестоящую инстанцию — суду бояр и окольничих в Москве, за которым сохранялось право окончательного решения. С целью установления кон-

троля над деятельностью судов наместников в их суде должны были присутствовать «лучшие люди», старосты, дворские, выборные представители власти из верхов посадского населения и черносошного крестьянства, которых правительство рассматривало в качестве низших звеньев государственного аппарата.

С созданием губных учреждений в конце 30-х годов XVI в. суд по важнейшим уголовным делам (так называемым «разбойным делам») передавался из ведения наместников губным старостам.

Наряду с государственным судом существовал вотчинный суд. Право суда над своими крестьянами было неотъемлемым правом духовных и светских феодальных землевладельцев, причем последние в своих решениях руководствовались обычаем или действовали по своему произволу.

В тех местностях, где не было феодального землевладения, существовал волостной суд, который решал соответствующие дела на основании обычного права.

Помимо светского суда, существовал церковный суд. Последнему было подсудно все население страны по делам, касающимся брачно-семейного права, по преступлениям против церкви, а церковный причт — почти по всем делам, может быть, исключая важнейшие.

В конце XV — первой половине XVI в. русское правительство и высшие церковные власти практиковали суд на соборах (1504 г. и др.), где разбирались дела «еретиков» из числа боярской оппозиции (Вассиан Патрикеев, Максим Грек) и горожан.

Существовал и совместный («сместный») суд. Он применялся в тех случаях, когда спорное дело затрагивало интересы великого князя и какого-либо феодала-землевладельца или двух феодалов (например, духовного и светского) и поэтому разбиралось представителями обеих сторон. Совместный суд решал обычно имущественные споры: о границах владений и др. Наиболее важные уголовные дела были вне его компетенции.

Обострение классовых противоречий в Русском централизованном государстве в конце XV в. обусловило выделение особой формы процесса — следственного, который назывался в то время сыском или розыском. Таким образом, в рассматриваемый период, наряду с обвинительным (состязательным) процессом, существовал следственный процесс. Обвинительный процесс применялся по гражданским делам и по маловажным уголовным преступлениям. Обвинительный процесс, или «суд», как его называли, мог быть прекращен по решению сторон на любой стадии. Судебник 1497 г. предусматривал, что истец и ответчик могут помириться даже выйдя на «поле» (судебный поединок). Доказательства изыскивались и представлялись на суд самими сторонами.

Следственный процесс, или розыск, применялся в отношении «лихих людей», по важным уголовным преступлениям. Обычно обвиняемого сразу же подвергали заключению, т. е. применялась мера пресечения. При процессе в форме розыска суд сам изыскивал доказательства, допрашивал обвиняемого, пытал его, устраивал очные ставки.

Судебный аппарат состоял из недельщиков, приставов, доводчиков, праведчиков[1]. Они, в частности, вызывали на суд истца и ответчика. Неявка на суд истца влекла прекращение обвинения, неявка ответчика— признание его виновным.

В обвинительном процессе уделялось большое внимание доказательствам. Однако в оценке убедительности и юридической силы этих доказательств суд прежде всего исходил из классовых интересов феодалов, отдавая предпочтение тем доказательствам, которые приводились духовными или светскими феодалами в защиту своих прав и привилегий. В качестве доказательств признавались: собственное признание, показания свидетелей («послухов» по терминологии Судебника 1497 г.), «поле», или судебный поединок (причем практически «поле» применялось редко, ибо феодалы, стремясь охранить свою жизнь, избегали его), присяга («крестное целование»), письменные доказательства (особенно при разборе дел о земле, холопах) и др. Для получения собственного признания обвиняемого суд часто прибегал к пытке. Для получения доказательств применялся также «обыск»[2] (массовый опрос населения).

Таким образом, основные изменения в области суда и права в конце XV — первой половине XVI в. выразились в кодификации норм права, в дальнейшей разработке норм, регулирующих судопроизводство, в ограничении судебной власти наместников, изменении основных начал уголовного права, обособлении следственного процесса от состязательного.

д) Финансы

Развитие товарно-денежных отношений в стране, объединение русских земель в конце XV в. в единое централизованное государство привели к серьезным преобразованиям в области финансов. Необходимость централизации государственных финансов диктовалась новыми задачами, вставшими перед русским правительством. Не обеспечив себе прочной финансовой базы, последнее не могло рассчитывать на возможность укрепления своей власти и территориального расширения развивающегося Русского государства. С другой стороны, образование централизованного государства открывало перед правительством перспективу усиления

[1] «Судебники XV—XVI веков». Судебник 1497 г., ст. 4—7, 38, 44, 50.

Недельщик — должностное лицо, в обязанности которого входили вызов в суд сторон и исполнение решения суда. Недельщик исполнял свои обязанности в течение непродолжительного времени — недели или нескольких недель, отсюда и получил свое название.

Пристав — должностное лицо, в обязанности которого входили вызов в суд сторон и исполнение решения суда.

Доводчики — от слова «довод» — расследование преступления — лица, принадлежавшие к аппарату наместников, посылавшиеся для расследования преступления.

Праведчики — от слова «править» — взыскивать — судебные исполнители, приводившие приговор в исполнение, взыскивавшие иск и судебные пошлины с ответчика или истца.

[2] Там же, ст. 36.

налогового пресса в целом, значительного увеличения доходов казны путем обложения налогами и пошлинами народных масс. Поэтому в конце XV—начале XVI в. правительство энергично взялось за упорядочение финансов.

Основную статью государственных доходов составляли прямые налоги, ложившиеся всей тяжестью на плечи трудящихся — крестьянства и посадских людей. Главной окладной единицей, с которой производился сбор прямых налогов, была «соха». Это название сельскохозяйственного орудия попало в число финансовых терминов потому, что уже в период феодальной раздробленности окладной единицей стали орудие обработки почвы (соха) и приводящая его в действие людская и конская рабочая сила. Постепенно значение термина «соха» расширялось. В XV — первой половине XVI в. сохой назывался податной округ из одного или нескольких хозяйственных объектов, по своей доходности и ресурсам (степень обеспеченности мертвым и живым инвентарем, рабочими руками, качество почвы, урожайность, близость рек, леса и т. п.) принятый за норму окладной единицы. До середины XVI в. соха не имела определенного поземельного выражения. Сохи были, таким образом, равноценными по своей экономической «силе», но в земельном отношении неравными податными округами.

В различных районах государства существовали различные нормы для определения сох. На вопрос, что такое новгородская соха, Иван III получил следующий ответ: «Кто на трех лошадех ...орет — ино то соха»[1]. Посошному обложению подвергалась не только пашня, но и промыслы. К сохе, например, приравнивался чан для обработки кожи, невод и т. п. [2] Новгородская соха состояла из трех более мелких окладных единиц, называвшихся обжами (этот термин, как и соха, сельскохозяйственного происхождения: слово «обжа» обозначало часть сохи) [3]. В Новгородской земле в конце XV—XVI в. обжа была вполне самостоятельной окладной единицей[4]. Именно с обжи производился сбор налогов.

Относительно размеров сох в других районах Русского государства в 80—90-х годах XV в. не сохранилось каких-либо определенных сведений. Существует мнение, что уже в конце XV в. московская соха по своей платежеспособности была приравнена к 10 новгородским сохам [5].

В условиях централизованного государства перед правительством встала задача приведения посошного обложения в более или менее единообразную систему. Стремясь к получению максимальных доходов, правительство

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 217; т. XXV, стр. 319—320.

[2] «Грамоты великого Новгорода и Пскова» (далее ГВНиП), М.—Л., 1949, № 21.

[3] *П. С. Гурьев.* О земских вопросах. СПб., 1879, стр. 27.

[4] Подробнее см. *В. Владиславлев.* «Обжа».— «Журнал Министерства Народного Просвещения» (далее — ЖМНП), 1892, № 8, стр. 223—241 и *Б. Д. Греков.* Что такое обжа? «Известия АН СССР», 1926, №№ 10—11, 13—14.

[5] *И. Н. Миклашевский.* Древнерусские поземельные кадастры. «Записки Академии Наук», 8 серия, т. VI, № 4, СПб., 1903.

должно было взять на учет всю тяглую пашню, все промыслы. Для того чтобы «положить землю в сохи», правительство посылало на места писцов со штатом подьячих, которые составляли так называемые писцовые книги.

Конец XV—начало XVI в. были важным рубежом в истории сошного письма. Именно от этого периода до нас дошли первые писцовые книги (новгородские 90-х годов XV в.). В 80—90-х годах XV в. правительство Ивана III предприняло описание присоединенных к Русскому государству территорий бывших Ярославского, Тверского, Белозерского княжеств и Новгородской феодальной республики. При этом во всех описанных землях, кроме Новгородской, где окладная система отличалась большой устойчивостью, в качестве податной единицы была введена московская соха. В XVI в. описание вновь присоединенных земель стало обычным правилом. Так, например, в 1521 г. было приказано «описать» вновь присоединенный Смоленск. Однако описывались не только присоединяемые земли. В XVI в. различные уезды в связи с изменениями в условиях сбора налогов время от времени также подвергались посошным описаниям.

Упорядочение в конце XV в. системы сошного письма имело большое значение для централизации финансов. Оно повлияло на изменение как общей суммы доходов государства, так и удельного веса некоторых основных налогов в государственном бюджете. В первой половине XVI в. важное значение приобрели повинности и подати, взимавшиеся с самого момента своего возникновения по сошному окладу (ям, городовое дело и др.).

Черносошные крестьяне отбывали ямское дело в натуре. В первой половине XVI в. перевод ямской повинности на деньги стал в дворцовых и частновладельческих землях обычным правилом. С 10-х годов XVI в. в жалованных грамотах вместо слова «ям» все чаще встречается термин «ямские деньги»[1]. В начале XVI в. удельный вес ямских денег сильно возрос. В 40-х годах XVI в. с сохи (в 800 четвертей) собиралось свыше 4 рублей ямских денег. Впрочем, до конца XVI в. определенного оклада ямских денег не существовало[2].

Наряду с ямом, основными повинностями податных слоев населения конца XV—первой половины XVI в. были городовое дело, примет и посошная служба. Городовое дело состояло в постройке и ремонте городских стен, укреплений и т. п. Под приметом подразумевалась обязанность строить укрепления перед городскими стенами. Эта повинность обычно переводилась на деньги. Примет возник, очевидно, в 1513 г.[3]

---

[1] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, д. № 1, л. 415; ГИМ, Патриаршее собрание актов. № 1724; *С. А. Шумаков*. Тверские акты. Тверь, 1896, вып. I, № II и др.

[2] *С. Б. Веселовский*. Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 30.

[3] См. «Акты, относящиеся до гражданской расправы», изд. Федотовым-Чеховским, т. I, Киев. 1860, № 32.

Дань, имевшая значение основного налога, с введением единообразной системы сошного письма утратила свою прежнюю роль для некоторых категорий земель. В XVI в. феодальные вотчины и поместья обычно не платили дани. Термин «дань» употреблялся иногда как обобщающее название всего комплекса податей[1]. То же следует сказать и о «дани», собиравшейся с дворцовых сох [2]. В черносошных волостях дань продолжала взиматься наряду с прочими налогами. В 40-х годах XVI в. ее размеры составляли около 1 рубля с сохи (в 800 четвертей)[3].

Так называемая «посошная служба» заключалась в обязанности выставлять с сохи определенное количество «ратных» людей[4]. Уже в 30-х годах XVI в. с волостей Поморья собирались «пищальные деньги»[5], которые шли на содержание войска «пищальников». Натуральным жалованьем войску служил взимавшийся с населения «посопный» (т. е. ссыпавшийся в «государевы житницы») хлеб. Посопный хлеб платили главным образом дворцовые крестьяне. Вотчины и поместья частных феодалов были, как правило, освобождены от уплаты натуральных поборов [6].

Городовое дело и посошная служба относились к числу повинностей, которые в первой половине XVI в. обычно не переводились на деньги даже в частновладельческих землях. Городовое дело являлось общеобязательной повинностью.

В конце XV — начале XVI в. значительно изменилась относительная величина поборов и повинностей, имевших своим назначением обеспечение нужд великокняжеского двора. В период феодальной раздробленности государственные расходы каждого княжества тесно сливались с дворцовыми. В период укрепления централизованного государства основная тяжесть налогов, связанных с удовлетворением разросшихся потребностей двора, была перенесена на плечи дворцовых крестьян, т. е. специальной категории крестьянства, находившейся в непосредственном ведении двора. Во владениях феодалов и на землях черносошных крестьян за счет этих поборов правительство увеличило размеры прямых налогов (ям и др.), которые составляли главную статью государственных доходов.

Значительное место в доходах государства занимали различные по своим видам оброки. Прежде всего оброком облагались лавки, кузницы, мельницы, соляные варницы и т. п. промыслы, а также рыбные ловли,

---

[1] ОДРА, Собрание актов до 1613 г., № 1/289; *Н. А. Рожков*. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 229.

[2] «Акты, относящиеся до гражданской расправы», т. I, № 83, стр. 233; *С. А. Шумаков*. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II, М., 1900, стр. 122.

[3] *Н. А. Рожков*. Указ. соч., стр. 224.

[4] Подробнее о посошных людях см. гл. I, § 8в настоящего издания.

[5] См. *П. А. Садиков*. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 270, прим. 1.

[6] *С. Б. Веселовский*. Указ. соч., стр. 2, 102 и др.

водоемы, где водились бобры (бобровые гоны), бортные ухожаи, частично сенокосы и другие виды доходных угодий. От оброков обычно освобождались вотчинные и поместные земли[1]. Кроме того, правительство практиковало отдачу на оброк как феодалам, так и зажиточным посадским людям и крестьянам всевозможных промыслов и земельных угодий, считавшихся собственностью государства, но пустовавших и, следовательно, не приносивших казне никаких доходов. Правительство часто передавало эти оброчные статьи из рук в руки, когда новый претендент на них обещал платить оброк «с наддачей против прежнего».

Кроме налогов, непосредственно связанных с интересами казны, на податном населении лежало бремя целого ряда других пошлин и «дел» в пользу феодального государства. Население было обязано принимать на постой проезжавших великокняжеских «посланников», гонцов и т. п., давать им корм, подводы и проводников, предоставлять подводы для разъездов местной администрации, строить ямской, наместничий и волостелин дворы, рыть пруды, строить и чинить мосты, гати и т. п.

Все эти поборы тяжелым бременем ложились на трудовое население.

Весьма обременительным для народа и не приносившим доходов государству был налог, собиравшийся в пользу наместников и волостелей («посошный» «белый корм» в частновладельческих землях и «черный корм» в черносошных волостях). Кроме корма, наместники сосредоточивали в своих руках сбор судебных и некоторых таможенных пошлин. В черносошных землях наместники обладали правом взимания свадебных пошлин (новоженного убруса, выводной куницы).

В первой половине XVI в. правительство регламентировало доходы кормленщиков путем выдачи им грамот на кормление, а населению, соответственно, уставных грамот, или так называемых «доходных списков» на кормления, в которых фиксировался размер корма и указывались пошлины, отдаваемые наместникам и волостелям на сбор[2].

В XV — начале XVI в. во главе финансового ведомства стоял единый центральный орган — «государева казна». Она сосредоточивала в себе все «казенные» поступления, т. е. все пошлины и налоги, собиравшиеся в пользу государства. Руководство взиманием и доставкой поземельных податей в казну осуществлялось специальными великокняжескими даньщиками, которых правительство посылало на места в период сбора налогов.

Эта организация финансового ведомства, наделенная чертами характерной для феодальной раздробленности «путной» (т. е. дворцово-вотчинной) системы управления, в первой половине XVI в. подверглась значительным изменениям. Уже с 10-х годов XVI в. в связи с возросшими фискальными потребностями государства в уездах стали создаваться постоянные органы финансового управления в лице так называемых городовых

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 38, 41 и др.
[2] См., например, «Акты Юшкова», ч. 1, № 69.

приказчиков[1]. Этой мерой был обеспечен централизованный сбор главных государственных налогов. Городовые приказчики беспощадно взимали подати. Упорных неплательщиков они приказывали ковать «в железо» и бросать в тюрьму[2].

Тем не менее мероприятия по упорядочению государственных финансов имели и положительное значение, поскольку они содействовали укреплению централизованного аппарата власти.

Кроме поземельных налогов, в Русском государстве XV — XVI вв. существовала развитая система внутренних таможенных пошлин, которые делились на торговые и проезжие.

Главной торговой пошлиной была «тамга», взимавшаяся за продажу «весчего» (т. е. подлежавшего взвешиванию) товара. За продажу сыпучих тел бралось «восьмничее». Впрочем, в XVI в. «тамга» стала общим названием пошлин, взимавшихся за продажу как «весчих», так и сыпучих тел. Продажа скота сопровождалась уплатой «пятна» (с лошади), «рогового» и т. п.

За взвешивание товаров взимались «весчее», «пудовщина», за измерение продаваемых «мерами» сыпучих тел — «померное».

Главной проезжей пошлиной был «мыт», собиравшийся за провоз товаров. Лица, сопровождавшие товар, также облагались пошлинами: с них взимались «головщина» или «костки», а на обратном пути — «задние колачи». Объектом сбора проезжих пошлин являлся транспорт (возы, ладьи и пр.), провозивший товары.

Пребывание торговых людей с их товарами на гостином дворе было связано с уплатой «гостиного», «амбарного» и т. п.[3]

Даже этот неполный перечень торговых и проездных сборов показывает, что система таможенных пошлин в Русском государстве конца XV—XVI в. была чрезвычайно пестра. Многочисленность и пестрота внутренних таможенных пошлин были прямым наследием эпохи феодальной раздробленности. В отдельных частях государства сохранялись «живые следы прежней автономии», в частности «особые таможенные границы и т. д.»[4]. Пережитки феодальной раздробленности сказывались и в том, что местные жители платили таможенные пошлины в меньшем размере по сравнению с «иногородними»[5]. Правительство централизованного государства предприняло ряд важных мероприятий, направленных на

---

[1] *М. А. Дьяконов.* Городовые прикащики. ЖМНП, 1900, январь, стр. 55—87.

[2] «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве», изд. М. Дьяконовым, вып. II, Юрьев, 1897, № 14, стр. 11—12.

[3] Подробнее см. *Е. Осокин.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850 и *С. А. Шумаков.* Древнерусские косвенные налоги. «Сб. правоведения и общественных знаний», т. 7, М., 1897.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[5] Подробнее см. *А. Т. Николаева.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка. «Исторические записки», кн. 31, стр. 246 и др.

централизацию таможенной системы. Самым существенным из них было постепенное введение с конца XV в. института «откупных» и (позднее) «верных» таможенников. В роли «верных голов» выступали выбранные из среды местного населения целовальники, повинностью которых являлся сбор таможенных пошлин. «Откупными» таможенниками были лица, взявшие сбор внутренних таможенных пошлин в данном городе или селе на откуп.

Введение этого института позволяло правительству заранее назначать сумму предполагаемых таможенных сборов в том или ином уезде, а затем требовать ее сполна с «верных» или «откупных» таможенников. За норму сбора бралась прошлогодняя сумма поступлений данной таможни.

В связи с появлением института «откупных» и «верных» таможенников правительство начало составлять адресованные им уставные таможенные грамоты, определявшие порядок взимания, размеры и общую годовую сумму таможенных пошлин. Древнейшая уставная таможенная грамота датируется 1497 г.[1]

Таможенные грамоты строго регламентировали доходы наместников в области таможенных пошлин. Наместникам предоставлялось лишь право на получение половины штрафов, которым подвергались торговые люди в случае неуплаты той или иной таможенной пошлины.

Таким образом, в конце XV — первой половине XVI в. таможенная система заметно окрепла, значение таможенных пошлин в государственном бюджете возросло, снизилась до возможного предела степень участия наместников в доходах от таможенных сборов.

Централизация Русского государства во второй половине XV в. привела к созданию общерусской денежной системы. При Иване III удельные князья были лишены права выпуска собственных чеканных денег, чеканка монеты превратилась в государственную регалию московского великого князя. Была установлена общая для всего государства монетная стопа, т. е. определено число монет, чеканящихся из гривенки, и вес каждой отдельной монеты. Иван III распространил на все государство обращение как московских монет («московок»), так и новгородских («новгородок»)[2]. Таким образом, из элементов московского и новгородского счетов образовался общерусский денежный счет.

Важным централизаторским мероприятием московского правительства явилась денежная реформа 1535 г. Чеканка монет была унифицирована, для всех русских городов устанавливалась единая монетная система. Правительство учредило денежный (монетный) двор, руководители которого непосредственно отвечали перед великим князем за добросовестность чеканки. Монетная стопа значительно снизилась: число монет, чеканившихся из малой гривенки, было увеличено с 260 до 300 новгородских и с 520 до 600 московских денег, следовательно, вес монет

[1] «Архив П. М. Строева», т. I, отд. II, № 68, стб. 94—98.

[2] *Л. В. Черепнин.* Русская метрология. М., 1944, стр. 52—53; О новгородках и московках см. подробнее там же, стр. 47—50.

упал. Существует мнение, что фактически реформа не установила какого-то нового веса денег, а только узаконила уже существовавший, так как русское правительство с 1462 по 1533 г. проводило последовательное снижение веса денег в целях получения добавочной экономии серебра — фискальных доходов[1]. В 1535 г. правительство предписало прекратить обращение денег прежнего образца. Этой мерой правительство стремилось извлечь прибыль из обмена новых денег меньшего веса на старые, которые оно должно было получить от населения, чтобы перелить их в серебро [2].

Монета Ивана III (увеличено в два раза)

Государственный Исторический музей

Общему укреплению финансов соответствовала и политика правительства централизованного государства по отношению к феодальному иммунитету. В период удельной раздробленности значительное число светских и духовных феодалов пользовалось широкими податными льготами. Правительства Ивана III и Василия III повели весьма решительную борьбу против податных привилегий иммунистов.

В жалованных грамотах Ивана III не часто удается найти освобождение от главных податей и повинностей, причем крайне редко встречается освобождение от дани, которая во второй половине XV в. была еще основным налогом. Иван III предпринимал попытки ограничить наиболее щедрые жалованные грамоты своих предшественников, аннулируя статью о неуплате дани [3].

Политика правительства Василия III по отношению к податному иммунитету была еще более последовательной. Выдача тарханных (т. е. освобождавших от уплаты налогов) грамот светским землевладельцам прекратилась уже в 1506 г.[4] Эта дата является важной вехой в истории феодального податного иммунитета. В 1507 г. Василий III аннулировал статьи некоторых старых монастырских тарханных грамот о неуплате основных пошлин.

В дальнейшем правительство Василия III чрезвычайно редко выдавало монастырям грамоты с широкими податными льготами. Исключение было сделано только для особо привилегированного при Василии III монастыря — Иосифо-Волоколамского [5] и некоторых других [6].

---

[1] *Г. Б. Федоров.* Унификация русской монетной системы и указ 1535 г. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. VII, № 6, 1950, стр. 550.

[2] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 68.

[3] См., например, ГИМ, Собрание рукописей Симонова монастыря, № 58, лл. 108—109.

[4] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 138.

[5] ЦГАДА, кн. копий Волоколамского монастыря, №№ 75, 14.

[6] «Акты, относящиеся до гражданской расправы», т. I, стр. 102—103; АФЗиХ, т. I, № 25, стр. 47; ГПБ, Грамоты по описи Андреева, № 90.

Правительство Елены Глинской в своем отношении к феодальному иммунитету в целом следовало политике Василия III. В жалованных грамотах, выданных монастырям Еленой Глинской, обычно отсутствует освобождение от главных прямых налогов — яма, посошной службы и городового дела [1]. Последующие боярские правительства порвали с централизаторской политикой Василия III и Елены Глинской в области феодального иммунитета.

Особенно усилилась выдача монастырям щедрых тарханных грамот в конце 1538—1540 гг. и в 1542 г., т. е. с приходом к власти князей Шуйских. Обеление монастырских вотчин от налогов (ямских денег, городового дела, посошной службы и др.) заставляло боярские правительства усиливать финансовый нажим на черное крестьянство и посад, что вело к росту недовольства в народных массах боярскими временщиками. В среде посадских людей в этот период наблюдалось особенно интенсивное перераспределение промыслов: «слабые» в экономическом отношении хозяева, будучи не в состоянии справиться с «государевым тяглом», продавали свои промыслы более «сильным». Эти сделки фиксировались в так называемых «отступных посильных» грамотах. Не случайно их основная масса падает именно на время боярской реакции, а с 1550 г. они исчезают. Своего апогея политика щедрого обеления монастырских вотчин достигла в 1546—1548 гг.

9

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Внешняя политика Русского государства в конце XV и в первой половине XVI в. была неразрывно связана с внутренней политикой: задача, стоявшая перед великими князьями московскими, заключалась в укреплении централизованного государства, складывавшегося на основе воссоединения всех русских земель, которые частью представляли собой отдельные самостоятельные княжества и земли Северо-Восточной Руси, частью же были захвачены ранее Литовским великим княжеством. Внутренняя борьба московской великокняжеской власти с князьями других феодальных центров Руси и внешние войны с Ягеллонами — королями польскими и великими князьями литовскими — преследовали поэтому одну цель, отражали один и тот же процесс.

Многочисленность русского, украинского и белорусского населения Великого княжества Литовского, глубокие экономические и культурные связи этого населения с Северо-Восточной Русью — все это определяло следующую своеобразную черту русско-литовских войн конца XV—начала XVI в.: почти все эти войны начинались и сопровождались массовыми переходами русских, украинцев и белорусов из-под власти литовских князей под власть Русского государства.

[1] См., например, ААЭ, т. I, № 179; ГБЛ, Троице-Серг. монастыря, кн. 528, №№ 242, 246 и др. ГПБ, Грамоты по описи Андреева, №№ 92, 95, 96, 98.

Во время нашествия хана Большой Орды Ахмата на Русь, когда польский король Казимир открыто поддерживал татар, в Литве произошел так называемый «заговор князей» против короля, помешавший Казимиру послать войска на помощь хану. Связь участников этого заговора с Иваном III весьма вероятна; после раскрытия заговора Бельский бежал в Москву[1]. В 1489 г. князья, имевшие владения в верховьях Оки, — Воротынские и Белевские — со всеми своими владениями перешли в подданство Русского государства. В связи с этим переходом «верховских князей» происходили пограничные стычки с вассалами Казимира, перешедшие в настоящую войну на границах обоих государств.

В 1492 г. Казимир умер. Великим князем литовским стал его сын Александр (польская корона досталась старшему сыну Казимира Яну-Альбрехту). Княжение Александра началось с военных неудач: в русское подданство перешла новая группа «верховских князей» и, кроме того, князь Вяземский.

Правительство Ивана III в войне с Литвой определило свои цели совершенно четко. В 1493 г. в грамоте к великому князю Александру Иван III впервые в международном акте употребил новый титул — «Иоанн, божьей милостью государь всеа Руси». «Русской землей» называлась вся территория, входившая некогда в состав древнерусского государства. Таким образом, называя себя государем «всеа Руси», Иван III выдвигал претензии на бо́льшую часть территории, находившейся под властью Александра. Столь широкую программу правительство Ивана III не могло осуществить сразу. В 1494 г. между обоими государствами был заключен мир. По условиям этого мира все области, уже присоединенные к Русскому государству (Вязьма, «Верховские» земли), признавались русскими владениями; между обоими государствами устанавливались «любовь и вечное докончание», скрепленные браком Александра с дочерью Ивана III Еленой.

Договор 1494 г. был сложным дипломатическим ходом для обоих его участников. Литовские правители надеялись, повидимому, что брак Александра, как и другие династические браки (весьма распространенные в то время в Европе), хотя бы на время улучшит дипломатические отношения между обоими государствами и заставит Ивана III отказаться от русских владений в составе Литовского княжества. Однако московское правительство не могло и не собиралось отказываться от борьбы за русские земли, захваченные литовскими князьями в XIII—XV вв., а правители Польско-Литовского государства не намеревались добровольно уступить эти земли. Не обольщаясь надеждами на прочный мир, Иван III хотел обеспечить себе наиболее благоприятные условия на случай новой войны. Одним из этих условий было обязательное сохранение Еленой веры отцов— «греческого закона» (православия). Иван III рассчитывал на то, что

[1] *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века), стр. 151—153.

происхождение и исповедание Елены сделают ее центром притяжения всех элементов, недовольных католическим засилием в Литве.

Непрочность мира 1494 г. обнаружилась чрезвычайно быстро. Иван III почти сразу же после отъезда Елены начал жаловаться на неисполнение литовским великим князем условий договора. Почти сразу же началась и взаимная враждебная дипломатическая деятельность: оба государя искали союзников друг против друга. В предстоящей войне против Русского государства Великое княжество Литовское рассчитывало на помощь ханов Большой Орды (сыновей Ахмата) и двух северо-западных соседей Руси — Ливонии и Швеции. Шведскому правителю Стену Стуре, выступавшему против Руси в союзе с ливонским магистром, Иван III противопоставил союз с датским королем (1493), претендовавшим на власть над Швецией. В 1495—1496 гг. оба государства вели успешные военные действия против Швеции, приведшие к падению Стуре и подчинению Швеции датскому королю. Союз с Россией значительно увеличивал силы Дании. В те же годы Иван III вел переговоры о союзе и с прямыми врагами Ягеллонов — крымским ханом Менгли-Гиреем и молдавским господарем Стефаном. Сношения между Молдавией и Россией завязались в конце 70-х—начале 80-х годов XV в. В грамоте Ивану III (дошедшей до нас в виде отрывка) молдавский князь Стефан писал, что в «сей стороне» (балканских землях) «один яз сам остал, и то от дво сторон поганьство тяжкое, а от трех сторон ркучи християне, але мне суть пущи поганьства. Ино уже не могу им больши терпети — только бы бог научил вашу милость, щобы есте обернулися к нам лицем... Про то же который приятель вашей милости, и нам то бы слышал, и он богу хвалу дал и вельми бы срадовался, а неприятель вашей милости, и нам то бы услышал, ему бы напали тяшко оскомины, и острый гвозд прошел бы сквозе его сердце...»[1] В начале 80-х годов русско-молдавский союз был закреплен браком сына Ивана III с дочерью Стефана; в 1483—1484 гг. Молдавию посетил крупнейший русский дипломат дьяк Федор Курицын. Оживленные сношения между обоими государствами (через Крымскую территорию) велись в 90-х годах; в 1497 г. Иван III заявил Александру резкий протест по поводу враждебных действий Польши и Литвы против его «свата Стефана воеводы»; Александру пришлось в дальнейшем помогать «своему брату», польскому королю Яну-Альбрехту, тайно в войне с Молдавией [2].

Окончательный разрыв дипломатических отношений между Русским государством и Литовским княжеством произошел в 1499—1500 гг. Разрыву этому предшествовали, как и в прошлые годы, «переходы» западнорусских феодалов в пределы Русского государства. Сначала перешел Семен Бельский, вслед за ним — потомки злейших врагов Василия Темного: внук Шемяки Василий Иванович Новгород-Северский и сын

---

[1] Рукописный отдел БАН, 4.3.15, л. 69—70.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 245 и 266; Сб. РИО, т. 35, стр. 237—238, 243.

князя Можайского Семен Иванович Стародубский. Причиной этого перехода перебежчики объявили «великую нужду о греческом законе», которую испытывает все православное население Литвы. В результате перехода этих князей к Русскому государству были присоединены обширные земли — Новгород-Северский, Любеч, Чернигов, Стародуб и Гомель. Главной причиной перехода к Русскому государству такой огромной территории, как Северщина и Гомельщина (по величине не уступавшей некоторым великим княжествам древней Руси), являлись глубокие экономические и культурные связи русского, украинского и белорусского населения Великого княжества Литовского с населением Северо-Восточной Руси. Именно этим объясняются и успехи русских войск в войне 1500—1503 гг.

1500 год был ознаменован крупнейшей победой русского оружия: литовские войска были наголову разбиты на реке Ведрошь (недалеко от Смоленска); командовавший ими князь Константин Острожский попал в плен. В 1501 г. Ивану III пришлось обратить основные силы против союзника Александра — ливонского магистра Плеттенберга. В сражении под Гельмедом армия магистра была, по известию русской летописи, уничтожена почти полностью. Даже ливонские источники вынуждены признать, что после этого сражения русские «хозяйничали в Ливонии»[1]. В 1502 г. основной театр военных действий вновь перемещается в сторону Литвы: Иван III поручил своему сыну Дмитрию Ивановичу осаду Смоленска.

Не имея успеха на поле битвы, польско-литовские правители вынуждены были обратиться к дипломатии. В качестве посредников между Иваном III и Александром Казимировичем выступили брат последнего — польский король Ян-Альбрехт (правивший в Польше до 1501 г., после чего его престол перешел к Александру), другой его брат — венгерско-чешский король Владислав и даже папа Александр VI Борджиа.

Своеобразную роль в этих дипломатических переговорах играла дочь Ивана III — королева польская (с 1501 г.) и великая княгиня литовская Елена Ивановна. По поручению своего деверя, кардинала Польши Фридриха, Елена в 1503 г. направила отцу письмо, в котором она, именуя себя его «служебницей и девкой», просила Ивана III прекратить «кровопролитье» и уверяла, что не терпит никаких притеснений[2]. Но Елена не ограничилась этим посланием. Канцлер Елены Иван Сапега, приехавший с польским посольством, тайно добавил к письменному заявлению своей госпожи еще устное. Елена сообщила отцу. что в действительности она терпит «укоризны» за свое вероисповедание — от того самого кардинала Фридриха, по поручению которого она составила свое письмо, и от свекрови; она советовала Ивану III обязательно потребовать у ее

---

[1] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 87; Хроника Рюссова. «Сб. материалов по истории Прибалтийского края», т. III, Рига, 1880, стр. 299.

[2] Сб. РИО, т. 35, стр. 368—372; *Е. Церетели.* Елена Иоановна, великая княгиня Литовская, Русская, королева Польская. СПб., 1898, стр. 231—233.

мужа «новую грамоту утвержденную» о нерушимости ее вероисповедания, а заодно также получить от него обещание, что ей будет обеспечено наследство ее свекрови[1]. «Служебница и девка» Ивана III была достаточно ловким политиком: не имея возможности отказаться от навязанной ей роли дипломатического посредника, Елена Ивановна вела одновременно и свою линию, соответствовавшую, повидимому, первоначальным планам Ивана III.

Энергичная дипломатическая деятельность великого князя литовского Александра, его явная готовность пойти на уступки после начала войны (с этого времени Александр в грамотах тестю вновь стал именовать его «государем всея Руси»)—все это лишний раз говорило Ивану III о слабости его противника. Во время мирных переговоров Иван III сразу же занял весьма твердую позицию, заявив, что если Александр действительно хочет мира, то он должен «поступиться» не только землями, присоединенными к Русскому государству в 1501—1503 гг., но и «всей Русской землей», т. е. Смоленском, Витебском, Киевом и т. д. Литовское правительство категорически отклонило это требование, но принуждено было согласиться на шестилетнее перемирие, по которому за Русским государством сохранялись все присоединения последних лет (Чернигов, Новгород-Северский, Гомель, Брянск и др.). С ливонским магистром, союзником Александра, Иван III вообще не пожелал вести переговоров, и Орден принужден был пойти на унизительный мир с новгородским наместником и согласиться на возобновление вечной дани за владение городом Дерптом-Тарту (Юрьевом, некогда принадлежавшим Руси).

Политику Ивана III (умершего в 1505 г.) по отношению к Литве продолжал его сын Василий III.

В 1507 г. Василий III сделал попытку радикального разрешения вопроса о Литве. Получив весть о смерти великого князя Александра, он обратился к его вдове, своей сестре Елене Ивановне, с просьбой принять меры к его избранию на вакантный литовский престол[2]. Попытка Василия Ивановича не удалась — великим князем литовским и королем польским стал брат Александра Сигизмунд, и оба государства почти сразу же стали готовиться к новой войне. Сигизмунд стал на путь блока с русскими удельными князьями. Он вступил в тайные сношения с братом Василия Юрием Ивановичем, обещая ему помочь завладеть «осподарством»[3]. Василий III в свою очередь заключил соглашение с Михаилом Глинским, фаворитом покойного Александра, впавшим в немилость при Сигизмунде[4].

Уже в сентябре 1507 г. Василий послал свои войска «ко Мстиславлю литовские земли воевать». Несмотря на широко задуманный план, наступление 1507—1508 гг. не принесло ожидаемых результатов. Глинские

---

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 422.
[2] Там же, стр. 481—482.
[3] «Акты Западной России» (далее — АЗР), т. II, № 19, стр. 21.
[4] «Русский Временник», ч. II, М., 1790, стр. 21.

действительно подняли восстание против литовского правительства в белорусских и украинских землях (Минск, Киев), но согласовать их действия с наступлением русских воевод не удалось. Единственным результатом русского наступления было согласие польского короля заключить «вечный мир» на условиях 1503 г. и признать потерю всех земель, взятых русскими в 1500—1503 гг. «Вечный мир» 1508 г. не удовлетворял обе стороны. В конце 1512 г. между обоими государствами возобновились военные действия.

Как и в прежние годы, борьба между Русским и Польско-Литовским государствами была тесно связана с внутренним движением среди русского населения Литвы. Выступление Глинского (перешедшего после 1508 г. на Русь) было не единственным и даже не самым характерным показателем этого движения в Западной Руси. Наступление на православную церковь в Литве, прерванное войной 1500 г., вновь возобновилось при Сигизмунде. В 1512 г. литовские правители заподозрили Елену Ивановну в намерении «отъехать» в Москву и, «взяв королеву за рукова... и посадя в сани, повезли в Троки, а из Трок отвезли в ее села...»[1]. Загадочную смерть Елены Ивановны, последовавшую через несколько месяцев после этих событий, не только в Москве, но и в Литве объясняли отравлением [2].

Насилие, учиненное над Еленой Ивановной, наряду с враждебными Руси сношениями Польши и Литвы с Крымом, давало Василию III законный повод для возобновления войны с королем. На этот раз военные действия развивались значительно успешнее, чем в 1507—1508 гг. В 1514 г. русские войска добились решающей победы: после трехмесячной осады им удалось взять крупнейшую крепость и древний русский город Смоленск, захваченный Литвой еще в начале XV в. Большую роль в победе Руси сыграла и поддержка со стороны местного населения. Важность этого фактора сказалась во время последующих событий. В конце 1514 г., оправившись после потери Смоленска, польско-литовские войска сумели нанести русским серьезное поражение под Оршей. Неудача под Оршей повлекла за собой попытки измены в русском лагере (М. Глинский, смоленский епископ Варсонофий), но попытки эти были разоблачены в значительной степени благодаря помощи смоленского населения [3].

Поражение под Оршей и внутренняя измена задержали дальнейший ход военных действий; несмотря на начавшиеся в 1517 г. переговоры о перемирии, обе стороны продолжали взаимные нападения. Готовясь к большой войне, русское правительство заключило соглашение с прусским (тевтонским) магистром о совместных действиях против Сигизмунда. Но в 1521 г. крымский хан, давно уже ведший переговоры с Сигизмундом, воспользовался отвлечением русских сил на запад и предпринял

---

[1] Сб. РИО, т. 35, стр. 497.

[2] Там же, стр. 524; ААЭ, т. I, № 289, стр. 337; *Е. Церетели*. Указ. соч., стр. 325.

[3] ПСРЛ, т. VII, стр. 258.

грабительский набег на Русь, подойдя к самым стенам Москвы и опустошив соседние земли.

Прием Иваном IV польско-литовских послов в Москве в 1542 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Крымское нападение 1521 г. надолго прервало борьбу за западнорусские земли. После 1521 г. наступает некоторая стабилизация в русско-польских отношениях: до мира между обоими государствами дело так и не дошло (подписать такой мир значило бы для польского короля признать потерю Смоленска — на это Сигизмунд I никак не мог решиться), но дипломатические переговоры шли почти непрерывно. Переговоры эти трижды приводили к заключению перемирия — в 1522, 1526 и 1533 гг.

Смерть Василия III не вызвала существенных перемен в русско-польских отношениях. Переговоры о мире, ведшиеся с правительством малолетнего Ивана IV, ясно показали польско-литовским послам, что Русское государство не намерено было поступиться землями, воссоединенными в начале XVI в. с Россией. Более того, русские дипломаты, ведшие переговоры с польско-литовскими послами, отстаивали в ходе переговоров интересы не только Руси, но и ее союзника — Молдавии. Сношения с Молдавией, возобновившиеся в последние годы княжения Василия III, стали особенно оживленными именно в годы малолетства Ивана IV: в 1535 г. Иван IV молдавского господаря Петра IV (сына Стефана) «пожаловал, в приятельство ево к собе взял»[1]. В 1537 г. прекращение польско-молдавской войны было выставлено в качестве одного из обязательных условий русско-польского мира. Литовские послы пытались отделаться от этого требования русских, объявив, что с Петром воюют «польские воеводы», «а с нами с паны с виленскими брани ему нет». Но заставить русских дипломатов таким способом отказаться от их притязаний было

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 99; Сб. РИО, т. 59, стр. 41.

невозможно: если «волошской», сказали они, «с вами с литовскими паны в миру, а брань была ему с Польской землею», то «мы Московскою землею перемирье возмем с королем, а Ноугородцкою землею с королем валчити (воевати) станем». Поняв, что их дипломатический прием не удался, послы прекратили переговоры на эту тему, заявив, что они «не баломутные люди» и не будут говорить «о безлепице»[1].

В 1537 г. с Польско-Литовским государством было заключено перемирие на пять лет; в том же году был заключен мир со Швецией, ставшей вновь с 20-х годов XVI в. независимым от Дании государством. В 1542 г. перемирие с Польшей было вновь продолжено. Система перемирий долго еще тянулась в царствование Ивана IV. Борьба между Русским и Польско-Литовским государствами возобновилась значительно позже — уже после начала Ливонской войны.

* * *

Неудачная попытка хана Большой Орды Ахмата в 1480 г. восстановить татарское иго на Руси знаменует собой решительный перелом в истории русско-татарских отношений. После бесславного отхода Ахмата на южной границе сложилась весьма благоприятная для Русского государства обстановка.

Большая Орда — обломок некогда могучей Золотоордынской державы — находилась в упадке и шла к полному крушению. Вскоре после похода на Русь Ахмат был убит ханом одной из татарских орд, вышедших из Западной Сибири; во главе Орды стали его сыновья — Муртоза, Сеид-Ахмед и другие. Сыновья «царя» не смели уже претендовать на суверенитет над Русью; обратившись в 1487 г. к Ивану III с просьбой переслать к нему одного из служилых татарских «царевичей», Муртоза ни одним словом не упомянул о прежних взаимоотношениях, молчаливо признавая тем самым крушение планов своего отца[2].

Еще бо́льших успехов добилось Русское государство в отношениях с Казанским ханством — непосредственным соседом Руси. В 1487 г. Иван III предпринял большой поход на Казань, в результате которого враждебный Русскому государству Али-хан был свергнут и на престол посажен Мухаммед-Эмин, признавший русский суверенитет[3]. С тех пор вплоть до конца княжения Ивана III Казань фактически находилась под властью Руси.

Третьего и наиболее могущественного из татарских ханов — крымского — Иван III в течение всего своего княжения использовал в своих интересах. Сохранение союзнических отношений с Менгли-Гиреем, основанных на использовании противоречий между отдельными татарскими ханами, было далеко не легкой задачей; феодальная клика, фактически господствовавшая в Крыму, видела в военном грабеже главный источник своего существования и очень неохотно подчинялась какой-либо определенной

[1] Сб. РИО, т. 59, стр. 90.
[2] Там же, т. 41, стр. 68—69.
[3] «Устюжский летописный свод», М.— Л., 1950, стр. 96.

внешнеполитической линии. Однако среди крымских феодалов существовала влиятельная группа, видевшая в могущественном Русском государстве наиболее надежную опору для борьбы со своими врагами—Польско-Литовским государством и Большой Ордой. Это и давало возможность русскому правительству использовать в своих интересах крымские силы. В 1486—1491 гг. крымскому хану удалось нанести серьезный удар по Большой Орде; в 1502 г. сыновья Ахмата были окончательно разбиты и Большая Орда уничтожена.

Благоприятные отношения с Крымом имели значение для Ивана III еще и потому, что уже с XV в. крымские ханы были вассалами Турции и их политика была тесно связана с политикой султанов. Владевшая значительными территориями, захваченными на Северном Кавказе и в Причерноморье, Турция следила за положением в Восточной Европе; уже в 1485 г. султан выразил желание завязать дипломатические связи с Русским государством, с могуществом которого он вынужден был считаться. В 1496—1497 гг. в Турцию был послан русский посол Плещеев, принятый султаном с таким почетом, какого не встречали западноевропейские послы в Стамбуле.

Благоприятная обстановка на южной границе Руси сохранялась до начала XVI в. Первые признаки изменения этой обстановки относятся к весне 1505 г., когда казанский хан Мухаммед-Эмин, посаженный на престол (после пятилетнего правления его брата Абдул-Латыфа), разорвал дипломатические отношения с Москвой; предлогом для этого разрыва было назначение Иваном III нового наследника (Василия) [1]. Летом 1505 г. русский посол и прибывшие в Казань на ярмарку купцы были захвачены по приказу хана; часть купцов была перебита; сам Мухаммед-Эмин напал на Нижний-Новгород.

Выступление казанского хана следует рассматривать в общем ряду турецких и татарских нападений на Русь. После окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г. Менгли-Гирей меньше нуждался в союзе с Москвой; крымские феодалы были не прочь использовать для своих набегов земли Северской Украины, воссоединенные с Русским государством в 1503 г. Крым в это время представлял авангард агрессивной султанской Турции, стремившейся к расширению подвластных ей территорий. Внезапное выступление Мухаммед-Эмина было, несомненно, связано с изменением политики крымского хана. Опасность казанско-крымско-литовской коалиции [2] заставила правительство Василия III, готовившееся в это время к новой войне с Польшей, пойти на примирение с Мухаммед-Эмином. Фактически это означало потерю на время русского суверенитета над Казанью [3].

[1] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Погод. 1405, л. 424.

[2] АЗР, т. II, № 15, стр. 13—14.

[3] *И. И. Смирнов.* Восточная политика Василия III. «Исторические записки», кн. 27, стр. 23.

Инспирируемые султанской Турцией крымские феодалы в 1507 г. перешли к открытым нападениям на Русскую землю [1]. Воцарившийся в 1515 г. после смерти Менгли-Гирея новый хан Мухаммед-Гирей обнаруживал еще бо́льшую враждебность к Василию III, чем Менгли-Гирей [2].

Столкновение между Русским государством и Крымом, агрессивные действия которого находили поддержку не только Турции, но и Великого княжества Литовского, становилось все более неизбежным; новое обострение казанского вопроса дало непосредственный толчок к этому столкновению. В 1518 г. после смерти бездетного Мухаммед-Эмина Василий III «пожаловал» казанцам нового хана, «касимовского царевича» Шах-Али (Шигалея), потомка послушных вассалов Москвы, никак не связанного с Крымом. «Запись», данная Шах-Али Василию III при вступлении на престол, юридически закрепляла его вассальную зависимость от русского государя, восстанавливая отношения Москвы с Казанью, нарушенные выступлением Мухаммед-Эмина в 1505 г.

«Жалуя» казанцам Шах-Али, Василий III опирался, очевидно, на группу местной феодальной знати, стремившуюся к сближению с Москвой. Но для Крыма, ставшего на путь прямой агрессии по отношению к Русскому государству, и его сторонников внутри Казани эта кандидатура была совершенно неприемлемой, и в 1521 г. крымский хан Мухаммед-Гирей, инспирировав с помощью своих сторонников переворот в Казани (посадив на место Шах-Али своего брата Сагиб-Гирея), организовал нападение крымских и казанских войск на Москву.

Поход 1521 г. (во время которого крымцам помогал и литовский воевода Дашкевич) был серьезнейшим ударом по Русскому государству. Однако Москву Мухаммед-Гирею взять не удалось. Серьезность положения усугублялась стремлением турецкого султана поддержать своего крымского вассала в его агрессивной политике. Турецкий посол Скиндер, несколько раз приезжавший в 20-х годах в Москву, с каждой миссией занимал все более враждебную позицию по отношению к Русскому государству. Василий III подозревал Скиндера в связи с оппозиционными элементами на Руси. С ухудшением русско-турецких отношений был, повидимому, связан процесс Максима Грека в 1525 г.[3] Враждебная позиция турецкой дипломатии была вызвана не какими-либо случайными причинами, а глубокими противоречиями, обнаружившимися к этому времени между обоими государствами: все более усиливавшаяся Оттоманская держава начинает при Солимане II высказывать прямые претензии на господство в Восточной Европе. В 1524 г. Скиндер потребовал, чтобы Василий не вмешивался в казанские дела, так как «Саип Гирей царь присылал ко государю нашему сее весны бити челом, а за-

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 246.

[2] Сб. РИО, т. 95, стр. 152—153.

[3] *И. И. Смирнов*. К вопросу о суде над Максимом Греком. «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 118—126.

ложился за государя нашего». Допустить превращение казанского хана в турецкого вассала русское правительство не могло; и турецкому послу было заявлено, что Казань «изначала юрт государя нашего» [1]. Твердая политика Русского государства основывалась прежде всего на его возросшем политическом могуществе. В то же время Крым был ослаблен феодальными распрями. После смерти Мухаммед-Гирея в Крыму начинается борьба за власть между различными претендентами, в результате которой в 1533 г. крымским ханом стал по решению султана Сагиб-Гирей, бывший казанский хан, вытесненный из Казани своим племянником Сафа-Гиреем.

Оборона Москвы при нашествии Сагиб-Гирея в 1541 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В годы «боярского правления» в Москве крымский хан сделал новую попытку наступления на Русское государство. В 1541 г. Сагиб-Гирей со «всей ордой» и значительными вспомогательными силами предпринял поход на Русь. Этот поход окончился неудачей; даже в период наибольшего боярского «самовольства» Русское государство сумело выдержать татарское нашествие [2].

Нападение Сагиб-Гирея было отражено, но опасность нового нашествия с юга не могла считаться ликвидированной. Пока Гирей господствовал в Казани, восточные границы Русского государства подвергались серьезной опасности.

В первые же годы самостоятельного правления Ивана IV начинаются поэтому походы на Казань. Уже в 1545 г. на Казань был послан один из выдающихся воевод — князь С. И. Пунков-Микулинский. Борьба против крымско-турецкой угрозы с юга и юго-востока становится первоочередной задачей русской политики. Борьба эта имела большое значение не только для русского народа, но и для многочисленных народов

---

[1] *Б. И. Дунаев*. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916, приложение, стр. 77—82.

[2] ПСРЛ, т. VIII, стр. 295—301.

Средней Волги (мари, мордва, чуваши), находившихся до середины XVI в. под властью татарских феодалов [1].

* * *

Русское государство в конце XV — первой половине XVI в. поддерживало сношения не только со своими непосредственными соседями, но и с более отдаленными государствами. Завязавшиеся еще при киевских князьях связи Руси с крупнейшими государствами Западной Европы никогда не прерывались полностью. Но сношения эти не имели еще систематического характера. Лишь в конце XV в., после присоединения Новгорода и Твери и низвержения татарского ига, окрепшее Русское государство завязывает постоянные дипломатические связи с крупнейшими государствами Западной Европы и начинает играть значительную роль в международной политике этих государств.

Первые сношения Ивана III с государствами Западной Европы начались в 1468 г., когда молодой русский государь вступил в переговоры с Ватиканом о женитьбе на воспитаннице римского папы Зое (Софии) Палеолог. После приезда Софии в 1472 г. в Москву русское правительство не прерывало сношений с Италией и пять раз посылало туда своих послов: в 1474, 1486, 1488, 1493 и 1499 годах. Русские послы систематически привозили из Италии мастеров (Фиоравенти и др.), но не вели с правителями итальянских государств существенных дипломатических переговоров.

Несравненно бо́льшее значение для установления политических сношений Русского государства с Западной Европой имела упомянутая уже миссия дьяка Федора Курицына в 80-х годах XV в. к молдавскому господарю Стефану III и венгерскому королю Матвею Корвину. Переговоры, которые вел Курицын, были связаны с основной задачей внешней политики Ивана III — с его борьбой за западнорусские земли. Переговоры с венгерским королем, несомненно, были направлены против Казимира [2].

Дружественные связи с молдавским и венгерским государствами постепенно росли и крепли. С Русским государством вынуждены были считаться и другие европейские державы. С Москвою завязывают сношения император Священной Римской (Германской) империи Фридрих III Габсбург и его сын Максимилиан. Но переговоры русского правительства с империей не дали практических результатов. В 1491 г., правда, был заключен договор о «дружбе и любви и братстве и единачстве» между Русью и Германской империей [3], но фактически это «единачство» претворено в жизнь не было: император предпочел соглашение с Ягеллонами войне с ними. Максимилиан (ставший с 1493 г. императором) не только не со-

---

[1] О связях народов Поволжья с русским народом см. гл. 4, § 3а настоящего издания.

[2] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. I, СПб., 1851, стб. 160—161.

[3] Там же, стб. 65—69.

бирался воевать с Ягеллонами, но даже предложил самому Ивану III отказаться от этой войны и выступить против турецкого султана[1].

Столь внезапно выдвинутое предложение императора имело, однако, важное значение. Сделанная впервые Максимилианом попытка использования Русского государства для борьбы против Турции была повторена спустя несколько лет папой Александром VI Борджиа, выступавшим в качестве посредника между Иваном III и литовским великим князем Александром. Впоследствии этой идее предстояло сыграть важную роль в русско-габсбургских отношениях: жившие под постоянной угрозой турецкого нападения Габсбурги в течение всего XVI в. пытались натравить Россию на Турцию. Однако попытка Максимилиана использовать Русское государство в качестве орудия габсбургской политики с самого начала была обречена на провал. Русское правительство решительным образом отклонило все попытки втянуть Россию в войну с Турцией.

Расхождение между политикой правительства Ивана III и германского императора обнаружилось не только в вопросе о борьбе с Турцией. Уже в годы великого княжения Ивана III начала проявляться другая тенденция, внушавшая опасения Габсбургам: стремление Руси выйти к побережью Балтийского моря. Иван III заключил союз с датским королем, направленный не только против Швеции, но и против Ганзейского союза, мешавшего обоим государствам своей монополистической политикой на Балтике. В 1494 г. Иван закрыл ганзейскую контору в Новгороде и конфисковал товары ганзейских купцов [2]. Такая политика русского правительства, несомненно, противоречила интересам Габсбургов: император покровительствовал Ганзе и очень боялся появления новых политических сил на Балтийском море. Противоположность интересов привела в конце княжения Ивана III к фактическому прекращению сношений между Русским государством и Германской империей.

Сношения эти были возобновлены при Василии III. Причиной, заставившей Габсбургов вновь вступить в переговоры с Россией, было новое обострение отношений с Ягеллонами. Император вновь предложил русскому государю «соединенье»; в 1514 г. императорский посол Шницен-Паумер заключил в Москве договор с Русским государством, примечательный, в частности, тем, что в нем московский государь именовался тем же титулом, как и сам Максимилиан,— «божиею милостию цесарь», т. е. император [3].

Договор 1514 г. произвел большое впечатление на польского короля, тем более что одновременно с его заключением русское правительство начало военные действия и русские войска заняли Смоленск.

Однако император и на этот раз отнюдь не торопился осуществить свои обязательства, данные русскому «цесарю». Враждебный императору прусский магистр прямо сообщал впоследствии Василию III, что импе-

---

[1] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 280—281.

[2] См. гл. I, § 6 настоящего издания.

[3] «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стб. 1503—1508.

ратор сочувствовал Сигизмунду I в его борьбе с Россией. Максимилиан, по словам прусского посла, писал магистру, что он беспокоится за судьбу польского короля, особенно в связи с наступлением турецкого «солдана»: «король будет отвсюду неверными отягчен и недобро, что король прогонится, а царь всея Руси велик учинится...»[1] История русско-германских сношений конца XV в. почти точно повторяется и в начале XVI в.: использовав договор с Россией для дипломатического воздействия на Польшу, император вновь начал добиваться от польского короля определенных политических уступок и, заключив соглашение с Ягеллонами, отказался от выполнения своих обязательств по отношению к Русскому государству. Но на этот раз Максимилиан I решил взять на себя другую роль — «миротворца» между Русским и Польско-Литовским государствами. В Москву был послан один из наиболее известных германских дипломатов того времени — барон С. Герберштейн, который должен был убедить Василия III помириться с Сигизмундом, вернуть ему Смоленск и даже заключить с ним союз против Турции. Задача, поставленная перед Герберштейном, была, конечно, совершенно нереальна. Холодный прием, оказанный Герберштейну, должен был показать императору, что после отказа от выполнения договора 1514 г. ему нечего рассчитывать на союз с Русским государством.

Русское правительство продолжало вести самостоятельную внешнюю политику, исходившую из понимания основных задач, стоявших перед Русским государством. Убедившись в бесплодности переговоров с Империей, русское правительство обратилось к другим западноевропейским державам. В 1517 г. был возобновлен, например, военный союз с Данией; в те же годы Василий III завязывает сношения и с прямыми врагами Габсбургов.

Отказ императора от союза с Русским государством и сближение его с Польшей совпадают с чрезвычайно тревожным для Габсбургов моментом — с борьбой за императорский престол. Максимилиан хотел, чтобы его наследником был заранее избран его внук, испанский король Карл I; соперником Карла был французский король Франциск I. Среди германских князей у французского короля было немало сторонников; один из них, магистр Прусского (Тевтонского) ордена Иоганн-Альбрехт, сделал попытку привлечь русского государя к борьбе, разгоревшейся вокруг императорского престола.

Сношения между Альбрехтом и Василием III начались в 1516 г.; в 1517 г. магистр послал в Москву одного из своих ближайших советчиков — Дитриха Шонберга. Официально целью его миссии было заключение союза против Сигизмунда I, но наряду с этим у магистра существовали и более широкие международно-политические планы. Подрывая авторитет императора, Альбрехт одновременно пытался завязать связи между Русским государством и основными силами, противостоявшими Габсбургам.

---

[1] Сб. РИО, т. 53, стр. 46.

Одной из таких сил был римский папа Лев X, в течение долгого времени выступавший против кандидатуры Карла на императорский престол. В 1518 г. Альбрехт сообщил Василию III, что Россию хочет посетить «посланник папежский», брат Дитриха Шонберга — «мних» Николай Шонберг [1]. Альбрехт также сделал попытку завязать связь между Русским государством и другим крупнейшим государством, с которым у Руси еще не было сношений,— Францией. Альбрехт испросил у Василия III специальную грамоту к главному сопернику Габсбургов в борьбе за престол — Франциску I, скрыв только зачем-то настоящее имя французского короля и назвав его «королем христианнейшим» [2].

Старания Альбрехта и других врагов «Аустрьского дома» не привели к успеху — в 1519 г. сам магистр известил Василия III, что германский престол достался испанскому королю Карлу I (в качестве императора именовавшемуся Карлом V). Объединив в своих руках Испанию с ее обширными европейскими и американскими владениями, Германскую империю и Нидерланды, Карл унаследовал от своих предшественников и сложные внешнеполитические проблемы. Не в меньшей степени, чем прежние германские императоры, он был заинтересован и в дружественных отношениях с Русским государством.

Переговоры Василия III с Карлом V имели, несомненно, более реальный и деловой характер, чем с предшественниками Карла. Вплоть до начала 20-х годов XVI в. попытки Габсбургов привлечь Русское государство к антитурецкой лиге были совершенно бесплодны, но после крымского нападения 1521 г. русско-турецкие отношения обострились. Убедившись во враждебности султана, Василий III начал искать союзников на случай возможной войны с ним. Естественными союзниками Руси в случае войны с Турцией были славянские страны Балканского полуострова, захваченные турками: брак Василия III с Еленой Глинской, связанной (через свою мать) свойством с сербскими правителями, был, по-видимому, одним из признаков восстановления давнишних связей России с южнославянскими государствами [3]. В сочинениях дворянского публициста И. С. Пересветова, проведшего ряд лет в Молдавии и Венгрии, нашли отражение чаяния южнославянских и других порабощенных Турцией народов. Эти народы, по словам Пересветова, «надеются... свободитися руским царем от насильства турецкого царя иноплеменника» [4]. Возобновляются в эти годы и давние сношения Русского государства с римской курией: в 1525 г. Василий III посылал гонца Дмитрия Герасимова к папе Клименту VII.

В те же годы Василий III ведет переговоры и с Карлом V. Четыре раза — в 1523, 1525, 1527 и 1528 годах — русские послы ездили в далекую

[1] Сб. РИО, т. 53, стр. 80, 85—86.

[2] Там же, стр. 95; ср. стр. 55 и 102.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Иван Грозный и Сербия. «Доклады и сообщения Истфака МГУ», вып. 1. М., 1945, стр. 4—7.

[4] *В. Ф. Ржига.* И. С. Пересветов, публицист XVI в. М., 1908, стр. 63.

Испанию; в Россию, в свою очередь, неоднократно приезжали габсбургские послы. В 1528 г. русские послы, прибывшие в Толедо, возобновили с Карлом V договор, заключенный с его дедом в 1514 г.[1] Договор 1528 г. сыграл известную роль в международных отношениях того времени: когда в 1529 г. турки осадили Вену, именно страх перед русскими силами удержал европейских врагов Карла от помощи султану[2].

Переговоры с западными государствами при Василии III значительно расширили международные связи Русского государства. Уже при Иване III дипломатические миссии русских послов сопровождались важными географическими открытиями. Так, в 1496 г. Григорий Истома, русский толмач, ездивший в Данию, впервые объехал северную оконечность Европы — Нордкап[3]. До XVI в. Русское государство имело сношения из западноевропейских держав лишь с Италией, Германией и Данией. При Василии III русские послы побывали на другом конце Европы — в Испании и стали частыми гостями в этой стране. Испания была не единственной страной, с которой русские послы познакомились в эти годы. Прерванные еще во времена древнерусского государства сношения между Русью и Англией были возобновлены не вследствие «открытия Московии» Ченслером в 1553 г., а в результате одной из поездок на Запад послов Василия III. Послы князь И. И. Засекин-Ярославский и дьяк С. Б. Трофимов проехали в Испанию в 1524 г. через Англию и «открыли» ее, таким образом, за тридцать лет до путешествия Ченслера[4]. Тогда же, а затем в 1527 г. русские послы посетили и Нидерланды[5]. В результате дипломатических переговоров значительно расширялось знакомство русских политических деятелей с основными фактами истории Запада того времени. В русских источниках получил отражение первый этап истории реформации, когда, во время выступления Лютера летом 1518 г., император Максимилиан I (очень недовольный позицией папы в борьбе за императорский престол) грозился с помощью своего внука Карла «наказать слабое житье» «кардиналов и прочих церковных»[6]. На Русь пришли известия и о другом важнейшем событии западной истории — о битве при Могаче в 1526 г., приведшей к завоеванию центральной Европы турками; об этом событии сообщали на Русь и Габсбурги, объяснявшие поражение изменой венгерского магната (потом короля) Яна Запольи, и сторонники Запольи, сваливавшие вину на императора[7]. С другой

---

[1] *H. Uebersberger.* Oesterreich und Russland. Вена — Лейпциг, 1906, стр. 238, прим. 2.

[2] Там же, стр. 238—239.

[3] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах, стр. 184—188.

[4] *H. Uebersberger.* Указ. соч., стр. 184, прим. 3; *Я. С. Лурье.* «Открытие Англии» русскими в начале XVI в. «Географический сборник», т. III, 1954, стр. 185.

[5] «Acta Tomiciana», t. IX, № 252; I diarii di Sanuto, t. 37, Venezia, 1893, стр. 95.

[6] «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стб. 418.

[7] «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 47; ср. ГПБ, Q. IV. 33, лл. 35 об.— 36; «Памятники дипломатических сношений...», т. I, стб. 536—537.

стороны, русские дипломаты, побывавшие за рубежом, давали западным писателям материал о Русском государстве: сведениями русских толмачей Истомы и Власия пользовался Герберштейн; рассказы посла Дмитрия Герасимова легли в основу книги итальянца Павла Иовия (Джовио).

В конце княжения Василия III сношения между Русским государством и западными государствами прервались; попытка правительства Елены Глинской возобновить эти сношения в 1538 г. не привела к успеху — отправленный в Испанию посол Ю. Скобельцын был во время плавания по Средиземному морю захвачен пиратами (обычно связанными с турецким султаном). Но уже в конце «боярского правления» и в начале самостоятельного правления Ивана IV была сделана новая попытка завязать связи с Западной Европой: в 1547 г. Иван IV послал к императору гонца, немецкого купца Ганса Шлитте, с поручением набрать в Германии ремесленников и ученых для службы в России. Поручение это было выполнено, но в дело вмешались Ганза и Ливонский орден, — Шлитте был задержан, а его спутники разбежались.

Задержка Шлитте лишний раз свидетельствовала о враждебности Ливонии и других западных соседей к Русскому государству и о их стремлении отрезать Русь от Запада. Но этой задержкой дело Шлитте не закончилось. Выйдя каким-то образом из тюрьмы, этот предприимчивый гонец внезапно объявил себя полномочным послом Русского государства, сочинил фантастическую грамоту от Ивана IV к Карлу V [1] и даже назначил одного немца, некоего Штейнберга, «московским канцлером»[2]. При всей своей нелепости «миссия» Шлитте и его нового сотрудника Штейнберга была встречена при дворах западноевропейских государей и римского папы с полной серьезностью. Особенно сильное впечатление «миссия» Шлитте — Штейнберга произвела на польского короля, сохранявшего еще страх перед соглашением Русского государства с западноевропейскими государями. Испуганный король ценою серьезных политических уступок Габсбургам добился перерыва переговоров императора со Шлитте и Штейнбергом. Но другие западноевропейские государи продолжали вести переговоры с этими авантюристами. Французский король Генрих II (сын Франциска I) решил воспользоваться удобным случаем, чтобы завязать сношения с Русским государством, вручил Шлитте грамоту к Ивану IV и дал ему специальное письмо к султану (союзнику Франции в борьбе с императором) с просьбой пропустить «московитского посла», обиженного Карлом V[3]. Дальнейшая судьба Шлитте неизвестна. Но еще в течение долгих лет в Западной Европе продолжали верить в полномочия этого «посла».

---

[1] «Акты копенгагенского архива». «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, отд. II, стр. 290.

[2] «Акты исторические, относящиеся к России», изд. А. Тургеневым, т. I. СПб., 1841, CXXX (стр. 134), нем. текст — *Fiedler*. Ein Versuch... «Sitz.-berichte der Phil.-Hist. classe der keis. Akad. der Wissenschaft», t. 14, 1862, стр. 80.

[3] *H. Uebersberger*. Указ. соч., стр. 301, прим. 2.

При всей своей фантастичности дело Шлитте, несомненно, представляет значительный интерес для характеристики международного положения Русского государства в первой половине XVI в. Настойчивое стремление Ливонии, Ганзы и других врагов Руси отрезать Русское государство от путей сообщения с Западом, несомненно, не оставалось без последствий.

Дело Шлитте свидетельствует прежде всего о вопиющей неосведомленности западноевропейских политиков в вопросах, касавшихся Русского государства. Шесть с лишним лет мог действовать в Западной Европе обманщик, спекулировавший именем русского государя, но никто его не уличил в этом. Дело Шлитте говорит и о другом. Успех самозванца вытекал прежде всего из огромного интереса к Русскому государству, из твердого убеждения, что «посол» представляет далекую, но могущественную державу. Именно международный авторитет Руси и давал возможность авантюристу и проходимцу Шлитте быть в центре внимания западных политиков, а его ставленнику Штейнбергу — вести переговоры с императором и папой.

В конце XV — первой половине XVI в. Русское государство играло значительную роль в сложной политической борьбе великих держав Западной и Восточной Европы. Русь знали, ее пытались привлечь к борьбе между основными политическими силами Запада. Русское государство привлекало внимание и крупнейших политических сил Востока: в 1532 г. к Василию III явилось посольство от «Бабур-падши» — основателя индийской державы Великих Моголов Бабура (в прошлом — узбекского князя) [1].

Ослабление дипломатической активности Русского государства с конца княжения Василия III не подорвало международного авторитета России. С первых же дней самостоятельного правления Ивана IV его внешняя политика вызывала глубокий интерес и напряженное внимание за границей.

Все попытки правителей различных европейских держав использовать Русское государство для выполнения своекорыстных задач терпели неудачу. В конце XV — первой половине XVI в. Русское централизованное государство твердо следовало по пути осуществления своей внешнеполитической программы, основные направления которой в это время наметились уже со всей определенностью [2]. Эти направления определялись насущными потребностями государства и прежде всего задачей воссоединения русских, украинских и белорусских земель, стремлением получить выход в Балтийское море и потребностями обороны от турецко-татарской агрессии. В изучаемый период были заложены основы тех крупных успехов, которых достигло Русское государство позднее.

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 65—66.

[2] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 18.

10

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Культура Русского государства конца XV — первой половины XVI в. развивалась по нескольким направлениям. Шел процесс слияния местных, областных культурных течений в общерусском русле. Решающую роль в этом процессе сыграла Москва, которая объединила все лучшие достижения отдельных областей, освободила их от некоторой замкнутости и локальности, придала им общерусскую значимость и весомость. То, что было раньше характерным для одного княжества, стало достоянием всей страны. Вместе с тем в многонациональном Русском государстве русская культура становилась ведущей культурой для народностей, населявших Россию, ее влияние на культуру этих народностей все более увеличивалось.

Существенным моментом в развитии русской культуры конца XV— первой половины XVI в. явились дальнейшее развитие светской идеологии, значительное увеличение светских сюжетов в литературе и публицистике, проникновение светских мотивов и образов в архитектуру, живопись, искусство миниатюры. В тесной связи с этими явлениями стоит усиление влияния народного творчества на литературу, живопись, прикладное искусство. Памятники культуры этого времени, несмотря на все еще значительную зависимость от религиозной идеологии, в основном являлись произведениями русской светской культуры.

Не менее важным явлением в развитии русской культуры была ее тесная связь с политическими задачами общества. Культура Русского государства конца XV — первой половины XVI в., как явление надстроечного порядка, активно содействовала укреплению и упрочению феодального базиса. В произведениях культуры рассматриваемого периода, в художественных формах и образах отражаются те же идеи крепкой государственной власти, необходимости усиления централизованного управления, которые выдвигались экономическими и политическими задачами эпохи. Отсюда тесная связь русской литературы с публицистикой, отражение в произведениях устно-поэтического народного творчества общегосударственных идей крепкой централизованной власти и т. д.

Наряду с общерусскими тенденциями и мотивами в культуре Русского государства конца XV — первой половины XVI в. мы видим и развитие особых специфических черт, характерных для русской, украинской и белорусской культур; развивалась культура трех братских народностей. В то же время наличие характерных для каждой народности черт не мешало развитию культурных явлений, общих этим трем народам, столь близким между собой по языку, культуре и истории.

Наконец, последнее, что следует иметь в виду при анализе культуры Русского государства конца XV — первой половины XVI в.,— это

значительно возросшее мастерство и умение русских архитекторов, писателей, публицистов, общий рост художественного вкуса русского народа, стремление к художественной выразительности при общем повышенном внимании к идейному содержанию произведений. Русская культура этого периода—необходимое и важное звено в общей цепи развития русской культуры эпохи феодализма.

а) Устное народное творчество

Устное народное творчество конца XV — первой половины XVI в. дошло до нас в виде очень поздних (XIX—XX вв.) пересказов фольклорных сюжетов, возникших или окончательно сложившихся еще в период образования Русского централизованного государства. Записей произведений народного творчества, относящихся к XVI в., до нас не дошло. Однако отсутствие фольклорных записей XVI в. еще не дает права говорить об отсутствии самих произведений народно-поэтического творчества этой эпохи. На широкое распространение устно-поэтического творчества в то время указывает ряд источников, среди них официальные документы — соборные послания и Стоглав, осуждающие увлечение простых русских людей сказками и песнями. Митрополит Даниил сурово укорял за интерес к мастерам народного творчества: «на диаволскаа позорища течеши яко свинопас... приводиши скомрахи, плясцы, скверннословци,... глумотворцы...»[1]. Кроме того, многие литературные произведения конца XV— первой половины XVI в. были тесно связаны и по своему содержанию и по своей форме с устным народным творчеством. В свою очередь многие литературные произведения этого времени оказали серьезное воздействие на народные сказки. О значении сказок в то время свидетельствует наличие специальных сказочников-профессионалов при дворе Ивана Грозного. Необычайно интересное свидетельство о распространении при дворе Ивана Грозного в первой половине XVI в. народных игр, сопровождавшихся песнями, сохранил для нас так называемый «Пискаревский летописец», обнаруженный О. А. Яковлевой. Мы читаем в нем под 1545 г. следующее: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры, и сеял гречиху, и иныя потехи: на ходулех ходил, и в саван наряжался»[2]. Эти игры являются традиционными народными играми, широко распространенными на Руси того времени.

Большое количество сказок конца XV — первой половины XVI в., отразивших в своем содержании процесс образования сильного централизованного государства, позже — в XVII—XIX вв. — было приурочено народом к имени Ивана Грозного — одного из наиболее популярных в русском народно-поэтическом творчестве персонажей.

---

[1] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложение, стр. 19—21.

[2] ГБЛ, Музейное собрание, № 612, л. 566 об.

Среди таких сказок, возникших в конце XV — начале XVI в., но в дальнейшем отразивших время Грозного, следует отметить в первую очередь «Сказку о Борме-Ярыжке», дошедшую до наших дней в значительном количестве вариантов. В основе этой сказки лежат два широко популярных сюжета — о Лихе Одноглазом и о благодарном животном (в данном случае — льве). Герой сказки — Борма-Ярыжка — выходец из народа, ловкий и находчивый, добывает для царя знаки царского достоинства из Вавилона града, на обратном пути претерпевает ряд приключений, но с честью выполняет трудное дело. «Сказка о Борме-Ярыжке» идет значительно дальше «Повести о Вавилонском царстве» в осмыслении самого процесса укрепления Русского государства. В отличие от повести, герой сказки — русский человек, выходец из народа; он добывает царские регалии не для византийского императора, а для русского царя Ивана Васильевича Грозного. Весьма показательно и то, что в некоторых вариантах сказка связывает получение знаков царского достоинства Иваном Грозным с покорением Казани. Сказки о Борме-Ярыжке отражают народную оценку деятельности Грозного. Они не подчеркивают преемственность царской власти на Руси от византийских императоров, как это было в литературной повести; задача сказки — показать, что добывание знаков царского достоинства — это желание самого Грозного, а не условие, подтверждающее его право на царство. Самарская сказка так и начинается с того, что царь Иван Васильевич кликал клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, спипетр, рук державу и книгу при них?» [1].

Сказки о Грозном представляют собою наиболее яркий и значительный, но отнюдь не единственный круг сказочных сюжетов того времени. Мы с полной уверенностью можем говорить о широком распространении многих сказочных сюжетов, нашедших свое литературное выражение в повестях и сказаниях той поры. Такова сказка на сюжет «Умный мальчик-судья», вошедшая в повесть о Дмитрии Басарге и его сыне; сказки на сюжет «Огненный змей» и «Мудрая дева», вошедшие в повесть о Петре и Февронии, и т. д. Создание литературных повестей на фольклорной основе было одной из причин, обусловивших длительную популярность этих повестей, демократичность их содержания и идейной направленности и т. д. Народная русская сказка привнесла в литературную повесть новую, живую струю яркого разговорного языка, ввела новых героев — выходцев из народа (крестьянская девушка Феврония). В свою очередь устное народное творчество испытывало в это время серьезное влияние как со стороны литературных жанров, так и со стороны христианской идеологии. В фольклор проникает легенда христианского происхождения, в нем увеличивается роль духовного стиха и пр.

Устное народное творчество конца XV — первой половины XVI в. было многожанровым. Кроме сказок, в это время распространялись

---

[1] Ср. архангельскую сказку «Федор Бурмаков». *Н. Е. Ончуков.* Северные сказки. СПб., 1909, стр. 129.

народно-поэтические произведения, возникшие в предыдущие времена,— былины, пословицы, песни обрядовые и лирические, загадки, поговорки и т. д. В былинах конца XV — первой половины XVI в. возрастает удельный вес социальной темы, что связано с углублением и расширением классовой борьбы. Образы бояр и князей в былинах изображаются резко отрицательно.

Многие былины киевского цикла («Былина о Калине царе», «Наезд литовцев», «Былина о Сухмане» и др.) испытали в это время влияние повестей о Мамаевом побоище, в результате чего в них образ Калина царя сменил образ Мамая. Из новых былин, созданных в это время, можно отметить былину литературного происхождения о Василье Окуловиче[1]. В основе ее лежит рукописная повесть о Соломоне, получившая широкое распространение как раз в первой половине XVI в. Эта былина тесно связана и по содержанию и по форме с русскими сказками того времени.

Несколько особняком среди фольклорных произведений этого времени стоит замечательная былина о Вавиле и скоморохах, поражающая глубиной своего замысла, богатством идей и оригинальностью художественной формы. В былине народ противопоставлен «инишшому» (т. е. «иному») царству зла, насилия, социальной несправедливости. Народ ведет борьбу с этим царством и выходит из нее победителем. В былине выведен образ царя Собаки — символа царства зла; ему противостоят скоморохи. Художественная структура былины определяется влиянием сказки, народной легенды и скоморошьих игр.

В это время продолжали складываться и исторические песни, расцвет которых падает уже на вторую половину XVI в. К сожалению, мы можем очень мало сказать о том, что собою представлял этот жанр устного народного творчества не только по форме, но даже и по содержанию.

Больше знаем мы о том, что представляли собою пословицы, ряд которых, может быть, относится к XVI в. Такова широко известная пословица «Вольному воля, ходячему путь», сложенная, видимо, еще до отмены права крестьянского «выхода». В своем послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный употребляет пословицы, видимо, известные еще и ранее: «Жалует царь, да не жалует псарь»; «Дати волю царю, ино и псарю»[2]

О широком распространении не дошедших до нас образцов народного поэтического творчества свидетельствуют многочисленные рукописные памятники так называемой учительной литературы, укорявшей «христиан» за интерес к «смехотворным притчам» и «баснословию». В осуждающих выпадах этих «Слов како жити христианом» и поучениях мы находим лишнее подтверждение тому, что устное народное творчество несомненно существовало, удовлетворяя художественные потребности широких трудящихся масс, главным образом крестьянства, но в силу классового

[1] «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М., 1953, стр. 342.

[2] Там же, стр. 345.

характера рукописной литературы не попало в книги и сохранялось изустно.

Значение народного творчества для развития русской культуры в первой половине XVI в. было очень велико. Оно вносило в развитие русской культуры элементы демократизма, помогало развитию светской идеологии, давало новые сюжеты и образы, преимущественно светского содержания. Особенно велико значение народного творчества для развития русского литературного языка: живая народная речь, проникая в письменную литературу вместе с фольклорными произведениями, способствовала обособлению литературного языка от церковнославянских элементов, помогала процессу образования русских терминов и понятий. Большое влияние народное творчество оказало на живопись и архитектуру этого времени, на мастерство книжной иллюстрации и на развитие прикладных ремесел.

б) Общественно-политическая мысль и литература

Образование Русского централизованного государства сопровождалось подъемом русской культуры, развивавшейся в предыдущее время в очень неблагоприятных, тяжелых условиях иноземного ига. Новые явления в социально-экономической жизни, политическое объединение страны, изменения в международном положении России и т. д.— все это порождало новые общественно-политические теории, отражалось на содержании новых литературных памятников. Идея торжества формировавшегося централизованного государства нашла свое выражение не только в памятниках архитектуры, но и в новых литературных произведениях: в летописях, повестях и сказаниях. Политические теории на Руси конца XV — первой половины XVI в. отражали процесс укрепления централизованного государства и оказывали ему существенную помощь в борьбе с реакционными течениями.

Общественно-политическая мысль и литература этого периода как явления надстроечные были порождены базисом феодального строя и изменялись в тесной связи с изменением базиса, ибо «...изменения в способе производства неизбежно вызывают изменение всего общественного строя, общественных идей, политических взглядов...»[1]. Но вместе с тем сама надстройка активно содействует оформлению и укреплению своего базиса. Не случайно поэтому и в общественно-политической мысли, и в литературе того времени мы замечаем стремление помочь новому политическому строю, поддержать то новое и прогрессивное, что нес с собой процесс образования Русского централизованного государства.

Оценивая политические идеи, которые служили задачам укрепления великокняжеской власти, необходимо помнить о классовом характере феодального государства.

Мысль о политическом значении великокняжеской власти и мировой роли Руси после покорения турками Византии отразилась в заключитель-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс». Госполитиздат, 1952, стр. 115—116.

ных словах автора повести-плача о падении Царьграда в хронографе 1512 г.: «Сиа убо вся благочестиваа царствиа греческое, и серпьское, басаньское и арбаназское и инии мнози грех ради наших божиим попущением безбожнии турци поплениша и в запустение положиша и покориша под свою власть. Наша же российская земля... растет и младеет и возвышается»[1].

Литературные произведения того времени отражали в художественных образах напряженную идеологическую борьбу. Произведения эти распространялись главным образом среди грамотных людей класса, стоявшего у власти. Отличительная особенность этих произведений состояла в том, что они рассматривались не только как литературное чтение, но и как орудие в общественно-идеологической борьбе. Это особенно относится к публицистическим произведениям.

В конце XV — начале XVI в. на Руси значительную популярность приобрели повести о Вавилонском царстве, сложившиеся в Византии еще до XIII в. Они преследовали задачу обосновать идею преемственности царской власти в Византии от повелителей Вавилона, который считался одним из величайших царств древности, имевшим всемирно-историческое значение. Эти сказания были занесены на Русь в устной форме. Они отразились в оригинальных русских повестях о Вавилонском царстве, впитавших в себя ряд русских сказочно-фольклорных мотивов и послуживших источником для других произведений. В этих повестях излагается история воцарения в Вавилоне Навуходоносора, гибели Вавилона и добывания греческим царем Львом хранившихся в Вавилонском царстве знаков царского достоинства[2].

Уже с начала XVI в. повести о Вавилонском царстве начали распространяться за счет дополнительных заметок. В некоторых списках повести говорится, что византийский царь Лев впоследствии передал киевскому князю Владимиру Всеволодовичу шапку Мономаха, порфиру и царский скипетр, «и от того часа прослыша великий князь Владимер киевский мономахова... и доныне та шапка манамахова в русском государстве, в богохранимом, в царствующем граде Москве»[3].

В начале XVI в. на Руси было сложено «Сказание о князьях Владимирских», являвшееся обработкой послания Спиридона-Саввы о «Мономаховом венце»[4]. «Сказание» сразу же приобрело большую популярность среди образованных представителей господствующего класса и легло в основу от-

---

[1] ПСРЛ, т. XXII, первая половина, стр. 439—440.

[2] Новую трактовку «Сказания о Вавилоне-граде» см. в *М. О. Скрипиль*. Сказание о Вавилоне-граде. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX. М.— Л., 1953, стр. 119—144.

[3] «Повесть как приходил греческий царь Василий под Вавилон град». «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихонравовым, т. I. М., 1859, стр. 165.

[4] *Р. П. Питолина*. К вопросу об официальных политических идеях Русского централизованного государства («Сказание о князьях Владимирских»). Автореферат. Л., 1953, стр. 3—15.

дельных статей в «Родословии великих князей русских». «Сказание о князьях Владимирских» является попыткой исторического обоснования пышной родословной московских царей, ведущих свое начало будто бы от брата Юлия Цезаря — Августа.

Фантастическая теория происхождения русских князей от римского императора Августа, во-первых, идеологически обосновывала самодержавные стремления великокняжеской власти и, во-вторых, суверенность Русского государства. Царские регалии, перенесенные из Вавилона в Византию, были якобы переданы русским князьям, которые поэтому и являются преемниками власти византийских (а через них и вавилонских) царей. Легенда об исторической преемственности власти московских царей была широко использована Иваном IV Грозным. «Мы от Августа кесаря родством ведемся»,— писал он шведскому королю. В 1552 г. было устроено «царское место, еже есть престол»; на его затворах был вырезан рассказ о присылке шапки Мономаха из Византии. Московские великие князья умело использовали представление о преемственности власти от великих князей владимирских и даже киевских и связали эту наследственность с наследованием знаков царского достоинства от вавилонских и византийских царей. Повести о Вавилонском царстве и «Сказание о князьях Владимирских» отразились и в устном народном творчестве, причем главным действующим лицом народ сделал царя Ивана Грозного (сказки о Борме-Ярыжке и песни об Иване Грозном).

Наиболее яркое литературное оформление идея преемственности московскими великими князьями власти из Рима и Византии получила в сочинениях игумена Псковского Елеазарова монастыря Филофея, которому принадлежит ряд посланий. Впервые свою знаменитую теорию «Москвы — третьего Рима» Филофей сформулировал в послании к великому князю Василию Ивановичу в 1510—1511 гг.

Авторитет Москвы, как объединительницы русских земель, был особенно велик в русских западных землях, находившихся под ударами Ливонии и Литвы, и поэтому едва ли можно считать случайностью появление именно во Пскове теории старца Филофея. Она вся проникнута мотивами «богоизбранности» народов и преемственности царств. Согласно этой теории, история человечества есть история трех мировых царств, трех избранных богом народов; конец мира настанет после гибели третьего царства. Два царства уже пали: это Рим старый и Рим новый (Константинополь). Причина их падения — измена православию; после падения Византии единственная страна, где хранится истинная вера, — это Русское царство. Москва — это последнее мировое царство, третий и последний Рим: «Два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти». Мало того, что Москва—это третий Рим; «по сем чаем...— пишет Филофей,— ему же несть конца» [1]. Отсюда вывод, что русский царь — единственный христианский

---

[1] *В. Малинин.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 54—55.

царь во вселенной, он «святые православные христианские веры содержатель». При этом нужно иметь в виду, что теория «Москва — третий Рим» использовалась в интересах церкви и сохранения могущества духовенства[1].

В последующее время идеи старца Филофея получили дальнейшее развитие в «Повести о зачале Москвы» конца XVI — начала XVII в., Уложенной грамоте об учреждении патриаршества и др.[2]

С литературной точки зрения послания старца Филофея отличаются особой праздничной торжественностью, обилием сложных восхваляющих царя эпитетов, например, «богоизбранный», «высокопрестольнейший», «вседержавный», «боговенчанный» и т. п.

Даже в «Повести о белом клобуке», созданной в кругах реакционной части духовенства, утверждавших приоритет Новгорода перед Москвою и превосходство духовной власти над светской, мы находим стремление подчеркнуть первенство Руси во всемирно-историческом процессе[3]. Но теория «Третьего Рима» получает в этой повести своеобразное воплощение: центр вселенского христианства — Новгород, новгородская архиепископия занимает ведущее место в русской церкви.

С подобной трактовкой вопроса, конечно, не соглашались ни московское правительство, ни митрополит. Не отрицая перехода белого клобука — символа православия — на Русь, московские митрополиты утверждали, что его должны носить церковные иерархи не в Новгороде, а в Москве, как и было решено на соборе 1564 г.

«Повесть о белом клобуке» и другие памятники связывают вопрос о суверенности Русского государства с проблемой «чистоты» православия на Руси. Церковные вопросы были использованы государственной властью в интересах укрепления русской феодальной монархии.

Упомянутые выше произведения художественной и публицистической литературы по форме своей нередко были произведениями полубогословского характера. Это понятно: «Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим... Отсюда само собой вытекало, что церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления»[4].

В этих условиях классовая борьба в иных случаях неминуемо должна была принимать религиозный отпечаток. Мы видели выше, что классовая и внутриклассовая борьба часто облекалась в религиозную оболочку и проявлялась в виде еретических движений.

Распространение ереси на Руси в конце XV в. связано в первую очередь с развитием торгово-ремесленной жизни страны, с ростом русских городов, с усилением феодального гнета в деревне. Крупнейшие центры ереси были

---

[1] *Н. Н. Масленникова.* Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VIII. М.— Л., 1951, стр. 194—195.

[2] СГГД, ч. II, № 59, стр. 97.

[3] «Памятники старинной русской литературы», вып. 1. СПб., 1860, стр. 296.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 295.

одновременно и крупными торгово-промышленными центрами (Новгород и Москва). Ересь конца XV — начала XVI в. при всем своем богословском характере носила черты светского антиклерикального учения. Зародившись в Новгороде, она стала распространяться и вскоре появилась в Москве. Само название ереси — «ересь жидовствующих» — до сих пор сколько-нибудь удовлетворительно не объяснено. Одни считают, что ересь так названа потому, что ее якобы занес из Литвы ученый еврей Схария, другие — потому, что в своей полемике с официальной церковью еретики обращались к Ветхому завету.

Классовый состав еретиков конца XV — первой половины XVI в. не был однородным. Наряду с видными представителями торгового люда (И. Зубов, С. Кленов), среди идеологов ереси мы встречаем также и сельских и городских священников, стоявших вне феодальной иерархии церкви и связанных с «плебейскими массами» (поп Денис и др.). В то же время движение еретиков было использовано реакционно-боярской оппозицией в ее внутриклассовой борьбе против усиливавшейся власти московского государя. Наконец, даже самые верхи правящего класса (митрополит Зосима, великая княгиня Елена Стефановна и др.) не прочь были использовать ересь в своей политической борьбе за власть против крупных церковных феодалов, против монастырей.

Неоднородность классового состава еретиков объясняет в значительной степени и расплывчатость их идеологии. Умеренное крыло этого движения ограничивало свою борьбу правом на известное свободомыслие в области науки и литературы; левое крыло доходило до отрицания основных догматов христианской веры. Выставлялись требования, поддержанные нестяжателями, ограничить права церкви в эксплуатации крестьян.

Сочинения самих еретиков сохранились плохо, представления об их литературной деятельности основываются главным образом на тех неполных выдержках, которые мы находим в сочинениях идейных противников ереси.

Литература еретиков отличалась верой в разум, гуманистическими идеями, стремлением к изучению человека и внешнего мира на основе реальных знаний, а не божественных книг. Очень интересны те общественные взгляды, которые высказывали представители ереси в «Аристотелевых вратах» — в наставлении Аристотеля Александру Македонскому. Царская власть, говорится в этом своеобразном Домострое, предназначенном для царя,— это служение народу. Царь должен твердо держать свое слово, заботиться о подданных, не проливать зря крови, поощрять правдивых, быть щедрым и милосердным. Особенно «Аристотелевы врата» рекомендуют царю слушаться «умных советников». Не случайно поэтому Курбский позже черпал из этого сочинения аргументы в пользу боярства, не случайно именно эта сторона учения еретиков была использована боярами в их борьбе с усиливавшейся властью московского князя. В то же время Иван III и близкие к нему круги взяли из учения еретиков их критику алчности

и жадности представителей духовенства, догматизма и узости взглядов служителей церкви, их невежества и косности. Эта обличительная сторона учения еретиков отражала их недовольство церковью как крупнейшим феодалом того времени.

Развитие ересей в конце XV — начале XVI в. было связано с появлением новых идей, порожденных общественной борьбой, содействовало распространению новых книг, создало большое умственное возбуждение. Борьба с ересями побудила церковников произвести критический отбор богослужебной литературы. В частности, архиепископ Геннадий уже в 1499 г. приступил к созданию первого на славянском языке свода библейских книг, который позже лег в основу первой печатной библии на славянском языке XVI в. (Острожской).

На соборе 1490 г. еретики были преданы проклятию, а в 1504 г. некоторые из них (Волк Курицын и др.) были казнены. В своей борьбе с еретиками церковь, как правило, искала поддержки у светской власти. Но правительство Ивана III порой благосклонно относилось к еретикам, а церковь в борьбе за свои права ставила проблему превосходства «священства» над «царством», проблему превосходства церкви над светской властью. Первые следы этой тенденции различимы уже в упоминавшейся выше «Повести о белом клобуке», где как бы мимоходом говорится, что белый клобук, «архангельского чина царский венец», «честнее» царского венца в собственном его смысле.

После того как великий князь пошел на разгром ереси, изменилась и трактовка соотношения церковной и светской власти у защитников привилегий церковных феодалов. Не отказываясь совсем от идеи превосходства церковной власти над светской, они поддерживали самодержавие, как средство политического объединения страны, понимая и то, что только твердая государственная власть в состоянии обеспечить им привилегированное положение. По учению Иосифа Санина (1439—1515), игумена Волоцкого или Волоколамского монастыря — известного политического и церковного деятеля,— церковь должна была служить опорой царской власти.

Учение Иосифа Волоцкого служило целям укрепления государственной власти и единодержавия, но вместе с тем и укрепляло позиции церковных феодалов. Не ограничиваясь восхвалением «богодарованного царя», Иосиф указывал и на обязанности царя: строго блюсти православную веру, нещадно преследовать еретиков, защищать церковное имущество и вообще отказаться от посягательства на церковную собственность. Кроме этих основных обязанностей, перед царем выдвигался и ряд других требований: он не должен быть сребролюбивым и лукавым, яростным и гневливым; такой царь — уже не божий слуга, а дьявол, не царь, а мучитель.

Последователи Иосифа Волоцкого, и среди них в первую очередь игумен Даниил — будущий московский митрополит, старательно проводили идеи своего учителя. Они особенно подробно развили другую сторону учения волоцкого игумена — вопрос о судьбе церковных имуществ, монастырского землевладения. Этот вопрос затрагивал кровные, жизненные ин-

тересы феодальной церкви, но одновременно он имел серьезнейшее значение и для всего формирующегося Русского централизованного государства, нужды которого требовали концентрации земель в руках великокняжеской власти[1].

Удельные князья и боярство попытались в своей борьбе с усиливающейся княжеской властью использовать учение еретиков в той его части, которая относилась к критике положения церковных феодалов. Разоблачая жадность и корыстолюбие монахов, бояре стремились обратить внимание царя на церковные земли. «Иосифлянству» было противопоставлено «нестяжательство».

Теория «нестяжательства» зародилась в конце XV в. в среде «заволжских старцев» (т. е. монахов, обитавших в заволжских монастырях), во главе которых стоял Нил Сорский (1433—1508), знаток житийной и аскетической литературы. Нил основал монастырь на р. Сорке, где, ведя идейную борьбу с церковными феодалами, проповедовал созерцательную жизнь и нравственное усовершенствование.

В то время как осифляне держались каждой буквы церковной литературы, Нил учил, что «писания бо многа, но не вся божественная суть». Вместо строгого соблюдения обрядов он предлагал внутреннее, духовное созерцание.

Обличение человеческих страстей является одной из основных тем его посланий и поучений. Главная пагубная страсть человека — это желание присвоить труд чужих рук. Этой страсти подчинены все остальные — сребролюбие, чревообъядение, блуд, тщеславие, гордость и т. д.

Нил Сорский был особенно требователен в отношении монахов, которые должны были показывать пример и образец высоконравственной жизни. Однако существовавшая в то время практика церковного и монастырского быта затрудняла осуществление требований аскетизма. Отсюда — резкая критика церкви и монастырей. По учению Нила Сорского, иноки должны были жить трудом своих рук, а не эксплуатацией крестьянского труда, и во избежание соблазна отказаться от монастырского землевладения, не заниматься «мирской суетой и стяжательством». Отсюда и название их теории— «нестяжательство».

Нил Сорский и его ученики не могли уйти от активной общественно-политической борьбы. Идеи нестяжателей и их критика церковных порядков были использованы реакционным боярством, с которым заволжские старцы были тесно связаны.

Начав с нравственных поучений и борьбы с человеческими страстями, уже на соборе 1503 г. нестяжатели начали «глаголати: чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием». Этому тезису Иосиф Волоцкий противопоставил свой: «церкви богатство — божье богатство». Кто покушается на церковное имущество,

[1] Подробнее см. *А. А. Зимин.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, стр. 159—177.

тот поднимает руку на бога. Так спор двух общественных течений начала XVI в. из области церковных вопросов, этических и моральных проблем перешел в область политической борьбы.

За религиозной оболочкой учения Нила Сорского скрывалась внутриклассовая борьба, направленная, в частности, против усиливающейся княжеской власти. Такое значение получили обличения Нила Сорского и особенно его ученика Вассиана Косого, по происхождению боярина из рода Патрикеевых.

Постриженный против своей воли в монахи, князь Василий Патрикеев и под черной рясой инока сохранил сердце заносчивого боярина. Он возненавидел сребролюбивых и алчных монахов. Осуждение Вассианом ростовщичества, жадности и корыстолюбия монахов проникнуто желанием уничтожить своих давних врагов. Вместо того чтобы выполнять заветы Христа о любви к ближнему, мы,— говорил Вассиан,— «обидим и грабим, продаваем христиан, братий наших, и бичем их истязуем без милости, аки звери дивии на телеса их наскакающе». Это кажущееся «народолюбие» объясняется, конечно, не столько желанием облегчить участь крестьян, сколько стремлением унизить своих врагов из лагеря любостяжательных монахов[1].

После церковного собора 1531 г., инспирированного митрополитом-осифлянином Даниилом, Вассиан был заточен в Волоколамский монастырь, где вскоре и умер. Как и его учитель Нил, Вассиан Косой сочувственно относился к еретикам и критически воспринимал церковную литературу: «здешние книги,— говорил он,— все лживые, а правила здешние — кривила, а не правила». В последнем он близко сошелся с одним из видных общественных деятелей первой половины XVI в., талантливым и образованным писателем-публицистом Максимом Греком.

Максим Грек был приглашен в Москву в 1518 г. для перевода с греческого и исправления богослужебных книг.

Вскоре после своего прибытия на Русь он сблизился с представителями оппозиционного боярства, в частности с Вассианом Косым и сыном боярским И. Н. Берсень-Беклемишевым. Под влиянием Вассиана он в своих политических сочинениях стал бороться с монастырским землевладением, ростовщичеством, спекуляцией монахов. Вольнодумие нестяжателей было ближе Максиму Греку, чем косное следование букве церковных книг осифлян. Доводы, приводимые Максимом Греком в этой полемике, отличались стройностью и язвительным остроумием. В 1525 г. осифлянам и прежде всего митрополиту Даниилу удалось добиться заключения его под стражу и ссылки в монастырь. После вторичного суда в 1531 г. вместе с Вассианом Косым он был снова сослан на 20 лет в монастырь и был освобожден уже в царствование Ивана Грозного.

Причины, по которым Максим Грек сошелся с боярской оппозицией, неясны. Но при оценке его следует исходить из ленинской характеристики

---

[1] «История русской литературы», т. II, ч. 1. М.— Л., 1945, стр. 324.

философов, о которых надо судить «...по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» [1]. Максим Грек шел рука об руку с нестяжателями и был близок к тем, кто использовал их идеи в интересах боярства.

Критика монастырского быта в обширных посланиях Максима Грека сопровождалась образными и яркими иллюстрациями падения монастырских нравов и растления монахов, обуреваемых различными пороками. Одновременно он рисует тяжелое положение монастырских крестьян, истязаемых «лихвами губительными», терпящих ужасные лишения.

И сатирическое обличение монахов и защита крестьян нужны были Греку как полемическое средство в борьбе с его идейными противниками. Защита угнетенного крестьянства, конечно, не была самоцелью. Обличения Максима Грека, носившие характер отвлеченной религиозной борьбы, отвечали в известной мере интересам боярства.

В то же время резкая критика социальной действительности и государственной политики, развитая нестяжателями и Максимом Греком, имела и объективно прогрессивное значение. Она будила общественный протест, обличала порядки феодального строя, наносила ущерб феодальному землевладению. На примере общественно-идейной деятельности нестяжателей и Максима Грека можно проследить, как объективная роль идеологической борьбы оказывается значительно шире тех непосредственных задач, которые ставили перед собой носители этой идеологии.

Острая публицистичность и злободневность, столь присущие произведениям полемического и общественно-политического характера, зачастую проникали и в литературные повести, чем существенно политически заостряли их и усиливали их классовое звучание. Появившаяся на Руси в последней четверти XV в. «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле» рассказывала о справедливом, но жестоком феодале. Повесть о Дракуле, очевидно, была написана по заданию московского князя с целью художественного оправдания идеи централизации государственного аппарата власти [2].

Поставив своей целью искоренение зла, Дракула нещадно казнил всех, кто хоть чем-нибудь нарушил правду: воинов казнил за трусость, монахов — за лицемерие, воров — за воровство, женщин — за прелюбодеяние и нерадивость и т. д. В образе Дракулы соединились прямолинейная правдивость и ненависть к злу с жестокостью, своевольством и самодурством.

Повесть о воеводе Дракуле — русское произведение, составленное на основе устных сказаний и, возможно, каких-то западных письменных источников. Историческим прототипом Дракулы был молдавский воевода Влад Цепеш.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 14, стр. 205.

[2] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2, стр. 310.

Влияние общественно-политических идей того времени явственно прослеживается и в другой повести начала XVI в.— повести о купце Дмитрии Басарге и его сыне Борзосмысле. В ее основе лежат фольклорные рассказы анекдотического характера о том, как мудрый семилетний ребенок удачным отгадыванием загадок спасает жизнь себе и отцу. Однако русская повесть не ограничилась этим; рассказ заканчивается тем, что Борзосмысл убивает царя Несмеяна Гордого, стремившегося всех перекрестить в латинскую («Аполлонову») веру, возлагает на себя знаки царского достоинства (одеяние, венец, скипетр и меч) и спасает царство, приводя его в христианскую веру. Весь смысл повести XVI в. и заключался в том, что греческое царство спасает русский купеческий сын, что ему, русскому отроку, передаются царские регалии, что русский отрок венчается на греческом престоле.

Позже политический смысл повести начал утрачиваться, но повесть сохраняла популярность благодаря своей занимательности. Анекдотическое ядро повести — загадывание и разгадывание загадок — расширялось и варьировалось. Повесть пользовалась широким признанием в XVII в., вошла в круг повествовательных произведений занимательного характера XVIII в., проникла в лубок и народное творчество. Популярности повести способствовало и то, что ее героем был купеческий сын. Вместе с ростом товарно-денежных отношений увеличивалась и потребность торговых людей иметь свою литературу, в которой главными героями были бы не цари, а купцы. Не случайно именно к XVII в., к периоду складывания всероссийского рынка, относится большое число списков этой повести.

Широко распространенное представление о царской власти, как власти, данной от бога, мы встречаем в «Повести о грузинской царице Динаре», появившейся на Руси, по мнению одних исследователей, в конце XV, а по мнению других — в середине XVI в. В основу повести легли народные сказания о царице Тамаре. Повесть рассказывает о грузинской царевне, посрамившей нечестивого персидского царя, возглавившей национальную борьбу грузинского народа против иноземных захватчиков и разгромившей персов. Динара сама убивает царя, берет богатую дань с Тавриза и Шемахии, с почетом возвращается на родину и правит мирно 38 лет[1].

С литературной точки зрения повесть о царице Динаре примыкает к так называемой «воинской повести», с которой ее роднит как ряд поэтических формул («облекуся в мужескую крепость, и препояшу чресла своя мечем, и возложу на ся броня железная, и шелом возложу на женскую свою главу, и восприиму копие в девичии свои руце»[2]), так и общая конструкция повести, в которой центральное место занимает описание приготовления к битве, самой битвы и военной добычи. Повесть представляет собой интерес как ценное свидетельство культурных связей России с Грузией, особенно оживившихся с конца XV в.

---

[1] «Памятники старинной русской литературы», вып. 1. стр. 373.
[2] Там же, стр. 374.

«Повесть о Дракуле». Список XVII в.
Государственный Исторический музей

Процесс централизации Русского государства обусловил собою характерное явление литературы XV—XVI вв. Оно заключается в том, что некоторые произведения, областные по своему возникновению, являлись вместе с тем произведениями *общерусского* характера по своей идейной направленности, по своему общественно-политическому звучанию.

В то же время, в силу наличия еще значительных пережитков феодальной раздробленности, и областные литературы продолжали сохранять известное значение. Многие повести основное свое внимание уделяли описанию местных, областных событий. В первую очередь это следует сказать о некоторых повестях - житиях тех святых, которые хотя и были позже канонизированы церковью, но так и не приобрели общерусского значения. Показательна в этом плане ростовская «Повесть о Петре царевиче Ордынском». Она сложилась в Ростове Великом в XV в., в то время, когда ростовские земли уже прочно вошли в состав Русского централизованного государства. Ее автор стремился обосновать права Петровского монастыря как крупного землевладельца ссылками на полулегендарные источники.

Автор повести на основании преданий и личных наблюдений рисует яркую картину жизни Ростова Великого в XIV—XV вв.: он рассказывает

о построении церкви, раздаче милостыни, охотах, рыбных ловлях, купчих и торговых делах, о связях с соседней ордой и т. д. Однако в целом повесть так и осталась полужитийным произведением, наполненным живыми историко-бытовыми преданиями, отражавшими черты исторической действительности.

Весьма интересна судьба другой повести житийного характера смоленского происхождения, так называемой повести о Меркурии Смоленском. Эта повесть возникла на основе устных преданий, сложившихся в начале XIII в. и объяснявших спасение Смоленска от разорения татарами защитой Меркурия. Повесть должна была объяснить, почему татары не дошли до Смоленска и не разорили его. Смоленск был спасен смоленским юношей Меркурием. Новая редакция повести, возникшая в начале XVI в., отразила новые идейные течения этого времени. Меркурий выступает общенациональным героем. Устная легенда о Меркурии бытовала ряд столетий, осложняясь новыми эпическими и историческими подробностями.

Наиболее сложную историю из всех областных повестей житийного характера имела муромо-рязанская «Повесть о Петре и Февронии». Возникла она, повидимому, в конце XV — начале XVI в. на основе устных преданий и легенд и впитала в себя большое количество народных сказочных и былинных мотивов.

Повесть рассказывает о жизни князя Петра, женившегося по обету на мудрой крестьянской девушке Февронии. Она вылечила Петра от тяжелой болезни, возникшей у него после борьбы со змеем — прельстителем невестки. Феврония проявила мудрость и дар предвидения, она благотворно влияла на управление княжеством. Но бояре не могли примириться с тем, что ими управляла крестьянская девушка, и добились изгнания Петра и Февронии[1].

В отсутствие Петра бояре затеяли междоусобную ссору, многие погибли, а оставшиеся в живых упросили его вместе с женой вернуться на княжение. Они вернулись, долгое время княжили, а затем умерли в один день и были похоронены в общем гробу.

Повесть сложна по своим идейным устремлениям. С одной стороны, мы находим в ней выражение демократических идей: противопоставление мудрой крестьянской девушки глупым и чванливым боярам. С другой стороны, налицо противобоярская тенденция, но совсем в ином плане: автор противопоставляет единодержавную власть князя боярскому мятежу и его гибельным последствиям.

Эта противоречивость идейных устремлений повести объясняется прежде всего противоречивостью исторической действительности того времени. В повести ощущается сильное влияние устного народного творчества. Это влияние предопределило собою и форму произведения, близкую к народной сказке, былине и загадке. Язык повести отличается простотой,

[1] *М. О. Скрипиль.* Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII. М.— Л., 1949, стр. 240—241.

он близок к языку разговорному. В повести много диалогов, придающих рассказу живость и естественность. Из областных литератур конца XV — первой половины XVI в. особенно выделяется псковско-новгородская литература. Давняя литературная традиция, восходящая еще к XI в., не только не ослабела ко времени политического падения Новгорода, но еще более возросла. Сказания о конце Новгорода были созданы или непосредственно после падения его самостоятельности, или вскоре после этого события и имели своею целью объяснить с позиций боярства причины падения и обосновать идею наказания Новгорода «за грехи».

В житии Савватия и Зосимы соловецких, составленном монахом Досифеем в начале XVI в., есть эпизод, также предвещающий конец Новгорода: Зосима на пиру у Марфы Посадницы увидел шесть бояр обезглавленными. Вскоре Иван III, действительно, отсек головы этим боярам, взятым в плен в битве на р. Шелони. В житии Варлаама Хутынского начала XVI в. также имеется предсказание бед Новгороду: пономарь Тарасий видит над Новгородом тучу и огонь небесный, что и предвещало трехлетний мор и пожар (события 1506—1508 гг.).

В 1537 г. при Макарии москвичом, боярским сыном Василием Тучковым, было переработано житие Михаила Клопского. Тучков усилил антиновгородские мотивы в житии и устами Михаила Клопского еще в день рождения Ивана III предсказал падение Новгорода.

Сказания о конце Новгорода стремились объяснить его судьбу в духе религиозной идеологии того времени моральными причинами: растлением нравов, умножением грехов, падением духовной веры и т. д.

Новгородская церковная литература знает и другую тему: если политическая власть перешла к Москве, то первенство в области духовной культуры и в религиозных вопросах должно остаться за Новгородом; эту тему развивала «Повесть о белом клобуке» и др.

Из псковской литературы, посвященной вхождению Пскова в состав единого Русского государства, обращает на себя внимание «Повесть о псковском взятии» (см. 1-ю Псковскую летопись)[1], отразившая настроения псковского боярства, его отношение к «псковскому взятию» в процессе объединения русских земель.

Однако областная литература конца XV — первой половины XVI в. характеризуется ясной тенденцией перерасти рамки областные и стать литературой общерусской. Местные политические интересы попрежнему продолжали находить свое отражение в соответствующих областных памятниках литературы, но не это определяло собою весь литературный процесс в целом. При защите местных интересов передовыми представителями литературы четко сознавалась необходимость объединения всех русских земель в одно целое.

Конец XV — первая половина XVI в. в развитии русской литературы ознаменовались решительной победой московской литературы. Как

[1] «Псковские летописи», вып. 1, стр. 92—97.

Москва получает в это время решающее значение среди всех остальных политических центров, так и московская литература занимает ведущее место среди литератур всех остальных русских земель. Московская литература конца XV — начала XVI в. была и в идейном, а в ряде случаев и в художественном плане гораздо выше литературы других областей.

И не случайно областная литературная традиция начинает вливаться в общий поток общерусской московской литературы. Москва щедро воспринимала областные памятники, творчески усваивала их, лишала их местной ограниченности и приспособляла к общерусской идеологии, отражавшей интересы передовых слоев феодального общества. Начиная с XVI в. все реже встречаются сборники повестей местного, областного характера. Они приобретают характер общерусский, служат целям укрепления Русского государства, укрепления феодального базиса.

в) Научные знания

В силу общей экономической отсталости Русского государства наука в конце XV—первой половине XVI в. носила чаще прикладной, а не общетеоретический характер.

Развитие научных знаний в конце XV — первой половине XVI в. было обусловлено теми экономическими и политическими явлениями, которые сопровождали процесс преодоления феодальной раздробленности русских земель. С конца XV в. заметно распространяются товарно-денежные отношения, укрепляются экономические связи между отдельными частями страны. Все это вызывало необходимость унифицировать как денежную систему, так и систему мер и весов. В первой половине XVI в. процесс унификации еще не закончился, он продолжался и позже, в течение всего XVII в. Однако уже в изучаемый период явственно ощущается рост не только узко практической, но и обобщающей работы в этой области, работы, содействовавшей усилению экономического единства Русского государства.

Рост политического единства Русского государства вызывал необходимость точного исчисления земельных ресурсов в целях их обложения в пользу государства. Все это в свою очередь ставило перед русскими людьми сложные для того времени вопросы точного учета земель и правильного исчисления налогов. К концу XV в. писцовое дело достигает довольно высокого уровня развития. Писцы и их помощники были первыми русскими практическими «геометрами» и «арифметиками», так как им приходилось и высчитывать земельную площадь и устанавливать величину поземельного, а позже и подоходного налога[1]. Методы, которыми пользовались писцы в своих вычислениях как геометрических, так и арифметических, не выходили за рамки практических навыков.

---

[1] *В. В. Бобынин.* Состояние математических знаний в России до XVI века. ЖМНП, 1884, № 4, стр. 204.

Математические рукописи первой половины XVI в. до нас не дошли; только кое-что сохранилось в составе рукописных сборников нематематического содержания. Но и в последнем случае это чаще практические советы по вычислению, например статья «Счет греческих купцов, учат младых деток считать, имущи десять грань» из псалтири XVI в., представляющая собою так называемую Пифагорову таблицу умножения до 10×10[1]. Тесная связь математических знаний с торговой практикой подтверждается арифметической терминологией; например слагаемое — «перечень», уменьшаемое — «заемный перечень», вычитаемое — «платежный перечень», делитель — «деловой перечень» и т. д. Шагом вперед в области арифметики в первой половине XVI в. были действия с дробями. Уже в это время при решении задач на торговые и ссудные темы пользовались понятиями «плюс» и «минус» («боле» и «мене») и их условными обозначениями + и —. Заметим при этом, что и в Западной Европе знаки + и — начали широко применяться лишь с XV в.

В 1492 г. по принятому в старину летоисчислению истекала «седьмая тысяща» лет от «сотворения мира». Еще задолго до наступления этого года на Руси «существовало опасение, что после 7000 лет миру может, или даже должен, настать конец»[2]. Поэтому и «пасхалии» — специальные таблицы, погодно указывающие праздник пасхи и связанную с ним систему других церковных праздников,— были составлены только до 1492 г.[3]

С наступлением конца седьмого тысячелетия церковь объявила «Седьмой век», после которого должен наступить конец мира, эрой неопределенной длительности[4]. На этом основании были высчитаны новые пасхальные таблицы уже на восьмую тысячу лет. В Новгороде исчисление пасхалии проходило при участии архиепископа Геннадия; кроме того, пасхалия исчислялась и в Москве при митрополите Зосиме.

Все это календарно-вычислительное мероприятие, потребовавшее значительного по тому времени напряжения математической мысли, в какой-то мере содействовало развитию дальнейшего интереса к математическим знаниям и значительно оживило интерес на Руси к астрономическим вопросам. Не случайно в 1538 г. в Новгороде священник Софийского собора Агафон продолжил Геннадиевы таблицы в своей рукописи «Круг миротворный», в которой изложил и некоторые свои астрономические познания[5]. Позже работу Агафона продолжил монах Ермолай-Еразм,

---

[1] ГБЛ, собр. Ундольского, № 53, л. 611; см. также *В. М. Ундольский.* Славяно-русские рукописи. М., 1870, стр. 84.

[2] *Т. И. Райнов.* Наука в России XI—XVII веков. М.— Л., 1940, стр. 129.

[3] См., например, сборник ГИМ, Синодальное собрание, № 316, лл. 261—264, где имеется пасхалия до 1492 г., причем при последних 22-х годах седьмой тысячи различные предсказания о конце света.

[4] *Т. И. Райнов.* Указ. соч., стр. 129.

[5] *В. М. Ундольский.* Альманах, индиктион, круг миротворный и др. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Калачевым. кн. 1. СПб., 1876, отд. 3, стр. 8—9.

составивший в конце первой половины XVI в. так называемую «зрячую пасхалию».

Конец XV — первая половина XVI в. ознаменовались появлением новых книг по астрономии. Наряду со старыми, давно известными сочинениями в это время появляются новые, оригинальные и переводного характера. Из оригинальных следует в первую очередь указать на сочинения представителей так называемой «ереси жидовствующих», особенно новгородских еретиков, имевших в своих руках такие естественнонаучные сочинения, каких не мог отыскать даже новгородский архиепископ Геннадий («Шестокрыл», «Логика» и т. д.). Вместе с научными сочинениями у еретиков было много астрологических и гадательных книг; недаром Иосиф Волоцкий говорил, что они «прилежали звездозаконию, чародеянию и чернокнижию». «Шестокрыл» представляет собою перевод сочинения Иммануэль-бен-Якоба, жившего в XIV в. Это — шесть лунных таблиц («крыл»), позволяющих путем несложных математических приемов («заведи палцами от ширины страницы и от должины страницы, штоб ся на одной строце споткали»[1]) вычислять вперед лунные фазы и затмения.

Другая работа астрономического характера, так называемая «Космография», правильно объясняла происхождение лунного и солнечного затмений тенью земли или луны в момент прохождения планет через узлы эклиптики; сами узлы называются в «Космографии» «змиями». В «Шестокрыле» имеется как графическое изображение затмения, так и изображение символических «змий»[2].

Физические и технические знания ограничивались областью практической физики и механики. Правда, в этой области русские мастера достигли крупных результатов. Не имея специальных учебников и пособий, основываясь исключительно на многовековом трудовом опыте, русские мастера (например, литейщики) создавали такие произведения, которые в техническом отношении не только не уступали западноевропейским, но и в ряде случаев превосходили и опережали их. Роль иностранных мастеров в развитии русской техники первой половины XVI в. следует сильно ограничить. Например, с 1483 по 1545 г. документы насчитывают 18 русских литейных мастеров и всего 3 иностранцев[3]. Известен мастер Яков, отливший пушку в 1483 г.; интересна пищаль 1491 г., «а делали Яковлевы ученики Ваня да Васюк», как гласит отлитая на пищали надпись[4]. В производстве нарезных орудий, заряжающихся с казенной части, Россия намного опередила Западную Европу[5].

[1] *А. И. Соболевский.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 415.

[2] Там же, приложение I.

[3] *Н. Н. Рубцов.* История литейного производства в СССР, ч. 1. М.— Л., 1947, стр. 47—48.

[4] *Н. Е. Бранденбург.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея, ч. 1. СПб., 1877, стр. 57.

[5] *Н. Е. Бранденбург.* 500-летие русской артиллерии (1389—1889). СПб., 1889, стр. 13—14.

То же самое следует сказать и о других технических знаниях, в частности о строительном деле. Техника каменного строительства на Руси конца XV — первой половины XVI в. достигла высокого уровня. Это подтверждается строительством деревянных и каменных зданий до 50—60 метров высотой, которое требовало точных расчетов, больших практических навыков и познаний в области строительной статики и техники. Русские каменных дел мастера строили такие шедевры строительной статики, как церковь Вознесения в с. Коломенском и др. [1]

Русские мастера обладали серьезными познаниями и в области химии. Длительный трудовой опыт научил их многочисленным химическим операциям.

Практические познания в области химии сказались на развитии русского солеварения и производства поташа. Показательно, что «чисто русские названия химических веществ и продуктов характерны не только для медицинских рецептов, но и для всей древнерусской рецептурной литературы» [2].

Русские мастеровые своим незаметным и на первый взгляд далеким от науки трудом подготавливали в это время почву для великих научных открытий, прославивших их родину — Россию. Рукописная литература неопровержимо доказывает, что ремесленная рецептура Руси вовсе не была копировкой или подражанием иноземным источникам. Авторы всевозможных рукописных справочников творчески относились к своей работе, постоянно пополняли новыми сведениями имеющийся у них запас. Особенно наглядно это можно проследить на примере рукописных лечебников.

Основную массу русских рукописных лечебников составляют оригинальные произведения, плод трудов безвестных русских знатоков лечебных трав и способов врачевания. Наряду со значительным количеством суеверий и фантастических домыслов мы находим в подобных лечебниках немало и верных наблюдений, основанных на многовековом опыте народа; лечебники свидетельствуют об умелом и наблюдательном подходе к лекарственным свойствам растений [3].

Уже в лечебниках первой половины XVI в. находим правильную характеристику основных лечебных растений: ландыша, черники, малины, шалфея («петушиного гребня»), липового цвета, подорожника и многих других. Лекарственные свойства этих растений умело подмечены русскими людьми в процессе их трудовой деятельности и тесного общения с природой.

Развитие социально-экономического и политического строя Русского государства вызывало необходимость развития географических знаний не только для потребностей торговых сношений, но и для целей ратного дела

---

[1] См. гл. 1, § 10д настоящего издания.

[2] *Н. А. Фигуровский.* Химия в древней Руси. «Вопросы истории отечественной науки». М.— Л., 1949, стр. 247.

[3] См. *В. Ф. Груздев.* Русские рукописные лечебники. Л., 1946.

и управления[1]. На Руси в это время создавались всевозможные писцовые, межевые и т. п. книги, карты («чертежи»), в которых мы находим и некоторые сведения географического характера. Географические статьи включаются в это время и в ряд других сочинений, например в Хронограф 1512 г., где есть статья о морях, основанная больше на полуфантастических представлениях, чем на истинных знаниях. Некоторые новые сведения по географии доставлялись также путешественниками того времени. Правда, после А. Никитина долгое время не было уже таких видных путешественников; мы находим новые географические сведения лишь в описаниях поездки в Венецию посла С. Толбузина[2] и в некоторых других сочинениях.

О развитии исторических знаний свидетельствует ряд летописных сводов XV — XVI вв.[3] Летописное дело, удовлетворяя интерес к прошлому, отражало потребности практической жизни, служило в то же время делу развития политического строя страны. В течение XV в. в различных местах государства появляются общерусские летописные своды, которые обнаруживают стремление выйти в исторических построениях за пределы «областного», «местного». Со второй половины XV в., особенно с 80-х годов XV в., с объединением русских земель в единое государство, московское летописание, отстаивая идею централизации, обобщало и перерабатывало опыт летописной работы различных феодальных центров. После включения Тверского княжества в состав Русского государства в 1485 г. в Твери летописание прекратилось. В конце XV в. прекратилось владычное ростовское летописание. В Новгороде владычное летописание продолжалось и в XVI в.; оно было чуждо сепаратистским устремлениям, но носило все же характерные черты новгородского летописания, хотя и пользовалось материалом, собранным в Москве. В Пскове летописание продолжалось и после событий 1510 г. Так, в 1547 г. был составлен свод, в котором ярко проявлялось сочувствие составителей к московским государям и обличение деятельности бояр-наместников. Это направление в псковском летописании было сродни тому общественно-политическому направлению, которое представлял в Пскове старец Филофей, развивавший теорию «Москвы — третьего Рима».

В конце XV — начале XVI в. появляется ряд новых летописных памятников в Москве. Московский свод 1480 г., созданный после присоединения Новгорода к Москве, был положен в основу Воскресенской летописи, составленной в разных редакциях в 30—40-х годах XVI в.

Общая конструкция некоторых летописных сводов первой половины XVI в. говорит о стремлении понять историю Руси в рамках всемирноисторического процесса. История Руси рассматривается как продолжение

---

[1] *А. А. Григорьев.* Географическая наука в СССР. «Вопросы истории отечественной науки», стр. 336.
[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 199.
[3] Раздел об исторических знаниях написан А. Н. Насоновым.

истории ветхозаветной, римской, византийской и в связи с историей Византии и южных славян. Всемирно-исторические хроники были и ранее известны на Руси. Но теперь эти хроники теснее сплетаются с русским летописанием, шире используются при составлении летописных трудов. Некоторые русские летописные своды XVI в. составлялись в связи с хронографами и под их влиянием. В основу Хронографа 1512 г. был положен Хронограф 1442 г., составленный в России на основании южнославянских, переводных с греческого и русских оригинальных сочинений.

Такое направление интересов определялось общими условиями роста Русского государства, укреплением его международного престижа; история Руси рассматривалась как одна из важнейших страниц мировой истории. Московские летописные своды отражали торжество Москвы и процесс укрепления Русского централизованного государства.

Материал по истории отдельных княжеств и земель, утративших свою самостоятельность, в значительном объеме привлекался при работе над летописными сводами; с наибольшей полнотой этот материал был использован позже, в 50-х годах XVI в., при составлении Никоновской летописи.

Изменялся и круг источников в связи с развитием архивного дела в условиях образования и укрепления централизованного государства, с новой организацией посольских дел, с появлением таких документов, как разряды. Материал посольских книг, разрядов, реестров и т. п. в обилии привлекался при составлении текста летописных сводов в XVI в. Из митрополичьих хранилищ также извлекался летописцами разнообразный материал, актовый и литературный, как, например, ханские ярлыки, сказания Родиона Кожуха и т. п.

Процесс образования централизованного Русского государства проходил в тесной связи с процессом развития русской народности. Оба эти процесса нашли свое отражение в конце XV — первой половине XVI в. в повышенном интересе русских книжников к вопросам языка. Русские книжники того времени внимательно относились к данным языка, изучали и иностранные языки. К этому времени на Руси были уже образованные люди, знавшие не только греческий и латинский языки, но также и ряд западных и восточных языков.

О знании русскими латыни и немецкого языка свидетельствует известный в то время богослов Фабри, беседовавший в 1525 г. с русскими послами, возвращавшимися из Испании[1].

Русские справочные словари, известные еще с XIII—XIV вв. (например, «Толкование неудобь познаваемым речем»), в конце XV — первой половине XVI в. начинают пополняться новыми словами и толкованиями. В рукописных сборниках этого времени появляются статьи граммати-

[1] *М. И. Сухомлинов.* О языкознании в древней России. СПб., 1854, стр. 17; Об изучении иностранцами русского языка в это время см. *М. П. Алексеев.* Книга русского языка Т. Шрове 1546 г. и ее автор. «Памяти академика Л. В. Щербы». Сборник статей. Л., 1951, стр. 103—112.

ческого характера о «сотворении» азбук греческой, славянской и пермской, о славянских цифрах и т. д. Подобные статьи отражали известный подъем в изучении языка в то время. Например, архимандрит Феодорит, подобно Стефану Пермскому, в это время создает особые письмена для обращения в христианство лопи[1]. Русская культура оказывала значительное воздействие на культуру народов дальнего Севера. Значительно возрастает количество списков приписываемых Иоанну Дамаскину «Книги философской о осмих частех слова», которая стала тем зерном, из которого развилась русская школьная грамматика.

Представляют интерес словари изучаемого периода. Это были сочинения богословского содержания, толкующие непонятные иностранные слова богослужебного характера и имена собственные, встречающиеся в церковных текстах. С другой стороны, появляются словари иностранных слов, как, например, греческий словарь и словарь «се татарский язык» в рукописи конца XV — первой половины XVI в. или статья «Толк языка половецкого» в рукописи XVI в., а также сборник «Речей тонкословия греческого» середины XVI в.[2], которые имели своей целью облегчить чтение иностранной литературы. Наконец, существовали словари славянских слов, содержащие объяснения или поправки к древнеболгарским переводам. Со временем эти словари превратились в сборники толкований слов применительно к самым разнообразным текстам.

В XVI в. постепенно совершалось «накопление словарных материалов, практически осуществлявшееся при правке церковных текстов, которая в значительной мере была связана с эволюцией церковнославянского языка под влиянием русского»[3]. Не случайно именно в области лексикологии, в области изучения словарного состава языка и были достигнуты наибольшие успехи.

Изучались и другие вопросы, связанные с языком. Интересны, например, попытки книжников того времени дать характеристику звуков русского языка: а — глас «прост», е — глас «скуден», и — глас «узок», о — глас «остр», ы — глас «широк», ю — глас «крепок» и т. д. Звонкие и глухие согласные в то время назывались «чистыми» и «тусклыми»[4].

Рост научных знаний в конце XV — первой половине XVI в. свидетельствует о непрерывном совершенствовании технического опыта и отвлеченных знаний на Руси. Преодолевая тяжелые последствия татарского

---

[1] «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина», т. II, 1827, стр. 281.

[2] Об указанных словарях см. *П.К. Симони.* Памятники старинной русской лексикографии по рукописям XV—XVII столетий. «Известия ОРЯС», 1909, т. XIII, кн. 1, стр. 175—212.

[3] *Л. С. Ковтун.* К истории русской лексикографии древнего периода. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 2, стр. 157.

[4] *И. П. Мучник.* К истории научной разработки фонетической системы русского языка. «Ученые записки кафедры русского языка и литературы Загорского учительского института», вып. 1. Загорск, 1940, стр. 63—64.

ига, Русское государство шло по пути развития научных знаний во всех важнейших областях, связанных с укреплением экономической, политической и военной мощи страны.

г) Школа и просвещение

Татаро-монгольское иго надолго затормозило и развитие просвещения и школьного образования на Руси. Центры русской образованности того времени — монастыри — хранили исторические и литературные памятники, в них продолжала развиваться грамотность, сюда посылали детей для обучения грамоте.

Но организованные училища, какие были на Руси до монголо-татарского ига, в XIV—XV вв. только начали заново возникать. Среди центров просвещения следует выделить Ростовское и Тверское княжества и особенно Новгородскую землю, менее пострадавшие от татар. Последние археологические открытия все больше убеждают нас в том, что уровень грамотности в Новгороде в XIV—XV вв. был для того времени высоким[1]. Вместе с тем быстро вырастал новый центр просвещения — Москва. Грамотность в Новгороде XV в. была распространена не только между торговыми людьми, но и среди ремесленников. В XV в. увеличивается количество монастырей; в некоторых из них подготавливались опытные переписчики, обучались грамоте дети. Таким центром просвещения становится основанный в XIV в. Троице-Сергиевский монастырь. Знаменитая Соловецкая библиотека, обязанная своим происхождением монаху Досифею (конец XV в.), не была единственной; значительные книжные собрания в конце XV — начале XVI в. были при Новгородском Софийском соборе, Кирилло-Белозерском, Волоколамском, Ростовском и других монастырях.

В XV — первой половине XVI в. появляются грамотные писцы не только в монастырях и крупных городах, но и по деревням. Например, одна рукопись 1410 г. написана на пергамене в селе Петровском близ Вологды[2], а Евангелие 1527 г. написано в селе Новом около Вязьмы[3]. Не исчезли на Руси и «мастера грамоты», которые были как духовными, так и светскими людьми. У подобных мастеров обучались грамоте не только дети, но и взрослые. Архиепископ новгородский Симеон обучался грамоте в родной деревне около Москвы, Александр Свирский и Зосима Соловецкий — тоже в деревнях, в Обонежье, Антоний Сийский— в деревне близ Белого

---

[1] Об этом свидетельствуют берестяные грамоты с частными письмами и поэтическими текстами, найденные археологическими экспедициями 1951—1952 гг., и пометы цифрами на венцах деревянных срубов, сделанные грамотным плотником для других грамотных же плотников. *А.В. Арциховский.* Новые открытия в Новгороде. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 77—87; *его же.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.

[2] *А. И. Соболевский.* Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894, стр. 4.

[3] ГПБ, QF21.

моря, Александр Ошевенский — в деревне у Белого озера. Александр Ошевенский, поступив уже грамотным в Кириллов монастырь, был отдан игуменом для лучшего «наказанья» (обученья) «к дьяку некоему разумну и искусну»[1]. Занимались обучением детей грамоте и монахи. Игумен одного новгородского монастыря в послесловии к написанной им самим рукописи (1438) просит читателей не судить его за ошибки, «аще где буду описался есмь или с другомь глаголя *или дети уча*»[2] (курсив наш.—*Ред.*).

Некоторые обучались чтению и письму самоучкой. Так, в житиях Григория Пельшемского (XV в.) и Корнилия Комельского (XV—XVI вв.) не говорится об обучении их грамоте, но в то же время о первом известно, что он «книги чтяше», а о втором — что он «книги писаше в церковь». Говоря об образованности в Русском государстве, следует помнить о классовом характере образования при феодализме. Грамотность и образование были доступны прежде всего представителям господствующего класса. Широким кругам народных масс в лучшем случае была доступна только элементарная грамотность.

В конце XV — первой половине XVI в. наблюдается распространение грамотности наряду с духовенством и среди светских феодалов. Особенно большой процент грамотных был среди бояр и детей боярских. Правительство заботилось о том, чтобы выборные должности занимались грамотными людьми. Так, в 1539 г. оно требует, чтобы в Белозерске «учинили собе... в головах детей боярскых, в волости человекы три или четыре, которые бы грамоте умели»[3]. Подписи у актов, появившиеся с 10-х годов XVI в., свидетельствуют о том, что преобладающая часть крупной феодальной знати была грамотной[4].

Довольно значительный процент грамотных среди феодальной знати объясняется в первую очередь ее привилегированным положением. Купечество, а тем более посадские люди и крестьяне, были грамотны в гораздо меньшей степени, хотя на документах середины XVI в. и встречаются подписи крестьян[5].

Основные принципы обучения детей в школе в конце XV — первой половине XVI в. сложились в результате дальнейшего развития методики обучения предшествующего периода истории древней Руси[6].

Ребенка начинали учить с семи лет; однако нередки были случаи, что к учителю ходили и юноши, по каким-либо причинам не овладевшие гра-

---

[1] ГИМ, Синод, 413.

[2] *П. Куприянов.* Обозрение пергаментных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857, № 41, стр. 76.

[3] ААЭ, т. I, № 187, стр. 164.

[4] АЮ, №№ 147, 263, 264; «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России», сост. А. Федотов-Чеховской (далее — «Акты Федотова-Чеховского»), т. I. Киев, 1860, № 36, стр. 38.

[5] «Акты Федотова-Чеховского», т. I, № 67, стр. 141—142.

[6] Методику обучения ребенка описывали, опираясь на анализ житийного материала, Н. А. Лавровский, Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский и другие, на основании трудов которых, но уже без документации, и ведется дальнейшее изложение.

мотой в детстве, и взрослые люди, стремившиеся увеличить свои познания в «книжной премудрости». Обучалось несколько детей одновременно. Долго и упорно приходилось учиться детям по рукописным учебникам, написанным разными почерками, со слитно написанными словами, с большим количеством сокращенных слов «под титлами»[1]. Ребенка приучали к заботливому отношению к книге, а позже — к «почитанию книжному». Обучение начиналось, как и в древней Руси, с затверживания азбуки «на зубок», затем переходили к складам— сначала из двух букв, а затем из трех. После этого ученик приступал к изучению сокращенных слов «под титлами» и молитв, помещенных в азбуке. Этим обычно и завершался первый круг обучения: дети овладевали самыми первыми началами чтения, писать они еще не умели. На это уходило до двух лет и более. Изучивши азбуку, ученику надлежало, по свидетельству новгородского архиепископа Геннадия, «мастеру принести каша да гривна денег»[2].

Школа XVI в. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского» конца XVI в.
Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина

Переходя к изучению первой церковной книги — часослова[3], который, как и азбука, затверживался наизусть, ученики обычно начинали учиться писать. Обучение письму гусиным пером на неровной и шероховатой бумаге того времени было нелегким делом. Даже научиться приготовлять («чинить») перо для письма особым, предназначенным для этого «перочинным» ножичком было трудно. Процесс обучения письму складывался главным образом из копирования букв, а затем слов, «надписей» и

---

[1] *Титло* — условное обозначение сокращения слова.

[2] АИ, т. I, № 104, стр. 148.

[3] Книга, содержащая основные молитвы и частично включающая тексты богослужения по часам церковной службы.

«прописей». В качестве прописей подбирались, как правило, тексты из церковных книг и молитв. Таким образом, уже с самых первых лет обучения ученик воспитывался в нужном для церкви и государства духе.

Научившись читать часослов и немного писать, ученик завершал второй круг обучения и, если была возможность, переходил к изучению псалтири[1]. На этом обычно и заканчивалось обучение ребенка грамоте. Реже переходили к чтению «апостола», еще реже изучали евангелие. Эта программа обучения у мастеров грамоты «книжной премудрости» сохранялась в течение многих веков и дожила до XIX в. В результате обучения по такому методу ученик овладевал в какой-то мере грамотой и письмом.

Наряду с малограмотными людьми на Руси в это время были и высокообразованные деятели, такие, как переводчик Дмитрий Герасимов, знаток греческих и латинских книг Сильвестр, ряд новгородских книжников и т. д. Мы не знаем, как и какими способами получали они эти знания, но самый факт появления образованных людей в это время показателен.

Кроме чтения и письма, в школах сообщались также первые приемы счета. Обучение счету начиналось с механического заучивания чисел до 1000. Из четырех действий арифметики обычно усваивались сложение и вычитание. Умножению и делению, а также дробям обучали редко.

Относительно методики обучения до нас дошло мало сведений. Уроков на дом не задавали, ученики все учили в школе, причем каждый занимался тем, что ему было задано. От зубрения вслух в комнате стоял непрерывный гул. Уроки начинались рано, с 7 часов утра, и продолжались до 12 часов дня, затем был перерыв до 2 часов, а с 2 до 4 снова учились. После окончания уроков ученики убирали комнату. Перед сном ученики повторяли заученные за день тексты.

Дисциплина в школах была строгой, но русская педагогика того времени едва ли выходила из общих рамок эпохи. Наряду с требованиями «сокрушать ребра» и «учащать раны» ученику, наряду с рассуждениями о «душеспасительной» розге, общественная мысль конца XV — первой половины XVI в. выдвигала и гуманные положения. Вместе с многочисленными поучениями (например, «како детем чтити родителя своя» или «Слово и притчи о наказании детей к родителем своим»)[2] мы находим в сборниках того времени гуманные по направлению статьи, образно и с большим чувством раскрывающие лучшие образцы заботы родителей о детях, имеющие большое нравственно-воспитательное значение. Таково, например, «Слово како достоит чаду чтити родителя своя» из сборника XVI в.[3] В противоположность распространенному «Слову о злых женах», в этой статье раскрывается высокий образ матери, отдающей всю свою жизнь воспитанию ребенка. Она готовит ему пищу и одежду, качает в колыбели, кормит «мягкой и безтрудной» пищей. Сто̀ит ребенку закричать — и мать бросает беседу, и «за многую любовь погребився (наклонившись) к тебе телом

[1] Церковная книга, содержащая псалмы царя Давида.
[2] ГПБ, № 209, Толст., I, 214.
[3] Там же, № 218, Толст., I, 47.

и мыслию», утешает дитя. Мать учить его ходить, переносит на своих руках через грязь и через ручьи, «аки бремя ношаше, дыша вельми, ношаше тя». Автор «Слова» особо отмечает заботы, «творимыя за тя дидаскалом (учителем.— *Ред.*) твоего деля учения хотяша, дабы хытр был и разумен умом и смыслен, а не грублий человек»[1]. В «Степенной книге», составленной в 1563 г., но отразившей в себе уровень общественной мысли первой половины XVI в., мы находим большое поучение, вложенное в уста первого киевского митрополита Михаила, который призвал к себе учителей и наказывал им «праве и благочинне учити юныя дети, яко же словесем книжьнаго разума, тако же и благонравию..., учите же их не яростию, ни жестостию, ни гневом, но растовидным страхом и любовным обычаем и сладким проучением и ласковым... с рассуждением противу коежгождо силы и со ослаблением; да не унывают»[2]. Эти слова являются памятником русской педагогической мысли XVI в.

Даже «Домострой» и тот наряду с требованием «не ослабевай, бия младенца», подчеркивал и другое, не менее важное: «обучая детей, люби их и береги». Не случайно и в широко распространенных в это время сборниках поучительного содержания, так называемых «Пчелах», часто встречаются изречения воспитательного и педагогического характера, в которых подчеркивается значение нравственного воспитания, добрых дел, трудолюбия.

Многие изречения рекомендуют учить примером, а не только наставлениями («Учитель нравом да покорит ученика, а не словом»). Педагогическая мысль этого времени обращала особое внимание на моральное воспитание ребенка.

Конечно, училища, дававшие лишь самые начала грамотности, выпускали лиц, которые не могли удовлетворить всем требованиям правительства и особенно церкви. Выходившие из подобных школ ученики не знали всех правил церковной службы, с большим трудом разбирались в богослужебных книгах и тем более были несведущи в сложных богословских вопросах, волновавших в то время русское общество.

Борьба с еретиками в Новгороде побуждала лучше поставить дело образования священников. В годы наибольшего развития ереси туда и был назначен архиепископом известный Геннадий, который вскоре обратился с посланием к московскому митрополиту Симону о необходимости устроить специальные училища для подьячих. Геннадий, очевидно, имел в виду таких священников, которые могли бы успешно бороться с еретиками[3].

В послании архиепископа Геннадия, как и позднее в решениях Стоглавого собора 1551 г., «звучит забота об открытии школ и, вероятно, для

[1] *Н. А. Лавровский.* Памятники старинного русского воспитания. «Чтения ОИДР», 1861, кн. III, стр. 31.

[2] ПСРЛ, т. XXI, первая половина, стр. 108. «Степенная книга», ч. 1.

[3] *Н. А. Константинов, В. Я. Струминский.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953, стр. 20.

усиления аргументации о необходимости школ состояние грамотности того времени умышленно преуменьшено»[1].

Русская школа в конце XV — первой половине XVI в. непрерывно росла и совершенствовалась. Оправившись после удара, нанесенного ему татаро-монгольским игом, русское просвещение начало быстро развиваться по пути, который привел в XVII в. к организации школ общегосударственного масштаба. Школа конца XV — первой половины XVI в. снабжала страну сравнительно большим количеством грамотных людей, главным образом из представителей господствующего класса. Но высококвалифицированных специалистов было мало. Круг высокообразованных людей был весьма ограничен.

Частные школы «мастеров грамоты» не готовили и не могли готовить специалистов большой квалификации, которые нужны были растущему Русскому централизованному государству. Знания, даже в виде простой грамотности, получало меньшинство населения.

д) Искусство

Архитектура

Образование Русского централизованного государства обусловило подъем строительного искусства. Москва по мере роста ее политического и культурного значения становится общерусским художественным центром. Развертывается грандиозное строительство, являющееся одной из блестящих страниц в истории русского искусства.

Хотя основными заказчиками произведений искусства выступали представители господствующего класса, светские и духовные феодалы, исполнителями шедевров русской архитектуры, живописи и скульптуры были, как правило, русские мастера, приносившие с собою традиции и достижения русского народного искусства.

В конце XV — начале XVI в. находит свое окончательное оформление архитектурный ансамбль Московского кремля, превратившегося в неприступную крепость. Сооружение нового Кремля было вызвано стратегическими и политическими соображениями. Белокаменный кремль времен Дмитрия Донского сильно разрушился и не отвечал новым требованиям фортификационной техники.

С начала 60-х годов XV в. начинается строительство в Кремле, расширяется его территория, возводятся новые стены, башни, величественные соборы.

Именно в эти годы был создан тот ансамбль Кремля, который и до наших дней сохранил величавую красоту, свидетельствуя о творческом гении русского народа. Живописное положение Кремля на крутом берегу реки Москвы давало возможность зодчим свободно сочетать разнообразные архитектурные формы, связывая их воедино с окружающим пейзажем.

---

[1] *Е. Н. Медынский.* История педагогики. М., 1947, стр. 299.

Постройка каменного кремля в Москве в 1491 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

К строительству Московского кремля было привлечено большое количество мастеров. Летопись сохранила нам имя одного из крупных строителей времени Ивана III — Василия Дмитриевича Ермолина, которому были поручены первые реставрационные работы в Кремле. Ермолин был не только архитектором-реставратором, но и скульптуром, украсившим Фроловские (позднее Спасские) ворота белокаменными барельефами с изображением Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского.

В. Д. Ермолин принимал большое участие в архитектурных работах за пределами Москвы, восстанавливая ряд памятников во Владимире, в Юрьеве-Польском. С его именем связано строительство в Троице-Сергиевском монастыре. Все эти реставрационные работы указывают на большое внимание, уделявшееся в конце XV в. на Руси художественному наследию прошлого, на образцах которого учились высокому искусству древних зодчих. Интерес к памятникам Владимиро-Суздальской земли обусловливался тем, что Москва считалась законной наследницей политических идей Суздальской Руси, которая еще в XII в. выдвигала задачу объединения русских земель.

Крупное строительство в Кремле в XV в. открывается постройкой Успенского собора, образцом для которого послужил Владимирский Успенский собор XII в. Это определило его большие масштабы и пятикупольное завершение. Для возведения столь грандиозной постройки были привлечены лучшие мастера Пскова, Твери, Новгорода, а также мастера из-за границы.

В 1475 г. был приглашен Аристотель Фиоравенти, имя которого пользовалось известностью в Италии. Он рано начал свою деятельность архитектора и к сорока годам прославился как мастер инженерного дела. В Москве Аристотелю поручается постройка Успенского собора, законченная к 1478 г. Успенский собор, предназначенный не только для культовых целей, но также и для важнейших государственных церемоний, становится

местом, где происходит торжественное «посажение на стол» московских великих князей. В 1482 г. стены собора покрываются фресками. Для иконостаса собора пишутся иконы. В этих живописных работах принимает участие крупнейший живописец того времени Дионисий.

План московского собора отличается от собора в городе Владимире. Он весь вытянут с запада на восток. Внутри собора создано обширное пространство. Четыре мощных круглых столпа, украшенных резными капителями[1], были тем новшеством, которое так поражало москвичей, привыкших к четырехгранным столпам. Наружный вид собора сдержан и строг. Гладь стен нарушают лишь узкие оконные проемы, выступы от пилястр[2] и легкий рельеф аркатурного пояса[3]. Алтарная[4] часть очень слабо выявлена снаружи низкими абсидами[5]. Величественные пять глав венчают весь собор, простой и ясный по своим формам, но в то же время грандиозный и торжественный.

В 1484 г. начинается строительство Благовещенского собора, который являлся храмом при великокняжеском дворе. Он строился силами исключительно русских мастеров. Первоначальный план в середине XVI столетия был изменен: небольшой храм окружили крытыми арочными галлереями с четырьмя приделами по углам, что значительно усложнило план собора. Некоторыми своими особенностями он напоминает псковские церкви. Из девяти глав, венчающих сейчас собор, лишь три — древнейшей постройки.

Этот храм, с небольшими тремя главами, украшенными декоративным рельефом, с покрытием по закомарам[6], пленял красотой своих форм и рядом с величавым Успенским собором поражал нарядностью и легкостью своих очертаний.

В 1505 г. Иван III приказал разобрать старую Архангельскую церковь времен Ивана Калиты и начать строительство нового собора. Сам великий князь в том же году был похоронен в еще недостроенном храме. Сюда в 1507 г. перенесли гробницы всех великих князей, начиная с Ивана Калиты.

Строителем Архангельского собора был Алевиз Новый, приехавший на Русь из Милана. В 1509 г. собор уже был закончен. Вся архитектура этого собора говорит о новом явлении в истории русского зодчества;

---

[1] *Капитель* — венчающая часть колонны, служащая непосредственным переходом к несомой части сооружения.

[2] *Пилястра* (лопатка) — прямоугольный плоский выступ стены.

[3] *Аркатурный пояс* — ряд декоративных арок на фасаде здания.

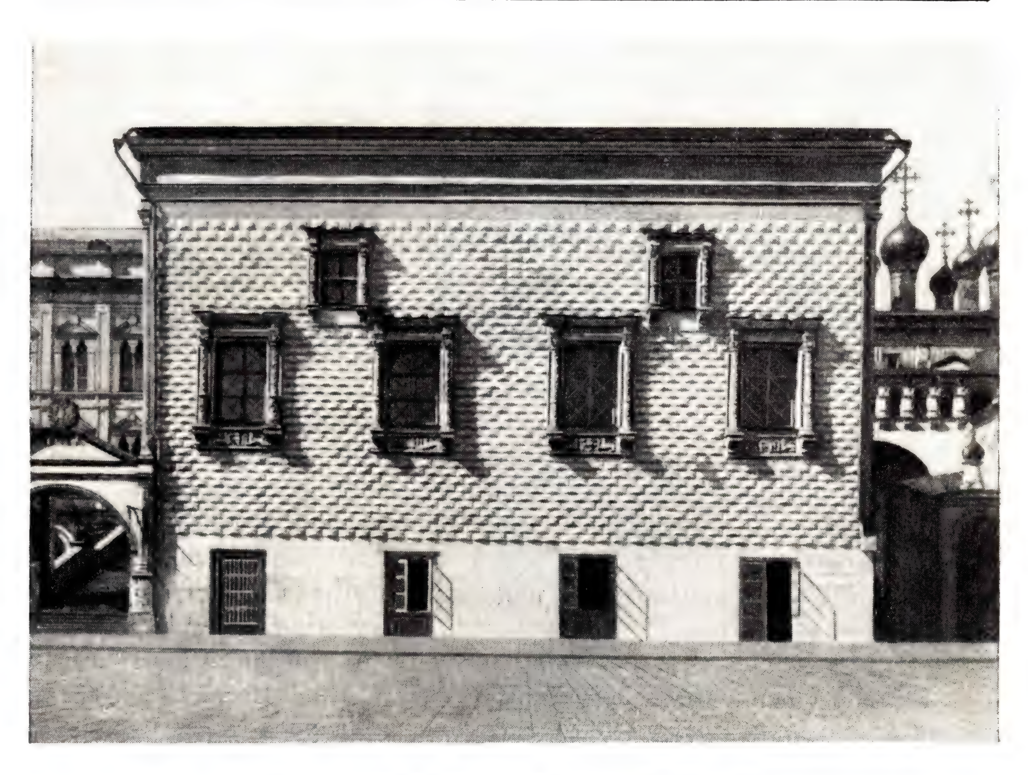
[4] *Алтарь* — главная часть церкви, расположенная всегда в восточной части храма.

[5] *Абсида* или апсида (греч. apsis — круглое, свод) — полукруглый, овальный или многоугольный выступ, обычно образующий алтарь.

[6] *Закомара* — полукруглое завершение наружных стен здания, выявляющее на фасаде внутреннее сводчатое перекрытие.

Успенский собор в Московском кремле, 1475—1479 гг.

Грановитая палата в московском Кремле.

в наружной декорации уже нашли применение классические ордера[1], свойственные архитектуре Возрождения.

Мастер украсил пилястры капителями, закомары — своеобразной формой, напоминающей раковины, расчленил плоскость стен. Архангельский собор пленял изысканностью своих форм.

Помимо культовых сооружений, в Московском кремле появляются и светские постройки. Строится новый Кремлевский дворец, который, основываясь на старых традициях, должен был состоять из ряда зданий, связанных между собой переходами, крыльцами, сенями. Из этого комплекса сооружений до нас дошла Грановитая палата, названная так вследствие того, что поверхность ее наружной стены покрыта гранями. Строителями палаты были Марко Руффо и Пьетро Солари. Грановитая палата была сооружена по образцу русских гражданских построек более раннего времени. Палата представляет собою просторное квадратное помещение со столбом посредине, на который опираются четыре крестовых свода[2]. Открытая парадная лестница вела в сени, через которые всту-

---

[1] *Классические ордера*— система соединений архитектурных частей, принятая в древнегреческом и римском искусстве и эпоху Возрождения и классицизма.

[2] При царе Федоре Ивановиче стены Грановитой палаты были украшены росписью. См. об этом в гл. 2, § 13г настоящего издания.

пали в палату. Величественный белокаменный портал сеней был украшен резьбой. Грановитая палата являлась самым обширным помещением своего времени (460 м²). Она служила в качестве парадного зала, в котором происходили торжественные дворцовые церемонии и посольские приемы. Над сенями устроено помещение с небольшим проемом в стене, через которое женское население дворца могло видеть все происходившее в зале.

Помимо великого князя в Кремле строили каменные дома и другие лица, но большинство построек было из дерева. В конце XV в. Московский кремль совершенно изменил свой вид. Он был обнесен кирпичными стенами, сооруженными за время с 1485 по 1495 гг. Стены замкнули в кольцо площадь, равную 26,5 га. Территория Кремля в плане была близка к треугольнику, на углах которого возвышались круглые башни. В средней части каждой стены находились проездные башни прямоугольной формы. Фроловские ворота, позднее Спасские, являлись центральными.

Центр Кремля определился после построения церкви-колокольни Ивана Лествичника, получившей позднее название Ивана Великого. Это сооружение являлось одновременно и церковью и сторожевой наблюдательной башней крепости. Поднимаясь над окружающими постройками, Иван Великий служил сигнальной башней. Его тревожный набат вещал москвичам о приближении вражеских полчищ[1]. Иван Великий завершил общую композицию кремлевского ансамбля, величие и торжественность которого находились в неразрывной связи с идеями государственной власти конца XV — начала XVI в. Архитектура этого периода решала крупные градостроительные задачи, создавая ансамбль в центре города[2].

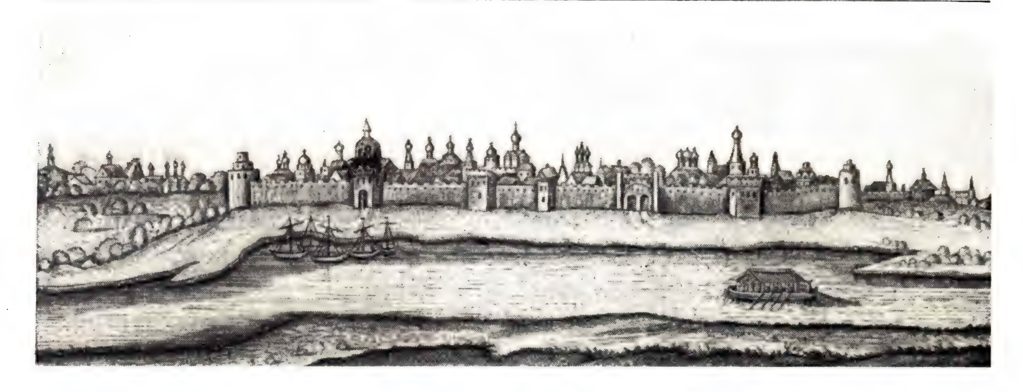
Обширное строительство на рубеже XV и XVI вв. приводит к сложению московской школы архитектурного мастерства, впитавшей лучшие традиции древнерусского народного зодчества. XVI век открывает новую страницу больших достижений в области архитектуры. На первую половину века падают грандиозные постройки, вызванные задачами обороны. Возводятся укрепления Нижнего-Новгорода, где за время с 1500 по 1511 г. сооружаются стены и башни, которые ни разу не были взяты неприятелем[3]. Используя рельеф местности, зодчие живописно расположили огромные массивы стен с величественными башнями, достигающими значительной высоты. Стены крепости, спускаясь по крутым склонам берега, господствуют над Волгой. При строительстве этих сооружений была прекрасно разрешена сложная техническая задача возведения монументальных стен на оползневых откосах.

---

[1] Окончательное завершение это сооружение получило лишь в 1600 г., когда высота его достигла 82 м. Постройка такого высотного сооружения была большим техническим достижением и свидетельствует о выдающихся успехах, достигнутых в архитектуре русскими мастерами.

[2] О строительстве ансамбля Кремля см. «История Москвы», т. I, М., 1952.

[3] Подробнее см. *И. В. Трофимов, И. А. Кирьянов.* Материалы к исследованию Нижегородского кремля. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 31, М., 1952, стр. 325—341.

Кремль в Коломне. Гравюра из книги А. Олеария, XVII в.

Правительство Василия III, укрепляя южную границу, с 1509 г. начинает строительство в Туле крепости, которая должна была преграждать путь в центральные русские земли и принимать на себя удары непрекращавшихся татарских набегов. Выстроенный в 1514—1521 гг. по образцу Московского кремля, Тульский кремль становится центром города. Ивановская (Тайницкая) башня, Спасская башня, Никитские ворота представляют собой выдающиеся произведения архитектурного и военно-инженерного искусства. Сооружаются стены и башни Зарайского кремля (1531) — форпоста против крымских татар. Сохранившиеся до наших дней остатки стен и башен кремля в Коломне (1525—1531) свидетельствуют о красоте и монументальности кремля и дают образец большой простоты и мощи. Реконструируются стены Новгородского кремля, строятся крепостные сооружения в Пскове, где из валунов и местного плитняка создаются мощные укрепления[1].

В Москве сооружаются в 1534—1538 гг. новые оборонительные линии, которые опоясывают торговый центр. Этот новый город позднее стал именоваться Китай-городом. Башни китайгородских стен различны по своим формам. Круглые, четырехугольные, полуовальные, шестиугольные, они выдавались из линии стен и хорошо были приспособлены для продольного обстрела во время боя. Китайгородские укрепления охватили площадь в 69 га и представляли собой значительный образец военно-инженерного искусства. На окраинах Москвы возникают монастыри-крепости. Так, например, в 1525 г. создается Ново-Девичий монастырь, построенный по приказу Василия III в память о победах под Смоленском.

В посадских и боярских вотчинах появляется новый вид церковных построек — бесстолпный храм, предназначенный для вмещения небольшого количества населения.

Русская архитектура развивается в неразрывной связи с творчеством народа. Народное творчество было основой возникшего в XVI в. шатро-

[1] См. подробнее «Крепостные сооружения Древней Руси». «Материалы и исследования по археологии СССР». № 31, М., 1952.

вого стиля. Постройки XVI в. этого стиля принадлежат к числу лучших произведений мировой архитектуры.

В этот период усиливается светское начало в архитектуре. В монастырях возводятся одностолпные трапезные[1] палаты. Так, в Андрониевом монастыре в 1504—1506 гг. была построена обширная палата с мощным столбом посередине. Такие помещения возникают в Симоновом, в Пафнутьевом-Боровском, в Иосифо-Волоколамском монастырях. Обширные каменные сооружения с целым рядом помещений для хозяйственных нужд свидетельствуют о возрастающем значении монастырей, которые в этот период приобретают большое оборонительное значение.

Первая половина XVI в. с грандиозным размахом строительных работ показывает большое умение и изобретательность русских зодчих. Организация обороны Русского государства представляла хорошо продуманную систему. Строительство каменных крепостей составляет блестящую страницу в истории русской архитектуры.

Живопись

Древнерусская живопись конца XV — начала XVI в., так же как и архитектура, отражала подъем национального сознания русского народа. Вместе с возрастающим значением Москвы, ставшей центром общерусской культуры, росло и значение московской школы живописи, внесшей ценный вклад в сокровищницу мирового искусства.

На конец XV в. падает творческая деятельность Дионисия. Вслед за Андреем Рублевым он должен рассматриваться как художник, творчество которого имеет всемирное значение. Величие Дионисия в том, что он сумел воплотить в своих произведениях значительность идей эпохи, когда Русское государство выходило на мировую арену. Его произведения дают возможность почувствовать всю сложность того времени, когда росло и крепло чувство национального самосознания, после окончательного освобождения страны от татарского ига.

Дионисий родился в 30—40-х годах XV в. В 60 — 70-е годы он расписывал каменный собор в Пафнутьевом-Боровском монастыре [2].

Приезд Дионисия в столицу совпадает с тем периодом строительства, которое развернулось в конце XV в. Зодчие возводили соборы, живописцы расписывали их, а мастера прикладного искусства украшали храмы и терема богатой утварью. Интенсивный подъем строительной деятельности отразился на творчестве Дионисия, который в это время создает выдающиеся произведения. Не случайно на его иконах появляются образы таких исторических деятелей, как митрополиты Петр и Алексей. Теперь, когда Москва становилась столицей единого централи-

---

[1] *Трапезная* —монастырское здание, служившее местом, где монахи собирались для еды.

[2] ГБЛ, Волоколамское собрание, № 515, л. 419 об.

зованного государства, возвеличивались московские князья и церковные иерархи XIV в., времени постепенного возвышения Москвы.

Прославление деятельности митрополита Петра определяет идейный смысл иконы Дионисия «Житие митрополита Петра».

Другая икона, находящаяся в Третьяковской галлерее, посвящена митрополиту Алексею, видному церковному деятелю и политическому союзнику Дмитрия Донского. В восемнадцати небольших композициях, расположенных вокруг фигуры митрополита, рассказывается о его жизни. Здесь изображена его беседа с Сергием Радонежским, возвращение Алексея из Золотой Орды и т. д.

Иконы, посвященные митрополитам Алексею и Петру, свидетельствуют о расширении тематики иконописных произведений, где начинают находить отражение исторические события, близкие к темам современности.

В 1482 г. Дионисий написал для Вознесенского монастыря в Московском кремле икону «Одигитрия»[1] (Государственная Третьяковская галлерея). Несмотря на то что художник должен был точно воспроизвести утраченный оригинал[2], он дал новое истолкование образа. Вслед за Андреем Рублевым Дионисий с большой художественной силой отобразил русский национальный характер.

Дионисий вместе с другими мастерами написал целый ряд икон для кремлевского Успенского собора. Все эти работы принесли ему широкую известность, и в 1484 г. он был приглашен Иосифом Волоцким в Волоколамский монастырь, где развернулось большое строительство. Помощниками Дионисия здесь были его сыновья Владимир и Феодосий, именуемые, как и Дионисий, «хитрыми живописци в русской земли»[3].

С 1484 г. по декабрь 1486 г. Дионисием было написано 100 икон.

Роспись церкви «Рождества богородицы» в Ферапонтовом монастыре является последней работой Дионисия (1500), в которой наиболее ярко запечатлен его гений.

Среди фресок Ферапонтова монастыря многие изображают пышные пиры; эта тема позволила мастеру показать богато и изысканно одетых людей, принимающих участие в празднествах. Во фресках нашли свое отражение вкусы светской аристократической среды конца XV — начала XVI в.; узорчатая парча, жемчуг, камни, роскошные ткани — все сделано с великолепным мастерством. На фресках мы находим также образы строгих воинов, готовых к выполнению службы. Ферапонтовские фрески являются не только вершиной творчества Дионисия, но и свидетельствуют о высоком уровне, до которого поднялась московская школа живописи.

---

[1] *Одигитрия* (в переводе с греческого языка на русский — «путеводительница») — один из видов изображения богоматери.

[2] ПСРЛ, т. VI, стр. 234. В 1482 г. в Москве во время пожара обгорела икона богоматери греческого письма, после чего изображение богоматери было заново написано Дионисием на старой доске.

[3] См. *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв. «Исторический архив». М.—Л., 1950, т. V, стр. 15.

В создании этого фрескового цикла вместе с Дионисием принимали участие его сыновья и ученики, в творчестве которых долго жили традиции Дионисия.

Москва в своей объединительной политике встречала сильное сопротивление старых феодальных центров, в том числе Новгорода. Это отразилось и на искусстве.

Настроения реакционных боярских и купеческих кругов, враждебных Москве, резко противостояли в Новгороде тенденциям демократических слоев общества, надеявшихся при помощи московской великокняжеской власти избавиться от боярского произвола. Новгородская культура, в частности живопись конца XV в., отражала остроту этих противоречий.

В изобразительном искусстве начинают расширяться узкие рамки религиозной тематики, оно откликается на темы современности.

Икона «Молящиеся новгородцы» (Новгородский музей), написанная по повелению Антипа Кузьмина, изображает боярскую семью, с мольбой обращающуюся к «святым», прося у них заступничества. Лица старцев, юношей, женщин серьезны, взгляды их напряженны. Художник сумел отразить то чувство неуверенности и беспокойства, которое испытывала боярская верхушка перед вторым походом Ивана III (1478) против крамольных бояр.

Новгородское боярство обращалось к историческому прошлому Великого Новгорода, стремясь найти в нем идеологическую опору в борьбе против Москвы. С этими тенденциями связаны большая строительная деятельность, воспроизводящая архитектурные формы XII в.— времени наибольшего могущества Новгорода, возрождение летописного дела и создание цикла литературных сказаний об архиепископе Иоанне, при котором новгородцы в 1170 г. сумели отстоять свой город от суздальских князей. Эти сказания должны были символизировать неприступность Новгорода, которому в трудные минуты приходили на помощь «силы небесные».

Икона «Битва суздальцев с новгородцами» иллюстрирует этот исторический эпизод. Она разделена на три части, в которых последовательно излагаются события. Наверху мы видим, как новгородское духовенство вместе с архиепископом Иоанном направляется с иконой «богоматери» к Новгородскому кремлю. Здесь их встречает народ. Икону водворяют на кремлевские стены. Это изображено в центральной части композиции, где художник поместил встречу послов и показал неслыханную дерзость суздальских воинов, обстрелявших икону из луков. То, что произошло после этого, мы видим внизу. Здесь дан момент битвы, когда дрогнули и смешались суздальские полки, отступая под натиском новгородских войск.

Лаконичный и выразительный стиль, свойственный искусству Новгорода, характерен также и для этого произведения; мастер не загромождает композицию деталями, отмечая лишь самое существенное. В рисунке фигур людей, в гибких и стройных формах лошадей, в изображении архитектурных построек, в цветовых достоинствах этого произведения—везде ощущается связь с традициями народного искусства. В иконе поражает смелость сочетаний красных, зеленых, голубых, розовых, желтых тонов, кото-

Фреска Ферапонтова монастыря работы Дионисия 1500 г. (Изгнание с пира человека, одетого не по-праздничному).

рые так свойственны произведениям времени расцвета новгородской иконописи.

Иконописные произведения Новгорода приобретают большую политическую заостренность. Жизнь и быт русского народа начинают находить отражение в изобразительном искусстве. Все это свидетельствует о наступившем новом этапе в развитии древнерусской живописи. После падения самостоятельности Новгорода и присоединения его к Москве, наряду с экономическим подъемом, наблюдается и подъем искусства, которое начинает выходить из узких рамок обособленности. Москва способствовала развитию новгородского искусства и обогащала новгородскую культуру своими передовыми идеями.

Культурная жизнь в Пскове в XV—XVI вв. протекала в довольно сложной обстановке. В псковской живописи в конце XV в. замечается ряд новшеств. Трактовка иконографических сюжетов становится более свободной, что впоследствии было осуждено московскими соборами XVI в.

Псковичи обвинялись в писании икон «по своему разуму», а не на основе старых обычаев. В изобразительное искусство начинают проникать светские мотивы. Большая декоративность псковских икон, употребление горящей киновари, золота, орнаментальных узоров — все это приводит к появлению новых мотивов, которые найдут развитие в живописи XVI в. Примером может служить икона «Троица» (Государственная Третьяковская галлерея), в которой, несмотря на строгую догматичность, наблюдается проникновение жанровых элементов.

Вливаясь в общее русло национальной культуры, художественные школы Новгорода и Пскова сами вносили много своеобразного в общерусское искусство.

Прикладное искусство

Общий подъем русской культуры и искусства с конца XV столетия охватывает и область прикладного искусства, развитие которого связано с ростом ремесла, являвшегося господствующей формой русской средневековой промышленности. Обширное строительство монастырей, дворцов, теремов и храмов, стремление феодальной верхушки пышно украсить свой быт — все это способствовало развитию этого вида искусства. Такие крупнейшие русские города, как Москва, Новгород, Тверь, Суздаль и другие, обладали высокоразвитым ювелирным ремеслом. Мастера-ювелиры создали множество таких произведений, которые стали образцами для последующих поколений.

До нас дошло ничтожное количество из того, что было создано русскими мастерами. Бо̀льшая часть произведений погибла. Так, например в 1476—1478 гг. из Новгорода Иваном III было вывезено 300 возов «перел, злата и сребра и камений многоценных» [1], но от всех этих богатств до нас дошел лишь один именной ковш.

[1] *К. В. Базилевич.* Имущество московских князей в XIV—XVI веках. «Труды ГИМ», вып. 3, М., 1926, стр. 49.

Образец работы сканью. Деталь серебряного оклада евангелия 1449 г.
Оружейная палата

Произведения мастеров XV в. свидетельствуют о большой культуре художника-ювелира, о его виртуозной изобретательности, благодаря которой он, сочетая самые разнообразные технические приемы, давал первокласные образцы ювелирного искусства.

Широкое распространение в этот период получает скань[1], известная на Руси уже в X в. Тонкие нити проволоки спаивались между собой, создавая ажурный узор.

До нас дошли книжные и иконные оклады с тончайшими сканными узорами. Под скань делались и предметы из дерева. Так, были созданы резные врата в церкви села Монастырщина близ Куликова поля; виртуозная резьба по дереву настолько искусна, что создает полное впечатление узора скани.

Наряду со сканью также часто встречается басма. Басменное тиснение производилось на небольших медных досках с отлитым на них рельефным рисунком. Тонкий лист серебра накладывался на матрицу[2], и при посредстве свинцовой подушки его вгоняли во все углубления рисунка. Таким тиснением создавали красивые орнаменты, которые покрывали иконы. Легкий и простой узор со свободно изгибающимися стеблями, цветами был безупречно четок и не мешал восприятию живописного про-

[1] *Скань* (филигрань) — вид ювелирной работы — орнамент из металлической (преимущественно золотой или серебряной) проволоки, большей частью напаянный на гладкий металлический фон.

[2] *Матрица* — пластинка с вдавленными обратными знаками или изображениями, служащая формой для отливки или штамповки.

Резьба по дереву. Деталь «царских врат» XV в. из церкви в селе Монастырщине близ Куликова поля.

Государственный Исторический музей

изведения. Тонкая воздушная скань, легкий рисунок басмы — все это требовало большого искусства от мастера.

С конца XV в. начинается расцвет эмали. Этот вид прикладного искусства, находившийся на большой высоте в древней Руси в XII в., после татарского нашествия был забыт. Эмаль XIV—XV вв. примитивна по сравнению с эмалью XII в., но в конце XV в. начинают появляться образцы с хорошей перегородчатой эмалью.

Высокая культура Москвы определила ее ведущее значение в области прикладного искусства. Мастера - ювелиры изготовляли массовую продукцию на рынок. В конце XV в. мастерство московских ювелиров становится широко известным за пределами Русского государства[1]. Все это свидетельствует о высоте, на которую поднялось ювелирное дело, требующее большого опыта, навыков, сложного оборудования. Представляя синтез художественного и технического творчества, этот вид искусства всегда отражает повышение или понижение общего культурного уровня. То, что ювелирные произведения времени Ивана III достигли большого мастерства, свидетельствует о высоте культуры Руси.

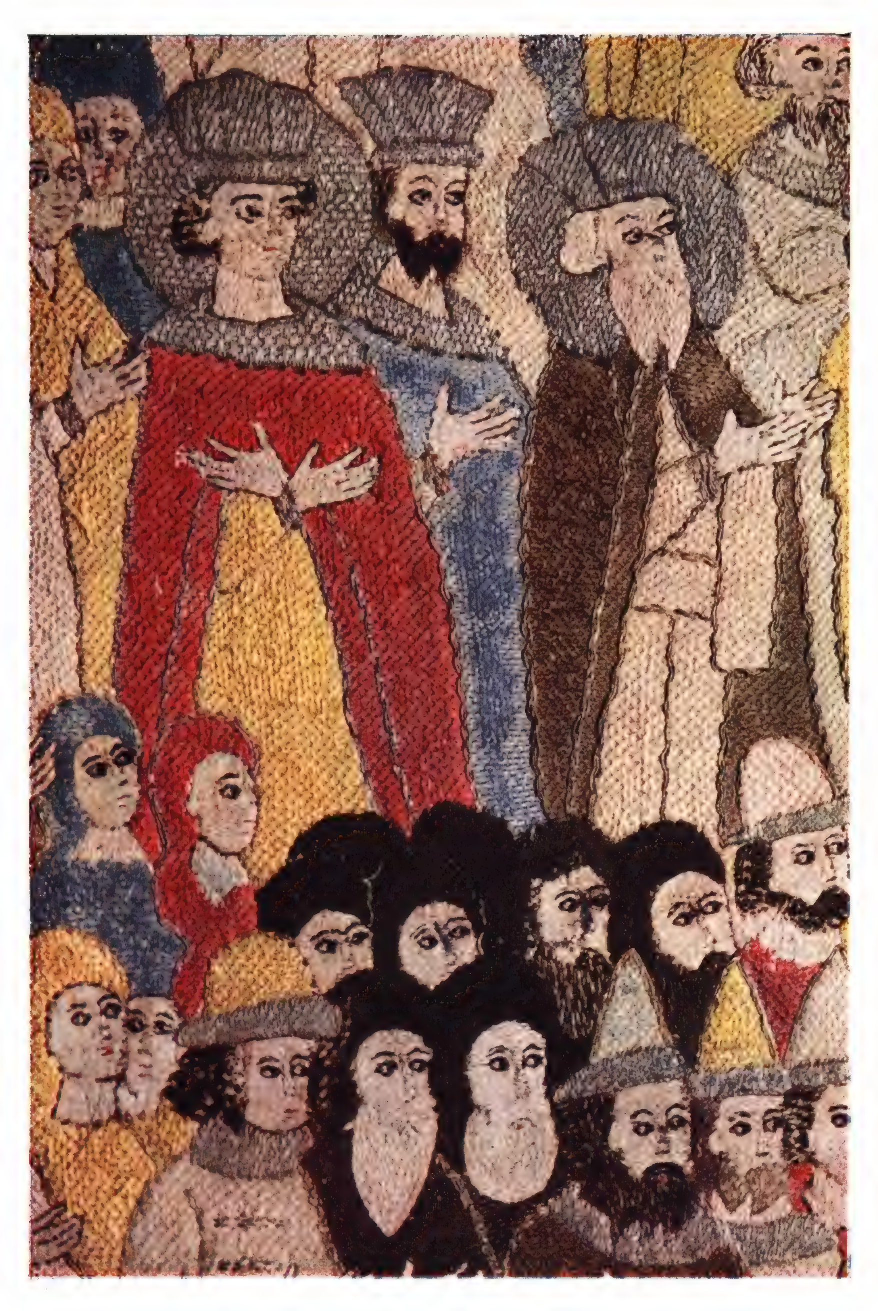
Другой областью прикладного искусства, в которой сказалось большое творческое мастерство русского человека, было художественное шитье, достигшее на Руси большого совершенства. Вышивание широко проникало в быт народа. В этой области прикладного искусства больше всего могла проявиться самобытность народного творчества. В шитых орнаментах дошли до нас отголоски языческого культа предков. Изделия шитья являлись дополнительным декоративным убранством, выступали наравне с высоким мастерством художников-живописцев. Произведения шитья изготовлялись преимущественно женскими руками. В монастырях,

[1] «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией», т. I. Сб. РИО, т. 41, стр. 220.

Басма (тиснение) по серебру, XV—XVI вв.

Государственный Исторический музей

Художественное шитье. Деталь подвесной пелены 1498 г.— портретные изображения Ивана III и членов его семьи

Государственный Исторический музей

Лист с заставкой из евангелия Андроньева монастыря, XV в.

Государственый Исторический музей

в боярских вышивальных «светлицах» производились предметы для храмов, для бытового употребления. Среди разнообразных предметов шитья были надгробные покровы, плащаницы, «воздухи», широко применявшиеся в церковном обиходе. Особенно часто встречались подвесные пелены, которыми украшались иконы. Все эти предметы свидетельствовали о большом искусстве мастериц, об их эстетических вкусах и индивидуальных склонностях. Лучшим образцам русского шитья свойственна большая простота и выразительность. Основным материалом для шитья были шелк (крученый и некрученый), золото и серебро.

Так же как и ювелирное искусство, искусство шитья достигает большого мастерства и создает впечатление, подобное тому, какое оставляют произведения живописи. В этот период распространяется в шитье так называемый «живописный стиль», особенностью которого являлось богатое сочетание разноцветных темных и светлых тонов, создающих красочный силуэт. Ярким образцом такого вида шитья является новгородский «чин» из Государственной Третьяковской галлереи. Под трехлопастными килевидными арками помещены фигуры Христа, богоматери, Иоанна Предтечи, ангелов, апостолов. Стройные фигуры выделяются на фоне тафты малинового цвета. Богатством отличается цветовая гамма. Рука опытного и превосходного художника ощутима во всех силуэтах фигур, в линиях одежд, в безукоризненном рисунке. Лицам изображенных мастер придал определенное выражение, то спокойную строгость, то большую нежность. Это—произведение высочайшего мастерства и большой виртуозности. К этому периоду также относится пелена Софьи Палеолог 1499 г. (Загорский музей-заповедник), сделанная в честь рождения сына Ивана III — Василия.

От XV в. до нас дошла шитая шелками подвесная пелена с изображением торжественной процессии.В отличие от обычных памятников такого рода, она носит исключительно светский характер. Путем анализа изображений М. В. Щепкиной удалось установить точную дату памятника и смысл представленной на нем картины. Шитье изображает молебен в Кремле 8 апреля 1498 г. Слева представлен Иван III с недавно венчанным на царство внуком Димитрием Ивановичем. За ними следует сын Ивана III и Софьи Палеолог — Василий. Внизу, в левом углу картины, изображена Софья Фоминишна Палеолог с дочерьми Феодосией и Евдокией, а также мать Димитрия, княгиня Елена Стефановна Волошанка. Справа, против великого князя, изображен митрополит Симон.

Памятник этот создан по заказу княгини Елены Стефановны в память венчания ее сына. Несмотря на большую обобщенность образов, картина эта дает нам облик великого князя Ивана III, сына его Василия и отстраненного позднее от престола внука Димитрия Ивановича[1].

---

[1] Сведения об этой пелене сообщены М. В. Щепкиной. Подробнее об этом памятнике см. ее работу «Изображение русских исторических лиц в шитье XV века». «Труды ГИМ. Памятники культуры», вып. XII, М., 1954.

На древнерусской книжной миниатюре также отразился общий подъем культуры в конце XV в. До нас дошли первоклассные произведения этого вида искусства. В создании художественного облика книги принимало участие обычно несколько лиц. Одни писали текст, другие его иллюстрировали.

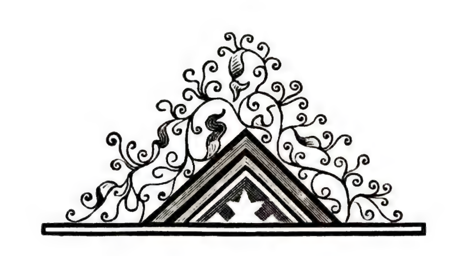
Широкое распространение бумаги в XV в., сменившей дорогостоящий пергамен, способствовало еще большему расцвету книжного искусства.

К концу XV столетия относится рукопись «Хождение апостола и евангелиста Иоанна Богослова». Все изображения раскрашены жидкой краской и помещены в тексте без всякого обрамления. Здесь уже нашли отражение те черты, которые будут характерны для живописи XVI в. Композиции полны большой живости, жесты действующих лиц выразительны — они все спорят, горячо жестикулируя. Но при всем этом сохраняется большая уравновешенность в построении композиций и та выразительность линий рисунка, которая свойственна живописи XV столетия.

Изображения «Книги пророков» приписывают Дионисию. Художник свободно и широко помещает на белом фоне бумаги фигуры пророков. Произведения этого вида искусства отражают общий расцвет культуры.

«Псковская Палея» 1477 г. (Государственный Исторический музей), написанная дьяком Нестором, содержит ряд интересных миниатюр, среди которых находится изображение новгородцев, согнувшихся от страха перед Иваном III.

Так и в миниатюру проникали острые темы современности, связанные с историческими событиями. Все это привело к появлению в середине XVI в. произведений, широко иллюстрирующих нравы и быт русского общества.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УКРЕПЛЕНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. РЕФОРМЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ИВАНА ГРОЗНОГО (1547—1584)

1
ИСТОРИОГРАФИЯ

Время с середины XVI в. ознаменовано новыми явлениями в экономике страны и укреплением Русского централизованного государства, происходившим в условиях напряженной классовой и внутриклассовой борьбы. Правительственные реформы середины XVI в., опричнина усилили централизованный аппарат власти в интересах широких слоев дворянства, подорвали силы боярского сопротивления и способствовали крупным внешнеполитическим успехам Русского государства. Но все эти мероприятия сопровождались захватом крестьянских земель, усилением эксплуатации крестьянских масс и потому тяжелым гнетом ложились на крестьянство.

Время с 50-х по 80-е годы XVI в., наполненное яркими и значительными событиями, давно привлекало к себе внимание русских историков.

Крупнейший русский дворянский историк первой половины XVIII в., сподвижник Петра I, В. Н. Татищев, являясь одним из сторонников абсолютной монархии, с нескрываемым сочувствием рисовал централизаторскую политику правительства Ивана IV: «Сей государь Казань и Астрахань себе покорил... и естьли бы ему некоторых безпутиных вельмож бунты и измены не воспрепятствовали, то бы, конечно, не трудно ему было завоеванную Ливонию и часть не малую Литвы удержать»[1]. Иван Грозный, по мысли Татищева, являлся прямым продолжателем политики Ивана III и Василия III по восстановлению «древнего самодержавия»[2].

Высокую оценку деятельности Ивана Грозного давал и великий русский ученый М. В. Ломоносов, который видел в нем предшественника Петра I[3].

---

[1] *В. Н. Татищев.* История российская с самых древнейших времен, кн. 1 и 2, СПб., 1768, стр. 544.

[2] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1882, стр. 100—101, 138.

[3] *М. В. Ломоносов.* Соч., т. II, СПб., 1893, стр. 192.

В конце XVIII в. появляются труды близкого к кругам торговой буржуазии ученого-экономиста В. В. Крестинина (1729—1795), в которых впервые в русской историографии были широко поставлены вопросы экономического развития России, прежде всего русского Севера XVI в., приведены ценные материалы по истории «старинного домостроительства», т. е. по истории хозяйства (в частности, солеварения) северо-русских посадских торговых людей, по истории Холмогор и Архангельска[1]. Крестинин впервые обратил внимание на историю народов европейского Севера.

С позиций консервативной дворянской историографии подходили к изучению событий истории России третьей четверти XVI в. М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин. В их схемах превалировал интерес к личности самого Грозного и к истории русского самодержавия.

Существо концепции М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина сводилось к резкому противопоставлению двух периодов царствования Грозного, гранью между которыми служила смерть его жены Анастасии. Являясь идеологом дворянской аристократии, Карамзин пытался доказать, что Русское государство процветало до тех пор, пока Грозный слушался советов бояр и княжат, а как только решил управлять самостоятельно, то государство пришло в упадок. Опричнина — плод бессмысленной тирании Ивана Грозного, который «сек головы людей, славнейших добродетелями». Ярко рисуя образ «великого монарха», превратившегося в необузданного тирана, Карамзин в своем труде отражал настроения дворянской аристократии[2].

Если Карамзин осуждал «царскую грозу» — политику самодержавия, направленную против княжеско-боярской аристократии XVI в., то с совершенно иных позиций выступили представители передовой исторической мысли начала XIX в.— декабристы. В историческом прошлом нашей Родины декабристы искали примеры, которые могли бы служить делу борьбы с самодержавием и крепостничеством. Борьбу правительства Ивана Грозного с боярством они рассматривали как проявление тирании Ивана IV, осуждая которую они произносили приговор и самодержавию вообще. «Неистовым тираном» называет Ивана Грозного К. Ф. Рылеев[3], осуждает его деятельность и М. С. Лунин[4]. Движимые чувством глубокой любви к русскому народу и ненавистью к его угнетателям, декабристы гневно говорили об ужасах «неограниченного самодержавия»[5]. Оставаясь на идеалистических позициях, дворянские революционеры

---

[1] *В. В. Крестинин.* Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве народа на севере. СПб., 1785; *его же.* Начертание города Холмогор. СПб., 1790.

[2] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 13.

[3] *К. Ф. Рылеев.* Полное собрание сочинений. М.— Л., 1934, стр. 154—155.

[4] «Декабрист М. С. Лунин». Сочинения и письма. Пг., 1923, стр. 80.

[5] «Из писем и показаний декабристов». СПб., 1906, стр. 69.

переносили свою ненависть к современному им самодержавно-крепостническому строю на события периода укрепления Русского централизованного государства. В силу этого они оказались не в состоянии дать верную оценку прогрессивного значения борьбы централизованной монархии с боярско-княжеской аристократией.

Развитие буржуазной историографии в середине XIX в. связано с именами С. М. Соловьева и представителей так называемой историко-юридической или «государственной» школы.

Поставив задачу изучения закономерностей исторического процесса России, Соловьев попытался рассмотреть реформы 50 — 80-х годов XVI в. как окончательную победу «государственного» начала над «родовым». Соловьев в целом положительно оценил опричнину, увидав в ней борьбу «служилого сословия» (дворянства) с боярством[1]. «Характер, способ действий Иоанновых, — писал он, — исторически объясняются борьбой старого с новым»[2].

Высказав ряд верных мыслей о положительном значении борьбы Ивана IV с сепаратистским стремлением феодальной знати, Соловьев вместе с тем не смог дать ей подлинно-научного объяснения, ибо развитие страны он объяснял эволюцией формально-юридических отношений, а государство рассматривал как явление надклассовое.

Экономическое развитие страны и классовая борьба, обострение которой падает на середину XVI в., по существу игнорировались этим буржуазным историком.

Дворянской и либерально-буржуазной историографии второй четверти XIX в. противостояла революционно-демократическая историография.

Большое влияние на развитие исторической науки оказали труды В. Г. Белинского. Подвергнув решительной критике взгляды дворянских историков, и в первую очередь Карамзина, на время Ивана Грозного, Белинский подчеркнул прогрессивный характер его борьбы с реакционным боярством.

Он высоко оценил преобразовательную деятельность и широту замыслов Ивана Грозного, которого он считал предшественником Петра I. Вместе с тем Белинский отмечал, что исторические условия для реализации всех планов Ивана Грозного в XVI в. еще не созрели [3].

А. И. Герцен также рассматривал рост самодержавия в XVI в. как необходимое явление политического развития России. Он подчеркивал, что «Московское правительство... сложилось в могучую государственную

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, стр. 327.

[2] Там же, стр. 332.

[3] *В. Г. Белинский.* Полное собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 441—444; т. IV, стр. 42; т. VI, стр. 24—25, 123; см. подробнее *Н. Мордовченко.* Иван Грозный в оценках Белинского. «Звезда», 1945, № 10—11; см. также *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды В. Г. Белинского. М., 1952.

систему при царе Иване Васильевиче»[1]. Герцен стремился найти смысл опричнины в той социально-политической обстановке, которой она была порождена[2]. Понимая политическое значение централизаторской политики Ивана IV, А. И. Герцен вместе с тем в своих сочинениях бичевал жестокости, казни и пытки, которые применялись в то время[3]. Это страстное обличение служило делу беспощадной критики самодержавного строя Николая I.

Однако в изучении общественной жизни Герцен только остановился перед историческим материализмом[4]. Поэтому он не смог понять основных социально-экономических причин, вызвавших укрепление Русского централизованного государства в XVI в.

Рассматривая историю Русского централизованного государства XVI в., революционные демократы в центре своего внимания имели борьбу народных масс с дворянством и помещичьим государством. Н. Г. Чернышевский понимал, что «всегдашним правилом власти было опираться на дворянство»[5]. Н. А. Добролюбов рассматривал судебники Русского централизованного государства в связи с древнерусскими законами, которые не были «соображены с нуждами народа»[6]. Правильно определяя дворянско-помещичью сущность политики самодержавия, Н. Г. Чернышевский, однако, давал идеалистическое объяснение происхождению крепостного права, считая, что оно «создано и распространено властью».

В период подготовки и проведения отмены крепостного права в буржуазной историографии появился целый ряд работ, в которых рассматривались вопросы истории крестьянства и происхождения крепостничества (Н. В. Калачев о крестьянских порядных, И. Д. Беляев «Крестьяне на Руси»). Историки так называемой «юридической школы» интересовались прежде всего не историей социально-экономических отношений, а юридическими формами зависимости крестьянства, объясняя при этом закрепощение крестьян мероприятиями правительства.

В условиях нарастания экономических и социальных противоречий в пореформенной России 70—80-х годов XIX в. с попыткой пересмотра общей концепции «государственной школы» выступил В. О. Ключевский. В частности, он попытался поставить вопрос об экономических основах процесса закрепощения крестьян, сведя его при этом лишь к росту крестьянской задолженности. Отдельные работы В. О. Ключевский посвятил истории землевладения и холопства. Однако в освещении ряда важнейших событий истории Русского централизованного государства XVI в. Ключевский сделал шаг назад даже по сравнению со своим учителем С. М. Соловьевым. Так, уделив значительное внимание трактовке оприч-

[1] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч., под ред. Лемке, т. VII, Пг., 1919, стр. 269.
[2] Там же, стр. 514.
[3] См. там же, т. III, стр. 328.
[4] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 10.
[5] *Н. Г. Чернышевский.* Соч., т. X, ч. 2, стр. 301.
[6] *Н. А. Добролюбов.* Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 277.

нины, Ключевский отказался видеть в ней политически целесообразное мероприятие, считая ее плодом «чересчур пугливого воображения царя»[1]. Борьба с боярством порождена была, на его взгляд, противоречием в политическом строе Русского государства, которое в XVI в. было «абсолютной монархией, но с аристократическим управлением, т. е. правительственным персоналом»[2]. Однако направленная против людей «правительственного класса» опричнина не касалась политического положения всего этого класса[3]. Она приобретала таким образом значение орудия борьбы, направленного исключительно «против лиц, а не против порядка»[4]. Пытаясь рассмотреть структуру опричнины, Ключевский ошибочно усматривал в ней своеобразную «пародию удела»[5]. Не поняв смысла опричнины, Ключевский осуждал ее, поскольку она якобы «колебала самые основы государства»[6].

В конце XIX — начале XX в., в период кризиса буржуазной исторической науки, время укрепления Русского централизованного государства также привлекало к себе взоры различных историков и публицистов. Реакционная дворянская и либерально-буржуазная историография выступала тогда с апологией незыблемости самодержавия, порожденной страхом перед нараставшим революционным движением, во главе которого стояла партия большевиков.

Рассматривая самодержавное государство в качестве двигателя русского исторического процесса, С. Ф. Платонов значительное место в своих исследованиях уделил опричнине в истории самодержавия, но роль опричнины, как орудия классовых интересов, в строительстве централизованного аппарата власти, происходившем за счет усиления феодальной эксплуатации крепостного крестьянства, оставлялась им без должного внимания.

Вслед за В. О. Ключевским С. Ф. Платонов рассматривал опричнину как попытку разрешить «политические противоречия» русского государственного строя, с которыми приходилось сталкиваться московской власти и родовитому боярству[7]. Опричнина была «первою попыткою» разрешить это противоречие. Но в отличие от В.О. Ключевского, С.Ф. Платонов видел в опричнине продуманную и глубоко обоснованную реформу. «Она сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины..., в опричнине Грозного произошел полный разгром удельной аристократии»[8]. В то же время разгром землевладения бояр,

---

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. II, М., 1937, стр. 195.

[2] Там же, стр. 192.

[3] *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. М., 1883, стр. 349.

[4] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. II, стр. 195.

[5] Там же, стр. 189.

[6] Там же, стр. 197.

[7] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 95.

[8] Там же, стр. 119.

раздача земель массе опричного дворянства, запустение центра страны были, согласно мысли С. Ф. Платонова, основными предпосылками «внутреннего кризиса», усугубленного «военными неудачами Грозного»[1].

Опричнина, таким образом, становилась одной из предпосылок «смуты», причем этим термином обозначалась и иностранная интервенция и крестьянская война.

Эклектическая концепция С. Ф. Платонова, в которой причудливо совмещалось понимание страшного удара, нанесенного реакционному боярству, с игнорированием классового характера реформ третьей четверти XVI в., наглядно свидетельствует о состоянии глубокого кризиса, который в конце XIX — начале XX в. переживала русская буржуазная историческая наука.

В конце XIX — начале XX в., когда обострилась борьба за раздел мира между капиталистическими странами, в буржуазной историографии увеличивается интерес к внешнеполитическим проблемам. Появляются, в частности, работы Г. В. Форстена, посвященные борьбе за Прибалтику[2].

При явном преобладании в буржуазной историографии тем политической истории, в связи с развитием капиталистических отношений, повышается интерес и к социально-экономическому развитию России. Появляются отдельные работы, посвященные аграрной истории России времени централизованного государства[3]. В работах С. В. Рождественского преобладает типичное для буржуазной историографии формально-юридическое описание форм землевладения и отсутствует реальное раскрытие характера производственных отношений и феодальной эксплуатации.

Буржуазные историки разрабатывают тематику по истории крестьянства и ставят проблему крестьянского закрепощения; собирая большой фактический материал, они делают ряд интересных наблюдений, но вопросы решаются ими с позиций экономизма или историко-юридических воззрений, причем классовые антагонистические противоречия в русском обществе XVI в. затушевываются[4].

Вопросы развития внутреннего рынка, общественного разделения труда почти совсем не изучались буржуазными историками пореформенной России. История русского города рассматривалась в формально-юридическом плане; обобщались данные писцовых книг по разным категориям населения разных городов[5].

---

[1] *С. Ф. Платонов.* Указ. соч., стр. 141.

[2] *Г. В. Форстен.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI ст. 1881; *его же.* Балтийский вопрос в XVI и XVII ст. СПб., 1893.

[3] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899; *С. В. Рождественский.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.

[4] *М. А. Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898.

[5] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.

Большое место в буржуазной историографии занимала проблема колонизации, которой посвящены работы Г. И. Перетятковича, Д. И. Багалея, С. Ф. Платонова и др. [1] Но трактуя вопросы колонизации, буржуазные историки слабо освещали положение трудящихся масс как русского, так и нерусского народов.

Характерной для буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. является концепция русского исторического процесса Н. П. Павлова-Сильванского, который, в отличие от некоторых представителей русской дворянско-буржуазной историографии, признавал наличие в истории нашей страны особого феодального периода и считал, что во время опричнины на Руси завершился переход от феодализма к «сословной монархии» [2]. Но Павлов-Сильванский видел в феодализме чисто политический институт и отрицал существование феодализма в России со второй половины XVI в.

Так же, как Н. П. Павлов-Сильванский, не понимал сущности процесса развития феодальных отношений на Руси во второй половине XVI в. Н. А. Рожков. Являясь представителем так называемого экономического материализма, Н. А. Рожков считал определяющим фактором в историческом процессе изменения в экономике общества, рассматриваемые им, однако, в отрыве от классовой борьбы, от изменений надстроечных явлений. При изучении истории России в центре внимания Н. А. Рожкова был «хозяйственный переворот второй половины XVI в.» [3]. Опричнина, по Н. А. Рожкову, знаменовала конец на Руси периода феодализма и наступление периода дворянской революции, который продолжался до времени Петра. Корни происшедшего сдвига в жизни страны Н. А. Рожков усматривал в ломке натурального хозяйства и переходе к «денежному, с обширным рынком» [4]. Изображение внутриклассовой борьбы дворянства с боярством как «революции» свидетельствует о непонимании Рожковым антагонистического характера способа производства, существа классовой борьбы, роли революции в историческом процессе.

Вульгаризаторские, антинаучные взгляды М. Н. Покровского со всей отчетливостью проявились при трактовке этим историком событий третьей четверти XVI века. Подменяя конкретное изучение истории нашей страны измышлением абстрактных социологических схем, М. Н. Покровский извращал марксистско-ленинское понимание исторического процесса. Основную причину реформ «избранной рады» и «опричнины» Ивана Грозного М. Н. Покровский усматривал в развитии «торгового капитала», под

---

[1] *Г. И. Перетяткович.* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877; *Д. И. Багалей.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, стр. 124; *его же.* Сочинения, т. 1. Государевы служилые люди. СПб., 1909, стр. 157.

[3] См. *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке.

[4] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 1, 1923, стр. 53.

воздействием которого разрушалось крупное вотчинное хозяйство и созидалось хозяйство помещичье, тесно связанное с рынком. «Экономический переворот, крушение старого вотчинного землевладения, нашел себе политическое выражение в смене у власти одного общественного класса другим». В такой обстановке произошел «государственный переворот» (опричнина), создавший, по мнению М. Н. Покровского, «новый классовый режим», «режим помещичьего управления»[1]. Позднее Покровский «уточнил» свой вывод: в 1564 г. якобы власть в свои руки взяли «представители торгового капитала и среднего поместного землевладения»[2]. На самом же деле никакого «нового классового режима» в период опричнины создано не было: боярство и дворянство являлись не разными классами, а составными частями одного господствующего класса феодалов. Утверждая, что крупное вотчинное хозяйство было уже разрушено в первой половине XVI в., Покровский тем самым лишал всякого политического смысла опричнину, которая нанесла сокрушительный удар по землевладению реакционных бояр и княжат. Опричнина при такой трактовке становилась «актом династической и личной самообороны царя»[3]. Таким образом, Покровский в итоге воспроизводил взгляд на опричнину В. О. Ключевского.

* * *

Ключ к правильному пониманию проблемы укрепления Русского централизованного государства в третьей четверти XVI в. мы находим в произведениях классиков марксизма-ленинизма.

В трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, помимо общих методологических указаний, имеется и ряд высказываний по важнейшим конкретным вопросам социально-экономической и политической истории периода укрепления Русского централизованного государства.

В своей характеристике «нового периода» русской истории и предшествующей ему «эпохи московского царства» В. И. Ленин дал руководящее указание для понимания общественно-политического строя третьей четверти XVI ст. Изучаемое время было кануном «нового периода» в истории феодальных отношений в России, когда на основе развивающегося товарного производства начал складываться всероссийский рынок. Из ленинских указаний ясно, что в XVI в. еще не были ликвидированы пережитки феодальной раздробленности.

Характеризуя «эпоху московского царства», В. И. Ленин писал, что «...государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами». Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на

[1] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. 1, М., 1933, стр. 212, 213.

[2] *М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке, 1932, стр. 44.

[3] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. 1, стр. 203.

отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»[1]

Понять сущность экономической политики правительства в третьей четверти XVI в. помогает указание И. В. Сталина о том, что Иван Грозный «создавал некоторый зародыш промышленности»[2].

Приведенные высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина дают основание для характеристики третьей четверти XVI в. как времени, когда в связи с развитием производительных сил и товарного производства в стране происходило изживание пережитков феодальной раздробленности.

Касаясь внешней политики России в середине XVI в., К. Маркс писал, что «...весь период этих успехов, так же как и в области законодательства, совпадает со временем управления *Адашева* (и влияния Сильвестра)»[3]. Реформы этого времени дали возможность Русскому государству выдержать с честью напряжение многолетней борьбы за Ливонию. К. Маркс, характеризуя эту борьбу Ивана IV за Прибалтику, писал: «Он был настойчив в своих попытках против Ливонии; *их сознательной целью было дать России выход к Балтийскому морю* и *открыть пути сообщения с Европой*. Вот причина, почему Петр I так им восхищался!»[4].

Оценивая роль России в истории ряда нерусских народов, Ф. Энгельс подчеркивал ее глубоко прогрессивное значение. Он писал, что Россия «...играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и центральной Азии, для башкир и татар»[5].

Классиками марксизма-ленинизма вскрыт многонациональный характер Русского централизованного государства. В произведениях И. В. Сталина указаны причины, в силу которых централизованное государство в России приобрело многонациональный характер[6].

Руководящие указания классиков марксизма-ленинизма относительно истории России в XVI в. нашли свое отражение и дальнейшее развитие в постановлении ЦК Коммунистической партии Советского Союза о кинофильме «Большая жизнь». В этом постановлении давалась характеристика Ивана Грозного, как «человека с сильной волей и характером» и отмечалось значение «прогрессивного войска опричников»[7].

* * *

Советская историческая наука, основывающаяся на марксистско-ленинском понимании исторического процесса, много сделала для разработки

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.
[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 8, стр. 120.
[3] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 165.
[4] Там же.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 211.
[6] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 15—16.
[7] Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. о кинофильме «Большая жизнь», 1950, стр. 21.

проблемы укрепления Русского централизованного государства. Публикация и изучение новых материалов по истории феодального землевладения и хозяйства[1], по истории реформ 50-х годов XVI в. и опричнины[2], общественно-политической мысли[3] способствовали расширению документальной источниковедческой базы советской исторической науки.

В трудах советских историков серьезное внимание уделено вопросам социально-экономической истории XVI в., особенно истории феодального землевладения и хозяйства. Положение крестьянства в условиях усиления крепостнической эксплуатации разрабатывали в специальных трудах Б. Д. Греков, И. И. Смирнов, М. Н. Тихомиров и др.[4] Истории русского города и ремесла, проблеме сложения предпосылок всероссийского рынка в XVI в., посадской политике русского правительства и классовой борьбе посадских людей посвящены работы П. П. Смирнова, С. В. Бахрушина и др.[5]

Всестороннему изучению подверглись вопросы укрепления централизованного аппарата власти в третьей четверти XVI в., особенно реформы 50-х годов XVI в. (С. В. Бахрушин и др.), и история опричнины[6]. В исследованиях П. А. Садикова обращено особое внимание на строительство нового аппарата управления в опричнине и на борьбу Ивана Грозного с крупной боярской землевладельческой аристократией. А. А. Новосельский, Н. А. Смирнов и др. в своих работах отметили ту большую опасность, которую в XVI в. представляла для Русского государства агрессия турецких и крымских захватчиков[7], и напряженную борьбу, которую пришлось вести русскому народу с этой агрессией. Советские историки убедительно показали большое значение для народов Поволжья включения их в состав Русского многонационального государства XVI в.[8]

---

[1] АФЗиХ, ч. 1. М., 1951; «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века». М.— Л., 1948.

[2] «Судебники XV—XVI веков». М., 1952; «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М.— Л., 1950.

[3] «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951.

[4] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 2, М., 1954; *М. Н. Тихомиров.* Монастырь-вотчинник XVI в. «Исторические записки», кн. 3; *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI в. М.— Л., 1951.

[5] *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории русского ремесла, торговли и города в XVI в. «Научные труды», т. I, М., 1952; *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.— Л., 1951; *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, М.—Л., 1947.

[6] *С. В. Бахрушин.* «Избранная рада» Ивана Грозного. «Научные труды», т. II, М., 1954; *И. И. Смирнов.* Судебник 1550 года. «Исторические записки», кн. 24; *Б. А. Романов.* Судебник Ивана Грозного. Там же, кн. 29; *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950.

[7] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М. — Л., 1948; *Н. А. Смирнов.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. 1., М., 1946. «Ученые записки МГУ», вып. 94; *Е. Н. Кушева.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1582 гг. «Исторические записки», кн. 34.

[8] *М. Н. Тихомиров.* Присоединение Чувашии к Русскому государству. «Советская этнография», 1950, № 3; *А. Н. Усманов.* Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.

Разработка важнейших проблем истории нашей страны XVI в. позволила советским историкам выпустить в свет обобщающие труды по истории Русского централизованного государства периода его укрепления[1], по истории столицы этого государства — Москвы[2], по истории общественной и политической мысли, классовой и внутриклассовой борьбы[3] и т. д. В этих трудах показано видное место, которое занимало Русское государство в истории Европы XVI в., выяснено значение реформ третьей четверти XVI в., направленных к укреплению Русского централизованного государства, и показана роль, которую играли в истории нашей страны этого времени трудящиеся массы — крестьянство и посадское население.

2

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ КРЕСТЬЯН

Третья четверть XVI в.— время дальнейшего распространения феодального землевладения, развития барщинного хозяйства, связанного с ростом товарно-денежных отношений в стране, и усиления эксплуатации феодально-зависимого крестьянства.

Основным занятием сельского населения в середине XVI в., как и раньше, было земледелие. К концу века оно постепенно распространяется на новые районы, раньше не производившие хлеба. Так, со второй половины XVI в. земледелие утвердилось в северной, приморской части Новгородской области[4]. Основные посевные злаки на Руси в это время были те же, что и в предшествующий период: рожь, пшеница, просо, ячмень и пр.[5] Начали встречаться специальные приспособления для орошения огородов. Так в Кирилло-Белозерском монастыре, например, прорывались в огородах специальные канавы и прокладывались водопроводные трубы[6]. Урожайность была попрежнему сравнительно невелика в связи с тем, что условием и следствием барщинного хозяйства «было крайне низкое и рутинное состояние техники...»[7]

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Иван Грозный. «Научные труды», т. II. М., 1954, стр. 256—328; *Р. Ю. Виппер.* Иван Грозный. М.— Л., 1944; *И. И. Смирнов.* Иван Грозный. Л., 1944.

[2] «История Москвы», т. I, М., 1952.

[3] *С. В. Бахрушин.* Классовая борьба в русских городах в XVI— начале XVII в. «Научные труды», т. I, М., 1952, стр. 204—236; *И. И. Смирнов.* Московское восстание 1547 г. «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 105—113.

[4] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 2, М., 1954, стр. 20.

[5] См. гл. 1, § 2 настоящего издания; «Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря, около 1553 года». «Сборник Археологического института», кн. VI, СПб., 1898, отд. II, стр. 130, 131; РИБ, т. 37, стр. 26, 29, 35, 36, 38, 62, 81, 116; «Писцовые книги Московского государства» (далее — ПКМГ), ч. 1, отд. II, СПб., 1877, стр. 297.

[6] *Н. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. I, вып. 2, СПб., 1910, стр. 108—109.

[7] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.

Полевые работы. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Система земледелия на Руси попрежнему не отличалась однородностью. Господствовавшая в центральных уездах и в Новгородско-Псковском районе паровая система хозяйства с более или менее правильным трехпольным севооборотом постепенно продвигалась в южные районы страны по мере их освоения. Трехпольная система, впрочем, еще к концу XVI в. в ряде уездов (Мосальском, Оболенском, Каширском, Орловском и др.), в условиях так называемого «дикого поля», не вытеснила переложную. Здесь зачастую на отдаленных участках земля обрабатывалась не регулярно, а «наездом», причем после снятия урожая земля забрасывалась, зарастала порослью.

На Руси в XVI в. при обработке почвы в условиях трехполья пользовались в основном сохою. Вопрос о степени распространенности тогда плуга следует считать в настоящее время открытым. Чаще всего плуг встречался в степных пространствах, да и то в наиболее передовых хозяйствах [1].

О широком распространении сохи в сельском хозяйстве свидетельствует существование в XVI в. особых ремесленников-лемешников, производи-

[1] *Д. Зеленин.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 119—126.

вших для сох лемехи (такие лемешники, например, хорошо известны в первой половине 80-х годов XVI в. в Новгороде[1]). На ярмарках сохи продавались и покупались иногда в довольно большом количестве[2].

Пастух с рожком и стадо. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Скотоводство во второй половине XVI в. получило дальнейшее распространение, особенно в северных районах страны. Писцовые книги этого времени отмечают наличие значительных сенокосных угодий, лугов в Новгородско-Псковском крае, Вологодском уезде, а также на Двине[3].

Крупные феодалы обладали значительными табунами лошадей. Так, в 1592 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре отдельные табуны насчитывали около 400 лошадей[4]. В некоторых уездах, особенно южных, наряду с лошадьми для полевых работ использовались и волы. Разводились другие виды скота — коровы, козы, бараны, свиньи и т. п. Экстенсивность скотоводства объяснялась в первую очередь тяжелыми условиями жизни основной массы непосредственных производителей того времени — крестьян.

Охотничьи и рыболовные промыслы сохраняли значение лишь в качестве подсобной отрасли народного хозяйства. Только крайние северные и южные районы почти не знали земледелия и скотоводства. Жители северо-востока, бассейна р. Печоры, Мурманского берега и северо-восточной части Терского берега занимались в основном рыбным и бобровым промыслами, солеварением и добыванием жемчуга. Свидетельством слабого развития хлебопашества на севере является резко выраженное преобладание

---

[1] *А. В. Арциховский.* Новгородские ремесла. «Новгородский исторический сборник». Новгород, 1939, вып. 6, стр. 9—10.

[2] *Н. Никольский.* Указ. соч., стр. XXXV, XXXVIII, XCII.

[3] *Н. А. Рожков.* Народное хозяйство Московской Руси во второй половине XVI века. «Дела и дни», кн. 1, СПб., 1920, стр. 49.

[4] *М. Н. Тихомиров.* Монастырь-вотчинник XVI в. «Исторические записки», кн. 3, стр. 140.

закупок хлеба над его продажей в торговом балансе Соловецкого, Никольского-Корельского и Антониево-Сийского монастырей[1]. Слабо было развито земледелие также в районах южнее Орла и Новосиля, в Тамбовском крае и верхнем течении Дона[2].

Важной отраслью крестьянского и феодального хозяйства было рыболовство. Этот вид добывающей промышленности был развит в больших и малых озерах и по течению рек. Особенно занимались организацией рыбной ловли большие монастыри-вотчинники. Получая от верховной власти жалованные тарханные грамоты на беспошлинную ловлю и провоз определенного количества рыбы, предприимчивые монахи организовывали широкую торговлю рыбой, дававшую им значительные барыши. Так, Волоколамский монастырь в XVI в. обладал правом рыбной ловли на оз. Селигере «двема неводы да пятью кереводы да десетью сетьми»[3]. Волоцкие рыболовы могли «безоброчно и безпошлинно» ловить 4000 рыб в год на Волге выше и ниже Казани «сорокью свясками»[4].

В целом хозяйство феодальной деревни середины XVI в. на Руси было натурально-замкнутым, несмотря на то, что к концу века все явственнее вырисовываются предпосылки всероссийского рынка[5]. В это время феодальное земледелие в значительной мере соединялось еще с домашними промыслами, т. е. с обработкой сырья для своего потребления, и с промыслом в виде ремесла.

В середине века в Волоколамском монастыре имелся целый штат ремесленников («мастеров»), которые получали из казны оброк (денежное и иногда натуральное довольствие) и обеспечивали необходимыми продуктами ремесленного труда монастырское хозяйство. Здесь мы встречаем кузнецов, плотников, бочаров, колесников, токарей, портных, скатертников, чулочников, сапожников и, наконец, иконников и книжников. Отдельные группы этих мастеров жили в специальных «избах» (сапожной, швалевой или портной, кочережниковой). Имелась при монастыре кузница (кузнечный дворец)[6]. В течение XVI в. товарно-денежные отношения постепенно проникают в хозяйство феодальной деревни.

* * *

В третьей четверти XVI в. произошли серьезные изменения в соотношении различных форм феодального землевладения, в результате которых значительно окрепла феодальная собственность на землю как основа

---

[1] *А. Г. Маньков*. Цены и их движение в Русском государстве XVI века, стр. 27.

[2] *Н. А. Рожков*. Указ. соч., стр. 50—51.

[3] Ср. Жалованную грамоту 1593 г. ЦГАДА, ГКЭ, Ржев, № 3/1171.

[4] Ср. Жалованную грамоту 1588 г. ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря (далее — ФИВМ), № 096/41.

[5] Об этом см. гл. 2, § 4 настоящего издания.

[6] «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», стр. 15, 17, 20, 21 и др. Подробнее об этом см. гл. 2, § 3 настоящего издания.

Работа крестьян на монастырь.
Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского» конца XVI в.
Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина

производственных отношений при феодальном строе. Крупная феодальная вотчина с развитым иммунитетом, утверждавшим известную независимость владельца, к этому времени становится все больше и больше помехой социально-экономическому развитию Русского централизованного государства. Более жизнеспособным оказалось дворянское поместье. Русское правительство, стимулируя развитие поместной системы, стремилось подчинить своему контролю владения потомков удельных княжат и бояр.

Указами 1551, 1562 гг. ярославским, стародубским, суздальским и др. служилым княжатам было запрещено без ведома царской власти продавать и отдавать монастырям свою землю помимо законных наследников. Вотчины бездетных князей, не оставивших ближнего «рода», отписывались в казну, пополняя тем самым земельный фонд, предназначенный для раздачи в поместья[1]. По указу 1551 г. княжеские вотчины, розданные незаконно по монастырям, выкупались и отдавались «в поместия»[2]. Судебник 1550 г. регламентировал право родового выкупа земель (ст. 85), являвшееся в XVI в. одним из юридических устоев, на которых покоилось могущество крупных боярских и княжеских фамилий[3].

Наконец, в середине XVI в. был нанесен еще один удар по привилегированному светскому землевладению — прекратилась выдача тарханных и несудимых грамот светским феодалам, т. е. нанесен решительный удар по иммунитету светских феодалов, являвшемуся пережитком феодальной раздробленности[4].

Эти реформы происходили в условиях развивающихся товарно-денежных отношений, когда постепенно разорялись старинные княжеские и боярские фамилии. Их владения нередко закладывались и перезакладывались, иногда просто продавались, дробились на части[5]. Но наиболее удачливые представители боярско-княжеских фамилий сумели приспособиться к новым условиям жизни. Некоторые крупные феодальные вотчины даже расширились за счет захвата черных крестьянских земель.

Не менее остро, чем проблема боярского землевладения, стоял вопрос и о судьбах землевладения церковно-монастырского. Достаточно вспомнить, что в середине XVI в. $^1/_3$ угодий, удобных для сельского хозяйства, принадлежала духовенству[6]. Вотчины отдельных монастырей достигали

---

[1] *С. В. Рождественский.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века, стр. 120—136.

[2] ААЭ, т. I, № 227, стр. 218—219.

[3] *Б. А. Романов.* К вопросу о земельной политике избранной рады. «Исторические записки», кн. 38, стр. 268—269; *И. И. Смирнов.* Судебник 1550 г. Там же, кн. 24, стр. 318—322; *Б. А. Романов.* Судебник Ивана Грозного. Там же, кн. 29, стр. 216—225.

[4] См. подробнее гл. 2, § 10 г настоящего издания.

[5] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 53—62.

[6] Hakluyt's Collection of the early Voyages, Travels and Discoveries of the English Nation, v. I, Лондон, 1809, стр. 282; ср. также *Д. Горсей.* Записки о Московии XVI века. СПб., 1909, стр. 36.

огромных размеров. В 60-х годах XVI в. вотчина Иосифо-Волоколамского монастыря состояла более чем из 30 тысяч десятин пахотной земли. Примерно тогда же Кирилло-Белозерский монастырь имел в своем распоряжении от 13 до 19,6 тыс. десятин пахотной земли с 23 селами, 3 приселками и 892 деревнями[1]. В 1562 г. в одном Переяславском уезде Троице-Сергиев монастырь располагал 13,2 тыс. десятинами пахотной земли с 25,5 селами и сельцами и 150 деревнями[2]. В таких условиях правительство Ивана Грозного в поисках земельных резервов, необходимых ему для обеспечения поместьями дворянского войска, в середине XVI в., накануне так называемого Стоглавого собора, поставило вопрос о секуляризации (т. е. ликвидации) монастырских земель и городских слобод[3].

Однако программа секуляризации церковно-монастырских земель на Стоглавом соборе 1551 г. не была принята большинством церковных иерархов-осифлян, как это случилось уже однажды и на соборе 1503 г.

Представителям духовенства во главе с Макарием удалось также значительно урезать царскую программу, касавшуюся отписки церковных слобод[4].

Потерпев неудачу в проведении основных пунктов программы секуляризации монастырского землевладения, правительство Ивана Грозного добилось лишь некоторого сокращения источников, за счет которых могло увеличиваться земельное богатство духовных феодалов. Вклады «на помин души» — один из основных источников роста монастырских богатств — не были запрещены, но была введена обязательная регистрация всех земельных сделок в Поместном приказе. Поместья и черные земли, отобранные монастырями за долги детей боярских и крестьян, должны были быть возвращены их владельцам. Правительство стояло на страже интересов дворянского землевладения.

Но все перечисленные мероприятия, вследствие энергичного сопротивления реакционной части духовенства, не решили проблемы существования основных земельных богатств духовных феодалов и не ликвидировали ряда важнейших иммунитетных привилегий, которыми эти богатства были защищены (свобода от взимания ряда косвенных налогов, судебные льготы). В 50-х — начале 70-х годов XVI в. явно обозначился значительный рост церковного землевладения[5], который свидетельствовал о настоятельной необходимости новых экстренных мер, направленных к ограничению этого землевладения и монастырских тарханов.

---

[1] Составлено по *Н. Никольскому*. Указ. соч., стр. 56.

[2] ГБЛ, Троицк. книга № 530, по Переяславлю № 171.

[3] См. подробнее гл. 2, § 8 настоящего издания.

[4] *П. П. Смирнов*. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, стр. 121. Подробнее об этом см. гл. 2, § 10г настоящего издания.

[5] См. *С. Б. Веселовский*. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.— Л., 1947, т. 1, стр. 96; *Н. Никольский*. Указ. соч., стр. 20 и др.; приложение, стр. XII и др.

XVI век был временем развития поместной системы землевладения. Мелкие и средние землевладельцы осваивали новые земли и путем усиления эксплуатации крестьянства добивались повышения доходности своего хозяйства. К середине XVI в. дворянство становится основной опорой правительства Ивана Грозного. В это время земля являлась важнейшим средством обеспечения дворянской армии[1].

Дворцовое и черное землевладение в XVI в. значительно уменьшилось в результате развития поместной системы и наступления на крестьянскую общину со стороны феодалов. Черные земли раздавались и монастырям и дворянам. Особенно больших размеров достигло расхищение общинных земель в период опричнины.

Таково в общих чертах развитие феодального землевладения в третьей четверти XVI в. На одном полюсе находилась небольшая кучка феодалов-вотчинников и помещиков, концентрировавших в своих руках основную часть земель Русского государства; на другом полюсе — масса непосредственных производителей материальных благ — крестьян, населявших эти земли и эксплуатируемых меньшинством.

* * *

История феодальной собственности на землю тесным образом связана с изменениями в формах докапиталистической ренты. Отношение собственников средств производства к непосредственным производителям составляет основу «...всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства»[2].

К середине XVI в. происходило развитие денежной ренты, появляющейся на Руси уже в конце XV в. «Под денежной рентой мы разумеем,— писал К. Маркс,— ... земельную ренту, возникающую из простого превращения формы ренты продуктами, как и она сама была, в свою очередь, лишь превращенной отработочной рентой. Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта»[3].

Черносошные крестьяне платили дань и другие поборы не отдельным феодалам, а всему феодальному государству в целом. О развитии денежной ренты на черносошных землях свидетельствуют писцовые книги[4].

На дворцовых землях в целом отмечаются те же явления, что и на черных, хотя и с некоторыми отличиями. Поскольку дворцовые земли обеспечивали государев двор хлебом и другими сельскохозяйственными

[1] Подробнее об этом см. гл. 2, § 9 настоящего издания.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 804.

[3] Там же, стр. 809—810.

[4] *И. Л. Перельман.* Новгородская деревня в XV—XVI веках. «Исторические записки», кн. 26, стр. 175; «Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.». Л., 1930, стр. 65.

продуктами, то часто дворцовые крестьяне были обязаны обрабатывать дворцовую пашню[1].

Сходные явления, характеризующие формы докапиталистической ренты на Руси в середине XVI в., встречаются и в хозяйствах духовных и светских феодалов. Наряду с рентой продуктами денежный оброк взимался в черносошных землях и в феодальных владениях[2].

Итак, в третьей четверти XVI в. на Руси происходило развитие денежной формы докапиталистической ренты. Это обстоятельство показывает уже известную степень развития товарно-денежных отношений на Руси, роста ремесленного производства и сложения предпосылок всероссийского рынка[3]. «Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного производства, а с ним и денежного обращения»,— писал К. Маркс[4]. Нельзя, конечно, преувеличивать степени распространения денежной ренты на Руси в середине XVI в., и следует помнить, что рента продуктами оставалась основной формой ренты на Руси.

Наряду с развитием денежной ренты в середине XVI в. можно отметить и новые явления, которые к концу века получат особенное значение,— это постепенное увеличение собственной запашки у феодалов и в связи с этим рост барщины. С ростом внутреннего рынка хлеб стал играть заметную роль как товар на этом рынке, в связи с чем крестьяне и землевладельцы начинали увеличивать производство товарного хлеба[5]. Еще в первой половине XVI в. в различных районах страны, особенно в вотчинах служилого люда и частично в вотчинах монастырей, встречалась господская запашка, эксплуатировавшаяся светскими феодалами, главным образом за счет труда их «людей» — полных, докладных, старинных, т. е. холопов, а духовными феодалами за счет труда кабальных и наемных людей. Однако относительные размеры этой запашки еще не были велики.

В вотчине Ю. В. Кокошкина-Глебова Дмитровского уезда, переданной им в 1543—1544 гг. в Троице-Сергиев монастырь, она равнялась 16,6% всей запашки[6]. В отдельных случаях в зависимости от местных

---

[1] ЦГАДА, ГКЭ Волок. № 36/1243; ср. сотную 1546—1547 гг., ЦГАДА, ФИВМ, № 345/13.

[2] *К. Н. Щепетов.* Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI века. «Исторические записки», кн. 18, стр. 99. В Волоколамском монастыре в 70—80-х годах XVI в., например, основной формой ренты была рента продуктами. Лишь меньшинство селений Волоколамского монастыря платило только денежный оброк (от 80 алтын до 1 рубля с выти); большинство доставляло оброк хлебом и в очень небольшой части деньгами (4 алтына).

[3] Об этом подробнее см. гл. 2, § 4 настоящего издания.

[4] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 810.

[5] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., стр. 43; *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 137—141.

[6] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 129.

условий запашка была значительной. Так, например в деревнях Николаевского Корельского монастыря (Двинского края) в 1554 г. она доходила до 66,7%[1]. Такое соотношение, конечно, существовало лишь в деревнях, расположенных поблизости от монастыря; крестьянская запашка в отдаленных владениях была больше. Признаки роста барщины заметны в хозяйствах монастырей Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Волоколамского, в хозяйстве помещиков Шелонской пятины, в Прикамье и т.п.[2]

Одним из средств увеличить барщину и было расширение площади собственной запашки. Если крупные феодалы-вотчинники имели возможность использовать для обработки собственной пашни труд так называемых «людей» купленных, полных, докладных и кабальных, то рядовое дворянство, обладавшее зачастую небольшими по размеру поместьями, такой широкой возможности не имело и в целях эффективного использования поместий прибегало к переводу на барщину своих крестьян[3].

Этот процесс был характерен не только для одной России. Во всех странах Европы к востоку от р. Эльбы в XVI в. замечается расширение площади барской запашки и переход к отработочной ренте[4]. Следовательно, Россия переживала явления, характерные и для экономической жизни Польши, Венгрии и других восточноевропейских стран. Средние и мелкие землевладельцы, возможность которых повышать оброки была ограничена уже самой тяглоспособностью крестьянского хозяйства, встали первыми на путь расширения барщины. Это ясно прослеживается на материале так называемых «послушных грамот», в которых уже с середины XVI в. появляется предписание крестьянам пахать земли помещиков[5].

Для того чтобы светским и духовным феодалам было обеспечено поступление доходов с крестьян в виде докапиталистической ренты, необходима была «...личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим...»[6] Не являясь основой феодальных отношений, внеэкономическое принуждение вместе с тем укрепляло экономическую власть помещика.

Внеэкономическое принуждение крестьян обеспечивалось в первую очередь дворянским государством, как аппаратом насилия эксплуата-

---

[1] Сб. ГКЭ, т. 1, П., 1922, № 138, стр. 136.

[2] ААЭ, т. I, № 258, стр. 283—284; *Н. Никольский*. Указ. соч., т. 1, вып. II, стр. 57; *Д. Я. Самоквасов*. Архивный материал. М., 1905, отд. II, стр. 10.

[3] *Н. А. Рожков*. Указ. соч., стр. 186—188.

[4] *Б. Д. Греков*. Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI в. «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», т. V, № 1, 1948, стр. 53, 58.

[5] «Акты Юшкова», № 185. Впервые обратил внимание на этот факт В. И. Корецкий.

[6] *В. И. Ленин*. Соч., т. 3, стр. 159.

торского меньшинства над эксплуатируемым большинством. Немаловажную роль в системе внеэкономического принуждения играл и аппарат непосредственного управления крестьянами отдельных вотчин и поместий.

Административно-служебное управление крестьянами в крупной вотчине может быть характеризовано на основании «Книги ключей» Волоколамского монастыря 1547—1561 гг. Управление селами вотчины в этом монастыре концентрировалось в руках приказчика и ключника, которые были подведомственны: первый — казначею, ведавшему монастырской казной, а второй — келарю, главному распорядителю хозяйственной жизни монастыря. Приказчику были подведомственны все административно-судебные дела в селе и «тянувших» к нему деревнях. Приказчик собирал оброки и другие подати с крестьян. Ключник распоряжался всей хозяйственной жизнью села.

В некоторых монастырях, кроме приказчиков и ключников, были еще и другие мелкие судебно-административные агенты (доводчики, праведчики и др.).

Судебно-вотчинные пошлины достигали порою больших размеров. Несмотря на то, что приказчики и ключники строго контролировались монастырскими властями, значительная часть этих пошлин ими присваивалась.

Некоторые отличия от системы управления частновладельческими вотчинами имелись в черносошных волостях. Там непосредственное управление осуществлялось выборным аппаратом (старостами, целовальниками и пр.) в основном из имущих слоев крестьянства.

Усиление крепостнической эксплуатации крестьян, и прежде всего рост барщины, потребовало укрепления власти помещиков-крепостников. Поэтому в России, как и в других странах к востоку от Эльбы, XVI век был временем развития крепостничества, тяжело отразившегося на положении различных категорий крестьянства.

В конце XV — XVI в. с усилением феодального гнета старожильцы, как тяглые люди, постепенно лишались права перехода и рассматривались крепкими тяглу[1]. Достаточно было крестьянину прожить известный срок за феодалом (ст. 88 Судебника 1550 г. — не менее пяти лет), как он становился старожильцем.

Крестьяне же, вышедшие «не в срок без отказа», в случае их розыска, возвращались их господам. В одной грамоте 1559 г. местной администрации строго было наказано, чтобы черносошные крестьяне Белозерского уезда, вышедшие «не в срок без отказу», были бы водворены на их старое местожительство, в «черные волости»[2].

Монастыри и помещики пользовались всякими средствами, чтобы удержать за собою крестьян, не допустить их выхода вообще. В одной

[1] «Акты, относящиеся к истории тяглого населения Московского государства», вып. II, Юрьев, 1897, № 7; ср. АИ, т. I, № 147; ААЭ, т. 1, №№ 163, 210, 234, 385.

[2] РИБ, т. 2, № 36, стб. 40.

челобитной 1555 г. черносошные крестьяне жаловались, что ржевские, псковские, луцкие и другие дети боярские «хрестьян деи из-за себя не выпущают, да поимав деи их мучат и грабят и в железа куют, и пожилое деи на них емлют не по Судебнику, рублев по пяти и по десяти; и отказати де их хрестьянина из-за тех детей боярских немочно»[1]. Публицист первой половины XVI века Максим Грек говорит, что если изнуренный непосильным трудом и поборами монастырский крестьянин «восхощет инде негде переселитися, не отпущаем его, увы, аще не положит установленный оброк, о нем же толика лета жил есть в нашем селе»[2]. Итак, крестьянин должен был выплатить годовой оброк прежде чем выйти на свободу. Однако выплатить этот оброк рядовому крестьянину было очень трудно и на практике перед ним стояла альтернатива: либо бежать от феодала, либо оставаться и впредь за ним — уйти от своего господина законно он, таким образом, уже не мог.

Следовательно, крестьяне-старожильцы, обязанные тяглом и попавшие в «письмо», т. е. писцовую книгу, на практике в XVI в. правом перехода не пользовались. Право выхода их детей, племянников и захребетников, не попавших в писцовые книги, было стеснено. Однако закон того времени отставал от сложившейся в течение ряда десятилетий практики. В условиях напряженной классовой борьбы середины XVI в., охватившей город и деревню (восстание 1547 г. в Москве и др.)[3], правительство Ивана Грозного не решилось на то, чтобы внести в законодательство постановления, ликвидировавшие право крестьянского перехода, т. е. сделать новый шаг по пути закрепощения крестьян, который отражал бы насущные интересы широкой массы дворянства. Но оно в ст. 88 Судебника 1550 г. повторило постановление Судебника Ивана III о крестьянском отказе, внеся в него некоторые дополнения, осложнившие крестьянский выход (введение повоза и пр.)[4].

Труд холопов, людей дворовых постепенно изживался в связи с его непроизводительностью. В середине XVI в. «люди» феодала, входившие в состав дворовой челяди, состояли из нескольких разрядов. Это были люди *старинные*, родившиеся в холопстве (ст. 76 Судебника 1550 г.). Феодал мог также получить их от своих родителей по наследству, иногда зафиксированному в духовной (тогда они назывались *духовными*), или получал в приданое (тогда они именовались *придаными*). Мог он приобрести холопов благодаря вступлению их в брачные отношения с его холопами («по робе холоп, по холопе раба» — ст. 76 Судебника 1550 г.) или захватить в бою (тогда они могли называться *полоняниками*), или просто купить, фиксируя сделку в *полной* грамоте (тогда они назывались *полными*).

---

[1] ДАИ, т. I, № 56, стр. 120.
[2] *Максим Грек.* Сочинения, ч. II, Казань, 1860, стр. 131—132.
[3] См. об этом гл. 2, § 7 настоящего издания.
[4] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 330—333; *Б. А. Романов.* Указ. соч., стр. 225—227.

С конца XV в. покупка холопов чаще всего происходила «с доклада» наместнику или волостелю, поэтому они именовались *докладными*. Довольно часто документы, оформляющие покупку холопов «с доклада» (докладные), составлялись при поступлении в сельское тиунство (ст. 76 Судебника 1550 г.).

С конца XV в., наряду с полными и докладными холопами, в актах начинают упоминаться люди *кабальные*. Полные, докладные, кабальные люди могли жить во дворе своего господина; отсюда они получали наименование *дворных* или дворовых. Могли они проживать за пределами господского двора, получая тогда прозвище *задворных*[1]; когда же они жили по деревням, то именовались *деревенскими*.

Все группы дворни по-разному использовались в хозяйстве феодалов. Основную их массу составляли *деловые люди*, часть которых, как и раньше, входила в состав дворовой челяди, т. е. поваров, конюхов, сапожников, хлебников, плотников и т. д. Но большинство деловых людей в середине XVI в. уже обрабатывало господскую пашню и именовалось страдными людьми. Высшая прослойка дворовой челяди состояла из ключников, приказчиков.

Дворня часто обеспечивалась «месячиной», т. е. помесячной выдачей натурального и, быть может, денежного довольствия[2]. К этой части дворни примыкал еще один привилегированный ее разряд — военные послужильцы, сопутствовавшие служилым людям в многочисленных походах XVI в.

Несвободные слуги до середины XVI в. нередко получали землю в условное держание от своих господ. Случалось, что по завещанию феодал передавал целые деревни своим слугам, которые, таким образом, могли сами стать землевладельцами. Так было, например, в 1560 г., когда окольничий С. Д. Сабуров завещал своему человеку Оксену дер. Мелехову Костромского у.[3] Совершенно ясно, что подобные слуги, если и происходили от несвободных людей, переставали по существу быть холопами. Этот факт, хотя и с запозданием, но постепенно начинал отмечаться в законодательстве.

Сельский ключник по Судебнику 1550 г. переставал быть холопом (городской не был им уже по Судебнику 1497 г.), если его отношения не оформлялись специальной докладной грамотой (ст. 76). Не только ключники, но и вообще слуги-тиуны, отношения которых не были оформлены полной или докладной грамотой, переставали быть холопами. Слуги

---

[1] Ср. *В. Г. Гейман*. Несколько новых данных, касающихся истории «задворных людей». «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 43.

[2] См. «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России», изд. Н. Калачевым, кн. III, СПб., 1861, отд. II, стр. 27 и др.

[3] *Н. П. Лихачев*. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895, стр. 46, 47.

Иосифо-Волоколамского монастыря, получавшие «ключ» в монастырских селах в 1547—1561 гг., были уже свободными, а не холопами [1].

Социально-экономическое положение людей страдных, обрабатывавших господскую пашню, уже не было похоже на положение обычных холопов. Они часто наделялись средствами производства, имели принадлежащее им движимое и недвижимое имущество — «собину» или «данье» от господина, в состав которых входил и рабочий скот, взятый иногда под условием уплаты господину оброка [2]. Бывали случаи, когда вотчинник умирая передавал своим деловым людям ту землю, которую они раньше обрабатывали на господина. Сажая своих людей на землю, наделяя их средствами производства, вотчинник тем самым содействовал превращению их в феодально-зависимых крестьян. Сокращение применения рабского труда в хозяйстве феодалов выражалось также и в хорошо известном уже с XV в. факте отпуска холопов на свободу, получившем особенно широкое распространение к середине XVI в. Формула: «А что мои люди полныя и кобальные — все на свободу»,— обычно встречается в духовных грамотах феодалов середины века [3].

Церковно-монастырские хозяйства, также отказываясь от применения труда холопов, постепенно начинали к середине XVI в. все больше использовать наем свободных людей; так было, например, в хозяйстве Новгородского Софийского дома, где наемные люди обрабатывали барское поле, занимались рыбной ловлей и т. д. [4]

Законодательство середины XVI в., отражая факт изживания рабского труда на Руси, рядом установлений сокращало источники полного холопства.

В ст. 76 Судебника 1550 г. четко отмечено, что дети, родившиеся до поступления их родителей в холопство, «не холопи». По ст. 81 Судебника 1550 г. было запрещено принимать в холопы служилых детей боярских и их детей, «опричь тех, которых государь от службы отставит» [5]. В 1559 г. введена смертная казнь господину и дьяку, если они составят подложную крепость на вольного человека. Указом 15 октября 1560 г. было запрещено идти в холопы должникам даже при их желании [6].

---

[1] См. «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», стр. 17, 22, 31 и др.

[2] ЦГАДА, ФИВМ, № 397/XIV, 1562—1563 гг.; ЦГАДА, ГКЭ, Волок. № 72/2468, 1579—1580 гг.; № 62/2458, 1567—1568 гг.; ср. ФИВМ, № 464/XIV, 1545 г.

[3] ЦГАДА, ГКЭ, Дмитров. у. № 78/3790, 1550—1551 гг. Старицкий у. № 16/11656, 1554—1555 гг.; Волок. у. № 62/5458, 1567—1568 гг. и др.

[4] *Б. Д. Греков.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. ЛЗАК, вып. XXXIII; Л., 1926, стр. 229 и др.

[5] Ср. один из случаев похолопления служилого человека. «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 147.

[6] *В. Н. Татищев.* Судебник. СПб., 1768, стр. 18, 35—36; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. III, СПб.— Киев, 1889, стр. 26—27.

Кроме отпуска на свободу холопов и ограничения источников холопства, рабство изживалось на Руси путем выделения в конце XV в. кабальных людей из состава полных холопов[1]. Обедневшие люди, поступая в кабальную зависимость к феодалам, входили в состав их дворовой челяди, жили «во дворе», часто сажались на землю и должны были «земля пахати и огороды разгородити и всякое дело пашеное делати»[2], постепенно превращаясь в крепостных крестьян. Кабальный человек был больше заинтересован в труде, чем полный холоп; у него имелась хотя бы иллюзорная перспектива выхода из положения зависимости. Поэтому феодалы предпочитали в середине XVI в. держать в своих дворах кабальных людей, а не полных и докладных холопов.

Однако эти перемены в положении отдельных прослоек дворовой челяди далеко не всегда отражались в законодательстве середины XVI в. Несмотря на то, что процесс изживания холопства на Руси неуклонно шел к замене полного холопства отношениями по служилой кабале, ст. 78 Судебника 1550 г. категорически устанавливала «имати им кабалы на вольных людей, а на полных людей и на докладных и на старинных холопей кабал не имати». Допуская переход крестьянина в холопы, статья тем самым препятствует ясно обнаруживающейся тенденции вытеснения старых видов холопства[3] (ср. ст. 88). Ясно, что ст. 78 соответствовала в первую очередь интересам феодальной знати, имевшей в своем распоряжении значительное число полных холопов. Поэтому понадобились специальные законы 1586 и 1597 гг., чтобы внести в правовое положение кабальных людей решительные перемены[4].

Монастыри-вотчинники, не имевшие права держать холопов, использовали в своих хозяйствах труд так называемых детенышей (или «детей деловых»), по своему положению приближавшихся к кабальным людям[5]. Детеныши обычно получали вперед на год денежный оброк, называвшийся иногда «наймом»[6], т. е. определенную сумму (обычно 4 гривны), которую они должны были отработать своим трудом. Чтобы закрепить пребывание детенышей за монастырем, была создана сложная система поруки: если детеныш досрочно уходил или убегал, поручник возвращал в монастырь взятые детенышем деньги.

Кроме платы деньгами, детеныши получали и натуральное довольствие, в том числе «шубы», «сермяги», «сапоги», «рубашки» и «рукави-

---

[1] См. подробнее гл. 1, § 2 настоящего издания.

[2] *В. Г. Гейман.* Несколько новых документов, касающихся истории сельского населения Московского государства XVI столетия. «Сборник Российской Публичной библиотеки», т. II, вып. 1, Пг., 1924, №№ 2, 4, 5.

[3] *Б. А. Романов.* Указ. соч., стр. 226—227.

[4] Об этом см. гл. 3, § 2 настоящего издания.

[5] *В. Г. Гейман.* Указ. соч., № 12, стр. 13, 14.

[6] В древней Руси «наймом» же называлась «лихва», проценты с долга; ср. *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 1, стр. 170; *Н. Тимофеев.* Крестьянские выходы конца XVI века. «Исторический архив», т. II, М. — Л., 1939, стр. 68.

цы»[1]. Жили они обычно в самом монастыре на «детином дворце» (или в детиной избе) и находились под контролем специально приставленного к ним слуги, но могли жить и по селам.

Детеныши в монастырях производили ту же работу, которую в хозяйствах светских феодалов выполняли «деловые люди», т. е. обрабатывали пашню владельца[2]. Из детенышей вербовались многочисленные истопники, дворники, повара, «мастера» — ремесленники, обслуживавшие различные отрасли монастырского хозяйства.

Детеныши в подавляющем большинстве своем происходили из крестьян подмонастырских сел и деревень[3]. Если формально детеныши, отработав год, могли уйти, то по существу они были лишены этой возможности. Получив денежный оброк в виде задатка, они к концу срока службы снова вынуждены были идти в кабалу, поскольку в большинстве своем они собственного хозяйства, а отсюда и средств для своего обеспечения не имели.

В «Книге ключей» Волоколамского монастыря зарегистрирована выплата оброков за 13 лет (1547—1559). Ежегодно за монастырем числилось около 50 детенышей. Примерно половина из этого числа служила, даже по имеющимся отрывочным данным, не менее десяти лет. «Перехожие» детеныши из «гулящих» людей — казаков представляли собою явление довольно редкое. Появление детенышей как группы зависимых людей в русских монастырях XVI в. свидетельствовало о разорении крестьянства, ухудшении его материального благосостояния. Задавленные феодальными повинностями крестьяне вынуждены были сами идти в кабалу или отдавать в кабалу своих детей.

В XVI в., как и в более раннее время, крестьяне, в первую очередь старожильцы, входили в общины-волости, где они были связаны целой системой взаимных обязанностей. Лучше всего жизнь крестьянской общины-волости отражают материалы, относящиеся к истории Северного края (Новгорода, Двины и Белоозера). К XVI в. общинные земли даже на черносошном севере все более и более расхватываются феодалами. В связи с мобилизацией земельной собственности, концентрацией земель у крупных феодалов и обезземеливанием черносошных крестьян, на севере Руси в XVI в. развивалась крестьянская аренда. Волостные люди — общинники на определенный срок нанимали землю за известную плату («празгу»).

В середине XVI в. все больше проявляется имущественное расслоение крестьян на «лутчих», «средних» и «молодчих». Из состава крестьянской общины выделялось некоторое число богатых крестьян, которые имели

---

[1] «Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря, около 1553 года», стр. 127, 134 и др.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Монастырь-вотчинник XVI в., стр. 144.

[3] «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», стр. 13, 69.

подчас значительный запас денежных средств[1]. Так, например, один из крестьян Ивановской волости — Семен Филиппов дал в конце 70-х годов XVI в. вклад в Волоколамский монастырь деньгами и хлебом на 40 рублей с полтиною. Крестьянин Балашковской волости Иван Пестрой в 60-х годах XVI в. дал 17 рублей деньгами и «кабалу» за 3 рубля[2]. Некоторые из крестьян, связанные с торгово-промышленной деятельностью, превращались в предпринимателей-купцов[3]. «Лутчие» крестьяне занимали важнейшие выборные должности в волости — сотских, десятских, пятидесятских, старост и целовальников. Они захватывали основную часть волостных земель[4].

Развитие товарно-денежных отношений в стране приводило к пауперизации и обезземеливанию части крестьянства. Уже в конце XV в. в результате имущественного расслоения деревни, роста внутреннего рынка и усиления податных требований государственной власти на Руси появляются *бобыли*, среди которых, надо предполагать, были и батраки. К середине XVI в. в связи с обеднением крестьян и усилением их феодальной эксплуатации бобыльство становится все более заметным явлением в жизни русской феодальной деревни. Как правило, в середине XVI в. бобыли еще не были прикреплены к определенному участку земли, а зачастую просто являлись непашенными людьми. Среди бобылей нередко встречались кузнецы и другие мастеровые и торговые люди.

Процесс обезземеливания крестьянства в середине XVI в. проявляется также в развитии еще одного разряда зависимого населения — *новоприходцев*. Новоприходцы — это обедневшие обезземеленные крестьяне, вынужденные искать «пристанища» у богатого хозяина, феодала. Обычно они заключали с господами договоры, согласно которым вступали в сеньориальную зависимость. До середины XVI в., очевидно, эти договоры по большей части были устными[5], но во второй половине XVI в., в связи с усилением крепостнического гнета, складывается и развивается порядная, оформлявшая превращение свободного человека в зависимого. Новоприходец, так же как и половник, брал подмогу на обзаведение. В течение первого года после заключения порядной он вовсе не платил господину оброка или платил его «вполы», в уменьшенном размере. За эту льготу и подмогу новоприходец обязан был «деревня розпахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити», как говорилось в одной порядной 1576 г.[6] Если он эти обязанности выполнял недостаточно

---

[1] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 122.

[2] *А. А. Титов.* Вкладные и записные книги Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. М., 1906, стр. 86, 94, 104.

[3] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVI вв. Пермь, 1927, стр. 224—225.

[4] *А. И. Копанев.* Куростровская волость во второй половине XVI в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 146.

[5] *М. Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, стр. 75.

[6] АЮ, № 178, стр. 196.

усердно или вообще не выполнял, то он должен был уплатить «заряд» — неустойку, достигавшую иногда значительной суммы (5—10 рублей)[1]. По истечении льготных лет новоприходцы сливались с основной массой крестьян-старожильцев, выполняли барское «зделье» (работали на пашне), платили оброк и тянули государево тягло. Новоприходцы, желавшие уйти от феодала до истечения льготных лет, должны были вернуть «подмогу» и заплатить «пожилое» с «повозом» по таксе, предусмотренной ст. 88 Судебника 1550 г.: если крестьянин жил за феодалом 1 год, то он платил $1/_4$ пожилого и повоза, за 2 года уплачивал $1/_2$ суммы, за 3 года — $3/_4$ суммы, а если жил четыре года, то платил полную стоимость пожилого и повоза[2], т. е. рубль и два алтына «в полех за двор» и в два раза меньше, если двор находился «в лесех». Новопорядчики представляли большой интерес для землевладельцев, хозяйство которых не было обеспечено в достаточной степени рабочими руками. Крупные вотчинники, как, например, новгородский владыка, имели в своем распоряжении особых специалистов «окладчиков», привлекавших и переманивавших крестьян от других феодалов, ссужая им в долг денежные суммы, которые те должны были заплатить своим прежним хозяевам[3]. Вербовка крестьян принимала особенно широкие размеры в ноябре, перед Юрьевым днем (26 ноября старого стиля), когда по Судебнику разрешен был крестьянский переход.

По социальному положению новоприходцев напоминают северо-русские половники. Развитие половничества в XVI в., особенно на севере Руси, где мобилизация крестьянских земель достигала значительных размеров, также связано с ростом обезземеливания крестьян. Не имея достаточных средств для поддержания собственного хозяйства, лишенный земель, достаточных для прокормления своей семьи, крестьянин поряжался к феодалу на условиях работы «исполу», будучи вынужден отдавать значительную часть урожая своему господину. Такой крестьянин-половник обрабатывал господскую пашню своими средствами производства («на конех на своих, и снасть всякая дровяная наша половничья»)[4]. Могли половники поряжаться и с условием эксплуатации рыбных угодий[5]. Заключая порядную на известный срок (обычно от 3 до 5 лет), половник мог в той или иной мере привлекаться, наряду с другими крестьянами, к отбыванию государева тягла[6]. Положение половника было тяжелым, он платил господину значительную часть всего урожая; в 50—70-х годах XVI в. обыкновенный крестьянин на севере России доставлял землевладельцу и государству в общей сложности около 30% своего

---

[1] АЮ, №№ 183, 186 и др.

[2] Если жил пять и больше лет, то он, становясь старожильцем, платил столько же, сколько и за четыре года жизни у господина.

[3] *Б. Д. Греков.* Юрьев день и заповедные годы. «Известия АН СССР». Л., 1926, № 1—2, стр. 67—84.

[4] РИБ, т. 12, стб. 140.

[5] АЮ, № 176, после 1547 г., стр. 195.

[6] *М. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 158—160.

валового дохода[1]. Нуждаясь в рабочих руках, северные монастыри и помещики стремились привлечь половников на свои земли разными способами, в том числе выдачей «подмоги» хлебом и ссуды деньгами на обзаведение, которые должны были им возвращаться. После того как кончался указанный в условиях поряда срок пребывания у хозяина, половники могли уйти, погасив свою задолженность. Обычно же они возобновляли условия поряда, оставаясь в положении временно зависимых крестьян, или превращались в старожильцев[2].

Таковы важнейшие разряды зависимого населения, составлявшего основную массу непосредственных производителей материальных благ в феодальной деревне середины XVI в. Условия их жизни были чрезвычайно тяжелыми и постепенно ухудшались. Это выражалось прежде всего в сокращении черных крестьянских земель в результате захвата их феодалами и распространения поместного землевладения и в уменьшении величины наделов зависимых крестьян за счет развивающейся барской запашки.

Наряду с сокращением крестьянских наделов, уже с середины XVI в. происходит увеличение повинностей крестьян, выражавшееся, в частности, в развитии барщины, в переводе натуральных поборов на деньги и т. д. Кроме поборов в пользу феодала, с крестьян взимались различного вида подати, шедшие в пользу феодального государства.

Рост эксплуатации крестьян делал их положение крайне тяжелым. На севере Руси, в центральных районах уже в 50—70-х годах XVI в. крестьяне не могли прокормить себя одним земледелием и вынуждены были искать подсобных занятий для добывания средств, необходимых, чтобы расплатиться с феодалами. Побывавший на Руси в 70-х годах XVI в. Д. Принц свидетельствовал, что крестьяне жили очень бедно, довольствовались одним черным хлебом, продавая другие земледельческие продукты и скот[3].

Увеличение экономического гнета, ложившегося на плечи трудового крестьянства, в середине XVI в. сопровождалось усилением внеэкономического принуждения. Положение крестьянства резко ухудшалось в годы неурожаев, которые приводили к голодовкам и большой смертности. Недороды, в значительной степени порожденные рутинным состоянием сельскохозяйственной техники и тяжелыми условиями жизни крестьянства, превращались в страшные народные бедствия.

Все это приводило к резкому обострению классовой борьбы в стране, особенно ярко проявившейся в восстании 1547 г. в Москве, в крестьянских побегах и т. п.[4]

---

[1] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси., в XVI в., стр. 264, 265; ср. *С. Г. Струмилин.* К истории земледельческого труда в России. «Вопросы экономики», 1949, № 2, стр. 51.

[2] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 146—147.

[3] *Д. Принц.* Начало и возвышение Московии. «Чтения ОИДР», 1876, кн. IV, отд. 7, стр. 71.

[4] См. подробнее в гл. 2, § 7 настоящего издания.

3
РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ В ДОБЫВАЮЩЕЙ И ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Развитие ремесла во второй половине XVI в. характеризуется дальнейшим совершенствованием техники, орудий производства и производственных навыков мастеров; вместе с тем усиливается дифференциация ремесленных специальностей.

Развивается техника и в сельских промыслах. К концу XVI в. относится специальная письменная инструкция по солеваренному делу — «Роспись как зачат делат новая труба на новом месте». Из нее узнаем, что для бурения скважин устраивались вышки — копры до 18-ти метров высотой. На этих вышках укреплялись блоки и иные приспособления для ударно-вращательного бурения. Верхние слои почвы проходили колодцами, затем скважину углубляли буравами до нужной глубины (иногда до 160 метров) и опускали в нее тщательно проконопаченные трубы; через трубы нагнетали воду и выкачивали рассол, после выпаривания которого и получали столовую соль[1].

В доменном деле — производстве железа — в рассматриваемый период имели место значительные усовершенствования процесса. На крупных предприятиях для дробления руды, раздувания мехов, а также для проковки криц использовались водяные колеса, приводившие в движение песты, рукояти мехов, молоты[2].

Ведущую роль в развитии ремесленной техники в стране играл город. Среди городских ремесел попрежнему выделялись ремесла, связанные с обработкой металла. Во второй половине столетия выделилась новая разновидность бронников — кольчужники, занимавшиеся специально выделкой брони из металлических колец (ранее производство кольчужной брони не выделялось из бронного дела). Эта профессия не отражена в актах того времени, но о ней стало известно, благодаря находке в Москве в районе Котельнической набережной надгробья некоего Григория Дмитриева, сына кольчужника, 1596 г.[3] Здесь, в Старой Кузнецкой слободе, был один из центров металлообрабатывающего ремесла Москвы. Кольчуги издавна делались русскими мастерами с величайшей тщательностью и были распространены как защитное вооружение еще и в конце XVI в., несмотря на значительное развитие огнестрельного оружия. Правда, стрельцы кольчуг уже не носили, но дворянское войско их употребляло.

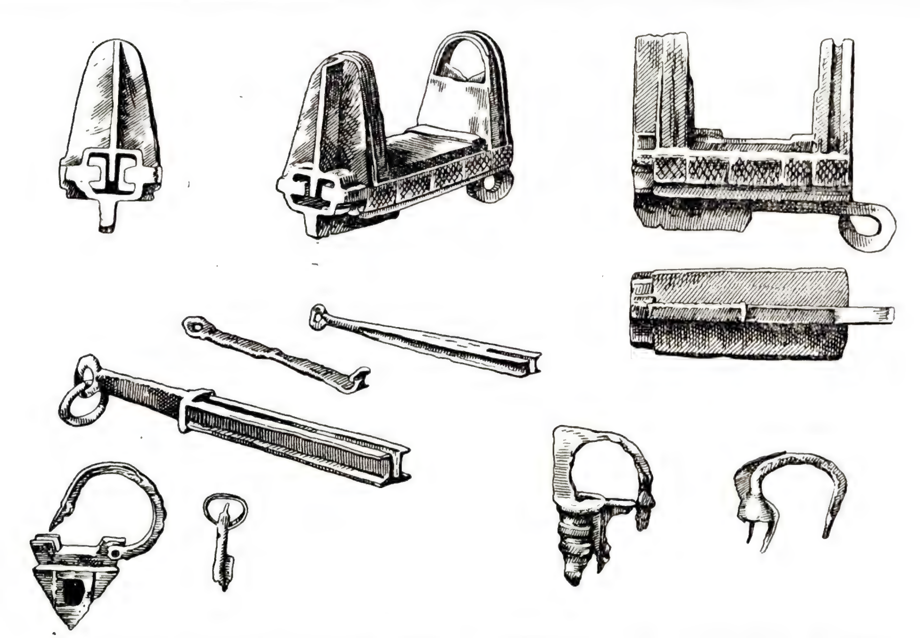
Хорошие кольчуги очень ценились и имели иногда свою чрезвычайно интересную судьбу. Так, среди коллекций Московской Оружейной палаты есть кольчуга с небольшой медной бляхой, на которой имеется надпись:

---

[1] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 572—575.

[2] Там же, стр. 546.

[3] *М. Г. Рабинович.* О производстве оружия в Москве и ремесленных слободах за Яузой. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. V, № 4, М., 1948, стр. 372—375.

Пружинные замки с ключами XVI в., найденные при раскопках ИИМК и Музея истории и реконструкции Москвы под руководством М. Г. Рабиновича в Зарядье (Москва).

Музей истории и реконструкции Москвы

«Князя Петров Ивановича Шуйскова»[1]. Эта кольчуга принадлежала боярину и воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому, который погиб в 1564 г. во время Ливонской войны. Предполагают, что Иван IV послал ее впоследствии в подарок Ермаку и что Ермак утонул именно в этой кольчуге. В 1646 г. кольчуга была захвачена русскими воеводами в одном из сибирских татарских городков и снова возвращена в царский арсенал[2]. В г. Орше найдена замурованная в стену здания в XVI в. кольчуга московской работы. На ее кольцах выбиты русские надписи (преимущественно религиозного содержания), среди которых встречается и имя владельца — известного русского военного деятеля дьяка И. Г. Выродкова.

Металлообрабатывающие мастерские концентрировались обычно в городах, в определенных (и притом немногих) местах на окраинах. Местонахождение кольчужного производства в Кузнецкой слободе Москвы характерно. В Переяславле Залесском в 1595 г. все 38 кузниц располагались на посаде за торгом[3]. Механизация кузнечного производства во второй половине XVI в. продвинулась далеко. Помимо указанного ранее оборудования кузниц, в это время применялись и механические молоты — «самоковы». Такой самоков упомянут в 1583 г. в грамоте о разделе имущества между Семеном и Максимом Строгановыми. Он весил, очевидно, 17 пу-

[1] «Опись Московской Оружейной палаты», ч. III, кн. II, М., 1884, стр. 55, № 4466.

[2] *С. В. Бахрушин.* Кольчуга князя П. И. Шуйского. «Сборник Оружейной палаты». М., 1925, стр. 118—124.

[3] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI в., стр. 266.

Кольчуга дьяка И. Г. Выродкова (на кольцах вырезана надпись. «Дьяк Иван Григорьевич Выродков»), середина XVI в.
Государственный Исторический музей

дов и приводился в движение водой, как водяная мельница. Сами кузнечные мастерские достигали очень больших размеров. В 1601 г. в Кирилло-Белозерском монастыре была кузница с 7 горнами и 7 наковальнями [1], в которой работало, стало быть, не менее 14 кузнецов и молотников.

Высокого развития достигло литье цветных металлов; как и раньше, наибольшее значение имело крупное литье из меди и бронзы.

Важнее всего для государства было литье пушек, и в этой области во второй половине XVI в. были созданы выдающиеся по качеству изделия. Главным центром литейного производства был московский Пушечный двор, имевший к тому времени уже многолетние традиции и сложившуюся школу

[1] *Б. А. Колчин.* Обработка железа в Московском государстве в XVI в. Материалы и исследования по археологии», № 12, М., 1949, стр. 204.

русских мастеров. На древнейших планах Москвы имеется на левом берегу р. Неглинной его изображение в виде огражденной частоколом территории с большой конусообразной каменной башней в центре и другой такой же, но меньших размеров. Очевидно, это были производственные помещения[1]. В конце XVI в. русских мастеров-пушечников возглавил самый замечательный литейщик своего времени Андрей Чохов, длительное время работавший на московском Пушечном дворе. Отлитые им пушки поражают пропорциональностью частей, точностью расчета, красотой оформления. Это были, во-первых, пушки в собственном смысле этого слова — дававшие пологую траекторию полета ядра, и, во-вторых, мортиры, бившие навесным огнем. Они отливались каждая в особой форме по восковой модели. Поверхность пушек украшалась замысловатым орнаментом и надписями, содержавшими имя царя, имя мастера и дату изготовления пушки. На дульной части обычно помещалось изображение, по которому давалось индивидуальное название пушке (например, волк, лисица, медведь, девка, Ахиллес, дедок и т. п.). На одной из пушек, отлитой Андреем Чоховым в 1586 г., изображен сидящий на коне царь Федор Иванович. Это и есть знаменитая «царь-пушка», поражавшая своими размерами не только современников Чохова, но и людей, живших на три-четыре столетия позже. Вес ее 40 тонн, т. е. свыше 2400 пудов, диаметр канала ствола («калибр») 89 см. Долгое время считалось, что пушка эта никогда не стреляла и не могла стрелять, так как для выстрела огромным зарядом стенки ее слишком тонки. Думали, что она была отлита Чоховым просто как образец литейного мастерства и «на страх врагам». Однако недавние изыскания подтвердили возможность боевого использования «царь-пушки»[2]. Она и сейчас украшает Кремль, как памятник боевой славы русского оружия. Из других мастеров пушечников конца XVI в. следует назвать также Кузьму Первого[3] и упомянутых уже Богдана и его ученика Пятого. Само появление таких прозвищ мастеров, как «Первой», «Пятой», показательно для развития крупного ремесленного производства, где работало одновременно множество мастеров. О продукции московского Пушечного двора, об огромном количестве прекрасных пушек, каких «не имеет ни один из христианских государей», неоднократно свидетельствовали иностранные путешественники[4].

Большого совершенства в обработке цветных драгоценных металлов достигли русские ювелиры — «серебреники». Обслуживая повседневные нужды городского населения, они жили в большом количестве во всех больших и малых русских городах. В Новгороде их было 222 человека, в Пскове — более 100, в Казани — 13, в Можайске — 7 и т. д.

---

[1] См., например, Годуновский чертеж Москвы. Обозначение № 2. «История Москвы», т. I, М., 1952, вклейка, стр. 256.

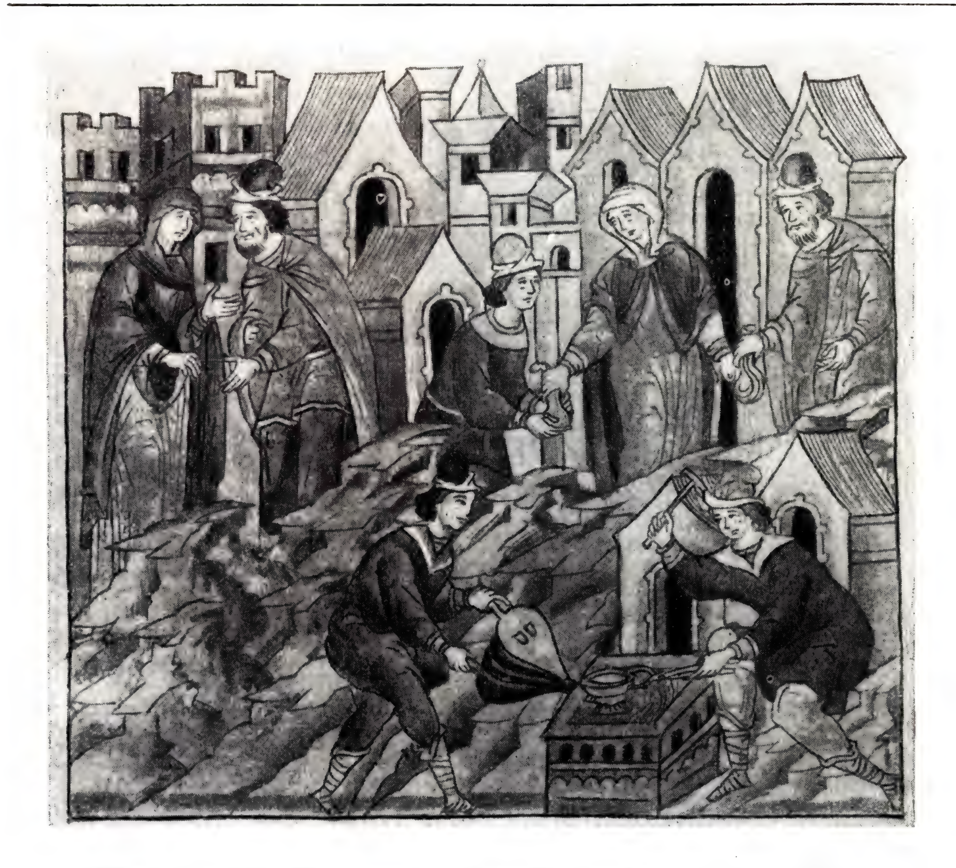
[2] *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники. М., 1949, стр. 63—64.

[3] «Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества» (далее ЗОРСА), т. 1, СПб., 1851, стр. 38.

[4] См. *Д. Флетчер.* О государстве русском. СПб., 1905, стр. 70.

Царь-пушка в Московском кремле. Мастер Андрей Чохов, 1586 г.

Работа кузнецов. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В Новгороде лавочные книги отмечают и специализированные профессии серебряников — сережечников, колечников, ожерельников[1]. Они производили как дорогие золотые украшения для городской знати, так и дешевые из листового серебра, меди и бронзы. На псковском торгу серебряный ряд, где торговали серебряники, был одним из самых больших. Он насчитывал 140 лавок[2]. Русские ювелиры достигли большого искусства в филигранной работе, художественном литье, чеканке, черни, позолоте. До нашего времени сохранились некоторые шедевры ювелирной работы, изготовленные в конце XVI в. Прежде всего следует назвать так называемую казанскую царскую шапку[3], изготовленную московскими мастерами по заказу Ивана IV для Симеона Бекбулатовича, казанского царевича. Шапка представляет собой образец сочетания различных приемов ювелирных работ — скани, черни, чеканки, резьбы и украшения драгоценными камнями.

---

[1] *А. В. Арциховский.* Новгородские ремесла. «Новгородский исторический сборник», вып. 6, Новгород, 1939, стр. 8.

[2] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 130—134.

[3] «Опись Московской Оружейной палаты», ч. 1, М., 1884, № 65, стр. 28—29.

Образец ювелирной отделки книжного переплета XVI в. «Кормчая» боярина Г. В. Годунова.
Государственный Исторический музей

Известны и другие драгоценные изделия московских ювелиров — цепи, кресты, церковная и столовая утварь, переплеты богослужебных книг.

Наряду с ювелирной работой по металлу в Москве высокого развития достигают другие тонкие ремесла, среди которых особенно выделяется искусство резьбы по кости и дереву. Образцом этой работы являются рельефы, украшающие царское место в Успенском соборе, выполненные в 1551 г. Официальным сюжетом этих изображений является «житие» Владимира Мономаха. На самом же деле здесь изображены сцены из русской жизни XVI в.— заседание Боярской думы, сражения и т. п.[1]

Растущее значение царского двора вызывало необходимость в постоянном пополнении его обихода разнообразными предметами роскоши. Для этого уже в середине XVI в. в Москве создается Оружейная палата[2], которая с самого начала являлась не только дворцовым арсеналом, хранилищем оружия, но и производственной мастерской, где делались дорогое оружие, драгоценная утварь, царские регалии и т. п. Впоследствии Палата выросла в целый приказ с очень обширными функциями, объединявший множество мастеров различных профессий — от оружейников в собственном смысле этого слова и ювелиров-серебряников до знаменщиков и иконников.

Источники конца XVI в. сохранили имена ряда мастеров-серебряников, получавших царское жалованье. Таковы Василий Белой, Степан Дмитриев, Нечай Ильин, Булгак и Иван Лисицыны, Иван и Лашук Лопухины, Никита Макаров, Некрас Михайлов, Исидор и Федор Никитины,

---

[1] *И. Е. Забелин.* О царском месте Успенского собора. М., 1850.

[2] «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 55; см. также *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стр. 350.

Образец работы сканью и финифтью — деталь серебряного оклада, сделанного по заказу Н. Строганова в Сольвычегодске в 1598 г.

Государственный Исторический музей

Золотое чеканное с чернью блюдо Ивана IV, 1561 г.

Оружейная палата

Третьяк Отсафьев, Иван Островенский, Ратман Степанов, Василий Юрьев и др.[1]

Развернутая строительная деятельность русского правительства во второй половине XVI в. требовала большого количества специалистов. Для руководства всеми строительными работами, ведшимися в разных концах страны, в 1583 г. были учреждены Городовой приказ и Приказ каменных дел, первыми крупными работами которых были строительство Белого города в Москве, каменных кремлей в Астрахани (1587—1588), Казани (1593—1594) и Смоленске (1596—1602). Смоленский кремль был прозван «дорогим ожерельем земли русской». На строительство одного только смоленского кремля пошло 100 миллионов штук кирпича, несколько сот тысяч пудов полосового железа и множество других строительных материалов. Для этих колоссальных работ было мобилизовано по всей стране 6 тысяч строительных рабочих и 3 тысячи подвод для подвоза материалов [2]. Руководил строительством знаменитый русский мастер-горододелец Федор Савельев по прозванию Конь. Все частные и монастырские кирпичные предприятия в районе Смоленска были специальным указом «отписаны на государя», т. е. взяты в казну. Из русских мастеров-горододельцев летописи упоминают еще Михаила Вельяминова и дьяка Дея Губастого, строивших в Астрахани кремль из материалов разобранных зданий бывшей татарской столицы Сарая. Каменное строительство велось усовершенствованными методами, по деревянным моделям зданий, заранее изготовленным [3].

Глиняный сосуд (корчага) XVI в., найденный в Москве при прокладке метро.

Государственный Исторический музей

Большой масштаб строительных работ по всей стране потребовал и известной унификации строительного материала. Кирпич на казенных заводах делался единого размера, примерно 31×13×9 см (7×3×2 вершка). Это так называемый «государев большой» или «большемерный»

[1] ДАИ, т. 1, № 131, стр. 202, 210. См. также ЗОРСА, т. 1, стр. 28—41.

[2] «История русской архитектуры». М., 1951, стр. 85.

[3] *О. А. Яковлева.* Материалы для истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII в. «Известия АН СССР. Отд. технич. наук». М., 1951, № 4, стр. 620, 621.

Постройка деревянной городской стены. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

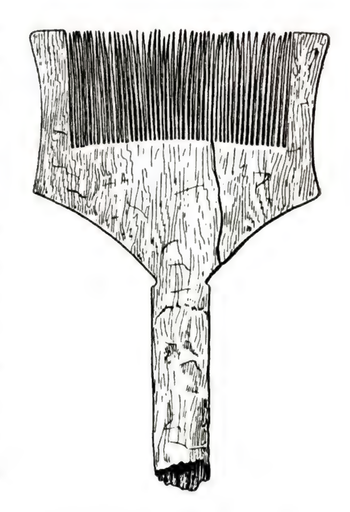
кирпич, применявшийся в русских постройках до самого XVIII в. Нередко он имеет на себе клеймо в виде государственного герба — двуглавого орла. Казенные каменщики, кирпичники и плотники в большем или меньшем количестве селились почти во всех городах. Очевидно, они и должны были выполнять необходимые строительные работы. Но было и множество ремесленников из тяглых черных людей, производивших строительные материалы и ведших строительные работы.

Каменщики и каменосечцы занимались обработкой белого камня и постройкой из него. Но, как уже говорилось выше, с конца XV— начала XVI в. белый камень постепенно вытесняется из строительной практики более прочным и удобным для работы материалом — кирпичом. Одним из наиболее ценных качеств белого камня была его мягкость, благодаря которой на камне легко было вырезать разнообразные узоры. Резные белокаменные украшения фасадов в виде орнаментального пояса были излюбленными в русской архитектуре. Но в XVI в. русские мастера нашли более удобный материал.

Орнаментальные пояса на фасадах зданий стали выполняться из терракотовых изразцов, первоначально повторявших узор, излюбленный в белокаменном строительстве. Выгода была очевидна, так как изразцы оттискивались в деревянных или глиняных формах и достаточно было сделать форму один раз, чтобы изготовить с ее помощью множество изразцов. Так возникло производство рельефных изразцов, ставшее одной из основных отраслей гончарного ремесла. Изразцовые архитектурные детали («красные» — терракотовые, реже — поливные изразцы) встречались в зданиях конца XV и XVI в. в Москве, Александровской слободе, Старице, Дмитрове, Угличе[1]. Изразцами стали украшать не только фасады, но и внутренние помещения зданий. В конце XVI — начале XVII в. непременной частью убранства парадной комнаты в каждом богатом доме была печь, облицованная терракотовыми «красными» изразцами,

[1] *А. В. Филиппов*. Древнерусские изразцы, т. 1, М., 1938, стр. 26—27.

каждый из которых имел в то время особый сюжет. Производством изразцов славилась гончарная слобода Москвы. Развито было оно и в Ярославле. Выше уже говорилось о кирпичных заводах, где работали в основном кирпичники. Но и мастерские гончаров и горшечников, производившие рядовой гончарный товар — посуду, игрушки и т. п., достигали в конце XVI в. уже значительных размеров. По археологическим материалам прослеживается процесс укрупнения предприятий гончаров. Открытая при раскопках в московской Гончарной слободе мастерская XVI—XVII вв. имела три небольших горна обычной конструкции, обращенных топками к одному месту так, что их мог топить один человек[1].

Деревянный резной гребень прялки XV в. Найден в Москве в Зарядье во время раскопок под руководством М. Г. Рабиновича

Музей истории и реконструкции Москвы

По этнографическим данным известно, что рядовые кустари-гончары еще в XIX в. обычно пользовались сообща одним горном.

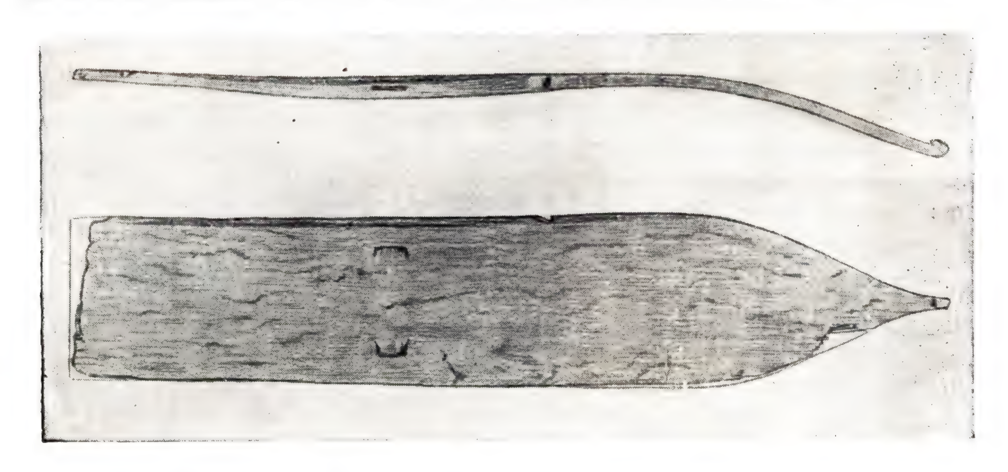
Стало быть, мастерская XVI—XVII вв. намного превосходила по своему масштабу мелкое кустарное производство.

В области плотничного дела помимо строительства домов, крепостных стен и т. п. большое место занимали сооружения, связанные с городским хозяйством. Наряду с профессией плотников известны решетники и мостники. Последние упоминаются, например, в Пскове весьма часто в связи с работами по мощению улиц и площадей. Вообще бревенчатые мостовые были распространены в русских городах[2]. При раскопках на главных улицах Новгорода обнаружено свыше 20 слоев мостовых, образовавшихся один над другим за сотни лет в результате постоянного ремонта. На планах Москвы XVI в. на большинстве улиц показаны деревянные мостовые. Мостовые открыты при многократных раскопках в Москве, Новгороде и др. городах. Сложные плотничные работы производились и при осушении низменных, сырых районов города. В Новгороде и в Москве открыты целые системы дренажных сооружений — канавы различной конструкции и деревянные трубы с особыми смотровыми колодцами. Конструкция деревянных труб очень проста и экономична. Они делались плотниками без помощи пилы и сверл. Бревна раскалывались вдоль, выдалбливались изнутри, и половинки их накладывались одна на другую. Концы образовавшихся таким образом труб затесывались и

---

[1] *В. А. Мальм.* Горны московских гончаров XV—XVII вв. «Материалы и исследования по археологии СССР», № 12, М.—Л., 1949, стр. 44—51.

[2] *Д. Флетчер.* Указ. соч., стр. 18.

Лыжа XVI в. Найдена в Москве в Зарядье во время раскопок под руководством М. Г. Рабиновича

Музей истории и реконструкции Москвы

вставлялись в следующее звено. Сами трубы клались в неглубокие канавы, причем уклон их регулировался особыми подпорками[1]. Помимо дренажных сооружений, в хозяйстве русских городов применялись каналы и плотины, закреплявшиеся деревянными ряжами. Обилие городских сооружений говорит о высоком уровне развития городского хозяйства русских городов. Жившие по городам на жалованье казенные плотники, вероятно, обслуживали это хозяйство.

Большая группа ремесел, едва ли не самая многочисленная в русских городах XVI в., была связана с удовлетворением повседневных нужд городского населения, с производством продуктов питания, одежды, обуви.

По писцовым книгам русских городов XVI в. известны хлебники, калачники, пирожники, блинники, пряничники. Все они выделывали различные сорта хлебных изделий. Мясники, рыбники, крупяники, луковники, сырники, сметанники и т. п. также занимались приготовлением различных продуктов питания. Сапожники, башмачники, чоботные мастера, подошвенники, каблучники, поршенники, лапотники производили различные виды обуви (сапоги, башмаки, поршни — кожаные туфли, лапти) и даже части ее. Скорняки, сырейщики, сыромятники, кожевники обрабатывали меха и кожи.

Наконец, портные мастера, швецы, шубники, сермяжники, епанечники, кафтанники, сарафанники, душегрейники, шляпники, колпачники, рукавичники, карманники делали различную одежду и части ее[2].

Особая группа ремесел обслуживала все возрастающие культурные потребности горожан. Можно установить, что мастера-иконники во

---

[1] *М. Г. Григорьев.* Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 343.

[2] Перечень профессий дается по *Н. Д. Чечулину* (указ. соч., стр. 339—342) и *А. В. Арциховскому* (указ. соч., стр. 12—15).

Шитье кафтана. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Пскове делали не только иконы, но выполняли вообще разные изображения, в том числе — книжные иллюстрации (правда, книги в ту пору были в большинстве духовного содержания). Книжные писцы жили во многих русских городах в большом количестве. Писцовые книги упоминают ремесленников, которые «пишут книги», «пишут на площади», «пишут на камени».

Рукописные книги продолжали создаваться и тогда, когда входили в обиход книги печатные, так как первоначально книгопечатание не могло еще удовлетворить полностью потребностей в книгах.

Вместе с тем совершенствовалась техника книгопечатания. Хотя древнерусские печатники были знакомы с книжной продукцией зарубежных типографий, техника печатания первых древнерусских книг была настолько своеобразна и оригинальна, что исключается предположение о подражании чужим образцам. В этом особенно убеждает оригинальный

Переписывание книг. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского» конца XVI в.
Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина

однопрокатный способ двухцветного печатания с одной наборной формы, применявшийся только у нас и изобретенный, видимо, на Руси [1].

Высокое развитие ремесел было немыслимо без развития ремесленного ученичества. Усложнение техники и организации процесса производства требовало от мастеров все более тщательной подготовки. Во второй половине XVI в. указания на обучение ремесленников в исторических источниках довольно часты. Практиковалось обучение не только в своем родном городе, но и посылка на ученье в другие города.

Так, в новгородских кабальных книгах 1596 г. содержится кабальная запись на некоего Кирила, сына новгородского гончара Офромея, который был отдан в ученье к московскому портному мастеру, но, не вынеся тяжести «ученья», бежал обратно в Новгород [2].

Охарактеризовав важнейшие ремесла в русских городах в конце XVI в., можно сделать вывод, что важной чертой этого процесса было создание и развитие почти во всех ведущих отраслях ремесла более или менее крупных предприятий, в основном — государственных (Пушечный двор, Печатный двор, Оружейная палата, Городовой приказ и Приказ каменных дел с его кирпичными заводами и т. п.), что способствовало росту разделения труда и совершенствованию техники ремесел. Правда, эти предприятия работали преимущественно по заказам правительства, для удовлетворения нужд войска и двора.

Второй характерной чертой развития городского ремесла в этот период является появление новых, все более специализированных профессий.

Эти явления связаны с запросами экономики и политики Русского государства.

---

[1] См. *П. Березов.* Первопечатник Иван Федоров. М., 1952, стр. 66—67 и др.

[2] «Новгородские записные кабальные книги», под ред. А. И. Яковлева. М.— Л., 1938, стр. 444—445.

4

УГЛУБЛЕНИЕ ПРОЦЕССА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА И СКЛАДЫВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА

Русское централизованное государство XVI в. сохраняло еще «живые следы прежней автономии» отдельных «земель». Эти земли фактически слились в одно целое позже, в «новый период русской истории» (начавшийся примерно с XVII в.). «Слияние это,— писал В. И. Ленин,— ...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»[1]. Развитие внутриобластного обмена и намечавшихся межобластных связей на основе изменений в характере производства (роста товарного производства) было важнейшим явлением в социально-экономической жизни страны в XVI в.; оно подготовило начавшееся в XVII в. образование всероссийского рынка. Социально-экономические процессы предрешили в конечном счете и общее направление политического развития страны: процесс укрепления централизованного государства, борьбу с пережитками феодальной раздробленности.

Во второй половине XVI в., как и ранее, при господстве натурального хозяйства в стране, преобладали домашняя или деревенская патриархальная промышленность и сельское хозяйство патриархального типа. Даже в таких развитых в хозяйственном отношении районах, как Бежецкая пятина, где вдоль водных путей лежали торговые или торгово-ремесленные поселения, были вместе с тем обширные территории, где, повидимому, попрежнему господствовала домашняя промышленность. Так, в округе погоста Богородицкого в Сопине писцовая книга 1564 г. не указывает ни одного ремесленника; в округе погоста Спасского Молодиленского та же книга отмечает только одного ремесленника: плотника, названного «приходцем». В имуществе рядовых крестьян того времени, наряду с запасами льна и конопли, имелись домотканные полотна, холсты и т. п., из которых шились крестьянские рубашки и летники — «самоделки».

На громадной территории Восточноевропейской равнины крестьянская семья, как правило, сама производила в своем хозяйстве продукты, необходимые для удовлетворения своих потребностей.

Крупное феодальное хозяйство в стране также в основе своей сохраняло потребительский характер[2].

На общем фоне господства натурального хозяйства товарное производство в деревне и во второй половине XVI в. представляло собой исключительное, хотя и показательное для своего времени явление. Во второй половине XVI в. в ряде отдельных районов те или иные отрасли производства получали особенное развитие. Хлеб производился в избытке главным

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Монастырь-вотчинник XVI в., стр. 150.

образом в северо-степной полосе, преимущественно в Рязанской области; кроме того, в Опольщине и в некоторых районах Заволочья и Поволжья. Конечно, в большинстве случаев крестьянское хозяйство, хотя и прибегавшее к обмену, не выходило за рамки натуральной системы. В глухих местах Севера особенности географических условий и экономической жизни вынуждали крестьянина дополнительно добывать хлеб путем мены или продажи части продуктов различных промыслов. То же следует сказать и о многих крестьянах, отвозивших на рынок и дешево продававших часть продуктов, когда феодал требовал с них денежный оброк. Это делалось обычно в ущерб крестьянскому потреблению. Выше уже отмечалось, что крестьяне (центральных и других районов) часто довольствовались черным хлебом; скот же и плоды продавали на сторону.

Товарное производство распространялось и в добывающей и в обрабатывающей промышленности.

В качестве льноводческого района на первом месте стояла Новгородско-Псковская область, сохранившая это значение до сих пор. Современники единогласно подтверждали, что в Новгороде «растет много хорошего льна и конопли»[1]. «Лучший в России (лен) привозится в Новгород и продается здесь сотнями кирбей (bundles)»,— пишет Адамс[2].

В соседстве с Новгородско-Псковской областью находился в XVI в. другой крупный район льноводства, впоследствии утративший свое значение — Олонецкий и Прионежский край. Этот район охватывал нижнее течение Свири и ее притока Ояти и Заонежье, особенно Шунгу.

На западной окраине Русского государства в XVII в. сложился льноводческий район в Смоленщине. Можайск и Вязьма обслуживали всю округу крашенинами и холстом.

В XVI в. определился также ярославский льноводческий район. Петрей де Ерлезунд в начале XVII в. писал про Ярославскую область, что «там ткутся прекраснейшие во всей России полотна»[3]. Наконец, в Поволжье было известно «полотно казанское».

Труднее точно установить районы кожевенного производства, связанные со скотоводством, так как в той или иной мере производство это было распространено почти во всех городах и во многих сельских местностях. Прежде всего следует выделить вологодский район. «Торговая книга» конца XVI в. отмечает Вологду как район выработки «нарочитой» дубленой кожи[4]. По некоторым признакам, в Костроме было также развито кожевенное производство: в источниках упоминаются «рукавицы костромские». В XVI в. наметился будущий ярославский кожевенный район.

---

[1] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937, стр. 55.

[2] *Hakluyt.* The principal navigations..., Лондон, 1902, т. 1, стр. 299, 312, 391.

[3] *П. Петрей де Ерлезунд.* История о великом княжестве Московском. «Чтения ОИДР», 1865, кн. 4, отд. IV, стр. 40.

[4] «Сборник Муханова», изд. 2, СПб., 1866, стр. 371.

Значительного развития кожевенное производство достигло в Новгороде. Кожи и рукавицы новгородского производства называются в документах специальным наименованием «новгородских». Кожевенное производство существовало в крупных размерах в Можайске, где на Москве-реке была расположена в 90-х годах XVI в. целая слобода Кожевничья, состоявшая из 18 дворов. Имеются сведения и о Муроме как о центре кожевенного производства[1].

Можно выделить ряд мест и центров, где сосредоточивались производство и продажа сукна. Таким центром в Заволжье была Вологда. Повидимому, самое производство сукон развивалось преимущественно в селах, судя по данным о Белозерском крае. Кроме того, сукна производились в Андоме и Вытегре, т. е. в Обонежской области, а также в Шунге и в районе, расположенном к северу от Кубенского озера.

Крупным районом производства сукон в западной части Замосковского края был Можайский уезд. Сукна высокого качества производились в Троице-Сергиевом монастыре под Москвой. Сермяжное сукно в западных районах государства вырабатывала Ржева[2].

Выше был дан обзор мест, где добывалась болотная руда и было развито железоделательное производство, в частности были отмечены районы северных новгородских пятин. В течение XVI в. новгородский район железоделательной промышленности значительно расширился. В Ореховском уезде, где в начале столетия по писцовым книгам не значилось ни одного кузнеца, в 60-х годах XVI в. наметились уже признаки развития железоделательного производства[3]. Существовало железоделательное производство в округе Тихвина, в частности кузнечное ремесло наблюдалось в местностях, где производились разработки тихвинских руд (на Паше). Однако большое развитие кузнечное ремесло получило в Тихвине лишь в XVII в.[4]

Наряду с «укладом» новгородским и тихвинским «Торговая книга» называет «уклад» корельский, т. е. особый род стали, вырабатывавшийся в Заонежье и Лопских погостах.

Во второй половине XVI в. выросло значение Устюжны Железопольской, богатой залежами болотной железной руды, которую, как и в Новгородской области, разрабатывали крестьяне и снабжали ею кузнецов города. Изделия последних получили широкую известность.

Были также места железоделательного производства близ устья Двины, в бассейне р. Ваги и на р. Сухоне, особенно в Тотьме, расположенной недалеко от сутромских месторождений железа.

Богатый болотною рудою Белозерский край также стал крупным районом железоделательной промышленности и ремесленного производства.

---

[1] См. *С. В. Бахрушин*. Научные труды, т. I, стр. 77—82.

[2] Там же, стр. 82—86.

[3] ДАИ, т. 1, № 116, стр. 163—168.

[4] *К. Н. Сербина*. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 81.

Здесь по всему краю были разбросаны сельские пункты кузнечного производства[1].

Районы с развитым гончарным производством определялись, по всей вероятности, месторождениями глины. Ценились, например, «глина коломенская», которую продавали в Москве, славилась «глина псковская» и т. п. Известно, что кирпичное производство было развито в Коломне, в районе Смоленска и т. д.[2]

Успехи деревообделочного производства зависели от местных лесных богатств; оно процветало главным образом там, где не был истреблен строевой лес, как в Клинском уезде, например, где лес секли по р. Сестрице. Тверь с окружавшим ее лесным массивом выделялась как место производства деревянной посуды и ложек. На Вологде и в Холмогорах, а также в Новгороде, занимались кораблестроением. Сани, дуги, колеса и др. выделывали на продажу крестьяне некоторых селений лесистого Белозерского края. Вологодско-Белозерский край поставлял также посуду и ложки. В Новгородской области, по Волхову и Мсте сплавляли в Новгород лес, рубленые хоромы, повалуши, клети, избы, тес, драницы, дубье, лучины[3].

Рыболовные промыслы, снабжавшие рынок рыбой, были разбросаны в тех же районах, где они существовали ранее[4]. О районах, где были соляные источники, снабжавшие страну солью, также говорилось выше. Вологда, Холмогоры, Каргополь, Белоозеро, Новгород и Москва являлись крупнейшими соляными рынками. Прозвища ряда известных нам оптовых покупателей соловецкой соли в Вологде дают представление о том, как далеко расходилась соловецкая соль с вологодского рынка[5].

* * *

На общем фоне господства домашней крестьянской промышленности продолжался в деревне процесс выделения ремесленников-специалистов, работавших на заказ. Обычно это были не порвавшие с земледелием кузнецы, овчинники, плотники, гончары и т. п. Их можно было встретить, например, даже в глухих местах северо-западного Полесья, где они обслуживали, очевидно, окрестных крестьян. К услугам ремесленников, работавших на заказ, прибегали и феодальные хозяйства в тех случаях, когда собственных мастеров — вотчинных ремесленников не хватало. Иногда вотчинник-монастырь выписывал специалистов из города, расположенного на значительном расстоянии от монастыря. Еще в середине

---

[1] См. *С. В. Бахрушин*. Указ. соч., стр. 55—57.

[2] Там же, стр. 102—103.

[3] ААЭ, т. I, № 282, стр. 326; см. *С. В. Бахрушин*. Указ. соч., стр. 93—102.

[4] См. гл. 1, § 4 настоящего издания.

[5] *А. Г. Маньков*. Цены и их движение в Русском государстве XVI века, стр. 63 и др.

XVI ст. славились, например, псковские серебро-кузнецы и ростовские каменщики. Во второй половине XVI и в начале XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре, кроме своих мастеров, работали ремесленники из окрестных деревень — пришлые каменщики и кирпичники[1].

С развитием производительных сил в деревне, в некоторых поселениях ремесленники становились товаропроизводителями, хотя такие случаи были и во второй половине XVI в. редким исключением. Вероятно, товаропроизводителями были мастера, которые бросали земледелие и специализировались на какой-либо более или менее узкой отрасли. Так, например, в сельце Ряпцове в 1571 г. наряду с кузнецом работал кузнец-замочник, не имевший пашни. Естественно, что ремесленники переходили к производству на рынок легче в тех сельских населенных местностях, которые лежали на торговых путях и сами служили торговым местом. Здесь появлялись мастера разных специальностей: калачники, кузнецы, плотники, швецы, смычники и т. п., которые не были связаны с земледелием. В таких местах в бобыльских дворах можно было встретить людей разных специальностей и даже специалиста — «лекаря»[2].

Рост специализации в производстве ремесленных изделий является показателем степени развития техники в стране. Во второй половине XVI в., особенно в городах, существовало множество ремесленных специальностей.

Писцовые книги Русского государства указывают до 210 названий разных специальностей; правда, многие из этих специальностей не были ремеслами в современном значении этого слова (например, ветошники, луковники и др.), а просто занятиями мелких торговцев. И если исключить эти профессии, останется более 130 названий различных видов ремесла. В Пскове источники упоминают до 68 названий ремесленных и торговых специальностей[3], в Новгороде — 237[4].

Значительная специализация наблюдалась в обработке металла, игравшей ведущую роль в городском ремесленном производстве. Среди мастеров-металлистов было известно более 20 специальностей[5].

Важными чертами в развитии городского ремесла во второй половине XVI в. были намечавшаяся концентрация производства, появление элементов разделения труда внутри некоторых предприятий, появление сравнительно крупных предприятий, из которых некоторые представляли ремесленные слободы, в основном — государственных (Пушечный двор, Тульская оружейная слобода, Оружейная слобода в Москве, Кадашевская полотняная слобода и др.). Предприятия эти носили, однако, феодальный характер.

---

[1] *Н. Никольский.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. I, вып. 2, стр. 74 и др.

[2] НПК, т. IV, стб. 504.

[3] См. *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 141.

[4] *А. В. Арциховский.* Новгородские ремесла, стр. 12—14.

[5] По данным М. Г. Рабиновича (см. гл. II, § 3).

* * *

Общее направление в развитии товарного обращения во второй половине XVI в. оставалось тем же, каким оно было в первой половине века: во-первых, все яснее и яснее обозначались областные рынки в стране, крепли внутриобластные связи, и, во-вторых, намечались межобластные связи.

Крупный областной рынок складывался в Замосковном крае с центром в Москве, хозяйственное значение которой в XVI в. далеко не ограничивалось ролью экономического центра «области». И здесь, как и в других «областях», товарное производство и товарное обращение развивались на фоне господства натурального хозяйства в стране.

Москва являлась узлом многочисленных путей. На север шел путь через Троице-Сергиевский монастырь, Переяславль, Ростов и Ярославль. От Ярославля путь разветвлялся: во-первых, на Вологду, во-вторых, водою вверх по Волге и Шексною на Белоозеро, и, в-третьих, на восток — к Костроме и Нижнему. От Москвы шли также дороги на Владимир, Суздаль, Тверь, Можайск, Калугу, Дмитров; от Дмитрова начинался «водяной ход» к Волге. Важный торговый путь пролегал на юг, через Коломну по рр. Москве и Оке.

В районе Москвы, в Тверском, Ярославском, Каширском и других уездах, в течение второй половины XVI в. продолжали расти торжки в сельских местностях и городках. В них появлялись скупщики, сюда приезжали торговцы с московским товаром. Так, например, в с. Еремейцево Ярославского уезда был «торг» по субботам, куда, судя по уставной грамоте 1589 г., приезжали «москвитины» и наезжали торговцы из других «городов и из станов и из волостей Московского государства с товаром»[1]. Из Москвы ездили с товарами в Дмитров, в Кимры, в село Клементьевское под Троице-Сергиевым монастырем, откуда столица получала «троицкую» деревянную посуду, «троицкие» ложки и, может быть, также и текстильные изделия: нити и «суконца» «троицкие»[2].

Москва не была непосредственно связана с каким-либо большим льноводческим районом, но в числе прочего промышленного сырья и полусырья в ней скапливалось значительное количество привозного льна, который мог служить материалом для московских мастеров. Хамовное дело, т. е. производство полотен и холстов, занимало видное место в ремесленной промышленности Москвы. В Москве в большом количестве продавались текстиль, посконная холстина, шедшая на рубашки, мешки и т. п., сукно сермяжное, крашенина и т. д.

В числе поставщиков железа в Москву был Серпухов, где приобретался серпуховский уклад (сталь), а также Устюжно-Железопольский район,

[1] «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахрамеевым, т. 1, М., 1896, № LXV, стр. 77—78.

[2] ААЭ, т. I, № 223, стр. 212—213; «Село Клементьево». «Чтения ОИДР», 1887, кн. 2, отд. V, стр. 52.

снабжавший Москву железными изделиями[1]. Московские кузнецы делали сошники, топоры, косы, котлы и т. п. Были специалисты-замочники (в Москве продавались замки различной конструкции — нутряные, висячие, двусмычные и т. д.) и ножевщики[2]. Заслуженную славу приобрели московские мастера — оружейники, выделывавшие холодное и огнестрельное оружие, и мастера-серебряники.

В большом количестве ввозился в Москву лесной материал — доски, «бревенья», тесницы, лубья и т. п.— из Клинского уезда и других мест; из Калуги — изделия из дерева. На торгу в Москве можно было купить и целый сруб — «клетку», и целый дом с крышей.

Для выделки свечей требовалось большое количество сала и воска. Воск из Москвы развозился и по другим районам[3].

Ярославцы продавали в Москве бочками сиговину, осетрину, белужину, севрюгу, пудами икру черную. В большом количестве привозили в Москву рыбу из Белоозера. Углич и Вологда пудами снабжали Москву коровьим маслом. Через Белоозеро и Вологду поступала также в Москву беломорская соль. Из лесных районов верхнего и среднего Поволжья в Москву шли мед и воск.

В XVI в. Москва играла уже в известной мере роль хозяйственного центра всей страны. Она была рынком, снабжавшим страну товарным хлебом. «Добре много» хлеба поступало в Москву из Рязани, также по Ярославской дороге[4]. Пушнину привозили в Москву с севера, преимущественно через Устюг и Пермь. Она привозилась также в Москву из «сибирских городов». Московские торговые люди ездили с товарами в крупные города Среднего Поволжья: в Казань, в Нижний-Новгород. Постоянные и оживленные торговые отношения поддерживала Москва с Новгородом Великим. Московские гости скупали там медь, олово, свинец, поступавшие из-за рубежа, а также ладан, серу, ртуть, стекло. На торжках Новгородской области московские купцы появлялись с воском, белкою и «со всяким товаром».

Москва делалась не только центром, который снабжал страну произведениями собственных ремесленников, оружейников, иконописцев и др., но и центром, откуда товары, поступавшие из других городов и областей и даже из-за рубежа, расходились по стране[5].

Если Москва являлась в известной мере хозяйственным центром страны, то целый ряд других городов были уже центрами областных рынков. Среди этих городов выделялся Новгород, который явно доминировал над Новгородским краем в хозяйственном отношении. Новгород был не только крупнейшим потребляющим центром, отдававшим со своей стороны

---

[1] ААЭ, т. I, № 320, стр. 381.

[2] Там же, т. II, № 7, стр. 53.

[3] РИБ, т. 14, кн. II, стб. 147.

[4] Там же, т. 1, стб. 151; *С. Ф. Платонов*. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 60.

[5] Подробнее о Москве см. *С. В. Бахрушин*. Указ. соч., стр. 157—187, а также «История Москвы», т. I, стр. 133 и др.

области часть изделий своей ремесленной промышленности, но и центром распределяющим, доставлявшим в «волости» часть поступавшего на его рынок товара из других городов и «волостей». В хозяйственном отношении наиболее тесно была связана с Новгородом территория пятин: Вотской, Шелонской, Бежецкой, Деревской и части Обонежской. К ним непосредственно примыкала Псковская территория.

На территории пятин торгово-ремесленные или торгово-промысловые поселения, поддерживавшие известную хозяйственную связь с Новгородом, преимущественно возникали в районах, расположенных близ торговых путей. Эти селения охватывали небольшие районы, в которых был развит тот или иной вид производства. Новгород являлся центром, к которому сходились пути, связывавшие область. Волхов соединял Новгород с рыболовными поселениями, лежавшими близ нижнего Волхова, близ берегов Ладожского озера и Невы. С юга водный путь подходил к Новгороду по Ловати и Ильменю, а с запада — по Ильменю и р. Шелони. С востока главная магистраль проходила по Мсте, от которой волоками отходил путь (вблизи рядка Боровичей) к Мологе, через р. Кабожу. У рядка Млево волок соединял Мсту с верховьями Мологи и, в частности, с Бежецком. Через Ладожское озеро пролегали водные пути, связывавшие Новгород с Онежским озером, из которого ходили в Поморье и в Заволочье как на север, к Сумскому посаду, через Лопские погосты, так и по р. Онеге.

Новгородские скупщики привозили разнообразный товар даже из отдельных сельских местностей и городов области. Так, например, новгородских скупщиков скота и хлеба можно было встретить на Моревском торгу[1]; торгующих новгородцев документы отмечают на Севере, на р. Шуе у Онежского озера, в Повенце, в рядке в Удомле и т. п.[2]

Новгородские купцы ввозили лен из Новгородских «волостей»[3], очевидно, главным образом из западных Шелонских погостов[4]. В Опоцком погосте были люди, занимавшиеся «торгом» и «извозом»[5]. Росло торговое значение Болчинского погоста на верхней Шелони[6].

В самом Новгороде было много льняников-трепальщиков и торговцев льном; в писцовых и лавочных книгах 80-х годов XVI в. упоминается 149 льняников; существовал также особый льняной ряд[7]. В Пскове был специальный «двор гостин льняной», заключавший в себе 81 амбар[8].

---

[1] См. Листки таможенной книги Моревской слободы, ок. 1598 г. (ОДРА, рукоп. книга № 834).

[2] См. Писцовую книгу Обонежской пятины, стр. 113, 145; НПК, т. VI, стб.1650.

[3] ААЭ, т. I, № 282.

[4] В писцовой книге по Новгороду XVI в. указаны два купца, торговавшие льном, как пришедшие из Свинорта, расположенного на шелонском пути, где лежали Опоцкий погост, Сольцы и т. п.

[5] НПК, т. IV, СПб., 1886, стб. 162.

[6] Там же, стр. 512, 600—601.

[7] «Лавочные книги Новгорода-Великого 1583 г.» М., 1930, стр. 92—94.

[8] «Сборник Московского Архива Министерства Юстиции», т. V, М., 1913, стр. 15.

Обилие льна, а также конопли в Новгородской и соседней с ней Псковской областях способствовало развитию выделки из них текстильных изделий: полотен, холстов, точива, простыней, пряжена, которые также имели широкий спрос в стране. «Ряд холщевницкой» упоминается в Новгороде уже в 1506 г.[1] По данным 80-х годов XVI в. в городе насчитывалось 72 холщевника[2].

С выделкой полотен были связаны белильное производство и торговля. В Новгороде был отдельный белильный ряд, состоявший в 1583 г. из 19 лавок[3]; мастеров, занятых беленьем полотен, насчитывалось в Новгороде в 80-х годах XVI в. 30 человек.

Еще больший спрос предъявлялся на новгородские крашенины. В Новгороде был особый разряд мастеров — красильников, которые специально были заняты раскрашиванием льняных и других материй. Красильный ряд в Новгороде, расположенный рядом с холщевным, был одним из обширнейших[4].

Из области поступало кожевенное сырье, питавшее новгородское кожевенное производство. Новгородские кожи (как и лен) вывозились даже за границу[5].

В Новгороде был целый квартал «Кожевники». В 80-х годах XVI в. писцовые книги отметили в Новгороде 458 человек, занятых выделкой различных сортов кож, и 806 ремесленников, работавших по производству кожевенных изделий. В городе было 2 кожевенных «ряда», 3 сапожных и т. д.

Железоделательная промышленность Новгорода вырастала в значительной мере на базе железоделательного производства Вотской пятины. В Новгороде в 80-х годах XVI в. упоминается 230 мастеров, занятых в железоделательном деле (из них — 112 кузнецов).

В новгородских мастерских выделывалось значительное количество гвоздей. Получая сырье из пятин, Новгород поставлял в сельские местности изделия ремесленного производства, особенно в близлежащие районы.

Деревообделочная промышленность и, в частности, плотничество, питалась, как мы видели выше, также материалом, доставляемым водою из пятин. По берегам Волхова в Новгороде тянулись лесные склады.

Старая Руса с ее соляными источниками частично обеспечивала Новгород солью.

Рыболовные поселения, расположенные по водной системе от Ильменя до Невы, снабжали новгородский рынок рыбой. Рыбная торговля Ладоги, например, была отчасти в руках новгородцев. Приезжали в Новгород с рыбой и местные купцы. В Новгороде по всему торгу были

---

1 ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, Л., 1929, стр. 611.

2 *А. В. Арциховский.* Новгородские ремесла, стр. 12.

3 «Лавочные книги Новгорода-Великого 1583 г.», стр. 62—64.

4 Там же, стр. 82—85.

5 РИБ, т. 15, № 34, стб. 57—60.

разбросаны рыбные лавки, амбары, полки. Помимо отдельных лавок и амбаров рыбники захватывали целые пустовавшие участки рядов[1].

Наконец, из новгородских «волостей» в Новгород гнали скот, везли мясо и разнообразные пищевые товары.

Большой областной рынок складывался в Поморье. Его центром являлись Холмогоры, с которыми было связано населенное пространство по нижнему течению р. Северной Двины, приблизительно от с. Ракулы к северу, и побережью «Студеного» моря, главным образом на запад и северо-запад от устья Двины. К Холмогорам «тянулись» корельское побережье и Заонежье, Каргопольский край, Важская земля, земли Великого Устюга и Вычегодские и край по рр. Пинеге, Мезени и Печоре.

Образование Архангельского порта не лишило Холмогор значения для области. Город этот служил узлом почти всех торговых путей в северных окраинах государства. Не считая пути по Ваге в Обонежье и дороги по Онеге в Каргополь, все дороги на юг шли через Холмогоры. Сюда свозили товары, какими промышлял Северный край: соль, рыбу, меха, железо, кожи, ворвань, моржовую кость, ловчих птиц, дичь, перья и пух. Эти товары отсюда распределялись по мелким внутренним рынкам, и сюда же в Холмогоры стекалось то, в чем нуждался Север, от хлеба до металлов.

Основными товарами на этом рынке служили беломорская соль, рыба и меха. Одним из торжков края, где скупался пушной товар и «рыбий зуб», была ярмарка в Лампожне на Мезени; там выменивали товар у ненцев (самоедов).

Железо в Поморье частью привозили из Заонежья, куда ездили поморские скупщики, хотя в некотором количестве оно добывалось и в самом Поморье (Ненокса). В Холмогорах процветала железоделательная промышленность и выделывались не только гвозди, сошники и т. п., но и части, необходимые для местного кораблестроения. Важская земля торговала с Холмогорами хлебом, маслом, сукнами, мехами, овчинами, смолою, сплавляя свои продукты по Ваге и Двине. Из Прионежья расходился по всему Поморью местный текстиль.

Скудость сведений не позволяет осветить изучаемые явления на территории, прилегавшей к «Литовской Украине», на территории Среднего Поволжья и в землях «Заоцких», «Северских» и Донских. Можно отметить только быстрый экономический рост Казани в 50—60-х годах XVI в.[2]

Присоединение к Русскому государству народов Поволжья и Приуралья содействовало развитию у них товарного производства и укреплению их связей с другими районами России.

---

[1] «Лавочные книги Новгорода-Великого 1583 г.», стр. 33—34, 42, 49, 92.

[2] В конце 60-х годов в Казани числилось 365 лавок и около 250 мелких торговых помещений и 474 человека, занимавшихся торгово-ремесленной деятельностью. См. также гл. 4, § 3 настоящего издания.

Во второй половине XVI в. все явственнее намечались межобластные экономические связи. Рос товарный обмен между Новгородской областью, Поморьем, Замосковным краем и другими частями страны.

Поморье покупало полотно и холсты Новгорода, а олонецкий текстиль так же распространялся по всему Поморью. «Крашенины новгородские» во второй половине XVI в. расходились по всему государству. Суконными изделиями снабжал Поморье Вологодско-Белозерский край. В Поморье проникали и «троицкие» (из Подмосковья) суконные изделия. В Вологде закупались различные сорта кожи для Северного Поморья. Далеко расходились по стране новгородский и тихвинский «уклады». Новгородские кованные железом коробьи во второй половине XVI в. были распространены от устья Северной Двины и берегов Белоозера до Москвы и близкого к ней Волоколамского монастыря, а на западе до Смоленска. Продукция металлургической ремесленной промышленности Твери обслуживала разные области, включая Псков, Белоозеро, Волоколамск и Москву. Серпуховское железо и «уклад» продавались не только на месте, в Серпухове и в Туле, но и в Москве, и в Вологде, и в Белозерском крае, и на Устюге, и даже в Сибири[1]. От Устюга шла главная дорога в Сибирское царство: на Каму в Пермскую землю, Соликамск и Чердынь. В начале XVII в. в Устюге были купцы, занятые исключительно сибирским торгом[2]. Кроме того, в Сибирь шел путь от Нижнего-Новгорода через Вятскую землю, Хлынов, Кайгород и далее[3]. Изделия Кирилло-Белозерского монастыря, имевшего токарную мастерскую, можно было найти во многих городах страны. Далеко расходились «московские» деревянные ложки, выделывавшиеся в московском районе; они ценились сравнительно дорого. На рынках в Вологде, в Холмогорах, в Волоколамске можно было купить «тверское» мыло, производством которого занимались главным образом в Верхнем Поволжье (Тверь, Кострома, Ярославский край).

Таким образом, во второй половине XVI в. складывались экономические предпосылки всероссийского рынка: создавались областные рынки и завязывались торговые связи между ними.

* * *

Во второй половине XVI в. были налицо ростки новых явлений в производстве, значение которых раскрывается в последующее время. намечалась концентрация производства, появлялись некоторые элементы разделения труда внутри предприятий, предвестников будущих мануфактур. И. В. Сталин отметил, что Иван Грозный «создавал некоторый зародыш промышленности»[4]. В данном случае нужно иметь в виду прежде

---

[1] ЛЗАК, вып. XXXV, Л., 1929, № 67, стр. 240.

[2] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 10—11.

[3] Там же, стр. 14.

[4] *И. В. Сталин.* Соч., т. 8, стр. 120.

всего Пушечный двор, продукция которого достигала во второй половине XVI в. значительных размеров. Известны также попытки при Иване Грозном завести собственное производство бумаги путем устройства специальных мельниц[1].

Очень интересны указания источников на «козаков» (рабочих) в сельских поселениях, в крестьянском производстве. Конечно, их количество в общей массе сельского населения было незначительным и роль в общем строе хозяйственной жизни — ничтожной. Но упоминание их в писцовых книгах и других документах того времени симптоматично.

Одновременно в вотчинных хозяйствах появляются все чаще и чаще мастера со стороны, работающие или своими или принадлежащими вотчинникам орудиями производства. Это — ремесленники, работавшие на заказ, и вольнонаемные мастера. Так, в Волоколамском монастыре во второй половине XVI в. работали вольнонаемные люди, в том числе плотники, каменщики и др.[2]

Волоколамский монастырь не представлял исключения. В Болдино-Дорогобужском монастыре постройки в конце XVI в. воздвигали вольные плотники. Вольному кузнецу платили «от топоров и за прибавочное железо и за уклад». Вольным мастерам платили «от котлов от братских и от мер..., и от сковородок от полуды»[3] (т. е. сдельно).

Софийский двор, по подсчету Б. Д. Грекова, за $3^1/_3$ месяца в 1593 г. обращался 23 раза к специалистам-мастерам, которым давали заказы или нанимали их на работы. Заказы получали кожевник, иконник, серебряник, седельник, золотых дел мастер, свечник; два раза нанимали печников; три раза — оконничников и т. п.

В некоторых селениях появляются, с одной стороны, крестьяне-богачи, а с другой — «козаки» — рабочие. Так было, например, в Боровичах Бежецкой пятины.

Здесь во второй половине XVI в. имелись «дворы» крестьян — торговых людей. Эти крестьяне были владельцами не только «дворов», но и «лавок» и «амбаров»; они торговали главным образом солью, сапогами, а также рожью, рыбой; в амбары ссыпали хлеб.

Одновременно обнаружилась и другая сторона того же процесса. В тех же Боровичах встречаем двор, о владельце которого записано: «ходя наймуетца»; о другом лице указано: «козак наймуетца». Такие же наймиты, очевидно «худые» по своему социальному положению, были, видимо, и среди иных обитателей поселения, судя по таким записям: «Игнатко Савин перевозник, да на том же поземе Иванко Зубко, козак» или «Климко Никитин, козак»[4].

---

[1] *Н. П. Лихачев.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Монастырь-вотчинник XVI в., стр. 151—152.

[3] РИБ, т. 37, вып. 1, стб. 83, 126—127.

[4] НПК, т. VI, стб. 913—916.

Подобные же явления можно наблюдать в ряде районов. «Казаки» появляются и в Москве, и в далеком Ореховском уезде, в крестьянском железолитейном производстве. В Шелонской пятине, по данным писцовых книг, росло число «непашенных» бобылей, среди которых бывали наемные рабочие. В торговом селении Медна на р. Тверце (где числилось 29 лавок) к 1588 г. можно было встретить, наряду с торговцами и ремесленниками, трех «козаков». Из числа разбогатевших крестьян пополнялись ряды посадских людей и высших разрядов купечества, ярким примером чему служит судьба солепромышленников, купцов и землевладельцев XVI в. Строгановых, которые вышли из сольвычегодских крестьян.

Итак, во второй половине XVI в. товарное производство в Русском государстве продолжало развиваться. Складывались областные рынки, и одновременно намечались межобластные связи, закладывались предпосылки всероссийского рынка. Вместе с тем появились ростки новых явлений в производстве, значение которых раскроется лишь в будущем.

5

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД

Во второй половине XVI в. в Русском государстве усиливается значение городов как центров ремесла, а также и местных и «областных» рынков. Растущее значение города стояло в связи с развитием товарного производства в стране.

В результате расширения территории государства в состав его вошли крупнейшие города Поволжья — Казань и Астрахань. Развитие морской торговли вызвало быстрый рост городка Нового Холмогорского, вскоре получившего имя Архангельска. Во вновь вошедших в состав Русского государства землях был построен ряд городов — Свияжск, Лаишев, Чебоксары, Самара, Саратов, в Сибири — Тюмень, Тобольск, Пелым, Верхотурье и др. Всего источники второй половины XVI в. указывают более 50 новых городов, часть которых были городами в экономическом смысле слова.

Некоторые города, основанные в качестве военно-административных центров, просуществовали недолго (например, городки-крепости, построенные в начале Ливонской войны в Полоцкой земле и др.).

Рассматривая состояние и экономическое положение городов, исследователи выделяют несколько групп их, каждая из которых имела свои особенности, коренившиеся в различии исторической судьбы отдельных земель[1]. Для ряда небольших северо-западных русских городов, преимущественно в прошлом новгородских и псковских пригородов, характерно сравнительно слабое развитие ремесла и торговли. В этой области было два крупнейших экономических центра — Новгород и Псков, где ремесло и тор-

---

[1] *Н. Д. Чечулин*. Указ. соч., стр. 343.

говля процветали, несмотря на тяжелое разорение, которое пережили эти города. Во Пскове в 1586 г. было уже до 1230 одних лавок, в Новгороде в 1583 г.—1800; в 1606 г. в Новгороде сгорело 700 лавок, причем пожар охватил далеко не весь торг[1]. Остальные же города этой области, утратив свое значение крепостей и административных центров, переживали период временного запустения, с трудом оправляясь от разорений, произведенных Ливонской войной. Служилых людей, живущих в городах, здесь было мало. Ремесло и торговля почти не имели значения. Большинство жителей было тесно связано с земледелием.

На севере Руси получили большое развитие города, расположенные по пути от Москвы к Белому морю. Из них наиболее крупным была Вологда, где сильно выросли торговля, металлообрабатывающее и кожевенное ремесла. Большими ремесленными и торговыми центрами стали также Ярославль и Переяславль-Залесский, через которые прошел этот путь. Города эти переживают в конце XVI и в XVII в. период расцвета. В них строится ряд прекрасных каменных зданий. Служилого населения в этих городах было сравнительно мало, так как они далеко отстояли от границ и не были подвержены опасности нападений. Особое развитие получили в них ямские и ремесленные слободы. Один иностранный путешественник причислил даже Вологду, Ярославль и Переяславль к шестнадцати главным городам России[2].

Центральные города, расположенные в непосредственной близости от Москвы, с расширением границ государства также утратили характер крепостей. Поэтому военный элемент не играл большой роли среди их населения. Правда, в этих городах оставалось еще много дворов дворян и детей боярских, но сами владельцы обычно в них не жили, а поселяли «дворников», занимавшихся чаще всего торговлей и ремеслами. Не было в центральных городах и значительных стрелецких гарнизонов. В центральных городах было больше чем где-нибудь церквей и монастырей, а среди феодально-зависимого населения — людей, от них зависимых. Основным занятием посадского населения были ремесла и торговля, причем характерно развитие ремесел, производящих не предметы первой необходимости, а товары для сбыта на иногороднем (может быть, московском) рынке. Сельское хозяйство служило лишь подсобным занятием. Посадское население в этих городах сильно убывало прежде всего потому, что множество черных людей, не вынося тяжести феодального гнета, уходило в окраинные города. Типичную для центральной группы городов картину представляла Коломна, где в 1577—1578 гг. было до трех тысяч жителей. Кроме трех дворов, принадлежавших царю, и подворья коломенского архиепископа, в городе («Кремле») стояло 215 дворов детей боярских, но в 188 из них хозяев не было, а жили дворники. На посаде жило 268 «ратных и служилых людей» (20 стрельцов, 17 пушка-

---

[1] *А. П. Пронштейн.* Организация новгородского ремесла в XVI в. «Исторические записки», кн. 36, стр. 177—182.

[2] *Д. Флетчер.* Указ. соч., стр. 16.

рей, 27 затинщиков, 5 воротников, 7 рассыльщиков, 135 ямских охотников, 30 казенных плотников, 10 кузнецов, 9 кирпичников и 8 каменщиков). В Коломне было 5 монастырей и 33 церкви (т. е. одна церковь приходилась менее чем на 100 чел. населения, включая и малолетних). Духовенство и зависимые от церкви люди, часть которых занималась ремеслами и торговлей, составляли 330 человек — более трети всего взрослого мужского населения. Тяглых же посадских людей имелось всего 42 человека. Пустых оброчных дворов, хозяева которых «вышли» или вымерли, было 54, дворовых мест 249. Следовательно, посадское население Коломны во второй половине XVI в. значительно уменьшилось. Все же город вел довольно оживленную торговлю. На торгу было 427 лавок и иных торговых помещений, имелись гостиный двор, таможенная изба, соляной амбар Строгановых, а также производственные помещения — зелейня и вощечня. Но 33 лавки пустовали, и 139 лавочных мест были свободны (т. е. в прежнее время на торгу было на 30% больше лавок)[1]. Отлив населения, связанный с усилением феодальной эксплуатации и обострением классовой и внутриклассовой борьбы, начался во второй половине XVI в. и неуклонно возрастал. В Серпухове в 1552 г. было жилых дворов черных людей 623, а пустых дворовых мест — 143, в Муроме в 1566 г. жилых дворов черных людей — 587, пустых — 151, а в 1574 г. жилых только 111, а пустых дворов 127 и дворовых мест 1446[2].

Иную картину можно было наблюдать в это время в городах, расположенных на южных и юго-восточных окраинах Русского государства, куда все время шел приток населения. Переселялись сюда тяглые люди, в основном — ремесленники, переселялись и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, составлявшие гарнизоны окраинных городов. Торговля и ремесло здесь развивались быстрее, причем большую роль играла торговля с окрестным нерусским населением. В городах, недавно вошедших в состав Руси, быстро увеличивалось русское население, которое составляло уже большинство жителей (в Казани, например, более $^2/_3$). Являясь крупными крепостями, важными узлами обороны с многочисленными гарнизонами, эти города становились и экономическими центрами. Недавно вошедшая в состав Русского государства Казань в конце XVI в. представляла собой цветущий город, в центре которого возвышался красивый каменный кремль. В Казани было до 15 000 населения, в том числе крупный гарнизон. На торгу стояло 368 лавок, 240 иных торговых помещений и 19 кузниц. Черных тяглых людей считалось 610, включая 474 ремесленника. В числе казанских купцов («гостей») было 22 «переведенца» из разных городов. Татарское население города составляло 6000 человек, причем не все оно было оседлым[3].

Казань была крупнейшим из городов на восточной окраине Русского государства. На южной окраине, где создавалась особая линия обороны

[1] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 156—159.
[2] Там же, стр. 173.
[3] Там же, стр. 200—254.

против крымских татар — «засечная черта», города были гораздо меньше, но по типу своему они мало чем отличались от городов восточной окраины. Наиболее значительной крепостью здесь являлась Тула, каменный кремль которой был выстроен в 1514—1521 гг.

В Туле имелось 2500—3000 жителей (в том числе особая слобода черкас). На городском торгу стояло 218 лавок. Тяглых посадских людей считалось 97 человек. Тула имела значительный гарнизон стрельцов и боярских детей.

В 1564 г. на южной окраине русских земель на месте старого поселения был построен город Орел, в 1586 г. здесь возникли Воронеж, Кромы, Белгород и Оскол. Эти города, расположенные на узлах водных и сухопутных путей из южнорусских степей в центральные области, первоначально строились как крепости — опорные пункты в борьбе с набегами крымских татар, но вскоре они приобрели значение ремесленных и торговых центров.

В конце XVI в. на южной окраине были восстановлены древние русские города Курск и Ливны.

Внешний вид городов во второй половине XVI в. стал еще живописнее благодаря развитию шатровой архитектуры. В городах попрежнему выделялись две большие части — «город», или кремль, и посад. Но далеко не везде сохранилась прежняя социальная топография. Если раньше кремль был аристократическим и административным районом, а ремесло и торговля сосредоточивались на посаде, то во второй половине XVI в. дворы детей боярских и дворян нередко встречаются и в городе и на посаде. С другой стороны, вкремлях попадались и черные тяглые дворы. Запустение дворянских дворов и обычай селить в них дворников, занимавшихся по большей части ремеслами и торговлей, лишило кремли ряда городов их прежнего аристократического облика. Дворы наместников, правда, находились обычно в кремле, но нередко наместник имел еще и двор на посаде. На посаде же, ближе к торгу, располагались и некоторые правительственные здания—таможенные избы, тиунские судебни и т. п. В маленьких городах северо-западных и центральных областей оставалось множество пустых «дворовых мест» — пустырей, иногда занимавшихся под огороды. Большие города, напротив, густо застраивались.

Центр городского посада, «торг», в крупных городах представлял собой особый район со многими строениями, принадлежавшими как частным лицам, так и купеческим обществам и правительству. Во Пскове «торг» вмещал 35 рядов, в Новгороде — 42. В каждом ряду торговали преимущественно каким-либо одним товаром, по которому и назывался весь ряд, хотя в нем продавались и другие товары[1]. Как далеко продвинулось развитие товарно-денежных отношений, видно из того, что значительное число лавок торговало съестными припасами. В Туле, например, из 218 лавок 72 торговали мясом, 31—солью, 10 —медом и 10—рыбой, 4 —маслом

[1] *А. П. Пронштейн.* Указ. соч., стр. 177—182.

и 4—солодом. Продуктовые лавки составляли более половины всех торговых заведений. Стало быть, горожане покупали основные продукты питания на рынке, а не получали их в своем хозяйстве. Некоторую роль играла торговля с отдаленными областями. В Новгороде и Пскове находились сурожские ряды, где торговали дорогими привозными тканями — шелком, тафтой и другими предметами роскоши. Обложение этих рядов давало казне более всего дохода. Во Пскове на торгу помещались гостиный двор московских гостей, специальный льняной двор, соляной двор[1]. Городские строения в большинстве были деревянными. Но многие крупные города имели во второй половине XVI в. уже значительное количество каменных зданий, не только церковных, но и гражданских (преимущественно это были дома знати и правительственные здания). Дворы бояр, дворян и детей боярских попрежнему представляли собой обычно замкнутые усадьбы с барским домом в глубине двора и выходящими на улицу глухими стенами хозяйственных построек и солидными частоколами заборов. Такой двор легко превращался в крепость. Но городские участки, находившиеся во владении крупных феодалов, становились все меньше. Дома, обычно служившие мастерскими и лавками, чаще выходили на улицу, чтобы заказчики могли легко в них попасть.

Большую роль в процессе ликвидации крупного феодального землевладения в городах сыграла опричнина. В опричнину были взяты не только целые области, но и части городов, а иногда и целые города, из которых выселялись все, кто не принадлежал к опричнине. Так, в Москве в опричнину была взята вся западная часть города[2]. В 1565 г. по приказу Ивана Грозного был построен за рекой Неглинкой «опричный» дворец. Он представлял собой грандиозный комплекс деревянных и, повидимому, каменных зданий, огражденных каменной стеной. Дворец занимал место между современными улицами Герцена и Калинина и был окружен множеством дворцовых слобод, где жили люди, обслуживавшие царский двор. Далее шли дворы опричников, множество церквей и монастырей. Восточная же часть Москвы была занята преимущественно «черными» тяглыми слободами, среди которых были также дворы иноземцев — литовцев и армян[3].

Ремесленники селились в городе обычно так, что на одной улице преобладали представители одного ремесла. В Новгороде и Пскове издавна, а позднее и в Москве, ремесленники одной профессии составляли большинство населения в целых районах города, получавших обычно названия по этой профессии,— Кожевники, Плотники, Гончары, Кузнецы и т. п.

Некоторые русские города во второй половине XVI в., и прежде всего Москва, достигали весьма значительных размеров. «Прежде бо сего

---

[1] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 134—135.

[2] «История Москвы», т. I, стр. 208.

[3] *П. В. Сытин.* История планировки и застройки Москвы. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», т. 1, М., 1950, стр. 56—57.

Москва не такова бяше народна, якоже ныне народом умножися в лета благоверного царя и великого князя Ивана Васильевича»,— свидетельствовала Царственная книга[1]. Английские путешественники Ченслер и Флетчер отмечали, что Москва была больше Лондона[2], который в ту пору уже являлся одним из крупнейших городов Европы. По своим размерам Москва превосходила в несколько раз даже самые большие русские города. Население ее превышало в конце XVI в. 80 000 человек. Если верить Флетчеру, в 1571 г. в Москве было около 41 500 дворов[3]. Территория ее расширилась в основном к югу и включила обширный район Заречья, по правому берегу Москвы-реки. В последние десятилетия XVI в. в Москве были выстроены две новые линии внешних укреплений города. Первая укрепленная линия — каменный Белый город (1585—1591) — шла в направлении современного кольца бульваров, по левому берегу р. Москвы, охватывая Кремль и Китай-город серпом с запада, севера и востока. Белый город имел 29 башен (в том числе 10 с воротами). В 1591—1592 гг. была выстроена и внешняя крепостная стена — Скородом, охватившая уже всю основную территорию города по обеим берегам р. Москвы (примерно по линии современных Садовых улиц). Стена была построена из деревянных срубов, засыпанных землей, и имела 50 башен. Длина ее превышала 15 км. И Белый город и Скородом были опоясаны рвами. Посол австрийского императора Николай Варкоч, побывавший в России в 1589 и 1593—1594 гг., с восхищением писал о Москве: «Это сильный город, куда приезжают в большом числе туземные и иностранные купцы из очень дальних краев: из Турции, Татарии, Персии, Туркмении, Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и других земель и ведут большую торговлю многими превосходными товарами...»[4]

Помимо работ по укреплению Москвы в XVI в. проводились большие работы по обороне и других городов, особенно Смоленска, обеспечивавшего защиту западных границ Русского государства.

Большинством городов управляли наместники или воеводы, реже — дьяки. Иногда в городе был и наместник, и воевода, причем один, повидимому, ведал гражданским управлением, а другой—гарнизоном и укреплениями. Воеводы назначались в это время, как правило, в пограничные города. В Казани было в 1584 г. даже пять воевод во главе с большим воеводой. Гарнизоном командовали обычно стрелецкие или казачьи осадные головы. Помощниками наместника или воеводы по гражданским делам были городские или городовые приказчики. Известны в городах также должности губных старост и тиунов, выполнявших, очевидно, судебные функции[5].

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 455.

[2] См. «История Москвы», т. I, стр. 173—179.

[3] *Д. Флетчер.* Указ. соч., стр. 17.

[4] «Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча». «Чтения ОИДР», 1874, кн. 4, отд. IV, стр. 35.

[5] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 342—343.

Низшей ступенью городской организации была улица, имевшая своего старосту и распоряжавшаяся лавками, огородами, ведавшая церковными делами и т. п. Иногда улица имела и какое-либо общественное помещение, называвшееся «беседой улицкой»[1]. В старых торгово-ремесленных городах улицы и в XVI в. соединялись в сотни. Во Пскове, например, в 1585—1588 г. были сотни Петровская, Руслова, Великая, Житницкая, Соколья, Демидовская и др., в Москве — Мясницкая, Новгородская, Ордынская, Покровская, Ржевская, Ростовская и Сретенская[2]. В ряде городов прослеживается организация черных людей по слободам. В Москве в каждой слободе был «братский двор», служивший центром самоуправления слободы[3].

Население городов слагалось из нескольких элементов, причем в разных городах соотношение этих элементов было неодинаковым. Значительную часть населения составляли черные посадские люди, жившие на землях, принадлежавших государству. Эти земли находились в пользовании всей посадской общины, которая сообща платила с этой земли «тягло» — налог, раскладывавшийся на членов общины по числу дворов. Дворы и лавки на торгу могли быть подвергнуты переделу, в связи с чем изменялся и размер тягла, падавшего на каждое хозяйство. Помимо тягла посадские люди платили еще денежный оброк, размер которого определялся в зависимости от мощности каждого хозяйства. Кроме того, они несли иногда ряд натуральных повинностей в пользу наместника города[4]. Основная тяжесть повинностей в городе ложилась на посадское население.

По имущественному положению посадские люди делились на «добрых», «середних» и «молодших», причем последних было более всего. В Казани из 600 дворов посадских людей «добрых» было всего 8, «середних» 40 и «молодших» 552 двора[5]. Феодальный гнет нередко заставлял молодших посадских людей бросать свои хозяйства и уходить в другие города, или «закладываться» за феодалов, в результате чего тяжесть повинностей для остальных посадских людей увеличивалась. Основная часть посадского населения занималась мелкой торговлей и ремеслом, причем сплошь и рядом ремесленник продолжал выступать не только как товаропроизводитель, но и как продавец, торговавший на рынке[6]. Кроме того, было немало и купцов-специалистов. Некоторые из них специализировались на продаже тех или иных товаров; часть купцов специально занималась торговлей в «волостях». «Гости» и «лучшие» люди составляли верхи посадского населения.

Меньшая часть городского населения состояла из людей, находившихся на царской службе. В каждом городе жили также дворяне и дети

[1] *А. П. Пронштейн.* Указ. соч., стр. 175—176.
[2] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 151; «История Москвы», т. I, стр. 179.
[3] *П. В. Сытин.* Указ. соч., стр. 46.
[4] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 317.
[5] Там же, стр. 313.
[6] О городском ремесле см. гл. 2, § 3 настоящего издания.

боярские, но они, как указано выше, редко проживали сами в своих городских дворах в мирное время. Большинство служилого населения городов — это стрельцы, стоявшие в городских гарнизонах, и иные ратные люди. Стрельцы в мирное время обычно занимались ремеслами и мелкой торговлей и по своему имущественному положению были близки к посадским людям. Необходимо отметить еще живших в городах «казенных» ремесленников — кузнецов, плотников, каменщиков и т. п., обслуживавших нужды гарнизона и содержавших в исправности укрепления города. «Казенными» же служилыми людьми считались ямщики, жившие в городах иногда целыми слободами и несшие службу связи. Все эти категории служилого населения объединяло только то, что они выполняли военную и административно-хозяйственную службу. Налогов они не платили. В остальном, как мы видели, они сильно различались между собой.

Значительный процент населения в городах составляло черное и белое духовенство. Много было также зависимых от духовенства, в особенности от монастырей, людей, которые иногда еще жили особыми слободами и платили оброки не правительству, а своим господам. Также исключались из числа тяглого населения и многочисленные дворники, жившие во дворах дворян и детей боярских.

Из всех перечисленных категорий городского населения в значительной степени чуждыми ремеслу и торговле оставались только феодалы. Не только посадские черные люди, но и стрельцы, и дворники, и даже белое духовенство занимались ремеслами и торговлей, владели мастерскими и лавками. Поэтому, хотя писцовые книги называют ремесленниками всего 20—25% городского населения, можно предположить, что фактически этот процент был значительно выше. В больших городах в конце XVI в. было также множество людей без определенных занятий, бобылей, нищих и т. п.

Особую группу городского и пригородного населения составляли люди, зависимые от феодалов, жившие в их «дворах» и «слободах» и обслуживавшие их. У отдельных феодалов, и в особенности у крупных монастырей, в хозяйстве работало множество зависимых ремесленников, хотя в XVI в. вотчинное ремесло не играло уже в городах такой важной роли, как в предыдущие периоды[1].

С середины XVI в. царская власть начала проводить мероприятия по ограничению роста частновладельческих слобод, что имело и экономическое и политическое значение. Правительство стремилось ликвидировать бегство посадских людей и закладничество. Уложение о слободах, принятое в сентябре 1550 г., предписывало слобожанам «новых слобод», принадлежавших духовным феодалам, платить налоги наравне с «городскими людьми» и подчиняло их общему городскому суду. Уложение запрещало в дальнейшем принимать в слободы посадских людей. Таким образом, для населения новых частновладельческих слобод создавались особенно тяжелые условия (например, двойное тягло — на государя и на

[1] См. гл. 1, § 3 настоящего издания.

владельца слободы), долженствовавшие привести к ликвидации слобод[1]. В дальнейшем, однако, Уложение о слободах неоднократно феодалами нарушалось. Правительство Ивана IV, использовавшее в своей борьбе с крупными феодалами поддержку городов, предоставило посадам и ряд прав, пытаясь оградить их от произвола феодалов. Судебник 1550 г. возводил горожан в особый «честный» чин и устанавливал высокие штрафы за нанесение им «бесчестья». За бесчестье купца — «гостя» (лучшего посадского человека) полагалось платить 50 руб., среднего посадского — 5 руб., молодшего — 1 руб. (столько же, как и за крестьянина), за дворянина — в зависимости от получаемого им оклада — 3—5 руб. Судебник отменил также подсудность посадских людей монастырям, запретил выдачу новых тарханных грамот и назначил пересмотр старых[2]. В Судебнике ясно проявилась забота об охране интересов горожан и стремление выделить верхушку их — купцов и ремесленников — «лучших» или «добрых» посадских людей. Вероятно, как раз эти горожане и представляли посады на земском соборе 1566 г., к участию в котором были привлечены посадские люди. Такая политика правительства Ивана IV обеспечила ему полную поддержку горожан в его дальнейших мероприятиях.

Тяжелое имущественное положение основной массы «молодших» посадских людей во второй половине XVI в. усугублялось длительными войнами, неурожайными годами, притоком в города массы населения, которое голод гнал из деревень. Недовольство массы посадских людей выливалось не только в форму пассивного протеста — массового «ухода» с посадов, преимущественно в города южной и восточной окраины, где жить было все же легче. Уже с середины XVI в. в наиболее острые политические моменты происходили восстания молодших посадских людей, сопровождавшиеся обычно разгромом боярских дворов. Но центральную власть, которая была «...представительницей порядка в беспорядке...»[3], горожане поддерживали единодушно. Именно посадское население стало основой сопротивления силам феодальной реакции и иностранной интервенции в начале XVII в. Оно дало этому движению такого талантливого вождя-организатора, каким был нижегородец Кузьма Минин.

6

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Внешняя торговля, которая не играла ведущей роли в развитии общественного разделения труда и товарного производства на Руси, определялась в какой-то мере уровнем их развития и была теснейшим образом связана с укреплением международных отношений Русского государства как с восточными, так и с западноевропейскими странами.

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, стр. 104—128.

[2] «История Москвы», т. I, стр. 181.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 445.

Во второй половине XVI в. в русской восточной и юго-восточной торговле происходят значительные изменения. Присоединение Казани в 1552 г. и Астрахани в 1556 г. открыло для России возможность непосредственных сношений со среднеазиатскими ханствами, северокавказскими княжествами и Ширваном (Сев. Азербайджаном). Если до середины XVI в. основным контрагентом Русского государства на востоке была Турция, связь с которой осуществлялась главным образом через Крымское ханство, то во второй половине XVI в. выдающуюся роль в русской внешней торговле стали играть государства Средней Азии, Кавказа; усилились экономические связи с Ираном [1]. Уже в 1557 г. на Русь, по известию летописи, явились «многие гости» из «Шамахеи» (Ширвана), с Северного Кавказа и из Средней Азии [2]; в 1563 г. «царь Шамахии» писал Грозному: «чтобы царь и великий князь торговым людем велел дорогу отворити и торг бы им велел давати поволной» [3]. Из Ширвана русские купцы проникали в Иран и далее на юг — вплоть до легендарного «Гурмыза» (Ормуза).

Среди среднеазиатских князей наибольшую активность в сношениях с Русским государством проявлял бухарский хан (Абдулла II), объединивший во второй половине XVI в. почти все узбекские земли в единое государство. В конце 1558 г. послы «от царя Бухарского и Шамарханского» обращались к Ивану IV, «просячи дороги гостем и о береженье»; те же «челобитья» повторялись в 1564 и 1567 гг.[4], а с 80—90-х годов XVI в. послы и купцы «Абдулы царя» и других среднеазиатских правителей являлись на Русь почти ежегодно [5].

Предметами ввоза с юга были во второй половине XVI в., как и в предшествующее время, шелк и шелковые ткани (из Ирана, Ширвана и Турции), хлопчатобумажные изделия (главным образом из Средней Азии), бакалейные товары, драгоценные камни. Русское государство экспортировало кожи, меха, шерсть, воск, мед, охотничьих птиц и различные изделия русского ремесла: «щепье» (деревянную посуду), конскую сбрую, металлические хозяйственные изделия (топоры, ножи, гвозди), ювелирные изделия и предметы вооружения — доспехи, сабли, панцыри и даже огнестрельное оружие[6]. Предметы вооружения считались на Руси заповедными товарами, и на их вывоз восточные купцы должны были испрашивать специальное разрешение. К числу таких же заповедных товаров относились драгоценные металлы (серебряные и золотые деньги и ювелирные

---

[1] Ср. *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952, стр. 6—7.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 284; ср. стр. 277, 281.

[3] Там же, вторая половина, стр. 371.

[4] Там же, стр. 313, 385, 406.

[5] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1932, отд. I, №№ 1—15, стр. 97—108.

[6] *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 64—118; *А. Чулошников.* Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», вып. 3, ч. 1, Л., 1932, стр. 71—72.

изделия), вино и военный «полон»[1].

Развитие торговых и дипломатических связей со странами в Средней Азии способствовало сближению среднеазиатских народов с русским; проникновение изделий русского ремесла в Среднюю Азию было фактом, имевшим, безусловно, положительное значение.

С ростом международного значения Русского государства постепенно расширялись торговые связи и с Западом. С середины XVI в. Русское государство впервые завязало непосредственные торговые сношения с Англией, Нидерландами и Испанией.

Фарфоровая сулея иранской работы XVI в. *Оружейная палата.*

Толчком к установлению постоянных торговых сношений между Россией и Англией была экспедиция Ричарда Ченслера, пытавшегося в 1553 г. отыскать дорогу в Индию северным морским путем и случайно попавшего в Белое море. Ченслеру не принадлежала заслуга ни «открытия Московии», ни даже первого путешествия вокруг северной оконечности Европы, так как по пути, проделанному им, русские послы и купцы плавали уже неоднократно, направляясь на запад[2]; в начале XVI в. они уже побывали и в Англии. Но экспедиция Ченслера имела существенное значение: через два года после нее, в 1555 г., в Англии была образована специальная «Московская компания» для торговли с Русским государством.

---

[1] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 99, 100, 102; ср. стр. 69—70.

[2] Ср. *И. Гамель.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях, т. 1, СПб., 1865, стр. 10—16.

Следующим этапом в развитии русской торговли в Западной Европе было время Ливонской войны. После присоединения Нарвы к России Иван IV сразу же принял ряд мер для сохранения и укрепления экономического значения города. Результаты этой политики не замедлили сказаться: под русской властью Нарва сразу же приобрела роль торгового порта международного значения, привлекавшего, несмотря на блокаду, провозглашенную в 1561 г. германским императором, купцов со всех концов Европы. Одних голландских кораблей приходило ежегодно в Нарву от 200 до 300.

В 1565—1566 гг. началось использование еще одного пути из Русского государства в Западную Европу. Антверпенские купцы — подданные испанского короля, получившие от него специальную грамоту к русскому государю,— вступили в постоянные сношения с русскими поселениями на Кольском полуострове — Печенгским монастырем и Колой.

Появление неожиданных соперников на Северном Ледовитом океане не могло не смущать англичан — тем более, что с конца 70-х годов нидерландцы начали посещать и Белое море, освоив там новую пристань, не известную англичанам: Пудожемское устье Двины, всего в 15 верстах от Никольского Карельского монастыря [1], у которого останавливались английские моряки. Особенно опасным противником англичан оказался Ян де Валле, прозванный на Руси «Иваном Белобородом». Антверпенец по происхождению, де Валле выступал в Москве в качестве «ишпанского короля гостя» (а впоследствии и политического агента) и был в бо̀льшей мере представителем Испании, чем Нидерландов. Борьба его с англичанами на Руси была отражением экономической и политической борьбы, развернувшейся в те годы между Испанией и Англией [2].

Роль Северного Ледовитого океана в русской внешней торговле стала особенно значительной с 80-х годов XVI в. В 1581 г. шведам удалось отвоевать у России Нарву; основным средством сообщения с Западом вновь стал северный путь. В 1583 г. Иван Грозный принял решение о строительстве нового города на Двине, на месте, где стоял Михайло-Архангельский монастырь. Новый город, получивший наименование «нового Архангельского города» или Архангельска, уже в царствование Федора Ивановича превратился в главный центр русской заморской торговли.

Среди предметов западного импорта важное место во второй половине XVI в. занимают, как и в предшествующее время, шерстяные изделия — нидерландские, английские, иногда французские и шведские сукна. Ввоз западных сукон достиг особенно широких размеров в период деятельности нарвского порта [3]. Резко увеличился ввоз предметов западноевро-

---

[1] Сб. РИО, т. 116, стр. XIII—LI.

[2] Ср. *Я. С. Лурье*. Английская политика на Руси в конце XVI века. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 61, 1947, стр. 131—134.

[3] *А. В. Тищенко*. Торговые книги, как исторический источник. Сборник «А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем». Пг., 1916, стр. 36.

Иранский бархат XVI в.

Государственный Исторический музей

пейской техники, в том числе предметов военной техники, особенно необходимых Русскому государству во время Ливонской войны. Напуганные этим обстоятельством польский король и германский император неоднократно обращались к ряду западных государей с увещанием принять меры против подобной торговли с «Московитом», однако увещания эти не действовали ни на английских, ни даже на шведских, датских и германских (ганзейских) купцов. Из Западной Европы ввозились на Русь вина и писчая бумага (главным образом французская)[1]; бакалейные товары, несмотря на свое восточное происхождение, также иногда проникали на Русь из Западной Европы. Наладившаяся связь западных рынков (и главного из них — Антверпена) с Индией приводила к тому, что в «Барабанской земле» и в «Голантех» многие из этих товаров стоили дешевле, чем на Руси, и западные купцы возили их в Москву[2]. С Запада на Русь проникал и монетный металл, в связи с чем мировая «революция цен» в XVI в. отражалась и на русских ценах[3].

Среди предметов русского экспорта наряду с такими обычными статьями, как пушнина, воск, мед и продукты животноводства (сало, кожи, мясо, масло), определилась новая, особенно важная группа товаров: различные виды технического сырья — лен, пенька, конопля, канатная пряжа и готовые канаты[4]. Источники упоминают среди предметов русского экспорта продукты переработки дерева — смолу, деготь, вар, золу[5]; вывозились в Англию и цельные бревна — корабельный и мачтовый лес[6].

Значительное расширение международных торговых связей Русского государства как на западе, так и на востоке привело к изменению самого характера русской внешней торговли. Если для предшествующего времени характерной была караванная торговля купцов-«складчиков», непосредственно участвовавших в торговых экспедициях, то в середине XVI в. на Руси появился новый тип «гостя», возглавлявшего обширное торговое предприятие и ведущего торговлю через многочисленных агентов — приказчиков. Типичными представителями такого рода «гостей» были знаменитые Строгановы, которые вели торговлю одновременно в двух столь отдаленных точках земного шара, как Нидерланды (куда они посылали своего агента, служившего у них брюссельца Брюнеля)[7] и Бухара[8].

---

[1] *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века, стр. 241—242.

[2] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. X, прим. 426; ср. *В. А. Кордт.* Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов. Сб. РИО, т. 116, стр. CCLXXXII—CCLXXXIII.

[3] *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 6, 99—102.

[4] *Д. Флетчер.* О государстве Русском, стр. 14. Ср. «Торговая книга». ЗОРСА, т. 1, СПб., 1851, отд. II, ст. 173, 174, 175, стр. 131.

[5] «Торговая книга», ст. 204, 205, 217, стр. 134, 135.

[6] *Н. И. Костомаров.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862, стр. 231.

[7] Сб. РИО, т. 116, стр. XXXIII.

[8] *А. А. Введенский.* Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924, № 29, стр. 94.

Торговля русских промышленников с голландцами на севере.
Гравюра из книги Геррита-де-Вера, XVI в.

Большую по своим масштабам торговлю (в виде обмена «поминками» и прямого товарообмена) вела в XVI в. и царская казна.

Как и в предшествующий период, во второй половине XVI в. существенное место в общей системе русской внешней торговли занимала транзитная торговля. Присоединение Казани и Астрахани, усиление политических и экономических связей Русского государства со Средней Азией и Кавказом — все это значительно облегчало возможность продвижения через русскую территорию из Западной Европы в Переднюю Азию и обратно. В 50-х годах XVI в. через Россию в Персию ездил итальянский купец Тедальди[1], права транзитной торговли с восточными странами добивались от русского царя шведские купцы[2]. Но наибольшую роль играла транзитная торговля с Востоком английских купцов; начавшие свою торговую деятельность в России с неудачной попытки пробраться северным морским путем в Индию, англичане и после этого не отказались от стремления проникнуть в Переднюю Азию. Далекую Индию, правда, заменил более доступный Иран, торговые отношения с которым были ими завязаны в результате путешествия Дженкинсона в 1558—1559 гг. Учитывая доходы, которые получали английские купцы от транзитной торговли «Московской компании» с Ираном, русское правительство ввело с 1572 г.

[1] *Е. Ф. Шмурло.* Известия Джиованни Тедальди о России времен Иоанна Грозного. ЖМНП, 1891, № 5, стр. 121, 146.

[2] Сб. РИО, т. 129, стр. 52.

для англичан обязательную уплату половинной пошлины при проезде через Казань и Астрахань, тогда как прежде англичанам разрешалась беспошлинная торговля.

Выгодность транзитной торговли хорошо понимало русское правительство; понимали ее и русские купцы. Русские перепродавали «немцам» нефть — «черную» и «белую» (керосин) и шелк. Оба товара вывозились из Шемахи (Ширвана), и при продаже их купец должен был учитывать благоприятность обстановки: есть ли «ход до Шемахи мирной» и какова рыночная конъюнктура[1]. Из западных товаров русские иногда перепродавали на восток (главным образом в Ногайскую и Крымскую орду) сукна и бумагу[2].

Однако, как ни облегчилась транзитная торговля после присоединения Казани и Астрахани, как ни заманчива она была для западных купцов, главной роли в русской внешней торговле она все-таки не играла. Основными предметами ввоза в Россию были попрежнему товары, предназначенные для внутренних потребностей (западные сукна и металлические изделия, восточные бумажные и шелковые ткани); а вывоза — товары русского происхождения. Особенно важное место в общей системе русского экспорта занимал вывоз двух категорий товаров: предметов русского ремесла (на восток) и русского технического сырья (на запад). Если вывоз русских ремесленных изделий на восток имел большое значение для внутреннего развития России, содействуя росту производительных сил и способствуя географическому разделению труда[3], то вывоз технического сырья на запад имел большое значение для развития европейской экономики в целом. XVI век — время бурного расцвета судостроения, время больших морских экспедиций и войн на море. Огромным значением русского технического сырья (корабельного такелажа и корабельного леса) для развития западной промышленности определялась в первую очередь роль русской внешней торговли в международной экономике и политике.

Англичане еще в середине века поняли, какую роль должно было сыграть русское сырье в развитии европейского кораблестроения, и неоднократно пытались оттеснить другие народы от сношений с «Московией». Однако многолетняя борьба англичан за монополию в русской внешней торговле (вопреки мнению ряда историков) не имела успеха. Торговая привилегия 1567—1569 гг. была дана англичанам под условием заключения политического союза между обеими странами[4]; убедившись в неосуществимости этого союза, царь отменил привилегию[5], и с этого вре-

[1] «Торговая книга», ст. 207, 225, стр. 134, 136.

[2] *М. В. Фехнер*. Указ. соч., стр. 79—80.

[3] Там же, стр. 6.

[4] *Ю. Толстой*. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875 (№ 12 и 20); *Hakluyt, R.*, Prinsipal Navigations, 1599, I, стр. 372—374 и 378—382 (ни в более ранних, ни в более поздних документах монополия не упоминается)

[5] «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 143; Сб. РИО, т. 38, стр. 95; ср. *Ю. Толстой*. Первые сорок лет..., стр. 144.

мени все попытки англичан «затворить божью дорогу — океан-море» для других купцов оказывались бесплодными[1].

Англия была не единственной страной, заинтересованной в русском экспорте. Появление испано-нидерландских купцов на Кольском полуострове в 1565—1566 гг. привело к установлению непосредственных экономических связей России не только с Нидерландами, но и с главным соперником Англии в Европе—Испанией [2]. С началом революции и гражданской войны в Нидерландах интерес к русской и вообще восточноевропейской торговле в Испании не уменьшался. Испанцы понимали, какую роль играл восточноевропейский рынок в судьбе их соперников — Англии и революционных Нидерландов. Рано вступившие на путь капиталистического развития, оба эти государства остро нуждались в ввозном хлебе: он шел к ним главным образом из Польши [3], их кораблестроение — источник благосостояния и силы обеих стран — не могло существовать без восточноевропейского сырья: сырье это шло в основном из «Московии»[4]. Лишить Англию и Нидерланды связи с Восточной Европой, отрезать их от восточноевропейского хлеба и сырья становилось важнейшей задачей испанской политики.

Переговоры о прекращении польской торговли в Северо-Западной Европе велись уже с королем Стефаном Баторием; католический фанатизм его преемника — Сигизмунда III позволял твердо рассчитывать на участие Польши в предполагаемой блокаде[5]. Но если бы прекратилась связь Польши с государствами Северо-Западной Европы, то тем более важным становился вопрос о сношениях России с этими государствами. В отношении корабельного такелажа «Московия» во второй половине XVI в. играла роль первого экспортера в Европе; если бы закрылся польский рынок, то важную роль мог бы сыграть и русский хлеб: уже «Торговая книга» называла в качестве предмета вывоза в «Брабанскую землю» зерновой хлеб — пшеницу в «бочках-селедовках»[6].

Но все попытки католических политиков привлечь «Московию» к блокаде Англии и Нидерландов оказались тщетными. Русское государство вело самостоятельную и твердую линию как во внешней политике, так и во внешней торговле.

Эти попытки западноевропейских держав воздействовать на экономическую политику Русского государства свидетельствовали о большом международном значении русской внешней торговли.

---

[1] Сб. РИО, т. 38, стр. 110—112, 115, 127—128, 132.

[2] «Торговая книга», ст. 171—175, стр. 129—131, и т. д.

[3] *Boratyński, L.* Stefan Batory, Hanza i powstanie Niderlandów, Przegląd historyîny, т. VI, Варшава, 1908, стр. 52—55. Ср. *W. R. Deardorff.* Studies in the history of English commerce, 1912, стр. 225.

[4] *Deardorff.* Указ соч.; стр. 222; *Lubimenko J.* Les relations commerciales de l'Angleterre avec la Russie. Париж, 1933, стр. 103.

[5] *Boratyński.* Указ. соч.; *Szelagowski. Z.* dzieijow wspòlzawodnictwa Anglii i niemec, Rossyi i Polski. Львов, 1910, стр. 175—177. Ср. *Г. Форстен.* Балтийский вопрос в XVI—XVII вв., т. II, СПб., 1894, стр. 18, 36—37, 39, 109.

[6] «Торговая книга», ст. 210, стр. 134.

7

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В СЕРЕДИНЕ XVI В. ВОССТАНИЕ 1547 Г. В МОСКВЕ

Середина XVI в. на Руси была временем обострения классовой борьбы как в деревне, так и в городе, особенно ярко проявившейся в московском восстании 1547 г. Обострение классовой борьбы было вызвано ухудшением положения крестьянства и низов посада, ростом феодальной эксплуатации. На тяжесть положения «ратаев», т. е. крестьян, в середине XVI в. обратил внимание видный публицист того времени Ермолай Еразм: «Ратаеве же безпрестани различныя работныя ига подъемлют». Крестьяне также были «мучими сребра ради», взимающегося в пользу кормленщиков. Правильно подметив усиление крепостнической эксплуатации крестьян, в частности рост государственных налогов, Ермолай Еразм указывал, что ратаи «всегда в волнениих скорбных пребывающа, еже не единаго ярма тяготу всегда носяще»[1].

«Волнения» крестьян, отмеченные Ермолаем Еразмом, были проявлением напряженной классовой борьбы угнетенных народных масс, которая приняла особо широкие размеры к середине XVI в. Формы этой борьбы были различны. Прежде всего следует отметить массовое бегство крестьян от своих эксплуататоров. Бежали представители различных социальных групп трудящегося люда, чаще всего — крестьяне и холопы. О побегах холопов ярко рассказывает кабальная книга конца XVI в., содержащая за целое столетие грамоты «полные», «докладные» и другие на холопов, начиная с XV в., с многочисленными замечаниями о бегстве «полных людей» целыми семьями[2]. Аналогичные факты встречаются и в других источниках.

В 1548 г., например, один тверской помещик заявил, что у него документы на землю отсутствуют, ибо «крепости украдены: побежал холоп, покрадчи» (их)[3]. Захват «грамот» беглыми холопами и крепостными был обычным явлением[4].

В одном завещании помещика 1545 г. мы читаем: «которые мои люди полные и докладные неизвестные бегают, и кого тех людей поимает жена моя по отца моего или по моим крепостям, и те люди жене моей до ее живота, а опалы ей на них и казни в том их побезе не чинити»[5]. Обычно за побег холопов жестоко наказывали.

---

[1] *В. Ф. Ржига.* Литературная деятельность Ермолая Еразма. ЛЗАК, вып. 33, стр. 193, 194.

[2] «Записная книга крепостным актам XV—XVI вв.» РИБ, т. 17, отд. II, стр. 109, 114, 119 и др.

[3] ПКМГ, ч. 1, отд. II, СПб., 1877, стр. 188.

[4] Там же, стр. 144 («люди пократчи побегли, да те крепости взяли» и др.).

[5] ЦГАДА, ФИВМ, № 464/XIV.

Бежали не только холопы, бежали детеныши и монастырские ремесленники[1]. Наконец, особенно часто в середине XVI в. бежали крестьяне от усиления феодального гнета помещиков. Так, в одной правой грамоте отмечалось, что некий помещик Некрас деревни «запустошил и крестьяне порозбеглись»[2]. Старожильцы и новоприходцы бежали «вон без отказу и безпошлинно»[3].

Бежали крестьяне и от насилий, чинившихся представителями великокняжеской администрации. Наместники и волостели, доводчики и праведчики пользовались удобным случаем, чтобы взыскать те или иные штрафы с крестьян. Они же в самую страдную пору вызывали крестьян на суд, отрывая их от работ,— «сроки на них наметывают частые в деловую пору,— читаем мы в одной жалобе монастырских старцев 1557 г.,—и монастырские деи крестьяне от того бежат из-за них вон»[4]. Уже в 50-х годах XVI в. отмечается запустение отдельных деревень Новгородской области — явление, которое впоследствии приняло широкие размеры. Писцовая книга Бежецкой пятины 1564 г. дает картину начавшегося запустения новгородских деревень. Касаясь причин, вызвавших это явление, писцы отмечали и «царевы подати», и «помещиково воровство» и «насильство», а отсюда «захудание крестьян»[5]. Крестьяне центральных уездов бежали на юг, юго-восток и восток, осваивая недавно присоединенные к Русскому государству земли. Крестьяне Новгородской и Псковской областей продвигались все дальше на север, северо-восток и восток, за Урал и в Сибирь.

Однако бегство крестьян было лишь пассивной формой их борьбы с феодальным гнетом. Беглые крестьяне «...освобождались не как класс, а поодиночке»[6].

К середине XVI в. получили дальнейшее развитие активные формы классовой борьбы в деревне (покушения на имущество и жизнь феодалов). Возросло число случаев насильственной запашки земель феодалов[7] и порубки их леса.

В сентябре 1546 г. власти Ферапонтова монастыря жаловались, что крестьяне черносошных земель Белоозера (Словенского волочка, Ципинской и Иткольской волостей) «вступаются у них в монастырские починки... перелезши, деи, за межу, земли пашут и лес секут и пожни косят, а называют, деи, они те земли и лес и пожни и починки и деревни своею землею»[8].

---

[1] «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века», стр. 77; *Н. Тимофеев.* Крестьянские выходы конца XVI века. «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 68.

[2] АЮБ, т. I, № 52/VII, стр. 222.

[3] «Акты Федотова-Чеховского», т. 1, № 65, стр. 126.

[4] Там же, № 80, стр. 221.

[5] *А. М. Гневушев.* Очерки по экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области. Киев, 1915, стр. 57.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 67.

[7] ПКМГ, ч. I, отд. II, стр. 162—163, 179 и др.

[8] ААЭ, т. I, № 209, стр. 198.

В начале декабря 1547 г. власти Симонова монастыря жаловались, что крестьяне земель, соседних с Симоновской вотчиной в Московском и других уездах, «секут их сел и деревень рощи поросняки». В ответ на эту жалобу была послана строжайшая грамота в слободу Воробьевскую Московского уезда, «чтобы слобожане Воробьевские слободки и воробьевские сельчане и деревеньщики» Симонова монастыря рощей и «поросняков» «сечи не ездили»[1].

В 1550—1551 гг. в Суздале крестьяне Борисовского села «вступались» в луг Спасо-Преображенского монастыря, т. е. без какого-либо дозволения косили монастырские угодья[2].

Яркие картины «разбоев» рисует писцовая книга Тверского уезда 1548 г.[3] В ней говорится, что «разбойники» не только совершали нападения на помещичьи деревни, но и захватывали документацию, подтверждавшую права феодалов на земли. Например, в одном случае «грамоту помещичью, сказали, взяли разбойники, коли деревню разбивали»[4]. Или еще: «крепости Фетко не положил, сказал разбойники взяли»[5].

Одновременно с ростом классовой борьбы в деревне происходил процесс углубления социальных противоречий в русском городе, что было одним из следствий развития товарно-денежных отношений. Борьба на посадах была, прежде всего, антифеодальной борьбой черных тяглых людей города против господствующего класса феодалов. С другой стороны, зарождалась борьба между низами городского населения и выделявшимся из его массы патрициатом.

Особенно обострилась борьба против феодального гнета в период боярского правления, когда феодальная аристократия пользовалась всеми имевшимися в ее распоряжении средствами для самого беззастенчивого грабежа населения.

Боярские наместники были, по словам псковского летописца, «сверепи, аки лвове, и людие его, аки зверие дивии, до крестьян, и начаша поклепцы добрых людей клепати, и разбегошася добрые люди по иным городом»[6].

До нас дошли сведения о движениях во Пскове в 30-х — начале 40-х годов XVI в. Не стоял в стороне от усилившейся антифеодальной борьбы и другой из крупнейших русских городов — Великий Новгород. В 1545 г. на Новгород возложили тяжкую повинность. Нужно было выставить «с дворов» 2000 вооруженных пищальников[7]. В соответствии с разверсткой один человек выставлялся с одного двора гостей и один с пяти черных дво-

---

[1] ГИМ, Симоновское собр., № 58, л. 184.

[2] «Акты Федотова-Чеховского», т. I, № 67.

[3] См. *И. И. Лаппо*. Тверской уезд в XVI в. «Чтения ОИДР», 1894, кн. IV, стр. 15. На материалы книги в связи с вопросом о классовой борьбе в середине XVI в. впервые обратил внимание В. И. Корецкий в неопубликованной дипломной работе (МГУ).

[4] ПКМГ, ч. I, отд. II, СПб., 1877, стр. 225.

[5] Там же, стр. 211, ср. стр. 229.

[6] «Псковские летописи», вып. 1, М.—Л., 1941, стр. 110.

[7] См. подробнее гл. 1, § 7 настоящего издания.

ров. В Новгороде было 240 дворов «гостей сурожан» и 4160 черных дворов. Однако шесть дворов сурожанам удалось скинуть со счета. Это вызвало резкое обострение отношений между зажиточными кругами Новгорода и массой посадского населения, на которую падала основная тяжесть разверстки пищальников. Новгородцы «в спорах с сурожаны не доставили в пищальники сорока человек на службу». Однако русское правительство, склонное согласиться с доводами сурожан, жестоко подавило недовольство народных масс. Уже летом 1546 г. («перепустя зиму») 25 человек «опалных людей» было сведено из Новгорода «и животы у них отписали и к Москве свезли, а дворы их оценив на старостах доправили»[1].

В движениях 40-х годов XVI в. в Москве и в других городах, наряду с черным посадским населением, принимало участие и крестьянство. Еще в 1544—1545 гг. «мужики гороховцы городового воеводу Фоку Воронцова и его товарищей» хотели «камением побити за то, что они с казанскими людьми не билися, их упустили»[2].

В июле 1546 г. в Коломне произошло волнение пищальников, навербованных из новгородских посадских людей. Человек пятьдесят пищальников «начаша государю бити челом». В чем состояло их челобитье, сказать трудно. Во всяком случае, «государь велел их отослати». Тогда пищальники «начаша посланником государским сопротивитися, бити колиами и грязью шибати». Иван IV поручил «отослати» пищальников своим дворянам. «Они же начаша болше сопротивится». Дело дошло до открытого столкновения. «И как примчали их (пищальников.—*Ред.*) к посаду и почяли битися ослопы и ис пищалей стреляти... и бысть бой велик и мертвых по пяти по шти на обе стороны». В результате розыска дьяка Василия Захарова оказалось, что какое-то отношение к возмущению пищальников имели бояре И. И. Кубенский и Василий и Федор Воронцовы. Все трое бояр были казнены в июле того же года[3].

Но особенного напряжения положение в стране достигло в период московского восстания 1547 г. Непосредственным поводом к этому восстанию послужил большой пожар в городе 21 июня 1547 г. Пожары были обычным явлением в городах, где преобладали деревянные строения. Однако июньский пожар 1547 г. был особенно значителен, именно поэтому летописец и назвал его «великим пожаром»[4].

Пожар начался в «10 час дни», т. е. в 12 час. 30 мин. по нашему счету[5],

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 618.

[2] ПСРЛ, т. XXII, стр. 525—526; *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив», т. VII, 1951, стр. 290.

[3] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 448—449.

[4] Страшную картину разрушений, причиненных пожаром, рисует особая, до сих пор остававшаяся неизвестною повесть «О великом и сугубом пожаре», составленная в середине XVI в. (ГБЛ, Рогож. № 82, л. 281 и сл.). Автор ее был лицом, близким к митрополиту Макарию. Повесть в значительной части позднее вошла в текст «Степенной книги».

[5] *Л. В. Черепнин.* Русская хронология, М., 1944, стр. 50.

на территории Воздвиженского монастыря «на Арбатской улице на Острове»[1]. В течение часа пожар вследствие ветреной погоды («бысть буря велика») распространился на огромной территории, достигнув к югу ручья Чертолья. После этого «обратися буря на град болший», т. е. загорелся Кремль, где выгорели все деревянные дворы, Казенный двор, Оружейная и Постельная палаты[2]. В Успенском соборе едва не задохнулся митрополит Макарий, которого вывели по тайнику к реке Москве[3] и едва живого отвезли в Новодевичий монастырь.

Пожар распространился на Китай-город («Большой посад»), который весь выгорел[4]. Пожар продолжался до «третьего часа ночи» (т. е. до 22 ч. 30 мин.), т. е. всего более десяти часов[5]. Выгорела основная территория Москвы (примерно до черты позднейшего Земляного города). Современники писали, что «прежде убо сих времен... такой пожар не бывал в Москве»[6]. Всего, по одним данным, выгорело 25 000 дворов и погибло 2700 человек[7]; по другим — за р. Неглинною собрали 3700 обгоревших трупов[8]. Бедствие было колоссальное; около ста тысяч горожан осталось без крова. Пожар, как надо думать, на время дезорганизовал снабжение столицы, что должно было привести к голоду.

Постепенно складывалась обстановка, в которой открытое выступление народных масс становилось неизбежным. В народе распространились слухи, что Москву подожгли Глинские. Эти слухи явились отражением недовольства народа усилением феодально-крепостнического гнета в период боярского правления. Современники так описывают причину восстания: «наипаче же в царствующем граде Москве оумножившися неправде, и по всеи Роси, от велмож, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мъзде, и дани тяжкые... понеже в то время царю великому князю Ивану Васильевичю оуну (т. е. юну.— *Ред.*) сущу, князем же и всем властелем в бестрашии живущим»[9].

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 152; вторая половина, стр. 454. О местоположении Воздвиженского монастыря на позднейшей улице Воздвиженке см. «История Москвы», т. I, стр. 174. Дата продолжения Хронографа 1512 г. (20 июня) ошибочна. См. *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив», т. VII, стр. 292.

[2] По словам «Повести о пожаре», «выгорело все Занеглимение и великий посад и во обоих городах и в старом и в новом и церкви и дворы и великий торг» (ГБЛ, Рогож. № 82, л. 292 об.).

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 153; вторая половина, стр. 454.

[4] См. *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 292.

[5] По другому летописцу, пожар был с 12 час. дня (т. е. приблизительно с 14 ч. 30 мин.) и продолжался 6 часов. ПСРЛ, т. IV, стр. 620. Повесть «о великом пожаре» говорит, что он начался «в утрии в осмый час» (ГБЛ, Рогож., № 82, л. 292 об.).

[6] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 455; ср. *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 292.

[7] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 620. «Летописец начала царства» говорит, что «в един час многое множество народу згорел 1700 мужеска полу и женьска и младенець». ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 154; вторая половина, стр. 455.

[8] *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 292.

[9] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 620.

В этой не вполне отчетливо выраженной мысли заключено указание на основную причину восстания, которая заключалась в усилении феодально-крепостнического гнета в малолетство Ивана Грозного. Дело, конечно, заключалось не столько в самовластии бояр в юные годы Ивана Грозного, сколько в общем ухудшении положения крестьянства и посада во второй четверти XVI в.

Боярское самовластие лишь ускорило народное выступление, но не было его основной причиной. Правда, само восстание носило царистский характер: оно направлено было против правительства Глинских, но не против самого Ивана Грозного. Но эта черта народных движений против феодализма не должна мешать пониманию их существа как движений антифеодальных. Народные массы выступали и позднее, во время крестьянских войн XVII—XVIII вв., против помещиков, но за «хорошего царя»[1].

Обычно считается, что восстание вспыхнуло 26 июня 1547 г.[2] Это не совсем точно. Волнения в Москве, очевидно, начались сразу же после пожара[3]. Курбский писал, что «бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утещи от града со своим двором»[4]. Иван Грозный во время событий 26 июня находился в селе Воробьеве, куда он направился «после пожару»[5]. Бегство его из Москвы следует связывать не столько с последствиями пожара, сколько с волнением московского населения, делавшим пребывание царя в пределах столицы небезопасным.

Волнения московского посада заставили активизироваться отдельные элементы реакционного боярства, которые стремились прежде всего подавить нараставшую классовую борьбу в Москве и, вместе с тем, воспользоваться сложившейся обстановкой, чтобы расправиться со своими политическими противниками, т. е. с правительством Глинских в первую очередь.

23 июня Иван Грозный со всеми боярами приехал в Новодевичий монастырь навестить больного митрополита Макария[6]. Здесь собравшиеся бояре в присутствии митрополита начали обвинять бабку царя Анну Глинскую в том, что якобы она «волхванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша и тою водой кропиша и оттого вся Москва погоре»[7]. С этим утверждением выступили благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин кн. Ф. Скопин-Шуйский и И. П. Федоров. Сходную же позицию, очевидно,

---

[1] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 113.

[2] *И. И. Смирнов.* Московское восстание 1547 г. «Вопросы истории», 1953, № 2, стр. 106.

[3] «После того пожару москвичи черные люди взволновалися». *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 292.

[4] РИБ, т. 31, стб. 168.

[5] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 154; вторая половина, стр. 455—456. Оттуда он перешел «с острову». *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 393.

[6] *М. Н. Тихомиров.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. «Исторические записки», кн. 46, стр. 288.

[7] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 455.

заняли кн. Ю. Темкин-Ростовский, Г. Ю. Захарьин и Ф. Нагой. Состав этой группировки не случаен. Перед нами, в основном, сторонники реакционной боярской оппозиции, возглавлявшейся Шуйскими. В годы боярской реакции Ю. Темкин прямо поддерживал Шуйских[1]. В декабре 1543 г. он и Ф. Скопин-Шуйский после казни Андрея Шуйского были сосланы Иваном Грозным[2]. В июле 1546 г. в ссылку на Белоозеро был отправлен И. П. Федоров, где он был взят «за сторожи»[3]. Ф. Нагой был близок к удельному князю Андрею Старицкому, женатому на Анне Нагой. Выступление Г. Ю. Захарьина не многим отличалось от выступления других заговорщиков и было продиктовано стремлением отстранить от управления Глинских.

Нам неизвестны какие-либо реальные последствия совещания у митрополита Макария. Иван IV, очевидно, не склонен был подвергать опале Глинских и отдал лишь распоряжение произвести розыск о виновниках пожара.

Кульминационным моментом в ходе восстания явились события 26—29 июня. Основной движущей силой их были «московские черные люди», т. е. посад Москвы. Восстание отличалось необычайно широким размахом. Курбский пишет, что «бысть возмущение велико всему народу»[4]. Уже утром 26 июня 1547 г., «собрався вечьем», посадские люди двинулись в Кремль[5].

Упоминание о вече показывает, что перед нами не начальный момент восстания, а какой-то этап в его развитии, когда уже существовала такая серьезная организация городских народных масс, как вече.

Судя по сохранившимся источникам, основным требованием восставших была выдача им на расправу Глинских, как виновников пожара в столице. Глинские вместе с тем обвинялись прямо в измене: они якобы подожгли Москву, «норовя приходу иноплеменных; бе же тогда пришол со многою силою царь Крымской и стоял в полях»[6]. Юрий Глинский, узнав о грозящей ему опасности, спрятался «в митрополичьем (т. е. Успенском.— *Ред.*) соборе». Кн. М. Глинский, находившийся в это время на службе (кормленщиком) во Ржеве, также прятался в различных монастырях[7]. Опасность угрожала и другим сторонникам правительства, которые разбежались, страшась заслуженной ими кары: «другие человекоугодницы с ним (т. е. с Глинским.— *Ред*) — разбегошася»[8]. «Моск-

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 444.

[2] Там же, первая половина, стр. 145; вторая половина, стр. 444.

[3] Там же, первая половина, стр. 149; вторая половина, стр. 449.

[4] РИБ, т. 31, стб. 168.

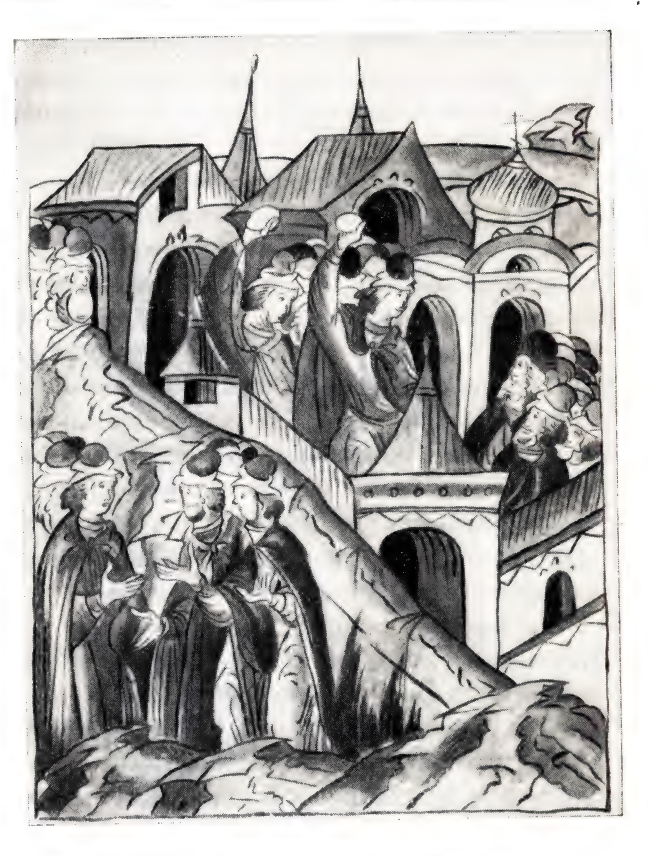
[5] *С. О. Шмидт*. Указ. соч., стр. 292. На это обстоятельство впервые обратил внимание М. Н. Тихомиров.

[6] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

[7] *С. О. Шмидт*. Указ. соч., стр. 242; ср. ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 456. Возможно, во Ржеве были села Глинского (см. там же, стр. 457).

[8] РИБ, т. 31, стб. 169.

вичи большие и черные люди» явились к Успенскому собору, избили до полусмерти («едва жива»)[1] Ю. Глинского, связали и извлекли его из церковного придела Дм. Солунского[2]. Все это происходило во время совершения там церковной службы. Ю. Глинский был убит камнями, причем его «положиша на торжище, яко осуженника»[3]. Бояре, подстрекая «чернь», пошли на выдачу народным массам Юрия Глинского, чтобы отвратить от себя народный гнев.

Восстание в Москве в 1547 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в. (перерисовка).

Но этот маневр не прекратил восстания. Не обнаружив в Кремле других Глинских, «черные люди» направились ко дворам ненавистного им князя Юрия, «людей княже Юрьевых безчисленно побиша и живот княжей разграбиша, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша» [4]. Этим дело не ограничилось. Были «побиты» многие дети боярские из северных городов, недавно прибывшие в Москву: «Много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людьми» [5].

Движение продолжалось и после 26 июня. Правда, о событиях 27—28 июня мы ничего конкретного не знаем, но предположение И. И. Смирнова о том, что «Москва в эти дни фактически находилась во власти «черных людей» и правительство было бессильно подавить восстание»[6], вероятно.

29 июня огромные толпы московских посадских людей («многия люди,

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 620—621.

[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

[3] Там же, стр. 35; ср. «положиша перед торгом, идежа казнят». ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 154; вторая половина, стр. 456.

[4] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 455—456; ср. т. XIII, первая половина, стр. 154; Курбский писал, что Юрий Глинский был убит, а «дом его весь разграблен». РИБ, т. 31, стр. 169.

[5] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 456; ср. первая половина, стр. 154.

[6] *И. И. Смирнов*. Указ. соч., стр. 111.

чернь», «многие люди черные»[1]) направились в подмосковное село Воробьево, где в это время находился Иван Грозный. Это не была просто толпа возбужденных людей; москвичи шли «скопом»[2] в полном вооружении — «с щиты и з сулицы, якоже к боеви обычай имяху»[3]. Народ вооружился не только для того, чтобы покончить с ненавистными ему правителями, но и для того, чтобы выдержать оборону от крымского хана, если бы оказались верными слухи о его движении на русские земли.

Нам неизвестны имена руководителей восставших, но то, что они направились к Воробьево «по кличю палача»[4], показывает роль земских органов посадского населения в восстании 1547 г.[5] Активное участие палача в движении 1547 г., конечно, связано с самим характером московского восстания. Восставшие «черные люди» выставляли одним из своих основных требований казнь ненавистных им бояр Глинских. Палач, следовательно, должен был привести в исполнение эту волю народа.

То, что «палач» призывал народ двинуться в Воробьево, свидетельствует о роли посадских элементов в руководстве московским восстанием. Если учесть, что восставшие пришли к царю по чьему-то «повелению», т. е., вероятно, временных властей, руководивших московским вечем, то можно уже предполагать зачатки правительственного аппарата, создавшегося в ходе восстания 1547 г.

Приход вооруженного народа в Воробьево произвел громадное впечатление на царя; «узрев множество людей», он «удивися и ужасеся»[6]. Позднее вспоминая события, связанные с московским пожаром, Иван Грозный говорил на Стоглаве: «от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости мои и смирися дух мой»[7].

Восставшие потребовали от Ивана Грозного выдать им Анну и Михаила Глинских (ходили слухи, «будто государь хоронит у себя их»)[8]. Возможно, не обошлось даже без прямых угроз по адресу самого царя (Грозный позднее писал, что бояре «наустили были народ и нас убити»)[9].

Ивану Грозному все же удалось убедить народ, что Глинских он не прячет. Не оправдались и слухи о походе крымского хана на Русь. Не имея четко выраженной программы и плана действий, восставшие покинули Воробьево. Царь «не учинил им в том опалы», но лишь до тех пор, пока вооруженные отряды восставших представляли для него серьезную опасность. Однако после этого произведен был тщательный розыск, в

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 456; т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

[2] Там же, т. XIII, вторая половина, стр. 456.

[3] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

[4] Там же. «Палач» был только одним из руководителей движения. Позднее опала была наложена на всех «повелевших кликати» (там же).

[5] См. соображения *И. И. Смирнова*. Указ. соч., стр. 111—112.

[6] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

[7] «Послания Ивана Грозного», стр. 523.

[8] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 456—457; «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

[9] «Послания Ивана Грозного», стр. 35.

результате которого предводители восставших были казнены[1] («повеле тех людей имати и казнити»[2]). С восстанием было покончено.

Восстание 1547 г. в Москве показало, до какой степени обострились социальные противоречия в русском городе середины XVI в. Вместе с тем отчетливо выявились и слабые стороны городских движений того времени. Прежде всего восстание носило локальный характер. Оно не слилось воедино с движением крестьянства и посадского населения других городов. Стихийно возникнув, оно не было в достаточной степени организовано. Восстание по своей форме носило царистский характер,— оно было направлено против Глинских, но не против царя Ивана Грозного.

Москва в XVI—XVII вв. находилась в авангарде антифеодальной борьбы народных масс. Восстание 1547 г. в Москве отозвалось по всей стране громким эхом. В городах и в деревнях усилились волнения народных масс против эксплуататоров. Эти движения конца 40-х — начала 50-х годов XVI в. имели разные формы — от убийства отдельных феодалов в деревне до открытой борьбы между верхами и низами на посаде. Но все эти движения свидетельствовали о крайнем обострении классовой борьбы в стране.

Преследование правительством Ивана Грозного участников московского восстания привело к тому, что «мнози (участники.— *Ред.*) разбегошася по иным градом»[3]. Первым откликнулось на московские события население Пскова и псковского пригорода Опочки. В обоих городах уже к июню 1547 г. происходили какие-то волнения. В «Петров пост» (между 15—29 июня 1547 г.), т. е. в самый разгар московского восстания, псковичи, очевидно, так же, как и восставшие в Москве, предварительно собравшись на вече, послали в столицу 70 человек «жаловатися на наместника» (И. И. Турунтая-Пронского). Напуганный восстанием в Москве, Иван Грозный решил сразу же пресечь всякие попытки со стороны представителей народных масс выражать недовольство. Он «опалился на псковичи» и подверг их жестоким репрессиям[4].

В Опочке тогда же горожане захватили и «в крепость посадили» особенно ненавистного им пошлинника (сборщика торговых и других пошлин и податей) Салтана Сукина, ибо «Салтан пошлинник много творил зла»[5].

Для подавления этих волнений Москва, в силу неспокойного положения в центре страны, не могла выделить своих войск, и новгородские власти были вынуждены отправить в Опочку свое значительное по численности ополчение. «О Петрове дни ходиша новгородци с щита по человеку с лошадью к городу к Почке, а воевода у них Семен Олександрович Упин, дворецкои новгородцкои, опочан вести к Москве, понеже на них бысть

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.
[2] Там же, т. XIII, вторая половина, стр. 457, ср. первая половина, стр. 154.
[3] Там же, стр. 154; вторая половина; стр. 457.
[4] Там же, т. IV (1 изд.), стр. 307.
[5] Там же, стр. 308.

облесть (наговор. — *Ред.*)» [1]. Всего было послано к Опочке «2000 вой» [2]. Правительство отнеслось достаточно серьезно к событиям в Опочке; следствие по этому делу велось в Москве: «разбойников свели к Москве же из Опочки» [3].

Неспокойно в 1547 г. было и в Новгороде. Обращаясь к Ивану IV с просьбой принять срочные меры против корчемства, новгородский архиепископ Феодосий отмечал, что в Новгороде «в домах и на путех и на торжищех убийства и грабления во граде и по погостом великие учинилися, проходу и проезду нет» [4].

Показателем напряженности положения в стране была попытка князя М. В. Глинского с княгиней Анной и псковского наместника И. И. Турунтая-Пронского в ноябре 1547 г. бежать за рубеж. На следствии выяснилось, что они «от неразумия тот бег учинили были, обложася страхом княже Юрьева Глиньского убийства»[5]. Глинский был лишен звания конюшего. У него и у князя Пронского Иван IV приказал конфисковать «живот их, вотчину» [6], но казни беглецы не были подвергнуты. Представители господствующего класса понимали тот ужас, который охватил князя Глинского, помнившего о судьбе своего брата.

В 1548—1550 гг. положение народных масс резко ухудшилось в связи с повсеместным недородом, особенно сказавшимся на русском севере, где даже в обычные «хлебородные» годы чувствовалась нехватка хлеба. Уже в 1547 г., как отмечено летописцем, «во всех городах Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно»[7]. Еще в июле 1547 г. «бысть град силен и велик с яблоко с лесное, ово кругло, ово грановито»[8]. Град, очевидно, сильно сказался на хлебном недороде 1547 г. В 1548—1549 гг. на Двине уже «людей с голоду мерло много» [9].

Исследователи отмечают резкий подъем цен на рожь в Двинской земле, падающий именно на эти годы [10]. Кроме того, резко возросли подати и налоги. Зимою 1547 г. «царь и великий князь велел имати дань с сох по 12 рублев и оттого христианам тягота была великая»[11].

Все это привело к дальнейшему обострению классовых противоречий в стране и особенно на русском севере. Крестьяне и посадские люди с ору-

---

[1] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.
[2] Там же, т. IV (1 изд.), стр. 308.
[3] Там же, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 621.
[4] ДАИ, т. 1, № 41. Грамота в издании датирована 1547—1551 гг. Однако 27 декабря 1547 г. Иван IV в Новгороде «отставил корчмы» («Новгородские летописи», СПб., 1879, стр. 78). Следовательно, грамота Феодосия написана до этого времени.
[5] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 155; вторая половина, стр. 457.
[6] *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 293.
[7] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 267.
[8] *С. О. Шмидт.* Указ. соч., стр. 292.
[9] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 457.
[10] *А. Титов.* Летопись Двинская, М., 1889, стр. 10.
[11] *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве в XVI в., стр. 31.

жием в руках выступали против своих эксплуататоров. Правда, эти выступления все еще носили локальный и неорганизованный характер. В ряде случаев мы имеем дело с отдельными убийствами феодалов.

15 мая 1550 г. крестьяне села Обжи убили основателя соседней с ним Андрусовой пустыни (близ Ладожского озера в Обонежской пятине) Адриана, возвращавшегося из Москвы[1]. Несколько раньше — 5 марта 1550 г.— убит был Адриан, основатель Адриановой пустыни (в 5 км от Пошехонья). Убийцами были «поселяне» из соседнего с пустынью Белого села[2].

Наряду с актами убийства отдельных феодалов участились случаи убийства кормленщиков — наместников и волостелей. Это отмечено, например, в летописной записи под 1555 г. об отмене кормлений. В ней говорилось, что «тех градов и волостей многие коварства содеяша и убийства их (т. е. кормленщиков.— *Ред.*) людем; и как едут с кормлений, и мужики многими искы отыскивают, и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша... и многие наместницы и волостели и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин»[3].

До нас также дошли сведения о ряде городских волнений того времени; так в 1549 г. «смутишася людие града Устюга». Движение это было направлено в первую очередь против посадских богатеев: «восстали друг на друга и много домов[4] разграбили, многих человек смерти предали». Только после вмешательства центральной власти «все то междусобие»[5] было прекращено[6].

В марте 1550 г. в связи с большим пожаром произошло новое волнение («рагоза и нелюбовь») во Пскове. Здесь так же, как и на Устюге, «меншия люди начаша грабити богатых людей животы»[7].

Обострение противоречий зашло к 50-м годам XVI в. настолько далеко, что гнев посадской бедноты обрушился со всей силой на городской патрициат.

Подавление восстаний в Москве и других городах еще не означало окончательного разгрома народного движения. В середине XVI в. одним из проявлений классовой борьбы, носившей религиозную оболочку, как и в предшествующее время, были так называемые «ереси».

---

[1] *Иосиф*. Андрусова Николаевская пустошь, Олонецкой губернии, изд. III, СПб., 1897, стр. 10; ср. *Е. В. Барсов*. Андрей Завалишин и его пустошь. «Чтения ОИДР», 1884, кн. IV, стр. 5.

[2] ГБЛ, Унд. № 1308, лл. 112—112 об.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 267.

[4] В Музейском списке далее «гражданских». ГБЛ, Муз. № 4165, л. 27 об.; ср. ГБЛ, Муз. № 127, л. 25.

[5] В Музейском списке вместо последних трех слов «всех замешательство». ГБЛ, Муз. № 4165, л. 27 об.; в Румянцевском — «все их замешательство». ГБЛ, Рум. № 32, л. 16.

[6] *А. А. Титов*. Летопись Великоустюжская. М., 1889, стр. 47.

[7] ПСРЛ, т. IV (1 изд.), стр. 308.

Однако, если «еретики» конца XV— начала XVI в. направляли острие своей публицистической полемики на критику пороков духовенства, то в середине XVI в. передовые мыслители широко ставят уже вопросы социальные.

«Рабье учение» беглого холопа Феодосия Косого представляло собой проповедь неповиновения власти, развивало идеи равенства, не признавало войны и т. д. Учение Косого отражало интересы крестьянской и городской бедноты. С резким отрицанием холопства выступали дворянские публицисты Матвей Башкин и Иван Пересветов. Снова был поставлен на повестку дня вопрос о секуляризации церковных земель, за которую особенно ратовали идеологи нестяжательства в лице троицкого игумена Артемия и других [1]. Несмотря на то, что в еретических движениях городской элемент, в связи с недостаточной развитостью товарно-денежных отношений на Востоке Европы, не проявлялся с достаточной отчетливостью, эти движения в ряде случаев носили явно антифеодальный характер. Радикальное крыло «еретиков» (в их числе Ф. Косой) выступало в сущности против порядков феодального строя.

Все это объясняет нам, почему, подавив восстание 1547—1550 гг., правительство Ивана Грозного при активной поддержке духовенства поспешило расправиться со всеми вольнодумцами.

Уже летом 1553 г. Иван Грозный получил сведения о ереси сына боярского М. С. Башкина. Церковный собор в декабре 1553 г. осудил Башкина, который был доставлен на «смирение» в Волоколамский монастырь, где он, очевидно, и окончил свои дни [2]. В конце 1554 — начале 1555 г. был схвачен Феодосий Косой, которому, однако, вскоре удалось бежать в Литву. Летописец говорит, что в 1554—1555 гг. «иные явили же ся еретики— два черньца з Белоозера» [3]. Очевидно он имел в виду кого-либо из сподвижников Ф. Косого. В январе 1554 г. на церковном соборе осудили троицкого игумена Артемия (также затем бежавшего в Литву) и незадолго до этого отстранили от руководства другого сторонника нестяжателей — епископа рязанского Кассиана. В 1555 г. в Москве состоялись массовые казни посадских людей [4]. О причинах казней, к сожалению, летопись ничего не сообщает. Однако подавить нараставшее движение и достигнуть укрепления централизованного государства одними лишь репрессиями правительство не могло. Этой же цели служили преобразования центрального и местного аппарата власти, которые в литературе получили название реформ 50-х годов XVI в.

---

[1] Подробнее см. гл. 2, § 13в настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 232; ААЭ, т. I, № 238, стр. 241—249; *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XV—XVI вв. «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 18.

[3] *А. А. Зимин.* Указ. соч., стр. 18.

[4] По сообщению одного летописца, Иван IV в этом году «велел казнити торговых многих людей и гостей на Пожаре площеди, многое множество казненных». ГБЛ, Муз. № 4848, л. 75 об.

8

ПРАВИТЕЛЬСТВО КОМПРОМИССА И РЕФОРМЫ 50-х ГОДОВ XVI В.

Княжеско-боярские усобицы 30—40-х годов XVI в. тяжело отражались на положении народных масс Русского государства. Сменявшиеся с поразительной быстротой у кормила правления Шуйские, Глинские и другие временщики стремились воскресить времена княжеско-боярского самовластия. Господство бояр подрывало экономическую и военную мощь Русского государства, разоряло крестьянство и посадский люд.

Одним из следствий глубокого недовольства народных масс положением, создавшимся в годы «боярского правления», было, как указывалось выше, московское восстание 1547 г. Недовольство это разделяли (выступая с иных классовых позиций) и другие слои населения, которым тягостны были порядки, так напоминавшие период феодальной раздробленности. Это были прежде всего служилые люди — помещики, основная опора складывавшегося самодержавия, основные кадры великокняжеской армии. В 1549 г. царь официально заявлял, что «до ево царского возрасту» от бояр и их людей сильно страдали дети боярские «в землях и в холопах и в иных обидных делах»[1]. Восстание 1547 г. было толчком, который помог изменить порядки «боярского правления» и открыл новые возможности перед средним и мелким дворянством и посадскими людьми, неизменно поддерживавшими растущую власть государя всей Руси в борьбе с уходящей с политической сцены, но еще достаточно сильной феодальной аристократией.

Дворяне нуждались в сильной центральной власти, которая, с одной стороны, обеспечивала бы им полное господство над массой непосредственных производителей, а, с другой стороны, ограждала бы их интересы от посягательства боярской аристократии.

В 40-х годах XVI в. дворянство выступало уже сомкнутым строем, со вполне выработанной программой, которая частично нашла выражение в произведениях выдающегося дворянского публициста И. С. Пересветова[2].

Правительство, которое бы хотело удержаться у власти после восстания 1547 г., должно было считаться с этой дворянской программой и попытаться провести ее в жизнь.

Впрочем, в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. положение в стране было настолько напряженным, что в спешном проведении реформ, направленных к усилению государственной централизации, в данный момент были заинтересованы все без исключения слои правящего класса, напуганные призраком народного восстания, которое могло быть подавлено только крепкой государственной властью.

---

[1] *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г., стр. 295.

[2] Об этом см. гл. 2, § 13в.

Непосредственным результатом майского восстания 1547 г. воспользовалась группировка бояр, враждебных Глинским, во главе с Ф. Шуйским. В 1547—1548 гг. боярские чины получили Захарьины, И. П. Федоров, Ф. Нагой и другие участники боярского заговора против Глинских. Однако этот успех княжеско-боярской реакции был кратковременным.

В течение 1547—1549 гг. состав Боярской думы резко изменился. Из 32 бояр, входивших в состав думы к концу 1549 г., 10 человек получили боярское звание в 1549 г. и 8 после майского восстания 1547 г.; из 10 окольничих — 6 сделались ими в 1549 г., а двое после восстания 1547 г. К началу 1549 г. вокруг Ивана IV складывается новый правительственный кружок, получивший в литературе название «избранной рады». Во главе нового правительства стоял человек, происходивший из богатой, хотя и не очень знатной, дворянской фамилии, царский «ложничий» (постельничий) Алексей Федорович Адашев. Возвышению Адашева содействовала поддержка со стороны придворного духовенства, в частности, благовещенского попа Сильвестра, который в это время приобрел большое влияние на молодого царя. Летописец начала XVII в. подчеркивает, что «поп Сильвестр... правил Рускую землю с ним (т. е. с Адашевым.— *Ред.*) за один»[1]. Близость к царю позволила Сильвестру играть крупную политическую роль.

Человек умный и энергичный, Адашев по существу взял в свои руки всю текущую правительственную работу. Его инициатива видна в различных областях внутреннего управления. В начале 50-х годов XVI в. Адашев принимал деятельное участие в организации вооруженных сил Русского государства[2]. С именем Адашева связаны создание Разбойного приказа, реформа 1555 г. в области местного управления и другие мероприятия.

Будучи видным дипломатом, Адашев под Казанью в 1552 г. выступает также в качестве полководца. Наконец, ему было поручено составление «Летописца начала царства», т. е. хроники царствования Ивана IV[3].

Широкий размах деятельности Адашева привлекал к себе внимание современников. В Польше сравнивали впоследствии его положение при Иване IV с положением Бориса Годунова при царе Федоре: «и такой ближний человек, разумный и милостивый, а у прежнего царя был Алексей Адашев, и он Московским государством так же правил»[4].

---

[1] *С. О. Шмидт.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», т. VII, № 5, М., 1950, стр. 447.

[2] «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.». М.— Л., 1950, стр. 167.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 75 и др.; ср. ОДРА, рукоп. кн. № 244; ГИМ. Синод, № 486.

[4] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 655; подробнее см. *С. О. Шмидт.* Правительственная деятельность А. Ф. Адашева. «Ученые записки МГУ», вып. 167, М., 1954, стр. 25—54.

Вокруг Сильвестра и Адашева очень скоро сплотилась влиятельная группировка. В орбиту их влияния попала и ближняя дума, которую князь А. М. Курбский называл «избранной радой»[1]. Состав этой «рады» не может быть точно установлен. К Адашеву примкнули те более дальновидные элементы из числа бояр, которые в условиях нараставшего антифеодального движения народных масс сознавали необходимость сотрудничества с царской властью, признавали целесообразность отдельных требований дворянства и неизбежность реформ аппарата власти. Среди них прежде всего следует назвать «единомысленника» Адашева и Сильвестра князя Д. И. Курлятева. Видную роль в это время играл князь Д. Ф. Палецкий. В ближнюю думу входили также князья М. И. Воротынский (носивший в это время почетное звание «слуги»), И. Ф. Мстиславский, И. В. Шереметев, Ю. Булгаков и другие[2]. Близок был к Адашеву и Сильвестру и видный уже в то время, несмотря на молодость, полководец князь А. М. Курбский, впоследствии запятнавший себя позорной изменой отечеству. В составе политических деятелей, связанных с Адашевым, находились и такие представители старого нетитулованного боярства, как М. Я. Морозов и И. С. Воронцов. Так составился правительственный кружок, осуществлявший в 50-х годах XVI в. важнейшие реформы государственного аппарата[3].

Правительство Адашева выступило с развернутой программой, имевшей своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти в интересах класса феодалов в целом. Это было правительство компромисса между отдельными группами феодалов, правительство консолидации сил господствующего класса вокруг растущей великокняжеской власти.

Весь период реформ 50-х годов XVI в. распадается на два этапа: до боярского заговора 1553 г., когда ярко прослеживается политика, отвечавшая интересам всего класса феодалов в целом, и после 1553 г., когда все шире развертывается наступление на боярские привилегии и отчетливее проявляется дворянский характер политики Ивана IV.

В целях сплочения всего господствующего класса 27 февраля 1549 г. в царских палатах были собраны представители его высших разрядов. Это собрание явилось по существу первым земским собором. Отныне важнейшие государственные мероприятия принимались с санкции земского собора, на котором решающее слово принадлежало широким кругам дворянства[4]. На соборе 1549 г. Иван IV выступил с речью перед «освященным собором», боярами и высшими придворными чинами, в которой обвинял бояр во всех непорядках, имевших место в годы его малолетства.

---

[1] *С. В. Бахрушин*. «Избранная рада» Ивана Грозного. «Научные труды», т. II, М. 1954, стр. 344—350.

[2] Там же, стр. 340.

[3] «Послания Ивана Грозного», стр. 38, 52.

[4] Подробнее о земских соборах см. гл. 2, § 10а настоящего издания.

В ответ бояре «били челом о прощении», обещали служить царю «в правду». Постановлено было, чтобы все дела по административным злоупотреблениям были закончены в определенный срок и чтобы бояре и все приказные люди «помирились» «во всех делах». Царь повторил свою речь и перед столичной знатью — воеводами, княжатами и детьми боярскими и дворянами «большими»[1].

На том же соборе царь получил санкцию митрополита на составление Судебника. Так было положено начало реформам, имевшим своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти и армии.

Не чувствуя еще прочной почвы под ногами, нуждаясь в поддержке всех разрядов господствующего класса, светских и духовных феодалов, правительство обращалось к содействию Земского собора, привлекая к правительственной деятельности наряду с высшим духовенством и боярами также и «воинов», т. е. прежде всего дворян. В феврале 1551 г. был созван собор, известный под названием «Стоглавого», на котором, кроме «освященного собора», присутствовали светские феодалы. На соборе был утвержден новый Судебник. Обсуждался на соборных заседаниях и вопрос о реформах как в области церковной, так и государственной.

Еще до издания Судебника, 28 февраля 1549 г., был издан указ, освобождавший детей боярских во всех городах от юрисдикции наместников и волостелей. Дети боярские получили право подчиняться непосредственно царскому суду по всем делам «опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным»[2]. Закон охранял мелких землевладельцев от произвола кормленщиков и приравнивал их в судебном отношении к боярам[3]. Указ 1549 г. явился одним из источников Судебника 1550 г. Судебник Ивана IV отразил дальнейшее укрепление централизованного аппарата власти, рост значения приказов и дьяков, увеличение удельного веса центральных органов управления. Судебник подготовил ликвидацию наместничьего управления, постепенно вводил в общегосударственную систему управления губные и земские органы местного управления[4]. В вопросах, касавшихся феодального землевладения и крестьянства, дворянству не удалось добиться решительного осуществления своих требований, направленных к дальнейшему ограничению боярского землевладения и усилению крепостнического гнета.

Одновременно с Судебником 1550 г. был выработан формуляр уставной земской грамоты. Эта мера, с одной стороны, должна была в какой-то степени успокоить раздражение, вызванное хозяйничаньем кормленщиков, а с другой — являлась шагом в сторону создания на местах более послуш-

---

[1] *С. О. Шмидт.* Продолжение Хронографа редакции 1512 г., стр. 295; ПСРЛ, т. XXII, вторая половина, стр. 520.

[2] ПСРЛ, т. XXII, вторая половина, стр. 529.

[3] *И. И. Смирнов.* Судебник 1550 г. «Исторические записки», кн. 24, стр. 305.

[4] Там же, стр. 316.

ного аппарата управления. С 1551 г. по челобитью отдельных черных волостей и посадов стали выдаваться уставные земские грамоты, согласно которым власть наместников и волостелей на этих территориях заменялась властью выборных земских органов. Тем самым было приступлено к проведению земской реформы.

Важнейшая очередная задача, стоявшая перед государством, заключалась в упорядочении воинской службы. Этого требовали также интересы и массы феодалов, служивших главной опорой власти.

Уже в июле 1550 г. был издан приговор о порядке служебных назначений в полках и об ограничении местничества. Приговор точно обозначил служебное место воевод в войске, установив соподчинение воевод отдельных полков. Местничество было уничтожено лишь частично. Запрещены были местнические счеты во время ратной службы рядовых дворян как между собой, так и с воеводами. Местнические споры между воеводами не запрещались[1]. Таким образом, приговор 1550 г. носил компромиссный характер. Боярству удалось отстоять ряд своих служебных привилегий. Все же приговор являлся большим шагом вперед на пути укрепления боеспособности русской армии, улучшения руководства войском, прежде всего путем увеличения в его командном составе удельного веса дворянства за счет феодальной аристократии.

Для поддержания порядка внутри страны и для проведения активной внешней политики было положено начало создания постоянного войска. Во время подготовки к решительным действиям против Казани был образован трехтысячный корпус «выборных стрельцов»[2].

В начале 50-х годов было приступлено и к массовому обеспечению землей рядовых феодалов. В 1550 г. правительство наметило испоместить свыше 1070 человек «лутчих слуг» (главным образом из провинциальных детей боярских) в Московском уезде и близлежащих городах. Тысячники должны были влиться в состав государева двора, из которого вербовались военные командиры и другие высшие должностные лица[3]. Для учета личного состава государева двора в 1551—1552 гг. была составлена специальная «тетрадь дворовая», в которую тщательно заносились перемещения

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 267; *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга. М., 1901, стр. 142—143.

[2] ПСРЛ, т. XXII, вторая половина, стр. 532. Подробнее см. гл. 2, § 11 настоящего издания.

[3] О том, что в 1550 г. был составлен лишь проект испомещения тысячников, свидетельствует отсутствие упоминания в каких-либо источниках об этой реформе, кроме самой Тысячной книги и восходящих к ней материалов. К тому же у 11 новгородцев-тысячников, упомянутых в Боярской книге 1556 г., владения исчислены в обжах, а у 14 псковичей-тысячников в вытях. Следовательно, эти лица под Москвою (где исчисление земли производилось в четвертях) испомещены в 1550 г. не были. Нет основной массы тысячников и в писцовых книгах 70—80-х годов XVI в. Московского и соседних уездов, рисующих состав землевладельцев 50-х — начала 60-х годов XVI в.

дворян, составлявших государев двор[1]. Из дворовых детей боярских сложился впоследствии слой «московских дворян»— верхушка дворянства, непосредственно примыкавшая к боярству.

В феврале 1550 г. был поставлен вопрос о пересмотре величины поместий и вотчин у служилых людей в целях более равномерного обеспечения их землей. Предполагалось всех «поверстати» «по достоинству безгрешно, и у кого лишек, ино недостаточного пожаловать»[2]. Этот злободневный вопрос подвергся широкому обсуждению[3]. Однако, как можно думать, сопротивление верхушки боярства не позволило правительству осуществить полностью земельную реформу и после 50-х годов.

Потребности обеспечения растущего аппарата власти, необходимость обеспечить армию в условиях напряженных войн за Казань и Астрахань заставляли правительство изыскивать все новые и новые средства. Уже в начале 50-х годов XVI в. был введен целый ряд новых тяжелых налогов (деньги полоняничные, ямчужные и др.), ложившихся на плечи трудящегося населения Руси.

Финансовая и военная реформы потребовали учета наличных земель и угодий для установления с них как тягла, так и службы. Уже в феврале 1550 г. был поднят вопрос о проведении описания земель[4]. Организация переписи вызвала пересмотр самой техники переписного дела. Повидимому, в 1551 г. был выработан единый писцовый наказ и произведена унификация единицы государственного обложения путем установления единообразной «сохи». Упорядочение писцового дела способствовало укреплению феодальной собственности на землю.

В своей борьбе за централизацию Русского государства правительство Ивана Грозного было поддержано посадским населением страны, заинтересованным в победе складывающегося самодержавия над силами феодальной раздробленности. Восстание в Москве в 1547 г. ставило очень остро вопрос о посадах, пострадавших от засилья крупных феодалов в малолетство Ивана Грозного. Тотчас по усмирении восставших правительство приступило к ликвидации привилегий частновладельческих слобод, освобожденных ранее от разных налогов и повинностей. Их существование нарушало интересы не только посадского люда, встречавшего привилегированных конкурентов в лице боярских и монастырских слобожан, но также и государства. 15 сентября 1550 г. состоялся приговор, согласно которому новоприобретенные слободы духовных феодалов лишались иммунитетных привилегий[5].

[1] «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.», стр. 5—6. Дату дворовой тетради см. в списке ГИМ, Муз. № 3417, л. 42 об.

[2] *И. Н. Жданов.* Соч., т. 1. СПб., 1909, стр. 177—178. Памятник, содержащий это известие, датируется упоминанием о его составлении во время пребывания Ивана IV под Казанью.

[3] См. *В. Ф. Ржига.* Литературная деятельность Ермолая Еразма. ЛЗАК, вып. XXXIII, стр. 151.

[4] *И. Н. Жданов.* Указ. соч., стр. 186.

[5] «Стоглав», Казань, 1862, стр. 412—414.

Стремясь ограничить льготное землевладение духовных феодалов в городах, правительство Ивана Грозного предполагало восстановить соответствующие ограничительные указы Ивана III и Василия III. Впрочем, под давлением Стоглавого осифлянского собора, эти мероприятия не только были отклонены, но духовенство добилось даже некоторого ограничения приговора предшествующего года: из слобод выводились не все тяглецы, как предполагалось, а только посадские люди.

Таким образом, проект ликвидации привилегированных частновладельческих слобод, намечавший ту программу городской политики, которая была проведена в жизнь только в XVII в., в указанное время не был осуществлен[1].

Несомненно, в интересах городского населения было и установление в начале 50-х годов XVI в. новой системы мер взамен разнородных местных мер. На места рассылались образцы казенных мер, которыми должны были руководствоваться при взвешивании и измерении[2]. Это мероприятие способствовало централизации метрологической системы Русского государства, хотя, конечно, полностью не могло покончить с разнообразием единиц меры и веса, являвшихся наследием периода феодальной раздробленности[3].

Не смогло правительство Ивана Грозного в начале 50-х годов XVI в. провести целиком всю намеченную им программу и в отношении церкви. Содействуя в какой-то мере объединению русских земель в единое государство, церковь провела на Стоглаве унификацию церковных обрядов и религиозной живописи и приняла меры к устранению некоторых злоупотреблений, существовавших в церкви. Все это клонилось к возвеличению церкви и централизации государства и соответствовало в этом отношении программе осифлян. Но боярство в целом было враждебно настроено к «вселукавым осифлянам». Сильвестр и его окружение предпочитали опираться на нестяжателей, взгляды которых выражали интересы определенных кругов боярства, настаивавших на ликвидации монастырского землевладения и ограничениях церковного суда. Сильвестр поддерживал связь с опальным Максимом Греком и, очевидно, с пребывавшим в заточении бывшим митрополитом Иоасафом. На Стоглавом соборе был поставлен вопрос о монастырском землевладении, о святительском суде, о возмещении расходов на выкуп плённых за счет церковных средств.

Вокруг вопросов церковной реформы разгоралась ожесточенная борьба. Предложения правительства встретили решительное сопротивление

---

[1] См. подробнее *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, стр. 104—140.

[2] ДАИ, т. I, № 45, стр. 62—63; *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 113.

[3] *Н. В. Устюгов.* Очерк древнерусской метрологии. «Исторические записки», кн. 19, стр. 318.

со стороны высшего духовенства во главе с митрополитом Макарием. Пришлось пойти на уступки. «Святительский» суд был ограничен путем введения в его состав митрополичьих бояр, старост, попов десятских, старост земских и целовальников. Относительно церковного землевладения собор тоже принял компромиссное решение: постановлено было аннулировать пожертвования земель, сделанные боярами после смерти Василия III, возвратить владельцам земли, насильственно отнятые у них епископами и монастырями, и впредь не разрешать продажи земель церковным учреждениям без «доклада» царю. Земли бывших князей запрещено было отдавать на помин души в монастыри. Отстояв свои основные имущественные интересы, духовенство охотно согласилось принять меры к устранению наиболее вопиющих недочетов в деятельности церковных учреждений. К этому побуждала его и опасность распространения «ересей», достигшая в середине XVI в. значительных размеров. Таким образом, и церковная реформа явилась компромиссом между осифлянским большинством Стоглавого собора и нестяжательскими симпатиями Сильвестра и его окружения.

* * *

Реформами начала 50-х годов XVI в. была подготовлена реорганизация аппарата власти. Эти реформы не отличались еще последовательностью и носили ярко выраженный компромиссный характер. Боярство сохраняло еще основные привилегии в области землевладения и важнейшие позиции в центральном и местном аппарате власти.

Внутренняя политика в середине XVI в. проводилась в интересах класса феодалов в целом.

Обеспечивая землей средние и низшие слои класса феодалов, правительство вместе с тем делало очень большие уступки крупным вотчинникам. Так, в ряде случаев конфискованные у вотчинников земли были возвращены владельцам[1].

Но эти уступки не удовлетворяли и представителей реакционно-боярской оппозиции, не без основания опасавшейся дальнейшего укрепления самодержавной власти. В этих условиях в 1553 г. возник боярский заговор, открывший собою ряд княжеско-боярских заговоров 50 — 70-х годов XVI в.

Весною 1553 г. серьезно заболел Иван Грозный. Встал вопрос о наследнике престола.

Царь и его ближайшие сподвижники потребовали присяги малолетнему сыну Ивана от Анастасии Романовны Захарьиной —Дмитрию.

Удельная знать наотрез отказалась присягать Дмитрию и со своей стороны выдвинула кандидатуру двоюродного брата царя, удельного князя Владимира Андреевича Старицкого.

---

[1] «Послания Ивана Грозного», стр. 38.

Среди всеобщего «мятежа» во дворце в марте 1553 г. А. Ф. Адашев и другие его ближайшие сподвижники беспрекословно присягнули наследнику[1]. Князь Курлятев притворился больным и не приехал к «крестному целованию». Зато Сильвестр не стеснялся агитировать в пользу князя Владимира Андреевича, с которым его связывали давнишние дружеские отношения. Только на третий день «мятеж минулся»; одним из последних «целовал крест» Дмитрию (и то лишь по принуждению) сам Владимир Андреевич. Царь выздоровел, и вопрос о престолонаследии временно отпал, тем более что и царевич Дмитрий вскоре погиб, случайно утонув во время поездки царской семьи в Кириллов монастырь.

Боярский заговор, однако, не ограничился мартовским эпизодом. Летом 1553 г. один из его руководителей кн. С. Лобанов-Ростовский завязал тайные переговоры с польским послом Довойна о польском кандидате на русский престол[2], а летом 1554 г. неудачно пытался бежать за литовский рубеж.

Около 1553—1555 гг. вскрылись связи нестяжательского окружения Сильвестра, в частности, троицкого игумена Артемия, с еретиками Феодосием Косым, Матвеем Башкиным и другими.

В таких условиях Иван Грозный произвел реорганизацию правительства, удалив из него наиболее скомпрометированные боярские элементы; начались преследования сподвижников Сильвестра из лагеря нестяжателей (троицкий игумен Артемий, рязанский епископ Кассиан). Зато Алексей Адашев, поддержавший Ивана Грозного во время боярского мятежа, получил чин окольничего (1554), а его отец — чин боярина. Позиции дворянской группировки в правительстве Ивана Грозного усилились. Это не замедлило сказаться и на политике 1554—1556 гг., которая проходила под флагом осуществления ряда дворянских требований.

Важнейшим мероприятием этого времени была отмена кормлений, а в связи с ней завершение губной и земской реформ в 1555—1556 гг. В связи с реорганизацией местного управления в основных районах страны была ликвидирована власть наместников и волостелей и завершено создание новых органов местного управления.

В результате всех указанных реформ была достигнута значительная централизация в области как суда, так и финансов.

Большое значение имело оформление в 50-х годах XVI в. приказной системы, в которой решающую роль играло дворянство[3]. В середине XVI в. появляются Посольская, Поместная, Разрядная и другие избы, за которыми с конца 60-х годов закрепилось наименование приказов.

---

[1] О мартовских событиях в 1553 г. см. подробнее *И. И. Смирнов.* Иван Грозный и боярский «мятеж» 1553 г. «Исторические записки», кн. 43, стр. 150 и др.

[2] Сб. РИО, т. 35, № 27; «Послания Ивана Грозного», стр. 29, 40; *В. Д. Королюк.* Ливонская война. М., 1954, стр. 29.

[3] Подробнее см. *А. А Зимин.* О сложении приказной системы на Руси. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. III, М., 1954.

В 1555—1556 гг. было издано «Уложение о службе», т. е. был точно установлен определенный объем служебных обязанностей землевладельцев в зависимости от размеров их поместий и вотчин[1]. «Уложение о службе» являлось важным мероприятием, значительно улучшившим дело комплектования и материального обеспечения дворянского войска.

В 1557 г. специальным указом уплата долгов служилых людей была рассрочена на пять лет, причем эта уплата должна была производиться без роста (процентов).

В 1555 г. в Разрядном приказе был составлен государев родословец, содержавший сведения (зачастую легендарные) о происхождении известнейших княжеских и дворянских фамилий, а в 1556 г. появилась так называемая «древнейшая разрядная книга», в которой были записаны «службы» бояр и дворян с 70-х годов XV в. Государев родословец и разрядные книги должны были служить справочным материалом для контроля над всеми местническими счетами феодальной знати.

Серьезным ударом по пережиткам феодальной раздробленности было также прекращение (около 1554 г.) выдачи иммунитетных грамот светским феодалам[2].

Таким образом, проведенные в 50-х годах XVI в. реформы коснулись существенных сторон управления. Эти реформы, обеспечившие активную внешнюю политику Русского государства[3], имели несомненно прогрессивное значение. Устойчивости правительства Адашева способствовало то, что оно в середине 50-х годов XVI в. осуществляло в какой-то мере программу широких кругов дворянства.

Укрепление централизованного государства происходило в условиях роста крепостнического гнета, ложившегося тяжким игом на плечи русского крестьянства. Усиление налогового пресса, рост помещичьего землевладения приводили к дальнейшему обострению классовой борьбы, которая в это время проявлялась в увеличении числа крестьянских побегов, развитии «ересей» и т. п.

Отмечая значение реформ середины XVI в., нужно помнить, что они не подрывали важнейших социально-экономических основ могущества боярской аристократии, в первую очередь — ее землевладения. Родовитые боярские фамилии попрежнему занимали видное место при дворе московского великого государя, в боярской думе и в централизованном аппарате власти.

Правительство Адашева, проводившее свои реформы в обстановке повсеместных народных движений, стремилось консолидировать силы всего класса феодалов, а потому и не могло пойти на завершение борьбы с боярским сепаратизмом.

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 269.

[2] *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси XVI в. М.— Л., 1947, стр. 132.

[3] Подробнее см. гл. 2, § 11, 12 настоящего издания.

Раздираемое противоречиями между разнородными социальными элементами, из которых оно было составлено, правительство компромисса не было прочным и пало, как только перед Иваном Грозным встал вопрос о решительной борьбе с боярством. Ускорили падение Адашева разногласия по внешнеполитическим вопросам [1].

В мае 1560 г. А. Адашев был отправлен на Ливонский фронт [2]. После взятия в августе 1560 г. Вельяна Адашев был оставлен там воеводою [3]. Сильвестр, возможно, еще раньше ушел в Кирилло-Белозерский монастырь.

Но борьба во дворце продолжалась, и, когда в августе 1560 г. умерла Анастасия Романовна, Захарьины, возглавлявшие группировку, враждебную Адашеву и Сильвестру, обвинили их в отравлении царицы. Этого предлога было достаточно, чтобы сослать Сильвестра в Соловецкий монастырь. Адашев, пробывший «не мало время» в Вельяне, был переведен в Юрьев Ливонский, где он находился под надзором два месяца и умер [4]. Только смерть спасла Адашева от расправы [5].

Этим, однако, дело не ограничилось. В конце 1562— начале 1563 г. последовали опалы и казни сторонников и родственников Адашева. Был казнен его брат Даниил Адашев [6]. В тюрьму были заключены князья Михаил и Александр Воротынские. Опала в 1564 г. постигла И. В. Шереметева и других. Князь Дм. Курлятев «за великие изменные дела» в конце 1562 г. был пострижен в монахи [7]. Только в одном 1564 г. 8 бояр и один окольничий выбыли из состава Думы, которая не пополнилась ни одним боярином или окольничим.

Падение правительства Адашева означало наступление нового этапа в истории укрепления централизованного феодального государства. Политика правительства времени консолидации всех сил класса феодалов уже не удовлетворяла дворянство, которое требовало завершения начатого дела борьбы с боярством.

9

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА В 60-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ XVI В. ОПРИЧНИНА

К 60-м годам XVI в. правительство выдвигает новые задачи как во внутренней, так и во внешней политике. Оно полагало, что необходимо

---

[1] См. подробнее гл. 2, § 9 настоящего издания.

[2] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 232; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 327.

[3] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 225; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 330.

[4] РИБ, т. 31, стб. 264.

[5] *С. О. Шмидт.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия, стр. 447.

[6] РИБ, т. 31, стб. 278.

[7] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 344.

окончательно сломить могущество боярской аристократии, которая сделалась в это время основным тормозом, мешавшим укреплению дворянского государства, уничтожить ее прежнюю политическую роль путем ликвидации ее экономической базы (крупного вотчинного землевладения) и привлечь в государственный аппарат широкие круги дворянства, обеспечив их поместьями и рабочими руками за счет земель, конфискованных у бояр. Усиление централизованного аппарата должно было обеспечить успешное подавление выступлений эксплуатируемых народных масс против господствующего класса феодалов и укрепить самодержавие.

Затягивавшаяся Ливонская война, трудности, связанные с ней, а также борьба с вторжениями вглубь страны крымско-татарских и турецких войск, ускорили проведение целого ряда крупных мероприятий, направленных на укрепление государственного аппарата, дальнейшую реорганизацию войска, упорядочение финансового хозяйства и обуздание боярского своеволия.

В 1563 г. правительством Ивана Грозного было получено известие, что воеводы готовят сдачу литовцам значительной в стратегическом отношении крепости — Стародуба в Северской области[1]. К Стародубу были двинуты войска, а находившиеся в Стародубе родственники Алексея Адашева были арестованы и казнены вместе со всеми близкими. Поступили сведения, что князь Владимир Андреевич Старицкий и его мать чинят «многие неизправления и неправды». Следствие как будто подтвердило обвинение. Иван IV заменил всех бояр и слуг князя Владимира своими, а его мать приказал постричь в монахини[2].

1564 год был годом больших испытаний для Русского государства. После поражения русских войск под Улою и Оршей[3] борьба с реакционным боярством в Москве достигла большого напряжения. В поражении были повинны московские воеводы, которые двигались, не принимая необходимых мер предосторожности. 30 апреля 1564 г. почти с самого театра военных действий, из Юрьева, бежал в Литву главный московский воевода князь А. М. Курбский, находившийся в почетной ссылке после неудачного сражения под Невелем[4]. Измена Курбского была чревата серьезной опасностью для Русского государства. Бывший главный воевода действовавших в Ливонии русских вооруженных сил уже осенью 1564 г. оказался в числе воевод большого литовско-польского войска, появившегося на русских границах. Одновременно по прямому сговору с Литвой в пределы Рязанской области вторглись крымские татары. Боярское

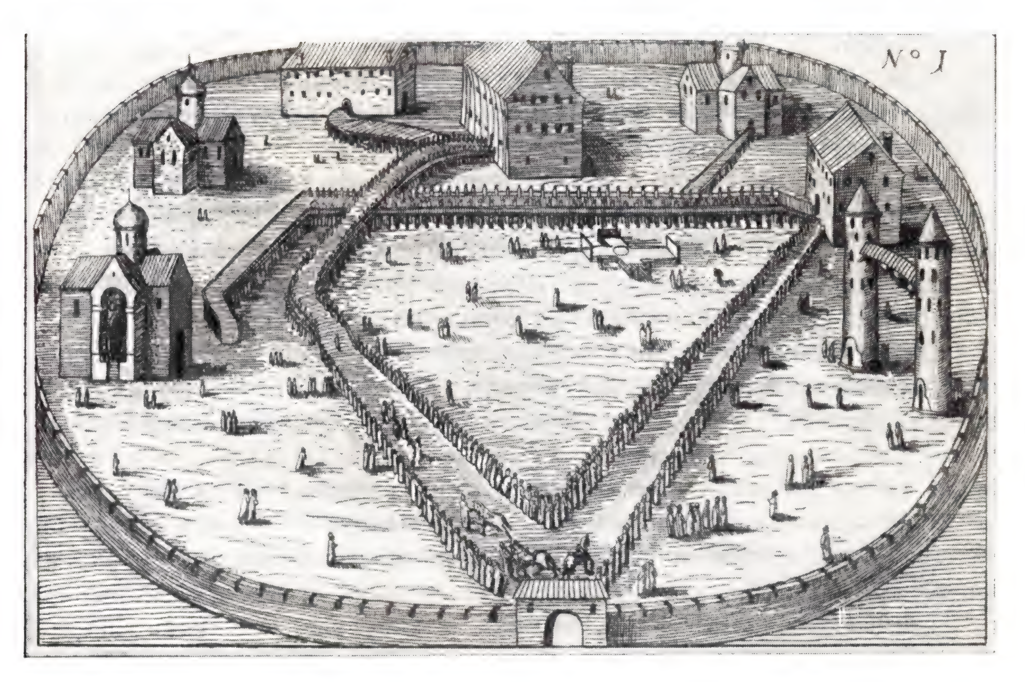
---

[1] «Разрядная книга Полоцкого похода». «Витебская старина». Витебск, 1885, т. IV, ч. 2, стр. 65—66.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 368. Подробнее см. *С. Б. Веселовский*. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. «Исторические записки», кн. 22, стр. 107.

[3] Подробнее см. гл. 2, § 12 настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 383.

Александрова слобода. Гравюра из книги Якова Ульфельда, XVI в.

командование русскими войсками действовало вяло и не обеспечило должного отпора иноземным захватчикам.

В обстановке обострения отношений с боярскими кругами Иван Грозный стал готовиться к проведению назревавших реформ. Во время ежегодных поездок по монастырям и «по потехам» он внимательно присматривался к хозяйственному строительству в своих собственных дворцовых селах, знакомясь также с положением дел в гуще «удельных» княжеских вотчин, заглядывая и в «удел» князя Владимира Андреевича Старицкого[1].

Введение опричнины было по сути дела продолжением мероприятий правительства 50-х годов XVI в. Проект испомещения «избранной тысячи лучших слуг» в 1550 г. являлся в какой-то мере прообразом испомещений опричников. Мысль о создании верной дружины телохранителей развивалась не только в передовой публицистике середины XVI в. (Иван Пересветов). Об этом же говорили Ивану IV и представители старомосковского боярства, оттесненного служилыми князьями на второстепенное место, и в их числе А. Д. Басманов и В. М. Юрьев, происходивший из родственной Ивану IV и ненавистной княжатам фамилии Захарьиных[2].

---

[1] См. *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, стр. 304—306.

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, стр. 167; *Г. Штаден.* Указ. соч., стр. 85.

3 декабря 1564 г. Иван Грозный с семьей и вооруженным отрядом детей боярских отправился в Александрову слободу, старинную великокняжескую летнюю резиденцию. С дороги Иван IV послал в Москву сказать, что покидает царский престол[1].

Это решение произвело в Москве огромное впечатление. В начале января 1565 г. были обнародованы два послания Ивана IV: одно — к духовенству, князьям и боярам, приказным и служилым людям, другое — к посадскому населению Москвы. В первой грамоте Иван Грозный, припоминая все «измены» князей и бояр, начиная со дня смерти Василия III и до своего совершеннолетия, обвинял «изменников» в том, что они опустошали казну государеву, а себе собрали «великие богатства», «земли государские» захватили и роздали их своим друзьям и родичам. Имея богатые вотчины и поместья, получая денежное жалованье за службу, изменники бояре, писал Грозный, стали уклоняться от службы, принялись «насилие крестьяном чинити» и, наконец, не пожелали оборонять страну от «Крымского и от Литовского и от Немец» (явный намек на только что пережитые набеги литовцев и татар). Митрополит и все высшее черное духовенство обвинялись в том, что они «стакнулись» с боярами, дворянами и приказными людьми и стали покрывать виновных, когда царь желал их наказывать. Иной характер носила грамота к населению Москвы, прочитанная публично на площади. Иван Грозный объявил москвичам, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет»[2].

Все управление в Москве в отсутствие Ивана Грозного временно сосредоточилось в руках митрополита Афанасия, к которому и обратились за посредничеством Боярская дума и приказные люди. Посадские люди в свою очередь просили Афанасия добиваться от царя, чтобы тот «государства не оставлял и их на расхищение волкам не давал, наипаче же (особенно) от рук сильных избавлял» и выражали полную готовность лично расправиться с «изменниками»[3].

Посад столицы Русского государства Москвы уже накануне введения опричнины выступил союзником Ивана Грозного в его борьбе с боярством.

После переговоров со специальной депутацией, посланной из Москвы, Иван Грозный согласился вернуться в Москву, но на известных условиях. Царь прежде всего обеспечил за собою всю полноту самодержавной власти, объявив своим правом подвергать опале изменников[4]. Затем объявлялась реорганизация управления: из государственной территории

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 391—393, первая половина, стр. 63; «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе». «Русский исторический журнал», кн. 8, 1922, стр. 31—32.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 392.

[3] Там же, стр. 393 («волки» и «сильные»— боярство и приказные).

Там же стр. 394.

(«земщины») выделялась «опришнина» государя[1]. Иван Грозный заводил себе «особный двор», в который собирался подобрать особый придворный и административный штат. На содержание «особного двора» Иван IV выделял огромную территорию, почти все доходы с которой шли в его «опричную» казну.

Опричная территория клином с севера на юг врезывалась в основной массив земель Московского центра страны и разделяла ее надвое. За «земщиной» оставались только окраины.

Взятые в опричнину земли можно разделить на три категории. Во-первых, сравнительно небольшое число волостей в различных районах страны было взято на «царский обиход», для снабжения различными продуктами (солью, рыбою и др.), например, Старая Руса, Балахна и другие.

Во-вторых, была взята в опричнину основная часть поморских волостей (Двина с Холмогорами, Устюг с Солью-Вычегодской, Каргополь, Вологда, Вага), населенных преимущественно черносошными крестьянами, которые платили в «Четвертной приказ» так называемый «кормленный окуп».

Эти земли имели большое торгово-промышленное значение. Посадское население северных городов, как и посад Москвы, оказывало энергичную поддержку опричной политике Ивана Грозного. Оно также доставляло средства для финансовых нужд опричного двора.

Основную категорию составляли земли, предназначенные для испомещения «опричных» служилых людей, в том числе ряд городов с уездами в центре (Можайск, Вязьма, Ростов, Ярославль, Суздаль, Шуя, Галич и др.) и на юг от Москвы (Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин, Ярославец Малый, Медынь и др.). Впоследствии в опричнину был взят ряд других уездов, в том числе Кострома, Дмитров, Переяславль и т. д.[2]

В значительной части эти земли, особенно в центре и на юге страны, были отобраны у княжат, бояр и тех феодалов, которые сопротивлялись централизаторским мероприятиям правительства Ивана Грозного. Эти земли пошли в «раздачу» служилым людям — опричникам. Прежние вотчинники и помещики должны были быть «выведены» из опричнины и получить земли в иных, неопричных или, как их тогда называли, «земских» уездах. Из взятых в опричнину московских слобод и улиц были выселены лица, которые не попали в число «государских особных людей», и в их дворах были размещены опричники.

В опричнину были взяты не только земли, заселенные княжатами и боярами. Так, например, Кострома и Переяславль никогда не бывали

---

[1] Слово «опричнина» от «опричь» — кроме, особо — было распространено в XIV — XV вв. и означало часть наследства, выделенную в особое владение. ДиДГ, стр. 569.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 394—395. Подробнее см. *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 104—191.

в уделах. Ряд уездов с преобладанием в них удельно-княжеского землевладения не попал вовсе в опричнину (Стародуб, Оболенск)[1]. Ставя своей задачей сломить экономическую мощь реакционной княжеско-боярской аристократии, Иван IV преследовал и другую тесно связанную с этим цель — укрепить социально-экономические позиции основной массы рядовых феодалов. Именно поэтому в опричнину попали земли Замосковного края, к северу и северо-востоку от Москвы (Ярославль, Ростов, Переяславль, Кострома), заселенные в XVI в. многими сотнями рядовых помещиков и вотчинников.

Включение в опричнину Замосковного края, с древних времен связанного с Москвою, привело к ликвидации там землевладения небоеспособной части служилых феодалов и, наоборот, сопровождалось новыми земельными пожалованиями, повышением на служебной лестнице всех тех, кто «верой и правдой» служил в опричном войске[2].

Опричнина была создана в условиях Ливонской войны. Этим и объясняется, что в состав опричных земель попали уезды, обращенные на западе и юго-западе к литовской границе (Можайск, Вязьма, Калуга, Козельск)[3].

Правительство Ивана Грозного стремилось, повидимому, создать себе здесь из числа испомещенных и местных дворян прочную опору для будущих решающих битв в Ливонской войне: Калуга сделалась уже вскоре опорным пунктом опричных войск[4]. Важное политическое и военно-стратегическое значение имел и вывод из западных и юго-западных земель тех представителей феодальной знати, которые могли пополнить ряды изменников или не проявляли должной активности на «государевой службе».

Опричнина была орудием разгрома реакционной феодальной знати, но в то же время введение опричнины сопровождалось усиленным захватом крестьянских «черных» земель. Опричный порядок был новым шагом на пути к укреплению феодальной собственности на землю и закрепощению крестьянства.

В указе об опричнине число «опричных» служилых людей определялось в 1000 человек, но с течением времени оно было увеличено во много раз. На первоначальное обзаведение, «за свой государев подъем», Грозный обложил земщину единовременным налогом в 100 000 рублей (т. е. не менее 6—7 млн. золотых рублей)[5].

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г. «Вопросы истории», 1946, № 1, стр. 103—104; *Г. Н. Бибиков.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. «Труды ГИМ», вып. XIV, М., 1941, стр. 13.

[2] *Г. Н. Бибиков.* Указ. соч., стр. 11—12, 28.

[3] Там же, стр. 13, 28.

[4] «Синбирский сборник», М., 1845, стр. 23.

[5] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 395 (перевод сделан на денежный курс начала XX в.).

Так было провозглашено учреждение опричнины, знаменовавшее новый этап укрепления централизованного государства. Борьба с реакционным боярством носила прогрессивный характер, но проводилась она за счет усиления крепостнической эксплуатации крестьянства.

* * *

В начале 1565 г., сразу же по возвращении Ивана Грозного из Александровской слободы, несколько виднейших представителей княжеской аристократии (в том числе боярин А. Б. Горбатый-Шуйский и др.) были казнены, другие насильственно пострижены в монахи. Некоторые из бояр, плохо руководившие военными действиями против крымцев и Литвы, осенью 1564 г. были арестованы и выпущены только после новой присяги на верность Ивану IV и денежного поручительства на огромные суммы. Многие из князей Ярославских и Ростовских также подверглись опале, имущество их было конфисковано; некоторые из них с женами и детьми были сосланы «на житье» в Казань и Свияжск, т. е. должны были стать помещиками Казанского края[1]. Весьма вероятно, что первые репрессии после учреждения опричнины были направлены против представителей боярской группировки, выступившей еще в 1553 г. против Ивана Грозного во время его болезни[2].

Проводя первые мероприятия в связи с указом об опричнине, Иван IV вместе с А. Басмановым, А. Вяземским и П. Зайцевым занялся организацией опричного корпуса и выделенной на его содержание территорией. В Москву вызывались все служилые люди из «опричных» уездов и из них производился отбор. Отобранные становились «опричными» людьми, приносившими особую присягу. Для опричников была введена особая форма: к шеям своих лошадей они должны были привязывать собачьи головы, а у колчана со стрелами — нечто вроде кисти или метлы в знак того, что опричники обязаны грызть, как собаки, «государевых изменников» и выметать «измену» из страны.

Широкие круги дворянства энергично поддержали учрежденную «опричнину», в составе опричников находились представители большинства дворянских фамилий того времени.

Произведенное разделение территории на «опричнину» и «земщину» не было возвратом ко временам политической раздробленности страны, а наоборот — способствовало централизации государства, ибо это деление было направлено своим острием против боярской аристократии и удельно-княжеской оппозиции. Именно их владения и сохраняли прежде всего

[1] ПСРЛ, т. XII, вторая половина, стр. 395—396; РИБ, т. 31, стб. 281—282; РИЖ, кн. 8, стр. 35; «Новое известие о России времени Ивана Грозного». Л., 1934 (далее «Новое известие...»), стр. 36; *С. Б. Веселовский.* Синодик опальных царя Ивана. «Проблемы источниковедения», сб. III, М.— Л., стр. 276—278, 292, 359—360.

[2] *Г. Н. Бибиков.* Указ. соч., стр. 20—22.

те «...живые следы прежней автономии...»[1], о которых писал В. И. Ленин, касаясь истории России до XVI в.

Одной из задач опричнины было укрепление обороноспособности Русского государства, поэтому в опричнину отбирались земли тех вельмож, которые не отбывали военную службу со своих вотчин[2]. Таким образом, наряду с общим «выводом» служилых землевладельцев, правительство Ивана IV проводило в ряде уездов (например, Ярославском) персональный пересмотр феодалов[3]. Уезды, в которых были проведены указанные мероприятия, представляли собой сложную чересполосицу земель опричных и земских. Сплошными опричными округами можно считать с самого начала лишь северные, поморские уезды, где не было светского землевладения.

Весь 1565 год был наполнен мероприятиями по перебору земель, ломкой сложившегося старинного землевладения, «выводом» старых и «испомещением» новых государевых слуг[4].

В начале 1566 г. были ликвидированы владения одного из самых крупных феодалов, настоящего «удельного князя», Владимира Андреевича Старицкого. Он лишился своего отцовского надела со всеми вотчинами и поместьями, своих служилых людей, получив новые земли (гг. Дмитров, Звенигород и некоторые другие), и был обязан жить в Москве[5]. Старица скоро стала одной из постоянных резиденций Ивана Грозного.

Весною 1566 г. в отсутствие Ивана IV в Москве произошло событие, грозившее большими политическими осложнениями: якобы по болезни сложил с себя сан и ушел в монастырь глава русской церкви митрополит Афанасий. Выдвинутый первоначально кандидатом на его место архиепископ казанский Герман Полев очень резко поставил вопрос о дальнейшем существовании опричнины и был вскоре сослан с митрополичьего двора. На его место царь вызвал из Соловецкого монастыря игумена Филиппа Колычова.

Кандидатура Филиппа была, на первый взгляд, приемлема для различных слоев господствующего класса. На митрополичий престол вступал человек, принадлежавший к старому боярскому роду, несколько членов которого (Ф. И. и В. И. Умного-Колычовы), однако, были приняты в число опричников. Вместе с тем Филипп уже давно был близок к оппозиционным кругам бояр, ориентировавшихся на Старицкого удельного князя. Но крупнейшая монастырская вотчина, которой умело управлял

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[2] *Г. Штаден.* Указ. соч., стр. 86.

[3] *С. Б. Веселовский.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г., стр. 93.

[4] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 104—134.

[5] ДДГ, № 102—103. Подробнее см. *С. Б. Веселовский.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси, стр. 108; *его же.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г., стр. 90—91.

Филипп, по своему положению на отдаленной северной окраине, не была кровно связана с судьбами княжеско-боярского землевладения.

При первых же свиданиях с Грозным Филипп, как и Герман, поставил решающим условием для принятия митрополичьего сана уничтожение опричнины. Лишь посредничество высшего духовенства привело к временному соглашению с царем, в результате которого 25 июля 1566 г. Филипп стал митрополитом [1]. Около этого же времени группа служилых людей, участников земского собора 1566 г., демонстративно обратилась к Грозному с просьбой прекратить «насилия» опричников [2]. Ответом явились разные кары — от смертной казни до наказания кнутом [3].

Это выступление было последним открытым протестом враждебной правительству Ивана IV части феодалов. Наступила пора тайных заговоров. Переход к тайным заговорам, сопряженным с прямым предательством национальных интересов, свидетельствовал о слабости княжеско-боярской оппозиции. В 1567 г. были перехвачены «листы», отправленные польским королем Сигизмундом II Августом и «панами-радою» к знатнейшим московским боярам, возглавлявшим Боярскую думу — кн. И. Д. Бельскому, кн. И. Ф. Мстиславскому, кн. М. И. Воротынскому и И. П. Федорову. Последним предлагалось «поддаться» королю со всеми своими вотчинами и уговорить сделать то же самое других московских бояр. Для полного успеха Сигизмунд обещал помочь московским боярам и военными силами.

Заговор далеко не исчерпывался простой перепиской с главою иностранного государства. Заговорщики решили использовать предстоящей осенью поход Ивана IV против Литвы и известили Сигизмунда, что, как только русские войска войдут в соприкосновение с литовскими, царь Иван будет схвачен и выдан королю.

Среди заговорщиков, повидимому, имелись разногласия по вопросу о конечной цели заговора: некоторые хотели посадить на царство князя Владимира Андреевича [4], другие — прямо перейти в литовское подданство, отторгнув часть московской территории. Главою заговора был виднейший боярин земщины И. П. Федоров, пользовавшийся большим влиянием.

В начале октября 1567 г. Грозный вместе с царевичем Иваном и князем Владимиром Андреевичем выступил во главе опричного отряда к Новгороду, являвшемуся базой для дальнейших военных действий во время Ливонской войны. Отсюда первоначально предполагалось идти с «земскими» полками к литовскому рубежу. Однако 12 ноября под Великими Луками Иван IV спешно созвал воевод на военный совет, на котором было решено поход отложить, а главное войско оставить в Великих Луках

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 403.

[2] См. *О. А. Яковлева*. Пискаревский летописец. «Материалы по истории СССР», вып. 2 (печатается).

[3] «Новое известие...», стр. 38—39; «Русский исторический журнал», кн. 8, стр. 43; ср. Сб. РИО, т. 71, стр. 465.

[4] См. *О. А. Яковлева*. Указ. соч.

и Торопце. 21 ноября Грозный, минуя Москву, прибыл в Александрову слободу. Причиной такого поспешного возвращения было то, что князь Владимир Андреевич, испугавшись очевидного провала заговора, в котором сам был участником, спасая себя, вместе с И. Ф. Мстиславским и И. Д. Бельским, передали Ивану Грозному список заговорщиков[1].

По возвращении из похода Иван IV энергично принялся за искоренение измены. Был казнен, прежде всего, глава заговора И. П. Федоров[2]. На публичное обличение со стороны митрополита Филиппа (в начале 1568 г.) в связи с этой казнью царь ответил репрессиями в отношении митрополичьих бояр и слуг. Резкими нападками Филипп возбудил против себя многих опричников. Произошел раскол и среди высшего духовенства. В конечном итоге подавляющее большинство высших иерархов, спасая свои вотчины, власть и жизнь, встало на сторону царя. Филипп был осужден «собором» и Боярской думой, сослан в заточение в тверской Отрочь монастырь, а позднее умерщвлен. Через два дня после заседания собора, осудившего Филиппа Колычова, был казнен и Герман Полев, единственный из церковных иерархов, осмелившийся выступить в защиту низложенного митрополита.

В начале 1569 г. в Москву пришли вести о готовившейся сдаче врагам ряда городов в Ливонии, занятых русскими.

Все это заставляло Ивана Грозного очень подозрительно относиться к тому, что происходило на новгородско-псковском рубеже. Уже в марте 1569 г. из Новгорода было «сведено» к Москве 150, а из Пскова — 500 боярских семей. Очевидно, это были семьи наиболее влиятельных и внушавших опасения верхов новгородского населения[3].

Осенью 1569 г. был раскрыт боярский заговор, связанный с «изменой» в Новгороде и Пскове: заговорщики хотели убить Ивана Грозного и посадить на царство кн. Владимира Андреевича[4], использовав вооруженную поддержку польского короля. Корни измены распространились довольно широко, захватив даже верхи «опричного» двора и московских приказных дельцов. Иван IV принял решительные меры к ликвидации заговора.

Прежде всего был вызван в Москву и отравлен князь Владимир Старицкий (октябрь 1569 г.), тогда же была казнена и его мать[5].

В 1570 г. Иван Грозный с опричным войском двинулся по направлению к Новгороду, где были начаты «суд и расправа», длившиеся около

---

[1] «Новое известие...», стр. 21, 61—62; ДРВ, т. XX, стр. 48; «Чтения ОИДР», 1866, кн. III, стр. 22.

[2] *С. Б. Веселовский.* Синодик опальных царя Ивана, стр. 354.

[3] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 129.

[4] ДДГ, стр. 480—481.

[5] *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники. «Исторический архив», кн. VII, стр. 224—225; *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. IV, примеч. № 277; «Новгородские летописи», стр. 337.

шести недель. Архиепископ Пимен был сослан в дальний монастырь, где вскоре и умер; ценности новгородской архиепископии, монастырей и имущество богатого купечества подверглись конфискации, множество новгородцев было казнено. Далее репрессии перекинулись в новгородские пятины. Опричники не щадили и имущества крестьянского трудового населения, неповинного в боярских «изменах». Число казненных в Новгороде и его землях не поддается точному учету, но исчисляется, во всяком случае, десятками тысяч. Многих из привлеченных по делу о политической измене под стражей отправили в Москву. Псков, куда Иван IV направился из Новгорода, отделался сравнительно легкой уплатой большой контрибуции и несколькими казнями заподозренных.

В феврале 1570 г. Грозный с своим опричным карательным отрядом прибыл в Москву. Следствие по делам об измене кончилось лишь к началу июля, захватив не только «земских», но и некоторых из опричных людей. Среди последних оказались такие близкие Грозному люди, как князь А. И. Вяземский и Басмановы [1]. Их подвергли пыткам, «торговой казни» (публичному наказанию кнутом), затем сослали. В том же году они умерли.

25 июля 1570 г. были казнены глава Посольского приказа И. М. Висковатый, дьяки ряда важнейших земских приказов — Посольского, Поместного, Большого прихода и других, а также привезенные из Новгорода «опальные» [2]. Все эти репрессии находились в связи с боярским заговором, разгромленным Иваном Грозным.

В 1571 г. Грозный забрал в опричнину Торговую сторону Новгорода и две пятины — Бежецкую и Обонежскую, из которых помещики, не попавшие в число опричников, были выселены на территории, пограничные с Литвою [3].

Так закончилось дело о «великой боярской измене», начавшееся еще в 1567 г. Казалось, корни заговора были уже вырваны и боярская оппозиция полностью разгромлена. Однако ближайшее будущее показало иное. В мае 1571 г. центральные и южные области Русского государства подверглись тяжкому бедствию: крымский хан Девлет-Гирей подошел к Москве, зажег посады, и столица выгорела почти целиком, кроме Кремля. Пути к Москве были указаны крымцам московскими изменниками, в том числе некоторыми рядовыми опричниками из служилых татар [4]. Отряд опричников, высланный против татарских войск, был разбит. Московские земские воеводы (кн. И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский и др.) не сумели задержать хана, который подступил к Москве. Эти события навели Ивана Грозного на мысль о новых «изменах»; длительные последующие розыски как будто подтвердили это предположение.

---

[1] *С. Б. Веселовский*. Синодик опальных царя Ивана, стр. 270—271, 303—304.

[2] Там же, стр. 267, 270—271, 323—325.

[3] «Новгородские летописи», стр. 105.

[4] *Н. М. Карамзин*. Указ. соч., т. IX, прим. 352.

В 1572 г. в связи с задачами дальнейшего укрепления централизованного аппарата власти произведена была реорганизация опричнины.

За первые семь с лишним лет существования опричнины правительство Ивана Грозного добилось выполнения основных, стоявших перед ним задач по укреплению централизованного аппарата власти: было сломлено открытое сопротивление боярской аристократии, выражавшееся, прежде всего в многочисленных заговорах и изменах, создано опричное войско, началась организация целого ряда новых центральных учреждений (в первую очередь — финансово-административных, приказов — четвертей и др.). К началу 70-х годов XVI в. решено было уничтожить резкое различие между опричниной и земщиной, так как эта грань в дальнейшем могла явиться препятствием для развития централизации государственного аппарата. Опричнина была переименована в «государев двор», т. е. она восприняла внешние формы дворцового ведомства. В официальных документах термины «земские» и «земщина» продолжали существовать вплоть до смерти Ивана Грозного, когда обе половины, и «дворовая» и «земская», были вновь объединены, но название «опричнина» исчезло из документов, начиная с 1572 г. Вместе с тем начали стираться резкие различия как между опричными и земскими территориями, так и между опричным и земским аппаратом власти. Эта нивелировка происходила отчасти за счет перенесения порядков опричнины в преобразованном виде на территорию всей страны. Борьба с «крамолой» перешла и на опричнину. Правительство не ограничивалось борьбой с заговорами земских бояр. Казням и другим репрессиям стали подвергаться и представители боярской оппозиции, проникшие в состав опричников. Новым этапом в разгроме княжеско-боярского землевладения по существу являлось и так называемое «возвращение» старых вотчин, отобранных ранее в опричнину. Если на первом этапе существования опричнины производился вывод «людишек» с опричной территории на земскую, то теперь этот вывод коснулся самой земщины. Немногие из оставшихся в живых вотчинников, только что начавшие налаживать свое хозяйство на новых местах, вынуждены были оставить их и возвратиться на старые обезлюдевшие и разоренные пепелища[1]. Возвращаясь на старые места, они нередко попадали под надзор опричников, значительная часть которых прочно осела в опричных уездах. Правительство провело также ряд общегосударственных мероприятий по ограничению боярского и монастырского землевладения на территории всей страны (указы 1572, 1580, 1584 гг.). По образцу опричных учреждений стали строиться приказы и в земщине. В 80-х годах XVI в. появляются земские финансовые учреждения «чети», воспринявшие опыт опричных четвертей[2]. Командный состав опричного войска[3] сыграл

---

[1] Подробнее см. *П. А. Садиков*. Указ. соч., стр. 134—147.

[2] Там же, стр. 384.

[3] О прогрессивном характере войска опричников см. постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. о кинофильме «Большая жизнь», стр. 21.

известную роль в деле строительства всей русской армии. Уже во время похода на Пайду (сентябрь 1572 г.) опричные воеводы служили в земских полках[1].

Так правительство Ивана Грозного на втором этапе существования «опричнины» (1572—1584) провело мероприятия, в результате которых некоторые опричные порядки в преобразованном виде получили распространение по всей стране. Это, естественно, не могло не вызвать нового недовольства части боярства, причем недовольство на этот раз затронуло и верхушку опричного войска.

Недовольство опричной знати связывалось каким-то путем с новой попыткой собственно «земского» боярства вернуть себе былое значение, не останавливаясь даже перед изменой. Так составился заговор, участники которого постепенно, но систематически выявлялись и привлекались к ответственности Иваном Грозным, пока дело не кончилось новыми массовыми казнями. Начиная с 1571 г., из числа опричников были казнены кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский и многие другие[2]. Глава «земщины» кн. И. Ф. Мстиславский, арестованный после набега татар в 1571 г., признался, что он со своими товарищами «навел» хана на Москву. Под залог огромной суммы он был освобожден, хотя и лишился вслед за тем части своих огромных вотчин. Расследование по этому делу продолжалось и позднее; повидимому, именно в связи с этим расследованием в июне 1573 г. были казнены кн. М. И. Воротынский, обвиненный в злоумышлении против Грозного и в преднамеренной порче артиллерии во время набега крымских татар в 1571 г., опричник кн. Н. Г. Одоевский и боярин М. Я. Морозов[3].

После окончательной ликвидации этого второго «заговора» был поставлен вопрос о том, чтобы во главе «земщины» стояло особо доверенное лицо. Грозный и ранее делал некоторые шаги в этом направлении. В 1572 г. он поставил во главе Земской боярской думы крещеного астраханского «царевича» Михаила Кайбуловича. Его преемником стал другой татарский выходец, бывший хан касимовский, Симеон Бекбулатович. Он уже давно и верно «служил» царю Ивану, которому приходился племянником по его второй жене царице Марии Темрюковне. Кроме того, Симеон был женат на дочери Мстиславского, тоже состоявшей в родстве с царем (Мстиславский был сыном двоюродной сестры Ивана IV) и со знатнейшими московскими фамилиями. Симеон Бекбулатович получил даже титул «великого князя всея Руси», а сам Иван Грозный стал именовать себя «князем Московским», хотя сохранил за собою, по существу, полноту верховной власти[4]. Современники рассматривали поставление

---

[1] «Синбирский сборник», стр. 36.

[2] *С. Б. Веселовский*. Синодик опальных царя Ивана, стр. 299, 319, 324—325, 330, 358.

[3] «Синбирский сборник», стр. 39; «Чтения ОИДР», 1863, кн. 1; *С. М. Соловьев*. Указ. соч., кн. 2, стр. 180; *С. Б. Веселовский*. Синодик опальных царя Ивана, стр. 273—274.

[4] *С. М. Соловьев*. Указ. соч., кн. 2, стр. 80.

Симеона на великокняжеский престол в связи с новой борьбой Ивана IV с боярством[1] (как раз около этого времени были казнены боярин В. И. Умный-Колычов и др.)[2]. Одновременно «во двор» был «поиман» ряд территорий, расположенных на литовско-ливонской границе: Порховской уезд Шелонской пятины, а также города Себеж, Красный, Опочка[3].

Симеон Бекбулатович был «великим князем» очень недолго, в течение неполного года (с осени 1575 г. по август 1576 г.)[4], а затем был «сведен» Грозным на «великое княжение» в Тверь и Торжок, где и оставался на положении вассала.

Одну из причин «посажения» великим князем Симеона Бекбулатовича следует, повидимому, также искать в событиях внешнеполитического характера. В Польше и Литве как раз в это время, после бегства короля Генриха Валуа во Францию, наступил период «бескоролевья». Очень возможно, что Иван Грозный временно снял с себя великокняжеское звание, чтобы обеспечить свое избрание на престол в Речи Посполитой. Когда вполне определилось избрание в Литве и Польше Стефана Батория — исчез с политической арены и «великий князь всея Руси Симеон»[5].

В начале 80-х годов XVI в., в условиях тяжелого экономического потрясения, правительство приняло ряд новых мероприятий, направленных к усилению крепостнического гнета. В 1581 г. была начата перепись населения, введены «заповедные лета» и т. д.[6] Крепостническая сущность этих законов ярко свидетельствовала о том, что правительство Ивана Грозного прежде всего заботилось об удовлетворении требований широких кругов дворянства.

В связи с нараставшей потребностью в средствах для продолжения Ливонской войны, «государев двор» все больше приспосабливал свой аппарат для выжимания из трудового населения необходимых ресурсов. Опричные «правежи» очень тяжело отражались на положении крестьянского и посадского населения, которое отвечало на усиление эксплуатации нарастанием классовой борьбы. Постепенно складывались предпосылки крестьянской войны, вспыхнувшей в начале XVII в.

---

[1] Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Москвы. «Чтения ОИДР», 1876, кн. 3, отд. IV, стр. 29. Позднее в 1578 г. в официальных документах говорилось о пребывании в 1575—1576 гг. царя в уделе («в осмьдесят в четвертом году, как есмя в уделе были». ЦГАДА, ф. Иосифо-Волоколамского монастыря, отд. XIII, № 357).

[2] *С. Б. Веселовский.* Синодик опальных царя Ивана, стр. 265—266, 268, 299, 302—303.

[3] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 176—180, 190.

[4] *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 24—25; *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 226.

[5] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 70—72; *И. С. Рябинин.* Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву 1574—1575 гг. «Чтения ОИДР», 1905, т. I, стр. 1—16.

[6] Подробнее об этом см. гл. III, § 2 настоящего издания.

* * *

За время своего существования — сперва под именем собственно «опричнины» (1565—1572), потом — «двора» (1572—1584) — опричнина пережила ряд изменений в своей внутренней структуре.

Первоначальное управление «опричного», «особного» двора, по мысли Ивана Грозного, должно было строиться по образцу дворцового ведомства на основах строгой централизации как в чисто хозяйственных, так и в государственных вопросах[1].

При «царских дворах» имелись различные хозяйственные «дворцы» (хлебенный, сытный), находившиеся в заведывании соответствующих слуг, высшее наблюдение за которыми осуществляли опричные дворецкий и казначей[2]. Наряду с органами чисто хозяйственного управления в опричнине учреждены были и органы управления государственного, во главе которых стояли свои бояре, окольничьи, постельничьи и другие придворные «чины», а также «особные», опричные дьяки[3]. Все управление возглавляла опричная боярская дума. Существовала и особая судебная боярская комиссия —суд «бояр в опришнине»[4]. Во второй период существования опричнины там оформились свои приказы, параллельные земским.

В связи с одной из задач опричнины — пополнением расхищенной боярами и дьяками государственной казны — особое значение приобрел опричный казначей, который ведал и многими другими делами (например, поместными)[5]. В его ведение была переведена из земщины «Четверть» — приказ, собиравший все основные налоги с посадского и крестьянского населения, подчиненного ему и в административном и судебном отношении. Собранные деньги Четверть расходовала на содержание опричников, выдавая им определенное «четвертное жалованье». Главным источником государственных доходов в опричнине был «кормленный окуп», который предназначался для удовлетворения интересов опричного войска[6].

Из важнейших приказов, имевшихся в опричнине, нужно отметить опричный (дворцовый) Разряд, осуществлявший общее руководство в организации военной службы дворянского войска[7], и целый ряд других

---

[1] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 304—306.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 394; см. об организации дворцовых приказов 70-х годов XVI в. также *Д. Н. Альшиц.* «Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года». «Исторический архив», т. IV. стр. 51, 55.

[3] Сб. РИО, т. 71, стр. 666.

[4] *П. А. Садиков.* Из истории опричнины XVI в. «Исторический архив», т. III, 1940, № 19, стр. 211.

[5] *П. А. Садиков.* Из истории опричнины XVI в., стр. 235, № 37; *его же.* Очерки по истории опричнины, стр. 84—85.

[6] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины, стр. 247, 299.

[7] Там же, стр. 74—80.

приказов (дворовый Ямской[1], Дворец и др.). Вместе с тем некоторые органы государственного управления (Большой Приход, Посольский приказ и др.) оставались едиными как для опричнины, так и для земщины. Местное управление в опричнине — дворе осуществлялось так же, как и в земщине.

Опричное войско Ивана Грозного в основной своей массе состояло из рядового, преимущественно поместного дворянства. Примером карьеры рядового «воинника» может служить хотя бы биография Малюты Скуратова. Провинциальный сын боярский из очень «захудалой» фамилии Плещеевых, он стал «думным дворянином» (членом опричной Боярской думы), начальником отряда царских телохранителей и видным военачальником. В. В. Грязной — алексинский «сынишко боярский», в ранней молодости служивший в «ловчих» у кн. Владимира Андреевича, затем стал одним из приближенных к Ивану IV людей и заседал в опричной думе. Таких примеров можно привести много.

Среди «воевод из опришнины», «бояр» и «окольничих», встречались представители и аристократических, титулованных, а также старых боярских, но второстепенных московских фамилий. Однако большинство княжат-опричников потеряло связи с районами, где находились земельные владения их предков, и по своему положению не отличалось ничем от нетитулованных детей боярских[2].

В состав опричников входили весьма охотно и некоторые видные полководцы, люди опытные в ратном деле, храбрые воины, независимо от того, принадлежали они к знатным фамилиям, как А. Д. Басманов, или нет[3]. Служба в опричном войске давала широкие возможности для проявления их воинских талантов.

Среди опричников попадались в виде исключения разного рода иноземные агенты, искатели приключений и наживы. Изменяя своему отечеству, меняя зачастую вероисповедание и становясь опричниками, они смотрели на «Московию» и ее народ только с точки зрения личного обогащения и часто занимались в России шпионажем в интересах ее врагов — иностранных государств. Возвратясь тем или иным путем на родину, некоторые из таких авантюристов (Г. Штаден, И. Таубе и Крузе) составляли «отчеты» о своих «подвигах» и предлагали проекты военной оккупации Русского государства. Злобная клевета на русский народ, бессовестный цинизм и самодовольное бахвальство — таковы характерные черты «записок» иностранных авантюристов, побывавших на Руси в третьей четверти XVI в.

Борьба Ивана Грозного с крупным феодальным землевладением реакционных княжат и боярства была лишь одной стороной политики, направленной к разгрому княжеско-боярской оппозиции. Другой стороной

[1] «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахромеевым, т. I, М., 1896, № L.

[2] *Г. Н. Бибиков.* Указ. соч., стр. 75—228.

[3] Там же, стр. 15—17.

этой политики было вытеснение вельможной знати из высших органов централизованного аппарата власти. В новых учреждениях самой опричнины все увеличивалась бюрократическая прослойка из числа московских дьяков, складывалось «думное дворянство», которое приобретало все больший вес в опричной боярской думе. Состав же земской боярской думы во время опричнины фактически не пополнялся, а большинство ее членов было подвергнуто репрессиям, казнено или пострижено в монахи[1].

Так в интересах широких кругов дворянства проводились Иваном Грозным мероприятия, имевшие целью ликвидировать остатки былой удельной раздробленности и, наводя порядок в феодальном беспорядке, укрепить централизованную монархию с сильной царской властью во главе.

Сочувствовало централизаторской политике Ивана Грозного не только рядовое дворянство, но и посадское население, заинтересованное в укреплении царской власти, в ликвидации пережитков феодальной раздробленности и феодальных привилегий. Посадские люди — москвичи, выразившие в 1565 г. свою готовность расправиться с «государевыми изменниками», страдали, конечно, и от отдельных актов насилия опричников. Но они хорошо помнили страшные последствия феодальных усобиц, мешавших дальнейшему развитию экономической жизни страны. Именно поэтому среди участников заговоров мы не встречаем имен торговых людей, которым остались чужды стремления боярской реакции повернуть вспять колесо истории.

Отбор земель в опричнину с первых моментов ее существования показывает, что Иван Грозный, строя хозяйство своего «особного двора», рассчитывал на поддержку торгового и промышленного севера Русского государства.

На содержание опричного корпуса и для пополнения опричной государевой казны были взяты наиболее важные торговые города и пункты по главнейшим торговым дорогам, шедшим от Москвы. На втором этапе истории «опричнины» (1572—1584) некоторые посады (Кострома, Шуя и др.) были возвращены обратно из «дворовых» в «земские», но таких городов было сравнительно мало. Зато в опричнину в эти годы были взяты оправившиеся от страшного разорения Новгородские земли и пункты по Выгоозерскому торговому пути к Белому морю и Коле, пролегавшему по опричной Обонежской пятине. Во многих случаях опричнина стирала исстари сложившиеся таможенные грани, и это являлось лишним побудительным толчком к поддержке посадом опричной власти. Недаром такие видные представители крупного купечества,

---

[1] Из 33 бояр, входивших в состав думы к концу 1564 г., 15 бояр было казнено, трое насильно пострижено в монахи. Из 9 окольничих четверо было также казнено. Из 17 бояр, входивших к концу 1572 г. в Земскую и Опричную [не менее 6 человек] думы только 8 человек имели эти звания до учреждения опричнины (из 9 остальных четверо получили звания в переломном 1572 г.).

как Строгановы, сами со всей своей огромной вотчиной перешли в опричнину.

В интересах укрепления московского посада в 70-х годах XVI в. был произведен «свод» туда «лучших» посадских людей, главным образом, из северных городов (Холмогор, Устюга и др.)[1]. Показателем возросшей политической роли верхов купечества во время опричнины является участие гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен, смольнян в земском соборе 1566 г.

В годы опричнины остро встал вопрос о взаимоотношении государства и церкви. Среди духовенства продолжали соперничать между собой две группировки: «нестяжателей» («заволжских старцев») и «осифлян»[2]. Если первые, объективно отражая интересы боярской оппозиции, резко выступали против опричнины, то вторые в целом поддерживали централизаторскую политику Ивана Грозного. Впрочем, поддержка духовенством мероприятий правительства, направленных к укреплению централизованного государства, не была безоговорочна: осифляне оставались противниками всяких попыток ограничения роста монастырских земельных богатств.

Резко враждебную позицию к опричнине заняло новгородско-псковское духовенство (о чем свидетельствует, например, участие в боярском заговоре архиепископа Пимена). Псковский Печерский монастырь был одним из идеологических центров реакционного боярства[3].

Ивану Грозному удалось в конце концов подавить оппозицию руководителей церковной иерархии. Благодаря этой победе, русское правительство успешно провело ряд мер по ограничению монастырского землевладения (постановления 1572, 1580, 1584 гг.[4]).

Отношение монастырей Русского государства к опричнине было неодинаковым. Кирилло-Белозерский монастырь — основная цитадель «заволжских старцев» — поддерживал враждебное отношение к Ивану Грозному в кругах реакционного боярства[5]. Руководство других монастырей (например, Московского Симонова, Спасско-Ярославского и др.), стремясь усилить свое материальное благосостояние, содействовало переводу этих монастырей в число «опричных государевых богомолий»[6].

Опричнина, в общем, достигла своей цели — экономическое и политическое значение княжеско-боярской феодальной знати было подорвано. На первый план вместо нее вышли основные силы класса феодалов —

[1] Подробнее об этом см. «История Москвы», т. I, М.— Л., 1952, стр. 150 и др.

[2] См. о них гл. I, § 10 настоящего издания.

[3] *А. Н. Насонов.* Из истории псковского летописания. «Исторические записки», кн. 18, стр. 255—294; *Н. Н. Масленникова.* Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VIII, М.— Л., 1951, стр. 186—217.

[4] Подробнее см. гл. III, § 3 настоящего издания.

[5] См. «Послания Ивана Грозного», стр. 162—192.

[6] Подробнее см. *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины, стр. 90—104.

поместные дворяне и дети боярские. Было создано войско, одержавшее ряд блестящих побед во время Ливонской войны; проведены были серьезные реформы государственного аппарата.

Борьба правительства Ивана Грозного с боярской аристократией встречала сочувствие народных масс. Реакционное боярство, предавая национальные интересы Руси, стремилось к расчленению централизованного государства на множество удельных княжеств, что могло привести к порабощению русского народа иноземными захватчиками. В лучших своих устно-поэтических творениях XVI в. народ высказал свое сочувствие борьбе Ивана Грозного с боярами[1].

Но проводившиеся меры по укреплению централизованного государства означали в то же время усиление нажима на крестьян, их дальнейшее закрепощение. В руки дворянства, составлявшего основную опору правительства Ивана Грозного, в период опричнины перешла не только масса боярских вотчин с их крестьянским населением, но также и значительная часть дворцовых и черносошных земель.

Выселяя из опричных районов вотчинников и помещиков, правительство наделяло их за счет черных земель, находившихся в его распоряжении. Эта раздача способствовала тому, что к концу XVI в. черносошное землевладение в центральных районах страны (за исключением Белоозера) было почти полностью ликвидировано[2].

Особый интерес для дворян-опричников представляло крестьянство, рабочие руки, необходимые для обеспечения эксплуатации их феодальных владений. Сопротивляясь усилению гнета, крестьяне разбегались, вотчины пустели. В погоне за рабочими руками для развития собственного хозяйства опричники землевладельцы не останавливались перед актами прямого насилия над массой крестьянского населения. Время опричнины было временем дальнейшего закрепощения крестьян, завершившегося введением «заповедных лет», приведшим к фактической отмене крестьянского «выхода»[3], временем насильственного захвата опричниками массы крестьянства[4]. «Кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех (эти последние) вывозили насильством и не по сроку. Вместе с тем увозились или сжигались (и крестьянские) дворы»[5]. Насильный вывод крестьян в опричнину зафиксирован и официальными источниками. Так были насильно («сильно, без отказу и пошлин») вывезены в опричнину три крестьянина одной из новгородских деревень Вотской пятины[6]. Возвратить таких захваченных опричниками крестьян на старые земли

---

[1] Подробнее см. *В. К. Соколова*. Русские исторические песни XVI в. «Славянский фольклор». М., 1951, стр. 68 и сл. См. также гл. 2, § 13а настоящего издания.

[2] *С. Б. Веселовский*. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г., стр. 97.

[3] Об этом подробнее см. гл. 2, § 2 настоящего издания.

[4] Там же.

[5] *Г. Штаден*. Указ. соч., стр. 95.

[6] *Д. Я. Самоквасов*. Архивный материал, т. II, М., 1905, стр. 49, 55.

было крайне сложно. Захват крестьян, как правило, сопровождался и усилением их эксплуатации. Опричники, по словам современников, «стали брать... с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели; бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет»[1].

Время опричнины было временем роста крестьянских повинностей и повышением в общей их массе удельного веса барщины. Перераспределение земельной собственности между отдельными группами феодалов, захваты крестьянских земель и крестьянского имущества, насильственный «своз» крестьян в опричные поместья, наконец, рост феодальной эксплуатации — сплошь и рядом приводили к разорению крестьянского хозяйства[2] и являлись одной из причин серьезного хозяйственного потрясения, особенно ярко проявившегося в 70 — 80-х годах XVI в.

Классовая борьба во время опричнины получила дальнейшее развитие, принимая формы массового стихийного движения. От непосильного гнета крестьянство бежало на юг в поисках более сносных условий жизни, на далекие окраины, создавая тем резервы для будущей крестьянской войны. Уже в 60—70-х годах бегство крестьян приняло широкие размеры. В виде примера можно привести запустение Кирьяжского погоста Вотской пятины, из которого в связи с опричным «правежом» разбежались крестьяне целого ряда деревень, ибо у многих крестьян «дворишки опричные сожгли», «опритчина живот пограбели, а скотины засекли»; иногда и сами крестьяне бывали замучены или убиты опричниками[3].

Но не только в пассивной форме (побеги) выражался протест народных масс против усиления гнета; нередко опричникам приходилось наталкиваться и на открытое сопротивление крестьянства. В записках современников рассказывается об отдельных случаях выступлений против опричников народных масс, «земских людей», «скопом» в 300—500 человек[4].

Так опричнина, проводившаяся в условиях роста классовых противоречий, сама содействовала их обострению.

* * *

Опричнина, будучи продолжением реформ 50-х годов XVI в., знаменовала собой новый решительный шаг по пути укрепления централизованного аппарата власти, по пути борьбы с пережитками феодальной

---

[1] *И. И. Смирнов.* Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 65.

[2] *Г. Штаден.* Указ. соч., стр. 121—122.

[3] *Д. Я. Самоквасов.* Указ. соч., т. II, стр. 63, 78, 94, 96, 101—103, 106—111.

[4] *Г. Штаден.* Указ. соч., стр. 93, 144, 145. По Штадену, «земские» — это не только «бояре», но и «простой люд». Не исключена, конечно, возможность того, что в подобных случаях недовольство крестьян было использовано представителями реакционного боярства. Но это не меняет общей картины антифеодального характера борьбы народных масс.

раздробленности, с сепаратистскими претензиями реакционного боярства, облегчала защиту западных и южных рубежей Русского государства. В этом заключалось прогрессивное содержание реформ периода опричнины. Но опричнина была и средством подавления угнетенного крестьянства, она проводилась правительством за счет усиления феодально-крепостнического гнета и являлась одним из значительных факторов, вызвавших дальнейшее углубление классовых противоречий и развитие классовой борьбы в стране.

10

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

а) Реорганизация центральных и местных органов власти и управления

В своей централизаторской деятельности правительство Ивана Грозного опиралось на растущее и крепнувшее поместное дворянство, используя поддержку верхов посадского населения. Эта политика правительства особенно ярко выразилась в созыве земских соборов.

Ведущая роль на соборах принадлежала дворянству. Об этом ярко свидетельствует состав земского собора 1566 г. На соборе 1566 г. присутствовало 374 человека, в том числе: бояр, окольничих и думных дьяков 29, дьяков и других приказных людей 33, дворян и детей боярских 205, церковных феодалов (архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и др.) 32, представителей торговых людей 75 (среди них гостей — 12, торговых людей москвичей — 41 и смольнян — 22)[1].

Преобладание дворянства на земских соборах обеспечивалось системой сословного представительства. Большая часть членов соборов назначалась правительством и его должностными лицами (городовыми воеводами); лишь незначительная часть представителей (от торговых людей) была выборной.

Земские соборы не были всесословными органами, так как представители основного класса феодального общества — крестьянства — на соборах в XVI в. не участвовали.

Земские соборы начали созываться уже в середине XVI в.; первые соборные совещания (1549, 1551 гг. и др.) были еще недостаточно широкими по составу: представители торгово-посадского населения на них отсутствовали. Впервые представители торговых людей приняли участие в заседаниях собора 1566 г., созванного по случаю затянувшейся Ливонской войны. В обстановке серьезных хозяйственных затруднений и нарастания классовой борьбы в конце XVI в. правительство нуждалось в расширении социальной базы и в укреплении своего авторитета.

---

[1] *В. О. Ключевский.* Состав представительства на земских соборах древней Руси. «Опыты и исследования», сб. I, Пг., 1918, стр. 380, 412—413.

Земский собор 1584 г. «утвердил» на престоле царя Федора Ивановича, а собор 1598 г. избрал на царство Бориса Годунова.

Право созыва земских соборов принадлежало правительству. Последнее собирало их по мере надобности, тогда, когда нужно было получить поддержку сословных представителей. Решения земских соборов не были обязательными для правительства, и существование этих соборов в XVI в. не только не ограничивало царскую власть, но содействовало ее укреплению. Созыв земских соборов не устранил от власти представителей феодальной аристократии — боярство. Боярская дума как высший орган государственной власти и управления продолжала существовать в течение всего изучаемого периода. Однако при Иване Грозном состав и значение Боярской думы претерпели значительные изменения по сравнению с предшествующим временем.

Адашев и его сподвижники, возглавлявшие правительство до начала 60-х годов XVI в., оттеснили на время Боярскую думу от управления государством, хотя и были вынуждены считаться с требованиями бояр. Дальнейшие изменения состава и положения Боярской думы были связаны с опричниной. Создание особой думы в опричнине, наряду с думой в «земщине», разъединило бояр и ослабило их оппозиционность правительству.

Показательно, что в документах времени Ивана Грозного появилась новая формула, определившая взаимоотношения между царем и Боярской думой: «по государеву приказу бояре приговорили»[1]. Подчинение Боярской думы царю усиливалось и мероприятиями правительства по расширению состава думы. Наличие в думе представителей поместного дворянства (в том числе думных дворян и думных дьяков) парализовало недовольство родовитых бояр и делало думу государственным органом, способствовавшим укреплению самодержавия.

В своей деятельности по управлению государством верховная власть опиралась на центральный и местный государственный аппарат. Сеть центральных учреждений (приказов) во второй половине XVI в. была уже довольно разветвленной.

Ведущее место в системе центральных учреждений попрежнему занимали приказы с военными функциями. Усложнение состава, организации и вооружения русского войска во второй половине XVI в. дифференцировало задачи центрального военного управления, вызвало появление новых приказов с военными функциями. Образование стрелецкого войска потребовало учреждения особого Стрелецкого приказа. Этот приказ известен с 1571 г., но возник он, вероятно, раньше, вскоре же после появления стрельцов. Приказ ведал стрелецким войском на территории всего государства во всех отношениях. В ведении Стрелецкого приказа находились и служилые (городовые) казаки, функции управления которыми в южных городах Стрелецкий приказ разделял с Разрядным приказом.

[1] ЦГАДА, ф. рукоп. кн. б. МИД, № 112/158, л. 450 (разряд похода в Ливонию в 1577—1578 гг.).

Заседание Боярской думы. — Деталь «царского места» Ивана Грозного в Успенском соборе Московского кремля (позолоченная резьба по дереву), 1551 г.

Рост значения ратных людей «пушкарского чина» (пушкарей, затинщиков, воротников, кузнецов и др.) и развитие пушечного производства привели к образованию Пушечного (позднее известного под именем Пушкарского) приказа, упоминаемого в сохранившихся источниках с 1577 г.[1]

Изготовлением ручного оружия заведовали особые приказы. Так, вероятно, при Иване Грозном возник Оружейный приказ под руководством оружничего, которому подчинялась Оружейная палата, где изготовлялось ручное огнестрельное и холодное оружие и разные предметы военного снаряжения.

С 1573 г. известен Бронный приказ, в функции которого входило изготовление предохранительного снаряжения (брони, шлемы, панцыри и др.), а также ручного оружия как холодного (луки, стрелы, сабли, копья и пр.), так и огнестрельного (пищали)[2].

Таким образом, в ведении трех указанных приказов находилось производство вооружения и снаряжения войска и военно-инженерное дело.

---

[1] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 26, стр. 39; *А. Лебедянская.* Пушкарский приказ (автореферат диссертации). М., 1950, стр. 3.

[2] Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказных опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. «Исторический архив», кн. IV, М.—Л., 1949, стр. 40—54, 62.

Наконец, лечебное дело в войске постепенно сосредоточилось в Аптекарском приказе, известном, по источникам, с 1594—1595 гг.[1]

Кроме указанных выше приказов, ведавших отдельными категориями ратных людей или отдельными отраслями военного дела, к управлению вооруженными силами имели отношение и территориальные приказы.

После присоединения Казани и Астрахани для управления Средним и Нижним Поволжьем был учрежден Казанский дворец (по сохранившимся документам он известен с 1570 г.). Приказ этот ведал указанной территорией по всем вопросам административного, военного, финансового, судебного характера. Сибирь после ее присоединения также была подчинена Казанскому дворцу[2].

Расширение задач военного управления изменило функции ранее существовавших приказов. Разрядный приказ продолжал оставаться органом управления дворянским ополчением, составлявшим ядро русского войска. Важность северо-западной границы в организации обороны государства была, вероятно, основной причиной, вызвавшей появление в конце XVI в. особого Новгородского Разряда, функции которого были родственны функциям Московского Разряда. Вероятно, уже в XVI в. из ведения Разрядного приказа было изъято управление дворянами и детьми боярскими на территориях, подчиненных областным приказам (Казанскому, позднее Сибирскому и др.)[3].

Таким образом, в мирное время центральное военное управление было распылено между несколькими приказами, которые являлись самостоятельными органами и подчинялись непосредственно верховной власти.

В военное время функции центрального военного управления несколько изменялись. Руководство всем войском передавалось Разряду, приобретавшему значение главного центра военного управления, через который шли распоряжения верховной власти.

Кроме названных военных приказов, к управлению вооруженными силами имели отношение и другие центральные учреждения. Так, практически обеспечение землями дворян и детей боярских производилось Поместным приказом, который ведал поместными и вотчинными землями в пределах центральной территории Русского государства.

Посольский приказ, оформившийся в середине XVI в., помимо основных функций в области внешней политики и дипломатии, ведал донскими и другими казаками, и службой нерусских народов. Ямской

---

[1] ПКМГ, т. I, отд. II. СПб., 1877, стр. 811.

[2] «Акты Юшкова», ч. 1, М., 1898, № 198, стр. 180—181; № 199, стр. 181—182; *С. Шумаков.* Сотницы (1537—1597 гг.), грамоты и записи (1561—1696 гг.), М., 1902, стр. 76, 77; *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины, стр. 366—369.

[3] Кроме дворян и детей боярских, во второй половине XVI в. Разряд вместе со Стрелецким приказом ведал казаками, главным образом, на южной границе.

приказ обслуживал войско средствами передвижения во время походов и вообще ведал организацией перемещений служилых людей. Финансовые приказы (Большой приход и четверти) выплачивали служилым людям жалованье [1].

Русский дипломат начала XVII в. Г. И. Микулин. Портрет маслом работы неизвестного художника начала XVII в.

Государственный Исторический музей

В тесной связи с военными и фискальными потребностями государства находились реформы аппарата финансового управления. Для собирания общегосударственных военных налогов в 1553—1554 гг. был образован Приказ большого прихода.

В процессе отмены кормлений и установления земского самоуправления возникли особые «четвертные» приказы или «четверти» (чети) [2]. Четверти являлись центральными органами, выполнявшими функции финансового, административного и судебного управления тяглым населением [3]. В процессе проведения губной реформы возник Разбойный приказ (оформившийся к 1555 г.). Приказ являлся центральным органом по руководству и контролю за деятельностью местных и губных учреждений.

Разбойный приказ имел большое значение в осуществлении главной функции феодального государства — подавления эксплуатируемого населения.

---

[1] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 21, стр. 34—35; *С. А. Белокуров.* О Посольском приказе. М., 1906, стр. 37.

[2] Подробнее см. гл. 2, § 10г настоящего издания.

[3] *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 213 и др.

В конце XVI в. в источниках упоминается группа судных (судебных) областных приказов: Московский, Владимирский, Дмитровский, Рязанский. В XVII в. они судили только дворян и детей боярских (помещиков и вотчинников). Возникновение этих приказов следует связывать с реформами 50-х годов XVI в., в частности, с указом 1549 г., по которому дворяне и дети боярские освобождались от суда наместников и подлежали суду приказов.

Повидимому, в середине XVI в. существовал Челобитный приказ, который ведал разбором жалоб и челобитий. Ему были присущи и сыскные функции[1]. Административно-полицейские функции в Москве выполнялись под руководством особого приказа, известного (в 1572—1573 гг.) под именем Земского двора[2].

Разветвленная приказная система, сформировавшаяся в ходе реформ середины XVI в. на основе предшествующего опыта, свидетельствовала о серьезных сдвигах в сторону укрепления централизованного аппарата власти. Приказный аппарат власти в руках господствующего класса сделался надежным орудием осуществления как внутренней, так и внешней функции государства.

Деятельность центральных учреждений проходила под руководством и при непосредственном участии дьяков, ведавших приказным делопроизводством. Набираемые из мелкопоместных служилых людей, преимущественно из детей боярских, они обеспечивали проведение политики, отвечавшей коренным интересам класса феодалов. Вместе с тем, они становились надежной опорой правительства в борьбе с сепаратистскими стремлениями родовой знати. Широкое распространение наследственности или во всяком случае пожизненности приказной службы создавало в лице дьяков и подьячих зародыш бюрократии, получившей дальнейшее развитие в XVII в., в процессе укрепления самодержавия и расширения приказного управления.

Серьезные изменения в центральном правительственном аппарате, происходившие во второй половине XVI в., сопровождались перестройкой и местного управления.

В условиях обострения классовой борьбы следовало создать такой аппарат на местах, который бы обеспечил эксплуататорскому меньшинству подчинение эксплуатируемого большинства населения страны.

К середине XVI в. управление на местах возглавляли наместники и воеводы. Наместник был руководителем гражданского управления, воевода ведал, в том же городе, делом военным. В помощь наместнику, а чаще всего воеводе, посылался осадный голова, который должен был сидеть в осаде, обороняя город от противника в отсутствие воеводы.

---

[1] ААЭ, т. I, № 289, стр. 349—350; *С. О. Шмидт.* Челобитенный приказ в середине XVI столетия. «Известия Академии Наук. Отделение истории и философии», 1950, т. VII, вып. 5, стр. 445—458.

[2] «Синбирский сборник», стр. 31, 34.

В некоторые города (Казань, Смоленск, Полоцк и др.) посылались еще городничие[1]. Городничий являлся, повидимому, помощником наместника или воеводы по гражданскому, а иногда и по военному управлению городом.

Государственная печать Ивана IV.
Государственный Исторический музей

Позже, во второй половине XVI в., наблюдается постепенная замена наместников воеводами, что означало сосредоточение в руках военного командования всего военного и гражданского управления и свидетельствовало об укреплении власти правительства на местах. Свои функции воеводы осуществляли через особое учреждение — съезжую (приказную) избу, как центральный орган всего местного управления.

Процесс замены наместничьего управления воеводским, завершившийся к началу XVII в., отражал только одну сторону борьбы русского правительства с пережитками феодальной раздробленности в местном управлении. Другая сторона той же борьбы выразилась в создании местных губных и земских учреждений. Завершение в 1555 г. губной реформы привело к усилению политического влияния на местах дворянства, из среды которого выбирались «губные старосты», стоявшие во главе губных учреждений (изб).

Первые опыты введения земского управления известны с 1552 г. После отмены кормлений в 1555 г. судебные функции и сбор податей, ведавшиеся ранее наместниками и волостелями, были переданы выборным старостам или «излюбленным» головам. При головах состояли выборные целовальники или «лучшие» люди, они же земские судьи; все они выбирались черносошными крестьянами и посадскими людьми из среды зажиточного крестьянства и торговых людей. Делопроизводство указанных должностных лиц сосредоточивалось в особой земской избе во главе с выборным земским дьяком. Доходы, раньше получавшиеся кормленщиками, поступали теперь под названием «кормленого окупа» в царскую казну. Суду земских судей подлежали только тяглые (черные) люди, так как землевладельцы судились в приказах,

[1] *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга, стр. 200, 230.

а частновладельческие крестьяне были и в судебном отношении подчинены своим помещикам и вотчинникам.

Введение земского управления было одним из мероприятий правительства по ликвидации наместнического управления, находившегося в руках феодальной знати. Существование земских органов должно было содействовать успешному осуществлению внутренней (главной) функции централизованного государства — держать эксплуатируемое большинство в узде. Земские органы должны были обеспечивать исправность уплаты населением государственных податей и выполнения государственных повинностей. Правительство стремилось использовать старост, принадлежавших к верхам посадского населения и черносошного крестьянства, в качестве низшего звена государственного аппарата. Подчинение земских органов центральным финансовым учреждениям (четвертям) способствовало централизации государственных финансов. Таким образом, земское управление предусматривало интересы господствующего класса, стремившегося использовать поддержку, которую оказывали ему верхи посадского населения.

В целом же реорганизация центральных и местных органов управления, проведенная правительством Ивана Грозного, означала укрепление централизованного аппарата власти и свидетельствовала об увеличении удельного веса дворянства в политической жизни страны.

б) Вооруженные силы

Задачи, стоявшие перед правительством Ивана Грозного в области внутренней и внешней политики, направленной на укрепление централизованного государства, могли быть успешно осуществлены только при наличии достаточно мощных вооруженных сил. Эта сила была создана в ходе реформ Ивана Грозного. Реорганизованное дворянское войско, постоянные стрелецкие отряды являлись важнейшими составными частями русских вооруженных сил, осуществлявших обе государственные функции: внутреннюю (главную) и внешнюю (не главную).

В результате военных реформ середины XVI в. и общего роста вооруженных сил состав русского войска расширился. С середины XVI в. ратные люди делились по способу комплектования на две основные группы: служилых людей по «отечеству» и служилых людей по «прибору». К первой группе принадлежали дворяне и дети боярские (выборные, дворовые и городовые), составлявшие поместное ополчение, а также служилые люди думные (бояре, окольничие, думные дворяне) и московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы). Вторую группу составляли: стрельцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы и плотники и проч. К этой же группе можно отнести сборных и посошных людей.

По уложению 1556 г. служба дворян и детей боярских начиналась с 15 лет; до этого времени они считались «недорослями». При зачислении

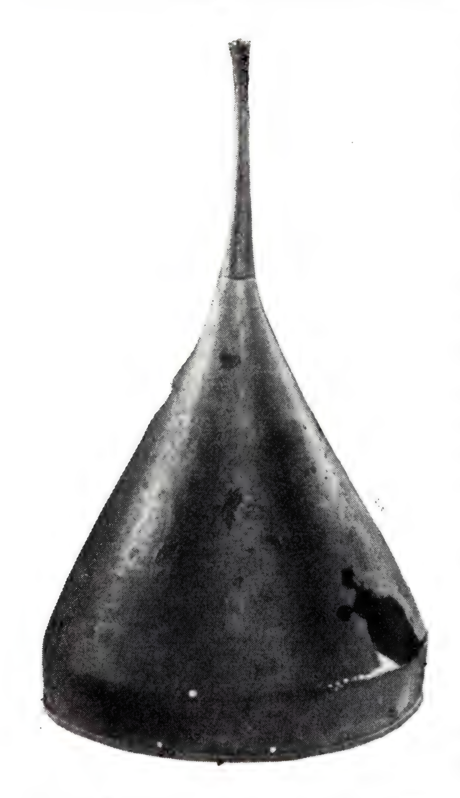
Поместная конница XVI в. Гравюра из книги Герберштейна. XVI в.

в службу подросших дворян и детей боярских, или «новиков», принималось во внимание служебное положение их отцов.

Оклады (поместные и денежные) жалованья были различны в зависимости от происхождения, имущественного состояния и службы новика. В среднем, поместные оклады новиков колебались от 100 четвертей (150 десятин в трех полях) до 300 четвертей (450 десятин) и денежные от 4 до 7 рублей в год. В процессе дальнейшей службы поместные и денежные оклады повышались в среднем до 700 четвертей земли и 14 рублей денежного жалованья[1].

Размеры поместных окладов, назначаемых дворянам и детям боярским, еще не означали того, что последние действительно владели поместными землями в окладных размерах. «Дача в оклад», т. е. фак-

[1] «Десятни XVI в.». «Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции», кн. VIII, М., 1891, стр. 59, 363, 440—441; «Акты Московского государства», т. I, № 16, стр. 18—19.

Русский шлем-шишак первой половины XVI в., найденный при раскопках на ул. Разина (Варварке) в Москве.

Государственный Исторический музей

тическое наделение землей, значительно отставала от окладов. Несоответствие поместных владений окладам служилых людей было результатом недостатка свободных земель, годных для испомещения.

Военная служба дворян и детей боярских делилась на полковую и городовую (осадную). В осадную службу назначались или мелкопоместные дворяне или лица неспособные по своему физическому состоянию к полковой службе. В мирное время полковая служба состояла в охране границ.

Все служилые люди по «отечеству» должны были являться на службу «конны, оружны и людны», т. е. на конях, с оружием и с людьми. Дворяне должны были приводить с собою на военную службу необходимое число людей в соответствии с размерами поместной и вотчинной земли.

Вооружение дворянской конницы было недостаточным. Конница имела исключительно холодное оружие, преимущественно саадаки (луки со стрелами) и сабли. В процессе развития военной техники вооружение дворянской конницы не улучшалось. Все достижения в личном вооружении воинов, в особенности введение огнестрельного оружия, шли мимо нее.

Страшным бичом поместного ополчения была слабость военной дисциплины. Показательны в этом отношении случаи неявки на службу («нетство») и побеги с нее. Правительство принимало соответствующие меры борьбы, разыскивало и возвращало на службу, насильно переводило из полковой службы в осадную, снижало поместные и денежные оклады или полностью лишало помещиков земель и жалованья. Однако все эти меры оказывались малодейственными. «Нетство» и побеги с течением времени продолжали расти, принимая массовый характер, а правительство, заинтересованное в служилых людях, не могло применять наказания достаточно последовательно и строго.

Общая численность поместного ополчения в конце XVI в. достигала, предположительно, 50 тысяч человек (вместе с холопами).

Вторую основную по способу комплектования группу в составе войска представляли служилые люди по «прибору» (стрельцы, казаки, люди пушкарского чина и др.). Все они набирались из «вольных

Юшман конца XVI в.
Государственный Исторический музей

охочих людей»: стрельцы и пушкари преимущественно из посадских людей, а казаки — из вольных казаков (волжских, донских, запорожских). К концу века существенным источником комплектования приборных людей являлись дети и другие родственники самих приборных людей. В результате, служба приборных людей стала не только пожизненной, но и наследственной.

В мирное время приборные люди выполняли городовую службу (военную и полицейскую), стрельцы, преимущественно, в центральных и северных городах, а казаки в южных городах; люди пушкарского чина имелись во всех городах. Казаки, кроме того, несли и пограничную (сторожевую и станичную) службу. Для службы приборных людей поселяли в посадах или возле городов особыми слободами. Во время войн часть приборных людей включалась в полки дворянского ополчения и принимала непосредственное участие в военных действиях. Стрельцы выполняли службу главным образом в пешем строю, а казаки составляли конницу [1].

---

[1] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства в XVI в., стр. 89, 91, 113, 217.

Наколенник первой половины XVI в.
Государственный Исторический музей.

За свою службу приборные люди получали жалованье: денежное, хлебное или земельное. Наиболее распространенным видом материального обеспечения было наделение землей. Земля давалась приборным людям на время службы, причем не в индивидуальное, а в коллективное пользование на целую сотню или приказ. Из общей земли приборные люди получали в личное пользование участки («жеребьи») под пашню; леса, сенные покосы и прочие угодья оставались в общем пользовании. Безземельным приборным людям давалось денежное и хлебное жалованье [1].

Впрочем, размеры жалованья для приборных людей не были строго установлены. Полагавшиеся оклады не везде выдавались полностью, а денежное жалованье выплачивалось вообще в неопределенные сроки, чаще всего при посылках на службу. Таким образом, материальное обеспечение приборных людей государством было недостаточным и весьма неопределенным.

Это обстоятельство содействовало широкому распространению среди них торговли и ремесл [2]. Правительство было вынуждено мириться с этим положением, как бы оно отрицательно ни отражалось на военной подготовке и боеспособности приборных людей. Бессильное создать для них необходимые материальные условия, правительство пошло по линии наименьшего сопротивления и позднее даже предоставило приборным людям бо́льшие льготы торгово-ремесленной деятельности, чем посадскому населению. Первое место по своей численности и значению среди служилых людей по «прибору» занимали стрельцы. Появление стрелецкого войска относится к середине XVI в. Стрельцы охраняющие великого князя[1],

---

[1] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 85, 89, 102—105; «Акты Юшкова», № 232, стр. 243—244; ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы Владим. стола, № 7, л. 160.

[2] *Н. Д. Чечулин.* Указ. соч., стр. 84, 88, 91, 99, 102, 104, 219.

[3] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 164.

участвовали в походах на Казань в 1546 и 1547 гг. и являлись боевой вооруженной силой.

В 1550 г. был образован трехтысячный отряд «выборных» (московских) стрельцов, являвшихся личной вооруженной охраной царя[1]. К концу XVI в. стрелецкое войско насчитывало до 20—25 тысяч человек. По месту своей основной службы стрельцы делились на московских и городовых; городовые стрельцы были расположены гарнизонами почти во всех городах, от 20 до 1000 человек в городе в зависимости от его административного и военного значения[2].

Стрельцы формировались в постоянные самостоятельные административные и тактические единицы — «приказы», численностью в 500 человек.

Во главе приказа стоял стрелецкий голова, подчиненный местному городовому воеводе. Голова был не только командиром «приказа», но творил «суд и расправу» между стрельцами, т. е. являлся администратором и судьей над ними.

Вооружение стрельцов состояло из ручной пищали, бердыша за спиной и меча или сабли на боку. Стрельцы имели определенный военный строй и носили особую форму одежды.

Появление стрельцов явилось новым этапом в организации вооруженных сил Русского государства. С этого времени начало существовать постоянное пешее войско в России.

Стрельцы обладали крупными преимуществами перед другими ратными людьми. Они были поголовно вооружены огнестрельным оружием (пищалями) и, таким образом, в боевом отношении превосходили не только поместную конницу, действовавшую холодным оружием, но и пехоту Запада, часть которой и в более позднее время была вооружена только холодным оружием (копейщики). Все указанные преимущества постепенно обеспечили стрельцам ведущее место в боевых действиях русского войска[3].

Изучение войн второй половины XVI в. показывает, что успехи русского войска в них явились в значительной степени результатом боевых действий постоянной пехоты (стрельцов) и «наряда» (артиллерии).

Во второй половине века в составе русского войска появились «вольные» казаки: яицкие, волжские, украинские (днепровские) и, главным образом, донские.

Постоянные сношения правительства с Доном начались, судя по сохранившимся источникам, с 70-х годов XVI в. Этому способствовало

---

[1] ПСРЛ, т. XXII, вторая половина, стр. 533.

[2] «Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов, XVI в.». М.—Л., 1950, стр. 218—219; ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы Владим. стола, № 7, л. 160; рукоп. отд. № 112/158, лл. 354—355.

[3] Подробнее см. *А. В. Чернов.* Образование стрелецкого войска. «Исторические записки», кн. 38; *его же.* Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 82 и др.

в значительной мере то обстоятельство, что по р. Дону, а затем по Азовскому и Черному морям, шли все дипломатические и торговые сношения Русского государства с Крымом и Турцией. Донские казаки издавна вели непрерывную борьбу в южных степях с хищными кочевниками — «азовскими» и «крымскими» людьми, обороняя свои казацкие городки, не допуская кочевников до пограничных русских городов и тем самым охраняя южную границу государства[1].

Заинтересованное в заселении пограничных городов и усилении защиты границ, правительство охотно принимало казаков на свою постоянную службу, зная их смелость и навыки в ратном деле. Используя казаков преимущественно на пограничной службе, правительство поселяло их в пограничных городах. Так появился особый разряд ратных людей под именем городовых казаков.

Городовые казаки не имели единой военной организации. Если казаков принимали на службу в одиночку, то их формировали, по примеру стрельцов, в приборы и сотни под начальством голов и сотников, назначаемых правительством из детей боярских. Там же, где казаки поступали служить целыми отрядами (станицами), у них сохранялись свои выборные атаманы, подчиненные казацкому голове или непосредственно городовому воеводе. Атаманам правительство поручало и дальнейший набор казаков под их команду[2].

За жалованье, преимущественно в виде земельных наделов, казаки должны были быть на службе на конях, со своим оружием и запасами.

Пушкари, затинщики, воротники и прочие служилые люди «пушкарского чина» имелись повсеместно, поскольку в каждом городе была своя крепостная артиллерия. В мирное время пушкари и затинщики выполняли различные поручения, связанные с пушкарским делом. Во время войн пушкари выступали со своими орудиями в поход или прибывали на сборные пункты, где им выдавались орудия со складов. При исполнении служебных обязанностей пушкари и их поддатни (помощники) были вооружены ручницами (пищалями)[3].

Тяглое население привлекалось к военной службе в принудительном порядке под именем «боярских» или «дворовых» людей, «сборных» и «посошных» людей. Боярскими людьми назывались те группы населения, которых помещики и вотчинники были обязаны приводить с земли вооруженными и на конях. Духовные феодалы и города должны были высылать на службу сборных людей, духовенство — с земли, а города — с тяглых дворов. Сборные люди предназначались также для участия в военных

---

[1] СГГиД, ч. II, М., 1819, № 44, стр. 62; № 52, стр. 86; «Материалы для истории войска Донского». Новочеркасск, 1866, стр. 1—6; «Акты, относящиеся к истории войска Донского», т. I, Новочеркасск, 1891, стр. 1—5.

[2] ДАИ, т. I, № 80, стр. 135—136; «Акты Московского государства», т. I, № 3, 15, 18, 23.

[3] ДАИ, т. I, № 72, 73, 91; ЦГАДА, ф. Разряда, столбцы Владим. стола, № 7, л. 160.

действиях и должны были являться на службу на коне или в пешем строю, с оружием и запасами.

Посошные люди выставлялись в службу с «сохи» (земельной окладной единицы) и набирались преимущественно из числа сельского тяглого населения. Посошная служба была и пешая, и «коневая» (с подводами); население было обязано содержать своих посошных людей на службе.

В мирное время, а также с отдаленных городов и уездов в военное время, правительство брало за посошную службу деньгами. Посошные люди использовались главным образом на различных военно-вспомогательных работах по прокладке и исправлению дорог, мостов, постройке засек, обслуживанию артиллерии, на земляных работах при осаде крепостей и т. п.[1]

В составе войска к концу XVI в. имелось около 2500 наемных иноземцев (поляков, греков, немцев и др.).

Общая численность ратных людей в конце XVI в. достигала 110 тысяч человек, кроме даточных и посошных людей.

Войсковая организация во второй половине XVI в. не изменилась по сравнению с предыдущим временем.

Правительство Ивана Грозного прекрасно понимало, что без собственного военного флота не только не могут быть использованы результаты Ливонской войны для установления морским путем сношений с Западной Европой, но не может быть успешно закончена и сама война.

Мероприятия по организации военного флота и установлению морских торговых сношений с Западом начались в первые же месяцы Ливонской войны.

В первой половине 1557 г. дьяком И. Г. Выродковым по указанию Ивана IV были построены город и гавань при устье р. Нарвы, ниже Ивангорода, «для корабленого пристанища», т. е. в качестве базы для военных и торговых судов. Овладев г. Нарвой в мае 1558 г., Россия получила выход в Балтийское море. Город был превращен в военную базу и торговый порт[2].

Упорное стремление правительства Ивана Грозного завести собственный военный флот на Балтийском море[3] показывает, что оно придавало большое значение установлению тесных связей с Западом.

Наряду с попытками создать морской флот, в изучаемое время

---

[1] ПСРЛ, т. III, стр. 168; т. XIII, первая половина, стр. 199; вторая половина, стр. 495; ААЭ, т. I, № 233, стр. 230—231; № 345, стр. 418; т. II, № 137, стр. 158—160; ДАИ, т. I, № 94, стр. 146—147; № 138, стр. 230—231.

[2] «Летописец русский». М., 1894, стр. 71, 76; «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, Рига, 1879, стр. 357; т. III, Рига, 1880, стр. 391; *Ю. Н. Щербачев.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. I. «Чтения ОИДР», 1915, кн. IV, № 24.

[3] РИБ, т. 16, стр. 101, 937; *Ю. Н. Щербачев.* Датский архив «Чтения ОИДР», 1893, кн. I, стр. 66—69; *его же.* Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. II. «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, № 168, 171, 179, 185, 190, 197.

правительство продолжало совершенствовать речной флот для транспортных и военно-оперативных нужд[1].

Во второй половине XVI в. на основе развития русской промышленности значительно улучшилось вооружение войска[2]. Развитие вооружения выражалось в росте и усовершенствовании огнестрельного оружия, главным образом, артиллерии. Русская артиллерия достигла крупных успехов как в техническом отношении, в производстве орудий, так и в организационном, в боевом применении «наряда».

Развитие производства орудий выдвинуло целый ряд крупных русских мастеров — специалистов орудийного дела. Кроме Андрея Чохова, в совершенстве овладевшего пушечно-литейным производством и отлившего много пушек и пищалей, в конце XVI в. были известны мастера литейного дела Степан Петров, Никифор Федоров, Семен Дубинин и многие другие[3]. В осуществлении многих технических идей русское орудийное производство шло впереди стран Западной Европы. В частности, это относится к устройству орудий с клиновой системой замка, заряжавшихся с казенной части. Усиление огневого залпа нашло свое осуществление в создании многоствольных орудий, известных по документам XVI в. под именем «соро́к». Большое значение в усовершенствовании производства огнестрельного оружия и стрельбы из него имели ежегодные смотры боевого состояния артиллерии (испытательные стрельбища)[4].

Возросшую боевую мощь русской артиллерии показали войны середины и второй половины XVI в. Парк осадной артиллерии под Казанью состоял из 150 орудий; при осаде Полоцка в 1563 г. русское войско имело до 200 пушек и затинных пищалей. Овладение многими неприятельскими городами было осуществлено только при активной роли артиллерии.

Вместе с артиллерией росло и совершенствовалось и ручное огнестрельное оружие. Наиболее распространенным видом этого оружия до XVII в. была ручная пищаль. Русские нарезные (винтовальные) пищали с колесцовыми замками известны с XVI в. Кроме пищалей, на вооружении были и пистолеты (пистоли)[5].

Вместе с ростом производства огнестрельного оружия увеличивалось и изготовление боевых припасов к нему, в частности, пороха. Пороховые (зелейные) дворы (мастерские) и амбары существовали во всех крупных городах России. Увеличение применения огнестрельного оружия, ставшее возможным в результате развития русского ремесла,

---

[1] Подробнее см. *П. Плюснин.* Русский флот в период образования и развития централизованного государства. «Преподавание истории в школе», 1952, № 6, стр. 92—97.

[2] Подробнее см. сб. «Русское оружие». М., 1952.

[3] *Н. Е. Бранденбург.* Исторический каталог С.-Петербургского артиллерийского музея, ч. I, СПб., 1877, стр. 58.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 307; т. XIII, первая половина, стр. 207, 211—214; вторая половина, стр. 304; т. XIX, стр. 452; «Летописец русский», стр. 94—95, 97, 99, 136.

[5] *Н. Е. Бранденбург.* Указ. соч., стр. 235—237, 242.

в свою очередь содействовало росту последнего и привело к образованию особых центров орудийно оружейного производства. Такими центрами были Москва, Тула, Новгород и другие города.

Расширение и усложнение состава войска, его организации, вооружения и управления, и общий рост военного дела, в том числе и военной техники, требовали теоретического обобщения накопленного опыта, которое было необходимо для дальнейшего развития и усовершенствования вооруженных сил, для повышения уровня военных знаний руководящего состава войска. Этой цели служили совещания военных специалистов, на которых разрабатывались военно-теоретические и практические вопросы. В этой связи представляет значительный интерес история реформы пограничной (сторожевой и станичной) службы.

Постройка судов на Волге по распоряжению Ивана IV. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Реорганизация пограничной охраны была поручена крупному военному деятелю того времени, боярину М. И. Воротынскому[1].

Реформа охраны южной границы, проведенная после обсуждения этого вопроса специалистами под руководством Воротынского, не изменила основ пограничного дела: сторожевая и станичная служба существовала и до реформы. Однако крупным достижением было ее упорядочение, составление устава сторожевой и станичной службы. Устав не только определил задачи пограничной службы, организацию и функции сторож и станиц, но и ввел единый порядок выполнения службы для всех пограничных городов, что, несомненно, должно было улучшить охрану границ.

Результаты реформы не замедлили сказаться в ближайшее же время. В мае 1571 г., когда реформа пограничной службы еще не была проведена, крымский хан сделал опустошительный набег на Москву и

[1] «Акты Московского государства», т. I, № 1, стр. 1—2.

Фитильная пищаль XVI в.

Государственный Исторический музей.

разорил ее. На другой год, когда хан во главе стодвадцатитысячного войска крымцев и ногайцев снова двинулся на Москву, русские военные силы под руководством Воротынского разгромили крымцев в 50 км от Москвы. Выдающимся произведением русской военной мысли является «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки» (начало XVII в.), обобщивший опыт организации вооруженных сил Русского государства.

Строительство вооруженных сил и войны второй половины XVI в. выдвинули из среды господствующего класса целую плеяду крупнейших русских военных организаторов и полководцев. Выдающимся полководцем своего времени был Иван Грозный. К числу значительных военных действий, проходивших непосредственно под его руководством, следует отнести осаду и взятие Казани (1552 г.), взятие Полоцка (1563 г.), Ливонский поход (1577 г.). Среди видных соратников Ивана Грозного были И. Д. Бельский, М. И. Воротынский, И. Г. Выродков, С. И. Микулинский, И. Ф. Мстиславский, И. В. Шереметев, П. И. Шуйский и многие другие. Они помогли Ивану Грозному провести смелые реформы в области военного дела и обеспечили успехи русского войска в указанный период.

Итак, строительство вооруженных сил второй половины XVI в. характеризуется большими достижениями. В процессе военных реформ середины века в России возникло постоянное войско (стрельцы), имевшее огнестрельное оружие и обладавшее высокой боеспособностью. Улучшились комплектование, организация и повысилась боеспособность поместного ополчения. Русская артиллерия по своей мощности — техническому состоянию и боевым качествам — превосходила артиллерию других государств. Устав (о сторожевой и станичной службе) 1571 г. положил начало разработке военных уставов в России. Устав ратных дел отражал высокий уровень развития русской военно-теоретической мысли. Русское войско по своей численности, вооружению и боевым качествам занимало первое место в Европе. Успехи в строительстве вооруженных сил обеспечили правительству выполнение задач внутренней политики и укрепления независимости Русского централизованного государства.

в) Право и суд

Укрепление Русского централизованного государства в середине и второй половине XVI в. сопровождалось серьезными преобразованиями в судоустройстве и судопроизводстве.

Необходимость реорганизации судебного аппарата и приведения правовых норм в соответствие с требованиями дворянства являлась причинами, вызвавшими составление нового общерусского правового кодекса — Судебника 1550 г. Основными источниками Судебника, составленного при непосредственном участии Ивана IV, являются Судебник 1497 г., указы, издававшиеся в период с 1497 г. и до 1550 г., губные и земские уставные грамоты.

В Судебнике 1550 г. материал разделен на 100 статей[1], около трети из которых были новые; большинство старых статей было расширено и конкретизировано в соответствии с новыми требованиями и условиями. Судебник 1550 г. включал многое из того, что было выработано практикой, но он не обнимал всего действующего права.

Составленный в обстановке проведения политики компромисса между интересами боярства и дворянства Судебник 1550 г., отражая дальнейшую централизацию государственного аппарата, удовлетворял не всем требованиям дворянства (например, о земле, о запрещении холопить служилых людей и др.). Именно поэтому вскоре после выпуска Судебника понадобилось издание так называемых «дополнительных указов», в которых интересы дворянства нашли более полное отражение.

Другим источником права в рассматриваемый период является Стоглав — сборник постановлений церковного собора 1551 г., разделенный на 100 глав (отсюда его название). Стоглав содержал постановления о церковно-монастырском управлении, а также ряд норм гражданского и уголовного права.

Однако в обстановке обострения классовой борьбы интересы защиты господствующего класса требовали создания специального сборника уголовного права. Таким сборником и явилась «Уставная книга Разбойного приказа», составленная в 1555—1556 гг.[2]

Накопление законодательного материала к концу XVI в. вызывало необходимость в дальнейшей кодификации. Нужно было органически объединить так называемые «дополнительные указы» с постановлениями Судебника 1550 г. В конце XVI в. стали предприниматься попытки подобной кодификации. В 1589 г. на Севере Русского государства был составлен новый Судебник. Он являлся руководством для волостных судей в Устьянских волостях, возможно, имел хождение и в Двинском уезде. Источниками Судебника 1589 г. были: Судебник 1550 г., указ 1556 г., уставные грамоты, обычное право, судебная практика северных судов и, возможно, уставная грамота царя Федора Ивановича[3].

---

[1] Статья «О суде с уделными князи» (№ 100), возможно, была приписана к Судебнику в том же 1550 г. См. «Судебники XV—XVI веков» под ред. Б. Д. Грекова, М. — Л., 1952, стр. 338—340.

[2] ГБЛ, Музейное собрание, № 6689, лл. 337—367 (Памятник найден А. А. Зиминым).

[3] «Судебники XV—XVI веков», стр. 417 и др. Попытки кодификации предпринимались и в начале XVII в. В 1606—1607 гг. был составлен Сводный Судебник Новым в Сводном Судебнике 1606—1607 гг. по сравнению с предшествующим Судеб-

Во второй половине XVI в. гражданское право получило несравненно большее развитие, чем в предшествующий период. В памятниках права рассматриваемого времени основное внимание среди вопросов гражданского права уделялось феодальной собственности на землю как основе экономического и политического могущества феодалов. В законодательстве в это время большое внимание отводилось светскому и церковному землевладению.

Проводя в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. политику компромисса между интересами дворянства и боярства, правительство Ивана IV статьей 85 Судебника 1550 г. подтвердило старинное право родового выкупа и не приняло серьезных мер к ограничению боярского землевладения[1]. Только в 1562 г. было запрещено продавать и менять княжеские вотчины[2].

Несмотря на сопротивление реакционной части духовенства, целым рядом указов были сокращены источники дальнейшего развития церковно-монастырского землевладения (запрещение покупки земель в 1551 г., запрещение вкладов в 1584 г. и др.), что соответствовало интересам дворянства.

Во второй половине XVI — начале XVII в. в связи с ростом товарно-денежных отношений и дальнейшей мобилизацией земельной собственности развивается залоговое право. Так, например, в 1558 г. был издан указ, регламентировавший порядок уплаты долга при закладе вотчин[3].

В рассматриваемый период определенные изменения претерпело обязательственное право. Под обязательством постепенно стали понимать право не на само обязанное лицо (например, должника), а на действия и имущество обязанного лица. Судебник 1550 г. запретил должникам служить у своего кредитора за «рост»[4], а указ 1558 г. запрещал должникам поступать в полные холопы к кредитору.

Система договоров (купли-продажи, мены, займа, залога, дарения, личного найма, поклажи) не претерпела существенных изменений. По сравнению с предшествующим временем более подробно были разработаны отдельные виды договоров, например договоры займа, личного найма[5]. Законодательство предусматривало и договор поклажи (отдача

ником было обобщение законодательной практики за вторую половину XVI—начало XVII в. и систематизация статей по разделам, граням. Деление Сводного Судебника 1606—1607 гг. на грани представляло собой попытку систематизации норм права, которая позднее нашла отражение в Соборном Уложении 1649 г. Ни Судебник 1589 г., ни Сводный Судебник 1606—1607 гг. официального утверждения не получили.

[1] *Б. А. Романов.* К вопросу о земельной политике Избранной Рады. «Исторические записки», кн. 38, стр. 269.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 3, Киев, 1889, стр. 28—32.

[3] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Указ. соч., стр. 16—20.

[4] «Судебник 1550 г.» (в кн. «Судебники XV — XVI вв.»), ст. 82, стр. 170.

[5] Там же, ст. 36, стр. 151; ст. 83, стр. 170.

движимого имущества на хранение)[1]. Во второй половине XVI в. в Москве образовался институт площадных подьячих, ведавших оформлением договоров. Этим самым были заложены основы русского нотариата[2].

Наследственное и брачно-семейное право по сравнению с предшествующим временем почти не изменилось. Согласно указу 1556 г., завещание умершей жены, по которому муж назначался приказчиком (распорядителем), не признавалось действительным[3]. Усиление роли мужа в семье нашло отражение в «Домострое».

В области уголовного права во второй половине XVI — начале XVII в. в отличие от предшествующего законодательства вводятся конкретные карательные санкции за преступления, предусмотрены новые составы преступлений: подлог судебных актов, мошенничество, лихоимство, «бой и грабеж».

К числу важнейших государственных преступников относили «градского сдавца» (изменника); преступниками считались также «составщики» (подделыватели документов)[4]. Было введено понятие «прирочный человек з доводом»[5].

Большое внимание уделялось борьбе с «ведомыми лихими людьми». Об этом свидетельствует как Судебник 1550 г. (ст. 60, 61 и др.), так и делопроизводство Разбойного приказа (Уставная книга 1555—1556 гг., губные грамоты и губные наказы). «Лихие люди» наказывались смертной казнью. Расширение круга деяний, рассматривавшихся с точки зрения господствующего класса как преступные, являлось в известной мере ответом на усиление борьбы крестьянства и посада против крепостнического гнета.

Продолжали существовать те же виды наказания, как и ранее (смертная казнь и др.), дополненные в исследуемый период членовредительными наказаниями (отсечение руки). Однако денежные штрафы в системе наказаний в значительной мере утратили свое значение.

Таковы были изменения в области права в рассматриваемый период, отражавшие сдвиги, которые произошли в экономическом строе русского феодального общества.

* * *

Судебные органы в середине XVI в. претерпели существенные изменения, которые были связаны с усилением судебных функций

---

[1] «Судебник 1550 г.», ст. 73, стр. 166.

[2] *М. Ф. Злотников.* Подьячие Ивановской площади. «Сборник статей, посвященных Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому». П., 1916, стр. 82—130.

[3] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Указ. соч., стр. 5—11.

[4] «Судебник 1550 г.», ст. 4, 5, 25, 58, 61 и др.; *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Указ. соч., стр. 5—11, 35.

[5] «Судебник 1550 г.», ст. 57, стр. 158. «Довод» — доказанное обвинение.

Наказание кнутом. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

приказов. Поместный приказ теперь решал дела о поместьях, Холопий приказ разрешал споры о правах на холопов, в нем совершались акты укрепления прав на холопов, разбирались дела о беглых крестьянах. Земский приказ ведал судом по гражданским и уголовным делам население Москвы. Четям или четвертям было подсудно население отдельных территорий[1]. Судебные функции были присущи также Челобитному приказу. Приказы судили тех лиц, которые состояли в их ведении. Однако все эти приказы не имели права решать важнейшие уголовные дела, для рассмотрения которых в 1555 г. был учрежден Разбойный приказ. Губной суд, господствующее положение в котором занимали дворяне, являлся важным орудием классового террора в руках дворянства. Органы губного управления существовали преимущественно в районах, где преобладало помещичье землевладение. Наряду с судом губных старост и целовальников существовал суд «излюбленных голов» (земских старост). Суду земских старост, так называемому земскому суду, население было подсудно по гражданским и маловажным уголовным делам.

Губная и земская реформы привели во второй половине XVI в. к ликвидации так называемого «сместного» (совместного) суда представителей центральной власти и землевладельцев-феодалов[2]. Дела, подлежавшие ранее этому суду, разбирались отныне губными или земскими органами.

В пограничных городах и уездах в начале XVII в. воеводы обладали не только административными, финансовыми и военными функциями, но имели право судить население подведомственной им территории.

Во второй половине XVI — начале XVII в. продолжали существовать две формы процесса: обвинительный (состязательный) по гражданским и маловажным уголовным делам и следственный (розыскной) по

[1] *П. А. Садиков*. Очерки по истории опричнины, стр. 385.

[2] *С. Б. Веселовский*. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, т. I, М.— Л., 1947, стр. 408.

важным уголовным делам, при разборе преступлений «лихих людей». При следственном процессе исключительное значение придавалось «обыску» и пытке.

Значительные изменения произошли в судебном праве. Появилась статья о порядке рассмотрения дел посадских людей между собой[1] и др. К концу XVI в. «поле» почти перестало применяться.

Давая характеристику основным реформам середины XVI в. на Руси, К. Маркс отмечал достигнутые в этот период успехи в области законодательства[2].

Изменения в правовых взглядах и правовых учреждениях как надстроечных явлениях определялись сдвигами в феодальном базисе и свидетельствовали об укреплении централизованного аппарата власти как орудия угнетения эксплуатируемого населения страны.

г) Финансы

Строительство государственного аппарата и напряженная внешняя политика, проводившаяся правительством Ивана IV, настоятельно требовали значительных денежных средств, которые доставляли в царскую казну прежде всего крестьяне и посадское население. Поэтому 50-е годы XVI в. явились временем реорганизации финансовой системы страны.

В целях обеспечения бесперебойного взимания прямых налогов с народных масс, правительство провело реформу системы сошного письма. С середины XVI в. соха стала приобретать совершенно определенное поземельное выражение. Размеры сохи определялись теперь, во-первых, владельческой принадлежностью описываемых земель, во-вторых, их качеством. По первому признаку различались земли: служилые (т. е. поместно-вотчинные), церковно-монастырские, дворцовые и черные. По своему качеству земли делились на «добрые», т. е. плодородные и «угожие» (с лугами и др. угодьями), «середние» и «худые».

Служилая соха состояла из 800 четвертей «доброй» земли (в одном поле), 1000 четвертей «средней», 1200 четвертей «худой»[3]. В церковно-монастырских и дворцовых землях соха складывалась из 600 четвертей «доброй» земли, 700 — «середней», 800 — «худой» и 900 — «добре худой» (т. е. очень плохой). В черносошных волостях на соху приходилось 500 четвертей «доброй» земли, 600 — «середней», 700 — «худой»[4].

Классовый смысл реформы сошного письма очевиден. Реформа была проведена в интересах служилого дворянства, так как больше всего податей падало на земли черносошных крестьян, затем на земли крестьян

---

[1] «Судебник 1550 г.», ст. 72, стр. 165—166.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 165.

[3] «Четверть» в переводе на метрическую систему мер равняется 5462,5 м².

[4] Подробнее см. *Л. В. Черепнин*. Русская метрология, стр. 62—63; *И. В. Устюгов*. Очерк древнерусской метрологии. «Исторические записки», кн. 19, стр. 325—326.

духовных феодалов (чем меньше размеры сох, тем больше их входило в пределы данного земельного владения, следовательно, тем больше было бремя прямых налогов, падавших на этот участок). Эта система обложения давала служилым феодалам возможность увеличивать оброки с крестьян в свою пользу.

Реформа сильно ударила по церковно-монастырскому землевладению. расцветшему в период боярского правления.

Централизаторские мероприятия правительства в области сошного письма имели большое значение для упорядочения сбора налогов. Однако охарактеризованная данная система обложения вводилась постепенно и повсеместно установилась только к концу XVI в.

В результате проведения финансовых преобразований в середине XVI в. податной нажим на тяглое население Русского государства заметно усилился.

Прежде всего реформа сошного письма сопровождалась увеличением размеров старых прямых налогов. Сумма дани, собиравшейся с черносошных и посадских людей, часто достигала 20 рублей с сохи[1]. Ямские деньги взимались обычно в размере 10 рублей с сохи[2]. Кроме того, в связи с активной внешней политикой правительства Ивана IV был введен ряд новых податей и повинностей, предназначенных для укрепления военного могущества государства.

В 1550 г. правительство в связи с созданием стрелецкого войска распространило на большинство уездов государства взимавшийся ранее не повсеместно налог — «пищальные деньги» (очевидно, подворный)[3]. 1551 год ознаменовался введением «полоняничных денег», предназначенных для выкупа пленных («полоняников»)[4]. Размеры полоняничных денег составляли обычно 2 рубля с сохи, хотя они, как и ямские деньги, до конца XVI в. не являлись окладным сбором (их величина не была твердо установлена, а определялась каждый раз особо)[5].

В начале 50-х годов XVI в. правительство ввело в качестве повинностей «засечное» и «ямчужное» «дела». Засечное дело, т. е. строительство укрепленных засечных линий, развернувшееся в середине XVI в., входило в обязанности податного населения. Исправление засечного, как и городового, дела в натуре было необходимо, главным образом, в пограничных районах страны. Поэтому для основной территории государства эти повинности обычно переводились на деньги, которые шли в казну под названием налога «за городовое и засечное

---

[1] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., стр. 230. Здесь и далее имеется в виду соха в 800 четвертей.

[2] Там же, стр. 230; *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. 1, М., 1915, стр. 141 и др.

[3] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 146, 151, 152.

[4] Подробнее см. *П. Н. Милюков.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 23—24.

[5] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 30, 140, 141.

дело» и составляли 4 рубля с сохи[1]. Городовое дело стало переводиться на деньги именно во второй половине XVI в.

Монеты:
а) Ивана IV, б) Федора Ивановича.
Государственный Исторический музей.

«Ямчужным делом» называлась государственная повинность, состоявшая в обязанности изготовлять «ямчугу» (селитру), из которой делали порох. Ямчужное дело нередко переводилось на деньги, собиравшиеся в размере свыше 1 рубля с сохи[2]. Во второй половине XVI в. регулярный характер приобрел налог на содержание государственного аппарата, в частности, финансового ведомства — так называемые «казначеевы, дьячьи и подьячьи пошлины», они составляли 1 рубль с сохи[3].

Большое значение для укрепления финансов имела отмена кормлений[4]. Налоги, составлявшие прежде доходы наместников и их «пошлинных людей» («корм», пошлины «за присуд», некоторые таможенные пошлины, например, «пятно» и т. д.), стали собираться в пользу государства. В дворцовых и черных волостях наместничий корм взимался в размере 21 алт. 2 деньги с сохи, в частновладельческих землях—42 алт. 4 д. с сохи[5]. Все перечисленные подати собирались по сошному окладу. Они выплачивались черными, дворцовыми и частновладельческими крестьянами.

Кроме роста удельного веса старых и возникновения новых прямых налогов, в середине XVI в. значительно увеличились размеры главного таможенного сбора — тамги. Тамга окончательно приобрела характер 10%-ной пошлины с цен товаров.

Все эти мероприятия правительства 50-х годов XVI в. укрепили финансы Русского государства, обеспечили правительству возможность проводить активную внешнюю и внутреннюю политику, хотя эта политика осуществлялась за счет эксплуатируемого крестьянства.

Интенсивное развитие налоговой системы потребовало расширения центрального и местного финансового ведомства. До реформы 50-х годов XVI в. «государева казна» сосредоточивала в себе все «казенные» поступления: прямые налоги, таможенные пошлины и т. п. Казна обладала слишком разносторонними функциями для того, чтобы справиться

---

[1] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 230.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 222, 224—225, 230.

[4] См. *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 287, прим. 4.

[5] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 65; *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 222—223, 224, 226; *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 102—103.

с организацией сбора разросшегося комплекса государственных налогов. Поэтому в 1553—1554 гг. заведывание казенными пошлинами и налогами разделилось между несколькими финансовыми органами, действовавшими под общим контролем Казны[1]. Важнейшим из них был образованный в это время Большой Приход.

В связи с отменой наместничества в ряде уездов Русского государства сбор пошлин, взимавшихся прежде в пользу кормленщиков («кормленный окуп»), перешел в ведение так называемых «кормленных дьяков». В начале 50-х годов XVI в. (до реформы 1555 г.) кормленные дьяки осуществляли надзор за кормленщиками, выдавали им доходные списки и т. п. Ведомство кормленных дьяков распространялось на порученную им правительством территорию: «у которого города приказаны». Приобретение кормленными дьяками новых, чисто финансовых функций, при переводе отдельных уездов на земское управление, чрезвычайно усложнило их деятельность. Поэтому в начале 60-х годов XVI в. из ведомств кормленных дьяков стали вырастать специальные финансовые учреждения — «четверти» или «чети»[2].

В уездах, где установилось земское управление, изменился и местный аппарат финансового ведомства: место городовых приказчиков заняли здесь мирские выборные власти из числа зажиточных посадских людей и черносошных крестьян («головы излюбленные» или «земские судьи» с коллегией целовальников)[3]. Земские финансовые органы являлись более гибким орудием выколачивания налогов из населения. Недобор податей выборные старосты должны были покрывать за свой собственный счет.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что 50-е годы XVI в. были не только временем расширения податной системы, но и важной вехой на пути строительства аппарата управления финансами, обеспечившего интенсивный, регулярный и централизованный сбор государственных налогов. Большую роль в деле укрепления финансов сыграла политика правительства Ивана Грозного по отношению к феодальному монастырскому иммунитету.

В 40-х годах XVI в., во время боярской реакции, монастырям были предоставлены настолько широкие податные привилегии, что правительство Ивана IV в самом конце 40-х годов встало перед необходимостью пересмотра старых тарханных грамот. Первые попытки ревизии тарханов относятся к 1548—1549 гг.

Меры по ограничению монастырских привилегий были сначала приняты по отношению к недостаточно влиятельным монастырям: в противоположность крупным церковным корпорациям, они не могли оказать эффективного сопротивления царю. Только после большой организа-

---

[1] *П. А. Садиков.* Очерки по истории опричнины, стр. 268—270.

[2] Там же, стр. 217, 223—224, 244.

[3] Там же, стр. 249—251. Впрочем, в отдельных уездах система управления посредством городовых приказчиков сохранилась.

ционно-политической подготовки (соборов 1549 и 1551 гг., кодификационных работ 1550—1551 гг.) Иван IV решился провести широко задуманное ограничение тарханов.

По Судебнику 1550 г. запрещалось выдавать тарханные грамоты и содержалось предписание «старые тарханные грамоты поимати у всех». Статья 43 Судебника была в истории русского феодального иммунитета первой попыткой законодательным путем повсеместно ликвидировать тарханы.

Намеченная Судебником «поимка» тарханных грамот закончилась к середине мая 1551 г. Принцип ограничения тарханов свидетельствует прежде всего о чисто фискальных целях этой ревизии жалованных грамот. Не получили полного подтверждения именно те тарханы, в которых содержалось освобождение от главных поземельных налогов (ямских денег, посошной службы, городового дела) и основной таможенной пошлины — тамги. Статьи о неуплате этих поборов аннулировались[1]. Однако самым существенным ограничениям подверглись жалованные грамоты на монастырские дворы. Монастырские дворы, расположенные на посадах, являлись «белыми местами», исключенными из черного посадского тягла.

В результате майской проверки тарханов эта изолированность монастырских дворов была ликвидирована, а население монастырских дворов низводилось до положения черных посадских людей и обязывалось участвовать во всех мирских расходах и мирской раскладке податей. Включение монастырских дворов в тягло имело большое значение не только для государства, увеличивавшего этим свои доходы, но и для посадов, внутри которых распределение налогового бремени становилось теперь более равномерным. Таким образом, борьба правительства против беломестного землевладения знаменовала союз царской власти и посадов.

Серьезным ограничениям подверглись таможенные льготы монастырей при покупке и провозе соли, хлеба и других товаров.

Старый обычай регламентации количества товаров, беспошлинно провозившихся монастырями, был превращен в общее правило, обязательное для всех монастырей. Монастырям разрешалось провозить товары лишь «на монастырский обиход, а не на продажу». Это соответствовало интересам посадского населения, для которого привилегированные монастыри были конкурентами на внутреннем рынке страны.

В целом пересмотр грамот в 1551 г. свелся к почти повсеместному уничтожению основных податных привилегий монастырей. Во всех районах Русского государства с монастырских вотчин стали взиматься ямские деньги, тамга, мыт. Население монастырских владений должно было выполнять посошную службу и городовое дело. Монастырские дворы были полностью включены в черное тягло. К старым налогам теперь приба-

---

[1] Подробнее о пересмотре тарханных грамот см. *П. П. Смирнов*. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I., стр. 122—144.

вились новые — деньги пищальные, полоняничные, за засечное и ямчужное дела, освобождение от которых не было зафиксировано в жалованных грамотах. Если сопоставить с этим небольшие размеры монастырской сохи, установленные реформой сошного письма, нетрудно будет понять, насколько сильный удар был нанесен монастырскому землевладению в 50-х годах XVI в., когда у кормила власти находилось правительство компромисса, — Адашев и близкий к нестяжателям Сильвестр.

Неподтвержденные в мае 1551 г. тарханные грамоты с широкими финансовыми льготами теряли свою юридическую силу[1].

Несмотря на укрепление финансов в 50-х годах XVI в., государственная казна терпела большие убытки от слабой организации контроля за деятельностью дьяков финансового ведомства[2].

Время опричнины ознаменовалось дальнейшим усилением налогового гнета и активным строительством аппарата управления финансами. Финансовый вопрос приобрел большую остроту в связи с Ливонской войной, потребовавшей крайнего напряжения всех сил Русского государства.

Повидимому, в связи со стремлением правительства преодолеть хозяйственное разорение в стране находился рост податных привилегий церковных феодалов в 1572—1583 гг. Монастыри и церковь безоговорочно освобождались от большинства налогов и повинностей[3]. Но уже в начале 80-х годов XVI в. правительство Ивана Грозного вновь приступило к подготовке отмены монастырских тарханов[4].

Одной из задач, поставленной перед опричниной, являлось правильное ведение государственного хозяйства, регулярное пополнение доходами «государевой казны». Главным источником государственных доходов в опричнине был первоначально «кормленый окуп». Единственная доопричная четь — «Каргопольская» — в 1565 г. была взята в опричнину и превращена в средоточие всех опричных доходов. Помимо «кормленого окупа», в нее вскоре начали стекаться таможенные пошлины, сборы с оброчных угодий, в ней ведались такие налогоплательщики, как Строгановы. Только отдельные посошные налоги (деньги ямские, примёт-

[1] Сб. ГКЭ, т. 1, П., 1922, № 137, стб. 135—136; ЦГАДА, Собрание Мазурина, № 3096. Таможенная турчасовская грамота 1555—1556 гг.

[2] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного, стр. 79.

[3] См., например, ААЭ, т. I, № 300, стр. 365—367; СГГиД, ч. I, 1813, № 200, стр. 583—587; № 202, стр. 592—598; ДАИ, т. I, № 122, стр. 177—178; Сб. ГКЭ, т. I, № 221, стб. 216—217; ГБЛ, архив Троице-Сергиевской лавры, кн. № 528, № 336; ЦГАДА, ГКЭ, по Волок. 6/2465; ОДРА, ф. Антониева-Сийского монастыря, 463 б/ф, 464 б/ф.

[4] ЦГАДА, ГКЭ, по Белоозеру, № 861/160. Церковный собор, на котором было постановлено временно — «до государева указу» — ликвидировать тарханы, состоялся вскоре после смерти Грозного, в июле 1584 г. Однако это соборное решение потеряло силу буквально через несколько месяцев, и уже с конца 1584—1585 гг. правительство царя Федора Ивановича стало выдавать монастырям новые и подтверждать старые тарханные грамоты, многие из которых содержали весьма широкие иммунитетные льготы.

ные, за городовое и др. дела) продолжали некоторое время поступать с опричных земель в Большой Приход, который считался общегосударственным учреждением. До 1572 г. четверть строго подчинялась опричному казначею, который возглавлял финансовое ведомство «государева удела»[1]. С переходом к «двору» «Каргопольская» четверть образовала две — «Каргопольскую» и «Двинскую» «дворовые» четверти, вполне независимые от «дворового» казначея[2]. В 1577 г. обе четверти опять объединились, образовав единый «дворовой четвертной приказ».

В конце 70-х годов XVI в., в условиях затяжной Ливонской войны и хозяйственного разорения страны, правительство Ивана Грозного сосредоточило в руках одного лица заведование двумя важнейшими финансовыми органами — Дворовым Четвертным приказом и приказом Большого Прихода[3]. Функции последнего к этому времени значительно разрослись (в него поступали уже с 60-х годов таможенные пошлины[4], пищальные деньги[5], а с 80-х годов частично полоняничные деньги).

После смерти Ивана Грозного Большой Приход снова сделался самостоятельным учреждением.

В конце XVI в. чети, которые с 70-х годов начали регулярно действовать и в земщине, стали окончательно оформляться как территориальные приказы; последние ведали отдельными местностями[6].

Таким образом, во второй половине XVI в. центральный аппарат финансового ведомства из «государевой казны» превратился в систему финансовых приказов, обеспечивших феодальному государству возможность в новых условиях осуществлять его внутреннюю и внешнюю функции.

80—90-е годы XVI в. явились временем дальнейшего роста размеров прямых налогов. В этот период, например, величина ямских денег в ряде районов государства превосходила 42 рубля с сохи[7]. Правительство ввело в некоторых уездах дополнительные налоги: за годовое жалованье плотников и кузнецов, занятых государственными работами, пленным иноземцам на корм и т. п. По вычислениям исследователей, в 80—90-х годах XVI в. платежи в пользу государства возросли в три с половиной раза сравнительно с 50-ми годами[8].

Таким образом, вторая половина XVI в. ознаменовалась увеличением податного гнета в стране и развитием аппарата управления финансами. При этом, разумеется, вся тяжесть налогового обложения ложилась на плечи непосредственных производителей, прежде всего крестьянства.

---

[1] *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 307, 312, 313, 316, 383.
[2] Там же, стр. 331, 383.
[3] Там же, стр. 340, 350.
[4] Там же, стр. 278—279.
[5] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 147.
[6] *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 385—417.
[7] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 232.
[8] Там же, стр. 234.

11

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI В. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КАЗАНИ И АСТРАХАНИ

Международное положение Русского государства в первой половине XVI в. было крайне тяжелым. Русское государство вынуждено было выдерживать борьбу на юге, востоке и западе.

Образовавшиеся на развалинах Золотой Орды татарские юрты — Казанское, Крымское, Астраханское ханства и Ногайские орды продолжали захватническую политику Золотой Орды и держали под ударом южные и восточные окраины Русского государства. Татары доходили до Москвы. С XVI в. на гегемонию в Восточной Европе стала претендовать султанская Турция. На Западе продолжалась борьба за русские земли. Ливонский орден и Швеция угрожали северо-западной русской территории. Враждебные России соседи были заинтересованы в сохранении в ней остатков феодальной раздробленности, в создании условий, препятствовавших росту могущества России. Русское государство было отрезано от морей. В таком неблагоприятном положении страна не могла рассчитывать на нормальное экономическое развитие.

В середине XVI в. перед централизованным Русским государством стояли три главные внешнеполитические задачи: 1) борьба с Великим княжеством Литовским и связанной с ним узами личной унии Польшей за захваченные литовскими и польскими феодалами украинские и белорусские земли, входившие прежде в состав Древнерусского государства; 2) борьба с усилившейся крымско-турецкой агрессией и 3) борьба за Прибалтику, за достаточно широкий и удобный выход к Балтийскому морю.

Постепенное объединение вокруг Москвы разрозненной Руси в единое государство с централизованным правительством, обусловленное в конечном счете экономическим развитием страны, устранение татарского ига обеспечили возможность осуществления национальных задач русской внешней политики.

Московское правительство в первой половине XVI в. отчетливо представляло свои внешнеполитические задачи и титулу «государя всея Руси» придавалось не только почетное, но и вполне реальное значение. «Не те одны городы и волости русские, которые ныне за нами,— наша отчина: и вся Русская земля ...из старины от наших прародителей наша отчина»,— утверждал еще Иван III[1]. Так формулировалась первая задача русской внешней политики — борьба с Литвой и Польшей с целью дальнейшего воссоединения русских, украинских и белорусских земель, бывших земель Киевской державы («отчины и дедины»), временно подпавших

[1] АЗР, т. I, СПб., 1846, № 192, стр. 281.

в годы феодальной раздробленности и татарского ига под власть польско-литовских феодалов.

С этой задачей теснейшим образом смыкались две другие задачи русской внешней политики того времени: на востоке и юге — продолжение и завершение борьбы с остатками Золотой Орды, татарскими ханствами, которых поддерживала султанская Турция, и устранение угрозы турецко-татарского нашествия на Русь; на северо-западе — отражение агрессивных действий Швеции и Ливонского ордена и борьба за выход к Балтийскому морю. Осуществление этих задач должно было обеспечить Русскому государству сохранение независимости и способствовать его серьезному культурно-хозяйственному росту.

Тесная взаимосвязь этих проблем затрудняла разрешение каждой из них в отдельности. Враждебно настроенные соседи России постоянно посягали на ее государственную самостоятельность, стремились расчленить ее территорию. Поэтому необходимость скорейшего и решительного сопротивления растущей агрессии не раз становилась первоочередной задачей внешней политики Русского государства, превращалась в потребность самообороны.

Первоочередной задачей Русского государства к середине XVI в. стала борьба с Казанским ханством. Казанское ханство непосредственно граничило с территорией, населенной русскими людьми, держало в своих руках волжский торговый путь, препятствовало общению русских людей со странами Востока, мешало распространению русской колонизации на Восток, требовало больших средств на оборону восточных границ.

К середине XVI в. Казанское ханство попало в полную зависимость от агрессивно настроенных по отношению к России Крымского ханства и Турции. В те годы Казанское ханство более всех других внешних врагов препятствовало культурно-хозяйственному развитию России, мешало русскому правительству сосредоточить силы на борьбе с феодальной раздробленностью.

Борьба Русского государства с Казанским ханством была важнейшим фактором международных отношений государств Восточной Европы во второй четверти XVI в. Характер и большое международное значение борьбы Русского государства с Казанским ханством можно понять только при условии выяснения взаимоотношений Русского государства, татарских «юртов» и Турции.

Рост международного престижа России в конце XV — первой половине XVI в. совпал по времени с расцветом турецкого могущества и возникновением проблемы взаимоотношений между европейскими государствами и султанской Турцией.

К середине XVI в. турецкая военно-феодальная монархия стала одной из могущественных военных держав того времени. Турецкие феодалы установили господство над огромной территорией от Гибралтара до Восточного побережья Средиземного моря, овладели землями Византий-

ской империи в Европе, поработили южные славянские народы и население Причерноморья, подчинили себе крымских ханов[1].

«Служение Аллаху» турецкие феодалы видели в постоянных войнах, которые вели с нечеловеческой жестокостью[2]. В завоеванных землях турецкие захватчики показали себя жесточайшими колонизаторами, терзавшими завоеванные народы. «Турецкие ассимиляторы, — указывал И. В. Сталин, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов...»[3]

В своих завоевательных планах султаны опирались на реакционную идею «единства мусульманского юрта». Сущность ее заключалась в том, что все мусульманские государи обязаны были подчиняться султану и совместно с ним бороться с «иноверными». В целях порабощения народов Ближнего Востока, Поволжья, Кавказа и Балканского полуострова султаны культивировали религиозную нетерпимость, засылая туда своих многочисленных, специально обученных агентов.

Со второй четверти XVI в. турецкие властители, не оставляя попыток овладеть Веной, основное направление своей завоевательной политики переносят на юго-восток Европы, Русское государство, Закавказье и Иран[4]. Политика эта осуществлялась и в форме военных действий и путем дипломатического нажима.

Наступательная политика султанской Турции в Восточной Европе проводилась как силами самих турецких феодалов, так, в еще большей степени, силами вассалов султана — в первую очередь крымского и казанского ханов.

Крымское ханство подчинилось султану в 70-х годах XV в. В первой четверти XVI в. крымские ханы постепенно превращаются в послушное орудие в руках султана[5]. Крым стал главным поставщиком рабов для Турецкой империи. Взаимоотношения Крымского ханства и Русского государства резко ухудшаются, замирает русско-крымская торговля. В 1519 г. турки пытались закрепить за собой реки Дон и Донец, отправив туда корабли с артиллерией. В 1521 г. в Казани воцарился хан из враждебного Москве крымского царствующего дома Гиреев, а в 1524 г. Казанское ханство формально вступило в отношения вассальной зависимости от Турции.

Вмешательство султанской Турции в дела Крымского ханства достигло своего апогея именно к середине XVI в., в годы наивысшего могущества Османской империи. Султаны назначали и сменяли по своему усмотре-

---

[1] *А. Ф. Миллер.* Краткая история Турции. М., 1948, стр. 18 и сл.

[2] См. *К. Маркс.* Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 215, 217.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 347.

[4] *Н. А. Смирнов.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I. «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1945, стр. 6.

[5] *В. Е. Сыроечковский.* Мухаммед-Герай и его вассалы. «Ученые записки МГУ», вып. 61, М., 1940, стр. 60 и др.; *П. Н. Надинский.* Очерки по истории Крыма, ч. 1, Симферополь, 1951, стр. 63 и др.

нию крымских ханов, выдавали ханам жалованье, получали с них дань, брали в заложники их сыновей и для постоянного наблюдения за ханами и руководства их действиями приставляли особого пашу (которым часто был сын султана). Турецкие крепости кольцом сжимали территорию ханства, а турецкие чиновники судили местное население. Султаны снабжали ханов оружием, присылали к ним своих янычар, указывали ханам направление военных грабительских набегов, заранее определяя их характер [1]. Иностранный наблюдатель писал, что «хан не может отказаться от войны, на которую турецкий султан его посылает или приглашает, и без его ведома и согласия не может никому объявить войны, за исключением московского князя» [2].

Внешняя политика крымских ханов в середине XVI в. была по существу турецкой внешней политикой. Крымские войска были передовой армией султана в Восточной Европе и на Северном Кавказе. Именно поддержка султана, а отнюдь не собственное могущество, придавала силу притязаниям Гиреев на Казанское ханство и смелость в их сношениях с русским правительством и делала войну с Крымским ханством особенно опасной для Русского государства. В наглом послании к малолетнему Ивану IV Сахыб-Гирей писал: «Да будет ведомо тебе, что мы намерены, разграбив твои земли, схватить тебя самого, запречь в соху и заставить сеять золу» [3].

Направляемая султанским правительством агрессивная политика Крымского ханства по отношению к Русскому государству имела и свои внутренние причины. Такая политика являлась продолжением золотоордынской политики порабощения и вымогательства и вполне отвечала интересам алчных крымских феодалов.

Использование крымцев для осуществления захватнической внешней политики Турции совпадало с основными интересами крымских феодалов, так как набеги на чужие земли с целью захвата полона и грабежа являлись для крымских феодалов главным источником дохода. Отряды крымских феодалов постоянно нападали на русские «украины»: грабили и выжигали поселения, полонили русских людей, уводили скот. В отношениях с Русским государством у крымцев, помимо примитивного хищничества, был и определенный политический расчет: в Русском государстве они, как и турецкие феодалы, видели своего наиболее опасного противника в Восточной Европе, усиление которого препятствовало расширению турецко-крымской экспансии [4]. Поэтому, натравливая хана на Россию,

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 139, 189; вторая половина, стр. 433, 434, 438, 487; *В. Д. Смирнов.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб.,1887, стр. XXI, 306, 401.

[2] *М. Броневский.* Описание Крыма. «Записки Одесского Об-ва истории и древностей», т. VI, Одесса, 1867, стр. 359.

[3] *В. Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 417.

[4] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.— Л., 1948, стр. 8—9.

султаны в то же время содействовали поддержанию мирных отношений ханства с Польско-Литовским государством, враждовавшим тогда с Русским государством.

В целях установления своей гегемонии в Восточной Европе и на Кавказе султан пытался сколотить антирусскую коалицию из мусульманских юртов, расположенных к югу и к востоку от Русского государства,— Крымского, Казанского, Астраханского ханств и Ногайских орд (орды Больших ногаев), чтобы под руководством султана «всем заодин Москву воевати»[1]. Широко задуманный турецко-крымский план нападения на Россию, в котором первостепенное место отводилось Казанскому ханству, был разработан еще в начале 20-х годов XVI в., и агрессоры приложили немало усилий к его осуществлению[2].

Линии турецкого наступления в Восточной Европе вырисовываются достаточно четко: использовать силы казанского хана против восточных земель Русского государства, а силы крымского хана против южных земель, при поддержке со стороны ногайских орд и Астраханского ханства. С конца 40-х годов султан снова пытается реализовать этот агрессивный план.

Поэтому первоочередной задачей внешней политики Русского государства во второй четверти XVI в., потребностью его самообороны стала борьба с агрессивными государствами Востока. Бороться одновременно с несколькими татарскими юртами, руководимыми султанской Турцией, было невозможно, и русскому правительству необходимо было выбрать направление главного удара.

Ближайшим очагом турецко-крымской агрессии было в то время Казанское ханство, которое, по словам современника, «более чем какое-либо иное государство причиняло затруднения русским»[3]. Первоочередность борьбы именно с Казанским ханством подсказывали правительству и публицисты: «Находясь в Казани, мы легко будем бороться с остальными (врагами — *Ред.*), будучи грозны оттуда»,— писал Максим Грек Василию III еще в 1521 г.[4]

Казанское ханство, за спиной которого стояли Крым и сильная тогда султанская Турция, являлось в то время своеобразным фокусом, в котором концентрировались враждебные Русскому государству силы. Реакционная роль Казанского ханства заключалась также и в том, что оно сковывало силы Русского государства и не давало ему возможности вести активную внешнюю политику на западе[5].

---

[1] ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 4, л. 41.

[2] См. об этом гл. 1, § 9 настоящего издания.

[3] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», М., 1937, стр. 168.

[4] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. I, Л., 1934, стр. 99.

[5] *И. И. Смирнов.* Иван Грозный. Л., 1944, стр. 67—68.

Остаток Золотой Орды — Казанское ханство — представлял собой к середине XVI в. непрочное государственное образование, в состав которого входили различные народы Среднего Поволжья, жестоко угнетавшиеся крымско-казанскими феодалами. Несмотря на феодальные смуты в ханстве, крымско-казанские феодалы стремились продолжать золотоордынскую политику порабощения народов Среднего Поволжья и преследовали захватнические планы в отношении Русского государства.

В годы малолетства Ивана Грозного, когда Русское государство было ослаблено феодальными усобицами, в Казани вновь усилилась турецко-крымская группировка и ханом стал представитель крымской династии Сафа-Гирей, действиями которого руководили из Стамбула.

Наличие в Казани турецко-крымского ставленника позволяло захватчикам предпринимать одновременные набеги на русские земли с востока и с юга; «от Крыма и от Казани до полуземли пусто бяше» — писал впоследствии Иван Грозный. Эти разбойничьи набеги сопровождались ужасающим опустошением, массовым уводом в плен населения и приносили огромный ущерб русскому народному хозяйству и неисчислимые бедствия русскому народу и народам Поволжья[1].

В 1551 г. в Казани томилось более 100 000 русских полоняников. Торговля «полонянниками» была доходной статьей торговли казанских феодалов и купцов с Крымом, Астраханью и Средней Азией. К. Маркс писал о набегах крымско-казанских феодалов: «...*завоевывать* они больше уже не могли, но производили опустошения»[2].

Опорой «крымцев» в Казанском ханстве была лишь светская и духовная аристократия, искавшая в чужеземцах поддержки в порабощении трудового населения ханства, опирающаяся на чужеземцев в борьбе против Русского государства, организовавшая разбойнические набеги на русские земли и земли зависимых от Казани народов.

Коренному населению Казанского ханства, в том числе трудящимся татарским массам, была глубоко чуждой агрессивная политика крымско-казанских феодалов, и оно выступало против крымско-турецкого ига. Народы Среднего Поволжья, давно связанные с русским народом, тяготели к сближению с ним и неоднократно изъявляли желание перейти в русское подданство. Сторонниками сближения с Москвой выступала и часть казанских феодалов, так называемая «московская» группировка, и часть торговых людей, благополучие которых зависело от торговли с Русью. Не было единства и прочности и во взаимоотношениях мусульманских юртов Восточной Европы между собой и с Турцией.

Все это делало положение турецко-крымских ставленников в Казани непрочным и оказывало серьезное влияние на исход борьбы между Россией и Турцией за Нижнее и Среднее Поволжье.

---

[1] *С. О. Шмидт.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). «Труды Историко-архивного института», т. 6, М., 1954, стр. 229 и сл.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 163.

Активизация турецко-крымской агрессии в Восточной Европе и на Кавказе побуждала русское правительство начать решительную борьбу с Казанским ханством. Были основания надеяться на поддержку со стороны народов Поволжья, страдавших под игом казанско-крымских феодалов.

Интересы обороны Русского государства требовали незамедлительного устранения этого очага агрессии. Подчинение Казанского ханства являлось для Русского государства также средством воспрепятствовать вторжению ногайских и крымских феодалов, ежегодно уводивших тысячи русских людей в неволю, и преградить дорогу турецкому нашествию.

Одна из трудностей предстоящей войны состояла в том, что она могла не ограничиться только казанским театром военных действий. Борясь с Казанским ханством, приходилось настороженно следить за южными границами Русского государства, неустанно крепить их оборону. Опасаясь войны на два фронта, правительство Ивана Грозного старалось не допустить непосредственных столкновений с крымско-турецкими отрядами. Поэтому все попытки европейских политиков втянуть Русь в войну с «турком» оказывались тщетными. Одновременно в Москве старались не осложнять в эти годы и отношений с западными соседями Русского государства.

Война Ивана IV за Казань продолжалась семь лет. Первый поход весной 1545 г. носил характер военной демонстрации. Но в результате этого похода внутри Казанского ханства и в самой Казани выросло значение «московской» группировки и других противников крымско-турецкого ставленника Сафа-Гирея[1]. В конце 1545 г. в Казани вспыхнуло народное восстание против крымского «насильства», в результате которого ненавистный хан был изгнан из города. Весной 1546 г. ханом стал московский кандидат Шах-Али (Шигалей).

Шах-Али удержался в Казани всего лишь несколько месяцев; против утверждения в Казани московского кандидата сразу же выступила коалиция мусульманских владетелей (крымский хан, ногайские мурзы во главе с Юсуфом, бывший казанский хан). Русское войско лишено было возможности оказать помощь казанцам из-за наступления на Русь с юга войска крымского хана Сахыб-Гирея (дяди Сафа-Гирея)[2] и обострившихся разногласий в среде московской придворной знати.

Узнав о приближении Сафа-Гирея, Шах-Али покинул Казань: город был взят после восьмидневных боев, и Сафа-Гирей «стал владети Казанию с крымскими людьми»[3].

Жестокая расправа Сафа-Гирея с восставшими, усиление крымского «насильства» вызвали эмиграцию из Казани на Русь части населения

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 446.

[2] Там же, стр. 448.

[3] ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 4, л. 42 об.; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 449.

и способствовали отпадению от ханства некоторых народов Среднего Поволжья. В декабре 1546 г. послы чувашского народа («Горной Черемисы») в Москве предложили русскому государю свою «службу». Вскоре после этого чуваши уже помогали московским воеводам «казаньских мест воевати»[1].

Начиная с зимы 1547—1548 гг. в походах на Казань принимает личное участие Иван IV.

С приходом к власти в 1549 г. правительства А. Адашева (так называемой «Избранной рады») восточная политика Русского государства еще больше активизировалась.

Выбор основного направления внешней политики Русского государства находился в теснейшей связи с другими правительственными мероприятиями тех лет, направленными прежде всего на удовлетворение интересов господствующего класса феодалов.

Татарские вторжения способствовали обострению классовой борьбы. Неумение воевод защитить жителей от нападений чужеземцев являлось поводом для массовых городских восстаний. Так, зимой 1544—1545 гг. восстали жители города Гороховца, подвергшегося нападению большого отряда казанских татар. После того как народному ополчению удалось отбить натиск захватчиков и пленить их главаря, «мужики гороховцы», возмущенные бездействием правительственных войск, выступили против воевод «за то, что они с казаньскими людьми не делали бою, а их упустили»[2].

Потеря рабочих рук и разорение сел и деревень во время татарских набегов, сопровождавшихся массовым уводом в плен населения, существенно вредили феодальному хозяйству.

Успешная война с Казанским ханством должна была не только ликвидировать угрозу восточным и южным районам страны, но и обеспечить широким слоям русских феодалов приобретение новых земельных угодий и холопов. В середине XVI в., когда вопросы о наделении служилых людей землей и о рабочей силе в поместьях стояли весьма остро, идея завоевания «Казанской земли» была особенно популярна в среде служилых людей. Идеолог дворянства Иван Пересветов, настойчиво советуя царю завоевать казанскую «подрайскую землицу» и «людей пленити», откровенно выразил прямую заинтересованность дворянства в этой войне. «Хотя бы таковая землица угодная и в дружбе была,— писал Пересветов, — ино было ей не мочно терпети за такое угодие»[3].

Бояре и церковные феодалы также были заинтересованы в активизации восточной политики Русского государства. Включение в состав Русского государства территории Поволжья должно было не только создать благо-

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 450. См. *М. Н. Тихомиров*. Присоединение Чувашии к Русскому государству. «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 102.

[2] *С. О. Шмидт*. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. «Исторический архив», т. VII, 1951, стр. 290.

[3] *В. Ф. Ржига*. И. С. Пересветов публицист XVI в. М., 1908, стр. 67—68.

приятные условия для роста феодального землевладения, но могло в какой-то мере обеспечить также и сохранность старинных боярских и монастырских вотчин, на которые претендовало дворянство. Правительство получило бы возможность обеспечить интересы дворянства путем раздачи новоприобретенных земель, не трогая вотчин крупных феодалов. Помимо того, татарские отряды «набегали» как раз на район особенно густого княжеского и монастырского землевладения. Церковные феодалы, особенно «стяжатели» — осифляне во главе с митрополитом Макарием, энергично поддерживали идею войны с Казанским ханством и потому, что лозунгом войны была борьба с «басурманством», а это еще больше повышало идейный престиж церкви и способствовало вмешательству духовенства в правительственную деятельность.

В середине XVI в. все прослойки класса феодалов — дворянство, боярство, церковные феодалы — были заинтересованы (в той или иной мере) в активизации именно восточной политики Русского государства, и война с Казанским ханством («Казанская война») являлась характерным выражением политики компромисса этих прослоек в области внешней политики[1].

Активная восточная политика соответствовала интересам и торговых кругов Русского государства, диктовалась внутренним экономическим развитием страны. Казань была крупным центром международной торговли. Здесь сходились торговые пути, связывавшие северо-восточную Европу с Кавказом, Средней Азией, Сибирью. От Казани висел волжский торговый путь, который в те годы тем более привлекал русских людей, что с начала XVI в. заметно уменьшилось значение русско-крымской торговли. В первой четверти XVI в. в Казани собиралась ежегодная ярмарка, на которой «многие иноземцы дальние» торговали с Русью «великими драгими товары»[2]. Русские «торговые мужики» подолгу жили в Казани и в «улусах», а казанские купцы проживали в русских городах. С укреплением в Казани власти крымских Гиреев русско-казанская торговля захирела, и волжский торговый путь стал почти недоступен для русских людей. Вследствие постоянных грабежей нарушено было и передвижение купеческих караванов через Приволжские степи.

Таким образом, в середине XVI в. война с Казанским ханством больше, чем какое-либо внешнеполитическое мероприятие, отвечала интересам феодалов и верхушки купечества Русского государства и стала необходимой составной частью правительственной программы в конце 40-х — начале 50-х годов XVI в.

---

[1] *С. О. Шмидт*. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549), стр. 248—253.

[2] ПСРЛ, т. XIX, стб. 23; «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 59; *С. Герберштейн*. Записки о Московитских делах, стр. 157; РИБ, т. 31, стр. 196.; *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952, стр. 56.

Хотя правительство Ивана Грозного в области внешней политики преследовало задачу расширения территории своего господствующего класса за счет территории других государств, война с Казанским ханством вызвана была прежде всего потребностью самообороны, необходимостью защищать территорию и население своего государства.

Победа над Казанским ханством должна была принести облегчение простому народу, особенно страдавшему от «бесчисленных пленений и кровопролитий» [1]. «Черные люди», не дожидаясь прихода воевод, повсеместно вели самоотверженную борьбу с отрядами татарских феодалов, героически сопротивляясь насильникам. В 1533 г. жители города Пронска, в том числе женщины, успешно оборонялись от войска крымского хана; в июле 1541 г. «гражаны» Зарайска отбили «в пасадах» приступ «многых татар». В январе 1536 г. против татарских феодалов, зажегших «дворы» на окраинах города Балахны, выступили «черные люди балахонцы». Однако почти безоружные и неопытные в военном деле защитники города погибли в битве с вооруженными отрядами нападавших, а основная масса жителей города была уведена в плен. Зимой 1544—1545 гг. жители осажденного татарскими отрядами города Гороховца сумели пленить главаря похода и отразить натиск врагов [2]. Народ — «черные люди», «мужики»— был крайне заинтересован в скорейшем устранении такого опасного очага агрессии, каким являлось в то время Казанское ханство.

Идея войны с Казанским ханством была близка народу, не забывшему ужасов татарского ига. В памяти народной были свежи страшные татарские набеги, участившиеся в годы малолетства Ивана Грозного. В войне с Казанским ханством народные массы видели продолжение вековой борьбы с татарскими захватчиками. Неслучайно поэтому «Казанское взятие» стало впоследствии любимой темой народных песен и преданий.

В марте 1549 г. умер Сафа-Гирей. Ханом был провозглашен его сын, младенец Утямыш-Гирей, именем которого управляли крымцы во главе с Кучаком (Кощаком). Одновременно в Крым было отправлено из Казани посольство «просити помочи и сверстного царя»[3]. Султан снова сделал попытку организовать противорусскую коалицию, отправив (впервые в истории Ногайской орды) посла к ногайским мурзам [4]. Поэтому в Москве решено было отложить поход на Казань до зимы 1549—1550 гг. (в зимнее время крымцы обычно не нападали, а ногаи кочевали близ Каспийского моря).

Этот поход, так же как и поход зимой 1547—1548 гг., оказался неудачным: русские войска простояли у Казани две недели, но взять город им не удалось. Неудачные походы 1547—1548 и 1549—1550 гг. показали

---

[1] РИБ, т. 31, стр. 168.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 106—107; 114—115, 138; *С. О. Шмидт.* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549), стр. 255.

[3] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 459.

[4] ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 3, лл. 131, 136 об., 157.

что для победы над Казанским ханством необходима длительная и всесторонняя военная и дипломатическая подготовка.

В 1550 г. были произведены серьезные преобразования в области военного дела [1]. Обеспечив договором с Польско-Литовским государством временное затишье на Западе, правительство Ивана IV сосредоточило все внимание на восточной политике.

Прежде всего было решено построить близ Казани русскую крепость и блокировать речные пути, ведущие к Казани. Выполнение этой военной части программы должно было облегчить реализацию ее политического замысла.

Международная обстановка в 1551 г. на южных и восточных границах Русского государства была очень напряженной. Турция, отвлеченная войной с Ираном, снова настойчиво пыталась сколотить противорусскую коалицию из мусульманских «юртов», действуя в Казани и посылая к ногайским мурзам и крымским и астраханским ханам. Эти агрессивные намерения жадных до чужих земель султана и его вассалов прикрывались религиозными соображениями защиты мусульманства от «русского царя» [2].

Между мусульманскими владетелями, с помощью которых султан Сулейман II надеялся установить свою гегемонию в Восточной Европе, не было, однако, согласия. Значительная часть ногайских мурз (главный соперник Юсуфа брат Исмаил и другие) была связана с Москвой политическими и торговыми интересами. В Русском государстве они видели защиту от внешнего врага; в Москву ногайские гости ездили «с коньми и со всяким товаром», отсюда получали они оружие, сукна, бумагу и другие товары [3]. Эти мурзы противились попыткам Турции и Крымского ханства укрепиться на побережье Каспийского моря и на Северном Кавказе и не желали включаться в противорусскую коалицию [4].

Учитывая это, правительство Ивана IV отправило в Ногайскую орду для противодействия агрессивным планам султана даровитого дипломата Петра Тургенева, который сумел помешать вступлению орды Исмаила в антирусскую коалицию.

Весной 1551 г., недалеко от Казани, близ впадения реки Свияги в Волгу, на Круглой горе, была построена русская крепость Свияжск — военно-продовольственная база и мощный плацдарм для наступления на Казань. Строительством города руководил замечательный русский инженер дьяк Иван Выродков. Построению Свияжска благоприятст-

---

[1] См. гл. 2, § 10б настоящего издания.

[2] ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 4, л. 39 об. — 40; *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 68.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 9; ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 3 и 4; *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 60, 118.

[4] *Е. Н. Кушева.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. «Исторические записки», кн. 34, стр. 241, 255.

вовало сочувствие русским людям со стороны местного населения — угнетаемых казанскими феодалами народов Среднего Поволжья [1]. В Свияжске было сосредоточено много войск, военного снаряжения и запасов продовольствия. Это дало возможность блокировать все пути к Казани. Город уже вскоре стал центром тяготения народов правобережья Волги (так называемой «Горной стороны»), подвластных казанским ханам, и средоточием казанцев, недовольных крымско-турецким владычеством. В Свияжске обосновался московский кандидат на казанский «юрт», бывший казанский хан Шах-Али.

Народы «Горной стороны» (чуваши, часть мордвы, мари) отказались подчиняться казанским ханам и просили у Ивана IV позволения «быти у Свияжска». «Бившие челом» «горные люди» получили «жаловальную грамоту», облегчавшую им временно повинность по уплате ясака. Уже в ближайшие месяцы они участвовали в военных действиях против Казани. Восстали против власти Кучака и жители Арской стороны, потребовавшие, чтобы Кучак подчинился Ивану IV.

В Казани усилилось недовольство татарских феодалов ханским правительством — «почаша рознити казанцы с крымцы» [2]. Многие казанские феодалы стали приезжать в Свияжск на русскую службу. Все большее число казанцев начинало понимать, что ханство идет к гибели и что причина гибели не в иноверцах и не во внешней опасности, а во внутреннем состоянии ханства, в децентрализации государства, в жестоком ханском гнете.

Господствующая группировка крымцев во главе с Кучаком вынуждена была поспешно покинуть Казань. По дороге крымцы были захвачены русскими войсками и казнены в Москве. В Казани вспыхнуло восстание. Восставшие свергли представителя ханской династии Гиреев и начали переговоры со свияжскими воеводами о посажении Шах-Али на Казанский «юрт». Для участия в переговорах из Москвы прибыл ближайший сподвижник Ивана IV в те годы А. Ф. Адашев.

В результате переговоров казанские представители признали отделение от ханства правобережья Волги со Свияжском. Они обещали выдать полоняников [3], из которых 60 тысяч прибыло в Свияжск. 16 августа 1551 г. Шах-Али «посадили на царство». При хане был учрежден совет из русских представителей. Вместе с ханом прибыли в Казань стрельцы, а также подчиненные ему, как «царю касимовскому», городецкие татары и казаки. Посажение Шах-Али в Казани на таких условиях справедливо рассматривалось современниками как «славная без крови победа» Руси и вызвало энергичные попытки противодействия со стороны Турции и Крымского ханства [4]. Однако Шах-Али не долго удержался в

---

[1] ПСРЛ, т. XIX, стр. 69; *М. Н. Тихомиров.* Присоединение Чувашии к Русскому государству. «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 103.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 466—467.

[3] Там же, стр. 469—470.

[4] Там же, стр. 480; *В. В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, т. I, СПб., 1863, стр. 374—377.

Казани. Его двуличная политика (утаивание русских полоняников, нежелание пустить в город русские войска) вызвала недовольство русского правительства. Жестокое преследование своих политических противников, неумение удержать за ханством Горную сторону возбудили к Шах-Али ненависть части казанских вельмож. Недовольные казанские феодалы составили заговор, с участниками которого хан жестоко расправился.

Ранней весной 1552 г. у части казанцев возникла мысль о протекторате Русского государства над Казанским ханством, чтоб «царь держал их также как в Свиязском городе». Этот проект отвечал интересам московского правительства, и переговоры закончились успешно. Шах-Али покинул город, а назначенный наместником кн. С. И. Микулинский выехал к Казани.

Однако враждебные Москве группировки казанских феодалов, узнав о готовящемся походе крымского хана на Москву, воспользовались безвластием в городе, закрыли городские ворота и не пустили в город наместника[1]. Начинать серьезные военные действия русские воеводы тогда не предполагали, и Микулинский возвратился в Свияжск. Главари враждебных Москве феодалов пригласили в Казань астраханского ханыча Ядигара и, рассчитывая на помощь Турции и Крымского ханства, вступили на путь войны с Русским государством.

Таким образом, попытки русского правительства присоединить Казань мирным путем не увенчались успехом. Но в результате событий 1551—1552 гг. Казанское ханство было значительно ослаблено, и дело его ликвидации существенно облегчено. Оттяжка большой войны дала правительству Ивана Грозного время подготовиться к организации последнего победоносного похода на Казань.

16 июня 1552 г. Иван IV во главе основных военных сил выступил к Коломне. Русское войско стало фронтом от Каширы до Коломны. Выбор этого места — дело большого стратегического расчета. Здесь московское войско могло отразить крымцев и ногаев и помешать их соединению друг с другом и с казанскими феодалами.

Крымский хан Девлет-Гирей, стремясь воспрепятствовать походу Ивана IV, поспешил вторгнуться в русские пределы. Действиями хана, как обычно, руководил султан. К войне с Русским государством подбивал хана и польский король Сигизмунд II Август, рассчитывавший на то, что эта война ослабит Россию и обезопасит Польшу от татарских вторжений [2]. У Девлет-Гирея была предварительная договоренность с казанским ханом Ядигаром и ногайским владетелем Юсуфом о нападении с двух сторон на русские земли[3].

---

[1] ПСРЛ, т. XIX, стр. 374.

[2] Сб. РИО, т. 59, стр. 361; «Книга посольская метрики Великого княжества Литовского...», т. I, М., 1843, № 41, стр. 70—72.

[3] ПСРЛ, т. XIX, стр. 110; ЦГАДА, Дела Ногайские, кн. 4, л. 101.

Хотя основные военные силы султана были в этом году отвлечены войной в Иране и на Западе, турки не только руководили военными действиями крымцев, но турецкие отряды и артиллерия принимали самое непосредственное участие в разбойническом походе крымцев на Русь. В походе Девлет-Гирея участвовали турецкие войска под начальством Казима, первоначально посланные султаном в Ширван против иранцев, ногаи и «иных орд казанцы»[1].

Это было большое, широко задуманное военное выступление. Девлет-Гирей полагал, что Иван IV с основными войсками уже находится под Казанью, и не рассчитывал встретить на своем пути главные военные силы русских. Испуганный «множеством» русского войска, хан повернул назад и после безуспешных попыток взять Тулу бежал «с великим срамом», оставив часть обоза и артиллерии[2]. Русские войска не стали преследовать крымцев, «чтоб своим ходом казанским не измодчати»[3]. Таким образом, попытка Девлет-Гирея сорвать поход на Казань окончилась полным провалом.

13 августа войско под предводительством Ивана IV в результате быстрого и искусного похода (со средней скоростью 30 км в сутки) подошло к Свияжску, а через несколько дней переправилось через Волгу и двинулось к Казани. На предложение о сдаче Ядигар ответил категорическим отказом, и Казань была вскоре окружена кольцом осады.

Русское войско достигало 150 тысяч человек и было достаточно хорошо организовано. На состоянии армии уже сказались результаты проведенных военных преобразований: войско подчинялось единому командованию, во время похода были запрещены местнические счеты. Русское войско было оснащено передовой сравнительно с осажденными военной техникой: имело до 150 «пушек огненных», сложные деревянные осадные сооружения — «грады приступные», «гуляй-города» и пр. В составе войска действовали только что организованные стрелецкие полки[4]. Иван IV лично руководил военными действиями и строительством укреплений. Под стенами Казани впервые развернулся его выдающийся талант полководца и военного организатора.

К 25 августа Казань была охвачена со всех сторон «всякими хитростьми градоемными», так что «ни в город, ни из города весть не пройдет». Однако в окрестностях города действовали в тылу русских войск отдельные многотысячные отряды казанских феодалов, согласовывавшие свои нападения с вылазками осажденных. Отряды эти причиняли значительный ущерб русскому войску, вынужденному направить особые силы для их ликвидации. Казанцы оборонялись, нанося «великую тщету»

[1] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 244; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 487; т. XIX, стр. 397; РИБ, т. 31, стб. 223.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 489.

[3] Сб. РИО, т. 59, стр. 363.

[4] *А. В. Чернов*. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв., стр. 49.

русским войскам. С городских стен они вели огонь из пищалей и стреляли из луков. Пушек, однако, у них было немного, а прикованные к орудиям полоняники (большей частью русские) стреляли неохотно [1]. Русские воеводы решили, обложив город, вести постепенную атаку путем применения так называемой системы параллелей, а затем штурмом со стороны Арского поля овладеть крепостью. Суть системы параллелей состояла в том, что в короткий срок вокруг крепости создавались две линии из туров с позициями для артиллерии. Это было новым словом в военном деле того времени. Строительством осадных сооружений руководил Иван Выродков. Казань была окружена параллелями в течение семи дней. Особое внимание было уделено на размещение артиллерии: заранее заготовили башни для установки на них орудий и придвинули эти башни на близкое расстояние к крепостной стене. В устройстве подобных башен русские инженеры также показали себя новаторами в военном деле [2].

Одновременно велись минные работы; взрыв тайника в августе 1552 г. лишил казанцев чистой питьевой воды, вызвав в городе болезни; взрыв 30 сентября 1552 г. разрушил часть городских стен.

После получения отказа на новое предложение о сдаче, город был взят штурмом 2 октября 1552 г. Сигналом для него были взрывы части городских стен, в проломы между которыми и устремились осаждающие. Большинство защитников Казани погибло, сильно пострадало и остальное население.

Казанское ханство, раздираемое феодальными усобицами, ослабляемое борьбой подвластных хану народов, зависимое от чужеземных сил и влияний, конечно, не смогло противостоять крепнущему централизованному Русскому государству, обладавшему при этом относительно хорошо организованной армией и более передовой техникой.

Покорение «преименитого и славного града Казани» [3] произвело необычайное впечатление на современников и нашло отражение в памятниках устного народного творчества, литературы, искусства [4].

* * *

Взятием Казани закончилось самостоятельное существование Казанского ханства. Иван IV принял титул царя казанского. В 1552—1557 гг. народы Среднего Поволжья и Башкирии вошли в состав Русского государства. Некоторые из местных и уцелевших казанских

---

[1] *М. Богдановский.* Инженерно-исторический очерк осады Казани в 1552 г. «Инженерный журнал», № 8, СПб., 1898, отд. I, стр. 1021—1055; № 9, СПб., 1898, отд. I, стр. 1149—1178; *Д. Жеребов.* Инженерное обеспечение взятия Казани в 1552 г. «Военно-инженерный журнал», 1949, № 8, стр. 31—42; *С. В. Бахрушин.* Взятие Казани. Сб. «За родную землю». М., 1949, стр. 69—70.

[2] *И. А. Коротков.* Иван Грозный. Военная деятельность. М., 1952, стр. 34—36.

[3] ААЭ, т. 1, № 241, стр. 259.

[4] См. гл. 2, § 13 настоящего издания.

феодалов, подстрекаемые турецко-крымскими и ногайскими агентами, пытались поднять восстание против России и использовать в своекорыстных интересах антифеодальное движение народов Поволжья. Но эти попытки всякий раз кончались неудачей. Народы Поволжья и Приуралья не хотели воевать с русскими за интересы своих и крымско казанских феодалов[1].

Вступление русских войск во главе с Иваном IV в Казань. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Ликвидация Казанского ханства предопределила судьбу другого ханства — Астраханского. «Астраханское дело» было задумано в Москве в конце 40-х годов XVI в. Задача овладения волжским путем от Казани до Астрахани была поставлена московскими дипломатами как одна общая задача с «Казанским делом»[2].

Важное стратегическое и торговое значение Астраханского ханства и в то же время его слабость делали ханство объектом борьбы между соседними государствами. На влияние в Астрахани претендовали соперничавшие в Ногайской орде мурзы Юсуф и Исмаил. Юсуф поддерживал крымского ставленника хана Ямгурчея (с 1547 г.); ставленника Исмаила — Дервиш-Али поддерживали в Москве, где он одно время жил на положении служилого ханыча.

С расширением турецкой экспансии в Восточной Европе и обострением турецко-иранских отношений в астраханские дела начала энергично вмешиваться Турция. Астрахани было отведено значительное место в агрессивных планах султана. Обладание Астраханью обеспечило бы Турции еще большее влияние на политику мусульманских «юртов» Восточной Европы и имело бы значение для наступательных действий Турции против Ирана. Турция рассчитывала на возможность использования северокавказского пути для проникновения в Закавказье и оттуда в Иран, а

[1] См. подробнее гл. 4, § 3 настоящего издания.

[2] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 246.

также на использование для совместных действий против шаха его противников — узбекских властителей Средней Азии[1].

Разбойнические набеги крымцев, особенно страшное разорение Астрахани в 1547 г., а позже и грубый дипломатический нажим турецко-крымских агентов в Ногайской орде, привели к тому, что многие ногайские мурзы приняли русскую ориентацию и, начиная с 1548 г., просили Ивана IV «о крепкой дружбе»[2]. В 1551 г. «бил челом в службу» астраханский хан Ямгурчей. Стремление Турции и Крыма подчинить черкесов вызвало и их обращение в 1552 г. к Ивану IV с просьбой «оборонить» от крымского царя[3].

Программа решительных действий по отношению к Астраханскому ханству была разработана в Москве осенью 1553 г. во время переговоров А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого с послами Исмаила. Решено было посадить на астраханский «юрт» ставленника Исмаила Дервиш-Али[4]. Летом 1554 г. спустившееся по Волге русское войско во главе с кн. Ю. И. Шемякиным-Пронским прогнало Ямгурчея и посадило на его место Дервиш-Али в качестве вассала Ивана IV. Дервиш-Али дал обязательство платить русскому государю дань и предоставить право русским рыболовам ловить рыбу «безданно и безъявочно» по всей Волге. Советником при хане был оставлен знаток восточной политики П. Тургенев[5].

Крымцы, турки, ногайские мурзы — противники Исмаила — безуспешно пытались в 1555 г. овладеть Астраханью. Наконец, им удалось склонить Дервиш-Али на свою сторону. Для поддержки его было послано крымско-турецкое войско с пушками и пищалями. Из Москвы в ответ отправили новую рать, при приближении которой Дервиш-Али бежал, и Астрахань была в августе 1556 г. окончательно присоединена к Русскому государству[6]. Астраханское ханство перестало существовать.

* * *

После ликвидации Казанского ханства и посажения в Астрахани Дервиш-Али перед правительством Ивана Грозного встал вопрос о борьбе с последним остатком Золотой Орды Крымским ханством. В эти же годы усилились попытки европейских правительств столкнуть Россию с Турцией. В борьбе с Крымским ханством русское правительство могло рассчитывать на поддержку части ногаев во главе с Исмаилом и народов Северного Кавказа. Учитывали также занятость султанской Турции

---

[1] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 239—240, 242.

[2] Там же, стр. 241—242.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 228; стр. также гл. 5, § 8 настоящего издания.

[4] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 235.

[5] Там же, стр. 244.

[6] Там же, стр. 274—275.

войной с Ираном. Поэтому некоторые из советников Ивана Грозного настаивали на активизации именно южной политики Русского государства. На «крымские улусы» в 1555 г. было послано войско во главе с И. В. Шереметевым, потерпевшее, однако, при Судьбищах поражение в двухдневной битве с силами крымского хана, в четыре раза превосходившими численность русской армии.

В 1556 г. предполагался большой поход на Крым во главе с Иваном Грозным. Поход не состоялся в связи с рядом обстоятельств: началом войны со Швецией, необходимостью из-за измены Дервиш-Али послать русскую рать под Астрахань и завершением ирано-турецкой войны 1548—1555 г.[1]

С зимы 1557—1558 гг., когда началась Ливонская война, правительство Ивана Грозного сосредоточивает основное внимание на западной политике, ограничиваясь во второй половине 50-х годов XVI в. разведывательными и демонстративными походами в Причерноморье и на крымские улусы и строительством Тульской «засечной черты»[2].

* * *

Уничтожение остатков Золотой Орды на восточных рубежах Русского государства имело огромное историческое значение. Устранено было крупнейшее внешнее препятствие культурно-хозяйственному росту нашей страны.

Присоединение Поволжья к России предоставляло широкий простор для освоения новых земель и развития торгово-промышленной деятельности. Сюда бежали крестьяне и холопы, надеясь найти спасение от крепостного гнета. Здесь получили от правительства земли служилые люди и церковные феодалы, здесь строились новые города. Началась широкая крестьянская и торгово-промышленная колонизация края.

Победа над Казанью сильно укрепила власть Ивана IV и позволила перейти к решительным действиям по ограничению боярского своевластия. Следующий за присоединением Казани 1553 год характеризуется серьезными изменениями в политике правительства Ивана IV[3].

В совместной борьбе против турецко-татарских захватчиков укреплялись связи русского народа с народами Поволжья, Приуралья и Кавказа, с Украиной и Молдавией.

Присоединение к России народов Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья имело первостепенное значение для развития Русского централизованного многонационального государства.

Это присоединение было глубоко прогрессивным явлением для местного населения, единственным средством его спасения от власти крымско-

---

[1] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 248, 256—258.

[2] См. гл. 2, § 12 настоящего издания.

[3] См. § 5 настоящей главы.

турецких феодалов, владычество которых обрекало народы Поволжья на экономическую, политическую и культурную отсталость. Присоединение народов Поволжья и Приуралья к России, несмотря на гнет царизма, открывало перспективы развития более тесных экономических и культурных связей этих народов с великим русским народом [1].

Ликвидация Казанского и Астраханского ханств и присоединение их территории к России имело большое значение для развития международных отношений в Европе и в Азии.

Овладение Волгой содействовало оживлению торговых сношений русских людей с народами Зауралья, Средней Азии, Кавказа и Персии [2]. В то время, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми [3], русские торгово-промышленные люди, в поисках новых торговых путей, не отставали от западноевропейского купечества. В свою очередь это купечество, особенно английское, рассчитывало через Россию завязать торговые связи с азиатскими народами.

Победы России на востоке ограничили возможности турецко-крымской экспансии в Восточной Европе. Установление предела дальнейшему распространению турецкой экспансии в Восточной Европе явилось важным внешнеполитическим фактором, способствовавшим ослаблению Турецкой военно-феодальной монархии, жившей за счет завоеваний. Тень нового ига — турецкого ига — нависла тогда над Европой. Русское государство, борясь с татаро-турецким напором,отражало общеевропейские интересы и потребности и спасало от завоевателей европейские народы и европейскую цивилизацию.

Русские военные успехи оказали большое влияние на положение на Кавказе, помешав осуществлению замыслов турецких феодалов и во многом определив исход ирано-турецких войн [4]. Жители Грузии и Азербайджана видели в Русском государстве своего защитника [5].

Присоединение Казани и Астрахани и утверждение русской власти по всему течению Волги ставило ногаев Большой орды в подчиненное положение к «белому царю». Ногаи сами говорили: «Чья будет Астрахань, Волга и Яик, того будет и вся Ногайская орда» [6].

Вассальную зависимость от Ивана Грозного постепенно признали и другие восточные правители. С 1552 г. в Москву постоянно приезжали посольства северокавказских (черкесских, кабардинских, дагестанских) князей. Агрессия со стороны Турции, Крыма и Ирана заставляла народы Кавказа искать защиты у России. Кроме того, в «белом царе» они рассчи-

[1] *К. Наякшин.* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России. «Вопросы истории», 1951, № 9, стр. 108—111; см. гл. 4, § 3 настоящего издания.

[2] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Л., 1932, стр. 98, 99, 104; *М. В. Фехнер.* Указ. соч., стр. 7.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 297.

[4] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 258.

[5] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 371, 391; см. гл. 5, § 9 и 11 настоящего издания.

[6] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 620.

тывали найти покровителя торговли (центром которой для народов Северного Кавказа была Астрахань) и союзника во взаимных войнах [1].

В 1555 г. признал себя вассалом Ивана IV сибирский хан Ядигар: с 1556 г. начала собираться дань соболями с жителей района реки Иртыша, с 1557 г.— с жителей Югорской земли [2].

Хивинский хан просил Ивана IV «беречь» его от неприятеля, а самаркандский владетель в своем послании сравнивал саблю Ивана Грозного с ключом: «ключом замки отмыкаются, также которых земель дороги затворяются, и ты своею саблею дороги отворяешь» [3].

Успешное разрешение восточного вопроса дало возможность Русскому государству вплотную подойти к осуществлению основных задач своей внешней политики на Западе: к продолжению борьбы за воссоединение русских земель и за выход России к Балтийскому морю. Уже в 1553 г. началась дипломатическая подготовка к Ливонской войне.

Современник, ливонский хронист Руссов, так определил значение борьбы с пережитками феодальной раздробленности и значение побед Русского государства над татарскими ханствами для развития отношений России с западными государствами: «когда же великий князь московский покорил все княжества в России и оба упомянутые царства (Казанское и Астраханское. — *Ред.*), то с ним не мог уже справиться не только ливонский магистр, но и король (польский)» [4].

Централизация государства происходила в России XVI в. одновременно с освобождением от остатков татарского ига и борьбой с новой — турецкой опасностью. Процессы эти были взаимно обусловлены. Потребности самообороны ускоряли процесс централизации государства в России [5], а успехи в деле централизации, в свою очередь, обеспечили победу над Казанским и Астраханским ханствами и помогли удержать нашествие народов Востока.

12

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА 1558—1583 ГГ.

Присоединение к Русскому государству Казани и Астрахани нанесло серьезный удар крымско-турецкой агрессии. Эта победа, обеспечившая безопасность русских восточных границ, позволяла русскому правительству поставить вопрос о разрешении внешнеполитических проблем на

---

[1] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 255; см. гл. 5, § 8 настоящего издания.

[2] *Г. Ф. Миллер*. История Сибири, т. I, М. —Л., 1937, стр. 208—209. О народах Сибири см. гл. 4, § 4 настоящего издания.

[3] *Н. М. Карамзин*. История государства Российского, кн. III, т. IX, СПб., 1843, прим. 258, стб. 55.

[4] *Б. Руссов*. Хроника. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, Рига, 1879, стр. 336. См. *И. И. Смирнов*. Иван Грозный. Л., 1944, стр. 73.

[5] См. *И. В. Сталин*. Соч., т. 5, стр. 15, 34.

юго-западе, западе или северо-западе. Русское государство, однако, не могло одновременно вести борьбу с Крымом и стоявшей за его спиной Турцией, с Польшей и Великим княжеством Литовским, Ливонским орденом и Швецией. Международная обстановка была неблагоприятна для продолжения борьбы с Крымом, хотя походы 1556—1558 гг. показали возможность успешного обеспечения юго-западных границ. Однако этот успех мог быть в любой момент подорван выступлением враждебных Русскому государству польских и литовских феодалов, захвативших украинские и белорусские земли. Объединение Руси, Литвы и Польши для борьбы с Крымом и Турцией в тот момент было нереально, так как было сопряжено с серьезными уступками Литве и Польше, с отказом Русского государства от программы воссоединения украинских и белорусских земель.

Очень важное значение для Русского государства имело разрешение прибалтийского вопроса, установление нормальных экономических связей с Западной Европой. Правительство Ивана IV правильно поняло насущность этой внешнеполитической проблемы и начало упорную двадцатипятилетнюю борьбу за выход и утверждение на Балтике.

Программа борьбы за Прибалтику отвечала интересам не только русского дворянства, но и посадской верхушки. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель в Прибалтике. Кроме того, все более втягивающееся в рыночные отношения дворянское хозяйство нуждалось и в установлении систематических торговых отношений со странами Восточной и Западной Европы. Особенно большое значение торговля через Прибалтику имела для растущих русских городов. Русское купечество стремилось к тому, чтобы открыть русским товарам европейские рынки. Поэтому вполне естественно, что дворянство и посадские верхи поддерживали это направление русской внешней политики.

В налаживании экономических связей с Россией были заинтересованы и сами народы Прибалтики, связанные старинными узами дружбы с русским народом.

Задавленное нуждой, беспощадно подавляемое немецкими и светскими феодалами и католическим духовенством, латышское и эстонское население рассчитывало на то, что русский народ принесет ему освобождение от национального и социального гнета [1].

Иван Грозный понял значение присоединения Прибалтики для нормального экономического развития Русского государства. Его сознательной целью, указывает К. Маркс, было дать России выход к Балтийскому морю [2].

При сложной международной конъюнктуре было чрезвычайно важно выбрать такой момент для начала военных действий, когда четыре наи-

---

[1] *Я. Я. Зутис*. К вопросу о ливонской политике Ивана IV. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 2, 1952, стр. 134.

[2] См. «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 165.

более заинтересованных в прибалтийской проблеме страны — Литва, Швеция, Польша и Дания — оказались бы так или иначе не способными немедленно вмешаться в ливонские события и помочь слабой в военном отношении, постоянно раздираемой внутренними феодальными усобицами «Ливонии».

Удобный момент для борьбы за Прибалтику наступил в конце 1557 — начале 1558 г.

В 1557 г. прекратилась начавшаяся в 1554 г. русско-шведская война, которую Швеция проиграла[1]. Поражение произвело сильное впечатление на шведского короля, который стал с тех пор вести крайне осторожную политику в отношении своего восточного соседа [2]. Кроме того, Швецию связывало обострение шведско-датских отношений, которое впоследствии уже при преемнике Густава I Эрике XIV привело к войне между Швецией и Данией[3]. Литва и Польша также не были готовы к решительной схватке с Русским государством, тем более, что между ними имелись серьезные противоречия. Польские магнаты и шляхта энергично стремились к включению Литвы в состав Польши. Литовские магнаты выступали решительными противниками этого и стремились к польско-литовской унии, основанной на принципах равноправного союза между двумя государствами. Поэтому польские феодалы не хотели оказывать Литве энергичной военной помощи. Прямым показателем того, что ни Польша, ни Литва не были готовы к борьбе с Русским государством, является факт продления в 1556 г. истекавшего перемирия между Литвой и Русским государством на шесть лет [4].

Всякая попытка русского правительства наладить правильные сношения с европейскими странами через Прибалтику наталкивалась на упорное сопротивление Ливонского ордена и Ганзейского союза, а также стоявших за их плечами более сильных держав (Германской империи, Польши и Швеции). Ожесточенными противниками установления регулярных экономических и политических связей Русского государства со странами Западной Европы, испытывавшими острую нужду в русских товарах, были и литовские и шведские феодалы. Неудача экспедиции саксонца Шлитте, направленного в 1547 г. из Москвы в Империю для набора специалистов, ясно говорит о том, что Орден и Ганза ставили своей целью организовать экономическую блокаду Русского государства.

Шведский и польский короли принимали энергичные дипломатические шаги для того, чтобы помешать Русскому государству наладить сколько-нибудь серьезные связи с Европой и через Белое море.

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 279—280.

[2] *Г. В. Форстен.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. I. Борьба из-за Ливонии. СПб., 1893, стр. 21.

[3] Там же, стр. 13—15.

[4] Сб. РИО, т. 59, стр. 508—509.

Предоставляя английским купцам значительные привилегии в Русском государстве [1], правительство Грозного думало не только о политической стороне дела. Торговля с Англией была в его глазах брешью в воздвигаемой соседними державами стене экономической и политической блокады Русского государства. Включая в мирный договор со Швецией 1557 г. пункт о свободе сообщений с европейскими странами через шведские владения, царь прямо ссылался на то, что этого добиваются «гости и купцы отчин великого государя изо многих городов» [2].

Однако отдельные успехи русской дипломатии не были еще действительным разрешением балтийского вопроса. Такое разрешение могла принести с собой только победоносная война с ливонскими феодалами и прочное закрепление за Русским государством балтийского побережья. Война за Прибалтику, таким образом, соответствовала коренным национальным интересам Русского государства. Она имела прогрессивное значение и для латышского и эстонского народов, изнывавших под гнетом немецких феодалов. Иван Грозный, выражая интересы подымающегося дворянства и поддерживаемый торгово-ремесленной верхушкой городов, впервые поставил в программе русской внешней политики балтийский вопрос в том объеме, в котором разрешить его удалось России только спустя полтораста лет, при Петре Первом. Такая широкая постановка балтийского вопроса противоречила внешнеполитическим планам консервативного боярства, заинтересованного в союзе с польскими и литовскими феодалами и недовольного политикой русского правительства.

Предлогом для начала Ливонской войны явился вопрос о так называемой Юрьевской дани, резко поставленный русскими дипломатами во время переговоров в Москве в 1554 г. с ливонским посольством о продлении на тридцать лет истекшего перемирия 1503 г. После неудачных попыток ливонцев оспорить требование о дани, перемирие было продлено на пятнадцать лет с условием выплаты Юрьевской дани с недоимками за три года. Гарантом уплаты дани объявлялась вся Ливония. Ливония обязывалась не вступать в союз с королем польским и великим князем литовским.

Ливонская сторона не выполнила условий нового пятнадцатилетнего перемирия, а в 1557 г. был заключен союз между Ливонским орденом и Литвой, направленный против Русского государства.

В январе 1558 г. русская армия перешла ливонскую границу на всем ее протяжении [3]. Это первое вторжение русской армии в пределы Ливонии преследовало первоначально цели разведать силы противника и настроение местного населения [4]. Но затем русское командование решило

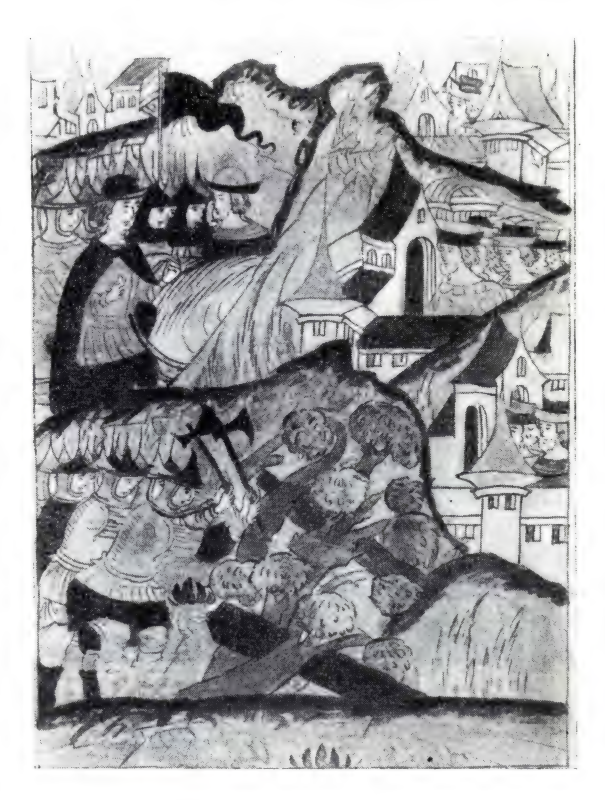
[1] «Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. Грамоты, собранные и изданные Юрием Толстым». СПб., 1875 (далее — *Ю. Толстой.* Указ. соч.), стр. 9.

[2] Сб. РИО, т. 129, стр. 52.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 286—287, 289—290.

[4] *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 135.

планомерно наступать на территорию противника, закрепляя ее за собой. В полном соответствии с этим главные удары были направлены сначала на Нарву, затем на Дерпт. Нарва сдалась русским 11 мая, а уже 19 июля пал Дерпт. Помимо того, русским удалось овладеть еще рядом городов и замков[1].

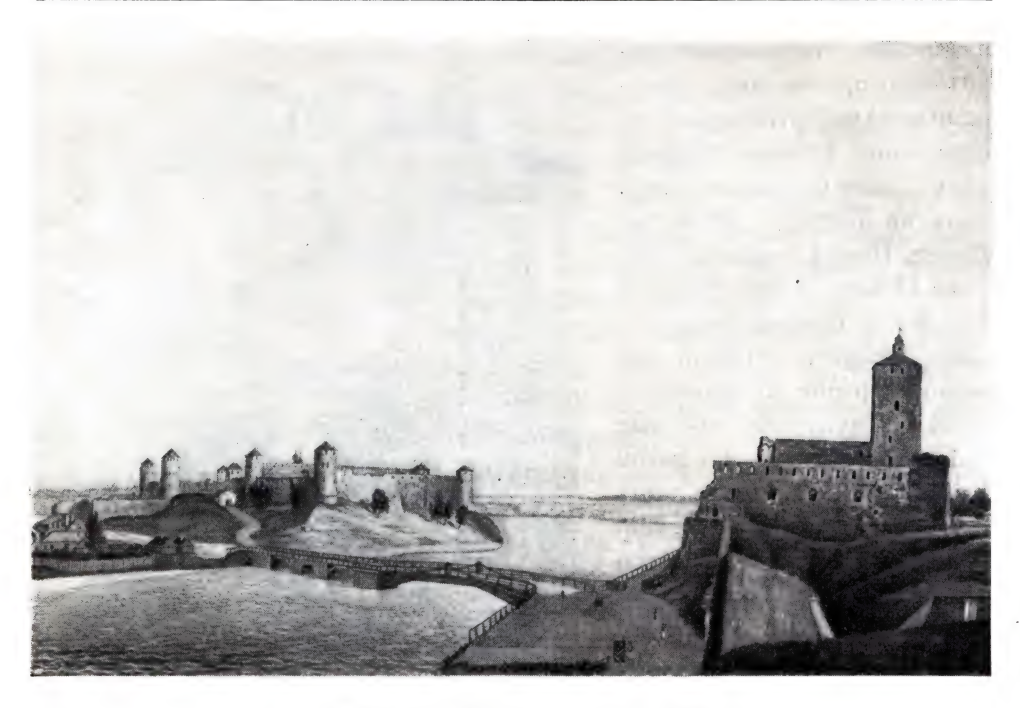
Устройство русскими войсками засек в Ливонии. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

В результате военных действий весной и летом 1558 г. вся восточная часть Эстонии оказалась присоединенной к России. Русское государство получило необходимый ему выход к Балтийскому морю.

Для успеха русской армии громадное значение имели вооруженные выступления эстонского и латышского крестьянства против немецких помещиков, которые в условиях нарастания крестьянского движения вынуждены были в панике бежать при приближении русских сил[2]. Для прочного закрепления занятых районов за Русским государством было чрезвычайно важно привлечь местное население на сторону русского правительства. Особое значение придавалось Нарве. Нарвским жителям было дано право свободной торговли в Русском государстве и беспрепятственных сношений с Империей. Широкие привилегии были предоставлены и жителям Дерпта[3].

После падения Дерпта и Нарвы главной целью военных действий с русской стороны естественно становилось подчинение Риги и Ревеля и разгром орденской армии — главной военной силы в Ливонии. Русские войска доходили до Ревеля уже в августе 1558 г. Ревель, которому обещали помощь Дания, Швеция и Польша, отказался от переговоров о сдаче. Осенью русское командование прекратило наступательные действия, но уже в январе 1559 г. возобновило их, направив крупные силы под Ригу[4].

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 295; вторая половина, стр. 303—306.
[2] *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 137.
[3] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., стр. 96, 101.
[4] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 314.

Ивангород и Нарва. Гуашь XIX в.
Государственный Исторический музей.

Военными действиями была охвачена северная часть Латвии. Русские войска проникли в Курляндию и дошли до границ Восточной Пруссии и Литвы.

Наступление русских войск в январе-феврале 1559 г. с полной очевидностью показало слабость и неорганизованность противника. Городские укрепления Риги находились в плачевном состоянии, а гарнизон города был крайне незначительным. Энергичная поддержка, оказываемая русской армии со стороны латышского населения, содействовала русским военным успехам.

Успехи России вызвали отклик и в Западной Европе. В августе 1558 г. Кальвин получил письмо от французского протестанта Юбера Ланге, который писал в связи с победами Русского государства, что «если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой»[1].

При таких, казалось бы, необычайно благоприятных для Русского государства обстоятельствах, буквально накануне полного разгрома и подчинения Ливонии, в военных и политических планах русского правительства произошел резкий поворот: Ливонии было предоставлено продолжительное перемирие — с марта по ноябрь 1559 г. Успехи русских войск в Прибалтике в 1558—1559 гг. толкнули Литву, Швецию и Данию на то, чтобы попытаться дипломатическим путем прекратить начавшуюся войну. Поводом для заключения перемирия яви-

[1] *Р. Ю. Виппер.* Иван Грозный, Ташкент, 1942, стр. 60.

Пушки, захваченные у немцев. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

лись не столько настойчивые убеждения литовских и шведских дипломатов[1], сколько посредничество датского короля. Перемирие 1559 г. было заключено под влиянием группировки Алексея Адашева[2], в руках которой все еще оставалось практическое руководство военными и политическими делами. Стремясь перенести центр активной внешней политики на юг, правительство Алексея Адашева в 1559 г. направляет отряды Данилы Адашева против Крыма. Набег на крымские улусы произвел большое впечатление не только в Крыму, но и в Польше. Однако он не мог искупить всех тягостных последствий перемирия 1559 г. Перемирие вело к отрицательным последствиям, к ущемлению интересов Русского государства в Прибалтике. Ливонские феодалы получили совершенно необходимую им передышку, которой они воспользовались для того, чтобы заключить в Вильне 31 августа 1559 г. соглашение с Сигизмундом. По этому соглашению польский король принимал под свой протекторат Орден, а позднее и рижского архиепископа. Король обязывался защищать Ливонию, взамен чего он получал в залог юго-восточную часть страны вдоль Двины.

Виленское соглашение явилось важным рубежом в ходе Ливонской войны. Война между Русским государством и Ливонией перешла в борьбу со всеми претендовавшими на Прибалтику государствами, которых страшили успехи русского оружия. Вслед за королем Сигизмундом II Августом в ливонские события активно вмешалась Дания. 26 сентября 1559 г.

---

[1] Сб. РИО, т. 59, стр. 578; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 316; сб. РИО, т. 129, стр. 62—63.

[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 49; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, тр. 318; сб. РИО, т. 129, стр. 66.

эзельский епископ отдался под покровительство датского короля Фридриха II. Одновременно по секретному с ним соглашению эзельский епископ уступил Эзель герцогу Магнусу, брату короля, за 30 000 талеров[1]. Итак, вмешательство Литвы, Польши и Дании, а затем и Швеции в разрешение балтийского вопроса до того, как Русскому государству удалось прочно овладеть Ливонией, облегчалось перемирием 1559 г. В конкретных условиях 1559 г. поворот в русских военных и политических планах объективно означал уступку интересам боярства в ущерб государственным интересам страны.

Этот поворот самым коренным образом противоречил всему предыдущему политическому курсу Ивана Грозного и мог быть только временным и непрочным. Предлагаемому Адашевым и его сторонниками курсу на войну с Крымом и Турцией царь противопоставил свой курс на оборону южных рубежей государства и постепенное освоение земель на юге[2].

Разногласия по внешнеполитическим вопросам ускорили падение правительства Адашева, уже в 1560 г. отстраненного от власти.

1560 год ознаменовался рядом крупных успехов русского оружия. 14 февраля войскам, находившимся под командой И. Ф. Мстиславского, П. И. Шуйского и В. С. Серебряного, удалось взять сильно укрепленный город Мариенбург. В мае 1560 г. крупные силы русской армии были двинуты на Феллин, считавшийся лучшей крепостью в Ливонии. В результате битвы, происшедшей 2 августа, Орден потерпел страшное поражение. Его лучшие силы были наголову разбиты. Значительная часть рыцарства попала в плен. Вслед за тем был взят Феллин[3]. В числе пленных был и престарелый магистр Ордена Фюрстенберг.

Главным результатом военных действий 1560 г. был полный разгром Ордена как военной силы. Тем не менее Иван Грозный не был доволен поведением своих командующих и впоследствии упрекал своих бывших сотрудников во главе с Адашевым в нерасторопности, считая успехи 1560 г. явно недостаточными[4]. Возможно, что причиной недовольства царя был отказ воевод двинуться под Ревель, на чем настаивал Грозный[5]. Вместо того была предпринята неудачная осада Вейссенштейна.

После поражения 2 августа 1560 г. и в связи с вспыхнувшим осенью 1560 г. и продолжавшимся в течение всей первой половины 1561 г. крестьянским восстанием[6], ни о каком планомерном сопротивлении ливонских феодалов русской армии не могло быть и речи. Под ударами русских войск отсталая сословная организация страны распадалась как карточный домик. Развал средневековой Ливонии ускорил вооруженное вмешательство

---

[1] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 197—198.

[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 486, 602.

[3] «Разрядная книга 7067». «Синбирский сборник», стр. 3; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 330.

[4] «Послания Ивана Грозного», стр. 49.

[5] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 112.

[6] *Я. Я. Зутис.* Указ. соч., стр. 140—141.

в войну соседних держав. В июне 1561 г. присягнуло на верность шведскому королю Эрику XIV рыцарство Северной Эстонии. В шведские руки перешел и крупнейший порт на Балтийском море — Ревель. Одновременно под Ригой появились литовские войска под командой Радзивилла Рыжего. На Эзеле и прилегающем к нему балтийском побережье укреплялся герцог Магнус. Полный распад Ливонии был зафиксирован виленским договором от 28 ноября 1561 г. Согласно его условиям все орденские владения переходили под совместную власть Литвы и Польши. Ливонский орден уничтожался. Последний великий магистр Ордена Г. Кеттлер становился вассалом польского короля и великого князя литовского и получал в ленное владение герцогства Курляндское и Земгальское[1].

Фактический раздел Ливонии между соперничающими державами в 1561 г. был связан с событиями 1559 г., ускорившими вмешательство польского короля, Швеции и Дании. Окончательно выяснившаяся к концу 1561 г. новая расстановка сил в Прибалтике требовала изменения прежних планов ведения войны.

Выбирая направление основного удара, приходилось считаться с тем, что все три державы — Литва, Швеция и Дания — были по существу глубоко враждебны планам укрепления Русского государства в Прибалтике. На это указывали все их усилия, направленные на установление блокады Нарвы. Одним из первых распоряжений, изданных Эриком XIV после захвата Ревеля, было запрещение плавания в Нарву. Такие же указы были изданы и датским королем Фридрихом II [2]. Едва ли не самым последовательным сторонником политики экономической и политической блокады Русского государства был польский король Сигизмунд II Август.

Однако между Литвой, Швецией и Данией существовали весьма серьезные противоречия. Их интересы, в частности, пришли в резкое столкновение из-за обладания Ревелем.

Перед русским правительством было два возможных пути решения прибалтийского вопроса. Первый — направить основной удар против Швеции, использовав ее столкновение с Данией, второй — перенести войну на территорию Литвы. На выбор направления основного удара оказала существенное влияние непримиримо враждебная позиция Сигизмунда II Августа по отношению к Русскому государству. Планируя перенос военных действий, начавшихся в 1562 г., на территорию Литвы, Иван Грозный, повидимому, рассчитывал на нейтралитет Швеции. В начале 1563 г. русское командование направило основной удар против важнейшей крепости Полоцка[3].

[1] «Historja polityczna Polski», ч. II, стр. 90—91.

[2] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., стр. 211, 257.

[3] «Разрядная книга 7067», стр. 4; «Разрядная книга полоцкого похода». «Витебская старина», т. IV, ч. 2, Витебск, 1885, стр. 65—66; ПСРЛ, т. XIII, вторая половина стр. 345—346.

После трехнедельной осады Полоцк был взят (15 февраля 1563 г.). В руках России оказывался ключ к важнейшему для Прибалтики водному пути по Западной Двине, в устье которой была расположена Рига. Удар русской армии был столь неожиданным и столь стремительным, что в Литве опасались дальнейшего русского наступления на Вильно. Эти опасения разделял и сам король Сигизмунд II Август [1].

При таких условиях литовские феодалы вынуждены были немедленно вступить в переговоры с русским правительством о временном прекращении военных действий. Грозный рассчитывал, очевидно, на возможность мирного разрешения конфликта и согласился на короткое перемирие, которое позднее дважды было продлено (до 6 декабря 1563 г.)[2]. Принимая все меры к тому, чтобы достичь соглашения с Литвой, русское правительство не думало отступать от основного пункта своей внешнеполитической программы, т. е. безусловного присоединения Ливонии, что с предельной ясностью вскрылось в ходе русско-литовских переговоров о мире, начавшихся в декабре 1563 г. Окончательные русские условия мира были сформулированы Грозным в следующем виде: уступка литовцами Полоцка, отказ их от Ливонии и признание за русским государем царского титула [3].

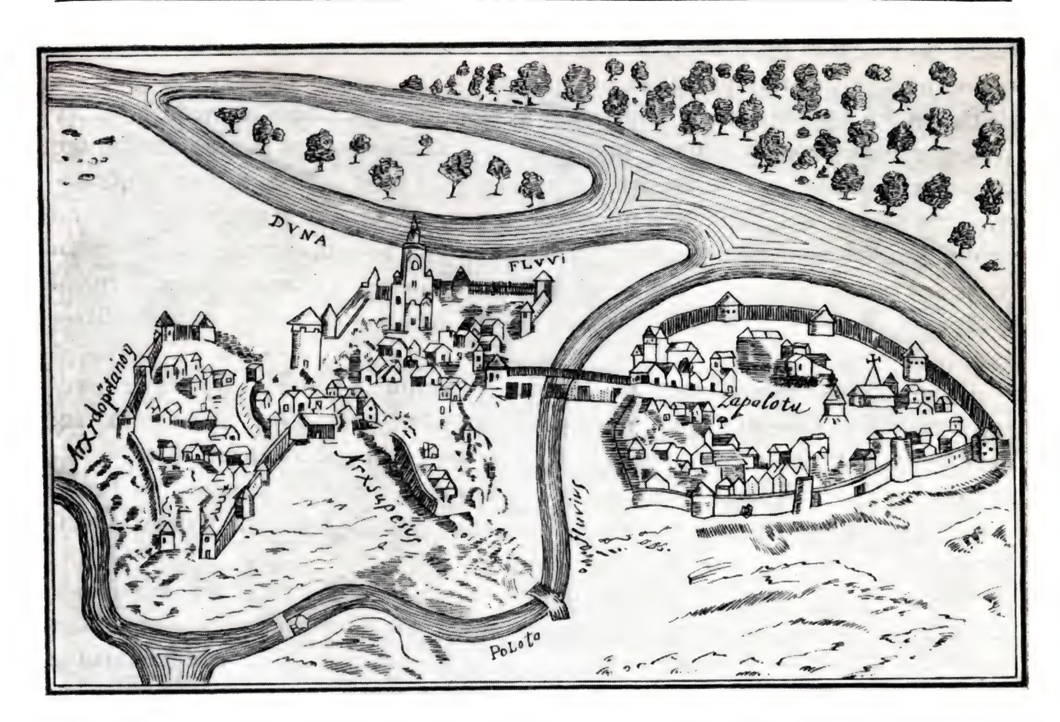
Отказ литовского посольства принять условия, выдвинутые русским правительством, привел к разрыву мирных переговоров. Военные действия возобновились.

В это время правительством Ивана Грозного был выдвинут проект восстановления распавшегося Ливонского ордена. Предполагалось, что восстановленный Орден будет находиться под протекторатом Русского государства. Великим магистром должен был стать пленный Фюрстенберг. В случае успеха этого плана Литва, а также Швеция и Дания лишались бы всякого юридического предлога для вмешательства в ливонские дела. Однако пленный магистр отказался принять предложение Грозного. Возможно, что в связи с отказом Фюрстенберга у царя возник план использовать в тех же целях герцога Магнуса[4].

Переговоры с Фюрстенбергом, а также план соглашения с Магнусом, свидетельствовали об известном изменении курса русской внешней политики в балтийском вопросе. Речь шла о том, чтобы открыть Русскому государству выход к Балтийскому побережью не путем прямого включения всей Прибалтики в состав Русского государства, а путем создания в Ливонии вассального государства, находящегося в полной зависимости от России. Повидимому, это изменение политики Грозного находилось в связи с обострением конфликта царя с реакционным боярством, осложненным военными неудачами 1564 г. 26 января 1564 г. в битве на реке

---

[1] «Historja polityczna Polski», ч. II, str. 91.
[2] Сб. РИО, т. 71, стр. 122—124, 145, 172, 173
[3] Там же, стр. 275.
[4] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного, стр. 88.

Вид-план г. Полоцка в XVI в. С рисунка 1579 г.

Уле, недалеко от Полоцка, литовцам под командованием Радзивилла Рыжего удалось разбить большую русскую армию. Вторая русская армия потерпела поражение под Оршей 2 июля 1564 г.[1] Эти поражения сопровождались актами прямой государственной измены и переходом в лагерь противника представителей реакционного боярства (в апреле 1564 г. в Литву бежал князь Курбский). Литовское наступление в 1564 г. было поддержано Крымом. Во главе совершивших набег на русские земли татарских сил стоял хан Девлет-Гирей[2]. Литовцы, однако, оказались не в состоянии использовать свои победы. Уже в ноябре 1564 г. русским удалось овладеть пограничной крепостью Озерище. Поэтому не столько военные неудачи, сколько предательство бояр, необходимость перехода к политике решительного подавления боярской оппозиции побудили русское правительство держаться более осторожной тактики как на театре военных действий, так и в дипломатических переговорах с Литвой, Польшей, Швецией и Данией.

В июне и июле 1566 г. в Москве велись переговоры о мире литовским посольством в составе Ю. А. Хоткевича, Ю. В. Тышкевича и М. Гарабурды. Земский собор 1566 г., на котором внешнеполитическая линия Грозного

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 377.

[2] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 21—22.

была полностью одобрена, должен был показать литовским дипломатам прочность позиций русского правительства, пользовавшегося полной поддержкой дворянства и торговых кругов посада. Литовские и русские условия мира прямо исключали друг друга. Литовские послы требовали уступки Полоцка и Смоленска, стремясь оторвать от России эти исконно-русские земли, и предлагали произвести раздел Ливонии: часть страны, которая находилась под властью русских, должна была остаться за Русским государством, области, захваченные литовцами, должны были отойти к Литве[1]. Россия и Литва должны были заключить союз против Швеции.

Сформулированные таким образом условия не были приняты русским правительством, ибо они противоречили коренным национальным интересам Русского государства. Целью русской дипломатии было обеспечить за Россией водный путь по Западной Двине от Полоцка до Риги. Полоцк — ключ к этому пути — находился уже в русских руках. Оставалось добиться присоединения Риги.

После того, как выяснилась невозможность достичь на выгодных для Русского государства условиях мира, было решено ограничиться переговорами о перемирии. Однако и эти переговоры, происходившие в Москве и в Литве, не дали никаких результатов, хотя обе стороны до осени 1567 г. воздерживались от возобновления военных действий. Осенью 1567 г. Сигизмунд II Август выступил во главе большой армии в поход к русским границам. Король определенно рассчитывал на помощь боярской оппозиции в Русском государстве. Однако расчеты короля не оправдались. Правительству Ивана Грозного удалось разгромить боярских заговорщиков. В начале 1568 г. Сигизмунд II Август вынужден был отказаться от наступления. В 1568 и 1569 гг. военные действия вновь носили лишь местный характер.

Одновременно с затянувшимися переговорами о перемирии с Литвой русское правительство пыталось вступить в союзнические отношения со Швецией. В феврале 1567 г. в Москве послы Эрика XIV заключили с русским правительством союзный договор [2].

Заключая этот договор, Иван IV мог рассчитывать на то, что ему удастся с шведской помощью добиться от Литвы отказа от претензий на Ливонию и прочно закрепить за Русским государством не только Нарву, но и чрезвычайно важный для Прибалтики и для Русского государства водный путь по Западной Двине к Риге. Русско-шведский союз царь, должен был закрепить союзом между Русским государством и Англией [3].

Русское посольство, отправленное в Швецию, должно было получить подтверждение Эриком XIV союзного договора[4]. Но союзный договор

---

[1] Сб. РИО, т. 71, стр. 376.

[2] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 494—495; сб. РИО, т. 71, стр. 450.

[3] *Ю. Толстой.* Указ. соч., стр. 18.

[4] См. «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.». М.—Л., 1954, стр. 63 и др.

Утвержденная грамота Земского собора 1566 г.

Центральный государственный архив древних актов.

со Швецией королем подтвержден не был. Поведение короля объяснялось той оппозицией, которую встретил русско-шведский союз со стороны шведских феодалов. Вскоре организовав государственный переворот, шведское дворянство посадило на шведский престол Иоанна Финляндского. Вместе с тем был похоронен вопрос о русско-шведском союзе против Литвы.

Не увенчались успехом усилия царя привлечь к союзу Англию. Королева Елизавета не желала вступать в оборонительный и наступательный союз с Русским государством, стремясь, однако, извлечь выгоду из торговых сношений с Русью. Переговоры с английским послом Рандольфом, происходившие в феврале — апреле 1569 г., ни к чему[1] не привели.

После неудачи переговоров с Фюрстенбергом, а затем с Кеттлером, Грозному удалось договориться о создании в Ливонии вассального государства во главе с герцогом Магнусом.

В мае 1570 г. Магнус явился в Москву, где был провозглашен королем Ливонским. Ливония объявлялась наследственным владением Магнуса и его потомства, сохранив свое административное устройство. Царь обязался оказать новому королю необходимую помощь в том случае, если Рига, Ревель или другие города откажутся признать власть Магнуса. Взамен этого царь оставлял за собой право свободной торговли и свободы сообщений через Ливонию.

Вассальные отношения ливонского короля по отношению к царю предполагалось скрепить браком Магнуса с царской племянницей Евфимией, дочерью В. А. Старицкого [2].

Сознание неизбежности совместного выступления польско-литовских и шведских феодалов и расчеты на союз с Данией побуждали русское правительство торопиться с провозглашением Ливонского королевства и пойти на разрыв со Швецией.

Политическое объединение Литвы и Польши в одно государство (Речь Посполитую), провозглашенное Люблинской унией 1569 г., было важнейшим фактом, повлиявшим на дальнейший ход событий. Люблинская уния, реакционная по своему существу, была орудием восточной экспансии польских и литовских феодалов, орудием социального и национального угнетения украинского и белорусского народов. Польшу и Великое княжество Литовское связывали в единое государство классовые интересы литовских и польских феодалов, проводивших агрессивную политику по отношению к Русскому государству.

В лице Речи Посполитой Русское государство имело теперь сильного и опасного противника. Правда, в 1569 г. Речь Посполитая еще стремилась отсрочить момент решительного столкновения с Русским государством. Литва была сильно истощена войной, Польша не была готова к военным действиям крупного масштаба. Правительство Ивана Грозного закончило

---

[1] *Ю. Толстой.* Указ. соч., стр. 23, 48; сб. РИО, т. 129, стр. 190—191.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стб. 206.

Оборотная сторона утвержденной грамоты Земского собора 1566 г. с рукоприкладствами участников Собора.

Центральный государственный архив древних актов

начавшиеся в мае 1570 г. переговоры с польско-литовским посольством заключением трехлетнего перемирия, подтвержденного в 1571 г. польским королем[1].

Несмотря на то, что перемирие не привело к полному прекращению военных действий, а война на море, где обе стороны завели каперов, вообще не прекращалась[2], Иван Грозный мог надеяться на то, что до решающего столкновения между Русским государством и Речью Посполитой дело не дойдет. В этом его убеждали, повидимому, и слухи о предстоящем выдвижении кандидатуры русского царя на польский престол, распространившиеся в связи с болезнью бездетного польского короля[3].

В 1570 г. польско-литовское посольство уже прямо заявило царю о выдвижении его кандидатуры на польский престол. Иван IV вовсе не был ослеплен заманчивыми предложениями польско-литовских феодалов[4]. Для него, повидимому, гораздо большее значение имел сам факт обсуждения его кандидатуры в Литве и Польше, который являлся известной гарантией того, что перемирие не будет нарушено польско-литовской стороной.

Осторожная литовская политика русского правительства в конце 60—начале 70-х годов XVI в. определялась не только сложными русско-шведскими отношениями и планом создания вассального Ливонского королевства.

До конца 60-х годов русскому правительству постоянно приходилось считаться с угрозой татарских набегов. Набеги татарских орд сильно тормозили военные действия русских в Ливонии и против Литвы. Тем не менее русское правительство все еще могло рассчитывать на то, что ему удастся избежать большой войны на юге[5]. К тому же в Москве было известно, что планируемый турками в 1564 г. поход на Астрахань не состоялся из-за обострения противоречий между Крымом и Турцией[6].

Положение резко изменилось в 1568 г. В конце 1567 г. Иван Грозный окончательно убедился, что попытки договориться с Крымом потерпели полную неудачу. В 1568 г. был заключен новый мирный договор между Польшей и Турцией, а в 1569 г. состоялся совместный крымско-турецкий поход под Астрахань. Готовясь, при поддержке Турции, к большой войне против Русского государства, Крым выступил в роли главы всех татарских сил[7]. Стремясь избежать этой войны, Грозный вступил в переговоры

---

[1] Сб. РИО, т. 71, стр. 729—734, 797.

[2] *В. Новодворский*. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582). СПб., 1904, стр. 1—6.

[3] Сб. РИО, т. 71, стр. 593.

[4] Там же, стр. 676—677.

[5] *А. А. Новосельский*. Указ. соч., стр. 17—23.

[6] *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 279.

[7] *А. А. Новосельский*. Указ. соч., стр. 24—28; *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 281—285.

с Турцией, отказываясь от той активной политической линии на Северном Кавказе, которой он держался в 60-х годах[1].

Русскому государству удалось избежать борьбы с коалицией в составе Турции, Крыма, Литвы и Польши, которая намечалась в 1567—1568 гг. В 1569 г. Сигизмунд II Август не принял участия в крымско-турецком походе под Астрахань. Более того, король воспротивился проходу турецко-татарских сил через Подолию.

Используя перемирие с Речью Посполитой, Иван Грозный торопился с нанесением решительного удара по Швеции до того, как начнется большая война на юге. После того как попытка склонить Ревель к добровольной сдаче окончилась неудачей, русские войска в конце августа 1570 г. приступили к осаде города. Осада Ревеля продолжалась в течение тридцати недель и закончилась 16 марта 1571 г. отступлением Магнуса и русских войск из-под стен города. Большую долю вины за неудачу под Ревелем несла Дания.

Фридрих II в общем поддерживал план создания Ливонского королевства во главе с герцогом Магнусом. Однако он не решился в нужную минуту оказать Ивану Грозному той поддержки, которую последний от него требовал. Русско-датский союз не состоялся. Вместо того, чтобы двинуть свой флот к осажденному Ревелю, что могло бы привести к немедленной капитуляции города, Фридрих II пошел на заключение мира со Швецией, развязав шведскому королю Иоанну III руки для борьбы с Русским государством[2].

Другой не менее существенной причиной неудачи под Ревелем была агрессия Крыма[3]. Уже в 1570 г. большие силы были брошены на юг для обороны русских земель от татарских набегов[4]. В мае 1571 г. огромные татарские полчища во главе с Девлет-Гиреем обрушились на русские земли. Крымский хан дошел до самой Москвы, и 24 мая столица в своей большей части была сожжена[5]. Девлет-Гирей требовал от царя уступки Казани и Астрахани. Летом 1572 г. крымский хан при поддержке Турции вторично двинулся на Русь. В Казанской земле, в землях горной и луговой черемисы вспыхнули восстания местной феодальной знати[6]. Блестящая победа русских войск под командованием М. Воротынского летом 1572 г. спасла Москву и центральные области страны от вторичного страшного опустошения.

Тем не менее и в 1573 и в 1574 г. руки русского правительства на юге были крепко связаны. Только с 1575 г. оно получило возможность вновь сосредоточить свое внимание на разрешении балтийского вопроса[7].

---

[1] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 282 и др.

[2] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 546—553, 588, 589.

[3] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 29.

[4] «Разрядная книга 7067», стр. 24—26.

[5] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 300.

[6] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 286; *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 29.

[7] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 29—30.

Военные действия в Ливонии в 1572—1576 гг., в ходе которых и Русское государство и Речь Посполитая нарушали перемирие, не носили характера крупных военных операций. Но все же русские войска одержали ряд довольно значительных побед. В 1573 г. русскими войсками был взят город Вейссенштейн. В 1575 г. в русских руках оказалась Пернова.

Неудача осады Ревеля и война с Крымом привели фактически к срыву планов создания Ливонского королевства. Возможно, что царь переменил свое отношение к королю Магнусу, опасаясь с его стороны измены [1]. Охлаждение царя к планам Ливонского королевства было связано также с провалом расчетов на датский союз. После неудачи под Ревелем нечего было и рассчитывать привлечь к борьбе на сторону Русского государства силы ливонских феодалов и городов, объединив их под знаменем Ливонского королевства. Поэтому, хотя после смерти Евфимии Владимировны царь выдал замуж за Магнуса свою вторую племянницу — Марию Владимировну, во владение ливонского короля было передано всего только два замка — Каркус и Оберпаллен.

К военным действиям крупного масштаба в Ливонии Русское государство смогло вернуться только в 1577 г. Однако в связи с событиями в Речи Посполитой политическая ситуация настолько изменилась, что вернуться к планам войны 1569—1570 гг. было нельзя.

Со смертью в 1572 г. короля Сигизмунда II Августа прекратилась династия Ягеллонов. Некоторое время польский престол занимал французский принц Генрих Анжуйский. Длительное бескоролевье сопровождалось ожесточенной борьбой между кандидатами на польский престол и поддерживавшими их феодальными группировками.

Борьба происходила на фоне обострившегося конфликта внутри польско-литовского класса феодалов между магнатством и широкими кругами шляхты.

Серьезные шансы на успех имела кандидатура Ивана Васильевича Грозного (или его сына Федора). Правда, решительными противниками русской кандидатуры были литовские магнаты, боявшиеся не только ослабления своих политических позиций в рамках русско-польско-литовского государства, но и опасавшиеся повторения Грозным в Литве опыта борьбы с боярской оппозицией. Зато кандидатура Грозного была очень популярна у всего православного населения Речи Посполитой, особенно среди украинского и белорусского населения, феодалов Литвы и Польши. Сторонниками ее были также широкие круги польской и литовской шляхты, недовольные засилием в Речи Посполитой магнатской олигархии. Но главной причиной, побуждавшей польско-литовскую шляхту и часть магнатов поддерживать русскую кандидатуру, было стремление путем польско-литовско-русской унии создать благоприятные условия для польско-литовской экспансии на восток, устранить

[1] *В. Новодворский*. Указ. соч., стр. 43.

Бой русского войска с крымскими татарами. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

сопротивление ей со стороны Русского государства. Польские феодалы рассчитывали повторить опыт польско-литовской унии. Польская шляхта рассчитывала на крупные земельные пожалования в России [1]. Эта уния для Русского государства могла привести к усилению католической экспансии на восток и реставрации реакционной боярщины, разгромленной Грозным.

Поэтому Иван Грозный высказывался в 1573 г. за то, чтобы он был избран только великим князем литовским. Польский престол он соглашался принять лишь на том условии, если Польша и Литва навечно соединятся с Русским государством, причем польский трон будет признан наследственным в «династии Рюриковичей». Царь требовал отказа Речи Посполитой от Ливонии и Киева, соглашаясь взамен вернуть Полоцк. Эти условия шли вразрез с планами польско-литовской шляхты.

Активное участие в борьбе за польский престол принимали Империя и Турция. Австрийский кандидат мог рассчитывать на сочувствие значительной части польского магнатства и на поддержку литовских панов [2]. Вмешиваясь в предвыборную борьбу в Речи Посполитой, турецкая дипломатия стремилась предотвратить избрание на польский престол русского царя или Габсбурга. Страшный татарский набег в сентябре-октябре 1575 г. на Подолию, Волынь и Червонную Русь являлся в руках турецких и крымских феодалов своеобразным средством «дипломатического» давления на польско-литовское население. Турецко-татарская угроза и отказ Ивана Грозного согласиться в случае его избрания на выгодные для польско-литовской шляхты условия привели к избранию

[1] *Л. А. Дербов.* К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). «Ученые записки Саратовского университета», т. XXXIX, 1954, стр. 195—197.

[2] *В. Новодворский.* Указ. соч., стр. 25, 28.

польским королем Стефана Батория, что резко обострило отношения между Речью Посполитой и Империей.

Восстание в Гданьске, как результат нежелания признать Батория, грозило гражданской войной.

Чем сложнее было положение в Речи Посполитой, чем острее были ее отношения с соседними государствами, тем больше шансов появлялось у русского правительства на реализацию балтийской программы. Поэтому вполне понятно стремление Ивана Грозного использовать затруднения Батория, чтобы попытаться завершить подчинение Ливонии до того, как окончательно разрешится польско-литовский вопрос.

Перемирие 1575 г. со Швецией, касавшееся только театра военных действий в Финляндии, ясно указывало на намерение русского правительства сосредоточить все силы на Ливонском театре военных действий. Обстоятельства, казалось, вполне благоприятствовали этим планам. Внутри страны было решительно разгромлено реакционное боярство, противившееся борьбе Русского государства за Прибалтику. На южных границах Русское государство получило совершенно необходимую ему передышку в борьбе с Крымом, а нападения ногайских татар в 1576 и 1577 гг. не имели большого военного значения[1].

К крупным военным действиям в Ливонии русское правительство приступило в 1576 г. Они были направлены главным образом против Ревеля, к которому русские войска трижды приступали в течение этого года.

В конце 1576 г. началась правильная осада города, которая была снята только 10 марта 1577 г.[2]

В 1576 г. Грозный не вступал еще в прямое столкновение с Речью Посполитой. Польско-литовскому посольству, отправленному Баторием к Грозному, удалось договориться о перемирии[3]. Использовав затруднения Батория, занятого борьбой с Гданьском, и тяжелое международное положение Речи Посполитой, русская армия летом 1577 г. перешла к решительным действиям против польско-литовских феодалов в Ливонии.

Одновременно был радикально пересмотрен план создания Ливонского королевства. По новому соглашению с Магнусом под его власть переходила только область к северу от реки Аа, остальная Ливония до Двины оставалась непосредственно за Россией. Военные действия 1577 г. были необычайно удачны для русской стороны. Город за городом, часто почти без сопротивления, сдавались русской армии. В результате успешных военных действий 1577 г. в руках Грозного оказалась фактически вся

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 31.

[2] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 663—666.

[3] «Книга посольская Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 г.)». М., 1843, стр. 1—6.

Прибалтика, исключая Риги и Ревеля. Военные силы Речи Посполитой были оттеснены за Двину[1].

Однако поход 1577 г. не привел к победоносному для Русского государства завершению войны в Прибалтике. Русские успехи этого года оказались последней решительной попыткой разрешить в пользу Русского государства Балтийский вопрос.

Вслед за походом 1577 г. Ливонская война вступила в свою заключительную стадию.

Русскому государству приходилось вести заключительный этап войны в состоянии политической изоляции. Возобновленные в 1574—1576 гг. переговоры с Англией вновь не привели ни к каким результатам[2]. Рассчитывать на поддержку Габсбургов и Дании не приходилось. Русскому правительству не удалось добиться совместного выступления с Габсбургами, являвшимися противниками перехода Ливонии к России, против Речи Посполитой[3].

В то же время серьезно окрепли международные позиции главного противника Русского государства в Ливонии — Речи Посполитой. Ей больше не угрожала борьба с Габсбургами. В течение 1578 г. были урегулированы окончательно ее отношения с Крымом. Турция и Крым явно сочувствовали воинственным планам Батория в отношении Русского государства. Султан даже обещал Баторию военную помощь[4]. В самой Речи Посполитой с прекращением гданьского восстания положение Батория сильно укрепилось, а сейм 1578 г. утвердил необычайно высокие для Речи Посполитой налоги для войны против Русского государства. Вместе с тем польский король заручился помощью в Империи со стороны курфюрста саксонского Августа и курфюрста бранденбургского Иоанна-Георга[5]. Фактически союзником Речи Посполитой в борьбе с Русским государством являлась Швеция.

В лице самой Речи Посполитой, считавшейся в то время одной из сильнейших военных держав в Европе, Россия имела серьезного противника. Истощенному долголетней войной Русскому государству противостояли как отдохнувшая после Полоцкого разгрома Литва, так и располагавшая большими и свежими военными силами Польша, фактически не участвовавшая до того в войне. При таких условиях переход русской армии к оборонительной тактике становился неизбежным. Если учесть к тому же, что союз Батория с Крымом и Турцией вновь создавал страшную угрозу на южных границах Русского государства, станет понятным и тот факт, что в кампании 1579—1582 гг. русские войска не рискнули вступить в генеральное сражение с польско-литовской армией, предпочитая изматывать

[1] *В. Новодворский.* Указ. соч., стр. 49—53; *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стб. 265—267.

[2] *Ю. Толстой.* Указ. соч., стр. 31.

[3] *Л. А. Дербов.* Указ. соч., стр. 212—217.

[4] *В. Новодворский.* Указ. соч., стр. 74.

[5] *Р. Гейденштейн.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889, стр. 34.

силы противника на осаде русских укрепленных городов. Иван Грозный не хотел рисковать своей армией перед лицом угрозы повторения татарского нашествия на столицу.

1578 год принес России первые серьезные военные неудачи. Польско-литовским войскам удалось вновь овладеть рядом потерянных в ходе кампании 1577 г. городов, в том числе Венденом. Шведы совершили нападение на Нарву. Изменил России и ливонский король Магнус, перешедший на сторону Речи Посполитой. Под Венденом, который пытались отбить русские, дело впервые дошло до совместных военных действий шведских и польско-литовских войск против русской армии. Однако переломным годом в ходе войны стал 1579 год. В этом году шведы вторглись в Новгородскую область со стороны Финляндии. Впрочем, летом 1579 г. русским войскам удалось нанести серьезное поражение Швеции в Ливонии [1]. Но исход борьбы уже не зависел от развития военных действий в Прибалтике. Закончив приготовления к войне и фактически отказавшись от переговоров с посольством, направленным в Речь Посполитую Грозным [2], Баторий объявил войну Русскому государству [3] и вторгся в его пределы.

В августе 1579 г. польско-литовская армия, в которой были значительные венгерские отряды, приступила к осаде Полоцка. Направляя свой главный удар против Полоцка, Баторий стремился закрепить за Речью Посполитой очень важный для Прибалтики водный путь по Западной Двине. Кроме того, из Полоцка можно было повести наступление по русской территории так, чтобы отрезать Ливонию от Русского государства, не удаляясь слишком далеко от Литвы [4].

Несмотря на большое численное превосходство противника (в армии Батория насчитывалось свыше 15 000, а полоцкий гарнизон состоял всего из 6000 человек) [5], Полоцк оказал ожесточенное сопротивление осаждающим. Только 30 августа 1579 г. после трехнедельной осады Баторию удалось овладеть городом. Вслед за тем была взята крепость Сокол.

В 1580 г. Баторий предпринял второй поход против Русского государства. Польско-литовской армии удалось овладеть Велижем и Усвятом и осадить Великие Луки. Ставя своей главной целью отрезать от Русского государства Прибалтику, Баторий не решался направить удары своей армии в сердце Русского государства, несмотря на то, что поход на Москву замышлялся им еще накануне осады Полоцка [6]. Польско-литовские феодалы уже не могли больше рассчитывать на то, что им удастся опереться на поддержку консервативного боярства.

---

[1] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. I, стр. 677.

[2] *В. Новодворский.* Указ. соч., стр. 78—79.

[3] «Книга посольская», стр. 42—47.

[4] *Р. Гейденштейн.* Указ. соч., стр. 43—44.

[5] *В. Новодворский.* Указ. соч., стр. 96.

[6] *K. Tyszkowski.* Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie 1600 r., Львов, 1927, стр. 8.

Под Великими Луками Баторий располагал тридцатипятитысячной армией, в то время как гарнизон города не превышал шести-семи тысяч человек[1]. Только после того, как в городе вспыхнул пожар, гарнизон капитулировал. Разъяренные солдаты Батория произвели в Великих Луках страшную резню. От самого города в результате пожара остались только развалины.

В 1580 г. возобновились набеги крымских татар, которые отвлекали с западного театра военных действий крупные русские силы и держали русское правительство в постоянной тревоге за южные и центральные области страны.

В 1581 г. Баторий начал свой третий поход против Русского государства. Польско-литовская армия была брошена на Псков. Под его стенами была сосредоточена огромная неприятельская армия, по всей вероятности, насчитывавшая не менее 50 тысяч воинов[2]. Есть сведения, что польско-литовская армия достигала даже 100 тыс. человек[3]. Осада города началась в августе 1581 г. Баторий прилагал все усилия к тому, чтобы принудить город к сдаче. Однако на борьбу с неприятелем поднялось все население города, поклявшееся «за Псков град битися с Литвою до смерти безо всякие хитрости». Осада Пскова показала полное превосходство русской артиллерии над польско-литовской. Все население Пскова принимало активное участие в защите города, не исключая женщин. В своей борьбе псковичи вдохновлялись живыми героическими традициями борьбы с иноземными захватчиками, связанными с именем великого русского полководца Александра Невского. Всего гарнизоном и жителями был отбит 31 приступ королевских войск. В свою очередь псковичами было совершено 46 вылазок против неприятельского лагеря[4]. Благодаря героическому сопротивлению гарнизона и всего населения город до конца войны оставался в русских руках.

Между тем, используя успехи польско-литовской армии, к активным наступательным действиям перешли и шведы. К концу 1581 г. в шведских руках было почти все побережье Финского залива. Самой тяжелой потерей для Русского государства было падение Нарвы, захваченной шведами осенью 1581 г. В ноябре того же года шведские войска взяли Вейссенштейн[5].

Уже поход Батория под Полоцк показал, что война принимала крайне неудачный для Русского государства оборот. В связи с этим русское правительство стремилось возобновить мирные переговоры с Речью Посполитой[6]. Нужно было предупредить дальнейшее наступление польско-литовской армии и выиграть время. Баторий, однако, не прекращал

---

[1] *T. Korzon*. Dźeje wojen i wojskowsci w Polsce, т. II, Краков, 1912, стр. 47.
[2] Там же, стр. 53.
[3] «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.— Л., 1952, стр. 52.
[4] Там же, стр. 48, 76, 77, 85, 95.
[5] *Г. В. Форстен*. Указ. соч., т. I, стр. 699.
[6] *В. Новодворский*. Указ. соч., стр. 117—120, 126—133, 139—141.

военных действий, а сформулированные им накануне осады Великих Лук мирные условия прямо свидетельствовали об его намерении продолжить войну, чтобы вконец ослабить Русское государство. Баторий требовал не только отказа Русского государства от Ливонии, но и ставил даже вопрос о Новгороде, Пскове и Смоленске [1].

Само собой разумеется, что такие условия исключали возможность мирного соглашения. Между тем направление второго похода Батория показало, что король стремится окончательно отрезать от Русского государства Ливонию.

Осада Пскова, которой поспешили воспользоваться шведские феодалы чтобы овладеть Нарвой, поставила русское правительство перед необходимостью пойти на уступки Речи Посполитой. Рассчитывая примириться с главным противником — Баторием, оно стремилось развязать себе руки для борьбы со Швецией, тем более, что шведские успехи в Прибалтике вызывали недовольство со стороны Речи Посполитой. Но использовать польско-шведские противоречия не пришлось. Баторий определенно откладывал разрешение спора со Швецией в Ливонии до конца войны с Русским государством [2].

Главной причиной, побудившей Батория пойти на заключение мирного договора, была неудача осады Пскова и истощение сил Речи Посполитой в результате героического сопротивления русского народа [3].

15 января 1582 г. переговоры в Запольском яме закончились заключением десятилетнего перемирия. Царь вынужден был отказаться от Ливонии. К Речи Посполитой отходили также Полоцк и Велиж. Русскому государству возвращались Великие Луки и другие захваченные польско-литовскими феодалами города.

В 1583 г. под давлением Батория, больше всего боявшегося укрепления России в Прибалтике, было заключено перемирие между Русским государством и Швецией. Русское государство было вновь лишено абсолютно необходимого для него широкого выхода к Балтийскому морю. За Россией остался лишь небольшой участок побережья Финского залива с устьем Невы. К Швеции отошли русские города Ям, Копорье, Иван-город [4].

Русское правительство не считало борьбу за Ливонию законченной и готовилось к возобновлению войны. Именно поэтому в 1582—1584 гг. оно вновь возвращается к проекту союза с Англией [5]. Баторий не хотел прекратить борьбу с Русским государством. Он носился с авантюристическими

---

[1] «Книга посольская», стр. 79.

[2] *Р. Гейденштейн.* Указ. соч., стр. 218.

[3] Там же, стр. 167—168.

[4] *И. П. Шаскольский.* Была бы Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря. «Исторические записки», кн. 35, стр. 301.

[5] *Я. С. Лурье.* Вопросы внутренней и внешней политики в посланиях Ивана IV. «Послания Ивана Грозного», стр. 519; см также «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 100 и др.

планами покорения России и организации похода против Турции. Но Баторию так и не удалось осуществить свои планы.

Итак, Ливонская война закончилась. Русское государство не получило необходимого ему выхода к Балтийскому морю. Тот факт, что правительству Ивана Грозного приходилось одновременно напрягать все силы Русского государства в военных действиях в Прибалтике и против Крыма, а внутри государства вести тяжелую борьбу с боярством, без сомнения, обусловил истощение Русского государства к концу Ливонской войны. Предательство боярством русских государственных интересов было одной из причин неудач Русского государства в Ливонской войне.

Польско-литовским феодалам недолго удалось продержаться в Ливонии. Швеция вытеснила их оттуда, а затем сама Речь Посполитая стала жертвой шведской феодальной агрессии. Еще более тяжелые последствия имела Ливонская война для Польши на Западе. Завязший в войне с Русским государством Сигизмунд II Август, а затем Баторий согласились признать за бранденбургским курфюрстом наследственные права на Прусское княжество.

Вопрос о соединении в руках Гогенцоллернов Бранденбурга и Восточной Пруссии был предрешен. Жизненно важный для Польши выход к морю в устье великой польской реки Вислы был крепко зажат в тиски немецкими феодалами. Идя на такой шаг, польские феодалы по существу предавали национальные интересы Польши.

Ливонская война 1558—1583 гг. и внешная политика Русского государства этого периода показывают ту крупную роль, которую играла Россия в международной политике второй половины XVI в. Правительству Ивана Грозного не удалось осуществить присоединение Прибалтики к Русскому государству и получить выход в Балтийское море, но его внешнеполитическая программа отвечала насущным интересам Русского государства, интересам народов Прибалтики. Эта программа была осуществлена в начале XVIII в. в период преобразований Петра I.

13

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

а) Материальная культура и быт

С развитием товарно-денежных отношений, с укреплением централизованного государства развивались экономические и культурные связи, что способствовало консолидации русской народности. Но одновременно в связи с процессом общественного разделения труда, ростом имущественного неравенства и усилением крепостничества, культура социальных верхов и культура народных масс все более и более обособлялись.

Основную часть населения составляли крестьяне. В состав дворовых построек среднего крестьянского двора входили: изба, крытая дранью или соломой и топившаяся по-черному, клеть для хранения имущества, хлев для скота и сарай. Это был обычный тип крестьянского двора. В одной из порядных крестьянин обязуется поставить на своем участке «двор, изба да клеть, да сени, да хлев, да сарай, как иные прочие крестьянские дворы поставлены»[1]. Однако наличие перечисленных построек было показателем сравнительного благосостояния их владельца. Зачастую состав строений на крестьянском дворе был гораздо беднее. В зимнее время крестьяне держали в той же избе, в которой жили сами, мелкий скот, поросят, телят, ягнят и птицу (гусей и кур)[2]. Свет проходил в избу сквозь маленькие «волоковые» окна, отодвигавшиеся рамы которых были затянуты рыбьим пузырем или куском промасленного холста[3]. Внутренность избы казалась еще темнее от копоти, покрывавшей стены и потолок из-за топки по-черному. Для освещения служили лучины.

Обстановка жилища была крайне скудной. Она состояла из простых столов и лавок. Последние были расположены вдоль стен и прикреплялись к ним наглухо. Лавки служили не только для сиденья, но и для спанья. На ночь их покрывали войлоком, бараньими тулупами или другой мягкой одеждой[4]. Зимою вся семья обычно спала на печи. Платье хранилось у более зажиточных крестьян в сундуках и коробьях, а у бедных вешалось на шестах, прислоненных к стене. Материал для одежды изготовлялся по большей части дома. В холодное время носили одежду из бараньего меха и сермяжного сукна, летом — из холста. Об одежде широких народных масс можно судить по данным одного судебного дела 1547 г. От помещика Приклонского бежал его кабальный холоп Анисим Аникеев. Он был пойман и приведен на суд «скован». На нем были надеты: «сермяга бела ржевская, да кофтан есской, червлен, пущен крашениною сверху». Его брат Кузьма, также бежавший, но не пойманный, носил «однорядку синю да кофтан крашенин»[5]. Обувью служили лапти, изготовлявшиеся из лыка. До нашего времени не дошло крестьянской одежды XV—XVI вв. Представить ее более или менее наглядно нам помогают изображения «простолюдинов» на миниатюрах того времени, имеющихся, например, в прекрасно иллюстрированном «Житии Сергия Радонежского», на которых крестьяне, в отличие от представителей социальных верхов, всегда показываются в коротком платье и в лаптях.

Посуда, употреблявшаяся в крестьянском быту в XV—XVI вв., попрежнему была почти исключительно деревянной и глиняной. Для еды служи-

---

[1] См., например, АЮ, СПб., 1838, №№ 181, 191, 194 и др.

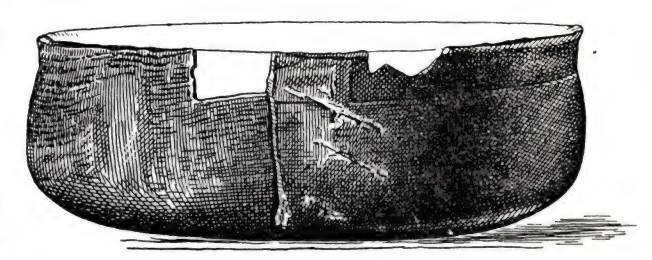
[2] *П. Петрей де Ерлезунд*. История о великом княжестве Московском..., М., 1867, стр. 397—398.

[3] *Р. Барберини*. Донесения о Московии. «Сын отечества», 1842, № 6, стр. 10.

[4] *П. Петрей де Ерлезунд*. Указ. соч., стр. 401.

[5] АЮ, № 22, стр. 50.

ли деревянные блюда и тарелки, для питья — такие же ковши, ковшики, чаши, чарки и братины. Ели деревянными же ложками. Пища приготовлялась в глиняных горшках. Как редкость, встречаются железные и медные котлы и сковороды.

Деревянная чашка XVI в., найденная при раскопках ИИМК в Зарядье (Москва).
Государственный Исторический музей

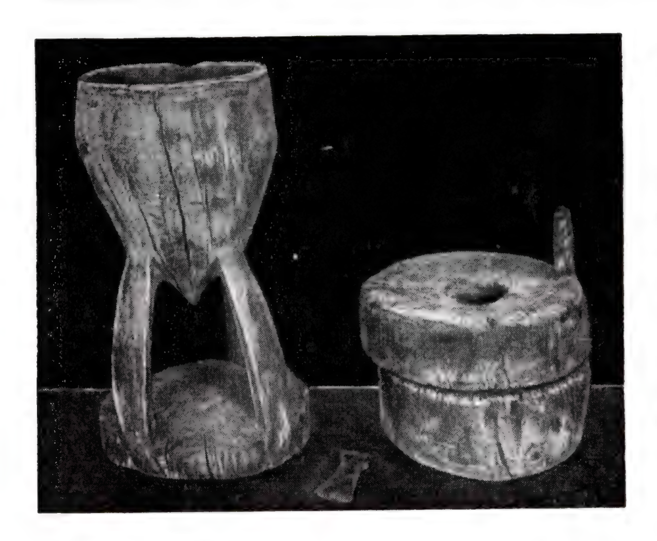
Основой питания, как и ранее, являлись злаки. Зерно и моловшаяся из него мука шли на изготовление хлеба, пирогов, киселя, а также пива и кваса. Другим существенным элементом питания были овощи: капуста свежая и квашеная, морковь, свекла, редька, огурцы, репа, хрен. Мясо было в крестьянском быту крайне редким продуктом, употреблявшимся преимущественно по праздникам. Доступнее была рыба, которой изобиловали реки и озера.

В процессе имущественного расслоения, происходившем в деревне в XV в. и заметно усилившемся во второй половине XVI в., выделившиеся зажиточные и даже богатые крестьяне, преимущественно жившие на землях крупных землевладельцев и занимавшиеся различными ремеслами, заводили дворы более обширные и обильнее застроенные по сравнению с рядовыми крестьянскими дворами. Так, например, крестьянину деревни Борисовской в Двинском наместничестве принадлежала в 1532 г. усадьба, на которой находились: «изба со мшонухою, да два сенника на подклетех, да клетка малая, да мыльна»[1]. Наличие собственной бани свидетельствует об известном достатке владельца. В 1613 г. монастырский крестьянин Томило Савостьянов сын Шапочник (повидимому, занимавшийся изготовлением шапок) купил в Новгороде двор на Корнеевой улице, на котором стояли горница на подызбице, клеть на подклете, сенница, баня, мельничек с сенничком. При усадьбе был яблоневый сад, в котором была устроена печь «с приперeдком», т. е. с сенями для приготовления пищи в летнее время. Двор был огорожен забором. О зажиточности хозяина свидетельствовали припасенные им 10 возов дров и жернова для размола зерна собственными средствами[2].

В судебном деле о «грабеже», произведенном черносошными крестьянами в селе Хрепелеве, принадлежавшем Покровскому девичьему монастырю (1579 г.), имеются данные о «пограбленных животах», принадлежавших самому монастырю и зажиточной верхушке крестьян во главе с приказчиком[3]. Среди пострадавших на первом месте назван монастыр-

---

[1] АЮ, № 19, стр. 38, *мшонуха* — подклет, проконопаченный мхом.
[2] АЮБ, т. II, СПб., 1864, № 148, стр. 391.
[3] АЮ, № 46, стр. 91—93.

Деревянная ступа и ручной жернов XVI в.
Государственный Исторический музей.

ский приказчик Васильев. У него были похищены: однорядка синяя «аглинская» с пуговицами «хамьянными», теплый кафтан из темнозеленого «аглинского» же сукна на заячьем меху, с серебряными пуговицами, синяя суконная шапка на лисьих «душках», мошна с деньгами и «угорские» ножи в оправе из моржовой кости. Из его конюшни вывели лошадь с упряжью и санями. О масштабе хозяйства приказчика можно отчасти судить по тому, что у него было три собственных «человека». Перечень имущества других зажиточных крестьян сходен с только что приведенным. Встречаются названия одежды, не характерные для быта рядовых крестьян и обычные для служилых людей, как, например, «терлик», «ферезь». У некоторых крестьян были взяты сапоги, в то время как беднейшее и среднее крестьянство ходило в лаптях.

Если обратиться к посадским людям (к которым по быту частично примыкали и зажиточные слои крестьян), то увидим, что их дворы в общем сходны с дворами крестьян-ремесленников. Примером может служить двор в Новгороде, принадлежавший в 1613 г. посадскому человеку Семену Саадачнику. Двор был огорожен «острым» тыном, в котором были устроены ворота с навесом. Во дворе стояли горница на подызбице с сенями на подсенье и клеть на подклете, а также баня. В огороде росли семь яблонь и была устроена печь для топки летом, когда запрещалось во избежание пожара топить жилые помещения. Но среди этих обычных деревянных строений встречались и каменные, служившие, впрочем, не для жилья, а для хранения имущества, частично, вероятно, и товаров. На том же дворе Семена Саадачника находилась «полатка каменная ветшана с погребом с каменным». Термин «ветшана» указывает на то, что «полатка» была выстроена задолго до составления купчей[1].

При перечне дворовых строений начала XVII в., принадлежавших посадским людям, изредка появляются термины «изба белая» или «горница белая», т. е. помещение с печью, имевшей трубу, в противоположность «черной» избе, в которой дым от топки выходил через сделанное в крыше

[1] АЮБ, т. II, № 148, стб. 392; см. также остальные купчие, помещенные под этим номером.

отверстие. Это указывает на значительное усовершенствование в домашнем быту, избавлявшее обитателей от дыма и сажи[1]. Окна обычно были в виде исключения слюдяные, но упоминаются иногда в дворах посадских людей «окончины стекольчатые», что также свидетельствует о лучших бытовых условиях[2].

Обстановка даже зажиточного посадского человека была очень проста и немногочисленна. В описях встречаются указания лишь на столы и сундуки. В последние складывалось домашнее имущество: одежда и посуда. Главным украшением зажиточного дома служили иконы, отделка которых свидетельствовала о степени благосостояния хозяина. Иконы покрывались басемными окладами (из тонкого серебра с выдавленными на нем узорами), иногда с добавлением драгоценных камней и жемчужного «низанья». Из домашней утвари упоминаются различные виды медной, железной и оловянной посуды, котлы поваренные, винные кубы, кувшины, блюда, судки, сковородки, подсвечники. Как исключение, встречаются и «чарки серебряные». В сундуках и коробьях хранились шубы, кафтаны, летники, кортели и другое платье из сукна и шелковых материй. Теплая одежда была на куньем или беличьем меху; поверх платья надевались бобровые ожерелья[3].

В Москве уже в последней четверти XV в. крупные торговые люди стали возводить себе каменные палаты. Летопись нашла нужным отметить, что в 1471 г. торговый человек Таракан заложил «полаты кирпичны» у городской стены возле Флоровских ворот[4]. В других городах, повидимому, еще не было каменных домов у купечества. Даже крупнейшие города, как Новгород Великий, Нижний-Новгород, Смоленск и другие, были застроены деревянными домами. Известные солепромышленники, землевладельцы и купцы Строгановы жили в деревянных хоромах, выстроенных в Сольвычегодске в 1565 г. и просуществовавших до 1798 г., когда они были разобраны. Сохранилось их изображение XVII в., по которому до некоторой степени можно составить себе представление об этом сооружении, являвшемся одним из крупнейших памятников русского деревянного зодчества. Особенностью его являлась четырехэтажная башня, примыкавшая к основному корпусу строений, составленному из соединенных в одно целое срубов[5]. Сохранилась опись имущества Строгановых, составленная в 1627 г.[6] Несомненно, что часть перечисленных в ней вещей, и вероятно значительная, относится еще к XVI в. В ней обращает на себя внимание большое количество золотой и серебряной посуды. Наряду с русскими названиями ковшей, чарок, братин, стоп, встречаются

[1] АЮ, № 94, стр. 132; АЮБ, т. II, № 148, стб. 393.

[2] АЮБ, т. II, № 148, стб. 391.

[3] АЮ, №415, стр. 442—445 (начало XVI в.), *ожерелье*—отложной воротник, оплечье.

[4] ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 282.

[5] Подробное описание см. у *И. Е. Забелина*. Домашний быт русских царей, в XVI и XVII ст., т. I, ч. 1, М., 1895, стр. 757—759.

[6] Опись напечатана *А. А. Введенским*. Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924.

и кубки «немецкие». Много было дорогой одежды из сукна, восточной шерстяной материи—зуфи, из шелка—камки и дорог, кизыльбашских ковров, волошских попон. В конюшнях стояли восточные аргамаки. При доме была целая оружейная палата, в которой имелось самое разнообразное оружие,— русское, восточное и западное: самопалы, мушкеты, сабли и луки. Были даже «две пушечки немецкие железные», служившие, вероятно, для защиты судов с товарами Строгановых. Мебель, если судить по описи, была очень скудной — столы и скамьи. Но среди домашней обстановки появляется один необычный предмет: музыкальный инструмент — цымбалы.

«Благоустроение» богатого дома, принадлежавшего, скорее всего, торговому человеку, нашло свое выражение в «Домострое» — руководстве по ведению домашнего хозяйства. Начало его составления относится к XV в., окончательное оформление связывается с именем священника Сильвестра и датируется серединой XVI в. «Домострой» заключает в себе подробную регламентацию всего домашнего обихода. Дом возглавляется хозяином, в беспрекословном повиновении у которого находятся все домашние, начиная с жены и детей и кончая всей многочисленной дворней, состоящей из слуг разных рангов. Весь строй домашней жизни направляется хозяином или его женой, если он доверяет ей наблюдение за хозяйством, под его руководством. Порядок в материальном быту достигается неусыпным надзором за экономной покупкой всяких припасов: продовольствия, материй, одежды и проч., причем рекомендуется в видах экономии по возможности обходиться своими собственными продуктами и изделиями, а если покупать, то оптом и в такое время, когда покупаемый предмет стоит дешевле.

В основу духовного быта были положены нормы, установленные церковью и заключающиеся главным образом в точном соблюдении обрядов. Весь порядок жизни точно регламентировался неукоснительным соблюдением установленных правил и обычаев.

По Домострою девушка до замужества находилась в полном подчинении у родителей, преимущественно у отца. После замужества она переходила во власть мужа. Женщина была изолирована в тереме от окружающей жизни, могла видеться с посторонними людьми лишь с разрешения мужа. Жизнь взаперти за рукоделиями и молитвами суживала ее умственный кругозор, ограничивая его домашними делами, однообразными интересами. Но реальная жизнь ограничила осуществление домостроевского идеала лишь определенными кругами общества.

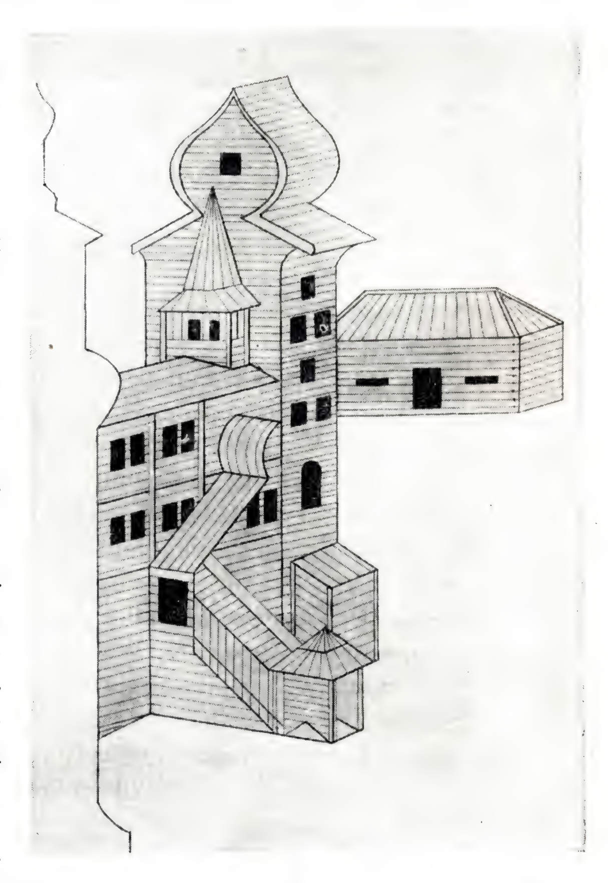
В народном быту женщина в силу экономических условий не могла быть изолирована от окружающей среды.

Она должна была работать, и это втягивало ее в общение с миром. Появление ее на улице, на рынке было обычным. Не странным было и ее участие в развлечениях: пирах, хороводах, гуляньях и т. д. Правда, на нее взваливалась вся тяжелая работа, она переносила попреки и побои мужа, но все-таки она была более равноправным членом своего обще-

ства, чем женщина высших кругов, и в этом отношении находилась в ином положении.

Особые черты характеризуют быт служилых людей, начиная с рядовых и кончая верхушкой, примыкавшей к великокняжескому двору.

Дворы рядовых служилых людей, судя по их описаниям, мало чем отличались от дворов зажиточных посадских. Вот пример, относящийся к 1601 г.: горница большая с сеньми, повалуша большая, сенник с подсенничьем, горенка малая с подклетом, клеть с перерубом и с подклетом, овин, сенник с подсенничьем, сарай с подсараем, хлевец малый[1]. Одежда состояла из шуб, кафтанов, однорядок, опашней, кортелей. В женской одежде обращает на себя внимание большее количество украшений по сравнению с одеждой посадских женщин[2].

Хоромы Строгановых в Сольвычегодске 1565 г. Деталь иконы XVII века.

Совсем иначе выглядели дворы высших служилых людей. По своему укладу эти дворы, как и весь быт в целом, напоминали в миниатюре великокняжеское хозяйство и быт. Степень подражания зависела от материальных возможностей служилых людей и от близости к великокняжескому двору. Представление об усадьбе служилого человека высшего ранга дает описание двора князя Ивана Бельского в Коломне в конце XVI в. Ограда двора была, правда, очень скромною: она состояла из плетня. Зато внутри ограды стояли двухэтажные хоромы, соединявшиеся сенями с повалушей. Под сенями помещалась конюшня. К этому основному комплексу строений примыкали с разных сторон многочисленные пристройки. Отдельно стояли: воротная изба, сотная изба, «избишка», амбар, повалушка на подклете, поварня, хлебная изба, мыльня,

[1] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских царей, т. I, ч. 1, Приложение, стр. 442. См. также АЮ, № 91, стр. 130—131 (1579 г.).

[2] АЮ, № 21, стр. 47 (1541 г.): № 22, стр. 50 (1547 г.).

и ряд других хозяйственных построек[1]. Таким образом, этот двор представлял собой значительный хозяйственный комплекс. Дворы феодалов по большей части были деревянными, однако, в виде исключения, еще в XV в. в Москве представители знати начали возводить себе каменные дома. Так, в 1486 г. построили кирпичные дома Василий Образцов и Иван Голова. В их комнатах появляются печи, выложенные рельефными терракотовыми изразцами с изображениями людей, животных, цветов, батальных сцен. Еще больше, чем дворовые постройки, о значительном положении служилого человека свидетельствовало его домашнее имущество, главным образом одежда и посуда.

В 1612 г. была произведена опись имущества князей Шуйских. В ней перечислены многочисленные кафтаны, шубы, охабни, епанчи, опашни, летники, телогреи и другие виды одежды мужской и женской из дорогих материй, золотые перстни, в одном из которых были вделаны солнечные часы. Среди длинного списка серебряной, медной и оловянной посуды обращают на себя внимание погребцы со стеклянной посудой, являвшейся в то время большой ценностью ввиду трудности ее доставки из-за границы. Из предметов обстановки выделяются «часы боевые с игрой в золоченом футляре»[2].

В обиходе правящей верхушки встречались предметы иностранного происхождения: посуда, украшения, ткани. Покрой одежды служилой знати резко отличался от одежды трудовых народных масс, сшитой из домотканного материала и достаточно короткой, чтобы не связывать движения и не мешать работе. Боярские кафтаны выделялись не только дороговизной материала, обилием дорогих украшений и длиной, но и покроем. В духовных грамотах начала XVI в. при упоминании о шубе указывается, какая она — «русская» или «татарская», с течением времени последние встречаются все чаще. Наряду с обычными русскими шапками появляются и «казанские». Восточное влияние проникает и в «светлицы», к золотошвейным мастерицам, работавшим по указанию своих хозяев. Они начинают вышивать «вошвы» (отвороты для летников) «узором татарским». Знать перенимает моды (или, по крайней мере, названия одежды) и с Запада. Так, русская епанча (древнее «корзно») превращается в «мантелю».

В середине XVI в. среди русской знати вошло в обычай носить «тафьи» (тюбетейки). Эта мода, видимо, настолько распространилась, что Стоглавый собор нашел нужным запретить ее в своих реше-

---

[1] *И. Е. Забелин.* Указ. соч., т. I, ч. 1. Приложение, стр. 441. Там же см. и другие описания дворов служилых людей. Однако, несмотря на обширность боярских дворов, не следует переоценивать их благоустройства. Из письма боярина Ф. И. Карпова к митрополиту Даниилу (нач. XVI в.) видно, что этот представитель просвещенных людей жил в хоромах, топившихся «по-черному». *В. Г. Дружинин.* Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI в. ЛЗАК, вып. XXI, СПб., 1909, стр. 111—112.

[2] АИ, т. II, № 340, стр. 405—406.

ниях: «занеже чюже есть православным таковая носити, безбожного проклятого бахмета (Махмета.— *Ред.*) предание» [1].

В обстановку знати проникали иноземные вещи, например «намазный» ковер, восточное оружие («сабля булатная гирейская») и другие.

О тех же новшествах в нравах и обычаях говорит современник—митрополит Даниил. Он указывает в своих «посланиях» на входивший в моду, вопреки традиции, обычай коротко стричь волосы на голове и брить или даже выщипывать усы и бороду [2]. Обычай брить бороду и усы получил в середине XVI в. распространение, поэтому постановлением Стоглава это было запрещено— «таковая несть православных, но поганых латынская и еретическая предания» [3].

Ферязь из желтой тафты, стеганная на хлопчатой бумаге; принадлежала Ивану IV.
Государственный Исторический музей

Быт великокняжеский, а затем царский становился все пышнее. Опись царского двора в Коломне (1577 г.) дает представление об усадьбе старого типа,— комплексах многочисленных деревянных строений (хором), характерных для древнерусского зодчества — изб, подклетов, сеней, чердаков, соединенных между собою переходами. Даже окна были затянуты еще по старине «паюсными» пузырями. Пышность строению придавало лишь «красное» крыльцо с тремя шатровыми верхами [4]. Зато в Московском кремле был возведен новый каменный дворец, украшенный затейливой белокаменной резьбой на колоннах и карнизах и свидетельствовавший

[1] «Макарьевский Стоглавник». «Труды Новгородской губернской ученой архивной комиссии», вып. 1, Новгород, 1912, стр. 68.

[2] *В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. «Чтения ОИДР», 1881, кн. I, стр. 20; *С. Герберштейн.* Записки о Московитских делах, стр. 193—194.

[3] «Стоглав». Изд. Котанчикова. СПб., 1863, стр. 124.

[4] *И. Е. Забелин.* Указ. соч., т. I, ч. 1. Приложение, стр. 437—439.

о величии власти московского великого князя и пышности его обихода. Герберштейн был поражен огромным количеством драгоценной посуды, стоявшей на столах и поставцах во время парадного обеда у московского великого князя. Ченслер восхищался роскошью двора Ивана Грозного. Золотая и серебряная посуда из царского имущества была почти полностью расхищена польскими феодалами во время интервенции начала XVII в. Лишь уцелевшие отдельные предметы, хранящиеся в настоящее время в Оружейной палате (кубок Ивана III, ковши Ивана Грозного, «барсы» Бориса Годунова), могут дать отдаленное представление о роскоши убранства стола.

Разнообразные кушанья изготовлялись с приправами из пряностей: шафрана, перца, корицы, гвоздики, а также лимонов, изюма и миндаля, в ходу были и привозные продукты: рис, сахар. В начале XVII в. в числе кушаний появляется колбаса, подававшаяся с гречневой кашей. Но наряду с этими блюдами в изобилии употреблялись изделия древнерусской кухни, преимущественно разнообразные пироги[1]. Пиры, как и в прежние времена, сопровождались игрой на народных инструментах и представлениями скоморохов.

Церковь, видевшая в скоморохах враждебные ей пережитки древнего язычества, вела с ними постоянную и упорную борьбу, нашедшую отражение в постановлениях Стоглавого собора. Однако ни правительственные власти, опасавшиеся бродячих скоморохов, ни духовенство не могли искоренить скоморошества. Стоглав констатировал, что «по дальним странам ходят скоморохи... ватагами многими по штидесят и до семидесят человек и до ста...»[2] Без участия скоморохов не обходилось ни одно празднество. Они появлялись даже во время церковных процессий и собраний, имевших религиозный характер: «в мирских свадьбах играют глумотворцы и органинскии смехотворцы, и гусельники, и бесовские песни поют. И как к церкве венчатця поедут, священник со крестом едет, а пред ними со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священницы им о том не возбраняют...» Скоморохи проникали на кладбища в дни поминовения умерших: «сходятца мужи и жены на жальниках и плачются по гробом с великим кричанием. И егда начнут играти скомрахи... они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати, и в долони бити, и песни сатанинские пети...»[3]

Правящая верхушка не представляла в этом отношении исключения. Иван Грозный, ополчавшийся против скоморохов на Стоглаве, сам собирал их к своему двору. В 1571 г. из Новгородской области «на государя брали веселых людей» и вместе с медведями посылали их в Москву[4].

---

[1] Роспись царских кушаний 1610—1613 гг. напечатана в Актах Исторических, т. II, № 356, стр. 426—438. См. также росписи трапез Троице-Сергиева и Тихвинского монастырей — ДАИ, т. I, № 135, стр. 215—228.

[2] «Макарьевский Стоглавник», стр. 73.

[3] Там же, стр. 72, 74.

[4] «Новгородские летописи». СПб., 1879, стр. 107.

Золотой ковш Б. Ф. Годунова.
Оружейная палата

Царь даже сам принимал участие в «игрищах» — плясках во время пиров, надевая вместе с другими участниками пира «машкеры»[1].

Можно предполагать, что темы для зрелищ, устраиваемых скоморохами, разнообразились исполнителями в зависимости от того, перед какими зрителями и слушателями они выступали. Конечно, на пирах в высшем кругу не могли исполняться те песни и пляски, которые пользовались успехом в народных массах, так как, судя по сведениям, относящимся к более позднему времени (XVII в.), скоморохи в своих выступлениях на улицах или на деревенских пирах касались злободневных тем, направленных к критике существовавшего тогда строя.

Народные массы развлекались также представлениями, дававшимися обученными медведями, кулачными боями, женщины водили хороводы с пением песен, качались на качелях. Все эти развлечения были приноровлены к праздникам, шедшим еще из давних времен и связанным с языческими верованиями: на масленицу провожали зиму, на Троицын день праздновали возрождение природы. Особенно радостно проводили праздник Ивана Купалы, в сущности посвященный богу Яриле. Насколько эти развлечения вошли в народный быт, видно из того упорства, с которым обрушивались на них многочисленные «послания» духовенства[2], и решительности, с которой отвергал их Стоглав. Несмотря на эти меры, церковь была бессильна искоренить народные развлечения. Языческие празднества и обычаи приноравливались к христианским, народ попрежнему видел в Иване Купале древнего бога Ярилу, а в Троицын день справлял Радуницу.

[1] РИБ, т. 31, стр. 279.
[2] См., например, ДАИ, т. I, № 22, 28, 43.

Деревянные шахматные фигуры, найденные при раскопках в Зарядье (Москва).
Музей истории и реконструкции Москвы

Главные деревенские праздники были приноровлены к основным сельскохозяйственным работам. Так, посев праздновался играми, сопровождавшимися песней «А мы просо сеяли, сеяли». Выгон скота в поле в день Юрия вешнего или Власия (древний «скотий бог» Велес) также сопровождался ритуальными развлечениями.

Особенно радостно праздновалось окончание тяжелых сельскохозяйственных работ — «оспожины», на которых фигурировал сноп — символ этого празднества. К этому же времени большей частью приурочивались и деревенские свадьбы (народ освобождался от «страды» и имел, хотя и кратковременный, достаток в сельскохозяйственных продуктах).

В быту правящего класса были распространены другие, доступные только ему, развлечения. Это были «конские ристания», во время которых участники их хвастались друг перед другом не только своим искусством, но и породистостью и резвостью аргамаков и богатством их убранства. Кроме того, высшие круги увлекались охотой. Особенно она процветала при дворе Василия III, страстного любителя псовой и соколиной охоты[1].

Иван Грозный развлекался медвежьей травлей. Близ подмосковного села Черкизова были устроены «осеки», в которых помещались медведи, выпускавшиеся во время охоты[2].

При дворе процветало и более жестокое развлечение: поединки между человеком «самого низкого звания», как выражается Герберштейн, и специально откормленными медведями[3].

Любимым развлечением были также состязания в стрельбе из лука в цель. Были в ходу и другие спортивные игры, распространенные и в широких народных кругах: бабки, свайка и чувиль. К комнатным развлечениям принадлежали игры в шашки, кости, карты[4] и шахматы. При великокняжеском и позднее царском дворе имелись наборы шахмат, вылитых из серебра или искусно выточенных из слоновой и моржовой кости. В шахматы любил играть Иван IV. Эта игра вышла за пределы дворца и боярских хором. При раскопках, произведенных в Зарядье в Москве в

[1] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 209—211.
[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стб. 391.
[3] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 213.
[4] *П. Петрей де Ерлезунд.* Указ. соч., стр. 395.

1949 г., были найдены среди других предметов деревянные шахматные фигуры XVI в. Материал, из которого они были сделаны, указывает на их принадлежность небогатым людям.

б) Устное народное творчество

Народное творчество второй половины XVI в. отразило в художественных образах борьбу русского народа за создание и укрепление централизованного государства. Важное место в произведениях, возникших или широко распространившихся в это время, занимают социальные темы большого общественного масштаба, в частности, темы борьбы правительства Грозного с внешними врагами и с реакционным боярством. Так, к имени Грозного оказался приуроченным целый ряд сказок, возникших в гораздо более ранние времена и связанных с его личностью в XVI в., а возможно и позже. Однако неслучайно, что к Грозному народ отнес лишь те сказки и анекдоты, которые действительно отвечали народному толкованию его деятельности. Таковы широко популярные в сказочном эпосе сюжеты, как «Горшеня» (простой горшечник удивляет царя своими разумными ответами), «Гуси с Руси» (крестьянин, пользуясь глупостью бояр, обирает их), «Умные ответы» (за эти ответы крестьянин получает с бояр большие деньги) и т. д.

Эти сказки и предания отражают народное понимание образа Грозного и его деятельности. Народ не только объяснял его поступки, но в своих сказках рисовал Грозного идеальным «крестьянским» царем, врагом бояр, но другом голытьбы, грозным, но справедливым судьей и т. д. Эту черту подметил еще в XVII в. Коллинз[1]. Конечно, это идеализированное представление о Грозном ни в малейшей степени не соответствовало действительности: на самом деле Иван IV был царем-крепостником, при котором жестоко эксплуатировался труд крестьян. Однако его борьба с боярами, которые были непосредственными классовыми врагами крестьян и от которых последние видели больше всего унижений, дала возможность народным преданиям нарисовать образ царя-справедливца, награждающего вора, отказавшегося обокрасть царскую казну и охотно соглашающегося обокрасть казнокрада-боярина, и т. д.

Образ Грозного в сказках не отражал реальных черт его характера еще и потому, что сказочные образы вообще условны и лишь в незначительной степени используют историческую действительность для создания сказочного сюжета. Гораздо больше реальных черт общественно-политической жизни того времени отразилось в исторических песнях, расцвет которых падает как раз на вторую половину XVI — первую половину XVII в.

---

[1] *С. Коллинз.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне, перевод П. Киреевского, М., 1846, стр. 14; см. также «Русский вестник», 1841, т. III, № 7, стр. 161—182; № 9, стр. 567—614.

Популярность исторических песен в это время объясняется тем, что этот вид устного народного творчества и по своему содержанию и по своей форме оказался наиболее удобным для художественного отражения всех сложных исторических событий. Наиболее значительной исторической песней этого периода является песня о взятии Казани, в которой победа над Казанским ханством рассматривалась как самое важное достижение Грозного в области внешней политики, обеспечившее безопасность русских земель от татарских вторжений с востока. Песня, отразившая большой патриотический подъем, стала одной из самых популярных в народе, особенно в Поволжье. Основным героем песни является не царь Иван Грозный, а представители из народа — пушкари[1], которые своим мастерством и уменьем добились взрыва крепостных стен и победы над Казанью. Внимание песни сосредоточено на подкопе и взрыве как решающих условиях взятия Казани.

Образ Грозного в песне также дается на фоне истории подкопа и взрыва Казани. Это — умный правитель и энергичный полководец, любимый войском и ненавидимый врагами. Вместе с тем он недоверчив, вспыльчив и жесток. Грозный подозрительно относится к задержке взрыва:

На то грозный царь осердился:
«Подавай мне пушкарев казнить-вешать!»[2]

Такое сочетание в образе Грозного положительных и отрицательных черт встречается впервые в исторической песне и резко отличает ее от обобщенных и гиперболизированных образов богатырей в былинах.

Образ пушкарей (особенно молодого пушкаря) в песне воплотил в себе лучшие черты народного героя — патриотизм, смелость, находчивость, независимость. Пушкарь в песне — мастер своего дела, хваткой и умением решающий исход битвы в пользу русского войска. Неслучайно народ изображал своих любимцев участниками взятия Казани. Так, мари и мордвины упорно считали пушкаря, взорвавшего Казань, представителем своего народа, уральские и донские казаки утверждали, что Грозному помог Ермак Тимофеевич[3], в волжских песнях говорится о взятии Казани Разиным. Все это говорит о том, что основная идея песни — идея патриотизма русского народа — была глубоко прочувствована и понята безвестными составителями песни. Сравнение песни о взятии Казани с литературным произведением, посвященным той же теме,— Казанским летописцем — показывает, что песня выражает отношение народа к событиям, а летописец близок к памятникам официального происхождения. В песне

---

[1] *В. К. Соколова.* Русские исторические песни XVI века. «Славянский фольклор» М., 1951, стр. 27.

[2] *В. Ф. Миллер.* Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Сборник ОРЯС АН, т. XCIII. Пг., 1915, стр. 21.

[3] *В. Ф. Миллер.* К песням о взятии Казани. «Этнографическое обозрение», 1909, № 2—3, стр. 52.

нет намека на помощь божественной силы; исход боя решают умелые русские руки, находчивость и инициатива пушкарей, а не помощь иноземцев-фрягов или действия царей и вельмож.

Помимо песен о взятии Казани, образ Ермака Тимофеевича мы находим и в специально ему посвященных песнях. В них он большею частью рисуется смелым и удалым атаманом, совершающим мужественные подвиги во славу родины. Сравнение песен о Ермаке с Сибирскими летописями показывает, что и здесь народное творчество более реально изображало действительность, делая упор не на божественную помощь, а на русскую смекалку и ловкость. Образ Ермака Тимофеевича до сих пор является одним из наиболее популярных в песнях уральских (яицких), терских и донских казаков еще и потому, что он часто изображается противником бояр, идеальным казаком-героем, рубящим боярские головы и отвечающим только перед царем. Царистский характер этих песен свидетельствует об ограниченности крестьянского и казацкого мировоззрения. Однако причина популярности песен о Ермаке, доживших до наших дней в живом устном исполнении, лежит в обрисовке его образа как смелого и вольнолюбивого патриота, храброго воина, опытного и самоотверженного военачальника.

Одной из самых распространенных песен времени Ивана Грозного является историческая песня о Кострюке[1], рассказывающая о женитьбе Грозного на Марии Темрюковне. Однако не бытовые подробности жизни царя интересуют составителя песни, а утверждение национального достоинства, вера в силу русского человека. В основе сюжета песни лежит бахвальство наезжего князя-иноземца Кострюка своей силой. В единоборство с ним вступает простой незнатный человек — «засельщина-деревенщина» — и побеждает его. Победа русского борца (чаще всего горожанина посадского человека Васеньки маленького или же Потанюшки хроменького) — это посрамление не только врага-иноземца, но и классового врага — князя, тесно связанного (по песне) с русским боярством.

Грозный в этой песне противопоставляется и боярам и царице — сестре Кострюка. Грозный радуется победе русского борца, награждает его:

Мужика буду знать-почитать,
Мужика буду жаловать
Уж я ради почетных пиров,
Еще для ради почетных гостей,
Еще для ради заносчивых[2].

Выдвижение посадского человека в героя-победителя иноземного князя-нахвальщика свидетельствует о росте демократических тенденций в народном творчестве.

---

[1] *Б. М. Соколов.* Шурин Грозного, удалой боец Мамстрюк Темгрюкович. ЖМНП, 1913, № 7, стр. 20—40.

[2] *В. Ф. Миллер.* Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 230.

С особой любовью воспевал народ защитников родной земли, отстаивавших ее на южной границе и под стенами Пскова. Стефан Баторий, эта «собака царя Крымского», потерпев поражение под Псковом, бежит и зарекается:

Не дай, боже, мне во Руси бывать,
Ни де́тям моим и ни вну́чатам,
И не вну́чатам, и не пра́внучатам! [1]

Жестокая внутриклассовая борьба второй половины XVI в. не могла не отразиться на народном творчестве этого времени. Различные варианты народных песен по-разному использовались различными правящими кругами общества. Показательна в этом плане историческая песня «Грозный и сын», рассказывающая о борьбе царя с боярской изменой. Эта песня была создана уже после смерти Грозного в боярских кругах, недовольных политикой царя. Грозный в этой песне представлен в отрицательном свете, как и его верный слуга Малюта Скуратов. Грозный посылает на смерть своего сына, которого спасает боярин Никита Романович. Цель песни — убедить простой народ, что Грозный — жестокий деспот, а истинные защитники народа и государства — бояре [2].

Песня пользовалась особой популярностью в XVII в., когда новая династия Романовых была заинтересована в выдвижении образа Никиты Романовича.

Образ Ивана Грозного отражен и в творчестве других народов России, главным образом, народов Поволжья. Песни казанских татар, например, посвящены построению русской крепости на Свияжской горе и взятию Казани Грозным [3].

Исторические песни второй половины XVI в. пронизаны идеей единства Русского государства. На смену «Русской земле» былин и литературе древней Руси появляется понятие — «Московское царство». В песнях подчеркивается значение «каменной Москвы», как «средины царства Российского». Деятельность Ивана Грозного рисуется в тесной связи с историей Москвы. Составители песен поддерживают централизаторскую политику Грозного и видят в нем единственную защиту от произвола бояр

в) Развитие просвещения, научных знаний, общественно-политической мысли и литературы

Общественно-политическая мысль и литература

Общественные идеи и теории, пропагандировавшиеся в богатой публицистической литературе третьей четверти XVI в., были порождены развитием социально-экономических отношений. Но в то же время эти общест-

---

[1] *В. Ф. Миллер*. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв., стр. 256.

[2] Там же, стр. 441.

[3] *В. Ф. Миллер*. К песням об Иване Грозном. «Этнографическое обозрение», 1904, № 3, стр. 42—50.

венные идеи и теории, как явления надстроечные, были величайшей активной силой, оказывавшей воздействие на породивший их базис.

Огромный отпечаток на русскую литературу середины и третьей четверти XVI в. наложила классовая борьба. Обостренная внутриклассовая борьба, борьба с реакционным боярством в XVI в. также придавала литературе этого времени особую остроту и боевую направленность. В ней поднимались и обсуждались самые злободневные вопросы общественных отношений и государственного устройства. В литературе нашли отражение интересы различных классов феодального общества, расстановка классовых сил в стране. Круг идей русских публицистов третьей четверти XVI в. был разнообразен. В то время как блестящая плеяда передовых писателей призывала сокрушить реакционное боярство, тормозившее ход общественного развития, боярские публицисты во главе с князем А. М. Курбским пытались законсервировать удельную старину и тянули общество назад.

Одним из наиболее передовых публицистов описываемого времени следует признать Ивана Семеновича Пересветова. В своих челобитных 1547—1550 гг., адресованных Ивану Грозному, он разработал целую программу реформ с точки зрения интересов возвышавшегося дворянства.

Политическим идеалом И. С. Пересветова было сильное централизованное государство, управляемое самодержавным государем, опиравшимся на преданных ему слуг — «воинников».

Пересветов рисует образ идеального монарха — Магмет-Салтана, который устанавливает в своей стране справедливые отношения и твердый правопорядок и благодаря этому завоевывает Константинополь и расширяет пределы своего государства. Идеализированный образ Магмет-Салтана не имеет, конечно, ничего общего с реальным турецким султаном Мохаммедом II, при котором, как и при его преемниках, Турция представляла собой страну исключительного беззакония и произвола. Это, несомненно, было хорошо известно Ивану Пересветову, как и другим передовым русским людям XVI в., и если он все-таки превозносит «Магмет-Салтана» за якобы установленный им в своей стране твердый порядок и правый суд, то делает это для того, чтобы резче оттенить отрицательные стороны внутреннего устройства Византии, павшей под ударами турок. Осуждая византийских вельмож, которые отстранили молодого царя от управления и своими злоупотреблениями довели страну до гибели, Пересветов явно имел в виду русских бояр и даже прямо говорит об их «неправдах»: бояре — клятвопреступники и изменники, плохие воины и не по заслугам стоят близко к государю. Чтобы ввести «правду» в Русской земле, И. С. Пересветов прежде всего предлагал отменить кормления, «грозой» обрушиться на бояр и выдвигать людей к управлению государством не по знатности их происхождения, а по талантам. «Воинники», иначе говоря, служилые люди, дворяне — вот та сила, на которую царю следует опираться. Поэтому, централизуя сбор доходов со всего царства, царь должен щедро награждать и жаловать верных ему воинов. Такую организацию

вооруженных сил Пересветов показал на примере того же Магмет-Салтана, якобы учредившего постоянное войско из 40 тысяч янычар, «гораздных стрельцов со огненою стрелбою»[1], получающих регулярное жалованье. Постоянное войско даст царю возможность вести активную внешнюю политику, присоединить Казань и обеспечить безопасность южной границы.

Уделяя основное свое внимание вопросам государственного устройства и усиления военной мощи страны, Пересветов касался также некоторых социальных вопросов, которые он, впрочем, рассматривал с точки зрения укрепления обороноспособности государства. Он выступал, например, против института холопства, который с развитием товарно-денежных отношений начинал терять свой хозяйственный смысл. «Которая земля порабощена,— пишет Пересветов,— в той земле все зло сотворяется: и татба, и разбой, и обида, и всему царству оскужение великое...»[2]

Преследуя прежде всего задачи политические, челобитные Ивана Пересветова отличаются крупными литературными достоинствами. Далекие от литературных шаблонов того времени, они написаны выразительным языком, пронизаны крепким юмором и образными афоризмами.

Против вельмож также выступал писавший одновременно с Пересветовым священник Ермолай-Еразм. Он обличает их гордость, сребролюбие, ненасытную алчность. И при всем том он далек от каких-либо крайних требований в отношении боярства. Не в пример Пересветову, который требовал, чтобы государство держалось «грозой», Ермолай-Еразм считал, что государь должен править «истинною и кротостию, а не яростию»[3]; он должен заботиться о всеобщем благе, «ко благополучию всем сущим под ним... до последних». Эту мысль Ермолай-Еразм развил в своей записке «Благохотящим царем правителница и землемерие»[4]. В этой записке Ермолай-Еразм прежде всего обратил внимание на положение крестьян, потому что они производят основу всех благ — хлеб, которым питаются все люди, от царя до последнего человека.

Усиление классовой борьбы заставляло представителей господствующего класса задуматься над положением крестьянства. Для улучшения жизни крестьян Ермолай-Еразм предлагал, во-первых, унифицировать все крестьянские дани, сводя их в одну, и, во-вторых, взыскивать ее не деньгами, а натурой, так как от «серебра» больше всего страдают крестьяне. Поскольку Россия — страна земледельческая, то и дань следует взимать с крестьян житом, в размере пятой части урожая, и больше с них ничего не брать. Получая пятую часть урожая своих крестьян, указывал Ермолай-Еразм, будут полностью удовлетворены и служилые люди.

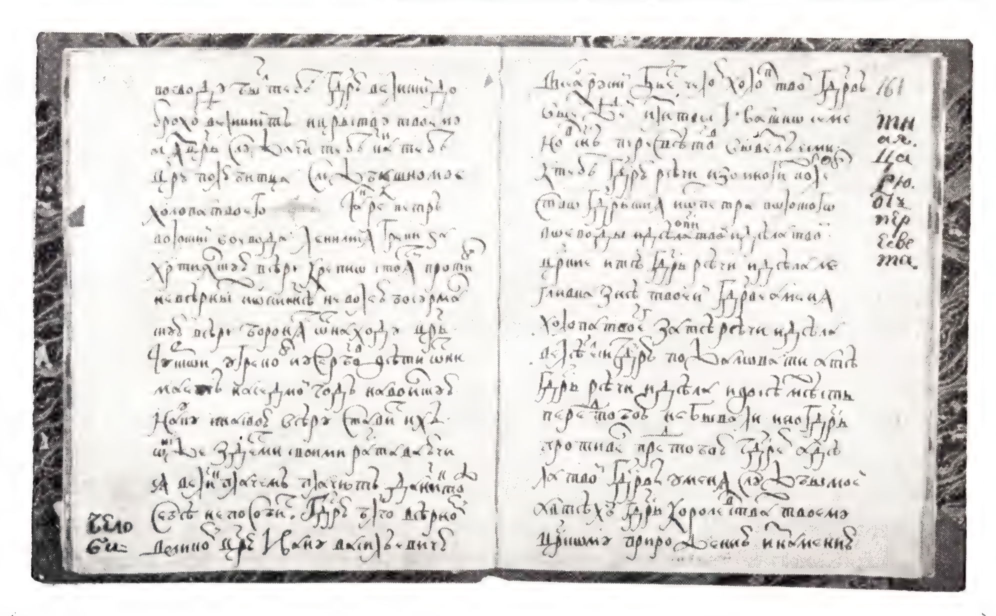
---

[1] *В. Ф. Ржига*. И. С. Пересветов, публицист XVI века. «Чтения ОИДР», 1908, кн. I, отд. II, стр. 74.

[2] Там же, стр. 67.

[3] *В. Ф. Ржига*. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗАК, вып. 33, Л., 1926, стр. 184.

[4] Там же, стр. 193—199.

«Челобитная» Ивана Пересветова (в рукописи XVII в.).

Государственный Исторический музей

Ермолай-Еразм выдвинул ряд предложений по регламентации повинностей служилых людей; эти предложения позднее, в 50-х годах XVI в., получили отражение в реформах Ивана Грозного.

Относясь с сочувствием к крестьянам, Ермолай-Еразм в то же время не только не оправдывает их классовую борьбу, но выдвигает утопический проект общественного устройства, которое он считал приемлемым и для крестьян, и для феодалов. Созерцательный книжник, Ермолай-Еразм наивно считал, что разумными указами царь может остановить внедрение денег во все поры хозяйственной жизни: для этого достаточно только перевести все налоги в натуральную форму, унифицировать их и ограничить аппетиты землевладельцев пятой частью доходов крестьян. В этом отношении проекты Ермолая представляют чистейшую утопию и отражают классовую ограниченность их автора. Отдавая себе отчет в том, что бояре наживают свое богатство насилиями и злоупотреблениями, Ермолай-Еразм не представляет себе иного общественного строя, кроме феодального, при котором все общество покоится на эксплуатации зависимых крестьян.

Идейным выражением борьбы отдельных групп феодалов за землю и рабочие руки была продолжавшаяся борьба осифлян с нестяжателями. В литературе середины XVI в. эта борьба нашла отражение в материалах Стоглавого собора и в некоторых литературных произведениях митрополита Макария, активного последователя доктрины Иосифа Волоцкого.

Не сложили своего оружия и нестяжатели, выступившие в середине века с пафмлетом «Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских

чудотворцев»[1], острие которого было направлено против стяжательства иноков, владеющих селениями и крестьянами. После Стоглавого собора, когда церкви снова удалось отстоять свои земельные богатства, идеологическая борьба стяжателей с нестяжателями ослабела.

Гораздо более активными были еретические движения, отдельные участники которых выдвигали весьма радикальные предложения. В 50-х годах ряд церковных соборов занимался ересью сына боярского Матвея Башкина, игумена Артемия и других. Учение Башкина, содержавшее элементы рационализма, в то же время проповедовало преимущества свободного труда и необходимость освободить закабаленных холопов. У нас, говорил Матвей Башкин, «на иных и кабалы, на иных беглые, а на иных нарядные, а на иных полные; а я, де, благодарю бога моего, у меня, де, что было кабал полных, то, де, есми все изодрал, да держу, де, государь, своих добровольно: добро, де, ему, и он живет, а не добро, и он куды хочет...»[2]

Этими новыми веяниями, отражающими рост товарно-денежных отношений в недрах натурального хозяйства, пронизана и заключительная глава Домостроя («Послание и наказание от отца к сыну»), написанная в середине XVI в. протопопом Сильвестром. Сильвестр ставил себе в заслугу, что он отпустил всех своих «работных» на свободу, и советовал своему сыну поступать так же.

Среди привлеченных по делам о «еретиках» середины века был и холоп Феодосий Косой, которому еще до суда удалось бежать в Литву, где он ревностно распространял свое учение, выражавшееся в стремлении восстановить древнехристианскую общину с равенством ее членов и широкой взаимопомощью. Наряду с этим Феодосий Косой проповедовал равенство всех людей перед богом, независимо от их религии и национальной принадлежности. Он отрицал троичность божества и решительно восставал против обрядовой стороны религии. Епископов он называл «книжниками, фарисеями и лицемерами», попов — ложными учителями, идоловыми жрецами, церкви — кумирницами, кресты и иконы — идолами, службу церковную — идоловой службой. Феодосий Косой издевался над постом, умерщвлением плоти. Он отвергал монастыри и резко восставал против монастырского землевладения. При этом, в отличие от нестяжателей, Феодосий Косой требовал уничтожения всех монастырей, а не только «стяжательных»[3].

Пропаганда Феодосием Косым его радикальных идей, шедших гораздо дальше идей обычных «бюргерских» ересей, была в сущности выражением

---

[1] «Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев». ЛЗАК, вып. 10, СПб., 1895, отд. II, стр. 1—32.

[2] «Чтения ОИДР», 1847, кн. III, отд. 2, стр. 22; ААЭ, т. I, № 238, стр. 249.

[3] См. *Р. Г. Лапшина*. Феодосий Косой — идеолог крестьянства XVI в. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 240.

социального протеста, проявлением классовой борьбы. Сам Феодосий Косой был представителем низов посадского населения.

Деятельность Феодосия Косого и его сподвижников оказала большое влияние на развитие духовной жизни в городах Белоруссии и Литвы.

Процесс укрепления централизованного государства породил идею всемирно-исторического значения «Московского царства». С этим связана и идея союза церкви и светской власти, нашедшая свое выражение в Степенной книге, составленной в 60-х годах XVI в. В отличие от летописей, история русских земель изображалась в ней не путем погодных записей, подчас мало связанных между собой, а путем систематического изложения. Степенная книга представляла собой продуманную историю с той же политической тенденцией, что и Никоновский свод, но в ней еще резче подчеркивались взаимная связь и союз царя с церковью. Идея сотрудничества двух властей — светской и духовной — выражена уже в самой архитектонике книги. Степенной она называется потому, что изложение ее ведется по поколениям (степеням) русских государей, но наряду с биографиями государей описываются также жизнь и деяния бывших при них митрополитов. Подобные литературные произведения отражали политику государственной централизации.

В условиях ожесточенной внутриклассовой борьбы идеологи реакционного боярства стремились литературными средствами выразить свое отрицательное отношение к политике центральной государственной власти. Ярким примером может служить деятельность Корнилия, игумена Псково-Печерского монастыря, гнезда боярской оппозиции. В интересах реакционного боярства Корнилий в редакции Псковской летописи, составленной в монастыре, тенденциозно освещал исторические события XVI в. В летописи содержится ряд враждебных выпадов против Ивана Грозного, замалчивается роль Москвы в обороне Пскова от немецких и литовских феодалов, искажается история присоединения Пскова к Москве, многие другие события, связанные с псковско-московскими отношениями, освещаются с тех же позиций реакционного боярства[1].

Наиболее ярким выразителем интересов реакционного боярства выступил беглый боярин и государственный изменник князь Андрей Курбский. Убежденный противник самодержавной власти, Курбский стремится доказать, что только тогда может государь удачливо и с пользою править, если он советуется с «добрыми мужами», с «богом данными» советниками, «нарочитыми и избранными» русскими вельможами, поступает по указанию своего «синклита». В противном случае, если государь

---

[1] Подробнее об этом см. *А. Н. Насонов*. Из истории псковского летописания. «Исторические записки», кн. 18, стр. 262—266; *Н. Н. Масленникова*. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VIII, М.— Л., 1951, стр. 208—213.

поступает только по своей воле, государство неминуемо приходит в упадок. Курбский — принципиальный враг самодержавия; источник всех действительных и мнимых бед, обрушившихся на Русское государство, он видел в своеволии Ивана Грозного, в нежелании его советоваться и считаться с «синклитом»[1].

В своих ответных посланиях Курбскому Иван Грозный выдвинул свою теорию власти. Центральным пунктом программных высказываний царя Ивана было всестороннее обоснование самодержавия. Он старался подчеркнуть, что видит свою задачу в том, чтобы не допустить на Руси таких губительных для государства порядков, которые довели до гибели Византию и другие страны.

Опираясь на многочисленные исторические примеры, рисующие пагубность для страны порядков времен феодальной раздробленности, Иван Грозный требовал сосредоточения всей полноты власти в одних руках: «земля правитца... нами, своими государи, а не судьями и воеводы» Самодержцу принадлежит бесконтрольная и неограниченная власть над всеми своими подданными: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»[2].

Иван Грозный оправдывал преследования бояр их бесконечными изменами. Он вспоминал их злоупотребления в годы своего детства. С боярами нельзя покорить «прегордые царства»: они на войне занимаются грабежом вместо того, чтобы преследовать неприятеля; они вступают в бой, лишь бы подраться, никогда не думая о конечных целях похода Они все уклонялись от службы, а государственные поручения выполняли, как рабы, по принуждению, «не хотением, а паче же с роптанием»[3].

В переписке Ивана Грозного с Курбским были обобщены многие вопросы, которые давно волновали русскую общественно-политическую мысль. Обострение интереса к этим вопросам было далеко не случайным и обусловливалось той внутриклассовой борьбой, которая особенно разгорелась в середине XVI в. Передовые русские публицисты видели залог независимости страны и победы над многочисленными недругами только в государственном единстве, в сосредоточении всех сил под единым твердым руководством. Отсюда та страстность, с которой лучшие публицисты поддерживали самодержавие, игравшее в то время прогрессивную роль.

Научные знания

В связи с ростом производительных сил, с общим подъемом культуры в стране во второй половине XVI в. происходило дальнейшее накопление теоретических знаний и практических навыков в самых разнообразных отраслях науки и техники.

---

[1] РИБ, т. 31, стр. 171—172 и др.
[2] «Послания Ивана Грозного», стр. 30.
[3] Там же, стр. 48.

Иван IV. Портрет на дереве работы неизвестного русского художника конца XVI—начала XVII в.

Национальный музей в Копенгагене

Большое развитие в описываемое время получили технические знания в области каменного строительства, особенно связанные с возведением сложных сооружений — крепостных стен, башен и больших храмов. Шедевром такого рода, поражающим не только своими художественными достоинствами, но и точностью статических расчетов, является знаменитый храм Василия Блаженного в Москве, воздвигнутый в 50-х годах XVI в. Специалисты, исследовавшие конструкции и соотношение отдельных приделов, составляющих в совокупности храм Василия Блаженного, приходят к заключению, что строители опирались в своих расчетах на теоретические сведения из области механики и математики[1]. Такие сведения были необходимы и при выделке мощных орудий, действовавших при взятии Казани и в Ливонскую войну.

В описываемое время у русских ремесленных людей появляется потребность обобщить накопленные практические знания и технические навыки, зафиксировать их в виде письменных руководств. Об этом свидетельствует найденное близ Тотьмы письменное руководство солеваренного дела — «Роспись, как зачат делат новая труба на новом месте»,— составленное во второй половине XVI в. и служившее, повидимому, технической инструкцией. «Роспись» подробно касается организации бурения для добычи рассола (постройка 12—18-метровых вышек, снабженных блоками, массивной бабой и прочим оборудованием, устройство воротов и т. д.) и техники проходки, а также дает описание построек и инвентаря; тут же имеется наставление, как ликвидировать аварии. «Роспись» замечательна еще тем, что она содержит подробно разработанную техническую терминологию солеварения, включающую более 120 народных терминов, среди которых попадаются очень образные, например, «соха» (вышка), «векши» (блоки), «боран» (баба), «трезубы» (фрезовые колонки с шестью зубцами) и т. д.[2]

О развитии математических знаний в описываемое время свидетельствуют учебные пособия по арифметике, руководства по геометрии, предназначенные для писцов, которые занимались измерением земель различной конфигурации. Древнейшей из всех дошедших до нас русских геометрий является руководство писцам 1556 г. «с приложением землемерных начертаний, которое, видимо, некто знающий геометрию с вычетами плоскостей сочинил»[3]. В «Книге сошного письма» 1629 г. помещена составленная еще во второй половине XVI в. статья «О земном же верстании, как земля верстать», в которой даны указания (с чертежами), как исчислять площадь квадратов, треугольников, прямоугольников, параллелограммов, трапеций[4]. Математические расчеты, связанные с измерением земли,

---

[1] *Т. Райнов.* Наука в России XI—XVII вв. М.— Л., 1940, стр. 139—142.

[2] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 573—575.

[3] *В. Н. Татищев.* Судебник... Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы. М., 1768, стр. 76.

[4] «Временник ОИДР», кн. 17, М., 1853, Смесь, стр. 55—65.

встречаются и в известном трактате Ермолая-Еразма «Благохотящим царем правителница и землемерие».

Далеко шагнули вперед в третьей четверти XVI в. географические познания русских людей. С середины XVI в. в связи с присоединением Казани и Астрахани начали налаживаться правильные и постоянные сношения Руси со странами Средней Азии и Северного Кавказа.

В 1558—1561 гг. Константинополь, Иерусалим, Египет и Афон посетило русское посольство, главе которого, купцу Василию Познякову, приписывается составление «Хождения», переделанного впоследствии в популярное описание путешествия Трифона Коробейникова на Восток.

С 50-х годов XVI в. начались правильные морские сношения с Англией через Северный Ледовитый океан. Еще в 1525 г. известный русский дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов высказывал убеждение в возможности проникнуть в Китай и Индию северным водным путем. Мысли Дмитрия Герасимова насчет северного пути в Индию были изложены в трактате Павла Иовия Новокомского о России, который он написал со слов русского дипломата. Соображения Герасимова произвели огромное впечатление в Западной Европе, вызвали широкие отклики в Англии и Голландии и, по некоторым данным, послужили толчком к организации экспедиции в Баренцево море Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслера для отыскания северо-восточного прохода в Индию[1]. В самой России нашлись люди, готовые реализовать грандиозный проект открытия морского пути в Индию через северо-восточный проход. В донесении о России неизвестного итальянца, написанном в 50-х годах XVI в., сообщается, что для поощрения этих людей Иван Грозный «назначил большие награды, в надежде, с открытием пути, ускорить водное сообщение [с Китаем и Индией], отчего сильно возрастут таможенные сборы и пошлины, а цены на пряности, которые его москвитяне употребляют в большом количестве, значительно понизятся»[2].

В описываемое же время развивалась русская картография. В предисловии к «Книге Большого Чертежа» 1627 г. указывается, что материалом для составления другого, старого чертежа послужила разрядная роспись, составленная «давно, при прежних государях». Эта разрядная роспись, возможно, была связана с работами по укреплению южной границы Русского государства. В царском архиве в 1572—1575 гг. хранились «чертеж и списки украинных городов», «чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостям», «Чертеж Себежской и Гуменской», «Чертеж Лукам Великим и Псковским пригородкам с литовским городом с Полотцком», «Чертеж Ливонским городам и чертеж Колыванской» и другие. К XVI в. восходят также многочисленные карты, упоминаемые в описи дел Посольского приказа 1614 г. Следовательно, при составлении «ста-

[1] *Л. С. Берг.* Очерки по истории русских географических открытий. М.— Л., 1949, стр. 12—15.

[2] *В. И. Огородников.* Донесение о Московии второй половины XVI века. «Чтения ОИДР», 1913, кн. II, отд. III, стр. 21.

рого чертежа» был использован целый ряд карт, составленных по разным поводам в течение всего XVI в. и особенно во второй половине столетия[1].

Большие успехи в рассматриваемое время были достигнуты в области исторических знаний. Грандиозные историко-литературные начинания этого времени были проникнуты одной идеей — идеей укрепления самодержавия, усиления его союза с церковью, ликвидации удельных пережитков. Эти мероприятия были связаны главным образом с деятельностью митрополита Макария. К числу этих мероприятий относится объединение русских «святых» в едином пантеоне, создание в связи с этим многочисленных житий, созыв Стоглавого церковного собора 1551 г., постановления которого были изложены в особой книге, создание Четей-Миней, Никоновского летописного свода, Степенной книги и др.

Все новые жития «святых», составленные в это время, отличались общностью стилистической манеры, что отражало стремление уничтожить пережитки былой обособленности присоединенных земель. Торжественный язык новых житий соответствовал блеску и пышности московского двора.

Четьи-Минеи представляли собой обширнейшее «собрание всех книг, чтомых на Руси». Они содержали 27 тысяч страниц, тщательно переписанных от руки на специально подобранной хорошей бумаге и художественно раскрашенных. В Четьи-Минеи вошли книги «священного писания» с толкованиями, жития «святых», из которых многие были написаны или переделаны специально для Четей-Миней, разные сочинения «отцов церкви», а также сочинения деятелей русской церкви. Нашли свое место в Четьях-Минеях и сборники, пользовавшиеся большим распространением на Руси,— «Пчела», «Золотая цепь», а также «Иудейская война» Иосифа Флавия, путевые очерки и светские новеллы. Наконец, в Четьи-Минеи были включены Кормчие, монастырские уставы, акты и грамоты.

Весь этот разнообразный материал располагался по месяцам. Каждый из 12 фолиантов Четей-Миней соответствует определенному месяцу (отсюда и их название: мине по-гречески — месяц) и разбит по дням. В день каждого «святого» дано его житие и другой подходящий для чтения материал.

Чтобы выполнить эту огромную работу, понадобился целый коллектив писателей, редакторов, художников, переписчиков, работавших в течение двадцати с лишним лет.

Более двадцати лет продолжалась работа и над созданием так называемого Лицевого (т. е. иллюстрированного) Никоновского летописного общерусского свода. Составители свода использовали все старые летописи, но переработали их в соответствии со своими политико-публицистическими установками. Новая летопись, по замыслу ее авторов, должна была показать историю возвеличения Москвы под эгидой ее славной, «богохранимой» династии, представители которой ведут страну к благоден-

---

[1] *К. Н Сербина.* Источники книги Большого Чертежа. «Исторические записки», кн. 23, стр. 293, 295, 299—300.

ствию, и дать историю всего Русского государства во всемирно-историческом плане. История Москвы — это история мировой державы, являющейся конечным результатом развития всего человечества, судьбы которой тесно связаны со всемирно-историческим процессом. Царь Иван Васильевич — это не просто продолжатель славных дел своих предков — великих князей московских, но достойный преемник и прямой потомок римских и византийских императоров.

Идея единства царской власти и церкви ярко прослеживается в составленной после взятия Казани Царственной книге, где в центре внимания находилась личность молодого царя Ивана, действующего в самом тесном единении с митрополитом Макарием.

Идея тесного союза церкви и светской власти определяет и концепцию Степенной книги, составленной по указанию митрополита Макария.

Замечательным историческим трудом является и написанная в 60-х годах XVI в. «История о Казанском царстве», или Казанский летописец[1]. В литературном отношении Казанский летописец обладает многими достоинствами, отсутствующими в Никоновском летописном своде и в Степенной книге. По собственному заявлению автора Казанского летописца, он уже в зрелом возрасте попал в плен к татарам и прожил около двадцати лет в Казани, откуда был освобожден победоносными русскими войсками после взятия ими города[2]. Наблюдательный и впечатлительный, он с большим драматизмом и литературным мастерством описал жизнь татарской столицы в последние годы ее независимости, раздиравшие ее бурные политические столкновения, внутреннюю борьбу различных групп феодалов, утонченную жестокость и коварные козни ее правителей, неслыханные страдания русских полоняников и многое другое, чему он сам был свидетелем. Попутно он приводит массу любопытных этнографических материалов, рисующих быт, нравы и поверья татарского населения. Автор Казанского летописца, кроме личных наблюдений, широко использовал и литературные источники, в том числе Степенную книгу и Никоновский летописный свод.

Следуя этим источникам, автор Казанского летописца проводит единую идею и концепцию. Умело компануя материал, автор дает широкую историю русско-татарских отношений, причем основной идее повествования подчинены как крупные, так и мелкие подробности истории Казанского ханства. Уже в самом начале «Истории Казанского царства» подчеркивается, что «Казанский юрт» — изначала «русский юрт», и что только «неправдой» люди казанские отделились от Руси. Завершается Казанский летописец подробным описанием осады Казани в 1552 г., ее взятия Иваном Грозным и торжества, которым сопровождалось возвращение царя Ивана в Москву.

---

[1] ПСРЛ, т. XIX; «Казанская история». М.—Л., 1954.

[2] Точное его имя неизвестно: см. *Г. Н. Моисеева*. Автор «Казанской истории». «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, М., 1953, стр. 277 и др.

Таким образом, заключительные главы имеют своей целью показать, как при Иване Грозном была исправлена историческая несправедливость, которая была допущена отделением казанцев от остальной России.

Эту историческую заслугу автор Казанского летописца целиком приписывает Ивану Грозному, которому при покорении Казани приходилось преодолевать сопротивление феодальной знати и прямых изменников из среды вельмож. В этом отношении Казанский летописец смыкается с передовой русской публицистической литературой XVI в. и особенно с произведениями Ивана Пересветова.

Идеи передовых русских публицистов, разработанная в Никоновском летописном своде и Степенной книге концепция величия и «святости» царской власти, в конечном счете, выражали интересы широких слоев господствующего класса и имели целью укрепить аппарат централизованного Русского государства, олицетворением чего и являлось самодержавие. При всех ссылках на Рим, Византию и другие страны, на международную роль Русского государства эти идеи преследовали прежде всего задачи внутреннего укрепления страны, где господствующий класс феодалов нуждался в сильной государственной власти для удержания в узде эксплуатируемого большинства населения. В летописях того времени обильно используются выписки из посольских книг и другие документы Посольского приказа (грамоты, отписки, послания, выписки из разрядов и т. п.), официальные записи речей царя, митрополита Макария и других лиц[1]. Все это в известной мере придавало русскому летописанию значение хранилища разнородных документов и вместе с тем усиливало тенденциозную его направленность, отражая стремление к укреплению самодержавной власти. Недаром такие видные политические деятели того времени, как Алексей Адашев и дьяк-печатник Иван Висковатый, были редакторами Лицевого Никоновского свода и широко использовали для его составления официальные архивы. В составлении летописного свода принимал непосредственное участие и сам Иван Грозный.

Рост экономических связей внутри страны, чрезвычайно оживившиеся во второй половине XVI в. торговые сношения с иностранными государствами вызвали появление «Торговой книги»[2]. По богатству, разнообразию и достоверности содержащихся в «Торговой книге» сведений она представляет собой выдающийся для своего времени экономический труд.

Расширение кругозора образованных русских людей второй половины XVI в. сказалось на появлении Азбуковников — своеобразных энциклопедий, содержащих разнообразные естественно-научные, философские,

---

[1] Подробнее об этом см. *Д. С. Лихачев.* Русские летописи в их культурно-историческом значении. М.— Л., 1947, стр. 362 и сл.

[2] «Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества», т. I, СПб., 1851, отд. III, стр. 114—139.

географические, этнографические, филологические и прочие сведения, расположенные в алфавитном порядке.

В отличие от более ранних Азбуковников, преследовавших главным образом цель толкования непонятных слов, Азбуковники второй половины XVI в. приобретают уже совершенно другой характер, охватывая различные области знания. Самые толкования слов приобрели в Азбуковниках XVI в. более глубокий характер, превратившись в критику невежественных переводчиков и переписчиков, «не ведуща силы слова» и не разбирающих «тонкости иностранных речей». Далее, в отличие от предшествующих рукописей с естественно-научными сведениями, имевших своей целью исключительно нравоучительное их толкование в духе господствовавших религиозных представлений, Азбуковники второй половины XVI в. стремились прежде всего удовлетворить возросшую любознательность и умственные запросы русских читателей

Итак, во второй половине XVI в. расширяется умственный кругозор культурных деятелей того времени, растет интерес к технике, к знанию.

С ростом национального самосознания и хозяйственными и политическими успехами России русские писатели начали бороться за чистоту русского языка, против засорения его иностранными словами даже из родственных языков. Известный сотрудник Максима Грека Нил Курлятов в предисловии к переводу Псалтыри, сделанному в третьей четверти XVI в., замечает: «А прежние переводницы (переводчики.— *Ред.*) нашего языка известно (как следует.— *Ред.*) не знали, и они перевели ино гречески, ино словенскы, и ино сербски, и другая болгарскы, их же не удовлишася преложити на русский язык».

Школа и просвещение

Хозяйственные и политические успехи, достигнутые русским народом в последних десятилетиях XV в. и на протяжении всей первой половины XVI в., оказали заметное влияние на распространение грамотности и просвещения среди разных слоев русского общества, культурное развитие которого было задержано татарским игом. Третья четверть XVI в. характеризуется таким замечательным достижением культуры, как появление книгопечатания, дальнейшим развитием школьного дела, составлением руководств по различным отраслям знания, созданием капитальных исторических трудов, расцветом публицистической литературы. Однако благами культурного развития пользовались, преимущественно, господствующие слои населения и население города в большей мере, чем деревни. Принято считать, что, поскольку постановление Стоглавого собора 1551 г. об основании школ не было выполнено, Россия и во второй половине XVI в., как и до этого, школ не имела. Мнение это основано на явном недоразумении. Русские школы существовали и до Стоглавого собора, и после него, хотя организация их носила своеобразный характер, и содержались они частными «мастерами». Стремясь поднять значение духовенства и намечая различные церковные реформы, Стоглавый собоу

предложил открыть не школы вообще, а училища для подготовки священников, где специально подобранные для этой цели «добрые духовные» священники, дьяконы и дьяки должны были обучать детей «страху божию и грамоте, и писати, и пети, и чести», чтобы им «достойным быти священническому чину»[1].

Невыполнение этого постановления означало только провал одного из намечавшихся церковной иерархией мероприятий для укрепления авторитета русского духовенства и мало отразилось на общем ходе развития русского просвещения. Священников продолжали готовить попрежнему, и в XVI—XVII вв. они были почти сплошь грамотны. Священники составляли большинство «мастеров», обучавших грамоте; только среди черного духовенства имелся некоторый процент неграмотных[2]. Высокий процент грамотности наблюдался среди боярства, высших слоев дворянства и купечества[3]; грамотность была распространена и среди посадских людей. Грамотные крестьяне в XV—XVII вв. вовсе не представляли исключительного явления[4], хотя, конечно, среди них наблюдалась лишь элементарная грамотность. Тяжелое положение народных масс препятствовало распространению в их среде широкой образованности.

Во второй половине XVI в., насколько можно судить по скудным источникам, уровень преподавания поднялся, что нашло, в частности, свое выражение в успехах русской грамматики. Если раньше главным источником грамматических знаний на Руси служило рассуждение «о восьми частях слова», приписываемое Иоанну, экзарху болгарскому, то в описываемое время большим распространением пользовались грамматические труды Максима Грека. В этих трудах, имевших главной целью доказать ошибки того или иного перевода из «Священного писания», русские читатели находили первые образцы филологической критики текста. М. Грек, кроме того, затрагивал и чисто грамматические, в том числе и синтаксические вопросы (об употреблении предлогов, союзов и т. д.). Помимо его трудов в обращении находилось много и анонимных рукописных руководств по грамматике[5], где преподносились сведения по

---

[1] «Макарьевский стоглавник», стр. 61.

[2] *А. И. Соболевский.* Образованность Московской Руси XV—XVII веков. 2 изд., СПб., 1894, стр. 5—7.

[3] Из 22 бояр, скрепивших грамоту об избрании Бориса Годунова на царство в 1598 г., собственноручно подписали ее 18 чел., из 15 окольничих — 13, из 42 стольников — 36, из 98 дворян—64, из 40 жильцов — 38, из 28 гостей — 21. А. И. Соболевский отмечает, что вообще «между московскими торговыми людьми XV—XVII веков грамотность была обычным явлением» (там же, стр. 9—10).

[4] Там же, стр. 11—12.

[5] «Начало грамоты греческой и русской»; «Предисловие о буковнице, рекше о азбуце»; «Беседа о учении грамоте: что есть грамота и что ее строение, и чесо ради составися такое учение и что от нее приобретение и что прежде всего учитися подобает»; «Сказание грамотичным степенем, до колика степеней азбучной слог восходит»; «О верхней силе елиньской» (о надстрочных значках) и т. д.

орфографии, классификации гласных и согласных, данные о просодиях (надстрочных знаках и знаках препинания), а также общие сведения по морфологии и синтаксису языка[1]. Первая печатная русская грамматика была издана первопечатником Иваном Федоровым в 1574 г. во Львове[2].

Во второй половине XVI в. незнание грамматики рассматривалось как невежество. Первопечатник Иван Федоров в 1574 г. называл своих московских врагов злонравными, неискушенными в разуме людьми, «ниже грамматики хитрости навыкше». А в одном из Азбуковников конца XVI в. отмечается, что грамматика есть «основание и подошва всяким свободным хитростям»[3].

Примерно в это же время в школьный обиход начало внедряться и преподавание арифметики. Именно в XVI в., скорее всего, во второй половине столетия, появляется первая русская арифметика[4], хотя, конечно, задолго до этого практические арифметические знания были широко распространены среди духовенства и посадского населения. В рукописях второй половины XVI в. фигурируют русские меры, приводятся примеры из русской жизни и преподносится русская же система устного исчисления.

Различались две системы исчисления — простая («малое число») и более сложная («число великое словенское»). Первая различала единицы, десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч или тьмы, сотни тысяч или легионы и миллионы или леодры. Во второй системе некоторые из этих терминов употреблялись уже в другом значении: «тьма» означала миллион, «легион» — триллион, «леодр» — легион легионов (триллион триллионов) или септиллион и, наконец, «ворон» — леодр леодров, т. е. число, состоящее из 49 цифр.

В описываемое время в арифметических рукописях впервые рассматриваются действия с дробями, хотя с понятием дроби оперировали уже в XI в. В арифметиках XVI в. числитель назывался «верхним числом», а знаменатель — «исподним числом». В примерах практиковалось сокращение дробей. Тут же излагалось тройное правило («строка тройная»), которое широко практиковалось при решении разнообразных задач на темы, касающиеся торговли и ссудных операций[5].

Во второй половине XVI в. на Руси существовало, по крайней мере, два типа школ — в одних дело ограничивалось преподаванием простой

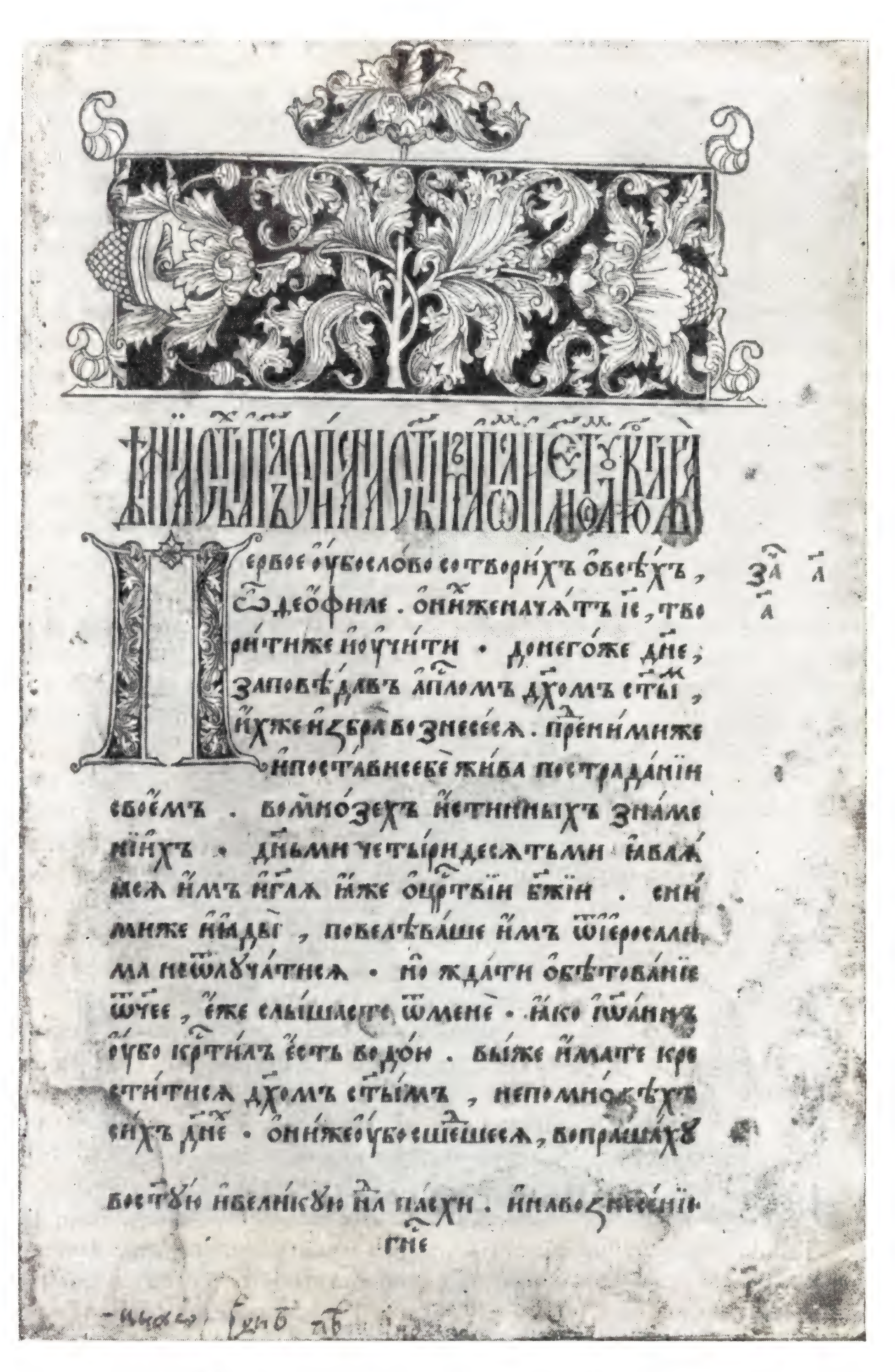
[1] *С. К. Булич.* Очерк истории языкознания в России, т. I, СПб., 1904, стр. 151—155.

[2] «Советская культура», № 141, 25 ноября 1954.

[3] *П. Ф. Каптерев.* История русской педагогики, изд. 2, Пг., 1915, стр. 75; *А. И. Соболевский.* Указ. соч., стр. 21.

[4] «...Книга рекома по гречески Арифметика, а по немецки Алгоризма, а по русски цыфирная счетная мудрость» (*В. Н. Каразин.* Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 г.) профессора Баузе. «Чтения ОИДР», 1862, кн. II, отд. V, стр. 60).

[5] *Т. Райнов.* Указ. соч., стр. 192—194.

Первое оубо слово сотворихъ о всѣхъ, зач а
о ѳеофиле. о нихже начатъ іс, тво а
рити же и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра вознесесѧ. пред нимиже
и постави себе жива по страданіи
своемъ. во мнозехъ истинныхъ знаме
ніихъ. дньми четыредесѧтьми явлѧ
сѧ имъ и глѧ иже о цртвіи бжіи. сни
миже и ядше, повелѣваше имъ ѿ иерсалим
ма не ѿлучатисѧ. но ждати обѣтованіе
ѿчее, еже слышасте ѿ мене. яко іѡаннъ
оубо крстилъ есть водою. вы же имате кре
ститисѧ дхомъ стымъ, не по мнозѣхъ
сихъ днехъ. они же оубо сшедшесѧ, вопрошахꙋ

во стꙋю и великꙋю нлю пасхи. и на вознесеніи
гне

Лист из первопечатного «Апостола» 1564 г.

грамоты, Часослова, Псалтыри, в других же, после усвоения этих предметов, учащиеся переходили на более высокую ступень обучения и изучали грамматику, арифметику, а, может быть, некоторые другие предметы.

Школы того времени не могли дать специальных знаний, для приобретения которых принимались особые меры. В частности, государственная власть, нуждавшаяся ввиду расширения дипломатических связей с иноземными государствами в образованных деятелях, которые знали бы иностранные языки, посылала молодых русских людей заграницу специально для обучения языкам. В январе 1551 г. Иван Грозный писал константинопольскому патриарху Дионисию, что послал к нему своего «паробка» Обрюту Михайлова сына Грекова для обучения его «грамоте греческой и языку». Одновременно царь писал в Афонский Пантелеймонов монастырь, на случай, если бы патриарх отослал туда учиться Обрюту. Последний находился в Константинополе до 1558 г. и потом служил в Москве толмачом. Около 1582 г. еще двое русских юношей — Грязнуша Ушаков и Федор Внуков — обучались греческому языку у константинопольского патриарха Иеремии. В 1594 г. к тому же Иеремии с послом Истленевым «для наученья греческому языку и грамматике» был послан «малой Тараско Елизарьев». За счет государства в 1573 г. обучал шведскому языку двух русских юношей шведский толмач в Москве.

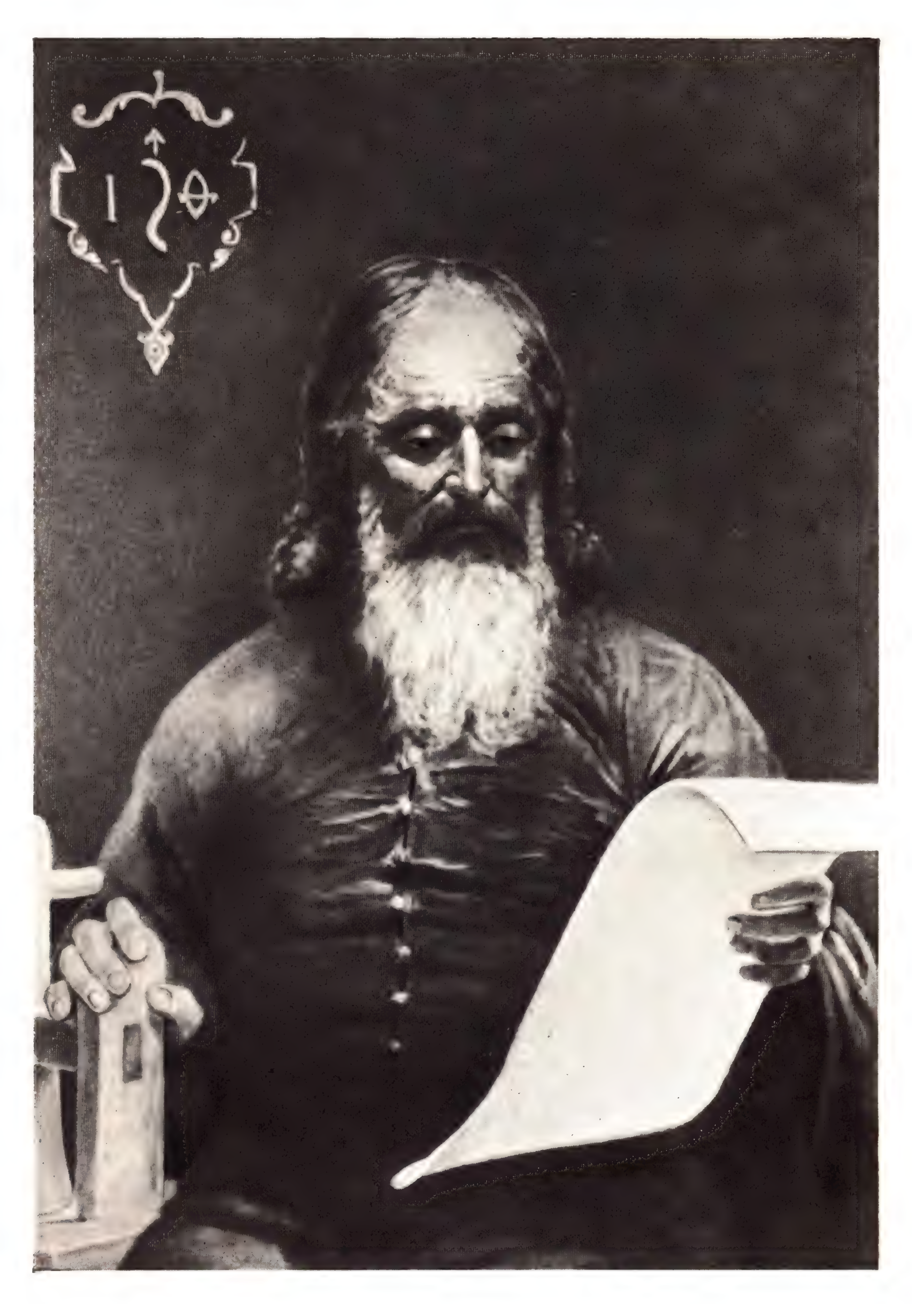
Интерес к изучению иностранных языков проявляли и частные лица. «Пашенный человек» из Колы Петр Лукьянов в 1592 г. «своею волею» отправился на корабле с брабантскими купцами в Данию для взыскания долга и заодно «для науки неметцково языка». Претерпев в Дании много мытарств, он потом вернулся на родину[1].

Огромной важности событием в истории просвещения, в распространении знаний, в истории русской культуры было появление книгопечатания.

1 марта 1564 г. вышел «первопечатный» Апостол. Отпечатанный красивым и четким шрифтом, украшенный многочисленными заставками и иллюстрациями, исполненными с большим художественным вкусом, стоявший на уровне самой высокой типографской техники своего времени, Апостол явился выдающимся памятником книгопечатания. Чтобы выполнить этот труд с таким совершенством, не допустив, кстати, ни одной опечатки, создатели его, Иван Федоров и Петр Мстиславец, должны были, несомненно, обладать опытом типографского дела. Имеются положительные данные о том, что Апостол 1564 г. не был первой печатной книгой на Руси, что и до этого в Москве вышло уже несколько печатных изданий.

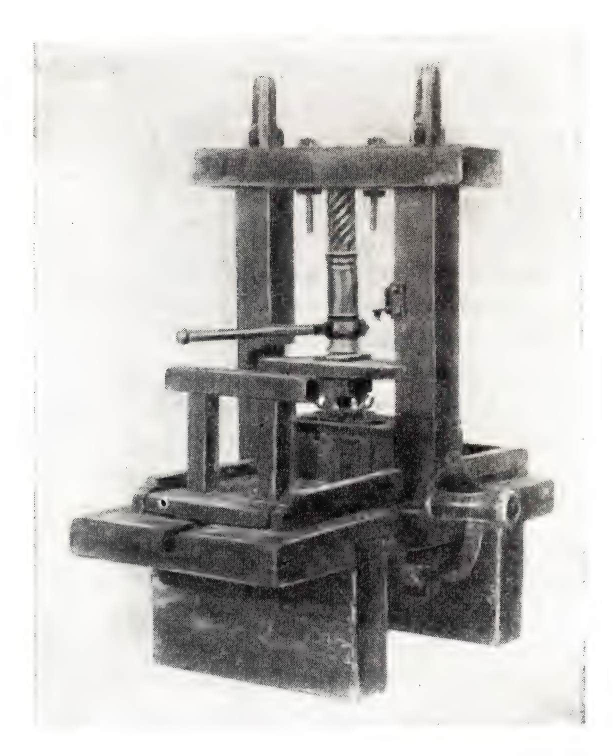
---

[1] *В. Савва.* Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI в. «Сборник статей в честь Владислава Петровича Бузескула». Харьков, 1913—1914, стр. 151—162.

Иван Федоров. Портрет маслом на медной доске работы С. И. Томасевича начала 1900-х годов

Государственный Исторический музей в г. Львове

Модель печатного станка XVI в.
Государственный Исторический музей.

В «Послесловии» к Апостолу 1564 г. сообщается, что «изыскивати мастерства печатных книг» начали еще с 1553 г. О том, что уже вскоре после этой даты встречались на Руси печатные мастера, свидетельствует грамота новгородским дьякам 1556 г. об оказании содействия в получении разноцветного камня особой породы «мастеру печатных книг» некоему Маруше Нефедьеву[1].

Имеются, далее, сведения, что первыми московскими печатными изданиями, вышедшими до Апостола Ивана Федорова и Петра Мстиславца, были Постная Триодь и два Евангелия без выходных листов.

Уже в 1557 г. в соборной церкви города Коломны находилась, по данным писцовой книги, печатная Постная Триодь, а на одном из ранних печатных Евангелий, вышедшем, судя по бумажным знакам, между 1551 и 1558 гг., имеется надпись о том, что его положили в храм св. Георгия в Лампожне 23 апреля 1563 г.[2]

Не прекратилось книгопечатание и после отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца в Литву. В 1568 г. в Москве вышла книга Псалтырь, напечатанная Андроником Тимофеевичем Невежею и Никифором Тарасиевым.

В 70-х годах типография была перенесена в Александровскую слободу, где действовал тот же Андроник Невежа. Всего во второй половине XVI в. было издано около 20 печатных книг, причем Апостол 1597 г. вышел огромным для того времени тиражом в 1050 экземпляров[3].

Одни эти цифры показывают, какое большое значение в культурной жизни страны имело введение книгопечатания. Устройство типографии

---

[1] ДАИ, т. I, № 96, стр. 148.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания. «Ученые записки МГУ», вып. 41, 1940, стр. 81—95.

[3] *И. В. Новосадский.* Возникновение печатной книги в России XVI в. Сб. «Иван Федоров Первопечатник», М.—Л., 1935, стр. 43—44.

в Москве оказало большое влияние и на распространение печатных книг на Украине, где московские печатные мастера развили широкую деятельность.

г) Архитектура и изобразительное искусство

Архитектура

Русское искусство второй половины XVI в. также свидетельствовало о подъеме русской культуры.

Архитектурные сооружения XVI ст. отличаются большим богатством и своеобразием форм. Глубокая связь с истоками народного зодчества обогатила архитектуру этого времени. Несмотря на увеличение числа каменных построек, деревянная архитектура и в этот период продолжала оставаться господствующей.

Русская деревянная архитектура стояла на высоком художественном и техническом уровне и обладала вполне сложившимися национальными чертами.

В деревянной архитектуре вырабатывались композиции зданий, отвечавшие бытовым запросам и художественным вкусам русского народа. Поколения зодчих-плотников совершенствовали свои композиционные и конструктивные приемы, вырабатывали определенные типы зданий, среди которых находились однорубные или трехсрубные жилые постройки, сложные комплексы дворцовых помещений, шатровые церкви.

Хоромы именитых купцов Строгановых в Сольвычегодске, датируемые 1565 г., представляли (судя по рисунку XVIII в.) трехэтажное здание, покрытое двухскатной крышей. Высокая башня (около 30 метров) возвышается на одном конце здания. Крыльца с бочечными крышами, шатровые верхи башен составляли сложный силуэт с причудливыми резными украшениями[1].

Излюбленной формой покрытия деревянных культовых сооружений являлся шатер. Он придавал зданию высоту и хорошо гармонировал с русским равнинным пейзажем. Деревянные шатровые церкви послужили тем прообразом, на основе которого был выработан в XVI в. глубоко национальный тип башнеобразных каменных церквей.

В строительной практике наблюдалось взаимодействие церковного зодчества с крепостной архитектурой; так, в частности, крепостные башни обнаруживают родство с церковными сооружениями.

Шатровые храмы, такие, как церковь Вознесения в селе Коломенском, многостолпный храм в Дьякове, появившиеся еще в первой половине XVI в., и Покровский собор в Москве (храм Василия Блаженного) являются сооружениями, где ярко сказалось своеобразие национальных черт русской архитектуры.

---

[1] Подробнее см. *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских царей, т. I, ч. 1, стр. 757—759.

Деревянная церковь в селе Уне Архангельской области, 1501 г.

Церковь Вознесения в селе Коломенском была выстроена в 1532 г. Василием III в честь рождения сына, будущего Ивана IV. Из всего характера этого выдающегося сооружения явствует, что строил его русский зодчий по образцу деревянных построек («на деревянное дело»)[1].

Живописно расположенная на берегу Москва-реки церковь в Коломенском как бы вырастает из высокого холма. По своей высоте (около 62 метров) она превосходила все предшествующие сооружения. Возвышаясь на подклете, с открытой террасой-гульбищем, обходящей вокруг всей церкви, необычайно четкая и ясная в плане, церковь Вознесения дает образец большой художественной простоты и конструктивной смелости.

Цельность этого архитектурного образа и большая сила эмоционального воздействия, органическая связь с окружающей природой позволяют отнести это сооружение к числу величайших памятников мирового зодчества. Именно с этого времени для русской монументальной архитектуры становится характерным тип стройной высотной композиции, блестящим образцом которой является церковь Вознесения.

В 1547 г. близ села Коломенского в Дьякове была построена церковь Иоанна Предтечи. Пятистолпный храм с массивным столпом в центре, с ярусами кокошников своей композицией предвосхищал выдающееся творение XVI в. — собор Василия Блаженного.

Собор Василия Блаженного, построенный русскими зодчими Бармой и Постником в ознаменование взятия в 1552 г. Казани, состоит из девяти башен-церквей, поднимающихся над цокольным этажом — подклетом и соединенных между собой галереей, идущей вокруг центрального столпа храма. Над всей композицией господствует центральный восьмигранный столп, увенчанный шатром.

Здание выстроено из кирпича, фундамент, цоколь и некоторые архитектурные детали выполнены в белом камне. К более позднему времени также относится постройка колокольни, северных и южных крылец. Первоначально собор не имел той пестрой окраски, которая сейчас снаружи и внутри покрывает его стены.

План собора свидетельствует о связи его с деревянным зодчеством. Так, восьмигранные формы башен, типичные для деревянных срубов, господствуют и здесь.

Живописная композиция девяти башен Покровского собора являет собой апофеоз русского шатрового стиля. Русские зодчие Барма и Постник с большой художественной выразительностью запечатлели глубоко национальные черты в этом памятнике. Отсюда оптимизм и идейная ясность, отличающие это сооружение.

Государственное строительство во второй половине XVI в. при обширных масштабах носило планомерный, продуманный характер.

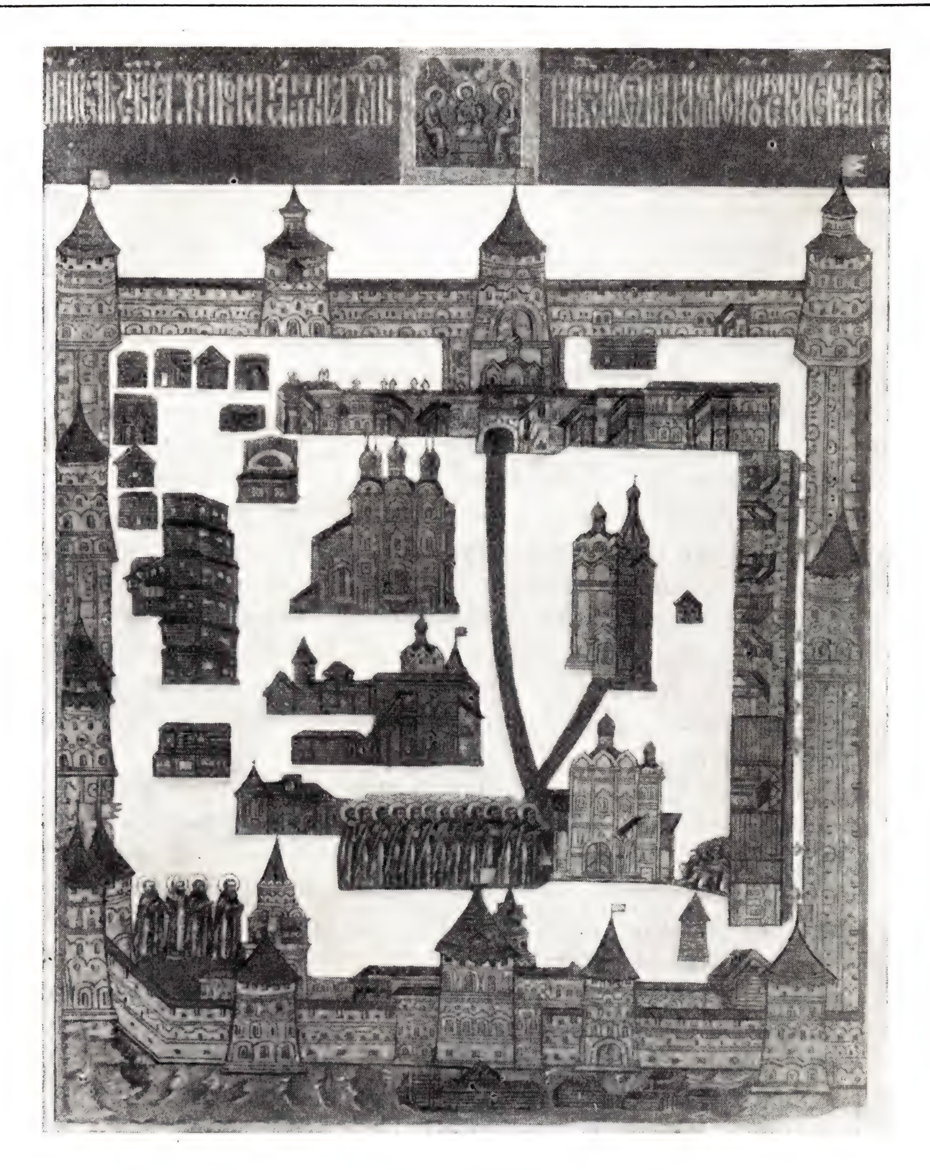
[1] *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. «Исторические записки», кн. 10, стр. 88.

Церковь Вознесения в селе Коломенском под Москвой. Построена в 1532 г.

Собор Василия Блаженного в Москве. Построен в 1555—1560 гг.

Стены Троице-Сергиева монастыря, 40 — 50-е годы XVI в. Изображение на иконе XVII в.

Загорский историко-художественный музей-заповедник.

Многочисленные монастыри превращались в опорные пункты, военные крепости. В оборонительную систему как крайний форпост Русского государства на Севере вошел Соловецкий монастырь. Архитектура этого монастыря поражает своей массивностью и грандиозностью. Преображенский собор Соловецкого монастыря, выстроенный в 1558 г., выглядит крепостью. Громадный по своим масштабам, он свидетельствует о том, что задачам обороны строители этого архитектурного комплекса уделяли основное внимание.

Укреплялись Троице-Сергиев монастырь, Волоколамский и др. Большое значение было уделено в 40—50-х годах строительству стен Троице-Сергиева монастыря. Ансамбль этого монастыря складывался на протяжении XV — XVIII вв. Ко времени Ивана Грозного относится сооружение стен и Успенского собора (1559—1586).

Последующий ход истории со всей очевидностью показал, насколько дальновидна была политика военного строительства монастырей — крепостей Русского государства в XVI в. У стен монастырей враги не раз встречали достойное сопротивление[1]. Грандиозная строительная деятельность требовала большого количества рабочей силы. В связи с этим в 80-х годах был создан специальный «Приказ каменных дел». Организация «Приказа» изменила строительную практику и значительно ускорила осуществление больших по своему масштабу работ. «Приказ каменных дел» заботился о своевременном вызове рабочих из посадов к месту строительства и вел заготовку строительных материалов. Одной из первых работ, проводимых «Приказом», было возведение в 1586 г. третьей линии каменных укреплений Москвы для защиты слобод, широко раскинувшихся вокруг Кремля и Китай-города. Работы продолжались семь лет. С окончанием их столицу по линии нынешних бульваров (Гоголевский, Суворовский, Тверской и т. д.) опоясали каменные стены, названные Белым городом.

Белый город являлся мощной крепостью, свидетельствующей о большом прогрессе русского фортификационного искусства. Строителем его был Федор Конь, выдающийся русский каменных дел мастер конца XVI в., с именем которого связана постройка укреплений Смоленска, названных Годуновым «ожерельем» России. На их строительство было собрано со всей страны около шести тысяч рабочих и три тысячи подвод для перевозки материалов. На сооружение Смоленского кремля пошло сто миллионов штук кирпича, несколько сот тысяч пудов железа и других материалов. Такой колоссальный объем строительства стал возможен лишь благодаря государственной централизации строительного дела. Крепостные стены Смоленска общей протяженностью в 6,5 км имели в среднем высоту около 10 метров при толщине до 5 м; 38 трехъярусных башен, до 22 метров в высоту, были включены в стены.

Простые и монументальные стены Смоленского кремля отличались тщательной отделкой архитектурных деталей и свидетельствовали о высоком художественном мастерстве Федора Коня и его помощников. Прочность смоленских крепостных сооружений имела немаловажное значение во время героической обороны Смоленска в годы иностранной интервенции начала XVII в.

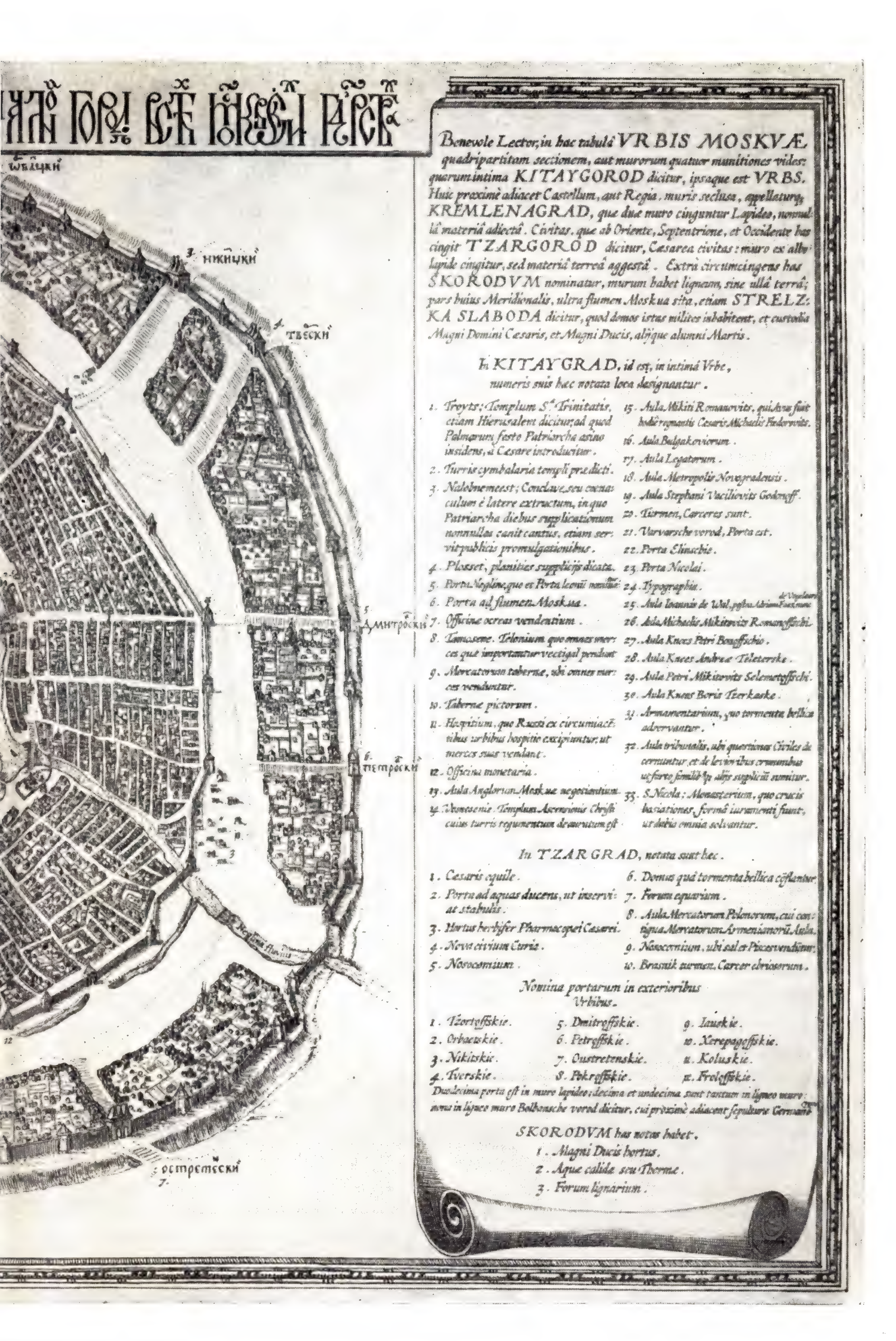
К этому времени Москва становится мощной, хорошо укрепленной крепостью, где три концентрических линии укреплений со 120 крепост-

---

[1] См. об обороне Троицкого монастыря в 1608—1610 гг. ниже, в главе 3 настоящего издания.

Петров план Москвы 1.

Москвы 1597—1600 гг.

б
р
ч
н
б
р
с
а
и
к
в
г
х
в

Крепостная стена Зарайского кремля 1531 г.

ными башнями представляли внушительную оборонительную преграду. Сооружение крепостей, постройка каменных стен вокруг монастырей, особенно тех, которые по своему пограничному положению могли играть роль военных оборонительных пунктов, свидетельствовали о больших государственных мероприятиях, осуществляемых правительством.

В конце XVI в. церковное строительство продолжало занимать значительное место в русской архитектуре. Борисом Годуновым в придворной усадьбе в Вязёмах в конце XVI в. закладывается великолепная белокаменная церковь во имя св. Троицы (позднее храм стал именоваться «Преображенским»). Приподнятая на высокий подклет с широкими террасами, вязёмская постройка представляет такой тип здания, где, несмотря на наличие традиционных черт, свойственных предшествующей архитектуре (пятикупольное завершение, ярко выраженные абсиды и т. д.), уже выступает то своеобразие, которое отличает постройки конца XVI в.

План вязёмской церкви близок к планам шатровых памятников конца века, где большую роль играют высокие подклеты, широкие террасы-гульбища, иногда окружавшие памятник со всех сторон. Этими чертами характеризуются постройки, относящиеся к последнему десятилетию века, такие, как церковь в усадьбе Симеона Бекбулатовича (село Кушали-

Колокольня Ивана Великого в Московском кремле, 1600 г.

но близ города Калинина), Георгиевская церковь Владычного монастыря города Серпухова, построенная вскоре после похода против татар в 1598 г.

Наиболее крупным и значительным шатровым памятником начала XVII в. является Борисоглебская церковь Борисова городка (близ Можайска), выстроенная в 1603 г. Она представляла грандиозное сооружение в 72 метра. Не сохранившаяся до нас Борисоглебская церковь свидетельствует о том большом мастерстве русских строителей, которые в конце XVI в. добились крупных успехов в сооружении монументальных зданий, поразительных по пропорциям и смелых по идее. В народе осталось воспоминание об этой постройке: «Инда шапка слетает, как запрокинешь голову, глядя на маковицу церкви».

В Москве господствующее положение Кремля в архитектурном ансамбле центра города в это время подчеркивается надстройкой в 1600 г. до высоты 82 метров колокольни Ивана Великого. Вертикальная композиция этого сооружения перекликалась с такими постройками, как церковь Вознесения в селе Коломенском или Борисоглебская церковь Борисова городка. Являясь одновременно и церковью и главной сторожевой наблюдательной башней кремлевской крепости, Иван Великий представляет собой как бы завершение развития высотных сооружений XVI в.

Архитектурный облик этого памятника полон спокойного величия. Композиционно объединив все постройки Кремля своей вертикальной осью, Иван Великий в течение столетий оставался самым высоким сооружением в Москве и господствовал в ансамбле столицы.

Общее направление в архитектурном творчестве соответствовало идеям, господствовавшим в феодальном обществе, которые были порождены процессом централизации и укрепления Русского государства. С другой стороны, в русскую архитектуру не могло не проникать и народное творчество. Русские зодчие, вышедшие из народных масс, обращались в своем творчестве к неисчерпаемой сокровищнице деревянного зодчества, перерабатывая его художественное наследие. Смелые конструктивные приемы свидетельствовали о подъеме в области строительной техники. Была изобретена новая система кирпичных перекрытий, так называемый «крещатый» свод. Крещатый свод устранял необходимость применения «столпов» (колонн) внутри храма и создавал единое внутреннее пространство здания. Широко применялись железные связи, усиливающие каменные конструкции и воспринимающие распор сводов.

Органическое художественное и техническое единство отличает лучшие образцы архитектуры XVI столетия.

Живопись

Русская живопись второй половины XVI в. характеризуется борьбой новых течений, связанных с бурным темпом развития общественной жизни растущего государства. В живописные произведения вливаются

широкой струей светские мотивы. Усиливаются реалистические тенденции в искусстве. Сюжеты обогащаются темами, близкими к окружающей жизни, быту. Многообразнее и свободнее трактуются иконографические сюжеты.

Живопись в этот период зачастую становится государственным делом. Так, вопросы иконописания разбирались на Стоглавом соборе 1551 г., где было вынесено решение об организации высшего церковного надзора над иконописцами[1]. Появляются артели живописцев, расписываются вновь строящиеся палаты, церкви.

Искусство пропагандирует идеологию самодержавия и новые взгляды на мир. Религиозный сюжет, старый по форме, использовавшийся в иконографических произведениях, наполняется новым содержанием, созвучным идеям времени.

Политические темы проникают и во фресковые циклы и в иконописные произведения. Рядом с религиозными сюжетами разрабатывались светские темы, в которых воплощались представления о мире, государстве.

Обращение к событиям отечественной истории открывало перед художниками широкие перспективы, давая возможность развивать тематику современной жизни. Так, очень близка по теме к событиям середины XVI в. икона «Церковь воинствующая». Большая по размеру, она изображает торжественное шествие воинства, оставляющего за собой горящий град и идущего к небесному Иерусалиму. По теме эта икона созвучна событиям середины века, когда происходит взятие Казани и Астрахани[2]. Все чаще появляются изображения политических деятелей. Стоглавый собор 1551 г. разрешает помещать на иконах «цари и князи и святители и народи, которые живи суще»[3].

Росписи Золотой палаты (1547—1552) развертывали перед зрителем величественную панораму исторических событий. Серия фресок Грановитой палаты изображала под видом истории Иосифа Прекрасного возвышение Бориса Годунова. В этих фресках также отражена борьба царской власти с боярством. Расширение рамок религиозной тематики осуждалось поборниками старины. Собор 1554 г. разбирал дело дьяка И. М. Висковатого, выступившего против введения новшеств в иконопись и осуждавшего аллегорические росписи царских палат, где он увидел близко от образа «Спаса» «женку», которая «спустя рукава как бы пляшет». Так же критиковались Висковатым работы мастеров, приехавших в Москву из Новгорода и Пскова после пожара 1547 г. Но точка зрения Висковатого была отвергнута на соборе[4]. Этим разрешалась новая трактовка сюжетов, позволялось введение символических тем в живопись. Эти

[1] «Макарьевский стоглавник», стр. 58.

[2] Подробнее см. *М. К. Каргер.* Икона «церковь воинствующая». «Сборник статей, посвященных А. С. Орлову», 1934.

[3] «Макарьевский стоглавник», стр. 69.

[4] «Московские соборы на еретиков XVI века...» «Чтения ОИДР», 1847, кн. III, отд. II, стр. 6 и др.

Икона «Никита воин» работы Прокопия Чирина, 1598 г.
Государственная Третьяковская галлерея.

темы отражали интересы феодального централизованного государства, отвечали требованиям жизни.

При Борисе Годунове пышно украшается собор Новодевичьего монастыря, расписывается церковь в Вяземах. До настоящего времени дошло слишком небольшое количество построек той поры, а еще меньше сохранилось в них фресковых росписей. Однако сохранившиеся циклы дают возможность увидеть насколько часто начинают изображаться во фресках шатровые верхи, традиционные многокупольные храмы, величественные крепостные сооружения. Так, находил отражение в живописи грандиозный размах строительных работ эпохи.

В конце XVI в. появляются так называемые «строгановские» иконы, которые отличаются большой изысканностью письма. Возвышение в годы опричнины Строгановых содействовало расцвету Соли-Вычегодской. С 60-х годов в Соли-Вычегодской развертывается большое строительство, там сооружается Благовещенский собор (1584). С этого момента встречаются первые упоминания о мастерах-иконописцах, пишущих фрески и иконы для храма, а на 90-е годы падает расцвет художественных иконописных мастерских, просуществовавших до середины XVII в. Многие иконы строгановской школы подписные и имеют клейма Строгановых. Наряду с мастерами-иконописцами, бывшими холопами Строгановых, встречаются имена столичных «царских иконописцев», выполнявших заказы «именитых людей». Из строгановских горниц вышло большое количество произведений, отличающихся особым живописным стилем виртуозного письма, особой красочностью.

Наиболее известным иконописцем строгановской школы был Прокопий Чирин. Его деятельность падает на 1580—1620 годы. Чирину принадлежит икона «Никита воин» (1593) (Государственная Третьяковская галлерея), исполненная для Никиты Строганова. Многовековая художественная культура воспитала в живописце умение с большой изысканностью сочетать нежные голубые тона с коралловым цветом, объединять все в едином решении. Изящный жест руки воина, красочные тона одежды, тончайшая прорисовка узора золотом, цветное богатство отличают это произведение. Ювелирная тонкость в передаче узоров ткани, прихотливая изысканность орнаментов на воинских доспехах говорят о большом техническом совершенстве художника.

Другим видным художником этой поры был Истома Савин. Ему принадлежит одна из интереснейших икон, посвященная жизни Петра митрополита (Государственная Третьяковская галлерея). Небольшая икона, украшенная серебряным окладом с драгоценными камнями, представляет 24 изображения в виде маленьких клейм, расположенных по бокам центральной части с фигурой Петра. Здесь Истома Савин выступает как большой мастер миниатюрного письма. Нежность и чистота голубых, палевых, розовых, светлозеленых тонов, совершенство технического мастерства свойственны этому произведению. Каждое маленькое клеймо иконы представляет законченную композицию, где, несмотря

на небольшой размер, выписано все с большой тщательностью. Особого совершенства достиг художник в изображении дворцов и церквей. Сюжет почти каждой композиции он развертывает на фоне архитектурных строений, в частности на фоне куполов Успенского собора, стройного силуэта колокольни Ивана Великого. Изображая внутреннее помещение, Истома Савин учитывал все подробности быта.

Никифору Савину принадлежит икона «Иоанн Предтеча в пустыне», где на перламутровом фоне, напоминающем небо, помещена фигура Иоанна в одежде из звериных шкур, прописанных золотом. Пейзаж оживляют миниатюрные звери, птицы, травы, цветы. Во всем этом сказалось стремление художника опоэтизировать человека, его чувства, сказочно передать природу в ее многообразии.

Произведения мастеров строгановской школы отличаются большой повествовательностью. Основное внимание в них уделялось быту. С поразительным мастерством и художественным совершенством отделывая свои произведения, художники достигали предельной выразительности, стремясь в небольших композициях рассказать о многом.

Наряду с небольшими иконами мастерам строгановской школы принадлежат и большие иконописные произведения. Стремление богачей Строгановых к роскоши приводит к появлению произведений, предназначенных для личных покоев заказчиков.

Произведения этого стиля приобретают иное художественное воздействие. Они теряют монументальность и больше рассчитаны на долгое и тщательное рассмотрение. Именно теперь религиозно-догматическая сторона иконописи уступает место повествовательно-декоративной.

Время Грозного и его преемников было порой больших исканий в русской живописи. Распространение светских мотивов, многообразие сюжетов, внимательное отношение к природе и обстановке быта приводят к коренным изменениям эстетических представлений, к новому этапу развития древнерусской живописи.

Прикладное искусство

Наряду с архитектурой и живописью продолжало развиваться и совершенствоваться также прикладное искусство, отражая в своем содержании крупные сдвиги в политической и общественной жизни Русского государства второй половины XVI в.

Шедеврами древнерусской миниатюры этого периода являются иллюстрации к Четьям-Минеям и Лицевому своду. В состав Четьих-Миней входит произведение Козьмы Индикоплова, купца из Александрии, совершившего путешествие в Индию в VI в. Иллюстрации к этому произведению дают образцы искусства XVI в. Написанные на золотом фоне с многоцветным орнаментом, обрамляющим каждый лист, они выполнены с большим мастерством. Красочно и выразительно запечатлены звери, птицы, моря и т. д. Этот список Козьмы Индикоплова «действительно

должен быть признан одним из самых выдающихся произведений русского книжного искусства середины XVI века»[1].

В середине XVI в. было приступлено к составлению «Лицевого летописного свода», грандиозного иллюстрированного издания в 11 томах, насчитывавших около 10 000 листов и более 16 000 миниатюр[2]. Каждый летописный рассказ сопровождается соответствующей иллюстрацией. Здесь можно увидеть и построение Кремля в 1491 г., и эпизоды деятельности великих русских князей и т. д. Так же, как литературные произведения этого времени, древнерусская миниатюра, обращаясь к переживаниям героев, увеличивает экспрессивность действий.

Ко второй половине XVI в. относится «Житие Сергия Радонежского» с целой серией превосходных иллюстраций, рассказывающих о жизни и деятельности Сергия Радонежского и его современников. Вот обрывистый берег реки Яузы. Здесь происходит выбор места для постройки Андрониева монастыря. Торжественна фигура Сергия, спокойны и величественны стоящие фигуры старцев; среди них Андроник, которому поручается создание монастыря, где впоследствии жил, творил и был погребен великий художник древней Руси Андрей Рублев. Большая выразительность композиции свидетельствует о руке опытного художника, сумевшего с большой теплотой передать содержание жития.

Такое совершенное использование миниатюр, какое мы видели в «Житии Сергия Радонежского», или на страницах летописного свода, свидетельствует о том, что в XVI в. в области книжной миниатюры выработался свой стиль, отличающийся большой повествовательностью и умением передать разнообразие бытовых сцен и деталей.

Распространение книгопечатания в Москве во второй половине XVI в. предоставило гораздо больше возможностей для проявления мастерства художника-книжника. Уже первые издания богато иллюстрировались, украшались узорчатыми буквами, что знаменовало начало нового художественного стиля, отличавшегося большой пышностью и декоративностью.

Таким образом, XVI век в области книжной миниатюры дал прекрасные, высокохудожественные образцы, тесно связанные с исторической и житийной литературой.

Среди различных видов прикладного мастерства попрежнему одно из первых мест продолжало занимать искусство художественного шитья.

Ко второй половине XVI в. относится ряд выдающихся произведений, стоящих на одном уровне с лучшими образцами живописи. Высокой художественностью и большим мастерством отличаются работы, связанные с мастерской князей Старицких[3]. В 50—60-е годы XVI в. создается

[1] *А. Н. Свирин.* Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 107.

[2] Подробнее см. *А. В. Арциховский.* Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944, стр. 41—154.

[3] Подробно о мастерской Старицких см. *Т. Александрова-Дольник.* Шитье московской мастерской XVI века и *Н. Шабельская.* Материалы и технические приемы в древнерусском шитье. «Вопросы реставрации», т. I, М., 1926, стр. 113—136.

ряд произведений, свидетельствующих о высокой художественной культуре этой мастерской. Изысканная и тонкая по цветной гамме «Плащаница» (Загорский музей-заповедник), созданная в мастерской Старицких, представляет собой образец тонкого мастерства. Большой простотой отличается шитье «Явление богоматери Сергию Радонежскому» (Загорский музей-заповедник). Скупы, но необычайно выразительны жесты, просто передана архитектура, спокойна цветная гамма. Глубоко национальные черты запечатлел художник в лицах мужчин и женщин.

К лучшим образцам второй половины XVI в. относится прекрасно выполненный покров с изображением Сергия Радонежского, находящийся в ризнице Загорского музея. К концу века произведения шитья начинают обильно украшаться драгоценными камнями, жемчугом. С именем Ксении Годуновой, искусной мастерицы, связано шитье по испанскому и венецианскому бархату. Изысканность линий и силуэтов, простота и выразительность поз говорят о хорошей художественной манере. Как произведения шитья, так и предметы прикладного мастерства этой поры отличаются высокой художественностью и совершенством технического выполнения.

Музыка и театр

Основным и самым распространенным жанром народного музыкального творчества является песня. С глубокой древности на Руси известны разнообразные по своему характеру и назначению песни: хороводные, игровые, трудовые, свадебные, плачи, колядки, святочные, масленичные, подблюдные и другие обрядовые песни. Профессиональные певцы составляли самую большую группу среди скоморохов.

Песенное творчество развивается в тесной связи с эпосом, устным поэтическим творчеством народа. В XVI в. распространяется новый жанр фольклора — историческая песня. Особенного расцвета историческая песня достигла в царствование Ивана Грозного в связи с покорением Казани и Астрахани, с Ливонской войной, с борьбой Ивана Грозного с реакционным боярством. Новый мощный взлет этого песенного жанра приходится на период крестьянской войны и польско-шведской интервенции. Историческая песня характеризуется реализмом содержания, плавностью и широтой мелодического склада[1].

В XVI — XVII вв. распространяется лирическая песня с ее богатством и яркостью мелодий, задушевностью и выразительностью. В этот период складывается своеобразный и характерный русский песенно-музыкальный строй — подголосочная полифония (сочетание нескольких самостоятельных вариантов — подголосков, ответвляющихся от основной мелодии)[2].

Народные песни сопровождались обычно инструментальным аккомпаниментом. Однако инструментальная музыка имела значение и само-

---

[1] *Ю. Келдыш.* История русской музыки, ч. I, М.— Л., 1948, стр. 80.

[2] Там же, стр. 95.

стоятельного жанра. В источниках XVI в. упоминаются разнообразные музыкальные деревянные духовые инструменты. Наибольшее распространение имели дудки, рожки, сопели, свирели, волынки. Из струнных инструментов самыми излюбленными были гусли, гудок, домра, балалайка. Ударные инструменты — бубны и бряцала применялись главным образом при исполнении походной и войсковой музыки. Как специфически войсковые музыкальные инструменты в источниках называются трубы и сурны (роговые или чаще деревянные духовые инструменты)[1].

История русской музыки в феодальный период характеризуется борьбой светского, народного начала с церковным. Несмотря на резко отрицательное отношение церкви к народному творчеству, несмотря на преследование скоморохов, музыка и пение русского народа не только продолжали развиваться, но и оказывали воздействие на церковную музыкальную культуру. Под непосредственным влиянием народного творчества в разных городах и областях Руси получали большое распространение местные певческие школы (церковные). Индивидуальная трактовка церковных мелодий: «переводы», «роспевы», «розводы» местных школ и отдельных выдающихся мастеров церковного пения обогащали однообразное культовое пение, придавали ему национальные черты. Культовая музыка в XVI в. постепенно перерождалась, приобретала гибкость, живость, интонационную многогранность, свойственные русской народной песне[2]. Большой популярностью в XVI в. пользовались соловецкий и усольский «переводы», «роспевы» Христианинова и Баскакова. Наибольшим искусством церковного песнопения славилась новгородская певческая школа, давшая ряд знаменитых исполнителей (братьев Савву и Василия Роговых и др.).

XV— начало XVII вв. — период наивысшего расцвета так называемого знаменного пения (одноголосого хорового стиля со строго диатоничной мелодикой)[3]. В то же время начали появляться новые черты и приемы церковного пения, заимствованные из народного песенного творчества. Ярче всего это сказывалось в торжественном праздничном пении, отличавшемся богатством форм и «розводов». В XVI в. с возникновением объединительных тенденций в церковном пении песенная манера новгородской школы приобретает общерусское значение. В XVI в. широко распространяется по всей России и такой специфический вид церковной музыкальной культуры, как колокольный звон. С народным песенным творчеством связано появление нового стиля в цер-

---

[1] О музыкальных инструментах см. «Домострой по Коншинскому списку». «Чтения ОИДР», 1908, кн. 2, отд. II, стр. 10, 22; «Макарьевский стоглавник», стр. 123; *Ю. Келдыш.* Указ. соч., стр. 71; *И. Е. Забелин.* Указ. соч., т. I, ч. I, стр. 227—229; *Н. Финдейзен.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века, т. I, М.— Л., 1928, гл. VII.

[2] *М. Бражников.* Пути развития знаменного роспева. М.—Л., 1949, стр. 57—65.

[3] *Ю. Келдыш.* Указ. соч., стр. 86.

ковном песнопении — многоголосия[1]. Многоголосое пение впервые сложилось и на протяжении столетий развивалось в церквах Новгорода. В XVI в. из Новгорода многоголосное церковное пение распространяется в Москву и другие города и области России. Уже в XV в. начали появляться отдельные теоретические руководства по исполнению церковных мелодий и их записи[2]. В XVI в. новгородец Иван Шайдуров внес усовершенствования в систему существовавшей нотозаписи. Благодаря изобретенным им сложным знаменам (нотным знакам) и киноварным пометам появилась возможность точно записывать мелодию, отражать в нотозаписи индивидуальные приемы, «переводы», «роспевы», и «розводы».

Иван Грозный был тонким знатоком и ценителем народной и церковной музыки. Ему принадлежит сочинение двух стихир[3].

С расширением международных связей Русского государства в конце XV в. в среду господствующего класса стали проникать западноевропейская музыка и западноевропейские музыкальные инструменты — органы, клавесины и клавикорды[4], что, однако, не нашло отражения в развитии народного музыкального творчества. Оно продолжало развиваться на самобытной национальной основе. Диатонизм[5], свободный ритм и многоголосие на протяжении веков оставались характерными чертами русской народной песни[6].

* * *

Корни русской театральной культуры следует искать в народном творчестве. Элементы театра и драмы содержались в фольклоре, в различных видах народных песен и игр. По богатству драматического содержания особенно выделялись святочные игры, проводы масляницы, зимы и лета. Эти игры сопровождались переряживанием, масками, инсценированными загадками, мимическими представлениями и настоящими драматическими действиями. Большое распространение получили элементы театрализации в хороводных песнях. Хороводная песня по сути дела была драматизированной игрой с диалогами и поясняющими их действиями. Ни в одном виде народного искусства не уделялось такого места представлению трудовых процессов и бытовых сцен, как в хороводах. Своеобразный спектакль представляла собой народная свадьба. В обряде сватов-

---

[1] *М. В. Бражников.* Русские певческие рукописи и русская палеография. «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII, М.—Л., 1949, стр. 441.

[2] *Ю. Келдыш.* Указ. соч., стр. 88.

[3] *Н. Финдейзен.* Указ. соч., т. I, стр. 243—249.

[4] «Временник ОИДР», кн. XVI, стр. 21; «Записки о Московии Джерома Горсея», СПб., 1909, стр. 74.

[5] *Диатонизм* — исторически сложившаяся музыкальная система, основывающаяся на семиступенном звукоряде. В отличие от этого профессиональная европейская музыка пользуется системой 12 звуков в октаве.

[6] *А. Н. Серов.* Избранные статьи, т. I, М.— Л., 1950, стр. 81—108.

ства, рукобитья, девишниках, свадьбе и хлебинах—во всех этих театрализированных церемониях невесте, жениху, дружкам и родственникам предназначались заранее определенные роли, которые они разыгрывали, строго согласуясь с традицией.

Процесс постепенного развития и обособления драмы, танца, акробатики, кукольного театра и других видов народного искусства с давнего времени привел к появлению профессиональных актеров — скоморохов. Скоморошество — зародыш настоящего народного театра. К XVI в. оно получило широкое распространение; обычно без участия скоморохов не обходилось ни одно народное празднество ни в деревне, ни в городе.

В XVI в. бывало, что скоморохи составляли большие труппы, насчитывающие даже до 60—100 человек[1]. Среди скоморохов были собственно драматические актеры, музыканты, певцы, танцоры, акробаты, фокусники. Широкой популярностью пользовался кукольный театр с его комедийными сюжетами и традиционным «Петрушкой», в образе которого народное искусство воплотило такие качества русского человека, как неистощимый юмор, сметливость, ненависть к угнетателям, уверенность в своей победе[2]. Любимой народной забавой являлся медвежий цирк[3]. Цирковые представления обычно давались на ярмарках. Кроме медведей, в цирке показывали ряженую козу и других дрессированных животных.

Русский скоморошии театр был известен в Западной Европе. Имеются сведения о том, что русские скоморохи доходили до Италии[4].

Князья и богатые бояре держали в своих домах скоморошьи театры. Скоморошьими труппами владели, например, Дмитрий Пожарский и князья Шуйские. При царском дворе для скоморошьего театра в XVI и XVII вв. существовала особая потешная палата[5].

Таким образом, часть скоморохов обслуживала феодалов, причем некоторые постоянно жили при их дворах. Но в массе своей скоморохи были связаны с народом, являлись носителями народного искусства, выражавшего интересы крестьянства и городских низов. Представители феодальной власти относились к скоморохам как к социально опасному элементу, подвергали их жестоким преследованиям[6]. Стоглав 1551 г. осудил скоморохов и их искусство, как «позоры бесовские». Скоморохам было запрещено собираться группами и переходить из одной местности в другую[7]. В некоторых грамотах скоморохи упоминаются наряду с волхва-

---

[1] «Макарьевский стоглавник», стр. 122,124. О скоморохах см. также *А. С. Фаминцын.* Скоморохи на Руси. СПб., 1889.

[2] *А. М. Горький.* О литературе. М., 1937, стр. 348.

[3] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах, стр. 212—213; «Домострой Сильвестровского извода». СПб., 1911, стр. 24.

[4] *С. С. Данилов.* Очерки по истории русского драматического театра. М.— Л., 1949, стр. 14.

[5] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских цариц. М., 1869, стр. 432.

[6] ААЭ, т. I, № 201, стр. 180—181; № 217, стр. 207; № 240, стр. 257.

[7] «Стоглав», гл. 41, стр. 137.

ми, татями и разбойниками. Скоморошество осуждал Домострой: «скоморохи и их дело — плясание и сопели — песни бесовские всегда любя... вси вкупе будут во аде, а зде покляты»[1]. Борьбу против скоморохов вели и отдельные церковные учреждения. Власти Троице-Сергиева монастыря специальной грамотой (1555 г.) запрещали населению Присецкой волости принимать и держать скоморохов («выбити из волости вон, а прохожих скоморохов в волость не пущать»). За укрывательство скоморохов устанавливался штраф в 10 рублей[2].

Все это привело к тому, что к концу XVII в. скоморошество, как особый вид народного театрального искусства, постепенно исчезает. Однако его традиции продолжали жить и развиваться в народном театре последующего времени (театр «Петрушки» и т. д.).

Еще в XIV в. в Новгороде в церковную обрядность вводятся элементы театрализации — религиозные «действа», представляющие собой драматизированное изображение сцен из священного писания. Считаясь с развивающимся народным театром, церковь стремилась использовать отдельные его элементы в своих интересах. В XVI—XVII вв. религиозные инсценировки появляются в московских церквах: сначала — «пещное действо», позднее «хождение на осляти». Однако сколько-нибудь значительного развития церковный театр на Руси не получил.

---

[1] «Домострой», Одесса, 1887, стр. 58—59.

[2] ААЭ, т. I, № 244, стр. 267.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И. И. БОЛОТНИКОВА. ПОЛЬСКО-ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НАЧАЛА XVII В.

1

ИСТОРИОГРАФИЯ

В историческом развитии Русского государства глубокий след оставили события конца XVI — начала XVII в. — резкое обострение классовой борьбы и крестьянская война под руководством Болотникова, польско-шведская интервенция и напряженная борьба за власть среди господствующего класса.

Современники неоднократно пытались дать ответ на возникавший вопрос о причинах «Смутного времени» начала XVII в. Большинство дошедших до нас литературно-публицистических сочинений XVII в. вышло из среды господствующего класса, естественно смотревшего на все события со своих классовых позиций.

Итогом историографической мысли в этом направлении уже в первой трети XVII в. явился летописный свод, так называемый «Новый Летописец», оказавший большое влияние на историографию XVIII в. «Новый Летописец» отражал официальную точку зрения воцарившейся на русском престоле династии Романовых, заинтересованной в укреплении абсолютистской власти и идеологическом обосновании своих прав на власть. Основная идея этого произведения заключалась в стремлении доказать, что первопричиной всех событий начала XVII в. был династический кризис. Насильственное пресечение династии «благочестивого корени» Борисом Годуновым вызвало массовое самозванство, социальный кризис, а вслед за этим и иноземное вторжение и разорение страны. В «Новом Летописце» проводилась преемственная родословная линия от угасшей династии «Рюриковичей» к Романовым, якобы единодушно избранным на российский престол, что и положило конец всем «нестроениям»[1].

---

[1] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII века, «Исторические записки», кн. 14, стр. 80—128.

Дворянские историки XVIII — начала XIX в. — В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, являясь защитниками абсолютной монархии, каждый по-своему пытались объяснить причины «московского разорения», даже предопределить на будущее политику, исключавшую повторения подобного.

Прежде всего они интересовались той ролью, которую играли в событиях отдельные выдающиеся личности — цари, полководцы и т. д. Первым обратил внимание на восстание Болотникова В. Н. Татищев. В своей неопубликованной работе «История царя В. Шуйского» он дал интересную характеристику последствий восстания Болотникова — «через 20 лет едва оное пламя утишить могли»[1]. В своих комментариях к Судебнику Ивана Грозного Татищев высказал глубокую мысль о том, что Борис Годунов «не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал: из чего великая беда приключилась и большею частию через то престол с жизнию всея своея фамилии потерял, а государство великое разорение претерпело»[2]. Однако, подчеркивая необходимость и прогрессивность реформ в условиях абсолютной монархии, Татищев основную причину народных движений видел не в социальных противоречиях, а в отсутствии просвещения среди крестьянства[3].

Значительно большее внимание причинам событий начала XVII в. уделил М. М. Щербатов. Последовательный защитник дворянских прерогатив, М. М. Щербатов в своих трудах пытался доказать исключительное значение русского боярства в спасении самодержавия, а народные движения представить как проявление верности «роду старобытных властителей». Он всячески обеляет боярство, предавшее Бориса Годунова, восхваляет В. Шуйского и даже освобождение Москвы вторым земским ополчением представляет как инициативу князя Д. М. Пожарского[4]. Следуя Татищеву, Щербатов считал народное движение порождением крепостнической политики Ивана Грозного и Бориса Годунова, но сама общественная борьба им объясняется пресечением «династии Рюриковичей».

Во второй половине XVIII в. специфическое, сугубо опорачивающее русский народ освещение времени крестьянской войны и иностранной интервенции характерно для иностранных писателей (Леклерка, а также Г. Миллера). Против этих попыток исказить историю России выступили русские патриоты — великий русский ученый М. В. Ломоносов и И. Болтин. М. В. Ломоносов решительно протестовал против одностороннего неблагоприятного для России освещения событий начала

[1] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607. М., 1951, стр. 12.

[2] *В. Н. Татищев.* Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. М., 1768, стр. 124, 125.

[3] *П. К. Алефиренко.* Социально-политические воззрения В. Н. Татищева. «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 110.

[4] *М. М. Щербатов.* История Российская, т. VII, ч. II, СПб., 1791, стр. 412—413; *его же.* Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1774, стр. 48—49, 177 и сл.

XVII в., которое давал Г. Миллер в «Опыте новейшей истории о России». Г. Миллер, по словам М. В. Ломоносова, «больше всего высматривает пятна на одежде Российского тела, проходя многие истинные ее украшения»[1]. И. Болтин, возражая против нелепых построений Леклерка, справедливо указывал на стремление польских феодалов поработить Россию, не стеснявшихся никакими средствами и использовавших сложность положения внутри России (всеобщая ненависть к В. Шуйскому, «внутренность России раздираема была междоусобиями», «повсюду молва, несогласие»)[2].

Официальная историография начала XIX в. в лице Н. М. Карамзина в своей трактовке событий начала XVII в. сделала безусловный шаг назад даже по сравнению с Щербатовым. Если М. М. Щербатов пытался объяснить «коренные причины» «буйства народного», то для Карамзина, писавшего в обстановке обострения классовой борьбы, какой бы то ни было анализ народного движения безусловно исключался. Поэтому богатый новый материал, освещавший восстание Болотникова и иностранную интервенцию, использовался Карамзиным только для того, чтобы причиной всего «лихолетья» объявить династический кризис, породивший «ослепление», «разврат» людей «от черни до вельможного сана»[3].

Принципиально отличную оценку этим событиям давали дворянские революционеры первой половины XIX в. и выдающиеся представители русской революционно-демократической мысли. Декабристы Н. Муравьев, В. Кюхельбекер подвергли «Историю» Карамзина суровой критике, справедливо видя в нем историка русского абсолютизма. В борьбе против самодержавия и крепостничества все эти деятели русского революционного движения обращали внимание на бурные годы начала XVII в. Дворянские революционеры-декабристы не могли в силу ограниченности своего мировоззрения понять роль классовой борьбы в истории человеческого общества. Они опасались крестьянских восстаний, и только Пестель и члены Общества Соединенных Славян понимали, что революция — необходимое явление в развитии общества[4]. Тем не менее, декабристы (Н. Тургенев, М. Лунин, К. Рылеев и др.) приходили к мысли, что вершителем судеб страны является народ. Поэтому в оценке отдельных событий начала XVII в. они пытались выявить его роль и в исторических прецедентах старались найти примеры, доказывавшие, что право на власть можно получить только из рук народа[5].

---

[1] *П. Билярский.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 492.

[2] *И. Н. Болтин.* «Примечания на историю древния и нынешния России Г. Леклерка», т. I, СПб., 1788, стр. 406—408, 413—415.

[3] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, изд. Эйнерлинга, кн. 3, т. XII, СПб., 1843, стр. 15.

[4] *С. Волк.* Исторические взгляды декабристов. «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 32—33.

[5] См. там же; *Н. Муравьев.* Примечания к «Разбору Донесения Следственной комиссии», «Библиотека декабристов», вып. 5, М., 1907, стр. XVI.

Ярким отражением декабристской идеологии была трактовка событий начала XVII в., данная великим русским поэтом А. С. Пушкиным в драме «Борис Годунов». В противоположность Карамзину Пушкин изобразил Бориса Годунова в определенных социальных условиях; истинным героем трагедии Пушкина является народ, который относится к царю Борису резко отрицательно и выступает решающей силой в исторических событиях. Пушкин подчеркивал пропасть между царской властью и народом, который выступит не за права венценосцев, а пойдет за тем, кто ему посулит «старинный Юрьев день»[1].

С обострением идейно-политической борьбы в 40—60-х годах XIX в. В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов разработали основы исторической концепции революционной демократии. Они выступили против канонов дворянско-буржуазной историографии, стремясь представить исторический процесс в виде прогресса человечества, обосновать неизбежность и правомерность революционных взрывов, решающую роль народа в исторических событиях. Огромной заслугой В. Г. Белинского в разработке русской истории начала XVII в. была постановка вопроса о национальном движении, направленном на изгнание иноземных захватчиков. Критикуя Карамзина, Белинский не смог еще вскрыть внутренних классовых противоречий и значения крестьянской войны. Однако он подошел к пониманию непрочности государственного строя Русского государства в конце XVI в., когда отдельные представители аристократии (В. Шуйский) могли еще, хотя бы на время, осуществлять свои политические замыслы. Оценивая иностранную интервенцию как угрозу национальной независимости России, Белинский основной силой, спасшей страну и способствовавшей ее дальнейшему развитию, считал народ. В противовес самозванцам, которые «жалки и смешны не в одной политической истории», он с восхищением писал о народных вождях; Минину, по его словам, «Русь одолжена своим спасением»; «мясник, которому каждый боярин мог безнаказанно наплевать в лицо,... умел не только возбудить патриотический восторг сограждан, но и поддержать его, согласить партии, примирить вождей... и достигнуть своей цели»[2].

А. И. Герцен в критике самодержавного строя отводил огромное место разоблачению лживой, насаждаемой самодержавием теории официальной народности. Поэтому-то Герцен уделял большое внимание изучению «Смутного времени», при характеристике которого он отмечал не только события внешнеполитического порядка, но и наличие классовых противоречий. Одну из основных причин «Смутного времени» Герцен видел в усилении крепостничества; развивая этот вопрос, он писал, что «народ туго и нескоро восстает», но восстав, «он не играет, не шутит», так как ввиду обнищания ему нечего терять. По словам Герцена, помещики

---

[1] *К. В. Базилевич.* Борис Годунов в изображении Пушкина. «Исторические записки», кн. 1, стр. 41—42, 51—52.

[2] *В. Г. Белинский.* Полное собрание соч., т. II, М., 1953, стр. 111.

и царь воевали с крестьянами «как с неприятелем, против них посылают войска и пушки, их вешают сотнями». Отмечая подвиг Минина и Пожарского, возглавивших национальное движение против польских захватчиков, Герцен делал вывод, свидетельствующий о его понимании неразрешенности социальных противоречий в начале XVII в. в России: «Нижегородский мясник Минин и князь Пожарский спасли отечество...» Опровергая официальную историографию, Герцен убежденно считал, что «в 1612 г. Россия была спасена без царя»[1].

Дворянско-буржуазная историография середины и второй половины XIX в. осталась чужда концепции русской революционной демократии. В условиях угрозы крестьянской революции и проведения реформы 1861 г. теоретическая мысль представителей этой историографии была направлена на борьбу с народным движением. Законченные и характерные для этого направления теории о «Смутном времени» были высказаны наиболее крупным представителем «государственной» или историко-юридической школы С. М. Соловьевым. Всю свою схему С. М. Соловьев строил в плане развития «государственного порядка», борющегося против анархии. Его схема «Смутного времени» — это противопоставление «общественного и противообщественного элементов», борьба земских людей-собственников, которым было выгодно «поддерживать спокойствие... с так называемыми казаками, людьми безземельными, бродячими, которые разрознили свои интересы с интересами общества, которые хотели жить на счет общества, жить чужими трудами»[2]. Таким образом, выдвигая на первый план «земских людей-собственников», борющихся за «порядок», Соловьев исключал какое бы то ни было объяснение народного недовольства, не говоря уже о признании исторической правомерности крестьянских восстаний. Он идеализировал крепостническую сущность самодержавия и отказывался видеть возможность ее уничтожения. Вполне естественно, что восстание народных (крестьянских) масс начала XVII в. С. М. Соловьевым оценивалось как «разбойное» (казацкое) движение, лишенное всякого социального смысла и направленное исключительно на грабеж прежде всего самих же крестьян. То же отрицание роли народных масс в историческом процессе заметно при объяснении Соловьевым причин ликвидации польской интервенции. Для Соловьева на первом плане стояли «лица правительственные», которым Россия была обязана освобождением от интервентов.

Не понимал причин событий начала XVII в. и Н. И. Костомаров[3]. Яркое описание иностранной интервенции заслоняло в его трудах участие народа в борьбе против нее; не будучи в состоянии раскрыть монархическую фальсификацию роли замечательных народных вождей — Минина и По-

---

[1] *А. И. Герцен.* Полное собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 322; там же, т. VIII, Пг., 1919, стр. 432.

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, изд. «Общ. польза», стр. 731.

[3] *Н. И. Костомаров.* Собрание соч. Исторические монографии и исследования, кн. II, СПб., 1904, стр. 638.

жарского, он искажает историческое значение их в борьбе с иностранной интервенцией[1]. Причины «Смуты» он выводил не из внутренних противоречий в России, а из внешнеполитических планов Польши. Он считал, что Польша не добилась успеха только благодаря своей неумной политике. «Если бы Сигизмунд действовал иначе, и Владислав был коронован в Москве, коренное перерождение русских пошло бы как по маслу»[2]. Такой национальный нигилизм естественно вел Костомарова к утверждению о превосходстве польской цивилизации, о ее силе и могуществе.

В противовес концепциям «государственной» школы и Костомарова, выдающиеся революционеры-демократы — Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов в своих работах дали принципиально новое освещение событий «Смутного времени». Несмотря на то, что у Чернышевского и Добролюбова не было и не могло быть четкого представления о классах, им не раз удавалось подойти к правильному пониманию значения классовой борьбы. От произведений Чернышевского, как писал В. И. Ленин, «...веет духом классовой борьбы»[3]. Характеризуя допетровскую Русь, Добролюбов и Чернышевский указывали на постоянные насильства, самоуправства и обман со стороны боярства и князей. Резкий и постоянный антагонизм между боярами и помещиками, с одной стороны, и крепостными крестьянами, с другой, — выявился в так называемое «Смутное время» начала XVII в.

Последний этап в развитии взглядов дворянско-буржуазной историографии на вопросы иностранной интервенции и крестьянской войны начала XVII в. связан с именами В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова.

Взгляды Ключевского на время «Смуты», как на борьбу «всех классов русского общества», представляют шаг вперед по сравнению с взглядами Соловьева и Костомарова. В самом же понимании классов и трактовке классовой борьбы Ключевский стоял на позициях либерально-буржуазной социологии. Ему осталось чуждым представление о классовой структуре общества как закономерном выражении господства данного социально-экономического строя, определенных производственных отношений. Столь же чуждо Ключевскому и понимание прогрессивной роли классовой борьбы в истории общества. Для Ключевского, напротив, борьба классов несет в себе угрозу «распадения общества». Отсюда вытекает и трактовка Ключевским вопроса о причинах прекращения «Смуты»: «Смута, питавшаяся рознью классов земского общества, прекратилась борьбой всего земского общества со вмешавшимися во внутреннюю усобицу сторонними силами, противоземской и чуженародной»[4].

---

[1] *Н. И. Костомаров.* Указ. соч., кн. V, СПб., 1905, стр. 472—484.

[2] Там же, стр. 511—512.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 224.

[4] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. III, М., 1937, стр. 52—53.

Таким образом, и Ключевский с его концепцией «Смуты» остается в рамках традиционной для дворянско-буржуазной историографии схемы «разрушения» и «восстановления» государственного порядка.

Подобную же схему «Смуты» положил Платонов в основу своих «Очерков по истории Смуты» — большого исследования по социально-политической истории начала XVII в.

«Очерки» Платонова явились определенным итогом русской буржуазной исторической мысли по разработке истории России конца XVI — начала XVII в. На основе большого собранного материала Платонов с позиций буржуазной историографии впервые дал монографическое исследование событий конца XVI — начала XVII в.

В основе всей схемы Платонова лежит мысль о разрушении и восстановлении государственного порядка, носителем которого являлось самодержавие. «Смута», по мысли Платонова, прекращается избранием «средними» слоями — дворянством и верхушкой посада — царя и поражением боярства с его «крамолой» и «анархической» черни.

Но в определении этапов «Смуты» Платонов отводил народному движению под руководством Болотникова уже самостоятельное место и видел в нем попытку социального переворота. Однако взглядам Платонова была чужда мысль об антагонистических классовых противоречиях, чуждо понятие «класса» в научном, марксистском смысле этого слова. Поэтому в объяснении причин восстания Болотникова Платонов не видел классового антагонизма и объяснял это восстание очень существенными, но частными моментами — борьбой за землю, крепостническими устремлениями «землевладельцев»[1].

Вслед за Платоновым шел и его ученик П. Г. Любомиров в своем специальном исследовании, посвященном важному моменту «Смуты» и написанном с позиций платоновской схемы — «Очерках истории Нижегородского ополчения». П. Г. Любомиров показал массовый характер второго ополчения в борьбе с иностранной интервенцией, но из этого правильного положения он делал выводы, свойственные буржуазной историографии. Основную задачу второго ополчения он видел в стремлении «земских людей» «охранить внутренний мир, обеспечить порядок от нарушений его со стороны прежде всего самих же земских людей»[2]. Такой порядок, по представлению Любомирова, могла осуществить и утвердить самодержавная власть.

В работах С. Ф. Платонова и его учеников проявился глубокий кризис буржуазной исторической науки в период империализма. Отчетливо реакционное «объяснение» событий начала XVII в. дал в «Очерках по истории русской культуры» один из идеологов русского империализма П. Н. Милюков. В условиях нарастания революционного движения на-

[1] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 256, 257.

[2] *П. Г. Любомиров.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 73—74.

чала XX в. П. Н. Милюков стремился опорочить движение народных масс, видя в восставших под руководством И. Болотникова кондотьеров и считая единственной движущей силой того времени дворянство[1].

Буржуазная историография оказала сильное влияние на Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова. В своих воззрениях на историю России, в частности на историю «Смутного времени», Плеханов и Рожков оставались на немарксистских позициях. Г. В. Плеханов не видел революционной роли крестьянства в истории, социальные вопросы «Смутного времени» подменял вопросами экономического порядка. Следуя за буржуазной историографией, Плеханов видел в крестьянской войне движение казачества, не имевшего будущего и ведущего только к разорению страны, к упадку производительных сил. В своей характеристике «эпохи Смуты» Г. В. Плеханов, придерживавшийся теории о надклассовом характере русского самодержавия, не дал анализа классового соотношения сил, остановившись только на борьбе дворянства с боярством за главенство в государстве[2].

Подобно Плеханову искажал историю крестьянской войны и иностранной интервенции М. Н. Покровский. Работая над «Русской историей с древнейших времен» в период своей наибольшей близости к идеалистической философии Маха, Богданова, Покровский в ряде случаев сделал шаг назад даже по сравнению с взглядами буржуазных историков. С особой силой порочный характер исторической концепции Покровского сказался в трактовке им событий периода крестьянской войны и польско-шведской интервенции конца XVI — начала XVII в.

Борис Годунов оказывается у Покровского не «дворянским», а чуть ли не «крестьянским царем», а Василий Шуйский из царя боярского превращается в «посадского царя». Точно так же Лжедмитрий I (у Покровского вслед за Костомаровым «Названный Димитрий») рассматривался не как ставленник польского панства, а как руководитель «дворянского восстания» против Бориса Годунова. Роль же польских феодалов в движении Лжедмитрия I Покровский видит лишь в том, что «польские сторонники» Лжедмитрия «гораздо больше доставляли ему хлопот, чем приносили пользы»[3].

С тех же немарксистских позиций решается Покровским и вопрос о восстании Болотникова. Для Покровского призывы Болотникова к восстанию — это лишь «демагогия» «предводителей восстания против Шуйского», которыми, по Покровскому, являются те же помещики. Поэтому ни о каком «общественном перевороте» как цели восстания Болотникова говорить нельзя.

---

[1] *П. Милюков.* Очерки по истории русской культуры, ч. III, СПб., 1909, стр. 77—80.

[2] *Г. В. Плеханов.* История русской общественной мысли. Соч., т. XX, М.— Л., 1925, стр. 205.

[3] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. II, М., 1933, стр. 8, 24, 36, 371.

Отрицая антифеодальный характер восстания Болотникова, Покровский вместе с тем превращает движение тушинского вора (второй этап польской интервенции) в «восстание общественных низов против общественного верха».

Покровский решает вопрос о втором ополчении с позиций отрицания национально-освободительного, патриотического характера этого движения.

С точки зрения Покровского, движение, возглавленное Мининым и Пожарским, было направлено не против польских интервентов, а было вызвано «страхом» «буржуазии» перед «наследником тушинского холопского царя», т. е. перед казачеством[1].

Свою глубоко порочную схему «Смуты» — схему, в которой немарксистская позиция в вопросе о крестьянстве сочетается с национальным нигилизмом в вопросе о польской интервенции и о борьбе за национальную независимость Русского государства, Покровский в послереволюционные годы заменил[2] новой еще более порочной схемой, в которой все события конца XVI — начала XVII в. объединяются под рубрикой «крестьянской революции», причем вождями этой революции оказываются Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, а Минин и Пожарский соответственно превращаются в вождей помещичьей контрреволюции.

Столь же неприемлема и трактовка «Смутного времени», даваемая Н. А. Рожковым. Вся история «Смутного времени» рассматривается Рожковым с точки зрения внутриполитической борьбы среди господствующего класса — дворянства и боярства, тогда как классовый антагонизм между феодалами и закрепощаемым крестьянством отмечался как момент сопутствующий, не основной. В угоду своей антимарксистской теории «дворянской революции» Рожков рассматривает начало XVII в. как один из этапов этой «революции», в которой народные массы выступали эпизодическими союзниками то одной, то другой партии феодального класса[3]. По мысли Рожкова, Борис Годунов был свергнут боярством и «социальными низами», восстание Болотникова — это союз дворянства и народных масс, а поражение его обусловливается «сделкой боярства» с дворянством. Польскую интервенцию Рожков, следуя за Покровским, изображал как «дружбу» захватчиков с «взбунтовавшими казаками, крестьянами и холопами», а в освобождении Москвы видел результат союза дворян, посадских и зажиточного северного крестьянства.

* * *

Представители польской буржуазно-националистической историографии фальсифицировали русско-польские отношения конца XVI —

---

[1] *М. Н. Покровский.* Указ. соч., стр. 41, 47, 69.

[2] См. *М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке. 1933, стр. 46—62.

[3] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 2, Пг., 1922, стр. 177, 183—186.

начала XVII в. Польско-литовская интервенция в Русское государство рассматривалась ими как «путь влиянию западной цивилизации на широкий север»,— путь, который якобы должен был прекратить «дальнейшие кровопролитные войны между обоими государствами» и «постепенно сблизить их между собою». Буржуазные националисты выступали идеологами политики военной агрессии, проводившейся в XVI—XVII вв. панско-шляхетской Речью Посполитой, которая «желала войн», так как была якобы «переполнена солдатами, превосходившими других и военной опытностью, и искусством, и мужеством своим» и «имела много знаменитых вождей...» Агрессивная внешняя политика, по мнению польских буржуазных националистов, должна была усилить значение Речи Посполитой в Европе и именно в этой политике Польша якобы могла «найти исходный пункт для своей внутренней реформы»[1]. Провал польской интервенции в России буржуазно-националистические историки объясняли в значительной степени лишь «религиозной нетерпимостью» польского короля Сигизмунда III Вазы, действовавшего под влиянием иезуитов[2]. Он «безвозвратно пропустил» минуту, «решавшую судьбу Москвы, а вместе с ней и Польши», не сумел договориться с московскими боярами об избрании на русский престол королевича Владислава. Пропустив эту «единственную удобную минуту», Сигизмунд был вынужден «со стыдом возвратиться в Польшу»[3].

Буржуазно-националистическая историография содержала дифирамбы вдохновителям и непосредственным участникам интервенции в России — Жолкевскому, Л. Сапеге, А. Гонсевскому и другим. Это все — «знаменательные и выдающиеся имена». Договор Жолкевского с русскими боярами-изменниками «положил основание будущему соединению» русского и польского народов, отвечавшему якобы их обоюдным интересам. Но благодаря «лени и сумасбродным прихотям Сигизмунда были утрачены плоды умной и честной политики гетмана Жолкевского»[4].

Так, в угоду предвзятой антиисторической схеме, отвечавшей классовым интересам польской буржуазии в период империализма, извращалась история русского и польского народов, связанных длительной общностью исторического развития и страдавших от авантюристической политики магнатов и шляхты, направленной к усилению крепостнического ярма в отношении трудового народа Польши и к закабалению Руси, извращалась картина героической борьбы русского народа против интервентов.

В работах реакционных историков-иезуитов, идеологов католической агрессии, фальсифицируется история взаимоотношений ставленников польских интервентов в России, — Лжедмитрия I и Лжедмитрия II,— с папской курией. Агрессивная политика Ватикана в отношении России,

---

[1] *М. Бобржинский.* Очерк истории Польши, т. 2, СПб., 1891, стр. 171.
[2] *В. Грабеньский.* История польского народа. СПб., 1910, стр. 176, 186, 188.
[3] *М. Бобржинский.* Указ. соч., стр. 172—173.
[4] *А. Гиршберг.* Марина Мнишек. М., 1908, стр. 1, 265, 351.

имевшая целью обратить русский народ в католицизм в целях подчинения своему влиянию, изображается как стремление со стороны папства к «широкому распространению образования и к усвоению надлежащей веротерпимости»[1]. Переговоры Лжедмитрия с Римом, направленные во вред русскому народу, рассматриваются агентами Ватикана как сношения «по делам совести», причем самозванец одобряется за то, что он «дорожил до самого конца хорошими, хотя бы только и внешними отношениями с Римом, и, несмотря на свои выходки против папы, старался все-таки угодить его желаниям и просьбам»[2].

Изображение польской интервенции в Россию в начале XVII в. в писаниях иезуитов извращает подлинную реакционную роль папства.

Вопросами интервенции и крестьянской войны в России начала XVII в. занимались и шведские историки. Нет ни одной работы по общей или внешнеполитической истории Швеции этого времени, — от сочинения Мессения, придворного историографа Густава Адольфа, до Андерсона, труд которого был переведен в Советском Союзе в 1951 г., — где бы не говорилось о «den stora oredan» — «великой смуте».

Наиболее крупной монографией по этому вопросу является монография Хельге Альмквиста, вышедшая в 1907 г. и озаглавленная «Швеция и Россия в 1595—1611 гг. (Спор из-за Эстонии. Союз против Польши. Завоевание пограничной русской территории и большой династический замысел)»[3]. Альмквист значительно расширил по сравнению со своими предшественниками круг источников, причем впервые привлек архив Делагарди в Тарту. Следуя примеру русских историков, работавших в шведских архивах, Альмквист отправился в Москву и здесь работал над шведскими делами Посольского приказа. Он использовал также русские, польские и немецкие печатные источники и научную литературу.

Работы Альмквиста обнаруживают непонимание социально-политического характера событий на Руси в начале XVII в. В оценке «Смуты» и расстановки в ней классовых сил Альмквист, по его собственным словам, следует за С. Ф. Платоновым, однако по существу он не поднимается выше уровня схемы С. Соловьева. Альмквист откровенно враждебен народным массам, «демократии черни» (Болотников, по его словам, «беглый холоп и дикий авантюрист»). Его «оригинальным дополнением» к схеме Соловьева является характеристика обоих ополчений как «прогрессивной партии» дворянства, а казачества и крестьян как «националистической партии фанатиков», руководимых духовенством и враждебных всякому прогрессу. Критерием прогрессивности оказывается у Альмквиста то или иное... отношение к кандидатуре шведского принца на русский престол.

---

[1] *П. Пирлинг.* Из смутного времени. СПб., 1902, стр. 214.

[2] Там же, стр. 66, 96.

[3] *H. Almquist.* Sverge och Ryssland 1595—1611. Tvisten om Estland, förbundet mot Polen, de ryska gränslandens eröfning och den stora dynastiska planen. 1907, стр. 273.

Альмквист, как и ряд шведских дворянско-буржуазных историков начала XX в., враждебен России. Эта враждебность находит выражение в тоне, в эпитетах — в литературной обработке результатов исследования; эта враждебность освобождает Альмквиста от необходимости смягчать и маскировать подлинные побудительные причины и задачи «дерзкой и предприимчивой интервенционистской политики (Швеции), которая, желая сохранить в Москве независимую от Польши власть, в то же время стремилась приобрести новые земли для шведской короны». Он отнюдь не склонен преуменьшать внешнеполитическое влияние России и недооценивать значение русского фактора в международных делах.

Альмквист с полной неопровержимостью доказывает, что Карл IX самое позднее с начала 1605 г. буквально горел желанием оказать вооруженную «помощь» русскому царю, лишь бы овладеть Корелой (Кексгольмом) и Ивангородом. О «защите» новгородцев шведский король позаботился уже летом 1605 г., подготавливая искусной агитацией почву для последующего наступления. Предложения, сделанные России со стороны Швеции, указывает Альмквист, в конце 1606 г. сменились угрозами насильственной «помощи». Царь Василий Шуйский не выступает в качестве просителя помощи, наоборот, он упорно отклоняет непрошенные услуги шведских феодалов, их «назойливую благотворительность». Успехи польских интервентов и тушинского вора не столько печалили, сколько радовали Карла IX, суля ему прибыльную роль «спасителя России». Альмквист нисколько не закрывает глаз на то, что принятие шведской помощи во второй половине 1608 г. грозило «зловещими и далеко идущими последствиями» для России.

Работа Альмквиста совершенно опровергает имевший в литературе хождение тезис об угрозе русско-польского союза против Швеции как основной причины шведской интервенции. Это был благовидный предлог, так же как для Сигизмунда — ссылка на русско-шведский союз. Делагарди Альмквист увенчивает лаврами «освободителя Москвы».

Говоря о шведской кандидатуре на русский престол, Альмквист видит в ней не торжество шведских захватнических планов, а крайнее, вынужденное средство для противодействия польской кандидатуре в условиях «отчаянного положения»— успехов Сигизмунда в России.

Этим же вопросом Альмквист занимается во второй своей работе «Царские выборы 1613 г. Шведская кандидатура на престол и ее предистория»[1]. Отрицательное отношение народных масс России к шведской кандидатуре он объясняет религиозным фанатизмом и национальной ограниченностью, обнаруживая враждебность реакционера к народным массам. Альмквист сознательно умалчивает о том, что к 1612—1613 гг.

[1] *H. Almquist.* Die Carenwahl des Jahres 1613. Die schwedische Thronkandidatur und ihre Vorgeschichte. «Zeitschrift für osteuropäische Geschichte», т. III, ч. 2, 1913, стр. 161—602. На шведском языке статья вышла в сборнике «Studier tillägnade Harald Hjärne», 1908.

шведские интервенты своими действиями уже зарекомендовали себя как захватчики, как грабители и оккупанты, как враги России.

Чисто военная сторона событий начала XVII в. освещена в другом шведском издании «Войны Швеции 1611—1632 гг.». Том, озаглавленный «Русская война», подготовлен военно-историческим отделом шведского генерального штаба[1]. Несмотря на присущий всему изданию дух оправдания захватнической политики Швеции, авторам, повидимому, удалось довольно полно восстановить картину военных действий Густава-Адольфа и его военачальников на русском фронте. Игнорирование карельского народа как активного участника борьбы со шведскими феодалами и недооценка значения русского фронта для последующего развития военного искусства шведских полководцев — вот некоторые из бьющих в глаза пороков книги.

Из исследования Э. Грилля о «Якове Делагарди как дельце и политике», вышедшего в 1939 г.[2], мы узнаем о значительном личном обогащении Делагарди во время русской кампании, о щедром награждении его землями и титулами. Особенно интересно, что Делагарди уже в июле 1618 г. взял у казны в аренду на шесть лет большую часть отошедшей к шведам территории — Кексгольмско-Нотебургский лен, т. е. уезды Корельский и Орешковский. Из этих земель он вывозил на экспорт большое количество зерна. Так, феодальное дворянство непосредственно обогащалось благодаря сделанным захватам.

Историк-экономист А. Аттман[3] в популярной брошюре «Россия и Европа», изданной так называемым Русским институтом в Стокгольме в 1946 г., подчеркивает экономические корни шведской агрессии в России. Стремление подчинить своему контролю русский рынок определяло не только собственно планы Густава Адольфа по овладению Псковом и побережьем Ледовитого океана, но и его войну с Данией. С этой точки зрения автор считает исход обеих войн, — датской и русской,— мирные договоры 1613 и 1617 гг. «разочарованием для шведов». Овладение невскими берегами и оттеснение России от Финского залива мало что дало шведам, ибо русская торговля уже давно велась через Архангельск. В 1948 г., на конгрессе историков северных стран, тот же А. Аттман выступил со специальным докладом о Столбовском мире[4]. Последний, как говорит Аттман, означал вынужденный отказ Швеции от обеих программ агрессии — «Полярной» и «Новгородско-Псковской». Им пришлось довольствоваться «Невскими пустошами» с их стратегическим, но — в те времена — отнюдь не коммерческим значением.

---

[1] «Sveriges Krig 1611—1632», I, 1936.

[2] *E. Grill.* Jacob de la Gardie. Affärsmannen och politikern 1608—1636, 1939, стр. 200.

[3] *A. Attman.* Ryssland och Europa. Ryska institutets skriftserie. 1946, стр. 87.

[4] *A. Attman.* Freden i Stolbova 1617. En aspekt. «Scandia», b. 1948—1949, H. I, стр. 36—47.

В целом для работ ряда шведских буржуазных авторов характерны националистические тенденции, непонимание или даже прямое извращение существа происходивших в России событий.

Еще больший восторг, чем у шведских реваншистов, вызывает агрессивная политика Карла IX и Густава Адольфа у реакционных финских авторов вроде Т. Аминова, который ничего ценного не прибавляет к тому, что сделано шведами по изучению шведской интервенции в России.

* * *

Советская историческая наука при освещении событий начала XVII в. исходит из марксистско-ленинского понимания вопросов классовой борьбы и национально-освободительного движения. Только на основании этих указаний стало возможным дать конкретное, единственно научное объяснение периода крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в., выделить основные его моменты — восстание народных масс под руководством Болотникова и народно-освободительную борьбу против иноземной интервенции. Энгельс указывал на большое значение народных движений средневековья, исходивших из деревни, и вместе с тем на их локальную ограниченность. В своей классической работе «Крестьянская война в Германии» Энгельс на примере Германии XVI в. показал сложную, противоречивую картину социальных отношений средневековья, антифеодальную борьбу крестьянства, единственным попутчиком которого могла быть городская плебейская оппозиция[1]. Значение крестьянских восстаний подчеркивал В. И. Ленин, отмечая вместе с тем их органическую слабость: «...крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[2]. И. В. Сталин в своей беседе с Э. Людвигом выявил специфическую слабость крестьянских войн — их неорганизованный, царистский характер, отсутствие рабочего класса, способного их возглавить, но вместе с тем указывал на значение этих войн в деле расшатывания устоев феодально-крепостнического строя. В своей речи на параде 7 ноября 1941 г., призывая советских воинов к разгрому фашистских орд, И. В. Сталин назвал среди великих предков русского народа Минина и Пожарского[3].

Коммунистическая партия решительно осудила вредные антинаучные взгляды Покровского. Разоблачив взгляды Покровского, искажавшего историческую действительность конца XVI — начала XVII в.[4], советские историки в своих исследованиях обратили внимание прежде всего на ключевые вопросы этого периода — предпосылки и развитие крестьянской войны, иноземную интервенцию и ее ликвидацию. В своей

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 117—127.

[2] *В. И. Ленин*. Соч., т. 6, стр. 384.

[3] См. *И. Сталин*. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1952, стр. 40.

[4] Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», т. I—II, 1939—1940, статьи В. И. Пичета и А. А. Савича.

большой работе «Крестьяне на Руси» Б. Д. Греков детально исследовал вопросы, связанные с историей крестьянства и феодального хозяйства на рубеже XVII в. Б. Д. Греков показал, как экономические условия второй половины XVI в. способствовали увеличению феодальных повинностей и вели к юридическому оформлению феодалами системы крепостного права в общегосударственном масштабе. Б. Д. Греков на основании своего исследования указывает, что «крестьянство и холопство всем предшествующим ходом своей истории было подготовлено к выступлению в грозный период истории России, известный под условным названием «Смуты»... несомненно, выступление крестьян и закрепощенных слуг есть одна из важнейших сторон этого сложного общественного движения»[1].

И. И. Смирнов в своем исследовании «Восстание Болотникова» впервые дал обобщающую картину антифеодальной борьбы крестьянства, начиная с 90-х годов XVI в., картину отдельных крестьянских волнений, переросших в повсеместное грандиозное восстание, представлявшее для крепостников смертельную угрозу[2]. Работы и публикации М. Н. Тихомирова и других исследователей дали интересный материал об антифеодальной борьбе и восстании Болотникова. Целый ряд работ советских исследователей посвящен народной борьбе с иноземной интервенцией как в местном, так и в общегосударственном масштабе. В этих работах показаны подъем широких слоев русского и других народов, входивших в состав Русского государства, на борьбу за освобождение Родины, значение национального центра — Москвы в разгроме врага и роль народных вождей Минина и Пожарского, возглавивших победоносное наступление русских войск. К работам, посвященным борьбе за Москву, следует отнести исследования С. В. Бахрушина, Г. Н. Бибикова, А. А. Новосельского, И. С. Шепелева и др.[3]. В них показано значение Москвы для объединения сил русского народа. Ряд работ показывают

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, М., 1954, стр. 333.

[2] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607. М., 1951.

[3] *М. Н. Тихомиров.* Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI, М.—Л., стр. 81—130; *А. А. Зимин.* К истории восстания Болотникова. «Исторические записки»,кн. 24, стр. 353—385; *С. В. Бахрушин* и *А. А. Савич.* Борьба за освобождение Москвы от интервентов в 1612 г. «Вестник Академии Наук СССР», М.— Л., 1947, № 7, стр. 62—72; *Г. Н. Бибиков.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой. «Исторические записки», кн. 32, стр. 173—197; «История Москвы», т. I, 1952; *И. С. Шепелев.* Организация первого земского ополчения в 1611 г. «Ученые записки Пятигорского педагогического института», кафедра общественных наук, сб. 5, Ставрополь, 1949, стр. 171—189; *его же.* Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в первом земском ополчении. «Сборник научных трудов Пятигорского государственного педагогического института», вып. 2, серия историко-филологическая, Пятигорск, 1948; *Н. И. Покровский.* Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609. «Ученые записки Ростовского на Дону Государственного университета им. В. М. Молотова», т. VI, вып. 3, Ростов-на-Дону, 1945, стр.3—45.

роль волжских городов в организации окончательной борьбы за освобождение[1]. Исследования В. П. Мальцева, К. Н. Сербиной, Г. А. Замятина, И. П. Шаскольского раскрывают отдельные героические моменты из истории борьбы с польскими и шведскими феодалами[2]. Научно-популярный характер имеют работы А. И. Козаченко и А. А. Савича о разгроме польской интервенции[3]. На основе марксистской методологии во всех этих работах показана подлинная роль народа и его отдельных представителей, исторические события впервые получили конкретное социально-экономическое обоснование.

2
УСИЛЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ В КОНЦЕ XVI В.

В последней четверти XVI в. продолжался дальнейший рост сети больших и малых рыночных центров, объединявших в первую очередь ближайшие округи. Так, например, можно указать на Болдин-Дорогобужский и Иосифо-Волоколамский монастыри, производившие закупку и продажу товаров в городах, разбросанных на значительной части центральной и северо-западной территории Русского государства — в Москве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Осташкове, Вязьме и других. В конце XVI в. русские купцы направляли в далекую Сибирь значительные массы промысловых и ремесленных товаров — изделия из железа, сермяжные сукна, холсты, кожи. Там эти товары обменивались на пушнину[4].

Не менее обширные торговые связи устанавливались в результате продажи таких товаров, как хлеб и соль, которых в силу различий естественно-географических условий Русского государства не было вовсе в одних местах и не хватало в других.

Строгановы, поставлявшие соль во многие пункты Русского государства, имели складочные места и центры оптовой продажи во Владимире, Калуге, Устюге, Вологде, Нижнем-Новгороде, Муроме, Кашире, Казани и в ряде других городов[5]. Среди оптовых покупателей соловецкой

---

[1] Сб. «Великое дело Минина и Пожарского». «Труды Горьковского педагогического института», вып. 11, Горький, 1943; *Л. Б. Генкин.* Ярославский край и разгром польской интервенции. Ярославль, 1939.

[2] *В. П. Мальцев.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1950; *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города (Тихвин). 1951; *Г. А. Замятин.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. «Ученые записки Молотовского госуд. педагог. ин-та», вып. II, 1941; *И. П. Шаскольский.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

[3] *А. И. Козаченко.* Разгром польской интервенции в начале XVII в., М., 1939; *А. А. Савич.* Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. М., 1939.

[4] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. I. М., 1952, стр. 32, 44 и др.

[5] *А. А. Введенский.* Строгановы в Казани XVI—XVII вв. «Киевский государственный университет. Труды Исторического факультета» т. I, 1939, стр. 71.

соли в Вологде встречались кашинцы, москвичи, костромичи, вологжане, ярославцы, угличане и многие другие, что дает нам возможность составить представление о размерах территории, снабжаемой солью с вологодского рынка[1].

Важнейшим товаром на внутреннем рынке становится хлеб. Возросло его значение как предмета купли-продажи для монастырей. Соловецкий монастырь, например, за 19 разных лет второй половины XVI в. закупил преимущественно в Вологде свыше 39 тысяч четвертей различного зернового хлеба и продуктов его переработки; Никольский Корельский монастырь за вторую половину века закупил 4330 четвертей (преимущественно в Холмогорах), Иосифо-Волоколамский монастырь за 14 разных лет с 70-х годов и до конца века — 2744 четверти зерна. За те же самые годы Соловецкий монастырь продал менее $^1/_2$% к общему количеству купленного им хлеба, Никольский Корельский монастырь — 21%; зато Иосифо-Волоколамский монастырь 221%. Отсюда видно, что монастыри крайнего севера имели односторонний пассивный баланс хлебной торговли, в то время, как торговый баланс монастырей центральной полосы государства имел резко выраженный активный характер.

Спасо-Прилуцкий монастырь систематически закупал хлеб в Вологде и перепродавал его в Холмогорах. Наряду с перепродажей купленного хлеба Иосифо-Волоколамский монастырь продавал на рынке значительное количество зерна и круп из своих вотчин[2].

Но не только монастыри осуществляли крупную торговлю хлебом. С хлебным рынком имели связи и светские феодалы — бояре и широкие слои дворянства. Даже царь получал «от оброчного хлеба и других припасов ... около 200 000 рублей или марок в год»[3].

Развитие внутреннего рынка, прежде всего хлебного, несмотря на запустение ряда районов в 70—80-х годах, не прекращалось, особенно в средней сельскохозяйственной полосе государства, где центральной фигурой в хозяйстве был землепашец. Крестьянин к концу XVI в. втягивался в оборот внутреннего рынка не только как поставщик сельскохозяйственных товаров, но и как покупатель. Из указанных выше закупок и продаж хлеба Иосифо-Волоколамского монастыря на долю крестьян монастырских сел и сел других владельцев приходилось 60% общего количества купленного и 22% общего количества проданного монастырем хлеба[4].

Разумеется, крестьянин покупал хлеб у монастыря не для перепродажи. Часто, особенно в тяжелые для крестьянского хозяйства 70-е и 80-е годы, в периоды неурожаев и бедствий, своего хлеба недоставало для прокормления семьи, на семена для нового посева. Не только хлеб

---

[1] ЦГАДА, ф. Соловецкого монастыря, кн. № 2, лл. 3 об., 4 об., 5 об., 7—10, № 4, лл. 1—11.

[2] *А. Г. Маньков.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.— Л., 1951, стр. 27—30.

[3] *Д. Флетчер.* О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 51.

[4] *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 30.

покупали крестьяне. Они покупали скот,— лошадей, быков, овец,—сено, солому и многое другое[1].

Итак, в конце XVI в. деревня не только поставляла товары на рынок сельскохозяйственных продуктов, но и предъявляла на них заметный спрос. Такое явление было в значительной мере новшеством. Но продавал крестьянин далеко не всегда излишки продукта. Он часто выносил на рынок нужное для себя, толкаемый необходимостью иметь деньги для выплаты оброка феодалу, либо государственных податей, собираемых зачастую в денежной форме.

В таком случае рынок не обогащал, а разорял основную массу крестьян и усиливал их зависимость от феодалов.

Весьма разнообразен был круг товаров, выносимых крестьянами на рынок. Помимо указанных выше сельскохозяйственных продуктов, здесь были в значительных количествах и продукты домашнего крестьянского ремесла или промысла: овчины, мед, холсты, сермяжные сукна и т. д. Волоколамский монастырь сотнями штук закупал у крестьян овчины, Кирилло-Белозерский монастырь купил однажды «у подмонастырских крестьян» более 800 аршин сукна, а Чудов монастырь закупил в Москве у крестьян 400 четвертей хмеля[2]. Некоторые крестьяне промышляли даже продажей леса[3].

Процессы общественного разделения труда, роста городов и складывания внутреннего рынка шли прежде всего за счет крестьянства, как основного слоя населения страны и основной производительной силы феодального общества. Эти процессы сказывались на судьбе деревни в двояком направлении. С одной стороны, углублялся отрыв некоторой части крестьян от земледелия, намечался переход ее в разряд торгово-ремесленных людей городских посадов. Возникали промежуточные типы поселений — рядки, торгово-ремесленные села со смешанным пашенным и непашенным населением[4]. С другой стороны, наблюдались явления имущественного расслоения деревни: росли зажиточная и неимущая части крестьянства. Как далеко в отдельных случаях могло заходить имущественное неравенство среди крестьян, видно на примере Куростровской волости в низовьях Северной Двины, где семь богатеев (4% от общего числа черносошных крестьян) выплачивали сбор на волостные нужды «по животам» в большем размере, чем выплачивали его 86 крестьян бедняков,

---

[1] ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря, кн. 10, л. 12; ОДРА, Приходо-расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря, кн. 6, л. 139; кн. 4, лл. 28—29 84 об.; кн. 6, лл. 138 об., 141; ЦГАДА, Собр. Волок., кн. 11, лл. 91 об., 92 и др.

[2] ОДРА, книги Иосифо-Волоколамского монастыря, № 7, лл. 78, 84; ЦГАДА, собр. Волоколамское, кн. 10, лл. 90 об., 91; *Н. Никольский*. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. СПб., 1910, т. I, ч. 2, отд. 2, стр. 118, 122; ЦГАДА, собр. Мазурина, кн. 273, л. 141.

[3] *Б. Д. Греков*. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома. ЛЗАК, вып. 34, стр. 291.

[4] Об этом см. гл. 2, § 4 настоящего издания.

составлявших почти половину домохозяев волости[1]. «Теперь некоторые крестьяне страны,— читаем в записях одного современника,— имеют много денег, но этим отнюдь не хвастаются»[2].

В условиях дальнейшего развития рынка и широкого участия в нем крестьянства заметен интерес феодалов к организации торжков на их землях. По челобитной Ярославского монастыря в 1588 и 1595 гг. правительство разрешило организацию торжков в монастырских селах Еремейцове и Федоровском на том основании, что оба села «от торгов отдалели», крестьянам торговать ездить далеко. Сбор тамги был отдан на откуп крестьянам тех же сел Постничку Гурьеву и Савке Антонову[3]. В 1596 г. таможенная откупная грамота была дана крестьянину Михалке Осипову «с товарищи» на торжок в селе Рождественном в поместье дьяка Щелкалова[4].

Рассмотренные явления подтверждают один и тот же процесс: дальнейший рост в последней четверти XVI в. предпосылок всероссийского рынка, хотя процесс этот тормозился временным хозяйственным запустением ряда районов в стране.

Поступательный ход развития экономики Русского государства был осложнен хозяйственным запустением 70—80-х годов XVI в., возникшим в результате целого ряда обстоятельств внутри- и внешнеполитической жизни Русского государства второй половины XVI в.

Длившаяся в течение двадцати пяти лет тяжелая Ливонская война привела к значительному напряжению народнохозяйственных сил. Одновременно с этим набеги крымских татар и их опустошительное нашествие вплоть до Москвы в 1571 г. имели следствием не только массовое уничтожение населения, но и уничтожение материальных богатств и средств производства на значительной части территории государства. В ходе Ливонской войны Иван Грозный предпринял ломку княжеско-боярского землевладения, сопровождавшуюся насаждением новых поместий и разорением крестьянского хозяйства. Разоренное, эксплуатируемое крестьянство бежало на юг: на Дон и в Поволжье. Во второй половине 60-х годов с наибольшей силой разразилась массовая эпидемия — «мор», приведшая к почти полному обезлюдению ряда районов страны[5]. Все это тяжелым бременем легло на плечи трудового населения и вылилось в хозяйственное разорение огромной силы, которое сказалось на всей экономике государства: оно отразилось на развитии ремесла и торговли,

[1] *А. И. Копанев.* Куростровская волость во второй половине XVI в. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия», сб. статей, М., 1952, стр. 152.

[2] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. М., 1925, стр. 121, 122 (Перевод уточнен).

[3] «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря», изд. И. А. Вахрамеева, т. I, М., 1896, стр. 77—79, 80—83.

[4] ААЭ, т. I, № 366, стр. 452—454.

[5] *А. А. Зимин.* Краткие летописцы XVI в. «Исторический архив», т. V, стр. 21—29.

привело к расстройству государственных финансов, к запустению ряда городов [1]. В наибольшей степени была подорвана основная отрасль производительной деятельности — сельское хозяйство. Формой проявления этого разорения было запустение центральных уездов государства и в особенности Новгородской и Псковской земель, на которых действие указанных выше причин сказалось в наибольшей степени. Превращение большей части когда-то возделываемой земли в «пустоши», в «перелог» и в землю, заросшую «лесом», происходило одновременно с массовым отливом населения из центральных уездов и большой его убылью в результате «моровых поветрий» [2].

По данным переписи 1582—1583 гг., количество запустевшей земли достигало в Вотской пятине 64,72%, в Шелонской — 83,58% и т. д., а в среднем пустота по новгородским пятинам превышала 60% [3]. Еще резче бросается в глаза соотношение по тем же землям «живущих» деревень и деревень, превратившихся в «пустоши». В Вотской пятине пустошей было 77,5%, в Шелонской (Залесская половина) — 90,2% [4] и т. д.

В таких же размерах запустение коснулось Московского уезда. По данным 1584—1585 гг., пашни паханной здесь было около 16%, а земли в перелоге было 84%. Доля жилых поселений к общему числу их составляла в Московском уезде 25,5%. В землях в. к. Симеона Бекбулатовича в Тверском уезде «пашня в пусте» превышала «живущую» более чем вдвое [5]. Массовое разорение крестьян центральных районов только расширяло возможности для усиления феодальной эксплуатации.

Запустение не коснулось лишь окраины государства — южных степных районов, Нижнего Поволжья, Прикамья и Поморского севера. Приток нового населения из центра сказался на хозяйстве некоторых из них даже в благоприятном смысле. В окраинном Тульском уезде к концу 80-х годов количество распахиваемой земли увеличилось более чем вдвое [6].

Таким образом, как следствие запустения явилось частичное изменение состояния производительных сил в отдельных районах страны, что отразилось на развитии экономики Русского государства. Сильное запустение городов в те же годы привело к сокращению ремесленного произ-

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, стр. 245; *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607, стр. 47.

[2] *В. Ф. Загорский.* Землевладение Шелонской пятины. «Журнал Министерства Юстиции», 1909, декабрь, стр. 194.

[3] *Н. Ф. Яницкий.* Экономический кризис в Новгородской области XVI в., Киев, 1915, стр. 52—53.

[4] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 48.

[5] *Е. Д. Сташевский.* Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в., вып. 1. Московский уезд. Киев, 1907, стр. 26—27; *И. И. Лаппо.* Тверской уезд в XVI в. «Чтения ОИДР», 1894, кн. IV, стр. 204.

[6] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси XVI в., 1899, стр. 317—346; *Г. М. Белоцерковский.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1915, стр. 165.

водства и внутренней торговли в отдельных районах страны[1]. Упала и внешняя торговля. Сильно сократился вывоз за границу воска, сала, кож, льна и пеньки[2]. Сокращение производства сельскохозяйственных и ремесленных товаров привело в конце 70-х — 80-е годы к значительному повышению цен на внутреннем рынке. Более всего поднялись цены на хлеб и ряд других сельскохозяйственных продуктов[3]. Так, Русское государство в 70—80-е годы попало в полосу глубокого хозяйственного разорения. Однако этот упадок хозяйства, несмотря на всю его глубину, был явлением временным[4].

Поскольку хозяйственное разорение проявлялось в запустении обрабатываемых земель и уменьшении размеров запашки, постольку можно говорить о преодолении его, что выражалось прежде всего в росте площади обрабатываемых земель. Это хорошо видно на примере крупных феодальных вотчин. Например, в селах Кисматове и Сабурове Троице-Сергиева монастыря в 1576 г. было 593$^{2}/_{4}$ чети в поле пахотной пашни, в 1593 г. уже 634 чети. В вотчинах того же монастыря, находящихся в трех станах Московского уезда, в 1584—1586 гг. было паханой пашни 2524 чети в поле, а в 1593 г.—3904,5 чети. Размер запашки, таким образом, увеличился более чем в 1,5 раза[5].

В двадцать одном погосте, изученном Б. Д. Грековым, где находились владения Новгородского Софийского дома, наблюдается тот же процесс подъема феодального хозяйства после упадка его в кризисные 70—80-е годы[6].

Значительный рост пашни и общее усиление хозяйственной активности в 90-е годы заметны и в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря. Общая площадь засеянных монастырских пустошей и нови в эти годы составляла 38,3% к площади старой пашни[7].

Повышение спроса на землю приводило к массовому захвату «порозжих» земель. Подъем хозяйства в 90-е годы вообще обострил борьбу за землю.

В числе наиболее активных захватчиков пустых земель оказался Борис Годунов. Губные старосты в сентябре 1596 г. обнаружили в трех погостах Бежецкой пятины большое количество «порозжих» земель, которые паханы и кошены безоброчно на Бориса Годунова: «и пахали и косили те пустоши, сказывают, на обиход твоего государева слуги и конюшево боярина Бориса Федоровича Годунова».

[1] *Н. Д. Чечулин.* Города Московского государства XVI в. СПб., 1889, стр. 81—159.

[2] *Д. Флетчер.* Указ. соч., стр. 12—14.

[3] *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 34, 72.

[4] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 254.

[5] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937, стр. 139.

[6] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 252—253.

[7] *И. И. Смирнов.* Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 68; ср. *К. Н. Щепетов.* Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. «Исторические записки», кн. 18, стр. 101—106.

Площадь безоброчных земель одной Тверской половины Бежецкой пятины в 1598 г. составляла около 1000 обеж, или 15 000 десятин пашни. Помимо распашки на себя, Борис Годунов организовал широкую раздачу государственных пустых земель на условиях оброка в свою пользу. Только в одном из погостов годуновские целовальники «мытили больша ста пустошей всяким людям... и оброк збирали и мытные им давали от себя»[1].

Подъем экономики Русского государства в 90-х годах XVI в. выражался и в росте торговли после сильного падения ее в 70—80-х годах. Следствием этого явилось заметное снижение в 90-е годы в сравнении с предшествующими годами цен на продукты сельского хозяйства (главным образом на хлеб), промыслов и ремесла[2]. Словом, в 90-е годы XVI в. начался некоторый подъем экономики. Это выражалось в росте запашки, в заселении опустевших земель центра и северо-западных районов Русского государства, наконец, в снижении цен на ряд важнейших продуктов сельского хозяйства и произведений ремесла.

Преодоление хозяйственного запустения сопровождалось новым нажимом на крестьян в интересах помещичьего хозяйства и феодального государства. Происходило дальнейшее расширение поместного земельного фонда, а также обеспечение помещичьих хозяйств рабочей силой. Нанеся удар реакционному боярскому землевладению в годы опричнины, правительство Ивана Грозного в 80-е годы проводит ограничение привилегий монастырского и церковного землевладения. В приговоре собора 1580 г. велено отписывать «на государя» вотчины, купленные монастырями и архиерейскими кафедрами у княжат, «чтоб в службу служилым людям земли прибавливати». Запрещались также земельные вклады в монастыри. Новый собор в 1584 г. отменил тарханы, т. е. податные привилегии духовных феодалов, «покаместа земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Все это мотивировалось интересами «воинства, служилых людей»[3].

Постановления соборов 1580 и 1584 гг. дали возможность увеличить фонд земель для испомещения, способствовали обеспечению поместий крестьянской силой и расширили круг лиц, несущих тягло в пользу государства[4].

Не менее важным мероприятием было описание земель в 80-е и 90-е годы XVI в. Описание подвело итог наличному составу освоенных земель в государстве и их состоянию в результате хозяйственного упадка. Перепись сопровождалась массовой раздачей земель помещикам, а писцовым книгам правительство придало характер акта, прикреплявшего крестьян к земле. Целью этой переписи была запись крестьян в писцовые

---

[1] РИБ, т. 38, стб. 8.

[2] *А. Г. Маньков*. Указ. соч., стр. 40 и 99.

[3] СГГиД, ч. I, № 202, стр. 594.

[4] *Н. С. Чаев*. К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. «Исторические записки», кн. 6, стр. 152.

книги по тем землям, где их застали «заповедные годы»[1]. Законодательное введение «заповедных лет» в 1581 г. явилось крупнейшим шагом в деле обеспечения помещичьего землевладения рабочей силой и тем самым решающей мерой на пути удовлетворения хозяйственных нужд дворянства. Однако историческое значение «заповедных лет» является неизмеримо большим. «Заповедные годы» были закономерным результатом социально-экономического развития Русского государства и наряду с другими мероприятиями 80—90-х годов XVI в. сыграли значительную роль в оформлении крепостного права в общегосударственном масштабе[2]. В эти годы «заповедывались» (запрещались) крестьянские переходы даже в том урезанном виде, как их допускали Судебники 1497 и 1550 гг.

Текст указа о «заповедных годах» до сих пор не найден. Тем не менее многие опубликованные архивные материалы убедительно показывают, что заповедными были 1581—1586, 1590, 1591, 1592, 1594 и 1596 гг.[3] Возможно, что только отсутствие документального материала не позволяет отдельные звенья этих лет соединить в единую цепь «заповедных годов». Лишь в 1601 и 1602 гг. по указу Бориса Годунова был разрешен временный частичный вывоз крестьян. В остальное время «заповедные годы» были в силе и никогда не отменялись[4].

Отмена права крестьянского перехода для поместного землевладения стала жизненной необходимостью.

В условиях хозяйственного разорения количество крестьянских переходов и бегство крестьян росли, служилые люди — помещики — оказывались в затруднительном положении: удерживать крестьян в Юрьев день они не имели права по закону, а своих средств и возможностей для привлечения новых крестьян у них было немного[5].

Запрещение крестьянских выходов, очевидно, касалось, всего государства[6]. Правительство в интересах феодалов-помещиков ввело законодательное прикрепление крестьян к земле, способствуя усилению эксплуатации крестьянского труда. С окончанием разорительной войны, с постепенной ликвидацией опричнины, расширением запашки несколько улучшилось общее хозяйственное состояние страны. Но положение крестьян, эксплуатация которых усиливалась, было попрежнему тяжелым. Массовое разорение крестьян центральных районов только расширяло возможности для усиления феодальной эксплуатации.

Для второй половины XVI в. характерным был дальнейший рост земель феодалов преимущественно поместного типа. В результате опричнины поместье становится господствующим видом феодального землевладения. В Вотской пятине поместные земли составляли 75,6%, в Шелонской —

---

[1] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 51; *Н. С. Чаев.* Указ. соч., стр. 158—159.
[2] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 50, 51.
[3] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 269, 306.
[4] *Н. С. Чаев.* Указ. соч., стр. 162.
[5] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 297.
[6] Там же, стр. 306.

94,8%; в Веневском уезде — 63,5%, в Казанском крае — 65,7%, в Тульском уезде — 91,7%; в Московском уезде и в ряде других уездов центра значительные массивы земель распределялись почти поровну между помещиками и монастырями. Особо интенсивные формы испомещение получило на юге страны — южнее реки Оки. Эта часть территории государства приобрела в конце века важное хозяйственное и политическое значение. Только север, Двинский край, был почти свободен от помещичьего землевладения. Там преобладали черные волостные земли, за счет которых росли монастырские вотчины[1]. Процесс поглощения крестьянских земель, имевший место всюду, где оставалось еще черное землевладение, можно проиллюстрировать на примере землевладения Белоозера. Если к концу века здесь оставалась еще немалая часть черных земель, то это следует объяснить упорной борьбой крестьянской общины с феодалами, наступавшими на волостные земли. Однако в начале XVII в. по указу царя оставшиеся на Белоозере черные земли также перешли к помещикам[2].

Наиболее существенные изменения в положении русского крестьянина были связаны с важнейшей особенностью в развитии феодального землевладения XVI в.— ростом собственной барской запашки. После упадка и разорения 70—80-х годов вновь, например, восстанавливается хозяйственная жизнь в вотчинах владимирского Константиновского, нижегородского Благовещенского монастырей и новгородского Софийского дома. При этом бросается в глаза восстановление и дальнейшее расширение в этих вотчинах монастырской запашки[3]. В конце 70-х годов крестьяне обрабатывали значительную барскую пашню в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря[4]. Расширение монастырской запашки за счет заимки крестьянской земли и поднятия «нови» наблюдалось и в Волоколамском монастыре, который с 1591 г. перевел всех оброчных крестьян на барщину. В 1592 г. почти вдвое в сравнении с 1589 г. увеличилось число детенышей, привлекавшихся на работу в монастырском хозяйстве[5].

Прямым следствием роста собственной барской запашки в условиях усиления крепостнического гнета явилось прогрессирующее уменьшение размеров запашки на крестьянский двор, которое достигло наибольшей степени в последней трети XVI в. Если в монастырских вотчинах центральных уездов в 50-е и 60-е годы средний размер запашки на один крестьянский двор был равен 7,8 четверти, то по данным, относящимся к 1576—1600 гг., в том же районе средний размер запашки на крестьянский двор составлял 4,8 четверти. Таким образом, крестьянская запашка

[1] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., гл. VII.

[2] *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.— Л., 1951, стр. 200—201.

[3] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 241—254.

[4] Там же, стр. 52.

[5] *К. Н. Щепетов.* Указ. соч., стр. 100—102.

в центральных уездах сократилась к концу века почти на 40%[1]. Еще более резкого снижения достигла запашка крестьянского двора по Новгородской области[2].

Захват крестьянской земли и усиление эксплуатации крестьян являлись результатом роста заинтересованности феодалов в увеличении товарности феодального хозяйства в обстановке развития товарно-денежных отношений и образования предпосылок всероссийского рынка.

Наряду с захватом земли феодалы стремились и к захвату крестьян как рабочей силы. Борьба за рабочие руки, составляющая характерную черту истории феодального землевладения в XVI в., в последней трети века принимает особенно острые формы. Существенной причиной этого была неодинаковая обеспеченность рабочей силой различных видов феодальных владений. В привилегированном положении были крупные монастырские вотчины. Иммунитет в форме тарханов, которым пользовались монастыри до середины 80-х годов, давал им возможность ставить крестьян, как и ранее, в несколько более льготные условия, чем это могли делать помещики, и этим привлекать крестьян на свои земли. Более же слаженный и организованный аппарат вотчинного управления позволял монастырям создавать достаточно сильный контроль за крестьянами, предотвращать побеги, успешнее разыскивать беглецов и т. д. Обширные пространства вотчин давали в свою очередь возможность «ухоронки» чужих беглецов и насильно перевезенных крестьян. Этим и объясняется, например, что в Московском уезде по писцовой книге 1584 г. средняя обеспеченность каждой четверти монастырской земли равнялась $^1/_{27}$ крестьянского двора, тогда как на поместной земле она составляла — $^1/_{37}$ крестьянского двора[3].

Еще до установления заповедных лет в 1581 г. господствующей формой передвижения крестьянства в пределах феодальных владений был вывоз крестьян землевладельцами, иногда с уплатой владельцу пожилого. В дворцовых селах и деревнях великого князя Симеона Бекбулатовича в 1580 г. из 306 крестьян, покинувших вотчину, 188 крестьян, т. е. почти $^2/_3$, было вывезено в другие владения. Лишь незначительная часть (53 человека) смогла уйти самостоятельно с соблюдением правил Судебника об отказе, а более 60 человек сбежало[4].

Однако простое увеличение количества крестьян в небольшой сравнительно мере могло удовлетворить стремление феодалов к увеличению доходности их имений. Гораздо более эффективным средством повышения производительности и товарности хозяйства в условиях господства феодального строя был путь усиления феодальной эксплуатации. Феодальная собственность на землю, составлявшая основу всего феодального строя,

---

[1] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 38—40.

[2] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 195.

[3] *Е. Д. Сташевский.* Указ. соч., стр. 66.

[4] *И. И. Лаппо.* Указ. соч., стр. 47.

была вместе с тем экономической основой усиления эксплуатации крепостных крестьян.

Усиление крепостнического гнета, составляя характерную черту социально-экономического развития Русского государства в конце XVI в., шло по нескольким направлениям. Главнейшим из них был рост барщины как прямое следствие организации и расширения собственной барской запашки.

Широкое распространение барщина получила во всех видах землевладения — от частновладельческих до государственных земель. Уже в ходе Ливонской войны была введена обязательная барщина для дворцовых крестьян в форме десятинной пашни. Каждый крестьянин дворцовых волостей обязан был пахать на государя четыре десятины[1]. С исключительной ясностью усиление эксплуатации помещичьих крестьян отразилось в новой редакции новгородских послушных грамот, получившей распространение с 70-х годов XVI в.: «И вы б все крестьяне, которые в том селе живут, (помещика) слушали, а пашню пахали и оброк платили, чем вас изоброчит». Эта формула узаконяла полный произвол помещика в установлении крестьянских повинностей («чем вас изоброчит»)[2]. Таким образом, временем значительного возобладания барщины следует считать 70-е годы. В последующее время барщина получила еще большее распространение.

По писцовым книгам Московского уезда 1584—1585 гг. барщинный труд крестьян был рядовым явлением и даже преобладал над другими видами повинностей. В Дмитровском уезде обычный размер барской запашки составлял две десятины с выти. В Коломенском уезде в 90-е годы барщина достигала трех десятин на выть[3]. В Дмитровских вотчинах Троице-Сергиева монастыря барщину отбывала 191 крестьянская выть и только 104 выти платили оброк[4]. По уставной грамоте 1590 г. крестьяне ряда сел и деревень вотчин Троице-Сергиева монастыря освобождались от денежных и натуральных поборов, но обязаны были пахать на монастырь пашню в размере пяти десятин с выти[5]. Патриарх Иов в 1590 г. во всех патриарших землях ввел барскую запашку. По его же указу в вотчинах Константиновского и Благовещенского монастырей барщина устанавливалась в размере 1,5 десятины на выть[6].

Один из крупнейших феодалов—Иосифо-Волоколамский монастырь в 1591 г. перевел на барщину всех оброчных крестьян. Это дало повышение доходов монастырской вотчины и увеличение «прибыльной» земли на 1636 четвертей. Если с оброчных крестьян в 1590 г. собиралось оброка 70 руб. 28 алт., то зерновая продукция этих крестьян в 1592 г. составляла по

[1] *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. 2, стр. 246.
[2] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 41—42.
[3] *Е. Д. Сташевский.* Указ. соч., стр. 43—44.
[4] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 154.
[5] ААЭ, т. I, № 348, стр. 421.
[6] *П. Иванов.* Описание государственного архива старых дел. М., 1850, стр. 237.

рыночным ценам 306 руб. 5 алт., т. е. в 4,3 раза более, чем в 1590 г. Одновременная раздача пустошей крестьянам «из снопов» (исполу, из третьего, четвертого и пятого снопа) вместо прежнего оброка в денежной форме дала увеличение доходов монастыря в пять раз [1].

В южных степных уездах имела распространение барщина в форме обработки помещичьей земли наездом. Однако барщина была, хотя и важнейшим, но далеко не единственным путем повышения эксплуатации крестьянства. Наряду с барщиной к концу XVI в. резко возрастает оброк. В связи с развитием рыночных отношений преобладающей формой оброка в ряде мест становится денежная. В Вотской пятине в первой половине века оброк деньгами выплачивало 6—9% крестьянских хозяйств, в 1568 г.— 16%, а в 1581 г. черная волость этой пятины знала только денежный оброк. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря в 90-х годах оброк выплачивался деньгами. Преобладание денежной формы оброка не исключало практики натуральных поборов с крестьян в различных видах — здесь и хлебный оброк натурой, и «столовые припасы» в виде определенного количества яиц, сыров, и подношения на праздники несколько раз в году, и многое другое [2]. Крестьяне содержали вотчинную администрацию — приказчиков, ключников, слуг и выплачивали судебные пошлины [3]. Крайне обширна была сеть торговых пошлин. Неукоснительно выплачивались крестьянами бытовые пошлины — «выводная куница», «новоженный убрус» и многое другое.

Вся эта масса вотчинных податей и повинностей ложилась на крестьян одновременно с государевым тяглом и различными государственными повинностями, которые к концу XVI в. также увеличивались в числе и возрастали в объеме.

Усиление феодальной эксплуатации крестьян приняло особо острые формы в период хозяйственного запустения 70—80-х годов. Высокие товарные цены этих лет служили в руках феодалов одним из дополнительных каналов повышения доходов с крестьянства [4]. В те же годы монастыри широко использовали иммунитетные права для усиления своего хозяйства. Вотчинные крестьяне облагались податями в большем размере, чем тяглые [5]. Произвольное увеличение барщины, оброка и других видов повинностей было формой классового наступления феодалов на крестьян с целью усиления их эксплуатации. В ходе этого наступления феодалы, далеко ушедшие от прежних установлений жалованных, уставных и послушных грамот относительно форм и размеров крестьян-

---

[1] *К. Н. Щепетов.* Указ. соч., стр. 100—102.

[2] ААЭ, т. I, № 348, стр. 421; № 357, стр. 435; *Е. Д. Сташевский.* Указ. соч., стр. 46.

[3] ААЭ, т. I, № 307, стр. 371—372; *Б. Д. Греков.* Монастырское хозяйство в XVI—XVII вв. Л., 1924, стр. 28—30.

[4] *А. Г. Маньков.* Указ. соч., стр. 34.

[5] Подобный случай см., например, у *Н. К. Никольского.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. I, вып. II, СПб., 1910, стр. 59.

ских повинностей, стремились «узаконить» насильно увеличенные ими размеры эксплуатации и с этой целью вставали при прямой поддержке правительства на путь создания новых грамот подобного рода. Жизнь вносила серьезные коррективы в устои феодального права. Не случайно поэтому в крупнейших монастырских вотчинах в конце 80-х — начале 90-х годов появляются уставные грамоты, которые под видом «регламентации» крестьянских повинностей «узаконивали» их высокий уровень, фактически существовавший в то время. Так, Соловецкий монастырь уставной грамотой 1591 г. утвердил норму дележа рыбы крестьянского улова «на трое, — на монастырь две доли, а третья доля крестьяном»[1]. Высокий размер барщины, оброков и взимание с крестьян множества других повинностей утвердили уставные грамоты Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастырей[2]. Податное бремя крестьян последнего из них в конце столетия стало куда напряженнее, чем оно было по «вытным» книгам 60-х годов.

В погоне за увеличением доходности своих имений феодалы прибегали к выколачиванию денег из крестьян и средствами иного порядка. Показателен в этом отношении пример Иосифо-Волоколамского монастыря. С 70-х годов монастырские власти стали прибегать к принудительному кредитованию крестьян, беря с них кабалы. Первоначально эта операция имела скромные размеры, но уже с начала 90-х годов принудительное кредитование крестьян проводилось в широком масштабе. Деньги давались «на животинный приплод» по 3 руб. на выть на год, причем только обеспеченным крестьянам. К 1594 г. эта операция дала монастырю 100 рублей прибыли. Недаром глава хозяйственного управления монастыря старец Мисаил Безнин писал: «Крестьянам будет от той многия животины приплод великой и прибытки многия, а монастырской казне прибыль великая, на всякой год имати по 600 рублев»[3].

Усиление эксплуатации крестьян при сохранении и даже упрочении основ феодального хозяйства и при отсутствии каких-либо дополнительных издержек производства в условиях роста внутреннего рынка и значительного повышения товарных цен могло означать только одно — повышение доходности феодального землевладения, с одной стороны, и обнищание широких масс крестьянства, с другой. Усиленное хозяйственным разорением обнищание крестьянства к концу века неуклонно возрастает. Проявлением этого был рост категории крестьян, которые «прожитком худы» и сидели на малом наделе, рост количества бобылей, монастырских детенышей, закладчиков и кабальных людей. Общее усиление феодальной эксплуатации к концу XVI в. ощутимо коснулось и

---

[1] ААЭ, т. I, № 351, стр. 425.

[2] Там же, стр. 421; *Н. К. Никольский*. Указ. соч., стр. 62—69. К этому же типу примыкает и Указная грамота в село Болашково Иосифо-Волоколамского монастыря. «Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века» М.—Л., 1948, стр. 161.

[3] *К. Н. Щепетов*. Указ. соч., стр. 104.

этих групп феодально-зависимых людей. Монастыри, например, снижали оплату труда детенышей. Обедневших крестьян и вольных людей, желающих идти в наймы, было значительное количество. Подмога детенышам в 80-е и 90-е годы выдавалась только в том случае, если детеныши переходили в категорию крестьян-старожильцов и тем самым окончательно закреплялись за вотчиной[1]. Кабальное холопство, пришедшее в обстановке развития товарно-денежных отношений на смену полному холопству, в конце XVI в. было превращено из временного состояния (при условии выплаты долга) в пожизненное — по смерть господина.

Наиболее полное осуществление эксплуатации крестьянства, кабальных людей и других категорий феодально-зависимых групп населения возможно было только при условии их полного закрепощения, при условии лишения права покидать своего владельца. Этот вопрос в интересах подавляющей массы феодалов-помещиков решило феодальное государство. Законы 80—90-х годов юридически завершали процесс усиления феодальной эксплуатации к концу XVI в. и оформляли крепостное право в России в общегосударственном масштабе. Ответом на усиление крепостнического гнета явилось обострение классовой борьбы в городе и в деревне в конце XVI в., вылившееся впоследствии в восстание под предводительством И. И. Болотникова.

3
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVII В.

Последнее пятнадцатилетие XVI в. отмечено постепенной ликвидацией хозяйственного запустения и восстановлением внешнеполитических позиций Русского государства, ослабленных Ливонской войной. Однако улучшение экономического положения и укрепление внешнеполитических позиций Русского государства в 80—90-х годах XVI в. происходило в условиях усиления феодально-крепостнического гнета и обострения борьбы между крестьянством и феодалами.

Сложность обстановки внутри государства усиливалась борьбой за власть между отдельными группировками внутри господствующего класса, вспыхнувшей с новой силой после воцарения сына Ивана Грозного — Федора (1584 г.). Личные качества нового царя, его полная неспособность править государством, ставили в порядок дня вопрос об организации верховной власти: о том, кто будет фактически управлять государством. Необходимые мероприятия, относящиеся к порядку управления Русским государством при Федоре, были сделаны еще самим Иваном Грозным, который создал своего рода регентский совет пяти бояр (Н. Р. Юрьев, И. Ф. Мстиславский, И. П. Шуйский, Б. Я. Бельский и Б. Ф. Годунов)[2].

---

[1] ЦГАДА, ф. Волоколамского монастыря, кн. 11, л. 100.

[2] *А. Н. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 185—186.

Однако создание опеки над больным царем не решило проблемы организации власти. В составе регентского совета имелись представители как княжеско-боярской группировки, так и выразители интересов помещичье-дворянских слоев. Наиболее видным членом регентского совета был царский дядя, Никита Романович Юрьев, активный деятель времени Ивана Грозного. Шуйские были признанными вождями княжеско-боярских кругов; виднейший деятель опричнины Б. Я. Бельский был сторонником продолжения опричной политики Ивана IV. Четвертый член—И. Ф. Мстиславский примыкал к Шуйским, в происходивших событиях он крупной роли не играл. Наконец Борис Годунов, царский шурин, повидимому, занимал первое время выжидательную позицию. Назревало новое обострение борьбы с боярской аристократией, борьбы, которая должна была завершить дело, начатое опричниной.

Сложность политической обстановки, создавшейся в момент смерти Ивана Грозного, увеличивалась тем обстоятельством, что помимо Федора Грозный оставил и другого сына, царевича Дмитрия (младший сын Ивана IV от седьмой по счету жены царя). Наличие второго кандидата в московские цари давало возможность использовать Дмитрия для различного рода политических интриг.

Первый акт в политической борьбе после смерти Грозного относится к первым же дням нового царствования. Возглавленный Б. Бельским[1] заговор имел целью «побить бояр» и восстановить опричные порядки времен Грозного. В случае успеха Бельский имел в виду посадить на престол царевича Дмитрия. Заговор Бельского потерпел неудачу. Против него выступили московские городские низы, движение которых было использовано боярской аристократией. Бельского удалось обвинить в намерении «известь царский корень». В результате в апреле 1584 г. он был отправлен в почетную ссылку — воеводой в Нижний-Новгород. Вслед за тем, 24 мая 1584 г. царевич Дмитрий с матерью и его родней по матери — Нагими были высланы в Углич (переданный по завещанию Ивана IV «в удел» Дмитрию)[2]. Ликвидировав группировку Бельского, правительство спешно созвало земский собор для утверждения на царство Федора. 31 мая 1584 г. Федор венчался на царство. Но это не прекратило борьбы.

В конце 1584 г. Н. Р. Юрьев заболел и сошел с политической сцены. Это обстоятельство дало возможность Борису Годунову выдвинуться на первый план.

Вся политическая биография Бориса Годунова тесно связана с опричниной, и именно как один из активных ее деятелей он сделал свою блестящую карьеру при Иване Грозном.

---

[1] Есть указания, что Иван IV назначил Бельского опекуном малолетнего Дмитрия. Во всяком случае Бельский был тесно связан с Нагими, принадлежавшими, так же как и сам он, к опричным кругам.

[2] *О. А. Яковлева.* К истории московских волнений 1584 г. «Записки Мордовского ...чно-исследовательского института», т. 9, Саранск, 1947, стр. 200.

Все современники единодушно признавали Бориса Годунова крупнейшим государственным деятелем Русского государства конца XVI в.

Политическая позиция Бориса Годунова при Федоре определялась его предшествующей деятельностью во время Ивана Грозного. Он был враждебно настроен по отношению к княжатам и являлся убежденным сторонником самодержавного строя.

Прекращение политической деятельности Н. Р. Юрьева привело к выдвижению на первое место Бориса Годунова. Переход к нему власти вызвал новый взрыв борьбы. На этот раз борьбу княжеско-боярских кругов против Годунова возглавил кн. И. Ф. Мстиславский[1]. Княжата предполагали убить Бориса Годунова. Князь Мстиславский «умысли в дому своем пир сотворити и, Бориса призвав, тогда его и убити»[2]. Годунову, однако, удалось довольно легко разгромить заговор княжат. Глава заговора, И. Ф. Мстиславский, был насильственно пострижен в монахи, а его соратников «Воротынских и Головиных и иных многих» Борис «поима и по городом разосла, а иных в темнице затвори»[3].

Расправа с Мстиславским не коснулась наиболее видных деятелей из княжеско-боярского лагеря: Шуйским удалось сохранить свои позиции. В то же время, ликвидируя заговор, правительство Годунова демонстрировало направленность своей политики против княжат. Это, несомненно, ускорило новый взрыв политической борьбы. Во главе движения встали на этот раз Шуйские.

План Шуйских заключался в том, чтобы, использовав бездетный брак царя Федора, обвинить в «неплодии» царицу Ирину, сестру Бориса Годунова, и потребовать развода царя. Успех этого плана означал бы конец политической карьеры Бориса Годунова. План этот давал возможность Шуйским развить демагогическую агитацию среди населения Москвы и изобразить себя как заботящихся о благе государства и царской династии. Шуйских поддерживал московский митрополит Дионисий. Кроме того, Шуйские рассчитывали в своей борьбе против Годунова опереться на родственников царя и установили связь с вдовой убитого Грозным сына, царевича Ивана, «старицей Парасковьей», жившей в Суздальском Покровском монастыре.

Главной массовой силой движения явились торговые люди Москвы, «торговые мужики», недовольство которых крепостнической политикой было использовано Шуйскими. Выступление произошло в начале 1587 г. Правительство оказалось в опасности. Московским властям пришлось даже отсиживаться в кремле в осаде от «заворовавших» торговых мужиков. Тем не менее правительству удалось справиться с выступлением «мужиков», и оно ответило на заговор Шуйских казнями его

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 36.

[2] *Н. М. Карамзин*. История государства Российского, изд. Эйнерлинга, кн. 3, т. X, СПб., 1843, прим. 60.

[3] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 36.

участников. Митрополит Дионисий был лишен кафедры и сослан в монастырь, уступив свое место стороннику Бориса Годунова, Иову. Подавление движения Шуйских означало ликвидацию наиболее сильной княжеской группировки. События 1587 г. как бы подводят итог борьбы за власть, начавшейся после смерти Ивана Грозного. С этого момента положение Бориса Годунова окончательно упрочивается, и он становится признанным фактическим правителем Русского государства.

Свое положение правителя государства Борис Годунов закрепляет и юридически. Ему присваивается исключительный по пышности титул «правителя, слуги и конюшего боярина и дворового воеводы и содержателя великих государств, царства Казанского и Астраханского». Наконец, с 1588—1589 гг. Борис Годунов получает право непосредственных сношений с иностранными государствами от своего собственного имени.

Достигнутое Борисом Годуновым положение естественно ставило перед ним вопрос о дальнейших перспективах. Бездетность царя Федора была фактом. К тому же 15 мая 1591 г. в Угличе при загадочных обстоятельствах погиб царевич Дмитрий[1]. Смерть царевича Дмитрия по существу предрешила вопрос о прекращении династии Ивана Грозного и вместе с тем с той же определенностью поставила вопрос о том, к кому должна перейти корона. Положение Бориса Годунова было таково, что создавало все предпосылки для решения этого вопроса в его пользу.

---

[1] Из трех версий, существующих в исторической литературе по вопросу о событии 15 мая 1591 г.: 1) Дмитрий был убит по приказу Годунова; 2) Дмитрий закололся сам ножом в припадке падучей во время игры в «тычку»; 3) убит был не Дмитрий, которому удалось спастись, а другое лицо,— безусловно лишенной всякого научного значения можно считать лишь последнюю. Факт смерти царевича не подлежит сомнению. Гораздо серьезнее вопрос о причастности Бориса Годунова к смерти Дмитрия. Тенденция некоторых историков реабилитировать Годунова при помощи тезиса о «самоубийстве» царевича Дмитрия очень спорна. Основной аргумент сторонников этой точки зрения на угличские события,— что Борису Годунову не было никакого смысла убивать Дмитрия, так как законность прав Дмитрия на московский престол была сомнительна, а у Федора могли появиться дети,— явно несостоятелен. Что вопрос о кандидатуре Дмитрия в московские цари был вполне реальным, Борис Годунов мог убедиться еще в 1584 г. в связи с делом Бельского. Режим в Угличе, установленный Годуновым, со строгим контролем над всеми действиями родни царевича со стороны специальных агентов правительства, говорит о том, что политическое значение Дмитрия продолжало сохраняться и позднее. Наконец, Флетчер, уехавший из Русского государства в 1589 г., в своем сочинении, вышедшем в год смерти Дмитрия, но еще при его жизни, прямо писал о Дмитрии, что «жизнь его находится в опасности от покушения тех, которые простирают свои виды на обладание престолом в случае бездетной смерти царя», явно намекая при этом на Годунова. Что же касается ссылки на возможность появления у Федора детей, подкрепляемой указанием на то, что в июне 1592 г. у Федора действительно родилась дочь, то и ее несостоятельность очевидна. Предвидеть то, что произошло через год с лишним после смерти Дмитрия, никто не мог. Напротив, все говорило об обратном: до 1591 г. у царицы Ирины дети неизменно рождались мертвыми. Таким образом, было бы неосновательно отрицать участие Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия; наоборот, причастность его к убийству более чем вероятна.

Смерть царя Федора Ивановича (7 января 1598 г.), означавшая вместе с тем и прекращение династии, сразу же создала обстановку политического кризиса, содержанием которого явился новый взрыв борьбы за власть между различными группировками феодалов, стоявших у власти.

Наиболее сильная позиция была, конечно, у Бориса Годунова. Помимо того, что в его руках, как правителя государства при Федоре, находилась фактическая власть, его поддерживал патриарх Иов. Наконец, немалое значение имело и то, что он был брат царицы. Однако кандидатура Бориса Годунова встречала и очень сильное сопротивление, прежде всего со стороны княжат во главе с Шуйскими[1]. Но политические позиции Шуйских были настолько ослаблены, что сами они даже не пытались выступать в качестве претендентов на русский престол. Поэтому борьба развернулась между Годуновым и Романовыми. Принадлежа к той же группировке, что и Борис Годунов, Романовы явились наиболее опасными его соперниками. Романовы, которые были царскими родственниками, опирались на сильную группу знати и умело использовали недовольство Годуновым в кругах княжат.

Решающее значение для исхода борьбы имело то, что кандидатуру Бориса Годунова поддерживала основная масса дворянства. Именно дворяне, помещики — служилые люди являлись определяющей силой в составе земского собора, который должен был формально решить вопрос об избрании нового царя. 17 февраля 1598 г. на земском соборе царем был избран Борис Годунов.

* * *

Внутренняя политика в царствование Федора Ивановича и Бориса Годунова была продолжением политики Ивана Грозного. Правительство стремилось укреплять централизованное государство, опираясь на дворянско-помещичьи слои, оттесняя на задний план княжеско-боярскую знать. Наблюдатели-современники, оставившие нам характеристику деятельности Бориса Годунова, прежде всего подчеркивают ее антибоярскую направленность. Флетчер прямо говорит, что Годунов продолжает политику Ивана IV, «стараясь всеми мерами истребить или унизить всю благороднейшую и древнейшую знать»[2].

Русские источники вполне подтверждают показания иностранцев. Автор хронографа, например, видит причину гибели Бориса Годунова в том, что он навел на себя «от всех Русския земли чиноначалников негодование»[3]. Об этом же говорит и дьяк Иван Тимофеев, указывая, что своей политикой Борис Годунов вонзил в сердца «величайших»,

---

[1] *С. Ф. Платонов*. Борис Годунов. Пг., 1921, стр. 132.

[2] *Д. Флетчер*. О государстве Русском, стр. 32. Перевод уточнен С. Ф. Платоновым; ср. *И. Масса*. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937, стр. 44.

[3] *А. Н. Попов*. Указ. соч., стр. 189.

т. е. родовой знати, «неугасну стрелу гнева к ненависти»[1]. Наконец, само правительство в наказе русскому послу в Литве Исленьеву в 1591 г. следующим образом характеризовало политику Бориса Годунова: «строенье его в земле таково, каково николи не бывало, как в служилых людях, так в торговых и в черных; никто большой, ни сильной никакова человека, ни худого сиротки не изобидят»[2]. Итак, в числе тех социальных групп, защиту интересов которых правительство Бориса Годунова официально объявляло целью своей политики, не оказывается боярства; напротив, его легко можно угадать в тех «больших» и «сильных» людях, от которых Борис Годунов собирался защищать служилых людей (и другие социальные элементы). В качестве наиболее выдающегося мероприятия Бориса Годунова в области внутренней политики в наказе Исленьеву называется земельная реформа.

Около 1591 г. был издан очень важный закон об обелении пашни служилых людей. Содержание этого закона заключалось в том, что обелялась, т. е. освобождалась от платежа налогов и несения повинностей в пользу государства, помещичья пашня, т. е. та часть поместья, которая обрабатывалась на помещика (на крестьянскую пашню льгота не распространялась). При этом правом на обеление своей пашни пользовались лишь те помещики, которые лично несли военную службу и жили в своих поместьях[3]. Этот закон стимулировал расширение помещиками их собственной запашки. Правительство, следовательно, усматривало свою задачу прежде всего в укреплении позиций помещиков.

Обстановка, в которой Борис Годунов достиг царского трона, заставляла его сразу же сконцентрировать внимание на укреплении своих позиций. Это было достигнуто Борисом Годуновым прежде всего путем демонстративного подчеркивания дворянского характера своей политики. Воспользовавшись сведениями о походе крымцев на Русское государство, Борис Годунов летом 1598 г. произвел общую мобилизацию всех военных сил государства и сам направился в лагерь под Серпуховым, где было сосредоточено войско. Несмотря на то, что поход не состоялся, Борис Годунов использовал этот съезд служилых людей — помещиков для массовой раздачи жалованья, подарков и т. д. и всячески подчеркивал свое расположение к дворянскому войску. В результате Борис Годунов добился большого политического успеха: служилые люди «видяще от него милость, возрадовались, чаяху и впредь себе от него такого жалованья». Есть известие о том, что Борис Годунов провел важную реформу в армии, облегчив вдвое обязанности служилых людей, увеличив в два раза участок земли, с которого должен был поставляться воин (со 100 до 200 четвертей)[4].

---

[1] «Временник Ивана Тимофеева». М., 1951, стр. 75.

[2] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. X, примечание 196.

[3] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке, стр. 266—269.

[4] *В. П. Татищев.* «Судебник государя царя и великого князя Ивана Васильевича». М., 1786, стр. 237—238.

Наряду с укреплением своей опоры на дворянство — помещиков, Борис Годунов развил не менее энергичную деятельность по разгрому враждебных ему боярских группировок. Попытки Романовых (а также Б. Бельского) продолжать закулисную борьбу против нового царя закончились тем, что в конце 1600 или в начале 1601 г. и Бельский и Романовы были обвинены в покушении на жизнь царя и некоторые из них заключены в тюрьму, другие отправлены в ссылку. Наиболее видный представитель фамилии Романовых, Федор Никитич, был пострижен в монахи и этим политически обезврежен. Ликвидация группировки Романовых-Бельского также способствовала упрочению нового положения Бориса Годунова.

Укрепляя дворянское землевладение, правительство Бориса Годунова явно стремилось ограничить рост земельных владений монастырей и даже делало попытки секуляризации части монастырских земель путем организации в 1593—1594 гг. проверки прав монастырей на владение землями и отписки «на государя» монастырских вотчин, на которые у монастырей не было документов[1]. По отношению к боярскому землевладению правительство Бориса Годунова продолжало политику дальнейшего наступления на княжеско-боярские вотчины, начатую еще Иваном Грозным, причем теми же методами — конфискацией земель, в первую очередь своих политических противников.

Одним из существенных моментов внутренней политики 80—90-х годов была политика в отношении посадского населения,— «посадское строение» 1600—1601 гг. Сущность этой политики заключалась в принудительном возвращении на посады разбежавшихся тяглецов, а также лиц, связанных с посадскими тяглецами «по родству». В ходе «посадского строения» осуществлялось и более радикальное мероприятие, заключавшееся в переводе на посады различных категорий населения, «всяких чинов людей», по экономическому принципу, «по торгам и промыслам», независимо от владельческой принадлежности этих людей. «Стройщики», осуществлявшие «посадское строение», отписывали в посады владельческих крестьян, бобылей, захребетников, подсуседников, дворников, принадлежавших к различным категориям феодальных землевладельцев, а также присоединяли к территории посадов целые частновладельческие слободы. На посад брались также и служилые люди по прибору: пушкари, воротники, казенные сторожа и т. д. «Посадское строение» правительства Бориса Годунова отражало усиление удельного веса городов в Русском государстве и возрастание политической роли посадского населения. Посадская политика Бориса Годунова была направлена своим острием против феодальной знати и соответствовала интересам экономических верхов посада, активно поддерживавших царя Бориса[2].

---

[1] *С. В. Рождественский.* Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в. ЖМНП, 1895, № 5, стр. 70—83.

[2] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М., 1947, стр. 165—188.

Столь же определенный характер носит политика Бориса Годунова в вопросе о крестьянах и других группах феодально-зависимого населения. Законодательство и другие мероприятия правительства Бориса Годунова, касающиеся крестьян, имели целью оформление и закрепление нового положения крестьянства, созданного законами о заповедных годах.

Первым крупным мероприятием в крестьянском вопросе явилось составление писцовых книг в 80—90-х годах XVI в.[1] Лишив крестьян права законного перехода от одного землевладельца к другому, правительство стремилось юридически зафиксировать результаты указов о заповедных годах и дать землевладельцам документальный материал, подтверждающий их право на находящихся на их земле крестьян. Таким документом и должны были стать писцовые книги.

Другим крупнейшим мероприятием в этом вопросе явились законы 1597 г. о крестьянах и кабальных людях. Закон 24 ноября 1597 г. о сыске беглых крестьян устанавливал порядок борьбы против нарушения законов о заповедных годах.

Все крестьяне, бежавшие от своих землевладельцев за пять лет до издания закона, должны были быть возвращены «по суду и по сыску... с женами и с детьми и со всеми животы... назад, где кто жил». Крестьяне же, бежавшие «лет за 6 и за 7 и за 10 и больши» до 1597 г., возвращались к старым владельцам лишь в том случае, если последние до издания закона «били челом» о бежавших от них крестьянах[2]. В противном случае крестьянин оставался за новым владельцем.

В том же 1597 г., в феврале, правительство издало закон о кабальных людях, не менее важный по своему значению, чем закон о крестьянах.

Закон 1 февраля 1597 г. коренным образом менял положение кабальных людей. Кабальные люди теперь лишались права ликвидировать свою зависимость путем уплаты долга и должны были оставаться в зависимом состоянии вплоть до смерти господина. Одновременно с усилением крепостнической зависимости кабальных людей закон 1 февраля 1597 г. ликвидировал целую группу свободного населения — добровольных людей или «добровольных холопов», т. е. свободных людей, служивших у своих хозяев «добровольно», «без крепостей» и сохранявших право ухода от хозяина «с отказом или без отказа». Закон 1597 г. превратил этих «вольных людей» в кабальных холопов, предписав в принудительном порядке взять со всех тех добровольных людей, которые прослужили к моменту издания закона больше полугода, служилые кабалы. Кроме того, закон 1597 г. вводил обязательную регистрацию всех холопов

[1] *Н. С. Чаев.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве XVI в. «Исторические записки», кн. 6, стр. 158—159. В Уложении 9 марта 1607 г. новые писцовые книги названы «книгами 101 года» (т. е. 1592—1593 гг.), очевидно по году окончания основной массы писцовых книг.

[2] АИ, т. I, № 221/III, стр. 421.

и кабальных людей в приказе Холопьего Суда, где в особых записных кабальных книгах должны были записываться имена кабальных людей и служилые кабалы [1].

Законы о крестьянах и кабальных людях позволяют охарактеризовать политику правительства Бориса Годунова как политику дальнейшего усиления крепостничества, как новый этап в развитии крепостного права. Они ярко характеризуют рост внеэкономического принуждения, укреплявшего экономическую власть помещиков-крепостников.

Стремясь не допустить взрыва нараставших классовых противоречий между помещиками и крестьянами, опасного для крепостнического государства в целом, Борис Годунов сделал попытку ограничить стремление землевладельцев к усилению крепостнической эксплуатации крестьянства путем регламентации крестьянских повинностей [2].

В июле 1601 г. в Кирилло-Белозерский монастырь прибыла специальная царская комиссия, которой было предписано произвести учет повинностей крестьян в пользу монастыря и заменить старые виды повинностей новыми: «крестьянам пашни пахати на монастырь по две десятины на выть»[3]. Однако никаких существенных изменений в положение крестьян эта попытка не внесла, так как ограничения размеров крестьянских повинностей можно было добиться лишь путем принуждения землевладельцев, в первую очередь — помещиков, а Борис Годунов меньше всего хотел ссориться с помещиками — его главной социальной и политической основой.

К числу крупных проблем политики правительства Бориса Годунова принадлежало освоение Поля, т. е. южных окраин Русского государства.

Продолжая эту политику, правительство Бориса Годунова организовало строительство ряда новых городов-крепостей в районе Поля [4].

* * *

Жизненную необходимость укрепления южных границ Русского государства доказал набег крымцев в 1591 г., когда им снова удалось дойти до самой Москвы.

Имея прежде всего военное значение оборонительной системы против крымцев и ногайцев, новые города в то же время являлись и опорными пунктами колонизации. Колонизация «дикого поля» шла различными

---

[1] АИ, т. I, № 221/II, стр. 417—420.

[2] «Донесение о поездке в Москву придворного римского императора Михаила Шиля в 1598 году». «Чтения ОИДР», 1875, кн. 2, отд. IV, стр. 17.

[3] *Н. К. Никольский.* Указ. соч., стр. 69.

[4] Ливны (1586), Воронеж (1586), Курск (восстановлен 1597), Елец (1592), Кромы (1595), Белгород (1598), Оскол (1598), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1600) (*А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М., 1948, стр. 44; ДАИ, т. IX, № 106, стр. 257).

путями и из нескольких источников. Старейший элемент в составе населения Поля составляло казачество. В Поле «выходили» и становились казаками прежде всего крестьяне и холопы, бежавшие сюда от крепостного гнета. Особенно усилилось бегство в Поле в конце XVI в. Авраамий Палицын говорит о скоплении в районе «дикого поля» двадцати тысяч беглых холопов[1]— цифра, дающая представление о масштабах движения населения в Поле. Наряду с этим правительство Русского государства само проводило политику освоения Поля прежде всего за счет служилых людей.

Политика правительства, однако, не исчерпывалась мероприятиями по переселению в район «польских» городов населения из других областей Русского государства. Главная задача правительства состояла в том, чтобы включить в сферу действия государственной власти вольные элементы населения Поля. Это достигалось путем привлечения казачества Поля на «государеву службу» в качестве так называемых «приборных людей»: служилых атаманов, стрельцов, пушкарей, вожей, ездоков и т. д., составлявших гарнизоны «польских» городов. Расширение территории Русского государства не ограничивалось освоением «дикого поля».

Задачей политики правительства Бориса Годунова являлось дальнейшее укрепление позиций Русского государства в Поволжье. Смерть Ивана Грозного совпала с новым восстанием в Поволжье. После его подавления при царе Федоре в Среднем Поволжье был построен ряд новых городов: Санчурск (1585), Цывильск (1590), Уржум (1595). Этот процесс строительства городов охватывает и Нижнее Поволжье, где возникают Самара (1586), Уфа (1586), Царицын (1588), Саратов (1590). Освоение Русским государством Нижнего Поволжья имело своим следствием подчинение Русскому государству ногайцев. В 1587 г. стоявший во главе Большой Ногайской орды князь Урус вынужден был «учиниться в государя московского воле». Используя внутреннюю борьбу феодальных группировок в Большой Ногайской орде, Борис Годунов закрепил подчинение орды формальным актом возведения в 1600 г. в сан князя мурзы Иштерека[2].

Конец 80-х и начало 90-х годов характеризуются усилением враждебной деятельности крымцев, выразившейся в ряде походов, самым крупным из которых был поход хана Казы-Гирея в 1591 г. Однако начавшаяся в 1593 г. турецко-венгерская война, в которой на стороне турок участвовал и Крым, заставила Казы-Гирея пойти в 1594 г. на возобновление мирного соглашения между Москвой и Крымом[3].

Не меньшей активностью отличалась политика Русского государства по отношению к Сибири. Западная Сибирь в конце XVI—начале XVII в. была окончательно включена в состав Русского государства[4].

---

[1] РИБ, т. XIII, стб. 484.

[2] *М. Н. Тихомиров*. Малоизвестные летописные памятники XVI в. «Исторические записки», кн. 10, стр. 93—94; ср. *А. А. Новосельский*. Указ. соч., стр. 34—40.

[3] *А. А. Новосельский*. Указ. соч., стр. 41.

[4] Подробнее см. гл. IV, § 4 настоящего издания.

Видное место во внешней политике Русского государства в 80—90-х годах занимал также Кавказ. Русское правительство вело политику восстановления утраченных во время Ливонской войны позиций на Северном Кавказе. В 1588 г. в устье Терека был поставлен укрепленный Терский городок. В 90-х годах был возобновлен городок на реке Сунже. Восстанавливается подданство кабардинских князей. В 80—90-х годах правительство Бориса Годунова настойчиво стремилось распространить влияние Русского государства вглубь Кавказа, что облегчалось стремлением кавказских народов, истребляемых Турцией и Персией, получить помощь и поддержку Русского государства, в котором эти народы видели единственную тогда силу, способную противостоять турецкой и персидской экспансии. Стремление Грузии опереться на Русское государство находит свое выражение в обращении кахетинского царя Александра в 1586 г. к царю Федору Ивановичу с заявлением о том, что он «сам своею головою и со всею своею землею под кров царствия и под вашу царскую руку рад поддаетца»[1]. Русское правительство ответило согласием на это обращение.

Превращение Грузии в союзное России государство заставило правительство Бориса Годунова развить усиленную деятельность по обеспечению связей с Грузией и начать борьбу с дагестанскими феодальными княжествами, в частности с наиболее сильным дагестанским князем-шамхалом (правителем) Тарковским, владения которого преграждали путь из Русского государства (из Астрахани) в Закавказье. Борьба с тарковским шамхалом продолжалась в течение всего царствования Федора Ивановича и Бориса Годунова[2].

Улучшение экономического положения Русского государства к 90-м годам XVI в. и укрепление центральной власти явились той базой, которая позволила правительству Бориса Годунова вести активную внешнюю политику и на Западе. Перемирие, заключенное с Польшей в 1582 г., оставило неразрешенными все спорные вопросы русско-польских отношений. Опасность возобновления новой войны с Польшей усиливалась тем, что политика Стефана Батория носила явно агрессивный характер и имела целью добиться гегемонии Польши в Восточной Европе.

После смерти Ивана IV Польша объявила уничтоженным договор 1582 г. о перемирии и открыто начала готовиться к войне. Стремление Батория начать немедленно войну, однако, встретило сопротивление со стороны польских панов, боявшихся, что это приведет к усилению королевской власти в Польше и подорвет их политические позиции в стране. Поэтому сейм отказался дать королю денег на войну; это заставило Батория согласиться заключить перемирие на два года (до июня 1587 г.). Смерть Стефана Батория (12 декабря 1586 г.) и новое «бескороле-

---

[1] «Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива министерства иностранных дел С. А. Белокуровым», вып. I, М., 1889, стр. 12.

[2] Подробнее см. гл. V, § 8 настоящего издания.

вье» парализовали на время внешнеполитическую активность Польши, тем более, что возник вопрос о кандидатуре Федора в польские короли. Кандидатура Федора поддерживалась литовскими панами, но встречала сопротивление со стороны польских магнатов, во главе которых стоял гетман Замойский.

Польское «бескоролевье» закончилось после длительной борьбы между отдельными группировками избранием польским королем шведского принца Сигизмунда (племянника польского короля Сигизмунда II Августа), короновавшегося в декабре 1587 г.[1] Русское правительство использовало «бескоролевье» и переговоры о кандидатуре Федора для заключения длительного перемирия с Польшей на 15 лет: с августа 1587 по август 1602 г.; в 1591 г. это перемирие было подтверждено договором с правительством Сигизмунда. В итоге, после трех лет исключительно напряженных русско-польских отношений, Русское государство могло констатировать большой внешнеполитический успех, заключавшийся в устранении опасности войны с Польшей.

Урегулирование отношений с Польшей дало возможность русскому правительству сосредоточить усилия на решении наиболее важной внешнеполитической проблемы, стоявшей тогда перед Русским государством, — проблемы выхода к Балтийскому морю.

Захват шведами Нарвы по договору 1581 г. заставил русское правительство принять ряд мер, имевших своею целью компенсировать тот удар русской торговле, который был нанесен ей потерей выхода в Балтийское море. Торговая политика Русского государства была направлена к тому, чтобы усилить торговое значение другого пути, связывавшего Русское государство с Западной Европой. Это был беломорский путь, находившийся почти в монопольном пользовании англичан. Наряду с ним имелся и третий центр внешнеторговых отношений Русского государства — Мурманский берег с портом Колой.

В отличие от Белого моря в Колу приезжали торговать купцы из Франции, Дании, Нидерландов, Брабанта, подрывая монополистические стремления англичан.

Новое в торговой политике Русского государства заключалось в стремлении сконцентрировать внешнеторговые операции с Западной Европой в одном месте, на Белом море, ликвидировав торговлю с иностранцами на Мурманском побережье, в связи с угрозами датчан захватить Мурманский берег. Постройка Архангельска в 1584 г. позволила осуществить этот план.

Напряженные отношения с Польшей в первые годы после смерти Ивана IV не давали Русскому государству возможности проведения активной политики в сношениях с Швецией. В 1585 г. между Русским государством и Швецией было достигнуто соглашение о продлении перемирия

[1] См. также «История Польши» под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера и П. Н. Третьякова, М., 1954, стр. 221.

на четыре года. Истечение срока перемирия (начало 1590 г.) совпало с урегулированием польского вопроса, и Русское государство немедленно начало военные действия против Швеции. Русско-шведская война продолжалась до 1593 г. и закончилась заключением «вечного мира» с Швецией (в Тявзине) в 1595 г. По Тявзинскому договору Швеция возвращала Русскому государству захваченные ею русские города: Ивангород, Ям, Копорье, Корелу, сохраняя за собой Нарву. Таким образом, Русскому государству удалось ликвидировать наиболее тяжелое последствие Ливонской войны—вернуть выход к Балтийскому морю. Это был самый крупный внешнеполитический успех правительства Бориса Годунова.

Активно борясь за укрепление международного положения Русского государства, правительство Бориса Годунова вместе с тем проводило политику усиления культурных связей с Западной Европой.

В 1600 г. правительство Бориса Годунова направило в Любек некоего Романа Бекмана для приглашения в Русское государство врачей, рудознатцев, суконников, часовщиков и других специалистов. Около этого же времени правительство командирует в Англию, Францию и Германию «русских робят» (дворянскую молодежь) «для науки розных языков и грамоте»[1].

Стремление укрепить международные связи нашло отражение в брачных проектах Бориса Годунова о выдаче замуж своей дочери за шведского или за датского принца.

Особое место во внутренней и внешней политике Русского государства конца XVI в. занимал церковный вопрос. Церковь в России, не имевшая самостоятельного патриарха, оказывалась в подчиненном положении по отношению к константинопольскому патриарху.

После длительных переговоров с константинопольским патриархом Борису Годунову удалось добиться согласия с его стороны на учреждение в Русском государстве патриаршества, и в 1589 г. церковным собором был избран патриархом московский митрополит Иов — ставленник Бориса Годунова.

Введение патриаршества сыграло большую роль в деле укрепления церкви, «освящавшей» власть московских государей.

И внутреннее состояние, и международные отношения Русского государства после смерти Ивана Грозного свидетельствовали о том, что правительство Бориса Годунова преодолевало тяжелые последствия разорения 70—80-х годов. Однако эти попытки выйти из тяжелого внутри- и внешнеполитического положения производились за счет непомерного увеличения феодально-крепостнического гнета. Ответом на это было усиление классовой борьбы, принимавшей порою формы открытых волнений.

---

[1] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. XI, примеч. 126; о русско-английских отношениях см. *Я. С. Лурье.* Английская политика на Руси в конце XVI в. «Ученые записки ЛГПИ», т. 61, Л., 1947, стр. 121—145; *Э. С. Виленская.* К истории русско-английских отношений в XVI в. «Исторические записки», кн. 29, стр. 123—134.

4
ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII в. ВОССТАНИЕ ХЛОПКА

Развитие экономики в Русском государстве конца XVI в. сопровождалось одновременным усилением крепостничества и классового антагонизма между крестьянством и феодалами-землевладельцами.

Феодальный гнет в это время резко усилился. В конце XVI в. крестьяне в своих челобитных жаловались, что «учали с них, со крестьян, дани и оброку имати вдвое и втрое». Землевладельцы захватывали у крестьян «лутчие пашенные земли и сенные покосы» и присоединяли к своим землям[1].

Крепостная зависимость крестьянства принимала все более грубые формы. Землевладельцы начинали бесцеремонно распоряжаться имуществом и личностью крестьянина. В 80—90-х годах XVI в. приобрели распространение разделы крестьян между помещиками, переводы крестьян из одного двора в другой, из деревни в деревню по соглашению между помещиками, снос крестьянских дворов и перенос их в другое место, поселение крестьян в помещичьих дворах. Наконец, появились прямые сделки на крестьян, т. е. торговля крестьянами в замаскированной форме «полюбовных» приговоров, когда один помещик «поступается» своим крестьянином в пользу другого помещика за соответствующее вознаграждение. Вместе с тем уничтожение права крестьянского выхода поставило на очередь вопрос об организации сыска бежавших крестьян. Правительство предписывало крестьян, которые «разошлись в заповедные лета, вывозить назад на старинные их места,— где хто жил наперед того»[2]. Помещики зорко следили за осуществлением этого правила, всякий раз в случае бегства крестьянина обращаясь к представителям власти.

Причины вспыхнувшей в Русском государстве в начале XVII в. крестьянской войны восходят еще ко времени опричнины и хозяйственного запустения 70—80-х годов XVI в.

Крепостническое законодательство 80—90-х годов, связанное с политическим возвышением дворянства, было направлено против усилившейся классовой борьбы крепостного крестьянства с феодальным гнетом. Но это законодательство способствовало еще большему ее обострению.

Переход крестьянства к активным формам классовой борьбы характерен уже для конца XVI в. Эта борьба своим острием была направлена против феодальной собственности на землю.

Многочисленные жалобы землевладельцев от конца XVI в. подробно знакомят нас с формами борьбы крестьян за землю. Помещики и мона-

---

[1] *Н. Чаев.* Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в. «Исторический архив», кн. I, М.—Л., 1936, стр. 37.

[2] «Торопецкая уставная грамота 1590—1591 гг.». «Чтения ОИДР», 1902, кн. II, отд. III, стр. 359.

стыри жаловались на то, что крестьяне «поместье пустошат, хлеб травят и сена косят насилством, и сады, яблони и вишни секут, и ломают»; «лес секут, и сено косят, и хмель в болотех дерут, и рыбу ловят, и хлеб толочат и животиною травят, и всякими угодьи владеют насилством» и т. д.[1] В ряде случаев борьба крестьян принимала более решительные формы. Около 1587 г. крестьяне Купалинской волости Гороховецкого уезда захватили силой монастырский починок. В 1580 г. жалованной грамотой Ивана IV Спасо-Ярославскому монастырю возвращалась деревня, отнятая «насилством» крестьянами села Новинского[2]. Крестьяне под предводительством старосты силой «выметали» из починка монастырского «человека», «а старцов и ватажок збили, и стан сожгли, и поставили... на том месте деревню»[3]. Другой монастырь «бил челом» о том, что крестьяне одной из волостей Двинского уезда захватили остров, принадлежавший монастырю, и «тот присадной остров пашут насилством одне, а монастырю в том острову их монастырской... земли пахати не дадут»[4]. Крестьяне Новгородских пятин захватывали и распахивали безоброчно пустые государевы земли[5]. Во Владимирском уезде в 1597 г. помещик Василий Соболев жаловался на то, что «крестьяне всею волостью лес секут насильством... хоромы рубят на продажю, и межи в двух местах переорали». Помещик жаловался, что ему «прожити от их (крестьян) насильства не мочно»[6]. Наряду с попытками захвата помещичьих и монастырских земель, крестьяне стремились всеми способами сделать эту землю свободной от феодальных повинностей. В 1593 г. власти Иосифо-Волоколамского монастыря оштрафовали одного крестьянина «за то, что он на стороне за волостью пашет, а монастырских пустошей со своими товарищи из снопа не пашет»[7]. Какой остроты достигала борьба, показывает другой случай, происшедший в Арзамасском уезде в 1601 г. Когда во время дозора губным старостой пашенных земель д. Пастьяновой один из крестьян хотел сообщить властям о землях, которые обрабатывали крестьяне этой деревни тайком от уездных властей, то он чуть не поплатился за свое предательство головой: крестьяне «высказати» ему про эти земли «не дали, а его, Ваську, хотели убити»[8].

Бывали случаи и убийств феодалов. Так около 1584 г. в Муромском поместье Осорьиных своим холопом была убита одна помещица[9].

---

[1] «Чтения ОИДР», 1916, кн. II, отд. I, стр. 37, 38.

[2] «Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, изд. И. А. Вахрамеева», т. I, М., 1896, стр. 60—61.

[3] «Чтения ОИДР», 1902, кн. II, отд. I, стр. 88.

[4] Сб. ГКЭ, т. II, Л., 1929, № 207, стр. 661.

[5] РИБ, т. 38, стб. 7—8.

[6] *И. И. Смирнов.* Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI века. «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 5—6, стр. 70.

[7] Там же, стр. 71.

[8] *С. Б. Веселовский.* Арзамасские поместные акты. М., 1916, стр. 201.

[9] *М. О. Скрипиль.* «Повесть об убийстве Осорьиной». «Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы АН СССР», т. VI, М.— Л., 1948, стр. 295.

В 90-х годах XVI в. борьба крестьян доходила до открытых массовых выступлений против землевладельцев. Осенью 1594 г. началось движение среди крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря. «По науку» бывшего келаря монастыря «чернца Антона Лопотинского», «крестьяне монастырские не почели слушати приказщиков и ключников монастырских и монастырских дел никаких не почели делати: хлеба молотити и в монастырь возити и солодов ростити и даней монастырских давати». Попытка восстановить порядок с помощью находившейся тогда в монастыре царской комиссии, во главе с А. Я. Измайловым и дьяком Казариным, не привела ни к чему.

Движение не только не прекратилось, но приобрело еще больший размах, причем от неповиновения крестьяне стали переходить к открытой борьбе: «И как Андрей и Казарин из монастыря поехали, и крестьяне монастырские почели пуще того не слушати, и прикащиков и ключников учели бити, и дел монастырских не почели делати, и леса монастырские заповедные почели сечи». Монастырским властям удалось подавить движение крестьян лишь к февралю 1595 г.[1]

И по своему размаху, и по силе, и по длительности движение волоколамских крестьян является выдающимся фактом в истории классовой борьбы в Русском государстве XVI в. Это было одно из тех разрозненных восстаний, которые подготовляли надвигавшуюся крестьянскую войну.

С аналогичным движением в 90-х годах XVI в. столкнулась и администрация Антониево-Сийского монастыря на севере страны в Двинском крае[2]. До открытого выступления крестьянства против монастырей в 80—90-х годах XVI в. дело доходило и в Белозерском крае. Так, в царской грамоте 1591 г. сообщается об избиении крестьянами монастырских слуг Кириллова монастыря[3].

Угроза «воровства», т. е. открытых выступлений крестьянства, в 90-х годах XVI в. была настолько реальной, что даже земельные акты того времени специально оговаривали возможность «крестьянского воровства». В записи, данной помещиком Казариным, получившим от Троицкого монастыря в пожизненное владение одно из сел в Тверском уезде, дается следующее обязательство: «А которое будет крестьянское воровство, и мне, Казарину, извещати на них в монастыри властем, а самому насильства и продажи не чинити» (1598—1599 гг.)[4].

Выше уже отмечался факт массового бегства населения из центра на московскую украйну. Московская украйна давала приют обездоленному и недовольному люду, бежавшему от феодального гнета. Усиленное строительство и заселение новых городов в «диком поле» стимулировали это движение на юг. Правительство широко привлекало в новые города

---

[1] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607, стр. 57—59.

[2] Там же, стр. 61.

[3] *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 199.

[4] *С. А. Шумаков.* Тверские акты, вып. I, Тверь, 1896, стр. 161.

«вольницу», разного рода «гулящих людей», «прибирало» на службу бежавших от растущего крепостнического гнета крестьян, холопов, посадских людей. Весь этот люд уносил с собой на украйну острое недовольство социальными порядками, утверждавшимися в центре. Этот порядок они стремились «избыть». Но и там их настигала тяжелая государева служба и тяжелая повинность в виде «десятинной пашни», достигавшей при царе Борисе весьма значительных размеров. Скопление на южных окраинах государства больших масс беглого населения определило ту весьма серьезную роль, которую сыграли эти окраины впоследствии в ходе крестьянской войны.

Активным выразителем социального протеста выступало казачество, особенно донское, сформировавшееся во второй половине XVI в. Казачество пополнялось за счет беглых из пределов Русского государства. К концу XVI в. донское казачество уже сделалось значительной боевой силой, доказательством чего служила его первая попытка в 1593 г. овладеть Азовом. Донское казачество находилось в постоянном общении с московской украйной. Но царь Борис, поняв серьезную социальную опасность, которую представляло донское казачество, попытался изолировать его от внутренних областей государства и путем резких мер разорвать существовавшую между ними связь. По выражению Нового летописца, «казаком от царя Бориса было гонение велие; не пущал их ни на которой город; куда они не приидут, и их везде имаше и по темницам сажаху»[1]. Была установлена «крепкая заповедь», в силу которой торговым людям украинных городов запрещался проезд на Дон с товарами [2]. За отпуск «заповедных товаров» на Дон подвергся суровой каре Захар Ляпунов[3]. Эта решительная политика царя Бориса против казачества была отменена лишь при Михаиле Федоровиче.

Не менее яркое обострение классовых противоречий обнаруживалось в то время и в городах Русского государства. XVI век — время роста русского города как ремесленного и торгового центра. Вместе с тем, именно в XVI в., особенно в конце его, наблюдалось необычайно активное участие посада в политической жизни страны. Рост активности посада сопровождался крайним обострением классовых противоречий внутри самого посада — между посадскими верхами, с одной стороны, и городскими низами, «черные»,— с другой.

С наибольшей силой классовая борьба посадских людей проявилась в Москве, политическом и экономическом центре страны. В этом отношении характерны городские восстания 1584 и 1586 гг. в Москве. Восставшие городские низы не только активно вмешались в борьбу правительственных группировок, но и активно выступили против социальных верхов

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 61.

[2] ЦГАДА, Разряд, Приказный ст., № 31, лл. 65—66.

[3] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, стр. 266.

посада[1]. Еще более интересно сообщение И. Массы о движении городских низов в столице в 1591 г. Речь идет о серьезных волнениях среди боярских холопов в Москве в тот момент, когда к стенам столицы подступал крымский хан Казы-Гирей. Около семидесяти человек «по большей части холопов господ» было арестовано тогда по обвинению в намерении «во время осады поджечь Москву»[2].

Показательно и выступление городских низов в 1586 г. в Соли Вычегодской против богачей Строгановых, захвативших в свои руки местные соляные промыслы и эксплуатировавших посадское население в качестве агентов правительства. Восставшие убили одного из Строгановых, Семена Аникеевича[3]. В июне 1586 г. имело место «сметение градцких людей» в г. Ливнах[4]. Крупное восстание произошло в мае 1591 г. в Угличе. Убийство царевича Дмитрия послужило толчком к антифеодальному движению городских низов. Об этом прямо свидетельствует письмо англичанина Горсея — современника событий от 10 июня 1591 г. В нем сообщается, что царевич Дмитрий «был жестоко и изменнически убит», «после этого произошли мятежи и бесчинства»[5]. В движении приняли участие «посадские черные люди», жители пригородных слобод, чернорабочие с судов и посошные люди, согнанные с уездов на государеву службу. Восставшие разгромили «дьячью избу» и убили государева дьяка.

Ход движения показывает, что своим острием оно было направлено прежде всего против феодальной царской администрации. Вместе с тем движение носило и враждебный верхушке угличского посада характер[6].

О том, насколько серьезными представлялись правительству городские движения 80— начала 90-х годов, свидетельствует предпринятое вскоре после восстаний 80-х годов в Москве «посадское строение», направленное на укрепление экономического положения городов, на облегчение тягот посадского населения.

Рост политической активности городского населения в конце XVI в. объясняет важную роль, которую русский город сыграл в период крестьянской войны и иностранной интервенции начала XVII в.

Частично осуществляемые правительством мероприятия по ослаблению внутреннего напряжения не могли изменить общего положения в стране. Слова внимательного наблюдателя Джильса Флетчера, писавшего

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII в. «Научные труды», т. I, М., 1952, стр. 204—236.

[2] *И. Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в., М., 1937, стр. 39.

[3] *А. А. Введенский.* Крестьяне-Строгановы в XVI—XIX вв. «Труды Тбилисского гос. университета им. Сталина». Тбилиси, 1939, т. X, стр. 29.

[4] Факт волнений в г. Ливнах установлен Е. Н. Кушевой. См. *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 216.

[5] *Я. С. Лурье.* Письма Джерома Горсея. «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 8, Л., 1941, стр. 200.

[6] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 31—32. См. также *И. А. Голубцов.* «Измена» Нагих. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV, М., 1929, стр. 55—70.

о том, что развитие событий в Русском государстве «должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием» [1], оказывались верными.

Атмосфера в стране особенно накалилась в связи с неурожаями 1601—1603 гг. Исключительно дождливое лето 1601 г. и начавшиеся до жатвы морозы привели к неурожаю. Источники рисуют ужасающую картину голода, царившего в стране в эти годы. Особенно тяжело голодные годы должны были сказаться на крупных городах, в первую очередь на Москве с ее многочисленным торговым и ремесленным людом. Смертность в столице достигала катастрофических размеров. Согласно показаниям одного из источников каждый день умирало от 90—100 до 300 человек [2]. Скорее преуменьшены, чем преувеличены, разумеется, и цифры официальной правительственной статистики, зафиксировавшей 127 тысяч жертв голода за два года и четыре месяца [3]. Массами вымирало население и в сельских районах страны [4].

Между тем хлеб в стране был. «Дивныя житницы неистощены, и поля скирд стояху, гумна ж пренаполнены одоней и копен и зародов»,— говорит один из источников [5]. Спекуляция хлебом на почве голода приняла чудовищные размеры. Крупные землевладельцы, светские и церковные, не исключая патриарха, использовали всенародное бедствие для того, чтобы еще более нажиться. Крупные торговцы хлебом, стремясь обеспечить себе колоссальные прибыли, в полном смысле слова блокировали города, препятствуя подвозу к ним хлеба. Цены на хлеб выросли в десятки раз.

Но голод был не только средством наживы в руках феодальных землевладельцев. Обрушившись всей силой на народные массы, голод оказался в руках феодальных землевладельцев мощным орудием усиления феодальной эксплуатации крестьянства и вовлечения новых масс свободного населения в сферу феодального угнетения. Именно на голодные 1601—1603 гг. падает процесс массового «похолопления» городского и сельского населения. В основном ряды кабальных холопов пополнялись за счет свободных, еще не закрепощенных слоев населения [6]. Попытки правительства царя Бориса Годунова несколько ослабить напряженное положение не давали ощутимых результатов. Ни осенний царский указ 1601 г., восстанавливавший в очень ограниченном размере и то не право выхода, а право вывоза крестьян мелкими и средними землевла-

---

[1] *Д. Флетчер.* О государстве Русском, стр. 32. Выражение Флетчера «A civil flame» лучше было бы перевести не термином «всеобщее восстание», а словами «гражданская война»; *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607, стр. 62.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники XVI века. «Исторические записки», кн. 10, стр. 94.

[3] РИБ, т. 13, стб. 481.

[4] Там же, стб. 481; *Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, т. III, М., 1894, стр. 103.

[5] РИБ, т. 13, стб. 979—980.

[6] *А. И. Яковлев.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.— Л., 1943, стр. 66—71; ср. *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 67—71.

дельцами (в 1602 г. указ этот был повторен), ни царский указ, изданный в августе 1603 г. и предоставлявший свободу тем холопам, которых землевладельцы бросали на произвол судьбы и отказывались кормить в голодные годы, не могли, разумеется, сколько-нибудь разрядить обстановку, ослабить силу антифеодальных выступлений в городе и деревне. Не могли существенно изменить положение в стране и раздачи голодающим хлеба из казенных запасов и денег или попытки правительства бороться со спекуляцией и коррупцией, разъедавшей весь государственный административный аппарат. Указы о крестьянах 1601 и 1602 гг. по существу отвечали лишь интересам мелких и средних помещиков, получивших разрешение «возить промеж себя» крестьян. Каждый помещик при этом мог вывезти не более одного-двух крестьян. Указ не распространялся на Московский уезд, следовательно, на пригородные земли столичной знати[1].

Голод 1601—1603 гг. явился мощным фактором, ускорившим все те внутренние процессы, которые составляли существо социально-экономического развития конца XVI — начала XVII в. в Русском государстве. Для этого времени характерно крайнее обострение классовых противоречий в стране, перерастание классовой борьбы закрепощенного крестьянства и городских низов в открытое выступление против феодального гнета. Поэтому не только и не столько бегство крестьян, принявшее особенно массовый характер в голодные годы, сколько большое восстание под руководством Хлопка, должно быть поставлено в центре внимания при характеристике событий первых лет XVII в. в Русском государстве.

Восстание разразилось в сентябре 1603 г.[2] Сообщения И. Массы совершенно определенно указывают на социальный характер восстания Хлопка, как движения боярских и дворянских холопов и крестьянства. «В этом месяце сентябре,— рассказывает И. Масса,— крепостные холопы, принадлежавшие различным московским боярам и господам, частию возмутились, соединились вместе и начали грабить путешественников...»[3] На основании других источников можно составить гораздо более полное представление о движении 1603 г. Карательные отряды против восставших холопов, к которым, очевидно, присоединилось и крепостное крестьянство, правительство вынуждено было направить во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев и Коломну. Значительные силы были, повидимому, брошены против восставших и в Рязанскую область[4]. Таким образом, так называемое восстание Хлопка приобрело широкий размах и охватило центральные области страны. В отличие от предшествовавших восстаний оно переросло местные рамки и приобрело массовый

---

[1] ААЭ, т. II, № 20, стр. 70—71.

[2] *Е. Н. Кушева.* К истории холопства в конце XVI— начале XVII веков. «Исторические записки», кн. 15, стр. 91.

[3] *И. Масса.* Указ. соч., стр. 71.

[4] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 92.

характер. Возможно, что такому размаху движения в известной мере способствовало то обстоятельство, что попытки правительства Бориса Годунова подавить восстание в самом зародыше окончились полной неудачей. Посланные против Хлопка правительственные отряды «многажды» были разбиты. Восставшие приближались к Москве «и ничево им не можаху сотворити». Собравшаяся для обсуждения вопроса о борьбе с восставшими Боярская дума «придумаша на них послати со многою ратью воевод». Направленный в сентябре 1603 г. из Москвы против восставших крупный отряд под начальством окольничего И. Ф. Басманова был разбит. Сам Басманов был убит в сражении. Так же неудачно окончились, повидимому, и некоторые другие попытки правительства подавить выступление холопов и крестьян, действовавших под Москвой.

Восстание расширялось, охватило значительные районы страны, приближалось к Москве, где находило отклик среди городских низов. Правительство вынуждено было принять крайние меры и направить против восставших весьма значительные силы. В сражении под Москвой, несмотря на мужество и героизм, проявленные восставшими, они потерпели поражение. «Едва возмогоша их окаянных осилить»,—отмечает летописец. Раненый вождь восстания с группой восставших был захвачен в плен и казнен. Но значительной части восставших удалось, повидимому, избежать плена и скрыться в украинных городах[1]. Летописец прямо говорит о том, что часть восставших «уйдоша на Украйну»[2]. Гибель Хлопка и разгром находившихся под его командой наиболее значительных отрядов восставших явились переломным моментом в истории движения 1603 г.

Восстание Хлопка было не единственным открытым проявлением народного возмущения. Известно, например, что в том же году крестьяне подмосковных деревень жаловались на притеснения, чинившиеся сборщиками подворной повинности[3]. В начале года были посланы такие же сборщики на Яжелбицкий ям (по дороге в Новгород) «подвод править и корму збирать». Однако крестьяне волости Забродье «не далися» сбирать с них корм и подводы. Одной из причин этого было то, что сборщики «поимали посулы великие». Когда «на тех ослушников» сборщики взяли «новый указ» у воеводы В. И. Буйносова-Ростовского, то крестьяне «убили до полусмерти» двух приказчиков и отняли «государевы деньги»[4]. Все это показывает ту накаленную обстановку, в которой проходило восстание Хлопка.

С разгромом восстания Хлопка основной очаг нараставшей крестьянской войны передвинулся в южные и юго-западные районы государства.

---

[1] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 79—81.
[2] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 56.
[3] РИБ, т. 22, № XXXIII, стб. 723—724.
[4] Там же, № XXXVI, стб. 729—733; № XLI, стб. 748—750.

5

НАЧАЛО ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ЛЖЕДМИТРИЙ I

Польско-шведская интервенция в начале XVII в. представляла собой попытку со стороны магнатско-шляхетской Речи Посполитой, а затем и феодальной Швеции использовать сложное внутреннее положение Русского государства для захвата русских земель и ликвидации национальной независимости русского народа. Однако сложное внутреннее и международное положение самой Речи Посполитой, равно как и «опыт» предшествующей борьбы с Русским государством, делали открытое выступление слишком рискованным предприятием. Поэтому на первом этапе польско-литовская интервенция имела замаскированный характер. Польско-литовские правящие круги попытались добиться успеха путем поддержки Лжедмитрия I — авантюриста-самозванца, выдававшего себя за спасшегося от смерти младшего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия.

Первые точные сведения о появлении Лжедмитрия в Речи Посполитой относятся к 1601 г.[1] Но действительная карьера его как претендента на московский престол началась только в середине 1602 г., когда самозванец появился в Брагине при дворе влиятельного польского магната князя Адама Вишневецкого.

Уже в январе 1604 г. в Лубнах был собран довольно значительный отряд, главным образом из казаков, с которым самозванец должен был в марте двинуться в пределы Русского государства[2]. Делом самозванца заинтересовались польский король и папский нунций. Лжедмитрий I был приглашен к королевскому двору. По дороге Лжедмитрий и Вишневецкий побывали в Самборе, где было решено, что дело самозванца возьмет в свои руки сандомирский воевода Юрий Мнишек. В Самборе же было принято решение организовать военную кампанию против Русского государства с участием хорошо обученных и вооруженных польских отрядов. Для этого необходимо было привлечь на свою сторону короля. Последнее сделать было нетрудно. Политическое подчинение Русского государства и насаждение в нем католичества оставались одной из важнейших задач руководящей группы польско-литовских феодалов.

Нет никаких сомнений относительно того, что появившийся в Речи Посполитой «царевич» был на самом деле расстригой Гришкой Отрепьевым из детей боярских[3]. Польско-литовские сообщники Лжедмитрия I хорошо знали, с кем они имеют дело[4].

---

[1] Сб. РИО, т. 87, стр. 567.

[2] *А. Hirszberg*. Maryna Mniszchówna. Львов, 1906, стр. 7.

[3] «Временник Ивана Тимофеева». М.— Л., 1951, стр. 83; ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 59; РИБ, т. 13, стб. 18—25, 490—493 и др. Подробнее см. *И. А. Голубцов*. «Измена» смольнян при Б. Годунове и «Извет» Варлаама. «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. V, М., 1928.

[4] «Рукопись Жолкевского». М., 1835, стр. 2—3; *Н. И. Костомаров*. Соч., кн. 2. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1904, стр. 66; *П. Пирлинг*. Из смутного времени. СПб., 1902, стр. 29.

В Кракове в марте 1604 г. состоялась аудиенция самозванца у короля, который принял его весьма милостиво[1]. Во время последовавших потом переговоров между королем и Лжедмитрием состоялось тайное соглашение по которому Лжедмитрий I обязался немедленно по восшествии на русский престол предоставить в распоряжение короля необходимые средства для разгрома Швеции. Между Речью Посполитой и Русским государством должен был быть заключен «вечный мир», по условиям которого к Речи Посполитой отходила Северская земля. Со своей стороны король обязывался только не препятствовать военным приготовлениям самозванца.

Соглашение с королем было дополнено соглашением Лжедмитрия I с папским нунцием Рангони и иезуитами. Самозванец тайно перешел в католичество. Он обещал энергичное участие в крестовом походе против турок, гарантировал подчинение Русского государства папской власти[2].

Дипломатическая подготовка вторжения была завершена. В мае 1604 г. Лжедмитрий I возвратился в Самбор, где сделал официальное предложение дочери сандомирского воеводы Марине Мнишек и заключил брачный контракт,по которому обязывался богато одарить из царской казны свою будущую супругу и выплатить ее отцу миллион польских злотых на погашение долгов и на расходы в связи с предстоящей поездкой Марины в Москву. В качестве «вена» Марина должна была получить в удел Псков и Новгород. Половина богатой Смоленской земли и часть Северской были обещаны ее отцу в наследственное владение, другая половина этих земель оставалась за королем[3].

Центром военных приготовлений самозванца к походу стал Львов, куда собралось значительное число польских шляхтичей. В конце августа 1604 г. войско самозванца выступило из Львова к русской границе. По дороге к нему присоединялись все новые и новые силы, так что вскоре, по некоторым данным, в Киеве войско Лжедмитрия I стало насчитывать до 20 тыс. человек[4]. Польские отряды составляли небольшую, но наиболее боеспособную часть его. Численность их, повидимому, едва ли превышала 2000 человек[5]. В конце октября отряды Лжедмитрия I переправились через Днепр. Этот поход был началом вооруженного вмешательства Речи Посполитой во внутренние дела Русского государства.

Вторгаясь на русскую территорию, Лжедмитрий действовал как ставленник польских магнатов. Однако успех его нельзя связывать только с вооруженной помощью польских феодалов. Главной причиной

---

[1] *Н. И. Костомаров.* Указ. соч., стр. 66.

[2] *П. Пирлинг.* Дмитрий Самозванец. М., 1912, стр. 110.

[3] СГГиД, ч. II, № 76, стр. 159—162; № 79, стр. 165—166.

[4] О численности войска Лжедмитрия I см. *А. А. Савич.* Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. «Против исторической концепции М. Н. Покровского». Сб. статей, т. I, М.— Л., 1939, стр. 194.

[5] *A. Hirszberg.* Указ. соч., стр. 11.

поразительных успехов Лжедмитрия I была подымавшаяся волна крестьянской войны, которой он сумел ловко воспользоваться. «Царистские» настроения крепостного крестьянства, его вера в «хорошего царя» сыграли при этом решающую роль. Так, на сторону Лжедмитрия I перешло все население Камарицкой волости[1]. Беспощадное подавление Борисом Годуновым движения крестьян в этой волости не сломило воли угнетенного народа, и позднее, в годы восстания Болотникова, «камаринские мужики» были одной из ведущих сил крестьянской войны.

Страх перед крестьянской войной, поддержанной вооруженным выступлением городских низов, определял позицию основной массы дворянства и боярской знати, переходившей в лагерь Лжедмитрия, чтобы спасти себя от народного гнева. Активную поддержку оказывал самозванцу и мелкий служилый люд.

При таких условиях царские воеводы в ряде случаев оказывались не в состоянии вступать в борьбу с вторгшимся в Северскую Украину войском самозванца и без боя сдавали города. Были случаи и прямых изменнических действий царских воевод, недовольных правлением Бориса Годунова[2]. Одновременно с вступлением Лжедмитрия I в пределы Русского государства началось продвижение в русские земли и донских казаков, связанных с самозванцем. Самому Лжедмитрию I сразу же удалось занять города Моравск и Чернигов. Однако под Новгород-Северским, где сидел воеводой П. Ф. Басманов, войска самозванца встретили решительное сопротивление. В известной мере эта неудача Лжедмитрия I компенсировалась последовавшей вскоре сдачей правительственными войсками Путивля, Рыльска, Севска, Курска и Кром. Особенно важное значение имел переход на сторону Лжедмитрия Кром, откуда открывалась дорога на Калугу — Москву. Правительство Бориса Годунова оказалось вынужденным двинуть на юг дополнительные силы, командование которыми было поручено князю Ф. И. Мстиславскому. Под Новгород-Северским Лжедмитрию удалось, однако, нанести поражение царскому войску. Тем не менее положение самозванца было тяжелым. Отчасти благодаря этому, отчасти под влиянием выступлений против Лжедмитрия влиятельных кругов Речи Посполитой, оппозиционно настроенных по отношению к королю Сигизмунду III, его стали покидать польские сторонники. В числе покинувших лагерь самозванца был и Юрий Мнишек. При Лжедмитрии оставался лишь небольшой отряд польских наемников. С военной точки зрения уход польских феодалов не был особенно опасным. Потеря эта более чем восполнялась помощью двенадцатитысячного отряда украинских казаков, присоединившихся к самозванцу. В военном отношении гораздо более существенным был факт полного разгрома армии самозванца войсками Годунова под Добрыничами 21 января 1605 г. Начавшаяся крестьянская война в Северской Украине не поз-

---

[1] *И. Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 81.

[2] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 63.

волила царским воеводам организовать успешное преследование самозванца, укрывшегося в Путивле. Царские войска вынуждены были отступить на север. Важную роль для всего дальнейшего хода кампании сыграла неудачная осада войсками Годунова Кром. Обороной их искусно руководил донской атаман Корела[1]. Неудачи под Кромами разлагающе действовали на правительственную армию. В то же время на сторону самозванца переходили все новые и новые города — Оскол, Валуйки, Воронеж, Царев-Борисов, Елец, Ливны.

В самой Москве городские низы с нетерпением ожидали «хорошего царя» и не придавали значения правительственным разоблачениям. Массы искренне верили в чудесное избавление царевича Дмитрия и ждали только удобного момента, чтобы расправиться с ненавистным правительством, олицетворявшим в их глазах вековой феодально-крепостнический гнет. Успехи самозванца встречались с нескрываемым ликованием и радостью, неудачи вызывали уныние. «Радеюще его прихода к Москве,— повествует автор „Иного сказания“,— егда слышат победу над Московскою силою, Борисовою, то радуются; егда же над грядущаго к Москве чаемаго Димитрея победу, то прискорбни и дряхлы ходят, поникши главы»[2].

При таких условиях жестокие правительственные репрессии не могли, конечно, укрепить положение династии Годунова. Казни и пытки лишь еще более накаляли атмосферу. Все попытки правительства заглушить страшный слух о спасшемся царевиче кончились полной неудачей[3].

Успеху Лжедмитрия способствовала усиленная агитация его агентов, распространявших прокламации к народу и боярам, которые все более и более склонялись на сторону самозванца. Правда, среди московской знати едва ли могли быть особые сомнения относительно его личности. Боярство знало, конечно, что царевич Дмитрий погиб и что на Москву наступает авантюрист. Однако ненависть к царю Борису неудержимо толкала их на соглашение с самозванцем, ибо иного способа избавиться от Годунова не было.

13 апреля 1605 г. Борис Годунов скоропостижно скончался. Вслед за тем народ был приведен к присяге царице-вдове и ее несовершеннолетнему сыну Федору. К войску, сражавшемуся с отрядами Лжедмитрия, был направлен фаворит покойного царя П. Ф. Басманов.

Но в самой столице положение правительства с каждым днем ухудшалось. «В Москве после смерти Бориса повсюду началось волнение»,— рассказывает И. Масса[4].

7 мая на сторону самозванца перешли воеводы, стоявшие во главе армии, осаждавшей Кромы,— князья В. В. и И. В. Голицыны, М. Г.

[1] Подробнее см. *С. Ф. Платонов*. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 200.

[2] РИБ, т. 13, стб. 38.

[3] Там же.

[4] *И. Масса*. Указ. соч., стр. 99.

Салтыков и сам боярин П. Ф. Басманов. Вслед за тем сдались Рязань, Тула, Алексин и Кашира. Войско Лжедмитрия I быстро приближалось к столице, переполненной бежавшими с театра военных действий. Правительство начало принимать спешные меры к обороне Москвы, однако основная опасность угрожала правительству не извне, а изнутри. О настроении городских низов, готовившихся к расправе с боярством и посадской верхушкой, конечно, не могли не знать при дворе. Именно поэтому, очевидно, военные приготовления к обороне столицы носили такой характер, что современники и очевидцы расценивали их прежде всего как приготовление на случай народного восстания. «...Я думаю,— говорит И. Масса,— что все это делали для того, чтобы обуздать народ, ибо чрезвычайно страшились простого народа, который был нищ и наг и сильно желал пограбить московских купцов, всех господ и некоторых богатых людей в Москве, так что воистину в Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или димитриевцев»[1].

Опасения правительства оказались вполне справедливыми. 1 июня в пригородах Москвы «для смуты» появились «с прелесными грамотами» эмиссары Лжедмитрия Г. Г. Пушкин и Н. И. Плещеев[2]. Без труда подняв жителей Красного села («собрався с мужики»), они направились к столице. По пути к ним «пристал народ многой». С Лобного места посланцы Лжедмитрия огласили «прелесные грамоты» самозванца, в то время как старый противник царя Бориса Богдан Бельский рассказывал, как он «за царя Иванову милость ублюл царевича Дмитрея», за что жестоко потерпел от Годунова. Слова Бельского окончательно решили судьбу династии. «И услыша то... народ возмутился и учали Годуновых дворы грабить; а иные воры с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицыны пограбили»[3]. Выступление против династии Годунова приобрело характер широкого движения городских масс против феодалов-крепостников и богатой верхушки посада[4].

Восстание городских масс столицы явилось решающим моментом в переходе Москвы под власть правительства самозванца. Царь Федор и царица Мария были удавлены. Царевна Ксения насильно пострижена в монахини. Патриарх Иов, поддерживавший Годуновых, был сведен с патриаршего престола. Родственники и остальные сторонники свергнутой династии отправлены в ссылку. 20 июня 1605 г., наконец, и сам Лжедмитрий, сопровождаемый многочисленным эскортом из поляков и казаков, вступил в столицу. «Триумф» Лжедмитрия был завершен комедией встречи его с мнимой матерью, царицей Марией Федоровной Нагой. Инокине Марфе, в течение долгих лет томившейся в монастыре, не оста-

[1] *И. Масса.* Указ. соч., стр. 105.

[2] РИБ, т. 12, стб. 47.

[3] *С. А. Белокуров.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907, стр. 5.

[4] Там же, стр. 6.

валось иного выхода, как признать в расстриге Гришке Отрепьеве своего чудом спасшегося от смерти сына.

Лжедмитрий I поспешил осыпать милостями опальных Романовых и других участников оппозиции при Борисе Годунове. М. Ф. Нагой, дядя погибшего царевича Дмитрия, стал конюшим боярином. Боярство получил И. Н. Романов. Филарет Никитич Романов был возведен в сан ростовского митрополита.

Торжество самозванца не было продолжительным. Острие антифеодальной борьбы крепостного крестьянства и городских низов, направленное до того против Годуновых, повернулось вскоре против самого самозванца. Внутренняя политика Лжедмитрия I носила ярко выраженный крепостнический характер, являлась логическим продолжением внутренней политики его предшественников на русском престоле. Существует мнение, что с законодательной деятельностью правительства самозванца связано появление так называемого «Сводного судебника», проекта законодательного кодекса, основанного на Судебнике 1550 г. и дополнительных статьях к нему[1]. Современник Немоевский писал, что Лжедмитрий «желал было дать новые права и писанные законы... и дать некоторую свободу боярам»[2]. Повидимому, в начале 1606 г. была составлена новая редакция дополнительных статей к Судебнику 1550 г.[3]

О крепостническом характере законодательства Лжедмитрия отчетливо говорят его законы о холопах и крестьянах. Закон от 7 января 1606 г. о холопах[4] лишь давал более четкую формулировку основному правилу, установленному законом 1597 г., являясь его логическим развитием. Закон утверждал личную зависимость служилого холопа, подтвердив правовые нормы 1597 г., лишившие кабальных людей права ликвидировать кабальную зависимость путем возвращения ссуды заимодавцу.

Столь же крепостнический характер имел и закон от 1 февраля 1606 г., посвященный в основном вопросу о бегстве крепостных крестьян. По закону 1 февраля 1606 г., отказ феодалам в иске о беглых крепостных предусматривался только в случае, когда следствием устанавливалось, что крестьянин вынужден был покинуть своего владельца под угрозой голодной смерти[5].

Охраняя помещичьи интересы в целом, закон от 1 февраля 1606 г. имел специально в виду интересы «украинных» помещиков, которые наиболее активно содействовали победе Лжедмитрия I. Закон восстанав-

[1] *А. И. Андреев.* Сводный судебник. «Известия Российской Академии Наук», 1925, стр. 621—644.

[2] *А. А. Титов.* Рукописи славянские и русские, принадлежавшие И. А. Вахромееву, вып. 6, М., 1907, стр. 118.

[3] См. списки Судебника 1550 г. с дополнительными статьями, последняя из которых датируется 1 февраля 1606 г. ГПБ. Погод. 1842, Погод. № 1844, II, № 32 и др. «Судебники XV—XVI вв.». М.— Л., 1952, стр. 124—126.

[4] АИ, т. II, № 63, стр. 78.

[5] ААЭ, т. II, № 40, стр. 95—96.

ливал пятилетний срок сыска беглых крестьян («А на беглых крестьян, по старому приговору, более пяти лет суда не давати»). Это означало, что крестьяне, бежавшие до 1601 г., не подлежали возврату своим господам. Указ 1597 г., устанавливавший сыск крестьян, бежавших после 1592 г., был, таким образом, отменен. Крестьяне, бежавшие на южные «украйны», попадали в кабалу к местным помещикам.

Особенно ярко крепостнический характер всей внутренней политики самозванца сказался на его отношении к армии, из которой удалялись все недворянские элементы и, кроме того, сочувствовавшие династии Годунова. Чистка армии в первую очередь преследовала изгнание из ее рядов беглых крестьян и холопов[1]. Показателен в этом отношении пример Муромской десятни 1605 г., в которой специально указывалось, чтобы «неслужилых отцов детей и холопей боярских не верстати»[2]. В ходе повсеместно проведенного генерального верстания служилых людей[3] значительное число дворян, особенно южных городов, получило новые земли и большое денежное жалованье. Так Лжедмитрий I пытался обеспечить интересы поддерживавших его групп русского дворянства.

Отдельные мероприятия, облегчавшие как будто положение народных масс, носили явно демагогический характер. Об одном из них рассказывает записка, предназначенная для английского правительства и составленная, по всей видимости, очевидцем событий английским дипломатическим агентом Джоном Мериком[4]. Объясняя тот факт, что Путивль стал центром восстания против царя Василия Шуйского, Джон Мерик сообщает, «что Димитрий за особые услуги освободил эту область от всех налогов и податей в течение 10 лет, что было целиком потеряно с его смертью»[5].

Проводя крепостническую внутреннюю политику, правительство самозванца вместе с тем считалось в своей практической деятельности с требованиями боярства. Но гордая московская знать, расправившаяся с помощью Расстриги с Годуновыми, искала теперь удобного случая, чтобы устранить самого самозванца.

Придавая большое значение факту поддержки самозванца со стороны правительства Речи Посполитой, недовольное им боярство поспешило вступить в переговоры с польско-литовскими вдохновителями авантюры Лжедмитрия I. Дипломатическая подготовка замышляемого в Москве боярами переворота была поручена И. Безобразову, который от имени знати передавал, что королевич Владислав более желателен на московском

[1] *И. И. Смирнов.* К характеристике внутренней политики Лжедимитрия. «Ученые записки ЛГУ», 1938, № 19, стр. 201—206.

[2] «Описание документов и бумаг Архива министерства юстиции», т. VIII, М., 1891, стр. 90.

[3] *А. Н. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русских редакций, стр. 329.

[4] Характеристику этой записки см. *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607 гг., стр. 544—551.

[5] Там же, стр. 552.

престоле, чем Лжедмитрий I[1]. Безобразову, повидимому, удалось добиться успеха при польском дворе. Ответ короля боярам носил, правда, уклончивый характер. Сигизмунд не давал прямого согласия на возведение королевича Владислава на царский трон. Однако по основному вопросу боярам, видимо, удалось договориться с ним. «Король велел сказать боярам,— сообщает Жолкевский,— что он сожалеет о том, что этот человек, которого он считал истинным Димитрием, занял то место, и что обходится с ними так жестоко и неприлично, а что он, король, не препятствует действовать по собственному их усмотрению»[2].

Перемена отношения короля к Лжедмитрию I была отчасти вызвана тем, что, овладев московским престолом, самозванец оказался не в состоянии выполнить условий своего тайного соглашения с королем. К тому же польско-литовские территориальные притязания, после того как Лжедмитрию удалось овладеть русским престолом, значительно возросли. Речь теперь шла уже об уступке Речи Посполитой не только Смоленска и Новгород-Северского, но и Новгорода и Пскова, Великих Лук, Торопца, Вязьмы, Дорогобужа и других городов. Отношения между обоими государствами предполагалось построить на условиях унии. Боярское предложение передать московский престол королевичу Владиславу пришлось по вкусу королю, который стал теперь, повидимому, серьезно задумываться над такой перспективой[3]. Стремясь заручиться поддержкой римского папы, Лжедмитрий I выдвигал авантюристический план крестового похода против турок[4]. Эти проекты должны были обеспечить ему посредничество папского престола и папского нунция в Речи Посполитой в его переговорах с королем по поводу территориальных уступок и императорского титула. Лжедмитрий I не ошибся в этих своих расчетах. Рим продолжал поддерживать его в Речи Посполитой[5]. Но поддержка папы не могла уже теперь изменить отрицательной позиции Сигизмунда III. Противником самозванца в России оказалось также и православное духовенство. Среди высшего православного клира, исключая грека Игнатия, бывшего архиепископа рязанского, обязанного самозванцу патриаршим престолом, не было ни одного искреннего сторонника Лжедмитрия. Денежные поборы, которыми новый царь обложил крупные монастыри (с одного Иосифо-Волоколамского монастыря, например, было затребовано 3000 рублей[6], а с Троице-Сергиева взяли даже 30000 рублей[7]), разумеется, не могли способствовать сближению его с духовенством, которое было до крайности возбуждено слухами о якобы предстоявшей конфискации церковных земель.

---

[1] «Рукопись Жолкевского», стр. 16.
[2] Там же.
[3] Ср. *П. Пирлинг*. Димитрий Самозванец, стр. 13.
[4] Там же, стр. 266.
[5] Ср. там же, стр. 264—270, 285.
[6] ЦГАДА, ФИВМ, пр.-расх. книга № 15, л. 81 об. — 82.
[7] *С. Ф. Платонов*. Указ. соч., стр. 221.

Однако главная опасность грозила Лжедмитрию со стороны народных масс, обманутых в своих надеждах на «хорошего царя». Московская феодальная знать стремилась и на этот раз воспользоваться намечавшимся выступлением крепостного крестьянства и городских низов против правительства для того, чтобы расправиться с самозванцем так же, как оно ранее расправлялось с Годуновыми. Особенно важную роль должно было сыграть при этом выступление городских низов столицы.

Постоянно прибывавшие в столицу все новые и новые толпы польско-литовской шляхты, которая находила самый благосклонный прием при дворе самозванца, подкрепляли слухи, ходившие среди населения столицы о том, что русским престолом овладел не «истинный» царевич, а ставленник иностранных интервентов, готовившийся выдать им весь русский народ, все Русское государство. Вызывающее поведение окружавших Лжедмитрия I чужеземцев, ведших себя в Москве, как в столице завоеванной страны, открыто насмехавшихся над русскими обычаями, оскорбляло национальное чувство населения столицы, которое каждую минуту готово было подняться и уничтожить незваных гостей.

Непосредственным поводом, вызвавшим восстание в столице, послужил брак Лжедмитрия с Мариной Мнишек, прибывшей 2 мая 1606 г. в Москву.

Бракосочетание состоялось 8 мая. После бракосочетания свадебный кортеж направился в великолепный царский дворец, построенный в Кремле самозванцем. Начались свадебные празднества, продолжавшиеся несколько дней. Конец им положил набатный звон, раздавшийся на рассвете 17 мая. Кучка бояр-заговорщиков, возглавляемая В. И. Шуйским, решила использовать празднование бракосочетания самозванца с Мариной Мнишек для осуществления дворцового переворота. Расчет заговорщиков был вполне основателен. Никогда еще национальное чувство москвичей не было так больно оскорблено, как в эти дни, никогда еще в Москве не появлялось сразу столько враждебных и заносчивых иноземцев, в своем высокомерии не желавших считаться с обычаями страны, в которой они оказались.

Число лиц, охваченных боярским заговором, было значительно и достигло, по некоторым данным, 3000 человек, не только жителей Москвы, но и других городов[1]. В заговоре участвовали наряду с боярами отдельные представители дворянства и даже посадских людей[2]. Руководство заговором находилось исключительно в руках бояр. Но важно подчеркнуть, что только участие в событиях 17 мая широких масс населения столицы придало этим событиям характер явления большого исторического масштаба. Источники единогласно подтверждают решающую роль в событиях 17 мая народных масс и прежде всего, разумеется, городских низов населения столицы. Была «у бояр дума на нево (самозванца.—*Ред.*), да немногая»,— подчеркивается в одной недавно открытой

---

[1] *И. Масса.* Указ. соч., стр. 126.

[2] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 8.

летописи XVII в. «Всею землею на нево востали»,— говорится в ней далее[1]. Вот другое показание источников: «И в те поры народ возмутился, черные люди литовских людей во многих местех Сендомирского приятелей его пограбили, иных литовских людей побили до смерти...»[2]

О том, что в движении приняли участие широкие массы,— «много простого народа»,— сообщает и один из польских очевидцев разыгравшихся событий[3].

Именно благодаря тому, что в событиях 17 мая 1606 г. приняли участие широкие массы городского населения столицы, события эти оказались не просто дворцовым переворотом, а переросли в вооруженное восстание против интервентов. Иными словами, в дворцовом перевороте, осуществленном руками подобранных В. И. Шуйским заговорщиков, и в восстании народных масс 17 мая 1606 г. следует усматривать два принципиально отличных явления.

Восстание против интервентов приняло всенародный характер. «Даже маленькие дети и юноши,— сообщает Масса,— и все, кто только был в Москве, бежали с луками, стрелами, ружьями, топорами, саблями, копьями и дубинами, крича: „Бейте поляков, тащите все, что у них есть“»[4].

Принципиально отличной от позиции народных масс была позиция по отношению к интервентам кучки бояр-заговорщиков. Стремясь использовать в своих интересах восстание городских низов, бояре думали, однако, о том, чтобы не испортить отношений с Речью Посполитой. Поэтому приняты были все меры к тому, чтобы посольский двор и все лица, связанные с польско-литовским посольством, остались в неприкосновенности. Виднейшие заговорщики, в том числе сам В. И. Шуйский, энергично участвовали в спасении знатнейших из поляков.

Как только расправа с самозванцем была закончена, бояре поспешили прекратить и движение городских низов, направленное против польско-литовской шляхты. Дальнейшее развитие восстания городских низов представлялось московской знати крайне опасным. Заговорщиков пугала перспектива перерастания московского выступления 17 мая против интервентов в вооруженное восстание, прямо направленное на свержение феодального гнета.

Воспользовавшись восстанием 17 мая,кучка бояр-заговорщиков поспешила пробраться к власти. 19 мая без участия Земского собора Василий Шуйский был «выкрикнут» на Красной площади в цари небольшой группой своих сообщников. Новый царь не пользовался поддержкой ни провинциального дворянства, ни даже всех основных боярских группировок. Это был ставленник небольшой кучки бояр, участвовавших вместе с ним в дворцовом перевороте 17 мая. Помимо того, Шуйский мог, видимо,

---

[1] *О. А. Яковлева.* Пискаревский летописец (печатается).

[2] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 8.

[3] *Н. Устрялов.* Сказание современников о Димитрии Самозванце, ч. II, СПб., 1859, стр. 161.

[4] *И. Масса.* Указ. соч., стр. 138; *Н. Устрялов.* Указ. соч., стр. 243—245.

рассчитывать еще на поддержку небольшой части посадского населения столицы, верхов московского посада.

Стремясь укрепить свое положение и несколько расширить свою социальную базу, новый царь, вопреки всем московским обычаям, при своем воцарении дал «крестоцеловальную запись», отражавшую в первую очередь интересы боярства. Шуйский обещал в ней «всякого человека, не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати, и вотчин и дворов и животов у братьи их и у жен и у детей не отымати, будет которые с ними в мысли не были»[1]. Но важно было успокоить не только боярство. Еще важнее было успокоить посадских людей. Особенно важно было разрядить обстановку в Москве с ее многочисленным «черным» людом, который в недавних событиях показал, что он является решающей политической силой в столице. Именно поэтому, очевидно, особой грамотой пожалования, имевшиеся в «крестоцеловальной записи», были распространены и на гостей, на торговых, и на «черных» людей.

Так закончилась первая (носившая еще скрытый характер) попытка иностранной интервенции в Русское государство. Русский народ показал непреклонную волю отстоять свою национальную независимость от всяких иноземных захватчиков.

6

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И. И. БОЛОТНИКОВА

Уже в первые месяцы после вступления Василия Шуйского на престол на юге страны вспыхнуло крестьянское восстание, вскоре принявшее широкий размах. Причины его следует искать в резком усилении крепостнической эксплуатации крестьянства, происходившем в конце XVI — начале XVII в. Отдельные выступления крестьян и холопов, которыми отмечены последние годы царствования Бориса Годунова, уже летом 1606 г. вылились в крестьянскую войну, во главе которой стал талантливый и энергичный вождь Иван Исаевич Болотников.

Будучи по своему происхождению холопом боярина Телятевского, Болотников в молодости бежал от своего господина к казакам, затем был захвачен в плен татарами и, наконец, продан в рабство в Турцию, где в течение нескольких лет работал на галере как невольник. Из турецкого невольничества Болотников был освобожден в результате поражения, нанесенного туркам на море немецкими кораблями, и привезен в Венецию. Отсюда, через Германию и Польшу, Болотников вернулся в Россию, став во главе восставшего крестьянства[2].

С самого момента своего зарождения восстание под руководством Болотникова носило ярко выраженный социальный характер выступления

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 69; ААЭ, т. II, № 44, стр. 102.

[2] *И. Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в., стр. 156.

народных масс Русского государства против феодально-крепостнического гнета. Основной движущей силой восстания Болотникова были крепостные крестьяне и холопы. Наряду с ними в числе его участников были посадские люди южных районов Русского государства, а также стрельцы и казаки.

Первоначально район восстания Болотникова охватывал юго-западные города Русского государства: Северские, Польские, Украинные. Характерной чертой начального периода восстания Болотникова (июнь—сентябрь 1606 г.) является быстрота распространения движения.

Правительство Василия Шуйского ответило на восстание Болотникова посылкой войск для расправы с восставшими. Но в то время как воеводы Шуйского еще только собирались разгромить и уничтожить восставших крестьян и холопов, Болотников уже начал свой поход на Москву.

Этот поход начался из Путивля, через Комарицкую волость, по направлению на Кромы. Стратегическое значение Кром заключалось в том, что они открывали путь на Москву с юга. Кромы оказались в числе первых городов, поднявших восстание против Шуйского. Этим и следует объяснить спешность посылки Василием Шуйским войск под Кромы, равно как и решение Болотникова двинуться на поддержку восставших Кром. Воеводе, посланному Шуйским, князю Трубецкому не удалось взять Кромы, и он вынужден был перейти к их осаде.

Другим районом развернувшихся военных действий был Елец. Подобно Кромам, Елец также с самого начала примкнул к восстанию, на что Василий Шуйский ответил посылкой под Елец крупных военных сил под командованием князя Воротынского. Однако и Воротынскому не удалось взять Елец, и он также вынужден был перейти к осаде города.

Осада Кром и Ельца означала, что первоначальный план правительства Василия Шуйского — подавить восстание Болотникова в самом зародыше — потерпел неудачу. Между тем в результате дальнейшего роста восстания обстановка в стране становилась все более и более угрожающей для господствующего класса.

Первый удар был нанесен отрядами Болотникова царским войскам в бою под Кромами, где войска воевод Шуйского потерпели полное поражение. Они потеряли там несколько тысяч убитыми, вынуждены были снять осаду города и отступить к Орлу. Кромская победа Болотникова полностью изменила всю стратегическую обстановку и способствовала дальнейшему распространению восстания вплоть до Калуги, к которой отступили остатки войска князя Трубецкого.

Отступление воевод Василия Шуйского от Кром сразу же сказалось и на обстановке под Ельцом. Стоявший во главе находившихся в Ельце отрядов восставших Истома Пашков воспользовался успехом Болотникова под Кромами для нанесения удара второй важнейшей группировке войск Шуйского — под Ельцом, где восставшие одержали не менее блестящую победу, чем под Кромами. Воротынский был наголову разбит Истомой Пашковым и вынужден был отступить от Ельца к Туле.

Крестьяне. Гравюра из книги А. Олеария, XVII в.

Таким образом, в итоге сражений под Кромами и Ельцом обе армии воевод Шуйского оказались разбитыми и отступили к Москве. Восставшие упорно двигались по следам отступающих войск Трубецкого и Воротынского, преследуя их по двум направлениям: Кромско-Калужскому, где действовали отряды восставших во главе с самим Болотниковым, и Елецко-Тульскому, по которому двигались отряды Истомы Пашкова[1].

Победы Болотникова под Кромами и Ельцом (август 1606 г.) завершили первый этап похода восставших на Москву.

В сентябре 1606 г. правительство Василия Шуйского лихорадочно восстанавливало боеспособность своих деморализованных поражениями полков и собирало новые силы для борьбы против Болотникова. Местом, избранным правительством Шуйского для сосредоточения своих основных сил против Болотникова, стала Калуга, представлявшая собой центр системы укрепленных городов в верховьях Оки, так называемых «береговых городов», прикрывавших Москву с юга. К Калуге отступали, через Лихвин, воеводы от Кром и Орла. В Калугу же было послано новое войско во главе с братом царя, князем Иваном Шуйским.

---

[1] Подробнее см. *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606 — 1607 гг., стр. 143 — 158.

23 сентября 1606 г., в нескольких верстах от Калуги, при впадении в Оку р. Угры, произошло сражение между войсками Болотникова и князя Ивана Шуйского, закончившееся новой победой Болотникова. Исход битвы под Калугой и отступление царских войск к Москве привели к распространению восстания Болотникова на весь район береговых городов.

Продвижение второй группы отрядов восставших во главе с Истомой Пашковым также имело своим результатом дальнейшее распространение восстания на Тульско-Рязанский район.

Примкнув к восстанию осенью 1606 г., тульские и рязанские города в процессе его дальнейшего развития превратились в один из наиболее активных районов восстания Болотникова. В выступлении тульских и рязанских «мужиков» против своих господ с особой отчетливостью проявлялась основная сущность движения Болотникова — борьба крепостных крестьян против феодального гнета.

Наибольший размах это движение рязанского и тульского крестьянства приобрело в 1607 г. В начальный же период восстания участие в нем тульских и рязанских городов характеризуется рядом своеобразных черт и особенностей.

Своеобразие это состояло в том, что во время похода Болотникова на Москву к нему примкнули и приняли в нем активное участие тульские и рязанские помещики во главе с Прокопием Ляпуновым, ведшие борьбу против Василия Шуйского как представителя реакционных боярских кругов. Присоединившись к отрядам восставших крестьян и холопов, которые двигались на Москву, рязанские и тульские помещики, несомненно, преследовали цель использовать эти отряды в качестве ударной силы в борьбе против боярского правительства Шуйского.

Однако тульским и рязанским помещикам не удалось подчинить своим классовым целям движение крестьян и холопов. Напротив, отряды рязанских и тульских дворян-помещиков были захвачены мощным потоком двигавшегося на Москву войска восставших и, таким образом, помимо своей воли оказались на некоторое время своеобразными «попутчиками» восставших крестьян и холопов.

Поражение войск Шуйского под Калугой и дальнейшее продвижение к Москве Болотникова, занявшего Алексин и Серпухов, резко ухудшали положение правительства Василия Шуйского, заставляя его принимать новые меры для отпора наступавшим отрядам Болотникова.

Первой экстренной мерой правительства Шуйского после взятия Болотниковым Серпухова была посылка против него отряда князя В. В. Кольцова-Мосальского. Однако Болотников разбил и его на р. Лопасне. Это поражение вынудило Василия Шуйского послать против Болотникова новые силы во главе с родственником царя князем М. В. Скопиным-Шуйским. Последнему удалось задержать наступление Болотникова по Серпуховской дороге и даже заставить его отойти назад. Но в сражении у с. Троицкого войско Василия Шуйского было наголову разбито Пашковым.

Крепостная стена г. Серпухова, 1556 г. Литография XIX в.

Посылка войск против Истомы Пашкова была попыткой правительства Василия Шуйского не допустить отряды восставших крестьян и холопов к Москве. Поражение царских войск под с. Троицким создало обстановку, в которой правительству Шуйского оставалось только запереться в стенах Москвы, чтобы выиграть время и попытаться собрать новые силы для продолжения борьбы. Отступившие к Москве воеводы Василия Шуйского «град Москву затвориша и крепко утвердиша»[1]. Преследуя их, отряды Истомы Пашкова около 7 октября 1606 г. подошли к Москве и осадили ее[2].

После сражения на р. Пахре Болотников вынужден был отойти к Серпухову, тем не менее правительство Василия Шуйского могло ожидать в любой момент возобновления наступления его войска на Москву. Оно было вынуждено даже в обстановке непосредственной угрозы со стороны стоявших под Москвой отрядов Истомы Пашкова сделать еще одну попытку не допустить к Москве основное ядро войска восставших крестьян и холопов. С этой целью в 20-х числах октября правительство Шуйского предприняло новый поход против Болотникова, направив по Серпуховской дороге войско во главе с Федором Мстиславским и Дмитрием Шуйским. Однако второй поход Мстиславского и Шуйского оказался для воевод Шуйского еще более неудачным, чем первый. Болотников вновь перешел в наступление и в сражении на Серпуховской дороге наголову разбил войска Мстиславского и Шуйского. Этот новый удар, нанесенный Болотниковым воеводам Шуйского, открыл ему путь к Москве, и около 28 октября 1606 г. Болотников соединился с отрядами Истомы Пашкова, став лагерем в селе Коломенском[3].

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 100.

[2] О дате прихода Пашкова к Москве см. подробнее *И. И. Смирнов*. Указ. соч., стр. 187.

[3] Там же, стр. 191.

К моменту прихода войска восставших к Москве, территория, охваченная восстанием, насчитывала около семидесяти городов, включая почти все южные и юго-западные города Русского государства, а также значительную территорию Среднего Поволжья — между Нижним-Новгородом и Казанью. Кроме этой основной территории, охваченной восстанием, его влияние сказалось еще на трех районах, которые, не будучи непосредственно связаны с основной территорией восстания, тем не менее являли собой картину открытой и острой борьбы классов. Этими районами были Вятка и Пермь — на северо-востоке, Псков — на северо-западе и Астрахань — на юго-востоке.

Борьба в этих городах выражала классовые противоречия между верхушкой и низами посада.

Двухмесячный период осады Болотниковым Москвы (около 7 октября—2 декабря 1606 г.) был временем высшего подъема, кульминационным пунктом восстания. Приход к Москве армии крестьян и холопов не только ставил под удар восставших политический центр государства, но вместе с тем представлял угрозу и для основ власти господствующего класса Русского государства — класса феодалов-крепостников.

Современники определяли размеры войска Болотникова, осадившего Москву, в 60—100 и даже 187 тыс. человек [1].

Войско Болотникова не было однородным по социальному составу. Помимо холопов и крестьян, в нем имелись и казаки, стрельцы, а также дворяне и другие разряды служилых людей. Эта социальная неоднородность войска восставших сказывалась и на его организационном устройстве. Будучи под верховным начальством Болотникова, войско восставших в то же время включало и ряд в какой-то степени обособленных, самостоятельных отрядов, из которых самыми крупными были три: 1) под начальством Г. Сумбулова и П. Ляпунова, 2) под начальством Истомы Пашкова и 3) под начальством Ю. Беззубцева.

Наиболее отчетливо была выражена социальная сущность отряда Г. Сумбулова и П. Ляпунова, состоявшего из рязанских дворян-помещиков. Отряд Истомы Пашкова, в отличие от рязанских полков, не являлся единым в социальном отношении. Основой его было войско, шедшее к Москве от Ельца, Тулы, Коломны. Но наряду с этим в его отряде имелась значительная группа дворян-помещиков, преимущественно тульских и примыкающих к Туле районов. Наконец, отряд Ю. Беззубцева, повидимому, состоял из казаков. Примкнув к Болотникову в ходе восстания, в обстановке растущих его успехов, дворянские отряды временно усилили Болотникова, но вместе с тем явились источником серьезных противоречий и борьбы в лагере восставших. В конечном счете это обстоятельство не укрепляло, а разлагало ряды восставших. Тем не менее войско Болотникова представляло собой огромную силу, непосредственно угрожавшую Москве.

---

[1] *И. И. Смирнов.* Указ соч., стр. 264—265.

Одновременно с приведением в боевую готовность имевшихся в Москве сил правительство Василия Шуйского принимало меры к мобилизации нового войска.

План Василия Шуйского заключался в том, чтобы попытаться опереться в своей борьбе против Болотникова на северные и северо-восточные районы, где предполагалось набрать новые контингенты войск взамен разбежавшихся служилых полков.

За пределами Москвы, даже во время осады столицы, Василий Шуйский стремился укрепить свое положение в районе Можайска и Волоколамска. Эти города открывали дорогу от Москвы к западным областям Русского государства, прежде всего к Смоленску, сильнейшей военной крепости, на помощь которой Василий Шуйский мог рассчитывать в своей борьбе с Болотниковым, а также к Твери.

Посылка войск «под Можайск» и «под Волок»[1] преследовала цель привести в покорность эти города, находившиеся в руках восставших, и вместе с тем открыть дороги, по которым «смольняне», верные Василию Шуйскому, могли бы прийти к Москве. Это мероприятие Шуйского сыграло важную роль в исходе борьбы под Москвой. Воеводам Шуйского, князю Мезецкому и Крюку-Колычеву, удалось очистить район Можайска и Волоколамска от восставших и восстановить в этом районе власть Василия Шуйского. В Можайске же произошло соединение дворянских отрядов из Смоленска и его пригородов с ратью Крюка-Колычева.

Обстановка в Москве во время осады ее Болотниковым характеризовалась крайним обострением борьбы классов, проявления которой имели место уже в самые первые дни царствования Василия Шуйского. Особенностью этой борьбы было то, что она протекала под лозунгом «царя Димитрия». Стихийные движения народных низов Москвы происходили и в последующее время, вплоть до прихода войск Болотникова к Москве.

Болотников активно стремился привлечь московские городские низы, и прежде всего холопов, на свою сторону в борьбе против Василия Шуйского.

Болотниковым посылались прокламации («листы») в Москву и в другие города к городским низам с призывом к расправе с феодалами и к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостнической зависимости крестьян и холопов[2]. Таким образом, центральным пунктом программы восстания Болотникова, главным лозунгом, под которым проходило восстание, было уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодального гнета. Политическим лозунгом восстания Болотникова являлось свержение Василия Шуйского и провозглашение царем «царя Димитрия». Этот идеальный «царь Димитрий», в представлении участников восстания Болотникова, олицетворял «доброго царя» и не

[1] *С. А. Белокуров.* Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.), стр. 10.

[2] ААЭ, т. II, № 58, стр. 131 и сл.; *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 554.

имел ничего общего с Лжедмитрием I — авантюристом и ставленником польских панов.

«Царистская» идеология участников восстания Болотникова — важнейшая черта крестьянских движений в России XVII — XVIII вв.: «...говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя". Ведь таков был их лозунг»[1]. Эта данная И. В. Сталиным характеристика, вскрывающая сущность идеологической оболочки восстаний крестьян в России против феодального гнета, целиком приложима и к восстанию Болотникова. В глазах восставших царь Василий Шуйский был олицетворением крепостнического государства и выразителем интересов бояр, что делало его ненавистным для восставших крестьян и холопов. Наоборот, «царь Димитрий» в представлении народных масс был жертвой бояр, помешавших ему использовать свою власть на благо народа.

Борясь за привлечение народных масс на свою сторону, Болотников не ограничивался одной рассылкой прокламаций. Наряду с «листами» Болотников направлял в города своих агентов поднимать народ на восстание. Наиболее сильное воздействие на москвичей, однако, оказывал самый факт нахождения восставших под стенами Москвы. Во всех действиях Болотникова в отношении населения Москвы обнаруживалось стремление вызвать восстание в столице Русского государства и, таким образом, поставить власть Василия Шуйского под двойной удар — извне и изнутри.

Агитация Ивана Болотникова находила благоприятную почву в московских городских низах, и, по свидетельству современников-очевидцев, угроза восстания в Москве была весьма реальной.

Правительство Василия Шуйского принимало меры к тому, чтобы парализовать действие на население Москвы призывов Болотникова к восстанию, и в свою очередь пыталось оказать воздействие на москвичей.

Главной силой, использованной Шуйским для этой цели, была церковь. Непримиримую позицию по отношению к восстанию Болотникова занимал патриарх Гермоген, грамоты которого, рассылавшиеся из Москвы во время осады ее Болотниковым, являются ярким памятником борьбы церкви против восстания. На борьбу против Болотникова был мобилизован весь арсенал духовного оружия, имевшегося в распоряжении церкви: проповеди, церковные церемонии, религиозные обряды и, наконец, церковно-политическая литература, публицистика.

Путем политических интриг Василий Шуйский стремился разложить силы восставших изнутри. Возможность таких интриг облегчалась составом лагеря восставших. Наличие в войске Болотникова столь разнородных в социальном отношении групп, как крепостные крестьяне и холопы, с одной стороны, дворянско-помещичьи отряды — с другой, делало неминуемым рост классовых противоречий и борьбы внутри

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 113.

войска Болотникова. Эти противоречия все более обострялись по мере того, как расширялся размах восстания Болотникова и определялась его социальная направленность.

Грамоты Болотникова с призывом к холопам восстать против господ были столь же неприемлемы для дворянских элементов внутри лагеря Болотникова, как и для дворян вообще.

Все это создало благоприятную почву для завязывания тайных сношений Василия Шуйского с отдельными военачальниками из войска Болотникова с тем, чтобы подготовить разрыв этих лиц с Болотниковым. Итогом борьбы Шуйского за разложение лагеря Болотникова явились «измены» — сначала Г. Сумбулова и Прокопия Ляпунова, перешедших со своим отрядом на сторону Василия Шуйского, а затем Истомы Пашкова.

Переход Ляпунова и Пашкова на сторону Шуйского отражал разрыв между Болотниковым и примкнувшими к нему дворянско-помещичьими элементами. В этом переходе нашел также свое выражение поворот дворян-помещиков, прежде всего рязанских и тульских, от политики борьбы за власть против Василия Шуйского, как выразителя интересов боярства, к политике блока с ним против восставшего крестьянства.

Раскол в лагере Болотникова означал крупный успех Шуйского в его борьбе против восстания. Такое изменение в соотношении сил боровшихся сторон неизбежно должно было отразиться на ходе военных действий под Москвой.

Переломным моментом в осаде Москвы была измена «рязанцев» во главе с Сумбуловым и Ляпуновым 15 ноября 1606 г. Измена «рязанцев» укрепляла позиции Шуйского, причем не столько в военном отношении (отряд рязанцев насчитывал всего 500 человек), сколько политически, свидетельствуя о наличии крупных противоречий в лагере Болотникова.

Измена «рязанцев» заставила Болотникова активизировать свои действия, пойти на решительные шаги для скорейшего достижения главной цели — взятия Москвы. Новый план Болотникова заключался в том, чтобы перерезать дорогу, ведущую из Москвы в Ярославль, замкнуть окружение Москвы с севера и, таким образом, установить ее полную блокаду[1].

Осуществление этого плана началось 26 ноября, когда отряды восставших перешли через Москву-реку и продвинулись к Рогожской слободе, а отряд под начальством Истомы Пашкова, посланный Болотниковым для захвата Ярославской и Вологодской дорог, занял Красное село.

Наступление, предпринятое Болотниковым, побудило Василия Шуйского нанести ответный удар, бросив для этого в бой все имевшиеся в его распоряжении силы. Главное сражение развернулось 27 ноября, на правом берегу Москвы-реки — в Замоскворечье.

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 106; *И. И. Смирнов*. Указ. соч., стр. 301.

Таким образом, Василий Шуйский стремился нанести удар по основным силам Болотникова, сосредоточенным в Коломенском. Вместе с тем этот удар ставил под угрозу и те отряды Болотникова, которые находились на левом берегу Москвы-реки — в районе Рогожской слободы и Красного села.

Сражение 27 ноября закончилось победой Шуйского. Болотников понес большие потери убитыми и пленными и вынужден был отступить в свой укрепленный лагерь, «острог», в селе Коломенском. Одной из причин поражения Болотникова в сражении 26—27 ноября была измена Истомы Пашкова, в самый разгар сражения 27 ноября перешедшего на сторону Василия Шуйского и повернувшего свои силы против Болотникова. Правда, Пашкову не удалось увлечь весь отряд, находившийся под его начальством, и на сторону Шуйского перешла лишь небольшая часть его отряда — «дворяне и дети боярские»[1]. Но сам по себе факт измены Пашкова не мог не подействовать дезорганизующим образом на войска Болотникова.

Другим фактором, благоприятствовавшим Василию Шуйскому в сражении 26 — 27 ноября, было общее укрепление положения правительственных войск, в частности, приход в Москву отряда стрельцов с Двины[2].

Сражение 26—27 ноября еще более изменило соотношение сил в пользу Василия Шуйского и создало благоприятную обстановку для нанесения им решительного удара с целью ликвидации осады Москвы. Этот удар и последовал 2 декабря 1606 г.

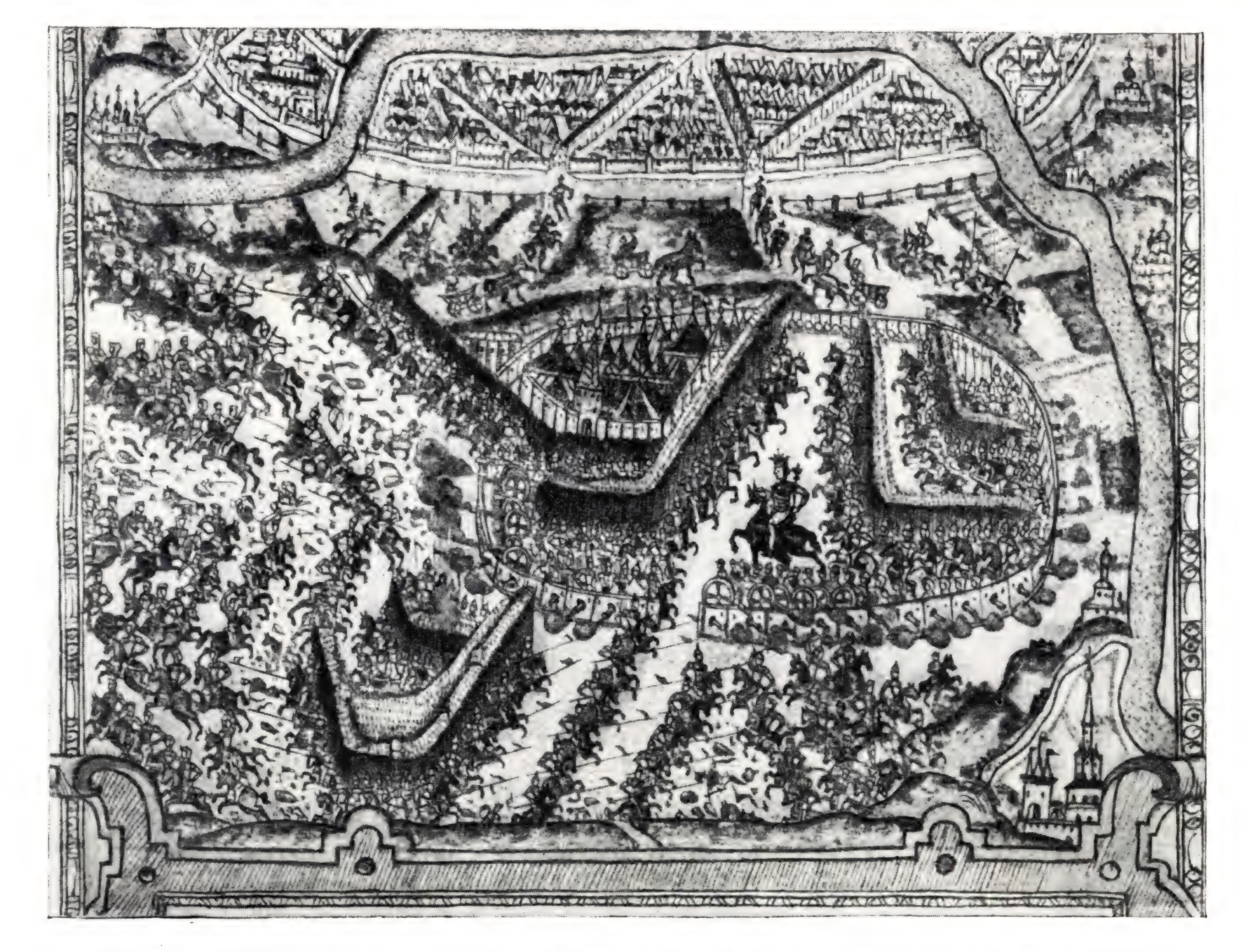
Наиболее крупным событием за неделю, отделявшую 2 декабря от сражения 26—27 ноября, было прибытие на помощь Шуйскому смоленских и ржевских полков. Это новое усиление войск Василия Шуйского ускорило развязку событий.

План воевод Василия Шуйского состоял в том, чтобы, объединившись, ударить по Коломенскому, куда 27 ноября отступил Болотников. Последний, однако, не захотел быть в положении осажденного и сам вышел навстречу, решив дать встречный бой. Сражение между царскими воеводами и Болотниковым произошло у деревни Котлы, расположенной по Тульской дороге, между Даниловским монастырем и селом Коломенским. Битва в Котлах закончилась победой царских воевод. Болотников был разбит и вынужден был вновь отступить в Коломенское, преследуемый воеводами Василия Шуйского. «Острог», сооруженный Болотниковым в Коломенском, оказался настолько прочным, что воеводы Шуйского «по острогу их биша три дни, разбити же острога их не могоша». Взять острог удалось лишь после того, как воеводы Шуйского через «языка» раскрыли характер укреплений острога, начали обстреливать его зажигательными ядрами и подожгли, что и вынудило Болотникова

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 73.

[2] РИБ, т. 13, стб. 107.

Бой отрядов И. Болотникова с войском В. Шуйского в Москве. Деталь плана Москвы И. Массы 1606 г.

оставить Коломенское и отступить по направлению к Серпухову и затем дальше, к Калуге и Туле[1].

Часть разбитой 2 декабря армии Болотникова укрылась в деревне Заборье. Засевшие в Заборье отряды, состоявшие из казаков, сдались воеводам Василия Шуйского и «добили челом» царю[2].

Падение Заборья было последним этапом сражения, начавшегося 2 декабря. Сражение это было наиболее крупным и по значению среди других военных действий под Москвой. Современник Буссов определяет размеры войска Василия Шуйского в сражении 2 декабря в 100 тыс. человек[3]. По польским данным, количество одних убитых в войске Болотникова превышало 20 тыс. человек[4]. Участие в сражении 2 декабря артиллерии еще больше подчеркивает масштабы этого боя.

Сражение 2 декабря коренным образом изменило общую стратегическую обстановку в стране. Поражение Болотникова означало снятие осады Москвы, передавало инициативу в руки воевод Василия Шуйского.

Шуйский использовал свою победу прежде всего для расправы с побежденными. Массовые избиения начались еще на поле сражения. Та же участь постигла и пленных, которых сотнями «сажали в воду», т. е. топили в реке Яузе[5]. Все эти казни имели своей целью не только физическое истребление попавших в руки Василия Шуйского участников восстания. Шуйский стремился также устрашить казнями неустойчивые элементы как в лагере Болотникова, так и среди социальных низов Москвы и других городов с тем, чтобы заставить их прекратить борьбу и покориться царю.

Но один террор, сам по себе, не мог разрешить задачи ликвидации восстания. Подавления восстания можно было добиться путем уничтожения основного его ядра — армии Болотникова. Поражение Болотникова под Москвой создавало благоприятную обстановку для этого и, казалось, давало Василию Шуйскому возможность покончить с Болотниковым одним ударом. Однако события развернулись вовсе не так, как предполагал Шуйский.

Основные силы Болотникова, отступив от Москвы, сосредоточились в Калуге, где имелось «всяких людей вогненого бою больши десяти тысячь», и в Туле, где также были «многие же люди с вогненым боем»[6].

Первым актом новой наступательной кампании В. И. Шуйского было преследование отступившего от Москвы Болотникова войсками под на-

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 110.

[2] *А. Н. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, стр. 332.

[3] «Rerum Rossicarum Scriptores Exteri»(далее—*Bussow*), т. I, СПб., 1851, стр. 72.

[4] Сб. РИО, т. 137, стр. 360.

[5] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 73; *И. Масса.* Указ. соч., стр. 163.

[6] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 332.

чальством одного из братьев царя — князя Дмитрия Шуйского. Дмитрий Шуйский, однако, не только не сумел победить Болотникова, но сам дважды был разбит им — сначала под Калугой, а затем под Серпуховом.

Неудача Дмитрия Шуйского заставила Василия Шуйского направить под Калугу более крупные силы, в составе трех полков и артиллерии, под начальством своего другого брата — Ивана Шуйского. Однако Иван Шуйский в действиях под Калугой был не более удачлив, чем его брат, и хотя его войска осадили Калугу и приступали к ней «приступом», но «ничево им не учиниша» [1].

Безуспешность осады Калуги Иваном Шуйским вынудила Василия Шуйского предпринять попытку решить исход борьбы под Калугой в свою пользу посылкой туда в январе 1607 г. нового войска во главе с князьями Ф. И. Мстиславским, М. В. Скопиным-Шуйским и Б. П. Татевым. Новые воеводы попытались применить более эффективные средства борьбы против осажденного города. Тактика воевод Василия Шуйского состояла в том, чтобы зажечь деревянный калужский «острог» при помощи так называемого «примета» или «подмета» [2].

Болотников, однако, и на этот раз показал себя блестящим стратегом и не только сумел отвести от себя смертельную опасность, но и предпринять контрманевр, оказавшийся в конечном счете гораздо более успешным, чем операция с «подметом».

Маневр Болотникова состоял в том, чтобы, определив направление движения «подмета» и рассчитав время предполагаемого поджога, уничтожить «подмет» и наступавшие под его защитой войска путем устройства подкопа за пределами стен калужского острога и закладки туда пороха, с тем, чтобы в нужный момент взорвать мину. Этот смелый замысел, требовавший обширных инженерных знаний, точного расчета и соблюдения тайны, был блестяще осуществлен Болотниковым, и в ночь перед предполагаемым поджогом «подмета» последний был взорван [3]. Эффект от взрыва «подмета» Болотников еще более усилил тем, что «вышел со всеми людми» из Калуги, «и на приступе многих людей побиша и пораниша» [4].

Таким образом, приход под Калугу Мстиславского и Скопина-Шуйского не только не привел к падению Калуги, но, наоборот, ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками.

Причины серьезных неудач войск Василия Шуйского под Калугой следует искать в общей обстановке, сложившейся к этому времени в стране.

После снятия осады Москвы борьба между Болотниковым и Василием Шуйским развернулась вокруг Калуги. Но борьба в тех или иных

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 73.

[2] «Подмет» — деревянное сооружение, которое подводилось под стены деревянной крепости, затем зажигалось с целью вызвать пожар на крепостных стенах.

[3] РИБ, т. 13, стб. 113.

[4] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 73.

формах охватила также большую часть территории страны. Особенно напряженным было положение в районе городов к югу от Москвы (от Рязани до Брянска) и в Среднем Поволжье («Арзамасские и Алатырские места»).

Города к югу и юго-западу от Москвы, бывшие главными центрами восстания Болотникова на первом его этапе, во время похода Болотникова на Москву, сохранили это значение и после его поражения под Москвой и отступления в Калугу. В отличие от смоленских пригородов, Дорогобужа и Вязьмы, а также Можайска, которые были приведены в покорность и признали власть Василия Шуйского, весь район к юго-западу и югу от Москвы оставался в руках восставших. Сюда отступили разбитые под Москвой войска Болотникова.

Наконец, эти города были непосредственно связаны с Путивлем, где были сосредоточены силы одного из самозванцев, выдававшего себя за сына царя Федора, «царевича» Петра. План правительства Василия Шуйского заключался в том, чтобы подавить все центры и очаги восстания. Осуществление этого плана выразилось в посылке Шуйским воевод «под городы на воровских людей»[1]. При этом основные силы были брошены против главного района восстания, подмосковного, под города Серпухов, Алексин, Михайлов, Калугу, Венев, Козельск. Однако за исключением Серпухова, который к весне 1607 г., повидимому, уже находился в руках Василия Шуйского, его воеводам не удалось захватить ни одного города к югу и юго-западу от Москвы.

Борьба в подмосковном районе охватила не только город, но и деревню. Особенно широкий размах она приобрела в Рязанском уезде, представлявшем собой картину почти всеобщего восстания рязанских «мужиков». Иной характер носила борьба в Среднем Поволжье. Это был многонациональный по составу населения район. Наряду с русским населением большой удельный вес в нем имели черемисы (мари), мордва, чуваши, татары. Существенной особенностью Среднего Поволжья являлось также и то, что это был район интенсивной помещичьей и крестьянской колонизации.

Движение в Поволжье было очень сложным по составу участников, характеру и формам борьбы. С одной стороны, в числе восставших были русские крестьяне, холопы, бортники, что свидетельствовало об антифеодальном характере движения. С другой — большую роль играла борьба поволжских народов: мордвы, мари, чувашей, татар, носившая национальный характер[2]. Наконец, в Поволжье, как и в других местах, к движению угнетенных низов примкнули некоторые русские помещики, а также отдельные представители феодальных верхов народов Поволжья. Последние стремились использовать благоприятную обстановку для восстановления своих социальных привилегий. Однако реакционные

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 73.

[2] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 359.

устремления представителей местной знати парализовались активным участием в борьбе широких масс мордовского, марийского и татарского населения.

Наиболее крупным событием в Приволжье следует, повидимому, считать поход на Нижний-Новгород и осаду его объединенным войском русских холопов, крестьян, бортников и отрядов мордвы.

Период активного участия Среднего Поволжья в восстании Болотникова охватывает конец 1606 и начало 1607 гг. — момент подъема восстания Болотникова.

После поражения Болотникова под Москвой правительство Василия Шуйского, стремясь завершить победу и восстановить «порядок» во всей стране, послало специальную карательную экспедицию и в Поволжье. В течение декабря 1606 — января 1607 гг. воеводам Шуйского Г. Пушкину и С. Ододурову удалось освободить Нижний-Новгород от осады и привести в покорность жителей Арзамаса и Алатыря. Еще до этого жители Мурома и Свияжска «добили челом» Василию Шуйскому.

Поход Г. Пушкина и С. Ододурова увенчался несомненным успехом, хотя относительным и непрочным, что и обнаружилось уже в следующем 1608 г. в новом подъеме движения в Поволжье[1]. Тем не менее Шуйскому удалось устранить непосредственную опасность восстания в Поволжье и тем самым укрепить свои позиции в борьбе против Болотникова.

Другим моментом, определявшим наряду с борьбой в подмосковном районе и в Поволжье обстановку в стране в послемосковский период восстания Болотникова, было движение самозванного «царевича» Петра. Начало этого движения относится к зиме 1605—1606 гг., когда у зимовавших на Тереке казаков возникло «воровское умышление» провозгласить Илейку Муромца «царевичем» Петром. Вначале в выступлении казачества еще можно было наблюдать проявление «разбойных» тенденций, свойственных походам за добычей. Однако победила другая, социальная, тенденция. В противовес намерению идти громить суда на Каспии было выдвинуто предложение выступить против «лихих бояр» как главных врагов казаков, стоявших между казаками и «государем». Это предложение вызвало раскол среди казачества, и часть «казаков человек с триста» провозгласила казака Илейку Муромца «царевичем» Петром, мифическим сыном царя Федора Ивановича.

Илейка Муромец был типичным представителем «молодых» казаков, казачьей голытьбы. Принадлежа по происхождению к посадским слоям Мурома, Илейка, однако, как «прижитый» его матерью «без венца», оказался вне тех правовых норм, которые определяли положение посадского человека. Это обстоятельство способствовало превращению Илейки в «гулящего» человека на Волге. Из «гулящего» человека Илейка стал казаком и в течение нескольких лет участвовал в казачьих походах из

[1] См. ниже гл. III, § 7 настоящего издания.

Астрахани на Терек. Во время одной из зимовок с казаками на Тереке Илейка «приказался во двор» сыну боярскому Григорию Елагину, т. е. превратился в кабального холопа. Однако «холопство» Илейки продолжалось всего лишь одну зиму, а летом он ушел опять в Астрахань, затем вновь отправился на Терек и там превратился в «царевича». В качестве типичного представителя казачьей голытьбы Илейка и возглавил движение против «лихих бояр».

Восстание 17 мая 1606 г. в Москве и убийство Лжедмитрия I застали отряд «царевича» Петра в районе Свияжска, где казаки узнали от ехавшего из Москвы казака, что «на Москве Гришку Розстригу убили миром всем»[1]. Эта весть заставила «царевича» Петра повернуть назад, вниз по Волге. С Волги казаки переправились на Дон, а затем Доном и Донцом направились к украинным городам и, наконец, в Путивль, установив прямую связь с Болотниковым. Из чисто казачьего движение «царевича» Петра превращается в составную часть восстания Болотникова.

Отступление Болотникова к Калуге и Туле ускорило объединение отрядов «царевича» Петра с основными силами восставших. С этого времени отряды «царевича» Петра приняли непосредственное участие в борьбе против войск Василия Шуйского.

В конце января или начале февраля 1607 г. воевода «царевича» Петра князь Телятевский разбил под Веневом воеводу Василия Шуйского князя Хилкова. После сражения под Веневом участвовавшие в нем войска «царевича» Петра разделились, причем одна часть под начальством Телятевского направилась к Туле, а другая под командованием князя Василия Мосальского двинулась к Калуге, на помощь осажденному Болотникову.

Приближение Мосальского к Калуге заставило воевод Василия Шуйского, осаждавших город, двинуть навстречу Мосальскому войска и дать ему встречный бой. Сражение на р. Вырке, в семи верстах от Калуги, (конец февраля 1607 г.), продолжавшееся целые сутки, закончилось победой воевод Шуйского, хотя отряды восставших показали исключительное мужество и стойкость в борьбе.

Приблизительно в одно время с битвой на Вырке войска Василия Шуйского нанесли Болотникову еще одно поражение — в Веневском уезде, в Серебряных Прудах.

Сражения на Вырке и под Серебряными Прудами вновь резко ухудшили положение Болотникова, причем теперь под ударом, кроме Калуги, оказывалась вторая важнейшая база войск восставших — Тула. Стремясь использовать благоприятную обстановку, правительство Василия Шуйского во второй половине марта 1607 г. направило под Тулу войско под командованием князя Воротынского.

К этому моменту в Туле уже находился «царевич» Петр, перешедший туда из Путивля. Организацией похода на Тулу правительство Василия

---

[1] «Архив П. М. Строева», т. II, РИБ, т. 35, № 69, стб. 139—146.

Шуйского преследовало цель разбить второй важнейший центр восстания и захватить в плен «царевича» Петра. Однако Воротынский потерпел полную неудачу, был разбит воеводой Петра князем Телятевским, и «едва ушел в Олексин». Столь же неудачным для Шуйского был и предпринятый тогда же поход к Дедилову. Под Дедиловом поражение воевод Шуйского было настолько полным, что современники называют его «разгромом»[1].

Эти поражения свели на нет результаты побед воевод Василия Шуйского на Вырке и под Серебряными Прудами. Положение вновь изменилось, но уже в пользу Болотникова. Руководители восстания воспользовались этим, начав новые активные военные действия против войск Шуйского. С целью оказать помощь осажденному Болотникову, царевич Петр предпринял второй поход к Калуге. Во главе войска, шедшего к Калуге, был поставлен князь Телятевский, только что одержавший победу над Воротынским.

Правительство Василия Шуйского, учтя уроки недавних поражений под Тулой и Дедиловом, мобилизовало для отпора Телятевскому не только три полка из состава войск, стоявших под Калугой, но также и «всех людей» из полков князя Воротынского, стоявших под Алексином. Но несмотря на это, войска Шуйского, вышедшие «навстречу» Телятевскому, были наголову разбиты им «в селе на Пчельне», недалеко от Калуги (3 мая 1607 г.)[2]. В числе убитых были двое воевод, князья Татев и Черкасский.

Разбитые войска были совершенно дезорганизованы и «с великим ужасом прибежали в свой лагерь под Калугу»[3]. Существенную роль в столь роковом для воевод Василия Шуйского исходе сражения на Пчельне сыграл переход из армии Татева и Черкасского на сторону восставших «заборских казаков» — отрядов казаков, попавших в плен в Заборье и включенных затем правительством Шуйского в состав войск, которые осаждали Калугу.

Битва на Пчельне решила судьбу и Калуги. Болотников завершил разгром войск Василия Шуйского, начатый на Пчельне, произведя со всеми своими силами вылазку на боярские станы, в результате которой воеводы Шуйского «устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше»[4].

Отступлением воевод Шуйского от Калуги к Москве завершается тот этап в истории восстания Болотникова, который начался его отходом от Москвы к Калуге.

---

[1] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 334.

[2] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 157. Дата битвы на Пчельне устанавливается надписью на надгробной плите на могиле князя Б. П. Татева, убитого в этом сражении (см. *А. В. Горский.* Историческое описание Троице-Сергиевской лавры, ч. II, М., 1890, стр. 102).

[3] *Bussow,* стр. 75.

[4] РИБ, т. 13, стб. 114.

Источник успехов Болотникова во время осады воеводами Василия Шуйского Калуги крылся в дальнейшем развитии восстания как территориально, так и вглубь — в смысле охвата более широких масс населения. Благодаря этому подъему угнетенных масс, охватившему большую часть территории страны, Болотников оказался в состоянии восстановить свои силы, ослабленные поражением, понесенным им в Коломенском. Василий Шуйский, напротив, потерял то преимущество в силах, которое дала ему победа над Болотниковым под Москвой.

Болотников, однако, не использовал исключительно благоприятной обстановки, создавшейся для восставших после сражения на Пчельне, и не пошел на Москву, дорога на которую была вновь открыта благодаря успехам его оружия под Калугой, а ограничился тем, что оставил Калугу и перешел в Тулу, где объединился с «царевичем» Петром. Такая тактика Болотникова давала Шуйскому время, чтобы оправиться от поражения и собрать силы[1].

Объяснение того, каким образом Шуйскому удалось преодолеть состояние, в котором он оказался после поражения его войск под Калугой, следует искать прежде всего в позиции правящего класса.

Правительство Шуйского стремилось усилить и ускорить процесс консолидации господствующего класса. Стремление любыми средствами и способами добиваться перехода на свою сторону служилых людей— помещиков составляет стержень всей внутренней политики Василия Шуйского в рассматриваемое время. Однако сплочение сил господствующего класса нельзя преувеличивать.

Прежде всего далеко не все дворяне-помещики перешли на сторону Василия Шуйского; известная часть помещиков продолжала принимать прямое участие в борьбе против него. Вместе с тем переход тех или иных групп дворян на сторону Шуйского вовсе не означал установления их полного единства с лагерем Шуйского. Участвуя вместе с Василием Шуйским в борьбе против Болотникова, дворянские представители продолжали занимать враждебную Шуйскому позицию в таких вопросах, где сталкивались интересы боярства и дворянства.

Особенно острый характер носила борьба дворян-помещиков против боярства и Василия Шуйского, как выразителя интересов княжат и бояр, в вопросе об армии. Политика Василия Шуйского представляла собой сочетание щедрых земельных и денежных наград служилым людям с репрессиями в отношении тех, кто уклонялся от службы в армии.

Служилые люди — помещики-дворяне — составляли основной костяк армии Василия Шуйского. Правительство Шуйского всеми средствами стремилось увеличить численность войска путем мобилизации новых слоев служилых людей. Однако привлечение их в армию происходило с большим трудом. Значительная часть уклонялась от явки на службу, оказывалась в «нетях».

---

[1] *И. Масса.* Указ. соч., стр. 170.

Кроме мобилизации служилых людей, армия Василия Шуйского пополнялась путем сбора «даточных людей» с черного посадского и сельского населения, а также крестьян церковных и монастырских вотчин.

Политический смысл всех финансовых мероприятий Василия Шуйского заключался в том, чтобы сосредоточить в своих руках достаточное количество денег и иметь возможность, во-первых, щедрой раздачей денежного жалованья привлекать на свою сторону служилых людей — помещиков и, во-вторых, нейтрализовать путем найма «охочих людей» последствия «нетства» служилых людей и «даточных». Однако итоги финансовой политики Шуйского не были удовлетворительны, как и результаты строительства армии.

Не менее важным вопросом внутренней политики Шуйского являлось отношение к крестьянам и холопам. Василий Шуйский стремился использовать законодательство о крестьянах и холопах как средство для привлечения на свою сторону тех или иных слоев землевладельцев-феодалов, равно как и для внесения разложения в ряды участников восстания Болотникова.

Правительство Шуйского применяло в качестве одной из форм вознаграждения дворян-помещиков за активное участие в борьбе с Болотниковым предоставление им права брать из тюрем «на поруки» холопов — участников восстания Болотникова, которых затем их поручители превращали в своих холопов. Вместе с тем в качестве одного из средств разложения лагеря восставших правительство Шуйского применяло и такую меру, как выдачу отпускных тем холопам — участникам восстания Болотникова, которые являлись с повинной[1].

В совершенно ином плане выступает в законодательстве Василия Шуйского крестьянский вопрос. В то время как политический смысл законов Шуйского о холопах заключался в том, чтобы оторвать последних от восставших, законодательство о крестьянах преследовало в первую очередь цель консолидации господствующего класса путем устранения борьбы из-за крестьян между отдельными группами землевладельцев.

Именно такой характер имеет главный акт законодательства Василия Шуйского о крестьянах — Уложение 9 марта 1607 г., посвященное незаконному переходу крестьян от одного землевладельца к другому, т. е. бегству крестьян[2].

В годы восстания Болотникова и в непосредственно предшествующий ему 1605 г. бегство крестьян приняло массовый характер. Однако борьба землевладельцев против крестьянских побегов осложнялась тем, что вопрос о сыске беглых крестьян, равно как и о законности или незаконности крестьянских переходов, был крайне запутан противоречивым законодательством Бориса Годунова и Лжедмитрия I. Это вызвало острую внутриклассовую борьбу между землевладельцами из-за беглых крестьян,

---

[1] АИ, т. II, № 85/II, стр. 115.

[2] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 335—337.

что, конечно, ослабляло позиции господствующего класса в борьбе против Болотникова. Стремлением устранить подобную борьбу между феодалами и объясняется издание Уложения 9 марта 1607 г. Преследовавшаяся правительством цель достигалась путем установления пятнадцатилетнего срока для сыска беглых крестьян и признания права на владение крестьянами за теми землевладельцами, за которыми они числились по писцовым книгам.

Уложение 9 марта 1607 г. создавало широкую правовую базу для урегулирования крестьянского вопроса на основе укрепления крепостничества. Изданием этого закона Василий Шуйский удовлетворял требования самых широких слоев землевладельцев и в первую очередь, конечно, помещиков, особенно заинтересованных в охране государственной властью их прав на владение крестьянами. Уложение 9 марта 1607 г. и другие мероприятия Шуйского должны были сплотить всех землевладельцев для подавления восстания Болотникова, угрожавшего основам крепостнического строя.

Поражение под Калугой имело для Василия Шуйского серьезные политические последствия. Чем сильнее и реальнее становилась угроза расправы с господствующим классом со стороны восставших, тем дальше отходили на задний план противоречия между отдельными группировками внутри господствующего класса и усиливались тенденции к объединению всех сил феодалов для разгрома восстания Болотникова.

В конечном счете правительству Василия Шуйского все же удалось преодолеть сопротивление враждебных ему феодальных кругов и добиться поддержки дальнейшей борьбы с восстанием. Основным мероприятием царя в борьбе с восставшими была организация похода на Тулу, ставшую теперь местонахождением главных сил Болотникова.

Тульский поход Василия Шуйского начался 21 мая 1607 г. Правительство Шуйского с самого начала стремилось придать ему необычный, чрезвычайный характер, что подчеркивалось фактом личного участия в походе самого царя.

Готовя поход на Тулу и концентрируя силы в Серпухове и Кашире, Шуйский не проявлял, однако, большой активности в военном отношении.

Эта пассивность Василия Шуйского позволила Болотникову предпринять обходный маневр — повернуть от Серпухова на Каширу с тем, чтобы, обойдя «царев полк», стоявший в Серпухове, нанести удар по более слабой каширской группировке войск Шуйского и, в случае успеха, двинуться дальше на Коломну, а затем по Коломенской дороге на Москву: «да возмут царьствующий град Москву, и разделиша себе и домы вельмож, коиждо себе»[1].

Исторические источники определяют размеры войска Болотникова и

[1] *М. Н. Тихомиров.* Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», кн. VI, стр. 120.

Телятевского в 30—38 тыс. человек[1], отмечая наличие у восставших «наряда», т. е. артиллерии, и вообще ратных людей, вооруженных «огненным боем». Все это превращало войска Болотникова в грозную силу.

В ответ на движение Болотникова и Телятевского к Кашире Василий Шуйский направил подкрепления своим каширским воеводам. Сами же воеводы вышли из Каширы и стали «ждать» противника на р. Беспуте в том же Каширском уезде. Здесь на р. Восме (приток Беспуты) и произошла 5—7 июня 1607 г. новая битва между Болотниковым и воеводами Василия Шуйского[2]. Первоначально исход битвы на Восме склонялся в пользу Болотникова, но в конце концов воеводам Шуйского все же удалось одержать победу над восставшими.

Победа войск Шуйского при Восме не только устраняла для господствующего класса угрозу нового похода Болотникова на Москву, но и резко увеличивала шансы на успех похода Шуйского.

Василий Шуйский, однако, и после битвы на Восме не решался двинуть на Тулу все свои силы, ограничившись лишь посылкой туда каширского и рязанского полков, участвовавших в битве на Восме. Вместе с тем Шуйский направил к Туле так же часть войск, стоявших в Серпухове, в количестве трех полков во главе с князем М. В. Скопиным-Шуйским.

Продвижение воевод Василия Шуйского к Туле привело к новому сражению между ними и Болотниковым на р. Вороньей (в семи километрах от Тулы) 12 июня 1607 г.[3] В результате сражения Болотников отступил под защиту Тульского кремля; началась осада Тулы.

Почти четырехмесячная оборона Тулы Болотниковым была заключительной и притом наиболее трагической главой в истории восстания Болотникова.

Осаду Тулы начали войска, участвовавшие в битве на р. Вороньей. Этот начальный период осады продолжался до 30 июня, когда под Тулу пришел сам Василий Шуйский с сопровождавшим его двором и войсками.

Силы Болотникова в Туле были, несомненно, меньше, чем силы Шуйского. Однако, несмотря на два имевших место друг за другом поражения — на р. Восме и на р. Вороньей,— войско Болотникова еще представляло собой крупную силу и, по данным современников, достигало 20 тыс. человек.

Меньшая численность войска Болотникова по сравнению с осаждавшими Тулу войсками Шуйского компенсировалась наличием тульских мощных укреплений и, в еще большей степени, высокими боевыми качествами войск восставших. Войска Болотникова вели борьбу с характерными для них энергией и настойчивостью[4], это обусловило то, что осажденная Тула противостояла Шуйскому целых четыре месяца и отразила все попытки царских воевод взять город штурмом.

---

[1] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 335; *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 120.

[2] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 143.

[3] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 336.

[4] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 337; РИБ, т. 13, стб. 484.

Безуспешность попыток взять Тулу штурмом заставляла Василия Шуйского искать других способов сломить стойкость защитников осажденного города. Так возник проект «водного потопления» города путем устройства на р. Упе, протекающей через Тулу, плотины. Этот проект, предложенный некиим «муромцем сыном боярским Иваном Суминым сыном Кровковым», был принят[1]. В течение двух месяцев была построена плотина по течению Упы, ниже города, и поднявшаяся в Упе вода вызвала в городе наводнение.

Однако и это не могло сломить мужество войск Болотникова. Несмотря на страшный голод и другие лишения, вызванные четырехмесячной осадой, осажденные все же не сдавались.

Между тем к осени 1607 г. положение в стране стало вновь складываться неблагоприятно для Шуйского. Прежде всего, длительное стояние под Тулой не только ослабляло войска Василия Шуйского в результате потерь от военных действий, но и действовало разлагающим образом на ратных людей. Другим моментом, определявшим обстановку в стране и оказавшим воздействие и на положение Шуйского под Тулой, было непрекращавшееся активное движение крестьян и холопов. Их отдельные отряды продолжали вести борьбу против феодалов, в частности, и в непосредственной близости от Тулы — в Рязанском уезде[2].

Такое положение дел вынуждало Шуйского выделять часть своих сил для борьбы против «воюющих мужиков», что еще более ослабляло тульский лагерь. К этим факторам внутреннего порядка в конце лета 1607 г. прибавился еще внешний фактор в лице нового самозванца, провозгласившего себя в июле 1607 г. в г. Стародубе-Северском «царем Димитрием».

Авантюрист, выдвинутый враждебными Русскому государству панскими кругами Польши, Лжедмитрий II широко использовал для достижения своих целей социальную демагогию, а имя «царя Димитрия» на первых порах привлекло к самозванцу широкие народные массы. Это делало особенно опасным для Шуйского начатый Лжедмитрием II в сентябре 1607 г. поход из Стародуба на Брянск, с очевидной целью идти дальше, к Туле.

В данной обстановке, стремясь любой ценой добиться прекращения военных действий под Тулой, Василий Шуйский предпринимает новый маневр в виде переговоров с Болотниковым об условиях капитуляции Тулы. Если Шуйский видел в переговорах с Болотниковым дипломатический маневр, рассчитанный на прекращение борьбы под Тулой, то Болотников, в свою очередь, рассматривал переговоры с царем как определенный тактический прием, имевший целью обмануть царя и ценой потери Тулы спасти свое войско. Основой этих переговоров было обещание Василия Шуйского, в случае капитуляции Тулы, сохранить жизнь и свободу

---

[1] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 337.
[2] *И. И. Смирнов.* Указ. соч., стр. 457—458.

Крепостная стена г. Тулы. 1514—1521 гг. Акварель.

Государственный Исторический музей

участникам восстания и их руководителям, в том числе и самому Болотникову и «царевичу» Петру.

Переговоры закончились заключением «контракта», который Шуйский скрепил торжественной клятвой[1]. Василий Шуйский, однако, не намеревался выполнить условий заключенного им договора. Одновременно с переговорами, которые Шуйский вел с Болотниковым, он имел тайные сношения с определенными кругами в Туле, причем целью этих тайных сношений были захват и выдача царю Болотникова и других руководителей восстания.

В результате такой вероломной тактики Шуйского 10 октября 1607 г., после заключения соглашения о капитуляции, Тула открыла свои ворота

[1] Там же, стр. 474 и др.

его воеводам. Именно в этот момент Болотников и «царевич» Петр были схвачены агентами Шуйского из «тульских сидельцев» и привезены «в полки» к царю.

Василий Шуйский стремился к скорейшей ликвидации войска Болотникова как организованной силы и завершению борьбы с восстанием. Этому мероприятию был придан вид жеста великодушия со стороны царя, распустившего «восвояси» «тульских сидельцев». Вслед за тем Шуйский вернулся в Москву, куда были доставлены «в оковах» Болотников и «царевич» Петр.

Падение Тулы означало конец восстания под предводительством Болотникова.

По возвращении Василия Шуйского в Москву последовала казнь «царевича» Петра, повешенного «под Даниловым монастырем, на Серпуховской дороге»[1]. С Болотниковым Шуйский решился расправиться лишь через несколько месяцев, уже в 1608 г., когда Болотников был отправлен в Каргополь и там был сначала ослеплен, а затем утоплен.

* * *

Причины поражения восстания Болотникова следует искать в самой природе этого восстания. И. В. Сталин дал исчерпывающую характеристику классовой природы восстания Болотникова как «...стихийного возмущения угнётенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта»[2].

Стихийный характер движения Болотникова определил и формы борьбы и самый ее исход. Именно в стихийном характере борьбы крепостных крестьян следует искать главные причины поражения восставших.

Среди слабых и уязвимых сторон восстания под руководством Болотникова на первое место следует поставить отсутствие хоть в какой-то мере прочной и постоянной связи отдельных мест и районов восстания с его центром и его руководителями. Эта разобщенность отдельных районов восстания ослабляла эффект борьбы восставших крестьян, холопов, городских низов, создавая вместе с тем возможность для Шуйского посылать свои войска против отдельных городов и районов и таким образом подавлять восстание по частям.

Стихийность, характеризовавшая борьбу крестьян и холопов, наложила свой отпечаток и на самое ядро восстания Болотникова, на его войско. При всем мужестве и стойкости, проявлявшихся крестьянами и холопами в боях с воеводами Шуйского, войско Болотникова не было единой и целостной военной организацией. Холопы, владельческие крестьяне, мелкие посадские люди, казаки, стрельцы, наконец, определен-

---

[1] *А. Н. Попов.* Указ. соч., стр. 337—338.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 112.

ные группы служилых людей—дворян и даже отдельные бояре и князья—таков неполный перечень социальных элементов и групп, представленных в войске Болотникова. Этой социальной неоднородности соответствовала и организационная раздробленность, превращавшая войско Болотникова в совокупность отдельных отрядов и групп, со своими «начальниками» и «воеводами», далеко не всегда склонными подчиняться «большому воеводе» — Болотникову. Такой характер войска Болотникова являлся источником его слабости. Если в моменты успехов и побед все эти мелкие и крупные единицы еще удерживались в рамках войска Болотникова, то осложнение обстановки сразу же вызывало к жизни центробежные тенденции, приводившие к разрыву с Болотниковым отдельных частей его войска и переходу их на сторону Василия Шуйского («измены»).

Вместе с тем такая структура войска Болотникова создавала возможность для проникновения в лагерь восстания политических авантюристов, подобных князьям Шаховскому и Телятевскому. Всем этим политическим авантюристам, пытавшимся использовать восстание Болотникова для достижения своих целей, интересы восставших крестьян и холопов были чужды, и поэтому они, выдвигаясь в «воеводы» и «начальники» в войске Болотникова, затем легко изменяли Болотникову и порывали с восстанием в тот момент, когда считали это выгодным, превращаясь из участников восстания в его врагов.

Природа восстания Болотникова как стихийного восстания крестьян и холопов определила собой и тактику его руководителей в борьбе против Василия Шуйского. Тактика Болотникова не может быть понята и правильно оценена без учета царистской психологии участников восстания. Подобно тому как с идеей «хорошего царя» восставшие крестьяне и холопы связывали свои мечты о будущей свободной жизни, так и надежды на успех в борьбе против Василия Шуйского Болотников и другие руководители восстания связывали с «царем Димитрием», прихода которого убежденно, но тщетно Болотников ждал и под Москвой, и в осажденной Туле.

Таким образом, царистская психология руководителей восстания Болотникова сковывала их активность, создавая и укрепляя иллюзии о том, что освобождение от «лихих бояр» и Василия Шуйского крестьянам и холопам принесет «хороший царь» — царь Димитрий,— а не их собственная борьба против своих господ.

Опираясь в борьбе с восставшими крестьянами на крепостническое государство, феодалы могли использовать против восставших всю мощь государственной машины с ее армией и тюрьмами, финансами и приказным аппаратом и прочими средствами воздействия на массы.

Этой политической организованности феодалов противостояла одна лишь стихийная сила восставших крестьян и холопов.

Восстание Болотникова потерпело поражение и было подавлено феодалами. Но если Болотникову не удалось разрешить задачи уничтожения феодального гнета, то великой исторической заслугой восстания

Болотникова является то, что эта гигантская задача была поставлена в 1606—1607 гг. восставшими крестьянами и холопами. Этим определяется место восстания Болотникова в истории.

7

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИМИ ИНТЕРВЕНТАМИ И ИХ СТАВЛЕННИКОМ ЛЖЕДМИТРИЕМ II

Важнейшим внешнеполитическим делом правительства Василия Шуйского было стремление заключить мир с Речью Посполитой. С этой целью в Польшу в мае 1606 г. было направлено посольство.

Не желая отказываться от интервенции, Сигизмунд III вместе с тем не имел еще достаточных возможностей для открытого выступления против Русского государства. В Речи Посполитой вспыхнул столь обычный для нее шляхетский «рокош», известный под именем «рокоша Зебжидовского». Это и осложнило политику Сигизмунда III в отношении правительства Василия Шуйского. Польский король лицемерно соглашался вести переговоры, но одновременно затягивал их, выжидая благоприятного случая для новой интервенции.

Только в конце июля 1608 г. было заключено перемирие, по которому польское правительство обязывалось вывести из пределов Русского государства все польские войска и впредь не допускать их вмешательства в русские дела. Русское правительство со своей стороны освобождало семейство Мнишек и всех других польских феодалов, задержанных в Москве[1]. Это соглашение было заключено уже в разгар авантюры с Лжедмитрием II, и Сигизмунд III вовсе не собирался выполнять соглашения. Более того, поддерживая самозванца, он стремился заручиться помощью враждебных России государств. В июне 1607 г. польское правительство заключило договор с Турцией, по которому крымский хан был обязан с санкции султана оказывать Речи Посполитой вооруженную помощь. С 1607 г. начались непрерывные татарские вторжения в пределы Русского государства[2].

Захватнические планы польского правительства и агрессивной части шляхты нашли поддержку со стороны римского папы — главы всеевропейской католической реакции. Таким образом, международная обстановка была благоприятной для осуществления интервенции.

В еще большей степени обнадеживало интервентов внутреннее положение Русского государства. Боярское правительство Василия Шуйского не имело в стране достаточно прочной социальной основы. Значительные круги служилых людей — дворян выступали против боярского ставленника на русском престоле. Но гораздо более существенным

---

[1] *С. Ф. Платонов*. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901, стр. 280.

[2] *А. А. Новосельский*. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века, стр. 50—68.

было то, что правительство Шуйского было ослаблено крестьянской войной под руководством Болотникова. Борьба с Болотниковым шла к концу, но значительная часть государства (особенно его южные районы) была еще охвачена крестьянскими восстаниями. Появление якобы спасшегося «законного» претендента на русский престол давало возможность использовать царистские настроения народа и заручиться его поддержкой.

Так польско-литовская иезуитская клика при полной поддержке правительства Сигизмунда III, ставя целью подчинение русского народа, выдвинула второго самозванца в тот самый момент, когда войска Шуйского осаждали Тулу. В июле 1607 г. в Стародубе новый самозванец по указанию польских интервентов объявил себя царевичем Дмитрием, якобы чудесно спасшимся от погрома московских людей в мае 1606 г. Он, видимо, происходил из Шклова, и у попа шкловского «дети грамоте учил, школу держал»[1]. Разыскали его поляки, друзья Юрия Мнишка[2]. Сам Юрий Мнишек, находившийся тогда в Ярославле в качестве пленника русского царя, направил письмо к Сигизмунду, в котором убеждал короля поддержать нового самозванца.

Делами при самозванце заправлял пан Меховецкий. Позднее его заменил Ружинский, пришедший в Орел с четырьмя тысячами шляхтичей. В Стародуб к Лжедмитрию II стала стекаться вооруженная польская шляхта, пришли, в частности, отряды разбитых рокошан. Уход рокошан устраивал Сигизмунда, так как избавлял его от мятежников и пополнял силы интервентов. Искать военной славы и добычи пришли и другие польские паны, среди которых был князь А. Вишневецкий с двумя тысячами кавалеристов, Лисовский со своими людьми и многие другие.

Для самозванца собирали войска промотавшийся украинский магнат Ружинский и Ян-Петр Сапега, родственник литовского канцлера. Сигизмунд III оказал полное содействие Сапеге в наборе нескольких тысяч вооруженных шляхтичей и в дальнейшем внимательно следил за его походом. При Лжедмитрии II собралось значительное польское войско. Опираясь на него, самозванец вышел из Стародуба в сентябре 1607 г., держа направление на осажденную Шуйским Тулу[3]. Это связано было с широким использованием польскими феодалами и самим Лжедмитрием II социальной демагогии как средства обмана народа. Имя «царя Димитрия» привлекало к самозванцу широкие народные массы. С получением известий о сдаче Тулы, Лжедмитрий II в панике бежал назад, а затем, получив польское подкрепление, направился к центру государства через районы с наибольшим размахом крестьянского движения.

Находясь в Орле зимой 1607/1608 г., Лжедмитрий II «посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещании милостей, междо

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 823.

[2] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 1, СПб., 1859, стр. 87—88.

[3] *С. Ф. Платонов.* Указ. соч., стр. 272.

протчим всем крестьянем и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем почитай весь простой народ к себе привлек...»[1]

Под Болховом 1 мая 1608 г. самозванец разбил правительственное войско под командой Дмитрия Шуйского и Василия Голицына. В июне 1608 г. он подошел к Москве и расположился лагерем в селении Тушине. Здесь Лжедмитрий II, или, как его тогда прозвали, «Тушинский вор», обосновался надолго. Правительство Шуйского не было в состоянии противостоять в открытом бою значительным польским войскам самозванца и смогло только организовать оборону Москвы. Участие масс и их роль в обеспечении продвижения Лжедмитрия II были меньшими, чем при первом самозванце, и истинная роль его как орудия в руках польских интервентов вскрылась быстрее.

Попытка самозванца взять Москву лобовым ударом кончилась неудачей. Пришлось перейти к планомерной осаде русской столицы. Для усиления тушинской армии пришли новые отряды панов Зборовского и Млоцкого, усвятского старосты Яна-Петра Сапеги и многих других. Значительно возрос приток в Тушино польской шляхты после прекращения «рокоша» Зебжидовского. В распоряжении Лжедмитрия II уже вскоре оказалось 16 тысяч всадников[2]. Тушино было превращено в хорошо укрепленный лагерь. Руководство всеми делами открыто и безраздельно осуществлялось польскими панами — Ружинским и Яном Сапегою. Родство последнего с литовским канцлером Львом Сапегой устанавливало непосредственную связь Тушинского лагеря с польским правительством.

С января 1608 г. Лжедмитрий II был в переписке с Юрием Мнишком. В августе того же года семейство Мнишков было «перехвачено» на пути в Польшу и доставлено в Тушинский лагерь. В «Тушинском воре», которого Марина видела впервые в жизни, она признала чудесно спасшегося мужа. За это «признание» самозванцем было обещано Мнишку 300 тысяч рублей и четырнадцать Северских городов. Для Лжедмитрия II и окружающих его поляков это имело большое дипломатическое значение[3].

Вести о «спасении» Лжедмитрия I заинтересовали римского папу. У иезуитского ордена и у папского престола снова стали воскресать потерянные было надежды на церковную унию[4]. Ярким доказательством этого может служить составленный католиками наказ Лжедмитрию II. Водворившись на русском престоле, Лжедмитрий II, согласно наказу,

---

[1] *В. Н. Татищев.* История царя В. И. Шуйского. Цит. по *И. И. Смирнову.* Указ. соч., стр. 458, сноска 3.

[2] *А. А. Савич.* Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского. Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского». М.— Л., 1939, стр. 205—206.

[3] *А. А. Савич.* Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в. М., 1939, стр. 23.

[4] *А. А. Савич.* Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского, стр. 184.

должен был открыть широкий доступ католикам-униатам и сторонникам унии из русских к важнейшим государственным должностям. Личная охрана самозванца должна была состоять из иностранцев. Особым пунктом наказ предписывал установить в государстве систему тайных и тщательных розысков о скрытых заговорщиках и неослабно узнавать о настроении приближенных ко двору лиц. В целях закрепления и обеспечения интервенции наказ рекомендовал перенести столицу Русского государства ближе к западным границам. За успешное выполнение этих заданий Лжедмитрию II было обещано императорское звание, которое предполагалось отнять у австрийского дома в связи с развитием протестантизма в Германии[1]. Авторы наказа, как видно, ставили целью полное подчинение Русского государства папскому престолу, хорошо учитывая печальный для Рима опыт поддержки Лжедмитрия I. Таким образом, в Тушинском лагере тесно переплетались интересы как польской шляхты, так и папского престола.

Основу военных сил Лжедмитрия II составляли польские отряды. Общая численность польских солдат на территории Русского государства доходила до 40 тысяч. Заметную роль играла в составе сил Тушина и та часть казачества, которая пользовалась интервенцией для грабежа и разбоя[2]. Более же значительная часть казаков, как только цели захватчиков стали очевидны для народных масс, отошла от Лжедмитрия II и включилась в общенародную борьбу против интервентов.

В Тушино, в ожидании жалований и милостей, перешла значительная часть менее родовитых бояр, находившихся не у дел во время правления Шуйского, в том числе Романовы и их родственники[3]. Известную поддержку нашел Тушинский лагерь и среди местной феодальной знати Поволжья. Местным феодалам нужна была помощь для установления их неограниченного феодального права на эксплуатацию зависимого от них населения. По грамоте Лжедмитрия II касимовский царек Ураз Магмет собирал в понизовых городах ратных людей для подкрепления самозванца[4].

В Тушинском лагере была создана боярская дума, в которую входили: стольник князь Д. Т. Трубецкой, князь Д. М. Черкасский, князь А. Ю. Сицкий, М. М. Бутурлин, князь П. М. Шаховской и другие. Были организованы здесь и приказы, имелся в Тушине и «нареченный патриарх московский и всея Руси»— бывший ростовский митрополит Филарет (Ф. Н. Романов). Однако руководящая роль принадлежала так называемым «децемвирам» —комиссии из десяти человек польской шляхты, облеченных диктаторскими полномочиями. Распоряжения децемвиров были обязательны и для самого самозванца. Один из русских

---

1 *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 842—848.

2 «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 2, СПб., 1859, стр. 30.

3 *А. А. Савич.* Борьба русского народа с польской интервенцией в начале XVII в., стр. 24—45.

4 «Сборник князя Хилкова». П., 1879, № 12, стр. 40—41, 53—55.

людей того времени справедливо писал, что поляки «царем же играху яко детищем»[1]. Так в Тушинском лагере сложился режим военной польской диктатуры[2]. Власть самого Лжедмитрия II была призрачной не только в Тушине, где уже сложились органы польского управления, но и на пути к Москве.

Стремясь заручиться поддержкой дворян и боярства, самозванец практиковал широкую раздачу земель в поместья[3]. Тушинский лагерь стал очагом безудержного грабежа окрестного населения. Сохранилось немало челобитий крестьян с жалобами на бесчинства польских отрядов. Крестьяне Закубежской волости Переяславского уезда писали, что польские войска «нас, сирот твоих, на смерть пересекли и животишка наши все поимали», новый хлеб не жат, а старый пограблен; «...не вели нас,— обращались к Лжедмитрию II крестьяне,— литовским людем воевати и на смерть побивати, и женишек и детишек наших в полон имати, и животишек наших грабити...»[4] Польские авантюристы не останавливались также перед грабежом дворян, служивших «Тушинскому вору»[5].

Распространению власти «Тушинского вора» на территорию юго-запада, юга, Нижнего Поволжья и северо-запада Русского государства и переходу ряда городов этих мест на его сторону способствовало усиление классовой борьбы в конце 1608 г. в обстановке неудач правительства Шуйского. Сильное восстание вспыхнуло в Среднем Поволжье среди мордовского, чувашского, марийского и татарского населения. К повстанцам присоединились тушинские отряды.

Одновременно с крестьянским движением классовая борьба разгорелась в ряде городов. Наиболее ярко она развернулась во Пскове. Произвол и злоупотребления приказных людей, особенно усилившиеся в царствование Василия Шуйского, привели к восстанию «меньших людей» города против «больших» и против правительства Шуйского, защищавшего интересы бояр и крупных торговых людей. В такой обстановке имя «царя Димитрия» привлекало к себе городскую бедноту. В сентябре 1608 г. псковичи целовали крест «Тушинскому вору»[6]. Переход Пскова на сторону Лжедмитрия II объяснялся не только внутренней борьбой «меньших» людей против «больших», но и угрожавшей Пскову внешней опасностью — готовящейся шведской интервенцией. К городским низам присоединились и жители окрестных деревень. Главой восстания стал «мужик простой именем Тимофей, прозвище Кудекуша Трепец». «Меньшие люди», объединенные вокруг всегородней избы, вскоре потерпели поражение.

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 506.

[2] *А. А. Савич.* Польская интервенция начала XVII в. в оценке М. Н. Покровского, стр. 208.

[3] *С. Б. Веселовский.* Арзамасские поместные акты. «Чтения ОИДР», 1916, кн. 1, стр. 341, 375.

[4] ДАИ, т. I, № 159, стр. 277; ср. *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 869.

[5] ДАИ, т. I, № 158, стр. 276; «Сборник Хилкова», № 12, стр. 27.

[6] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 325.

Тимофей Кудекуша и его соратники были побиты камнями. «Большие люди» учинили жестокую расправу «мелким людям»[1]. Подобные выступления народных масс были и в ряде других городов.

Чтобы прекратить доступ продовольствия в осажденную Москву, польские отряды Лжедмитрия II решили отрезать ее от северных городов. Разбив один из царских отрядов, 23 сентября 1608 г. Сапега с Лисовским начали осаду Троице-Сергиева монастыря, представлявшего сильнейшую крепость на северо-востоке от Москвы. Одновременно отдельный отряд был направлен в обход столицы с юга на Рязань и Коломну, откуда Москва получала хлеб. Под Коломной польские интервенты встретили стойкое сопротивление. Еще более значительным было сопротивление осажденных в Троицком монастыре. За крепкими стенами монастыря, помимо небольшого гарнизона, монахов и монастырских слуг, находились окрестные крестьяне и частично посадские люди. Именно крестьяне и посадские люди монастыря выдержали всю тяжесть осады на своих плечах. Ни голод, ни холод, ни цынга не сломили их героизма. После неудачного приступа в июле 1609 г., польские отряды безрезультатно простояли под монастырскими стенами еще полгода и вынуждены были снять осаду монастыря в начале января 1610 г. Так была сорвана блокада Москвы.

Одновременно с началом осады монастыря, отдельные отряды Яна Сапеги продвигались на северо-восток. В октябре — ноябре 1608 г. к Лжедмитрию II перешли Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль. Польские отряды захватили Владимир, Шую, Суздаль, Гороховец, Муром, Арзамас. За Ярославлем следовали Кострома, Балахна. Отряды поляков продвинулись и за Волгу — к Устюгу и Вологде. В результате Москва была отрезана от богатых торговых городов Севера и Востока. Особое экономическое и стратегическое значение имели Ярославль и Вологда, крупные торгово-ремесленные центры страны. Вологда позже других городов целовала крест «Тушинскому вору».

Первоначальные успехи тушинцев объясняются прежде всего отсутствием на севере каких-либо организованных военных сил, способных дать отпор захватчикам. Население было застигнуто врасплох быстрым продвижением польских отрядов. Несмотря на это, ряд городов, в том числе Ростов, оказал тушинцам стойкое сопротивление, которое было сломлено лишь силою польского оружия. Далеко не добровольным было принятие тушинцев и там, где не было сражений. Жители Тотьмы, например, «от нужи со слезами крест целовали»[2]. Утверждению власти тушинцев в значительной мере способствовал переход на их сторону многих дворян, в особенности жаждавших сохранить свои старые владения, приобрести новые вотчины и поместья и боявшихся разраставшегося народного движения в некоторых городах (Владимире, Ярославле, Вологде). Однако ряд крупных городов, не желая подчиниться иноземным захватчикам, оставался верен правительству Шуйского. В числе этих городов были

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 326, 327.
[2] ААЭ, т. II, № 88, стр. 180.

Смоленск, Новгород, Великий Устюг, Рязань, Нижний-Новгород, Казань, не говоря уже о Москве. В захваченных городах тушинцы ставили верных им воевод из русских, но фактически заправляли делами польские паны. Они грабили население, облагали его непомерными податями. «Литовские люди Ростов весь выжгли и людей присекли»,— писали устюжане вычегодцам[1]. Всюду царил произвол. Тушинские отряды расквартировывались по районам и волостям. «Из этих волостей,— писал один участник интервенции, Мархоцкий,— везли нам почти всего, чего только душа захочет, и было нам очень хорошо»[2].

Одновременно в захваченных уездах польские феодалы щедро раздавали землю дворянам и боярам, перешедшим на сторону Лжедмитрия II. Таким путем они пытались укрепить свои позиции среди местного населения. Много земель взяли себе сами польские феодалы[3].

Продвижение тушинцев на север и в Поволжье, захват и грабеж городов привели к новому подъему национально-освободительной народной войны. Начало ее следует отнести еще к моменту образования Тушинского лагеря. Первые признаки выступления народа против интервентов видны уже в решительном сопротивлении Троице-Сергиева монастыря, в сопротивлении Коломны, Ростова и ряда других городов. В конце ноября 1608 г. восстания против иноземных захватчиков охватили ряд поволжских и поморских городов.

Важнейшим очагом борьбы за национальную независимость становятся посадско-крестьянские районы Севера. Борьба с интервенцией возникла стихийно и до вмешательства правительства Василия Шуйского. Грамота, отправленная Шуйским в Галич 30 ноября 1608 г., пришла тогда, когда в Устюге и в Вологде было уже решено «стоять накрепко» против польских захватчиков[4].

Систематическим грабежом интервенты подрывали хозяйство страны, расхищали ее материальные богатства. Стране угрожал хозяйственный упадок, полное разорение, подобное тому, какое постигло ее в результате татарского ига. Но за всем этим крылась главная опасность — распад Русского государства, его возможное раздробление на отдельные части — уделы. На это обстоятельство во весь голос указывали в своей отписке устюжане[5].

В конце ноября в результате восстания посадских людей пало тушинское владычество в Вологде. Власть перешла здесь в руки земских целовальников и посадских людей. В то же самое время против польских захватчиков выступил Галич, где было собрано сильное ополчение из двин-

[1] ААЭ, т. II, № 88, стр. 180.

[2] *Гиршберг.* Марина Мнишек. М., 1908, стр. 112.

[3] «Сборник Хилкова», № 12, стр. 39; АИ, т. II, № 124, 125, стр. 151.

[4] *Н. И. Покровский.* Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609 гг.; см. также *Ю. Друговский.* Вологодский край во время польско-литовской и шведской интервенции начала XVII в. «Ученые записки Вологодского педагогического института», 1953, т. 13.

[5] ААЭ, т. II, № 88, стр. 181.

ских стрельцов и даточных людей[1]. Одновременно с северными городами поднялись поволжские города и села — Кострома, Шуя и другие[2]. Крестьянство этих районов выступало совместно с посадскими людьми. Вскоре нижегородцы заняли Балахну, выбив оттуда польскую рать. Эти выступления народных масс за освобождение родной земли от иноземного гнета имели локальный и стихийный характер, но они вырвали инициативу из рук польских захватчиков и вынудили их перейти от нападения к обороне[3].

Попытка тушинцев взять оплот сопротивления на Волге — Нижний-Новгород была энергично отбита. В начале декабря галицкое ополчение освободило Кострому. В течение ноября и декабря значительная часть верхнего Поволжья была освобождена от польских интервентов. Отряды повстанцев близко подошли к Суздалю и Владимиру. С отпадением от Тушина Пошехонья, Романова и Углича усилилась опасность для важнейшего пункта и главного оплота польских феодалов в Поволжье— Ярославля.

Восстания в Вологде и Галиче окрылили население поморских городов, которые начали собирать силы для решительной борьбы с интервентами. Приняли деятельное участие во всенародной борьбе и Вычегодская и Вымская земли. 6 декабря из Соли-Вычегодской доставлена была грамота на Вымь с предложением собрать «на государево дело» ратных людей, и уже 18 декабря с Выми, Вычегды и Сысолы двинулись ратные люди под начальством яренского головы Григория Середонина и десятника В. Тетюкова в Соль Галицкую, которой угрожали тушинцы[4].

В этих условиях польские феодалы стремились заручиться помощью Сигизмунда III и папы. В Варшаву к королю был послан Мнишек, а к папе — некто Рожнятовский.

Одновременно по поручению Сапеги в Поволжье были направлены крупные польские силы под командованием Лисовского. В результате контрнаступления тушинцам удалось на короткое время вновь занять Кострому, Кинешму и жестоко подавить начавшееся движение посадских людей в Ярославле. Используя этот временный успех, Лисовский двинулся на север. В начале января он захватил Галич. Однако сопротивление ополчений поморских городов задерживало его продвижение. Посадские люди и крестьяне Вологды спешно строили башни, остроги и рвы вокруг города. Тем временем занятые Лисовским поволжские города вновь перешли в руки земских ополчений. Лисовский не решился на осаду Вологды и отошел к Суздалю на соединение с Сапегой.

К этому времени народная война разлилась по всему Северу, втянув в свой поток крупнейшие города: Устюжну Железопольскую, Белозерск, Тихвин и другие. В борьбе наряду с русским народом принимали участие и другие народы России.

---

[1] *Н. И. Покровский*. Указ. соч., стр. 19.
[2] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 100.
[3] *Н. И. Покровский*. Указ. соч., стр. 23.
[4] ОДРА, Акты Мельникова, № 11.

В январе — феврале 1609 г. разыгрались решающие бои под Устюжной против польского отряда, посланного из Тушина на Север еще в декабре 1608 г. Ополчением и обороной города здесь, как и в других местах, ведали выборные посадские люди. Успех Устюжны Железопольской и продвижение тихвинского и заонежского отрядов к Новгороду вынудили отряд Кернозицкого, стоявший под Новгородом, отойти к Старой Русе. К середине февраля 1609 г. в итоге успешного развития народной войны военные силы интервентов были отброшены к центральным районам страны и плотно сжаты с севера и северо-запада. Организующиеся народные силы готовились к дальнейшему наступлению[1].

В ходе войны с интервентами посадские люди и крестьяне вырабатывали свои тактические приемы борьбы с регулярными польскими частями. Терпя поражение от конницы интервентов в открытом бою, отряды ремесленников и крестьян прибегли к строительству укреплений в городах, засек и мелких крепостей вне городов. Засеками оцеплялись и занятые польскими отрядами города. Существенную роль играло выдвижение застав, отрядов для «обeрегания». Большое применение в наступлении получили гуляй-города. В городах широко применялись баррикадные бои, оборона отдельных дворов как узлов сопротивления, подвижные укрепления поперек улиц и т. д. Связь значительной части ополченцев с ремесленным производством объясняет видную роль артиллерии и ручного огнестрельного оружия в городских боях. Руководство борьбой,обеспечение ее людьми и военной техникой было сосредоточено целиком в руках земских выборных органов. Отсутствие центральной власти вызвало необходимость в согласованности выступлений городов. Это достигалось путем интенсивной переписки между городами, посылкой ходоков, обменом вестями и т. д.[2] Все крупнейшие победы посадских людей и крестьян в борьбе с интервенцией были делом рук самого народа.

Боярский царь В. Шуйский боялся народа и потому не мог возглавить его борьбу с интервентами и опереться на нее. Он предпочитал любой ценой искать соглашений с иностранцами. Сначала, в середине 1608 г. Шуйский сделал попытку добиться мирного соглашения с правительством Речи Посполитой. После ее неудачи он обратился за помощью к шведскому королю Карлу IX, который только ждал момента, чтобы начать интервенцию в Русское государство. После длительных переговоров, в феврале 1609 г., как раз в тот момент, когда народные отряды осуществили освобождение значительной части территории от польских захватчиков и поставили их в невыгодное стратегическое положение, было заключено соглашение. Оно было достигнуто ценой уступки немалой части русской земли.

Объединенные силы русских и шведов из Новгорода на освобождение Москвы должен был вести родственник царя — М. В. Скопин-Шуйский[3].

[1] *Н. И. Покровский.* Указ. соч., стр. 45.

[2] *Н. Л. Рубинштейн.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века.«Военно-исторический сборник», «Труды ГИМ», вып. 20,М., 1948, стр. 47—84.

[3] О мирном договоре со Швецией и походе Скопина см. в гл. III, § 10 настоящего издания.

Трудно сказать, какова была бы судьба этого похода, если бы ему не предшествовал успех народной войны. Отход отряда Кернозицкого из-под Новгорода под давлением совместного похода тихвинцев и онежан облегчал Скопину продвижение на Москву. Скопин очень скоро и правильно оценил значение народной войны и, вопреки своему коронованному дядюшке не побоялся ориентироваться на нее в борьбе с интервентами. Но Скопин-Шуйский никогда не был ее организатором [1]. И хотя письменные сношения с северными земскими мирами он завязал еще в декабре 1608 г., призывая города к единению и к совместным действиям против польских захватчиков, когда это фактически уже осуществлялось, непосредственную помощь ополчениям Скопин стал оказывать только с февраля 1609 г. В Вологду из Новгорода в помощь военному руководству был прислан Вышеславцев и другие воеводы, а в Галич московский воевода Жеребцов [2]. Народное ополчение совместно с подкреплением Скопина отбило атаку польских войск на Устюжну Железопольскую. К этому времени силами земских ополчений была вторично освобождена Кострома и очищен весь Галицкий уезд. В марте был взят Романов, а в апреле Ярославль. Все Поволжье оказалось очищенным от врага. Из Ярославля открывался путь для наступления к Троице-Сергиеву монастырю и на Тушинский лагерь под Москвою. Понятно поэтому, что в апреле и мае Ярославль был ареной жесточайшей борьбы. Все атаки Лисовского были отбиты от города ополчением Вышеславцева [3]. Отступив от Ярославля, Лисовский «разорил в конец область Ярославскую, истребив все, что ни встретил: не пощадил ни жен, ни детей, ни дворян, ни земледельцев» [4]. В то же время восстания в замосковных городах привели к освобождению Владимира и Кашина.

Только в мае 1609 г. основные силы Скопина-Шуйского выступили из Новгорода. Первое соединение их с ополчением северных и поволжских городов произошло под Калязином, и только в июле 1609 г. Скопин-Шуйский подошел к Ярославлю. Это движение военных сил Скопина из Новгорода в обход Москвы на волжские города было предпринято с целью опереться на действующие здесь отряды земских ополчений и за их счет пополнить свое войско [5].

Точно так же отряд Ф. И. Шереметева, двигавшийся из Астрахани по приказу Василия Шуйского, прибыл в Нижний-Новгород лишь весной 1609 г., когда Поволжье было уже освобождено от польских захватчиков. Рать Шереметева приняла участие лишь в борьбе за Владимир.

Вместе с русским народом в борьбе против интервентов участвовали и другие народы нашей Родины. Так, ратные люди коми принимали участие в военных действиях в местностях, очень отдаленных от родного им

---

[1] *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 65.

[2] АИ, т. II, № 150, стр. 175—176.

[3] ААЭ, т. II, № 118, стр. 223; АИ, т. II, № 228, стр. 269.

[4] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. I, стр. 105.

[5] *Н. Л. Рубинштейн.* Указ. соч., стр. 67.

края. В сентябре 1609 г. жалованье сысольским ратникам было послано под Ярославль, где стояли главные правительственные силы. Сысольские ратники действовали и в Кашине[1]. В великой освободительной борьбе народы севера сражались рука об руку с русскими людьми.

Уже первые военные неудачи польских отрядов, потеря ими военной инициативы и необходимость перейти к обороне под давлением земских ополчений резко изменили обстановку в Тушинском лагере. И в самом Тушине, и в лагерях — под Троице-Сергиевым монастырем и в Дмитрове зимой 1608—1609 гг. происходили волнения среди польского войска. Задержка выплаты обещанного жалованья и военные неудачи раздражали польских авантюристов. Военные неудачи приводили к отходу от тушинцев бояр и дворян, ранее целовавших крест самозванцу. Силы польских сторонников Лжедмитрия II сокращались. Попытка получить военную помощь от папы и польского короля не дала результатов, несмотря на то, что Лжедмитрий клятвенно обещал «вечную и прочную дружбу и любовь» как королю Сигизмунду III, так и всей Речи Посполитой[2]. В Польше уже вынашивали план открытой интервенции в Русское государство.

Тем временем военный и политический успех народных ополчений привел к падению Тушинского лагеря и расчистил войскам М. В. Скопина-Шуйского дорогу на Москву. Открытая польская интервенция, начавшаяся с осады Смоленска в конце сентября 1609 г., лишь довершила процесс распада лагеря Лжедмитрия II.

С прибытием польского короля под Смоленск дальнейшая служба польских феодалов «Тушинскому вору» препятствовала планам Сигизмунда III, который через своих послов в Тушино призвал поляков покинуть самозванца и вернуться в его лагерь. Объединенные силы ополчений Скопина-Шуйского подошли к осажденному Сапегой Троице-Сергиеву монастырю. При таких обстоятельствах Лжедмитрий II, переодевшись в крестьянское платье, тайно в ночь на 28 декабря бежал из Тушина в Калугу.

Бегство самозванца довершило распад Тушинского лагеря. Но конец авантюры Лжедмитрия II тесно связан уже с историей открытой польской интервенции.

8

ОТКРЫТАЯ ПОЛЬСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ 1609—1611 ГГ. И НАРАСТАНИЕ БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА ЗА СВОЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Правящие круги Польско-Литовского государства еще со времени Батория вынашивали планы полного подчинения России. Но до 1609 г.

---

[1] ОДРА, Акты Мельникова, № 12 и № 18.

[2] *А. Гиршберг.* Указ. соч., стр. 117.

внутренняя обстановка в самой Речи Посполитой и политическая обстановка в России еще не позволяли польскому правительству открыто приступить к выполнению своих агрессивных замыслов.

Непрерывно получая сведения об ослаблении Русского государства, польские власти сочли, что к 1609 г. создались благоприятные условия для начала открытого завоевания коронными войсками русских земель.

Правительство короля Сигизмунда III уже с 1607 г. начало постепенно готовиться к большому походу в Россию. Временные успехи Лжедмитрия II в 1608 г. приостановили подготовку открытой интервенции; польские правящие круги в это время вновь сделали попытку подчинения Русского государства силами шляхетско-магнатских отрядов, без официального участия коронных войск. Но в конце 1608 г. и в первой половине 1609 г. у польского правительства окончательно созрело решение начать третью попытку подчинения России, на этот раз — путем открытой интервенции.

Сам король Сигизмунд III (а вслед за ним и некоторые дворянско-буржуазные историки) объяснял принятие этого решения известием о заключении союза против Польши между правительством Шуйского и шведским королем Карлом IX[1]. Швеция в это время находилась в состоянии войны с Польшей,а шведский король Карл IX, кроме того, был личным врагом короля Сигизмунда (которого он лишил шведского престола). Заключение Шуйским союза со Швецией и приглашение шведских войск в Россию были действительно актами, фактически направленными против Польши. Но известие о заключении союзного договора со Швецией было лишь толчком, ускорившим решение польского правительства о начале открытой интервенции.

Главной причиной, вызвавшей переход польского правительства к открытому вторжению в русские земли, было банкротство тушинского лагеря. К лету 1609 г. становилось очевидным, что если Лжедмитрий II с его польско-шляхетским войском за целый год осады Москвы не смог овладеть столицей России, то и в дальнейшем у него уже нет надежд взять Москву и утвердиться на русском престоле. К тому же заключение союза со Швецией и успешное продвижение к Москве войск Скопина-Шуйского, набранных на севере и северо-западе России, должны были решительно изменить соотношение сил в пользу Василия Шуйского и лишить Лжедмитрия II всяких перспектив на победу.

Намечая открытую интервенцию в Россию, король рассчитывал отвлечь внимание шляхты от внутриполитической борьбы, дать возможность шляхтичам поживиться в русских землях и, в конечном счете, укрепить свой пошатнувшийся во время недавно происшедшего «рокоша» авторитет среди правящего класса и упрочить свою власть в государстве.

Когда военные приготовления были закончены, польская правящая клика вероломно нарушила заключенное всего год тому назад перемирие

[1] Подробнее см. гл. 3, § 10 настоящего издания.

с Русским государством и без объявления войны начала открытое вторжение в Россию. В середине сентября 1609 г. коронные войска под командованием Сапеги перешли русскую границу. Первый удар был направлен на Смоленск, главную крепость на западной границе России, прикрывавшую основной путь из Польши на Москву. В королевских войсках, продвигавшихся к Смоленску, насчитывалось немногим более двенадцати тысяч человек[1]. Кроме того, король рассчитывал на польско-шляхетские войска, которые уже находились на русской территории под знаменами Лжедмитрия II.

Смоленск, ввиду его большого стратегического значения, был всего за несколько лет до начала интервенции сильно укреплен и превращен в одну из самых мощных крепостей России. Поскольку смоленский воевода М. Б. Шеин через лазутчиков заранее знал о готовящемся польском вторжении, гарнизон города и городские укрепления были своевременно подготовлены к обороне. Когда подошли польские войска, жители сожгли посады, находившиеся вне городских стен, и окрестные селения, и укрылись внутри города; за городскими стенами собралось несколько десятков тысяч русских людей[2]. Началась героическая оборона Смоленска, явившаяся одной из наиболее ярких страниц в истории борьбы русского народа против интервентов в начале XVII в.

Под стенами Смоленска польские коронные войска были надолго задержаны, король не мог быстро овладеть Смоленском, не мог и двигаться внутрь России. Тогда король обратил свое внимание на Тушино и хотел заставить польско-шляхетские отряды покинуть Тушинский лагерь и присоединиться к коронным войскам под Смоленском.

Начало открытой войны Польши против России и вторжение польских войск на русскую территорию сильно осложнили положение Тушина. Дальнейшие самостоятельные действия польских тушинцев стали нарушать интересы польского правительства, которое стремилось к объединению всех польских сил, действовавших в России, под своим непосредственным командованием.

В середине декабря 1609 г. присланные в Тушино королевские послы предложили полякам-тушинцам отказаться от самозванца, выдать его королю, а самим вернуться на королевскую службу[3]. Главари польско-шляхетского войска не захотели лишаться всех выгод и преимуществ, достигнутых в Тушине, и сделали попытку вновь привлечь короля на сторону самозванца, пообещав за это отдать польской короне Смоленск и Северскую землю. Но королевские послы отвергли это предложение. Самозванец сыграл свою роль, теперь польскому правительству он был больше не нужен. Переговоры не увенчались успехом.

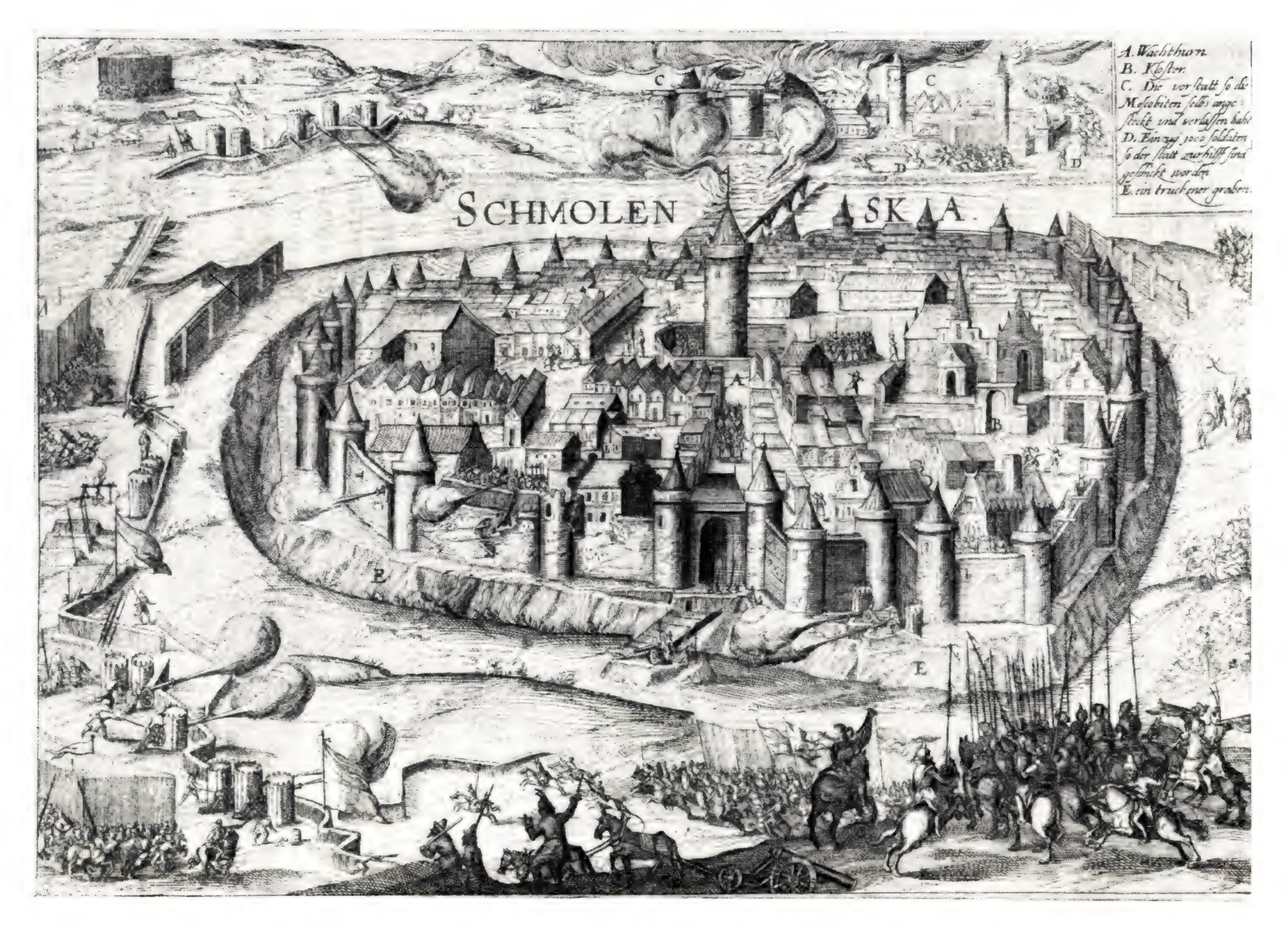
Начало открытой польской интервенции и принятые польским правительством меры для отзыва польско-шляхетских отрядов из Тушина не

---

[1] РИБ, т. 1, стб. 427—431.

[2] *В. Мальцев.* Борьба за Смоленск. Смоленск, 1940, стр. 211, 214—236.

[3] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 1, стр. 108.

Осада Смоленска польскими войсками в 1609—1610 гг. Гравюра начала XVII в.

были главной причиной распада Тушинского лагеря. Основным фактором, вызвавшим этот распад, было мощное движение русского народа против польских захватчиков, в результате которого к концу 1609 г. были уже почти подготовлены условия для полного разгрома тушинцев. В этой обстановке действия польского правительства только ускорили и усугубили кризис Тушина.

С самозванцем польско-шляхетские военачальники в конце 1609 г. совсем перестали считаться. Опасаясь, что его выдадут Сигизмунду, Лжедмитрий II в конце декабря бежал из Тушинского лагеря в Калугу.

Самозванец, особенно в последние месяцы существования Тушина, не играл никакой самостоятельной роли и был игрушкой в руках действительных хозяев Тушинского лагеря. Но имя «царя Дмитрия» обьединяло все разнородные силы, входившие в Тушинский лагерь,— и польских шляхтичей, и недовольных Василием Шуйским русских бояр и дворян, и казачество. С бегством самозванца Тушино лишилось объединяющего стержня и само существование Тушинского лагеря утратило смысл; как бы по инерции Тушино существовало еще около двух месяцев, но уже не представляло собой единого целого.

Главная сила Тушинского лагеря — польско-шляхетское войско — после бегства Лжедмитрия II оказалась на распутье. Предводитель польско-шляхетского войска гетман Ружинский и часть шляхтичей склонялись на сторону короля. Кроме того, многим шляхтичам не хотелось расставаться с сытной и вольготной жизнью в Тушине, где они были полными господами, и идти под Смоленск в подчинение к королю Сигизмунду III и его воеводам. Поэтому среди тушинских поляков были сторонники возвращения под знамена Лжедмитрия II. Некоторые шляхтичи предлагали просто двинуться обратно в Польшу. Второй польско-тушинский военачальник Сапега со своим войском стоял в стороне от Тушина, под Дмитровом, и выжидал дальнейших событий.

Еще сложнее было положение русских тушинцев. Тушинские бояре и дворяне не последовали за самозванцем в Калугу. Лжедмитрий II, особенно на первых порах после бегства из Тушина, вновь стал заигрывать с народными низами, используя в своих целях классовое недовольство крестьянства и не утратившую еще окончательно популярность в массах идею «хорошего царя» Димитрия. Не случайно в качестве своего нового пристанища Лжедмитрий II избрал Калугу, бывшую во время восстания Болотникова одним из главных центров народного антифеодального движения. Тушинские бояре и дворяне, соблюдая свои классовые интересы, не пошли по этому пути за самозванцем. Кроме того, некоторым русским тушинцам было очевидно, что «вор», вынужденный бежать из-под Москвы и лишившийся своей основной военной силы — польско-шляхетского войска, обречен на поражение, и поэтому дальнейшая служба ему бессмысленна. О возвращении к Шуйскому русским тушинцам думать не приходилось — вернуться в Москву они могли лишь, отказавшись от всего, что было достигнуто на службе в Тушине. Тогда кучка тушинских бояр и дворян

решила сделать попытку удержаться у власти с помощью войск польского короля, т. е. путем национальной измены.

Было решено обратиться к королю с просьбой прислать в русские цари его сына Владислава. Инициаторами этого обращения были тушинский боярин М. Г. Салтыков, дворянин М. Молчанов, дьяк И. Грамотин и др.[1]

Посольство от русских тушинцев во главе с М. Г. Салтыковым отправилось к королю под Смоленск и начало переговоры по поводу условий, на которых Владислав приглашался в московские цари. В результате этих переговоров 4 (14) февраля 1610 г. был заключен договор, по которому Владислав должен был венчаться на царство московским патриархом. Православная вера должна остаться неприкосновенною, поляки-католики могли иметь в Москве лишь один костел. Польские и литовские паны не должны были занимать в Москве и других городах важные государственные должности. Власть царя ограничивалась Боярской думой. Управление и суд в Русском государстве должны были вершиться по старым русским обычаям и законам. Бояре, дворяне и приказные люди должны были полностью сохранить свое положение. Лиц «великих станов» Владислав не должен был понижать без вины, а «меньших» он должен был повышать по заслугам. Крестьяне и холопы оставались в прежнем зависимом положении[2].

Статьи договора 4 февраля, внесенные по настоянию тушинских послов, отражали интересы средних и низших слоев тушинского дворянства. Об интересах княжат в договоре 4 февраля специально ничего не говорится. Лица, ведшие переговоры, за отдельными исключениями, вроде М. Г. Салтыкова, принадлежали к этим группам дворянства или же к высшему слою московских приказных людей — дьяков.

Тушинское «правительство», не опиравшееся на какую-либо реальную силу и порвавшее с самозванцем, от имени которого оно до сих пор действовало, являлось просто кучкой политиканов, которой было нечего терять и которая единственную надежду на сохранение своего существования видела в польской помощи. Многочисленные пункты, ограничивавшие власть Владислава и гарантировавшие сохранение прав бояр и дворян, не имели серьезного значения, поскольку тушинские бояре и дворяне могли прийти к власти только опираясь на иноземные войска. Заключавшие договор тушинцы могли предвидеть, каковы будут его последствия, но ради своих интересов сознательно шли на измену родине.

Основным в договоре были, конечно, не ограничительные пункты. Главное значение в февральском договоре имело то, что он давал официальное основание для пребывания польских коронных войск в России и для завоевания ими русских земель. Получив под Смоленском мужественный отпор от русского населения, Сигизмунд убедился, что ничем не прикрытые

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 94.

[2] «Сборник Муханова», СПб., 1866, № 104, стр. 174—178; АЗР, т. IV, СПб., 1851, № 180, стр. 314—318; Сб. РИО, т. 142, стр. 69—73; «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне». СПб., 1871, Приложение № 20, стб. 41—48.

захватнические действия на русской территории не могут иметь успеха; королю нужен был теперь какой-то «законный повод», чтобы иметь возможность обманывать русское население и объяснять свои завоевательные действия тем, что они будто бы направлены на пользу России. Тушинское «правительство» дало королю этот повод, предложив царскую корону королевичу Владиславу. Для Сигизмунда и договор, и весь вопрос о приглашении Владислава был именно поводом для дальнейшего развития интервенции, и ничем больше. В статьях договора довольно прозрачно выступало, что Сигизмунд не особенно охотно обещал послать своего сына в Россию, и что править он намерен сам. Вместе с тем Сигизмунд выговорил себе право оставить свои гарнизоны в западных пограничных русских землях, чтобы иметь возможность в случае неудачи сохранить за собой хотя бы эти земли[1].

Таким образом, при заключении февральского договора Сигизмунд довольно откровенно заявлял о целях интервенции.

В письме к сенаторам, сообщавшем о договоре, Сигизмунд уже прямо писал, что он только потому не стал сразу отказывать русским послам в их просьбе отпустить Владислава на русский престол, чтобы «не упустить случая привлечь к себе и москвитян, держащих сторону Шуйского, и дать делам нашим наивыгоднейший оборот»; итак, переговоры о воцарении Владислава с самого их начала были для короля лишь политической уловкой. По словам Сигизмунда, с заключением февральского договора «открывается путь к умножению славы рыцарства, к расширению границ республики и даже к совершенному владению целою Московскою монархией»[2]. Для Сигизмунда целью интервенции было овладение Россией, лишение ее национальной независимости, подчинение России и русского народа польским феодалам и Польскому феодальному государству.

Для русской стороны февральский договор уже скоро перестал иметь практическое значение. Тушинский лагерь в начале марта окончательно распался, и вместе с ним перестало существовать тушинское «правительство», заключившее этот договор.

Часть русских тушинцев ушла с польскими войсками к Сигизмунду, другая часть, отправившаяся с повинной в Москву, уже не представляла собой политической силы. Но Сигизмунд III продолжал и дальше использовать февральский договор в своих целях.

Весной 1610 г. обстановка в России все более складывалась не в пользу польских захватчиков. Москва после распада Тушинского лагеря была полностью освобождена от тушинской осады. Войска Скопина-Шуйского вместе со шведским вспомогательным отрядом Делагарди торжественно вступили в столицу Русского государства.

Значительная часть страны уже была освобождена от польских захватчиков; их войска оставались лишь в Смоленской земле, да у

---

[1] Сб. РИО, т. 142, стр. 72; *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 903—905.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., стб. 905—906.

Лжедмитрия II имелось еще несколько отрядов польских шляхтичей, пришедших к нему из Тушина. Силы Лжедмитрия II в Калуге состояли, кроме этих отрядов, из донских и запорожских казаков и из небольших отрядов из местного населения; эти силы большой опасности уже не представляли. Серьезной угрозой были лишь польские коронные войска под Смоленском, увеличившиеся за счет большей части польских тушинцев. Польским феодалам удалось с помощью русских изменников овладеть Ржевом, Черниговом, Новгород-Северском; но жители Стародуба, Почепа и ряда других городов по примеру Смоленска оказывали мужественное сопротивление захватчикам и затрудняли продвижение польских войск вглубь России.

Освобождение Москвы от тушинской осады было произведено русскими войсками, во главе которых стоял М. В. Скопин-Шуйский, без сколько-нибудь значительного участия самого царя. Естественно, что ясно обозначившиеся к весне 1610 г. успехи в борьбе против польских феодалов стали связываться с именем одного Скопина. Неудачливый царь Василий Шуйский не мог даже в этих благоприятно складывавшихся обстоятельствах укрепить свой пошатнувшийся авторитет в среде правящего класса. В дворянских кругах, давно выражавших недовольство правлением «боярского царя», возник проект заменить непопулярного царя Василия более подходящим кандидатом. Наиболее активная группа дворянства — рязанские дворяне во главе с Ляпуновыми, — выдвинув этот проект, решила вместо царя Василия провести на царский престол молодого М. В. Скопина-Шуйского, пользовавшегося славой освободителя Москвы от польской осады. Тогда реакционные круги боярства во главе с царем Василием и его братом Дмитрием, повидимому, решили избавиться от Скопина. В конце апреля 1610 г. М. В. Скопин-Шуйский неожиданно заболел и умер; народная молва, повидимому с достаточным основанием, приписала смерть Скопина отраве и виновником убийства называла Дмитрия Шуйского[1]. Шуйские, таким образом, избавились от соперника; но они в то же время устранили единственного имевшегося у них способного и популярного в войске военачальника и политического деятеля, тем самым ускорив конец своего правления.

В мае—июне 1610 г. правительство Шуйского начало наступательные действия против войск польских интервентов. Передовые части под командованием воеводы Г. Валуева освободили Волоколамск, Можайск и другие города. В Можайске в июне 1610 г. стали собираться главные силы русских войск вместе с вспомогательными отрядами шведов для похода к Смоленску против короля; командование было поручено бездарному Д. И. Шуйскому, не пользовавшемуся авторитетом в войсках.

Навстречу русским войскам король Сигизмунд III отправил из-под Смоленска с частью своих сил гетмана Жолкевского. При приближении

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 96—97; *В. С. Иконников*. Князь М. В. Скопин-Шуйский. «Древняя и Новая Россия», 1875, № 7, стр. 217—231.

Жолкевского воеводы Елецкий и Валуев с передовыми русскими частями засели за укреплениями Царева-Займища; на помощь им двинулся из Можайска Д. И. Шуйский с главными силами.

Чтобы предупредить объединение обоих русских войск, Жолкевский, оставив часть своих сил осаждать Царево-Займище, выступил навстречу Д. И. Шуйскому. 24 июня 1610 г. у села Клушина произошло решающее сражение.

Утром 24 июня Жолкевский после ночного перехода неожиданно появился у Клушина и напал на русский лагерь. Немецкие наемники Делагарди, заранее договорившиеся с Жолкевским, в разгаре боя перешли на сторону интервентов. Русские полки, без особой охоты сражавшиеся за непопулярного царя, стали отступать. Все войско было разбито и во время бегства рассеялось; Дмитрий Шуйский с немногими людьми вернулся в Москву.

Клушинское поражение было настоящей катастрофой. Царь Василий Шуйский остался без войска и, по образному выражению современника, был подобен «орлу бесперу и неимущу клева и когтей»[1]. Для польских войск был открыт путь на Москву. После битвы под Клушином Жолкевский вернулся под Царево-Займище и принудил воевод Григория Валуева и Елецкого сдаться. 25 июня Валуев и Жолкевский заключили договор, в основном воспроизводивший договор 4(14) февраля[2]. После измены Валуева и Елецкого присягнули Владиславу и Сигизмунду Можайск, Дмитров, Волоколамск.

Жолкевский продвигался к Москве, где началось сильное брожение. Поднял голову и «Тушинский вор» в Калуге, который снова двинулся к Москве и 11 июля, подойдя к ее стенам, стал в селе Коломенском.

После Клушинской битвы банкротство политики Василия Шуйского, который не верил в силы народа и возлагал главные надежды в борьбе с польскими феодалами на шведских наемников, стало совершенно очевидным. От Василия Шуйского отвернулись даже многие его ближайшие сторонники, бояре-княжата. В дворянских кругах окончательно созрело решение о смене царя. Эти круги во главе с З. Ляпуновыми рассчитывали использовать благоприятно складывающиеся обстоятельства, свергнуть обанкротившееся боярское правительство В. И. Шуйского и прийти к власти.

Положение Москвы было весьма опасным. Польские войска Жолкевского стояли на подступах к городу, а войска «вора» подошли уже к городским предместьям. Царь Василий Шуйский, лишившийся поддержки основных слоев правящего класса, был бессилен что-либо сделать для спасения столицы. В этой обстановке государственный переворот стал неизбежным.

17 июля 1610 г. в Москве вспыхнул мятеж против Шуйского. Восставшие во главе с Захаром Ляпуновым ворвались в царский дворец и потре-

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 118.

[2] Сб. РИО, т. 142, стр. 89—90.

бовали, чтобы Василий Шуйский отрекся от престола. На Красной площади Захар Ляпунов с Лобного места призвал народ к свержению Шуйского. Кроме патриарха Гермогена, уже никто не выступил в защиту царя. Вернувшись в Кремль, восставшие перевезли Василия Шуйского на его старый боярский двор и арестовали его братьев. Через день Василий Шуйский был насильно пострижен в монахи и тем самым навсегда лишен возможности вернуться на трон.

М. В. Скопин-Шуйский. Портрет на дереве работы неизвестного художника начала XVII в.
Государственная Третьяковская галлерея

Ведущую роль в совершении переворота сыграли дворяне во главе с З. Ляпуновым, использовавшие недовольство боярским царем широких слоев московского населения, а также «гостей» и «лучших торговых людей»[1]. Однако дворянские круги после свержения Шуйского не пришли к власти. Захар Ляпунов со своими приверженцами стали настаивать на избрании в цари князя В. В. Голицына[2]; но В. В. Голицын, выходец из того же круга бояр-княжат, что и Шуйский, был ничем не лучше свергнутого царя, и его кандидатура не имела успеха в среде правящего класса.

Власть после свержения Шуйского временно оказалась в руках высшего государственного органа, который должен был править в случае отсутствия царя,— в руках Боярской думы. Фактически управлять стали семь бояр: князья Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын и Б. М. Лыков и родовитые бояре И. Н. Романов (младший брат митрополита Филарета) и Ф. И. Шереметев[3]. В правительстве семи бояр соединились две основные группы московского боярства: остатки бояр-княжат, правивших при Шуйском (Воротынский, Голицын, Мстиславский, Трубецкой), и игравшая при Шуйском менее значительную

---

[1] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 324.

[2] АЗР, т. IV, № 209, стр. 475.

[3] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 346—347; ср. АЗР, т. IV, № 209, стр. 476.

роль группа Романовых (И. Н. Романов и Лыков с близким к ним Ф. И. Шереметевым).

Поскольку власть осталась в руках того же высшего круга боярско-княжеской знати, что и во времена Василия Шуйского, правительство семи бояр («семибоярщина») не могло быть популярным в стране; но оно было преемником власти Шуйского, и потому большинству городов и уездов страны пришлось его признать.

Положение боярского правительства было исключительно трудным. С одной стороны, уже 24 июля подошли к Москве войска гетмана Жолкевского и стали лагерем на Хорошевских лугах, в семи верстах от города, требуя, чтобы Москва признала царем королевича Владислава. С другой стороны, стоявшие под Москвой войска «вора» начали предпринимать активные действия для захвата столицы[1]. Боярское правительство, опасавшееся к тому же волнений народных масс в столице, должно было срочно искать какой-то выход из создавшейся обстановки.

Идея выдвижения на трон представителя какой-либо из знатных боярских семей была сразу же оставлена: среди бояр не было никого, кто бы пользовался популярностью в среде правящего класса и народа.

Из двух сил, стоявших под Москвой и стремившихся к овладению столицей, наибольшую опасность для московских бояр представлял «вор». Стремясь захватить Москву, «вор» через подосланных в город агентов стал вести агитацию среди низших слоев населения столицы, используя еще не утратившую популярность у известной части народных масс идею «хорошего царя» Димитрия.

Не будучи способно своими силами удержать власть, боясь восстания народных низов, правительство «седмочисленных бояр», подобно тушинской группировке Салтыкова, для своего спасения стало на путь предательства национальных интересов и обратилось за помощью к польским интервентам. Решив, что лучше служить королевичу, «нежели от холопей своих побитым быти»[2], бояре начали переговоры с гетманом Жолкевским, соглашаясь признать Владислава русским царем. Боясь народного восстания, к кандидатуре Владислава присоединились основные круги московского правящего класса.

Так из страха перед восстанием народных масс совершилась измена родине московских бояр.

Боярам удалось выговорить право пересмотреть и соответствующим образом изменить отдельные статьи договоров 4(14) февраля и 25 июня. В новом договоре, 17 (27) августа 1610 г., отразились притязания старой московской боярско-княжеской знати. Пункт о повышении людей «меньшего стану» по заслугам был опущен, зато было добавлено обязательство короля «московских княженецких и боярских родов приезжим иноземцам в оте-

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 100; «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 72.

[2] РИБ, т. 13, стб. 1187.

честве и в чести не теснити и не понижати». Под давлением польской стороны в договор были включены пункты об установлении вечного мира между Россией и Польшей и обязательство «стоять заодно» в случае нападения на одно из двух государств. Тем самым боярское правительство отказывалось от национальной внешней политики и соглашалось подчинить внешнюю политику России интересам Польши. Со своей стороны бояре добились составления нескольких дополнительных статей. Непременным условием воцарения Владислава ставился его переход в православную веру, который должен был произойти еще в Смоленске, до въезда королевича в Москву. Владислав мог взять с собой только небольшое число поляков, вступить в брак он должен был только в Русском государстве и только с русской. Наконец, на основании договора, заключенного Валуевым, король с воцарением Владислава немедленно должен был снять осаду Смоленска. Дополнительные статьи должны были пойти на утверждение короля[1].

Близость войск Лжедмитрия II и ропот в польском войске, которое давно не получало жалованья, заставили гетмана Жолкевского принять эти дополнительные условия, менее выгодные для польской стороны, чем условия двух предшествующих договоров. Впрочем, Жолкевский не придавал этим статьям серьезного значения; главное значение имел сам договор, дававший польским интервентам видимость «законного основания» для занятия Москвы и завоевания России.

Московские бояре, предательски вступая в соглашение с польскими интервентами, шли по тому же пути, что и тушинские бояре и дворяне, заключившие за полгода до этого первый договор о приглашении Владислава. Но была и существенная разница. Тушинское «правительство» в феврале 1610 г. было уже просто кучкой политиканов, не имело никакой реальной силы и власти. Напротив, правительство «седмочисленных бояр» было, несмотря на его слабость, единственным признаваемым в стране законным органом власти; в его руках находилась столица, его признавало большинство городов страны.

Заключая соглашение с поляками и приглашая королевича Владислава на русский престол, московские бояре давали польским интервентам возможность овладеть Россией. Поэтому действия московских бояр, их преступный акт измены родине имели несравненно более тяжелые последствия, чем февральский договор.

Гетман Жолкевский, выполняя условия договора, выступил против «вора». Гетману удалось внести раскол в лагерь самозванца; польско-шляхетские отряды во главе с Яном Сапегой под давлением гетмана отказались поддерживать «вора». Тогда, не дожидаясь приближения войск Жолкевского, соединившихся с войсками боярского правительства, Лжедмитрий II с остатками своих приверженцев вновь бежал в Калугу.

---

[1] Текст договора 17(27) августа опубликован в СГГиД, ч. II, № 199, стр. 391—399 и в Сб. РИО. т. 142, стр. 93—109.

Король Сигизмунд из своего лагеря под Смоленском внимательно следил за событиями, развертывавшимися под Москвой. Зная о критическом положении боярского правительства и получив сведения о начале переговоров бояр с гетманом Жолкевским, король решил, что уже настал удобный момент для того, чтобы прямо подчинить Россию своей власти. Из королевского лагеря под Смоленском был послан к Жолкевскому бывший тушинец — изменник Федор Андронов с королевским предписанием привести Русское государство в подчинение не королевичу, а самому королю.

Андронов приехал в Москву слишком поздно: за два дня до его приезда в Москве уже присягнули Владиславу. Поэтому Жолкевский не мог немедленно выполнить распоряжение короля.

Московское население ни за что не стало бы присягать королю Польши, ибо это означало бы отказ от национальной независимости. Понимая это, Жолкевский оставил королевский приказ в тайне; исполнение королевского плана подчинения России и овладения русским престолом Жолкевский стал подготовлять постепенно, исподволь, шаг за шагом.

Уже в августе король прислал Жолкевскому инструкцию с требованием принять меры к обеспечению своего господства в Русском государстве и прежде всего в Москве, а для этого выслать из Москвы всех подозрительных и опасных для польских феодалов лиц, всех возможных претендентов на власть (в частности, Василия Шуйского с его братьями)[1].

Для выполнения этой инструкции Жолкевский решил использовать посольство, отправляемое московским правительством к Сигизмунду с целью окончательного разрешения всех спорных вопросов договора о приглашении Владислава на русский трон. В состав посольства Жолкевский постарался ввести наиболее опасных для Польши лиц. Во главе посольства Жолкевский уговорил встать князя В. В. Голицына; тем самым устранялся из Москвы опасный для польских феодалов претендент на русский трон. В посольство был включен и митрополит Филарет Романов, глава влиятельной боярской фамилии, стремившийся занять первенствующее положение в государстве. Включено было в посольство и большое число дворян, посадских людей и др., всего 1246 человек. Отправка в составе посольства в королевский лагерь большого числа политически активных людей ослабила дворянские и посадские верхи в Москве. В Польшу был отправлен также бывший царь Василий Шуйский и его братья.

После отступления Лжедмитрия II в Калугу опасность захвата Москвы силами «вора» значительно уменьшилась; к тому же в Москве находилось довольно значительное количество русских ратных людей (служилых людей, стрельцов и др.). Но боярское правительство, не пользовавшееся популярностью в Москве и во всей стране, не верило своему войску, боялось народа, не верило в возможность своими силами сохранить власть. По словам Жолкевского, бояре боялись нараставшего движения народных масс и желали, чтобы под защитою польского войска «они могли быть без-

---

[1] *Д. В. Цветаев*. К истории Смутного времени, вып. I, М., 1916, № 2.

опасны от ярости народа»[1]. Поэтому боярское правительство обратилось к Жолкевскому с просьбой ввести польские войска в Москву, на что гетман, разумеется, охотно согласился. Бояре понимали, что народ расценит этот акт как захват Москвы интервентами, и при вступлении польских интервентов в город может вспыхнуть народное восстание; поэтому ввод польских войск в Москву был произведен тайно, в ночь с 20 на 21 сентября 1610 г.

Передача столицы России в руки польских войск явилась логическим завершением той политической линии, которая была начата договорами об избрании Владислава на русский трон. Отдавая столицу России интервентам, бояре-правители совершали открытый акт национальной измены.

Поскольку боярское правительство, запятнавшее себя изменой интересам родины, к октябрю 1610 г. уже не имело серьезной поддержки в столице и во всей стране, польские интервенты, заняв Москву, без труда отстранили бояр от власти. Внешне правительство семи бояр во главе с Ф. И. Мстиславским продолжало существовать и дальше, в течение всего периода оккупации Москвы. Но фактически вскоре после занятия польскими войсками Москвы боярское правительство утратило всякое значение; власть перешла в руки польского командования и его агентов.

Подготовка создания нового государственного аппарата, целиком подвластного польскому королю и его военачальникам, началась еще с конца августа 1610 г. В королевском лагере под Смоленском было составлено примерное распределение высших государственных должностей между надежными для польского правительства людьми[2]. После занятия польскими войсками Москвы это распределение было проведено в жизнь. Польское командование поставило управлять страной людей, целиком зависящих от него и готовых выполнить все, что им прикажут; это были русские тушинцы, уже и ранее служившие польским интервентам, а позднее открыто перешедшие на службу к Сигизмунду. Эти люди и были поставлены во главе московских приказов. Главную роль в делах управления стали играть верные прислужники польских интервентов, «торговый мужик» Федор Андронов и боярин М. Г. Салтыков.

Высшее руководство московским правительством фактически оказалось в руках Александра Гонсевского, который после отъезда гетмана Жолкевского в королевский лагерь в октябре 1610 г. стал во главе польских войск, занимавших Москву. Велижский староста Гонсевский, один из инициаторов захватнического похода короля Сигизмунда в Россию и давний враг Москвы, хорошо знал московские дела. От короля Сигизмунда Гонсевский получил чин боярина. Андронов, Салтыков и прочие изменники, занявшие высшие государственные посты, были покорными орудиями в руках Гонсевского[3].

---

[1] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 89.

[2] АИ, т. II, № 314, стр. 372.

[3] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стб. 1078—1079.

Король Сигизмунд уже стал себя чувствовать хозяином в Москве и во всем Русском государстве. От своего имени он стал раздавать земли, чины, звания.

Осенью 1610 г. и особенно в 1611 г. раздача земель Сигизмундом приняла огромные размеры. По сохранившимся неполным данным, известно около восьмисот жалованных грамот 1610—1612 гг. Сигизмунда III русским боярам и дворянам, ставшим на сторону польских интервентов. В первую очередь пожалования были даны тушинским сторонникам Сигизмунда, а затем и другим русским изменникам. В частности, М. Г. Салтыкову с сыновьями было дано 25 поместий и вотчин в 19 уездах России[1].

За время пребывания польских интервентов в Москве было расхищено огромное количество ценностей из царской казны, кремлевских соборов, монастырей и боярских дворов[2].

В октябре—ноябре 1610 г. польское командование воспользовалось тем, что были раскрыты тайные сношения между некоторыми боярами и Лжедмитрием II, и заняло все стратегические пункты города. По приказу Гонсевского Кремль был занят немецкими наемниками (перешедшими от Делагарди к полякам во время битвы под Клушином); у всех внешних и внутренних ворот и на городских стенах была поставлена польская стража. Жителям Москвы было запрещено носить какое-либо оружие; в город не впускали окрестных крестьян; запрещено было всякое движение по улицам в ночное время.

Польские войска под предлогом борьбы с самозванцем хозяйничали в Русской земле. Впрочем, военная сила Лжедмитрия II и теперь еще в значительной мере состояла из оставшихся при нем польских военных отрядов. Проще всего было бы отозвать от самозванца польские отряды, но король этого не сделал: самозванец ему нужен был как предлог для оккупации территории Русского государства.

Позиция короля не изменилась и тогда, когда Лжедмитрий II был убит (10 декабря 1610 г.) в результате ссоры с частью своих приверженцев и его лагерь окончательно распался. Интервенция не только не была прекращена, но, напротив, продолжала расширяться.

Между тем «великое посольство», отправленное из Москвы к королю под Смоленск, старалось добиться от него скорейшей присылки Владислава в Москву и выполнения так называемых «дополнительных условий», в частности перехода Владислава в православную веру, отступления короля от Смоленска и т. д.

Дипломатическая борьба Сигизмунда III и его окружения с «великими московскими послами» продолжалась с 10 октября 1610 г. до 12 апреля 1611 г. В ходе переговоров становилось все более очевидно, что король

---

[1] *Л. М. Сухотин.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. М., 1911, стр. VI—XVI и XXVI; *Г. Н. Бибиков.* Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в. «Ученые записки» МГПИ», т. 2, вып. I, М., 1941, стр. 183—210.

[2] РИБ, т. 2, №№ 95—96; Сб. РИО, т. 142, стр. 317, 356 и др.

вовсе не собирается отправлять своего сына в Москву, а хочет сам править Россией. Посольство не пожелало стать беспрекословным орудием в руках короля и отказалось уговаривать смоленский гарнизон сдать город королю. Убедившись в невозможности сломить сопротивление послов и заставить их служить исключительно польским интересам, Сигизмунд в апреле 1611 г. прервал переговоры и отправил их под вооруженным конвоем, как пленных, в Польшу.

Между тем защитники Смоленска в течение почти двух лет героически отстаивали родной город. Основную роль в защите Смоленска играли посадские люди и укрывшиеся в городе крестьяне окрестных селений; напротив, смоленские дворяне были сторонниками соглашения с польскими интервентами, тайно сносились с польским лагерем и устраивали заговоры с целью сдачи города[1]. Воевода Шеин, в свое время присланный Шуйским из Москвы и не связанный с местным дворянством, в союзе с посадскими людьми самоотверженно боролся за город[2].

Положение Смоленска особенно ухудшилось после Клушинской битвы и занятия поляками Москвы. С этого момента гарнизон Смоленска остался в России основной силой, открыто боровшейся против войск польских интервентов.

В Смоленске уже с весны 1610 г. стал ощущаться недостаток продовольствия, и беднейшие слои населения страдали от голода и цынги. Но даже при таких тяжелых условиях город не сдавался. Наконец, когда в гарнизоне Смоленска осталось менее 200 человек, способных носить оружие, в ночь на 3 (13) июня 1611 г. королевские войска начали последний штурм. Польской артиллерии удалось сделать проломы в городской стене; через проломы и с помощью осадных лестниц польские войска сразу в четырех пунктах ворвались в город. Большинство защитников города было перебито, часть населения скрылась в соборе; не желая сдаваться врагу, смольняне подожгли в подвале порох, взорвали храм и погибли под его развалинами. Раненый воевода Шеин был взят в плен[3].

Героическая оборона Смоленска сыграла большую роль в ходе борьбы русского народа против польской интервенции. В течение почти двух лет Смоленск оттягивал на себя главные силы польских войск, не позволяя королю Сигизмунду развернуть широкие завоевательные действия на русской территории. Мужественная оборона Смоленска позволила выиграть время, использованное русскими людьми для собирания сил, для подготовки борьбы против польских захватчиков.

В первые месяцы 1611 г. король Сигизмунд был, как казалось, очень близок к достижению конечной цели. Польские войска занимали столицу России — Москву, оккупировали значительную часть Смоленской и Север-

---

[1] *В. Мальцев.* Указ. соч., стр. 224—236, 249—257, 279—280, 307—311 и др.

[2] Там же, стр. 309; см. также сб. «Смоленская оборона 1609—1611 гг.». Смоленск, 1939.

[3] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 126—129; ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 111; *В. Мальцев.* Указ. соч., стр. 336—338.

ской земель и ряд городов к западу от Москвы (Можайск, Верея, Борисов и др.); специально подобранный польскими захватчиками правительственный аппарат в Москве был в полном подчинении у польского командования; через этот аппарат оно могло распоряжаться на значительной части территории страны. Легко подчинив себе верхушку правящего класса и путем земельных раздач переманив на свою сторону часть дворян, Сигизмунд и польские паны уже предвкушали близость полной победы. Однако они не учли значения наиболее мощной силы внутри России — русского народа. Наглые захватнические действия интервентов, открыто приступивших к установлению своего господства над Россией, вызвали волну народного возмущения. С начала 1611 г. подлинный хозяин русской земли, великий русский народ, поднялся на спасение родины.

9

БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА С ИНОСТРАННЫМИ ЗАХВАТЧИКАМИ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ В 1611 ГГ. ПЕРВОЕ ОПОЛЧЕНИЕ

К концу 1610 г. в стране созрели предпосылки для организации широкой национально-освободительной борьбы против польских феодалов.

Важнейшей целью этой борьбы становилось освобождение Москвы, столицы Русского государства, и полное изгнание иноземных захватчиков. В это время русские люди с восхищением следили за борьбой героических защитников Смоленска, остановивших у стен города полки польских интервентов. Пример смольнян, их «досточудные и достохваленные» дела были тем толчком, который вызвал новый подъем народного движения против захватчиков. От имени смольнян вел свою агитацию и кружок московских патриотов[1], взявших на себя в это время инициативу организации всенародной борьбы с иностранными оккупантами.

В конце 1610 — начале 1611 г. на улицах Москвы появилось пространное подметное письмо, получившее в позднейшей литературе название «Новой повести». Письмо горячо призывало всех русских людей объединиться для общей борьбы с врагами родины[2]. Подобного рода патриотические грамоты имели весьма широкое распространение и в других городах Русского государства[3].

Наряду с распространением подметных писем известное значение имели и шедшие в это время из Москвы грамоты патриарха Гермогена. Размах патриотической деятельности патриарха Гермогена и его личное влияние на события того времени преувеличивались в дореволюци-

---

[1] *С. Ф. Платонов*. Статьи по русской истории, т. I, СПб., 1912, стр. 157.

[2] РИБ, т. 13, стб. 213—214.

[3] *Д. П. Маковский, В. С. Орлов*. Смоленск с древних времен до XX века. Смоленскъ, 1948, стр. 115—116.

онной дворянско-буржуазной историографии. Однако нет оснований подвергать сомнению целый ряд открытых выступлений патриарха Гермогена против польского господства, которое должно было принести с собой потерю национальной независимости России, ликвидацию русской православной церкви и ее замену церковью римско-католической.

Первые грамоты Гермогена были посланы во второй половине декабря 1610 г. Некоторые из них были перехвачены, за что патриарха посадили под домашний арест, «за пристава»[1], но другие дошли по назначению и попали, между прочим, в Рязань и Нижний-Новгород. Появление грамот в Рязани совпало с началом широкого движения против польских феодалов, возглавленного рязанским воеводой — думным дворянином П. П. Ляпуновым. Рязанское дворянство, чувствуя свою силу, не стеснялось проявлять недовольство большими московскими боярами.

После неожиданной смерти молодого Скопина-Шуйского властный рязанский правитель Ляпунов начал организовывать заговор против боярского царя В. И. Шуйского. В этих целях Ляпунов вступил в связь с Лжедмитрием II, от которого до тех пор держался в стороне.

Свержение царя Василия произошло при деятельном участии братьев Ляпуновых, однако переговоры об избрании на русский престол Владислава велись не только без участия П. Ляпунова, но и вопреки его воле. Это обстоятельство сразу поставило Ляпунова в ряды противников царя-иноземца и захвативших Москву поляков и усилило рознь между ним и московскими боярами.

Убийство «калужского царика» (декабрь 1610 г.) и вести из Москвы, где польские захватчики и их сторонники стремились посадить на царство короля Сигизмунда, развязали руки Ляпунову. Опираясь на растущее народное движение против интервентов, он возглавил организацию первого земского ополчения. Первыми присоединились к ополчению рязанские города, тульская окраина и бывшая столица Лжедмитрия II Калуга с тамошним двором, боярством и воинством, во главе которых стояли два тушинских боярина — князь Д. Т. Трубецкой, происходивший из верхов московской знати, один из первых отъехавший в 1608 г. от Шуйского в Тушино в чине стольника и там получивший боярство, и шляхтич из города Тарнополя — И. М. Заруцкий. Наметившийся союз Ляпунова с Трубецким и Заруцким складывался под давлением ратных людей, оказавшихся в Тушинском лагере под влиянием «царистской» психологии, а теперь привлеченных к Ляпунову патриотической программой первого ополчения.

Нижний-Новгород в феврале 1611 г. одним из первых присоединился к ополчению и стал очагом освободительного движения в восточной части Русского государства. В состав ополчений замосковных городов вошли стрельцы и служилые казаки, принадлежавшие к городским гарнизонам, местные дворяне и отряды даточных людей, составленные из закрепощен-

[1] АЗР, т. IV, № 209, стр. 480; «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 2, стр. 48, 68—69.

ных крестьян. К этому времени относится интенсивная переписка между городами, которые убеждали друг друга быть стойкими и «обще всем в соединении душами своими и головами», всею землею выступить против польско-литовских поработителей. Ополчение было поддержано народами Севера и Среднего Поволжья. Казанцы и значительная часть понизовых городов Казанского края принесли в начале 1611 г. присягу относительно участия в первом народном ополчении и начали собирать для этого отряды. По последнему зимнему пути из Рязани, Калуги и ближайших замосковных городов они двинулись к Москве.

В середине марта 1611 г., перед приходом ополчения, в Москве происходили серьезные события. В столице расширялось народно-освободительное движение. Все чаще и громче на площадях и улицах столицы раздавались угрозы по адресу польских интервентов и призывы изгнать их из пределов родины. Бурные события разыгрались в городе 13 февраля. В этот день в ссору, возникшую на рынке между несколькими поляками и русскими торговцами, вмешалась польская стража, которая, применив оружие, убила пятнадцать москвичей. «Как скоро узнали об этой драке жители предместья и Белого города,— говорит современник событий К. Буссов, — со всех сторон набежало такое множество москвитян, недовольных поляками, что дело едва не кончилось всеобщим бунтом»[1].

Возраставшая ненависть московского населения к оккупантам сильно встревожила польские власти, которые стали готовить расправу над жителями русской столицы.

В Москве явно нарастало новое восстание против интервентов, видимо, приурочивавшееся к моменту подхода ополчения к столице.

О существовании какого-то единого центра, подготовлявшего выступление москвичей, и о связи этого центра с руководителем первого ополчения П. Ляпуновым свидетельствуют многие участники польской интервенции, внимательно следившие за патриотической деятельностью русских людей. О тщательной подготовке восстания москвичей сообщает А. Стадницкий: «В Москву задолго до восстания из подмосковных местечек и деревень сходились люди под предлогом искания защиты, тайно принося с собой оружие, приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодевшись в городское платье, их никто не узнавал, так как они смешивались с городской чернью»[2]. О проникновении в Москву переодетых стрельцов, посылавшихся Ляпуновым, писал и гетман Жолкевский[3]. Чтобы воспрепятствовать объединенным и согласованным действиям земского ополчения и московских патриотов, польские власти решили спровоцировать преждевременное выступление последних до подхода к Москве главных сил Ляпунова, с тем чтобы расправиться с непокорным населением столицы.

---

[1] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 1, стр. 134.
[2] «Русский архив», 1906, № 6, стр. 205.
[3] «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне», стр. 121.

План расправы над москвичами был предложен все тем же изменником боярином М. Г. Салтыковым. 17 марта 1611 г., в вербное воскресенье, польские власти разрешили обычное торжественное шествие патриарха в Кремль «на осляти». Войска стояли наготове, но народ, среди которого разнесся слух о готовившемся избиении, не вышел на улицы. Из польских источников известно, что Салтыков говорил польским правителям: «ныне был случай и вы Москвы не били, ну так они вас во вторник будут бить» [1].

Во вторник 19 марта польские интервенты ждали прихода полков Ляпунова. Лихорадочно готовясь встретить русскую земскую рать, солдаты польского гарнизона начали приводить в порядок стены Китай-города и втаскивать на них пушки; польские начальники заставили московских извозчиков помогать им в этом. Поднялся спор, перешедший в драку, а затем в вооруженное выступление москвичей против польских захватчиков.

Восстание 19 марта, повлекшее за собой страшное кровопролитие, было поднято, по словам очевидца, московскими черными людьми, без всякого совета и без ведома русских бояр, дворян, зажиточных посадских людей. На уговоры бояр, пытавшихся остановить побоище, восставшие отвечали: «... Пришел Прокопий Ляпунов! Сегодня и завтра всех вас истребим» [2]. Следовательно, восстание 19 марта в представлении современников и участников событий рисовалось как движение народное, как движение простых людей, крестьян и посадского населения [3]. Восстание 19 марта 1611 г. возникло и прошло как стихийный взрыв возмущения простых людей против польских захватчиков.

В городе развернулись ожесточенные бои. Восставшие захватили пушки, находившиеся на крепостных стенах, и соорудили на улицах баррикады. «Русские свезли с башен полевые орудия, — вспоминает Маскевич,— и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитой своих загородок стреляют по нас из ружей» [4].

В борьбе с польскими интервентами деятельное участие приняли стрелецкие и пушкарские слободы и ратные люди из ополчения, успевшие пробраться в Москву. Среди организаторов сопротивления интервентам на улицах Москвы (19—20 марта 1611 г.) были князь Д. М. Пожарский, И. М. Бутурлин и дворянин И. Колтовский. По словам «Нового летописца», во время сражения на Сретенке «совокупясь с пушкари» бился

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 893—894.

[2] *А. Дмитриевский.* Архиепископ Елассонский Арсений и его мемуары. Киев, 1899, стр. 147—148.

[3] *Л. М. Сухотин.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе (1610—1611). М., 1911, стр. 54.

[4] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 2, стр. 61—62.

князь Пожарский; на Кулижках сражался И. М. Бутурлин; за Москвой-рекой действовал И. Колтовский. Особенную стойкость и распорядительность во время уличных боев 19—20 марта проявил Д. М. Пожарский, остановивший напор врага на Лубянской площади и в других местах. В своем «острожке», т. е. за баррикадами, на Лубянке Пожарский в течение почти всего дня 20 марта отбивался от возобновивших наступление на Китай-город польских и немецких войск, пока израненный и еле живой не был прямо с поля битвы отвезен в Троице-Сергиев монастырь.

Встречая повсюду стойкое сопротивление, отряды польских феодалов и немецко-венгерских наемников стали отходить к центру города. Контратаки польской пехоты, вышедшей из Кремля, и удары спешившейся кавалерии не приносили успеха противнику. Тогда, чтобы спастись от грозившей им расплаты, враги решили поджечь непокорный город [1]. Посад был подожжен одновременно в нескольких местах [2]. Запылали московские улицы, и москвичи вынуждены были уйти в поле. Однако наутро 20 марта бои на улицах пылавшей Москвы возобновились. В полдень на помощь шляхетским войскам прибыл из Можайска конный полк Струся. Силы сторон стали неравными, и восставшие, понеся большие потери, сложили оружие. Пожар, учиненный врагами и почти уничтоживший Китай-город, Белый город и Замоскворечье, помог интервентам подавить восстание и провести дикую расправу над жителями столицы.

События 19 марта, дня «великого московского разорения», сожжение Москвы и массовое избиение польскими интервентами москвичей вызвали новый подъем патриотизма и рост национального самосознания русских людей. После 19 марта большинство колебавшихся и занимавших выжидательную позицию перешло к активной борьбе против польских захватчиков. Отряды ополчения, подходившие к Москве, пополнялись жителями столицы.

21 марта появились под Москвой передовые отряды ополчения, а 24 марта подошли по Рязанской дороге и остальные войска. Гонсевский с имевшимися у него силами — немцами и поляками — пытался разбить ополчение в открытом бою, но успеха не имел.

Под стенами Москвы расположились многолюдные полки борцов за освобождение столицы. Они заняли полусожженный и полуразрушенный Земляной город и осадили вражеский гарнизон, сосредоточенный по линии стен Белого города. У Яузских ворот стал Ляпунов, рядом с ним на Воронцовом поле — Трубецкой и Заруцкий, у Покровских ворот стояли костромские, ярославские и романовские полки, у Сретенских — нижегородские, владимирские и муромские, от Трубы к Тверским воротам и далее — отряды замосковных городов.

---

[1] «Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603—1613)...». РИБ т. 1, стб. 230.

[2] «История Москвы», т. I, стр. 338.

Так собралась под Москвой рать, снаряженная силой «всей земли». Но ей недоставало внутреннего единства. В составе ополчения 1611 г. ясно наметились три слоя. Во-первых, старые войска царя Василия, куда входили дворяне и дети боярские, «мужики с Клязьмы и из Волжских мест», отряды из рати Скопина. Эти войска возглавлял Прокопий Ляпунов; во-вторых, бояре и воеводы и «все ратные люди» из Калуги, которые служили самозванцу, во главе с кн. Д. Т. Трубецким. Наконец, третью часть ополчения составляли казачьи отряды из Тулы во главе с И. М. Заруцким, из Суздаля — во главе с Андреем Просовецким и отдельные казачьи станицы, сошедшиеся из разных мест. Основным противоречием, которое разделяло ополчение и в конце концов оказалось для него роковым, было резкое расхождение классовых интересов служилых людей—дворян и детей боярских — и значительной массы казачества, представлявшей интересы крестьян и холопов.

Некоторые руководители казачьей верхушки и, в частности, такой отъявленный авантюрист, как атаман Заруцкий, под видом защиты интересов казачества вносили разложение в ряды ополченцев, опираясь в своих действиях на анархически настроенные элементы казачества, давно оторвавшиеся от крестьянства и помышлявшие только о грабежах и разбое.

Желание расширить социальную базу освободительного движения против польских интервентов и стремление обезопасить себя от бродивших в «поле» казаков диктовало П. Ляпунову необходимость придерживаться по отношению к социальным низам осторожной политики. П. Ляпунов широко привлекал казаков и беглых крепостных в ряды подмосковного ополчения, обещая крепостным людям «волю и жалованье, как иным казакам»[1]. Эти обещания будили у трудового населения надежды, которые феодалы не собирались и не могли оправдать[2].

Следствием этих обещаний был наплыв под Москву казачества из беглых людей, на которых вскоре распространилась крепостническая политика верхов ополчения.

Об участии в первом ополчении П. Ляпунова значительной массы черносошных крестьян и городских ремесленников свидетельствуют многие грамоты и «отписки». Так, например, в обращении к нижегородцам говорилось: «Коломенские господа, дворяне и дети боярские и черные люди с нами в одной мысли». Ряд других документов также подтверждает широкое участие трудящихся масс в освободительной борьбе против иноземных завоевателей[3].

Первой задачей ополчения было создание временного правительства, которое приняло бы на себя управление страной вместо объявленного

---

[1] СГГиД, ч. II, № 251, стр. 537.

[2] *С. Ф. Платонов.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., стр. 377—378.

[3] ААЭ, т. II, № 176/III, стр. 301—302, № 182, стр. 310; СГГиД, ч. II, № 241, стр. 519.

низложенным московского правительства. И по личному характеру, и по значению своему в ополчении Ляпунов имел все основания занять первое место в правительстве, куда были избраны П. Ляпунов, Д. Трубецкой и И. Заруцкий. Энергичный и властный, Ляпунов сделался главным руководителем.

Он старался создать при ополчении приказы для управления отдельными ведомствами, пытался наладить и хозяйственные дела. Политическая программа ополчения была сформулирована в «Приговоре 30 июня 1611 года»[1]— утвержденной всем ополчением программе деятельности временного правительства. В этом документе чувствуется влияние дворянской среды, к которой принадлежал «всего московского воинства властитель», т. е. Ляпунов[2].

Согласно Приговору, верховная власть должна была принадлежать не Боярской думе, а «Совету всей земли». Совет восстанавливал старую центральную приказную администрацию — приказы Поместный, Большой разряд, Разбойный, Земский, Дворец, Большой приход, Четверти. Для приведения в порядок государственных финансов меньшим воеводам было запрещено собирать самостоятельно денежные доходы.

Устанавливая в окончательной форме правительственный аппарат и управление войсками и страной под верховной властью Совета, приговор уделял внимание и расстроенным социально-экономическим отношениям, рассматривая их исключительно под углом зрения классово-дворянских интересов, как их понимали сам Ляпунов и окружавшие его вожди дворянских отрядов. Приговор 30 июня подробно регламентировал восстановление всего служилого поместного землевладения. Поместное верстание должно было производиться по старым московским правилам и по московским нормам, а не «против тушинских окладов». В этом можно уже видеть прямой удар, направленный против тушинцев. Было постановлено отобрать поместья у тех служилых людей, которые к 29 мая не явились на службу под Москву. Поместья оставлялись лишь за теми, «кто не мог явиться на службу для бедности и разорения, а не ленью и воровством». Отбирался и весь излишек земли, который мог оказаться у помещиков сверх нормальной дачи, хотя бы владельцы и находились на службе. За незаконное владение землей следовало «доходы и владенье на них доправити». Отобранные земли раздавались «безпоместным, малопоместным и разоренным». Захваченные дворцовые села и черные земли отписывались. Впрочем, Приговор из этого общего правила допускал исключения: для вдов и детей дворян, убитых на службе, для жен и детей тех дворян, которые принимали участие в посольстве и были задержаны под Смоленском, и для дворян, которым были даны личные поместья за поход от Новгорода к Москве. Кроме того, было постановлено: всех дворян замосковных и других городов за «осадное сидение» в Москве при

---

[1] *П. Забелин.* Минин и Пожарский, М., 1896, стр. 269—278.
[2] РИБ, т. 13, стб. 609.

Василии Шуйском вознаградить пожалованием в вотчину части поместной земли, а также верстать поместьями дворян и детей боярских, если только они объявят «про свое разорение» и не будут «старых поместей за собою таити» и «беспоместными себя называти».

Бросается в глаза крепостнический характер Приговора, который направлен своим острием против холопов и крестьян и их союзников — казаков. «Из городов... и из волостей атаманов и казаков» было постановлено «свесть» и запретить им «грабежи и убивства», «а посылати по городом и в волости для кормов дворян добрых, а с ними для россылки детей боярских и казаков и стрельцов». В экспедициях всякого рода казаки могли быть только подчиненными людьми у «дворян добрых». Беглых крестьян и людей (т. е. холопов) предписывалось теперь сыскивать и отдавать прежним помещикам[1]. Это было полным отказом от обещаний, которые давались Ляпуновым в грамотах, рассылавшихся весной, когда ополчение еще продолжало стягиваться к Москве. Проводить такие постановления в ополчении, где казачество, по происхождению своему состоявшее в значительной части из беглых крестьян и холопов, превышало по своей численности дворян, было прямым вызовом. Казаки возненавидели Ляпунова за дворянскую политику и крутые меры. Но Ляпунов успел возбудить раздражение и среди многих представителей господствующего класса и прежде всего среди боярства: «за то же на него бысть ненависть великая»[2].

Раздражением против Ляпунова, усилившимся после 30 июня, не замедлили воспользоваться его враги как явные, так и скрытые. Среди современников ходили слухи, что замысел убить Ляпунова принадлежал не кому иному, как Гонсевскому, и что он привел его в исполнение при помощи Заруцкого; по распоряжению Гонсевского была, по некоторым известиям, составлена от имени Ляпунова грамота, где говорилось, чтобы «где поймают казака,— бить и топить, а когда государство Московское успокоится, то мы весь этот злой народ истребим»[3]. Якобы перехваченная «Литвой» подложная грамота была передана через пленного казака одному из казачьих атаманов — Заварзину. Заварзин и его товарищи собрали 22 июля казачий круг. Приглашенные на него Трубецкой и Заруцкий не явились. Пришедший после повторного зова Ляпунов был зарублен.

Смерть Ляпунова послужила толчком к распаду ополчения: «отойдоша вси от Москвы прочь койждо по своим градом»[4]. Под Москвой из дворян остались только «их (т. е. казачьей) стороны, которые были в воровстве в Тушине и в Калуге»[5]. Остатки ополчения оказались под начальством авантюриста Заруцкого и безвольного и бездарного военачальника Тру-

---

[1] *И. Забелин.* Указ. соч., стр. 275—276.

[2] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 112.

[3] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стб. 997.

[4] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 114.

[5] *А. Н. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, стр. 352.

бецкого. Осада Москвы ослабела. Польский гарнизон легко сообщался с внешним миром; отряды Сапеги, Лисовского и литовского гетмана Хоткевича доставляли ему провиант и подкрепления. В казачьем стане, или, как тогда говорили, в «таборах», перестали думать об освобождении столицы.

* * *

Первое ополчение возникло и сложилось в обстановке нерешенных социально-политических проблем, выдвинутых крестьянской войной начала XVII в.

Острота классовых противоречий в Русском государстве XVII в. сказалась и на судьбах первого ополчения. Поскольку это ополчение возглавили представители класса феодалов, главным образом дворяне и дети боярские, а подавляющая в количественном отношении сила этого ополчения состояла из эксплуатируемого крестьянского и посадского населения, между основными двумя антагонистическими классами, временно объединенными лозунгами народно-освободительной борьбы против иностранных поработителей, неизбежно должны были на определенном этапе движения возникать и обостряться внутренние противоречия. При этом представители господствующего класса стремились использовать популярность у простых людей лозунгов народно-освободительной борьбы и, выставив их на первый план, заслонить социальные требования простого народа. Народ же, участвуя в патриотическом движении, надеялся, что избавление от иноземного гнета принесет ему освобождение и от гнета социального. Однако политика руководителей первого ополчения не оправдала надежды простого народа.

Программа народного освобождения, выдвинутая П. Ляпуновым на первом этапе движения и привлекшая к нему широкие массы русского народа, на втором этапе движения, когда руководители первого ополчения перешли от задачи собирания сил к делу организации новой власти, была подменена программой крепостнической реставрации, приведшей к распаду первого ополчения. Программа крепостнической реставрации нашла свое яркое выражение в Приговоре 30 июня 1611 г.

Приговор 30 июня являлся попыткой со стороны представителей господствующего класса, возглавивших первое ополчение, разрешить острые социальные вопросы за счет эксплуатируемого крестьянского населения. Народно-освободительные задачи движения представители дворянства подчиняли своим классовым интересам. Между дворянством и боярством разгорелась борьба за власть, за право эксплуатации крестьянского населения. Приговор 30 июня не только не примирил, а, наоборот, до крайних пределов обострил внутренние противоречия, существовавшие в разнородной среде первого ополчения. Он не только не способствовал консолидации патриотических сил и организации и укреплению новой земской власти, но, наоборот, обнажив крепостнический характер той политической платформы, на которой вожди ополчения хотели объединить

силы русского народа и повести их на борьбу с польскими захватчиками, привел к распаду и разложению первого земского ополчения.

Ополчение, собранное П. Ляпуновым, представляло собою не органическое, а скорее механическое соединение отдельных отрядов различного социального состава и различных политических устремлений.

С первых же шагов совместной деятельности ополчений, при первой же встрече с неприятелем в их среде обнаружились признаки розни. Однако и установление власти «троеначальников»— князя Д. Трубецкого, П. Ляпунова и И. Заруцкого — не внесло единства в ряды ополчения.

Первому земскому ополчению не удалось также создать прочного и дееспособного центрального и местного управления. Особенно это сказывалось на организации и на порядке ведения дел финансовых учреждений, имевших особое значение для успеха всего предприятия П. Ляпунова. Полковые воеводы, пришедшие с ополчениями под Москву, не признавали и не считались со вновь организованными правительственными финансовыми органами; они, в частности, посылали от себя по городам отряды для сбора доходов и захватывали каждый на ратных людей своего полка деньги, приходившие под Москву. Все это до крайности увеличивало беспорядок и ослабляло авторитет властей земского ополчения. Кроме того, многие городовые воеводы либо открыто не подчинялись распоряжениям П. Ляпунова, либо постоянно их нарушали.

В грамотах, адресованных во Владимир и в Тверь (июнь — июль 1611 г.), П. Ляпунов требовал, чтобы воеводы не слушались грамот, которые будут приходить к ним без его «приписи и не из Большово Приходу или не из Володимерские чети за дьячьими приписьми»[1].

Наконец, в качестве одной из весьма существенных причин, повлиявших на распад первого ополчения, было, видимо, решение его руководителей от 23 июня 1611 г. об избрании на русский престол шведского королевича Карла Филиппа, сына короля Карла IX[2].

Итак, основная причина неудачи первого ополчения лежит в политике его руководителей, оказавшихся неспособными возглавить народно-освободительное движение, на базе которого и было создано первое ополчение.

10

ШВЕДСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ. НАРОДНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ШВЕДСКИХ ОККУПАНТОВ

Второе большое государство, граничившее на западе с Россией,— Швеция — также давно ожидало удобного момента для осуществления своих старых планов завоевания русских земель. Потерпев неудачу в

---

[1] «Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг.», собрал С. Б. Веселовский. М., 1911, № 1, стр. 3, № 6, стр. 9.

[2] См. ниже, гл. 3, § 10 настоящего издания.

своих попытках присоединить к Швеции русские прибалтийские владения во время войн второй половины XVI в., шведское правительство при первых известиях о начавшейся польской интервенции и внутреннем ослаблении Русского государства решило воспользоваться создавшейся обстановкой для выполнения своих давних захватнических планов. Швеция так же, как и Польша, стремилась к захвату русских земель и к ослаблению Русского государства, но обе державы были непримиримыми противниками в борьбе за господство на берегах Балтийского моря, и прежде всего за Ливонию. Добившись в результате Ливонской войны 1558—1583 гг. оттеснения России из Ливонии, Польша и Швеция сразу же начали упорную борьбу между собой за богатые и исключительно важные в торговом и стратегическом отношении ливонские земли; в 1600 г. из-за Ливонии между Швецией и Польшей началась открытая война. Таким образом, в начале XVII в. союз Польши и Швеции против России был невозможен. Это обстоятельство позволяло России бороться с обеими враждебными державами по отдельности и в конечном итоге облегчило победу русского народа над интервентами.

Шведское правительство при первых вестях о начавшейся польской интервенции тоже стало изыскивать пути для вмешательства в русские дела. Удобной формой для этого, найденной королем Карлом IX, было предложение русскому правительству вооруженной помощи против общего врага — Польши[1]; таким образом Карл хотел получить возможность послать свои войска внутрь России.

По мере поступления сведений о все растущем обострении политической обстановки и об ослаблении государственной власти в России возрастали притязания короля. Летом 1606 г. Карл IX поручил своим послам требовать за военную помощь России передачи Швеции Ивангорода, Яма, Копорья, Корелы, Орешка с уездом (т. е. всего течения реки Невы) и Колы с уездом (т. е. всего Кольского полуострова)[2]. Осенью того же года у шведского короля возник план овладения крупнейшим городом северо-западной России — Новгородом. Карл IX поручил своим послам, находившимся тогда на русской границе, вступить в тайные сношения с новгородскими боярами и дворянами и попытаться с их помощью оторвать Новгород от Русского государства, пообещав новгородцам поддержку в том случае, если они захотят перейти под власть шведского короля или решат избрать своего (отдельного от Москвы) великого князя[3]. В конце 1608 г. у Карла IX возник план захвата Пскова, а в самом начале 1609 г. король задумал овладеть еще

[1] Впервые идея предложить вооруженную помощь русскому правительству возникла у Карла IX в начале 1604 г., когда король еще ничего не знал о появлении самозванца и имел в своем распоряжении лишь слухи о возможных волнениях в России; см. *Г. В. Форстен.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях, т. II, СПб., 1894, стр. 67.

[2] Там же, стр. 70.

[3] Там же, стр. 72 (текст и прим. 2).

и северной Карелией с Сумским острогом и Соловецким монастырем[1]. Эти данные вполне конкретно говорят об агрессивных планах шведского правительства. Прежде всего шведское феодальное государство стремилось завладеть городом Корелой с уездом (и особенно восточной половиной Карельского перешейка), как районом, имевшим большое стратегическое значение. Далее шведские притязания распространялись на Ижорскую землю с ее городами-крепостями Ивангородом, Ямом, Копорьем и Орешком; тем самым шведские феодалы стремились захватить все исконное русское побережье Балтийского моря, полностью отрезать Россию от выхода к нему и поставить русскую торговлю с балтийскими странами под свой контроль. На севере России Швеция намеревалась получить в свои руки Колу и весь Кольский полуостров, чтобы овладеть незамерзающим побережьем Полярного океана с богатыми морскими промыслами и поставить под удар торговый путь из России в Западную Европу: путь из Архангельска по океану вдоль берега Кольского полуострова. В связи с проектом овладения Кольским полуостровом стояли и планы захвата соседней русской территории — Северной Карелии.

Агрессивные планы шведских феодалов в начале XVII столетия шли значительно дальше их захватнических притязаний в XVI в. и включали проект захвата Новгорода (а с ним — всей Новгородской земли) и Пскова, т. е. ставили своей целью овладение решающими позициями на северо-западе России.

Официально выступая в роли друга Русского государства, Карл IX отправил в 1605—1608 гг. несколько десятков посланий русским властям, буквально навязывая свою «помощь». Но все предложения шведского короля до середины 1608 г. не получали ответа или встречали отказ.

Летом 1608 г., когда Лжедмитрий II стал лагерем в Тушине, положение правительства Шуйского ухудшилось до крайности[2]. Как боярский царь, Василий Шуйский в обстановке огромного подъема народной антифеодальной борьбы после восстания под руководством Болотникова боялся своего народа, боялся поднимать народные массы на борьбу против интервентов. В создавшемся положении единственное средство для спасения Шуйский и поддерживавшая его часть правящего класса видели в помощи иноземных войск. 10 августа 1608 г. царь отправил письмо к шведскому королю с просьбой о незамедлительной присылке военной помощи[3]. С этого времени вслед за Шуйским и бо̀льшая часть правящего класса в обстановке резко обострившейся классовой борьбы в стране пыталась сохранить свои позиции с помощью иноземных войск вопреки национальным интересам страны.

---

[1] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. II, стр. 79; *И. П. Шаскольский.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950, приложение, док. № 11; ААЭ, т. II, стр. 209—211.

[2] См. гл. 3, § 7 настоящего издания.

[3] *H. Almqvist.* Sverge och Ryssland (1595—1611). Uppsala, 1907, стр. 124.

Для ведения переговоров со шведами был послан в Новгород наиболее способный и энергичный из родственников царя—Михаил Скопин-Шуйский. Скопину было дано также задание организовать сбор русских ратников со всего северо-западного края Русского государства, прежде всего из Новгорода и Пскова.

В ноябре 1608 г. в Новгороде было заключено со Швецией предварительное соглашение о присылке в Россию шведского вспомогательного войска в 5 тыс. воинов[1]. Для заключения окончательного соглашения требовалась посылка русского посольства в шведские владения.

Население русских пограничных городов: Ладоги, Корелы, Орешка, Пскова, Ивангорода, Гдова, Яма, Копорья — сразу же расценило готовящийся приход шведских войск как интервенцию; при вести о приближении «свейских немцев» (т. е. шведов) псковичи кричали: «немцев не хотим и за то помрем»[2]. В глазах населения пограничных земель Шуйский и поддерживавшие его политику воеводы и феодальные верхи пограничных городов являлись изменниками русскому национальному делу. В этих городах разгорелась острая классовая борьба, направленная против боярского правительства Шуйского и против местных бояр и дворян. Внешней формой этой борьбы было свержение поставленных боярским правительством воевод и признание власти «царя Дмитрия Ивановича» (Лжедмитрия II). Сначала на сторону Лжедмитрия II перешли Псков и города западной части Ижорской земли (сентябрь 1608 г.), затем, в конце ноября 1608 г., Корела с уездом и Орешек[3].

Классовая борьба в форме движения низших слоев населения против Шуйского и поддерживавших его местных бояр и дворян развивалась и в самом Новгороде. После получения известия о восстании во Пскове 2 сентября 1608 г. положение в Новгороде настолько обострилось, что Скопину пришлось даже на время покинуть город[4]. Таким образом, обращение за помощью к Швеции на первых порах не усилило, а, напротив, ослабило позиции Шуйского; осенью 1608 г. возникла прямая угроза перехода всей Новгородской земли под власть Лжедмитрия II.

Правящим верхам Новгорода с большим трудом все же удалось успокоить волнения в городе. Сохранение в руках правительства Шуйского главного центра северо-западной России позволило затем сделать Новгород базой для начала наступления против польских интервентов.

Действия польско-тушинских отрядов в центральных областях России вызвали волну народного возмущения[5]; к февралю 1609 г. она охватила и Новгородскую землю. Для отпора польско-тушинскому войску,

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 2, стб. 853; ПСРЛ, т. IV, стр. 323.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 2, стб. 853.

[3] *Almqvist.* Указ. соч., стр. 125, 131; «Временник Ивана Тимофеева». М—Л., 1951, стр. 141.

[4] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 84—85.

[5] См. выше, гл. 3, § 7 настоящего издания.

двинувшемуся в ноябре 1608 г. на Новгород, поднялись отряды посадских людей и крестьян из Устюжны, Тихвина, Заонежских погостов и других мест[1]. К январю 1609 г. Ладога, Орешек, Корела и Ивангород вернулись под власть царя Василия[2].

К февралю 1609 г. народное движение против польских интервентов достигло таких размеров, что создалась уже реальная возможность начать их изгнание силами русского народа, без помощи Швеции[3]. Но правительство Василия Шуйского в лице самого царя и его племянника Скопина, не веря в силы народа, не отказалось от ранее избранной политической линии и продолжало возлагать главные надежды на помощь шведских интервентов.

В начале февраля 1609 г. в Выборге начались русско-шведские переговоры о заключении окончательного соглашения[4]. Шведские представители открыто потребовали от правительства Шуйского в качестве вознаграждения за оказание военной помощи уступки русских территорий.

Правительство Шуйского, разумеется, предвидело, что за шведскую «помощь» придется платить и платить недешево. Скопин-Шуйский дал русским послам боярину С. В. Головину и дьяку Зиновьеву тайную инструкцию: когда шведские представители потребуют территориального вознаграждения, предложить Корелу, а в крайнем случае — Корелу и Орешек. Головину и Зиновьеву удалось добиться заключения соглашения с наименьшей уступкой с русской стороны — отдана была только Корела. После этого были приняты следующие условия договора: Шведское и Русское государства заключают военный союз против Польши; Швеция предоставляет правительству Шуйского вспомогательный отряд наемных иноземных войск в 5 тыс. человек за установленную плату и, кроме того, некоторое, заранее не определяемое количество войск оказуючи «ко государю...любовь»; Россия, в свою очередь, отказывалась от каких-либо притязаний на Ливонию (пункт, который не имел в тот момент практического значения) и уступала Швеции город Корелу (Кексгольм) с уездом[5].

В течение полутора лет правительство Шуйского неоднократно пыталось осуществить передачу Корелы шведам, но безуспешно; жившая в городе и уезде основная часть карельского народа, верная вековой дружбе с великим русским народом, категорически отказалась передать Швеции родную землю, твердо решив остаться в составе Русского государства[6].

---

[1] *Н. И. Покровский.* Начало народной войны в Московском государстве в 1608—1609 гг., стр. 41—44.

[2] ААЭ, т. II, № 99, стр. 196; *П. Петрей де Ерлезунд.* История о Великом княжестве Московском. «Чтения ОИДР», 1866, кн. 2, отд. IV, стр. 269.

[3] *Н. И. Покровский.* Указ. соч., стр. 32—33, 44—45.

[4] О ходе переговоров см. *J. Widekind.* Historia belli sveco-moscovitici. Стокгольм, 1672, стр. 50—52.

[5] АИ, т. II, №№ 158—160, стр. 180—191.

[6] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 55—61, 64.

Обращаясь за помощью к Швеции, Василий Шуйский рассчитывал, что, ведя войну против Польши в Ливонии, шведское правительство будет серьезно заинтересовано и в борьбе против польских войск на территории России. Но расчет царя оказался неверен. Шведское правительство, добиваясь в течение нескольких лет возможности вмешаться в русские дела, стремилось получить лишь официальный повод послать войска в Россию, рассчитывая использовать удобную обстановку для захвата русских земель. В начале 1609 г., когда вопрос о посылке шведских войск в Россию был уже почти решен, Карл IX раскрыл действительные планы Швеции в отношении Русского государства, заявив: «настал такой удобный случай воспользоваться смутами России для территориального обогащения шведской короны, что упускать его невозможно»[1].

Выборгский договор имел тяжелые последствия для Русского государства. В Россию пришли новые контингенты иноземных войск, которые еще более осложнили политическую обстановку в стране, а затем, дождавшись удобного момента, начали захват русских земель.

В середине апреля 1609 г. в Новгород пришло шведское вспомогательное войско, в состав которого, кроме небольшого числа шведских солдат, входили наемники чуть ли не со всех стран Европы — французы, шотландцы, англичане, нидерландцы, испанцы; особенно много было немцев. Во главе войска стоял молодой Яков Делагарди, сын Понтуса Делагарди, руководившего действиями шведских войск против России во время Ливонской войны.

Скопин-Шуйский предвидел опасность, которая возникала с приходом шведских войск, и старался с самого начала не допускать их до проведения самостоятельных военных действий. Уже на границе, на реке Сестре, шведов встретил русский отряд и затем все военные действия совершались совместными отрядами русских и шведов.

Войсками Скопина при поддержке отрядов Делагарди, начавшего наступательные действия против тушинцев, были заняты Старая Руса, Торопец, Торжок. Была сделана попытка взять Псков, но псковичи твердо стояли за самозванца и не сдавались. 10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский выступил из Новгорода к Москве.

Между Делагарди и Скопиным сразу же возникли разногласия по поводу плана военных действий. У Скопина в начале похода было еще слишком мало русских ратных людей; при выступлении из Новгорода русских воинов было у Скопина от 1 до 3 тысяч, тогда как шведское наемное войско, по словам Скопина, насчитывало в начале похода около 15 тысяч[2]; поэтому, особенно в первое время, действия Скопина зависели от шведского командования. А Делагарди, считая своей главной целью осуществление захватнических планов своего правительства на северо-западе России, весьма неохотно двигался вглубь страны. Поэтому соединенное войско продвигалось вперед очень медленно.

[1] *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. II, стр. 81.

[2] ААЭ, т. II, № 122, стр. 226; *Almqvist.* Указ. соч., стр. 139.

У Твери 13 июля 1609 г. произошло первое крупное сражение Скопина с тушинскими войсками. После двухдневного боя польско-тушинские войска были разбиты, путь для дальнейшего движения был открыт. Но тут в разноплеменных отрядах Делагарди начались волнения; давно уже недовольные нерегулярной уплатой жалования русскими властями, наемные солдаты Делагарди хотели вознаградить себя, взяв штурмом и разграбив тверской кремль. Но Скопин «пожале людей» (т. е. русских людей, находившихся в кремле) и не разрешил штурмовать крепость, что явилось поводом к возмущению в шведских войсках. Взбунтовавшиеся полки Делагарди вышли из повиновения командованию и в основной массе ушли обратно за рубеж в шведские владения (в Финляндию), по пути совершая многочисленные грабежи и насилия над мирным населением. Делагарди удалось остановить и удержать под своим командованием всего лишь несколько тысяч солдат, с которыми он отошел в район Новгорода[1].

С начала августа до конца сентября 1609 г. в распоряжении Скопина был только небольшой отряд шведов (сначала в 300, затем около 1000 солдат)[2]. В это время он продолжал борьбу, опираясь на русские силы. Народное движение против польских захватчиков непрерывно ширилось и росло, в войско Скопина, наступавшее против интервентов, с начала лета из разных местностей страны стали стекаться отряды ратных людей[3]. Основной силой патриотического движения были широкие народные массы — посадские люди и крестьяне. Уже в Торжке войско Скопина получило первое большое подкрепление — трехтысячную «смоленскую рать», пришедшую из Смоленской земли. После взятия Твери М. В. Скопин-Шуйский пошел не прямо на Москву, а вниз по Волге, к Калязину, чтобы приблизиться к путям в города Верхнего Поволжья и русского Севера, где находились главные центры народного движения. В Калязине к войску Скопина присоединились отряды из Ярославля, Костромы, городов Поморья; был прислан также сильный отряд из Москвы. К концу пребывания в Калязине силы Скопина доходили до 15 тысяч человек[4].

С этими силами 18 августа 1609 г. Скопин разбил вблизи Калязина на р. Жабне войско одного из главных тушинских военачальников — Яна Сапеги; этими же отрядами в начале сентября был взят Переяславль — важный стратегический пункт на главном пути из Ярославля и Поморья к Москве. Правда, царь Василий Шуйский попрежнему считал, что победа может быть достигнута лишь при помощи шведских войск; с огромным трудом был произведен на севере России и в Поволжье сбор

---

[1] *Almqvist*. Указ. соч., стр. 150—152.

[2] Там же, стр. 151; *Widekind*. Указ. соч., стр. 96.

[3] *Г. Н. Бибиков*. Опыт военной реформы 1609—1610 гг. «Исторические записки», кн. 19, стр. 8.

[4] «Выписка из дневника московского похода Яна Петра Сапеги». «Сын Отечества и Северный архив», 1838, т. I, отд. III, стр. 49.

денег для наемников, и после долгих уговоров в конце сентября Делагарди вернулся со своими сильно уменьшившимися силами (менее одной тысячи человек)[1] в лагерь Скопина. К этому времени в результате действий посадских и крестьянских отрядов и главных сил Скопина весь Север и бо́льшая часть Замосковного края были уже освобождены от интервентов.

Русские отряды Скопина, насчитывавшие к октябрю уже 18 тысяч человек, вынесли на себе основную тяжесть военных действий против польско-тушинских войск в наиболее важный период наступления на Тушино — с июля 1609 г. по начало 1610 г.; шведские наемные полки (численность которых к январю 1610 г. достигла всего 2230 человек) играли в этот период лишь вспомогательную роль[2].

Тяжелые поражения польско-тушинских войск привели в начале 1610 г. к распаду Тушинского лагеря. Москва была освобождена от осады, и 12 марта 1610 г. Скопин вступил в Москву. В начале лета 1610 г. правительство Шуйского начало наступление против польских коронных войск, стоявших в Смоленской земле. После внезапной смерти Скопина-Шуйского в Москве начальство над соединенными русско-шведскими силами было поручено бездарному брату царя, князю Д. И. Шуйскому. В решительном сражении под Клушином войско Д. И. Шуйского было разгромлено[3].

Происшедшее вскоре после Клушинской битвы свержение Василия Шуйского привело к активизации шведской политики по отношению к России. Шведское командование приняло решение теперь же приступить к захвату северо-западных русских земель.

Делагарди, отошедший из-под Клушина с остатками своего войска в Новгородскую землю, уже с июля, как только стали подходить подкрепления из-за рубежа, начал развертывать завоевательные действия в пограничных владениях России. Первый удар был направлен на Корелу, которая до тех пор не была передана Швеции по условиям Выборгского договора, несмотря на неоднократные распоряжения царя и Скопина. Патриотически настроенное карельское и русское население города и уезда категорически отказывалось отдать свою землю иностранной державе. Теперь шведское командование стремилось в первую очередь овладеть Корелой, ибо пока эта крепость находилась в руках русских и могла угрожать основным коммуникациям, связывавшим войска Делагарди с Финляндией, шведы не могли начать широких завоевательных действий в Новгородской земле. Почти одновременно был намечен удар на Ивангород — русскую крепость, стоявшую против принадлежавшей шведам Нарвы и представлявшую опасность для шведских коммуникаций с Ливонией;

---

[1] «Sveriges krig 1611—1632», т. I, Стокгольм, 1936, стр. 333.

[2] См. *Г. Н. Бибиков*. Указ. соч., стр. 14 (также стр. 8—9,15); *И. С. Шепелев*. Шведская интервенция в России в 1610—1611 гг. и отношение к ней первого земского ополчения. «Сборник научных трудов Пятигорского Государственного педагогического института», вып. IV, 1949, стр. 180. Цифры численности шведских войск см. в «Sveriges krig», стр. 333.

[3] Подробнее об этом см. выше, на стр. 546.

в августе началась осада Ивангорода, которая, однако, очень скоро была прекращена вследствие нового мятежа шведских наемных солдат.

Когда войска интервентов вступили на территорию Корельского уезда, карельский народ грудью поднялся на защиту своей земли. Вооружившиеся карельские крестьяне начали партизанскую борьбу против захватчиков. 4 июля 1610 г. соединенные отряды карельских партизан вместе с пришедшими из Корелы отрядами стрельцов напали на шведский лагерь, рассчитывая неожиданным ударом разбить вражеские войска и отбросить их к границе; шведам, благодаря превосходству вооружения, удалось все же решить исход боя в свою пользу[1].

Увеличив шведские силы под Корелой, шведский главнокомандующий Делагарди в начале сентября 1610 г. начал осаду города. Карельские крестьянские отряды после боя 4 июля ушли в леса и в течение пяти месяцев продолжали партизанскую борьбу против интервентов. Отрезанный шведскими войсками от России, карельский народ долго и упорно отстаивал сохранение родной земли в составе Русского государства. Лишь в конце 1610 г. хорошо вооруженным шведским регулярным частям удалось разбить карельские партизанские отряды[2].

Город Корела, отрезанный от родной страны, в течение полугода сопротивлялся шведским захватчикам. Мужественные защитники города, русские и карелы, всеми силами отстаивали город и прекратили сопротивление лишь тогда, когда из двух-трех тысяч жителей города осталось всего около ста человек, полуживых от цынги и ранений. После капитуляции Корелы 2 марта 1611 г. оставшиеся защитники города ушли вглубь России[3].

Падение города Корелы завершило захват Корельского уезда Швецией и тяжело отразилось на дальнейших судьбах карельского народа.

Захватнические действия шведского командования в конце зимы 1610/11 г. развернулись и на Севере. Карл IX торопился воспользоваться удобным моментом для того, чтобы овладеть здесь решающими позициями. Шведское наступление шло по двум линиям: из Вестерботнии на Колу — для захвата Кольского полуострова и русского побережья Ледовитого океана, и из Улеаборга на Суму и Соловки — для захвата Северной Карелии.

В феврале 1611 г. губернатор Вестерботнии Бальтзар Бек двинулся в поход на Колу и подступил к городу. Город оказал энергичное сопротивление захватчикам. Даже в самый опасный момент, когда шведы ворвались внутрь городских укреплений, русские люди — стрельцы и вооруженные горожане — не дрогнули, собрались с силами и выбили врагов за городские ворота. Не добившись никакого результата, напрасно

---

[1] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 68; ср. *Г. А. Замятин*, рецензия на цит. книгу. «Вопросы истории», 1951, № 6, стр. 116.

[2] *Almqvist.* Указ. соч., стр. 201.

[3] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 68—78.

совершив труднейший тысячеверстный поход, шведский отряд должен был повернуть обратно [1].

В марте 1611 г. начался поход и на втором северном направлении, через Северную Карелию к Белому морю. Согласно королевской инструкции, задачей похода, по указанию короля, был захват Сумского острога и Соловецкого монастыря (а с ними и всей Северной Карелии). Своим солдатам король разрешал брать у населения все, что попадется под руку, как бы благословляя своих воинов на грабеж мирных жителей [2].

Шведское войско из Северной Финляндии вступило в Северную Карелию и, разграбив по пути одиннадцать крупных карельских селений, подошло к селению Сопасалма, стоящему на реке Кеми; оставался прямой путь (километров полтораста) по реке Кеми к Белому морю. Но патриотически настроенное карельское население поголовно ушло в леса и попрятало или увезло с собой все имевшееся у него продовольствие. Дальнейшее движение шведского войска на восток, к Белому морю, оказалось невозможным, ибо в опустевшей местности шведским солдатам стала угрожать голодная смерть. Таким образом, план захвата Северной Карелии провалился [3]. Летом 1611 г. из Улеаборга была произведена еще одна попытка захватить карельское Поморье: был совершен водный поход по речным путям и через волоки в Белое море. Но и этот поход не увенчался успехом.

Главные события летом 1611 г. развернулись под Новгородом. Весной первое ополчение, поднявшееся на освобождение родины от польских интервентов, подошло к Москве и начало ее осаду. Руководители ополчения попытались использовать шведско-польские противоречия и привлечь шведов к борьбе против общего противника—Польши; таким путем вожди ополчения надеялись нейтрализовать шведские войска и прекратить их захватнические действия на русской территории. Было найдено и средство для того, чтобы заинтересовать шведское правительство в совместных действиях против Польши. Ляпунов и другие руководители ополчения решили пообещать шведскому правительству выбрать на русский престол шведского королевича. Шведское командование, а затем и правительство весьма благожелательно отнеслись к этому проекту, видя здесь прежде всего новую возможность под вполне законным предлогом углубить свое вмешательство в русские дела. Кроме того, в случае осуществления этого проекта шведское правительство рассчитывало получить решающее влияние на всю внутреннюю и внешнюю политику России [4]. Усиление польского гарнизона в Москве в июне 1611 г. побудило

---

[1] ААЭ, т. II, № 195, стр. 224; *Г. А. Замятин.* Походы шведов в Поморье в начале XVII в. «Ученые записки Молотовского государственного педагогического института», вып. II, 1941, стр. 62—63; *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 86—87.

[2] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., приложения, док. № 14.

[3] Там же, стр. 89—93; см. также гл. 4, § 2а настоящего издания.

[4] *Г. А. Замятин.* К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913, стр. 15—16; *И. С. Шепелев.* Указ. соч., стр. 193.

Приготовления новгородцев к обороне от шведских войск в 1611 г.
Деталь иконы XVII в.

вождей ополчения сразу же отправить в Новгород к Делагарди просьбу о немедленной помощи с обещанием уступки Ладоги и Орешка. Тогда же в совете ополчения обсуждался и был решен утвердительно вопрос об избрании шведского королевича в московские цари. Приговор об этом был составлен 23 июня и отправлен в Новгород с вторичной просьбой о помощи [1].

[1] *Г. А. Замятин.* К вопросу об избрании..., стр. 16—17.

Простые русские люди, не осведомленные о тайных мотивах, побудивших руководителей первого ополчения пойти на этот тактический шаг, узнав о решении избрать на русский престол иноземного царя, утратили веру в правильность политической линии вождей первого ополчения и прониклись подозрением к их программе и замыслам.

Массе русских патриотов было очевидно, что шведский кандидат в цари ничем не лучше польского. Национальное самосознание не могло помириться с таким решением, которое вело к потере Россией своей самостоятельности и государственности. Приговор 23 июня 1611 г. послужил серьезным толчком к обострению уже наметившихся противоречий в среде первого земского ополчения[1].

Когда шли переговоры с послами ополчения, Делагарди с войском стоял уже под самым Новгородом. Широкие массы населения Новгорода были враждебно настроены против шведских интервентов, но бояре и дворяне, опасаясь народных волнений (чему наглядным примером служил Псков), видели в войсках шведских интервентов единственную силу, с помощью которой они смогут сохранить власть и свои классовые позиции.

Открыто сдать Новгород шведам воеводы боялись, опасаясь народного восстания, и потому повели двойную игру с целью создать у народа впечатление, что они хотели защищать город и должны были лишь уступить силе.

В ночь на 16 июля с помощью изменников шведские войска были введены в город и, несмотря на отчаянное сопротивление отдельных групп казаков, стрельцов и населения, захватили Софийскую сторону. Новгородский воевода Бутурлин, находившийся на Торговой стороне, т. е. на другом берегу Волхова, с главным отрядом стрельцов и казаков, не только не дал отпора шведам, но, пограбив своих же посадских, ушел из города.

Кремль не был взят Делагарди, но 16 июля, ссылаясь на бесполезность какого-либо сопротивления при отсутствии военных сил, уведенных Бутурлиным, воевода Одоевский и митрополит Исидор сдали Кремль без боя. Между новгородским боярством и Делагарди был подписан мирный договор, основные пункты которого гласили следующее. Новгород за себя и условно за все Русское государство отдается под «покровительство» шведского короля и заключает с ним союз против Польши. Царем должен быть избран один из сыновей Карла IX: или принц Густав-Адольф, или принц Карл-Филипп — по усмотрению короля. До получения ответа шведского короля правителем Новгорода должен оставаться Делагарди, который будет осуществлять свою власть, советуясь с новгородским митрополитом и воеводой. В договоре специально оговаривалось, что бояре, дворяне, дети боярские и всякого рода военные начальники должны сохранить свои вотчины, земли и жалованье и

[1] Подробнее см. гл. 3, § 9 настоящего издания.

Осада Новгорода шведскими войсками в 1611 г. Деталь иконы XVII в.

попрежнему будут владеть своими крестьянами[1]. Договор закреплял акт измены новгородских бояр и дворян, отдавших родной город интервентам для того, чтобы с их помощью сохранить свои классовые привилегии.

[1] «Сборник Новгородского Общества любителей древности», вып. V, Новгород, 1911, № 1, стр. 3—11.

Распространению этого договора на все Русское государство, т. е. признанию шведского королевича русским царем, помешала прежде всего борьба русского народа против интервентов. К тому же, почти одновременно с событиями в Новгороде, после убийства Прокопия Ляпунова (22 июля) распалось первое ополчение, ведшее переговоры со шведами. Дальнейшие переговоры со Швецией боярское руководство Новгорода должно было вести самостоятельно.

Захватив Новгород, Делагарди начал распространять шведскую власть по всей Новгородской области. Попытка захватить Псков не удалась, зато были захвачены Копорье, Ям, Ивангород и другие города. После многомесячной героической обороны в апреле 1612 г. был взят шведами и Орешек.

Во второй половине 1611 и в начале 1612 г. шведские интервенты овладели большей частью Новгородской земли.

Преемник умершего в 1611 г. Карла IX король Густав-Адольф вскоре стал чувствовать себя уже фактическим властителем Новгородской области и начал раздавать шведам и своим русским сторонникам новгородские поместья. Богатым поместьем был, в частности, пожалован старший новгородский воевода князь И. Н. Одоевский, отдавший Новгород 16 июля 1611 г. Так в Новгороде временно установилась власть шведских захватчиков [1].

11

ВТОРОЕ ОПОЛЧЕНИЕ. ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ПОБЕДА РУССКОГО НАРОДА НАД ИНТЕРВЕНТАМИ

Вторая половина 1611 г. была для Русского государства самым тяжелым и мрачным временем. Русское государство, казалось, стояло перед угрозой окончательной потери независимости и превращения в колонию панской Польши.

В переписке с королем испанским Филиппом, с папой Павлом V, с императором и другими лицами Сигизмунд III открыто провозглашал свои завоевательные планы в отношении Русского государства [2].

Сигизмунд III решил аннулировать августовский договор 1610 г. об условиях избрания Владислава на русский престол и стать самому неограниченным владыкой Русского государства.

Но этим планам и надеждам польско-литовских панов не суждено было осуществиться. Хотя дело первого ополчения и потерпело неудачу по вине его руководителей, тем не менее освободительное движение в стране не переставало расти и шириться.

Нижний-Новгород, наряду с Рязанью принимавший деятельное уча-

---

[1] ДАИ, т. I, № 160, стр. 278—280; *Г. В. Форстен.* Указ. соч., т. II, стр. 186.

[2] «Акты времени междуцарствия (1610—1613)» под ред. С. К. Богоявленского. М., 1915, стр. 129.

стие в организации первого ополчения, стал главным очагом нового подъема всенародного освободительного движения.

В начале XVII в. Нижний-Новгород был одним из самых крупных городов Русского государства, с развитым ремеслом и значительной торговлей. Выгодное положение при слиянии двух важнейших рек внутренней России, Волги и Оки, делало его крупным передаточным пунктом. Еще в конце XVI в. он давал казне 7 тысяч рублей пошлин и занимал в этом отношении шестое место среди городов тогдашней Руси [1].

В начале XVII в. численность дворов на нижегородском посаде достигла примерно двух тысяч. В городе было много сотен лавок и амбаров. Ремесленники представляли свыше сотни специальностей. Гарнизон города состоял приблизительно из 750 человек стрельцов, кормовых иноземцев и крепостной прислуги [2]. Нижний никогда не признавал «Тушинского царька». В 1610 г. Нижний-Новгород, как и Москва, «целовал крест» Владиславу, но от присяги Сигизмунду отказался, а в январе 1611 г. открыто присоединился к Ляпунову, причем от имени «нижегородского мира» рассылались призывы к другим городам. В конце августа того же года, после распада первого ополчения, жители Свияжска Родион Мосеев и Ратман Пахомов [3] доставили в Нижний-Новгород новую призывную грамоту из Москвы.

1 сентября 1611 г. в Нижнем-Новгороде в должность посадского старосты вступил выборный голова Кузьма Минин. Местный посадский человек, мясник по своему занятию, он пользовался большим влиянием в своей среде. С осени 1611 г. началась энергичная деятельность великого русского патриота, глубоко проникнутого интересами родины, организатора всенародного второго ополчения. Один из современников отзывался о Минине как «муже от рода неславна, но смыслом мудре», который «молв бесчисленных печалей на ся прият», «еще и неискусен стремлением, но смел дерзновением». Минин, по словам автора Хронографа, «благым добронравием своим, аки солнечным любовного луча светом военачальники совокупи» [4].

Местом деятельности Минина была Земская изба, где протекала его служба посаду, и торговая площадь, где раздавались его горячие речи. Уже в одном из первых своих выступлений он потребовал у горожан ничего не щадить во имя спасения родины. Его вдохновенные патриотические призывы нашли горячий отклик среди нижегородского посада. Вскоре Кузьма Минин оформил мирской приговор: «что быти им во всем послушными и не противиться ни в чем, а для жалованья ратным людям

---

[1] *Д. Флетчер.* О государстве Русском, стр. 45.

[2] *П. Г. Любомиров.* Очерки истории Нижегородского ополчения, 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 5—17.

[3] ААЭ, т. II, № 194/II, стр. 243.

[4] «Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 253.

имать у них деньги, а если денег недостанет, имать у них не токмо животы их, но и жен и детей имая от них закладывать, чтобы ратным людям скудости не было...»[1]

Широкая мобилизация Мининым сил и материальных средств на организацию нового земского ополчения шла быстро и успешно. Условия, в которых зародилось второе ополчение в Нижнем-Новгороде, значительно отличались от тех, при которых восемь месяцев до этого создавалось ополчение Ляпунова. Второе ополчение возникло в посадской среде, т. е. в иной, более устойчивой и менее затронутой тушинцами и «литовскими людьми» среде.

О том, что почин движения принадлежал посадским людям, указывал и Д. М. Пожарский, говоря в грамотах, что «в Нижнем-Новогороде гости и посадские люди и выборный человек Косма Минин... учали ратных людей сподоблять денежным жалованьем и присылали по меня»[2]. К Минину скоро примкнули и другие влиятельные люди нижегородского посада и, наконец, часть правительственного аппарата во главе со вторым нижегородским воеводой А. С. Алябьевым. Приехавший недавно из Москвы окольничий князь В. А. Звенигородский, назначенный первым воеводой, был с самого начала отстранен от участия в организации ополчения: он казался слишком подозрительным и как лицо, назна́ченное правительством, и как родственник одного из самых ненавистных изменников, распоряжавшихся в Москве,— боярина М. Г. Салтыкова. Отстранение первого воеводы еще глубже подчеркивает народный характер Нижегородского ополчения и то громадное значение, какое мог иметь сильный и крепкий город в деле организации обороны страны.

Зверства и грабежи, чинимые польской шляхтой в городах и селах Русского государства, наглядно показывали народным массам, какие неисчислимые бедствия может повлечь за собою потеря Россией государственной независимости. Только подъем патриотического движения широких народных масс, составлявших главную силу первого и второго земских ополчений, позволил успешно бороться против иноземной интервенции.

На общем городском сходе нижегородцев было принято решение ополчиться за Русское государство против «разорителей, польских и литовских панов».

Денежный фонд второго земского ополчения складывался как из добровольных взносов, так и из введенного принудительного сбора пятой деньги с нижегородского посада, с городских монастырей и с монастырских вотчин. С сентября 1611 г. Минин был вдохновителем ополчения и энергичным, практичным распорядителем его хозяйственных средств. Талантливый человек из народа, Кузьма Минин твердо и умело нес многосторонние и ответственные обязанности.

---

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 161.

[2] СГГиД, ч. II, № 281, стр. 594.

Нижний-Новгород. Гравюра из книги А. Олеария, XVII в.

Для руководства задуманным большим военным делом нужен был полководец, воевода, до конца преданный делу борьбы за освобождение родины. Таким руководителем был выбран князь Д. М. Пожарский, который после тяжелого ранения в марте 1611 г. во время народного восстания в Москве против польских феодалов уехал лечиться от ран в свою вотчину, село Мугреево Суздальского уезда. Д. М. Пожарского знали как человека, отличавшегося политической честностью и воинскими талантами, не запятнавшего себя отъездом в Тушино, не выпрашивавшего милости у Сигизмунда и уже пролившего свою кровь за Родину. Словом, Пожарский был действительно «честным мужем, кому заобычно ратное дело... и которой во измене не явился»[1]. И по своему характеру он был полной противоположностью Ляпунову: насколько тот был горяч, несдержан и самоуверен, настолько этот осторожен, тверд, осмотрителен.

В противоположность ляпуновскому ополчению общерусское ополчение Минина и Пожарского было гораздо более крепко организовано. Принимая предложение стать вождем ополчения, Пожарский потребовал, чтобы в помощь ему по части организационной и хозяйственной было выбрано лицо, пользующееся всеобщим доверием. Таким лицом мог быть только Минин, который с этого времени официально называется «выборным человеком».

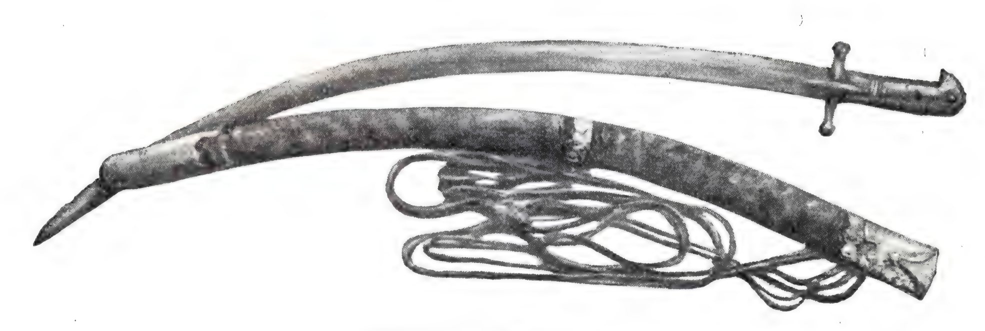
Организация воинских сил, которым предстояло освободить Москву, была наиболее трудной задачей. Необходимо было привлечь в ополчение как можно больше служилых людей, которым «ратное дело заобычно», ибо только с добровольцами из посадских и даточных людей, которые не имели военной подготовки и боевого опыта, нельзя было успешно бороться с постоянной армией польско-литовских интервентов. Поэтому в основное ядро ополчения, создаваемого в Нижнем, широко вербовались дворяне, дети боярские и стрельцы. В числе первых в новое ополчение были включены отряды смоленских, дорогобужских и вяземских дворян, ушедших в 1611 г. из своих уездов, занятых поляками, и пришедших после убийства Прокопия Ляпунова сначала под Москву, а затем в Нижний-Новгород как раз тогда, когда там собирали будущих бойцов за Москву. Кроме этих выходцев из западных областей, в ополчение вошли мелкопоместные дворяне Нижегородского уезда.

Пожарский приехал в Нижний Новгород в последних числах октября[2].

---

[1] «Новый летописец по списку кн. Оболенского». «Временник ОИДР», кн. XVII, М., 1853, стр. 145.

[2] В октябре 1611 г. в Нижний-Новгород пришли грамоты из Троице-Сергиевского монастыря с новым призывом скорее идти на выручку Москвы. Призыв этот был вызван движением отрядов Сапеги, грозивших и Ярославлю, и самому Троицкому монастырю. Грамоты Троицкого монастыря по существу носили такой же характер, как и грамоты патриарха Гермогена. Однако не эти грамоты положили начало патриотическому движению нижегородцев, как это в свое время утверждала дворянско-буржуазная историография. Грамоты, исходившие от архимандрита Дионисия и патриарха

Сабля К. З. Минина.
Оружейная палата

Ноябрь и декабрь 1611 г. прошли в энергичных приготовлениях. Руководители ополчения постепенно начинали играть роль общерусского правительства. В движение втягивались новые города и уезды. Нижний-Новгород постепенно превращался в очаг освободительного движения, откуда в ноябре и декабре рассылались грамоты в Поволжье и на Север с призывом: «Московское государство от врагов... от польских и от литовских людей, очищати неослабно до смерти своей... и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати»[1].

Население Среднего Поволжья и Коми-края поддержало и второе ополчение. В составе этого ополчения были и казанские русские люди и татары. К этому же времени относятся поступления денежной казны из северных городов и уездов и заем, сделанный руководителями ополчения у Строгановых.

Начать военные действия предполагалось в 1612 г. с очищения Владимиро-Суздальского края, куда из-под Москвы пришли литовско-польские и казачьи отряды в поисках провианта, фуража и теплой одежды.

Вести о новом ополчении и о принимаемых мерах к созданию в Нижнем-Новгороде временного национального правительства не могли не дойти до Москвы. Они должны были произвести одинаково сильное впечатление и на польских интервентов, и на сигизмундовых приверженцев в Кремле, и на казачьи таборы под Москвой. По указанию Гонсевского и Салтыкова, изменники-бояре, чтобы сорвать поход второго ополчения, начали рассылать по городам, охваченным освободительным движением, грамоты

Гермогена, были получены в Нижнем тогда, когда движение, возглавленное Кузьмою Мининым, было уже в разгаре; кроме того, эти грамоты предлагали не ту программу действий, которой решили держаться нижегородцы. В частности, в грамотах монастыря земщина призывалась соединиться с казаками Трубецкого и Заруцкого, которых нижегородцы не хотели рассматривать как равноправных и надежных союзников.

[1] ААЭ, т. II, № 201, стр. 249.

с призывом отказаться от ополчения и оставаться верными правительству, сидевшему в Москве. Эти грамоты, однако, не имели успеха[1].

Не менее встревожены были слухами о нижегородском ополчении и некоторые казацкие элементы подмосковных «таборов» Трубецкого и Заруцкого, с недоверием и даже враждебностью смотревшие на рать, шедшую на освобождение Москвы. Со своей стороны и входившие в ополчение Пожарского и Минина дворяне и верхи посада относились к казачеству недоверчиво и с опаской.

Вождь казачьей старшины Заруцкий, в свою очередь не менее обеспокоенный ростом сил ополчения Минина и Пожарского, предпринял попытку захватить Ярославль для того, чтобы получить в свои руки Верхнее Поволжье и северные дороги, по которым северные заволжские ополчения должны были идти на соединение с Пожарским. Чтобы не допустить этого, Пожарский и Минин двинулись в поход раньше, чем предполагалось. Около 15 февраля 1612 г. из Нижнего выступил передовой отряд князя Д. П. Лопаты-Пожарского; около 5 марта двинулись вдоль Волги и главные силы ополчения. Д. М. Пожарский успел занять Ярославль до прихода посланного Заруцким отряда Андрея Просовецкого. Поход главных сил ополчения, направлявшихся вдоль течения Волги, походил на торжественное шествие: встречи, присоединение новых отрядов, денежные взносы показывали явное сочувствие населения нижегородскому ополчению и его освободительным целям.

Только в Костроме воевода И. П. Шереметев, тесно связанный с московскими боярами, отказался было впустить в город Пожарского и едва не поплатился за это жизнью.

Занятие Ярославля было большим стратегическим успехом народного ополчения. Если бы его противниками были только одни польские интервенты и их московские сообщники, то, может быть, ополчение очень скоро появилось бы под Москвой, но руководители ополчения не были уверены в поведении казачьих отрядов. Польский гарнизон столицы после ухода в Польшу двух взбунтовавшихся полков[2] не был многочисленным; невелики были и силы, которыми располагал литовский гетман Хоткевич, зимовавший в селе Рогачеве, неподалеку от Дмитрова, и периодически снабжавший провиантом польский гарнизон Москвы. С июня 1612 г. до своей сдачи польский гарнизон Москвы состоял из полка Будилы и части полка Струся, всего насчитывая примерно 3—4 тыс. человек. В это время польский наместник в Москве Александр Гонсевский, осознав опасность своего положения, уехал из Москвы, воспользовавшись уходом из столицы отряда жолнеров (т. е. немецких наемников).

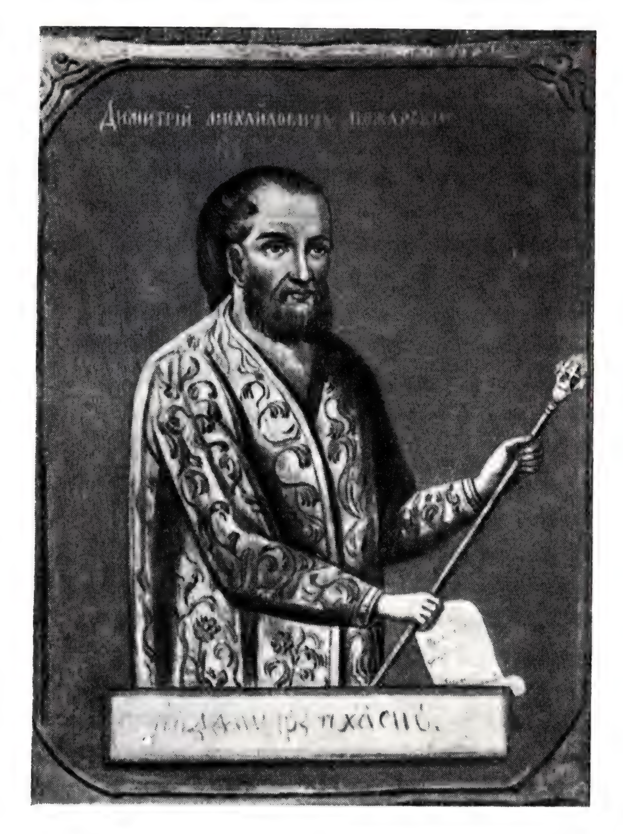
---

[1] Патриарх Гермоген, отказавшийся, несмотря на принятые против него меры понуждения, писать подобные грамоты, заплатил жизнью за свое «крепкостоятельство». Гермоген умер 17 февраля от голода узником в церковном подвале Чудова монастыря.

[2] «Сказание польского историка Кобержицкого». «Сын отечества», 1842, № 3, стр. 11.

Однако руководители второго ополчения отказались от прямого похода на Москву и временно обосновались в Ярославле.

К этому их побуждал неразрешенный вопрос о взаимоотношениях нового ополчения с казацкими «таборами» Трубецкого и Заруцкого, попрежнему стоявшими под Москвой, но неспособными к какимлибо активным действиям против осажденных захватчиков, и с казацкими отрядами двух братьев Просовецких, занимавших пути из Москвы в Ярославль и во Владимир.

Д. М. Пожарский. Портрет маслом работы неизвестного художника XVIII г.

При создавшемся положении Ярославль, один из крупнейших после Москвы торговых центров Русского государства, державший в своих руках и пути к Архангельскому порту, и доступы к «Чрезкаменному» пути в Сибирь и во все восточное Поморье, имел важнейшее значение для успеха задуманного предприятия. Важный транзитный пункт — Ярославль — был вместе с тем центром значительного ремесленного производства, снабжавшим холстом, кожевенными изделиями и мелкими металлическими поделками самые отдаленные районы Русского государства. Ярославское купечество в лице крупнейших его представителей — Григория Никитникова, Михаила Гурьева, Надея Светешникова, Лыткина — принимало деятельное участие в укреплении материальной базы ополчения.

Таким образом, посад с его торгово-ремесленным населением, как наиболее организованной частью земского движения, становится одним из важнейших факторов в истории второго ополчения.

Потерпев неудачу в попытке занять Ярославль до прихода Пожарского, Заруцкий и во всем подчинявшийся ему Трубецкой присягнули «псковскому вору» Сидорке (по некоторым известиям, он был дьяконом из Москвы «из-за Яузы»), который провозгласил себя во Пскове «царем Дмитрием Ивановичем». Этот шаг окончательно оттолкнул от Трубецкого и Заруцкого последние остатки ляпуновского дворянского ополчения,

которое разошлось по домам, а частью отъехало в полки второго ополчения, и еще раз подтвердил правильность принятого Мининым и Пожарским решения двинуться на Ярославль. К этому времени относится попытка Заруцкого остановить продвижение второго ополчения путем организации покушения на жизнь его вождя. Подосланы были в Ярославль двое казаков, один из которых пытался убить кн. Дмитрия Пожарского во время обхода предназначавшегося к отправке под Москву «наряда» (артиллерии), но он был схвачен и предан суду.

Заняв Ярославль, Минин и Пожарский надолго остановились в нем, чтобы стянуть силы для похода в Москву. Здесь же было официально создано правительство, возглавленное Пожарским и «выборным человеком» Мининым. Кроме того, в Ярославле был создан «Совет всей земли» в составе представителей от дворянства, участвовавшего в ополчении, видных ярославских посадских людей и местного духовенства во главе с бывшим митрополитом ростовским Кириллом.

Пожарский пытался привлечь представителей и из других городов и обращался с призывом «пожаловати прислати в Ярославль всяких чинов человек» «для общего земского Совета». В отдельных грамотах, рассылавшихся «Советом», иногда упоминаются «уездные люди» — термин, обозначавший обычно крестьянское сельское население. «Совет всей земли» (хотя бы в его ограниченном составе) участвовал в разрешении всех важнейших политических вопросов. Круг полномочий общеземского правительства был чрезвычайно широк и разнообразен, а результаты его деятельности весьма плодотворны. Минин и Пожарский и их ближайшие соратники от имени «Совета всей земли» ведали не одними только военными делами, но и управлением всей страны.

Руководители второго ополчения устраивали служилых людей, назначали им за службу земельные владения[1], жаловали деньгами и сукнами, пересматривали размеры поместий, давали льготы обнищавшим дворянам; наряду с этим они укрепляли города, отбирали в казну неправильно захваченные дворцовые земли, определяли размер сборов на ратное дело со всех городов[2], направляли в них воевод и сборщиков, посылали отдельные военные отряды в разные области, разбирали жалобы и выносили по ним решения. Все это делалось «по Совету всей земли», т. е. с ведома созданного в Ярославле правительства. Постепенно вокруг «Совета всея земли» выросла и приказная организация, ведавшая текущими делами. Во главе Разрядного приказа были поставлены дьяки А. Вареев и М. Данилов. Поместным приказом ведал дьяк Мартемьянов, в Дворцовом приказе сидели дьяки Н. Емельянов и П. Насонов, Сибирским приказом и приказом Казанского дворца ведал С. Головин, Посольский приказ возглавлял С. Романчуков[3]. Были приняты энергичные меры и к централизованному сбору государственных доходов.

---

[1] «Действия Нижегородской ученой архивной комиссии», т. XI, 1912, стр. 219.
[2] Там же, стр. 179.
[3] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 113—114.

Есть предположение о том, что ярославскими властями был создан Денежный двор[1].

Денежное жалованье ополченцам выдавалось не по социальному признаку, а в зависимости от их военной подготовки и боевых заслуг. На основе этого нового принципа, введенного Мининым, все ратники были разделены на четыре категории, получавшие разные оклады. Поверстанные по первому окладу получили 50 руб., по второму — 45 руб., по третьему — 40 руб., по четвертому — 30 руб.

Таким образом, положение ратника во втором земском ополчении в известной степени определялось военными способностями и заслугами перед родиной. Руководство ополчения вынуждено было считаться с громадной ролью, которую играли народные массы в борьбе с иностранной интервенцией.

Шаг за шагом правительство Минина и Пожарского подчиняло своему влиянию все новые и новые области государства. Авторитет этого правительства окреп, и перед лицом его потеряли всякое значение и боярская власть в осажденной Москве, и казацкое правительство, которое образовалось под Москвой на развалинах ляпуновской организации.

С авторитетом нового правительства стали уже считаться и иностранцы; шведы, например, оценивали его как «русские сословия, собравшиеся в Ярославле», с ним они вступали даже в официальные дипломатические переговоры.

Длительное пребывание ополчения в Ярославле объяснялось необходимостью организовать и укрепить государственный аппарат и собрать силы для разгрома врагов.

Это время было использовано также и для очищения от казацких отрядов пути на Москву. Пожарский рассылал отряды, теснил казачьи таборы и постепенно ограничивал круг тех местностей, на которые Заруцкий мог опираться и откуда получали провиант подмосковные казаки. Вместе с тем широкое партизанское движение делало положение польских интервентов как в Москве, так и в других местностях все более трудным. Небольшие польские отряды, выделявшиеся из состава главных сил и рыскавшие по стране в поисках фуража и провианта, истреблялись партизанами, их обозы с добычей отбивались.

Об активных действиях русских партизан сообщают почти все участники польской интервенции. В сентябре 1611 г., когда гетман Хоткевич, посланный Сигизмундом III в помощь Гонсевскому, подходил к Москве, он наткнулся на партизанские отряды «шишей». Польские отряды, ходившие к Волге за продовольствием для голодавших в Кремле поляков, возвращались почти ни с чем: на обратном пути у них все отбивали «шиши». В начале 1612 г. в деревне Родне отряд Самуила Маскевича подвергся нападению партизан, обративших в бегство двести польских фура-

[1] *Л. Сухотин.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. М., 1915, стр. XVIII и XIX.

жиров. Немало подвигов совершили и отдельные бесстрашные русские патриоты. Один старик-крестьянин из деревни Вишенцы, взятый польским отрядом в проводники, повел поляков к расположению русских войск, стоявших в Волоколамске. Случайное обстоятельство раскрыло замысел безвестного крестьянина, заплатившего жизнью за патриотический подвиг[1].

В конце февраля 1612 г. партизанские отряды «шишей» нанесли удар по войскам Струся, направлявшимся к столице Русского государства[2]. Охватившее страну партизанское движение, сочувствие масс делу ополчения, облегчало будущую победу ратникам, собиравшимся в Ярославле.

Удачно избрав богатый Ярославль местом своего длительного пребывания, второе земское ополчение успешно продолжало организовывать войско, обеспечивая свою безопасность с тыла и флангов.

Были укреплены Каргополь, Белоозеро, Углич и Устюжна. Богатое, еще не разоренное Поморье давало прочную основу своими личными и материальными средствами и прикрывало ополчение с тыла. В каких-нибудь четыре месяца ополчение организовалось, собрало большие силы и средства и подчинило своей власти значительную часть государства. Осторожные военные действия, предпринятые ополчением во время стоянки в Ярославле, дали положительные результаты. Просовецкий должен был очистить Владимир; казаки были вытеснены из Твери и Рязани, причем часть их отрядов в количестве до двух с половиной тысяч человек перешла на сторону ополчения Минина и Пожарского. Ко времени выступления из Ярославля почти вся местность к востоку от Москвы была очищена от враждебных ополчению элементов.

События под Москвой в июне—июле 1612 г. были очень благоприятны для ополчения. Между Заруцким и Пожарским не могло быть общего языка, и Заруцкий начал переговоры с гетманом Хоткевичем о переходе казаков на польскую сторону, но сделал это без ведома Д. Т. Трубецкого. Между ними произошел разрыв, и Заруцкий ушел в Коломну, где в то время была Марина Мнишек, и вместе с ней — далее в Михайлов. Роль Заруцкого под Москвой была окончена. С ним ушло свыше двух с половиной тысяч казаков; ушли и атаманы братья Просовецкие.

Размежевание среди казачества совершалось давно. Те из них, которые не потеряли связи с родиной, боролись за ее спасение и в течение всего 1611 г.; в 1612 г. они отдельными отрядами примыкали к нижегородцам; очень многие, главным образом сгруппировавшиеся около Трубецкого, могли, как это и показало ближайшее будущее, найти общий язык с народным ополчением. С Заруцким и вслед за ним ушли лишь те отряды, которые состояли из пришельцев-авантюристов или из людей, потерявших связь с родной страной и мечтавших только о добыче.

---

[1] «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. II, стр. 86—88.

[2] «Записки киевского мещанина Божко Балыки о Московской осаде 1612 года». «Киевская старина», 1882, июль, стр. 101.

В Ярославле был поставлен, но не решен весьма важный по тогдашнему времени вопрос — о будущем царе. В апреле еще были разосланы грамоты, как «в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным, чтоб нам по совету всего государства выбрати общим советом государя»[1]. Вопрос ставился пока только в общей форме, но вскоре пришлось иметь дело с реальным кандидатом на престол и притом опять иноземцем. Под нажимом занявших Новгород шведов местное боярство и купечество выдвинуло кандидатуру принца Карла-Филиппа шведского. Отклонить ее было нельзя, ибо это повлекло бы за собой открытые военные действия со стороны нового сильного врага, между тем как все силы нужно было обратить против польских интервентов и их ставленников. Но нельзя было и согласиться с кандидатурой шведского принца, потому что мысль о царе-иноземце не встречала сочувствия среди широких кругов дворянства, горожан и крестьянства. Целых два месяца ушло на трудные дипломатические переговоры, которые правительство Пожарского вело с большим умением и тактом, чтобы выиграть время и отвлечь внимание шведских интервентов. Конечный ответ был тот, что Русская земля готова принять Карла-Филиппа, но королевич должен прежде всего приехать в Великий Новгород и принять православие. Однако Карл-Филипп не спешил, а события между тем шли так быстро, что вопрос о царском избрании пришлось решать в Москве прежде, чем королевич появился в Русской земле[2].

Английское правительство также пыталось воспользоваться бедственным положением Русского государства. Агентами английского правительства разрабатывались не только планы экономического подчинения страны, но и авантюристические проекты вооруженного захвата русского севера, а также волжского пути в Каспийское море и установления своего протектората над этими территориями.

Прибывший в Россию в 1609 г. в составе шведского отряда Горна англичанин капитан Томас Чемберлен[3] составил проект английской интервенции в Россию. В этом проекте, поданном английскому королю Якову I, говорилось: «Довольно известно, в каком жалком и бедственном положении находится народ Московии последние 8 или 9 лет..., большая часть страны, прилегающая к Польше, разорена, выжжена и занята поляками. Другую часть со стороны Швеции захватили и удерживают шведы под предлогом оказания помощи». Пример поляков и шведов, грабивших и разорявших страну, казался весьма соблазнительным для английского авантюриста. Выражая думы и стремления определенных кругов английской буржуазии, он под предлогом помощи русскому народу предлагал захватить северные области Русского государства.

---

[1] ААЭ, т. II, № 203, стр. 256.

[2] См. гл. 3, § 10 настоящего издания. Дальнейший текст о проекте английской интервенции на стр. 588—589 принадлежит И. И. Любименко.

[3] Авторство этого документа, ранее приписываемое Джону Мерику, на самом деле принадлежало Томасу Чемберлену.

«Эта часть России, которая еще более всех отделена от опасности как поляков, так и шведов, есть также самая выгодная для нас и самая удобная для торговли... Россия... должна стать складом восточных товаров Англии»,—указывал Чемберлен[1].

Сообщая о выгодах английской торговли с Россией, автор проекта оценивал ежегодный английский ввоз в 40 тыс. ф. ст. (60 тыс. руб.), особо подчеркивал ценность вывоза материалов для оснащения английского флота, барыши при перепродаже иранских товаров Франции, Германии, Голландии и Дании и возможность обогащения королевской казны повышением внутренних и внешних пошлин.

Интересно сопоставить этот английский проект с одной анонимной запиской, относящейся, повидимому, к тому же времени[2], исходящей также от английского автора и трактующей о возможности захвата Соловецкого монастыря, который характеризуется составителем записки как «богатейшее в мире место». Автор весьма озабочен захватом сокровищ Соловецкого монастыря в том случае, если представитель английского короля будет располагать достаточным числом людей и судов. Он приводил краткие сведения об укреплениях монастыря и его гарнизоне, в котором насчитывалось 1500 человек, советовал выслать не менее 5000 солдат, которых рекомендовал набрать в Ирландии и посадить там на суда под предлогом какого-либо военного действия на западных островах, чтобы избежать преждевременной огласки своих действий и планов.

При этом рекомендовалось запастись достаточным количеством пушек, пороха, военной амуниции и специалистов по подкопам.

Таким образом, планы ограбления севера России встречали в Англии немалое сочувствие и разрабатывались различными авантюристами.

Вполне вероятно, что прибывшая в Архангельск 24 июля 1612 г. якобы с целью поступить на русскую службу первая небольшая группа иностранных наемников, вслед за которой должен был прибыть отряд, состоящий из двадцати капитанов и ротмистров и ста солдат, была направлена в Русское государство английским правительством для осуществления завоевательных планов, предложенных Томасом Чемберленом и Джоном Мериком. Представитель этого отряда Яков Шав, отправившийся в лагерь Пожарского, при расспросах показал, что «пошли де они с ведома аглинского короля. . .» [3]

Разведав положение дел в Русском государстве и убедившись при свидании с Пожарским в Переяславле (10 августа 1612 г.) в прочности нового правительства, пользовавшегося поддержкой русского народа, выступившего на борьбу с интервентами, и выслушав его отказ в иноземной помощи, капитан Яков Шав вернулся в Архангельск с печаль-

[1] «Московия по открытиям английских путешественников». «Чтения ОИДР», 1874, кн. III, отд. IV, стр. 75—83.

[2] «Материалы по Смутному времени на Руси XVII в.». «Старина и Новизна», кн. XIV, М., 1911, стр. 193.

[3] «Акты времени междуцарствия (1610—1613)», стр. 53.

ным известием для нововявленных интервентов, которые вынуждены были отказаться от своих коварных замыслов. С Яковом Шавом был послан представитель от земского ополчения Дмитрий Чаплин с приказанием вернуть приехавших наемников восвояси [1].

Но этой неудачной попыткой дело не ограничилось. В течение 1612—1613 гг. английское правительство упорно обсуждало различные планы интервенции в Россию. Однако недостаток сил и средств для осуществления широко задуманных целей вынудил Якова I предпринять более осторожные шаги. Весной 1613 г. он направил в Россию своих политических разведчиков — Джона Мерика и одного из директоров «московской компании» Вильяма Росселя с заданием добиться посредством дипломатических переговоров целей, которых не удалось достигнуть при помощи вооруженного вмешательства. Но и этих агентов английского правительства постигла полная неудача; они не были даже допущены в столицу.

Во время пребывания ополчения в Ярославле ставился вопрос и о возможности избрания на русский престол брата австрийского императора — эрцгерцога Максимилиана. Но все эти намерения иностранных агрессоров захватить власть в Русском государстве разбились о твердую волю русского народа отстоять национальную независимость родины.

Нет возможности с достаточной точностью определить общую численность всей рати, собравшейся в Ярославле, и соотношение ее частей. Можно считать вероятной цифру десять тысяч разного рода служилых людей, дворян и детей боярских, служилых татар романовских (из г. Романова), касимовских, казанских, сибирских и других. В ополчении было, кроме того, около 3000 казаков и 1000 стрельцов. Нет данных даже для приблизительного определения численности даточных людей, крестьян и посадских, собранных по посошной разверстке [2]. Можно лишь весьма предположительно допустить, что общая численность ополчения, собравшегося в Ярославле, достигала 20—30 тысяч. Но не все эти силы дошли до Москвы, часть их была отряжена для занятия городов, освобожденных от вражеских отрядов.

Тревожные известия о движении к Москве значительных сил противника под командованием гетмана Хоткевича для подкрепления польского гарнизона в Кремле заставили руководителей ополчения спешить с выступлением из Ярославля. В авангарде главных сил ополчения двигались два конных отряда — воевод М. С. Дмитриева и Ф. Левашева (400 всадников) и князя Д. П. Лопаты-Пожарского (700 всадников). Первый отряд подошел к столице 3 августа и расположился подле Белого города между Тверскими и Петровскими воротами [3], а второй 12 августа и занял позицию между Тверскими и Никитскими воротами [4]. По прибытии эти отряды немедленно приступили к постройке укрепленных острожков

[1] «Акты времени междуцарствия...», стр. 56—57.

[2] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 114—118.

[3] РИБ, т. 1, стб. 316.

[4] Там же, стр. 317; ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 122.

и рытью окопов. В ночь с 19 на 20 августа главная рать князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина появилась под Москвой и расположилась от Никитских ворот до Алексеевской башни.

Ополчение, подошедшее к Москве, представляло собою для польских интервентов грозную силу.

Под Москвою ополчению предстояло прежде всего войти в переговоры с теми казаками, которые оставались там под предводительством Трубецкого, помешать соединению Хоткевича с кремлевским гарнизоном и, наконец, овладеть столицей. Казаки Трубецкого с самого начала искали соглашения с ополчением. Но Пожарский отказался стать вместе с казачьими таборами и расположился отдельно у Арбатских ворот, загородив дорогу Хоткевичу, который в те же дни подступал к Москве по Смоленской дороге. Когда началось сражение с Хоткевичем, отношения между казаками Трубецкого и подошедшим ополчением далеко еще не были выяснены.

К этому времени в лагере противника начали особенно сильно сказываться признаки разложения, усилились настроения усталости и разочарования. Авантюристическая политика польско-литовских магнатов по отношению к России, поддержанная Сигизмундом III, по мере усиления сопротивления русского народа и роста трудностей войны, принявшей с начала осады Смоленска открытый захватнический характер, а также в связи с обозначившейся угрозой турецкого наступления на Польшу, встречала все более и более сильное противодействие в самой Речи Посполитой со стороны значительной части мелкой шляхты, отказывавшейся давать средства на продолжение разорительной и бесперспективной кампании в России. Оппозиция шляхты внешней политике Сигизмунда III ярко проявилась на Варшавском сейме 1611 г., когда королю было предъявлено обвинение в том, что он начал войну с Москвою, не спросясь сейма[1]. Литовскому канцлеру Льву Сапеге пришлось выступить на этом сейме с речью, имевшей целью оправдать короля и возложить вину за все неудачи на Юрия Мнишка и его сторонников, которые якобы вынудили короля втянуться в эту войну[2].

Особенно сильно было недовольство Сигизмундом III в шляхетских войсках, занимавших Москву. Польский историк Станислав Коберджицкий писал о глубоком разложении польского войска, ознаменовавшего свое пребывание в России грабежами и бесчинствами[3].

Некоторые поляки под влиянием зверств и грабежей, чинимых их соотечественниками, постепенно утрачивали веру в успех войны польских магнатов против русского народа и переходили на сторону последнего. Так, летом 1612 г. польский ротмистр Павел Хмелевский, сидевший в

---

[1] *Н. И. Костомаров.* Собр. соч., кн. 2, СПб., 1904, стр. 562.

[2] «Литовский канцлер Лев Сапега о событиях смутного времени». «Чтения ОИДР», 1901, кн. 2, отд. I, стр. 1—4.

[3] «Сказание польского историка Коберджицкого», стр. 11.

осаде в Московском кремле, перешел на службу в русское ополчение, возглавляемое Дмитрием Пожарским. Во время боя, решившего судьбу Москвы, когда гетман Хоткевич пробовал пробиться в Кремль, Хмелевский мужественно сражался под знаменем Пожарского и Минина против него и участвовал в окончательном поражении частей Хоткевича. Польский народ и наиболее дальновидные представители господствующего класса Речи Посполитой осуждали интервенцию в Русское государство и выражали свое сочувствие героическому русскому народу.

Решающим событием в борьбе за Москву следует считать битву 22—24 августа. Хоткевич, напрягая все усилия прорваться в Кремль и доставить туда обоз с провиантом, повел 22 августа наступление вдоль левого берега Москвы-реки от Новодевичьего монастыря и бросил все свои силы на ополчение Пожарского. Положение отрядов последнего стало очень трудным, когда с тыла на них сделал вылазку кремлевский гарнизон[1].

Казаки, расположенные на другом берегу реки, сначала наблюдали за ходом битвы, не желая помогать ополчению. Но в критический момент на помощь Пожарскому бросилось несколько конных сотен, отряженных им накануне на подмогу Трубецкому, а вместе с ними «самовольством», без разрешения Трубецкого оказали помощь Пожарскому и некоторые казачьи отряды. Гетман отступил и 23 августа передвинул свои войска к Донскому монастырю, чтобы попытаться пробиться в Кремль через Замоскворечье. Это заставило и Пожарского перейти на правый берег Москвы-реки. Бой возобновился 24 августа. Натиск поляков был так силен, что сначала перевес был на их стороне. Пожарский был вынужден отступить за реку, казаки также ушли в свои таборы. Пришлось отрядить к ним келаря Троицкого монастыря Авраамия Палицына, который своими речами, а по другим сведениям, и обещаниями жалований из богатой монастырской казны, убедил казаков вернуться и оказать помощь Пожарскому. Казачий острожек близ церкви Климента на Пятницкой улице переходил несколько раз из рук в руки. Но решающую победу русским уже к вечеру дала атака части ополчения под личной командой Минина, который с несколькими конными сотнями, увлекая за собой казачью пехоту, потеснил роты гетмана, стоявшие у Крымского двора, и вынудил весь его отряд к отступлению. Не успев забросить в Кремль людей и провиант и понеся большие потери, Хоткевич на другой день, 25 августа, отошел через Воробьевы горы на Смоленскую дорогу, откуда ушел к Вязьме.

После неудачного наступления Хоткевича участь интервентов в Москве была решена. Месяц спустя, «по челобитью и по приговору всех

---

[1] Г. Н. Бибиков, исследовавший бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой, определяет численность всех русских отрядов, участвовавших в этих боях, цифрой от 8 до 10 тыс. человек и силы поляков приблизительно в 15 тыс. См. *Г. Н. Бибиков.* Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22—24 августа 1612 г. под Москвой. «Исторические записки», кн. 32, стр. 117.

чинов людей», казаки и ополченцы окончательно договорились между собой. Вождями объединенных сил были избраны «выборный человек» Кузьма Минин, стольник князь Пожарский и боярин князь Трубецкой.

Дальнейшие события развивались быстро. Польский гарнизон, несмотря на лучшее вооружение, был слишком слаб, чтобы долго оборонять длинную линию стен Китай-города.

22 октября был взят Китай-город. Завязались переговоры с осажденными. Польские захватчики сначала выпустили московских бояр. 27 октября польский гарнизон сдался: полк Струся — казакам Трубецкого, полк Будилы — ополчению Пожарского. Среди пленников оказались русские приверженцы Сигизмунда во главе с Федором Андроновым. Другие, как например, боярин Салтыков, успели еще раньше бежать из Москвы.

Однако опасность не была ликвидирована окончательно. Сигизмунд сам шел к Москве и находился уже под Волоколамском. Но у короля при выступлении из Смоленска было всего 3000 наемных немцев; 1200 человек шляхетской конницы нагнали его в Вязьме; там же влились в его войско остатки сил Хоткевича. Поход от Вязьмы к Волоколамску через Погорелое Городище в осенних условиях совсем ослабил и без того незначительную армию короля. Под Волоколамском, захватить который польским интервентам не удалось, Сигизмунд узнал о взятии Москвы ополчением и повернул обратно. Весть об отступлении короля пришла в Москву в конце ноября. Внешняя опасность больше непосредственно не грозила России. Настала пора заняться неотложными делами внутреннего устройства страны.

Успех второго земского ополчения был обеспечен высоким подъемом освободительного движения, охватившего самые широкие слои русского народа, проявившего в борьбе с иноземными захватчиками исключительное упорство и героизм.

Успех второго земского ополчения в значительной мере был результатом неутомимой военно-организационной и административно-хозяйственной деятельности Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.

Минин и Пожарский сумели укрепить материальную базу движения, хорошо устроить и обеспечить вооружением и снаряжением крепкие кадры земского ополчения. Они также организовали в Ярославле надежное центральное и местное управление, восстановили важнейшие органы правительственной власти и установили необходимый внутренний порядок в областях и городах, освобожденных от польско-тушинских разбойничьих отрядов.

Руководители второго земского ополчения, опираясь на освободительное движение широких масс русского народа, сумели объединить и направить силы русских патриотов на активную и решительную борьбу против польско-литовских и шведских захватчиков, проявив в боях с интервентами высокое воинское искусство и мужество.

12

ЗАВЕРШЕНИЕ БОРЬБЫ С ИНТЕРВЕНЦИЕЙ. ОРГАНИЗАЦИЯ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Героическая борьба русского народа и других народов России против интервентов увенчалась победой. И хотя кругом еще бушевала война, а часть территории оставалась в руках врага, освобождение Москвы означало победу над интервентами, установление своей национальной власти в стране.

Как уже упоминалось, еще в Ярославле во втором ополчении было создано своеобразное правительство — «Совет всей земли». Это правительство рассматривало себя как временное. Одной из своих задач оно ставило организацию центральной власти и особенно избрание нового царя. Устройство постоянной власти мыслилось представителями дворян и посада только в форме феодальной монархии. Считалось, что стране «без государя нисколько быть невозможно»[1]. Вместо олигархии Шуйского или семибоярщины мелкие феодалы и посад требовали устойчивого единовластия, способного удовлетворить земельные нужды дворян и охранить производственную деятельность ремесленников и купцов.

Хотя в средние века в европейских странах бывали случаи приглашения на престол представителей иноземных династий, исстрадавшееся население Руси могло признать только русское правительство. Поэтому-то сразу были поставлены под сомнение иностранные кандидатуры, навязчиво предлагаемые польским и шведским дворами.

Все разноречивые мнения по вопросу о выборе царя сошлись на том, чтобы «иных никоторых земель людей на Московское государство не обирать»[2], чтобы организовать собственное русское правительство во главе с монархом «прироженным» «от корене российских государей»[3].

Бедственное положение страны, опасность нового иноземного вторжения, а также внутренние разногласия в ополчении требовали незамедлительного решения вопроса о новой власти. Это отлично понимали руководители «Совета».

Сразу же после взятия Москвы, в начале ноября, руководители ополчения привлекли на совещания о предстоящем Соборе «бояр и окольничьих, и чашников, и стольников, и дворян больших, и стряпчих, и жильцов, и дворян из городов и всяких чинов людей»[4]. Уже это перечисление чинов, участвовавших в предварительном обсуждении порядка выборов царя, очень характерно по своему социальному составу: это те, кто позже захватит в свои руки господствующее положение при дворе и оттеснит на второй план истинных героев освободительной войны.

---

[1] ДАИ, т. I, № 166, стр. 291—294; «Акты подмосковных ополчений и земского собора», № 82, стр. 99.

[2] «Дворцовые Разряды», т. I, СПб., 1850, стб. 13.

[3] *П. Г. Любомиров.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг., стр. 186.

[4] Там же, стр. 177.

Было решено к 6 декабря избрать и прислать в Москву изо всех уездов по десять человек «с посаду и с уезду» «для государственных и земских дел»; особые приглашения, помимо выборных людей, рассылались наиболее богатым и влиятельным лицам. Трудности сообщения и небезопасность пути задержали сбор участников Собора. Съезд их, начавшись в декабре, затянулся вплоть до февраля.

Феодалы и верхи посада торопились с организацией власти: подорвана была экономическая мощь землевладельцев, еще не улеглись воспоминания о восстании Болотникова, внешний враг был в стране. В таких условиях господствующий класс феодалов спешил укрепить органы государства для осуществления его внутренней и внешней функций.

Заседания начались в январе 1613 г. в Успенском соборе в Московском кремле. Со времен Грозного здесь происходило венчание на царство. Теперь речь шла о выборах кандидата на престол. Хотя разосланные на места грамоты и объявляли, что «обиранье государьское» должно совершиться всеми людьми «от мала до велика», Собор 1613 г. по своему составу вовсе не был демократическим, как это утверждали буржуазные историки.

Правда, представительство отдельных местностей и городов было на Соборе 1613 г. более широким, чем на каких-либо других соборах: пятьдесят городов прислали своих выборных, они съезжались из Подвинья и с юга, из Тверских мест и из Сибири. В заседаниях участвовало примерно до 700 человек. На Соборе были представители разнообразных групп феодалов, начиная от высшего боярства и духовенства, включая московское и провинциальное дворянство, а также мелких землевладельцев южных окраин государства. На Соборе присутствовал «Освященный собор» и 15—16 человек из Боярской думы. Были на Соборе и представители посадских людей. В ходе выборов на совещания были приглашены представители титулованной знати, «князь Мстиславский с товарыщи»[1], заклеймившие себя предательством.

Возможно, что среди 700 делегатов были отдельные представители черносошных крестьян. В целом же выборы нового царя находились всецело в руках феодальных кругов, преимущественно дворянства, боярства и духовенства[2].

В период двухмесячного обсуждения единодушно отвергнуты были кандидатуры Владислава польского и Карла-Филиппа шведского[3]. Среди возможных претендентов на престол называли князей В. В. Голицына, Д. Т. Трубецкого, Д. М. Пожарского, И. М. Воротынского, даже В. Шуйского[4]. Наиболее влиятельной оказалась группировка Ф. И. Шереме-

---

[1] СГГиД, ч. 1, № 203. стр. 613.

[2] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 183, 186—197.

[3] «Дворцовые Разряды», т. I, стб. 13.

[4] *В. Латкин.* Земские соборы древней Руси. СПб., 1885, стр. 125—126; см. также *Г. А. Замятин.* К истории Земского собора 1613 г. «Труды Воронежского Государственного университета», т. 3, 1926, стр. 1—74.

тева, которая выдвинула Михаила Федоровича Романова, шестнадцатилетнего сына известного патриарха Филарета.

Кандидатура Михаила прежде всего устраивала влиятельное боярство: он происходил из рода крупных землевладельцев, к тому же был внуком Никиты Романовича Романова-Юрьева, брата первой жены Ивана IV Грозного Анастасии. Следовательно, при выборе Михаила в некоторой степени соблюдалась преемственность от «династии Рюриковичей». Вместе с тем блестящий светский боярин Федор Никитич Романов — отец Михаила — подвергся репрессиям со стороны ненавистного для боярства Бориса Годунова, сделавшего его в сорок лет схимником — «старцем Филаретом». Это привлекало к роду Романовых симпатии духовенства.

Круги казачества знали Филарета по Тушинскому лагерю, дворяне видели в нем представителя нетитулованного боярства, выдвинувшегося при Иване Грозном, посадские — «страдальца» за русскую землю, томящегося в польском плену. Молодость Михаила Романова внушала Шереметеву, Черкасским и их сообщникам мысль о возможности вершить делами по своему усмотрению: «выберем де Мишу Романова, он еще молод и разумом еще не дошел»,— говорили в боярских кругах, надеясь, что такой царь им «будет поваден»[1].

7 февраля большинство членов Собора согласилось на провозглашение Михаила Романова, а 21 февраля в торжественной обстановке при максимальном съезде представителей с мест и сборе москвичей он был официально объявлен царем.

Обстановка, в которой происходило избранце Михаила Земским собором, заставляет сомневаться в наличии каких-либо тайных, ограничивающих власть документов, якобы взятых с нового царя боярами. Об «ограничительной записи» смутно говорят лишь два источника XVII в.: Г. К. Котошихин, написавший в 60-х годах книгу-донесение шведскому двору, и псковское сказание «О бедах, и скорбях, и напастех». Эти неясные намеки были подхвачены авторами XVIII в. Вполне вероятна подача челобитной царю в форме пожеланий от Земского собора, но вряд ли был составлен специальный ограничительный акт[2].

Таким образом, победой над интервентами воспользовался класс феодалов, создавший правительство во главе с Михаилом Романовым.

Изгнание интервентов из Москвы не означало окончания разрухи. Как феодальное, так и крестьянское хозяйство оказалось подорванным, особенно в центральных, западных и южных районах страны. Число пустующих земель, заброшенных пашен, разоренных селений достигло к 1615 г. огромных размеров. Такие определения, как «перелог», «пашня, лесом поросшая», «пустошь, что была деревня», не сходят со страниц дозорных и писцовых книг 20-х годов. В Московском уезде число «порозших поместных земель» достигало 27,6%, в Ржевском — 59%, в Ново-

---

[1] *А. Барсуков.* Род Шереметевых, кн. 2, СПб., 1882, стр. 311, прим. 415.

[2] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 228—231.

торжском — 70% [1]. Но не только поместные земли пустели, зарастали лесом, не обрабатывались, разорены были и крупные вотчины. Так, например, пашня Троице-Сергиевского монастыря, имевшего в двадцати уездах Замосковного края 196 тыс. десятин земли, уменьшилась к 1616 г. по сравнению с 1594 г. больше чем в 20 раз [2]. Кроме юга и Замосковья, сильному разорению подверглись Двинская земля, Чаронда, Тотьма, окрестности Казани и пр. [3].

Запустение земель сопровождалось уменьшением количества населенных пунктов, дворов, людей как в сельских, так и в городских местностях. Число заброшенных селений достигло половины всех населенных пунктов, в сохранившихся деревнях преобладали дворы полуразоренных бобылей (в Угличском уезде — 56,6%, в Дмитровском — 48,4%) [4].

Особенно ухудшилось положение населения не столько на вотчинных, сколько на поместных служилых землях; число необеспеченных бобылей на них достигало 70%.

Правительство Михаила Романова первое время, до 1622 г., управляло страной, опираясь на авторитет Земских соборов. Состав правящих кругов принципиально не отличался от правительства конца XVI — первых лет XVII в. Обновился лишь несколько состав придворной знати: на место титулованных вотчинников типа Мстиславских или Голицыных и осколков княжеских родов вроде Шуйских выступают боярские московские фамилии, близкие к Романовым. Так, боярский список 20-х годов включает П. П. и С. В. Головиных (их род ведет свое начало с XV в.), князей В. Т. Долгорукого, А. В. Лобанова-Ростовского, Б. М. Лыкова, служившего Федору Ивановичу, Д. И. Мезецкого, бывшего стольником Бориса Годунова, князей И. Н. и И. И. Одоевских, И. Н. Романова, участвовавшего «во всех делах и советах царских», князей Сицких и Черкасских, попавших в опалу вместе с Филаретом и связанных с Грозным родственными узами по женской линии (через Марию Темрюковну), здесь же упомянуты князья А. В. Хилков, Ф. И. Шереметев и другие [5]. Характерно, что герой второго ополчения кн. Д. М. Пожарский не пользовался покровительством царя и вскоре при бурном ликовании придворного боярства был выдан «головою» одному из Салтыковых, с которым дерзнул местничать. Пожарского держали на второстепенных постах (в Разбойном, Судном приказах, на посольских службах), часто вдали от столицы (в Новгороде, Можайске). Филарет использовал его

---

[1] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. II, М., 1954, стр. 359.

[2] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 115—116.

[3] *С. Б. Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. «Чтения ОИДР», 1909, кн. 1, отд. III, стр. 19—20.

[4] *П. И. Лященко.* История народного хозяйства СССР, т. I, Л., 1952, стр. 291.

[5] *К. И. Арсеньев.* Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича. «Ученые записки отделения русского языка и словесности АН», кн. IV, СПб., 1858, отд. II, стр. 20—22.

популярность в народе, заставив руководить сбором денег перед Смоленской войной. Национальный герой безвестно закончил свои дни в далекой суздальской деревеньке в 1642 г.[1]

Таким образом, к власти пришла феодальная знать, связанная родственными и иными отношениями с династией Романовых.

Земские соборы 1613—1622 г., выражая волю основных масс класса феодалов, санкционировали мероприятия верховной власти, необходимые для укрепления господствующего класса.

В результате событий крестьянской войны и иностранной интервенции оказалась расшатанной феодальная собственность на землю. Поэтому первые же мероприятия правительства Михаила Романова были направлены на то, чтобы обеспечить феодалов всех рангов землей и рабочими руками.

Легче всего было раздать дворцовые и черные земли, на которых сохранилось больше населения, чем в разоренных и опустевших поместьях. Широкие круги дворянства стремились к быстрейшему освоению этих земель, восстановлению своих пустых поместий, обеспечению новыми землями тех, кто разорился; наконец, дворяне добивались введения наследственного принципа распределения земель, иначе говоря, перевода условных служилых владений на поместном праве в разряд вотчинной собственности.

Уже в 1612—1613 гг. участникам освобождения Москвы было роздано значительное количество дворцовых земель: 45 тыс. десятин в центральных районах страны попало в руки вотчинников. Новое правительство признало все земельные раздачи Василия Шуйского и даже награждало отдельных лиц «за царя Василия московское осадное сиденье», причем эти награды производились за счет захвата черных земель[2]. Начиная с 1615 г., систематически испомещались служилые люди, а в 1619—1620 гг. новая волна земельных дарений последовала вслед за «московским осадным сиденьем в королевичев приход». Государственный земельный фонд быстро таял. Наибольшее количество освоенных земель концентрировалось в руках московской знати. Романовы на юге (Елец, Скопин), Морозовы к востоку от Москвы, Салтыковы, Черкасские и другие сосредоточили в своих руках колоссальные земли, на которых были расположены их села, городки, слободы, пользовавшиеся льготами.

И хотя одновременно шло испомещение и других категорий феодалов — провинциального городового дворянства, служилых людей, особенно к югу от Москвы, заметна была концентрация земель в руках Романовых и близкой им придворной боярской аристократии.

Правительство шло навстречу дворянам в распространении вотчинной системы, оно даже продавало право наследственной передачи земли, а в 1628 г. продавались и участки земли. В период 1612—1619 гг. эта тенденция только намечалась, в основном же шли раздачи земель всем разрядам феодальных собственников.

---

[1] *К. И. Арсеньев.* Указ. соч., стр. 22.

[2] *П. И. Лященко.* Указ. соч., т. I, стр. 286—287.

Обеспечение землей требовало и рабочей силы, закрепления крестьян. Сразу же после избрания царя возобновилось стремление помещиков узаконить правила об урочных годах. Однако после потрясений крестьянской войны правительство не решилось оставить в силе постановления 1607 г. о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых крестьян и вернулось к пятилетнему сроку, тем более что осуществление пятнадцатилетней давности было совершенно нереально после всех событий начала XVII в. Задача заключалась в закреплении за помещиками оставшегося населения, переводе бобылей в разряды крестьян, освоении раздаваемых дворцовых и черных земель с крестьянским населением. Особенно успешно проводили сыски и переманивали крестьян от мелких помещиков крупные вотчинники. Так, Троице-Сергиев монастырь вел специальные свозные книги, где подробно регистрировались все беглые и их местонахождение даже за такие годы, как 1605—1614. После того, как монастырь добился в феврале 1614 г. девятилетнего срока для сыска беглых, в том же и следующем 1615 г. был проведен повальный сыск крестьян, возвращенных принудительно на монастырские земли[1].

Установление пяти-девятилетнего срока сыска беглых крестьян показало, с одной стороны, стремление правительства продолжать политику закрепощения крестьян в интересах класса феодалов, а с другой — осторожность в окончательном лишении крестьян права перехода. В этом проявилась боязнь повторения крестьянской войны.

Так же как не устранена была возможность открытых выступлений крестьян, оставались неудовлетворенными и требования посада. Льготные беломестные владения светских и духовных феодалов разрастались, в первые годы (до 1619 г.) сыски разбегавшихся с посадов закладчиков систематически не производились, торги и промыслы не были монополией горожан и налаживались с трудом, не устранена была конкуренция со стороны иноземных купцов[2].

Испытывая сильные финансовые затруднения, правительство при поддержке Земских соборов провело подряд семь сборов запросных и пятинных денег, начиная с апреля 1614 г. Введение этого чрезвычайного долевого налога диктовалось полным расстройством прежнего сошного письма, разорением и запустением целых областей. И хотя уже с 1615 г. степень разорения устанавливалась путем составления дозорных и писцовых книг, быстро наладить организацию сбора прямых налогов было невозможно. «Пятая деньга» бралась со всяких «туточных и отъезжих торгов и промыслов», по «прожитком и по промыслом»[3]. В основном она падала всей тяжестью на посадское население и крестьян. Уже сбор первой пятины дал 65—75 тыс. рублей; особенно велика была

[1] *А. Г. Маньков.* Побеги крестьян в вотчинах Троице-Сергиева монастыря в первой четверти XVII в. «Ученые записки ЛГУ», Серия исторических наук, вып. 19.

[2] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947, стр. 354.

[3] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., стр. 11.

третья пятина, сбор которой дал около 190 тыс. рублей. С одних Строгановых было взято 40 тыс. рублей[1].

На местах сбор налога сопровождался злоупотреблениями, вспышками борьбы внутри посадов и в деревнях. Классовая борьба между феодалами и крестьянами и внутри посадов не прекращалась. Так, например, в Устюжне во время сбора налога «мелкие люди», по сообщению воеводы, «пошли за острог и думают неведомо что», отказываясь выплачивать тяжелый сбор. «Лучшие» люди жаловались: «и те де мелкие люди завели на Устюжне казачий быт, всех чорных людей привели к вере, знаменовалися образом и учинили заговор на том, что им земских целовальников не слушати, и в те городовые расходы по сыскному верстанию не платить, и на правеж друг друга не дати, и нашей грамоты не слушать». Беднейшее население посада собралось «на всех лутчих людей скопом и заговором и шумом великим и хотят побивать на смерть»[2]. Такие столкновения наблюдались очень часто, усугублялись они еще больше злоупотреблениями воевод и самих сборщиков.

Финансовые и другие мероприятия «по устроению земли» проводились с помощью послушных Земских соборов за счет дальнейшего нажима на крестьянство и низы посада.

Таким образом, организация власти и внутренняя политика в 1612—1619 гг. проводилась прежде всего в интересах феодальных кругов. По существу же это был режим, отвечавший интересам боярской аристократии и частично дворянства, не все требования которого однако быстро удовлетворялись.

В. И. Ленин, оценивая политический строй России в XVII в., называл его самодержавием с боярской Думой и боярской аристократией.[3]

Ликвидация последствий «Смуты», организация власти в центре и на местах происходили одновременно с завершением борьбы с интервенцией. Изгнанные из столицы, польско-литовские отряды продолжали бродить и грабить в стране, на юге орудовали разбойничьи шайки авантюристов И. Заруцкого и М. Мнишек, шведы держали в оккупации западные районы России по линии Тихвин — Новгород Великий — Псков. Владислав Польский продолжал нагло именовать себя русским королем и держать в плену московских послов во главе с патриархом Филаретом. После победы второго ополчения военные действия против интервентов велись еще шесть лет (1612—1618).

Для решения вопроса о приглашении королевича Карла-Филиппа на русский трон шведское правительство предложило провести в начале 1613 г. в Выборге съезд полномочных послов от Швеции и Русского государства; на съезд должен был прибыть и королевич Карл-Филипп.

Не зная об избрании Михаила Романова, король Густав-Адольф в июне 1613 г. отправил в Выборг своих послов и герцога Карла-Филиппа.

---

[1] *С. Б. Веселовский*. Указ. соч., стр. 76—77.

[2] Там же, приложение, № 12, стр. 104.

[3] См. *В. И. Ленин*. Соч., т. 15, стр. 308.

Послам Густав-Адольф дал подробную инструкцию, в которой предписывалось потребовать, в качестве условия согласия на избрание Карла-Филиппа на русский престол, передачи Швеции коренных русских земель: Пскова, Гдова, Ижорской земли, южного Приладожья, Колы (и всего Кольского полуострова), Сумы и Соловецкого монастыря (вместе со всей северной Карелией). В случае же отказа от избрания Карла-Филиппа послы должны были потребовать от России уступки указанной выше территории и, сверх того, Архангельска, Холмогор и Порхова и только в этом случае соглашаться на заключение мира[1].

Из текста инструкции явствует, что молодой шведский король во время подготовки переговоров с Россией думал главным образом о том, как бы, воспользовавшись удобным случаем, захватить побольше русских земель; весь вопрос о приглашении шведского королевича на русский трон был для короля лишь удобным предлогом для осуществления его захватнических притязаний. Судя по инструкции, Густав-Адольф стремился совершенно отрезать Русское государство от выходов к морям и на западе и на севере, отнять у России часть ее балтийского и северное побережья со всеми торговыми гаванями и поставить русские земли в непосредственную зависимость от Швеции.

Когда в августе 1613 г. в Выборг прибыли Карл-Филипп и шведские послы, выяснилось, что ожидать послов из Москвы не придется — русский трон уже занят и кандидатура королевича полностью провалилась. С этого момента шведские послы и шведское командование в Новгороде стали действовать в соответствии со вторым вариантом королевской инструкции: стали пытаться заставить правящие верхи Новгорода согласиться на унию «Новгородского государства» со Швецией и присягнуть уже не королевичу, а самому королю Густаву-Адольфу. Этой политической линии шведское правительство придерживалось затем вплоть до конца интервенции[2].

Вести о победе народного ополчения над польскими интервентами, об освобождении Москвы и об укреплении Русского государства оказали большое воздействие на население оккупированной шведами Новгородской земли. С весны 1613 г. в Новгородской земле началось народное движение против шведских захватчиков. Первыми выступили жители Тихвина, восставшие в мае 1613 г. против оккупантов и освободившие свой город; вслед за тем восстания произошли в Порхове и Гдове. В это же время в Новгородскую землю пришли из-под Москвы отряды русских войск и начали военные действия против шведских интервентов[3].

[1] См. инструкцию Густава-Адольфа от июня 1618 г., изданную в «Действиях Нижегородской Губернской Архивной Комиссии», т. XIV, Нижний Новгород, 1913, стр. 1—18. Последние два абзаца на стр. 599 и текст на стр. 601—602 написаны В. Г. Гейманом и И. П. Шаскольским.

[2] *В. А. Фигаровский*. Отпор шведским интервентам в Новгороде. «Новгородский исторический сборник», вып. III—IV, Новгород, 1938, стр. 67—82.

[3] *К. Н. Сербина*. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 30—32; *В. А. Фигаровский*. Пар-

В августе 1613 г. шведское командование бросило значительные силы под Тихвин с целью вновь захватить этот важный стратегический пункт. Целый месяц длилась героическая оборона Тихвина; вооружившиеся тихвинские горожане совместно с пришедшими им на помощь отрядами русских войск отстояли город и нанесли под его стенами сильное поражение интервентам[1].

Добиваясь подчинения Новгородской области, Делагарди в то же время задумывал новые планы захвата русских земель. В 1613 г. он дважды выдвигал перед королем проект захвата Холмогор и с ними всего побережья Белого моря, а в конце года сделал попытку провести этот план в жизнь. Два польско-литовских отряда, служивших шведам, двинулись на север и пытались штурмом взять Холмогоры и Сумский острог, но были отбиты.

Встречая сопротивление своим планам присоединения Новгородской земли к Швеции, интервенты усилили оккупационный гнет. Резко возросли денежные и натуральные поборы. Крестьянство и городское население были совершенно разорены. В Новгороде за одну зиму 1614—1615 гг. умерло около восьми тысяч человек. Грабежи и насилия оккупантов привели к чудовищному разорению всей Новгородской земли[2].

Бесчинства интервентов вызвали дальнейший рост народного возмущения. По всей оккупированной территории развернулась борьба с интервентами, принявшая самые различные формы. Крестьяне отказывались поставлять шведам продовольствие и фураж. С 1613 г. начался массовый уход населения из оккупированной территории внутрь России; уходили крестьяне, посадские люди, дворяне. К концу 1615 г. из Старорусского уезда ушло поголовно все крестьянское население. Оставшиеся в других уездах крестьяне скрывались в лесах; на значительных пространствах в Новгородской земле нельзя было встретить ни одного жителя, а виднелись лишь пепелища разоренных деревень.

В то же время усилилась активная борьба против захватчиков. Главным центром партизанского движения в Новгородской земле стал освобожденный от шведских отрядов Тихвин. Партизанские отряды из Тихвина наносили серьезный ущерб интервентам и, овладев в конце 1613 г. низовьем Волхова, перерезали важнейшую коммуникацию, связывавшую шведские войска с Финляндией. К 1615 г. борьба русского населения против оккупантов приняла такие размеры, что шведскому командованию стало ясно, что Новгородскую землю удержать уже не удастся[3].

тизанское движение во время шведской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. «Новгородский исторический сборник», вып. 6, 1939, стр. 41—44.

[1] *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 33—38.

[2] *Г. В. Форстен.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648), т. II, СПб., 1894, стр. 129—130; «Сборник Новгородского общества любителей древности», вып. 5, Новгород, 1911, стр. 38—39, 50—51, 82.

[3] *В. А. Фигаровский.* Отпор шведским интервентам в Новгороде, стр. 69, 83—85; *его же.* Партизанское движение во время шведской интервенции, стр. 44—49; *К. Н. Сер-*

Шведское правительство долго не хотело считаться с неудачей интервенции. Летом 1615 г. король Густав-Адольф сделал последнюю попытку решительно изменить ход борьбы в свою пользу: встав лично во главе войск, он осадил крупнейший город-крепость на северо-западе Руси — Псков.

Почти три месяца длилась героическая оборона Пскова, явившаяся одним из самых ярких подвигов русского народа в борьбе против иноземной интервенции начала XVII в. Защитники Пскова отбили все натиски врага и отстояли родной город. Несокрушимая стойкость русских людей на стенах Пскова показала шведскому королю бесперспективность дальнейшего продолжения интервенции и явилась последним толчком к началу мирных переговоров[1].

Внутренняя обстановка в самой Швеции к концу 1615 г. требовала прекращения войны с Россией. Агрессивные войны, длившиеся без перерыва уже более полустолетия, истощали как людские, так и материальные ресурсы Шведского государства. К тому же назревал общеевропейский конфликт, вылившийся в 30-летнюю войну.

В октябре 1615 г. начались мирные переговоры, затянувшиеся более чем на год. Шведскому правительству стало ясно, что основную часть Новгородской земли вместе с Новгородом удержать долго все равно не удастся ввиду растущего сопротивления народных масс. Тогда шведское правительство решило очистить эту территорию и добиться присоединения к Швеции пограничных русских земель, прилегающих к Финскому заливу.

Русское государство, еще продолжавшее борьбу с Польшей, не могло вести одновременно войну с обеими соседними державами и остро нуждалось в заключении мира со Швецией. Поэтому русским послам пришлось под условием возвращения Новгорода согласиться на уступку Швеции Ижорской земли и подтвердить сделанную ранее уступку Корелы и Корельского уезда. На этих условиях 23 февраля 1617 г. в деревне Столбово был заключен мир.

В результате Столбовского мира в руки Швеции перешел небольшой по размерам, но имевший огромное политическое и экономическое значение участок русской территории, прилегавший к Финскому заливу. Уступив шведам Ижорскую землю, Русское государство лишилось своего важнейшего выхода к морю.

Столбовский мир имел также большие последствия для населения Карелии. Когда Корельский уезд по Столбовскому миру 1617 г. остался в руках Швеции, в массе карельского народа, давно уже связавшего свою судьбу с Россией и русским народом, стихийно созрело решение не оставаться под властью иноземных захватчиков, а уйти в русские

бина. Указ. соч., стр. 38—41; «Сборник Новгородского общества любителей древностей», вып. V, стр. 82.

[1] *Г. А. Замятин*. «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова от шведов в 1615 г.). «Исторические записки», кн. 40, 1952, стр. 209—210.

земли. С 20-х годов XVII в. началось переселение карел внутрь России, в Тверской край и в северные районы русской Карелии.

Конечно, Столбовский договор оставил открытой балтийскую проблему. В период 30-летней войны, начавшейся в 1618 г., Швеция поддерживала экономические и дипломатические связи с Россией, которая была занята подготовкой к Смоленской войне и также не обостряла отношений. Но непрерывные тяжбы о перебежчиках на русскую сторону, жалобы русских купцов на притеснения, стремление Швеции установить одностороннее дипломатическое представительство — все это продолжалось до тех пор, пока не привело к новому конфликту России со Швецией во второй половине XVII в. (война 1656—1661 гг.).

Сложнее завершалась борьба России с польской интервенцией. Изгнание неудачливого Струся из Москвы не охладило авантюрного пыла части польской шляхты. Спесивый Сигизмунд III упорно настаивал на мнимых тронных «правах» королевича Владислава. Взбешенный падением московского гарнизона и разгромом Хоткевича, Сигизмунд двинулся было сам к Москве, однако даже небольшие городки упорно сопротивлялись этой новой волне интервенции. О битве под Волоколамском источник сообщает: «И воеводы с королем бились близко Волоколамскова два дни не сседая с коней, и многих людей у короля побили, больше тысячи человек живых взяли»[1]. Отогнанные от Москвы польско-литовские отряды еще рыскали по стране, доходили даже до отдаленной Вологды, в руках шляхты оставался древний русский город Смоленск.

Сильный удар честолюбивым замыслам Сигизмунда III был нанесен избранием Михаила Романова. Владислав не собирался отказываться от своих династических притязаний и добился в 1616 г. ассигнований от варшавского сейма средств на продолжение войны с Россией. Владислав обещал присоединить к Короне Черниговщину и Смоленщину. В 1617 г. гетман Хоткевич и Владислав вторглись в русские пределы.

Хотя давний агент Польши атаман Заруцкий с Мариной Мнишек и ее сыном, «воренком», были пойманы в 1614 г. и часть их банд разгромлена[2], остатки этих разбойничьих отрядов еще продолжали орудовать на юге Руси и поддерживать связь с Владиславом. Войско Владислава, неожиданно вернувшееся в Россию, быстро продвигалось к Москве. Были захвачены Борисов, Дорогобуж, Вязьма, обойден Можайск.

С юга шел с отрядами казаков гетман Конашевич-Сагайдачный. Он захватил Путивль, Ливны, Елец, Лебедянь, но был остановлен на некоторое время у Коломны, в одной из крепостных башен которой кончала свою бесславную жизнь Марина Мнишек.

В сентябре 1618 г. клещи интервентов вновь сомкнулись: Владислав остановился в Тушино, а Конашевич — у Донского монастыря. Однако наиболее тяжелый приступ 1 октября был отбит москвичами у Арбатских

[1] ДРВ, ч. V, М., 1788, стр. 65.

[2] См. *В. Н. Бернадский*. Конец Заруцкого. «Ученые записки ЛГПИ», т. XIX, Л., 1939, стр. 83—133.

ворот. Военными действиями по отпору врагу руководил опытный и бесстрашный князь Пожарский, который «против королевича Владислава, и польских, и литовских, и немецких людей стоял крепко и мужественно, и на боях, и на приступе бился, не щадя головы своей»[1]. Отряды интервентов не выдержали этого удара и откатились от Москвы к Калуге.

Героическое сопротивление оказывало население оголтелым и озлобленным поражениями отрядам шляхты. Народная память донесла до нас имя подлинного героя русской земли — крестьянина-старика Ивана Осиповича Сусанина, не допустившего прохода поляков к важному пункту Домнино. Спасая родину, Сусанин был изрублен польскими интервентами, но и их отряд не смог выбраться из заснеженных топей Исуповского болота. Светлый образ скромного русского крестьянина привлекал к себе лучшие умы России: К. Рылеев — поэт-декабрист восславил Сусанина в стихах, композитор М. Глинка воплотил его образ в музыке своей оперы «Иван Сусанин».

Благодаря беззаветному патриотизму народа новый приступ интервентов был отбит. К этому времени изменилась и ситуация в Европе — восстанием в Чехии началась 30-летняя война. Польским войскам пришлось уйти из России. В декабре 1618 г. в небольшой деревеньке Деулино был подписан договор о перемирии между Россией и Польшей на четырнадцать с половиной лет.

На время Владислав отказался от плана захвата Москвы, но от своих притязаний на престол не отрекся. В руках Польши остались Смоленск, Дорогобуж, Чернигов, Новгород-Северский, Себеж и другие русские города на юго-западе. Ясно было, что впереди предстояла ожесточенная борьба.

Анализируя русско-польские отношения за несколько столетий, И. В. Сталин говорил: «Отношения между нашими странами в течение последних пяти веков, как известно, изобиловали элементами взаимной отчуждённости, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов»[2].

На попытку интервентов поработить Русь русский народ ответил решительной борьбой за независимость и сумел отстоять ее от иноземных захватчиков.

13

ОТРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ НАЧАЛА XVII В.

Грандиозные события начала XVII в. — крестьянская война под предводительством Болотникова и польско-шведская интервенция — определили содержание и идейную направленность русской литературы

---

[1] СГГиД, ч. III, М., 1822, № 48, стр. 211.

[2] *И. Сталин.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Госполитиздат, 1952, стр. 182

начала XVII в. Являясь художественным отражением русской действительности, литература этого периода по форме носила преимущественно публицистический характер. По своему содержанию эта литература, как правило, была исторической. Взволнованное повествование, написанное под непосредственным впечатлением пережитого, попытки осмыслить происходившие события, установить их причинную связь ярко характеризуют литературу начала XVII в. и отличают ее от произведений предшествующего времени.

В отличие от XVI в., когда писателями являлись преимущественно представители господствовавшего класса, авторами публицистических произведений начала XVII в., наряду с князьями, дьяками и монастырскими книжниками, были также и представители более демократических слоев населения. Они вносили в литературу свою оценку событий, резко отличную от оценки правящих кругов. Все это придавало особую окраску публицистике начала XVII в., сообщало ей политическую и классовую остроту.

Художественная форма публицистических произведений начала XVII в. также отражала стремление к демократизации литературы, к увеличению в ней светских элементов. В публицистике наблюдались постепенное освобождение от религиозного дидактизма, реалистическое изображение событий, стремление к психологической характеристике образов [1], к увеличению фольклорных художественных приемов в повествовании.

В июне—августе 1606 г. сторонник Василия Шуйского, один из монахов Троице-Сергиевского монастыря, составил так называемую «Повесть 1606 года» [2]. Первоначальная краткая редакция этой повести возникла в результате стремления возвеличить В. И. Шуйского, показать законность избрания его на царство, подчеркнуть его происхождение «от великого князя Владимира» и одновременно опорочить Бориса Годунова и мотивировать появление самозванца как наказание за грехи царя Бориса — убийцы царевича Димитрия.

Это стремление опорочить Бориса Годунова отразилось и в самом названии повести («Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов»), и в ее содержании [3].

Вскоре после появления повести ее текст был пополнен многочисленными новыми фактами, зачастую вымышленными, но имевшими ту же цель — опорочить Бориса Годунова и возвеличить Василия Шуйского. Автор повести вместо исторического рассказа о событиях того времени дал публицистическую полуисторическую-полулитератур-

---

[1] *О. А. Державина*. Анализ образов повести XVII века о царевиче Дмитрии Угличском. «Ученые записки МГПИ им. Потемкина», т. VII, вып. 1, М., 1946, стр. 21—34.

[2] О повести 1606 г. см. *Е. Н. Кушева*. Из истории публицистики Смутного времени XVII в. «Ученые Записки Саратовского Государственного Университета», т. V, вып. 2, Саратов, 1926, стр. 60—61.

[3] РИБ, т. 13, стб. 145—176; *Е. Н. Кушева*. Указ. соч., стр. 43.

ную повесть с целью воздействовать на сознание читателя как самим подбором фактов, так и их толкованием.

Совершенно иное отражение событий крестьянской войны начала XVII в. мы находим в публицистических произведениях, вышедших из демократического лагеря. Эти произведения принципиально отличались от разобранных выше повестей иной классовой оценкой событий, иными целями и задачами. Эти произведения отличались от боярских повестей и по своим художественным достоинствам.

Простыми, но яркими по содержанию были, например, прокламации («листы») Болотникова, распространявшиеся в Москве и других городах. В этих листах Болотников, по словам патриарха Гермогена, призывал боярских холопов «побивати своих бояр,... гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити»[1]. Лаконичность прокламаций лишь увеличивала действенность подобных публицистических произведений: вместо объяснения и растолкования событий «листы» Болотникова излагали программу действий. В ответ на прокламации Болотникова патриарх Гермоген рассылал свои грамоты, в которых старался всячески очернить Болотникова и привлечь население на сторону Василия Шуйского. Грамот, однако, оказалось недостаточно,— и в октябре 1606 г. в Успенском соборе при большом стечении народа была оглашена написанная протопопом Благовещенского кремлевского собора Терентием «Повесть о видении некоему мужу духовному». Эта повесть призывала к объединению всех представителей господствующего класса вокруг Шуйского, объявляла участников крестьянской войны «кровоядцами» и «немилостивыми разбойниками»[2]. Повесть протопопа Терентия изображала восстание Болотникова как проявление божьего гнева, как наказание, посланное богом за грехи общества[3].

«Повесть 1606 г.» в ее полной редакции была дополнена грамотами царя Василия, его крестоцеловальной записью и «Повестью о видении». Позже все это было пополнено рядом рассказов о событиях с 1607 по 1645 г., изложенных в литературной манере Хронографа. Вся эта сложная композиция из разнородных источников дошла до наших дней под условным названием «Иное сказание» — в отличие от «Сказания» Авраамия Палицына, за которым оно обычно следовало в рукописных сборниках. «Иным сказанием», очевидно, следует считать лишь первую часть памятника, вторая его часть (летописные заметки 1607—1645 гг.) принадлежит перу другого автора, продолжившего «Иное сказание» с совершенно иных идейных позиций[4].

События крестьянской войны и иноземной интервенции находили свое отражение и в многочисленных подметных письмах, правда, до нас

[1] ААЭ, т. II, № 57, стр. 129.

[2] РИБ, т. 13, стб. 183.

[3] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607 гг. М., 1951, стр. 290.

[4] *М. А. Яковлев.* «Иное сказание» (Повесть о крестьянском движении начала XVII века). «Ученые записки ЛГПИ», вып. I, Л., 1938, стр. 209.

не дошедших. Форму подметного письма сохранила написанная в конце 1610 — начале 1611 г. и дошедшая до нас в единственном списке так называемая «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском»[1]. Автор этой повести, противопоставлявший себя боярству, страстно призывал русский народ сплотиться для отпора интервентам. Он обличал злые умыслы польских захватчиков, укорял верхушку бояр, изменивших родине, ставших не «правителями», а «кривителями», не «земледержцами», а «землесъедцами». Задача автора — призвать москвичей последовать героическому примеру смольнян и поднять восстание против польских интервентов. В «Новой повести» в сложном идейном переплетении связаны между собой патриотические устремления автора с его ярко выраженной противобоярской тенденцией, деловое содержание с литературными украшениями, индивидуальный язык в обрисовке реалистических образов с обычными книжными штампами, литературными и библейскими цитатами. «Новая повесть» является ярким образцом публицистического жанра начала XVII в., в котором литературные приемы играли подчиненную роль и служили основным, агитационным, целям произведения.

Глубоким патриотизмом и негодованием по поводу «домашних врагов» — московских бояр, враждебными отзывами о польских захватчиках и преклонением перед патриархом Гермогеном проникнуто и другое публицистическое произведение — «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»[2]. Оно было написано в 1611 — первой половине 1612 г. вне Москвы на основе актовых материалов и сведений современников.

Неизвестный автор облекал свой призыв к русским людям в широко популярную в древнерусской традиции форму плача. Однако в центре этого произведения стоит не образ отдельного человека, а все «превысокое и пресветлейшее Московское государство». Это значительно углубляет идейную значимость «Плача». Пышная риторика, приподнятый стиль повествования — все это помогает автору создать прочувствованное лирическое сетование о судьбах Русского государства в самый тяжелый год иностранной интервенции. Автор «Плача» пытается разрешить вопрос о причинах бедствий, постигших «преславную ясносияющую превеликую Россию», и видит их в падении общественной морали. Написан «Плач» был, повидимому, с целью поучения или произнесения его в виде проповеди.

Не позднее 1611—1612 гг. выходцем из западных или юго-западных областей Русского государства было создано так называемое «Казанское сказание». Оно дает характеристику восстания Болотникова с позиций господствующего класса. Автор был начитанным человеком и использовал для своего сказания «Историю Иудейской войны» И. Флавия. Язык

[1] РИБ, т. 13, стб. 187—218.
[2] Там же, стб. 219—234.

сказания прост и образен[1]. О восстании Болотникова говорит и другое публицистическое произведение — «Послание дворянина дворянину»[2], автор которого, дворянин-помещик Иванец Фуников, рассказывает о том, как он попал в руки восставших крестьян. Рассказ ведется рифмованной прибауточной речью, предвосхищающей скомороший стиль посадской литературы второй половины XVII в.

Основным героем публицистических произведений начала XVII в. является защитник Русского государства против иностранных интервентов. Разные произведения называют и прославляют различных героев, именно их считая «забралом земли Русской». Возникшее не позже 1612 г. «Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомого Скопина»[3] таким героем—защитником отечества считает талантливого полководца этого времени, популярного в народных массах воеводу М. В. Скопина-Шуйского, неожиданно умершего совсем молодым[4]. О смерти молодого князя были сложены лирические, а позже и исторические песни. Одной из таких песен и воспользовалось «Писание о преставлении...» в изображении пира:

> Как будет после честного стола пир навесело,
> Марья, кума подкрестная, подносила чару куму подкрестному,
> Била челом, здоровала.
> И в той чаре уготовано питие смертное[5].

Далее повесть рассказывает о горе, постигшем Русскую землю, передает плачи-причитания матери Скопина и его жены.

Наряду с широким использованием фольклорных образов и поэтических приемов в «Повести о Скопине» встречаются и следы подражания книжной манере. Стилистический разнобой объясняется тем, что герой повести — не святой и не царь, он в первую очередь — полководец, поэтому военная героика, в частности героика народной песни, и играет такую большую роль в этой интересной повести[6].

Повесть о князе М. В. Скопине свидетельствует о выдвижении в публицистику представителей торгово-ремесленного посада, которые позже, во второй половине XVII в., создали свою посадскую литературу, отличную от литературы господствующего класса и тесно связанную с устным народным творчеством.

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Новый источник по истории восстания Болотникова. «Исторический архив», т. VI, стр. 81—130.

[2] *Н. К. Никольский.* Рифмованное «Послание дворянина к дворянину» XVII века. «Библиографические записки». М., 1892, № 4, стр 279—281.

[3] РИБ, т. 13, стб. 1332—1348.

[4] Народная молва единодушно приписала его смерть отравлению «крестовой кумой» Скопина, дочерью Малюты Скуратова.

[5] «История русской литературы», т. II, ч. 2, М.— Л., 1948, стр. 43.

[6] *В. Ф. Ржига.* Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. «Известия по русскому языку и словесности АН СССР», т. 1, кн. 1, 1928, стр. 81—133.

Вступление на царский престол Михаила Романова было отмечено в русской публицистике начала XVII в. созданием произведений, которые должны были не только восхвалить новую династию, но и дать общий обзор и оценку событий иностранной интервенции и крестьянской войны с точки зрения новой династии. По поручению Земского собора 1612—1613 гг. специальная комиссия приняла текст «Грамоты утвержденной об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьевых». По своему содержанию Грамота 1613 г. представляет собой компиляцию из «Повести 1606 г.», различных правительственных грамот 1598—1612 гг. и ряда других литературных произведений этого времени [1].

Вслед за «Грамотой утвержденной» события иностранной интервенции и крестьянской войны нашли свое отражение в русском Хронографе в обработке 1617 г. [2] Возникнув в результате переделки редакций 1512 и 1533 гг., новая редакция Хронографа сократила изложение библейской и византийской истории и, наоборот, добавила ряд новых сведений исторического и географического характера о странах Запада. Особенно подробно Хронограф 1617 г. останавливается на событиях второй половины XVI — начала XVII в., посвящая им последние девять глав. Составитель Хронографа воспользовался для своей работы «Повестью 1606 г.», но дал истолкованию событий совсем другую оценку. Вместо возвеличивания Шуйского, Хронограф 1617 г. выдвигает на первый план Романовых, подчеркивает их связь с Иваном Грозным, значительно мягче судит о Борисе Годунове. Автором Хронографа 1617 г., возможно, был протопоп Терентий [3].

Сложный и трудный литературный путь прошло одно из наиболее популярных публицистических произведений этого времени — «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Первые шесть глав этого «Сказания», написанные, возможно, и не Авраамием Палицыным еще в конце 1612 — начале 1613 г. [4], дают оценку событиям начала XVII в. и объяснение их причин с точки зрения новой династии, «како весь словенский язык возмутися, и вся места по России огнем и мечем поядены быша». Эти главы «Сказания», дошедшие до нас в двух, почти одновременно возникших редакциях [5], носят характер острой

---

[1] Позже «Утвержденная грамота» послужила источником для «Нового летописца» 1630 г.; об этом см. *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в. «Исторические записки», кн. 14, стр. 86—87.

[2] РИБ, т. 13, стб. 1273—1322.

[3] *П. Г. Васенко.* Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 г. «Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 248—269.

[4] *П. Г. Васенко.* «Забелинская» редакция первых шести глав «Истории» Палицына. Сборник ОРЯС АН СССР, т. 101, № 3, Л., 1928, стр. 100—102.

[5] Там же, стр. 102. См. также *П. Г. Любомиров.* Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. «Сб. статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову», стр. 226—248.

публицистики. В них дается анализ «начала беды во всей России» и указывается ее причина — «безумное молчание», «еже о истинне к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели»[1], т. е. общественное безразличие, политическое равнодушие к судьбам Родины. С выразительной наглядностью в «Сказании» описываются муки, постигшие русский народ после прихода интервентов: «Горы бо могил тогда явившася побьенных по правде... И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя, и в чащи темных лесов, и в пещеры неведомыя, и в воде межу кустов отдыхающе...»[2].

Впервые в публицистике XVII в. в этом произведении делается попытка выяснить социальные причины происшедших событий (закрепощение крестьян, их бегство на юг).

Около 1620 г. Авраамий Палицын к этим шести главам добавил главы, рассказывающие об осаде Троице-Сергиева монастыря и о дальнейших событиях вплоть до заключения Деулинского перемирия 1618 г. Перерабатывая первые шесть глав, Палицын значительно сократил повествование, позаботился о большей точности и фактичности рассказа[3]. Авраамий Палицын стремился в своей обработке дать более обобщенную картину, больше показать причины и следствия крестьянской войны и иностранной интервенции. Фактические подробности мы находим в тех главах, где рассказывается об осаде монастыря, подчеркивается патриотизм русских людей и даются образы героев-крестьян. Осторожный Палицын смягчил также суждения о царской власти; о том, как «все Российское государство в безумство дашася, и возлюбиша вси лесть, и доныне всем то есть» в новой редакции келарь уже не решился сказать, что все это есть и «доныне». Точно так же заменил Палицын и объяснение причин смуты: вместо «безумного молчания» первой редакции мы находим во второй общее рассуждение: «всего мира за премногиа и тмочисленные грехи нашя». Однако по своей художественной выразительности обработка Авраамия Палицына значительно уступает своему оригиналу.

Популярность «Сказания» Авраамия Палицына объясняется не только тем, что он написал свой труд в духе идеологии новой династии, но и несомненными литературными достоинствами произведения. Стиль «Сказания» ясен, рассказ прост и последователен, речь ритмична, часто рифмована. Язык Палицына отличается звучностью, красочностью и образностью[4]. Исторический по своему замыслу и по значению труд Палицына является

---

[1] РИБ, т. 13, стб. 479.

[2] Там же, стб. 511—515.

[3] *П. Г. Васенко*. Две редакции первых шести глав «Сказания Авраамия Палицына». ЛЗАК, вып. 32. Приложения, стр. 1—38; см. также *О. А. Державина*. Списки «Сказания Авраамия Палицына». «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 14, М., 1952, стр. 49—83.

[4] *П. Г. Васенко*. «История» Авраамия Палицына, как литературное явление. «Доклады Российской Академии Наук». Л., 1924, октябрь—декабрь, серия «В», стр. 145—147.

одновременно и художественным произведением талантливого писателя, умевшего наблюдать, образно и красочно излагать свои наблюдения.

Лист из «Сказания» Авраамия Палицына. Список XVII в.

Государственный Исторический музей

Авраамий Палицын опирался в своем художественном творчестве на традиции «воинских повестей» при описании сражений и битв, он был прекрасно знаком с житийной литературой. Несомненно его знакомство и с произведениями летописного характера. Палицын был не единственный, кто стремился в это время осмыслить события недавнего прошлого и оставить на память потомкам рассказ о «великой разрухе Московского государства». Еще в 1606 г. начал вести свои записи дьяк Иван Тимофеев[1]. Через десять лет он приступил к обработке материала. Основную часть своего «Временника» И. Тимофеев закончил до 1619 г., но продолжал над ним работать и позже, до 1628 г. включительно[2]. Труд, созданный Тимофеевым, является публицистическим очерком на историческую тему, полным глубоких рассуждений над событиями родной истории. И. Тимофеев, несомненно, ценен прежде всего как мыслитель и уже затем как историк. По своей идеологии Тимофеев примыкал к приказной верхушке, тесно связанной с родовитым боярством[3]. Вопрос о положении крестьянства совершенно не интересовал автора

[1] *И. И. Полосин.* Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII «Ученые записки МГПИ им. Ленина», т. I, вып. 2, М., 1949, стр. 163—191.

[2] *О. А. Державина.* Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» в кн. «Временник Ивана Тимофеева». М.— Л., 1951, стр. 354.

[3] См. *Н. П. Долинин.* Общественно-политические взгляды И. Тимофеева. «Научные записки Днепропетровского гос. университета», т. 42, Киев, 1954, стр. 135—164.

«Временника». Сторонник сильной самодержавной власти, он искал причину «смуты» не в тяжелом положении трудящихся, а в династических неурядицах, «убиении» Димитрия, возвышении неродовитых, «плошайших» людей. И. Тимофеев также негодует по поводу «бессловесного молчания», погубившего Россию, дает резкую обличительную картину падения нравов[1]. Особенно резко критикует Тимофеев политическое равнодушие боярской аристократии, «окаменение сердечное», — все то, что привело к «нашей земли раздвоению», к разорению ее иноземцами.

Язык «Временника» сложен и труден для восприятия не столько из-за «плетения словес» и «доброословия», столь характерных для исторической литературы конца XVI — начала XVII в., сколько из-за намеренного желания затемнить слог, запутать иносказаниями истинный смысл. В то же время Тимофеев часто стремится к излишнему «украшению» своего стиля. Особенно удался ему образ царя Бориса, где тонкими психологическими деталями Тимофеев пытался раскрыть сложную и противоречивую личность Бориса Годунова. Труд Тимофеева дошел до нас в единственном списке, который носит на себе следы правки, сделанной уже после смерти автора, в царствование Алексея Михайловича, когда хотели использовать «Временник» для продолжения «Степенной книги»[2].

Почти одновременно с «Временником» создается еще одно историческое повествование, также написанное в форме очерков и характеристик деятелей того времени. Это — «Словеса дней и царей и святителей Московских, еже есть в России» князя И. А. Хворостинина[3]. Будучи связан со Лжедмитрием I, Хворостинин подвергся при Шуйском гонениям, сумел возвыситься при Романовых, но увлекся толкованием богословских произведений и в своих резких выводах и рассуждениях превзошел смелостью даже протестантизм[4]. За это он был сослан, затем раскаялся и вернулся в Москву, где и написал свои «Словеса дней и царей». Они весьма уже далеки от религиозного вольнодумства и преследуют одну цель — оправдать поведение автора в годы иностранной интервенции. Исходя из этого, Хворостинин вводит в повесть собственное «я» и личный момент в таких масштабах, которых совершенно не знала литература того времени. Все содержание повести наполнено рассказами о встречах и разговорах князя Ивана с самозванцем, Гермогеном, Шуйским. Отбор исторического материала в повести субъективен и подчинен авторскому замыслу. Несмотря на наличие в сочинениях Хворостинина ряда литературных шаблонов, его «Словеса дней и царей...» интересны как факт яркого проявления литературной индивидуальности в общем потоке рукописной литературы.

[1] *А. И. Яковлев.* «Безумное молчание». «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», ч. II, М., 1909, стр. 609—610.

[2] *О. А. Державина.* Временник дьяка Ивана Тимофеева. «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 11, М., 1950, стр. 55—57.

[3] *П. Г. Васенко.* Иван Тимофеев, автор «Временника». ЖМНП, 1908, № 3, стр. 117.

[4] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 57.

Автобиографические мотивы мы встречаем и в «Повести известно сказуемой на память царевича Димитрия» князя С. И. Шаховского. Ее содержание в основном близко к обычному панегирическому житию; в качестве источника она использует повесть князя Катырева-Ростовского [1].

«Повесть книги сея от прежних лет», или «Летописная книга», как она названа в стихотворном послесловии, лишь условно приписывается князю И. М. Катыреву-Ростовскому. Эта повесть, богатая историческим содержанием и имеющая несомненные литературные достоинства, ценна для нас тем, что впервые дает описание всех событий крестьянской войны и иностранной интервенции, начиная со времени Грозного и кончая воцарением Романова. В отличие от перечисленных выше произведений, «Повесть книги сея» отличается стремлением к объективности рассказа, сжатостью в изложении событий, стройностью композиции, свежестью языка и стиля. Автор повести был человек образованный, обладавший незаурядным литературным талантом. В основу своего рассказа он положил русские источники; в то же время он сумел творчески воспользоваться для своих целей русским переводом «Троянской истории» Гвидо де Колумна [2], усилив стилистические формулы, образы и картины, сделав их более выразительными. В повести много ритмически организованной речи и рифмованных отрывков. Оканчивается «Повесть книги сея» виршами, указывающими на знакомство автора с украинской литературой того времени.

Большим новшеством для тогдашней литературы было и включение в повесть портретных характеристик — «Написания вкратце о царех Московских, о образех их, и о возрасте, и о нраве». Вот что пишет, например, «Повесть» о царе Иване Грозном: «Царь Иван образом нелепым [3], очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широкы, мышцы толсты; муж чюднаго рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен» [4]. Военные картины повести написаны под несомненным влиянием традиции военной поэтики [5].

«Повесть книги сея» пользовалась значительной популярностью; имеются и переделки повести, среди которых особое место занимает так называемая «рукопись Филарета», написанная в 1626—1633 гг. Это, повидимому, один из черновых проектов задуманного в конце 20-х годов XVII в. при патриаршем дворе официального летописца [6].

---

[1] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 60.

[2] *А. С. Орлов.* Повесть кн. Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна. «Сборник статей в честь М. К. Любавского». Пг., 1917, стр. 73—98.

[3] Т. е. лицом некрасив.

[4] РИБ, т. 13, стб. 619—620.

[5] *А. С. Орлов.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). «Чтения ОИДР», 1902, кн. IV, отд. III, стр. 1—50.

[6] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 101.

Новый официальный летописец должен был дать изложение событий крестьянской войны и иностранной интервенции с точки зрения новой династии Романовых, а также идеологически обосновать тот феодальный режим, который сложился после победы правящих классов в крестьянской войне XVII в. «Новый летописец» последовательно проводит мысль о наследственности царской власти, о необходимости признания царствующей династии. Царь Михаил, по мысли автора, — «богом избранный и богом соблюдаемый» царь. Предназначенный служить укреплению царской власти в то время, когда не замолкли еще толки о том, что жив царевич Димитрий, «Новый летописец» составлялся на основе не только актового и летописного материала, но и ряда предшествующих повестей. Все это привело к соединению в одном произведении двух стилей — суховатого стиля документального делопроизводства с «многоукрашенной» риторикой панегирических описаний повестей.

«Новый летописец», наряду со «Сказанием» Авраамия Палицына, был одним из наиболее популярных произведений XVII в.

Если не считать уже упоминавшейся выше «Новой повести» 1610—1611 г., во всей остальной публицистике начала XVII в. нашли свое отражение события крестьянской войны и иностранной интервенции с точки зрения господствующего класса. Творчество трудового народа было преимущественно устным, но это вовсе не означает, что указанные события не нашли своего отражения в литературе демократических слоев общества. Несомненно, и в те годы были произведения антибоярского характера, но они до нас совсем не дошли (как, например, подметные листы Болотникова).

Тем большую ценность приобретают повести новгородско-псковского происхождения. Одна из них, вошедшая в Новгородскую третью летопись под 1611 г., заимствовала свое содержание из «Нового летописца», но коренным образом изменила идейную направленность последнего. «Повесть о взятии Новгородском и о послех» резко обличает нерадение новгородских бояр, говорит о разврате, пьянстве и грабежах новгородских начальников. Изменнической политике бояр в повести противопоставлены самоотверженная стойкость демократических защитников города, которые предпочли умереть, но не сдаться врагу. «Крепкое стоятельство» истинных защитников города противопоставляется автором повести деятельности воеводы Бутурлина, который вместо защиты города занимался грабежами лавок и дворов на Торговой стороне.

Острую классовую направленность имеет другая повесть антибоярского характера — «Сказание о бедах и скорбех, и напастех, иже бысть в Велицей России». Гневно и смело обличает автор «Сказания о бедах» бояр, этих «изменников и нарушителей христианству»: это они возводили на престол иноземцев, прельщались иноземными обычаями, утесняли народ налогами, они виноваты в смерти князя М. В. Скопина-Шуйского и т. д. Острая политическая злободневность «Сказания о бедах» проявляется особенно ярко в том, что автор обличает боярство не только за про-

шлые грехи, но и за их «насильствование и мздоимание» в настоящем, т. е. при царе Михаиле Федоровиче. Бояре, говорит автор, «всю землю Русскую разделивше по своей воли», отяготили народ непосильными налогами и оброками, не допускали псковских посланцев до царя.

Антибоярская традиция находила свое отражение не только в отдельных повестях, но и в летописцах, среди которых необходимо выделить псковскую летопись. В ней антибоярские мотивы пробиваются ярче и последовательнее, чем в других летописцах. Так, очень несочувственно изображаются в псковской летописи воевода П. Шереметев, дьяк Грамотин (под 1607—1611 гг.) и в то же время дается весьма сочувственный образ вождя восставших, хотя это и был «мужик простой именем Тимофей, прозвищем Кудекуша Трепец».

Выше уже указывалось на то, что многие публицистические повести начала XVII в. пользуются рифмованной речью для усиления впечатления от рассказа, для придания ему большей художественности. Первые опыты употребления вирш в русской рукописной литературе исследователи относят к концу XVI — первым годам XVII в.[1] и называют в числе первых произведений, сохранивших подобные вирши, «Повесть патриарха Иова» 1603 г. и «Повесть 1606 г.». Следует, однако, обратить внимание на причину появления вирш — она, повидимому, лежит в характере литературы первых десятилетий XVII в. Острая публицистичность, ярко выраженная классовая направленность повестей этого времени требовали особенно образного и доходчивого языка, способного повлиять на читателя. Идейная направленность публицистических повестей этого периода и тесная связь их с классовой и внутриклассовой борьбой, агитационное содержание — вот что определяло собою форму этих произведений и решало вопрос о появлении вирш в литературе.

* * *

Публицистика начала XVII в. представляет собой важный этап в развитии русской литературы и русского литературного языка. Распространение публицистических повестей как особого вида литературных произведений способствовало формированию русской литературной речи, проникновению в дальнейшем в литературу светской идеологии, появлению в языке и в литературе новых образов и понятий, усилению патриотического и народного элементов в русской литературе. Впервые в русской рукописной литературе появляются повести с ярко выраженной антибоярской тенденцией, повести, проникнутые народной оценкой событий. Случайно дошедшие до нас, эти повести дают возможность хотя бы в какой-то степени восстановить народную оценку «великой разрухи».

---

[1] *Н. П. Попов.* К вопросу о первоначальном появлении вирш в северо-русской письменности. «Известия ОРЯС АН», т. 22, кн. 2, Пг., 1918, стр. 259—275; *В. П. Адрианова.* Из начального периода русского стихосложения. «Известия ОРЯС АН», т. 26, Пг., 1923, стр. 271—276.

14

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Конец XV — начало XVII в. — важный этап в длительном процессе развития русской народности, время, когда общность, ее характеризующая, приобретает сравнительную устойчивость. Несмотря на то, что в русской земле к концу XV в. еще существовали отдельные области, сохранявшие живые черты былой автономии, экономические связи в этот период росли на основе развития производства, подготовляя «новый период» истории, начавшийся примерно с XVII в.

Образование русского централизованного государства явилось фактором, усилившим консолидацию русской народности и ускорившим созревание тех качеств, на основе которых в «новый период русской истории» формировалась русская нация. Политическое объединение русских земель способствовало сплочению территории, образованию унифицированного административно-канцелярского языка, укреплению и развитию языкового единства русской народности; оно создавало также более благоприятные условия для экономического общения и развития общерусской культуры. К. Маркс указывал на экономическую и политическую концентрацию как на один из важнейших факторов «концентрации диалектов в единый национальный язык»[1].

Борьба Русского государства с внутренними и внешними врагами, укрепление международного положения России способствовали росту национального самосознания русского народа. Особенно большое значение в сплочении русской народности и развитии ее национального самосознания имела героическая борьба русского народа в начале XVII в. против польско-литовских и шведских интервентов.

* * *

Язык великорусской народности развивался параллельно с развитием языков двух других братских народностей (украинской и белорусской) на основе различных диалектов единого языка древнерусской народности.

Развитие языка народности, как и позднее языка нации, предполагает общую языковую жизнь. Своеобразие языка народности заключается в том, что имеющиеся диалектные различия сохраняются, а в благоприятных условиях даже развиваются. Однако многие вновь появляющиеся языковые особенности охватывают язык в целом. В русском языке в XIV—XV вв. и даже в XVI в. процесс образования диалектных различий, особенно в окраинных районах, еще продолжался, но он затрагивал главным образом фонетическую сторону, а также звуковое выражение отдельных грамматических форм. В отношении грамматического строя и основного словарного фонда для всех великорусских диалектов в этот период

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 414.

было характерно одинаковое направление в законах их внутреннего развития[1].

Так, в XIV—XV вв. складывается, а в первой половине XVI в. вполне оформляется система современного именного склонения существительных[2]. К середине XVI в. в основном появляются все грамматические категории русского глагола[3]. Оформляется категория деепричастия. К XVI в. складываются многие типичные особенности основного словарного фонда русского языка. Таким образом, в области грамматического строя и словарного состава язык великорусской народности в XVI в. значительно приблизился к современному русскому языку. В области фонетики, а также отдельных морфологических форм различия между диалектами в XVI в. оставались существенными. Однако начали уже намечаться и некоторые черты сходства, ставшие впоследствии нормой русского национального языка.

Процесс концентрации русских диалектов в центральных районах страны, особенно вокруг Москвы, нашел выражение в возникновении в XIV—XV вв. и в последующие столетия переходных средневеликорусских говоров, протянувшихся узкой полосой от Пскова через Тверь и Москву к Волге (в районе между современными городами Куйбышевом и Саратовом). Образовавшись путем слияния двух основных диалектных групп (северновеликорусских и южновеликорусских диалектов), средневеликорусские говоры имели сложный состав, обладали некоторыми из характерных черт обеих диалектных групп. Так, например, большей части средневеликорусских говоров присуще северновеликорусское взрывное «г» и южновеликорусское «аканье». Одна часть средневеликорусских говоров (бо́льшая) имела своей основой северновеликорусские диалекты, другая — южновеликорусские.

Первоначально говор Москвы был северновеликорусским; таким он оставался вплоть до XVI в. Имеются основания утверждать, что в XIII—XIV вв. московский говор (за исключением говора южного Подмосковья, Коломенского уезда и других территорий, входивших ранее в состав Рязанского княжества) был одним из говоров владимиро-суздальского диалекта. В пользу этого говорят и лингвистические данные и соображения чисто исторического порядка[4]. Выдающаяся историческая роль Ростово-Суздальской земли как центра великорусской народности в XII—XIV вв. неизбежно сказалась и на развитии ее языка. С конца XVI в. намечаются новые процессы в жизни московского говора.

---

[1] *В. В. Виноградов.* Понятие внутренних законов развития языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 41.

[2] Там же.

[3] *С. Д. Никифоров.* Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 336.

[4] *Р. И. Аванесов.* К вопросам образования русского национального языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 2, стр. 60; *П. С. Кузнецов.* Русская диалектология. М., 1954, стр. 19.

По мере централизации Русского государства, с присоединением южнорусских территорий и с возрастанием их роли в экономической и политической жизни России, в московском говоре, как и в других северновеликорусских говорах центральных районов, усиливается влияние и проникновение черт южновеликорусских диалектов. Установлено, что с конца XVI в. в московской речи все более ярко сказывается «аканье», которое в XVII в. становится устойчивой, характерной чертой московского говора.

В непосредственной связи с этим стоит появление в центральных областях России (Ростове, Суздале, Переяславле-Залесском, Владимире) особого диалекта, отличного по ряду своих черт от всех других северновеликорусских диалектов и сближающегося по некоторым признакам с южновеликорусской диалектной группой[1].

Сильнее всего проникновение южновеликорусских диалектов сказывалось в говоре Москвы. В силу большой близости великорусских диалектов внедрение южных элементов в северновеликорусские говоры не сопровождалось резкой ломкой традиции.

С XVI в. на основе московского говора начинает складываться общегосударственный деловой административный язык[2]. Большое влияние на стирание местных диалектных особенностей и образование общерусского языка оказал складывающийся в Москве письменный и устный литературный язык. С конца XV в. отмечается ведущее положение московской литературы среди прочих областных литератур.

Таковы основные моменты в развитии языка великорусской народности в конце XV и в XVI в.

Искони коренная территория русской народности находилась между реками Волгой и Окой. Здесь жил основной массив русской народности. Существовавшая до конца XV в. феодальная раздробленность и наличие политических рубежей консервировали местные особенности и традиции. Однако исторически складывавшееся единство этнической территории русского народа не разрушилось. Образование централизованного государства в России укрепило территориальную общность великорусской народности.

В начале XVI в. в состав Русского централизованного государства входили все основные земли, населенные русской народностью. В дальней-

[1] Для этого диалекта характерен был перенос ударения в форме второго лица множественного числа с последнего слога на предпоследний (несéте вместо несетé), образование формы «дашь», «ешь», вместо «даси», «еси», отвердение «с» в суффиксах «ск», «ств». Примечательно, что новообразования других северновеликорусских диалектов не распространялись на владимиро-поволжские говоры ни в области фонетики, ни в области лексики. Здесь в отличие от других северновеликорусских диалектов сохранялось ударяемое «а» между мягкими согласными, а вместо слов: лонись, порато, обилье, конь, орать, попел говорили: в прошлом году, очень, хлеб, лошадь, пахать, зола и др. См. *Р. И. Аванесов.* Указ. соч., стр. 67—68.

[2] *П. С. Кузнецов.* Указ. соч., стр. 19; *Р. И. Аванесов.* Учение И. В. Сталина о языке и диалекте. Сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950, стр. 94.

шем происходило лишь расширение территории русской народности в результате колонизации новых земель. Ломка политических перегородок между отдельными русскими феодальными землями и княжествами, которая велась при Иване III и была завершена в XVI в., ускоряла процесс консолидации русской народности. По мере того, как преодолевалась феодальная раздробленность, усиливались связи между отдельными частями русской народности. Это вело к постепенному сближению между отдельными диалектами. Вместе с этим вырабатывались общие черты в быту, в обычаях, в народном творчестве.

Для истории формирования общности великорусской народности, в частности для развития языка, немаловажный интерес представляет вопрос о возвращении в конце XV — начале XVI в. из-под власти Литвы в состав Русского централизованного государства западных и юго-западных русских земель, в частности областей по верхнему течению Днепра, Оки и Десны. Несмотря на то, что эти земли в течение долгого времени были отторгнуты от Руси, входили в состав другого государства, русское население и здесь сохранило свой язык и национальную самобытность. Русское население в Литве не было ассимилировано литовцами и поляками; оно само оказало большое воздействие на культурное и политическое развитие Литовского государства. Под иноземным господством западные и юго-западные русские земли не порывали культурной связи с основной территорией Руси. Так, в основу смоленского летописного свода 1495 г. (Летопись Авраамки) были положены источники новгородского происхождения[1]. Воссоединение западных и юго-западных русских земель с Русью восстановило и усилило их старинные экономические и культурные связи с остальной русской территорией. Не случайным поэтому является тот факт, что именно с XVI столетия и в особенности с XVII в. в московском говоре и других средневеликорусских говорах укрепляются черты южновеликорусских диалектов.

Развитие русской народности в XVI в. было связано с существенными изменениями в ее территориальном размещении. С конца XVI в. наблюдается быстрое возрастание Курско-Орловского края и вообще южных земель в хозяйственной, политической и культурной жизни Русского государства[2]. Южные области имели важное оборонное значение. Здесь была создана цепь городов-крепостей и поселен значительный контингент военно-служилых людей. Это способствовало притоку сюда населения. Знаменитая Комарицкая волость явилась исходным пунктом восстания Болотникова. И еще задолго до начала восстания Болотникова здесь началась открытая борьба крестьянства против феодалов[3].

Совершенно несомненно, что в областях по левым притокам Днепра,

---

[1] ПСРЛ, т. XVI; *А. А. Шахматов*. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 231.

[2] *С. В. Бахрушин*. Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 56, 161 и др.; РИБ, т. 13, стб. 151.

[3] *И. И. Смирнов*. Восстание Болотникова 1606—1607, стр. 111—121.

и верховьям Оки и Дона русское население частично сохранялось и во время вхождения их в состав Литовского государства. Особенно возросло значение южных земель во второй половине XVI в., когда в результате усиления феодального гнета, хозяйственного разорения, опричнины и войн начался интенсивный отлив крестьянского населения из центра, спасавшегося от феодального гнета. Колонизация юга шла отчасти и за счет переселения из пограничных зарубежных районов. С середины XVI в. значительный колонизационный поток направился в Поволжье, а с конца столетия русский народ начал осваивать Сибирь. Продолжалась колонизация Поморья.

Упрочению территориального единства русской народности содействовали в известной мере различные правительственные мероприятия, связанные с административным и военным управлением: массовое переселение крупных землевладельцев из Новгородской земли в центральные области и испомещение в их вотчинах московских служилых людей вместе с дворовым окружением, установление новых почтовых трактов и т. п. Особенно большое значение для развития русской народности имело сближение центральных районов с землями Новгородской и Псковской. В результате образования Русского централизованного государства произошло сплочение и значительное расширение этнической территории русского народа, что имело значение и для экономического развития страны.

Важное место в ряду исторических условий, сплачивающих русскую народность, принадлежит растущим экономическим связям между отдельными русскими землями.

В тезисах В. И. Ленина по национальному вопросу подчеркивается значение экономических основ процесса сложения нации[1].

Из труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» следует, что известная общность экономической жизни начала складываться еще задолго до появления капитализма и наций. Племена и народности также имели свою экономическую базу[2].

В конце XV — начале XVII в. экономическое развитие не достигло той степени, когда начинает складываться устойчивая общность, именуемая нацией. Однако этот период характеризуется значительным подъемом народного хозяйства. Сельское хозяйство попрежнему оставалось господствующей отраслью производства. Вместе с тем усовершенствование сельскохозяйственных орудий, упрочение на этой основе трехпольной системы повысили производительность труда в сельском хозяйстве, привели к расширению посевных площадей, увеличили массу производимой продукции, создав тем самым условия для дальнейшего отделения промышленности от сельского хозяйства. Рост общественного разделения труда выражался в интенсивном развитии ремесла, расширении специализации ремесленных производств, увеличении числа городов и численности городского насе-

---

[1] См. «Ленинский сборник», т. XXX, стр. 61—62.

[2] См. *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 12—13.

ления. Увеличивающийся спрос на продукты сельского хозяйства стимулировал развитие товарно-денежных отношений в деревне. С конца XV в. в ряде сельских местностей, особенно в новгородских волостях, растут местные торжки и рядки. По мере возрастания экономического значения крупных городов России XVI в. они постепенно начинали превращаться в центры, которые, по словам И. В. Сталина, «...ликвидируют хозяйственную раздроблённость данного народа и стягивают разобщённые доселе части этого народа в одно национальное целое»[1].

Ведущая роль в этом отношении принадлежала столице Русского государства — Москве. К ней стягивались экономические нити изо всех областей и городов России[2]. Экономическая и политическая роль Москвы определила и ее значение как общепризнанного культурного национального центра.

Процесс сплочения русской народности в период укрепления Русского централизованного государства нашел яркое выражение в различных областях культуры, в быту. Памятники народного творчества, литературы и искусства XV—XVI вв. свидетельствуют о складывании общерусского стиля, проникнуты идеей общенародного единства и высокого патриотизма. Рост национального самосознания русского народа с исключительной силой обнаружился в событиях начала XVII в., в патриотическом народном движении в период иностранной интервенции.

Для характеристики национального самосознания русского народа в XVI в. показательны исторические песни, связанные с временем и личностью Ивана Грозного. Самое появление этого вида народного творчества явилось качественно новым этапом в развитии народной исторической поэзии, было связано с образованием Русского централизованного государства[3]. Основной идеей исторических песен является идея единства и могущества Русского государства. Характерная черта исторических песен заключается в том, что главные персонажи их обычно являются представителями народа. Создание Русского централизованного государства представляется в исторических песнях как дело трудового народа, а бояре рассматриваются как изменники и предатели, пособники внешних врагов.

О возросшем национальном самосознании русского народа свидетельствуют и другие виды устного народного творчества: былины, предания, сказки. Так, в популярной в XVI в. повести о Дмитрии Босарге и его сыне Борзосмысле звучит идея силы русского народа, сумевшего не только защитить свое отечество от врагов, но и великодушно помочь другому народу. Повесть рассказывает о том, как русский купеческий сын спасает от гибели и порабощения греческое царство. Чувством национального достоинства, уважением к трудовому народу проникнута сложившаяся в конце XV—начале XVI в. на основе сказок и преданий повесть о Петре и

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336.

[2] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, тт. I, II.

[3] *В. К. Соколова.* Русские исторические песни XVI в. «Славянский фольклор». М., 1951, стр. 7—9.

Февронии, по которой крестьянская девушка благодаря своему уму и высоким моральным качествам оказывается мудрой правительницей княжества.

Консолидация русской народности в период образования и укрепления Русского централизованного государства нашла отражение и в публицистике, а также в художественной литературе того времени. Конец XV и XVI в. характеризуются тем, что многие произведения областной литературы, возникшей в предшествующий период, переосмысливаются и перерабатываются соответственно с новыми задачами и приобретают по своей идейной направленности общерусское значение (таковы судьбы повести о Меркурии Смоленском, новгородской повести о белом клобуке, послания инока Филофея, учения Нила Сорского и т. д.)[1].

С XVI в. московская письменность и литература интенсивно объединяют областные литературы. Создание таких исторических трудов, как Степенная книга и Лицевой свод, отражало укрепление Русского централизованного государства, являлось выражением роста общерусских связей.

Еще ярче рост национального самосознания отражен в публицистике начала XVII в. Повести этого времени постоянно говорят о «Русской земле», о «великой России», о «всей Руси», о «Русском (или Российском) государстве»[2], о «русских людях» и проникнуты патриотизмом, ненавистью к чужеземным захватчикам, наполнены призывом к единству. Осознание целостности и неделимости Русской земли, воспоминание о прошлом и вера в будущее единство Русского государства, представление о Москве как столице России, как символе всего государства— все это было закономерным проявлением роста общенародного самосознания в период, когда над страной нависла грозная опасность порабощения иностранными интервентами, свидетельствовало о росте психической общности.

Развитие русской архитектуры конца XV и XVI в. ярко вскрывает истоки складывающейся общерусской культуры. Создание Успенского собора в Московском кремле по типу одноименного собора XII в. во Владимире, постройка кремлевского Благовещенского собора псковскими мастерами, исстари искусными в «каменосечной мудрости», приглашение в Москву для строительных работ ремесленников изо всех областей Руси показывают, что культура русского народа в период централизованного государства развивалась путем обобщения и использования лучших достижений древнерусской культуры и народного творчества различных областей Руси. Органически связанная с древнерусской культурой, складывающаяся в этот период общерусская культура

---

[1] *М. О. Скрипиль.* Повесть о Петре и Февронии Муромских в ее отношении к русской сказке. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. VII, М.— Л., 1949, стр. 132.

[2] См. *М. Н. Тихомиров.* О происхождении названия «Россия». «Вопросы истории», № 11, 1953, стр. 96.

представляла собой качественно новый этап. Это особенно ярко проявилось в возникновении в XVI в. нового, так называемого шатрового стиля, основой которого было деревянное зодчество русского крестьянства на Севере. С середины XVI в. каменные памятники шатрового стиля получили широкое распространение по всему центру России.

XVI век характеризуется попытками выработать единый стиль в иконописи, в фресковой и станковой живописи. В иконописи и живописи получает отражение идея единства и могущества Русского государства.

Объединительные тенденции сказались в народном песенно-музыкальном творчестве и в культовой музыке того времени. С XVI в. складываются те своеобразные многоголосие и мелодичность, которые вплоть до нашего времени являются характерной чертой русской народной песни. Большую роль в создании общерусского музыкального искусства сыграли скоморохи, переходившие из одной местности в другую [1].

Уже в XV в. делаются попытки установить определенные каноны для церковного песнопения (создание так называемого «обихода»). При дворе Ивана III существовал хор певчих дьяков, набранных из разных городов и областей Руси. Хор этот во многом способствовал развитию нового стиля в культовом песнопении — многоголосия.

Записки иностранцев и ряд других источников свидетельствуют о многих общих чертах в быте русского народа в различных городах и местностях.

Так во всех областях русской культуры и быта в конце XV и в XVI в. обнаруживается стремление к слиянию местных стилей и сложению общерусского стиля. Ведущая роль в создании культуры великорусского народа принадлежала центру Русского государства — Москве.

Таким образом, по мере развития экономических связей, по мере сплочения территории Русского государства, по мере развития языка и культурных связей постепенно накапливались элементы тех факторов, на основе которых в дальнейшем начнет формироваться русская нация.

---

[1] *Ж. Келдыш.* История русской музыки. М.— Л., 1948, стр. 86.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НАРОДЫ СЕВЕРА, ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ В СОСТАВЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕ XV—НАЧАЛЕ XVII В.

1

ВВЕДЕНИЕ. РУССКОЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ

Русское централизованное государство складывалось как многонациональное. Эта особенность, характерная не только для России, но и для других стран Восточной Европы, была следствием того, что на востоке Европы процесс сложения централизованных государств, ускоренный потребностями обороны, предшествовал процессу ликвидации феодализма и формирования наций. Феодальные отношения были господствующими и сохраняли прогрессивный характер. Между тем интересы обороны требовали незамедлительного образования централизованного государства.

Наличие централизованного аппарата управления и организованной дворянской военной бюрократии облегчало господствующему классу русской народности расширение территории государства, поиски новых источников доходов за счет других народов. После присоединения в середине XVI в. к России народов Поволжья многонациональный характер государства проявился еще более отчетливо.

Освоение национальных окраин и их эксплуатация проводились военно-феодальными методами. Господствующий класс, интересы которого защищало Русское централизованное государство, рассматривал «национальные окраины» как новый источник доходов. В зависимости от местных условий и потребностей русской администрации население окраин привлекалось к исполнению различных государственных повинностей. В некоторых присоединенных районах, особенно в Поволжье, стало расти помещичье землевладение. Лучшие общинные земли раздавались русским помещикам, церковным учреждениям и различным должностным лицам.

Делопроизводство в национальных окраинах велось на русском языке. Царский аппарат принуждения распространялся в интересах господствующего класса на население и ложился бременем на его плечи. С целью усиления своей власти над присоединенными народами царское правительство использовало христианизацию, вводимую подчас насильственными мерами.

В соответствии с классовой природой Русского феодального государства в присоединенных окраинах общественный строй часто сохранялся в неприкосновенности. Различие форм эксплуатации нерусских народов в известной мере обусловливалось уровнем социально-экономического развития этих народов.

Многонациональное крестьянство нашей родины подвергалось эксплуатации и со стороны своих местных феодалов, привилегии которых были закреплены русским царизмом.

Господствующий класс установил режим феодального гнета в присоединенных окраинах. Нерусские народности оказались в положении политически неравноправных, оттертых на задний план национальностей. Но вопреки политике национального угнетения, проводившейся царизмом и получившей поддержку части местных феодалов, в процессе мирного созидательного труда росла и крепла дружба между русским народом, также угнетаемым русскими феодалами, и нерусскими народами. Общение с русским народом открывало присоединенным народам перспективы экономического и культурного развития и борьбы с общими классовыми врагами.

Созданию многонационального государства в России предшествовали длительное общение и тесные политические и культурные связи русского народа с соседними народностями: карелами, саамами, коми, марийцами, удмуртами, башкирами, мордвой и другими народностями Севера и Поволжья. Издавна русским торговым людям был знаком путь в Сибирь. Благодаря русским торговым людям народности Сибири были втянуты в международный обмен, несмотря на то, что непосредственной целью, преследуемой русским купечеством, было извлечение прибыли на основе эксплуатации нерусского населения.

Задолго до образования Русского централизованного государства народности, вошедшие в состав России, были сплочены интересами совместной борьбы против внешних врагов: татаро-монголов, турецких, шведских, немецких и иных феодалов.

Врагами карелов, саамов и других народов Севера были норвежские, шведские и немецкие феодалы. В отдельные периоды эти народности попадали под власть западных государств, что пагубно отражалось на их этническом, хозяйственном и культурном развитии.

Народности Среднего Поволжья, Западной Сибири и Южного Приуралья находились под игом татарских ханств, возникших на развалинах Золотой Орды. Жестокий гнет татарских феодалов и беспрерывная междоусобная борьба, которую они вели, обескровливали, терзали и калечили подчиненные им народности, тормозили развитие их производительных сил и общественного строя. Народности Поволжья, Сибири и Приуралья жили под угрозой порабощения со стороны Турции, стоявшей, по словам К. Маркса, «...на самой низкой и варварской стадии феодализма...»[1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, стр. 374.

Такую же участь испытывали отдельные народности юго-западной и юго-восточной Сибири, разоряемые отсталыми феодальными государствами, существовавшими в Монголии, Маньчжурии и Джунгарии.

Племена и народности, обитавшие на огромных пространствах северной и восточной Сибири, в силу природных условий и сложившейся на юго-западе Сибири политической обстановки были отрезаны и изолированы от цивилизованного мира; процесс их общественного развития протекал крайне медленно.

В таких условиях включение народов Поволжья и Сибири в состав Русского централизованного государства имело исключительно важное историческое значение, явилось переломным моментом в судьбе этих народов и последствия вхождения их в состав Русского государства носили характер прогрессивный. Благодаря объединению в сильном централизованном государстве вместе с русским народом эти немногочисленные народности получили условия для дальнейшего хозяйственного и культурного развития. С присоединением к России между племенами и народностями Сибири прекратились бесконечные феодальные раздоры и войны, которые вели к взаимному истреблению. Народности Сибири получили защиту от агрессии со стороны отсталых феодальных государств Монголии, Маньчжурии и Джунгарии[1].

Общение с русским народом ускорило процесс социально-экономического развития народов Сибири (в частности, здесь получило распространение земледелие). Некоторые сибирские народности (эвенки, юкагиры, якуты, ханты, манси и др.) после присоединения к России быстро совершили переход от первобытно-общинного строя к классовому обществу[2].

Образование Русского централизованного государства способствовало дальнейшему росту экономических связей нерусских народностей с русским народом и между собой. Торговля центральных областей России с Карелией и Поморьем стала насущной потребностью как для населения Севера, так и для русского народа. Северный морской путь в XVI в. приобрел первостепенное значение для внешней торговли Русского государства.

Переход волжского торгового пути, связывающего Россию с Востоком, к Русскому государству имел большое значение для дальнейшего экономического развития нашей страны.

Важную роль в приобщении отсталых народов национальных окраин к русской культуре сыграла стихийная народная колонизация. Русские крестьяне и ремесленники, переселяясь на новые места, несли менее развитым народностям свои производственные и культурно-бытовые навыки.

Вовлечение национальных окраин в экономическую и культурную жизнь России, рост городов и путей сообщения содействовали консолидации нерусских народностей.

---

[1] О народах Сибири подробнее см. гл. 4, § 4 настоящего издания.

[2] Там же.

Со времени присоединения к России нерусские народности разделяли судьбу русского народа, принимали участие в важнейших событиях его истории. Татарская и марийская конница помогала русским войскам в Ливонии. Народности Поволжья участвовали в обороне границ от нападения крымских орд. Население Карелии и Поморья защищало северные границы Русского государства от нападения шведских феодалов. Неразрывная связь карелов с русским народом проявилась в беспримерном в истории факте — в переселении карельского народа вглубь России во время оккупации Карелии Швецией. В суровые годы польско-литовской и шведской интервенции в начале XVII в. нерусские народности Севера России и Поволжья приняли активное участие в освободительной борьбе русского народа против польско-литовских и шведских захватчиков, что явилось демонстрацией прочности объединения народностей России в едином централизованном государстве.

Дружба трудящихся масс национальных окраин России с русским народом формировалась также в совместной борьбе их против царизма и феодального гнета. Широкие массы трудящихся нерусских районов вели борьбу против феодальной эксплуатации и национального угнетения рука об руку с русскими крестьянами и ремесленниками. В состав господствующего класса — класса эксплуататоров — входили представители разных национальностей и в борьбе крепла близость многонационального трудового населения. Все крупные выступления русского крестьянства и городских низов неизменно получали отзвук среди других народов Русского государства. Антифеодальный характер движения нерусских народностей и классовая солидарность трудящихся масс национальных окраин и русского народа со всей силой проявились во время крестьянской войны под руководством Болотникова.

В то же время враждебно настроенные в отношении России представители местной (нерусской) феодальной знати пытались использовать в своих корыстных интересах антифеодальные выступления масс. Особенно остро стоял национальный вопрос в Поволжье с его пестрым в этническом отношении населением. Существование агрессивной Турции с ее планами подчинения всех мусульманских народов, с ее реакционным лозунгом образования единого «мусульманского юрта» укрепляло националистические тенденции местной феодальной знати. Но противоположность классовых интересов народных масс и феодалов, национальная рознь в среде самой феодальной знати неизбежно приводили к развалу реакционных движений. Трудящиеся массы национальных окраин, выступая против гнета русских и местных феодалов, оставались верными русскому народу и Русскому государству.

Политика царизма в отношении окраин выражала интересы господствующих классов Русского феодального государства. Образование Русского централизованного государства «...в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттёртые на задний план национальности не успели ещё консолиди-

роваться экономически в целостные нации»[1], имело своим следствием неравноправное положение народностей России. Но приобщая отсталые народы Севера и Востока к своей экономической и культурной жизни, защищая их от внешнего врага, русский народ выполнял прогрессивную задачу. В условиях царской России и вопреки политике царизма закладывались крепкие основы дружбы народов нашей родины, ведущую роль среди которых играл великий русский народ.

2

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА И СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

а) Карелы

В конце XV— начале XVII вв. понятие «Карелия» в русской терминологии еще не существовало. В советской исторической литературе под термином «Карелия» для этого времени принято подразумевать современную территорию Карело-Финской ССР вместе с некоторыми лежащими к югу районами Ленинградской и Вологодской областей (по Свири и к югу от Онежского озера) и с находящимися к западу районами Ленинградской области (на Карельском перешейке) и Восточной Финляндии (часть С.-Михельской и Куопиоской губерний). На этом пространстве в XVI в. жили карельский и родственный ему вепсский народы, а также довольно значительное русское население, преимущественно крестьянское.

По административному делению того времени эта территория состояла из четырех районов. Наиболее важным районом в экономическом отношении был Корельский уезд, включавший в себя восточную часть Карельского перешейка и северное Приладожье вместе с обширными лежащими к северу землями. Второй район — Заонежские погосты — включал в себя Олонецкий перешеек (между Ладожским и Онежским озерами) и земли к северу, западу и югу от Онежского озера. На севере Карелии лежали два административных района: Поморские волости — прибрежные земли вдоль западного берега Белого моря, и Лопские погосты — внутренняя часть Северной Карелии.

Названные четыре района довольно сильно различались между собой по этническому составу. Основная масса карельской народности в конце XV — начале XVII вв. жила на территории Корельского уезда; значительно меньшая часть карел жила в Лопских погостах и в Карельском Поморье; в последних двух районах карелы были сравнительно недавними жителями, появились здесь в результате переселения из северного и западного Приладожья в XII—XV вв. Первоначального саамского населения в Лопских погостах и в Поморье в XVI в. оставалось немного; оно уже сливалось с карелами. Наряду с карелами и остатками саамов в Поморье

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 304.

в XVI в. было уже довольно многочисленное русское крестьянское население; к концу XVI в. в Карельском Поморье не менее половины населения приходилось на долю русских крестьян. В Заонежских погостах коренным населением были вепсы. В погостах, расположенных по берегам Свири и к югу от Онежского озера, жила основная масса вепсов; в погостах, лежащих к северу от Свири, на Олонецком перешейке, жили две обособившиеся ветви вепсской народности — ливвики (на западе перешейка) и людики (на востоке перешейка, у Онежского озера), испытывавшие большое культурное и языковое воздействие соседней карельской народности. Кроме вепсов, в Заонежских погостах было также довольно значительное русское крестьянское население, жившее главным образом к югу и востоку от Онежского озера и на Заонежском полуострове.

Взаимоотношения между отдельными этническими группами населения на всей территории Карелии в XVI в., как и раньше, носили мирный и дружественный характер; карелы, вепсы и саамы уже в течение ряда столетий мирно жили рядом с русскими крестьянами, испытывая благотворное воздействие русской материальной и духовной культуры. Близость к границе и постоянная в течение ряда столетий угроза нападений со стороны шведских захватчиков вызывали большую сплоченность населения Карелии и стремление широких масс карельского, вепсского и саамского народов найти в Русском государстве силу, единственно способную защитить их от шведских набегов.

* * *

В конце XV в. Карелия была затронута великими историческими событиями, происшедшими в русских землях. Карелия, как и другие новгородские земли, была включена в состав Русского централизованного государства. Это включение сопровождалось серьезными переменами в положении карельского крестьянства[1]. Огромные земельные владения новгородских бояр и частично новгородской церкви в Карелии были конфискованы и переведены в разряд государственных (черносошных) оброчных земель. В результате в Карелии не осталось крупных светских феодалов; сохранилось лишь небольшое количество мелких феодалов — «своеземцев»: частично сохранилось крупное монастырское землевладение. С переходом основной массы земель в собственность государства несколько изменился и характер повинностей крестьян. Вместо мелких сборов натурой, существовавших раньше в ряде владений светских и духовных феодалов, в конце XV в. был введен общий для всех крестьян оброк — хлебом и деньгами, и позднее, с середины XVI в., в связи с развитием товарно-денежных отношений, вся сумма оброка стала взиматься в денежной форме. Унификация феодальных повинностей сопровождалась увеличением размера ренты,

---

[1] *Р. Б. Мюллер*. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 33—39.

особенно за счет ее денежной части. Крестьяне должны были, кроме того, платить налоги нескольких видов, причем размер и количество налогов в течение XVI в. непрерывно возрастали[1]. Оброк и налоги, вместе взятые, составляли «государево тягло».

В целях управления и взимания оброка государство сохранило общинные организации крестьян, существовавшие в прежних боярщинах и монастырщинах. Значение выборных представителей от крестьян было усилено в результате земской реформы середины XVI в.; избираемые черносошными крестьянами старосты, целовальники и судейки должны были с этого времени осуществлять судопроизводство, производить раскладку и сбор оброка и налогов и фактически превратились в низшее звено правительственной администрации[2].

Социально-экономическое развитие Карелии в течение XVI в. шло теми же путями, что и на основной территории Русского государства. Однако каждый из упомянутых выше четырех районов Карелии имел свои исторически сложившиеся особенности.

Наиболее развитым в экономическом отношении районом Карелии, в котором сельское хозяйство сочеталось с ремеслом и интенсивной торговлей, были северное Приладожье и Карельский перешеек, составлявшие теперь территорию Корельского уезда. Здесь находился и центр политической жизни карельского народа, и центр карельской культуры.

Основой экономической жизни населения Корельского уезда было развитое пашенное земледелие с трехпольной системой обработки земли. Почва здесь была неплодородная и давала низкие урожаи; поэтому крестьянам приходилось возделывать и засевать довольно значительные земельные площади. Существенную роль в хозяйстве играла рыбная ловля в Ладожском озере, а также в мелких озерах и речках, столь многочисленных на Карельском перешейке. Преобладали маленькие деревни, состоящие из одного или нескольких дворов[3].

Крестьянское население уезда состояло только из карел. В большинстве своем крестьяне Корельского уезда были черносошными. Но здесь же были и частновладельческие крестьяне, жившие во владениях местных монастырей — Валаамского, Коневского и других. Валаамский монастырь, самый крупный феодальный землевладелец в Корельском уезде, имел 67 деревень, обладал богатыми рыбными угодьями на Ладожском озере и соляными промыслами в с. Ковда на берегу Белого моря[4].

Карелия занимала важное место в торговле продуктами охотничьего и рыболовного промыслов. До конца XV в. торговля велась, главным образом, через Ладожское озеро с Новгородом. После включения Карелии

---

[1] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 37—38.

[2] Там же, стр. 42—43, 72—76.

[3] *С. С. Гадзяцкий.* Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941, стр. 123—124, 151.

[4] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 35; «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», под ред. В. Г. Геймана. Петрозаводск, 1941, № 185, стр. 257—260.

Перенос лодки через волок на Севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, изд. 1555 г.

в состав Русского централизованного государства завязываются непосредственные торговые связи Корельского уезда с внутренними областями России. Жалованная грамота Бориса Годунова городу Кореле (1598) говорит о торговле корелян в Новгороде, Пскове, Иван-городе и Москве[1]. В мирные годы торговля велась и с зарубежными шведскими владениями — с Выборгом и южной Финляндией (через Карельский перешеек), а также с Приботнией (через северное Приладожье).

Расположенный на важном торговом пути, при впадении реки Вуоксы в Ладожское озеро, политический и экономический центр карельского народа, город Корела занимал два острова посреди реки Вуоксы и оба берега реки; на одном из островов находился городской детинец, на другом острове и на берегах реки располагался посад. Население города по национальному составу было смешанным: в городе жили и карелы, и русские. Представители господствующего класса феодалов — воевода, духовенство, стрелецкие головы, дворяне, дети боярские и своеземцы — составляли численно весьма небольшую часть населения. Основная масса населения Корелы — посадские люди. По имущественному положению и занятиям близко к ним примыкала часть своеземцев, а также стрельцы и пушкари, составлявшие гарнизон города.

По данным писцовых книг, население города в XVI в. значительно возросло. Если по переписи 1500 г. в городе было 188 дворов посадских людей, то по переписи 1568 г. число дворов возросло до 406; при этом особенно увеличилось число дворов, принадлежавших «лучшим людям», что свидетельствовало о растущем имущественном расслоении посада, об увеличении зажиточной верхушки. Писцовые книги свидетельствуют

---

[1] «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», № 291, стр. 362—363.

также о значительном развитии городского ремесла и о его дифференциации. Среди жителей города упоминаются кожевники, бочарники, скорняки, сапожники, кузнецы и др. О развитии торговли говорит наличие в городе в 1568 г. 35 амбаров и щербетей (складских построек)[1].

Второе городское поселение Корельского уезда, Волочек Сванский (находившийся у волока из р. Вуоксы в Ладожское озеро), имело значительно меньшие размеры. В 1500 г. здесь было всего 55 дворов, из которых 26 принадлежали торговым людям, 29— «рыбным ловцам», занимавшимся рыболовством на Ладожском озере[2].

Рост общественного разделения труда, развитие торговли, распространение товарно-денежных отношений в ряде сельских местностей Корельского уезда приводили к увеличению торгово-ремесленного населения и к росту имущественного неравенства. Так, в 13 деревнях Сердобольского погоста (вблизи нынешнего города Сортавала), по данным 1500 г., 17 дворов принадлежало купцам; в деревне Сандолакша жили кузнецы, платившие «тягло» вместе и наравне с горожанами города Корелы[3].

Во второй половине века участились нападения из-за рубежа, которые привели к временному захвату Корельского уезда (1580—1597) шведскими феодалами.

Второй земледельческий район Карелии — Заонежские погосты— был единственной частью карельской территории, отдаленной от шведской границы и не знавшей до конца XVI в. опасности внешних нападений. Но отдаленность от морей и важных торговых путей, а также обилие болот и неплодородие земли неблагоприятно отзывались на экономике Заонежских погостов. Заонежские погосты были, по сравнению с Корельским уездом, более отсталым сельскохозяйственным районом. Земледелие — основная отрасль хозяйства — было еще в значительной мере подсечным. Одно земледелие не могло прокормить население, поэтому здесь сохранили важное значение древние местные промыслы — рыболовство и охота. В некоторых местах, богатых болотной рудой, особенно к западу от Онежского озера, получил значительное развитие крестьянский железоделательный промысел; во многих селениях производилась добыча руды и изготовлялось сыродутное железо. Продукция промысла частью шла на местные нужды, частью отправлялась в Поморье для нужд поморского солеварения[4].

В Заонежских погостах также преобладали черносошные крестьяне, но были и крестьяне, принадлежавшие мелким помещикам и нескольким небольшим местным монастырям. В отличие от Корельского уезда, довольно значительный процент крестьянского населения составляли здесь русские крестьяне, переселившиеся из соседних русских земель.

---

[1] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 65—66.

[2] «Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины», «Временник ОИДР», кн. 12, 1852, отд. II, стр. 7—8; *С. С. Гадзяцкий.* Указ. соч., стр. 134—135.

[3] *С. С. Гадзяцкий.* Указ. соч., стр. 135.

[4] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 66—67.

Меновая торговля на Севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, изд. 1555 г.

Крупных поселений в Заонежских погостах не было, но имелось несколько торговых пунктов, так называемых «торговых рядков». Наиболее значительным был торговый рядок в устье реки Повенчанки, на месте будущего города Повенца[1]. Развитие торговли и товарно-денежных отношений в Заонежье, как и в Корельском уезде, привело к возникновению и росту имущественной дифференциации крестьянства. Из среды крестьянства выделялась группа богатых людей, занимавшихся торговлей,— это прежде всего владельцы амбаров и сальниц. Они скупали продукты крестьянского производства для дальнейшей перепродажи или вывоза в соседние области страны, а сюда, в свою очередь, привозили из более южных местностей и продавали крестьянам хлеб.

Для Заонежских погостов (по сравнению с Корельским уездом) характерно отсутствие крупных центров ремесленного производства. Рядки были по преимуществу торговыми поселениями. Так, например, писцовые книги 1582—1583 гг. на весь Заонежский район зафиксировали в торговых рядках лишь четырех ремесленников[2].

Третий район — Поморские волости — имел совсем иной экономический профиль. Земледелие в этом районе играло очень небольшую роль; им занимались лишь в южной части Беломорского побережья (сеяли ячмень и в небольших количествах рожь), причем и здесь своего хлеба не хватало. Основой хозяйства были морские промыслы — рыболовство, охота на морского зверя, солеварение. Обилие рыбы в море и впадающих в него реках, обилие морского зверя открывали для развития промыслов самые широкие возможности.

---

[1] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 66—67.

[2] Там же, стр. 68; ср. *А. К. Ильинский.* Городское население Новгородской области в XVI веке. ЖМНП, 1876, № 6, стр. 253.

Были развиты здесь также железоделательный промысел (в прибрежной полосе между Кемью и Сумским острогом) и кузнечное ремесло; в Сумском остроге были даже кузнецы-оружейники, изготовлявшие оружие для местного гарнизона[1]. Продукты промыслов в основном шли на продажу, а на вырученные средства население покупало хлеб.

И рыболовными промыслами, и солеварением занимались здесь совместно группы крестьян-складников[2]. Но в большей своей части рыболовные угодья, соляные варницы и другие промыслы уже с XV в. принадлежали светским и духовным феодалам. Сдача крестьянству в аренду промысловых угодий на кабальных условиях служила здесь одним из главных средств феодальной эксплуатации.

В течение XVI в. большинством промыслов завладел наиболее крупный феодал севера — Соловецкий монастырь[3]. Большинство крестьянского населения Поморских волостей (как карельского, так и русского) оказалось в феодальной зависимости от монастыря, уплачивало монастырю оброк и обслуживало монастырские промыслы. Соловецкий монастырь, как уже говорилось, имел огромное по тому времени, хорошо налаженное хозяйство; на его промыслах добывались в большом количестве соль, рыба, тюлений жир и т. п. Одной только соли в последнем десятилетии XVI в. вывозилось с промыслов Соловецкого монастыря внутрь русских земель до 100 тыс. пудов. По добыче соли хозяйство Соловецкого монастыря стояло, вероятно, на первом месте в России[4].

Ведущая роль Соловецкого монастыря в социально-экономической жизни Поморских волостей обусловливала и его политическое значение в этом районе. Во второй половине XVI в. Соловецкий монастырь был политическим центром Поморских волостей и всей северной Карелии, а главой политической власти в северной Карелии был фактически соловецкий игумен. В последние десятилетия XVI в. на Соловецкий монастырь легла обязанность защиты Поморских волостей от внешнего врага—шведских феодалов. Монастырь должен был на свои средства содержать вооруженных людей и строить укрепления[5].

После включения Карелии в состав Русского централизованного государства окрепли торговые связи карельского Поморья с внутренними областями России; с торговлей здесь было связано все население, не имевшее своего хлеба и вынужденное его покупать. Сумский посад, имевший несколько лавок, амбаров и сальниц, Шуя, Кемь превратились в значительные торговые пункты, где торговые люди скупали у крестьян-поморов продукты промыслов для отправки внутрь страны или для продажи иностранным купцам. Первые иностранные торговые корабли появи-

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 68.

[2] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 60—62.

[3] Там же, стр. 86; ср. *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII в. Пермь, 1927, стр. 57.

[4] *А. А. Савич.* Указ. соч., стр. 148; *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 87.

[5] «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», №№ 224, 254—255, 259, 261.

Рыбная ловля в прорубях на Севере. Гравюра из книги Олая Магнуса, изд. 1555 г.

лись в карельском Поморье в 60-х годах XVI в. Заморская торговля не получила в это время в самой Карелии большого развития. Продукты промыслов западного и восточного Поморья для продажи иностранным купцам доставлялись в XVI в. в два главных порта русского Севера, через которые шла внешняя торговля,— в устье Северной Двины и в Колу.

Развитие торгово-денежных отношений в XVI в. привело и здесь к росту имущественного расслоения в среде крестьянства. Выделилась группа богатых крестьян, владевших промысловыми орудиями (ладьями, сетями и т. д.). Одним из крупных собственников, например, был Семен Пирожников, продавший Соловецкому монастырю в 1578 г. 370 железных криц. Наряду с этим в карельском Поморье в XVI в. образовался значительный слой обедневших крестьян, которые уже не вели своего хозяйства, а нанимались работать на промыслы Соловецкого монастыря или к зажиточным крестьянам. Многочисленные промыслы Соловецкого монастыря почти целиком обслуживались наемными работниками из местных и пришлых крестьян.

Последним по политическому и экономическому значению и по численности населения был район Лопских погостов — западная половина северной Карелии. Первоначального лопарского (саамского) населения в XVI в. здесь оставалось немного. Население было здесь в основном карельским по своему составу и «Лопскими» эти погосты были уже больше по названию.

В Лопских погостах, как и в соседнем Поморье, земледелие в силу неплодородия почвы и суровости климата играло подсобную роль. Наиболее важным занятием населения в Лопских погостах было рыболовство, сочетавшееся с охотой. В некоторых местах, где имелись залежи болотных руд, был развит железоделательный промысел, поставлявший железо для нужд

поморского солеварения[1]. Население было редкое, деревни были расположены по водным путям, по берегам рек и озер, сравнительно далеко одна от другой. Торговля и здесь получила некоторое развитие: не имея своего хлеба, крестьяне должны были продавать продукты своих промыслов и покупать хлеб. Торговля в основном велась с Поморьем и через него с центральными русскими областями; велась торговля и с Западом. Торговый путь от Кеми по реке Кеми и некоторым озерам вел в бассейн реки Улео; по этому пути шла в небольших размерах торговля с захваченной Швецией Приботнией.

Население Лопских погостов в экономическом и культурном отношении было менее, чем в других районах Карелии, непосредственно связано с русскими землями. Однако карельские крестьяне, жившие в лесах северной Карелии, не меньше, чем жители всех остальных карельских земель, привыкли видеть в русском народе друга и защитника от нападений шведских феодалов. Культура Карелии на протяжении многих веков развивалась под благотворным воздействием русской культуры. К сожалению, материалов о культуре Карелии от XVI в. сохранилось очень мало; в особенности мало нам известно о культурном творчестве основного населения Карелии — карельского народа.

Народные думы и чаяния выражались в карельском эпосе — «Калевале», возникновение которого относится к более раннему времени[2].

Единственный памятник устного творчества карельского народа, который точно может быть датирован XVI в.,— песня об Иване Грозном, записанная в нескольких вариантах в ряде мест Карелии. В основе сюжета этой песни лежит действительное историческое событие — осада Выборга войсками Ивана Грозного в 1555 г.; правда, личное участие Ивана IV в осаде является поэтическим вымыслом творцов песни. Для всех вариантов этой песни характерно сознание неразрывной связи карел с русским народом и Русским государством. Местное карельское население, согласно этой песне, встречает русских воинов и царя Ивана гостеприимно и дружески[3].

Влияние русской культуры на карел, распространение грамотности осуществлялось в известной мере через посредство православной церкви. Уже в последние века новгородского времени все карельское население было крещено и стало носить русские имена и фамилии. Правда, в первой половине XVI в. в Карелии еще давали себя знать древние языческие верования, и православная церковь вела с ними борьбу[4].

---

[1] *А. П. Васильевский.* Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1949, стр. 13 и др.; *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 64.

[2] См. подробнее «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.», ч. I. М, 1953, стр. 702—706.

[3] «Руны и исторические песни», перевод В. Я. Евсеева. Петрозаводск, 1946, стр. 69—70; «Карельские эпические песни», подготовленные В. Я. Евсеевым. М.—Л., 1950, № 18, стр. 59—60; См. также: *В. Я. Евсеев.* Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун. «Советская этнография», 1949. № 2, стр. 30.

[4] «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», № 52, стр. 127—131.

В Карелии в XVI в. было уже немало людей, владевших начатками грамотности; многие акты XVI в. имеют собственноручные подписи. Была даже сделана попытка создать самостоятельную карельскую письменность. Голландский путешественник Салинген в конце 60-х годов XVI в. в городе Кандалакше встретил «русского философа» (т. е. книжного человека, писателя) Федора Чудинова, судя по фамилии — карела, который разработал письменность для карельского языка. Правда, по словам Салингена, эта попытка не увенчалась успехом; видимо, для развития письменности и литературы на карельском языке не было подходящих условий, и карелы и дальше продолжали пользоваться письменностью на русском языке.

Того же Ф. Чудинова нужно считать первым известным нам карельским писателем. По словам Салингена, Чудиновым было написано первое сочинение по истории своего народа — история Карелии и Лапландии; сочинение это, к сожалению, не сохранилось. Насколько можно судить по рассказу Салингена (слышавшего от автора краткое изложение его сочинения), источником для «Истории» Чудинова послужили собранные им народные предания о прошлом родного края [1].

Искусство Карелии XVI в. известно нам, главным образом, по памятникам живописи и в меньшей мере — архитектуры. Эти произведения сохранились только на территории б. Заонежских погостов и северной Карелии; в Корельском уезде почти все памятники карельской культуры XVI в. погибли или были уничтожены шведскими оккупантами в XVII столетии. Но известно, что в Корельском уезде было тогда много произведений старой местной живописи — икон [2]; по писцовым книгам и другим источникам известно, что на территории каждого погоста Корельского уезда и в городе Кореле имелось по нескольку значительных архитектурных сооружений — церквей. Памятники живописи и зодчества, сохранившиеся в русских, карельских и вепских селениях, были созданы в духе русских художественных традиций. Карелы и вепсы, в течение столетий жившие рядом с русскими людьми, настолько сроднились с русской культурой, что своим художественным творчеством стали участвовать в развитии общерусской живописи и архитектуры.

В живописи Карелии XVI в., существовавшей только в форме иконописи, заметно преодоление традиций старой новгородской школы и растущее художественное воздействие Москвы. В церковной деревянной архитектуре Карелии получил широкое развитие излюбленный в русском народном зодчестве тип шатрового храма. Вместе с окружающей природой древняя церковь представляла единый художественный ансамбль, в котором суровая красота северной природы лишь подчеркивала монументальность и красоту здания.

---

[1] Сообщение Симона-ван-Салингена, опубликованное А. М. Филипповым. «Литературный вестник». СПб., 1901, т. 1, кн. III, стр. 301—302.

[2] Chronicon Finlandiae incerto auctorae. *Nettelbladt*. «Schwedsiche Bibliothek», кн. I, Стокгольм, 1728, стр. 113.

В Карелии в XVI в. существовали также два крупных памятника крепостной архитектуры — детинец в городе Кореле и Сумский острог. Корельский детинец на территории современного города Приозерска существует и сейчас и в своей основе, по всей видимости, сохранил черты русской постройки XVI в. До недавнего времени сохранялись и две огромные шестиугольные в плане деревянные башни Сумского острога. Об архитектуре жилых зданий Карелии XVI в. точных сведений не сохранилось.

Давние и прочные связи карел с Россией, основанные на общности политических и экономических интересов, превратили Карелию к XVI в. в неотъемлемую часть Русского государства. В XVI в. Карелия переживала время экономического подъема. Но дальнейшему успешному развитию хозяйства и культуры помешали обрушившиеся на карельский народ бедствия: нападения шведских захватчиков, войны и интервенция конца XVI — начала XVII столетия.

Швеция в XVI в. превратилась в сильное государство. Опираясь на поддержку широких слоев феодального класса, шведские короли начали вести активную внешнюю политику с целью установления господства Швеции на Балтике и на всем европейском Севере.

В 1580 г. шведские правящие круги сформулировали свою большую программу завоеваний на Востоке[1]. Шведский король Иоанн III, воспользовавшись трудным положением Русского государства, стремился к завоеванию почти всего севера России. Он рассчитывал захватить Ижорскую землю и берега Невы, почти всю территорию Карелии (Корельский уезд, северную Карелию — Карельское Поморье и Лопские погосты), Кольский полуостров и даже восточное побережье Белого моря с устьем Северной Двины. Захватническая программа Иоанна III предполагала полностью отрезать Русское государство от выхода к морям и почти всей Карелии (кроме Заонежских погостов), сулила национальное порабощение.

Зимой 1580—1581 гг. были совершены три похода из шведских владений вглубь русской Карелии: из Выборга в направлении на Корелу (Кексгольм), из Нюшлота на Олонецкий перешеек и из Улеаборга на Кемь. Главный удар был направлен на центр русской Карелии — город Корелу. Туда было брошено значительное войско во главе с лучшим шведским полководцем Понтусом Делагарди. Пользуясь значительным превосходством сил и неожиданностью нападения, Делагарди удалось после непродолжительной осады взять город; вслед за тем и весь Корельский уезд вместе с основной массой карельского народа оказался в шведских руках.

Карельский народ не примирился с шведским завоеванием. Уже в начале 1581 г. на занятой шведами территории началось широкое народное движение против захватчиков. Главной формой народной борьбы была партизанская война. Во главе карельских партизан встал Кирилл Рогозин,

---

[1] *W. Tawaststjerna*. Pohjoismaiden viisikolmatta vuotinen sota. Vuosien 1570 ja 1590 välinen aika. Хельсинки, 1918—1920, стр. 268.

уроженец с. Сортавала, живший в одной из деревень Соломенского погоста (в восточной части захваченного шведами Корельского уезда). С группой карельских крестьян Рогозин ушел с оккупированной шведами территории в район Олонца и там стал организовывать как из местных, так и из бежавших из Корельского уезда карел партизанские отряды для борьбы против шведских феодалов. Партизаны в 1581—1583 гг. семнадцать раз ходили из Олонца вглубь Корельского уезда, нанося своими набегами серьезный урон шведским захватчикам. Партизанские отряды преследовали своими набегами не только военные, но и политические цели. В результате действий отрядов Рогозина немало карельских крестьян примкнуло к партизанам, а главное — значительная часть населения Корельского уезда под влиянием агитации Рогозина ушла с оккупированной шведскими захватчиками территории в карельские земли, находившиеся под русской властью[1]. Все это было ярким проявлением исторически складывавшейся дружбы русского и карельского народов. Деятельность карельских партизан помешала шведским войскам распространить оккупацию на восточные земли Карелии — на Заонежские погосты.

Окончание Ливонской войны заставило шведские власти пойти на мирные переговоры, окончившиеся заключением перемирия на р. Плюссе.

Плюсское перемирие со Швецией было по своим условиям очень тяжелым для Карелии: Корельский уезд с городом Корелой и основной массой карельского народа остался в руках Швеции, так же как и западная часть Ижорской земли с городами Ямом, Копорьем, Ивангородом[2].

Русское государство не могло примириться с утратой своих исконных владений на Карельском перешейке и в Ижорской земле. С другой стороны, и шведские власти лишь на время отказались от осуществления своих больших захватнических планов. Поэтому обе стороны продолжали готовиться к военным действиям.

В 1589 г. политическая обстановка на северных границах России делалась все более напряженной, снова начались вооруженные столкновения. Вновь вспыхивает и партизанское движение на границе захваченного шведами Корельского уезда. Во главе карельских партизан опять становится Кирилл Рогозин. Вместе со своим новым помощником, партизаном Микитой, Рогозин собрал несколько сот вооруженных крестьян и с ними стал совершать нападения на северную часть Корельского уезда. Другой партизанский отряд, организованный в тех же местах карелом Лукой Ряняйненом, также начал борьбу против шведских феодалов[3].

В начале следующего года на русско-шведской границе открылись военные действия. Они развернулись, главным образом, в Ижорской земле и привели к возвращению Русскому государству приморских городов — Яма, Ивангорода и Копорья. В то же время развернулась вооруженная

[1] *W. Tawaststjerna.* Указ. соч., стр. 467—468, 533, 580.

[2] *И. П. Шаскольский.* Была ли Россия после Ливонской войны отрезана от Балтийского моря? «Исторические записки», кн. 35, стр. 294—303.

[3] *W. Tawaststjerna.* Указ. соч., стр. 544—545, 555.

борьба в северных порубежных землях, где шведское правительство неудачно пыталось осуществить свои планы территориальных захватов. Но этот поход с целью захвата Сумского острога и всего карельского Поморья кончился неудачей и лишь привел к жестокому разорению северной Карелии[1]. Поскольку война Швецией была проиграна, шведским послам пришлось принять основное русское требование о возвращении города Корелы и Корельского уезда Русскому государству (Тявзинский мирный договор 1595 г.).

Корельский уезд в результате двух последних войн и вследствие сильных поборов со стороны шведских властей был сильно разорен. Поэтому русское правительство вынуждено было принять чрезвычайные меры, чтобы способствовать экономическому восстановлению возвращенной от шведов территории. Жалованной грамотой царя Бориса Годунова[2] все население Корельского уезда было освобождено на 10 лет от податей, оброков и пошлин; жителям Корелы было предоставлено на это время право беспошлинной торговли на территории уезда, в Новгороде, в Пскове и даже в Москве; корельским горожанам были бесплатно переданы в собственность дома, построенные в городе в 1580 — 1597 гг. шведами. Таким образом, условия для хозяйственного восстановления города и уезда были созданы.

В последние годы XVI в. и в первые годы XVII в. Корельский уезд стал быстро восстанавливаться после разорения, причиненного войнами и шведской оккупацией. Карельские крестьяне, бежавшие от шведских захватчиков в годы оккупации, возвращались в свои родные места. Восстанавливалась хозяйственная жизнь и в карельском Поморье, и в Лопских погостах, и в Заонежье.

Но это мирное развитие Карелии было вскоре опять прервано начавшейся в конце первого десятилетия XVII в. новой шведской интервенцией, вызвавшей мощное освободительное движение карельского и русского народов.

б) Коми

Основную часть территории, которую населял в конце XV— начале XVII в. народ коми, входивший в состав Русского централизованного государства, составляли Вымская и Вычегодская земли. Это наименование территории бассейна рек Вычегды и Выми в XVI в. окончательно сменяет старое название «Пермь»[3], связанное с историей Коми-края как новгородской волости.

---

[1] *А. Чумиков.* О походе шведов к Белому морю в 1590—1591 гг. «Чтения ОИДР», 1894, кн. 3, стр. 12—16; *М. Н. Тихомиров.* Малоизвестные летописные памятники. Соловецкий летописец второй половины XVI в. «Исторический архив», кн. VII, М., 1951, стр. 232—233 (текст новгородско-псковского свода).

[2] «Материалы по истории Карелии XII—XVI вв.», № 291, стр. 362—363.

[3] Ср. дозорные книги 1608 г. «Вымские и Вычегодские земли». «Акты времени правления царя Василия Шуйского» (далее АВШ), М., 1914, № 103, стр. 267—354. В «Книге Большому чертежу» Усть-Вымь уже именуется Старой Пермью. «Книга Большому чертежу». М.— Л., 1950, стр. 163, 164, 168, 181.

Если земли по берегам рек Вычегды, Выми, Удоры и Сысолы были заселены уже издавна, то в XVI в. происходит освоение северо-восточных пространств края.

Еще в начале XVI столетия берега рек Цильмы, Ижмы представляли собой «лес, дичь и мхи, болота, сокольи и кречатьи садбища»; здесь не было пашен и оседлого населения[1]. Только богатые промыслы привлекали сюда издалека кеврольцев, чакольцев[2] и мезенцев, которые ловили рыбу «наездом», т. е. временно наезжая в эти места. Но в начале правления Ивана IV в этих местах появился слободчик И. Д. Ластка Новгородцев, который выхлопотал себе в 40-х годах XVI в. жалованную «слободскую грамоту» на земли в бассейне Печоры.

Ластка Новгородцев принялся энергично «копити слободу». В 1564 г. на Усть-Цильме уже числилось 14 дворов с населением в 19 человек (взрослых мужчин); через 11 лет прибыло еще 2 двора с населением в 4 человека[3].

Почти одновременно с р. Цильмою заселялась и р. Ижма. Если в первой половине XVI в. на р. Ижме поселений еще не было, то уже в 1567 г. здесь была основана Ижемская слобода [4].

Главная струя русских поселенцев шла на Цильму из русского Поморья. Ижма привлекала к себе также местных насельников из числа коми: до последнего времени население Цильмы было русское, а Ижмы — коми.

В XVI в. неблюдается дальнейшее расселение коми на северо-восток в бассейн Печеры. В 1573—1574 гг. в Пустозерске, кроме оброчных дворов, насчитывалось 52 двора «тяглых безпашенных, а в них живут царевы и великого князя пермяки крещеные на тяглой земле»— всего 89 человек[5].

Происходил прилив населения и в район основной территории Коми-края. В Глотовской слободе, основанной выходцами из Новгородской земли в конце XV — первой половине XVI в., «угодья на диком лесу» иногда отдавались «на льготу» (т. е. с освобождением на несколько лет от уплаты государевых податей) предприимчивым крестьянам. Они должны были «лес сечи, и дворы ставити, и пашни розпахивати, и иных крестьян к себе называти»[6].

Несомненно, что в Коми-крае было много русских «приходцев». Об этом, например, красноречиво говорит название одной из сысольских деревень «Русь»[7]. Приливу населения в Коми-край способствовала и продолжав-

---

[1] «Дневник Владимира Николаевича Латкина во время путешествия на Печору в 1840 и 1848 годах», ч. II, СПб., 1852, стр. 139.

[2] Кевролький уезд и Чакольский стан находились на р. Пинеге.

[3] «Дневник В. Н. Латкина», стр.139—143; *П. А.Садиков.* Очерки по истории опричнины, М. — Л., 1950, стр. 481; *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 924.

[4] *А. П. Энгельгардт.* Русский север. СПб., 1897, стр. 225.

[5] *П.А. Садиков.* Указ. соч., стр. 466—467.

[6] ГПБ, акты до 1613 г. (далее — Акты), № 184.

[7] АВШ, № 103, стр. 337.

шаяся колонизационная деятельность монастырей. Так, в 1535 г. в шестнадцати верстах от Соли-Вычегодска на р. Вычегде был основан Николаевский Коряжемский монастырь; в 1540 г. неподалеку от устья р. Сойги (приток Вычегды) был основан еще один монастырь — Спасский-Сойгинский. Прилив русского населения оказывал благотворное воздействие на развитие экономики Коми-края. Именно с этим приливом связывается развитие трехпольного земледелия, до XVI в. не имевшего на территории Коми-края сколько-нибудь заметного распространения.

Однако в Коми-крае количество пришлого населения в целом было невелико. В основном бассейны Сысолы и Вычегды населяли коми.

В 1585—1586 гг. была произведена перепись Вымской и Вычегодской земель. На всей этой территории было 3 посада, 45 погостов, 2 волости, 775 деревень, 75 починков, 3 слободки и 2 займища, а в них 1935 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских (не считая 56 пустошей и 287 пустых дворов)[1]. Население Вымской и Вычегодской земель исчислялось в 2170 человек крестьян и 8 бобылей. Наиболее населено было Еренское городище (так называлась территория, тянувшая к г. Еренску), где было 725 крестьянских дворов[2].

В конце XVI в. были произведены некоторые изменения в территориальном составе Вымской и Вычегодской земель: ряд волостей был отмежеван к соседним уездам.

Административными центрами отдельных частей Коми-края являлись Еренский городок, состоявший из городища и прилегавшего к нему «посада»[3], городок-погост Вотча в Сысольской волости, погост Глотова слободка и другие. Каждая земля или волость, входившая в состав Коми-края, состояла из целого ряда погостов. Погост в XVI в. в Коми-крае обычно соответствовал русскому селу. В погосте, как правило, находилась церковь; он был центром, к которому «тянул» целый ряд деревень и починков.

Крупнейшие погосты (например, Вотча, Большой Иб, Киберский в Сысольской волости) имели укрепленные городки[4], «приказанные» сотникам и целовальникам на случай какого-нибудь нападения. В них хранилось вооружение, в том числе артиллерия («наряд»).

Деревни в Коми-крае, как и в других частях Русского государства, были невелики — их размер колебался от одного до четырех-пяти дворов в среднем около двух дворов).

* * *

В хозяйственной жизни Коми-края к концу XVI в. ощущались заметные сдвиги, выражавшиеся прежде всего в дальнейшем распространении

---

[1] АВШ, № 103, стр. 353; см. также сотные 1585—1586 гг. на Еренское городище (ОДРА, акты до XVII в., № 458), Глотову слободку (ГПБ, акты, № 184), Сысольскую волость (ГПБ, Q, IV, № 369), на Ужгу (ОДРА, собр. Шегрена, № 21).

[2] АВШ, № 103, стр. 292.

[3] Ср. ОДРА, акты до XVII в., № 458.

[4] ГПБ, Q, IV, № 369, лл. 1 об., 6, 11—11 об. и др.

земледелия. Однако говорить о широком развитии трехполья в Коми-крае в XVI в. нет достаточных оснований. Даже значительно позднее, во второй половине XVIII в., в хозяйстве народа коми было широко распространено подсечное земледелие.

Неблагоприятные климатические и природные условия края мешали значительному развитию земледелия. По возможности поселяне «припахивали», где было удобно, и заводили «займища» «на черном лесу... на роспашку». Но частые паводки нередко сводили на нет труд земледельца; то здесь, то там пашню, а иногда и крестьянские дворы сносило «вешнею водою»[1].

Всего в 1585—1586 гг. в Вымской и Вычегодской земле, по данным переписи, было пашни паханой 1972 чети[2] с лишним в одном поле «середней» и «худой» земли, иначе говоря, приходилось на каждый крестьянский двор в среднем около чети в поле. В других, более пахотных районах количество пашни на один двор было несколько больше. Для сравнения укажем, что в центральных уездах страны в 50—60-х годах XVI в. средняя величина запашки на один крестьянский двор составляла 7,8 четверти[3]. Незначительный удельный вес хлебопашества в хозяйственной жизни Коми ярко виден из челобитья жителей Глотовской слободы, которые в 1591 г. писали, что они «кормятся пиктою да зверем, а хлеба не пашут»[4], ибо «земля у них худа, хлеб не родитца и мороз поборяет».

Недостаток собственного хлеба в какой-то мере восполнялся ввозом: вымичам приходилось «к Соли или в которые села (Сольвычегодского уезда.— *Ред.*), и в погосты, и в слободы, и на торжки, и на ярмарки приезжая, покупати хлеб». Однако, конечно, этого привозного хлеба тоже не хватало и масса населения находилась в тяжелых условиях.

Если естественные условия мало благоприятствовали развитию земледелия, то обилие «пожен», т. е. сенокосов, позволяло разводить в большом количестве скот. Даже в Усть-Цильме жители держали рогатый скот и овец[5].

Но главные средства пропитания коми находили в промыслах — в рыбной ловле и в охоте. К каждой волости были приписаны речки, озера и курьи, в которых волостные крестьяне ловили рыбу. На пернатую дичь ставились «перевесы», т. е. сети. Усиленно охотились на ценных охотничьих птиц, на которые был большой спрос и в Москве, и за рубежом. «Кречатьи садбища» упоминаются в числе угодий Усть-Цилемской слободы[6]. Но главным предметом охоты был пушной зверь. Жители Усть-Цилемской волости и других районов били бобров[7].

[1] АВШ, № 103, стр. 268, 273, 281, 286, 348.

[2] Там же, стр. 353.

[3] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1951, стр. 39.

[4] ААЭ, т. I, СПб., 1836., № 350, стр. 424.

[5] *В. П. Шляпин.* Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, ч. II, В. Устюг, 1913, стр. 170.

[6] *П. А. Садиков.* Указ. соч., стр. 482.

[7] АВШ, № 103, стр. 330; ГПБ, Q, IV, № 369, л. 18 об.; ГПБ, акты, № 184.

Развитие промыслов в стране Коми способствовало укреплению экономических связей с другими областями страны. Русское государство было крайне заинтересовано в пушных богатствах Вычегодско-Печорского края. Выше говорилось, что лучшие «собольи меха с гладкой шерстью и проседью» доставлялись из Перми и Печоры. Впрочем, уже тогда пушнина высшего качества шла из-за Урала, и коми являлись, главным образом, деятельными посредниками между далекой Югрой и русскими рынками[1]. Пушнину, добывавшуюся на охоте, коми сбывали главным образом в Устюг, который был крупнейшим рынком мехов в XVI в[2].

Кроме рыбных и охотничьих угодий, составлявших исстари основное богатство края, на Выми были известны соляные источники.

В последней четверти XVI в. в Коми-крае зародилась соляная промышленность и возникли Сереговские промыслы, получившие название от фамилии владельцев земли — крестьян Сереговых[3].

Дальнейшее развитие получило ремесло. Появились ремесленники, занимавшиеся выделкой кож, обуви, одежды, кузнечной работой[4]. Среди коми, занимающихся промыслами, выделялись более зажиточные, которые сами становились торговцами-предпринимателями.

В движении на восток большое участие принимали коми, жившие на Вычегде и на Печоре. Коми были известны кратчайшие дороги через Урал, которыми они уже в XVI в. (а возможно и раньше) зимою и летом отправлялись с товарами в Мангазею и к Енисею. В поисках пушного зверя коми проникали на верхнюю Обь и на Енисей. Главным предметом обмена с жителями Зауралья служило железо, которое покупалось и выменивалось у московских купцов[5].

Бродя по тайге и тундре Сибири, промышляя и торгуя, коми в некоторых местах оседали на длительное время, основывая «городки», т. е. укрепленные становища, следы которых находятся на нижней Оби и дальше на восток[6]. «Остроги» служили не только исходными пунктами для промышленных экспедиций, но и центрами торговли с вогулами (манси), остяками (хантами) и «самоедью» (ненцами)[7]. Вымские и вычегодские «торговые люди» покупали в начале XVII в. товары в Москве, Вологде, Устюге и Соли-Вычегодской и отвозили их в сибирские города[8].

---

[1] *Павел Иовий Новокомский.* Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 261.

[2] *В. П. Шляпин.* Указ. соч., стр. 154, 159—162; *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 261, 267 и др.

[3] АВШ, № 103, стр. 317—319; «Записки Общества изучения Коми-края», вып. II, Устьсысольск, 1929, стр. 48—50.

[4] ГПБ, акты, № 184 и др.

[5] АВШ, № 103, стр. 267—354; РИБ, т. 2, СПб., 1875, № 188, стб. 823; ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1, св. 160; кн. № 2, л. 34 об.; *Павел Иовий Новокомский.* Указ. соч., стр. 267.

[6] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. № 1, л. 113.

[7] РИБ, т. 2, № 188, стб. 820.

[8] ОДРА, собрание Шегрена, № 34.

Коми сыграли большую роль в деле освоения Сибири. Они служили проводниками — «вожами» — для царских служилых людей, продвигавшихся на восток[1]. Из коми вербовались охочие люди, которые пополняли собою немногочисленные отряды государевых служилых людей. Пермичи, вымичи и усольцы должны были помогать и в постройке острога в Пелымской земле[2]. Мангазейский город также был поставлен «служивыми людьми... и зыряны и пустозерцы»[3]. В сибирские городки Березов, Мангазею вымичи и усольцы брались на службу в «казаки». На коми в значительной степени падала тяжелая повинность снабжения средствами перевозки всех официальных лиц, пользовавшихся поморским путем[4].

Так оживление сношений с северо-западной Сибирью отражалось на жизни народа коми.

* * *

Общие социально-экономические процессы, протекавшие на основной территории Русского государства, не могли не захватить и народ коми.

В конце XV— начале XVII в. частное землевладение светских и духовных феодалов на территории народа коми не получило широкого распространения. Сравнительно крупным феодалом оставался только пермский епископ. В 1585—1586 гг. его вотчина Усть-Вымь состояла из 89 крестьянских дворов и 97 четвертей пашенной земли[5]. Основная территория Коми-края была заселена прежде всего черносошным крестьянством.

В это время продолжала еще существовать территориальная община — «волость». Община владела промысловыми угодьями и эксплуатировала их. Еще в начале XVII в. твердо держалось правило, что в рыболовных угодьях рыбу ловили все волостные крестьяне и что угодья эти не подлежали отчуждению в частные руки. Общим достоянием общины были также и «бобровые гоны»[6].

Однако с развитием товарно-денежных отношений в общине намечаются признаки начинающегося имущественного неравенства. Появляются крестьяне «лутшие», «молотшие» и «середние». Так, в 1585—1586 гг. на посаде и в деревнях Еренского городища уже было 15 дворов «лутших», 105 дворов «середних» и 601 двор «молотших»[7]. Решительное преобладание беднейшей прослойки крестьянства из этих цифр явствует довольно наглядно.

---

[1] РИБ, т. 2, № 188, стб. 817.

[2] *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. 1, М.— Л., 1937, стр. 347, 349.

[3] РИБ, т. 2, № 188, стб. 828.

[4] ОДРА, акты Соликамские, №№ 5, 9; «Сборник князя Хилкова». П., 1879, №№ 26—27, стр. 98—99; АВШ, № 44, стр. 49.

[5] АВШ, № 103, стр. 297.

[6] ГПБ, Q, IV, № 369, лл. 19—19 об.

[7] ОДРА, акты до XVII в., № 458; ГПБ, Q, IV, № 369, л. 11 об. В Ужге были только дворы «молотших людей» (числом 37). ОДРА, собрание Шегрена, № 21.

«Лутшие» и частью «середние» крестьяне в XVI в. постепенно втягивались в торговые отношения. «Прожиточные» крестьяне в первую очередь занимались хлебопашеством[1], припахивали «наездом» пустующие земли, находившиеся неподалеку от их места жительства[2]; покупали пашни[3], брали на «оброк» земли и другие угодья[4]. Так появлялись мелкие феодалы из числа местного крестьянства[5]. Это видно на примере слободчика Ивана Ластки, который за свой счет «копил» слободу, т. е. призывал новосельцев и снабжал их орудиями производства, присваивая третью часть всех угодий слободы. Он выхлопотал себе также право суда и взыскания в свою пользу судебных пошлин, не говоря о других доходах. Торговля с Устюгом способствовала выделению сравнительно богатых купцов. Таковы, например, Волынкины на Выми в конце XVI в.[6]

В деревне наряду с «прожиточными» крестьянами и мелкими вотчинниками появились безземельные половники, работавшие исполу в чужом хозяйстве. Такие половники были как на монастырских и церковных землях, так и у более состоятельных крестьян.[7] В особенно тяжелом положении находились бобыли, не имевшие собственной запашки (писцовая книга 1608 г. именно из их числа отмечает значительное количество «обнищавших», которые питались подаянием, «ходя по дворам»)[8].

Подавляющее большинство крестьян Вымской и Вычегодской земель, принадлежавшее к числу черносошных, платило в государственную казну многочисленные подати и пошлины, размер которых строго фиксировался в писцовых книгах. После реформы податной системы в середине XVI в. различные подати были объединены в один оброк размером в полтину с каждого крестьянского двора[9]. Переверстка платежей привела к увеличению налогового бремени. Кроме оброка, разверстывавшегося по крестьянским и бобыльским дворам, население Коми-края платило различные «таможенные» и «кабацкие» пошлины[10].

Разверстку («размет») податей должно было определять экономическое состояние плательщика. На практике основная часть налогового бремени падала на широкие круги «молотших людей».

Усиление налогового бремени сопровождалось ростом задолженности и обнищанием народных масс. Многие жители Вымской и Вычегодской

---

[1] ААЭ, т. I, № 350, стр. 423—425; ср. АВШ, № 103, стр. 322, 328, 329.

[2] ГПБ, Q, IV, № 369, л. 13 об.

[3] «Прикупная пашня» отмечена в сотной 1585—1586 гг. Глотовой слободы. ГПБ, акты, № 184.

[4] ГПБ, Q, IV, № 369.

[5] Там же, л. 15 об.

[6] *В. П. Шляпин*. Указ. соч., стр. 160, 183.

[7] Ср. ГПБ, Q, IV, № 369, лл. 12, 13 об.

[8] АВШ, № 103, стр. 272, 287, 293 и др.

[9] ОДРА, акты до XVII в., № 458; ГПБ, Q, IV, № 369, л. 48 об.; ГПБ, акты, № 184.

[10] ОДРА, акты Савваитова, № 11. В 1608 г. была составлена особая таможенная грамота, регламентировавшая взимание таможенных пошлин в Вымской и Вычегодской земле. ОДРА, собрание Шегрена, № 34.

земель закладывали свои дворы и пашни более зажиточным крестьянам или духовенству[1]. Обедневшие крестьяне вынуждены были бросать хозяйство, жить «в наймех»[2] или даже нищенствовать[3].

Классовая борьба, порожденная тяжелой феодальной эксплуатацией, в Коми-крае принимала различные формы. Крестьяне прежде всего боролись за землю, которую правительство раздавало слободчикам. Так, в середине XVI в. кевропьцы, чакольцы и мезенцы вели длительную борьбу со слободчиком Ивашкой Ласткой в устье Цильмы[4].

От непосильных поборов, тяжелых социально-экономических условий крестьянство Коми-края нередко вынуждено было покидать свои родные места в поисках «лучшей доли»[5]. Крестьянские побеги как пассивная форма классовой борьбы усилились к концу XVI — началу XVII в., когда страна переживала тяжелые годы хозяйственного разорения и неурожая 1601—1602 гг. Так, по отрывочным данным писцовой книги 1608 г., вконце XVI в. и в первые годы XVII в. человек тридцать крестьян коми сбежало на Каму (туда направлялись, главным образом, сысоличи); были случаи ухода на Двину, Вятку и в Вычегодский уезд.

Приведенные выше, хотя и отрывочные, сведения говорят о том, что и в Коми-крае, как и в других частях Русского государства, крестьянство боролось против своих эксплуататоров, используя имевшиеся в его распоряжении средства.

Изменения в управлении Коми-краем наглядно отражают историю укрепления централизованного аппарата власти Русского государства XVI в. В первой половине XVI в. отдельные земли Коми-края еще отдавались «в кормление» волостелям, вербовавшимся из представителей феодальной знати[6]. После реформ 1555—1556 гг., уничтоживших власть наместников и волостелей, население Лузской Пермцы, входившей в состав Сольвычегодского уезда, выхлопотало себе у Ивана Грозного специальную уставную грамоту. Согласно этой грамоте, крестьян Лузской Пермцы судили «выборные земские люди» (т. е. представители верхушки местного населения), а устюжским и сольвычегодским наместникам было запрещено ведать этой волостью в судебном и податном отношениях[7].

Сбором и раскладкой податей и делами управления ведали в Коми-крае вымский, вычегодский, удорский и сысольский сотники, которым подчинялись старосты и целовальники[8]. Новая земская организация местного управления, утвердившаяся с середины XVI в., строилась, таким образом, с использованием старых общинных институтов.

[1] ГПБ, Q, IV, № 369, л. 10; ГПБ, акты, № 184.
[2] ГПБ, акты, № 184.
[3] ГПБ, Q, IV, № 369, лл. 2 об., 9, 11, 14; ср. ГПБ, акты, № 184.
[4] «Дневник В. Н. Латкина», стр. 139—143.
[5] ГПБ, Q, IV, № 369, лл. 2 об., 3 об., 9, 10, 14.
[6] «Акты Юшкова», ч. I, М., 1899, стр. 155.
[7] «Земская уставная грамота Усольского уезда...». «Чтения ОИДР», 1907, кн. I, отд. IV, стр. 40—47.
[8] «Дневник В. Н. Латкина», стр. 141 и др.

На территорию Коми-края распространялось действие общерусских законов, однако имевших здесь некоторые отличия. Очевидно, к концу XVI в. там имел хождение «зырянский судебник», о котором сохранилось упоминание в документах XVII в.[1] В соседних с Коми-краем Устьянских волостях был в употреблении своеобразный «Судебник» царя Федора Ивановича 1589 г.

* * *

Прогрессивную роль в развитии Коми-края, подчинявшегося ранее Новгороду, сыграло его включение в состав централизованного Русского государства. Благодаря этому Коми-край избавился от губительно отражавшихся на его народном хозяйстве вторжений соседних северо-восточных народов манси, казанских татар и других; успешнее развивались производительные силы Коми-края. В сельское хозяйство все более внедрялось трехпольное земледелие; охота и рыболовство постепенно отступали на задний план.

Под воздействием русской культуры развивалась культура Коми-края. Показателем развития письменности и культуры в Коми-крае является так называемая Вологодско-Пермская летопись, созданная при дворе епископа Филофея в конце XV в. (около 1496 г.)[2] и использовавшая в качестве источника ряд летописных произведений того времени. Появляются образованные люди из числа народа коми, владевшие так называемой «древнепермской азбукой»[3].

Царизм проводил в отношении коми политику угнетения. Феодалы подвергали местное население жестокой эксплуатации, в борьбе с которой народ Коми-края выступал рука об руку с русским крестьянством. Единство интересов коми-народа с великим русским народом особенно ярко проявилось в первые годы XVII в., в период их совместной борьбы против иноземной интервенции за спасение своей родины.

в) Саамы, ненцы, ханты и манси

Саамы (лопь)

Территория, населенная саамами в конце XV и XVI в., охватывала огромные пространства Кольского полуострова, Финмаркена[4], северной

---

[1] *М. Михайлов.* Описание Усть-Вымa. Вологда, 1851, стр. 159—160.

[2] Текст этой летописи до настоящего времени еще не издан. Сохранилось несколько списков этого произведения, в том числе Синодальный 1 начала XVI в. (ГИМ, Синод, № 485 на 558 лл. в четвертку), Кирилловский XVI в., Академический XVI в. и Чертковский; *М. Н. Тихомиров.* О Вологодско-Пермской летописи. «Проблемы источниковедения», сб. III, М.— Л., 1940, стр. 225—244.

[3] *В. Н. Лыткин.* Древне-пермский язык. М., 1952, стр. 32—33.

[4] Теперь—территория крайней северо-восточной провинции Норвегии, носящей то же название — Финмаркен и лежащей между скандинавскими горами, границей с СССР и Ледовитым океаном.

части современных Карелии и Финляндии. Саамское население во всех этих областях было весьма редким и немногочисленным. До 70-х годов XV в. почти все саамы платили дань Новгороду.

В источниках конца XV—XVI в. различается несколько групп «лопи» (саамов) и, соответственно, несколько областей, ими населенных.

«Лопь лешая» и «лопь дикая» жили в лесной полосе севера, на территории современной северной Карелии. Повидимому, «лопь лешая», т. е. лесная—это саамы, оседло жившие в лесах, имевшие постоянные селения, занимавшиеся рыболовством и охотой; «дикая лопь»— это, скорее всего, саамы, занимавшиеся оленеводческо-охотничьим хозяйством и ведшие полуоседлый-полукочевой образ жизни[1].

К концу XVI в. понятия «дикая лопь» и «лешая лопь» слились и стали в равной мере употребляться для обозначения одной и той же территории к северу от бассейна реки Кеми и до Кандалакши. Эта территория состояла из 10 волостей с весьма редким и немногочисленным саамским населением[2].

Южнее «дикой» («лешей») лопи находилась обширная территория Лопских погостов, простиравшаяся на юг до Олонецкого перешейка. В XVI в. большинство населения Лопских погостов составляли уже карелы, переселявшиеся сюда из Корельского уезда во все большем количестве; старое местное лопское (саамское) население постепенно ими ассимилировалось[3].

Севернее «дикой» и «лешей» лопи, в полосе лесотундры и тундры, жила «лопь Терская» и «лопь Кончанская». «Лопь Терская» — это саамское население Кольского полуострова, носившего древнерусское название «Терский наволок» (от саамского названия территории Кольского полуострова — «Тер» или «Тѣр»)[4]. «Лопь Кончанская» — саамы, жившие в «Мурманском конце», т. е. в окраинной области, которая находилась на границе с «мурманами» — норвежцами (в основном в современной норвежской провинции Финмаркен).

Территория Терской и Кончанской лопи делилась на погосты. Термин «погост» появился здесь под влиянием новгородцев, вводивших деление на погосты во всех осваиваемых ими северных землях. Здесь погост состоял из одного поселения с принадлежавшей ему территорией; при определении территории отдельных погостов, вероятно, учитывались существовавшие родоплеменные группы местного населения.

Основным занятием саамского населения Кольского полуострова и «дикой лопи» было рыболовство и охота [5]. Притом охота была не только

---

[1] Термин «дикая лопь» в документах иногда распространяется и на саамов Кольского полуострова.

[2] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.». Л., 1930, № 22, стр. 49—51.

[3] Поэтому история этой области освещается в разделе о «карелах».

[4] *И. П. Шаскольский.* О первоначальном названии Кольского полуострова. «Известия Всесоюзного Географического общества», 1952, № 2, стр. 201—202.

[5] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.», № 5, стр. 29—30; №№ 9—14, стр. 40—44.

источником питания, но она доставляла и наиболее ценный товар — пушнину, от продажи которой саамы получали деньги для уплаты дани. Не менее важным, чем рыболовство и охота, занятием саамов было оленеводство.

Хозяйственная деятельность саамов носила ярко выраженный сезонный характер, сохранившийся вплоть до XX в. Территория каждого саамского погоста на Кольском полуострове включала значительные пространства тундры и участок морского берега с несколькими реками и ручьями, пригодными для лова красной рыбы, и с несколькими морскими губами, откуда можно было производить лов рыбы в море[1]. Каждую весну саамы переселялись к берегу моря для рыболовного промысла, на зиму возвращались в зимние селения вглубь тундры.

Сохранившиеся документы дают мало материалов, характеризующих общественные отношения у саамов. Повидимому, саамы находились на стадии становления классового общества. Процесс их общественного развития был ускорен вхождением сначала в Новгородскую феодальную республику, а затем в состав Русского централизованного государства. С середины XVI в. Кольский полуостров стал усиленно заселяться и осваиваться русскими людьми, и общественные отношения саамов подверглись сильному влиянию более развитого общественного строя русских земель. К концу XVI — началу XVII в. укрепилась частная собственность на средства производства, все угодья уже находились в личном владении отдельных семей и передавались по наследству[2]. Но у саамов не возникло своего класса феодалов. Основная масса саамского населения оказалась в зависимости от Русского феодального государства; небольшая часть саамов — саамы Печенгского и Мотоцкого погостов (25 семей) — при Иване Грозном были переданы во владение Печенгского монастыря[3]. Зависимость саамов от русского феодального государства выражалась в ежегодной уплате дани и выполнении подводной повинности. Саамы, принадлежавшие Печенгскому монастырю, дань государству не платили, а отдавали ее монастырю.

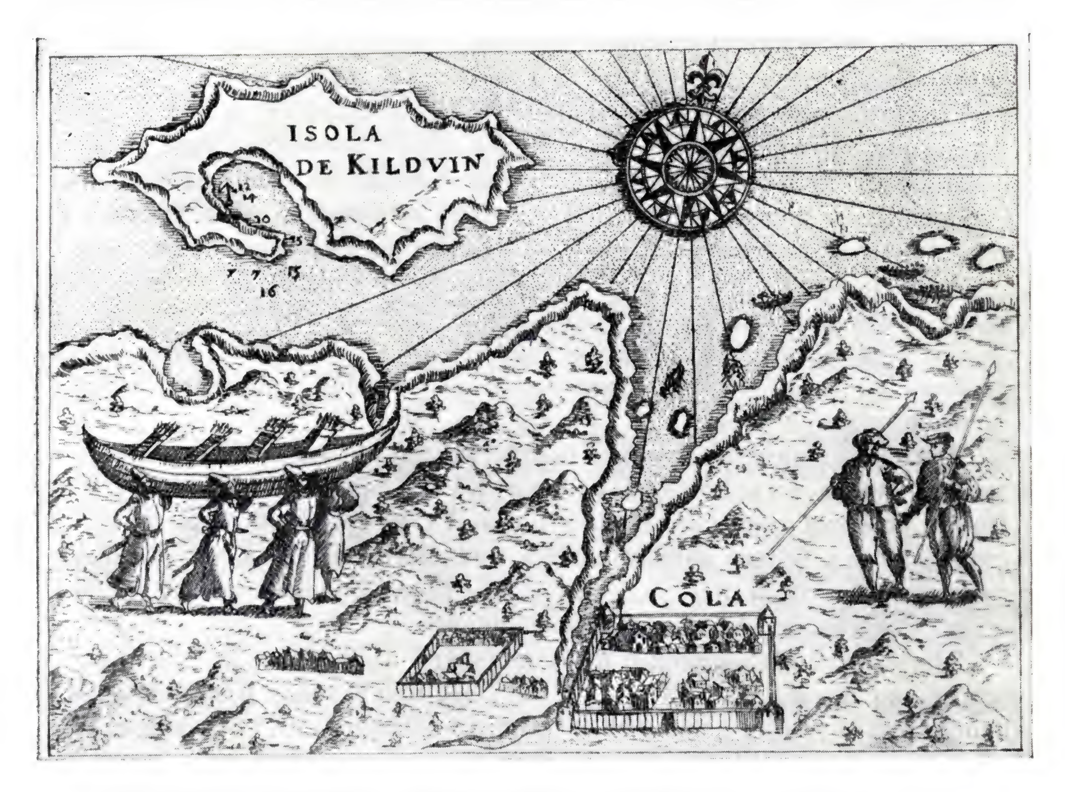
Важным фактором в жизни Кольского полуострова в XVI и начале XVII в. было промысловое освоение русскими людьми побережья полуострова. В период феодальной раздробленности был прочно освоен лишь южный берег полуострова до реки Пялицы. Остальная территория не имела русского населения. В XVI в., особенно к концу столетия, идет заселение и более интенсивное освоение восточного и северного побережья. Вслед за русской крестьянской колонизацией последовал захват монастырями-феодалами у саамов и крестьян-переселенцев большей части рыболовных угодий в прибрежных реках и губах и мест лова пушного зверя. Саамское

---

[1] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.», № 5, стр. 29—30; № 27, стр. 55—64.

[2] Там же №№ 7, 9—13, 21.

[3] Там же, № 15, стр. 44—45; № 27, стр. 55—64.

Карта острова Кильдина и части Кольского полуострова с планом г. Колы. Гравюра из книги Геррита-де-Вера, XVI в.

население оттеснялось в бедные зверем и рыбой местности. Исконным жителям края приходилось арендовать на тяжелых условиях исстари им принадлежавшие земли и угодья. На побережье полуострова образовались владения крупных духовных феодалов — Печенгского, Антониева-Сийского, Троице-Сергиева и других монастырей; существовавшие с XV в. владения Соловецкого монастыря на южном берегу Кольского полуострова продолжали расти[1]. Феодальная эксплуатация вызывала выступления саамов против монастырей и зависимых от них промышленников. Но вместе с тем русская колонизация Кольского полуострова сыграла положительную роль в жизни саамского народа. Она обезопасила саамскую землю от нападений и безнаказанных хищнических поборов со стороны норвежских и датских захватчиков.

Политические отношения в землях Терской и Кончанской «лопи» были весьма сложны. С XIII в. «Лопская земля» (Кольский полуостров и Финмаркен) представляла собой общий округ по сбору дани с саамов и Русью (Новгородом) и Норвегией. С начала XIV в. территория «Лопской земли» была поделена между Норвегией и Русью. С тех пор

[1] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI — XVII вв.», №№ 15, 17, 19; Сб. ГКЭ, т. II, Л., 1929. №№ 136, 139, 141, 144.

в полном владении России находилась «Терская лопь»— территория внутренних местностей Кольского полуострова к востоку от Кольского залива (пять лопарских погостов, населенных саамами), а также часть территории «Кончанской лопи» — 10 лопарских погостов, находившихся к западу от Кольского залива и от Кандалакши до границы с Данией (владевшей с конца XIV в. Норвегией) и Швецией. Основная часть территории «Кончанской лопи» в XV—XVI вв. принадлежала Дании.

С 80-х годов XVI в. датское правительство, основываясь на своем праве сбора дани с «Терской лопи», стало требовать от России передачи Дании всей территории Кольского полуострова; тогда русское правительство, со своей стороны, стало требовать передачи датской части «Кончанской лопи» России.

Длительная дипломатическая борьба России и Дании за «Лопскую землю» осложнилась в конце XVI — начале XVII в. вмешательством Швеции. Но все попытки шведского короля Карла IX во время польско-шведской интервенции в России начала XVII в. дипломатическим или вооруженным путем овладеть Кольским полуостровом кончились полной неудачей вследствие героической борьбы русского народа.

Русско-датский конфликт из-за «Лопской земли» достиг наибольшей остроты в первые годы XVII в.; в 1602 г. датские власти в Варде перестали пропускать русских данщиков в «Мурманский конец». Русские власти в Коле приняли аналогичные меры в отношении датских данщиков, и общий округ по сбору дани перестал существовать [1]. После этого многолетний конфликт из-за «Лопской земли» постепенно прекратился, и Кольский полуостров вместе с живущей там частью саамского народа навсегда остался в составе нашей страны.

Освоение русскими побережья способствовало развитию промыслов и торговли на всей территории полуострова, втягивало весь край, в том числе и саамское население, в общий процесс роста экономических связей в стране. Высокая русская культура благотворно влияла и на развитие культуры у саамов. Известную положительную роль в этом отношении сыграли основанные в XVI в. на Кольском полуострове монастыри — Кандалакшский, Петровский в городе Коле и особенно Печенгский [2]. Вместе с христианством в среду саамов стали проникать начатки грамотности. Таким образом, в результате русской колонизации побережья Кольского полуострова установилась значительно более тесная связь саамов с Россией, русской экономикой и культурой.

---

[1] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.» № 27, стр. 56—64; сбор дани обоими государствами был сохранен лишь на небольшой территории трех пограничных погостов (Печенгского, Пазрецкого и Нявдемского) к югу от Варангер-фьорда.

[2] *А. И. Андреев.* К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова. «Дела и дни», кн. 1, П., 1920, стр. 23—36; *Н. Харузин.* Русские лопари. М., 1890, стр. 36, 38.

Ненцы (самоеды)

Ненцы в XV—XVI вв. населяли огромные пустынные пространства тундры на крайнем севере Восточно-европейской равнины и Западной Сибири, от реки Мезени и полуострова Канина на западе и до низовьев Оби на востоке.

В конце XV в., после присоединения Новгорода, Русское централизованное государство приступило к закреплению ненецких земель, издавна подвластных Новгороду, которые находились к западу от Урала. Для этого в 1499 г. во время похода князей С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого на Югру в низовьях Печоры был построен укрепленный город Пустозерск[1]. Пустозерск стал административным центром для низовьев Печоры и для западной ненецкой тундры; задачей пустозерских воевод стал сбор дани (ясака) с ненцев на пространстве до Уральских гор, а также с Югорской земли за Уралом.

Тогда же, в конце XV в., русские люди, побывавшие за Уральским хребтом, собрали первые сведения о «самояди», живущей на Урале, в низовьях Оби и к востоку от Оби. Эти сведения были изложены в любопытном литературном памятнике конца XV в.— в «Сказании о человецех незнаемых в восточной стране»[2].

Из текста «Сказания о человецех незнаемых» и из других источников известны три основных вида занятий ненцев: оленеводство, рыболовство, охота. Эти занятия были связаны с кочевым образом жизни и требовали частых перекочевок.

Оленеводство давало ненцам и основной продукт питания — мясо, и материал для одежды и обуви, и средства передвижения. Рыбу ненцы ловили в низовьях рек, впадающих в Баренцово и Карское моря; частично ненцы занимались и морским рыболовством.

Охотой на пушного зверя ненцы занимались на всем пространстве их земель, в полосе тундры, и особенно южнее, в полосе лесотундры. Но в западных ненецких землях, откуда пушнина (в форме товара или дани) вывозилась русскими людьми еще во время существования Новгородской феодальной республики, к XVI—XVII вв. количество пушных зверей, представлявших ценность, стало сильно уменьшаться. Поэтому особенное внимание русских торговых людей привлекали в XVI в. ненецкие земли за Уралом, где еще водились в большом количестве соболи, куницы, черные лисицы, бобры. Низовье Оби к концу XVI в. становится важным районом поставки пушнины на русский рынок.

XVI и начало XVII в.— время усиленного освоения русскими людьми западных ненецких земель. В XVI в. в низовьях Мезени и Печоры возникло несколько русских селений (Окладникова слобода и Лампожня на Мезени и др.); жители этих селений завели рыбные и охотничьи промыслы и начали

---

[1] *А. Дмитриев.* Пермская старина, вып. V, Пермь, 1894, стр. 68.

[2] *Д. Н. Анучин.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. «Древности», т. XIV, М., 1890, стр. 230—236.

производить торговлю с ненцами[1]. К началу XVII в. значительная часть «самояди» к западу от Урала была втянута в торговые сношения с русскими людьми. Ненцы привозили свои товары на продажу и в русские селения, часто очень издалека; до постройки русских городов за Уралом значительное число ненцев с низовьев Оби ежегодно приезжало для продажи своих товаров в русские селения на Печору, особенно в Пустозерск[2].

В то же время русские люди, привлекаемые пушными богатствами в низовьях Оби, стали сами ездить за пушниной за Уральский хребет. Освоив пути в восточные ненецкие земли и установив торговые сношения с местным населением, русские промышленные и торговые люди подготовили почву для политического подчинения края[3]. В последнем десятилетии XVI в., после разгрома Ермаком Сибирского ханства и присоединения хантских и мансийских земель была обложена ясаком «самоядь» в низовьях Оби.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода почти все ненецкое население на огромных пространствах от Мезени до низовьев Оби оказалось в зависимости от Русского государства.

Но политическая зависимость ненцев от Русского государства в XVI и в начале XVII в. не была еще прочной. Их постоянной обязанностью была лишь уплата дани. Единственным представителем русской администрации среди ненцев был данщик, ведавший и судивший ненцев в пределах своего района[4].

К моменту освоения ненецких земель русскими промышленными и торговыми людьми процесс распада родового строя у ненцев находился еще на начальной стадии. По уровню общественного развития ненцы отставали от своих южных соседей — коми, хантов и манси.

Проникновение русских людей в ненецкие тундры, развитие торговых сношений русских с ненцами и превращение ненецких земель в один из главных районов добычи пушнины в Русском государстве способствовали распадению у них первобытно-общинного строя, появлению частной собственности, выделению племенной знати и накоплению в ее руках богатств. В источниках XVI и начала XVII в. зафиксированы типичные для данного этапа общественного развития частые грабительские набеги ненцев на соседние племена и земли и на проезжавших через их земли купцов[5].

Эксплуатация ненецкого народа со стороны Русского феодального государства, изымавшего в качестве ясака наиболее ценную пушнину,

---

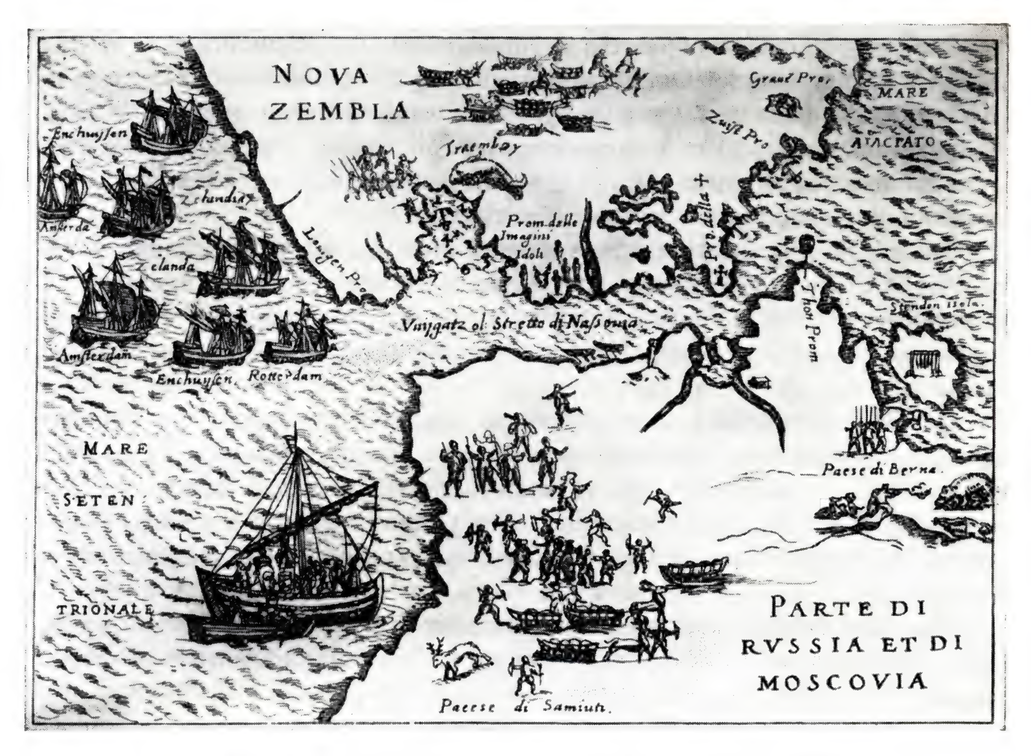
[1] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 76 и сл.; *С. К. Огородников.* Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по книге Большого Чертежа. «Записки Русского Географического Общества по отделению этнографии», т. VII, СПб., 1877, стр. 209—211.

[2] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. III, ч. I, М., 1955, стр. 80—81; *М. П. Алексеев.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. 1, Иркутск, 1932, стр. 161, 218.

[3] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 141—142.

[4] ААЭ, т. I, № 204, стр. 182—183.

[5] *В. Г. Карцов.* Очерк истории народов северо-западной Сибири. М., 1937, стр. 25.

Карта Новой Земли. Гравюра из книги Геррита-де-Вера, XVI в.

усугублялась истреблением природных богатств края русскими промышленниками и торговцами. В дальнейшем политика царизма привела к снижению жизненного уровня ненецкого народа, который до Великой Октябрьской революции не смог выйти из стадии родового строя.

Ханты (остяки) и манси (вогулы)

В XV—XVII вв. ханты жили на нижнем течении Оби, от впадения в нее р. Вас-Юган до Обской губы, на берегах восточных и частично западных притоков Оби (ближе к ее устью). Манси жили по нижнему течению Иртыша и его притоков и на среднем Урале; поселения манси частично заходили также и на западные склоны Урала, захватывая верховья Печоры и притоков Камы.

Ослабление политического могущества Новгорода в середине XV в. привело к прекращению зависимости от него Югорской земли. В последние десятилетия XV в. были совершены три похода русских войск в Югорскую землю. Самым крупным из них был поход четырехтысячной московской рати под предводительством С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого зимой 1499—1500 гг., организованный из Подвинья через северные реки и Уральский хребет на нижнее течение Оби. В результате похода было взято 42 югорских поселения («города») и большинство земель манси и хантов

вплоть до устья Оби обращено в зависимость от «великого князя всея Руси»[1]. Этот поход укрепил русское влияние в Югорской земле. Но до конца XVI в. за Уралом не было еще русских городов и укреплений, не было и представителей русской административной власти. Русское правительство не посылало в земли хантов и манси даже данщиков; сбор дани с населения производился местными князьями[2].

Основным занятием хантов и манси, живших на Оби в конце XV— начале XVII в., являлось рыболовство. Оно было не только главным источником питания, но давало и материал для одежды; ханты и манси выделывали с помощью рыбьего жира рыбьи кожи и шили из них платье, обувь и шапки.

Охота в хозяйственной деятельности приобских хантов имела меньшее значение. Напротив, у манси, живших на лесистых склонах Урала, она была основным занятием. Охота велась и на крупного зверя — лосей и оленей, и на мелкого пушного зверя. Как у хантов, так и у манси рыболовство и охота требовали частых передвижений (перекочевок) с одного места на другое[3].

Северные ханты, жившие в тундрах вблизи устья Оби и Обской губы, и северные манси (в Ляпинском княжестве) занимались оленеводством и имели довольно значительные стада оленей[4].

Южные манси, жившие на реках Туре и Тавде, особенно в местности Табары, занимались земледелием; но общее число манси-земледельцев было незначительным и размеры их пашни невелики[5].

Примитивный характер экономики обусловливал отсталость общественных отношений. В XV—XVI вв. ханты и манси находились на стадии распада первобытно-общинных отношений и вызревания классового (феодального) общества, совершавшегося в неблагоприятных условиях охотничье-рыболовческого хозяйства и полукочевого быта. К XVII в. существовавшие ранее крупные родовые группы уже распались, на смену им пришла большая патриархальная семья — «юрт». Охотничьи и рыболовецкие угодья, ранее находившиеся в коллективной собственности рода, перешли в собственность больших семей — юртов[6].

---

[1] «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 100; *А. Оксенов.* Политические отношения Московского государства к Югорской земле. ЖМНП, 1891, февраль, стр. 251—252, 257—264; *А. Дмитриев.* Указ. соч., стр. 55; *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935, стр. 5—6.

[2] См. грамоту Ивана IV югорскому князю Певгею 1557 г. *Г. Миллер.* Описание Сибирского царства. СПб., 1750, стр. 71 и в примечании; см. также СГГиД, ч. II, № 54, стр. 88.

[3] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 10—11, 15—16.

[4] Там же, стр. 12.

[5] Там же, стр. 18; ср. *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 102—106.

[6] *С. В. Бахрушин.* Основные линии истории обских угров. «Советское финно-угроведение», вып. 2, Л., 1948, стр. 263—264.

Наиболее важным явлением в жизни обско-угорского общества в XVI и начале XVII в. была все усиливавшаяся имущественная дифференциация, выделение экономически сильной группы населения, начавшей превращаться в класс феодалов. Уже во второй половине XV в. источники свидетельствуют о существовании у манси и хантов местных «князей» или «князцев». Русским термином «князь» источники тогда обозначали представителей родоплеменной знати, племенных старейшин, возглавлявших сравнительно небольшие группы хантского или мансийского населения[1]. Из общего числа племенных старейшин — «князей» ясно выделяются наиболее могущественные, подчинившие себе значительные группы своих соплеменников вместе с принадлежащими им землями[2].

Одним из путей обогащения (как это обычно бывает у всех народов в период разложения первобытно-общинного строя) была война. До конца XVI в. хантские и мансийские князья совершали постоянные набеги то на своих же соплеменников, то на соседние племена (на ненцев и др.). Набеги эти доставляли хантским и мансийским князьям добычу и рабов[3]. Кроме того, князья стали пользоваться своим положением в племени и для прямой эксплуатации своих соплеменников, присвоив право получать с них «поминки», т. е. внешне добровольные, но фактически ставшие обязательными ежегодные приношения «мягкой рухлядью» (мехами). Поминки являлись еще дофеодальным побором, имевшим, однако, тенденцию к превращению в принудительную регулярную дань—ясак. Поминки и ясак были для местной знати важным постоянным источником обогащения[4]. Отдельные князья уже в XVI в. накопили имущество довольно значительных размеров. Так, при захвате в плен в конце XVI в. мансийского кондинского князя Агая у него было взято значительное количество драгоценных мехов: 426 соболей, 13 лисиц (черных, бурых и красных), 61 бобр, 1000 белок[5]. В 80-х годах XV в. в источниках упоминается «князь больший» Молдан, стоявший во главе значительной части югорских князей; на нижней Оби во времена Ермака «большим князем» был кодский князь Алач и т. д.[6] Правда, все эти объединения были еще непрочны и быстро распадались. Только три крупных политических образования — Кодское и Обдорское княжества у хантов и Пелымское княжество у манси — обладали относительной устойчивостью.

В начале 70-х годов XVI в., когда произошло временное усиление татарского Сибирского ханства, хану Кучуму удалось ненадолго подчинить себе южную часть хантских и мансийских земель, население которых

[1] *Н. Н. Степанов.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме. «Советская этнография», 1936, № 3, стр. 25.

[2] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 34.

[3] Там же, стр. 13—15, 35.

[4] *С. В. Бахрушин.* Основные линии истории обских угров, стр. 263—269.

[5] РИБ, т. 2, № 54, стб. 101; *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 34—35, 78—79.

[6] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 37; *В. Г. Карцов.* Указ. соч., стр. 27—28.

уже около ста лет считалось данниками русских государей[1]. После похода Ермака, когда силы Сибирского ханства были сломлены, русское правительство приступило к планомерному освоению и закреплению сибирских земель. В 80-х годах и в начале 90-х годов XVI в. были вновь подчинены все хантские и мансийские княжества[2].

Сибирские земли привлекали русских феодалов и купцов своими несметными богатствами. Низкий уровень общественного развития, раздробленность, малочисленность сибирских народов облегчали их покорение. Но на первых порах русское правительство проявляло осторожность. По отношению к хантским и мансийским князьям оно избрало дальновидную тактику. Подчинение обских земель было началом большого движения русских людей в целях освоения огромных пространств Западной и Восточной Сибири. Русские власти в присоединенных областях хантов и манси на первое время сохранили систему мелких княжеств. За наиболее влиятельными местными князьями были признаны их права и земли, им было обещаны покровительство и поддержка со стороны русских властей; этими средствами русское правительство привлекало местных князей и родоплеменную знать на свою сторону и стало осуществлять господство над землями хантов и манси силами их князей и знати. Русские воеводы в первое время не вмешивались в управление княжествами, предоставляя дела управления местным князьям[3]. Основной обязанностью большинства князей по отношению к Русскому государству стали сбор и доставка ясака. За деятельностью князей наблюдали царские воеводы из русских городов, построенных в конце XVI в. в главных стратегических пунктах Приобья.

Наиболее крупную роль в жизни Западной Сибири после ее полного подчинения Москве стало играть Кодское княжество, князья которого сумели сразу войти в контакт с русским правительством и с его помощью еще более укрепили свою власть. Русское правительство со своей стороны широко использовало силы Кодского княжества для укрепления своей власти в Западной Сибири. Кодское княжество могло выставить военный отряд от ста до ста пятидесяти (а иногда и до двухсот) вооруженных людей. Воины ханты из Коды высоко ценились русским правительством, благодаря их прекрасному знанию местности, и особенно потому, что они привыкли вести военные действия в чужих для русских людей условиях тундры и суровой заполярной зимы. При участии кодских боевых отрядов были силой подчинены русской власти в конце XVI в. хантские и мансийские княжества в низовьях Оби и на восточных склонах Урала[4].

[1] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 38—39.

[2] *А. Дмитриев.* Указ. соч., стр. 184, 189—192.

[3] *С. В. Бахрушин.* Основные линии истории обских угров, стр. 269—271; *В. Г. Карцов.* Указ. соч., стр. 55—57.

[4] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 46—50, 60; *В. Г. Карцов.* Указ. соч., стр. 55—56.

Политика покровительства местным князьям со стороны русской власти привела, особенно в Кодском княжестве, к усилению процесса феодализации. Кодские, обдорские и другие местные князья постепенно превращались в феодалов, поступали на царскую службу и усиливали закабаление подвластного им населения[1].

С конца первого десятилетия XVII в. правительственная политика по отношению к местным князьям стала меняться. В первые годы польской интервенции в России, когда в Северном Приуралье и в Западной Сибири замечалось некоторое ослабление русской власти,начались волнения среди покоренных племен, поднятые местными князьями, стремившимися использовать удобный момент для освобождения от власти Русского государства. Все подобные выступления были быстро подавлены русскими воеводами, а княжеские семьи, в них замешанные, были лишены своих владений[2].

После польско-шведской интервенции, когда русская власть в центре и в Сибири вновь упрочилась, русское правительство перешло в Западной Сибири к политике постепенного ограничения, а затем и ликвидации местных княжеств. С укреплением русской власти в хантских и мансийских землях, с установлением здесь регулярного сбора ясака усилился феодальный и национальный гнет.

Прочное подчинение и освоение русскими Северного Приуралья и Западной Сибири в конце XVI и начале XVII в. способствовало развитию экономики края[3]. Прокладывались и осваивались торговые пути, связывавшие Западную Сибирь с русскими землями; ханто-мансийское население начало втягиваться в оборот русской торговли. Установление регулярных торговых связей с русскими землями способствовало развитию промыслов, в первую очередь — пушной охоты. В обмен на пушнину в Сибирь шли большие партии изделий русского ремесла, в том числе сельскохозяйственные орудия.

Освоение русскими Северного Приуралья и Западной Сибири привело к развитию здесь земледелия и скотоводства. Благодаря наличию в Западной Сибири довольно значительного русского земледельческого населения часть южных манси от экстенсивных форм хозяйства начала переходить к земледелию. От русских людей ханты и манси перенимали новые формы хозяйства, новые, более совершенные земледельческие орудия и другие достижения русской материальной культуры[4]. Этим определялось

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 52—54; *Н. Н. Степанов.* Указ. соч., стр. 32—33.

[2] РИБ, т. 2, №№ 75, 86, 100; АВШ, № 61, стр. 72—73; № 118, стр. 374—376; *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 43—44, 56, 65—66.

[3] *В. Мавродин.* Русское многонациональное государство и финно-угорские народы. «Советское финно-угроведение», вып. 2, Л., 1948, стр. 43; *В. Г. Карцов.* Указ. соч., стр. 49—50.

[4] *Н. Н. Степанов.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 79—83.

прогрессивное значение происшедшего в конце XVI в. подчинения Западной Сибири Русскому государству.

В совместной борьбе русского и ханто-мансийского населения Северного Приуралья и Западной Сибири как против местной знати, так и против русских феодалов все теснее сближались эти народы, входившие в состав Русского многонационального централизованного государства.

3

НАРОДЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

а) Народы Среднего Поволжья

В конце XV — первой половине XVI в. значительная часть народов Среднего Поволжья (татары, удмурты, мари, чуваши, мордва) находилась под властью Казанского ханства. Часть нерусского населения Поволжья уже входила в состав Русского централизованного государства.

С присоединением к владениям московских князей в XV в. Нижегородского княжества часть нижегородской мордвы — эрзи — вошла в состав великого княжества Московского. Другие мордовские земли оставались во владении татар и составляли часть территории Казанского ханства.

Под власть Золотой Орды, а позднее Казанского ханства, попали мари и чуваши. Часть мари занимала район рек Суры и Свияги на правом горном берегу Волги (горная черемиса), а главная масса их обитала на левом берегу в районе рек Ветлуги, Кокшаги (ветлужская и кокшайская черемиса) и дальше до Казани (луговая черемиса). Обитали мари также по среднему и нижнему течению Вятки.

В непосредственном соседстве с мари жили чуваши (на правом нагорном берегу Волги ниже Суры и частично на левом луговом берегу).

В Вятско-Камском междуречье жили удмурты («арские», «каринские» люди). С образованием Казанского ханства «арские люди», жившие на Каме, попали в подчинение к казанским ханам. «Каринские люди», обитавшие на Вятке, после присоединения Вятского края в 1489 г. к Москве, остались под управлением собственных князей, пользовавшихся феодальным иммунитетом, который подтверждался русским правительством.

В составе населения Казанского ханства было большое количество татар — потомков древних болгар — и русских, живших здесь еще до образования ханства, а также захваченных в плен во время многочисленных грабительских набегов казанских феодалов на русские земли.

Основным занятием населения Среднего Поволжья являлись земледелие и скотоводство, а также лесные промыслы (охота и бортничество)[1]. В центре Казанского края, особенно в хозяйстве крупных феодалов, применялась трехпольная система земледелия. В ее распространении, очевидно,

---

[1] РИБ, т. 31, СПб., 1914, стб. 190—191.

значительная роль принадлежала русским полоняникам. В лесных районах имела еще большее значение подсечная система. Из земледельческих орудий были известны плуг, серп и другие; из сельскохозяйственных культур — пшеница, ячмень, просо, рожь. Из домашних животных разводились лошади, использовавшиеся для земледельческих работ, рогатый скот, овцы; из птиц — куры, утки, гуси. Табунное скотоводство сохранялось лишь в степях Закамья.

У чувашей огромное большинство языческих празднеств, пережитки которых сохранялись до XIX в., связано именно с земледелием. Мари кокшайские и ветлужские также знали земледелие и скотоводство, хотя и менее развитые, чем у населения правобережья Волги.

Важнейшими из промыслов были добыча пушнины (куньих, беличьих, лисьих, собольих мехов), охота на лосей, медведей, эксплуатация бобровых гонов. Распространено также было бортничество (особенно у мордвы и мари).

Значительная часть земель принадлежала крестьянам-общинникам, обложенным ясаком и другими повинностями, вносимыми в казну Казанского ханства. Эта земля считалась собственностью государства. Для крестьянской земельной общины (по-татарски — джиен) характерно было нераздельное пользование лесами, пастбищами и другими угодьями и индивидуальное владение пахотными земельными участками отдельными крестьянами под наблюдением общины. Известны факты отчуждения крестьянами находившихся в их владении земельных участков[1].

В Казанском ханстве господствующим социально-экономическим строем был феодальный. Верховным собственником государственной земли являлся хан, который взимал через подчиненных ему эмиров с крестьян, обрабатывавших землю, разнообразные подати. Кроме того, значительная часть земель находилась в личном владении хана. После присоединения Казанского ханства эти земли перешли в разряд дворцовых.

Земля, находившаяся в государственной собственности, раздавалась отдельными участками казанским феодалам с правом сбора податей. Феодалы, получившие подобное право, носили название тарханов.

Государственная земля в Казанском ханстве была не только источником взимания ханом ренты, но и объектом ленного пожалования. В Казанском ханстве в этот период получает распространение институт сойюргала.

Хан являлся верховным собственником, а держатель сойюргала реальным владельцем. Верховная собственность хана на сойюргал проявлялась в его праве отнимать сойюргал в случае нарушения феодалом условий службы[2]. Служилые люди, которые несли военную или иную службу хану, получали в виде вознаграждения во владение обрабатываемые крестьянами участки государственной земли. Сойюргальные привилегии, как правило, фиксировались в ханских грамотах — ярлыках. Для их

[1] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, л. 166 об.; *Н. Н. Ардашев.* Татарские земляные письма XV в. и спорное дело XVIII в. о ясашных землях. М., 1908, стр. 12.

[2] ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 295.

характеристики исключительное значение имеет ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г.[1]

Ярлык подтверждал привилегии, которыми пользовались предки обладателей настоящего ярлыка. Держатель непосредственно распоряжался сойюргалом на основе власти, полученной им по наследству, как правило, от отца. Каждому из держателей сойюргала предоставлялось право широкого пользования землей. Держатель сойюргала взимал в свою пользу ренту — налог, поступавший ранее в пользу хана. Ярлык Сахиб-Гирея гарантировал держателям сойюргала налоговый и административно-судебный иммунитет.

Совпадение названий ряда татарских сел и деревень с родовыми и личными именами казанских феодалов XVI в. служит доказательством распространения в Казанском ханстве вотчинного землевладения. Земли, принадлежавшие феодальному духовенству, назывались вакуфными. Землевладение духовных и светских феодалов росло за счет захвата общинных земель.

Основную массу крестьянского населения составляли ясачные люди, жившие общинами, управлявшиеся своими старшинами, аксакалами и абызами, но фактически подчинявшиеся ханским чиновникам и местным феодалам. Нетатарское население Казанского ханства (мари, удмурты, чуваши, мордва) в значительной части принадлежало к числу ясачных людей и подвергалось особенно жестокой эксплуатации.

Кроме ясачного населения, среди крестьянства Казанского ханства выделялись крепостные и зависимые кабальные люди татарских феодалов.

В Казанском ханстве было значительное количество рабов, но их роль в хозяйстве была невелика, они были главным образом из военнопленных. Посаженные на землю, эти военнопленные рабы — «чура», становились такими же феодально-зависимыми крестьянами, какими были местные татарские крестьяне. А. Курбский указывает, что русские войска во время похода на Арскую землю незадолго до взятия Казани «своих древле заведеных многих от бусурман свободиша от многолетныя работы»[2]. Русские полоняники, будучи посажены на землю в имениях татарских феодалов, находились в тесном хозяйственном общении с местным населением[3], передавая ему свои производственные навыки.

В татарском феодальном обществе наблюдалось совершенно четкое разграничение феодально-зависимых людей от свободных «азад адам». Отпуск людей на волю совершался посредством специальных грамот «азад хатлари»[4].

---

[1] См. «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1925, № 1—2, стр. 31—33.

[2] РИБ, т. 31, стб. 191.

[3] «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда (1565—1567 гг.)». азань, 1909, стр. 104, 106.

[4] *В В. Вельяминов-Зернов.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. III, СПб., 1867, стр. 235.

Главной формой эксплуатации феодально-зависимого населения была рента продуктами. Наряду с ней существовали отработочная рента и денежные оброки. Многочисленные подати и повинности были тяжелым бременем для крестьянского населения Казанского ханства.

Сбор ясака производился натурой и деньгами и составлял важную статью доходов казанского хана[1]. Основным поземельным налогом был харадж, который вносился обычно продуктами. Кроме того, подать с возделанных земельных участков и земледельческого населения под названием калан упоминается в ярлыке Сахиб-Гирея. В пользу мусульманского духовенства во владениях сейидов взималась десятина — гушр[2]. Крестьяне обязаны были предоставлять в своих домах постои ханским агентам и кормить за свой счет постояльцев, их слуг и лошадей. Взимавшаяся в Казанском ханстве поголовная, т. е. подушная, подать носила название «салиг мсми»[3]. Подомовная, или подымная, подать («тутун саны») взималась с каждого дыма (тутун), т. е. с каждого дома или семейства. Налоговый сбор с крестьянской торговли хлебом, плодами и т. д. на базарах городов и крупных селений обозначался словом «бадж». С крестьянских свадеб феодалы взимали «кунишную пошлину»[4]. Крестьянское население ближайших к Казани сел должно было участвовать в строительстве городских укреплений[5]. Об угнетении крестьян и тяжести повинностей достаточно ярко говорят народные предания чувашей[6].

В Казанском ханстве существовал специальный аппарат, предназначенный для взимания налогов с населения и выполнения судебных функций. Сборщики податей на местах назывались «муали зуй аляхтрам». Чиновники, называемые «кшти банан», собирали подать с полей. Специальные лица ведали сборами с садов и огородов. Сбором с торгово-промышленных заведений, например тамги, ведали особые «тамгачи». Суд находился в руках мусульманского духовенства. В Казанском ханстве была распространена система мусульманского права — шариат. Среди немусульманского населения ханства признавалось также обычное право. Суд на местах находился в руках кадиев. В Казани жил главный кадий[7].

Внутри господствующего класса феодалов была своя иерархия. К феодальной знати, занимавшей наиболее видное политическое положение, принадлежали карачи — представители четырех аристократических родов. Следующее место на феодально-иерархической лестнице занимали султаны, эмиры, мурзы (князья и княжата), служилые феодалы-уланы, казаки ички и исники, составлявшие личную гвардию хана и исполняв-

---

[1] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, СПб., 1914, стр. 488.

[2] Ср. «История Татарии в материалах и документах». М., 1937, стр. 104, 132.

[3] Ср. *С. Е. Малов.* Памятники древнетюркской письменности. М., 1950, стр. 419.

[4] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 642, л. 105 об.

[5] ПСРЛ, т. XIX, СПб., 1903, стб. 37.

[6] «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. III, Казань, 1884, стр. 288—289.

[7] ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, стр. 202.

шие полицейские функции. Среди духовных феодалов также выделились отдельные группы: сеиды, шейхи, имамы, муллы, хафизы и т. д. Внутри господствующего класса шла борьба за землю, рабочие руки, политическую власть, но весь этот класс в целом жил за счет угнетения трудового народа.

Казанское ханство было государством татарских феодалов, господствовавших над закрепощенным многонациональным крестьянством Поволжья. Ханская власть и политические учреждения охраняли интересы крупных землевладельцев и обеспечивали им право эксплуатации непосредственных производителей.

Казанское ханство не было централизованным государством. За все время его существования шла непрерывная политическая борьба за власть между крупными феодалами, велись междоусобные войны. Господство феодальной раздробленности задерживало развитие народов Поволжья.

В войнах Казанского ханства участвовало насильно мобилизуемое этнически неоднородное население Поволжья (чуваши, марийцы, мордва и др.). Это раздираемое постоянными распрями непрочное политическое объединение могло существовать лишь при поддержке Крыма и Турции.

У отдельных народов Среднего Поволжья в процессе феодализации возникали княжества, находившиеся в зависимости от Казанского ханства. Среди них наиболее сильным было Арское княжество (у удмуртов). Наличие этих политических образований приводило к внутренним междоусобиям.

Феодальная и феодально-патриархальная верхушка чувашского, марийского, мордовского и других народов по своим классовым интересам примыкала к татарским феодалам, вместе с ними эксплуатировала трудовое крестьянство. «Казанский летописец» отмечает наличие у мари и чувашей местной патриархально-феодальной знати — «старейшин». Вятские мари сохранили предание о своих князьях, столицей которых был Уржум. В XVI в. чувашские и марийские князья известны были русским под названием «сотников», «сотских» или «сотных князей». Такая же знать выделилась в процессе феодализации и у удмуртов. В XVI в. упоминаются арские и каринские князья на Вятке и на Каме. Из грамоты Ивана IV 1548 г. каринским князьям видно, что к этому времени у удмуртов были уже феодальные отношения и их князья эксплуатировали трудовое население, судили и облагали «пошлинами» не только своих соплеменников-вотяков, но и подвластных марийцев.

Духовенство воспитывало народ в духе покорности властям, в духе нетерпимости к «иноверцам». Реакционная мусульманская идеология являлась тормозом, препятствовавшим развитию народов Поволжья. У ряда народов Поволжья (чувашей, мордвы) господствовали языческие верования. Феодально-патриархальная верхушка использовала языческий культ как средство идеологического воздействия на трудовой народ.

Основная масса населения Поволжья жила в деревнях и селах. Городов было мало. Среди них первое место занимала Казань. Кроме того, известны Арск, Лаишев, Мамадыш, Алат, Алабуга, Тетеш. Казань

являлась политическим центром ханства. В городе находился ханский дворец, здесь проживала феодальная знать, купцы, ремесленники. Количество жителей доходило до тридцати тысяч.

Среди ремесел были развиты кожевенное дело (выделка юфти и сафьяна), кузнечное и меднолитейное производства, выделка ювелирных золотых и серебряных изделий и гончарной и деревянной посуды. Известность получили также резчики по камню и дереву и т. д.

Казань являлась важным рынком сбыта сельскохозяйственных продуктов; к городу экономически тяготел основной земледельческий район Казанского ханства — Заказанье. Уже в конце XV — начале XVI в. в Казани было два базара — верхний и нижний[1]. Мари «из дальних улусов» привозили сюда на продажу меха. Казань являлась крупным транзитным центром. На ежегодную ярмарку в Казань съезжались русские и восточные купцы. Из Казани вывозились кожи, меха, рыба.

В конце XV в. усиливаются экономические связи между Русским государством и Казанским ханством. Татарские купцы (базарган-уртак) часто посещали русские земли и постоянно жили в крупных русских торговых центрах (Москве, Нижнем-Новгороде, Дмитрове). В XVI в. в Москве была уже целая татарская слобода, заселенная главным образом татарскими купцами[2].

История Казанского ханства заполнена классовой борьбой угнетенных трудящихся масс против татарских феодалов и их ставленников из среды феодалов других народов Поволжья.

Народы Казанского ханства, испытывавшие наряду с социальным гнетом и национальное угнетение, отвечали на него антифеодальными движениями. Известны вооруженные восстания крестьянского населения и торгово-ремесленных людей в 1531, 1545—1546, 1549 и других годах против казанских ханов и татарских феодалов. В 1531 г. в результате народного движения («розни добрых и мелких людей») был изгнан из Казани хан Сафа-Гирей и его советники — крымцы и ногайцы. В конце 1545 г. в Казани снова произошло «смятение велико» «в вельможах и во всем народе», закончившееся вторичным изгнанием Сафа-Гирея. В 1549 г. источники опять отмечают обострение классовых противоречий в Казани («не хотяще казанцы меншия слушати и покоритися большим»). Отдельные боровшиеся между собой группы местных феодалов стремились использовать народные движения в своих интересах.

Для характеристики состояния культуры казанских татар во время существования Казанского ханства нет достаточных материалов. Грамотность и просвещение были распространены лишь среди феодалов. Масса трудового городского и сельского населения была неграмотна. Школы существовали при мечетях.

---

[1] «Таварихы болгария». Издание Мухаммед-Зарифа сына Хуссейна, Казань, 1883, стр. 61.

[2] См. *М. Н. Тихомиров*. Древняя Москва. М., 1947, стр. 143; ср. также гл. 1, § 5 настоящего издания.

Недавно обнаруженные поэмы «Тохфэи мардан» («Дар мужам» — 1539 г.) и «Нуры-сыдур» («Свет сердец» — 1542 г.), написанные татарским поэтом Мухаммедьяром Махмудом Углы[1], свидетельствуют о большом поэтическом мастерстве их автора. Мухаммедьяр был выразителем феодальной идеологии своего времени, мировоззрение его было классово-ограниченным; путь для облегчения участи простых людей он видел в нравственном усовершенствовании правителей.

Каменные дворцы, мавзолеи и мечети, построенные в татарской Казани, свидетельствуют об известных успехах татарских зодчих в области архитектуры. Высокого уровня достигло искусство орнамента (украшения на могильных памятниках, глиняной посуде, металлических вещах). Распространение получили художественные вышивки. Отмечая факт развития городской культуры в Казани, нельзя ни в коем случае забывать, что городское население в целом составляло весьма незначительную часть всего населения ханства.

Среди народов Поволжья было развито музыкальное искусство. Наиболее распространенными музыкальными инструментами были дудки, барабаны, трубы, струнные инструменты.

* * *

Обогащение казанских феодалов шло в значительной степени за счет постоянных набегов на русские земли и их ограбления. Борьба Руси с Казанским ханством, которое с момента своего образования «почти на 100 лет сделалось опасным соседом для России»[2], была частью общей борьбы за объединение русских земель и создание единого Русского государства[3]. Южные и восточные границы Русского государства жестоко страдали от непрекращавшихся грабительских набегов казанских, крымских и ногайских феодалов. В 80-х годах XV в. Казанское ханство становится фактически вассалом Москвы.

Утверждение в 20-х годах XVI в. на казанском престоле крымской династии Гиреев фактически означало полное подчинение Казани интересам и целям политики Турции, стоявшей за спиной Крыма. Сахиб-Гирей объявил казанское ханство «юртом» турецкого султана Сулеймана I, «дабы иметь защиту от Москвы», и обязался принимать ханов только по назначению султана[4]. Провозглашение турецкого протектората над Казанью выражало стремление Турции выступить в роли гегемона в системе татарских государств Восточной Европы: Крыма, Астрахани, Казани и Ногайской орды. Над Русским государством нависла опасность со стороны султанской Турции.

---

[1] *Н. Исанбет.* Казан ханлыгы чоры эдэбиятыннан, Мохэммэдяр Махмуд Углы эсэрлэрэ. Совет Эдэбияты. Казань, 1941, № 4.

[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 153.

[3] Ср. гл. 1, § 6, гл. 2, § 8 настоящего издания.

[4] *Б. Дунаев.* Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в., прилож. М., 1916, стр. 77.

В результате похода русских войск против господствовавших в Казани крымских татар на реке Суре, на территории, принадлежавшей Казанскому ханству, была построена крепость Васильсурск. Эта крепость должна была служить опорной базой для военных действий против Казанского ханства [1]. Великий князь Василий III запретил своим купцам ездить с товарами на казанскую ярмарку, а «учинил торг и кобаки в Нижнем Новегороде» [2]. Основная цель перенесения торга в Нижний-Новгород заключалась в стремлении нанести экономический ущерб Казани.

Султанская Турция всячески стремилась закрепить свои позиции в Казани. Татарские феодалы, пользуясь слабостью власти в малолетство Ивана IV, производили систематические нападения на русские пределы [3]. В то же время в Казани увеличивались ряды сторонников русской ориентации из числа разных групп феодалов, недовольных политикой господствовавших здесь крымских ханов [4]. В 1546 г. большая группа казанских феодалов даже покинула хана Сафа-Гирея и приехала «служить» в Москву; всех перешедших насчитывалось 76 человек [5].

Трудящиеся массы Казанского ханства с ненавистью относились к своим поработителям — турецким ставленникам. Систематические поборы крымских и иных пришельцев, войны с Русским государством нарушали мирную хозяйственную жизнь страны. Трудящиеся массы казанских татар и других народов видели в переходе под власть России залог дальнейшего развития политической и хозяйственной жизни. Этим и объясняется в конечном итоге непрочность турецких ставленников в Казани. 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горняя черемиса, Тугай с товарищи, двy черемисинов, чтобы государь послал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят»[6]. Таким образом, под власть России перешли чуваши и мари, которые в ранних письменных известиях назывались общим именем черемисов или «горных людей»[7]. Вместе с ними в состав Русского государства вошли и проживавшие на Горной стороне татары. В дальнейшем чуваши оказывали прямую помощь русским войскам в борьбе за присоединение Казани.

Разгром Казанского ханства в 1552 г. имел прогрессивное значение для дальнейшего развития казанских татар и других народов Среднего Поволжья и Южного Урала: мари, удмуртов, чувашей, мордвы, башкир. Эти народы включились в состав Русского многонационального централизованного государства, которое в экономическом, политическом и культурном отношении стояло гораздо выше феодально-раздробленного Казанского

---

[1] ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 281.

[2] ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911, стр. 520.

[3] РИБ, т. 31, стб. 168.

[4] ПСРЛ, т. XIX, стб. 49, 281; т. XIII, первая половина, стр. 99.

[5] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 148.

[6] ПСРЛ, т. XX, вторая половина, стр. 468.

[7] См. *М. Н. Тихомиров*. Присоединение Чувашии к Русскому государству. «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 102.

ханства. В результате разгрома Казанского ханства народы Среднего Поволжья были освобождены от опасности физического истребления и порабощения турецкими султанами и крымскими ханами.

Как указывает Ф. Энгельс, «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар...»[1].

Война «с безбожными казаньскими сарацынами» понималась современниками в России как продолжение вековой борьбы русского народа против татарского ига[2]. Интересы защиты русского населения и территории Русского государства требовали, чтобы был дан отпор попытке создания блока татарских ханств в Восточной Европе под эгидой Турции.

* * *

Взятием Казани не закончилась борьба с казанской феодальной знатью. На протяжении второй половины XVI в. местные феодалы, подстрекаемые крымско-турецкими агентами, неоднократно организовывали против Русского государства враждебные выступления и после подавления восстаний 1552—1557 гг. они не раз поднимали мятежи, добиваясь отторжения Казани и Астрахани и превращения их в отдельные государства под протекторатом Турции[3].

Главарями движения в Среднем Поволжье в 1552—1557 гг. являлись татарский феодал Уссейн-Сеит, марийский сотник Мамич-Берды и другие. Они пытались использовать недовольство «черных людей» действиями русской администрации, их стихийное сопротивление сборщикам ясака и поднять их на борьбу за отделение от России. Феодалы вели переговоры с ногайскими мурзами — претендентами на роль казанских ханов. Однако в ходе восстаний в Среднем Поволжье отчетливо вскрылась противоположность классовых интересов многонационального ясачного населения («черных людей») и феодальной верхушки. «Черные люди» не поддержали казанских феодалов в их попытке восстановить независимость Казанского ханства. Они «переимали сами многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами». В результате обострения классовой борьбы среди народов Поволжья «черные люди», страдавшие от засилия татарских феодалов, признали власть русского правительства: «все укрепилися у государя и ясакы все сполна поплатили»[4].

Нашествия на Русь в 1571—1572 гг. крымского хана Девлет-Гирея послужили толчком к взрыву реакционных феодальных мятежей в Поволжье. Татарская аристократия действовала в соответствии с общим планом вассала турецкого султана—крымского хана. Этот план предусмат-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XXI, стр. 211.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, СПб., 1906, стр. 463.

[3] РИБ, т. 31, стб. 219, 282.

[4] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 247; РИБ, т. 31, стб. 282.

ривал захват юго-восточных владений Русского государства при помощи ногайцев, князя черкасского и татарских феодалов бывших Казанского и Астраханского царств, при поддержке со стороны польского и шведского королей. В 1572 г. развернулось движение луговых марийцев, руководимое реакционными феодалами, которое перекинулось на Каму, где к нему примкнули удмурты, башкиры и другие. Движение было подавлено только к 1574 г. Часть феодалов оставалась верной русскому правительству, которое добилось выдачи организаторов восстания.

Движение среди луговых мари снова возобновилось в 80-х годах XVI в. В это время образовалась коалиция Турции и Польши против Русского государства. Турецкий султан пытался обосноваться в Закавказье, вел сношения с казахским и узбекским ханами, ногайскими мурзами, казанскими и астраханскими феодалами. Усилил свою активность и крымский хан [1]. Организатором движения мари в Поволжье снова выступила феодально-клерикальная верхушка. В 1584 г. это реакционное движение было ликвидировано.

Управление вновь присоединенным краем с 1552 г. было сосредоточено в Казани, куда был назначен первым наместником князь А. Б. Горбатый. В Казани был построен каменный кремль под руководством выдающегося русского архитектора — строителя собора Василия Блаженного в Москве Постника Яковлева. Город Свияжск, построенный еще в 1551 г., получил значение основного административного центра на Горной стороне реки Волги [2]. Центральное управление территорией бывшего Казанского ханства возглавлялось Приказом Казанского дворца, возникшим в конце XVI в.

Казань и Свияжск уже в 60-е годы XVI в. были крупными городами со значительными гарнизонами. Военный гарнизон Казани в 1565—1568 гг. состоял из 626 стрельцов, 21 пушкаря и 23 солдат «литовской выучки». Детей боярских в городе насчитывалось до 150 человек [3]. В Свияжске было 417 стрельцов и 20 пушкарей [4]. Среди казанских и свияжских стрельцов были переведенцы из ряда городов Русского государства.

Для утверждения в Поволжье русское правительство решило построить систему крепостей, первые из которых были возведены уже в 50-е годы XVI в.: Чебоксары (1555), Лаишев (1557), Тетюши (1558).

В 1555 г. в Казани была учреждена епархия, в состав которой вошла территория бывшего Казанского ханства, Вятская земля и Васильсурск [5]. Архиепископом казанским был поставлен «осифлянин» Гурий. Одной из

---

[1] *Н. А. Смирнов*. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, «Ученые записки МГУ», вып. 94, М., 1946, стр. 126—127.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 221—222.

[3] «Материалы по истории Татарской АССР». («Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг.» и 1646 г.). Л., 1932, стр. 79.

[4] «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда (1565—1567 гг.)», стр. 24—25.

[5] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 250.

Постройка г. Свияжска в 1551 г. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

главных его задач была христианизация местных народностей[1]. Архиепископская кафедра получила большие земельные владения[2]. Во владение архиерейского дома перешли богатые бортные угодья, которые тянулись от Казани до Камского устья и раскинулись в лесах по рекам Волге, Каме, Казанке, Меше и другим[3]. Землями были наделены также Преображенский и Зилантовский монастыри в Казани, Богородский монастырь в Свияжске и другие.

Обращение в православие татар, чувашей, мари и других народов носило формальный характер. В 1593 г. казанский митрополит Гермоген должен был признать, что «новокрещены ученья не приимают, и от татарских (мусульманских. — *Ред.*) обычаев не отставают». Гермоген в своем донесении в Москву высказывался за нежелательность близкого общения между русскими людьми и народами Поволжья: русские «полоняники и неполоняники живут у татар, и у черемисы и у чуваши, и пьют с ними и едят с одного и женятся у них». Получив подобные сведения из Казани, русское правительство решило изолировать новокрещенов от нерусского населения, которое не перешло в православие. Казанским воеводам было направлено предписание из центра переписать всех новокрещенов посада и уезда, а затем поселить их в одной, вновь построенной вблизи города, слободе.

Новокрещенам предлагалось обратить в православие всех «служащих» у них татар, мари, чувашей. За недостаточную «крепость» в хри-

---

[1] ААЭ, т. I, № 241, стр. 259—260.

[2] *И. Покровский.* Казанский архиерейский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 г. Казань, 1906, стр. 7.

[3] ЦГАДА, ф. ГКЭ, № 6440.

стианском вероучении новокрещенам угрожали тюрьма, батоги, заточение в «железа» и «чепи»[1].

Переход в русское подданство «горных людей» после постройки Свияжска. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Присоединение к Русскому государству земель, ранее входивших в Казанское ханство, дало в руки русских бояр и дворян много новых земельных владений. Это содействовало укреплению феодального землевладения на территории Среднего Поволжья.

В Казанском уезде сначала было испомещено 155 служилых людей, за которыми числилось в поместьях 5 сел, 2 сельца и 68 деревень[2]. 34 служилым людям были даны земли на Горной стороне[3].

Передавая значительную часть земель в Поволжье русским помещикам, правительство выводило оттуда в центральные уезды ненадежных татарских феодалов[4]. Местные феодалы, проявившие лойяльность в отношении русского правительства, сохраняли свои земли и постепенно входили в состав господствующего класса России.

Трудовое татарское, марийское, чувашское, мордовское население, сохранившее право владения бортными угодьями, бобровыми гонами и другими промыслами, а также пахотными землями, было обложено ясаком и должно было выполнять другие повинности.

Поселившиеся в Казанском крае помещики и церковные феодалы стали закрепощать русских полоняников, новокрещенов, а также свободное татарское и чувашское крестьянское население.

Из городов значительная часть татарского населения была выселена. В Казани в 60-х годах XVI в. осталось только 9 татарских семей. Вместе

---

[1] ААЭ, т. I, № 358, стр. 436—439.

[2] «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом». Казань, 1877, стр. 62.

[3] «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда» (1565—1567).

[4] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 2, стб. 216.

с тем за пределами городской черты, около озера Кабан, образовалась Татарская слобода, в которой в 60-х годах XVI в. насчитывалось 150 дворов татар и чувашей, живших очень скученно. В Свияжске было до 300 семей русских посадских людей. Все это показывает рост русского населения Казани и Свияжска уже вскоре после разгрома Казанского ханства[1].

Несмотря на политику феодального и национального гнета, проводившуюся царизмом, объективно присоединение Среднего Поволжья к Русскому многонациональному государству способствовало развитию производительных сил в землях, населенных казанскими татарами и другими народами. Возникают новые деревни и займища, расширяется применение трехпольной системы земледелия. По данным писцовых книг 1565—1568 гг., в Казанском уезде считалось 20 968,5 четвертей доброй земли и только 493 четверти средней и 6308 четвертей земли неизвестного качества в каждом из трех полей. В Свияжском уезде земля также характеризовалась писцами как «добрая»[2]. Относительно дворцовых сел, поступивших в поместную раздачу в 1566 г., писец указывал, что «пахали на государя царя и великого князя в тех селах и деревнях крестьяне живущих вытей десятины, на выть до десятины ржи да по десятине яри»[3]. Книга деревни Ковалей Казанского уезда 1617 г. совершенно четко различает ржаное, яровое и паровое поля[4]. В качестве сельскохозяйственных орудий распространяются русская соха, цеп и другие.

Освоение Поволжья русским трудовым крестьянством имело большое прогрессивное значение для экономического развития края. Возрастала близость между русским народом и трудящимися массами других национальностей. Бывшие русские полоняники, оставшиеся в пределах Казанского края после присоединения Казани, проживали «в татарских и чувашских селах и в деревнях,... и с татары и с чувашею вместе» и пахали свои пашни «не в разделе с татарскими и чувашскими пашнями»[5].

Русские переселенцы, оседавшие на посадах в городах Среднего Поволжья, сыграли большую роль в развитии городской экономики. Писцовые книги 1565—1568 гг. зарегистрировали в Казани 611 посадских людей. Количество семей ремесленников в Казани доходило до 323, среди них были представители более ста различных профессий (металлисты, кожевники, деревообделочники и т. д.). До 45% казанских жителей занималось торговлей. Торговля была сосредоточена на гостином дворе и «торгу», где лавки были расположены по роду товаров. Лавок было 376, ларьков и лотков—246[6]. В Свияжске писцы в эти же годы зарегистрировали

---

[1] ПСРЛ, т. XIX, стб. 170.

[2] См. *Н. А. Рожков*. Сельское хозяйство в Московской Руси XVI в., М., 1899, стр. 46.

[3] ЦГАДА, ф. 1209, кн. 152, л. 134 об.

[4] Там же, кн. 153, лл. 125—126.

[5] «Список с писцовой и межевой книги г. Свияжска и уезда (1565—1567 гг.)», стр. 106.

[6] «Материалы по истории Татарской АССР», стр. 189.

254 лавки и несколько десятков ларьков. Развитие ремесла и торговли способствовало росту и других городов Среднего Поволжья.

С присоединением Казанского и Астраханского ханств к России открылись торговые пути на Северный Кавказ, Закавказье и в Среднюю Азию. В 1567 г. была сделана попытка завязать сношения с Персией. В Ормузд поехали московские купцы Дмитрий Иванов и Федор Першин. Казань занимала важное место в русской торговле с Востоком. Бухарцы и хивинцы приходили в Москву с «челобитьем и с поминьки, чтобы царь и великий князь их пожаловал, гостем их поволил ходити в Астрахань, и в Казань, и в иные городы его государства»[1].

Со второй половины XVI в. в результате усиления экономических связей России с Поволжьем укреплялось и политическое единство русского народа с населением бывшего Казанского ханства. Народы Поволжья совместно с русским народом принимали участие в тех войнах, которые велись с Крымом, а также за Прибалтику.

Народные массы Поволжья не поддерживали сепаратистских планов феодалов. Нерусское крестьянское население края выступало против феодального гнета вместе с русскими крестьянами, бежавшими в Поволжье от невыносимой эксплуатации со своих насиженных мест в центральной России. Продолжавшийся захват земель нерусского многонационального крестьянства русскими помещиками и церковными феодалами и усиление эксплуатации вызывали протест со стороны трудящегося населения края. Формы этого протеста были различны. Часть мордовского, чувашского, татарского крестьянства уходила за реку Вятку, в Приуралье, на башкирские земли, где переходила в число тептярей или припущенников, селившихся на кабальных условиях на землях башкирской знати. От пассивных форм борьбы крестьяне переходили к активным, открытым выступлениям. В начале XVII в. татарское, чувашское, марийское и мордовское крестьянство приняло участие в крестьянской войне под руководством И. Болотникова. В 1606—1608 гг. вспыхнуло антифеодальное движение в Нижегородском крае. Восстали бортники (мордва и мари) под руководством двух старейшин, мордвина Воркадина Чинкова и марийца Енбахты Москова. Восставшие в союзе с русскими крестьянами и холопами осаждали Нижний Новгород, видя в нем центр феодальной эксплуатации, откуда шел сбор ясака[2].

Летом 1608 г. происходило восстание татар, мари, чувашей и удмуртов на Горной стороне. В январе 1609 г. оно распространилось на Луговую сторону и Вятскую землю. Повстанческие отряды из ясачных людей действовали в районе Свияжска, Чебоксар, Козьмодемьянска. В подавлении этих движений, наряду с правительственными войсками, принимали деятельное участие и некоторые местные феодалы — князья

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 406; ср. гл. II, § 6 настоящего издания.
[2] Об этом см. гл. 3, § 6 настоящего издания.

и мурзы. В 1609 — 1610 гг. антифеодальное движение охватило весь Казанский край и Вятскую землю.

В годы борьбы русского народа с польскими интервентами основная масса трудового населения и значительная часть феодалов Казанского края приняла участие в этой борьбе.

Таким образом, в начале XVII в. отчетливо проявилось сближение с русским народом народов Поволжья, действовавших совместно в борьбе против феодального гнета и вместе защищавших свою родину от иноземных захватчиков.

б) Башкиры

В течение XV и XVI вв. большая часть Башкирии подчинялась Ногайской Орде, кочевавшей между средним и нижним течением Волги и рекой Яиком (Уралом)[1]. Западные районы Башкирии по рекам Ику, Мензеле, нижнему течению Белой попали под власть Казанского ханства, а зауральские башкиры были подчинены Сибирскому ханству.

Башкирия в XV—XVI вв. представляла феодально-раздробленную страну. По народным преданиям и сведениям башкирской летописи, только в одном Табынском феодальном объединении по левому берегу среднего течения р. Белой насчитывалось до 17 владений[2]. Владели ими ногайские, татарские и башкирские бии и мурзы, подчинявшиеся так называемому главному хану («тура-хану») из ногайских мурз, а иногда и из членов ханской семьи.

Ставка главных ханов в Башкирии не была приурочена к определенному географическому центру. Наиболее постоянными и значительными центрами, повидимому, являлись те места, где впоследствии были основаны города Уфа и Оренбург (ныне Чкалов). Ставка ногайского хана близ Уфы в русских источниках называется «Чертовым городищем», она была расположена на обрыве горы, на правом берегу реки Уфы. Другим местом ханской ставки было городище Актюба, недалеко от нынешнего города Чкалова. Окруженные валами и рвами городища, относящиеся ко времени господства ногайских мурз, встречаются и во многих других районах Башкирии: вблизи городов Бирска, Стерлитамака и других.

Установление господства Ногайской Орды сопровождалось постоянными усобицами между ногайскими мурзами и князьями, с одной стороны, и между ногайскими и башкирскими феодалами, с другой. Расчлененная между различными ханствами Башкирия не имела необходимых условий для экономического, политического и культурного развития. Население Башкирии подвергалось жесточайшей эксплуатации. Основной

---

[1] Территория Башкирии, находившаяся под властью ногайцев, позднее называлась Ногайской дорогой.

[2] *М. Лоссиевский.* Из неизданных арабских и татарских хроник. «Памятная книжка Уфимской губернии на 1873 год», отделение V, стр. 379—383.

формой эксплуатации башкир было взимание феодалами молочного скота для пользования, мелкого скота для убоя и сбор ясака скотом и пушниной (лисицами, бобрами и куницами). Собранную пушнину феодалы продавали купцам из Поволжья и Средней Азии, скот сбывали через своих доверенных лиц в соседние области, главным образом оседлому населению Поволжья и Приуралья. Размеры ясака не были определенными, он взимался по усмотрению ханов и биев.

Сохранилось предание о том, что хан Акназар, проживавший в Уфе, изнурял башкир, «как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал и землями владел». Башкиры «принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего, наконец, пришли они в самое крайнее истощение и убожество»[1]. Так же грабили башкир казанские и сибирские ханы, которые их (т. е. башкир.— *Ред.*) «еще в большее разорение привели и несносными податьми обложили»[2].

Лучшие места кочевок, бортные угодья и места для охоты были захвачены мурзами, тарханами и прочими феодалами. По местному преданию, башкиры «от сибирских ханов великие разорения претерпевать были принуждены, и от того, наконец, из тех мест удалились и пришли к разорению, так что некоторые за Яик, а другие за Волгу в степи перешед, там жилища свои основали». Однако окруженные со всех сторон башкиры не имели даже возможности избежать невыносимого гнета путем откочевания с одного места на другое, так как не было уже прежнего территориального простора. Ногайские башкиры тогда «возымели намерение в прежних своих местах остаться, но за то от своих владельцов совсем были разграблены и разорены, и пропитание свое имели с крайнею нуждою от ловли зверей и рыбы»[3].

Тяжесть татаро-монгольского гнета усугублялась еще тем, что башкиры, находясь в составе разных ханств, были разобщены и использовались ханами и прочими феодалами в борьбе друг с другом. Результаты междоусобиц были пагубными для трудовых масс. Нередко сам хан или мурза при поражении спасался от противника бегством, оставляя на произвол судьбы своих подданных. Последних же подчинял себе другой хан или мурза и устанавливал для них еще более жестокий режим[4].

Во время господства Ногайской Орды значительно усилились местные феодалы из числа самих башкир. Окончательно оформились и особые преимущества тарханной группы башкирских феодалов, выдвинувшихся благодаря этому в первые ряды господствующего класса. Тарханы делались полными хозяевами значительной части земельных угодий подвластных им кочевых общин. Формально, не выходя из состава своей общины, они получали перед прочими родичами большие преимущества:

---

[1] *П. И. Рычков*, История Оренбургская (1730—1750), Оренбург, 1896, стр. 69.

[2] *П. И. Рычков*. Топография Оренбургская, ч. 1, СПб., 1762, стр. 83.

[3] Там же.

[4] *Д. Н. Соколов*. Опыт разбора одной башкирской летописи. «Труды Оренбургской архивной комиссии», 1898, вып. IV, стр. 50.

в родовых юртах (или дачах) они могли владеть землею, ловить рыбу, бить зверей. Эти права в распоряжении угодьями не распространялись лишь на бортные деревья и бобровые гоны, осваивавшиеся тогда отдельными семьями башкир. Тарханы были свободны от всяких поборов, в том числе и от ясака. Обязанности их по отношению к ханам исчерпывались поставкой в их войска требуемого количества вооруженных воинов. Мурзы, бии и тарханы выступали в роли начальников отрядов и при удачном исходе междоусобных войн своих властителей нередко наживались «ульями» — военной добычей.

Татарские ханы использовали в своих интересах классовые противоречия внутри башкирского общества. Тарханы, получившие ярлыки и другие подачки от казанских ханов, были их опорой в Башкирии. Ногайские ханы и мурзы, также поддерживая реакционные элементы башкирской господствующей верхушки, находили в ней опору для своей власти над основной массой башкир. Таким образом, трудовое население подвергалось двойному гнету: со стороны захватчиков и со стороны местных феодалов.

Башкиры вели продолжительную и упорную борьбу против татаро-монгольского ига. Правда, письменных источников об этом сохранилось очень мало, но этот период ярко отражен в башкирском устном поэтическом творчестве как время тяжелых страданий. Ужасы пережитого башкирским народом передавались из поколения в поколение в легендах, сказках, песнях-кубаирах и преданиях.

В первой половине XVI в. усилилась междоусобная борьба как между ханствами, так и между отдельными феодалами внутри этих ханств. Бесконечные раздоры ханов и мурз, грабежи и войны, непосильные подати и повинности приводили башкирский народ к полному обнищанию; хозяйственная основа жизни башкир была подорвана. Земельные просторы были ограничены, лучшие места кочевок заняты мурзами, тарханами и прочей феодальной знатью, выделившейся из среды татар, ногайцев и самих башкир. Резко сократилось поголовье скота, особенно лошадей, между тем башкиры, помимо ясака пушниной, должны были поставлять своим многочисленным властителям воинов и лошадей.

Таким образом, накануне перехода в подданство к Русскому государству основная масса башкирского народа была бесправной, экономически подавленной, обреченной на вымирание.

Присоединение в 1552—1556 гг. Казани и Астрахани к Русскому государству и установление зависимости Ногайской Орды от Москвы открывали перед башкирским народом возможность освобождения от ига татарских ханов. Жители Западной Башкирии освободились от этой зависимости уже в 1552 г., т. е. после падения Казани. Эта часть башкир вместе со всем населением, ранее находившимся под властью Казанского ханства, подчинилась Москве и приняла русское подданство.

Между башкирскими феодалами и ногайскими мурзами шла острая борьба по вопросу о присоединении к Русскому государству. Основная

масса трудящихся башкир благожелательно относилась к принятию русского подданства. От феодальных междоусобий прежде всего страдало трудящееся население, и вполне естественной была его тяга к сильному Русскому государству, способному прекратить междоусобия.

Положительному исходу дела помогла дальновидная политика русского правительства. После взятия Казани, перед отъездом в Москву, Иван IV послал жалованные грамоты местному населению, гарантируя жителям безопасность.

По утверждению башкирских летописей, грамота «белого царя» была получена также населением западных окраин Башкирии. Весьма возможно, что если не сама грамота, то ее содержание дошло и до ногайских башкир. Летопись рассказывает, что после взятия русскими людьми Казани «белый царь» направил во все стороны послов с письмом, чтобы «никто не бежал, не скрывался, пусть свою религию сам соблюдает». После того как послы объявили грамоту, башкиры решили ехать к «белому царю» с просьбой о подданстве[1].

Русские летописи, говоря об упорном сопротивлении русским войскам в 1553—1557 гг. марийских, чувашских и татарских мурз и князей, ни словом не обмолвились о сопротивлении башкир. Продвижение русских войск во внутреннюю Башкирию в тот момент представляло значительные трудности. Военный поход против кочевого народа даже для хорошо вооруженных русских отрядов был бы нелегким. В Башкирии не было городов. Кочевники располагались в степи, в горах и в лесах. Поэтому завоевать эту страну одним ударом по ее центру было нельзя, так как такого центра не существовало. Понимая всю сложность этого предприятия, Иван IV видел также тяжесть положения башкир, окруженных разными ханствами. Лучшим выходом для башкир в таких условиях являлось принятие русского подданства. Это было лишь делом времени, именно поэтому русское правительство воздержалось от военных действий в Башкирии.

Когда власть Русского государства над Казанским краем стала более прочной, и русское влияние в Башкирии усилилось, ногайские мурзы приняли все меры к уводу башкир с собой за Яик, на Кубань. Между тем среди ногайских башкир все больше и больше росла тяга к России, усиливалась тенденция к принятию русского подданства.

Первое посольство с предложением подданства прибыло в Москву от башкир Минских аймаков. Минская волость занимала обширную территорию и была многолюдной. Впоследствии минцы разделились на 12 волостей, северные границы которых доходили до рек Белой и Уфимки. Минские волости были расположены по рекам Деме, Уршаку и Ику. Одна из волостей, повидимому, находилась где-то по реке Яику. Таким образом, минцы непосредственно граничили с теми башкирами, которые ранее были

---

[1] Шажэрэ (Летопись) «О подданстве к белому царю». — «Башкорт аймагы», 1927, № 4, стр. 4.

в подчинении у Казанского ханства и в рассматриваемый период являлись подданными Русского государства.

Еще за несколько лет до взятия русскими Казани минскими башкирами владели ногайские мурзы — братья Акияк-Килембет и Кара-Килембет. В связи с покорением Казани они бежали за Яик и на Кубань. С ними ушли и некоторые башкиры. В это время из числа местных башкир выделился Канзафер-би, один из родовых старейшин. Он возглавил борьбу башкир против ногайских мурз и против их сторонников из среды башкирской феодальной знати и настаивал на присоединении к Русскому государству. По свидетельству одной хроники, Канзафер уговаривал башкир не оставлять родную землю и не уходить с ногайцами: «Если мы уйдем из этих мест, то нигде не найдем себе пропитания. Такого места (как здесь) нигде не найдешь»[1]. Канзафер-би и предводительствуемые им башкиры остались на своей земле.

По мере укрепления власти русских в Казанском крае сторонники Канзафера усиливали свою борьбу против ногайских мурз и действовали все смелее. Так, например, когда после ухода ногайских мурз, возглавляемых Килембетами, появился султан Букей, который хотел утвердить свою власть над башкирами-минцами и «притеснял их», башкиры-минцы поднялись против нового султана и свергли его власть. Букея поймали и доставили в Москву[2].

Таким образом, создалась благоприятная обстановка для перехода минцев в русское подданство. Минские башкиры послали четырех послов к русскому правительству для переговоров по этому вопросу. Иван IV, узнав от послов, «чем их земля изобильна», обложил башкирцев «легким ясаком — кого лисицей, кого куницей, а кого медом, и пожаловал землями»[3]. Посольство минских башкир в хрониках отнесено к 1553—1554 гг. Присоединение минцев к Русскому государству имело большое значение не только для них самих, но и для остальных башкир, все еще находившихся под властью ногайцев. После возвращения из Москвы посольства минцев борьба башкир против ногайских мурз стала более активной.

Вслед за минцами в Москву стали приходить и другие послы от башкир. В конце 1556 или в начале 1557 г. в Москву явилось совместное посольство Усерганского, Кыпсаковского, Бурзянского и Тамьянского родов[4]. В результате переговоров и эти башкиры были приняты в русское подданство и обложены таким же ясаком, как и минцы.

Непосредственным результатом посольств в Москву было подтвержде-

---

[1] Архив Башкирского филиала АН СССР (БФАН СССР), шажэрэлэр, папка № 6.

[2] *Д. С. Волков.* Материалы к истории г. Уфы (Рукопись, хранящаяся в архиве БФАН СССР), т. V, гл. 1; *В. Филоненко.* Башкиры. «Вестник Оренбургского учебного округа». Уфа, 1913, № 7—8, научный отдел, стр. 226.

[3] *В. Юматов.* Древние предания у башкирцев Чубиминской волости. «Оренбургские губернские ведомости», 1848, № 5, стр. 45—46.

[4] *Д. Н. Соколов.* Указ. соч., стр. 48.

ние русским правительством башкирам прав на владение теми землями, которые остались после ухода значительной части ногайцев с территории Башкирии. Места кочевий, леса, горы, реки и озера были разделены по жребию и размежеваны между собою башкирскими «родами», распределен был также между общинниками и ясак в пользу русского правительства. Это предание следует сопоставить со свидетельством казанского воеводы князя П. И. Шуйского, сообщавшего, что к 1557 г. башкиры «добили челом» русскому правительству.

Первый платеж ясака, повидимому, относится к 1557 г.[1], когда еще шло усмирение непокорных феодалов в бывшем Казанском ханстве. Князь Шуйский, сообщая об успехах по подавлению движения, исключал из числа мятежников башкир: «а башкирцы пришли, добив челом, и ясак поплатили»[2].

Таким образом, процесс присоединения башкир к Русскому государству в основном завершился к 1557 г. С этого времени основная масса башкир стала неотъемлемой частью населения Русского многонационального государства. Лишь сравнительно небольшая часть Башкирии, впоследствии названная Сибирской дорогой, оставалась подвластной Сибирскому ханству. Эта часть Башкирии подчинилась Русскому государству значительно позже — в конце XVI — начале XVII в., после разгрома сибирского царя Кучума (1598). Однако сыновья, внуки и даже правнуки Кучума, опираясь в первые годы XVII столетия на калмыков, долго еще пытались восстановить господство над восточными и северо-восточными башкирами.

Присоединение Башкирии к Русскому государству было важным событием в истории укрепления Русского многонационального государства. Оно имело большое значение прежде всего для самих башкир, которым грозило полное разорение их хозяйства от непосильных поборов со стороны ногайских ханов и даже физическое уничтожение. Перейдя в подданство Русского государства, несмотря на гнет, который они испытывали со стороны царизма, башкиры все же сохраняли за собою свои земли и получали надежную защиту от нападений со стороны соседних кочевых феодалов.

Присоединение Башкирии усиливало также и Русское государство, облегчало его борьбу с внешней опасностью. С переходом башкирского народа в русское подданство расширилась территория Русского государства, укрепилась оборона его восточных границ. Присоединение Башкирии к Русскому государству содействовало хозяйственному, культурному и политическому объединению складывающейся башкирской народности.

* * *

Политика царского правительства по отношению к нерусским, в частности восточным, народам, вошедшим в состав централизованного Рус-

[1] «Башкорт аймагы», 1927, № 4, стр. 56.
[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 282.

ского государства, определялась классовой структурой государства и общими задачами, стоящими перед ним на Востоке.

После присоединения новых земель в Поволжье царское правительство прежде всего стремилось привлечь местную знать к себе на военную службу. Жалованная грамота Ивана IV преследовала эту цель. Признавая за башкирами вотчинное право на их земли, русский царь требовал от своих новых подданных прежде всего военной службы [1].

Кроме службы, правительство было заинтересовано в систематическом поступлении ясака. Если службу оно требовало главным образом от местной знати, то ясак был такой повинностью, которая ложилась на все население.

Тотчас после присоединения Башкирии к Русскому государству башкиры были обложены ясаком, который был первоначально меньше ясака, взимавшегося в Башкирии до принятия ею русского подданства [2]. Русское правительство вынуждено было пойти на это ввиду сложности политической обстановки на восточных границах государства и крайнего обнищания населения Башкирии. Ясак собирался под ответственностью «лучших людей» [3]. От уплаты ясака освобождались только тарханы — верхний слой башкирских феодалов. Русское правительство не только не лишало тарханов их привилегированного положения, но и само раздавало тарханные грамоты и требовало от тарханов службы в свою пользу.

Однако не вся местная знать стремилась превратиться в служилых людей Русского государства. У правительства в областях с нерусским населением были не только сторонники, но и противники, которые относились враждебно к правительственным мероприятиям. Для закрепления своей власти во вновь присоединенных областях правительство строило города, посылало туда воевод с отрядами служилых людей, которые составляли гарнизоны этих городов.

В первые годы после присоединения Башкирии к Русскому государству в ней не было городов. В последней четверти XVI в. на территории Башкирии был построен первый русский город — Уфа. Для его постройки было избрано место на правом берегу реки Белой при впадении в нее реки Уфы, где раньше находилась ставка ногайского хана.

Непосредственной целью постройки Уфы являлось стремление русского правительства обеспечить защиту Башкирии от вторжения ногайцев и сибирских ханов. С постройкой Уфы царское правительство получило опорный пункт в самом центре Башкирии. Это было очень важно для закрепления за Русским государством новой территории.

В административном отношении вся территория Башкирского края составила Уфимский уезд. Административно-территориальное деление Уфим-

---

[1] *А. Рябинин.* Уральское казачье войско, ч. 1. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба». СПб., 1866. Приложение.

[2] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургская, ч. 1, стр. 85.

[3] *Н. В. Устюгов.* Башкирское восстание 1662—1664 гг. «Исторические записки», кн. 24, стр. 38—39.

ского уезда имело свои особенности, не встречавшиеся в русских уездах государства. Башкирия делилась на четыре дороги[1], в названиях которых сохранились следы былой раздробленности Башкирии, когда она после распада Золотой Орды была подчинена различным ханствам. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центр и южная — Ногайской, восточная — Сибирской. Четвертая дорога — Осинская — тянулась узкой полосой к северу от Уфы. Царское правительство не разрушило этого территориального деления. Башкирия делилась на дороги и в XVII, и в XVIII вв.

Основание Уфы и поселение русских служилых людей в Башкирии повлекли за собой изъятие некоторой части башкирских земель и передачу их в поместья русским служилым людям. Но первоначально площадь взятых земель была очень невелика и располагалась в непосредственной близости от Уфы.

В лице уфимского воеводы Башкирия получила местного представителя центральной власти с достаточно широкими полномочиями как в области управления краем, так и защиты его границ от набегов соседей.

Защита Башкирии от нападений кочевых соседей была очень важным государственным делом. После постройки Уфы башкиры, опасаясь набегов со стороны соседних степных народов, кочевали в непосредственной близости от нового города и «во время бывших на них неприятельских нападений всегда к городу прибежище свое имели и поселенными тут людьми защищаемы были»[2].

Сибирский хан Кучум и его сыновья неоднократно совершали набеги на территорию Башкирии и западносибирских уездов. Русским воеводам, тобольскому, и верхотурскому, и уфимскому, не раз приходилось отбивать эти нападения. В своей борьбе с набегами кочевников уфимские воеводы пользовались силой не только русских служилых людей, но привлекали к обороне края и башкир. Это была не только служба московскому царю, но и защита собственных кочевий от посягательства соседей. Окончательный разгром Кучума в 1598 г. был осуществлен русскими войсками при непосредственном участии башкир.

Впоследствии башкирские феодалы в своих челобитьях о льготах и жалованье постоянно подчеркивали, что они несут службу России с того времени, как «Уфа город зачелась»[3].

Население Башкирии имело большой опыт в борьбе с кочевниками. Русское правительство стало привлекать башкир и на других участках боевых действий. Отряды башкир принимали участие в Ливонской

---

[1] Название является русской переделкой монгольского слова даруги, обозначавшего должности и административные округа, на которые делились владения Золотой Орды.

[2] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургская, ч. 1, стр. 86.

[3] *В. В. Вельяминов-Зернов.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к IV тому «Записок Академии Наук», № 6, СПб., 1864, стр. 43.

войне. В трудные годы начала XVII в., когда русскому правительству пришлось бороться с польской и шведской интервенцией и со ставленниками интервентов — самозванцами, оно привлекало к этой борьбе и нерусские народности. Нижегородский воевода А. С. Алябьев в начале декабря 1608 г. нанес поражение отряду тушинцев, засевшему в селе Ворсме. В состав войска А. С. Алябьева входили и башкиры[1]. Башкирская конница принимала участие в ополчении Минина и Пожарского, содействуя освобождению столицы Русского государства от иноземных захватчиков. В грамоте уфимскому воеводе Ф. Алябьеву от царя Алексея Михайловича говорится, что башкиры «в московское разорение были под Москвой и после де московского разорения были в нашей службе под Новым Городом на Бронницах с бояриным с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а после де того были они на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского»[2].

В силу феодально-крепостнического характера Русского государства башкирский народ с момента своего присоединения к России оказался в неравноправном, подчиненном положении. Господствующий класс русских феодалов смотрел на Башкирию как на источник пополнения своих доходов, объект для захвата новых земель и крепостных. По мере того, как возрастала мощь царизма и укреплялись его позиции на восточных границах, русское феодально-крепостническое государство все более усиливало гнет. Под защитой царизма происходила эксплуатация трудящихся масс Башкирии со стороны башкирских феодалов, которые находили общий язык с правящим классом Русского государства и усиливали свою власть над непосредственными производителями.

Переплетение феодального и национального гнета было причиной, препятствовавшей развитию Башкирии. Однако в составе Русского государства башкирский народ, который раздирали на части ногайские и другие татарские феодалы, получил возможность сохраниться как единая народность.

Общение с более передовым в экономическом и культурном отношении русским народом, а также и с другими народностями Поволжья, ускорило внутренние процессы хозяйственного и культурного развития башкирского народа, в частности, ускорило переход от скотоводства к земледелию. Таковы были крупные результаты присоединения Башкирии к России.

4

НАРОДЫ СИБИРИ

В конце XVI и первой половине XVII в. произошло присоединение Сибири к Русскому государству. Это событие сыграло огромную роль в истории народов Сибири.

---

[1] АИ, т. II, СПб., 1841, № 113, стр. 142.

[2] «Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР», вып. 2. Стерлитамак, 1922, стр. 22.

В беспримерно короткий срок, с 1581 по 1648 г., русские прошли через всю Сибирь от Урала и до Анадыря, обошли «необходимой нос» (мыс Дежнева) и покрыли всю огромную территорию Сибири сетью городов, острогов, деревень, заимок и зимовий. Перед русским народом открылся мир многочисленных, по большей части не известных никому, народов и племен.

Несмотря на то, что в общем население Сибири в конце XVI и в XVII в. было весьма редким, не освоенных человеком территорий в Сибири почти не встречалось. Население отсутствовало на Северной земле, Новосибирских островах, острове Врангеля, Командорских островах. Не была освоена и северная часть полуострова Таймыр. Вся остальная часть материковой Сибири, а также некоторые острова — Курильские, Сахалин и другие были обитаемы. Плотность населения даже в южных районах Сибири была очень невелика, во многих частях севера Сибири она составляла примерно лишь 1 чел. на 300—400 кв. км.

Картина расселения народов Сибири к приходу русских была такая[1].

На западе Сибири по Иртышу от устья Тары и до устья Туртаса, по низовьям Тобола, Ишима, по Таре и Оми, по нижнему течению притоков Тобола — Тавде и Туре, по Исети жили сибирские татары (15—20 тысяч человек)[2].

К северу от татар, в низовьях Иртыша, по Оби от устья Тыма и вниз до устья самой Оби, а также по ее притокам, находились поселения хантов, которых русские называли остяками[3]. В левобережье нижнего течения Оби (ниже устья Иртыша), по левым притокам Оби, Конде и Сосьве, по верховьям Тавды, главным образом по ее главному притоку Пелыму, а также в верховьях Туры, Вишеры, Печоры, Чусовой и др., жили близко родственные хантам манси, которых русские называли вогулами. Первоначально, до XVII в., русские именовали хантов и манси югрой. К приходу русских в Сибирь хантов и манси было около 15 тысяч человек.

В тундрах низовьев Оби и полуострова Ямал, в бассейнах впадающих в Обскую губу рек Нидым и Пур, кочевали ненцы (3—4 тысячи человек), известные русским под названием самоедов и юраков.

Выше хантов по Оби до устья Чулыма, а также по низовьям Чулыма и по другим притокам Оби обитали селькупы (остяко-самоеды — 2,5—3 тысячи человек). Русские называли их, как и хантов, остяками или нарымскими остяками, а первое время в конце XVI в. также «Пегой ордой».

Выше селькупов по Оби, по Чулыму и его притокам, по Томи, на Алтае и в верховьях Енисея жили различные тюркоязычные племена. Это

---

[1] См. карту Сибири XVI в., приложенную к настоящему изданию.

[2] Численность отдельных этнических групп Сибири к приходу в нее русских можно определить лишь приблизительно, исходя из численности плательщиков ясака того или иного народа в XVII в.

[3] Подробнее о хантах, манси и ненцах см. гл. IV, § 2 настоящего издания.

были томские, чулымские, кузнецкие татары (5—6 тысяч человек) и белые калмыки (7—8 тысяч человек)[1].

Степную часть территории современной Хакасской автономной области, а также низовье реки Тубы занимали племена енисейских киргизов. Зависимые от них племена обитали: качинцы в районе современного Красноярска, сагайцы в верховьях Июсов и бельтиры в верховьях Абакана[2]. Всего киргизов, качинцев, сагайцев и бельтир было около 8—9 тысяч человек.

Степную часть современной Тувинской автономной области населяли племена предков тувинцев. На востоке тувинские племена жили также в районе озера Косогол.

Рядом с тюркоязычными племенами верхнего Енисея, к востоку и северо-востоку от них, жили кетоязычные племена: это байкотовцы, яринцы, аринцы, ястынцы, котты, асаны. Кетоязычному населению района верховьев Енисея русские присвоили имя татар. Район современного Енисейска был местом жительства кетоязычных кузнецких остяков, а бассейн реки Кети — пумпокольских и кадских (кадыжских) остяков. Далее вниз по Енисею и его притокам находились поселения предков современных кетов, которых русские называли инбаками и остяками. Всего кетоязычных «татар» насчитывалось 2—4 тысячи человек, кетоязычных остяков 1,5—2 тысячи человек.

Название «татар» русские давали также самоедоязычным и тюркоязычным племенам, обитавшим на Саянах, в том числе моторам, камасинцам, карагасам, кангатам, эудинцам (предкам современных тофалар) и кайсотам.

В горной тайге по Пий-Кему и Камсаре жили предки тувинцев — тоджинцы. Вся эта группа саянских племен насчитывала около 2 тысяч человек.

Ниже кетов по Енисею, а также в бассейнах Таза, Пясины, Таймыра и в низовьях Хатанги и Анабара кочевали предки современных энцев и нганасан (3—4 тысячи человек). В состав территории эвенков (около 30 тысяч человек) входили правобережье Енисея с его притоками (Верхняя, Средняя и Нижняя Тунгуски), бассейны рек Котуя, Оленека, Лены (за исключением небольших районов, занятых якутами), верховье реки Анабары, а также истоки рек Яны, Индигирки и Колымы. По Охотскому побережью места, населенные эвенками, простирались от Тауйского залива на севере до устья Тугура на юге. К территории эвенков относились также бассейны Амгуни, Буреи и Зеи[3]. На юге эвенки осваивали бассейны рек,

---

[1] Чулымские «татары»—предки частью современных чулымцев, частью кызыльцев, вошедших в состав хакасского народа; кузнецкие «татары» — предки современных шорцев; «белыми калмыками» русские называли алтайцев-телеутов, собственно алтайцев, теленгитов и, реже, тубаларов, кумандинцев и челканцев.

[2] Качинцы, сагайцы и бельтиры так же, как и кызыльцы, являются предками современных хакасов.

[3] Эвенков, обитавших на Яне и Индигирке, называли не тунгусами, а ламутами, так как это были по большей части выходцы с «Ламы» (с Охотского моря).

впадающих в Байкал,— Верхней Ангары, Баргузина, а также жили у южной оконечности Байкала и вдоль юго-восточного берега Байкала. Территория эвенков захватывала и бассейны Ингоды, Аргуни, Шилки с Нерчей, верховья Хилка, Чикоя, Иро и др.

Местом жительства основной массы якутов было среднее течение Лены и значительное пространство на восток до реки Амги. Другая группа якутов находилась в районе устья Вилюя. Третья группа якутов обитала на среднем течении Яны. Всего якутов было около 28 тысяч человек.

На севере и северо-востоке от эвенков и якутов жили юкагиры (4,5—5 тысяч человек). Их кочевья охватывали на западе бассейны рек Омолоевой и Яны и простирались до бассейна Анадыря и берега Чаунской губы на востоке.

Поселения коряков (9—10 тысяч человек) начинались на побережье Охотского моря у Тауйского залива и простирались по побережью Берингова моря до мыса Наварина.

Чукчи (вероятно, около 2,5 тысяч человек) в то время, видимо, освоили лишь внутреннюю территорию Чукотского полуострова. Побережье Чукотского полуострова, а также остров Ратманов и другие населяли эскимосы (около 4 тысяч человек)[1]. Группа чукчей жила к приходу русских также к западу от Колыма в бассейне реки Большой Чукочьей.

Ительмены (камчадалы, около 12 тысяч человек) занимали полуостров Камчатку. Курильские острова и южная оконечность Камчатки были заселены айнами (курильцами). Айны, кроме того, жили также и на южной половине острова Сахалина. На северном Сахалине и в устьях Амура были известны нивхи (гиляки, 4—5 тысяч человек), а выше их, по Амуру, предки ульчей и нанайцев, которых русские называли в XVII в. ачанами и натками. По берегам Татарского пролива обитали родственные нанайцам предки орочей, а в лесах и горах между Уссурью и берегом Японского моря — предки удэгейцев.

По Амуру, выше нанайцев и почти до устья Зеи, шли поселения маньчжуров (дючеров), а выше их, почти до слияния Шилки и Аргуни, и в долине Зеи вниз от устья Умлекана — дауров.

В Прибайкалье расселились бурятские племена эхэритов, булагатов, хонгодоров. Отдельные группы пре(ков бурят имелись и на реке Уде и в устье Оки на Ангаре. Бурятское племя хоринцев населяло оба берега Байкала от рек Бол. и Мал. Бугулдеих и острова Ольхон на западе и до Еравнинских озер на востоке. Табунуты жили по правобережью, а сортолы и атаганы по левобережью низовьев Селенги. Общая численность бурятских племен составляла около 25 тысяч человек.

Всего в Сибири к приходу русских было около 200—220 тысяч человек коренного населения.

---

[1] Эскимосов в XVII в. русские тоже называли чукчами.

По языку народы Сибири делились на так называемые палеазиатские и на народы, говорившие на уральских и алтайских языках. Особняком стояли эскимосы, айны (курильцы) и кеты.

К палеазиатам относят чукчей, коряков, ительменов (камчадалов), юкагиров и нивхов (гиляков) [1]. Эти народы составляли древнейшее население северной и северо-восточной Азии.

Большая часть коренного населения Сибири к приходу русских говорила на уральских и алтайских языках. К уральским языкам относятся угорские языки хантов и манси и самоедские (самодийские) языки ненцев, предков нганасанов и энцев, диалекты селькупов и саянских самоедов (камасинцев, моторов, карагасов).

Наиболее распространенными были в Сибири алтайские языки, представленные в ней всеми своими тремя ветвями: тюркской (татары, киргизы, якуты и пр.), монгольской (предки бурят, дауры и пр.) и тунгусо-маньчжурской (эвенки, нанайцы и пр.).

По способу добывания средств к жизни, по способу производства материальных благ народы Сибири делились на две большие группы — на скотоводческие народы, обитавшие главным образом в южной Сибири, и охотничье-рыболовческие, жившие преимущественно на севере Сибири (при этом у одних народов преобладала охота, а у других—рыболовство).

Многие южносибирские народы наряду со скотоводством (разведением лошадей, крупного рогатого скота, овец и, реже, верблюдов) знали также примитивное мотыжное земледелие (сеяли, главным образом, ячмень и просо) и, кроме того, занимались оленеводством. В хозяйстве скотоводов и земледельцев известную, иногда очень большую, роль играли охота и рыболовство. До прихода русских из всех районов Сибири земледелие получило наибольшее развитие на Амуре.

Разделение на скотоводческие народы на юге и охотничье-рыболовческие на севере требует известных оговорок. Скотоводов-якутов русские застали далеко на севере; с другой стороны, на Саянах жили охотники-оленеводы, а на Алтае — охотники-земледельцы, почти не занимавшиеся скотоводством.

У некоторых народов были представлены различные типы хозяйства. Так, эвенки в одних районах были оседлыми рыболовами, в других — кочевыми охотниками-оленеводами, в третьих — кочевыми скотоводами.

Для многих народов Сибири большое значение имело собирание съедобных дикорастущих растений, главным образом клубней сараны и корней кандыка.

С различиями в хозяйстве народов Сибири были связаны и особенности в их образе жизни. Распространение земледелия, рыболовства, а также

[1] При этом надо заметить, что если языки чукчей, коряков и ительменов родственны друг другу, то языки юкагиров и нивхов не родственны ни друг другу, ни языкам чукчей, коряков и ительменов. Поэтому в лингвистических классификациях чукчей, коряков и ительменов выделяют еще в отдельную группу северо-восточных палеазиатов, в которую юкагиров и нивхов не включают.

охоты на морских млекопитающих обусловливало оседлость; с господством охоты, оленеводства и скотоводства был связан кочевой образ жизни. Разные сочетания этих занятий в хозяйстве отдельных народов приводили к тому, что в определенные сезоны эти народы сменяли оседлый быт на кочевой.

В хозяйстве кузнецких татар, коттов, бурят и других имела значение добыча железа и изготовление разных железных изделий. С горячей ковкой железа были знакомы ханты, манси и другие. Кеты, якуты и некоторые другие народы умели добывать железо из руды.

Юкагиры, чукчи, коряки, ительмены и эскимосы лишь в небольшом количестве использовали железо, проникавшее к ним нерегулярно. Некоторые северо-восточные группы эвенков, в частности пешие охотские и тауйские эвенки, наряду с железными, употребляли и каменные орудия.

Приамурские народы — нивхи и нанайцы, оседлые северо-восточные палеазиаты — чукчи, коряки и ительмены, эскимосы, некоторые группы юкагиров, пешие тунгусы Охотского побережья, а также ханты и манси на Оби в качестве транспортных животных использовали собак, остальные народы Севера — оленей. На оленях ездили и саянские оленеводы.

Значительную роль в хозяйстве народов Сибири играл обмен. Существовали примитивные формы обмена в пределах одного и того же народа. Например, оседлые чукчи и эскимосы получали от чукчей-оленеводов в обмен на продукцию своего морского зверобойного промысла (кожи, жир) оленьи шкуры для одежды, оседлые эвенки выменивали у эвенков-оленеводов на рыбу оленьи шкуры и мясо и т. д.

Обмен производился и между разными народами. Так, ханты променивали ненцам рыбу на пушнину, якуты и предки бурят сбывали эвенкам скот на мясо или просо, получая за это пушнину, и т. д.

Пушнина, добываемая охотниками Севера и Саян, через посредничество господствующих слоев скотоводческих народов, давно уже проникала в страны Восточной, Центральной и Средней Азии. За свою пушнину охотничьи народы, кроме скота и продуктов скотоводства и земледелия, получали также железо и товары китайского и среднеазиатского происхождения, преимущественно ткани, металлические изделия и украшения.

Проникновение иноземных товаров не было значительным и ограничивалось главным образом южной периферией северных народов. Однако некоторое влияние на характер натурального хозяйства последних эта торговля все же оказывала.

* * *

По характеру общественно-экономического строя народы Сибири к приходу русских можно разделить на несколько групп.

У многих народов Сибири к этому времени уже сложилось классовое общество. Богатство правящего класса и его господствующее положение основывались на концентрации в его руках земли и больших стад скота, на различных формах феодальной эксплуатации. Накоплению богатств

в руках представителей господствующего класса способствовала и торговля. Следует отметить, что рабство у народов Сибири имело патриархальный характер и рабами были, как правило, иноплеменники.

У некоторых народов Сибири сложилась уже государственная форма организации господствующего класса (например, у сибирских татар с XV в.). Территория других сибирских народов, вступивших на путь классового развития, являлась зачастую объектом нападений со стороны соседних феодальных государств — Маньчжурии, Монголии и Джунгарии. Так обстояло с даурами и дючерами на Амуре, с отдельными группами предков бурят, с предками тувинцев, с енисейскими киргизами и другими группами населения Южной Сибири.

Некоторые из народов Сибири находились в зависимости от сибирских же народов, стоявших на более высоких ступенях развития. Так, ханты и манси входили в Сибирское татарское ханство; енисейские киргизы господствовали над окружавшими их племенами — сагайцами, бельтирами, байкотовцами, моторами, аринами, яринцами, качинцами, коттами и другими, с которых господствующая верхушка киргиз собирала подати как для себя, так и в пользу государств центральной Азии, от которых зависели сами киргизы. Родовая аристократия некоторой части предков западных бурят держала в зависимости соседние роды эвенков, коттов и саянских племен; от дауров зависели эвенкийские племена бассейна Зеи и т. д.

Все эти отношения подчинения и зависимости сопровождались столкновениями между угнетенными и угнетателями и между различными группами угнетателей из-за господства над «кыштымами», т. е. зависимыми родами и племенами.

Большинство народов Сибири к приходу русских находилось на различных ступенях развития патриархально-родового строя. Такими народами являлись эвенки, юкагиры, народы Амура (за исключением дауров и дючеров), самоедские по языку народы Севера и Саян, кеты, кузнецкие и чулымские татары, северные алтайцы, качинцы, котты, арины, байкотовцы и некоторые другие племена Южной Сибири.

Значительные пережитки патриархально-родового строя сохранялись и у народов, вступивших на путь классового развития,— якутов, предков бурят, тувинцев, дауров и дючеров и других. Родовые связи у этих народов играли еще большую роль в общественной жизни, хотя эти связи служили уже интересам, главным образом, богатой родовой аристократии, а не рядовых членов рода—«улусных мужиков», по терминологии русских документов XVII в.

На наиболее ранней стадии общественного развития из числа народов, у которых господствовал патриархально-родовой строй, находились, видимо, юкагиры и нивхи.

Ко времени прихода русских в северо-восточную Сибирь, т. е. к середине XVII в., у юкагиров ранние формы патриархально-родового строя характеризовались наличием значительных пережитков матриархально-

родовых порядков. Близки были к юкагирам по формам своей социальной организации и некоторые племена северных эвенков. Типичную картину патриархально-родового строя представляли в первой половине XVII в. предки энцев, нганасан, селькупов и кетов. При этом у двух первых из этих четырех народов патриархально-родовой строй имел своей производственной основой сочетание охоты и рыболовства с оленеводством, а у двух последних, у которых оленеводства не было, вся хозяйственная деятельность заключалась в охоте и рыболовстве, не считая собирания ягод и съедобных корней (что имело подчиненное значение).

Ненцы, некоторые эвенкийские племена, нанайцы, ульчи, орочи и удэгейцы находились на сравнительно высоких ступенях развития патриархально-родового строя и, кроме того, испытали на себе сильное влияние со стороны патриархально-феодальных обществ Южной Сибири и якутов (эвенки). Все это не мешало им, впрочем, сохранить и ряд очень архаичных пережитков в своей социальной организации (например, у хантов и манси — фратриальное деление).

Наиболее отсталыми по формам социальной организации среди народов Сибири можно считать ительменов, чукчей, коряков и азиатских эскимосов. Для социальных отношений у этих народов было характерно наличие некоторых черт матриархата и отсутствие ряда основных признаков патриархально-родового строя. В частности, у этих народов не было деления на роды (или фратрии) и родовой экзогамии. Материнский род у чукчей, коряков, ительменов и эскимосов распался, и развитие пошло в направлении к патриархально-родовым порядкам, некоторые элементы которых — патриархальная семья, многоженство, патриархальное рабство — уже были у них налицо.

Верования народов Сибири были довольно примитивны. Их религиозные представления принадлежали к категории так называемых анимистических воззрений, по которым вся живая и мертвая природа населяется духами, способными вступать в общение с людьми и влиять на их дела. Для Сибири являлась характерной форма анимизма, известная под названием шаманизма, когда из общества выделялись специальные посредники — шаманы, якобы имевшие власть над определенными категориями духов, с помощью которых они боролись с враждебными духами. Шаманство особенно сильно было развито у эвенков, юкагиров, у предков нганасан, энцев, у кетов, селькупов, якутов, алтае-саянских народов и бурят.

У северо-восточных палеазиатов и эскимосов профессиональное шаманство дополнялось шаманством домашним, когда могли шаманить любые люди. Чаще всего этим занимались женщины.

Для народов Амура, в меньшей степени Оби, характерны были ритуалы, связанные с почитанием медведя. На Амуре, особенно у нивхов, а также у айнов на Сахалине медведей специально выкармливали с тем, чтобы убить их с соблюдением сложных церемоний на особом празднике, устраивавшемся по этому случаю.

Среди западносибирских татар распространялся, хотя отнюдь не повсеместно, ислам. В середине XVII в. к некоторым группам предков бурят начинал проникать буддизм в его ламаистской разновидности.

* * *

Включение Сибири в состав России началось в конце XVI в. и в основном закончилось в XVII в. выходом русских к берегам Великого океана. Оно обусловливалось как возраставшей внутренней потребностью феодального государства, так и интересами безопасности восточных границ России и международной обстановкой.

Уже с середины XVI в. вопрос о Сибири получает большое значение. Сибирь привлекала господствующий класс Русского государства возможностью легкого захвата новых территорий и приобретения доходов, возможностью освоения новых промысловых районов — источника такого важного товара, каким была пушнина. Установление торговых отношений с Западной Европой через Белое море и временное овладение Нарвою (Ругодивом) способствовали расширению внешней торговли Русского государства. С падением Казанского царства и Астрахани свободными становились и волжский путь, связывавший Москву с Шемахой, и пути за Урал, открывавшие возможность торговых отношений с Бухарой и Хивой. С востока и с запада усилился спрос на русское сырье, среди которого значительное место занимали меха. Повышение спроса на пушнину привело к уничтожению пушного зверя в центральных районах страны. Пушные богатства казались неиссякаемыми, но для эксплуатации их необходимо было прочное освоение новых территорий.

С другой стороны, у ряда близлежащих сибирских племен и народностей возникала тяга к сношениям с Москвой и стремление стать под покровительство Русского государства. Угнетение со стороны сибирских ханов, внутренняя борьба отдельных племен приводили к тому, что уже к началу присоединения Сибири, в момент вооруженной борьбы с Сибирским ханством, отмечаются случаи не только довольно легкого перехода отдельных племен в состав Русского государства, но и добровольного вхождения.

Присоединение Казани открыло доступные и короткие камские пути в Сибирь, поставив Русское государство в непосредственную близость с Зауральем, в частности с Сибирским «юртом». Стоявший во главе Сибирского ханства Эдигар, теснимый бухарскими Шейбанидами, в 1555 г., вскоре после падения Казани, обратился в Москву с просьбой о покровительстве[1]. Этим было положено начало вассальным отношениям Сибирского «юрта» к Москве, выразившимся в уплате дани пушниной. Даннические отношения некоторое время продолжались и после смерти Эдигара при сменившем его Кучуме, но, не будучи подкреплены реаль-

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 248.

ной силой со стороны Москвы, они были легко разорваны Кучумом после 1572 г.

Взимание дани в Сибири соболями, привоз их в Москву и принесение к царю. Миниатюра из Лицевого летописного свода XVI в.

Уже в 60-х годах XVI в. в Москве знали и учитывали опасность нападения на восточные границы Руси: «хвалитца деи Сибирской салтан Ишибаны итти в Пермь войною»[1]. В начале 70-х годов положение на восточных границах стало тревожным. В 1573 г. «с Тобола де приходил Сибирского салтана брат Маметкул, собрався с ратью, дорог проведывати, куде итти ратью в Пермь»[2]. Попытки русского правительства разрешить вопрос мирным путем, имевшие некоторый успех при Эдигаре, наталкивались на сопротивление при хане Кучуме. Московский посол Третьяк Чебуков был убит Кучумом. Таким образом, к 80-м годам XVI столетия вопрос о взаимоотношениях с Сибирским ханством стал настоятельно требовать своего разрешения.

До конца XVI в. существовало два пути из Руси в Сибирь — сухопутный и морской. Древний путь шел Печорою и ее восточными притоками, берущими начало в уральских горах: по Усе, ее притоку Соби и через Камень переходил на другую Собь, приток Оби, или Шугором до перевала и по ту сторону его реками Сылвой, Киртасом и Сосьвой в Обь. Это был так называемый «чрезкаменный» путь, известный еще новгородцам. Другой путь, морской, шел «морем-окияном» вдоль берегов; поморское население широко пользовалось этим путем для летних поездок[3]. Уже в конце XV в. устюжские торговцы ездили на Тюмень. В XVI в. на Тюменском волоку шел оживленный обмен между пермичами и вогулами. Значительные группы русских людей занимались «остяцкой куплей» на Каме и Чусовой.

Между русскими промышленниками и населением Приобья стали устанавливаться тесные связи. По свидетельству Оливера Брюнеля, неко-

---

[1] ДАИ, т. 1, СПб., 1846, № 117, стр. 170.
[2] *Г. Ф. Миллер.* История Сибири, т. I, М.—Л., 1937, Приложения, № 5, стр. 339.
[3] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 87 и сл.

торые русские в совершенстве говорили на языке самоедов (ненцев) и были знакомы с рекой Обью, так как посещали те места из года в год. Русские промышленники все глубже начали проникать на восток от Оби, на Таз, в Мангазею, и еще восточнее — на Енисей. Бассейн реки Таза, население которого «Сказание о человецех незнаемых» называет молгомвеями (от названия энецкого рода Монгканди), стал известен русским не позднее начала XVI в. На основании русских источников страна Молгомзея (Мангазея) была уже отмечена на картах А. Дженкинсона (1562) и Меркатора (1587). К концу столетия Мангазея была освоена поморскими промышленниками, которые построили здесь ряд острожков и собирали дань с местного населения. На месте одного из них в 1601 г. был построен Тазовский или Мангазейский город. В конце XVI в. русские промышленники ходили и до Таза и «на Енисею».

По следам русских промышленников шли иноземцы, искавшие новых рынков и колоний. Особенно большую активность в освоении русского Севера проявляла растущая буржуазия Англии и Голландии. Эти страны отправили для исследования Поморья и Сибири несколько военно-промысловых экспедиций. Реальных результатов этих экспедиций не следует преувеличивать. Они не идут ни в какое сравнение с географическими открытиями русских людей. Но экспансия Англии и Голландии не могла не обратить внимания русского правительства. Оно сперва отклоняло отдельные домогательства (отказ пропустить к реке Оби Снупса в 1492 г., отказ в том же Боуэсу при Иване IV)[1], а в начале XVII в. закрыло морской путь в Сибирь из опасения возможной конкуренции со стороны иностранцев и из страха, чтобы «воинские многие люди сибирским городом какой порухи не учинили». Иноземная экспансия не могла не вызвать у русского правительства стремления окончательно разрешить сибирский вопрос.

Уже в 70-х годах XVI в. имелся разработанный план продвижения в Сибирь. В реализации этого плана правительство Ивана IV использовало деятельность торговых и промышленных людей по успешному освоению камских путей. Известную роль в продвижении в Сибирь сыграли сольвычегодские промышленники Строгановы, обширные владения которых в половине XVI в. раскинулись по Каме и Чусовой. Строгановы в своем обширном хозяйстве соединяли солеваренные предприятия с железодутным промыслом, рубили леса, вели крупное сельское хозяйство, добывали пушнину, завязывали широкие торговые сношения, среди которых крупное место занимала торговля мехами. Обширные промыслы, естественно, соединялись с широкой колонизацией. Первую жалованную грамоту на «камские изобильные места» Строгановы получили в 1558 г.[2], а в 1579 г. в их владениях было уже 39 деревень с 203 дворами, 1 городок и 1 монастырь[3]. Население в них через четыре десятка лет возросло почти в пять раз.

[1] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. 1, СПб., 1851, стб. 108—109; Сб. РИО, т. 38, стр. 95 и др.

[2] *Г. Ф. Миллер*. Указ. соч., стр. 332—334.

[3] *С. В. Бахрушин*. Указ. соч., стр. 97.

Русские суда в Северном Ледовитом океане. Гравюра из книги Геррита-де-Вера, XVI в.

Для охраны деревень и слобод с крестьянским населением Строгановы добились разрешения прибирать «охочих людей», казаков. Русское правительство охотно давало Строгановым грамоты на постройку городков с правом «на городах пушки и пищали учинити». Так, к концу XVI в. возникла крепостная линия, в которую вошли острожки: Канкор, Кергедан, Яйвенский, Нижне-Чусовский, Верхне-Чусовский, Сылвенский, Очерский. Являясь защитой как для собственно строгановских владений, так и для государственных восточных границ, линия эта была одновременно и военно-стратегической базой для продвижения на восток, в Зауралье, в поисках соляных рассолов, железной руды, пушнины и новых торговых связей. В этом продвижении Строгановы сталкивались с Сибирским ханством, лежавшим на путях на юг, в Бухару, и на север, в область пушных богатств. Предание, записанное Исааком Массой, говорит о посылке Аникой Строгановым в течение ряда лет своих «рабов и слуг» на Обь для скупки пушнины[1]. В 1574 г. Строгановы просили правительство о пропуске своих людей с посланником Захарьем Богдановым в Бухару за товарами[2]. При попытке сибирского хана Кучума совершать набеги на восточные границы Русского государства строгановским городкам приходилось отражать военную опас-

[1] *М. П. Алексеев.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, Иркутск, 1932, стр. 249—255.

[2] *А. А. Введенский.* Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924, стр. 94—95.

ность. Так, в 1572 г. строгановские укрепления помешали ханским отрядам продвинуться на запад: «а до их острогу... Сибирской не доходил за 5 верст».

Продвигаясь за Урал, Строгановы пытались использовать оба известные русские пути: и старый — северный, и новый — Камский.

На берегу реки Двины Строгановы построили два корабля для путешествия на восток и вдоль берегов Сибири. Одновременно подготовлялось продвижение в сторону Сибирского ханства Камским путем. Деятельность Строгановых находила активную поддержку со стороны правительства. Согласно жалованной грамоте Ивана IV от 1574 г., Строгановы получили земли по Туре и Тоболу[1]. За два месяца до этого Строгановы были вызваны в Александровскую слободу, где находился Иван IV. Здесь, можно полагать, и была определена роль Строгановых в разрешении вопросов, связанных с военными действиями Кучума[2]. Очевидно, достаточно информированное о положении Кучумова юрта, русское правительство в своих действиях рассчитывало и на помощь местного населения. Исходя из этого, оно давало Строгановым указание на необходимость привлечь к борьбе с Кучумом «остяков, и вогуличь, и югричь, и самоедь». Как показали позднейшие события, расчет этот оказался правильным. В указанной грамоте Москва выдвинула задачу окончательного разрешения пограничных недоразумений путем полного «замирения» Сибирского ханства. Грамота предписывала: «на Иртыше и на Обе и на иных реках, где пригодитца... крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати»[3].

В этой обстановке произошел в 1582 г. поход Ермака[4], закончившийся разгромом Кучума. Использовав отряд волжских казаков, Строгановы собрали из городков своих ратных людей, отпустили их «заедино» и снабдили «мздою и одеянием ратным украсиша их — оружием, пушки, пищали и всяким оружием воинским и запасы многими». Поднявшись по реке Чусовой, отряд Ермака перевалил через Уральский хребет и спустился по Тагилу на Туру, «ту бе и Сибирская страна». Продвигаясь «с боем и без бою» далее по Туре и Тоболу, Ермак вошел в Иртыш и в конце октября подошел к столице Кучума Кашлыку. На Чувашевом мысе татары устроили засеку, чтобы задержать неприятеля. Здесь произошла «сеча зла». Войско Кучума, состоявшее из отрядов, выставленных его татарскими вассалами и подвластными ему остяцкими (хантскими) и вогульскими (мансийскими) «князьцами», не выдержало натиска казаков

---

[1] *Г. Ф. Миллер.* Указ. соч., стр. 339—341.

[2] *Г. Красинский.* Покорение Сибири и Иван Грозный. «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 89—90.

[3] *Г. Ф. Миллер.* Указ. соч., стр. 340—341.

[4] Есть предположение, что Ермак — только прозвище выходца с Урала Василия Тимофеевича Аленина. *А. Воронихин.* К биографии Ермака. «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 98—100; *А. А. Введенский.* Строгановы. Ермак. Завоевание Сибири. «Научные записки Киевского университета», т. VIII, вып. 1, Киев, 1949, стр. 27.

Отправление Ермака в Сибирь. Миниатюра из Кунгурской летописи, XVII в.

и разбежалось. Кучум принужден был оставить столицу и откочевал в степь. Окрестное население принесло Ермаку дань.

Русское правительство, получив известие о занятии Ермаком столицы Сибирского ханства, организовало помощь Ермаку. В 1583 г. был выслан отряд в 500 человек во главе с князем Семеном Болховским и головой Иваном Глуховым, усиленный строгановскими людьми. Князь Болховский прибыл в Сибирь только в конце 1584 г. Успехи Ермака не были еще достаточно прочными. Завоевание Кашлыка не означало решительного разгрома сил Кучума. Поредевшие во время похода отряды Ермака не были для этого достаточны. Кучум откочевал в недоступные для русских степи, а окрестные князьки, согласившиеся платить ясак, в то же время поддерживали связи с прежними своими властителями. Против Ермака поднялось восстание местных феодалов, охватившее всю территорию бывшего Сибирского ханства. Один из крупных татарских феодалов, «карача» (советник) Кучума, осадил казаков в Кашлыке, но потерпел неудачу. Сам Кучум откочевал к границам своих прежних владений. В августе 1585 г. Ермак с небольшим отрядом казаков попал в засаду и погиб. В том же месяце остаток русских отрядов, поредевших от битв и голода, вынужден был покинуть Сибирь и, спустившись Иртышом и Обью, перевалил Уральский хребет и Печорой вернулся на Русь. Оставленная русскими татарская столица была занята сыном Кучума Али, которого вскоре выгнал племянник Эдигара Сеид-Ахмат. Второй отряд, высланный русским правительством с воеводой Иваном Мансуровым, прибыв в Сибирь месяца через два после ухода Глухова, не решился напасть на Кашлык и, дойдя до устья

Иртыша, зазимовал. Здесь на берегу Оби был основан первый в Сибири русский городок — Обский. Малочисленный и плохо снабженный отряд не смог удержаться в Сибири и в 1586 г. вернулся на Русь старым печорским путем. Так закончилась первая попытка разрешить сибирский вопрос, во время которой был нанесен тяжелый удар Кучуму, открыты пути в долины Иртыша и Оби, но достигнутые успехи не были закреплены.

Окончательное и планомерное продвижение в Западную Сибирь началось с похода воевод В. Сукина и Мясного и головы Д. Чулкова в начале 1586 г., после того как в Москве были получены известия об уходе из Сибири остатков объединенного отряда Ермака и Болховского. Вместо глубокого, но временного проникновения отдельных отрядов, напоминающего походы XV и более ранних веков, происходило планомерное закрепление новых территорий путем постройки сети укреплений, с постепенным усилением численности русских войск. Началось широкое выполнение плана, намеченного Иваном IV в жалованной грамоте Строгановым в 1574 г. Укрепления должны были охватить в первую очередь наиболее важные центры новой области и закрепить пути из Сибири на Русь. В этих целях были построены Тюмень (1586), на месте бывшего здесь татарского города Чинги-Туры, и Тобольский острог (1587) в непосредственной близости с Кашлыком. В следующем году Д. Чулков захватил в плен Сеид-Ахмата, и столица татарского ханства окончательно запустела. Борьба с татарами с этого момента переходит на юг, а военно-административным центром Сибири надолго становится Тобольск.

В 1583 г. на чусовском пути, которым шел Ермак, был построен Верхне-Тагильский городок. В 1590 г. постройкой Лозьвинского городка был закреплен путь в Сибирь Вишерою с переходом на Лозьву и Тавду. Поставленный приблизительно в это же время Березов должен был обеспечить сообщение с Сибирью «чрезкаменным путем». К концу XVI в. была открыта новая прямая дорога от Соли Камской до верховьев Туры, ставшая более чем на сто пятьдесят лет правительственным трактом, на котором был основан город Верхотурье (1598). С постройкой Туринска (1600) на среднем течении Туры путь Кама—Тура — Иртыш был окончательно закреплен.

Дальнейшее освоение Западной Сибири опиралось на Тобольск и укрепленную линию, связывавшую его с Россией, и шло в трех направлениях: вниз по Оби на север, вверх по Оби на восток и вверх по Иртышу на юг. Почти тотчас же после постройки Тобольска были обложены ясаком не только князьки, принесшие дань еще Ермаку, но и остяцкие (хантские) княжества, по Оби до ее устья, — Ляпинское, Кодское, Казымское и Обдорское. С постройкой Березова (1593) и Обдорска (1595) на нижнем течении Оби за Россией был закреплен и новый камский путь на Обь и старый печорский путь. Для того, чтобы освоить огромную территорию, лежащую между этими двумя водными путями и в стороне

от них, понадобилось еще много времени.

Вверх от устья Иртыша по Оби постройка в 1594 г. Сургута обеспечила господство над сургутскими остяками (хантами). Последнее десятилетие XVI в. было заполнено борьбой с «князьцом» Воней, стоявшим во главе так называемой Пегой орды, т.е. селькупов. Борьба эта закончилась постройкой Нарыма (1598) в центре Пегой орды. Основанием Томска (1604) на земле эуштинского князя Тояна, принявшего в 1603 г. решение о добровольном присоединении к Москве, закончилось в XVI в. продвижение русских в восточном направлении.

Г. Тюмень. Миниатюра из Кунгурской летописи, XVII в.

Движение вверх по Иртышу имело целью «в конец истеснить» Кучума, угрожавшего русским из степи. Передовым форпостом в этой борьбе стала основанная в 1594 г. Тара, надолго оставшаяся самым южным русским укреплением по Иртышу. Удачные походы вглубь степи тарских воевод (1595—1596) привели к 1598 г. к полному поражению Кучума и распаду его государства. В результате похода 1598 г. ряд сибирских народов был включен в состав Русского государства. Установлена была временная граница Руси на рубеже Южной Сибири[1].

* * *

Таким образом, события конца XVI в., развернувшиеся за Уральским хребтом, привели к падению вслед за Казанским ханством и ханства Сибирского. Задача установления нормальных условий жизни на восточных границах была разрешена. В то же время это создало условия для дальнейшего продвижения на восток и для великих географических открытий русских в XVII в.

Западная Сибирь с ее разноплеменным населением стала для Русского государства источником поступления драгоценной пушнины. Местное

[1] *В. С. Синяев.* Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. «Вопросы географии», сб. II, Томск, 1951, стр. 154 и др.

население облагалось натуральной данью — ясаком. Окончательные формы ясачного обложения сложились несколько позднее, а в первое время ясак был военной добычей, переходившей в погодную поголовную дань. Ее величина оправдывала в глазах русского правительства затраченные усилия и вызывала стремление к дальнейшему продвижению на восток в поисках новых «землиц» и «государевой прибыли». Доходы от сибирской пушнины стали важной статьей государственного бюджета России в то время. Обложение ясаком ложилось тяжелым бременем на большинство коренного населения Сибири, особенно на некоторые малые народы Севера. Неблагоприятно отразилась на некоторых из этих малочисленных народов и система аманатов (заложников), отрывавшая значительное число взрослых мужчин от производственной деятельности.

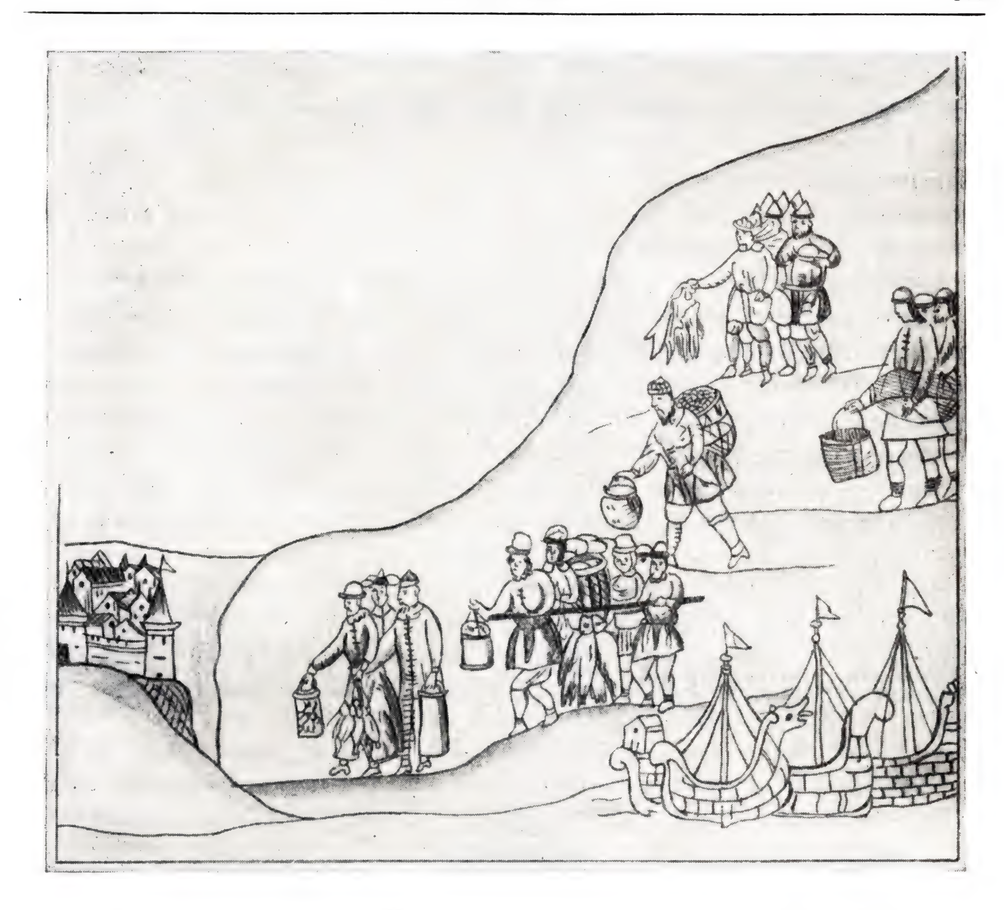
Однако вхождение в состав Русского централизованного государства имело большое значение для народов Сибири.

Ко времени освоения Россией Сибири значительной части сибирских народов угрожала участь быть захваченными отсталыми феодальными государствами, какими были в то время Маньчжурия, Монголия и Джунгария. Ряд племен и народностей отдаленных районов Северной Сибири был изолирован от более развитых стран, в силу чего их поступательное развитие совершалось крайне медленно. Развитие производительных сил и общественно-экономического строя у сибирских народов тормозилось бесконечными межплеменными раздорами и войнами, которые вели к взаимному истреблению сибирских племен и народностей. Вхождение в состав Русского государства открыло перед народами Сибири возможность экономического и политического развития, какой они не имели раньше.

Особенно быстро совершалось развитие тех районов Сибири, куда направлялась русская народная колонизация. Русские переселенцы много сделали для хозяйственного освоения огромных сибирских просторов, принесли земледелие и содействовали росту производительных сил Сибири.

Уже на рубеже XVII в. русские переселенцы в Западной Сибири добились успехов в развитии сельского хозяйства. Царская администрация, путем эксплуатации русских переселенцев и сгоняемых на пашню ссыльных, стремилась организовать снабжение продовольствием своих опорных пунктов и гарнизонов. В последние годы XVI и в начале XVII в. русское земледелие стало развиваться в районах Верхотурья, Тюмени, Туринска, Тобольска, Томска, Пелыма[1], причем в основном за счет стихийной крестьянской колонизации. Русское крестьянство принесло в Сибирь свои более высокие земледельческие навыки и опыт и вместо полукочевого, экстенсивного, с низкой техникой земледелия, существовавшего у некоторых местных племен (татар, вогул) и имевшего только вспо-

[1] *В. И. Шунков.* Очерки из истории колонизации Сибири в XVII— начале XVIII в. М.— Л., 1946, стр. 57 и сл.; *З. Я. Бояршинова.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952, стр. 246—278.

Сбор ясака в Сибири. Миниатюра из Кунгурской летописи, XVII в.

могательное хозяйственное значение, упорным трудом развивало в качестве основной отрасли сельское хозяйство. Русское крестьянство принесло в Сибирь культуру ржи, овощей, технических растений, правильное трехполье и т. д.

Контакт с русским народом, усвоение земледельческой техники и других достижений русской культуры, прекращение межплеменных усобиц — все это вместе взятое, несмотря на гнет царизма, создало необходимые условия для развития производительных сил, роста населения и подъема материальной и духовной культуры этих народов. Можно считать, что ряд коренных народов Сибири — бурят-монголы, якуты, хакасы, алтайцы и другие — выросли в крупные самостоятельные народы только благодаря присоединению Сибири к России. В результате присоединения к России народов Сибири некоторые из них прямо от неолита перешли в железный век, что было огромным шагом вперед в их истории.

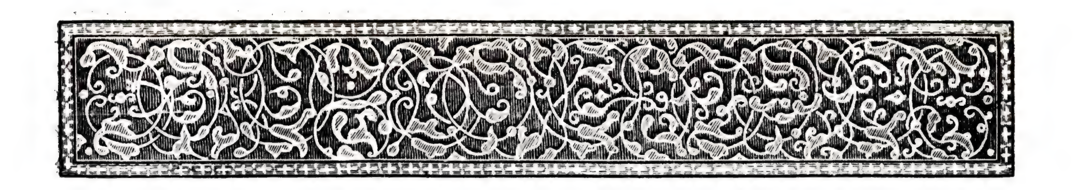
Буржуазная этнография, в частности сибирские националисты-«областники», создали несколько легенд о якобы истребленных и вымерших народах Сибири. В качестве таких народов называли, например, коттов, асанов, аринов, омоков, ходынцев и других. Но при проверке этих

утверждений оказалось, что котты слились с русскими крестьянами бывшего Канского уезда, асаны —с эвенками, арины — с русскими и качинцами и вместе с последними вошли в состав хакасского народа; омоки (одно из юкагирских племен) также слились с русскими колымчанами, а ходынцы (другое юкагирское племя) — частью с русскими на Анадыре, а частью с эвенами (ламутами) и т. д.

Для большинства народов Сибири неверны также утверждения об их «вымирании», т. е. резком сокращении численности. Наоборот, после присоединения Сибири к России возросло количество многих сибирских народов в несколько раз. Например, якутский народ из небольшой этнической группы, какой он был к приходу русских, в дальнейшем превратился в крупную народность. Группа разрозненных племен консолидировалась и выросла в бурят-монгольский народ. Немногочисленные разрозненные племена предков современных хакасов сложились в хакасский народ и т. д.

В результате присоединения Сибири к Русскому государству на огромной территории, на одной десятой поверхности земного шара, открылись возможности приобщения к передовой цивилизации для многочисленных отсталых народов. В этом огромная историческая заслуга русского народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАРОДЫ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, ПРИБАЛТИКИ, МОЛДАВИИ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ в конце XV — начале XVII в.

1
ВВЕДЕНИЕ

Образование Русского централизованного государства было явлением огромной исторической важности в жизни русского и других народов России и крупнейшим фактором международного порядка. Оно имело большое прогрессивное значение для народов нашей родины, тесно связанных в своем историческом развитии с великим русским народом, но в силу разных причин оказавшихся политически разобщенными. В большинстве своем эти народы не имели собственной государственности и входили в другие государства.

Сложившиеся на основе образовавшейся в IX—XII вв. единой древнерусской народности белорусский и украинский народы в процессе дальнейшего исторического развития были отторгнуты от русского народа и захвачены соседними феодальными государствами. Белоруссия в XVI в. входила в Литовское княжество, Украина находилась под властью Польши, Литовского княжества, частично Венгрии (Закарпатская Украина), Молдавии (Черновицкая область), татар (Северное Причерноморье и Приазовье). Оторванность белорусских и украинских земель от русских, их расчлененность на части и порабощение соседними феодальными государствами, вторжения на Украину татаро-турецких орд, разорявших города и села, убивавших и полонивших население,—все это тормозило развитие экономики и культуры белорусского и украинского народов, препятствовало созданию у них национальных государств.

Молдавия, на территории которой издавна жили наряду с молдаванами и восточные славяне и которая входила в состав древнерусского государства, в результате турецкой агрессии попала под власть Османской империи. Турецкие захватчики в XVI в. разоряли страну, что серьезнейшим образом препятствовало культурно-экономическому росту молдавского народа.

Народы Прибалтики (Эстонии и Латвии), жившие в соседстве с русским народом и связанные с ним общностью исторического развития, в период

существования древнерусского государства находившиеся в сфере его политического влияния, в дальнейшем были порабощены немецкими агрессорами. Территория Прибалтики (Ливония) была разделена между Орденом и рядом епископских феодальных владений. Политическая раздробленность и бесконечные феодальные войны, разобщенность отдельных частей эстонского и латышского народов мешали их развитию.

Территория Северного Кавказа и Закавказья в XVI в. была объектом агрессии со стороны османской империи и Персии. Турецкие и персидские войны доводили до полного истощения население Грузии, Армении, Азербайджана.

В Средней Азии с конца XV в. усилилась феодальная раздробленность. Политическая карта Средней Азии беспрестанно перекраивалась. Многочисленные феодальные и полуфеодальные-полупатриархальные объединения были непрочны, так же быстро распадались, как и возникали. Это пагубно отражалось на экономическом и культурном развитии народов Средней Азии, вело к упадку сельского хозяйства и городов, к застою феодальной экономики. На развитие земледельческих районов отрицательное влияние оказало установление власти кочевых феодалов.

У различных народов, порабощенных другими феодальными государствами и расчлененных между ними, процесс социально-экономического развития протекал неодинаково.

В белорусских и украинских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского и Польского государства, а также в землях литовских в конце XV и в XVI вв. наблюдался некоторый подъем феодальной экономики. Как и в России, развитие товарно-денежных отношений в условиях господства феодального способа производства приводило к усилению крепостнической эксплуатации, к распространению денежной ренты и барщины, к укреплению экономической власти феодалов и к юридическому оформлению зависимости крестьян от их владельцев. Как раз в середине XVI в., когда в Русском государстве проводился ряд преобразований, направленных к укреплению поместного землевладения в интересах дворянства как основной социальной опоры формировавшегося самодержавия, в Великом княжестве Литовском была предпринята так называемая «волочная» реформа крестьянского землепользования (пересмотр крестьянских земельных наделов и повинностей), знаменовавшая новый этап в развитии феодально-крепостнических отношений. Три литовских статута (1529, 1566, 1588) юридически оформили привилегии шляхетства.

В силу этнической разнородности, неодинакового уровня экономического развития отдельных территорий в Великом княжестве Литовском не создалось предпосылок для образования централизованного государства. Уровень социально-экономического и культурного развития белорусских земель был выше, чем в литовских землях, в этническом отношении белорусские и украинские земли тяготели к русскому народу, с которым их связывали единство происхождения, традиций, близость языка, быта

и психического склада. Собственно литовская народность составляла меньшинство населения государства. Господствующий класс Великого княжества Литовского, поработивший украинский и белорусский народы, мог удерживать свое господство над ними лишь с помощью польских феодалов, не заинтересованных в создании в Литве сильного государства, искусственно поддерживавших феодальную раздробленность.

Усилению великокняжеской власти в Литве препятствовала своекорыстная политика части господствующего класса. В условиях, когда отсутствовала достаточно развитая экономическая база для образования централизованных государств, в условиях острых национальных противоречий, обострявших противоречия классовые, часть феодалов Украины, Белоруссии, совместно с феодалами Литвы, предавала национальные интересы, шла на соглашения с польскими магнатами в ущерб интересам широких трудящихся масс. Укреплялось господство боярской олигархии, что вело к ослаблению центральной великокняжеской власти. Острие этих реакционных соглашений оказывалось направленным против Русского государства.

Русское централизованное государство представляло собой политическую силу, с которой должны были считаться и Литва и Польша. В этих условиях та классовая борьба, которая развернулась в пределах Украины и Белоруссии в конце XV и в XVI в., перерастала в борьбу за воссоединение с русским народом. А мероприятия украинских, белорусских, литовских феодалов для укрепления власти в целях подавления антифеодальных народных движений принимали характер антинациональных договоров об объединении сил господствующего класса с феодалами Польши.

В 1566 г. был утвержден второй Литовский статут, расширивший права шляхетства. В 1569 г. на сейме в Люблине была оформлена уния, объединившая Великое княжество Литовское и королевство Польское в единое государство — Речь Посполитую. Уния явилась для польско-литовских панов орудием агрессии на восток, средством порабощения украинского и белорусского народов, которые видели в русском народе своего защитника и оказывали поддержку русским войскам во время Ливонской войны.

После унии усилился захват польскими панами украинских и белорусских земель, возрос крепостнический и национальный гнет. Третий Литовский статут (1588) юридически оформил крепостнические отношения на территории Великого княжества Литовского. В то же время нарастала новая волна народного сопротивления; в борьбе против панской Польши и своих феодалов белорусское, украинское, литовское крестьянство опиралось на поддержку русского народа, а также трудящихся масс самой Польши. Центром борьбы с польским шляхетским гнетом, а также с татарско-крымской агрессией становилась Запорожская Сечь. Крестьянско-казацкие движения перекидывались на территорию Белоруссии, Молдавии и т. д. Белорусские крестьяне бежали в Запорожье. Многие украинские казаки переселялись в пределы Руси.

Развертывание классовой борьбы вызвало новое сплочение сил господствующего класса. В целях укрепления аппарата политического и идеологического воздействия феодалов на народные массы, в целях отрыва украинского и белорусского народов от русского в 1596 г. была оформлена Брестская уния. Объединение православной и католической церквей отвечало планам Ватикана, который при посредстве иезуитов стал внедрять на Украине и в Белоруссии католицизм.

В силу того, что насильственное насаждение католичества было средством порабощения народных масс польскими панами, действовавшими в союзе с римской курией, антифеодальная и национальная борьба в Белоруссии и на Украине принимала форму защиты православной веры. В городах, где права русского, украинского и белорусского населения были ущемлены, организовывались братства. В городе и деревне получили развитие еретические учения, в распространении которых сыграли роль выходцы из России.

Борьба трудящихся Украины и Белоруссии против феодальной эксплуатации и национального угнетения усилилась во время крестьянской войны в Русском государстве в начале XVII в. Борьба украинского и белорусского народов против польских и литовских панов, а также выступления литовского крестьянства облегчали сопротивление русского народа польско-литовским интервентам, мешали осуществлению агрессивных замыслов последних в отношении Руси. Героический отпор русского народа агрессии польско-литовских феодалов сковывал их военные силы в России и тем способствовал развертыванию антифеодального движения на Украине и в Белоруссии. Белорусские и украинские крестьяне и мещане громили шляхетские военные отряды, отправлявшиеся на Русь.

Освободительное движение русского народа против польско-литовских захватчиков привело к их изгнанию из пределов России. Внешняя политика русского царизма начала XVII в., диктуемая интересами господствующего класса, была направлена на упрочение международного положения Русского государства и расширение его территории. Для Украины и Белоруссии политика русского правительства имела и положительное значение. Постепенно становился все более реальным вопрос о воссоединении украинского и белорусского народов с русским в составе Русского централизованного государства.

Молдавское государство, возникшее в XIV в., в результате турецкой агрессии потеряло свою самостоятельность. В XVI в. молдавскими господарями были турецкие ставленники — проводники грабительской политики Порты. Наряду с Османами агрессию в отношении Молдавии проявляла и панская Польша, к которой перешла от Молдавии территория Покутья. Результатом господства иноземных захватчиков в Молдавии явилось разорение и обезлюдение страны, падение уровня сельского хозяйства и ремесла. Над молдавским крестьянством тяготел двойной гнет — молдавских феодалов и турецких поработителей.

Классовая борьба молдавского крестьянства и трудящихся масс городов Молдавии против феодального гнета была неразрывно связана с освободительной борьбой против султанской Турции, а также панской Польши. В этой борьбе молдавский народ получал помощь со стороны других народов нашей родины, страдавших под иноземным игом. Уже в конце XV в. вспыхнуло мощное антифеодальное движение молдавского и украинского крестьянства под руководством Мухи, охватившее значительную часть Молдавии, Подолию, Галицкую землю. Оно было подавлено молдавскими, украинскими и польскими феодалами при помощи тевтонских рыцарей. В XVI в. украинские казаки своими походами ослабляли агрессию Турции и ее вассала крымского хана и усиливали освободительную борьбу народов, находившихся под турецким игом, в том числе и молдавского народа. Молдавские крестьяне бежали на Украину и принимали участие в казацко-крестьянских восстаниях.

Молдавское государство утратило свою самостоятельность и попало под иго турецких захватчиков в то время, когда возникло Русское централизованное государство, образование которого было ускорено необходимостью борьбы с турецкой агрессией. Исторически закономерным было то, что Молдавия находила в России опору в своей борьбе против султанской Турции и панской Польши. Уже в конце XV в. был заключен политический союз между Молдавией и Россией. Русское правительство на протяжении XVI в. неоднократно оказывало Молдавии материальную и дипломатическую поддержку. Политический союз с Русским государством был важен для Молдавии потому, что содействовал борьбе молдавского народа с турецкими ассимиляторами.

Развитие феодального способа производства у народов Прибалтики (латышей и эстонцев) в XVI в. совершалось в условиях колониального гнета, установленного немецкими завоевателями. Классовые противоречия переплетались с национальными, так как господствующий класс в Прибалтике сложился в основном из немцев-захватчиков, класс эксплуатируемого крестьянства из местного населения — латышей и эстонцев. Точно так же в городах (Риге, Таллине, Тарту и др.) немцы составляли патрициат, латышские и эстонские ремесленники и работные люди принадлежали к низшим слоям городского населения, к ее плебейской части.

В течение XVI в. шел интенсивный рост дворянских поместий, развивалось барщинное хозяйство. С этим было связано и дальнейшее развитие крепостнических отношений, оформление крепостного права, которое приняло на территории Прибалтики самые жестокие формы.

Образование Русского централизованного государства укрепило многовековые хозяйственные, политические и культурные связи народов Прибалтики с русским народом. Вопреки противодействию со стороны Ливонского ордена и немецких купцов, расширялись торговые сношения городов Эстонии и Латвии с Россией. В Таллине, Тарту, Риге и других городах проживало много русских ремесленников и торговых людей. Хотя немецкая купеческая знать препятствовала их деятельности, экономическое

общение между русским, эстонским и латышским населением все возрастало.

На протяжении всей своей истории народы Прибалтики всегда получали помощь и поддержку со стороны русского народа в борьбе против иноземных поработителей. Образование Русского централизованного государства было важным фактором в судьбах народов Прибалтики. В борьбе с феодальным и национальным гнетом, направленным против немецких захватчиков, ясно обнаруживалось тяготение широких народных масс Эстонии и Латвии к России. Участились побеги латышского и эстонского крестьянства в русские пределы. В начале XVI в. во время войны Ливонского ордена с Россией ливонские крестьяне массами переходили на сторону русских войск. Восстания крестьян и угнетенных городских масс подрывали господство Ордена и католических епископов. Окончательным ударом для Ордена и епископских владений, решивших их судьбу, была Ливонская война. В ходе войны эстонское и латышское крестьянство и горожане активно помогали русскому войску. Восставшие крестьяне отказывались от исполнения барщины в пользу немецких дворян, нападали на замки местных феодалов, убивали их, приносили присягу на подданство Русскому государству. Немецкие дворяне, испугавшиеся волны народного движения, предательски отдали Эстонию и Латвию Швеции и Польше.

Ливонская война, которую господствующий класс России начал в целях присоединения Прибалтики, имела прогрессивное значение для прибалтийских народов прежде всего тем, что она положила конец господству Ливонского ордена и укрепила исторические связи этих народов с русским народом. Когда в начале XVII в. Эстония и Латвия стали ареной польско-шведской и шведско-датской войн, разорявших население, народы Прибалтики искали защиты от иноземной агрессии у России.

Развитие феодальных отношений в странах Кавказа и Закавказья в XVI в. совершалось в условиях агрессии со стороны Турции и Персии. Различные народы Северного Кавказа находились на разном уровне социально-экономического и политического развития. Если у некоторых из них еще господствовали патриархально-родовые отношения, то у других уже складывались государства раннефеодального типа. Государства и племена Северного Кавказа вели бесконечные войны друг с другом, что чрезвычайно тяжело отражалось на положении трудящихся масс. Распри феодальной и феодально-патриархальной знати усиливали опасность порабощения народов Кавказа турецкими султанами и персидскими шахами.

В странах Закавказья с конца XV в. восторжествовала феодальная раздробленность. При отсутствии общности экономической жизни народов Закавказья оказывались непрочными все возникавшие здесь эфемерные политические объединения, обычно затрагивавшие поверхностную сферу военно-административной жизни. Постановлением совета грузинских феодалов в 1490 г. был официально признан распад Грузии на от-

дельные царства. К середине XVI в. территория Грузии, Армении, Азербайджана была разделена между турецкими и персидскими захватчиками.

Установленная завоевателями политика военно-оккупационного режима, насилий и гнета приводила к обнищанию населения, падению уровня производительных сил, превращению крестьян в полурабов, к замене в некоторых областях сложившегося феодального способа производства полуфеодальными-полупатриархальными отношениями. Приняла массовые размеры продажа пленных в рабство. В результате войн на территории Кавказа и Закавказья особенно сильно пострадали города.

Господство турецких и персидских ассимиляторов препятствовало национальному развитию народов Кавказа и Закавказья. Происходило физическое истребление и массовое насильственное выселение из родных мест кавказских народов. Так, принудительно (с применением самых жестоких мер) было выведено громадное количество армян, вместо которых были поселены кочевые курдские племена. Глубоко реакционную роль играл ислам — религиозная идеология, оправдывающая захват чужих территорий и грабеж иноверного населения. Грабительская политика завоевателей была направлена к порабощению народов и препятствовала образованию у них самостоятельных государств.

Народы Кавказа и Закавказья вели упорную борьбу против феодального гнета, за свою национальную независимость. Формы этой борьбы были различны и многообразны: вооруженные восстания, широкое развертывание крестьянского партизанского движения, развитие религиозных сект и учений, сторонники которых вели под идеологической религиозной оболочкой борьбу с феодальным строем и национальным угнетением. К национально-освободительному движению трудовых масс деревни и города примыкали передовые представители класса феодалов и купечества.

Однако в условиях феодальной раздробленности и сложного внешнеполитического окружения героическое, но изолированное сопротивление народов Кавказа и Закавказья захватчикам не могло привести к свержению чужеземного ига и созданию самостоятельных национальных государств. Освободительная борьба народов Закавказья имела большое общеисторическое значение, ибо она сдерживала натиск турецкой агрессии на Восточную Европу.

В борьбе с Турцией и Персией для народов Кавказа и Закавказья большое значение имела помощь русского народа. Политические и культурные связи Кавказа и Закавказья с Русью восходят еще ко временам образования древнерусского государства.

Важным рубежом в истории сношений стран Кавказа и Закавказья с Русским централизованным государством является середина XVI в. Условия для этого были в известной мере подготовлены восточной внешней политикой России: присоединением Казани и Астрахани, овладением волжско-каспийским путем после ликвидации захвативших его татарских ханств. С середины XVI в. расширяются торговые и дипломатические связи

Русского государства с Азербайджаном, Грузией, Арменией. Русские купцы бывали в Шемахе, Тебризе, Джульфе и других городах, а армянское и азербайджанское купечество — в Москве, Казани и Астрахани. На протяжении второй половины XVI в. развиваются политические сношения кахетинских царей с Русским государством. Признание Кахетией суверенитета России было связано с военной помощью, которую оказывала Россия Грузии в ее борьбе против захватчиков. Уже в середине XVI в. в Москве побывал глава армянской церкви католикос Степанос Самастеци, ведший переговоры о союзе Армении с Россией в борьбе против Турции. В пределы Русского государства бежали армяне от иноземного гнета. На путях к Азербайджану строились русские крепости. Во второй половине XVI в. кабардинцы, черкесы и другие народы Северного Кавказа искали поддержки у Русского централизованного государства — единственной силы, которая могла оказать им помощь в борьбе с иноземной агрессией. Занятое решением сложных внешнеполитических задач на западе, русское правительство тем не менее понимало важность и значение установления тесных связей с Северным Кавказом и отправляло на Северный Кавказ военные силы и технические средства. Русское централизованное государство становится мощным фактором политической жизни стран Кавказа и Закавказья. Оказывая помощь народам Кавказа в борьбе с турецкой и персидской агрессией, царизм преследовал интересы господствующего класса России. Однако в сложившейся исторической обстановке связи с Русским государством имели важное значение в истории Кавказа. Русский народ выступал защитником от чужеземных завоевателей обескровленных и разобщенных народов Кавказа.

Ко времени образования Русского централизованного государства население Средней Азии переживало экономический упадок.

Расселение кочевников среди оседлых народов приводило к вытеснению старого земледельческого населения, сокращению посевных площадей, нарушению действия ирригационных сооружений. Особенно активное наступление кочевых (узбекских) племен на оседлые районы Средней Азии относится к XV — началу XVI в., когда во главе Узбекского ханства стояли Абулхайр и Шейбани.

Узбекское ханство представляло собой непрочное военно-административное объединение, конгломерат племен и народностей, лишенных общей экономической базы. Объединенные путем завоевания под властью Шейбани, основные оседлые земледельческие районы Средней Азии в результате распада этого эфемерного государства снова утратили политическую связь друг с другом. Столь же непрочным было и сложившееся в XV в. полупатриархальное-полуфеодальное объединение — Казахское ханство.

В таких условиях для экономического и политического развития народов Средней Азии было чрезвычайно важно расширение торговых и дипломатических связей с Русским государством. Эти связи особенное развитие получили после присоединения к России Казанского и Астраханско-

го, а затем и Сибирского ханств. Во второй половине XVI в. русские купцы и послы все чаще ездят в Бухару, Хорезм и т. д., а послы из Хивы, Самарканда, Балха и т. д. приезжают в Москву.

Продвижение границ Русского государства в южное Зауралье и Сибирь, развитие торговых и дипломатических связей Казахского ханства с Русским государством привели в конце XVI в. к принятию казахским ханом Тевеккелем русского подданства. Это был первый шаг по пути присоединения среднеазиатских территорий к России.

Итак, XVI век был временем, когда отчетливо проявилась роль Руси как объединительницы национальностей, что было закономерным следствием исторического развития народов нашей родины в тесной связи с русским народом. Находившиеся на более низком уровне экономического развития, многие нерусские народы в условиях сложного международного окружения были лишены необходимых данных для образования собственных национальных государств. Политика царизма в отношении этих народов исходила из задач расширения территории господствующего класса России, установления феодально-национального гнета на окраинах. Но вопреки целям царизма, укрепление связей нерусских народов с Россией создавало условия для их развития, объективно имевшие прогрессивный характер. Вопреки целям царизма, укреплялись основы дружбы русского народа с другими народами нашей родины. В борьбе с феодальным гнетом и феодалами всех национальностей русскому народу принадлежала ведущая роль.

XVI столетие имело большое значение и в установлении культурных связей между народами нашей родины.

Культура украинского и белорусского народов развивалась в тесной взаимной связи и под благотворным влиянием русской культуры. Зачинатель книгопечатания на Руси Иван Федоров после ухода из Москвы развернул свою деятельность в пределах Великого княжества Литовского, на Украине и в Белоруссии. На Украине и на Руси распространялись книги, напечатанные белорусом, доктором Георгием Скориной. Украинское, белорусское, литовское летописание было связано с летописанием русским. На развитие украинской и белорусской живописи оказали влияние замечательные традиции Андрея Рублева и его школы. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого являлась учебным пособием для русских, белорусских, украинских школ. Последователи наиболее радикального крыла реформации в Белоруссии — антитринитаризма — С. Будный и В. Тяпинский пропагандировали культурные достижения русского народа.

Русский язык применялся в деловой письменности в Великом княжестве Литовском и в Молдавском господарстве. При составлении Литовского Статута использовались нормы древнерусского права. На славянском языке составлялись молдавские летописи.

В Москве, на Украине, в Молдавии и т. д. возникли армянские поселения, рассадники культуры армянского народа. Автор «Казанского летописца» — литературного произведения, посвященного присоединению к

России Казанского ханства, отмечает помощь русским воинам со стороны армянских купцов, находившихся в Казани. Темой «Повести о грузинской царице Динаре», составленной в России в середине XVI в., является введение христианства в Грузии и деятельность грузинской царицы Тамары (Динар). Эта повесть является показателем русско-грузинских культурных связей в XVI в. Автор «Казанского летописца» вкладывает в уста Ивана Грозного речь со ссылкой на царицу Динар. Из Москвы в страны Закавказья ездили русские иконописцы.

Именно Русь была центром культурного взаимодействия народов нашей родины в XVI в.

2

УКРАИНА

В конце XV в. бóльшая часть Украины находилась под властью Польши и Великого княжества Литовского. Польша владела западной частью Украины — от Карпат до верховьев Припяти и городов Зборова, Тарнополя и Теребовля. Кроме того, ей принадлежало Западное Подолье (до городов Бара и Хмельника). Во владении Великого княжества Литовского находилась вся территория Украины от Владимира-Волынского, Кременца, Винницы до Новгорода-Северского, Путивля. Небольшие по числу населения части Украины находились тогда под властью Венгрии (Закарпатская Украина), Молдавии (Черновицкая область) и татар (причерноморские и приазовские районы).

Со времени захвата турецкими феодалами Крыма Украина подвергалась особенно тяжелой турецко-татарской агрессии. В течение пятидесяти лет, с 1480 по 1530 г., крымские татары почти ежегодно, а иногда по нескольку раз в год, вторгались на Украину, производя в ней большие опустошения, сжигая города, захватывая тысячи пленных, уводя скот. По сведениям современников, только в 1516 г. татары увели из Украины много десятков тысяч пленников. Неоднократно в конце XV — начале XVI в. врывались на Украину и турецкие войска.

«Гнет польско-шляхетского государства и неограниченный произвол польских панов стали сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины. Население Украины страдало также от постоянных разбойничьих набегов турок и крымских ханов»[1].

Образование Русского централизованного государства было важнейшим событием и в истории украинского народа[2].

Украинский народ в борьбе с литовско-польскими феодалами-поработителями все больше надежд возлагал на поддержку Русского государства. В начале XVI в. перешли под власть Русского государства бывшие под

[1] «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», Госполитиздат, 1954, стр. 6.

[2] См. гл. 1, § 9 настоящего издания.

властью Литвы княжества—Новгород-Северское, Рыльское, Черниговское, Любечское. В 1507 г. украинские и белорусские феодалы под предводительством князя Михаила Глинского восстали против Литвы и, учитывая настроение народа, обратились за помощью к русскому правительству. Главными очагами восстания были районы Турова, Мозыря, Овруча, Житомира. В 1508 г. польско-литовские войска подавили это движение, отражавшее тяготение украинского и белорусского народов к России.

В борьбе Русского государства с Крымским ханством приняло самое активное участие население Украины, страдавшее от разорительных набегов крымских полчищ. К середине XVI в. в степных районах Украины уже сложилось казачество. Оно принимало участие в походах русских войск на Крымское ханство. Многие из украинских казаков несли службу в пограничных городах, на оборонительных рубежах Русского государства, поселялись в пределах Руси.

* * *

Основным занятием населения Украины, как и в предыдущее время, было земледелие. Господствовало трехполье, на севере встречалась подсечная, а на юге переложная системы земледелия, применявшиеся главным образом при разработке нови. В озимом клину сеяли рожь, пшеницу; в яровом — ячмень, овес, гречиху, просо. Население занималось также и скотоводством, особенно в полесских и южных районах, где было больше выгонов. Разводили крупный рогатый скот, овец, свиней. На Украине получило развитие не только бортное, но и пасечное пчеловодство. В XV—XVI вв. в черноземной части Западной Украины было создано много прудов, в которых разводилась рыба.

На Украине были распространены крупные крестьянские хозяйства, которые чаще всего назывались дворищами. Дворища по величине были весьма неодинаковы: большому числу из них принадлежала земельная площадь размером в несколько десятков гектаров; были дворища, владевшие земельной площадью в несколько сотен гектаров; в одних дворищах жило несколько крестьянских семейств, в других несколько десятков. В дворищах производились, как правило, все хозяйственные работы, начиная от добывания разных видов сырья и кончая переработкой их для потребления. Большинство крестьян покупало лишь незначительное количество необходимых в хозяйстве продуктов и изделий (железо, соль и др.). На сторону сбывались только излишки продуктов земледелия и скотоводства; лишь немногие предметы производились непосредственно для продажи (мед, воск, меха, гончарные изделия и др.).

Экономическое развитие феодальной Украины в конце XV и в XVI вв. характеризуется ростом товарно-денежных отношений. Одним из показателей этого процесса в условиях феодального строя было распространение денежной ренты. В ряде районов она заняла господствующее место среди крестьянских повинностей. Так было в некоторых селах Галичского староства. В Кременецком старостве Волынского воеводства в 1563 г.

крестьяне должны были платить от каждой волоки по 30—40 грошей в зависимости от качества почвы, от «морга сенокоса» по 8 грошей, от «дубравного морга» по 4 гроша. Обрабатывать барские поля крестьяне не были обязаны; они должны были только косить траву на помещичьем лугу, сушить сено и отвозить его в зáмок. Кроме того, крестьяне должны были давать от волоки по полбочки ржи и полбочки овса[1]. В Чернечгородской волости, находившейся в глубине Полесья, к северу от Луцка, в конце XVI в. также господствовала денежная рента. Часть сел, в которых было развито пчеловодство, давала «дань медовую»[2].

В Хмельницком старостве, находившемся в северо-восточном углу Подольского воеводства, в 60-х годах XVI в. рента продуктами сосуществовала с денежной. В составе натурального оброка большое значение имели продукты не земледелия (хотя Хмельницкий район принадлежал к числу черноземных), а скотоводства и пчеловодства, находившие более легкий сбыт на рынке[3].

Превращение ренты продуктами в денежную ренту на Украине в XVI в. могло произойти при наличии значительного развития городской промышленности, товарного производства, торговли, что было неразрывно связано с развитием общественного разделения труда.

* * *

В XVI в. на Украине росло число городов. В Русском воеводстве[4] в 1589 г. было более 100 городов, в Белзском —18. В начале второй половины XVI в. в Волынском воеводстве насчитывалось 68 городов, в Подольском —37[5]. Из этих городов многие возникли в конце XV и в XVI в. Число городов особенно увеличилось во второй половине XVI и в начале XVII в. Если в начале второй половины XVI в. в Волынском воеводстве было 68 городов, то к 1629 г. их насчитывалось до 114[6]. Многие города Украины имели в XVI в. значительное население. В Кременце в 1563 г. было около тысячи домов, в Белой Церкви в 1589 г.— около двух двух тысяч домов, в Брацлаве в 1552 г.— около 730 домов[7]. Большинство городов имело две-три сотни домов.

Украинские города XVI в. сохраняли тесную связь с сельским хозяйством. Но некоторые города были сравнительно крупными ремесленными

---

[1] В полубочке было около 150 литров. Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, Киев, 1890, стр. 110—111.

[2] «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», т. III, отд. II, изд. 2, Киев, 1898, стр. 75—87.

[3] Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 140—148.

[4] Области Дрогобычская, Станиславская; большая часть областей Львовской, Тарнопольской; районы у Перемышля.

[5] *A. Jabłonowski.* Pisma, т. IV, Варшава, 1911, стр. 130.

[6] *А. И. Баранович.* Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воєводство, Київ, 1931, стр. 21.

[7] Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 20,126; ч. VIII, т. V, Киев, 1907, стр. 247.

и торговыми центрами. Например, в Каменце-Подольском в 1578 г. уплачивали налог более 230 ремесленников мастеров и 90 их «товарищей» (не считая мясников, пекарей, винокуров). В 1589 г. в Новом Самборе уплатили налог 90 ремесленников, в Дрогобыче — 57, в Стрые — 51.

В Киеве в 1571 г. платили налог 62 ремесленника, а кроме того, 3 «убогих» и 6 «товарищей» ремесленников. Среди городских ремесленников были мастера разнообразных специальностей: скорняки, сапожники, седельники, портные, кузнецы, слесари, плотники, оружейники, лучники, ювелиры, пивовары, воскобойники, пекари и другие. Более всего было мастеров, изготовлявших обувь и одежду.

Во второй половине XVI в. в городах Украины было немало ремесленников, совершенно порвавших с земледелием. В 1577 г. в Остроге насчитывалось свыше ста домов ремесленников, занимавшихся исключительно ремеслом[1]. Многие из городских ремесленников в середине XVI в. работали на рынок. Рынком для городских ремесленных изделий были прежде всего окрестности данного города, основными покупателями являлись крестьяне соседних сел. Городские ремесленники производили предметы крестьянского обихода. Ткачи изготовляли полотна, плахты; меховщики — преимущественно овечьи меха. Ремесленники-металлисты выделывали топоры, подковы, плуги, цепи, сковороды и другие изделия [2]. Предметы городского ремесла продавались и на более отдаленных рынках. Сукна, сермяги, шубы, изготовленные в Торчине, Клевани, Олыке, попадали в «разные города», куда их доставляли для продажи скупщики [3]. В городах были мастера высокой квалификации. Они изготовляли оружие, строили церкви, выполняли художественную резьбу по дереву, ювелирные, живописные работы. Местным городским ремесленникам давали заказы крупные феодалы [4].

Развивавшиеся города нуждались в сельскохозяйственных продуктах: им нужно было сырье для промышленности и продукты питания. О существовании в городах значительного и постоянного спроса на продукты питания свидетельствует наличие там профессионалов пекарей и мясников.

В городах Украины в XVI в. было значительное количество торговцев. В Ковле в 1570 г. уплатили налог 111 местных торговцев, в Каменце-Подольском в 1578 г.—80 торговцев, не считая продавцов мяса, хлеба, спиртных напитков [5]. В Кременце в 1563 г. только возле ратуши было 70 торговых помещений. Городские торговцы ездили в деревни,

---

[1] Źródla dziejowe (далее — Źr. dź.), т. XIX, Варшава, 1889, стр. 37.

[2] Архив ЮЗР, ч. I, т. VI, Киев, 1883, стр. 98.

[3] *С. А. Бершадский.* Русско-еврейский архив, т. 1, СПб., 1882, стр. 230.

[4] «Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни», т. 1, Киев, 1849, стр. 310—314.

[5] Źr. dź., т. XIX, стр. 24, 234, 235.

приобретали там «всякие рыночные вещи», затем продавали их на базаре в своем городе, а зачастую вывозили в другие города[1].

В XVI в. значительно выросла внешняя торговля. Львовские купцы скупали скот на Украине, в Молдавии, Трансильвании. В XVI в. в воеводствах Волынском, Подольском и Брацлавском некоторые купцы вели крупную торговлю волами. С давних времен за границу вывозились мед и воск.

Через краковскую таможню в первой половине XVI в. переправлялись ежегодно тысячи бочек рыбы.

Ввоз из-за границы состоял из изделий, не вырабатывавшихся местной промышленностью, прежде всего предметов роскоши. Местные паны, шляхта, богатые горожане, а иногда и зажиточные крестьяне покупали заграничные сукна — луньское (лейденское), фалендыш (тонкое голландское), английское, чешское, а также шелк, бархат, бумажные материи, камлот, кельнское полотно, турецкие ковры[2]. Многие купцы специализировались на торговле дорогими заграничными материалами[3], металлическими изделиями, оружием.

Особенное значение имели торговые связи Украины с Русским государством.

Киевские купцы ездили в Москву, Новгород, Псков, откуда также на Украину приезжали торговые люди. Торговые связи России установились с Западной Украиной, с Левобережьем и Приднепровьем, которые в XVI в. имели многочисленное население. В Львове, Каменце-Подольском, Луцке мы видим русских купцов, из Москвы караваны купцов приезжали и в Киев. Из Русского государства привозились собольи и другие меха, кожи и изделия из них,полотно, изделия из дерева, оружие и т. д. Через Киев проезжали московские купцы в Западную Европу и обратно. Караваны из Москвы в Крым и обратно шли через города Остер, Киев, Канев, Черкассы. В Киев по Днепру доставляли черноморскую соль, из Западной Украины — белую соль. В 70-х годах XVI в. через Киев шло ежегодно товаров более чем на 3000 коп грошей[4]. Через Винницу в середине XVI в. прогоняли сотни волов, провозили десятки пудов воска. «Приезжие купцы» привезли на протяжении одного 1552 г. товаров более чем на 2100 коп грошей[5]. Через Бар в середине XVI в. отправлялась соль из Коломыи в Киев и шли товары из Молдавии в Белоруссию[6].

---

[1] Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 42, 72.

[2] Там же, ч. I, т. I, Киев, 1859, стр. 54—55, 240, 280; ч. III, т. I, Киев, 1863, стр. 81—82; ч. VI, т. I, стр. 151—152.

[3] Там же, ч. I, т. I, стр. 211, 243, 280; ч. III, т. I, стр. 115—116; ч. VI, т. I, стр. 171; ч. VII, т. II, стр. 166.

[4] Там же, ч. VII, т. I, Киев, 1886, стр. 82, 96, 112; ч. VII, т. II, стр 169; ч. VII, т. III, Киев, 1905, стр. 8.

[5] Там же, ч. VII, т. I, стр. 604.

[6] Там же, ч. VII, т. II, стр. 134—135.

Через Каменец-Подольский купцы ездили из Турции в Москву, Литву, Львов и обратно[1]. Из Турции привозили шелка, александрийскую камку, сафьян, перец.

* * *

Украинская буржуазная историография утверждала, что положение крестьян в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии было «относительно весьма свободно», что крестьяне отчасти пользовались правом «самосуда» в копных судах, отчасти были подсудны представителям власти великого князя, что крестьяне в большей части владели земельной собственностью и были связаны с феодалами только «добровольно-срочными контрактами». Все это абсолютно неверно. Право вотчинного суда феодалов Великого княжества Литовского было зафиксировано в Судебнике 1447 г. (Казимира) и других документах[2]. Нельзя считать, что в первой половине XVI в. «похожий» крестьянин уходил от владельца беспрепятственно. В люстрации Кременца 1563 г. написано: «кто бы из людей вольных уходил из волости прочь, должен дать старосте согласно обычая»[3]. Плата за выход взималась немалая.

В XV—XVI вв. в панских дворах встречались «холопы-невольники». В уставе Сигизмунда-Августа написано, что «невольники» мужчины должны были выполнять полевые работы. Женщины «невольницы» летом привлекались к любой работе, в «какой двор нуждается»; зимой должны были прясть полотно. «Челядь невольная»— взрослые и подростки — обслуживала панский «двор», получая из «двора» месячину[4].

Буржуазные историки отрицают существование в первой половине и середине XVI в. на юге Украины феодальных отношений. Это противоречит фактам. Так, в люстрациях 1545 и 1552 гг. Брацлавского и Винницкого староств Брацлавского воеводства отмечено, что земля здесь принадлежала феодалам-землевладельцам, что существовали все виды феодальной ренты: крестьяне давали панам продукты, деньги, отбывали барщину[5]. Так было и в южных районах Киевского воеводства[6]. Во второй половине XVI в. и здесь возрастали крестьянские повинности и усиливалась зависимость крестьян.

В южных воеводствах в первой половине XVI в. было много непривилегированных, т. е. не причисленных к шляхетскому сословию, землевладельцев-феодалов[7].

Имущественное положение крестьян на Украине в XVI в. было неодинаково. В зависимости от величины земельного надела различались

---

[1] Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 169.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. II, изд. IV, Киев —СПб.,1901, стр. 54—57, 63—64; Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 114.

[3] Архив ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 114.

[4] РИБ, т. 30, Юрьев, 1914, стб. 601.

[5] Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 18—28; ч. VII, т. II, стр. 19—23.

[6] Там же, ч. VII, т. I, стр. 97—98, 117—119, 120, 148—151.

[7] Архив ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 25—26.

хозяева дворищные, полудворищные. Кроме того, существовали особые категории сельского населения: огородники, подсуседки. Списки налогов XVI в. («реестры поборовые») отмечают две группы огородников: 1) имевших, кроме огородов, небольшую запашку; 2) владевших только огородами [1]. Крестьянские хозяйства были по-разному обеспечены рабочим скотом. Наряду с владельцами нескольких голов скота были крестьяне, которые вовсе не имели его [2]. У подсуседков не было ни полей, ни сенокосов и жили и работали они на земле крестьян, обладавших наделами [3].

Развитие общественного разделения труда и рост на его основе товарно-денежных отношений усилили социальную дифференциацию в украинских городах. В особую группу выделилось крупное купечество. В первой половине XVI в. богатые украинские купцы арендовали пруды, торговали рыбой, волами и т. д. У одного из купцов, живших в Виннице, в 1552 г. было 2200 купленных волов [4]. В 1514 г. купец из г. Владимира-Волынского уплатил константинопольскому купцу 130 венгерских золотых за мальвазию [5]. В городах было много ростовщиков, одалживавших деньги панам и крестьянам. Среди горожан были крупные землевладельцы, владельцы «пасек», «хуторов», несшие военную службу; в Брацлаве «мещане, кто пасеки под собой держит», обязаны были «каждый о дву конь становиться на послугу господарскую» [6].

В XVI в. в городах Украины сложился патрициат. «Пожалование» городам Украины самоуправления по так называемому магдебургскому праву укрепляло и оформляло господство этого патрициата над городом. Некоторые города Западной Украины — Львов, Каменец — получили самоуправление еще в XIV в. В XV в. такого же самоуправления добились Луцк, Владимир-Волынский, Кременец, Червонгород, Смотрич, Хмельник, Киев, Житомир и другие города Украины. В XVI в. магдебургским правом пользовались уже очень многие города.

В XVI в. во многих городах Украины были цехи, в которых привилегированное положение занимали мастера [7]; в зависимости от мастеров находились их «товарищи»— подмастерья. В городах имелся многочисленный плебс.

Многие городские жители не имели не только земель, но и домов, и вынуждены были снимать угол («коморники»). Некоторых из городских жителей крепостники называли «бродягами». Одни из них работали у горожан-землевладельцев, другие были заняты в промышленности, третьи зарабатывали себе на пропитание поденной работой.

---

[1] Źr. dź., т. XIX.

[2] «Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов», т. III, стр. 73—75.

[3] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. VI, Киев, 1911, стр. 349—353.

[4] *С. А. Бершадский.* Указ. соч., стр. 184.

[5] Там же, стр. 294—295.

[6] Архив ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 26.

[7] *С. А. Бершадский.* Указ. соч., стр. 230; Архив ЮЗР, ч. V, т. I, Киев, 1869, стр. 41.

Вторая половина XVI в. на Украине была временем дальнейшего развития крепостнической эксплуатации.

Рост промышленности и торговли приводил к изменениям в жизни феодалов — росту панской роскоши. Обычных доходов от имений панам стало нехватать. Паны запутывались в долгах, закладывали имения и фамильные драгоценности. Для феодалов Украины приобретал особую остроту вопрос о том, как увеличить доходы от имений. Феодалы искали выхода из затруднений в расширении отработочной ренты. Рента продуктами не исчерпывала всего избыточного труда деревенской семьи. Отработочная рента давала феодалу больше возможностей использовать для себя все рабочее время крестьянина, сверх необходимого для удовлетворения его минимальных потребностей. Уже к третьей четверти XVI в. во многих имениях северной и западной части Украины главной повинностью крестьян стала барщина. В 1571 г. в Рыканах и Мостищах, в 1573 г. в Буремле Волынского воеводства крестьяне работали на барщине по три дня в неделю от дворища[1]. В 1573 г. в Цевове и в 1579 г. в Печихвостах барщинные работы выполнялись крестьянами от дворища ежедневно[2]. К 1572 г. в Берестечке крестьяне были полностью переведены на отработочную ренту[3].

В середине XVI в. в северной части Украины феодалы с целью укрепления своей собственности на землю и увеличения зависимости крестьян проводили волочную реформу. Все земли, находившиеся в пользовании крестьян, были взяты в распоряжение имения, перемерены на волоки (участки по 21 га) и часть из них передавалась крестьянам как наделы определенных размеров (волочные, полуволочные и т. д.) с условием несения определенных повинностей.

Усиление крепостнической эксплуатации вызывало со стороны крестьян резкий отпор. Вспыхнули разрозненные восстания, которые охватывали все бóльшие районы. Против «волочной померы» земель крестьяне боролись; «волочная реформа» была проведена на Украине в немногих имениях, в большинстве имений сопротивлением крестьян она была сорвана.

В 1545 г. феодалы Винницкого повета жаловались великому князю: «хлопы распустились», крестьянин «для пана совсем не работает»; паны здесь живут в постоянном страхе, ожидая от крестьян всяких «бед»[4].

В 1563 г. произошло восстание крестьян Ляховецкой волости. 28 мая крестьяне сел Войнигова, Кащинец, Вариводинец и Ляховец «с разным оружием» пришли в усадьбу феодала и убили своего владельца Матвея Сенюту[5].

В 1567 г. крестьяне убили пана Федора Останка-Яминецкого[6]. В том же году восстали крестьяне в Чернечгородке, в Волынском Полесье.

---

[1] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. VI, стр. 349—353; ч. VII, т. I, стр. 240.

[2] Там же, ч. VI, т. I, стр. 97; Киевский центральный Архив Древних Актов (далее — КЦАДА), кн. 2053, лл. 222—223.

[3] Архив ЮЗР, ч. I, т. I, стр. 56.

[4] Źr. dź., т. VI, Варшава, 1887, стр. 108—116.

[5] Архив ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 46.

[6] КЦАДА, кн. 2041, л. 230.

Поводом к восстанию послужило требование «ехать в подводы», т. е. отправлять подводную повинность, которая была одной из самых тяжелых барщинных работ. Крестьяне расправились с панскими слугами[1]. В течение нескольких месяцев восстание не только не было подавлено, но даже распространилось на окрестные деревни. Поднялись крестьяне сел Рудников, Колок. На место восстания были посланы комиссары короля в сопровождении отряда,составленного из слуг и шляхтичей пани Фаличевской, владевшей тогда Чернечгородком. Крестьяне сел Чернечгородка и Колок через своих уполномоченных ответили, что они новых работ и повинностей выполнять не будут[2].

В том же 1567 г. восстали крестьяне с. Секуня (около Ковля), отказавшись выполнять барщинные работы и платить свои долги. Крестьяне выгнали направленного к ним королем пана Деревинского и избили его слуг[3].

«Помощь» феодалам Украины в борьбе с крестьянством, конечно, далеко не бескорыстно, оказали феодалы Польши. Магнаты и шляхта Польши давно мечтали об украинских землях, бывших под властью Литвы, они открыто говорили и писали о соблазняющих их богатствах Украины, о том, что земля там «урожайная», что там «хлопа много», что «хлоп там богатый». Обострение классовых противоречий на Украине в середине XVI в. облегчало польским панам осуществление их агрессивных целей. Захвату польскими феодалами украинских земель способствовала предательская политика местных феодалов, искавших поддержки со стороны иноземных землевладельцев в борьбе с нараставшим крестьянским движением. Феодалы подвластной Литве части Украины с завистью наблюдали, что на украинских землях, захваченных польскими магнатами и шляхтой, феодалы сумели добиться значительно бо́льших доходов от имений[4]. Правительство же Великого княжества Литовского не только не оказывало реальной помощи феодалам Украины в их борьбе с крестьянством, но даже стремилось поживиться за счет их земель. С этой целью Рада Великого княжества Литовского организовала в 1545 г. проверку прав землевладельцев Украины на их имения[5]. Попытка литовских панов путем проверки документов отнять у украинских феодалов значительную часть их имений вызвала резкий отпор[6].

Недовольны были феодалы Украины расходованием средств на «земскую оборону», взиманием большого налога на содержание вооруженных сил Великого княжества Литовского. Правительство Великого княжества

---

[1] КЦАДА, кн. 935, лл. 4—5.
[2] Там же, кн. 2041, лл. 268—269.
[3] Там же, кн. 904, стр. 59.
[4] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. I, стр. 148—165; ч. VII, т. I, стр. 598—611.
[5] «Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов», т. IV, Киев, 1859. стр. 48.
[6] Там же.

Литовского средства брало, а серьезной военной помощи во время татарских нападений не оказывало, пограничной зоны не укрепляло; не оказывало и военной помощи, необходимой для подавления сопротивления крестьян [1].

Средних и мелких феодалов Украины возмущало привилегированное положение в Великом княжестве Литовском магнатов и их отношение к «шляхетскому народу». Самоуправство больших панов, наезды их на шляхетские имения, переманивание ими крестьян в свои имения проходили для них совершенно безнаказанно.

Конфликты украинских феодалов с представителями власти Великого княжества Литовского на Украине доходили до вооруженных столкновений. Так, в 1541 г. «земяне» Брацлавского повета изгнали местного старосту князя Семена Пронского, после чего отправили к королю делегацию с жалобами на «обиды» со стороны старосты [2]. Местные власти обвинялись в том, что они принуждают земян нести «сторожу» и отбывать «лежи» в замках, требуют выполнения повинностей и взносов с принадлежавших земянам крестьян, судят этих крестьян [3].

Мелкие и средние землевладельцы, добиваясь уничтожения привилегий родовитых крупных феодалов, стремились получить такие же права, какие имела шляхта в Польше. Поражение Литвы в Ливонской войне, стремление феодалов Литвы получить помощь панской Польши ослабили позиции противников унии.

На Люблинском сейме 1569 г. феодалы Волыни открыто перешли на сторону Польши и тем обеспечили захват панской Польшей всей Украины. Н. Нарушевич писал Н. Радзивиллу 11 июня 1569 г.: волынские паны присоединены к Польше по сути не насилием[4], они сами «поспешили к этому»[5]. Если они и спорили с феодалами Польши, то только об условиях «унии». Люблинская уния не была соглашением украинского и польского народов, как утверждает польская шляхетская и буржуазная историография. Люблинская уния была актом агрессивной политики польских панов, сделкой феодалов Польши, Литвы и Украины, имевшей целью объединить и укрепить их силы в борьбе с крестьянами, сделкой, направленной против интересов украинского, литовского, польского и русского народов. Это был союз реакционных сил Польши, Литвы и Украины, принесший громадный вред не только Украине и Литве, но и самой Польше.

* * *

После унии польские феодалы стали захватывать земли на Украине, устраняя местных феодалов, которые не имели шляхетских прав. Вся территория к югу и юго-востоку от Белой Церкви была объявлена

[1] АЗР, т. III, СПб., 1848, стр. 7—8.
[2] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 24—26.
[3] Там же, стр. 40—42, 43—49.
[4] «Tak wielkiego gwałtu na się nie mieli».
[5] «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. VII, Вильно, 1870, № 26, стр. 43—47.

«пустыней». Законом 1590 г. королю было предоставлено право раздавать земли этой «пустыни» «заслуженным» лицам шляхетского сословия[1]. После Люблинской унии значительно увеличили свои имения и украинские феодалы.

Получать имения на Украине мог не всякий шляхтич, так как захваченную территорию надо было защищать от татарских нападений, а главное нужно было подчинить своей власти трудовое население. Силы и средства для этого имели крупные феодалы. На Украине паны для обеспечения своего господства создали значительные вооруженные силы. В 1593 г. киевский католический епископ Юзеф Верещинский, ожидая татарского нападения, выслал к Черногородку 2 000 человек, имевших огнестрельное оружие. В 1608 г. князья Ружинские собрали 6 000 вооруженных людей[2].

Захват новых земель происходил в условиях внутриклассовой борьбы феодалов. Крепостники воевали друг с другом за имения, за добычу.

Феодалы вели наступление и на местных непривилегированных землевладельцев — горожан, казаков; стремились отнять у них земли. Укрепление власти крепостников дало им возможность, расширяя барщину, усилить эксплуатацию крестьян.

Усиление крепостнического гнета отрицательно сказывалось на развитии городов. Феодалы поддерживали деревенских ремесленников в их конкуренции с городскими. Чем беднее становилась ограбленная крепостниками деревня, тем меньше она покупала городские промышленные изделия.

Феодалы монополизировали одну отрасль торговли за другой. Крепостники покровительствовали в городах иноземным группам населения, разжигали национальную рознь. Наиболее верной своей опорой паны Польши считали колонии горожан-поляков либо полонизованных немцев. Правительство панской Польши и польские паны создали им особо привилегированное положение, ограничили в их пользу права местного городского населения. В ряде городов православным запрещалось занимать должности в городском управлении, быть членами городского совета, городского суда. В Львове «русинам» запрещено было быть цехмистрами, мастера-украинцы изгонялись из цехов. Русины не имели права покупать новые дома[3]. Во Львове мещане-украинцы были сосредоточены в одном районе, на «русской улице».

Усиление панского гнета и грабежа вызывало дальнейшее нарастание борьбы народных масс против панов. Во второй половине XVI в. участилось бегство крестьян на юг и восток Украины, в районы, где власть панов была более слабой. Крестьянские восстания охватили всю Украину. В 1573 г. восстали крестьяне с. Луковой староства Замок, между Равой Русской и Ярославом. Крестьяне убили ключника; другие представители

---

[1] «Volumina legum», т. II, СПб., 1859, стр. 318.

[2] «Listy Żołkiewskiego», 1868, стр. 33; Архив ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 349—352.

[3] «Akta grodzkie i ziemskie», т. X, Львов, 1884, стр. 24.

панской администрации бежали. Восстание в этом районе длилось долго и распространилось на соседние села.

В 1575 г. в с. Белостоке Луцкого повета Волынского воеводства крестьяне отказались выполнять барщину, владелец не был в состоянии принудить их к повиновению[1]. В 1576 г. комиссары короля требовали привлечения к ответственности «за бунты», «за упорное непослушание», за невыполнение работ и повинностей крестьян сел Луковой, Рожанца, Обши[2]. В 1582 г. восстали крестьяне с. Кобче, расположенного к северу от Луцка[3]. В 1588 г. в Борках, возле Ратно, крестьяне ночью подожгли панский дом; сгорели владелец имения, его семья и челядь[4]. В 1588 г. по просьбе местных феодалов коронный сейм издал закон о «разбойниках» в воеводстве Русском. «Разбойниками» представители господствующего класса обычно называли крестьян, которые нападали на панов не только на дорогах, но и в домах. Закон вводил особый ускоренный порядок разбора в судах дел крестьян, обвиненных в «разбое». Этот закон был распространен на Подольское воеводство[5].

В 1589 г. произошло крупное восстание в Белой Церкви, на юге Украины. Дело началось с конфликта между владевшим в то время Белой Церковью князем Константином Острожским и горожанами по вопросам о магдебургском праве, о праве торговать спиртными напитками. Конфликт между паном и верхушкой городского населения привел к выступлению против феодала городской бедноты. Горожане восстали и захватили княжеский замок. В 1590 г. на подавление движения был отправлен отряд войск князя Острожского. Несколько тысяч восставших выступили ему навстречу. Войско князя Острожского восставшими было разбито[6].

В конце XVI в. происходили крупные выступления казаков[7]. Увеличившийся во второй половине XVI в. приток беглецов на юг Украины способствовал здесь росту казачества. Состав его был неоднороден: наряду с массой казацкой бедноты существовала группа богатых казаков, владевшая имениями — селами, «хуторами», «пасеками».

Польское правительство, стремясь использовать казачество в своей борьбе против Турции и Крымского ханства, а также против народных масс, брало часть казаков на государственную службу. В 1572 г. по распоряжению короля были взяты на государственную службу 300 казаков. Они были внесены в особый список — реестр; поэтому их называли реестровыми казаками. В течение последующего времени реестр был увеличен. Таким образом, была создана привилегированная группа казаков; реестровым казакам было установлено жалованье, они получали право казацкого суда

---

[1] КЦАДА, кн. 2039, л. 121—122.
[2] «Archiwum Zamoyskiego», т. I, стр. 445—447, 486—488.
[3] Архив ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 128–131.
[4] «Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни», т. I, стр. 290, 293, 295.
[5] «Volumina legum», т. II, стр. 263.
[6] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 249—250.
[7] Раздел о казаках и казацких войнах написан по материалам «Истории Украинской ССР», т. I, Киев, 1953.

и самоуправления. Командный состав реестровых казаков имел крупные участки земли, на которых работали подсусєдки, наймиты, пленники, зависимые от хозяев люди. Реестровые казаки жили в бассейне Днепра, ниже Киева и выше порогов. Они обязаны были нести сторожевую службу, участвовать в военных походах, в том числе в экспедициях против нереестровых казаков и крестьян. Казаки, не попавшие в реестр, подвергались преследованиям со стороны панов и правительства. Многие из нереестровых казаков уходили на южные окраины Русского государства. Так, в 1589 г. на Донец переселилось около 700 казаков во главе с атаманом Матвеем Федоровым; многие украинские казаки уходили на Дон.

Около середины XVI в. за днепровскими порогами возникла Запорожская Сечь (от слова засека — укрепление), которая сыграла большую роль в борьбе украинского народа против турецко-татарской агрессии и польского ига; отсюда совершались походы на турецкие и татарские крепости на побережье Черного моря и в Крыму. В конце XVI в. в Запорожье возросло количество беглецов от панского гнета. Здесь складывалась своя военно-административная организация. Запорожская Сечь становилась центром борьбы украинского народа против господства шляхетской Польши. Все военные и административные органы запорожского казачества были выборными, но фактически находились в руках казацкой верхушки — «старших казаков», которые держали в подчинении казацкую бедноту. Богатые казаки владели запасами хлеба, соли, денег, оружия, лодками, рыболовными снастями, которыми они снабжали на кабальных условиях бедняков. Богатые казаки становились владельцами больших земельных хозяйств, в которых работали зависимые от них крестьяне, казацкая беднота.

Захватывая имения на Украине, крупные феодалы-магнаты отнимали земли и у местных землевладельцев — богатых мещан, казаков, шляхтичей; поэтому в борьбе против магнатов Украины принимала участие не только масса крестьян и городской бедноты, но и верхушка горожан и казачества.

В 1591 г. в южной Украине вспыхнуло восстание крестьян и казаков против польских и украинских магнатов. Во главе реестровых казаков выступил их начальник К. Косинский, у которого князь Острожский отнял его имение, находившееся в Белоцерковском старостве. Восстание казаков было толчком к выступлению крестьян и городской бедноты в Киевском, Брацлавском, Волынском и Подольском воеводствах. Восставшие разгромили много панских имений и захватили ряд городов и крепостей. В 1593 г. возле м. Пятки[1] панские войска, возглавляемые украинским магнатом князем Острожским, нанесли восставшим поражение. Косинский принужден был заключить с магнатами договор о прекращении борьбы. Казаки ушли на низ и обратились к русскому царю Федору Ивановичу с просьбой принять их в подданство на тех украинских землях,

[1] На юго-запад от Житомира.

на которых они жили. После убийства в 1593 г. Косинского сношения казаков с русским правительством были прерваны.

В 1594 г. крестьянско-казацкое восстание вспыхнуло с новой силой. Во главе восставших казаков стал Северин Наливайко, сын ремесленника из г. Гусятина. Отец Наливайко был убит магнатом Калиновским, сам он служил в войсках Острожского, затем возглавлял отряды казаков, воевавших с Турцией, совершал удачные походы в Молдавию и Венгрию. В 1595 г. Наливайко, выступив против панской Польши, вошел в Волынь, перешел в охваченную крестьянским восстанием Белоруссию. К концу 1595 г. крестьянское восстание распространилось на большую часть Украины и значительную часть Белоруссии. Крестьянские движения происходили в это время также в Литве и Польше. Польское правительство направило против Наливайко большую армию. Уклоняясь от боя с превосходящими силами противника, Наливайко, умело маневрируя, отошел со своими войсками в Уманские леса, а отсюда в район Белой Церкви, где соединился с отрядами реестровых казаков. Отбиваясь от наступавшей польской армии, в мае 1596 г. восставшие у Триполья переправились через Днепр. Подоспевшая польская армия отрезала пути отхода восставшим. Последние создали укрепленный лагерь возле Лубен, на Солонице, который мужественно оборонялся около двух недель. В тяжелой обстановке обороны обострились противоречия в лагере восставших. Руководитель реестровых казаков Лобода вступил в переговоры с командованием польской армии. Слухи об этом вызвали среди осажденных возмущение, и они убили Лободу. Командующий польской армией обещал восставшим амнистию, если они выдадут оружие и своих предводителей. Реестровые казаки схватили и выдали польским панам Наливайко и других предводителей восстания; осажденные сдали польским феодалам оружие. Но командование польской армии не выполнило данного им обещания. Сдавшиеся безоружные повстанцы вместе с женщинами и детьми были перебиты. Лишь часть казаков вырвалась из окружения и ушла в Запорожье.

Активное сопротивление масс украинского народа панскому грабежу вело к более тесному объединению польских и украинских феодалов и требовало укрепления аппарата идеологического воздействия на народные массы. Эти задачи польские паны пытались разрешить путем ликвидации православной церковной организации и объединения православной церкви с католической, что отвечало также планам Ватикана.

Украинские крепостники-феодалы, проводя предательскую политику, стремились в союзе с польскими панами подавить антифеодальную борьбу народных масс. «Польские паны с помощью Ватикана мерами жестокого принуждения насаждали на Украине католицизм, вводили церковную унию, проводили политику насильственного ополячивания украинцев, предавали поруганию украинский язык и культуру, пытаясь духовно поработить украинский народ и разорвать его связи с русским народом»[1].

[1] См. «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.)», стр. 5—6.

Сочувственно относилась к унии с католической церковью значительная часть высшего православного духовенства Украины, надеявшаяся получить от правительства панской Польши те привилегии, которые имело католическое духовенство. Принятием унии оно мечтало освободиться от вмешательства в церковные дела украинских феодалов и горожан. В XVI в. городские православные братства, созданные еще в XV в. при церквах, вели борьбу против национального угнетения, против наступавшего католицизма, вмешивались в управление православной церковью, стремились контролировать и направлять деятельность духовенства. Но высшее духовенство не хотело, чтобы горожане вмешивались в управление церковью. Церковные феодалы с негодованием говорили о том, что в управление церковью вмешивается «простой народ», «ремесленники», что они, «покинувши ремесло свое (дратву, ножницы и шило)», рассуждают о церковных делах[1].

В 1596 г. был созван церковный собор в Бресте, на котором и была провозглашена уния православной церкви с католической.

Принятую панами Брестскую церковную унию украинский народ решительно отверг, а ее принудительное введение еще более обострило классовые и национальные противоречия на Украине.

* * *

Борьба трудящихся Украины против феодальной эксплуатации и национального угнетения усилилась во время крестьянской войны в Русском государстве в начале XVII в. В 1604—1605 гг. жители г. Корсуня свергли власть старосты. Тех из горожан, которые не признали власти, установленной восставшими, они изгнали из города, а имущество их конфисковали. Бежавших в город из соседних имений крестьян восставшие жители города отказались выдать феодалам[2]. В те же годы произошло восстание и в Брацлаве[3]. В 1605 г. на сейме князь Януш Острожский говорил, что нереестровые казаки «очень подняли голову», что паны опасаются, чтобы к ним не присоединились крестьяне, поэтому «своеволие» казаков необходимо быстро подавить[4]. Число выступлений крестьян росло. В Перемышльской земле в 1607 г. крестьяне многих сел отказались выполнять барщинные повинности, фольварки запустели, неубранный панский хлеб погибал в поле[5]. «Хлопское своеволие» было сильнее на юге и востоке страны. Вопрос об «украинском своеволии» волновал всех феодалов Речи Посполитой. Сейм 1607 г. постановил «карать и укрощать без промедления» всех выступающих против феодально-крепостнических порядков[6]. В 1616 г. сейм

---

[1] РИБ, т. 7, П., 1882, стб. 116—117.
[2] Архив ЮЗР, ч. VIII, т. V, стр. 353—359.
[3] «Volumina legum», т. II, стр. 443.
[4] «Жерела до історії України — Руси», т. VIII, Львов, 1908, стр. 110.
[5] *Loziński*. Prawem i lewem, т. I, Львов, 1904, стр. 42, 400, 401.
[6] «Volumina legum», т. II, стр. 443.

Взятие г. Кафы украинскими казаками в 1616 г. Гравюра из книги «Вирши» 1622 г.

издал постановление «о разбоях и злодействах украинных», отметив, что «из-за своеволия» тамошних «людей умножились разбои и злодейства, особенно в Брацлавском воеводстве»[1].

Люстрации начала XVII в. показывают, что борющийся народ Украины добился в южных областях страны некоторых успехов — ослабления власти крепостников[2].

Власть панской Польши в южной Украине сохранялась в значительной мере потому, что ее поддерживали богатые мещане — землевладельцы и верхушка казачества. Во втором десятилетии XVII в. на Украине казачество возглавлял Петр Конашевич-Сагайдачный. Казаки просла-

[1] «Volumina legum», т. III, стр. 141.

[2] Архив ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 289—296, 307—321.

вились успешными походами на татарские и турецкие города-крепости, бывшие одновременно невольничьими рынками. В 1614 г. казаки на лодках пересекли Черное море, взяли Синоп, уничтожили в нем турецкий флот и гарнизон.

В 1615 г. казаки совершили поход на Стамбул, сожгли в окрестностях его гавани; турецкий флот отправился преследовать казаков, но был ими разбит. В 1616 г. казаки взяли Кафу (Феодосию), уничтожили турецкие военные корабли и турецкий гарнизон, насчитывавший 14 000 человек. В 1616 г. казаки совершили удачный поход на Трапезунд. Своими походами казаки ослабляли агрессивную Турцию и ее вассала Крымское ханство, усиливали освободительную борьбу порабощенных Турцией народов. В 1621 г., когда турецкое правительство послало большую армию против Польши, около 40 000 казаков под предводительством Сагайдачного присоединилось к польской армии, стремившейся у Хотина преградить путь турецким войскам. Благодаря активному участию в боях казаков, турецкая армия была остановлена, потерпела ряд поражений и принуждена была возвратиться.

Но Сагайдачный и поддерживавшая его казацкая старшина вели соглашательскую политику по отношению к правительству панской Польши. Сагайдачный враждебно относился к борьбе крестьян против крепостничества. В 1619 г. Сагайдачный и казацкая старшина согласились исключить из числа казаков «людей к рыцарским делам непринадлежащих»— ремесленников, убежавших от панов крестьян — и возвратить их под власть панов. Сагайдачный помогал польским феодалам в их походах на Русское государство. В 1618 г. Сагайдачный ходил с казацкими войсками на помощь польским феодалам под Москву. Паны считали Сагайдачного всегда верным королю и Речи Посполитой[1].

Казацкая старшина, в том числе Сагайдачный, были, однако, против полного порабощения Украины панской Польшей и являлись за одно со всеми казаками, противниками навязанной украинскому народу польско-украинским панством унии. Казацкая старшина поддержала «Киевское братство»; в число членов его вступил гетман Сагайдачный «со всем войском запорожским». Активное участие принял Сагайдачный в восстановлении на Украине иерархии православной церкви. В 1620 г. под охраной казаков, которых возглавлял Сагайдачный, иерусалимский патриарх посвятил митрополита и архиереев православной церкви на Украине и Белоруссии.

Поражения, нанесенные в начале XVII в. русским и украинским народами польским панам, принудили их лавировать при проведении своей политики на Украине. Вводить унию путем грубого насилия, как это делали до сих пор, было невозможно. Часть панов считала, что от унии следует отказаться для ослабления напряжения в стране[2]. Правительство Речи

[1] «История Хотинского похода Якова Собесского». «Мемуары, относящиеся к истории южной Руси», вып. II, Киев, 1896, стр. 60.

[2] Архив ЮЗР, ч. II, т. I, Киев, 1861, стр. 66—102.

Посполитой принуждено было отступить: в 1632 г. было разрешено легальное существование в Речи Посполитой православной церкви наряду с униатской.

Героическое сопротивление русского народа польско-панской агрессии в начале XVII в. сковало панские вооруженные силы в Русском государстве и дало возможность украинскому народу развернуть борьбу против панов, добиться в ней значительных успехов. С другой стороны, борьба украинского народа против панов мешала польскому правительству осуществлять его агрессивные планы в Русском государстве, облегчала борьбу русского народа против захватчиков. В борьбе против общего врага, польских панов, русские и украинцы часто выступали совместно. Так, в 1618 г. во время похода Сагайдачного под Москву полк казаков перешел на сторону русских. Совместной героической борьбой русского и украинского народов польские феодалы были поставлены в опасное положение: польские армии застряли в России, терпели поражение за поражением, в результате крестьянских восстаний панская власть на Украине была значительно ослаблена. В 1617 г. польское правительство послало на Украину армию для подавления «своеволия». Сагайдачный и казацкая старшина пошли на соглашение с польским командованием. По Ольшанскому соглашению[1], число реестровых казаков было ограничено тысячью человек, а все остальные казаки должны были возвратиться под власть своих панов. Масса казачества этого соглашения не признала. Польское правительство вынуждено было пойти на уступки.

Попытки польско-украинских феодалов обуздать «хлопское своеволие» лишь усиливали народное возмущение на Украине против них, а победы казацких войск, подавляющее большинство которых составляли оказачившиеся хлопы, успешные походы в Турцию и Крым вселяли в народные массы Украины веру в свои силы.

Украинский народ все более и более убеждался, что в тяжелой борьбе с панской Польшей следует искать поддержку у России. Организации и многие руководители православной церкви, борясь с унией и католичеством, часто обращались к русскому правительству и получали от него помощь. Необходимость этой помощи особенно сильно ощущалась казаками после походов в 1617 и 1619 гг. польской армии. В 1620 г. казаки, в том числе Сагайдачный, послали к царю посольство с письмом, в котором писали, что они как раньше служили московским царям, так и теперь «служить готовы против всяких его величества неприятелей». В 1622 г. епископ Исайя Копинский просил разрешения перейти с монахами в пределы Русского государства. В 1624 г. митрополит Иов Борецкий обратился к русскому правительству с просьбой воссоединить Украину с Россией.

Вековые чаяния украинского народа были осуществлены в середине XVII в., когда Переяславская рада, выражая волю украинского народа, приняла решение о воссоединении Украины с Россией.

---

[1] Ольшаны — к юго-востоку от Белой Церкви.

* * *

Развитие украинской народности и ее культуры в конце XV—XVI в. происходило в тяжелых условиях. Украинские земли оставались разорванными и порабощенными соседними феодальными государствами — Великим княжеством Литовским и Польшей. Задерживали хозяйственное и культурное развитие украинских земель также опустошительные систематические вторжения татаро-турецких орд, убивавших и уводивших в плен тысячи людей, разрушавших и выжигавших города и села. Турецкие, польско-литовские и венгерские феодалы проводили в захваченных землях политику безудержного грабежа и национального угнетения складывавшейся украинской народности.

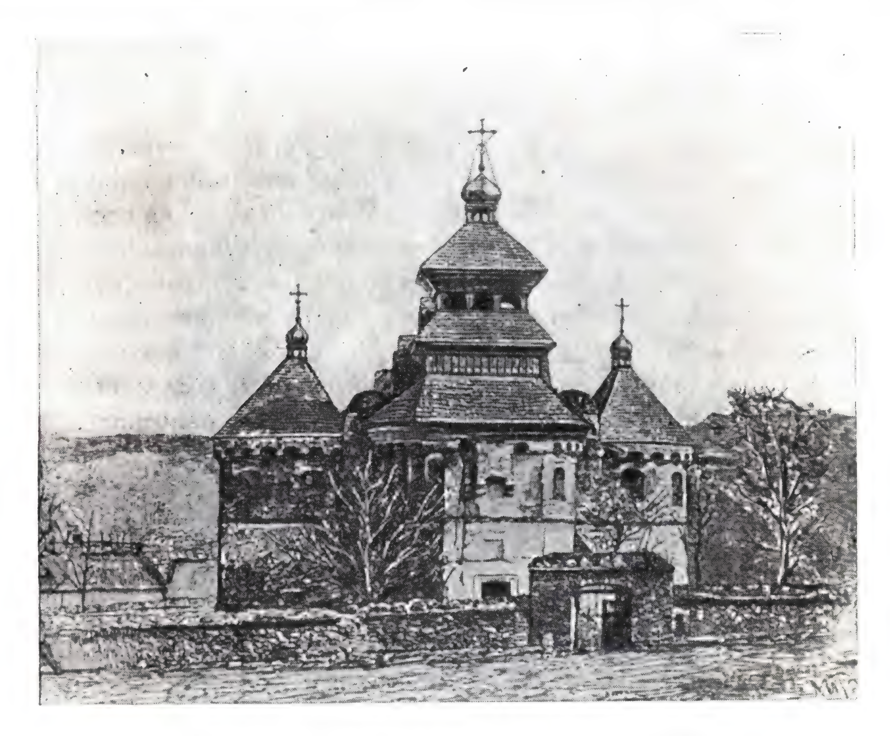
Для украинского общества конца XV—XVI в. характерно наличие культуры господствующего класса феодалов и культуры угнетенных народных масс — крестьянства и мещанства. Оригинальная и самобытная культура народных масс неизменно проявлялась в национальной форме. Народные массы, угнетенные и ограбленные, неграмотные и забитые, не имели материальных средств для всестороннего развития своей культуры. Свои глубокие переживания, вызываемые татаро-турецкими опустошениями и феодальным угнетением, народ отразил в непревзойденных образцах оригинального жанра — в исторических думах и песнях.

Великий русский поэт Пушкин любил и изучал народное творчество Украины, он часто декламировал одну из исторических песен, раскрывающую трагедию Украины, систематически опустошаемой ордой:

Чорна рілля заорана — гей, гей —
Чорна рілля заорана
І кулями засіяна,
Білим тілом зволочена,— гей, гей —
І кровію сполощена.
. . . .

Культура господствующего класса не всегда выражалась в национальной форме ввиду того, что отдельные представители его иногда механически и слепо переносили на украинскую почву культуру других народов. Но все, что было прогрессивного среди господствующего класса украинской народности, придерживалось своей национальной культуры и культуры родственных народов — русского и белорусского.

Образовательный уровень господствующего класса феодального общества конца XV—XVI в. был довольно низок. Высших школ ни на Украине, ни в Литве не было. Желающие получить высшее образование отправлялись в Краковский, Пражский и другие заграничные университеты. Но оттуда они зачастую привозили не только знания, но и приверженность к католицизму или протестантизму. В богатых монастырях были собраны большие для своего времени библиотеки. Значительным количеством книг располагали, например, Киево-Печерский и

Церковь в селе Сутковицах в Подолии, XVI в.

Супрасльский монастыри. Последний имел в 1557 г. более двухсот книг, среди них пять печатных[1].

Школ в это время было мало, причем существовали они главным образом при епископских кафедрах, монастырях и церквах. Это определяло их узко церковный характер. Книгопечатания на Украине до второй половины XVI в. не существовало. Одним из важнейших рукописных памятников этого времени является так называемое «Пересопницкое евангелие» (1556—1561 гг.). Оно было переведено с церковнославянского языка на язык «русский» (точнее — формирующийся украинский) «для лепшого вразумления люду христианского посполитого», т. е. для понимания его широкими народными массами. Вследствие этого «Пересопницкое евангелие» в лингвистическом отношении является одним из важнейших памятников рукописной украинской письменности. С 20-х годов XVI в. Украина пользовалась книгами, напечатанными в Вильно белорусом доктором Скориной.

Первое место среди литературных памятников этого времени бесспорно принадлежит летописям — Краткой Киевской и Супрасльской (составленной в Супрасльском монастыре около Белостока). Авторы их сохранили для потомства много ценных исторических известий из истории

[1] *К. Харлампович.* Западно-русские православные школы XVI и начала XVII в. Казань, 1898.

родной страны и одновременно внесли серьезный вклад в дело развития украинского языка. Летописи вместе с тем представляют собой также памятники феодальной идеологии.

Украинская живопись продолжала традиции древней Руси, находилась под значительным влиянием новгородской и московской школы живописцев, особенно школы Андрея Рублева. Уже в этот период в украинской живописи наблюдается смелый отход от традиций церковной иконописи. Развивается светская живопись, портретное искусство, искусство пейзажа. Живопись начинает приобретать обличительное направление. В таких, например, картинах, как «Страшный суд», были изображены в аду местная знать, судьи и ростовщики. Украинские живописцы получили большую известность в Польше и приглашались для росписи польских костелов.

Значительный шаг в своем развитии сделали архитектура и скульптура. Необходимость держать в подчинении народные массы, внутриклассовые распри, татарские вторжения понуждали феодалов отстраивать для своей защиты укрепленные замки. Они строились в Киеве, во Львове, Луцке, Каменце-Подольском, Остроге и других городах. Широко было распространено строительство церквей. Некоторым церквам придавалась форма замка. Их образцом может служить церковь в с. Сутковицах в Подолии.

Гораздо более высокого уровня достигает украинская культура во второй половине XVI — первой половине XVII в. Это объясняется прежде всего экономическим развитием страны.

Борьба с татаро-турецкой агрессией, освободительное движение городов, шляхты, духовенства способствовали созреванию национального самосознания украинского народа, ускорили процесс формирования украинской народности и ее культуры.

Большое влияние на развитие украинской культуры этого периода оказывала культура русского народа, имевшего общее многовековое культурное наследие с украинским и белорусским народами, но развивавшегося с конца XV в. в иных условиях — в составе политически независимого единого централизованного государства.

Вековая дружба украинского и русского народов, благотворное влияние прогрессивной русской культуры ярко отразились в деятельности зачинателя русского и украинского книгопечатания Ивана Федорова. Вскоре после того как Иван Федоров выпустил в Москве первопечатный Апостол (1564), он направился в Литву к тем из литовских магнатов, которые боролись против поглощения Польшей Великого княжества Литовского[1]. Деятельность Ивана Федорова развернулась сначала в Заблудове, где он напечатал Евангелие (1569), затем во Львове, где он издал Апостол (1574), и, наконец, в Остроге, где им была издана Библия (1581) и т. д. На Украине Иван Федоров широко использовал свой опыт

[1] *М. Н. Тихомиров.* Начало московского книгопечатания. «Ученые записки МГУ», вып. 41, М., 1940, стр. 93—94.

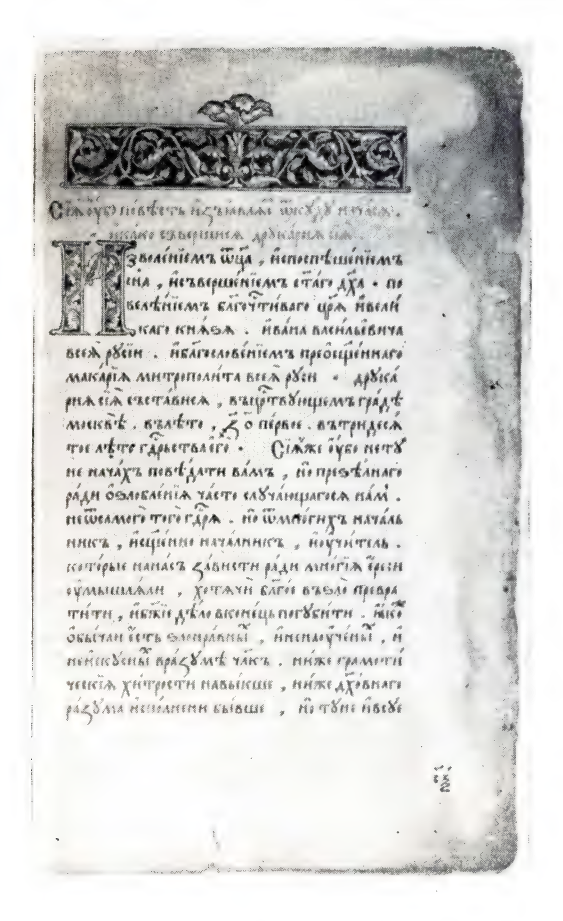
Герб г. Львова с типографским знаком Ивана Федорова и надписью: «Иоан Федорович, друкарь Москвитин»

книгопечатания, приобретенный в Москве. Деятельность Ивана Федорова приняла широкие размеры. Отдельные книги (например, Острожская библия) издавались очень большими по тому времени тиражами[1].

Наследие Ивана Федорова широко использовалось в украинском книгопечатании: его типографские доски применялись украинскими мастерами в течение двухсот лет[2].

В этот период, как и в предыдущие столетия, культурная жизнь Украины развивалась в теснейшей связи с культурой Белоруссии. Киев, Львов, Острог на Украине, Брест, Заблудово в Белоруссии с их школами, типографиями, учеными кружками являлись общими культурными центрами обоих народов, что объясняется их этнической близостью, одинаковыми, в основном, условиями экономической и политической жизни, а также общими задачами в борьбе за национальное освобождение. Украина установила также значительные культурные связи с

[1] *А. В. Зернова*. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр. 62.
[2] Там же, стр. 79.

Львовский «Апостол» 1574 г.
Послесловие

Болгарией, Чехией и другими славянскими странами.

Видное место в культурной жизни Украины XVI — первой половины XVII в. занимали братства: они основывали школы, создавали типографии, печатали и распространяли богословскую и полемическую литературу, направленную против польско-католической церкви, а по существу и против всего режима насилия и национального порабощения.

Большое значение в деле борьбы с католицизмом имели кружки ученых и литераторов в отдельных городах или при магнатских дворах. Среди них выделялся кружок в городе Остроге, принадлежавшем крупнейшему украинскому магнату Константину Острожскому. Его интересы, как богатого землевладельца, страдали от наступления на Украину польских магнатов и католической церкви. Противодействие этому наступлению выражалось Острожским в различных формах, в том числе и в форме идеологической пропаганды. В этих целях он открывает в своей резиденции Остроге (на Волыни) греко-славянскую среднюю школу, собирает видных педагогов и писателей. Деятельность острожского кружка была направлена против польско-католической церкви и тем самым сыграла положительную роль в развитии национальной культуры. Этим кружком составлена была в 1581 г. «Кграматика словенска языка», изданы в 1581 г. знаменитая «Бібліа, сирѣчь книги ветхого и нового завѣта, по языку словенску», Часослов (три издания), служивший в то время книгой для обучения грамоте, и др. В 1591 г. во Львовской братской школе была составлена греко-славянская грамматика, а в 1619 г. в Евью (на Виленщине) была напечатана «Грамматіки Славенския правилное синтагма...» Мелетия Смотрицкого, ставшая на многие десятилетия основным учебником для изучения церковнославянского языка в русских, украинских и белорусских школах, а также и у других славянских народов, исповедовавших православие. Известно, что в 1755 г. эта книга была перепечатана в Рим-

ницкой типографии и являлась одним из основных учебников для сербских школ.

В своей грамматике Смотрицкий разрабатывает правила склонения имен существительных и прилагательных, правила спряжения глаголов и др. Работа Смотрицкого являлась новаторской. Он сделал попытку освободить формировавшиеся живые языки русского, украинского и белорусского народов из-под влияния окостенелого синтаксиса омертвелого церковнославянского языка.

Острожская библия 1581 г. Титульный лист

Складывание и развитие украинского языка были показателями формирования народности и в то же время могущественными факторами в деле сопротивления иноземным поработителям Украины.

Фактом, отражавшим рост национального самосознания украинского народа, было развитие обличительной, а в конце XVI — первой половине XVII в. и полемической литературы. За формально богословскими вопросами, вокруг которых шли ожесточенные дискуссии, скрывались экономические и политические интересы разных общественных классов и социальных групп. Из среды украинского мещанства, православного духовенства, отчасти мелкой шляхетской интеллигенции появляются писатели, давшие ряд выдающихся произведений. Таковы: «Апокрисис» [1], «Перестерога» [2], «Плач» Мелетия Смотрицкого, «Палинодия». Значительный толчок развитию этой литературы дала борьба с Брестской церковной унией 1596 г. Автор «Апокрисиса» защищает принцип «демократичности» церкви, т. е. участия в церковных соборах не только духовенства, но и мирян, разоблачает украинских епископов, предавших национальные интересы из-за личной материальной выгоды. Глубокое осуждение украинских феодалов, пошедших по пути денационализации, отображено в ярком публицистическом произведении «Тренос» («Плач») Мелетия Смотрицкого,

---

[1] Автор скрыл свою фамилию под псевдонимом Филарета.

[2] Авторство его приписывается богатому львовскому мещанину Юрию Рогатинцу.

ГРАММАТІКИ
Славенскиѧ правилное
Сѵнтагма,
Потщаніемъ Многогрѣшнагѡ Мниха
Мелетіѧ Смотрискогѡ, в
Коиновіи Братства Церковнагѡ
Виленскагѡ, при храмѣ соше
ствіѧ Прстагѡ и животворѧщагѡ Дха,
назданнѡмъ странствующагѡ сни
сканіемъ приѧтое:
Лѣта ѿ воплощеніѧ Бга Слова ах҃ѳі.
Правѧщу Апⷭ҇кій престолъ
великіѧ Божіѧ Константінопо
скиѧ Церкве Вселенскому Па
тріарсѣ Г: Ѡцу Тімоѳію.
Виленскомуже Коиновію пред
стателствующу Г:
Ѡцу Леонтію Карповичу
Архімандріту.
вѣ Евю.

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого, 1619 г. Титульный лист

напечатанном в Вильно в 1610 г. Наиболее выдающимся публицистом конца XVI и начала XVII в. был выходец из мещанской среды, монах Иван Вышенский. Он вел страстную и непримиримую борьбу против католической церкви в целом и в частности против иезуитов. Проповеди и послания Ивана Вышенского отображали глубокую ненависть широких народных масс к феодально-крепостническому строю, к феодальному гнету и их стремление к свободе.

Со второго десятилетия XVII в. руководящая роль в политической и культурно-национальной жизни Украины прочно устанавливается за Киевом.

«Киевское братство» быстро сделалось одной из руководящих организаций общественно-политической жизни страны. Вокруг него сгруппировались прогрессивные силы освободительного движения, оно установило прочные связи с запорожским казачеством, что в значительной мере удерживало польское правительство от применения по отношению к нему репрессий. Из братства вышла известная обличительная «Протестация» против притеснения украинского народа, в частности казачества, панской Польшей, обличительное послание Исаии Копинского к ренегату князю Иеремии Вишневецкому. В этих произведениях защищается право украинского народа на свое самостоятельное существование, на свою культуру.

Одновременно с развитием полемической литературы зарождалась и художественная литература. Появились новые литературные жанры — вирши и школьная драма с ее интермедиями на бытовые темы, которые ставились для развлечения зрителей в антрактах школьной драмы. Некоторые авторы как полемических трактатов,так и драм и интермедий стремились приблизить литературный церковнославянский язык той эпохи к языку народному.

Среди панегирических стихотворений выделяются написанные ректором Киевской школы Кассианом Соковичем «Вирши на жалосный погреб Сагайдачного», казацкого гетмана, умершего от ранения, полученного в Хотинской войне (1622). Сагайдачный прославляется как боец против турецкой агрессии. «Вирши» отражают идеологию казацкой старшины, среднего шляхетства.

Выдающимися памятниками летописания второй половины XVI — первой половины XVII в. являются Густинская, Хмельницкая, Лизогубовская, Львовская, Острожская и другие летописи, содержащие богатый материал по истории политической жизни Украины, Польши, Белоруссии, по истории борьбы украинского народа против татаро-турецкой агрессии и против ига шляхетской Польши.

Некоторые летописцы внимательно изучали также историю великого княжества Московского, поднявшего знамя борьбы за объединение русских земель. Так, например, в Густинской летописи отводится место войнам Ивана III против литовского князя Александра и другим событиям. Исторический материал излагается летописцами с позиций господствующего класса — феодалов.

В живописи XVI — первой половины XVII в. видное место занимают изображения быта, батальные картины, портрет. Излюбленным образом художника стал защитник родины — казак. Широкой известностью пользовались произведения граверного искусства Киевской лаврской школы как на Украине, так и за ее пределами. Лаврская школа выпускала художников-мастеров, которые работали в других славянских странах.

Эстетические потребности и художественный вкус широких народных масс — крестьянства и мещанства — находили свое отображение в резьбе на предметах домашней утвари или орудиях труда, в изготовлении красочных ковров и плахт, в вышивании и пр.

Наиболее полно проявлял народ свою духовную одаренность в фольклоре. Максим Горький говорил: «Народная поэзия Украины — апофеоз красоты. Украинский народ пронес через столетия рабства и неволи драгоценные богатства своего гения. Посмотрите, какой ласковый певучий мир раскрывается в его песнях»[1]. В высокохудожественной форме исторических дум и песен народ выражал свою горячую любовь к родной стране и ее защитникам, непримиримость к внешним и внутренним врагам и изменникам родины, выявлял тонкое восприятие красоты природы.

Народ воспевал храбрых защитников Украины от татарских опустошительных набегов — казака-бедняка Голоту и многих других, с беззаветной храбростью защищавших свою родину. Созданные народом исторические думы и песни воспитывали народ на героических традициях прошлого и служили делу его освобождения от социального и национального гнета.

---

[1] *Н. К. Пиксанов.* Горький и национальные литературы. М., 1946, стр. 56.

3
БЕЛОРУССИЯ

К концу XV в. экономическое развитие белорусских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, продвинулось вперед.

На землях «дворных», расположенных вблизи селений, все шире применялась трехпольная система земледелия, хотя лесные участки, так называемые «прироблки», которые попрежнему обрабатывались подсечно-огневым способом, также не потеряли своего хозяйственного значения. Появлялись новые зерновые культуры, расширялись посевы технических культур (лен, конопля). Одновременно с развитием земледелия развивалось и скотоводство. Увеличение количества рабочего скота позволило систематически удобрять поля, что способствовало некоторому повышению урожайности. Расширялись посевные площади. В районах Логойска, Новогрудка, Пинска, Бреста осваивались под земледельческую культуру новые земли, ранее занятые лесными массивами. На юге и юго-западе Белоруссии распространялось садоводство. Имеются сведения, что в начале XVI в. в районе Бреста разводили виноград. Как подсобные занятия сохранили свое значение в хозяйстве охота, рыбная ловля и бортничество.

Конец XV—XVI в. характеризуется усилением процесса отделения ремесла от сельского хозяйства, ростом городского населения, дальнейшим развитием ремесла и товарного производства. Ремесленные изделия шли не только на местный рынок, но и на рынки других городов. В середине XVI в. такие города, как Полоцк, Могилев, Витебск, Пинск, Гродно, являлись крупными ремесленными и торговыми центрами. Помимо купцов, которые вели оптовую торговлю в городах, по деревням ездили мелкие «купчики», скупавшие сельскохозяйственные продукты у крестьян и сбывавшие им изделия городского ремесла. Развитие торговли стимулировали «кирмаши»— ярмарки, которые устраивались во многих белорусских городах один-два раза в год. В первой половине XVI в. расширились торговые связи и с иностранными рынками. Особенно благоприятное влияние на развитие городов Белоруссии оказывала оживленная торговля с городами Русского государства (Москвой, Вязьмой, Новгородом, Тверью и др.). Города Белоруссии являлись также транзитными пунктами в торговле русских купцов со странами Западной Европы.

В XVI в. в Белоруссии феодальное землевладение как крупное, так и мелкое расширилось. Феодалы все более усиливали феодальную эксплуатацию зависимых крестьян.

Еще в более раннее время нивелировка различных категорий феодально-зависимых крестьян привела к образованию двух основных групп сельского населения — «похожих» и «непохожих» крестьян. «Похожие» крестьяне жили на земле феодала и выполняли в его пользу повинности, но имели право перехода с частновладельческих земель на земли велико-

княжеские. «Непохожие» крестьяне не имели такого права и находились в полной зависимости от феодала. В течение XVI в. подвластная феодалам «челядь невольная» также наделялась землей и превращалась в зависимых крестьян, обязанных выполнять все феодальные повинности.

С конца XV в., в связи с развитием товарно-денежных отношений, феодалы увеличивали крестьянские повинности, особенно денежные оброки.

В середине XVI в. в Белоруссии, как и в других землях Великого княжества Литовского, стала проводиться земельная реформа («волочная помера»)[1]. В результате этой реформы была осуществлена единая «волочная» система землеустройства (волока—21,3 га) и введено подворное землепользование. За счет отнятых у крестьян лучших земельных угодий в поместьях феодалов были созданы фольварки. Фольварки представляли собой отдельные хозяйства, состоявшие из компактных пахотных угодий, которые обрабатывались «тяглыми» крестьянами. Основной повинностью «тяглых» крестьян была барщина. Крестьяне, которые не обрабатывали барщину, давали феодалу натуральный и денежный оброки. Барщина, как и другие повинности, была резко увеличена[2].

«Волочная помера», проведенная в интересах феодалов-крепостников, была важнейшим мероприятием в деле окончательного закрепощения крестьянства.

Великокняжеская власть и феодалы усиливали нажим также и на городское население. Во многих городах были установлены внутренние таможни, повинности городского населения увеличивались, представители феодальной администрации в городах бесчинствовали и грабили население.

Развитие городов, сопровождавшееся борьбой горожан против феодального гнета, вынуждало великокняжескую власть предоставлять городам право самоуправления по типу немецкого города Магдебурга. Минск получил это право в 1499 г., Полоцк — в 1498 г., Могилев — в 1561 г., Витебск — в 1597 г.

Органы городского самоуправления находились в руках кучки городского патрициата. Магдебургское право предоставляло городской эксплуататорской верхушке широкий простор для угнетения трудящихся.

В белорусских городах на протяжении XVI в. оформлялась цеховая организация ремесла. Цеховые уставы строго регламентировали покупку сырья ремесленниками, качество и количество производимых изделий, правила продажи их на местном рынке. Уставы ремесленных цехов служили интересам привилегированного слоя городского населения — цеховых мастеров, избиравших из своей среды цеховых старшин. Под руководством мастеров работала масса бесправных ремесленников — подмастерьев и учеников.

---

[1] Подробнее см. гл. 5, § 4 настоящего издания.

[2] «Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах», т. 1, Мінск, 1936, стр. 178—190.

В связи с усилением крепостнической эксплуатации нарастали антифеодальные движения народных масс (отказы от выполнения повинностей, противодействия проведению «волочной померы», бегство крестьян от феодалов, выступления против феодальной администрации, крестьянские восстания).

Борьба народных масс Белоруссии против окатоличившихся в своем большинстве феодалов перерастала в борьбу за воссоединение с русским народом, тяготение к которому определялось общими путями исторического развития, близостью территории, общностью языка, культуры, религии. Население Белоруссии справедливо видело в русском народе, в Русском государстве своего защитника против панско-католической агрессии. В свою очередь освобождение западнорусских земель диктовалось и жизненно необходимыми интересами Русского государства. Войны Русского государства и особенно Ливонская война были первыми шагами в разрешении этой важнейшей задачи.

В период Ливонской войны (с 1562 г.) Белоруссия стала театром военных действий. Народные массы Белоруссии встречали русские войска, как своих освободителей. Иезуит Поссевин сообщал в своем донесении римскому папе, что жители Белоруссии «публично молятся о даровании москвитянам победы»[1].

В этих условиях феодалам Литовского княжества становилось все труднее удерживать власть над украинским и белорусским народами. Польские паны воспользовались обострением классовых и национальных противоречий в Литовском государстве в своих агрессивных целях. Они добились заключения Люблинской унии 1569 г., в результате которой Белоруссия оказалась в составе Речи Посполитой. На белорусских землях, которые составляли подавляющую часть территории Литовского княжества, стали хозяйничать польские паны. Люблинская уния не затронула прав и привилегий местных феодалов. После принятия Люблинской унии польские паны и белорусские феодалы начали усиленно расхищать государственные (великокняжеские) земли. В Великом княжестве Литовском, как и в Польше, были обстоятельства, облегчавшие рост землевладения светских феодалов. Ослабевшая, запутавшаяся в долгах государственная власть вынуждена была обращаться за ссудами к феодальной знати, предоставляя ей до выплаты долга или в пожизненное пользование огромные имения, не розданные еще в частную собственность.

Расширение крупного феодального землевладения в Белоруссии сопровождалось дальнейшим усилением крепостнической эксплуатации крестьянства. Феодалы увеличивали свою запашку, сокращая размеры крестьянских земельных наделов. Резко увеличились и повинности крестьян.

Уже к концу XVI в. во многих районах Белоруссии крестьянское хозяйство — «дым», наделенное половиной волоки земли, обязано было

---

[1] «Витебская старина», т. V, ч. I, Витебск, 1888, стр. LIV.

отработать на барщине не менее трех дней в неделю. Были увеличены повинности, которые крестьяне выполняли помимо барщины: «сгоны», «гвалты» (обязательный выход на работу всего трудоспособного крестьянского населения), подводная повинность, «шарварки» (повинность по ремонту дорог, мостов и т. п.). Возросли такие повинности, как «дякло», «дзякло» (поставка феодалу зерновых продуктов) и «мезлево» (поставка феодалу мясных продуктов). К концу XVI в. «мезлево» повсеместно было заменено денежным взносом («мезлевщиной»). Были увеличены и другие денежные повинности крестьян. Выполнение их в условиях господства натурального хозяйства, при незначительной емкости внутреннего рынка, было особенно тяжелым для крестьян. Феодалы по своему произволу взимали с крестьян бесконечные дополнительные поборы.

Положение крестьян, живших на государственных землях, по существу ничем не отличалось от частновладельческих крестьян, так как государственные земли или находились в «держании» магнатов, или сдавались в аренду. Арендаторы-помещики с лихвой возмещали все свои расходы за счет усиления крепостнического гнета.

Непомерная эксплуатация крестьянства при рутинной технике, свойственной феодальному строю, ослабляла и истощала крестьянское хозяйство. Крестьяне были обречены на голодное, нищенское существование. Среди них свирепствовали болезни и эпидемии. Во время частых неурожаев смертность была огромная[1].

Изданием третьего Литовского Статута (1588 г.) крепостное право в Белоруссии было оформлено и юридически. Утверждалась полная крепостная зависимость крестьянина от феодала. Эта зависимость распространялась на всех членов семьи, а также и на потомство крестьянина. Феодалу предоставлялось право розыска и возвращения беглых крестьян в течение двадцати лет. Третий Литовский Статут устанавливал закрепощение свободных крестьян, проживших на земле феодала свыше десяти лет[2].

Крепостное право на белорусских землях приняло чрезвычайно жестокие формы. Феодалы смотрели на крестьян как на рабочий скот. Даже в официальных документах они называли крестьян «быдлом». Белорусский крестьянин не имел никаких прав. Его мог убить самый захудалый шляхтич, оставаясь совершенно безнаказанным: закон, принятый сеймом в 1573 г., давал панам Речи Посполитой право карать крестьян по своему усмотрению. Это право паны передавали даже арендаторам своих имений. Нередки были случаи, когда за малейшее ослушание паны карали крестьян смертной казнью. Виселица являлась обычной принадлежностью магнатского двора.

Усиление феодально-крепостнической эксплуатации, особенно рост отработочных повинностей, и окончательное закрепощение крестьянских масс, юридически оформленное Литовским Статутом 1588 г., задерживали

---

[1] «Барколабовская летопись». «Могилевская старина», вып. I, 1900, стр. 12—13.
[2] «Статут Великого княжества Литовского», ч. II, М., 1811, стр. 279—285.

приток сельского населения в города и резко снижали его покупательную способность. В результате этого со второй половины XVI в. ослабли рыночные связи города с крестьянством и развитие городов несколько замедлилось. Застой торговли и ремесла особенно усугублялся правом феодалов на беспошлинный ввоз и вывоз, дававший им возможность в значительной мере захватить в свои руки внешнюю торговлю. Все это особенно тяжело сказывалось на положении ремесленного населения. Цеховая верхушка стремилась разрешить трудности прежде всего за счет нажима на массу бесправных подмастерьев и учеников. По отношению к ним мастера, усиливая эксплуатацию, широко применяли штрафы и телесные наказания.

Масса мелких торговцев («крамников») и скупщиков разорялась. Купеческая же верхушка добилась от правительства разрешения на организацию купеческих гильдий. Гильдии, получив значительные привилегии, вытеснили с внутреннего рынка массу мелких торговцев, не входивших в их состав[1].

В поисках выхода из своего тяжелого положения основная масса городского населения вынуждена была прибегать к кабальным займам и попадала в долговую зависимость от ростовщиков. Крупными ростовщическими операциями занималась и католическая церковь[2]. Места в городской раде захватывали представители крупного купечества, ростовщиков, цеховых старшин. Ремесленники Могилева в 1606 г. заявляли, что богатеи «раду городскую сами между собой избирают, нас к делам не допускают и всегда при каждом собрании заглушают вольные голоса наши»[3].

Эксплуататорская верхушка перекладывала всю тяжесть налогов и повинностей на основную массу городского населения. Могилевские ремесленники жаловались, что члены городской рады «имуществом городским без нашего согласия распоряжаются... налоги частые без ведома нашего на нас накладывают и выполнять их силой заставляют»[4].

Таким образом, основная масса городского населения находилась под двойным гнетом — со стороны феодалов Речи Посполитой и со стороны городских богатеев.

Сразу же после Люблинской унии, укрепившей положение польских панов в Великом княжестве Литовском, по инициативе Ватикана феодалы Речи Посполитой с помощью нахлынувших в Белоруссию иезуитов стали рьяно насаждать католичество.

Если местные феодалы окатоличились очень быстро, то иначе обстояло дело с народными массами Белоруссии, которые стойко держались православия, выражая этим свой протест против усиливавшегося феодально-крепостнического и национального угнетения.

---

[1] *В. И. Пичета.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940, стр. 42.

[2] «Исторический памятник о Пинске» («О бунте города Пинска и об усмирении онаго в 1648 г.»). «Чтения ОИДР», 1846, кн. 3, № 8, отд. III, стр. 31—38.

[3] «Беларускі Архіў», т. 1, Минск, 1927, стр. 82.

[4] Там же.

Убедившись, что прямым путем окатоличить народные массы не удастся, феодалы Речи Посполитой, также по инициативе Ватикана, с помощью иезуитов попытались осуществить свои намерения путем ловкого обходного маневра.

Тайком от народа была заключена Брестская церковная уния 1596 г. Будучи переходной ступенью к католичеству, уния по расчетам Ватикана и феодалов Речи Посполитой должна была явиться действенным средством окатоличивания народных масс Белоруссии, отрыва их от братского русского народа.

Эта сделка высшего православного духовенства с врагами белорусского народа вызвала глубокое возмущение широких кругов населения Белоруссии, которое, отказываясь признавать унию, попрежнему стойко держалось православия.

В связи с усилением крепостнической эксплуатации народных масс Белоруссии во второй половине XVI в. учащались антифеодальные выступления крестьянства и городской бедноты. Эти выступления принимали самые разнообразные формы. Противодействуя проведению «волочной померы», белорусские крестьяне уничтожали новые межевые знаки, отказывались выполнять повинности по новой «уставе»[1]. Часто вспыхивали стихийные крестьянские восстания против магнатов и шляхты, против феодальной администрации[2].

В XVI в. массовый характер принимает бегство крепостных крестьян от своих угнетателей. Книги судов этого времени переполнены заявлениями феодалов о побегах крестьян[3]. С начала XVII в. бегство крестьян приняло еще более широкие размеры. Крестьяне бежали большей частью к границам приднепровских степей, где крепостнический гнет был еще не таким тяжелым, как в Белоруссии, где магнатам и шляхте противостояло казачество.

В борьбе запорожского казачества против феодалов Речи Посполитой активное участие принимали и белорусские крестьяне, бежавшие на Украину от гнета магнатов и шляхты. Горячую поддержку народных масс встречали и казацкие отряды, прибывавшие в Белоруссию. Во многих случаях крестьяне и городская беднота присоединялись к казакам.

В начале 1590 г. в районе Могилева и Быхова казацкие отряды под предводительством Матюши и Голого возглавили антифеодальную борьбу крестьянства и городской бедноты[4]. Антифеодальное движение приняло настолько широкий размах, что магнаты и шляхта в 1593 г. были вынуждены просить помощи у центральной власти.

---

[1] «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией», т. XXV, Вильно, 1898, стр. 116—118.

[2] «Гiсторыя Беларусi у дакументах i матэрыялах», т. 1, стр. 462—477.

[3] «Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией», т. XVII, Вильно, 1890, стр. 100—101, 418—419 и др.

[4] «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. I, Вильно, 1867, стр. 175—185.

Борьбу против угнетателей белорусские крестьяне вели в тесном союзе с народными массами Украины. В 1595 г. вождь украинского крестьянско-казацкого восстания Северин Наливайко во главе отряда в 1000 человек прибыл в Белоруссию. Казаки захватили Слуцкий замок, откуда направились к Могилеву. Белорусские крестьяне присоединились к отряду Наливайко и вместе с ним громили своих угнетателей. Восстание разрасталось. Одновременно с отрядом Наливайко в Белоруссии действовали казацко-крестьянские отряды под предводительством Савулы и Панчохи. Восставшие казаки и крестьяне под предводительством Наливайко в конце ноября 1595 г. штурмом взяли Могилев и, успешно выдержав бои с восемнадцатитысячным войском противника, продолжали громить магнатов и шляхту в районах Быхова, Речицы, Пинска[1].

Казацкие отряды неоднократно приходили в Белоруссию и в начале XVII в. Вокруг них группировались крестьяне, не имевшие руководства, организации и вооружения. В 1601 г. белорусские крестьяне, присоединившись к отряду под предводительством Дубины, громили своих угнетателей в районе Витебска и Полоцка[2]. В 1602—1603 гг. казацкие отряды возглавили антифеодальные выступления белорусских крестьян в окрестностях Гомеля, Речицы, Кричева, Быхова, Орши, Мстиславля. Но все эти восстания имели распыленный характер и в конечном итоге были подавлены, а их участники подверглись жестоким репрессиям.

В то же время обострилась классовая борьба и в городах. Авантюристическая агрессивная политика магнатов Речи Посполитой по отношению к Русскому государству в начале XVII в. потребовала огромных военных расходов. Резко были увеличены налоги на города. Шляхетские отряды, шедшие в Русское государство через территорию Белоруссии, бесчинствовали и грабили население.

Непомерные злоупотребления со стороны городской рады послужили поводом для восстания городской бедноты в Могилеве в 1606 г. Это восстание возглавила группа небогатых ремесленников во главе со Стахором Митковичем. Только в 1610 г. войсками Сигизмунда III восстание было подавлено, а участники его подвергнуты жестокой расправе[3].

Народные массы Белоруссии выступали против шляхетских отрядов, направлявшихся в пределы Русского государства. Так, в 1616 г. в районе Глуска крестьянами и мещанами был разгромлен один из таких отрядов[4]. Эти выступления являлись ярким выражением тяготения народных масс Белоруссии к братскому русскому народу. Совместная борьба белорусского и русского народов против польско-литовских феодалов, особенно ярко

---

[1] «Гісторыя Беларусі у дакументах і матэрыялах», т. 1, стр. 473.

[2] «Витебская старина», т. 1, Витебск, 1883, стр. 457.

[3] «Беларускі архіў», т. 1, стр 79—88; «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. II, Вильно, 1867, приложение, стр. VI—VII.

[4] «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. I, стр. 248—259.

проявившаяся в первой половине XVII в., подготовляла освобождение Белоруссии от иноземного ига и ее включение в состав многонационального Русского государства.

Борьба с церковными привилегиями дала толчок развитию в Белоруссии ересей и реформационных движений. Крупные феодалы Белоруссии — магнаты — выступали сторонниками кальвинизма. Учением кальвинизма стремились воспользоваться магнаты и примкнувшие к ним шляхтичи, во-первых, для того, чтобы ослабить великокняжескую власть и укрепить свои позиции на местах и даже в центре, а, во-вторых, для того, чтобы уничтожить некоторые привилегии церкви и частично секуляризировать церковные имущества[1].

Уже в конце XVI в. королевской власти и католическому духовенству при помощи Ватикана и иезуитского ордена удалось одолеть все проявления реформации и взять назад некоторые незначительные формальные уступки, вырванные у центральных католических властей (например, разрешение шляхте не платить церковную десятину).

Среди широких народных масс реформационное движение в Белоруссии, как и во всей Речи Посполитой, не получило широкого распространения. Горожане в своей борьбе с католицизмом, и отчасти с феодальной эксплуатацией вообще, пошли по линии организации православных братств, а крестьянство свою антифеодальную и национальную борьбу вело также под флагом защиты православной религии. В этом, в частности, проявлялось стремление белорусского народа отстоять братские узы дружбы с единоверным русским народом.

Братства представляли собою объединения мещан вокруг приходской церкви или монастыря, зачастую связанные с городскими цеховыми организациями. Братства вели энергичную борьбу против церковных привилегий и засилия католической церкви. Связь с городским самоуправлением придавала братствам особенно действенную силу в их борьбе с католическим духовенством.

Наряду с реформационными учениями в Белоруссии в XVI в. распространялись и ереси. Большую роль в их распространении сыграли выходцы из Русского государства. Так, в 50-х годах XVI в. в Белоруссию бежал московский холоп Феодосий Косой, который отвергал троичность божества, обрядность и священство; вместе с тем он отрицал власти, налоги и войны. Учение Косого привлекло к себе сочувствие многих простых людей как в городе, так и в деревне[2].

---

[1] Незначительное распространение среди горожан, а отчасти и мелких шляхтичей, получило гуситское учение «богемских братьев». Среди немецкой части горожан распространялось лютеранство. Некоторой популярностью среди горожан и образованной части шляхетства пользовались идеи антитринитариев. Но все эти учения привлекли к себе сравнительно незначительное число последователей.

[2] Инок Зиновий Отенский в «Послании многословном...на зломудрие Косого и иже с ним». «Чтения ОИДР», 1880, кн. 2, стр. 1—305. См. также гл. 2, § 13 настоящего издания.

Еретическое движение в Белоруссии по существу своему носило антифеодальный характер.

В Белоруссию проникло и учение «нестяжателей». Наиболее ярким его выразителем здесь был бежавший из Москвы в 1555 г. старец Артемий. Он боролся не только против церковного землевладения, но выступал также в защиту просвещения, отстаивал право всякого на чтение книг и на учение. Вместе с тем Артемий был противником и западноевропейских реформационных движений [1].

* * *

В конце XV—XVI в. развитие белорусской народности и ее культуры совершалось под знаменем борьбы горожан и крестьян Белоруссии за свою свободу против усиливавшегося классового и национально-религиозного гнета, за национальную самобытность.

Белорусская народность, так же как великорусская и украинская, сложилась на основе единой древнерусской народности, которая образовалась еще в рамках древнерусского государства. В период феодальной раздробленности, в условиях татаро-монгольского ига, отдельные части древнерусской народности оказались экономически и политически разъединенными, хотя народные массы, входившие в ее состав, продолжали чувствовать взаимную близость и родственное тяготение друг к другу. Под влиянием растущих экономических связей и развивавшегося на этой почве культурного сближения между отдельными областями в XIV—XVI вв. складывается и белорусская народность, имевшая уже известные элементы общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры. При этом белорусская культура оказалась выше культуры феодалов Литовского княжества, в которое входила Белоруссия. В деловой письменности Литовского княжества применялся так называемый «русский» язык, в котором преобладали элементы белорусской живой народной речи. Белорусский народ, несмотря на тяжелый национальный и феодальный гнет, которому он подвергался, все-таки отстоял свое право говорить и писать на родном языке, отстоял свою культуру.

Культура широких народных масс Белоруссии, для которых грамотность в феодальное время была недоступна, выражалась главным образом в устном творчестве. Народное творчество было проникнуто глубокой ненавистью к феодальному гнету, к панам и их прислужникам. В народных песнях изучаемого периода говорится о «цяжких прыгонах» (барщине), которым паны подвергали крестьян в течение всей недели, не исключая и воскресений; даже и по ночам им приходилось работать («Жалі, жалі на сонейку, будзем жаць на месяцу»[2] и т. д.). Устное народное творчество Бело-

---

[1] См. «Послания Артемия». РИБ, т. 4, СПб., 1878, стб. 1201—1448.

[2] См. *Е. Ф. Карский*. Белорусы, т. III, М., 1916. См. также *Р. Р. Шырма*. Беларускія народныя песні, загадкі і прыказкі, т. I, Мінск, 1947.

руссии отмечало усиление барщины в XVI в. и в связи с этим установление повседневного надзора за крестьянами со стороны помещичьих приказчиков («прыгонятых»). В песнях, возникших, повидимому, в XVI или в начале XVII в., отмечается, что «за молодым паном Цитко на работу увесь тыдзень (вся неделя) на панщине, шарварка у суботу» и что «прыгонятые» стали особенно «лихи: дамоў рано не пушаюць, на постаци[1] загоняюць».

Белорусское народное творчество было не только насыщено антикрепостническими настроениями, но отражало уверенность в счастливой победе над угнетателями. Так, песня о «лихих прыгонятых» кончается призывом: «а мы постаци сожнем, прыгонятые — рожном», т. е. «прогоним панских прислужников». В некоторых песнях, повидимому, конца XVI или первой половины XVII в., т. е. времени обострения классовых противоречий и национально-освободительной борьбы, нашла свое отражение и суровая расплата, которой иногда подвергались помещики: «а нашего пана вядуць вешаць. Нехай-жа ён праветрае, мо'на заўтра палепшае»[2].

Народному творчеству были чужды мотивы пессимизма, и оно было проникнуто жизнерадостным настроением. С этими настроениями в народном творчестве связано обилие сохранившихся от глубокой древности до более поздних времен свадебных, любовных, шуточных, колядных, купальских и иных песен, воспевающих радости трудовой и семейной жизни.

Значительным вкладом в белорусскую культуру были и возникшие в XV—XVII вв. так называемые «литовские» летописи. Они писались на белорусском языке, составлялись по большей части белорусами и касались главным образом белорусской истории; поэтому их правильнее было бы называть белорусскими летописями. По содержанию они разделяются на «краткие» и «пространные». Краткие[3] летописи составлялись не позднее конца XV в., главным образом на основе псковско-новгородских материалов и в основном были проникнуты сочувствием к Русскому государству. Особенно ярко это сочувствие проявилось в так называемой «летописи Авраамки», составленной в 1495 г. в Смоленске[4]. Хотя в основу этой летописи был положен свод новгородского происхождения, однако она переписывалась на белорусской территории, впервые была найдена в Полоцке, а в ее языке имелись некоторые белорусские особенности. «Авраамка» осуждал не только польских, но и литовских феодалов, о которых говорил: «при нынешних временех Литва над нами

---

[1] Постаць — полоса в поле, которую должна сжать одна жнея.

[2] *Р. Р. Ширма.* Указ. соч., стр. 5, 49.

[3] К кратким летописям относятся летописи Авраамки, Супрасльский, Уваровский, Познанский, Никифоровский, Академический списки, так называемые «Кроники о великих князех литовских». Они изданы в ПСРЛ, тт. XVI и XVII.

[4] См. *Д. С. Лихачев.* Русские летописи. М.— Л., 1947, стр. 465—467.

игры творять и поругаються»[1]. В этом нельзя не видеть симпатий к Москве как центру, объединявшему славянские народы в борьбе с национальным гнетом.

Иными настроениями были проникнуты так называемые «пространные»[2] летописи. Они составлялись позднее — главным образом во второй половине XVI в.— и в них получили яркое выражение полонофобские настроения литовской шляхты.

В развитии белорусской культуры и в дальнейшем укреплении белорусской народности крупную роль сыграл первопечатник Белоруссии Георгий Скорина. Он родился около 1490 г. в городе Полоцке, но в поисках научных знаний рано покинул родной город. В 1504 г. он поступил сначала в Краковский университет, а затем переехал в Падую, где в 1512 г. получил степень «в лекарских науках доктора». Вскоре он начал переводить и издавать в печатном виде библейские книги,—сперва в Праге (1517—1520), а затем в Вильно (1525). Язык переводов Скорины имел народную белорусскую основу, хотя и содержал церковнославянские, а также русские, чешские и, отчасти, польские языковые элементы. Его переводы пользовались широким распространением. Они были понятны и русским, были известны в Москве и содействовали развитию культурных связей между белорусским и великим русским народами.

Скорина был не только белорусским первопечатником и первым издателем печатных книг в Белоруссии. Он был также гуманистом-ученым. Свои переводы Скорина снабдил многочисленными предисловиями, послесловиями и комментариями, имеющими самостоятельный, творческий характер. Скорина был равнодушен к религиозным вопросам и искал в библии прежде всего знаний по истории, естествознанию, астрономии и географии. Его замечания о библии обнаруживали в нем широкое образование, знание многих языков, классической литературы и памятников средневекового права. Скорина первый дал белорусскому народу понятие о «семи свободных науках».

Своими переводами и изданиями библии Скорина содействовал ликвидации монополии духовенства на образованность и даже на простую грамотность. Его деятельность была тесно связана с оппозицией городского населения по отношению к католической церкви и с борьбой горожан против попыток полонизации феодалами белорусского населения. Он был горячим патриотом своего народа, и любовь к родине руководила всей его работой.

В своей деятельности Скорина был тесно связан с братствами, являвшимися объединениями горожан — главным образом цеховых мещан.

---

[1] ПСРЛ, т. XVI, СПб., 1889, стб. 117.

[2] К ним относятся списки: Быховца (наиболее полный), Рачинского, Красинского, летописец Евреиновский, Румянцевский, некоторые отрывки из патриаршего [ПСРЛ, т. XVII].

оказывавшими всевозможную материальную помощь своей приходской церкви.

Некоторые братства прямо получали свои названия от имени цеховых организаций (кузнецкое, кожемяцкое, кушнерское). При братствах учреждались и школы, в которых подготавливались грамотные люди для занятия различных должностей в органах городского, церковного и даже государственного управления. С развитием книгопечатания братства стали организовывать типографии и распространять печатные книги на белорусском языке. Братства имели поддержку со стороны небогатого шляхетства и в своей борьбе против окатоличивания и ополячивания белорусского народа пользовались симпатиями среди крестьянства и рядовых горожан. Поэтому они сыграли положительную роль в развитии белорусской культуры и укреплении формировавшейся белорусской народности.

Георгий Скорина. Гравюра из «библии» 1517 г.

Продолжателями Скорины в защите самостоятельности белорусской культуры и в борьбе против феодальных привилегий церкви были Симон Будный и Василий Тяпинский. Оба они, как и Скорина, стремились к распространению образованности и печатной книги среди белорусского населения; оба они были белорусами по национальности и писали, по преимуществу, на старобелорусском языке. Они были сторонниками одного из самых радикальных направлений реформации — антитринитаризма, защищавшего рационалистический подход к священному писанию.

Главные сочинения Симона Будного — «Катехизис» и «Оправдание грешного человека перед богом» — написаны в 1562 г.[1] Симон Будный жестоко нападал на пороки представителей католической церкви, на корыстолю-

[1] «Катехизис» Будного напечатан (не полностью) в «Археографическом сборнике документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. VII, Вильно, 1870, стр. XVI—XXIV. Отрывки из «Оправдания» напечатаны в «Опыте российской библиографии В. С. Сопикова» (ч. 1, СПб., 1813). См. также *Каратаев.* Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883.

бие и невежество ее служителей. В противоположность невежественным учителям церкви, которые не знают «правды христианской религии», он хотел дать «науку стародавнюю христианскую от святого письма для простых людей языка русского». Белорусский язык, на котором он писал и который высоко ценил, он называл «издавна славным языком словенским» и протестовал против стремлений вытеснить его единым государственным польским языком. «Глупостью является,— писал он,— пренебрегать языком одной страны и возносить под небеса язык другой».

Вместе с Будным вел борьбу против польско-католического засилья и подчеркивал значение белорусского языка Василий Тяпинский. Так же, как и Будный, он клеймил жадное и невежественное католическое духовенство, которое живет на «посулы» от прихожан, за взятки покупает выгодные места, а «письма русского и слова божия» не знает; вследствие этого образованные люди должны обращаться к «польским абоиным писмам». Тяпинский подчеркивал исторические связи всех славянских народов и доказывал, что «Русь есть славная ветвь издревле образованного славянского народа»[1]. Таким образом, он выступал одним из наиболее ранних пропагандистов культурных достижений русского народа[2].

Деятельность Будного и Тяпинского содействовала развитию белорусской культуры и просвещения.

* * *

От народной архитектуры XV—XVI вв. до нас дошло очень немного памятников. Как и в предшествующее время, в деревне преобладала деревянная архитектура. Крестьянская изба того времени представляла собой хату-четырехстенку в одну комнату с глинобитной печью посредине и с узким окошечком. Искусной резьбой по дереву и различным орнаментом (часто с изображением полевых цветов, птиц и зверей) белорусские народные мастера украшали окна, двери и крылечки своих изб. Наиболее искусные из этих мастеров приглашались помещиками, а также и строителями церквей для художественного оформления дворянских домов и для украшения церквей.

В художественной резьбе по дереву белорусские народные мастера достигли больших успехов. Из них получили известность пинский резчик по дереву Апатий и оршанский мастер Андрей (XVI в.).

От XV—XVI вв. на территории Белоруссии сохранилось значительное количество памятников каменного зодчества, крепостные сооружения, дворцы, замки магнатов, церкви и монастыри. Большинство замков и крепостей принадлежало литовским феодалам и строилось соответственно их вкусам и потребностям. Но белорусские мастера вносили в это зодчество черты своего национального искусства.

---

[1] Киевская старина, 1889, январь, приложение 3, стр. 1 — 9.

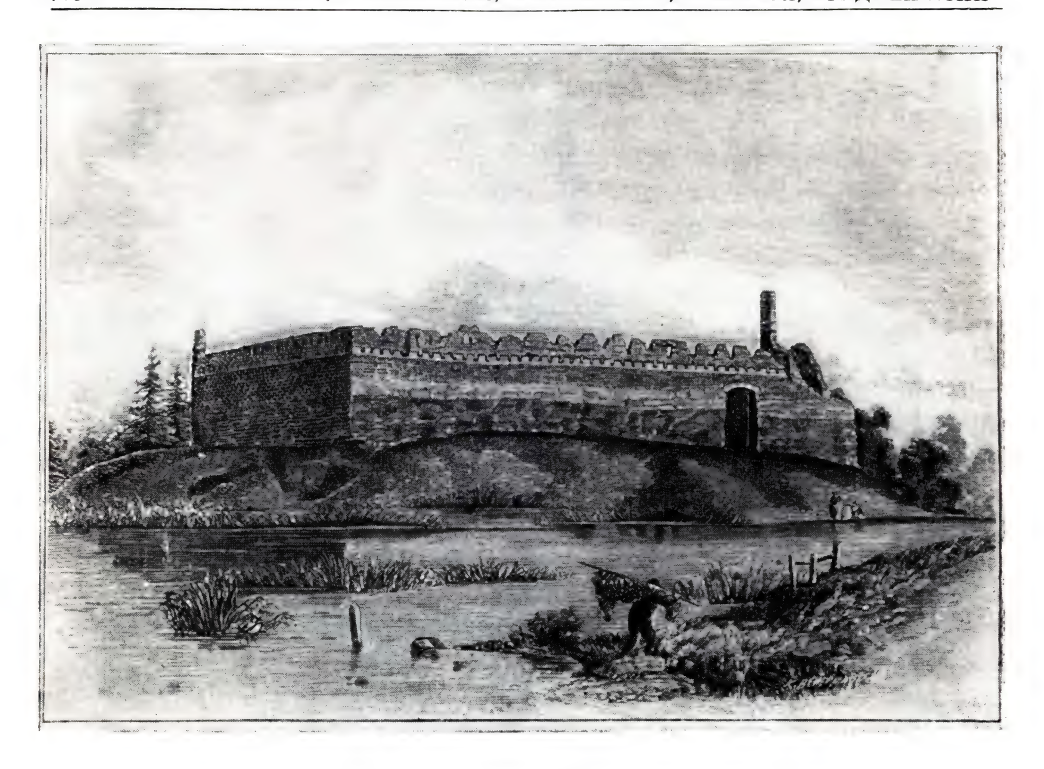
[2] О Тяпинском см. М. В. *Довнар-Запольский*. В. Н. Тяпинский, переводчик евангелия на белорусское наречие. «Известия Отделения русского языка и словесности АН», т. IV, кн. 3, 1899, стр. 1031—1064.

Церковь, построенная по типу крепости, в Супрасле, в Белоруссии, XVI в.

К памятникам собственно белорусского искусства относятся только православные церкви. Из них надо особенно отметить церкви в Сынковичах (современной Гродненской области), в Маломожейкове (Лидского района) и в Супрасле, основанные в XVI в. и тогда же перестроенные. Стены их достигали иногда до сажени в толщину и строились из очень крепкого кирпича. Церкви, построенные по типу крепостей, были обнесены с четырех сторон толстыми стенами, с башнями по углам и бойницами. Внутри эти церкви были богато украшены иконописью и фресковой живописью.

Много оборонительных сооружений строилось также и в городах — в виде крепостных стен (с башнями и бойницами) или замков внутри городов. Городские укрепления (стены и замки) сооружались почти во всех

Крепость в Лиде, XVI в. Гравюра

более или менее значительных городах Белоруссии: Полоцке, Минске, Витебске, Орше и других.

В городах каменных жилых домов, за исключением единичных дворцов и замков, почти не было даже у зажиточных людей. В редких случаях жилые пристройки из камня делались при монастырях (например, при Жировицком монастыре в нынешнем Слонимском районе Барановической области). В общем же деревянное зодчество преобладало еще в XV—XVII вв. не только в деревнях, но и в городах.

В белорусском зодчестве XV—XVI вв. живы были древнерусские традиции. Немногие сохранившиеся памятники деревянного зодчества сооружены по тому же типу, что и найденные на территории древней Руси деревянные постройки раннего времени. Лучшие памятники древнерусского искусства служили теми образцами, которые творчески использовали передовые белорусские мастера. На территории Белоруссии сохранилось несколько церквей XI—XII вв. (Софийский и Спасо-Ефросиньев соборы в Полоцке, Коложская церковь в Гродно и Благовещенская церковь в Витебске). Приемы строительства этих древнейших белорусских каменных храмов были применены и при строительстве позднейших церквей (например, церкви в Сынковичах). Влияние киевского строительного искусства отчасти отразилось и на крепостных сооружениях. Так, крепость в Лиде строилась под наблюдением выписанных из Киева мастеров.

Живопись XVI—XVII вв. имела по преимуществу или иконописный, или портретный характер, причем на портретах обычно изображались короли, знатные особы или высшие представители духовенства. В живописи XVI в. наблюдался уже некоторый отход от плоскостного изображения лиц в сторону большей рельефности, что придавало им характер реалистичности.

Из иконописных произведений XVI в. лучшие образцы представляла фресковая живопись Супрасльского монастыря, изображающая Христа, ангелов и святых в виде ярко очерченных живых людей. Из портретов надо упомянуть портреты православного митрополита Иосифа Солтана, гетмана Григория Ходкевича и слуцкого князя Юрия Юрьевича, выполненные в реалистическом стиле.

Большую роль в развитии живописи того времени сыграли и гравюры Скорины, в которых дана живая и реалистичная трактовка библейских персонажей. В этих гравюрах Скорина приблизился к стилю мастеров гуманистической школы. Традиции Скорины в гравюрном искусстве продолжали потом и другие издатели печатных книг в Белоруссии — Петр Мстиславец и Василий Тяпинский.

Таким образом, для культуры формировавшейся белорусской народности, особенно для народного творчества изучаемого периода, характерна живая связь с древнерусскими традициями, кровное родство с культурой великорусской народности.

4

ЛИТВА

Литовский народ к концу XV в. населял северо-западную часть Великого княжества Литовского, которое включало также захваченные белорусские, частью украинские и западные русские земли (Смоленск). Центральная область государства, населенная литовцами, а на востоке и юге белорусами, состояла из двух воеводств: Виленского и Троцкого. К северо-западу находилась Жемайтская область, отстававшая в своем развитии от земель центра.

Все прочие территории Великого княжества представляли собой бывшие удельные княжества и земли, из которых были образованы области, управлявшиеся великокняжескими наместниками.

Литовское население состояло из потомков литовских и ятвяжских племен. В конце XV в. этих племен уже не существовало. В XVI в. исчезают признаки обособленности литовцев верхних (аукштайтов) и нижних (жемайтов), и происходит дальнейшее развитие литовской народности.

Юго-западная часть литовской земли, к югу от Юрбаркаса-Паланги, была захвачена Прусским орденом и поэтому обычно называлась Прусской Литвою. Литовское население Прусской Литвы, нещадно эксплуатировавшееся Орденом, боролось за освобождение от иноземного гнета.

* * *

В конце XV — начале XVI в. ведущей отраслью хозяйства в Литве попрежнему было земледелие, тесно связанное с домашним животноводством. Охота здесь давно утратила свое хозяйственное значение. Охота на крупного зверя — зубров, лосей и т. д. стала привилегией феодалов, присвоивших леса, пригодные для этой цели. Более широкое значение имело рыболовство, но лишь незначительная часть населения специально занималась этой отраслью хозяйства. Повсеместно было распространено пчеловодство, причем не только лесное (бортничество), но и пасечное. Пчелиный мед являлся распространенным объектом натуральной феодальной ренты, а воск был самым значительным предметом экспорта Литвы. Подсечная система земледелия постепенно изживалась; она применялась главным образом на еще недостаточно освоенных участках крестьянской земли. Техника земледелия попрежнему была довольно примитивной. Землю пахали почти повсеместно посредством волов, за исключением северо-восточной части Литвы, где в качестве тяглового животного применялись лошади. Сохи чаще употреблялись деревянные. Однако все большее распространение получали железные, легко снимавшиеся наконечники (лемехи, нароги и т. д.). В повсеместном употреблении были косы и серпы.

В конце XV — начале XVI в. сельское хозяйство сохраняло натуральный характер. На рынок поступали обычно не зерно и не мясные или молочные продукты, а побочные продукты сельских промыслов: воск, мед, шкуры, деревянные изделия ремесленников и т. д.[1] Однако в течение первой половины XVI в. товарно-денежные отношения постепенно охватывали не только феодальные, но и крестьянские хозяйства. Во второй половине XVI в. зерно уже в более значительных размерах становится предметом внутренней торговли и экспорта.

Главную массу непосредственных производителей в Литве составляли крестьяне: великокняжеские, частновладельческие и церковные. В это время каждое крестьянское хозяйство имело землю в индивидуальном наследственном владении; переделу она не подлежала. Окладной единицей в Литве была так называемая служба, т. е. обычное хозяйство одной крестьянской семьи. Установление повинностей по службам было произведено, повидимому, в начале XV в. В первой половине XVI в., в связи с распадом больших семей, служба часто состояла уже не из одного крестьянского двора, а из двух-четырех дворов. Несмотря на такое различие служб, размер основных повинностей со службы оставался обычно одинаковым. Крестьянские дворы, входившие в одну службу, составляли соседскую общину, представлявшую собой в известной мере хозяйственное целое — скот и инвентарь у каждого двора был обычно свой, но земля не была еще окончательно поделена между дворами.

---

[1] *Д. Л. Похилевич.* Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI — XVII вв. «Материалы по истории земледелия в СССР». Сб. 1, М., 1952, стр. 325.

В первой половине XVI в. крестьяне не утратили права распоряжаться земельными участками, но их продажа стала в большей степени контролироваться феодалами и производилась, как правило, с разрешения господ. Право распоряжения землею принадлежало лишь издавна сидевшим на ней крестьянам — «непохожим отчичам». Домохозяева и их наследники были лишены права свободного выхода из феодального владения. Крестьянин-домохозяин обычно мог уйти, лишь продав обзаведение своего двора какому-нибудь пришлому крестьянину и посадив его на свое место. Остальные члены семей пользовались большей свободой выхода. Таким образом, феодалы все более утверждали власть как над личностью крестьянина, так и над его собственностью.

Господствующей формой эксплуатации была в это время натуральная рента. Но уже в первой половине XVI в. в некоторых районах была довольно значительной категория крестьян, обязанных отбывать главным образом барщину. Эти крестьяне были закрепощены раньше других разрядов сельского населения. К крестьянам-барщинникам (называемым велдомыми) принадлежало большинство частновладельческих крестьян в Жемайтии.

Самой большой была группа крестьян, уплачивавших натуральную ренту — дякло[1] (поборы рожью, овсом и сеном), а также выполнявших барщинную работу, но не повседневно[2]. Крестьяне-дякольники составляли основную массу крестьян господарских волостей, а также панских и более крупных боярских имений, полученных по великокняжеским пожалованиям.

Особую категорию сельского населения составляли крестьяне, дававшие натуральную ренту — дани и отбывавшие, кроме того, иногда дополнительные работы в течение нескольких дней в году. Натуральные поборы эти крестьяне вносили медом, куницами, льняными изделиями и пр. Они должны были также поставлять кормы феодалам или их наместникам (стация). Такие данники встречались главным образом в восточной и северной Литве.

Среди крестьян были деревенские ремесленники — дойлиды (плотники), кузнецы, бондари и т. д., а также различные хозяйственные слуги, осочники (лесные сторожа), бобровники, конокормцы, конюхи, рыболовы и т. д.,— на своей крестьянской земле они занимались земледелием и скотоводством, но в качестве феодальной ренты отбывали специальные службы.

Из крестьян вербовались военные слуги, так называемые путные слуги или бояре (ройтиники), панцырные бояре, поседные бояре[3] и т. д.

[1] Дяклом первоначально называлась большая бочка для измерения зерна, а с конца XIV в.— установленная великокняжеской властью дань зерном и другие поборы.

[2] *М. Любавский.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута. М., 1892, стр. 316 и др.

[3] Поседь — кормы и подарки феодалам и наместникам.

Во время войн они выступали в поход в отрядах, выставляемых феодалами, в мирное время должны были платить некоторые оброки, выполняли различные поручения, участвовали в вспомогательных работах в хозяйстве феодалов. Они пользовались бо́льшими правами, чем обычные крестьяне.

В рядовых панских имениях, а также в более значительных боярских владениях постоянная дворовая рабочая сила — невольная челядь — в начале XVI в. обычно была уже посажена на землю и образовала прослойку паробков-койминцев, т. е. тяглых крестьян, не приобретших еще полного крестьянского права на предоставленные им земельные участки[1]. Однако разница между ними и прочими крестьянами постепенно стиралась.

В связи с развитием товарно-денежных отношений усилилась феодальная эксплуатация. Феодалы начинали постепенно увеличивать денежную ренту.

В 1514 г. была издана «устава» для управителей великокняжеских волостей Виленского и Тракайского воеводств[2], т. е. для центральной и восточной Литвы, где товарное производство получило наибольшее развитие. «Устава» сократила число крестьян, занятых барщиной и специальными службами, и установила взимание с освобожденных от работ крестьян денежной ренты — «осадного» (в сумме 1 копы грошей), сохранив наряду с этим натуральные поборы — дякло, поборы льном и т. д., а также стацию, т. е. кормовые сборы.

Следующая «устава» 1529 г. пошла еще дальше по пути замены крестьянских натуральных повинностей денежными. Из натуральных повинностей были оставлены лишь основные — дякло ржаное и овсяное. Остальные повинности были заменены денежными взносами. Распространение денежной ренты приводило к увеличению поборов с крестьян.

Последняя «устава» этого рода была издана, повидимому, в 1547 г. и в значительной мере явилась предшественницей волочной реформы. «Устава» указывала на возможность установления обложения в зависимости от размеров и качества крестьянской земли и инвентаря. В том же 1547 г. землемеры начали измерять волоки в некоторых великокняжеских волостях; это мероприятие было распространено на все волости в Литве.

Крестьяне сопротивлялись усилению феодального гнета, протестуя против нарушения «старины» и попыток ввести какие-либо новшества, их отягощающие. Бегство было одной из наиболее распространенных форм пассивного сопротивления крестьян наступлению феодалов на «старину». Поэтому источники рассматриваемого времени указывают множество запустевших крестьянских хозяйств («пустовщин»). Но крестьяне не только пассивно сопротивлялись непосильным поборам и притесне-

---

[1] *В. И. Пичета.* Институт холопства в Великом княжестве Литовском в XV—XVI вв. «Исторические записки», кн. 29, стр. 38—65.

[2] *М. Любавский.* Указ. соч., приложение, стр. XIX — XXI.

ниям, но вступали и в активную борьбу против феодального гнета. Так, в 1544—1545 гг. произошло выступление крестьян Аникщайской и Вилкомирской волостей, вызванное требованием великого князя сдать дякольный овес и подякольное сено, доставив его при этом в Вильнюс[1]. Крестьяне решительно отказались выполнить это требование и стали организовываться для вооруженного сопротивления под предводительством крестьянина Буйвида. Великокняжескому дворянину с собранным им отрядом своих и дворных слуг удалось захватить Буйвида. Но и после захвата вожака крестьяне не менее решительно отказались подчиниться предписанию великого князя. Почти одновременно произошло выступление крестьян Меркинской волости.

Несколько отличалось положение крестьян в западной Литве — Жемайтии. Великокняжеские крестьяне большей части Жемайтии были свободны от барщины. Среди крестьян Жемайтии существовала довольно значительная прослойка военных слуг, которые хотя и не были шляхтичами, но не сливались с тяглыми крестьянами. С другой стороны, здесь было довольно большое количество мелких шляхтичей, не имевших зависимых крестьян. Поэтому система поборов с крестьян, установленная в начале XV в., отличавшаяся большой примитивностью, сохранилась и в XVI в. Наибольшим, а в великокняжеских волостях и основным побором с жемайтских крестьян была «поседь», т. е. кормы и подарки старосте, который управлял Жемайтией, и его наместникам или своим феодалам при регулярном посещении ими волостей. Такой способ собирания поборов легко вырождался в непомерное вымогательство и прямой грабеж населения. После смерти в 1527 г. влиятельного пана старосты Станислава Яновича Кезгайла в непосредственном заведывании его преемника было оставлено лишь около $^1/_3$ великокняжеских волостей в Жемайтии; остальные волости были взяты великим князем в свое управление. В этих волостях вместо примитивной системы поседей был установлен денежный оброк в зависимости от размеров крестьянского хозяйства, побор «от сох»: от воловой сохи по 30 грошей, а от конской сохи 15 грошей. Ответом на это усиление эксплуатации были открытые выступления крестьян. В 1529 г. поседные бояре и вся Ойрагольская волость отказались давать побор от сох и обратились с жалобой к великому князю. Мелкие столкновения происходили до 1535 г. С этого времени сопротивление крестьян феодалам стало сопровождаться многочисленными убийствами представителей волостной и панской администрации. Великий князь специально поручил вновь назначенному жемайтскому старосте подавить волнения и обратился с воззванием к местной шляхте помочь в этом старосте, действуя в отношении крестьян «без всякого милосердия». В конце 1536 г. крестьяне северной Жемайтии

[1] *K. Jablonskis.* Lietuvos valstiečių kova prieš feodalų priespaudą iki valakų reformos. (Lietuvos Istorijos Instituto Darbai, t. I, 1951, стр. 61—63) (К. Яблонскис. Борьба литовских крестьян против феодального гнета до волочной реформы) (на литовском языке). «Ученые записки Института истории Литвы», т. 1, 1951.

восстали против тивунов и наместников волостей Тельшевской, Биржинянской, Тверовской и Вешвенской и убили в этих волостях 22 человека — наместников и их помощников. Восстание было подавлено, хотя и в 1537 г. крестьяне некоторых жемайтских волостей отказались явиться на обычную перепись феодальных повинностей[1].

Несмотря на скудость известий, видно, что антифеодальное движение жемайтских крестьян в 1535—1537 гг. было наиболее значительным из крестьянских движений в Литве в XVI в.

* * *

В XVI в. в Литве развивался процесс общественного разделения труда, углублялось отделение ремесла от земледелия, росли торгово-ремесленные местечки и города. Вильнюс, Каунас, Тракай с конца XIV или с начала XV в. пользовались магдебургским правом. Шляхта, духовенство и зависимое от них население, проживая в городах и пользуясь иммунитетом, не платили налогов, не подлежали суду и не подчинялись городской администрации. Это тормозило развитие городов, ремесла и торговли и порождало острые социальные противоречия и столкновения.

От управления городскими делами, а также от распоряжения городскими финансами были устранены не только городской плебс, но и рядовые горожане (так называемое поспольство). Представители магистрата бесконтрольно пользовались городскими денежными суммами и эксплуатировали рядовых горожан. Столкновения между поспольством и патрициатом в городе Вильнюсе в 20-х годах XVI в. переросли в острую борьбу между ними. В 1536 г. поспольству удалось несколько расширить свои права. Было постановлено, что представители поспольства — купцы, торговцы, ремесленники должны принимать участие в решении вопроса о введении новых налогов и в проверке расходования городских средств[2]. Однако управление городом осталось попрежнему в руках местного патрициата.

Население городов и местечек, не пользовавшихся магдебургским правом, обычно занималось содержанием корчем и варкой пива и меда, ремеслами, а также торговлей и одновременно земледелием. Его экономическое и правовое положение мало отличалось от положения крестьян.

Борьба этих местечковых жителей против усиления феодального гнета сливалась с борьбой, которую вели против своих угнетателей крестьяне.

* * *

Образование Русского централизованного государства поставило вопрос о русских, украинских и белорусских землях, захваченных в свое время Литвою[3]. Начались многолетние войны за эти земли с Великим

---

[1] *К. Яблонскис.* Указ. соч., стр. 63—84.

[2] «Собрание древних грамот и актов городов: Вильны, Ковна, Трок...», ч. 1, Вильно. 1843, № 27, стр. 51—60.

[3] Ср. гл. 1, § 9 настоящего издания.

Башня («Острые ворота») и часть городовой стены в Вильнюсе

княжеством Литовским. При активном участии русского, белорусского и украинского народов, страдавших под игом литовских панов, широкая восточная окраина Великого княжества Литовского с такими центрами, как Новгород-Северский, Брянск, Орша, Смоленск, Торопец, по договорам 1494, 1503 и 1522 гг. отошла к Русскому государству. Однако в составе Великого княжества Литовского, кроме литовских земель, еще остались почти все белорусские земли и значительная часть земель украинских, борьба за которые продолжалась в XVI—XVII вв.

С избранием великого князя литовского Александра в 1501 г. королем Польши была сделана попытка восстановить польско-литовскую унию.

Согласно условиям, заключенным в Мельнике, оба государства должны были иметь общего короля, общий сейм и единую денежную систему. Однако отношения господствующего класса в каждом из государств к вопросу об унии были различны. Польские феодалы стремились к наиболее тесной унии, которая дала бы им возможность установить свое господство над украинскими и белорусскими землями Великого княжества Литовского. Наоборот, литовские феодалы хотели, сохранив свою независимость, получить от Польского королевства военную и финансовую помощь в войне с Русским государством. Не получив по Мельникской унии никакой реальной военной помощи от Польши, литовские феодалы оставили это соглашение без утверждения (сеймом). Впоследствии вопрос об унии поднимался и великим князем и представителями польского сейма неоднократно, но до середины XVI в. он так и не был решен.

Господствовавший в Литве класс феодалов состоял из двух основных групп: с одной стороны, крупных феодалов — родовитых панов и князей, с другой — средних, а также мелких феодалов, шляхты — бояр, которые к середине XVI в. стали называться земянами; к ним примыкала шляхта, не имевшая зависимых крестьян, но пользовавшаяся правами мелких феодалов. Из панов комплектовались высшие государственные сановники и наиболее крупные областные правители (воеводы, старосты, державцы, наместники), паны принимали непосредственное участие в управлении государством, они обладали обширными вотчинами, в которых пользовались иммунитетом.

Еще при великом князе Казимире (1440—1492) образовалась Панская Рада (совет), сделавшаяся органом крупной феодальной знати. По земскому привилею 1492 г. великокняжеская власть была поставлена под контроль панов радных[1].

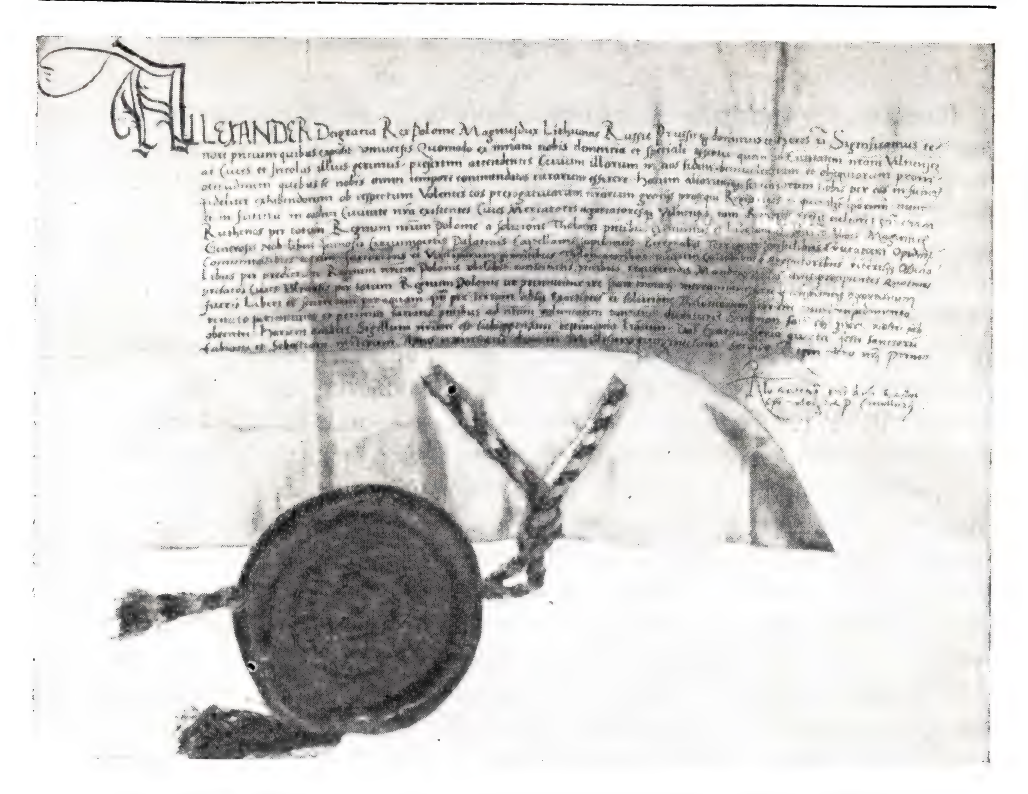
Рост экономического и политического влияния шляхты сделался особенно заметным в конце XV в. Правительство великого князя Александра должно было считаться с шляхтою, от которой требовалось согласие на военные налоги. Шляхта стала привлекаться к участию в сеймах, на которых решались вопросы о военных налогах, падавших главным образом на крестьян, о войне и мире, о новых законах.

Представителям шляхты удалось добиться принятия в 1529 г. Статута, который позднее был назван Первым или Старым. Источниками Статута, кроме земских привилеев и некоторых отдельных законодательных актов, было обычное право разных областей Великого княжества, в частности русских, белорусских и украинских, право Русской Правды.

До Статута в Литве существовал суд областных правителей (т. е. панский), но без участия шляхтичей. Паны были неподсудны этим областным судам. После введения Статута областные правители обязаны были на-

---

[1] Подробнее об этом см. «Очерки истории СССР. Период феодализма» (IX—XV вв.), ч. II, М., 1953, стр. 555—556.

ALEXANDER Dei gratia Rex Polonie Magnus dux Lithuanie Russie Prussie

Грамота великого князя Александра вильнюсским купцам, 1502 г.

значать в качестве судей двух представителей местной шляхты, которые судили бы совместно с ними. Статут признал за всеми феодалами — панами и боярством — полноту власти над крестьянами и иммунитет. Таким образом, Первый Литовский Статут выражал классовые интересы феодалов Великого княжества Литовского и тем самым содействовал укреплению феодального базиса. Однако Статут не разрешил сложных вопросов судоустройства, связанных с внутриклассовой борьбой среди литовских феодалов.

Шляхта не удовлетворилась участием в суде по назначению. Она стала требовать таких же прав, какими обладала польская шляхта, т. е. суда, избираемого всеми феодалами, который судил бы и панов и бояр, а также участия в сейме не в результате назначения или приглашения представителей шляхты, а путем выбора их самою шляхтою. На сеймах, начиная с 1544 г., шляхта выдвигала требование исправления Статута. Правительство вынуждено было согласиться с этим требованием и назначить комиссию, главным образом из представителей шляхты, для пересмотра Статута. Таким образом, к середине XVI в. в условиях обострявшейся классовой борьбы и бесконечных войн с соседними государствами назревала консолидация различных слоев класса феодалов в одно сословие с одинаковыми правами.

* * *

Развитие товарно-денежных отношений оказывало влияние на феодальное хозяйство, способствуя развитию производительных сил и вместе с тем побуждая феодалов усиливать эксплуатацию. Старинное землепользование и приспособленные к нему методы феодальной эксплуатации не давали возможности значительно увеличить феодальную ренту без проведения существенных преобразований в этой области. Стремление пополнить казну, истощенную длительными войнами, также заставляло правительство Великого княжества приняться за реформы. Для увеличения поступлений с крестьян правительство Сигизмунда-Августа, начиная с 1547 г., приступило к реформе крестьянского обложения в великокняжеских волостях Литвы и соседних белорусских областей, основанной на изменении системы крестьянского землепользования. Эта реформа, получившая название волочной, была затем распространена и на другие области Великого княжества. Ее последствием являлось укрепление феодальной собственности на землю. Отдельные крестьянские земельные участки, образовавшиеся главным образом путем разработки лесов и кустарников, были отобраны в общий земельный фонд. Из него были образованы ногые довольно значительные участки, обычно разделенные на три поля, размеренные на одинаковые полосы, которые отдавались в надел крестьянам. Каждому отдельному крестьянскому двору выделяли обыкновенно три полосы в трех полях, составлявшие в общем одну волоку, равнявшуюся 30—33 моргам, т. е. около 20,3 га. Крестьянские дворы переносились, как правило, в среднее поле, причем так, что образовывались деревни, редко превышавшие 40—50 дворов. Рядом с землями, предоставляемыми в надел крестьянам, при волочном измерении выделялась и господская пашня, зачастую на том же месте, где она была и до этого.

Повинности на крестьян, поселенных в волочных деревнях, стали налагаться соответственно размеру и отчасти качеству отведенной крестьянам земли вместо прежнего обложения по «службам», дворам или количеству рабочего скота[1]. Так как обложение было увеличено и повинности взимались главным образом деньгами, господарская казна после производства реформы стала получать гораздо бо́льшие суммы, чем до этого.

Замена многих разбросанных в разных местах земельных участков полосами, лежащими невдалеке, вполне соответствовала уже наиболее распространенному трехпольному севообороту, и обработка правильных трехпольных участков в общем требовала меньшей затраты рабочей силы и давала бо́льшие урожаи. Поэтому волочная реформа, по крайней мере на первых порах, содействовала развитию производительных сил.

К 1560—1565 гг. почти все великокняжеские волости Литвы были измерены, а землеустройство крестьян было в них завершено. Волочная

[1] «Литовская метрика». РИБ, т. 30, Юрьев, 1914, стб. 542—590.

реформа уничтожила право распоряжения крестьян своими земельными участками, предоставив им взамен в пользование земельные наделы с условием уплаты феодальной ренты. Реформа давала феодалам возможность произвольно изменять формы и размеры феодальной ренты путем изменения установленных повинностей, падавших на одну волоку. Волочная реформа знаменовала дальнейший этап развития феодально-крепостнических отношений в литовской деревне.

Волочная реформа введена была первоначально в великокняжеских волостях, но выгодность для феодалов новой системы обложения крестьян была так очевидна, что уже во второй половине XVI в. почти все феодалы Литвы, за исключением мелкой шляхты, произвели в своих имениях волочную реформу и приняли основные ее положения.

В середине XVI в. в Литве происходит, в результате уравнения прав средней и мелкой шляхты с правами панов, образование единого шляхетского сословия. Это было, несомненно, победой шляхты, ускоренной ходом Ливонской войны, в которую было втянуто Литовское государство благодаря захватнической политике феодалов. Шляхта очень скоро почувствовала разорительные последствия этой войны для своего хозяйства и решительнее стала заявлять свои политические притязания. Она потребовала уравнения своих прав с правами панов и создания шляхетского суда, какой был в Польше. Настойчивые требования шляхты заставили панов пойти ей на уступки.

В 1566 г. был утвержден новый (второй) Статут, свидетельствовавший о консолидации господствующего класса феодалов, которая была проведена за счет усиления крепостнического гнета. По новому Статуту, кроме крупных территориальных единиц (воеводств) и мелких (волостей), были образованы поветы. Вся шляхта каждого повета представляла собой сословную корпоративную организацию со своим органом — сеймиком, собиравшимся для выборов представителей на сейм и кандидатов в члены шляхетского суда, для обсуждения местных сословных дел и т. д. Сейм, состоявший из избранных шляхтою представителей, стал законодательным органом — без его постановлений не могли устанавливаться налоги и законы. С образованием общешляхетского Сейма Панская Рада утратила свое исключительное положение в государстве. Однако паны и после шляхетской реформы остались главными областными правителями. Вместе с тем они стали руководителями всей шляхты. Было подтверждено, что на государственные должности могли назначаться только шляхтичи.

Классовый смысл шляхетской реформы, направленной на укрепление феодальной надстройки, в Статуте 1566 г. выражен с необычайной яркостью.

Вопрос об унии с Польшей шляхта поднимала не только для укрепления равноправия всех групп класса феодалов, но и ввиду невозможности собственными силами выдержать напор русских войск. Согласно унии 1569 г. король должен был избираться совместно шляхтою Польши и Литвы, устанавливался общий Сейм представителей польско-литовской

шляхты, вводилась общая монетная система. Единой должна была быть внешняя политика. Некоторые органы власти, войско и правовые нормы каждая из сторон сохраняла свои. Так как каждый депутат Сейма обладал правом вето, то преобладание польской шляхты в Сейме не давало ей перевеса при решении вопросов, касавшихся шляхты Великого княжества Литовского.

* * *

Во второй половине XVI в. в социально-экономическом строе Литвы происходили дальнейшие изменения, обусловленные развитием товарно-денежных отношений в рамках феодального хозяйства.

Вызванные волочною реформою тяготы переселения и освоения крестьянами нередко мало обработанных земель к 70-м годам XVI в. были преодолены; сельское хозяйство стало усиленно развиваться. Развитию сельского хозяйства способствовал спрос на зерновые и мясные продукты на внутреннем рынке. Немалое значение для увеличения спроса на зерно имел возросший с середины XVI в. его экспорт из Великого княжества Литовского. Крупные помещики отправляли хлеб в портовые города без уплаты таможенных пошлин. Более мелкая шляхта и крестьяне обычно продавали хлеб местным купцам, которые также значительную часть его переправляли в портовые города.

В условиях развития товарного производства крепостное хозяйство постепенно перестраивалось. Повысилась ценность земли. В 1566 г. шляхте было разрешено бесконтрольно распоряжаться своими земельными владениями. Товарное производство все более и более охватывало и помещичье и крестьянское хозяйство и вызывало увеличение помещичьей запашки и рост ренты. Крестьянские наделы стали уменьшаться. Вместо нормального надела в одну волоку в середине XVI в. нормальным крестьянским наделом к началу XVII в. стал участок в $^1/_2$ или в $^1/_3$ волоки, но повинности с уменьшенных наделов оставались, как правило, те же самые. Одновременно возрастала господская запашка. Кроме пашни в основном имении, которая была и в середине XVI в., помещики заводили на бывшей надельной земле дополнительные мелкие господские хозяйства, фольварки, на барщинную работу в которых привлекались окрестные крестьяне. Таким образом, к началу XVII в., вследствие приспособления помещичьего хозяйства к товарному производству, положение крестьян резко ухудшилось.

Увеличение феодального гнета вызывало сопротивление крестьян. Обычно это были отдельные стихийные выступления, число которых, однако, все более и более увеличивалось.

В 1578 г. восстали крестьяне в пограничной с Пруссией Юрборской волости. Против восставших были направлены военные силы. Наиболее активные участники движения бежали за границу. Около того же времени произошли волнения войшвидовских крестьян Румшишской волости. В 1590 г. выступили пернаровские крестьяне Вилькейской волости,

в 1602 г. лесники (осочники), а в 1609 г. крестьяне с. Гучкампис той же волости. Таких движений было очень много. Крестьян подвергали аресту, держали в заключении, избивали, налагали секвестр на их скот и другое имущество, чтобы заставить их выполнять повинности. Однако отдельные крестьянские жалобы и требования землевладельцы были принуждены удовлетворять. Выступления литовского крестьянства, происходившие в годы польско-литовской интервенции в Русское государство, объективно способствовали срыву планов захватчиков и тем самым оказывали помощь русскому народу.

Наряду с усилением эксплуатации крестьян и подавлением прав горожан, шляхта стремилась к расширению своих сословных привилегий.

Выборный шляхетский суд, установленный в 1566 г., не вполне удовлетворял шляхту, так как апелляционные жалобы на решения этого суда могли подаваться лишь великому князю, который их разбирал совместно с панами рады. Поэтому в 1581 г. был образован Верховный трибунал, члены которого ежегодно избирались на поветовых сеймиках шляхтою. Трибунал рассматривал апелляционные жалобы на решения шляхетских судов. Таким образом, судебная зависимость шляхты от панов рады прекратилась.

Польская шляхта стремилась сделать не только Украину, но и Великое княжество Литовское объектом своих колонизационных стремлений. Литовские паны и шляхта, стремясь к укреплению своих феодальных привилегий внутри страны, принимали меры к их охране от посягательств польской шляхты.

После смерти Сигизмунда-Августа в 1572 г., в XVI в. три раза происходили выборы короля. Во всех этих выборах литовская шляхта в массе не участвовала. Однако избранным польскою шляхтою кандидатам она предъявляла требования об утверждении тех или иных государственных прав Великого княжества Литовского в качестве непременного условия признания их монархами. Так, для обеспечения себе поддержки литовских феодалов Сигизмундом III была утверждена в 1588 г. новая редакция литовского Статута (третий Статут), в котором еще полнее отразились привилегии класса феодалов Великого княжества Литовского. На польских шляхтичей в Литве привилегии этого Статута не должны были распространяться. Подобными политическими выступлениями литовская шляхта пыталась укрепить свои классовые позиции.

Вместе с тем постепенно развивалось политическое сотрудничество литовской и польской шляхты. При Сигизмунде III, который нередко проявлял абсолютистские тенденции, польская и литовская шляхта сообща выступала против короля. Поэтому, в конце концов, общие классовые интересы, общее противодействие попыткам королей усилить свою власть привели к тому, что польская шляхта и шляхта Великого княжества Литовского образовали пользовавшееся всеми личными и политическими правами господствующее сословие Речи Посполитой, в противоположность крестьянам и горожанам, не обладавшим этими правами.

Литовские магнаты и значительная часть шляхты совместно с польскими феодалами принимали участие в интервенции в Русское государство в начале XVII в. Однако в результате героической борьбы русского народа захватчики были выброшены из пределов Русского государства.

* * *

Вековые связи литовского народа с русским, белорусским и украинским народами имели громадное значение для культурного развития литовского народа, который усвоил от русских многие стороны материальной и духовной культуры. Русская письменность в Великом княжестве Литовском была основной деловой письменностью. Русскому письменному языку и русской грамоте обучали не только писцы и дьяки, но он преподавался и в школах. Школы в XVI в. имелись в таких городах, как Вильнюс, где было довольно значительное белорусское население, и в тех областях Великого княжества, где русских жителей почти не было,— в Каунасе, даже в Жемайтии.

Среди памятников русской письменности, оказавших сильное влияние на развитие литовской культуры, особенно большое значение имели летописи и памятники законодательства.

На основе русского летописания уже в XV в. в Великом княжестве Литовском стали составляться местные летописи, предназначенные для идеологического укрепления литовской феодальной государственности. Позднее эти так называемые литовские летописи пополнялись и перерабатывались местными летописцами.

Другими памятниками письменности были правовые кодексы — Литовские Статуты, написанные на русском языке. Если Литовские Статуты были одним из наиболее выдающихся памятников законодательства Восточной Европы в XVI в., то в значительной мере потому, что при составлении их были использованы нормы древнерусского права и довольно развитая русская юридическая терминология.

Реакционную роль в развитии культуры в Литве играл католицизм, представляющий собой орудие идеологической агрессии Ватикана. К XVI в. в Литве сложилось значительное церковное землевладение. Доходные места в литовской церковной организации захватывались главным образом польским духовенством. Эти пришлые священники совершали церковные обряды на чуждом народу латинском языке. Они содержали целый штат заместителей (викариев) и собирали доходы со своих духовных поместий и поборы с населения своих приходов, главным образом с крестьян. Крестьяне, а также отчасти мелкая шляхта (числившаяся католиками) до середины XVI в. зачастую не имели и понятия о католическом вероисповедании, зная о нем только то, что священнику нужно приносить определенные подношения, кроме тех, которые давались феодалам.

Кроме русских школ и дьяков, обучавших русской грамоте, в начале XVI в. школы в Литве были только при немногих наиболее значительных католических церквах, в них преподавался латинский язык и основы схо-

ластической «науки». Но число учащихся в них было совершенно незначительно. Обучались там главным образом дети шляхтичей и отчасти горожан.

Католичество, по крайней мере до середины XVI в., было распространено лишь среди крупных феодалов, панов и высшей шляхты, а также среди купцов и зажиточных горожан Вильнюса, Каунаса и других городов, т. е. людей, так или иначе владевших, кроме литовского, и польским языком.

Таким образом, в XV — первой половине XVI в. у литовцев были две культуры: культура феодалов и городской верхушки, получившая в большей или меньшей степени реакционную католическую окраску, и культура народа — крестьян и городской бедноты, слабо затронутых католицизмом. Поэтому, когда в первой половине XVI в. в Литву стали проникать протестантские учения, которые были направлены против привилегий католической церкви и господства католического клира, они встретили в известной мере сочувствие среди литовских феодалов и среди горожан, но почти не затронули крестьян.

В середине XVI в. среди панов и средней шляхты в Литве распространились реформационные идеи, основанные на учении Кальвина. Кальвинистами стали самые крупные и влиятельные литовские паны Радзивилы. С помощью реформации шляхта подорвала влияние католического клира на государственные дела. Право шляхты ведать вероисповеданием своих крестьян было зафиксировано в третьем Статуте 1588 г. Таким образом, литовская шляхта использовала реформационную идеологию как орудие политической борьбы за свои интересы против польских панов.

В 1547 г. в Кенигсберге был напечатан на литовском языке протестантский катехизис, приготовленный Мажвидасом. Появление книгопечатания на литовском языке содействовало развитию культуры литовского народа.

Во второй половине XVI в. в связи с обострением социальных противоречий в стране развитие реформационного движения в Литве охватило более широкие слои населения, проникнув в среду горожан. Особенно ярко это проявлялось в распространении радикального учения антитринитариев (ариан), к которому примкнули даже некоторые паны. Среди антитринитариев ясно обозначались два крыла: одно склонялось к богословскому рационализму, к отрицанию божественности Христа и т. д., другое — к социальному радикализму, непризнанию права владеть рабами и крепостными, т. е. к отрицанию основы феодального строя — феодального землевладения. Сторонниками социального радикализма были некоторые пасторы, а также представители мелкой и средней шляхты и горожан. Противоречия между этими двумя течениями в особенности резко проявились на синоде антитринитариев в Ивье в 1568 г., на котором в качестве представителей социального радикализма выступали Яков Калиновский и другие[1]. Антитринитарии подверглись преследованию со стороны не только католиков, но и представителей других протестантских вероисповеданий. Наиболее решительные сторонники антифеодальной идеологии

[1] *Szymon Budny.* O urżedzie miecza używającem (1583). Варшава, 1932, стр. 180—216.

выселились из Литвы еще в XVI в., другие были вынуждены прекратить свою деятельность.

Конец XVI и начало XVII в. были временем католической реакции в Литовском княжестве, которая приостановила распространение протестантизма.

Воинствующие католики решили взять школьное дело в свои руки. Для борьбы с усиливавшимся протестантизмом виленским епископом были приглашены в 1569 г. иезуиты, которые при содействии католического клира и короля основали в 1570 г. в Вильнюсе коллегию с числом учащихся в 700 человек. Эта коллегия в 1578 г. была преобразована в высшее учебное заведение — Академию. Проводники агрессии Ватикана — иезуиты — старались посредством школ распространить свое влияние на высшие слои класса феодалов. Впоследствии коллегии стали основываться иезуитами и в других городах.

Католический клир старался восстановить свои позиции посредством не только школы, но и печати. В Вильнюсе типография существовала уже в 1525 г., когда Скорина напечатал в ней на русском языке «Апостол» и другие книги, предназначавшиеся главным образом для белорусских и украинских читателей. Но эта типография, игравшая прогрессивную роль в распространении в Литве русского влияния, вскоре заглохла. Потом типографии в Великом княжестве Литовском стали устраиваться при дворах панов; в них печатались главным образом протестантские духовные книги и полемические сочинения на польском языке для шляхты как литовской и белорусской, так и польской. В Вильнюсе типографии появились снова с 1575 г. В 1585 г. иезуиты в противодействие протестантскому влиянию издали перевод католического катехизиса. В 1595 г. был издан перевод на литовский язык другого католического катехизиса, сделанный жемайтским каноником М. Даукшою, который перевел также на литовский язык сборник проповедей. В предисловии к нему автор сетовал на то, что шляхта начинает забрасывать свой родной язык ради польского. Переводы Даукши, преследовавшие цели католической пропаганды, имели, однако, известное положительное значение с точки зрения развития литовского языка.

Эти католические издания побудили и кальвинистов тоже выступить с соответствующими изданиями на литовском языке. В 1598 г. был издан кальвинистский катехизис на польском и литовском языках, а в 1600 г. кальвинистский сборник проповедей. По литературным достоинствам эти издания уступают переводам Даукши.

В середине XVI в. наблюдалось оживление политической мысли литовской шляхты. В 50—70-х годах появился ряд сочинений, выражавших политические настроения шляхты, отстаивавшей свои феодальные привилегии в борьбе с польскими панами. Около 1550 г. было написано сочинение Михаила Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян», сохранившееся только в отрывках. В этом трактате автор резко критикует политический строй Великого княжества Литовского, во многом противопостав-

ляя литовским порядкам московские. Радзивилами были изданы некоторые сочинения Ротундуса, Волана и других лиц, в том числе в 1562 г. написанный на польском языке анонимный «Разговор поляка с литовцем» — произведение, направленное против нападок польского политического писателя Ожеховского, в защиту достоинства Литовского государства и в защиту прав литовской шляхты. В 1582 г. в Кенигсберге издал на польском языке «Кронику польскую, литовскую, жемайтскую и всей Руси» М. Стрыйковский.

Литовское крестьянство и в XVI в. продолжало выражать свои вековые чаяния в устном поэтическом и музыкальном творчестве. Эта культура развивалась во взаимодействии с культурой народов русского, украинского и белорусского.

5
ЛАТВИЯ

Историческое развитие латышского народа в конце XV—начале XVII в. происходило в очень тяжелых условиях, характеризующихся ростом классовых противоречий между феодалами и эксплуатируемыми массами крестьян. Классовые противоречия в Латвии были тесно связаны с национальными, ибо феодалами в Латвии были немцы, а крестьянами—латыши.

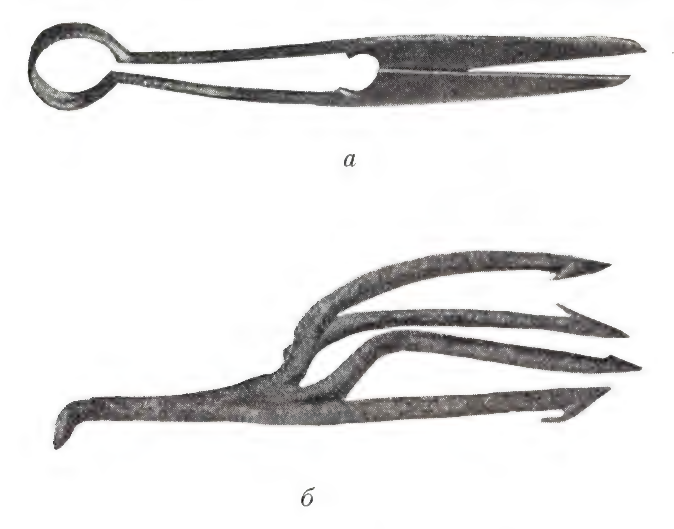
В условиях тяжелого классового и национального гнета в XIII—XVI вв. произошло слияние в одну латышскую народность отдельных этнических групп (латгалы, селы, земгалы, курши), процесс объединения которых начался еще до XIII в., т. е. до вторжения немецких феодалов. Все эти этнические группы мало отличались между собой по языку. Политические границы феодальных государств не могли помешать тесным связям населения. Город Рига был в значительной степени экономическим центром Латвии, через который шла вся внешняя торговля. В области культуры также обнаруживалась все большая общность, объединявшая отдельные этнические группы. Процесс образования латышской народности был ускорен потребностью совместной борьбы против немецких феодалов. Окруженные латышами, этнически близкие эстонцам ливы олатышились и постепенно также влились в состав латышской народности. Летописец Дионизий Фабрициус в своей хронике (ок. 1610 г.) называет уже всю территорию, населенную латгалами, земгалами, селами, куршами, а также ливами,— одним словом «Латвия» (Lothavia)[1]. Латышская народность в дальнейшем своем развитии послужила основой образования латышской буржуазной нации.

* * *

С конца XV в. экономика Латвии переживала быстрый подъем. Этому в значительной мере содействовали мирные отношения с Русским государством, длившиеся более пятидесяти лет (1503—1558), ибо благосостояние Латвии зависело от торговли с ее восточным соседом.

---

[1] «Scriptores rerum Livonicarum», т. II, Рига, 1853, стр. 439.

а — ножницы для стрижки овец, XVI в.; *б* — острога для ловли рыбы, XVI в.
Государственный Исторический музей в Риге.

Большое влияние на экономическое развитие Латвии имели также наблюдавшиеся в то время новые социально-экономические явления в Западной Европе. В связи с увеличением спроса на хлеб в Западной Европе цены на этот товар в первой половине XVI в. на международном рынке повысились более чем вдвое, что благоприятно повлияло и на производство хлеба в Латвии.

Стремясь увеличить свои доходы, феодалы непрерывно расширяли барскую запашку, сгоняя крестьян с их наделов или присоединяя к своему хозяйству крестьянские дворы, заброшенные по случаю войны, голода или эпидемий. Барщина в середине XVI в. достигла уже 300 дней в году с хозяйства величиной в одну соху (лат. arkls), или гак. Держатель полного надела (гака) должен был специально выставлять одного человека с лошадью для исполнения работ в имении. В страдную пору, во время сезонных работ (уборка сена и хлеба), феодалы устраивали «толоки», на которые, помимо обычных крестьян-барщинников, привлекались и другие работники. Кроме довольно высокой ренты продуктами, крестьяне должны были уплачивать многочисленные налоги.

Города как центры ремесла имели в это время в Латвии сравнительно небольшое значение, потому что деревня обходилась главным образом изделиями сельских ремесленников. Часть нужных орудий труда и предметов домашнего обихода изготовляли крестьяне, отдавая их в виде феодальной ренты феодалу (например, деревянную посуду, веревки, пряжу и пр.). Ремесленные изделия в городах покупали главным образом феодалы. В самом большом городе Латвии — Риге ремесленники работали преимущественно или для нужд самих горожан, или для рижского экспорта (кожевники, скорняки, прядильщики и трепальщики пеньки и др.). Вместе

Замки и ключи, XV—XVI вв.
Государственный Исторический музей в Риге.

с рижской торговлей развивались и новые отрасли ремесла. О развитии ремесла в Риге в XIV—XVI вв. свидетельствует тот факт, что в XIV в. там насчитывалось 8 цехов ремесленников, в XV в. —13, а в XVI в.—уже 21 цех [1]; число ремесел и промыслов в Риге в XV—XVI вв. было свыше 150.

Внутренняя торговля в Латвии в XV в. была развита сравнительно слабо, потому что изделия городских ремесленников в связи с большим удельным весом сельского ремесла не находили сбыта в деревне. Большее значение имели только те товары, которые ввозились из других стран, как, например, соль и металлы. Крестьяне могли вывозить в города только ту часть продуктов, которая оставалась у них после уплаты феодальной ренты. Когда в XVI в. товарообмен между деревней и городом увеличился, феодалы стремились захватить его в свои руки, запрещая крестьянам продавать их продукты непосредственно в городах. Города протестовали против этого. Началась длившаяся около трехсот лет борьба между дворянством и городами за так называемую крестьянскую торговлю.

Внешняя торговля Латвии шла главным образом через Ригу, остальные латвийские города обслуживали рижскую торговлю. Вначале воск и пушнина (повидимому, также серебро и золото), а позже смола, лен, пенька и хлеб были теми товарами, которые привлекали внимание западных купцов и определяли международное значение Риги. Эти товары главным образом привозились в Ригу из областей верхнего течения Даугавы (Двины),

---

[1] *W. Stieda* und *C. Mettig*. Schragen der Gilden und Aemter der Stadt Riga bis 1621. Рига, 1896, стр. 113 и 116.

населенных белорусами и русскими. Благосостояние Риги и других ливонских городов в значительной степени зависело от той посреднической прибыли, которую они получали от перепродажи в Западной Европе сельскохозяйственных продуктов, вывозимых из русских земель. На этом не только наживались купцы. Многие латышские работные люди зарабатывали средства к жизни, обслуживая оживленную транзитную торговлю. Через Ригу шел также и товарообмен между Ливонским орденом и Рижским архиепископством, с одной стороны, и странами Западной Европы, с другой. С запада ввозились, главным образом, соль, сельдь, ткани, пряности, некоторые ремесленные изделия и другие товары.

С середины XIV в. торговлю в Риге захватила в свои руки организация немецких купцов — Большая гильдия, которая стремилась сделать торговлю своей монополией. Одним из средств для достижения этой цели было запрещение гостям, т. е. приезжим купцам, торговать в Риге друг с другом. Посредниками должны были обязательно быть рижские купцы — члены Большой гильдии. Латышам было запрещено заниматься торговлей в Риге. Несколько позже было вынесено запрещение обучать русскому языку нидерландцев, чтобы они не могли торговать с русскими без посредничества рижских купцов. Несмотря на эти запрещения, русские и латышские купцы принимали участие в рижской торговле, о чем свидетельствует создание особого цеха русских розничных торговцев в Риге в 1522 г. [1], а также многократные повторения о запрете латышам заниматься торговлей [2].

Состоя с конца XIII в. членом Ганзейского союза, Рига стремилась прежде всего обеспечить свои торговые интересы. Начиная с XV в., рижские купцы установили тесные торговые связи с нидерландскими купцами, хотя последние были опаснейшими конкурентами самой Ганзы. Несколько раз Ганза пыталась запретить нидерландцам въезд в Балтийское море. Однако Рига и другие города Латвии противились этому, потому что нидерландские корабли перевозили товары гораздо дешевле, чем корабли ганзейских городов. Рижские купцы стремились также полностью вытеснить из торговли по реке Даугаве купцов ганзейских городов. В результате столкновений на этой почве в первой половине XVI в. дважды (в 1509 и 1524 гг.) закрывался для рижской торговли Зунд — выход из Балтийского моря в океан.

Экономический подъем Латвии в первой половине XVI в. сказался в развитии денежного обращения. Кроме серебряных, появились золотые монеты. С ростом товарного хозяйства развивались также кредитные операции. В роли кредиторов выступали рижские купцы, но особенно крупными ростовщическими операциями занимались епископы, церкви и монастыри. Одновременно росла задолженность помещиков, не умевших в достаточной степени приспособиться к развивающимся товарно-денежным

---

[1] *W. Stieda* und *C. Mettig*. Указ. соч., стр. 367—369.

[2] «Akten und Rezesse der livländischen Ständetage», т. III, Рига, 1910, № 301, § 62; № 304, § 10.

Медная чеканная тарелка, XVI в.
Государственный Исторический музей в Риге

отношениям. За долги помещиков должны были расплачиваться своим трудом крепостные крестьяне.

С усилением эксплуатации крестьян в связи с расширением площади господских полей увеличилось также и сопротивление крестьян феодальному гнету. Оно выразилось, прежде всего, в побегах. Крестьяне, находившиеся под тяжелым бременем барщины, покидали свои дворы и отправлялись на чужбину в поисках лучших условий жизни. Помещики старались всеми средствами ограничить свободу передвижения крестьян и прикрепить их к своим имениям. Во второй половине XV в. в Латвии юридически оформилось крепостное право, которое в письменном виде было впервые сформулировано в «договорах» о выдаче беглых крестьян. Был учрежден особый суд по делам о беглых крестьянах, так называемый гакенгерихт (суд сохи). Гакенрихтер (судья) устанавливал принадлежность крестьянина к определенному имению на основании вакенбуха (списка плательщиков оброка) или земельной книги.

Вначале это ограничение права перехода крестьян касалось только хозяина двора и его жены, потом его начали распространять также на

детей и братьев дворохозяина. Со второй половины XV в. было установлено, что крепостные крестьяне передаются по наследству из рода в род, так же как родовые имения, откуда и появилось название наследственные люди (Erbleute) или наследственные крестьяне, т. е. крепостные (Erbbauer). В ходе процесса закрепощения ранее распространенная группа зависимого населения (холопы, или дрелли) растворилась в общей массе крепостного крестьянства.

Дальнейшим последствием ограничения свободы передвижения крестьян было усиление их личной зависимости от помещиков, которые стали их продавать, менять, дарить или отдавать в заклад[1]. Особенно это проделывалось с бобылями.

Опасаясь вооруженного восстания крестьян, в 1507 г. очередной ландтаг ливонских сословий в Валмиере постановил: «Если кто-либо из крестьян станет носить оружие — копья, боевые топоры или что-либо другое, то это нужно у него отнять, самого же крестьянина арестовать, о чем известить его господина»[2].

Часть крестьян в поисках лучших условий жизни уходила от помещиков в города, надеясь обрести там свободу. Феодалы, используя свое политическое влияние, стремились принудить города заключать договоры о выдаче беглых. В конечном счете города должны были уступить требованиям феодалов.

Со второй половины XV в. шел процесс социальной дифференциации латышских крестьян. Крестьян, владевших полным наделом, или гаком, было незначительное количество, большинство из них имело хозяйства величиной в полгака или четверть гака. Довольно распространенным явлением было держание одной восьмой гака; держатели такой доли надела именовались осьмидольниками. Кроме массы дворохозяев, были еще так называемые вольные крестьяне, которые отнюдь не были лично свободными, но освобождались от барщины. Состоятельные держатели крестьянских дворов обычно переводились на лейду, т. е. вместо натуральных повинностей платили денежный оброк. Низшую группу держателей наделов составляли бобыли или новоселы, которые селились в лесу или на земле, принадлежавшей другому, обычно более крупному крестьянскому двору.

С XVI в. в составе населения погоста появилась еще одна группа людей — «гулящие люди» (vaģinieki, gājēji). Само название показывает, что они не имели своих дворов, но нанимались в батраки к владельцам дворов. К середине XVI в. они также потеряли свободу передвижения. Помещики начали их распределять по крестьянским дворам, как людей крепостных, учитывая потребность держателей наделов в работниках.

---

[1] Первые документы такого рода сохранились начиная со второй половины XV в., см. например, «Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch nebst Regesten» (далее UB), 2 серия, т. 1, Рига—Москва, 1900, № 192, 266, 554, 596 и др., а в XVI в. число подобных документов быстро возросло.

[2] «Akten und Rezesse der livländischen Ständetage», т. III, № 36, § II.

Дом «Черноголовых» в Риге, XIV в. Фасад переработан в стиле «Северного возрождения» в 1619—1625 гг.

Под гулящими людьми стали понимать только тех безземельных, которые из-за болезни, инвалидности или по другой причине не служили батраками, а существовали разного рода случайными заработками. Они добывали средства для полуголодного существования, снимая приют у крестьян-хозяев — уголок бани или пристройку к риге.

Социальную дифференциацию и классовую борьбу в городах Латвии в XV и XVI вв. можно проследить по источникам только в наиболее крупном городе Латвии — Риге, где образовались те же социальные группы, наличие которых отмечает Энгельс в городах средневековья: патрициат, бюргерство и плебейство.

Наиболее состоятельными жителями Риги были купцы и ростовщики. Богатейшие фамилии горожан, составлявшие патрициат, уже в конце XIII и в начале XIV в. захватили в свои руки земельную городскую собственность и высший орган самоуправления Риги — рат (магистрат) и сделались ведущей силой в общественной жизни города, определявшей также и политические взаимоотношения Риги с заграничными городами.

Менее состоятельные купцы, собственники ремесленных мастерских и мастера с конца XIII в. решающего значения в политической жизни города не имели. Впоследствии из таких купцов и ремесленников образовалась вторая социальная прослойка горожан — бюргерство, которое боролось с патрициатом за политические права.

Рижские бюргеры были организованы в гильдии и цехи. Купцов объединяла Большая гильдия, а ремесленников — Малая гильдия. Члены Малой гильдии в свою очередь были организованы в более мелкие ремесленные объединения, или цехи (кузнецы, ткачи, кожевники, сапожники и т. д.), распорядок внутри которых определялся особыми установлениями, или шрагами. Торговлей и ремеслами самостоятельно могли заниматься только члены гильдий и цехов.

Третье подразделение городского сословия составлял низший слой жителей, или плебейская масса (домашняя прислуга и обслуживавшие торговлю транспортные рабочие). Они рекрутировались главным образом из беглых крестьян, укрывавшихся в Риге. Рижские купцы и цеховые мастера беспощадно их эксплуатировали, а в случае протеста с их стороны угрожали выдачей их в руки феодалов. К середине XVI в. было издано постановление о том, что никто из укрывающихся в Риге крестьян не может попасть в ремесленники или в транспортные рабочие, если он в течение по крайней мере пяти лет не проработает в качестве домашней прислуги. Транспортные рабочие, рыбаки, пчеловоды и другие горожане жили в пригородах, т. е. вне городских стен. В случае войны жители пригородов страдали больше других, ибо их имущество предавалось разграблению, а дома — огню.

Между всеми этими группами средневекового городского населения существовали противоречия, которые, так же как и в деревне, обострялись противоречиями национальными, ибо две высшие прослойки горожан состояли главным образом из немцев, а низшая — из латышей.

* * *

В 20-х годах XVI в. в Латвии, так же как и в других странах, где господствовала католическая церковь, развивалось реформационное движение, направленное против католической церкви. Так как в Латвии было мало городов и сравнительно слабо развита буржуазия, там укрепилось умеренное реформационное течение — лютеранство, которое со временем сделалось идеологией дворянства и немецких бюргеров. Влияние радикальных сект чувствовалось здесь неизмеримо слабее. Наиболее яркие события реформации в Ливонии связаны с борьбой между католическими владетелями территорий, епископами и Орденом, с одной стороны, и примкнувшими к лютеранству вассалами, купцами и ремесленниками, которые добивались для себя новых выгод и привилегий,—с другой.

Первый лютеранский проповедник в Риге Андрей Кнопкен, сын бедного померанского помещика, активно стал проповедовать лютеранство с 1521 г. Проповедники лютеранства вначале искали поддержку в тех слоях рижского населения, которые были наиболее заинтересованы в изменении существующего строя. Этим объясняется, что Кнопкен вступил в латышское братство грузчиков кораблей, а другой проповедник, Иоахим Моллер стал членом братства разносчиков пива.

Более бурный характер реформация приобрела годом позже, когда в Риге появился весьма радикально настроенный Сильвестр Тегетмейер, который был выходцем из среды бюргерства (он принадлежал по происхождению к гамбургским купцам). Тегетмейер в своих проповедях в резкой форме обличал католическую церковь. Сначала рижский совет (магистрат) относился к лютеранству сдержанно, опасаясь глубоких социальных перемен в Риге. Позже, учитывая консервативную позицию лютеранства в общественных вопросах, магистрат содействовал его распространению, ввиду тех преимуществ, которые оно давало в политической борьбе с архиепископом и Орденом.

Скоро в Риге появились и другие, еще более радикально настроенные проповедники реформации, среди которых наиболее видным был странствующий ремесленник Мельхиор Гофман. Весной 1524 г. началось уничтожение икон в рижских католических церквах. Успех реформации был обеспечен широким участием низших слоев рижского населения, для которых выступление против церкви было формой протеста против существующего порядка. Из Риги движение перебросилось также и в другие крупные города эстонской части Ливонии (Тарту, Таллин)[1]. Начались волнения крестьян, которые были направлены против крепостнического гнета.

Антифеодальные движения вызывали тревогу у лифляндских феодалов. В 1525 г. на ландтаге в Валмиере (Вольмар) вассалы пришли к соглашению с Орденом и епископами и решили приложить все силы к тому, чтобы

---

[1] См. подробнее гл. 5, § 6 настоящего издания.

сохранить существующий в Ливонии строй[1]. Наиболее радикальные проповедники реформации были изгнаны из Ливонии.

Ввиду наличия национальных противоречий в Латвии, немецкие ремесленники, купцы и другие сторонники реформации не смогли использовать латышские народные массы как союзников в борьбе с феодалами. Это ограничивало возможности немецко-бюргерской реформации в деле борьбы с феодалами и католической церковью. К тому же, с тех пор как Лютер в разгар крестьянской войны с Германией занял враждебную позицию по отношению к немецким крестьянам, ливонские феодалы сами решили поддержать реформацию. Помещики Латвии теперь убедились, что лютеранство для них не опасно. Реформация стала им даже выгодной. Во-первых, победа в Латвии лютеранства означала бы упразднение католического епископата и Ливонского ордена. Вассалы рассчитывали таким путем не только получить в частную собственность свои лены, но и захватить те земли, на которых до этого непосредственно вели хозяйство епископы и Орден. Лютеранские священники гораздо более зависели от местных помещиков, чем католические, и их легко можно было использовать в качестве средства воздействия на крестьян. Среди рыцарства быстро распространялось лютеранство. В число лютеран господа записывали также своих крестьян, не спрашивая на это их согласия. Около середины XVI в. большинство жителей Ливонии формально приняло лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран всей Ливонии[2]. Только епископы и орденское начальство оставались католиками вплоть до Ливонской войны.

Реформация была одной из причин, которая содействовала гибели Ордена. Однако окончательную его судьбу решила Ливонская война.

* * *

Когда началась война между Русским государством и Ливонией, на территории Ливонского ордена была произведена довольно широкая мобилизация крестьян. Но у крестьянского ополчения не было никакого желания сражаться за интересы крепостников. Ландскнехты ливонского войска силой врывались в деревни и крестьянские дворы, самовольно отнимали у жителей скот и продовольствие. Крестьян, которые сопротивлялись грабителям, убивали, а дома их сжигали. Все эти обстоятельства вызывали еще бóльшую ненависть крестьян к ливонским феодалам[3], все более склоняли крестьян на сторону русских, с которыми они связаны были давними узами дружбы. Понятно, почему крестьяне, собранные для защиты Алуксненского замка, отдали русским в 1560 г. его передовые укрепления без

---

[1] «Akten und Rezesse der livländischen Ständetage», т. III, № 208.

[2] «Monumenta Livoniae antiqua», т. V, Рига, 1847, № 266.

[3] *Я. Я. Зутис.* К вопросу о ливонской политике Ивана IV. «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 2. М., 1952, стр. 135.

борьбы[1]. Крестьяне охотно также передавали русским военачальникам секретные сведения о положении на местах, хотя в случае поимки им грозило за это четвертование.

Под угрозой полного разгрома, в обстановке нараставшего крестьянского движения ливонские феодалы лихорадочно искали выхода из тяжелого положения. 28 ноября 1561 г. польскому королю Сигизмунду II Августу подчинились Ливонский орден и рижский архиепископ. Согласно договору[2], территория на севере от Даугавы (теперешние Видземе и Латгале и Южная Эстония) превращалась в так называемое Задвинское герцогство, или Ливонскую провинцию, которая была присоединена к Литовскому княжеству (после Люблинской унии 1569 г. и к Польше). Территория на юг от Даугавы (Курземе и Земгале) была превращена в особое Курземское и Земгальское (Курляндское) герцогство с последним магистром Ливонского ордена Готардом Кетлером во главе. В состав герцогства не вошло бывшее Курземское епископство, из которого с 1617 г. была образована особая автономная Пильтенская область, подчиненная непосредственно польскому королю. Город Рига сохранил самостоятельность и только в 1581 г., когда Польше удалось укрепиться в верховьях Даугавы, был вынужден перейти под власть Польши, поскольку экономическое развитие города было связано с привозом товаров из областей Даугавского бассейна.

Борьба Руси с Ливонией имела очень большое значение в истории латышского и эстонского народов, только благодаря победам русских войск и были окончательно уничтожены Ливонский орден и епископские государства, основанные католическими немецкими захватчиками. Это событие является важным этапом в истории освободительной борьбы обоих народов.

* * *

Задвинское герцогство было подчинено непосредственно польскому королю, поэтому последний назначал всех главных должностных лиц этой провинции: губернатора, начальников трех президиатов (с конца XVI в. воеводств) — президентов или воевод, а также старост 26 староств, на которые было разделено Задвинское герцогство. Чтобы поскорее слить герцогство с Речью Посполитой, короли Стефан Баторий и Сигизмунд III Ваза поддерживали контрреформацию и всячески способствовали действиям иезуитов, которые при поддержке польского правительства достигли того, что к концу польского владычества число католических приходов превысило число лютеранских. Однако планы колонизации Видземе крестьянами германских католических земель потерпели неудачу.

В интересах увеличения доходов и укрепления своего политического влияния польское правительство старалось сконцентрировать в своих

---

[1] «Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathssecretärs Johann Schmiedt zu den J. 1558—1562», bearbeitet von A. Bergengrün. Лейпциг, 1892, стр. 133.

[2] *Dogiel*. Codex diplomaticus, т. V, стр. 238; *G. J. v. Buddenbrock*. Sammlung der Gesetze, т. I, Елгава, 1802, стр. 331—371; «Volumina legum», т. VI. СПб., 1860, стр. 254—258.

руках государственные имения и государственных крестьян, находившихся во владении частных лиц. Была проведена так называемая редукция имений. После нее частью имений государство стало управлять непосредственно, а часть передало в ленное владение дворянам польского и литовского происхождения, придерживавшимся польской ориентации. Это обстоятельство вызвало большое недовольство немецкого дворянства, и поэтому часть помещиков во время польско-шведской войны начала XVII в. перешла на сторону Швеции.

Усиление эксплуатации латышского крестьянства вызвало с его стороны нарастание протеста, выражавшегося, в частности, в бегстве крестьян. Характерно, что многие из крестьян бежали на русские земли, где они думали укрыться от тяжелого гнета польских и немецких феодалов. Посланная польским правительством в 1590 г. комиссия отметила, что, например, в Лудзе, большинство крестьян побывало (иногда даже не один раз) в Русском государстве[1]. Крестьяне таким путем получали возможность в течение нескольких лет пользоваться льготами. Однако помещики старались провести ряд мероприятий, чтобы прикрепить крестьян к земле. Уже во время Ливонской войны в привилее, якобы данном 28 ноября 1561 г. в Вильнюсе польским королем Сигизмундом II Августом[2], между прочим декларировалось, что все беглые крестьяне выдаются помещикам по их требованию, за исключением тех случаев, когда они сами передали крестьян другим владельцам. По поручению дворянства Задвинского герцогства рижским синдиком Давидом Гильхеном в 1599 г. был составлен (с привлечением в качестве образца права рабовладельческого Римского государства) кодекс земского права, которым положение крестьян было приравнено к положению римского раба. Этим и объясняется, почему крестьяне во время польско-шведской войны выступали против польских властей.

В самом конце XVI в. в Латвии наметился некоторый экономический подъем. Увеличился и привоз товаров из областей Даугавского бассейна. Если в середине XVI в. из Риги через Зундский пролив проходило в среднем 125 кораблей в год, то за время с 1594 по 1600 г. это число увеличилось до 170, причем в 1594 г. был зарегистрирован даже 281 корабль[3]. Рига торговала главным образом с Нидерландами. Среди товаров, вывозимых из рижской гавани во второй половине XVI в., на первом месте стояла

---

[1] «Труды X археологического съезда в Риге 1896 г.», т. III, М., 1900, стр. 83—84.

[2] Аутентичность этой привилегии, которую в свое время прибалтийские бароны считали фундаментом своих прав, не без основания оспаривают историки: не сохранились ни оригинал, ни даже официальная копия; ни один из последующих польских или шведских королей не признавал, что она действительно выдана. Лучшие издания: *Dogiel*. Codex diplomaticus, т. V, стр. 138, 139, 141; *G. J. v. Buddenbrock*. Указ. изд., I, стр. 331—376; «Volumina legum», т. VI, стр. 258—263; *C. Schirren*. Die Capitulationen der livländischen Ritter- und Landschaft und der Stadt Riga vom 4 Juli 1710 (Dorpat 1865); русский перевод: *Е. Чешихин*. Сборник материалов по истории Прибалтийского края, т. II, Рига, 1883, стр. 419—428.

[3] *N. E. Bang*. Tabeller over skibsfart og varetransport gennem Öresund 1497—1660 (т 3., 1906, 1922, 1933).

зола, на втором — рожь, на третьем — пенька и лен, которые в XVII в. заняли первое место в рижском экспорте[1].

Во второй половине XVI в. в Риге происходили «Календарные беспорядки» (1584—1589 гг.), которые принадлежали к числу наиболее острых столкновений между патрициатом и оппозицией горожан. Когда польский король Стефан Баторий по предложению папы Григория XIII приказал ввести новый календарь в Задвинском герцогстве и рижский магистрат в 1584 г. дал на это согласие, бюргерская оппозиция сочла это событие удобным для начала активной борьбы с патрициатом якобы под флагом защиты протестантства в Риге[2].

Гильдиям и цехам, опиравшимся на низшие слои рижского населения, удалось захватить после вооруженного восстания всю власть в свои руки. После смерти короля Стефана Батория во время бескоролевья были изгнаны из Риги иезуиты. После того как новым королем был избран Сигизмунд III, последнему удалось расколоть движение горожан. В самой Риге, особенно среди купцов, против вождей движения выступила сильная оппозиция, которая боялась возможных социальных перемен в Риге и склонялась к соглашению с магистратом. Когда в 1589 г. в Ригу явилась особая комиссия сейма, вожди движения Гизе и Бринкен были выданы и казнены. Особым, так называемым Северинским, соглашением власть магистрата была восстановлена. Но гильдии и после этого возобновляли борьбу за расширение своих прав, и в 1604 г., во время польско-шведской войны, магистрат, опасаясь новых волнений в условиях войны, сделал уступки. Бюргерская оппозиция достигла своей главной цели — представители гильдий были допущены к управлению городской кассой. Только плебейская масса жителей города не добилась ничего реального и продолжала борьбу за свои права.

* * *

Курляндское герцогство находилось в ленной зависимости от польского короля и в силу этого оказалось всецело под влиянием политики польско-литовских феодалов.

Сельское хозяйство было основой феодальной экономики Курляндии; от размеров земельной собственности зависела также и политическая власть герцога. Последний являлся крупнейшим землевладельцем, которому принадлежала приблизительно одна треть всей пахотной земли, остальными же двумя третями владело дворянство герцогства. Важнейшим продуктом сельского хозяйства был хлеб, значительная часть которого экспортировалась в Западную Европу. Уровень техники сельского хозяйства был очень низким, пахотная земля приносила небольшие урожаи (посевы ржи

[1] *W. Stieda* und *C. Mettig*. Указ. соч., стр. 344—345.

[2] *Franz Nyenstädt*. Livländische Chronika (1604). «Monumenta Livoniae Antiqua», т. II, Рига, 1839.

давали сам-четыре, ячменя — сам-три, овса — сам-два), несмотря на то, что в герцогстве находились лучшие земледельческие районы Латвии.

Развитие ремесла в Курляндии во второй половине XVI в. и в начале XVII в. шло медленно. Хотя во второй половине XVI в. в герцогстве появились первые крепостные мануфактуры (например, в 1596 г. был основан первый железоделательный завод в Курземе, на котором отливались также пушки), но их было немного и они были незначительны по своим размерам. Города как ремесленные и торговые центры герцогства были сравнительно слабо развиты. Наряду со старыми городами герцогства (Кульдига, Вентспилс) росли и новые, являвшиеся как административными (столица Елгава, Селпилс), так и торговыми центрами (Лиепая, Бауска, Яунелгава, Екабпилс).

Герцогство представляло собой по существу дворянскую республику. Курземские и земгальские помещики мало считались со своим герцогом. Часть из них совсем отказалась принести присягу на «верность и повиновение» первому герцогу Готарду Кетлеру (1561—1587 гг.) и хотела признать над собою лишь власть польского короля. При таком положении герцог был вынужден бороться не только за укрепление своей власти, но и за сохранение престола. Польские короли поддерживали дворянство в его борьбе с герцогом, ибо в их интересах было не допускать усиления герцогской власти. В Курляндии не было больших городов, которые герцог мог бы использовать в своей политической борьбе с дворянством. В 1570 г. дворянство заставило герцога подписать «Привилегию Готарда», согласно которой все ленные владения помещиков превращались в аллоды, т. е. в частную собственность их владельцев. Дворяне становились неограниченными господами в своих имениях, так как ни герцог, ни его чиновники не имели права вмешиваться во внутренние дела частных владений.

В 1617 г. был составлен основной закон Курляндского герцогства — «формула правления». Согласно этой «формуле» герцог оказался в полной зависимости от дворянства. Был создан особый совет, без согласия которого герцог не имел права решать ни одного важного политического вопроса. Из шести членов совета четверо должны были принадлежать к курляндскому дворянству. Все высшие чиновники назначались только из дворян. Высшим органом сословного представительства дворянства в герцогстве был ландтаг, который в руках помещиков являлся надежным средством против возможных покушений герцога на дворянские вольности и орудием усиления эксплуатации крестьян. Курляндское дворянство имело вдвое больше войск, чем герцог. Наряду с послами герцога оно держало в Варшаве своих послов или резидентов. В своих имениях курляндские помещики могли издавать особые законы для своих крепостных.

При таких условиях крестьяне полностью были зависимы от помещиков-крепостников. За дворянством была закреплена как высшая, так и низшая судебная власть над крестьянами, что давало неограниченные возможности для их эксплуатации. В 1617 г. был издан также свод

гражданских и уголовных законов — «Курляндский статут»[1], в котором в самом циничном виде были сформулированы принципы крепостного рабства. В Статуте подчеркивалось, что крестьяне не являются гражданами герцогства, а составляют собственность своего господина, так же как скот и другое имущество. Крепостными становились все дети, родившиеся от крепостного отца, беглые вместе с семьей и имуществом подлежали возврату прежнему владельцу. Статут запрещал также крепостным без разрешения помещика посылать своих сыновей учиться ремеслу или давать им образование.

Пользуясь своей неограниченной властью над крестьянами, помещики подвергали их различным позорным наказаниям. За малейшие проступки назначалась порка розгами или палочные удары. Если помещик хотел казнить своего крестьянина, он мог составить «суд», в состав которого входили он сам и приглашенные им двое или трое из его соседей-помещиков. Вопрос о жизни или смерти крестьянина заранее решался так, как этого желал его помещик.

Среди крестьян, живших в условиях крепостного рабства, росла ненависть к помещикам-немцам[2].

* * *

В 1600 г. вспыхнула польско-шведская война, явившаяся продолжением борьбы за господство на Балтийском море, начатой уже во время Ливонской войны.

Война происходила в основном на территории Латвии. Выйдя из Эстонии, шведские войска в 1600 г. оккупировали всю территорию Видземе до Даугавы. Только в 1610—1617 гг. военные действия временно приостановились в связи с польско-шведской интервенцией в России. В 1617 г. шведские войска под руководством короля Густава II Адольфа опять начали поход на Видземе. Защитить народы Прибалтики от шведской агрессии могла только Россия. Ее ослабление позволило шведским и польским захватчикам начать борьбу за Прибалтику. В 1621 г. шведам удалось взять Ригу. Хотя война с перерывами продолжалась еще до 1629 г., но взятием Риги борьба за Видземе была уже решена. В 1629 г. было заключено в Альтмарке (в Пруссии) перемирие между Речью Посполитой и Швецией, согласно условиям которого Рига, Южная Эстония и Видземе до реки Айвиексте остались у Швеции и только восточная часть Латвии (теперешняя Латгалия) — за Польшей. Курляндское герцогство попрежнему находилось в ленной зависимости от польских королей.

Во время польско-шведской войны вся территория современной Латвии сильно пострадала. Войска обеих сторон опустошали селения, разру-

---

[1] *V. Rummel.* Quellen des curländischen Landrechts, I, 3, Dorpat, 1848; также издания Биркеля (1807) и Шимана (1876) и «Volumina legum», т. VI, стр. 264—268.

[2] *Paul Einhorn.* Historia Lettica. Dorpat 1649 (новое издание в Scriptores rerum Livonicarum, т. II, Рига, 1853). *Rosinus Lentilius.* Curlandiae quaedam Notabilia, Нюренберг 1692 (новое издание в «Latvijas Universitates Raksti», т. XI, Рига, 1924).

шая как помещичьи имения, так и крестьянские дворы, сжигали строения и отнимали у крестьян хлеб и скот. В результате опустошений, а также неурожая уже в 1602 г. начался голод, к которому присоединилась чума. Отдельные округа стали пустыней, ибо от войны и чумы погибла бо́льшая часть населения. Экономика страны пришла в состояние полного развала. Нужны были десятки лет, чтобы восстановить довоенное положение. Спасти латвийский народ от дальнейшего физического истребления могло только присоединение Латвии к России.

* * *

В условиях непримиримых классовых и национальных противоречий, существовавших в Латвии, развивались две культуры. В противоположность культуре немецких феодалов и бюргеров шло развитие другой культуры, крестьянской по своему классовому содержанию и латышской по своей национальной форме. Обслуживая классовые интересы малочисленной прослойки эксплуататорской верхушки, немецкая культура в Ливонии была лишена почвы для развития. Даже церкви и замки немецких феодалов строились руками латышей и эстов.

В стране, разоренной феодальными войнами, чувствовался упадок как материальной, так и духовной латышской культуры.

Школы в Латвии в XV—XVII вв. были немногочисленны. В деревне их не было совсем, и феодалы даже запрещали крестьянам учиться. Только во второй половине XVI в. в Риге появляется первая школа при лютеранской церкви св. Якова для обучения латышей пению церковных песен. После передачи этой церкви католикам школа перешла к церкви св. Яна, где в конце XVI в. начали обучать учеников и чтению. Школа была создана с целью удержать во время контрреформации в лютеранском вероисповедании свободных латышских жителей Риги, но не для повышения уровня знаний среди латышей.

Существовали в Риге в это время и другие школы, но они предназначались только для сыновей немецких феодалов и бюргеров. После окончания этих школ последние изучали главным образом в университетах Германии теологию и юриспруденцию. Вернувшись в Ливонию, они вместе с другими приезжими немцами использовали свои знания для дальнейшего закрепощения крестьян. Во всех сводах законов, касающихся крепостного права (Кодекс Гильхена, Курляндские статуты и др.), нормы римского права о рабах были применены к ливонским крестьянам. Немецкие теологи учили крестьян слушаться своих господ. Крестьян, которые казались противниками церкви и феодалов, судили по обвинению в колдовстве и приговаривали к смертной казни через сожжение. Первая «ведьма» была сожжена в Латвии в 1559 г. После этого число сожженных ведьм и колдунов стремительно росло, достигнув наибольшей цифры в XVII в., когда некий курляндский помещик один сжег за колдовство восемьдесят крепостных [1].

---

[1] *Rosinus Lentilius.* Curlandiae quaedam notabilia. «Latvijas Universitates Raksti», т. XI, стр. 12.

Самый значительный труд рижской историографии XV—XVII вв. — хроника бургомистра Ниенстеде (около 1604 г.) [1] защищает позиции господствующего класса в Риге — рижского патрициата. Другие ливонские хроники прославляли шведских (хроники Руссова) или польских феодалов (хроника католического священника Дионизия Фабрициуса, около 1610 г.) [2].

Напрасно было бы искать в этих хрониках объективного описания положения крестьян.

В XVI в., когда началась борьба между католичеством и лютеранством, появляется ряд церковных книг, ставивших своей целью религиозную пропаганду среди латышей. Около 1560 г. появилось на латышском языке руководство по лютеранскому обряду богослужения, которое, однако, до наших дней не сохранилось. В 1585 г. в Вильнюсе было напечатано руководство по вопросам католического культа — катехизис Петра Канизия в переводе на латышский язык. Годом позже в Кенигсберге было издано подобное же руководство на латышском языке для протестантов. Эти произведения религиозного содержания являются первыми книгами на латышском языке.

Все они были написаны немецкими священниками на искаженном латышском языке. Их целью было лишь снабдить руководством священников и пропагандистов обоих вероисповеданий, как правило, плохо владевших латышским языком.

Независимо от немецкой церковной литературы народ создавал свою устную литературу. Это памятники фольклора: народные песни, сказания, сказки, загадки и прочие виды народной словесности, в области которой творчество не прекращалось никогда. В народной словесности отразилось развитие классовой борьбы, проявлялась ненависть народных масс к иноземным феодалам-эксплуататорам. Немецкие священники враждебно относились к произведениям латышского народного творчества. Народ в своем фольклоре резко выступал против угнетателей. В народных песнях запечатлелись тяжелые картины барщинного труда, в сказках говорится о том, что феодалы-крепостники после смерти превращаются в рабочих лошадей, которые на том свете должны выполнять тяжелые работы в возмездие за страдания, причиненные ими крепостным при жизни. Народные пословицы и поговорки подчеркивают бесправное положение крестьян, не имеющих возможности жаловаться на помещиков.

Даже спустя много столетий после того, как латыши подпали под гнет иноземцев, напоминание об их прошлом будило в них стремление к борьбе за независимость.

Не допуская латышей к образованию, немецкие крепостники скрывали от народа его прошлое, его исторические связи с русским народом и славную историю их совместной борьбы против немецких завоевателей.

---

[1] Напечатана в издании «Monumenta Livoniae Antiqua», т. II.

[2] Перепечатана в издании «Scriptores rerum Livonicarum», т. II.

6

ЭСТОНИЯ

В конце XV и в первой половине XVI в. основу общественно-экономической жизни в Ливонии (как тогда называли Эстонию и Латвию) составлял попрежнему феодальный способ производства. Продолжало господствовать натуральное хозяйство, характерным признаком которого являлось низкое, рутинное состояние техники. В то же время в связи с развитием производительных сил в феодальной экономике происходили существенные перемены. Они выражались в дальнейшем усилении общественного разделения труда и развитии товарного хозяйства, в расширении ремесленного производства и торговли и в росте городов. В связи с этим наблюдался процесс дальнейшего усиления барщины, происходили соответствующие изменения в положении крестьян, шел процесс их окончательного закрепощения.

Образование централизованного Русского государства имело большое значение для развития экономики Ливонии. Увеличилась торговля лифляндцев с русскими купцами. Еще в 1476 г. немецкие купцы жаловались, что русские проникли повсюду в Ливонию, даже в маленькие города и отдаленные сельские местности. В первой половине XVI в. деятельность русских купцов в Ливонии еще более усилилась, что отражало рост не только внешней русской, но и ливонской торговли. Укрепление экономических связей с Русским государством, несмотря на энергичное противодействие Ордена и немецких купцов, содействовало развитию Ливонии.

Рост производства зерна на рынок был обусловлен развитием городов и увеличением населения, не занимавшегося сельским хозяйством, а отчасти возраставшим спросом на зерно на внешнем рынке. Через Таллин (Ревель) — важнейшую экспортную гавань Эстонии — в середине XVI в. вывозилось ежегодно до 10 000 ластов (1 ласт равен 3188 литрам) зерна.

Дворяне все более активно втягивались в торговлю хлебом[1]. Это вызывало протест со стороны городов. В начале XVI в. происходила борьба между Харью-Вируским рыцарством и городом Таллином за право свободного пользования гаванью. Считая торговлю с иностранными купцами своим монопольным правом, таллинские купцы в 1516 г. наложили запрет на так называемую гостевую торговлю, разрешая приезжим купцам торговать только с местными купцами.

Развитие товарно-денежных отношений в стране, особенно начиная с 20-х годов XVI в., приводило к расширению деятельности эстонских ремесленников, мелких торговцев и скупщиков в деревне. Ремесленники производили свои изделия для более или менее широкого рынка. Скуп-

[1] UB, 2, т. II, № 275, 228; «Akten und Rezesse der livländischen Ständetage» (далее — AR), т. III, № 109, 18.

щики, которые обычно являлись агентами какого-либо крупного купца, разъезжали по стране, продавали крестьянам соль и скупали зерно, скот и т. п.

Против скупщиков выступали купцы, дворяне и Орден. Ландтаг неоднократно запрещал скупку продуктов в деревне. Торговля должна была происходить только на городском рынке. Делались попытки запретить торговлю крестьянам[1].

В XV—XVI вв. происходил дальнейший рост феодального землевладения в Эстонии. Интерес феодалов к развитию поместного хозяйства и увеличению эксплуатации крестьян усилился в XVI в. в связи с растущим рыночным спросом на хлеб. Крестьян сгоняли с их исконных земель, лучшие крестьянские поля превращались в помещичьи. Особенно густой стала сеть поместий на землях, отданных вассалам в лены. В Харьюмаа и Вирумаа преобладающая часть земельных площадей принадлежала вассалам, вследствие чего дворянство имело здесь бо̀льшую власть и более широкие привилегии, чем в какой-либо иной части Ливонии. В Сааре-Лянеском (Эзель-Викксом) епископстве примерно $^1/_3$ земли находилась в руках вассалов; епископу, Ордену, членам капитула и монастырю принадлежало $^2/_3$ земельной площади.

Соотношение площади господских и. крестьянских полей было очень различным. В некоторых ленных имениях на 16 $^1/_2$ гаков[2] господских полей приходилось только 21$^1/_2$ гака крестьянских полей, но были и такие, в которых соотношение было соответственно 16 и 36 или даже 4 и 29[3].

Имения вассалов, как правило, были меньших размеров, чем орденские и епископские.

Интенсивный рост поместий вызывал быстрое увеличение крестьянской барщины. В 20-х годах XVI в. отбывание барщины с каждого двора занимало в среднем один день в неделю, в середине же XVI в. с гака — уже шесть рабочих дней в неделю, в течение круглого года. В конце XV в. помещики стали требовать барщину и с бедняков, так называемых юксъялгов (в начале один «пеший день» в неделю[4], а позднее два-три дня), и даже с бобылей (вабадиков) в виде обязательного участия в толоке.

Важнейшей составной частью натуральной ренты была десятина зерном, или чинш, который равнялся примерно четвертой части урожая. Десятину платили и со скота, с улова рыбы, с меда, воска и льна. Разнообразны были мелкие натуральные повинности. Одним из характерных видов эксплуатации крестьян феодалами была дача крестьянам взаймы хлеба и сдача им в наем лошадей и волов. За три меры зерна, полученные в долг

[1] «Monumenta Livoniae Antiquae», т. V, стр. 482 (1537); ср. AR, т. III, № 207,53—55.

[2] Гак— окладная единица, размеры которой в разных частях Эстонии не были одинаковыми.

[3] «Livländische Güterurkunden», т. I, № 437 (далее—GU); Est-und Livländische Brieflage, т. I, № 354, 675 (далее—Briefl.).

[4] Отсюда название этой группы крестьян — «пешеходцы».

крестьянином, через год ему приходилось отдавать четыре меры, а за лошадь одну марку (стоимость примерно 80 кг ржи). С крестьян взымались так называемые посошные на орденских землях и магистерские деньги.

В первой половине XVI в. начал возрастать удельный вес денежных повинностей, что отражало развитие товарно-денежных отношений и усиление эксплуатации крестьян.

Большую часть крестьянства составляли проживавшие на исконных крестьянских землях сошные крестьяне, земельная площадь которых учитывалась в гаках, а в зависимости от величины последних накладывались феодальные повинности. Среди сошных дворов начала выделяться группа бедняцких дворов, размер которых был обычно меньше одного гака. В Западной Эстонии такие дворы составляли около 23% всех сошных дворов, в центральных же районах страны их было значительно меньше.

Деревенскую верхушку представляли так называемые мелкие ленники (военные слуги) и «вольные крестьяне» (платившие денежную ренту и считавшиеся свободными от барщины). После того как в употребление вошло огнестрельное оружие и стали применяться наемные войска, группа военных слуг стала в XVI в. быстро исчезать. Из среды зажиточных крестьян феодал назначал своих помощников по управлению. Народ глубоко ненавидел этих прислужников немецких поработителей.

Группу беднейших крестьян составляли юксъялги, или «пешеходцы», сведения о которых в письменных источниках встречаются начиная с середины XV в. Юксъялги обычно возделывали подсечные или целинные земли, расположенные за пределами уже обработанных деревенских земель. В большинстве случаев они не имели рабочего скота.

В конце XV и в первой половине XVI в. отмечается рост числа безземельных крестьян. Часть их работала батраками в более крупных крестьянских хозяйствах. Так, в четырех административных участках (амтах) Лянеского епископства на 767 сошных и 463 юксъялговских дворов приходилось около 240 батраков[1]. За последующие десятилетия их число увеличилось примерно на 100 человек.

Это указывает на возросшую тенденцию к использованию батраков в крестьянских хозяйствах, на экономическое укрепление более крупных крестьянских хозяйств и в то же время на увеличение барщинной повинности в имениях, куда хозяева-крестьяне старались вместо себя посылать на барщину батраков.

Безземельные крестьяне — бобыли (вабадики) работали поденщиками (в народе их прозвали также косарями и жнецами) или мастеровыми. К бобылям относились и «сауники» или «банщики» (жившие в банях у крестьян-дворохозяев), а частично также и рыбаки.

Таким образом, в конце XV и в первой половине XVI в. появляются уже признаки имущественного неравенства среди эстонского крестьянства.

---

[1] «Opetatud Eesti seltsi aastaraamat», Тарту, 1929, стр. 114 и др.

* * *

Развитие поместного хозяйства было связано с дальнейшим закрепощением крестьян, оформлением крепостного права. В середине XV в. между феодалами Тартуского епископства и орденских владений были заключены соглашения о взаимной выдаче сошных крестьян. На усиление закрепощения крестьян указывает и заключенное в 1508 г. соглашение между феодалами орденских земель в Эстонии и Сааре-Ляneского епископства, согласно которому они обязались безоговорочно выдавать друг другу не только сошных крестьян, но и юксъялгов и бобылей [1].

В XVI в. феодалам так и не удалось окончательно уничтожить свободу передвижения сошных крестьян, но в целом усиление внеэкономического принуждения укрепляло экономическую власть помещиков.

Патриции в городах, купцы и судовладельцы большого города были лично заинтересованы в постоянном притоке дешевой рабочей силы из деревни [2].

По действующему в Таллине Любекскому праву, каждый, проживший в городе «один год и один день», становился свободным. Из города заставляли возвращаться к феодалам только сошных крестьян.

Принадлежавшие к многочисленному низшему слою городского населения эстонцы скрывали бежавших в города крестьян и мешали дворянам возвращать их насильно в свои владения. Готовность городского населения выступить с оружием против рыцарства и даже против магистра Ордена (например, в 1500, 1513 гг.) вынудила феодалов примириться с оседанием в городах членов крестьянских семей, батраков и бобылей. Со временем, однако, магистрат начал уступать требованиям рыцарства.

Результатом углубления процесса закрепощения крестьян явилось то, что крестьяне сделались объектом сделок между помещиками. Феодалу принадлежало право собственности на крестьянские земли и инвентарь. В случае смерти крепостного оставшееся после него имущество наследовалось не ближайшими родственниками умершего, а его господином [3].

Важным орудием в руках феодала при закрепощении крестьянства и усилении эксплуатации служила судебная власть. Харью-Вируские дворяне имели право присуждать крестьян даже к смерти. Особенно суровые наказания применялись в целях охраны собственности феодала. За кражу скота феодала, за подделку межевых знаков крестьянам грозили суровые наказания, вплоть до виселицы. Смертную казнь можно было заменить денежным штрафом, но такое «дарение жизни» фактически означало переход крестьянина почти на положение раба. За невыполнение феодальных повинностей на крестьянина также налагались суровые наказания —денежный штраф, тюрьма, розги и т. д.

---

[1] AR, т. III, № 41, 1.
[2] AR, т. III, № 63, 2 (1515 г.).
[3] Briefl., т. I, № 834 (1516 г.).

Бондарь (рисунок XV в.)

Эстонские крестьяне вели непрекращавшуюся борьбу против крепостной эксплуатации. Уход крестьян из-под власти господина стал в XV и XVI вв. распространенным явлением. В XV в. участились побеги крестьян в Россию. В 1502 г. посол магистра Тевтонского ордена сообщал, что ливонские крестьяне переходят толпами в 100—200 человек на сторону русских[1]. Феодалы испытывали большой страх перед вооруженным восстанием крестьян, опасность которого во время войны с Россией в начале XVI в. особенно возросла. Поэтому крестьянам было запрещено ношение какого-либо оружия. Только господин мог дать крестьянину оружие, но и то не больше, чем на три недели.

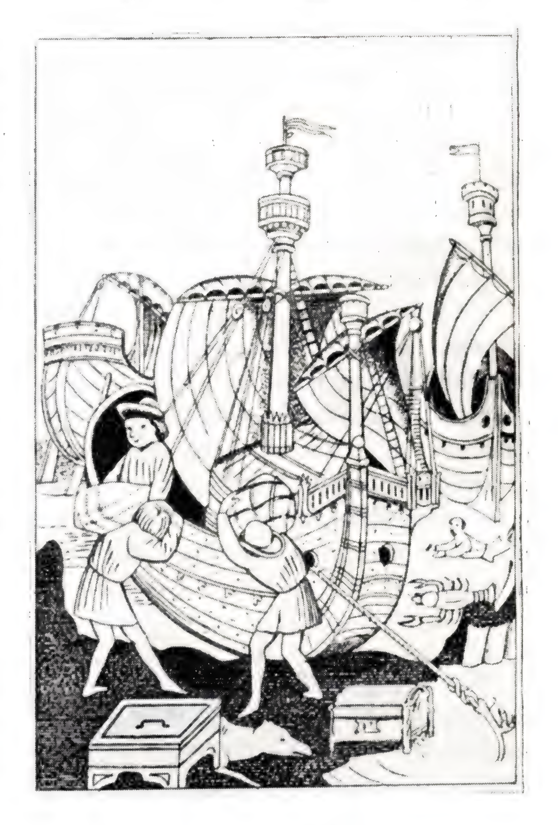
С развитием ремесла и торговли в первой половине XVI в. возросло значение городов. Крупнейшими городами в Эстонии в это время были Таллин и Тарту, численность населения которых достигала 5—6 тысяч. У таллинских купцов завязались отношения не только с другими городами и поселками, но и с помещиками и крестьянами на всей территории Эстонии. У них имелись широкие связи также и за пределами Ливонии — в Новгороде, Швеции, Германии и Нидерландах.

Крупная торговля (в том числе и внешняя), а также ювелирное дело и пивоварение являлись монополией кучки иммигрировавших немецких семейств. Купцы и золотых дел мастера — самые богатые бюргеры — составляли Большую гильдию. Из их среды выходили бюргермейстеры и члены магистрата — 20 человек патрициев, которые управляли городским имуществом, имениями и доходами, издавали указы, обладали судебной и полицейской властью, вели переговоры с зарубежными странами. Их подчинение Ордену носило номинальный характер. Власть и богатство городской господствующей олигархии основывались на нещадной эксплуатации низших слоев городского населения и крестьян. Городское право закрепляло экономические и политические привилегии немецкой верхушки.

Городские ремесленники и мелкие торговцы входили в Малую гильдию и были организованы по профессиям в цехи, которые подчинялись магистрату. В XVI в. в Таллине существовало 18 цехов: портных, мясников, кузнецов, сапожников, столяров, каменотесов, пекарей, скорняков, бондарей, пеньковщиков и др. С расширением таллинской торговли в начале

[1] UB 2, т. II, № 230.

XVI в. увеличилось число транспортных рабочих и в дополнение к прежнему цеху извозчиков и тележников образовались еще цехи портовых лодочников, носильщиков и рыбных торговцев. Среди ремесленников было много эстонцев. Некоторые цехи состояли только из эстонцев. Поскольку стать мастером и бюргером было довольно трудно, многие ремесленники работали вне цеховых объединений. Их деятельность наталкивалась на разные препятствия как со стороны цеховых мастеров, так и магистрата.

Торговые корабли в гавани (рисунок XV в.)

Налоговое бремя на протяжении XVI в. все более возрастало. Переход к огнестрельному оружию потребовал больших затрат на строительство укреплений, на приобретение дорогостоящего оружия и на содержание наемных солдат. В Таллине, например, в конце XV и в первой половине XVI в. было построено несколько крупных крепостных башен. Тяжесть налогов магистрат перекладывал на плечи средних и низших слоев городского населения. Вследствие этого в Таллине обострялась борьба между ремесленниками и мелкими торговцами, с одной стороны, и патрициями — крупными купцами,— с другой. Первые добивались свободы торговли и права контроля и соучастия в городском управлении. Этому сопротивлялись патриции, поддерживаемые феодалами.

Городская беднота не входила ни в гильдии, ни в цехи и не имела гражданских прав. Это были прежде всего бежавшие из деревни в город эстонские крестьяне и их потомки, работавшие в городе в качестве домашней прислуги, рыбаков, чернорабочих и поденщиков. Они жили в самых жалких условиях, ютились в подсобных помещениях при городских зданиях или в пригородных лачугах. Смертность среди них достигала больших размеров. Среди этого эксплуатируемого слоя городского населения царило глубокое недовольство своим тяжелым положением.

Классовые противоречия в эстонских городах переплетались с противоречиями национальными. Большую часть городского населения составляли эстонцы, тогда как экономические привилегии и власть принадлежали немцам. В городах, особенно в Таллине и Тарту, проживало также много

русских торговых и ремесленных людей, но немецкая купеческая знать всячески препятствовала их деятельности. Несмотря на это между эстонцами и русскими происходило оживленное общение как в городе, так и в деревне. Например, на северо-востоке Эстонии крестьяне предпочитали продавать свои продукты в Ивангороде — русским, а не в Нарве — немцам[1]. Экономические связи между эстонским и русским народами все возрастали. О тесном общении эстонцев и русских в то время свидетельствуют и заимствования русских слов в эстонском языке.

В XV и в первой половине XVI в. происходило укрепление позиций дворянства в экономической и политической жизни Ливонии. В Харьюмаа и Вирумаа и в епископствах дворяне-вассалы были организованы в рыцарства, обладавшие обширными привилегиями. Почти все ленные имения фактически стали наследственными, они покупались, продавались и закладывались. Вследствие происшедших изменений в военном деле вассалы стремились освободиться от военных обязанностей, а содержание наемных войск и прочие военные расходы переложить на епископа, Орден и города.

* * *

В XV—XVI вв., когда складывалось и укреплялось Русское централизованное государство, Ливония не представляла единого политического целого. До начала Ливонской войны Ливония была разделена между Орденом, рижским архиепископом и тартуским и сааре-ляанеским епископами. До конца XV в. в Ливонии почти не прекращались феодальные войны.

Вследствие дальнейшего развития экономических связей, обострения классовой борьбы и усиления дворянства и городов в XV в. сложился институт ландтага, в котором участвовали представители Ордена, епископы, рыцарство и города (Рига, Таллин, Тарту). С конца XV в. ландтаг стал играть особенно важную роль при решении внутренних и внешних вопросов. Помимо общего ландтага существовали особые совещания рыцарей, а также собрания представителей крупнейших городов — Таллина, Тарту и Риги (так называемые «городские дни»).

Политическая раздробленность серьезно препятствовала развитию эстонского народа. Благодаря усилению экономических связей с русскими землями создавались условия для политического объединения Ливонии с растущим Русским централизованным государством. Это объединение, однако, было неприемлемо для немецких феодалов, которые стремились всяческими мерами сохранить свое господство в Ливонии и воспрепятствовать сближению русского и эстонского народов. В первой половине XVI в. часть феодалов в Тартуском епископстве и часть тартуских и нарвских купцов, в силу экономических выгод, стали все же поддерживать идею политического сближения с Русским государством. Но

---

[1] AR, т. III, № 305 (1532 г.).

основной силой, которая была заинтересована в присоединении Эстонии к России, являлось эстонское трудовое крестьянство и трудовое население городов.

* * *

Классовой борьбе в Эстонии в начале XVI в. был присущ религиозный отпечаток; борьба за интересы отдельных классов принимала религиозную оболочку. Реформационная пропаганда в Ливонии стала распространяться в начале 20-х годов XVI в. сперва в крупных, а затем и в более мелких городах. Реформация была направлена против римско-католической церкви. Вмешательство римского папы в ливонские дела, утечка крупных денежных средств в Римскую курию, обогащение местных прелатов вызывали недовольство среди горожан и отчасти дворян.

Купцы и цеховые мастера, а также часть дворянства (другая ее часть находилась в лагере реакционного католичества) добивались реформы церкви в целях приобретения церковных земель и имущества, освобождения их из-под власти папы и епископов, подчинения себе церкви.

Совершенно иной характер носило движение, выражавшее интересы крестьян и неимущих горожан. Оно было направлено не только против феодальной церкви, но и против класса феодалов. Крестьяне и городская беднота выдвигали требование общественного и имущественного равенства, отмены барщины, повинностей и привилегий. Это была революционная линия в реформации, которая резко отличалась от бюргерско-реформаторского направления.

Одним из выразителей протеста угнетенных классов в Эстонии был странствующий ремесленник-скорняк Мельхиор Гофман, который позже стал известен как один из вождей анабаптизма в Германии. Гофман выступал против иерархии церкви, Ордена и вообще католического духовенства, требовал, чтобы проповедники выбирались самими трудящимися из их собственной среды. Он мечтал об обществе, свободном от классовых противоречий, от голода и нищеты. Гофман выступал и против новых протестантских пасторов. Он называл их «чревоугодниками», которые охотно уселись бы на место изгнанного из гнезда папского дьявола[1].

Орден и епископы пытались подавить реформационное движение. В ответ на это в городах вспыхнули стихийные волнения, в которых главную роль играли ремесленники и городская беднота. Осенью 1524 г. произошли волнения в Таллине, в начале следующего года в Тарту, а позже и в других городах. В Тарту народные массы изгоняли католическое духовенство из церквей и монастырей, уничтожали алтари и иконы и часть из них сожгли на базарной площади. 10 января 1525 г. Гофман с двумястами своих приверженцев пытался овладеть Вышгородом (Тоомемяги). Опасаясь перехода власти в руки народных масс, богатые купцы во главе с магистратом

[1] *M. Hoffman.* An de gelöfigen vorsambling inn Liflant ein korte formaninghe... Рига, 1856.

заключили соглашение с дворянами и прелатами. Из Таллина были доставлены наемные войска для подавления восстания[1]. Гофман был вынужден оставить Тарту.

Волнения в других городах также были быстро подавлены магистратом, причем дворяне и магистр Ордена оказывали патрициям поддержку.

Одновременно с волнениями в городах начались и открытые выступления крестьян против феодалов. Лозунги реформации (особенно требование о равенстве всех людей) оказали влияние на крестьян. Гофман имел в Тарту приверженцев из среды эстонских ремесленников, которые в свою очередь были связаны с деревней. Вести о крестьянской войне 1525 г. в Германии распространились и в Ливонии.

С весны 1524 г. из Харьюмаа и Вирумаа поступали сообщения о крестьянских волнениях; в ряде мест крестьяне прекращали работу в имениях и отказывались от уплаты податей. В сентябре в имении Кивилоо произошло выступление крестьян, которое было жестоко подавлено. Осенью 1525 г. крестьяне Тартуского епископства отказывались от уплаты долгов и ренты. Волнения («церковные беспорядки») произошли и в окрестностях Тарту. Неурожай и голод 1525 г. еще более усилили движение крестьян по всей стране.

Крестьянская война в Германии, а также волнения эстонских крестьян напугали не только Орден и прелатов, но и дворян, которые решительно выступили против протестантства. Попытки секуляризации Ордена не увенчались успехом. Сохранились также и епископства. Боязнь выступлений низших слоев городского населения и крестьянства заставила дворян пойти на соглашение с Орденом и прелатами. Реакционный католический лагерь одержал верх.

После разгрома выступления народных масс в городах победило умеренное реформационное направление — лютеранство или протестантство, которое фактически являлось выражением классовых интересов дворян и бюргерства. Хотя католическому лагерю и удалось устоять в Ливонии во второй четверти XVI в., реформация все же способствовала подрыву господства Ордена и епископов.

* * *

Крупнейшим событием в истории Эстонии во второй половине XVI в. была Ливонская война. Эстонское и латышское крестьянство рассматривало Ливонскую войну как борьбу вместе с русским народом, с которым оно было связано в течение ряда столетий, за изгнание немецких феодалов из Прибалтики. С самого начала войны эстонские крестьяне оказывали русским войскам помощь, относясь к ним как к своим освободителям от немецких эксплуататоров. Эстонские крестьяне добывали сведения об орденских и епископских военных силах, служили проводни-

---

[1] *T. Bredenbach.* Historia belli livonici...(1564), стр. 15-б и сл.; AR, т. III, № 172, 173.

ками русским войскам и местами присоединялись к ним для совместных нападений на немецких феодалов[1].

В Восточной Эстонии, которую русские войска заняли в начале Ливонской войны, положение эстонских крестьян в некоторой степени облегчилось. Было уничтожено землевладение Ордена, епископа, монастырей, прелатов и других немецких духовных феодалов, которое до того составляло основу сил реакции. Эстонцам открылись более широкие возможности для занятий ремеслом и торговлей. Крестьяне имели возможность получать с помощью русских воевод зерно и скот[2].

Доброжелательное отношение русских к эстонским крестьянам оказало очень большое влияние на крестьян, остававшихся еще под властью Ордена или Сааре-Ляненского епископства. Русские власти считали и этих крестьян подданными Русского государства и оказывали им помощь в борьбе против немецких феодалов.

В страхе перед Русским государством сааре-ляненский епископ в 1559 г. продал свои владения датскому королю Фредрику II, который прислал сюда своего брата герцога Магнуса. Дания пыталась захватить также и орденские владения, что привело в 1560 г. к военным столкновениям в Западной Эстонии, тяжело отражавшимся на положении крестьянства.

Блестящие победы русских войск в Ливонии летом 1560 г. и поражение Ордена ускорили открытое выступление эстонского крестьянства против немецких угнетателей. Осенью 1560 г. в Харьюмаа и Ляэнемаа вспыхнули крестьянские восстания, охватив таким образом как территории, занимаемые Орденом, так и те, которые недавно отошли к Дании. Число восставших превышало 4000[3]. Восстание крестьян возглавил эстонский кузнец. Часть дворян,захваченная крестьянами в плен, была, как сообщает магистр Ордена, передана в руки русских. Герцог Магнус обратился за помощью к датскому королю. Он писал, что если не удастся подавить восстание, крестьяне подчинятся русским и выдадут им всех немецких феодалов вместе с их крепостями[4].

Крестьяне вступили также в переговоры с городом Таллином, но таллинские патриции убеждали послов прекратить восстание.

Восставшие (около 300 крестьян) осадили замок Колувере (Лоде) в Ляэнемаа, где скрывались многие дворяне[5]. Однако осада окончилась неудачей.Восставшие потерпели поражение. Часть попавших в плен крестьян была после жестоких пыток предана смерти. Их вождь был четвертован. После поражения под Колувере волна восстания пошла на убыль, хотя продолжались еще волнения в окрестностях Пярну, в Харьюмаа и других местах.

---

[1] Подробнее см. *Я. Зутис*. К вопросу о ливонской политике Ивана IV, стр. 137—138.

[2] «Archiv für die Geschichte Liv-, Est- u. Curlands», т. I, Ревель, 1861, стр. 142 (далее—Archiv).

[3] Archiv, т. VI, Ревель, 1879, стр. 72.

[4] Archiv, т. XI, Ревель, 1885, стр. 62.

[5] *J. Renner*. Livländische Historien. Göttingen, 1876, стр. 334.

Восстание эстонских крестьян в 1560 г., как и другие крестьянские движения периода феодализма, было стихийным, неорганизованным; с городской беднотой не установилось военного сотрудничества. Восставшие были недостаточно вооружены и не имели сил для взятия крепостей.

В то же время восстание показало, что эстонское крестьянство не только выступало против крепостного гнета, но боролось объективно за присоединение Эстонии к Русскому государству. Тяготение крестьян к русским после подавления восстания еще более усилилось. Летом 1561 г. крестьяне из Западной Эстонии массами направлялись в Вильянди (Феллин), где приносили присягу и получали грамоты от русского воеводы с разрешением не слушаться своих господ. Получив такие грамоты, крестьяне отказывались от исполнения барщины и несения других повинностей в пользу немецких помещиков[1]. Одновременно они выступали и против датского господства.

В то время как эстонское крестьянство тяготело к Русскому государству, немецкие дворяне и патриции пытались как можно быстрее подчиниться Швеции, Дании или панской Польше. В южных частях Ливонии одержала верх польская ориентация. Дворяне же Северной Эстонии и таллинские патриции предпочитали подчиниться Швеции, с которой у них имелись экономические и политические связи[2]. К тому же и Швеция была заинтересована в Эстонии, ибо, владея ею, Швеция могла бы держать под контролем русские торговые пути в Балтийском море, а также расширить плацдарм для агрессии против России. В результате сговора немецких дворян и патрициев со шведскими агентами 4 июня 1561 г. подчинилось королю Эрику XIV Харью-Виру-Ярваское рыцарство, а 6 июня 1561 г.— город Таллин. Магистр Ордена, рижский архиепископ и представители дворян в свою очередь заключили аналогичный договор с польским королем Сигизмундом II Августом. В договорах о подчинении ливонские дворяне и патриции оговорили себе обширные привилегии. Шведский, польский и датский короли признали право немецких дворян на эксплуатацию эстонских крестьян.

Губительная антирусская политика немецких дворян и патрициев находилась в резком противоречии с подлинными интересами страны. В результате этой политики, начиная с 60-х годов XVI в., из-за непрерывных войн разрушались производительные силы, разорялось и разваливалось хозяйство. Таллинская торговля зачахла. Пошло на убыль и ремесло[3]. Западная Эстония в 60-х годах XVI в. превратилась в арену войн между Данией и Швецией, Швецией и Польшей, в объект ужасных разрушений. Крестьян грабили польские, датские и шведские войска, состоявшие из ландскнехтов и немецких наемных шаек (гофлейты из местных дворян и

---

[1] Archiv, т. XI, стр. 202—204.

[2] Хроника Руссова. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. III, Рига, 1880, стр. 130.

[3] Там же, т. II, Рига, 1879, стр. 383—384; т. III, стр. 320—321.

бюргеров). В 70-х годах шведские власти покровительствовали разным вооруженным бандам в Таллине, которые разоряли эстонские земли, находившиеся под русской властью.

Некоторые дворяне, перешедшие на службу к Русскому государству, действовали предательски, организуя заговоры с целью перехода в подчинение шляхетско-магнатской Польше. В этом же лагере находился и герцог Магнус, глава созданного Иваном IV в Ливонии вассального королевства.

Эстонцы, горожане и крестьяне, наоборот, выступали вместе с русскими против попыток вновь оторвать Эстонию от Русского государства. Так, например, 12 октября 1571 г., когда предатели Таубе и Крузе при помощи наемных отрядов сделали попытку захватить Тарту, во время подавления мятежа наряду с русскими сражались также эстонцы из пригородов, вооруженные лишь топорами, копьями и дубинами[1]. В 1579 г., когда Швеция, одновременно с польским королем Стефаном Баторием, начала наступление на русские земли и пыталась безуспешно завладеть Нарвой, вместе с русскими войсками выступили на борьбу с врагом и вирумаские крестьяне.

Хотя Ливонская война и не разрешила исторической задачи присоединения Прибалтики к Русскому государству, она все же имела большие последствия для эстонского народа. Война ликвидировала в Ливонии орденские и епископские «полугосударства» и феодальную иерархию. Третья четверть XVI в. явилась важным этапом в укреплении дружеских отношений между русским и эстонским народами и подготовила присоединение Эстонии к Русскому государству, которое было осуществлено в начале XVIII в.

* * *

По условиям Ям-Запольского перемирия (1582) к Польше отошла вся Южная Эстония с городами Тарту, Вильянди и Пярну. По заключенному в следующем году перемирию со Швецией последняя сохранила за собой все захваченные в 1580—1581 гг. земли в Северной Эстонии вместе с городами Таллином, Нарвой, Раквере, Пайде и Хаапсалу. Дании, в войне против Швеции, удалось, согласно заключенному в 1570 г. Штеттинскому миру, сохранить за собой в Эстонии лишь Сааремаа и Муху.

Швеция и Польша закрепили за немецкими дворянами все их владения и открыли перед ними возможности дальнейшего расширения земельных богатств. Орденские, епископские и монастырские земли перешли в руки государства, но затем различными путями попадали в руки дворян. Особенно в больших размерах это имело место в Северной Эстонии, принадлежавшей Швеции. Переход земель в частные руки повлек за собой дальнейшее усиление крепостного гнета.

---

[1] Летопись Ниенштедта. «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. IV; Рига, 1882, стр. 44.

В Южной Эстонии, принадлежавшей Польше, во владении государства находилось в 80-х годах свыше $^2/_3$ всех земель, причем здесь в руки государства перешло меньше земель, чем в Северной Эстонии. Государственные земли в польской Лифляндии делились на староства, которыми управляли старосты из дворян, являвшиеся фактически их пожизненными ленами. Староства состояли из имений (мыйз). Так в Тартуском старостве было 14 имений, которым принадлежало 2214 крестьянских и 415 бобыльских дворов, распадавшихся на 66 ваков.

Положение крестьян в конце XVI в. резко ухудшилось. Немецкие, польские, литовские и шведские помещики непрерывно увеличивали крестьянские повинности. Вследствие войн, эпидемий, а в особенности грабежей шведских наемных войск и разбойничьих шаек свыше половины всех пахотных земель, по данным 1586 г., не обрабатывалось. Опустошительная польско-шведская война начала XVII в., сильный неурожай и голод нанесли новый тяжелый удар производительным силам страны. Около 1620 г., например, в Ляанемаа было заброшено до 58% пахотной земли. Дворяне заставляли крестьян нести более тяжелую барщину, чем раньше. В конце XVI в. в Северной Эстонии барщина с каждого гака составляла свыше 200 конных и 262 пеших дней в году, кроме различных гужевых повинностей. В Южной Эстонии в 1599 г. крестьяне должны были отрабатывать с каждой четверти гака пять дней в неделю, одну неделю на конях, другую пешими «днем и ночью, особенно во время страдной поры»[1]. Сааремаские крестьяне жаловались в 1597 г., что вместо прежних трех дней в неделю они должны теперь ходить на работу в барское имение в течение целой недели.

Натуральные поборы также увеличились. На государственных землях были предприняты попытки стабилизовать крестьянские повинности с тем, чтобы сделать устойчивыми государственные доходы. Десятину, зависевшую от урожая, заменили определенным налогом на зерно, коллективные ваковые подати были отменены и заменены податями с гака. В целях обеспечения государственных доходов был проведен ряд ревизий, во время которых были взяты на учет крестьяне и их повинности (например, польская ревизия 1582 и 1599 гг., шведские ревизии 1601 и 1612 гг.). Аналогичные перемены произошли и в дворянских поместьях, где повинности налагались на крестьян в еще бо́льших размерах. Изменения произошли и в составе крестьянства. Почти полностью исчезла группа крестьян — мелких ленников. Так называемых вольных крестьян, плативших денежную ренту, помещики перевели на барщину и натуральную ренту.

После того как Эстония подпала под польское и шведское господство, крепостной гнет стал быстро усиливаться. Шведские, польские и датские

---

[1] *Y. Jakubowski, Y. Kordzikowski.* Polska XVI wieku, XIII. Inflanty, część I, żródła dziejowe, т. XXIV,I, Варшава, 1915, стр. 114. В ревизионной книге 1599 г. был употреблен так называемый «польский гак», который примерно в четыре раза больше «немецкого гака».

короли утвердили все привилегии дворян, которыми они пользовались во время господства Ордена и епископства. Харью-Вируское право, по которому дворяне обладали высшей судебной властью вплоть до вынесения смертного приговора, было распространено на всю страну. Политическая власть дворянства по сравнению с первой половиной XVI в. еще более возросла. Крепостные и их дети вместе с имуществом принадлежали помещику; без его разрешения крепостной не имел права продавать свое имущество или переходить в другое место. Свободный крестьянин, получивший от помещика надел, терял свою личную свободу и переходил на положение крепостного.

Рост крепостной эксплуатации, особенно в конце века, усилил недовольство крестьян. Опасаясь крестьянских волнений, Стефан Баторий приказал отобрать у лифляндских крестьян оружие. Когда в 1597 г. вспыхнуло восстание финских крестьян, известное под названием «дубинной войны», вести о ней дошли и до эстонских крестьян. По распоряжению властей у эстонских крестьян также отобрали все оружие.

В конце XVI и в начале XVII в. торговля пришла в упадок, который был вызван резким ослаблением экономических отношений между Россией и Эстонией. Развившийся в составе Русского государства в большой и цветущий торговый центр город Нарва после организованной в 1581 г. Понтусом Делагарди резни превратился в поселок, лишенный экономического значения. Под владычеством панской Польши пришел в упадок и Тарту, который был ранее важным звеном в транзитной торговле России, но затем утратил это значение. Таллинская торговля также не достигала уровня первой половины XVI в.

В городах продолжала развиваться классовая и внутриклассовая борьба. Так, например, в Тарту в начале 90-х годов XVI в. отношения между магистратом и гильдиями, добивавшимися права контроля и участия в управлении городом, настолько обострились, что магистрат в 1592 г. велел арестовать вождя бюргерской оппозиции ольдермана Большой гильдии Г. Картгаузена. Тогда в Тарту вспыхнули волнения, приверженцы Картгаузена взломали тюрьму. Опасаясь вторичного ареста, Картгаузен в конце того же года бежал в Ригу, где у него имелись связи с деятелями местной бюргерской оппозиции. По требованию тартуского магистрата он был все же арестован и казнен в Риге в 1593 г. как «подстрекатель к мятежу». Вместе с тем тартуский магистрат был вынужден предоставить представителям гильдии некоторые права контроля за его деятельностью и участие в управлении городом.

В первой четверти XVII в. Эстония опять стала ареной польско-шведской и шведско-датской войн, повлекших за собой дальнейшее разорение страны.

Эстонский народ продолжал вести борьбу против иноземных поработителей. В этой борьбе надежной опорой эстонского народа был великий русский народ, с которым его связывали прочные узы дружбы.

* * *

Образование было в то время достоянием духовенства, светских феодалов и зажиточных горожан. Но и среди зажиточных горожан, а особенно среди светских феодалов, подавляющее большинство было неграмотным. Современный хронист Руссов писал, что правители Ливонии и дворянство гнались за роскошью, эксплуатируя крестьянский труд. «Бедный крестьянин не мог жить хорошо, а должен был страдать и переносить всякого рода произвол, бедность и насилие от большой толпы притеснителей, так как власти не обращали на это никакого внимания. О церквах и школах не слишком заботились... И во всей стране (т. е. в Ливонии)... не было ни одного университета или хорошей школы, только в главных городах существовали ничтожные частные училища...»[1].

О некотором распространении в первой половине XVI в. грамотности среди эстонцев, прежде всего среди городских ремесленников и купцов, свидетельствует издание в 1535 г. в Виттенберге катехизиса на эстонском языке в количестве 1500 экземпляров. В середине XVI в. в Таллине действовала эстонская городская школа, где обучались дети эстонских купцов и ремесленников. Ученик этой школы Ханс Суси перевел на эстонский язык евангелие и церковный песнослов; эта работа была завершена в рукописи в 1551 г., но в печати не появилась. Первые зачатки эстонской школы в Таллине заглохли во второй половине XVI в., когда Таллин перешел во владение Швеции.

В конце XVI в. польские феодалы, под власть которых попала Южная Эстония, пытались усилить свое влияние через школу. Школа была подчинена католической церкви, и иезуиты использовали ее в интересах контрреформации. Центром их деятельности в Южной Эстонии стал город Тарту, где в 1583 г. была основана резиденция иезуитов, которую два года спустя преобразовали в коллегию. В 1583 г. в Тарту был открыт низший класс гимназии, который в последующие годы был дополнен новыми, высшими классами. В гимназии, в отчетах коллегии именуемой академией, обучались преимущественно дети польских дворян, но учились там также эстонцы и русские. Преподавание носило преимущественно религиозный характер. Однако в гимназии обучали также риторике и поэтике, там устраивались театральные представления. Первый ректор школы Томас Бузэус издал в 1586 г. катехизис на эстонском языке. В 1585 г. в Тарту была основана семинария переводчиков, в которой обучали всем местным языкам. Деятельность школы была прервана в начале XVII в. во время шведско-польских войн. Школа возобновила свою деятельность в 1611 г., но уже не достигла прежнего уровня вследствие разорительной войны.

Во второй половине XVI в. появился ряд хроник. Из них важнейшей является «Хроника Ливонии», написанная на нижненемецком языке

[1] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, стр. 163—164.

Г. Ревель (Таллин). Гравюра из книги А. Олеария, XVII в.

таллинским жителем Бальтазаром Руссовым (1542—1600). Первое издание этой хроники вышло в 1578 г. в Ростоке. Во втором издании (1584) описание событий доведено до 1583 г. Хроника пронизана идеологией бюргерства. В хронике Руссова чувствуется явно антирусская тенденция и одновременно делаются попытки всячески оправдать переход Таллина и Северной Эстонии под власть Швеции и тем самым обелить политику шведского правительства в Ливонии. Руссов был первым в Ливонии писателем, который в своей книге описал нищенскую и бесправную жизнь крестьян-крепостных, произвол и насилия правителей и дворян. Это вызвало гнев ливонских крепостников. Один ливонский помещик в своем «опровержении» назвал Руссова «неразумным крестьянским волом». Однако в своей критике дворянских привилегий и крепостного права Руссов оставался на классовых позициях бюргерства [1].

Иохани Реннер, который в 1556—1561 гг. находился на службе у Ливонского ордена в Пайде и в Пярну, тенденциозно выдвигает на первое место в своей хронике роль Ордена. Хроника Реннера содержит ценные сведения о борьбе эстонского крестьянства против помещиков (например, о восстании Юрьевой ночью в 1343 г., восстании крестьян в 1560 г., приводятся примеры дружественного отношения эстонских крестьян к русским во время Ливонской войны и т. д.). Однако при этом Реннер выступает защитником ливонских помещиков-крепостников.

В XVI—XVII вв. вышло немного печатных произведений на эстонском языке. Кроме отрывков из катехизиса 1535 г., известна только «Агенда Парва» католического священника, напечатанная в 1622 г. в Браунсберге

[1] *Я. Зутис.* Очерки по историографии Латвии, ч. I, Рига, 1949, стр. 29—32.

и содержащая тексты на латинском, латышском, эстонском, польском и немецком языках. Сохранились также некоторые рукописные тексты духовного содержания.

Политическая раздробленность мешала развитию единого эстонского языка. Существовало в основном два диалекта: таллинский и тартуский. В Таллине в основу языка литературных произведений лег диалект Северной Эстонии, в Тарту — южно-эстонский диалект. Формирование эстонской народности началось с возникновением и развитием феодальных отношений. В XVI в. наступил новый этап в этом процессе. Упрочились экономические связи между отдельными частями страны, крепло национальное самосознание. В развитии эстонского языка в XVI в. также происходили изменения в связи с дальнейшим ростом производства, развитием торговли и ремесел, более тесными сношениями с русскими, а также в связи с реформацией и политическими переменами. Словарный состав эстонского языка значительно обогатился, в грамматике произошли некоторые изменения. Но дальнейшее развитие эстонского языка было задержано тем, что во второй половине XVI в. отдельные части Эстонии вновь попали в колониальную зависимость от магнатско-шляхетской Польши, Швеции и Дании и только в XVIII в. были политически объединены в составе Русского государства.

Мировоззрение трудового народа выражалось в народном творчестве. Эстонское народное творчество богато, но памятники его были записаны не в XVI в., а в более позднее время. Народное творчество нещадно бичевало помещиков и их приспешников-эстонцев — приказчиков, надсмотрщиков и др. Алчность католических священников в ограблении крестьянства метко характеризует поговорка того времени: «Мерку попа и угол мешка никогда не наполнить!».

В некоторых рассказах и народных песнях повествуется, как угнетатель несет должную кару, а раб избавляется на том свете от эксплуататоров.

В народных массах упорно держались старинные верования. Б. Руссов свидетельствует, что «язычество оставалось в силе у большей части туземных ливонских жителей»[1].

С народными обычаями и обрядами было тесно связано народное искусство. У находившегося под крепостным игом иноземных феодалов эстонского народа не было хоть сколько-нибудь широких возможностей для деятельности на поприще архитектуры и изобразительного искусства. В этих условиях художественная деятельность эстонцев была ограничена прикладным искусством: изготовлением простых украшений, орудий труда и утвари, народной одежды. Крестьяне ютились в жилых ригах, которые представляли собой бревенчатые постройки с соломенными крышами. Жилая рига состояла из горницы с печью-

[1] «Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края», т. II, стр. 164.

каменкой и гумна. Свет попадал в горницу и дым выходил из горницы только через дверь или через отверстие над ней, которое задвигалось дощечкой. Горница освещалась лучиной. Характерными украшениями женщин в XVI в., по крайней мере в Северной Эстонии, были массивные плетеные медные цепочки (рыхуд), дугой свисавшие с пояса вместе с прикрепленными к ним металлическими погремушками, ножиком в ножнах и футлярчиком для иголок. Кожаный пояс отделывался медными или свинцовыми пластинками. Шею и грудь украшали бусы и большая конусообразная брошь. Орнамент был геометрический.

Эстонская девушка (рисунок XVI в.)

Руками эстонцев была создана архитектура, обслуживавшая интересы класса феодалов. Господствующим стилем в XVI в. оставалась готика. С середины века начали появляться некоторые элементы Ренессанса в украшениях.

Важнейшими архитектурными памятниками являются мощная крепостная башня в Таллине (так называемая Толстая Маргарета, ныне — одно из зданий городского музея), которая была построена в 1518—1529 гг., здание таллинской важни (1554) и перестроенный в стиле Ренессанса в 1597 г. голландским художником А. Пассером фасад дома «Черноголовых». Скульптура того времени была обычно подчинена архитектуре. Наиболее выдающимися скульптурными памятниками первой половины XVI в. являются кенотафия Х. Павельса в наружной стене церкви св. Олая в Таллине и городской герб на Больших морских воротах (около башни Толстой Маргареты). Из ремесленных металлических изделий можно назвать флюгер на башне таллинской ратуши, на котором изображена фигура ландскнехта, известная под названием «Старый Томас». Элементы Ренессанса проявлялись в скульптуре в отдельных случаях уже раньше (например, надгробная плита Балливи в северной стене таллинской церкви Нигулисте от 1520 г.), усилились же они только в конце века (например, находящийся в таллинской Домской церкви надгробный памятник Понтусу Делагарди, изваянный в 1589 г. А. Пассером).

Захват и порабощение Эстонии шведскими и польскими феодалами нанесли тяжелый удар по хозяйству страны, задержали также и развитие культуры эстонского народа.

7
МОЛДАВИЯ

Наступление турецких полчищ на страны юго-восточной и центральной Европы, порабощение балканских народов Портой представляли для Молдавского государства страшную опасность. Несмотря на ряд блестящих побед молдавского войска при Стефане III, внутриполитическая и международная обстановка в последней четверти XV в. пагубно отражалась на ходе борьбы с турецкими захватчиками. Политика Стефана, направленная на усиление центральной власти, вызвала острое недовольство верхушки молдавских бояр. Их предательское поведение, значительно ослабив обороноспособность молдавских вооруженных сил, способствовало успеху Порты. Не в пользу Молдавии сложилась и международная обстановка. В эти годы Молдавия не могла опереться на помощь ни одной из соседних стран. В 1476 г. между польским королем и турецким султаном заключено соглашение о «братской дружбе». В 1483 г. между Венгрией и Турцией был подписан договор о ненападении. Валахия давно уже была данницей Порты. В середине 20-х годов XVI в. под власть Порты подпала и Венгрия. Польское государство старалось поддерживать мирные отношения с Османской империей, а польские феодалы стремились захватить молдавские земли. Все попытки правительства Стефана составить антитурецкий военный блок не могли иметь успеха, и борьбу с турками молдавскому народу приходилось вести своими собственными, явно недостаточными силами. Все это и вынудило Стефана III к концу своего правления (в начале XVI в.) окончательно признать зависимость Молдавии от Порты и возобновить уплату дани султану.

Господство в Молдавии турецкие феодалы осуществляли через своих ставленников на молдавском престоле — господарей и покорных султану молдавских бояр. Господарский престол Молдавии был превращен турецкими захватчиками в объект купли-продажи. Цена за получение фирмана[1] на правление непрерывно повышалась. Зависимость Молдавии от Порты выражалась в уплате ежегодной дани, носившей название «харач». Размеры дани султанами все время увеличивались, достигнув к концу XVI в. огромной суммы в 80 000 золотых. Кроме султана, Молдавия платила дань также и белгородскому паше, якобы для укрепления крепостей и охраны страны. Помимо дани, господари обязаны были систематически посылать султану и его приближенным щедрые подарки. Всю тяжесть уплаты дани и различных поборов несли на себе широкие массы крестьян и городской бедноты.

По требованию султана Молдавия обязана была участвовать своими войсками в турецких походах. В 80-х годах XVI в. молдавские господари

[1] Фирман — письменный указ султана.

должны были выступать по зову султана во главе 10 000 конных воинов [1]. Молдавия поставляла людей и материалы для ремонта турецких крепостей. Так, при укреплении Очакова в XVI в. Молдавия единовременно предоставила туркам 15 000 человек и 3000 подвод. На молдавских крестьянах лежала повинность по ремонту дорог и наведению мостов для нужд турецкой армии.

Наконец, Молдавия как данница султана ежегодно поставляла Порте огромное количество сельскохозяйственных продуктов (рогатый скот, хлеб, масло, сыр, воск и т. п.). Обязательны были также поставки корабельного леса и «коней добрых» для турецкой конницы [2].

Разорение страны, грабежи и бесчинства, чинимые захватчиками и молдавскими феодалами,— таков был итог установления в Молдавии кровавого господства военно-феодальной Турции.

* * *

В результате турецких захватов и предательской политики некоторых молдавских господарей территория Молдавского государства значительно уменьшилась. В 1484 г. турецкие феодалы захватили Килию и Белгород с прилегающей к ним территорией. В 1538 г. турецкими завоевателями была отторгнута от Молдавского государства значительная территория в междуречии Прута и Днестра: Буджак и Бендеры. Бендерская область была превращена турками в райю [3]. Помимо серьезного экономического ущерба, причиненного Молдавии этим захватом, в результате которого она лишилась плодородных земель юго-восточной части страны, потеря Буджака и Бендер пагубно сказалась и на военно-политическом положении государства. Порта получила на молдавской земле при обширных, хорошо укрепленных крепостях — плацдарм, облегчавший султанам дальнейшее проведение их захватнической политики. Наконец, в начале XVI в. Молдавия лишилась на северо-востоке территории Покутья, населенной украинцами, которую господарь Богдан III передал польскому королю.

Грабительская политика турецко-татарских захватчиков и молдавских феодалов вынуждала жителей искать спасения за пределами страны. Правда, и в Молдавию бежало много крестьян из Польши, Венгрии и других стран. Мы не располагаем точными документальными данными о количестве населения страны в этот период. По косвенным данным, в начале 90-х годов XVI в. население достигало примерно 300 000 человек [4]. По национальному признаку подавляющую часть населения составляли

---

[1] *Hurmuzaki — N. Jorga.* Documente privitoare la istoria Romånilòr, т. XI (1517—1612). Бухарест, 1900, стр. 198.

[2] «Documente privind istoria Romånilòr», veacue XVI, Moldova, т. III (1571—1590), Ed. Ac. Rep. Pop. Rom., 1951, стр. 326, 374.

[3] *Райя* — крепость и область, находившаяся под владычеством или сюзеренитетом Порты.

[4] *Gh. Ghibânescu.* Surete §i izvoade, т. XII. Яссы, 1923, стр. XVIII.

молдаване. Помимо них, в стране проживало много украинцев, русских, армян, татар и цыган (последние были обычно на положении холопов).

* * *

Основой экономической жизни страны было сельское хозяйство с его двумя главными отраслями: полеводством и животноводством. На полях Молдавии произрастали различные злаки: пшеница, рожь, ячмень, овес и просо. Пшенная мука шла на изготовление мамалыги, заменявшей хлеб для подавляющего большинства населения страны. Огородничество, садоводство и, главным образом, виноградарство и виноделие играли видную роль в экономике страны. Молдавское вино, известное далеко за пределами Молдавии, было одним из основных предметов экспорта в соседние страны.

Наличие в Молдавии тучных пастбищ благоприятствовало развитию животноводства. Огромные стада крупного и мелкого рогатого скота, свиней и лошадей часто отмечают очевидцы, подчеркивающие также широкий экспорт скота из Молдавии не только в соседние, но и в отдаленные от нее страны[1].

Нивы и огромные стада скота — почти все это принадлежало не непосредственным производителям материальных благ, а молдавским феодалам, которые, все более втягиваясь в рыночные отношения, стремились значительную часть продуктов своих вотчин реализовать на рынке.

С этой целью молдавские феодалы в XVI в. усилили захваты общинных (резешских) земель, сокращая при этом крестьянские наделы. Разоряемые непосильными налогами и поборами, ограбляемые турецкими захватчиками и местными властями, общинники — резеши попадали в кабалу к феодалам-ростовщикам, которые за непогашенные своевременно долги отнимали у крестьян принадлежавшие им участки земли. Молдавские феодалы оформляли захваты земли актами купли-продажи, носившими видимость законности. Однако за фразами о том, что земля продана общинником добровольно, в действительности скрывалось явное расхищение резешских земель.

Развитие производительных сил во второй половине XV в. обусловило дальнейший процесс отделения ремесла от земледелия, оживление торговли, а в связи с этим рост ранее существовавших городов и появление новых торгово-ремесленных центров. Этот процесс был заторможен установлением турецкого господства в Молдавии. В условиях продолжавшего господствовать натурального хозяйства значительную роль в Молдавии играли домашние промыслы, связанные с земледелием и удовлетворявшие потребности большинства населения страны. В свою очередь

---

[1] *Blaise de Vigenère.* La description du Royaume de Pologne et Pays adiacens... Париж, 1573; цит. по *П. А. Кулиш.* История воссоединения Руси, т. 2, СПб., 1874, стр. 451—452.

и городское торгово-ремесленное население в своей массе не порывало с земледелием. Это также говорит о недостаточном отделении ремесла от земледелия и слабости товарно-денежных отношений и внутреннего рынка, медленно развивавшихся в покоренной турками Молдавии.

Ко второй половине XV в. на территории Молдавии насчитывалось около тридцати городов[1]. Некоторые из них, как, например, Путна, в XVI в. перестали существовать как городские центры и деградировали до положения сел[2]. Однако, несмотря на мало благоприятные условия, в Молдавии появляется все же несколько новых городских центров: Кымпулунг, Фолтичены, Радауцы, Ботошаны. Бо́льшая часть молдавских городов подчинялась непосредственно господарям. Были, однако, и частновладельческие города, как, например, г. Требеш.

Среди ремесленников молдавских городов встречаются суконники, шорники, золотых дел мастера, оружейники, слесари, горшечники, бондари, каменщики и т. д. Молдавские летописи и акты проливают очень мало света на вопрос об организации молдавских ремесленников в XVI в.

Известно единственное упоминание о цехе живописцев в Сучаве, относящееся к 70-м годам XVI в.[3] Цеховая организация в Молдавии документально засвидетельствована для XVII в.

Города были центрами не только ремесленного производства, но и торговли. Будучи связаны с округой, города привлекали на свои рынки и ярмарки жителей окрестных деревень и многочисленных купцов, как местных, так и иноземных.

В XIV—XV вв. через Молдавию шла значительная транзитная торговля между городами Балтийского побережья и итальянскими факториями Причерноморья. Но на рубеже XV—XVI вв., как указывает Ф. Энгельс, «...вся торговля с Востоком погибла вследствие монгольских и турецких нашествий, а грандиозные географическо-торговые открытия с 1492 г. лишь ускорили и затем довершили эту гибель»[4]. Падение Константинополя, взятие Кафы, захват Килии и Белгорода Турцией подорвали ту оживленную транзитную торговлю, которая велась на территории Молдавии. Однако это не означало того, что с турецким нашествием торговая жизнь в Молдавии полностью замерла.

Крупнейшим и главным торговым центром Молдавии являлся г. Сучава — столица страны и резиденция молдавского митрополита. Значительную роль в торговой жизни Молдавии играли Черновицы, Хотин, Ботошаны, Роман, Лапушна, Тротуш, Яссы, Васлуй, Оргеев и другие города.

---

[1] *Ф. А. Грекул.* Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 1950, стр. 108.

[2] *N. Jorga.* Studii si documente, т. VII, Бухарест, 1904, стр. 287.

[3] *А. И. Яцимирский.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905, стр. 291.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 504.

Для развития торговли большое значение имели ярмарки, систематически устраивавшиеся в различных городах страны. На ярмарки привозились продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия как из разных районов Молдавии, так и из крупных торгово-ремесленных центров соседних стран — Львова, Бистрицы, Брашова, Сибина и др. Так, например, в г. Тротуше устраивалось по четыре ярмарки в год.

Одним из главных товаров молдавского происхождения был скот. Многие молдавские господари были крупнейшими торговцами скотом. Значительного развития достигала также и торговля молдавским вином. Экспортом вина в соседние страны занимались и молдавские феодалы.

У молдавских купцов в XVI в. были торговые связи с Русским государством, откуда они привозили, например, меха и «рыбий зуб»[1].

Торговые связи Молдавии с соседними странами регламентировались договорами. Так, в молдавско-польском договоре Богдана III с королем Сигизмундом были оговорены права польских и молдавских купцов. Польским и литовским купцам разрешалось торговать по всей молдавской земле вплоть до Валахии и Турции с уплатой пошлины по старому обычаю. Такое же право было предоставлено и молдавским купцам в их торговле в пределах Польши и Литвы[2].

Взимание мыта и пошлин с импортируемых и экспортируемых товаров приносило казне большие доходы. Так, к концу XVI в. одни лишь Черновицы приносили государственной казне ежегодный доход от пошлин на сумму в 100 000 флоринов.

Для нужд внутренней торговли в Молдавии, несмотря на запрет турецкого правительства, чеканилась, главным образом, мелкая разменная монета. В ходу было много иностранных денег: турецких аспров, татарских золотых, польских злотов, венгерских дукатов и др. При такой пестроте денежной системы в Молдавии было очень много менял, которые в крупных масштабах занимались ростовщичеством. Наряду с денежным практиковался и натуральный обмен.

* * *

Основной массой населения страны являлось крестьянство. Крестьяне, не попавшие в частновладельческую зависимость и носившие в Молдавии название резешей, жили сельскими общинами. Часть земли — леса, луга, сенокосы — была в общем пользовании общинников. Пашни, сады, виноградники и приусадебные участки находились в личном владении резешей. Резеши эксплуатировались непосредственно государством. Несмотря на строгую регламентацию отчуждения резеш-

---

[1] *D. Furnică.* Documente pivitoare la comerţul românesc. Бухарест, 1931, стр. 8—9; *N. Jorga.* Istoria comerţului românesc. Бухарест, 1937, стр. 186.

[2] *M. Costăchescu.* Documente moldoveneşti dela Bogdan Voevod. Бухарест, 1940, стр. 474.

ской земли, она различными путями расхищалась феодалами. Лишившись основного средства производства — земли, резеши со временем попадали в кабалу к феодалу, теряя в конечном итоге и свою личную свободу.

Вторую категорию сельского населения составляли крепостные крестьяне, проживавшие на землях светских и церковных феодалов. К этой категории относятся также и так называемые господарские крестьяне, проживавшие на землях, принадлежавших лично господарям.

Характерным явлением общественной жизни Молдавии рассматриваемого времени был дальнейший процесс закрепощения крестьян[1].

Крепостные в Молдавии назывались в славянских актах «соседями», а в молдавских — «вечинами». Получив от феодала участок земли, крепостной обязан был платить господину десятину (дижму) и отбывать барщину на его полях. Десятина уплачивалась со всех продуктов хозяйства крепостного, который также должен был обрабатывать поля феодала, собирать и свозить урожай на барский двор, возить дрова и выполнять различные работы в барской усадьбе. Крепостных дарили, продавали, обменивали и передавали по наследству. Атрибутом феодального землевладения был иммунитет, который господари подтверждали своими грамотами.

Помимо крепостных, на землях молдавских феодалов сидели и крестьяне, формально обладавшие правом ухода от господина. Отличие их от крепостных в действительности стиралось, так как феодалы, опутывая крестьян различными долговыми обязательствами, усиливали свою экономическую власть над ними, всячески препятствовали уходу крестьян и в конце концов добивались их перевода в разряд крепостных.

Значительную массу населения феодальных владений составляли холопы, которыми в Молдавии в большинстве своем были цыгане. Труд холопов находил разнообразное применение в усадьбах феодалов. Холопы-ремесленники изготовляли различные ремесленные изделия, главным образом кузнечные, и выполняли дворовые работы в хозяйстве феодала. Широко практиковались в Молдавии ничем не ограниченная продажа холопов, их обмен, заклад, передача их по наследству.

Среди городского населения увеличивалось имущественное неравенство. Масса мелких ремесленников, торговцев и чернорабочего люда, быстро пополнявшегося за счет молдавских крестьян, искавших в городе средств к существованию, подвергалась эксплуатации со стороны цеховой и торговой верхушки. Имея своих представителей в органах городского самоуправления, тесно связанная с представителями центральной власти на местах, торгово-цеховая верхушка перекладывала всю тяжесть уплаты налогов и несения различных повинностей на мелкий торгово-ремесленный люд. На этой основе обострялись антагонистические противоречия внутри городов.

---

[1] «История Молдавии», т. 1, Кишинев, 1951, стр. 181—183.

* * *

Развитие феодализма в Молдавии происходило в условиях обострения классовой борьбы, в первую очередь между крестьянством и феодалами. Молдавские крестьяне боролись с расхищением феодалами их земель, уничтожали межевые знаки, которые феодалы устанавливали на захваченной ими общинной земле. Эта форма протеста приняла в XVI в. широкий размах. Государственная власть, выступая в защиту интересов феодалов, накладывала на виновных огромные разорительные штрафы. Крестьяне отказывались работать на своих господ, не выходили на барщину.

Больших размеров достигает в это время бегство крестьян от своих господ в Польшу, Трансильванию, на земли левобережья Днестра, на Украину в казачество. Крестьянские побеги пагубно сказывались на хозяйстве феодалов, которые при помощи государственной власти старались водворить крестьян на их старое местожительство.

В 1511 г. господарь Богдан III жаловался польскому королю на то, что польские феодалы переманивают обещанием различных льгот молдавских крестьян, которые уходят из Молдавии[1]. В конце XVI в. участились случаи бегства в соседние страны и молдавских холопов. Так, в 1585 г. господарь Петр Хромой просил у властей трансильванского города Бистрицы выдачи сбежавших туда холопов[2].

Владельцам беглых крепостных и холопов, находившихся в пределах Молдавии, господари выдавали специальные грамоты, на основе которых эти владельцы имели право искать беглецов по всей стране и водворять на свои земли. Господари строго предписывали тем, у кого скрывались беглецы, не чинить препятствий их законным владельцам в розыске и водворении в свои имения принадлежащих им зависимых людей[3].

Помимо пассивных форм классовой борьбы, молдавское крестьянство, вместе с угнетенными крестьянами соседних стран, прибегало и к активным формам — вооруженным выступлениям.

Мощное крестьянское восстание охватило в 1490—1492 гг. северные районы Молдавии, Галицкую землю и Подолию. Во главе восставших молдавских и украинских крестьян стал опытный воин Муха, которого современники называют то волошином, то русским. Повстанцы, насчитывавшие в своих рядах до 9—10 тысяч крестьян, захватили г. Снятин. Восставшие крестьяне беспощадно расправлялись с феодалами. В битве при Рогатине польские феодалы с помощью тевтонских псов-рыцарей разбили плохо вооруженные отряды восставших. Однако в 1491 г. восстание вспыхнуло с большей силой, и крестьяне вновь захватили земли до Галича. Повстанцы и на этот раз были разбиты, но пораже-

---

[1] «Acta tomiciana», т. III, стр. 157; apud *N. Jorga.* Chilia şi Cetatea Albâ, стр. 179.
[2] *Hurmuzaki — N. Jorga.* Doc., т. XV, ч. I, стр. 696.
[3] *B. P. Hasdeu.* Archiva istoricâ o Romaniei, т. II, Бухарест, 1867, стр. 197.

ние их не привело к подавлению движения, которое продолжалось и в 1492 г. Близ Галича Муха был коварно схвачен украинскими шляхтичами. Вооруженная борьба молдавских и украинских крестьян под предводительством Мухи была самым крупным крестьянским восстанием XV в. в Молдавии и соседних с ней странах[1]. Молдавский летописец сообщает также о восстании крестьян 1514 г. во главе с Трифилем[2].

С середины 60-х годов XVI в. в Молдавии поднимается новая волна антифеодальных вооруженных выступлений молдавского крестьянства. В 1566 г. в Трансильванских Альпах появился самозванец, выдававший себя за воеводу Стефана. Перейдя в Молдавию и собрав вокруг себя, как презрительно отмечает боярин-летописец, «пастухов и различный сброд», он призывал народ к борьбе с феодалами. Повстанцы были разбиты и рассеяны войском господаря Александра Лапушняну. Попавшие в плен были казнены господарем. Руководитель восстания спасся бегством в Трансильванию[3]. Принявшие участие в этом движении крестьяне Молдавии и Трансильвании вместе боролись против своих угнетателей-феодалов.

Усилившийся феодальный гнет вызвал в 1581 г. новое крестьянское восстание в Лапушнянском уезде. Во главе его стал некий Лунгу, принявший имя Иоанна воеводы. Повстанцы не достигли столицы и были разбиты господарским войском[4], потопившим в крови и это крестьянское восстание. Однако крестьянские волнения продолжались, о чем свидетельствует тот факт, что в 1583 г. господарь Янку Салул при бегстве из страны не решился перейти через горы в Трансильванию, боясь расправы с ним молдавских крестьян предгорий Карпат[5].

Наиболее мощное из крестьянских восстаний XVI в. вспыхнуло в 1591 г. Восстанию благоприятствовала обстановка в стране, оставшейся без господаря, ибо Петр Хромой покинул престол, а вновь назначенный Портой господарь не успел вступить в страну. Описывая расправу крестьян с феодалами, кастелян одного из трансильванских городов, которому довелось как раз в это время побывать в Молдавии, писал следующее: «крестьянство... нападает на сановников, если последние не убегают, и убивает их. Небольшое число оставшихся дома боится показаться на глаза крестьянам. Все главные люди ушли, начиная от господаря, владыки митрополита, гетмана...»[6]. Движение было подавлено новым

---

[1] *Н. А. Мохов.* Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 3—4, 1953, стр. 17—40.

[2] *Ф. А. Грекул.* Ценное известие о классовой борьбе в феодальной Молдавии. «Известия Молдавского филиала АН СССР», № 3—4, 1953, стр. 123—124.

[3] *Gr. Ureche.* Vornicul şi Simion Dascălul. Letopiseţul Ţării Moldovei, изд. III. Craiova, 1940, стр. 148.

[4] Там же, стр. 171—172.

[5] Там же, стр. 173.

[6] *Hurmuzaki — N. Jorga.* Doc., т. XV, ч. I, стр. 709—710.

турецким ставленником на молдавском престоле — господарем Ароном.

Лишенные руководства, стихийные и неорганизованные, как и в других странах, восстания молдавских крестьян, настроенных царистски, не могли привести к победе, не могли увенчаться успехом.

Слабая изученность источников не позволяет пока дать картину классовой борьбы в городах. Наличие этой борьбы мы можем только предполагать, ибо существовали причины, ее порождающие: антагонистические противоречия между торгово-ремесленным населением и феодалами, между мелкими ремесленниками, торговцами и чернорабочими и цеховой и купеческой верхушкой.

* * *

Международное положение Молдавии в XVI в. было сложным. Несмотря на торжественное обещание оказать помощь Стефану в борьбе за возвращение Килии и Белгорода, польский король Казимир в 1489 г. заключил мир с султаном. Династия Ягеллонов, правившая в Польше, Литве, Венгрии и Богемии, готовилась присоединить к своим владениям и Молдавию, которую намеревалась передать Сигизмунду—брату польского короля Яна Ольбрахта.

В ходе борьбы за объединение русских земель вокруг Москвы еще более укрепились связи Молдавии с Русским государством[1]. Политический союз между Стефаном III и Иваном III был закреплен браком дочери господаря с сыном великого князя Московского. Коренные интересы обоих государств вели к установлению дружественных союзных отношений между ними. Русское государство оказывало серьезную дипломатическую помощь Молдавии в борьбе с Турцией, предохраняя ее от ударов Польши и Литвы, которые они намеревались ей нанести.

В 1497 г. Ян Ольбрахт во главе польско-литовского войска совместно со своим братом великим князем Литовским выступил в поход против Молдавии. Стефан обратился за помощью к русскому правительству, прося его задержать литовское войско. Иван III 19 августа 1497 г. отправил своего посла к Александру, твердо требуя от него, чтобы он не участвовал в походе на Молдавию[2]. Решительное вмешательство русского правительства возымело действие. Александр вынужден был отказаться от участия в походе, и литовские войска не вступили на молдавскую территорию. После продолжительной неудачной осады Сучавы польское войско отступило. Не выполнившие условий перемирия польские захватчики были наголову разбиты Стефаном в битвах в Козминском лесу и у Ленцешт[3]. Так агрессивные планы Ольбрахта потерпели полнейший крах.

---

[1] Ср. гл. 1, § 9 настоящего издания.
[2] Сб. РИО, т. 35, стр. 238.
[3] *Gr. Ureche.* Указ. соч., стр. 51—53.

Летом 1498 г. молдавские войска под предводительством Стефана совершили поход на Польшу, окончившийся взятием многих городов юго-восточной Польши: Радамно, Трембовля, Пшеворска и др. и большого числа военнопленных[1].

В 1499 г. между Молдавией и Польшей был заключен мирный договор, согласно которому Стефан, нуждавшийся в помощи для борьбы с Турцией, признавал свою вассальную зависимость от Польши[2].

Молдавское боевое знамя конца XV в.

Положительным результатом союза правительств Ивана III и Стефана III были мирные взаимоотношения последнего с крымскими татарами в конце XV в., когда Молдавия не подвергалась уже опустошительным татарским набегам.

Окончательное установление тяжелого турецкого ига в Молдавии в XVI в., грабежи и бесчинства захватчиков подняли народные массы на борьбу с врагом. Если служилые люди, горожане и общинное крестьянство готовы были с оружием в руках выступить на борьбу с турецко-татарскими агрессорами, то подавляющая часть крупных молдавских феодалов мирилась с создавшимся положением, будучи заинтересована только в своем личном благополучии и ограблении населения, стремясь при помощи Турции и Крыма укрепить свое классовое господство.

Международная обстановка мало благоприятствовала освободительной борьбе молдавского народа. Молдавия в это время не могла рассчитывать на вооруженную помощь соседних государств.

Русское государство, не имея возможности открыто с оружием в руках выступить против Турции, оказывало, однако, Молдавии большую денежную и дипломатическую поддержку. Украинское казачество в своей непрекращавшейся борьбе с турецко-татарскими полчищами часто оказывало молдавскому народу помощь против Турции. В XVI в. запо-

---

[1] *Gr. Ureche.* Указ. соч., стр. 56.

[2] Полный текст договора см. *J. Bogdan.* Documentele lui Ştepan cel Mare, т. II, Бухарест, 1913, стр. 419—426.

рожские казаки неоднократно вступали на молдавскую землю и совместно с молдаванами сражались против общего врага — турецких и крымских татар.

Серьезные дипломатические и военные мероприятия в целях свержения турецкого ига были проведены в Молдавии в 30-х годах XVI в. господарем Петром Рарешом. Он начал борьбу с панской Польшей за обладание Покутьем. Молдавское войско зимой 1530 г. заняло все Покутье. Местное украинское население перешло на сторону молдавских войск [1].

Важное значение для подготовляемой Петром Рарешом борьбы с султаном имели дружественные молдавско-русские отношения, поддерживавшиеся и его предшественниками. При Петре эти взаимоотношения становятся еще более тесными — между Москвой и Сучавой происходит обмен посольствами, несмотря на препятствия, чинимые послам польскими властями. Основой дружественных связей Петра Рареша (свойственника Ивана IV) [2] с Русским государством было единство интересов в борьбе против общего врага — панской Польши.

Решительные выступления русского правительства в защиту Петра Рареша не позволяли польскому королю развить свой тактический успех после оставления молдаванами Покутья. Тем самым срывались агрессивные замыслы панской Польши по отношению к Молдавии. С другой стороны, своими фланговыми ударами по Польше Петр Рареш значительно облегчал русскому правительству проведение его политических задач в области объединения русских, белорусских и украинских земель.

В ноябре 1533 г. в Москву прибыли послы Петра Рареша, который в грамоте на имя великого князя Василия Ивановича просил, «...чтобы его великий государь жаловал и берег от короля Польского и великого князя Литовского» [3]. Русское правительство выступило в защиту Молдавии. В 1536 г. в ходе русско-польских мирных переговоров русские представители требовали от польского короля заключения перемирия и с П. Рарешом [4].

В 1537 г. правительство Ивана IV через своих послов, вновь требуя заключения польско-молдавского перемирия, открыто заявило королю Сигизмунду I: «...Мы к воеводе волошскому к Петру любовь свою держим и его жалуем, а он нам служит» [5]. Твердая позиция русского правительства отвела удар, который польские паны готовились нанести Молдавии.

В 1538 г. П. Рареш порвал дипломатические отношения с Портой. В ответ на это султан Сулейман во главе огромного войска вступил в Молда-

---

[1] *Hurmuzaki — N. Jorga.* Doc., т. XI, стр. 8.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Иван Грозный и Сербия. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. I, М., 1945, стр. 7.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, СПб., 1904, стр. 66.

[4] Сб. РИО, т. 59, стр. 58, 60, 89—91.

[5] Там же, стр. 117.

вию, на которую одновременно напали татары и польские войска. Разгромив татар и добившись ценой отказа от Покутья заключения перемирия с Польшей, П. Рареш начал приготовления к решительному сражению с войском султана. Однако бояре-предатели со своими дружинами перешли на сторону Сулеймана, с которым они давно уже вступили в соглашение[1]. Предательство бояр препятствовало борьбе молдавского народа с турецкими феодалами. Молдавия была опустошена полчищами султана. Захватчики заняли южную и центральную часть Молдавии между Прутом и Днестром с г. Бендерами[2]. Бендеры были превращены султаном в райю, для защиты которой была сооружена мощная каменная крепость. Не имея возможности пробраться в Москву[3], господарь перешел в Трансильванию, откуда предпринял шаги для возвращения себе престола.

Получив престол в 1541 г., П. Рареш, не отказавшись от мысли о свержении турецкого ига, возобновил связи с Русским государством. В 1543 г. послы господаря просили в Москве у Ивана IV денежной помощи. В феврале следующего года русское посольство повезло П. Рарешу «жалованье» Ивана IV. Помощь деньгами и дорогими мехами, получаемая П. Рарешом из Москвы, использовалась им для подготовки борьбы с султанской Турцией. Вынужденный тщательно скрывать свои планы, чтобы не подвести под удар страну, когда она не была полностью готова к борьбе, господарь пока выполнял свои обязанности данника Порты.

После смерти П. Рареша (1546) Иван IV продолжал оказывать материальную помощь Молдавии. Так, например, в 60-х годах XVI в. в Москву за помощью прибыл посол господаря Александра Лапушняну[4].

Борьба за свержение турецкого ига достигла кульминационной точки в 70-х годах XVI в., в годы правления Иоанна Воды Лютого. Опираясь на поддержку служилых людей, горожан и резешей, господарь, на помощь которому пришли запорожские казаки во главе с гетманом Сверчковским, провел ряд блестящих военных операций против турок[5]. Весной 1574 г. молдаване и казаки, разбив на южной границе Молдавии авангард турецкого войска, вступили на территорию Валахии. После взятия Бухареста молдавско-казацкое войско осадило турецкую крепость Браилу и захватило ее посад. Пятнадцатитысячный отряд турок, посланный из Килии и Белгорода на помощь браильскому гарнизону, был разбит молдавско-казацкой конницей, предводительствуемой Сверч-

---

[1] *A. Wrancius.* De apparatu Joannis Regis contra Solimanum caesarem in Transilvaniam invadentem (1536—1538). Tesaur de monumente istorice, т. III, Бухарест, 1864, стр. 153—154.

[2] *Gr. Ureche.* Указ. соч., стр. 100—102.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 144.

[4] *П. А. Сырку.* Из истории сношений русских с румынами. «Известия Отд. русского языка и словесности Академии Наук», т. I, СПб., 1896, стр. 519—520.

[5] Подробное описание у *Gr. Ureche.* Указ. соч., стр. 154—162; *J. Bielski.* Kronika polska, Zbiór pisarzów polskich, Część piąta, т. XVIII, кн. 6, Варшава, 1830, стр. 174—190.

ковским. Преследуя разгромленного противника, молдаване и казаки осадили оккупированные турецкими феодалами Бендеры, а затем и Белгород. Поражения турецких войск следовали одно за другим.

Обеспокоенный блестящими победами молдавско-казацкого войска, султан Селим снарядил огромную армию, состоявшую из турок, татар и валахов, которой противостояло всего лишь 30 000 молдаван и казаков. Несмотря на явное несоответствие сил, господарь и Сверчковский приняли решение дать сражение. Однако предательство молдавских бояр, перешедших со своими дружинами на сторону врага, усугубило и без того критическое положение молдавско-казацкого войска.

Решительная битва произошла 10 июня 1574 г. у Кагульского озера. В смелой атаке молдаване и казаки захватили 60 вражеских пушек и нанесли противнику большие потери в живой силе. Отступив после этого в укрепленный лагерь близ д. Рошкан, Кагульского уезда, молдаване и казаки героически отбивали яростные атаки вражеских полчищ. После продолжительной осады, испытывая острую нужду в боеприпасах и невыносимо страдая от жажды, осажденные молдаване и казаки, видя, что помощи им ждать неоткуда, решили сложить оружие. Господарь был обезглавлен турецкими феодалами, а воины его перебиты. Оставшиеся в живых были отправлены в тяжелую неволю. Молдавия была предана турками и татарами огню и мечу. Территория между Прутом и Днестром обезлюдела на долгие годы[1]. 1574 год ознаменовался невиданным голодом в результате уничтожения турецко-татарскими ордами неубранных хлебов.

В последней четверти XVI в. походы запорожских казаков в Молдавию и их совместная с молдаванами борьба против турецко-татарских поработителей развернулись с новой силой. Как сообщает казацкая летопись того времени, гетман Шах по просьбе молдаван посадил на молдавский престол «славного козака своего Подкову»[2]. Подкова был призван в Молдавию не крупными феодалами, поддерживавшими турецкого ставленника — господаря Петра Хромого, а служилыми людьми и широкими массами городского и сельского населения, которые страдали от грабежей и произвола крупного молдавского боярства, поддерживавшего Петра.

Однако Подкове не удалось долго продержаться на молдавском престоле. Будучи не в силах противостоять турецко-татарско-валашскому войску, Подкова покинул пределы Молдавии и перешел в Подолию. Здесь его, как сообщает украинская летопись Самовидца, «ляхи, лестно (т. е. обманом) поймавши, отослали до короля, который повелел ему, Подкове, голову отсекти во Львове»[3].

---

[1] *Gr. Ureche.* Указ. соч., стр. 163.

[2] *Н. Белозерский.* Южнорусские летописи, т. I, Киев, 1856, стр. 130.

[3] «Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти». М., 1846, стр. 3.

В 1593—1595 гг. Лобода и Наливайко совместно с молдаванами провели ряд крупных военных антитурецких операций на молдавской земле и осадили крепости Бендеры, Килию и др.

Несмотря на смелые попытки свержения турецкого ига, молдавскому народу в XVI в. не удалось добиться своего освобождения от тяжелой неволи. Более того, очередное поражение приводило к усилению ига, а на рубеже XVI—XVII вв. Молдавия была превращена в арену польско-турецких войн.

* * *

Отсутствие достоверных письменных источников, слабая археологическая разработка истории Молдавии затрудняют описание быта молдавского народа.

По словам очевидцев, молдавские села состояли из землянок или врытых в землю деревянных домов, обмазанных глиной и покрытых соломой или камышом[1]. Молдавские крестьяне одевались в овчины, а ноги обматывали шкурами животных или древесной корой, что сильно затрудняло движения[2]. Бояре же носили разноцветные шелковые одежды, вышитые золотом и покрытые различными украшениями, надевали на свои пальцы дорогие перстни[3].

Литературное творчество широких масс молдавского крестьянства запечатлено в различных произведениях устной словесности — дойнах, балладах, сказках, передававшихся из уст в уста, из поколения в поколение. В них отразилась тяжелая доля угнетенного народа, его ненависть к местным феодалам и иноземным поработителям—турецким пашам и татарам.

Так, например, в одной молдавской народной песне резеш, проклиная свою горькую участь, говорит:

«Не хочу резешем в поле,
Гайдуком хочу в раздолье.
Кистенем махать я буду,
Правду лучшую добуду».

В острых и метких поговорках народные массы бичевали своих эксплуататоров за бесчеловечное к ним отношение. Характерна и красноречива в этом отношении следующая молдавская народная поговорка: как ива не плодовое дерево, так и боярин не человек.

Славяно-молдавская церковная литература в XVI в. переживала упадок. В это время было составлено и переписано значительно меньше

---

[1] *А. Wrancius*. Указ. соч., стр. 178.

[2] Relation de François de Pavie, seigneur de Forquevauls d'un sien voyage fait l'an MDLXXXV aux terres du Turc et autres divers lieux de l'Europe; *N. Jorga*. Acte şi fragmente cu privire la istoria Romînilor, т. I, Бухарест, 1895, стр. 38.

[3] *А. Wrancius*. Указ. соч., стр. 181.

Образец молдавского письма. Страница из евангелия на славянском языке, 1493 г.

книг, чем в XV в. — в период расцвета в Молдавии церковной литературы на славянском языке. Славяно-молдавское летописание в XVI в. представлено только тремя крупными памятниками, принадлежавшими перу современников и отражавшими интересы господствующего класса.

Образец молдавской резьбы по дереву: кресло, XVI в.

Придерживаясь традиционной литературной формы, молдавские летописцы XVI в. излагали историю Молдавии в пространных погодных записях, давая подчас и оценку описываемых событий. Героями их летописей, «творцами» истории выступают господари, светские и церковные феодалы. Как носители средневекового мировоззрения молдавские летописцы проникнуты глубокой верой в божий промысел.

Летописец Макарий описывает события между 1504—1551 гг. Составляя свою летопись по поручению Петра Рареша, летописец наибольшее внимание уделяет правлению этого господаря. Для характеристики Рареша Макарий не жалеет красок и самых высокопарных эпитетов. Будучи одним из образованнейших книжников Молдавии, Макарий придал своей летописи особую стилистическую вычурность. Продолжателем Макария был летописец Евфимий. Его летопись, составленная по поручению господаря Александра Лапушняну, описывает дальнейшие события истории Молдавии до 1554 г. Наконец, летопись Азария, написанная по поручению господаря Петра Хромого, охватывает 1551—1574 гг.

Таким образом, эти летописи дают описание истории Молдавии за семьдесят лет XVI в. Книжники, писавшие по поручению феодалов, мало интересовались тяжелой судьбой эксплуатируемых масс народа. Тем не менее славяно-молдавские летописи представляют несомненный интерес как исторические источники, принадлежащие перу современников-очевидцев, и как памятники молдавской литературы.

На рубеже XV—XVI вв. появились первые книги на молдавском языке — «Шкеянская псалтырь», «Воронецкий кодекс». Эти переводы церковных книг со старославянского языка на молдавский сыграли большую роль в развитии молдавской письменности. Используя для своих переводов народный язык, первые молдавские переводчики тем

самым способствовали проникновению в письменность народной речи, на прочной основе которой и развивался на протяжении веков молдавский литературный язык.

В Молдавии не существовало особых школ. Детей молдавских феодалов обучали грамоте монахи при крупных монастырях (Нямецком, Путнянском и др.). Все образование сводилось к усвоению письма и заучиванию наизусть нескольких церковных книг. За малейшие ошибки детей нещадно наказывали. Молдавское слово «а педепси», означающее в современном языке «наказывать», в старину имело значение учить, воспитывать. Плодами просвещения могли пользоваться главным образом феодалы, широкие же народные массы находились в темноте и забитости.

Из памятников зодчества XVI в. до нас дошли только церковные сооружения. Молдавское церковное зодчество этого периода развивает и совершенствует молдавский архитектурный стиль, оформившийся еще в XV в. Форма церквей остается трехлопастной, а оконные и дверные проемы—стрельчатыми. Отличительной чертой памятников молдавского зодчества XVI в. является внешняя стенная роспись. Стены храма снаружи покрывались пестрым, живым ковром фресок на различные библейские темы. Наиболее яркими памятниками являются храмы монастырей Молдовица, Хомор и Сучевица, покрытые замечательной внешней стенной росписью.

Тяжелое турецкое иго задерживало развитие молдавской культуры, препятствовало установлению прочных экономических и культурных связей с великим русским народом, который всегда в самые тяжелые минуты исторической жизни молдавского народа протягивал ему братскую руку помощи.

8

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

К XVI в. западная и средняя части северокавказской равнины и предгорий были заняты многочисленными племенами адыге, в состав которых вошла, повидимому, часть старого аланского населения этих мест[1].

В Западной Черкесии среди адыгейских племен жили и абазинские[2]. В горах, к югу от адыгейцев, грузинские и русские источники XVI в. знают осетин (осов, осинцев). В Северном Дагестане, в его приморской части, основным населением были кумыки, народ тюркского происхождения, в то время как горная часть Дагестана представляла исключительно

[1] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 3, М.— Л., 1941, стр. 29.

[2] *Л. И. Лавров.* «Обезы» русских летописей. «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 161—170.

пеструю племенную картину — здесь жили авары, кази-кумуки, или лаки, племена андийской и дидойской групп, лезгины, даргинцы и т. д.[1]

Наряду с большим разнообразием племенного состава населения Северного Кавказа мы встречаемся с неравномерностью и разнообразием развития социально-экономических отношений в тех или иных его районах. В высокогорных частях Кавказского хребта формы хозяйственной жизни были очень примитивны. И много позднее здесь сохранялся на основе скотоводческого по преимуществу хозяйства патриархально-родовой быт[2]. В районах, примыкавших к равнине или морю, пересекавшихся большими транзитными торговыми путями, обладавших природными условиями, которые позволяли широко вести скотоводческое хозяйство и заниматься земледелием, можно наблюдать разные стадии развития феодальных отношений, с своеобразными особенностями у того или иного народа. Здесь складывался ряд государств или полугосударств раннефеодального типа, с устойчивыми пережитками патриархальных отношений.

Племена адыге не объединились в одно государство ни в XVI в., ни позднее. Источники XVI в. прежде всего различают две большие группы адыгейских племен — кабардинских черкесов, живших по Тереку и его притокам правой и левой стороны, и черкесов по Кубани и ее притокам.

Наиболее подробные сведения о социально-экономическом строе западноадыгейских племен в конце XV в. дает рассказ генуэзца Георгия Интериано[3]. Общество, которое он описывал, несомненно, было уже затронуто процессом феодализации. Интериано различал у черкесов — адиге (или зихов) «знатных, вассалов, сервов и невольников». Знатные — «в сильном почете»; они считают позорным заниматься «не дворянским делом», управляют «народом» и «упражняются в охоте и военном деле».

Археологи не находят на территории Адыгеи следов черкесских поселений, что указывает на неполную оседлость черкесских племен[4]. Эти наблюдения находят подтверждение в рассказе Интериано, который говорил, что в Черкесии нет ни одного города, укрепленного стенами, и описывал жилища черкесов — из соломы, либо дерева или тростника. Это те легкие постройки, которые черкесы и кабардинцы строили и позже, часто меняя места поселений. Характерно и другое указание Интериано на то, что у черкесов «пшеницы... нет вовсе, зато много проса». В низовьях Кубани было развито рыболовство, в предгорьях сохранила значение охота.

---

[1] «Языки Кавказа». М.— Л., 1950; *Л. И. Жирков.* Горские языки Дагестана. «Тезисы докладов научных сотрудников Института языкознания...», М., 1951.

[2] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 25.

[3] *А. Веселовский.* Несколько географических и этнографических сведений о древней России из рассказов итальянцев, СПб., 1870.

[4] *А. А. Иессен.* Указ. соч., стр. 28, 30; *Л. И. Лавров.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, М., 1952, стр. 179—225.

Некоторые указания Интериано и инвентарь курганных погребений, которые археологи определяют как адыгейские, позволяют перечислить ряд изделий, которые можно отнести к местным. Описывая одежду черкесов, Интериано называет плащи из войлока, острые войлочные шляпы, кольчуги, сапоги. В курганах находят обычно железное оружие — кинжалы, ножи, наконечники стрел. Из генуэзских колоний — Матреги на Таманском полуострове и Копы на Кубани, с которыми черкесы поддерживали сношения,— в Черкесию проникали и привозные изделия [1].

О повинностях «сервов» (очевидно, этим западным термином Интериано называет черкесских крестьян-общинников—тльфокотль) не дается никаких сведений. Сообщение о том, что в Черкесии «не ходит никакая монета» и что все расчеты ведутся на куски холста, показывает, что эти повинности носили форму или натуральной, или отработочной ренты.

Политический строй черкесских племен был примитивен. «Писанного закона» у них не было. «Знатные» «все живут независимо друг от друга». Интериано описывает кровавые родственные распри в семьях «знатных» и их взаимные набеги, во время которых нападающие похищали детей «бедных крестьян» и их скот, уводили их с собой «из одной страны в другую» и там продавали. Очевидно, и тогда имела место широко развившаяся позже продажа пленных. В середине и во второй половине XVI в., по русским источникам, известно несколько «князей» западноадыгейских племен [2]. В сношениях с Русским государством они действовали сообща и вели переговоры от «всей Черкасской земли». Однако не видно, чтобы в Западной Черкесии была в это время какая-либо объединяющая власть. Ряд черкесских племен и позже не знал княжеской власти, сохраняя патриархально-родовой быт.

На территории Кабарды остатков постоянных поселений также не найдено. Отсюда делается заключение о неполной оседлости кабардинцев, сохранившейся до XIX в. [3] До нас дошли известия XVI и XVII вв. о том, что кабардинцы, спасаясь от набегов врагов, «бегали в крепи» или «крепости», которых «без пушек и без пищалей» нельзя было взять. Возможно, что в этих случаях кабардинцы пользовались для временного пристанища оборонительными сооружениями более раннего времени [4].

Основным занятием трудового населения Кабарды были скотоводство и земледелие. О значении коневодства говорит то, что кабардинские

---

[1] *В. П. Левашова.* Белореченские курганы. «Труды ГИМ», вып. XXII, М.,1953.

[2] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 259, 288, т. XXI, вторая половина, стр. 538, 563.

[3] *Е. И. Крупнов.* Отчет о работе археологической экспедиции в Кабардинской АССР. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. IV, Нальчик, 1948.

[4] «Продолжение древней российской вивлиофики», т. X. 1795, стр. 252, 260 и сл.; «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 3, 1941, стр. 24—25.

Дагестанский бронзовый котел, начало XVI в.
Государственный Исторический музей

военные отряды были конными[1]. Земледелие было настолько развито, что в урожайные годы в Кабарде покупали хлеб и соседи. Так, прибегали к закупке у кабардинцев «хлебных запасов» воеводы возникшего в 1588 г. в устье Терека русского Терского города. Основным видом посевов было просо. Имели значение охота и рыболовство. Русский посол в Турцию в 1569 г. Ив. Новосильцев, говоря о земле князя Темрюка «по Терке по реке и до моря», заметил: «и зверь бил и рыбу ловил»[2].

Социальные отношения в Кабарде XVI в. следует определить как отношения раннего феодализма с устойчивыми патриархальными чертами. Есть указания на патриархальные домашние общины у кабардинцев, которые были обычны и в более позднее время[3]. Были распространены такие обычаи, как кровная месть, аталычество, побратимство, левират.

К концу века Кабарда делилась на ряд владений, где правили представители нескольких княжеских линий, «большие и меньшие князи», по выражению русского источника[4]. Кабардинский термин для них был пщы или пше (в первоначальном значении — глава рода, старейший)[5].

---

[1] *С. А. Белокуров.* Сношения России с Кавказом. «Чтения ОИДР», 1888, кн. III, стр. 7, 8 и сл.

[2] «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки», М.—Л., 1954, стр. 90; *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 143—144.

[3] *Е. Н. Студенецкая.* О большой семье у кабардинцев в XIX в. «Советская этнография», 1950, № 2; *М. О. Косвен.* Очерки по этнографии Кавказа. «Советская этнография», 1946, № 2.

[4] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 1—8, 76.

[5] *Н. Ф. Яковлев.* Грамматика кабардино-черкесского языка. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. II, 1947, стр. 164—294

Княжеские семьи владели своими «подданными» сообща, без раздела, подчиняясь старшему брату. Владения князей состояли обычно из групп «кабаков» — поселений сельского типа.

Привилегированным слоем кабардинского общества были уорки — «уздени», по русским источникам XVI—XVII вв., употреблявшим этот татарский термин. Уздени составляли княжеские конные отряды, отборные части которых носили панцыри и были вооружены копьями. Высшие слои узденей — тлакотлеш и деженуго—узнаем в «лучших людях»— «козларах» и «дужнюках» русских источников конца XVI в. Козлары могли владеть «своими кабаками» и имели право, как и рядовые уздени, переходить из одного княжеского владения в другое. Уздени составляли постоянный совет князя[1].

В качестве зависимых от кабардинских феодалов групп населения русские источники XVI в. называют «черных людей», т. е. крестьян-общинников — тльфокотль, и «ясырей», т. е. рабов-пленников. Никаких указаний на формы их эксплуатации в источниках XVI в. нет. Натуральный характер хозяйства исключает, конечно, денежную ренту, которой не было в Кабарде и в XIX в.

О характере классовой борьбы в адыгейском феодальном обществе можно судить по источникам более позднего времени, которые говорят не только о бегстве, но и об открытых восстаниях крестьян-общинников против феодалов.

Как и Западная Черкесия, Кабарда XVI в. не была объединенной. Внутренняя история Кабарды в XVI в. полна кровавыми столкновениями между князьями. Во время борьбы князей выжигались селения, вытаптывались пашни, угонялся скот, пленное население обращалось в рабство и затем частью продавалось. Однако среди кабардинцев представление о «всей Кабардинской земле» сохранялось, и были попытки ее объединения.

Один из кабардинских князей носил звание «большого», «начального князя» (позднейший турецкий термин — вали). Звание это не было наследственным. После смерти «начального» князя нового князя «обирали» из старших членов разных княжеских линий, по очереди, и «сажали» на княженье на «совете» «всей Кабардинской земли».

На таком же совете решались и внешнеполитические вопросы, например, в 1589 г. вопрос о подтверждении кабардинским народом русского подданства. Князь Янсох тогда «совет учинил в Кабарде, съехався с кабардинскими князи... и со всеми мурзами и уздени и со всею землею». Можно предполагать, что в XVI в. такие «советы» еще сохраняли в известной степени демократический характер и что участие крестьян-общинников не ограничивалось, как это было обычно в XVIII в., лишь выслушиванием решений, принятых феодалами[2].

---

[1] *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. 5, 7, 69, 137, 143, 145, 291.

[2] Там же, стр. 134—136, 350 и сл.

Выгодное местоположение Кабарды, преграждавшей своим южным соседям выходы с гор на равнинные зимние пастбища, обеспечило кабардинским князьям и мурзам господство над рядом горных племен, которые отставали от кабардинцев по экономическому и социальному развитию. Зависимость осетин от кабардинских феодалов установилась, очевидно, еще в XVI в.

Процесс феодализации в Осетии был в еще большей степени, чем в Кабарде, осложнен пережитками родового строя. В XIII—XIV вв. осетины, в связи с нашествием татар, были оттеснены из северокавказских равнин в горы — в горные ущелья по западным притокам Терека. Условия жизни в горах, где преимущественное значение в экономике имело скотоводство, обусловили господство натурального замкнутого хозяйства и чрезвычайную прочность патриархально-родовых обычаев. Наиболее характерными из них, как можно судить по позднейшим источникам, были: роль старших в семье, культ семейного очага и кровная месть. Феодальные отношения, которые могут быть раскрыты также лишь по более поздним источникам, развивались под оболочкой патриархально-родовых обычаев. О том, что процесс феодализации уходит вглубь XVI в., можно судить по сохранившимся древним архитектурным сооружениям — «галуанам» (замкам) осетинских феодалов, рассчитанным на большую семью. Феодального государства в Осетии — при расселении осетин по отдельным малодоступным горным ущельям — не сложилось и позднее. Зависимость Осетии от кабардинских феодалов выражалась, по данным XVII в., в обязанности платить дань — «ясак». Она выплачивалась главным образом скотом, отчасти зерном и рабами-пленниками[1].

Восточная часть Северного Кавказа — Дагестан — также отличалась большой пестротой социально-экономических отношений. В то время, как в малодоступных областях на высоких отрогах Кавказского хребта, на основе скотоводческого по преимуществу хозяйства, сохранялись патриархальные формы общественных отношений с устойчивыми чертами родовой организации, в приморской части и в степной полосе, примыкавшей к Тереку, издавна были развиты оседлое земледелие, садоводство и в широких размерах скотоводство. Через Дагестан проходили и важные торговые пути, связывавшие страны Закавказья и Ирана с Северным Кавказом, Крымом, Азовом и волжским путем.

На территории Дагестана очень давно сложился ряд феодальных владений. В XVI в. в северной части Дагестана[2] главными из них были: шамхальство, южная граница которого проходила несколько ниже Буйнака и в котором владельцами были шамхал и кумыкские князья;

---

[1] «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. 1650—1652 гг.». Тифлис, 1926, стр. 119—120; *М. М. Ковалевский.* Современный обычай и древний закон.— Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. I—II, М., 1886; *Коста.* Публицистика. Орджоникидзе, 1941, стр. 29—64.

[2] О Южном Дагестане см. в § 11 настоящей главы.

владение уцмия Кайтагского к югу от шамхальства; Аварское ханство, возглавлявшееся нуцалами, и Казы-Кумухское владение в горной части Дагестана.

Наиболее значительным из этих владений было шамхальство. Однако в XVI в. оно не было сплоченным и распадалось, в свою очередь, на ряд «юртов», иногда очень мелких. Шамхальское достоинство не было наследственным, но давалось на собрании «лучших людей» Кумыкской земли в Казы-Кумухе одному из старших членов шамхальского рода. Владельцы «юртов» далеко не всегда находились в «одиначестве» — союзе — с шамхалом. Междоусобные войны, тяжело отражавшиеся на трудовом населении, не прекращались[1].

Шамхал, крым-шамхал, ханы (князья) и их дети — мурзы, беки, беи—составляли привилегированный слой феодального общества в Кумыкской земле. Записанные позднее так называемые «бейские адаты» резко выделяли этот слой из общей массы населения. Военные конные отряды ханов и беков составлялись из «служилых» людей, «узденей». Среди них значились «лучшие, владетельные уздени» (сала-уздени).

Сведения о положении трудового, зависимого населения шамхальства в XVI в. отрывочны. Русские источники XVI—XVII вв. употребляют для этих групп населения шамхальства термины: «черные люди», «пашенные люди», «холопы» или «ясыри». Термин «пашенные люди», повидимому, нужно отнести к известным по позднейшим источникам крепостным крестьянам Дагестана—чагарам и райятам. От 1604 г. до нас дошло описание «двора» шамхала в Тарках[2] в рассказе грузина, посла кахетинского царя Александра в Москву, старца Кирилла. Названные в этом описании пашенные люди, видимо, работали в хозяйстве шамхала. Другое указание, относящееся к 90-м годам XVI в., свидетельствует, что в устье р. Койсу (Сулака), до постройки там русского города, у шамхала были «лутчие угодья, пашни и сенокосы и рыбные ловли»[3]; и в этом случае речь шла, повидимому, также о собственном хозяйстве шамхала, причем ясно, что им были захвачены лучшие поливные земли. «Ясыри» у кумыков были и русские, и мичкизские (чеченцы), и грузинские, и «черкасские», и из Средней Азии — бухарские и юргенчские. Одним из постоянных способов захвата пленных были набеги через горные проходы — «щели» в соседнюю Кахетию. Есть указания об использовании пленников-рабов в качестве дворовой прислуги в хозяй-

---

[1] *Аббас-Кули-Ага Бакиханов.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; *А. Тахо-Годи.* Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана. «Революционный Восток», 1935, № 5, отд. II, стр. 116—137; «Шамхалы тарковские». «Сборник сведений о кавказских горцах», т. I, Тифлис, 1868, отд. IV, стр. 53—80; «Мехтулинские ханы». Там же, т. II, Тифлис, 1869, отд. IV, стр. 1—16; «Казикумухские и кюринские ханы». Там же, стр. 1—44; *Л. И. Лавров.* Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XIX, М., 1953, стр. 3—7.

[2] Предполагается, что на месте Тарков находился хазарский город Семендер.

[3] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 275, 400—401, 405.

стве и в качестве пастухов. Но в сопоставлении с позднейшими известиями надо считать, что основной массой трудового населения Дагестана были «черные люди» — крестьянство, объединенное в общины — джамааты, которые сохраняли и черты родовой — тухумной организации [1].

Важнейшим источником для определения характера повинностей крестьянства является перечень доходов шамхала [2]. За исключением одного случая, подати, названные в перечне, — натуральные, главным образом скотом — овцами, баранами, быками, лошадьми, буйволами, а также хлебом, рисом, маслом, медом, рыбой; в двух случаях указаны изделия — войлоки или шерстяные ткани и ружья или порох. Особенно интересно указание на подати скотом с гор, т. е. за позволение пасти скот на пастбищах той или иной горы; эта рента отмечается в качестве одной из характерных черт феодальной эксплуатации в Дагестане [3].

При большом значении скотоводства захваченное феодалами право распоряжаться пастбищами вело к феодальной зависимости крестьян-общинников.

Социально-экономические отношения в Кайтаге были близки тем, которые наблюдались у кумыков [4]. Во главе владения стоял уцмий. Достоинство это передавалось не по прямой линии, а старшему в роде. Ниже уцмия стояли беки из семьи уцмия. Из узденей русские документы выделяют «лучших, владетельных узденей». «Постановления» уцмия, записанные, повидимому, в начале XVII в., ярко отражали борьбу общин, в которых еще сохранялся патриархально-родовой уклад, против притязаний феодалов-беков [5].

Одним из примеров классовой борьбы в Кайтаге были события конца XVI в. в Урджемильском магале (союзе общин), где жители «оскорбили» сына уцмия, прибывшего «для сбора податей», результатом чего была расправа уцмия и его сына с «многими старшинами».

В Аварском ханстве для XVI в. можно предполагать бо́льшую, чем в шамхальстве и Кайтаге, устойчивость патриархально-родовых пережитков, хотя и здесь выделился феодализирующийся слой общества [6].

По описаниям XVIII—XIX вв. известно, что некоторые аулы в горных частях Дагестана совсем не знали ханской власти, составляя так называемые «вольные общества» и их союзы.

---

[1] *С. Гаджиева.* К вопросу о тухуме и большой семье у каякентских кумыков. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», т. XIV, М., 1952, стр. 75—83.

[2] «Тарихи Дербент-Наме». Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, Приложение IX, стр. 166; *А. Бакиханов.* Указ. соч., стр. 53.

[3] *С. В. Юшков.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания). Свердловск, 1938, стр. 10.

[4] *Р. Г. Маршаев.* Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в. Автореф. канд. диссертации. М., 1954.

[5] *А. Бакиханов.* Указ. соч., стр. 88—89; «Постановления Кайтахского уцмия Рустем-хана». «Сборник сведений о кавказских горцах», т. I, отд. 2, стр. 80—88.

[6] *Х. Хашаев.* Кодекс законов Умму-хана Аварского. М., 1948.

Преобладание натуральной ренты в Дагестане, сохранявшееся и позднее, вплоть до XIX в., указывает на слабое развитие денежных отношений.

Городов с торговым и ремесленным населением, кроме Дербента в южной части Дагестана, не было. Но и Дербент, бывший в XIII—XIV вв. крупным торгово-ремесленным центром и портом, к XVI в. потерял прежнее значение отчасти в связи с расширением торговли через сирийские порты[1], отчасти в связи с длительными персидско-турецкими войнами XVI в., отражавшимися на торговле Закавказья и по Каспийскому морю. Правда, через Дагестан проходил важный торговый путь. Но он обслуживал преимущественно транзитную торговлю. Производство ремесленных изделий, издавна существовавшее в некоторых аулах и достигавшее высокой степени совершенства, было мелким и по технике ручным, а местная торговля преимущественно меновою.

Таким образом, уровень развития производительных сил, господство натурального хозяйства, отсутствие городов как центров ремесленного производства — все это вело к тому, что политические объединения на Северном Кавказе не были прочными. Различные местные «полугосударства» и племена враждовали между собой и с ближайшими соседями. Между тем в XVI в., особенно с его середины, международное положение Кавказа очень осложнилось.

Через весь XVI в. идут кровопролитные персидско-турецкие войны, промежутки между которыми отнюдь не означали прочного мира, а вызывались большей частью тем, что силы Турции в это время отвлекались действиями на Западе — в Средиземном море и в Венгрии. Персидско-турецкие войны середины и конца XVI в. особенно близко касались Кавказа и происходили в значительной степени на территории Закавказья, из-за обладания которым между шахской Персией и султанской Турцией шла ожесточенная борьба. Одной из важных целей турецкой агрессии было овладение Шемахой и ее шелковым районом мирового значения.

Северный Кавказ вошел в стратегические замыслы турецких султанов. Для войны с Персией Турции особенно была нужна конница. Отсюда стремление использовать войска крымского хана, наиболее удобным путем проникновения которых в Закавказье был путь через Северный Кавказ и Дербент. Этим же путем не раз проходили доставленные в Кафу турецкие войска, чтобы действовать против персидских войск с тыла. Через Северный Кавказ и далее через Астрахань султаны стремились также установить сношения с владельцами Средней Азии, врагами Персии, и даже доставить им военную помощь[2].

---

[1] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952, стр. 29, 41.

[2] *Е. Н. Кушева*. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг. «Исторические записки», кн. 34, стр. 249—287.

В обстановке персидско-турецкой войны 1548—1555 гг. установились первые связи северокавказских народов с Русским государством; инициатива этих связей шла с Кавказа[1].

К 1547 г. относится известие о том, что крымский хан Сагиб-Гирей после похода на Астрахань ходил на Кабарду и «на Кайтаки», учинил их «даньщиками» и взял с них дань[2]. Повидимому, хан ходил в сторону Дербента на владение уцмия кайтагского и установил его зависимость от Крыма. Этот поход надо рассматривать как подготовительный к операциям крымско-турецких войск со стороны Северного Кавказа во время персидско-турецкой войны. Точных сведений о позиции шамхала в эти годы мы не имеем. Но нельзя сомневаться в том, что Крым и Турция старались установить связи с шамхалом, пользуясь и доводами мусульманской пропаганды — тем более, что кумыки были суннитами, а кизылбаши — шиитами.

В еще большей степени давление со стороны Турции и Крыма испытывали черкесы и кабардинцы. Имеются десятки указаний на то, что в первой половине XVI в. крымские ханы совершали опустошительные набеги на черкесов и Кабарду. Кроме набегов ради добычи, крымские ханы и султаны преследовали в своей политике относительно адыгейских народов и другие, более серьезные цели.

Первым опорным пунктом для Турции на черкесском берегу стала в конце XV в. крепость Тамань, для укрепления которой были использованы крепостные сооружения прежней генуэзской колонии Матреги. В 1519 г. турецким «санчаком» была построена вторая крепость «от черкас» — Темрюк (с крымской стороны Кубанского лимана близ берега Азовского моря)[3]. Со стороны Таманского полуострова и предпринимались обычно походы крымских и турецких войск на черкесов, причем войска из Крыма перевозились через Керченский пролив. Целью походов «на ближних черкесов», т. е. на Западную Черкесию, было прямое подчинение их, обращение в «подручных» хану или султану. Наряду с военными принимались меры иного характера: установление родственных связей, привлечение черкесских князей на службу к ханскому и султанскому дворам, с непременным обращением в мусульманство (черкесы в это время оставались полуязычниками, полухристианами греческого исповедания).

В 1540—1550 гг. крымско-турецкая агрессия в сторону Северного Кавказа усилилась, усилилась и борьба против нее адыгейских племен. К 1552 г. относится первое известие об обращении черкесских князей в Москву, прямо связанное с этими событиями: они приехали «бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопи, а от Крымского царя оборонил». Результатом были посольство из Москвы А. Ф. Щепотьева в Черкесию и новый

[1] Ср. также гл. 2, § 6 настоящего издания.

[2] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Крымские дела, кн. № 9, лл. 55 об.— 56 и сл.

[3] *К. Герц*. Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870, стр. 49—50; ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Турецкие дела, кн. № 1, лл. 123—130.

многочисленный приезд черкесов в Москву. Ряд адыгейских племен дал присягу о службе русскому царю.

Таким образом, именно тогда, когда турецкий султан стремился обеспечить турецким и крымским войскам путь через Северный Кавказ в Закавказье и когда шла борьба за Астрахань между Турцией и Крымом, с одной стороны, и Москвою и ногаями — с другой, установились тесные связи Русского государства с Северным Кавказом.

Черкесы были окружены в Москве большим вниманием. Они получили «великое жалованье»; «Езбозлуев княжой сын» Тутарык и сын жанского князя Кудадек «по их челобитью» были крещены, последний воспитывался вместе с «царем Казанским» (Утемиш-Гиреем) на царском дворе, где был обучен русской грамоте; обещано было и «береженье» от крымского хана, но по поводу просьбы черкесов дать военную помощь «на Турьского городы и на Азов и на иные городы» русское правительство ответило уклончиво, ссылаясь на то, что «турецкий султан в миру со царем и великим князем» [1].

Русское правительство принимало меры к тому, чтобы воспрепятствовать проникновению крымских войск в Шемаху через Северный Кавказ. В 1554 г. «большой посол» Ивана Грозного к ногайскому князю Измаилу Микула Бровцын сообщал князю о возможности похода крымского хана Девлет-Гирея к Шемахе и настойчиво побуждал Измаила воспрепятствовать этому походу и «искать» с ханом «дела на дорозе» (т. е. на пути через Северный Кавказ) [2].

Обещание о «береженье» черкесов от крымского хана было выполнено в ближайшие же годы. В 1555 г., по вестям о том, что крымский хан идет «на черкасов» и уже переправился на их землю «чрез проливы морския», т. е. через Керченский пролив, из Москвы «на крымские улусы» был послан отряд под начальством боярина И. В. Шереметева. Хан повернул на Русь, результатом чего было тяжелое для русских двухдневное сражение 3—4 июля 1555 г. на Судьбищах. В войске хана было 60 тыс. человек, около тысячи янычар и немало турецкой артиллерии [3]. В 1556 г. хан снова «пошел был на черкасы на пятигорские», но получил известие о появлении на Днепре под Ислам-Керменем русского отряда под предводительством Ржевского и вернулся в Крым.

В том же году, благодаря действиям русских войск на Днепре, черкесы со стороны Таманского полуострова взяли турецкие крепости Темрюк и Тамань.

Установление связей черкесских племен с Русским государством несомненно облегчило присоединение Астрахани; наоборот, стратегические

---

[1] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч.; ср. также гл. 2, § 11 настоящего издания.

[2] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. IX, СПб., 1831, прим. 247, стр. 21; ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Ногайские дела, кн. 4, лл. 206—224.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 256—258, 261; *П. Н. Милюков.* Древнейшая разрядная книга официальной редакции. М., 1901, стр. 172—175.

замыслы турецкого султана, предполагавшего использовать северокавказский путь для проникновения крымских войск в Закавказье, были сильно затруднены.

Черкесам не удалось удержаться на Таманском полуострове. В 1557 г. западночеркесские князья с их дружинами были вынуждены покинуть родину, выехали в Москву, крестились и были «устроены на службу» в Москве. Черкесские отряды приняли участие в ряде походов русских войск на Ливонию — и каждый раз «в передовом полку». Удачные действия русских войск против Крыма в 1558—1559 гг. со стороны Днепра и Дона позволили черкесским князьям вернуться на Северный Кавказ. По челобитью черкесов о том, чтобы московский царь «дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити», в 1560 г. были отпущены из Москвы «на государьство в Черкасы» князь Дмитрий Вишневецкий и «попы крестианские» [1]; черкесы, сохранявшие от византийских времен воспоминания о христианском культе, а частью и остававшиеся христианами [2], боролись против насильственно проводившегося турками и крымцами обращения в ислам.

В 1560—1561 гг. русские и черкесские войска предприняли ряд смелых набегов на Крым, вызвавших беспокойство и в Польше, и в Константинополе. Из Турции на помощь Крыму была послана в галерах военная помощь. Польский король приложил ряд усилий к тому, чтобы привлечь на свою сторону Вишневецкого, который в 1562 г. изменил Москве и уехал в Польшу. В связи с общим изменением политики Русского государства в отношении Крыма с 1562 г. активные действия здесь были остановлены. Крымский хан усилил натиск в сторону Западной Черкесии. Одни черкесские племена были вынуждены подчиниться Крыму, другие — турецкому султану, приславшему в Западную Черкесию своих «санчаков» [3]. Однако западные адыге и в конце XVI в. и в XVII—XVIII вв. продолжали упорную, хотя и разрозненную борьбу.

Более прочно установились связи с Россией «кабардинских черкасов». Сношения с ними шли через Астрахань.

Тотчас по утверждении русских в Астрахани в 1556 г. туда прибыли послы из Средней Азии, из Шемахи, Дербента, а также из Северного Дагестана — «из Шевкал» и «из Тюмени» — «о миру и о торговле».

Прибывшее в Москву посольство шамхала просило «оборонить» его «от черкасских», т. е. кабардинских, князей. Посольства из Кабарды 1557—1558 гг. в свою очередь ставили вопрос о подданстве и о военной помощи из Астрахани против шамхала [4]. Русское правительство, осведом-

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 283; вторая половина, стр. 320, 324.

[2] *Г. Ф. Турчанинов*. Эпиграфические заметки. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VI, вып. 6, 1947, стр. 509—520.

[3] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Крымские дела, кн. № 13, лл. 47 об.— 48, 49.

[4] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 277, 281, 284; вторая половина, стр. 312, 322.

ленное о сношениях с шамхалом крымских ханов, встало на путь поддержки кабардинцев. В 1560 г. воевода И. С. Черемисинов совершил из Астрахани морской поход на шамхала, вынудил его путем десанта покинуть Тарки и прекратить на время набеги на Кабарду.

В Кабарде установилась тесная связь с Москвою «большево» кабардинского князя Темрюка Айдаровича. Первый его посол пришел в Москву в 1557 г.; в 1558 г. Темрюк прислал в Москву своего сына Салнука или Салтанкула, который был крещен под именем Михаила, обучен русской грамоте при дворе и стал потом одним из видных опричников. В Кабарду, где так же, как в Черкесии, сохранились следы христианства, были посланы из Москвы «попы крестианские» для крещения кабардинцев. В 1561 г. Грозный закрепил связи с Темрюком женитьбой на его дочери гуаше (т. е. княжне) Кученей-Марии Темрюковне; взаимоотношения Кабарды с Русским государством были оформлены присягой о «службе»[1].

Дошедшие до нас известия о деятельности князя Темрюка Айдаровича показывают, что он, стремясь привести всю Кабардинскую землю «в послушание» себе, вместе с тем вел постоянную борьбу против установления зависимости Кабарды от Крыма и Турции. За десятилетие 1558—1567 гг. в ответ на посольства Темрюка Айдаровича в Москву в Кабарде шесть раз побывали русские послы и посланники и четыре раза Темрюку была оказана сильная военная помощь, в которой особое значение имели стрельцы — ратные люди «с вогненным боем».

В 1567 г. по просьбе Темрюка, «для бережениа от недругов его», был поставлен русский город в устье Сунжи — притока Терека[2]. Принятие Кабарды в русское подданство и постройка русского города у устья Сунжи были событиями большого международного значения и имели серьезные последствия.

Именно через Кабарду установились сношения с Москвой грузинских царей, которые искали у русского царя поддержки от притеснений как султана, так и шаха. Уже в 1557 г. посол Темрюка говорил в Москве, что с «Кабардинскими черкасы в одной правде и в заговоре Иверской князь и вся земля Иверская и государю с ними же бьют челом»[3]. Посол кахетинского царя Левана, выехавший из Москвы в 1564 г., был отпущен «на Черкасскую землю», т. е. на Кабарду[4]. Вероятно, этим же путем прошел посланный Иваном Грозным царю Левану отряд казаков[5].

---

[1] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 272—273.

[2] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 578; ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Крымские дела, кн. № 13, лл. 161 об. — 163, 249.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 284; Сб. РИО, т. 59, стб. 541; М. Г. Джанашвили («К материалам по истории древностей Грузии в России». Тифлис, 1912, стр. 21—22) считал, что в этом случае речь шла о карталинском царе Луарсабе; А. Мдивани («Краткий обзор дипломатических сношений Грузии с Россией в XVI и XVII вв.». «Кавказский вестник», 1901, №№ 1 и 2) относил известие к кахетинскому царю Левану.

[4] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 391; ср. также гл. V, § 8 настоящего издания.

[5] *М. Г. Джанашвили.* Указ. соч., стр. 21—22; «История Грузии», ч. I, Тбилиси, 1946, стр. 328—329.

С стратегической точки зрения место для постройки на Северном Кавказе в 1567 г. русского города было выбрано исключительно удачно. Пути сношений Крыма и Турции через Северный Кавказ и через Астрахань со Средней Азией, а также с шамхальством, оказались полностью перерезанными. Более того — в результате ряда посольств из шамхальства в Москву о торговых делах и о подданстве («холопстве») и ответного русского посольства к шамхалу 1568 г. была достигнута договоренность о постройке русской крепости и на территории шамхальства. Между тем отношения Турции с Персией оставались очень напряженными, планы турецких султанов захватить Закавказье не были оставлены, а следовательно, и вопрос о северокавказском пути сохранял для агрессивных планов Турции прежнее значение.

В связи с этим понятно, почему Турция и Крым так упорно добивались прекращения сношений Кабарды с Москвою и уничтожения русского города на Тереке. В дипломатической переписке с русским правительством 60-х годов XVI в. крымский хан постоянно жаловался на то, что «дорога» из Средней Азии и шамхальства в Крым и Царьград «затворилася», и требовал «ту дорогу отперети».

С тем же вопросом о северокавказском пути был связан и большой, но неудачный поход крымско-турецких войск на Астрахань в 1569 г., имевший целью открыть дорогу Турции в Закавказье и в Ширван в обход Северного Кавказа по Дону через Переволоку в Волгу и Каспийским морем. Грамота султана Селима, доставленная в Москву в декабре 1570 г., прямо объясняла поход постройкой русского города «в Кабардинской земле» и ставила условие «отпереть» дорогу и снести город [1].

Серьезные приготовления крымского хана к набегу на Русь, о которых в 1570 г. в Москве было известно, заставили русское правительство пойти на уступку. В марте 1571 г. в Царьград был послан Андрей Кузьминский с грамотой царя Ивана, в которой тот писал султану, что показал «братцкие любви знамя», велел снести «город с Терки реки из Кабардинской земли», вывести из него «людей своих» в Астрахань и «отперети» «дорогу» [2]. Но Кузьминский еще не доехал до Константинополя, а в мае того же года хан Девлет-Гирей с крымскими царевичами и большим войском (при участии турецких отрядов) пришел на Русь, подошел к самой Москве, и 24 мая Москва была сожжена до тла. Современный персидский источник сообщает, что хан ходил к Москве по приказанию султана [3].

Тяжелое положение Русского государства в результате этого набега позволило Девлет-Гирею предъявить правительству Ивана Грозного боль-

---

[1] *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 281—284; *П. А. Садиков.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Исторические записки», кн. 22, стр. 132—166.

[2] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Турецкие дела, кн. № 2, лл. 144 об.— 151.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 300—301; Рукоп. отд. Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмит. собр., № 390, Разрядная книга, лл. 367 об.— 370; *Е. Н. Кушева.* Указ. соч., стр. 285—286.

шие требования: отдать Казань, Астрахань и дать «всю дорогу». Иван Грозный, соглашаясь формально на отдачу Астрахани, затягивал переговоры, принимая вместе с тем меры к укреплению города[1]. В 1572 г. Девлет-Гирей опять пошел на Москву. В его войске снова были турецкие отряды [2].

Блестящая победа, одержанная над ханом в июле 1572 г. русским войском у Пахры, у Воскресенья на Молодях, сняла вопрос об отдаче Астрахани, но русские были вынуждены покинуть город на Сунже. Эти годы были тяжелыми и для Кабарды, подвергшейся нападению крымских татар.

Укрепление взаимоотношений Кабарды и Русского государства и расширение влияния России на Дагестан и на ряд народностей и «горских землиц» Северного Кавказа относятся ко времени длительной персидско-турецкой войны, начавшейся в 1578 г.

С помощью крымских войск, проходивших в 1578 и 1579 гг. через Северный Кавказ, турецким войскам удалось укрепиться в Дербенте и Ширване. На Каспийском море появились турецкие корабли, установились сношения Турции со Средней Азией морем, из Дербента и Баку; турецкий султан заключил военный союз с бухарским ханом Абдуллой. Возникла прямая опасность полного подчинения народов Кавказа султанской Турции. Для Русского государства это означало ослабление наладившихся уже взаимоотношений с народами Закавказья и Северного Кавказа; торговые сношения через Астрахань с Ираном и Ширваном, а отчасти и со Средней Азией оказались нарушенными[3]. В этой обстановке иранские шахи Худабенде, а затем Аббас вступили в переговоры с русским правительством о военном союзе, обещая Москве поступиться Дербентом и Баку, а в 1586—1587 гг. кахетинский царь Александр вступил в вассальную зависимость от России[4]. Все эти события отразились на положении народов Северного Кавказа.

Борьба кабардинцев против крымско-турецких сил продолжалась, и Кабарда просила помощи России для обороны «от крымского» и от других «недругов». Обращение к Ивану Грозному кабардинского «бóльшего князя» — брата Темрюка Камбулата Айдаровича — было прямо связано с началом персидско-турецкой войны.

В 1577 или 1578 г. Кам-булат сам приехал в Москву, просил снова

---

[1] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Крымские дела, кн. № 13, лл. 403—409, 413—419, № 14, лл. 1 об. — 22.

[2] РИБ, т. 31, стб. 236—237; Рукоп. отд. Публ. б-ки им. Салтыкова-Щедрина, Эрмит. собр., № 390, лл. 461 об.—465.

[3] *А. Бакиханов.* Указ. соч., стр. 83—87; *H. Porsius.* Historia belli Persici. Франкфурт, 1583, стр. 14—15, 22—23, 28—29; «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, под ред. Н. И. Веселовского», т. I, СПб., 1890, стр. 185, 265, 429.

[4] *Н. И. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 88, 129, 137, т. II, СПб., 1892, стр. 141; «История Грузии», стр. 342—343.

поставить русский город в устье Сунжи и прислать воеводу и людей «с огненым боем».

В 1578 г. город был поставлен воеводой Л. Новосильцевым. Когда в том же году крымское войско во главе с царевичем Алди-Гиреем проходило через Северный Кавказ, Новосильцев пропустил его в «Кызылбаши»; но на обратном пути, когда крымцы, разбитые кызылбашами, попробовали перейти Сунжу и Терек без позволения русского воеводы, Новосильцев разбил их наголову. Крымский хан Магмет-Гирей потребовал снести город [1].

После дипломатических переговоров с Крымом город был снесен, но фактически русский контроль над северокавказским путем сохранился. Еще в 60-е годы XVI в. за Тереком, в «Гребенях» между Тереком и Сунжей, появились казачьи городки. Когда в 1583 г. турецкий военачальник Осман-паша с войском шел из Дербента в Крым северокавказской дорогой, получившей затем название «Османовского шляха», казаки напали на турецкое войско на перевозе и причинили ему значительный урон. В дальнейшем попытки турок и крымцев сноситься с Закавказьем через Северный Кавказ кончались тем, что турецкие «чауши» и «капычеи» попадали в руки русских казаков, отводивших пленников в Астрахань или в Москву. В дипломатической переписке с султаном по этим вопросам русское правительство всякий раз ссылалось на то, что на Тереке живут «воры», «беглые люди», и отказывалось от ответственности. Но то обстоятельство, что пленники попадали в руки русского правительства, а также песни гребенских казаков, сохранивших память об их сношениях с «грозным царем», не оставляют сомнения в том, что правительство поддерживало связи с гребенскими казаками и так же, как это было на Дону, оказывало им поддержку запасами и вооружением [2].

Связи народов Северного Кавказа с русскими еще более укрепились с конца 80-х годов XVI в. Общая международная обстановка, переговоры персидского правительства с русским по вопросу о совместной войне с Турцией, активизация военных действий со стороны шаха, обмен посольствами с Грузией и Кабардой — все это позволило русскому правительству укрепиться на Северном Кавказе и расширить кавказские связи, что имело большое значение в борьбе с турецкой агрессией. Кахетинское и кабардинское посольства в Москву поставили вопрос о постройке русской крепости на Северном Кавказе. В 1588 г. был поставлен новый русский город в устье Терека, на одном из его протоков — Тюменке, откуда было легче сноситься с Астраханью, чем с Сунжи. В 1589 г. на «совете» «всей Кабардинской земли» было подтверждено принятие русского подданства кабардинским народом, и в титул русских царей, наряду

[1] *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. 8—9; «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. I, СПб., 1851, стр. 941—943; ЦГАДА, Турецкие дела, кн. 2, лл. 248 об.— 249.

[2] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Турецкие дела, кн. 2, лл. 277, 325—330 об., 415, 423, 457, 504; «Песни гребенских казаков». Грозный, 1946, № 3, стр. 138.

с указанием на «Иверскую», т. е. Грузинскую, землю, была внесена формула: «горских черкас и Кабардинской земли государь»[1].

На этот раз Терский город просуществовал до начала XVII в. и служил центром, связывавшим Русское государство с Северным Кавказом и Закавказьем. Уже в конце XVI в. установились связи этого города не только с Кабардой и шамхальством, но и с аварскими нусалами и рядом «горских землиц», через которые проходили пути в Грузию.

Из Терского города в 90-х годах XVI в. и в начале XVII в. был предпринят ряд походов в Дагестан, целью которых было устранить зависимость шамхальства от Турции, отрезать турецко-крымским войскам путь в Закавказье, укрепить положение Кахетии и связи Москвы с Закавказьем и Персией[2].

В 1589—1590 гг. русские войска заняли важную стратегическую позицию в устье р. Койсу (Сулака), а в 1591 г. взяли Эндери. Этим успехам содействовала русская ориентация наследника шамхальского престола — крым-шамхала, который объединился с кахетинским царем Александром в борьбе с шамхалом. В результате сношений с крым-шамхалом и Кахетией в 1593—1594 гг. из Терского города был предпринят большой поход в Дагестан под начальством князя Андрея Хворостинина. На р. Койсу был поставлен русский острог. Попытка Хворостинина укрепиться в Тарках не удалась, так как обещанная из Кахетии и от крым-шамхала помощь опоздала. Однако Койсинский острог остался в руках русских, а в начале 90-х годов был вновь поставлен и Сунженский острог у устья Сунжи. Таким образом, позиции султана в Дагестане были сильно ослаблены, а северокавказский путь снова оказался полностью запертым для Турции и крымцев[3].

Турецкий султан снова принял меры к тому, чтобы разорвать связи России с народами Кавказа как угрозами в дипломатической переписке, так и военными действиями. В 1591 г. крымский хан Казы-Гирей предпринял большой набег на Русь с намерением дойти до Москвы. В его войске был наряд и «янычане с вогненным боем», т. е. турецкие отряды. Поход этот не был для хана удачным. После похода султан писал царю Федору Ивановичу, что хан ходил на Москву из-за того, что на Шемаху «отнята дорога», и грозил новым татарским набегом в том случае, если русские города не будут снесены[4].

В 1604 г. русские воеводы Бутурлин и Плещеев с большим войском снова «воевали» шамхала и взяли Тарки. Этот поход надо связывать с

---

[1] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 15—16, 20—25, 36, 49, 70; «Синбирский сборник», т. 1, М., 1845, стр. 97, 106; *А. Штылько.* Астраханская летопись историческая, Астрахань, 1897.

[2] Ср. также гл. III, § 3 настоящего издания.

[3] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 148, 181, 185, 193, 202—203, 242, 266, 275; ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 45—46; *А. Бакиханов.* Указ. соч., стр. 89; *Н. И. Веселовский.* Указ. соч., стр. 199, 302, 322, 362—363.

[4] ЦГАДА, ф. Посольского приказа, Турецкие дела, кн. № 3.

возобновлением в 1603 г. персидским шахом Аббасом военных действий против Турции. Но поход Бутурлина не был удачен. Пришедшее из Шемахи крымско-турецкое войско осадило Бутурлина в Тарках. После длительного сопротивления Бутурлин заключил соглашение с турецким пашой о беспрепятственном отступлении в Терский город. Условия соглашения не были выполнены. Отступавшее русское войско подверглось нападению и понесло тяжелые потери. Это вынудило русских покинуть и Сунженский острог. Однако на Терский город турки не решились идти, и эта сильная позиция осталась в русских руках[1]. Успехи шаха Аббаса в войне против султана изменили в первые десятилетия XVII в. соотношение сил и общую обстановку на Кавказе, что и отразилось в дальнейшем на русской политике[2].

Таким образом, сношения народов Северного Кавказа с Русским государством во второй половине XVI в. возникли в обстановке крымско-турецкой и персидской агрессии в сторону Северного Кавказа и Закавказья, с одной стороны, и укрепления русско-кавказских экономических и политических связей — с другой. Русское государство проводило в вопросе о Северном Кавказе очень твердую и активную политику. Политика эта была направлена на то, чтобы преградить крымским и турецким войскам путь через Северный Кавказ в Закавказье, отклонить притязания Турции и Крыма на подчинение народов Северного Кавказа и обеспечить торговые связи через Дагестан и Каспийское море с Закавказьем, Ираном и Средней Азией. Несмотря на то, что Русское государство во второй половине XVI в. было занято решением ряда внешнеполитических задач на его западных границах, русское правительство, в связи с его общей политикой на Востоке, направляло на Северный Кавказ значительные силы и технические средства, которыми народы Северного Кавказа не обладали и которые были необходимы для отпора турецким войскам. Эта политика русского правительства повела к серьезным осложнениям русско-турецких и русско-крымских отношений и вызвала тяжелые для Русского государства набеги крымских ханов на Москву в 1571, 1572 и 1591 гг. Вместе с тем политические связи народов Северного Кавказа с Россией способствовали успехам восточной политики Москвы и имели большое влияние на ход персидско-турецких войн, затруднив для Турции захват Азербайджана и Грузии.

Правительство Русского государства, как государства феодально-крепостнического, в своих взаимоотношениях с народами Северного Кавказа проводило политику поддержки феодальной знати Северного Кавказа и способствовало ее укреплению; выехавшие с Кавказа на службу в Москву

---

[1] *А. Попов.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, стр. 322—323; ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 57—58.

[2] Эти события изложены в статье о народах Северного Кавказа, помещенной в «Очерках истории СССР XVII в.».

черкесские, кабардинские и тюменские князья влились в боярско-дворянские круги Русского государства и заняли видное положение при московском дворе.

История народов Северного Кавказа в XVI в. тесно связана с историей Русского многонационального государства, образование которого имело большое прогрессивное значение для развития этих народов.

9
ГРУЗИЯ

Во второй половине XV в. завершился процесс распада прежде относительно единой Грузии на три царства, управляемые разными ветвями династии Багратидов: Картли с центром в г. Тбилиси (владение прежнего «царя царей» Грузии), Кахети (на востоке Грузии, в бассейне р. Алазани) и Имерети (в Западной Грузии). Это разделение было окончательно признано постановлением дарбази (совета высших феодалов) царя Картли Константина в 1490 г.

Нередко играли фактически самостоятельную роль также владетельные княжества (самтавро) — Абхазия, Мегрелия (Мингрелия), Гурия (все три в Западной Грузии) и Самцхе-Саатабаго (атабекство Месхети в Юго-западной Грузии). Все грузинские государства дробились еще на отдельные сеньории (сатавадо), борьба которых друг с другом и с царской властью крайне ослабляла страну.

Распад Грузии произошел в условиях развития феодальных отношений в стране. К XV—XVI вв. уже исчез слой лично свободных земледельцев; их земли были захвачены феодалами. Зависимые крестьяне работали на земле крепостников-феодалов, несли в их пользу барщину и платили оброк. Они были прикреплены к земле, и господин имел право в течение тридцати лет искать и возвращать беглого крепостного. Тяжесть феодального гнета усиливалась повинностями, которые крестьяне должны были выполнять в пользу царя и царских чиновников. Феодалы стремились освободиться от контроля царской власти, наиболее сильные из них пользовались полным иммунитетом — правом суда и сбора дани с зависимого от них населения.

Многие из феодалов присваивали себе в наследственную собственность те земли, которые они получали в управление. Так сложилась система феодальных сеньорий (сатавадо), охватившая всю Грузию.

С конца XV в. в Грузии наблюдается укрепление крепостнических отношений. Слово «глехи», исторически обозначавшее вообще земледельца (как свободного, так и несвободного), отныне стало синонимом «крепостного» — «кма». В зависимости от характера обязанностей, какие несли крепостные, они имеют в документах разные наименования. Известны, например, крепостные «мэджинибэ» (конюхи), «мэджогорэ» (псари), «моинале» (буквально «слуги»), «мэзутхэ» (от слова «зутхи», осетр), доставлявшие

сеньёру осетров, «моагапэ», обязанные своими взносами и «приношениями» обеспечить устройство поминок, назначавшихся церковниками в память того или иного вкладчика.

В связи с развитием крепостнических отношений увеличивались крестьянские повинности, становились разнообразнее виды барщины, росли оброчные обязательства. Барщина, вначале поглощавшая небольшое число рабочих дней крепостного, к XV в. уже выросла в «постоянную работу», а меры веса и емкости, служившие для взимания натурального оброка, на протяжении трех-четырех столетий (до XVIII в.) увеличились в десять-двенадцать раз.

Важным памятником, отразившим социально-экономическое положение непосредственных производителей, служит «Большой реестр» («давтар») крестьян, принадлежавших абхазскому (западногрузинскому) католикосату в XVI в. Из документа видно, насколько разнообразны и тяжелы были налоги и повинности, обременявшие трудовой народ. Реестр перечисляет эти повинности по деревням, по податным районам. В состав натурального оброка входили «саклави» — «убойный скот», куры, рыба, поросята, яйца, масло, сыр, творог, соль, чеснок, вино, дрова, сено. Разные взносы были приурочены к тому или иному празднику, к сезону сбора урожая и т. д. Отсюда происходят и разные образные названия повинностей: «самачробо саклави», т. е. убойный скот, доставлявшийся землевладельцу во время сбора винограда; «сакуэлиэро» — взнос на сырную неделю; «сакачобо» — оброк, доставлявшийся в то время, когда производилась выделка шелка-сырца; «сабаткобо» — взнос, приуроченный к сезону, когда мелкий рогатый скот дает приплод; «сапуробо» — взимания с крестьян, производившиеся в тех случаях, когда у господ устраивались званые торжественные обеды, и т. п. К крестьянским повинностям относилось «састумро» — «угощение» владельческой администрации и предоставление ей постоя. Основой барщинного труда служили «мушаоба» и «твирти» (буквально «бремя», «поклажа», «груз», «ноша»). Очевидно, под «бременем» или «грузом» подразумевалась перевозка и переноска всякого груза по господскому хозяйству. В качестве разновидностей «мушаоба» («работа») упомянуты сбор урожая, косьба сена и т. п. Подводная, или ямская, повинность была известна в Грузии времени монгольских завоеваний под названием «саиамэ». В числе других повинностей в реестре названы «лашкроба» (участие в походах), «мгзавроба» (буквально «путешествие», т. е. обязанность крестьянина сопровождать господина в случаях его передвижения).

В условиях феодального замкнутого хозяйства, при низком уровне товарного производства, в доходах грузинских феодалов решающее значение имел натуральный оброк, рента продуктами, для обозначения которой (так же, как и барщины) употреблялось слово «бегара». Различные виды натурального оброка и барщины, трудно поддающиеся, по своему многообразию, точному учету, в своей совокупности должны были обеспечивать землевладельца с его слугами.

Об имущественном расслоении крестьянства Кахети (Восточная Грузия) дает достаточно ясное представление грамота конца XVI в. кахетинского царя Александра II, в которой определены размеры традиционного вида кормления (так называемого «улупа») в пользу моуравов, представителей местной администрации. Поводом для составления грамоты послужила коллективная жалоба, как указывает документ, «всех поголовно жителей» селения Чиаури на моурава Гошпара за «бесконечное насилие и беззакония», чинимые последним. В документе подчеркнуто, что главнейшим предметом жалобы послужила тяжесть «улупа» («улупного дела»). В основу решения, вынесенного царем, был положен принцип обложения налогоплательщиков в зависимости от состоятельности.

Документ различает четыре категории налогоплательщиков. К первой отнесены наиболее платежеспособные («могущие»), которые в состоянии были платить «полную улупа», к последней — неимущие, голытьба, которых документ называет персидским словом «безмискини» (буквально «очень бедный человек»).

Процесс социальной дифференциации протекал и в городах. Среди наиболее значительных городов документы XVI в. называют Тбилиси, Мцхета, Гори, Али, Сурами и др. Усилившаяся смертность, массовое бегство крестьян, угон людей в плен в чужие края, явившаяся бичом для народа работорговля, широко практиковавшаяся феодалами,— все это обусловило значительную убыль населения по всей Грузии, в том числе и в городах. В городах власть захватила зажиточная часть населения. Среди массы горожан (мокалаке) шел процесс расслоения, приводивший к вытеснению из этого сословия экономически менее состоятельных купцов и ремесленников. В Тбилиси победу одержали крупные (зависимые от царя) купцы и ремесленники, в то время как бедная часть населения оказалась вытесненной из разряда мокалаке.

В борьбе за рынки, за выгодные транзитные пути феодалы, купцы, ремесленники, покидая подвергавшиеся разорению города, переходили в другие места. Так возникали новые города, оживали некогда заглохшие рынки, посады. К ним относятся Хопи, Анаклия, Рухи (в Мегрелии, в Западной Грузии), Ахалцихе, Ахалкалаки (в Самцхе-Саатабаго, в Южной Грузии), Загеми и Грэми (в Кахети) и т. д.

В городах и селах Грузии развивалась классовая борьба. Для ее характеристики имеет значение интересный юридический памятник XVI в.: «Законы, католикосами и собором определенные». Это — постановление собора высших церковных иерархов, собравшегося в одном из центров Имерети (в Западной Грузии) в 1543—1549 гг. В двадцати трех параграфах церковных «Законов» указаны наказания за различные нарушения феодального права. Анафеме подлежали все те, кто посягал на монастырскую собственность — «имения, деревни, людей, земли» и т. д. Особый интерес представляет введение смертной казни за продажу человека (работорговлю).

Непоправимый урон, который наносили хозяйству Грузии феодальные усобицы и внешние враги, земельные собственники старались возместить путем усиления эксплуатации крестьянства. Но мероприятия феодалов только углубляли классовые противоречия. Увеличивалось число беглых крестьян (по грузински: «акрили» от слова «акра» — удаляться, убегать), а также и число заброшенных, обесцененных, выморочных имений (по-грузински: «наохари», «партахти» и т. п.). Периоды разорения и экономического упадка страны делались затяжными. Падали государственные финансы, приходили в упадок города и рынки. Ослаблялась обороноспособность страны и подрывался авторитет центральной политической власти.

Грузия являлась ареной борьбы между Турцией и Персией, опиравшимися на различных грузинских феодалов, которые меньше всего думали об интересах народа.

В 1555 г. Персия и Турция заключили между собой договор, по условиям которого Грузия оказалась разделенной на две части: турецкую (Лихтимерети и западная часть Месхети) и персидскую (Картли, Кахети и восточная часть Месхети). Этот договор надолго отдалил политическое объединение Грузии, и борьба каждой из ее частей с захватчиками протекала с этих пор в несравненно более тяжелых условиях, чем раньше.

На основании турецко-персидского договора 1590 г. вся Грузия перешла под власть Турции. Однако по мирным условиям, оформленным в 1612 г., восстанавливались турецко-персидские границы 1555 г.

Грузинский народ не мирился с иноземным игом и героически боролся за его уничтожение. В этой борьбе Грузия получала поддержку Русского государства.

* * *

Экономические и политические условия развития отдельных феодальных владений Грузии были различны.

Картли в XVI в. переживала время сильного экономического и политического упадка. Тяжелые условия социального гнета, постоянные вторжения кызылбашей и турецких феодалов вызывали массовое бегство населения. К 40-м годам XVI в. в юго-восточной Картли оставалось около трети прежнего населения, к 60-м годам того же века восточная часть области совершенно опустела. Убыль населения замечалась и в других районах.

Постоянные набеги турецких и персидских захватчиков делали невозможным ведение сколько-нибудь правильного хозяйства. Крестьяне бежали из Картли в Кахети и оседали преимущественно на землях монастырей, пользовавшихся податным иммунитетом. Однако и здесь они подвергались жестокой эксплуатации.

Тбилиси, который в XIV в., при царе Георгии V, был центром Грузинского царства, в XV в. становится, по сведениям венецианских послов, маленьким городком, хотя все еще живым и бойко торгующим.

Картли XVI в. состояла из целого ряда феодальных сатавадо-сеньорий, светских и церковных. Во главе церковных сеньорий стояли католикос и епископы, а во главе светских сеньорий — тавады, главы феодальных фамилий.

Каждый сатавадо составлял отдельную организацию. Члены феодальной фамилии жили в пределах определенной территории отдельно друг от друга, причем имели как личную частную движимую и недвижимую (сакутари, сатависо), так и фамильную собственность (сахасо): пахотные земли (с зависимыми крестьянами), пастбища, стада, леса, фруктовые и виноградные сады, маслобойни и пр. Каждый сатавадо выставлял на войну определенное количество воинов,непосредственным начальником которых был тавади.

Сеньории были независимы друг от друга. Между их владельцами нередко происходили кровавые феодальные распри. Часто происходили разделы феодальных сеньорий, которые дробились и мельчали. Изгнания, убийства, истребления феодалов и зависимых от них крестьян во время междоусобий были обычным явлением. Чем значительнее был тавади по своему положению, тем меньше он подчинялся царю, но зато враждовавшие с ним и притесняемые им более мелкие сеньории или члены его сеньории искали управы на него и помощи у царя.

Среди высшего слоя феодалов к этому времени выделилось несколько категорий, отличавшихся между собой по знатности происхождения, по экономическому и политическому значению.

Чем сильнее была сеньория того или иного патрона, тем больше было у него мелкопоместных вассалов — азнауров. Больше всего их было у царя. Царские азнауры выполняли те же функции, что и церковные или княжеские, но находились в сравнительно привилегированных условиях. Все должности при дворце, кроме высших, которые были наследственными, предоставлялись царским азнаурам. Азнауры феодалов пользовались менее привилегированным положением.

В поисках доходов патроны облагали новыми податями (постоянными или единовременными) не только собственных крестьян, но и крепостных своего азнаура. Ограбленные феодалами,обнищавшие азнаурские крестьяне постепенно вымирали или разбегались.

История Картли в XVI в. представляет собою непрерывную цепь разорительных войн с кызылбашами и турецкими феодалами.

До 70-х годов XVI в. Картли героически боролась с огромной кызылбашской державой и Турцией. Битвы картлийских войск в правление Давида X (1505—1515), Луарсаба I (1534—1558) и Симона I (1558—1569) дают яркие примеры доблести и отваги грузинского народа, выступавшего на защиту родины и национальной свободы. Картлийские воины неоднократно побеждали в открытом бою кызылбашские и турецкие войска, а действия партизанских отрядов (состоявших из крестьян и горожан) не раз обращали в бегство кызылбашей и турецкие войска, угрожавшие вторжением в Картли.

Грузинская сабля, XVI в.
Государственный Исторический музей

В 50-х годах Луарсабу I удалось привлечь к делу обороны кахетинского царя Левана и атабага Месхети Кайхосро. Сефевидское правительство создало постоянное войско и организовало военное управление в сопредельных с Грузией закавказских областях (Ереван, Гянджа-Карабах, Казах, Шамшадиль, Шеки и Ширван).

Долгая война истощила силы Картли. Многие феодалы требовали подчинения Сефевидам, предавая тем самым интересы родины. При поддержке недовольных феодалов брат царя Симона, сына Луарсаба I, царевич Давид ушел в Персию, был принят шахом и затем во главе грузинских предателей и кызылбашей вступил в качестве хана Картли в Тбилиси (1564), уже ранее занятый персидскими войсками.

Однако, даже после того как в 1569 г. Симон попал в плен к кызылбашам, шаху не удалось утвердиться во всей Картли. Народ вел героическую борьбу против захватчиков. Феодалы Средней и Верхней Картли не признали Давида царем.

В 1578 г. Турция предприняла войну против кызылбашской Персии, захватив при этом Закавказье.

В захваченных грузинских землях Турция, не довольствуясь данью, вмешивалась в их внутреннее устройство и устанавливала там свое господство. Однако население Грузии в героической борьбе отстаивало свою самостоятельность. Подчинение Картли Турции принесло населению невыносимые страдания. Крестьянство было обложено очень высоким государственным налогом, что при возрастании повинностей на своих «собственных» феодалов доводило крестьян до совершенного разорения. Вызывала возмущение и все усиливавшаяся продажа населения в рабство, которая всячески поддерживалась турецкой государственной политикой. Прекращение вследствие долгой, непрерывной войны мирных торговых сношений со странами Востока лишало купечество Грузии участия во внешней торговле. Население Грузии ненавидело турецких поработителей.

В 1578 г. шах Мухаммед Худа-бенде освободил из крепости картлийского царя Симона, который признал суверенитет шаха. Для борьбы с Турцией шах снабдил картлийского царя большой суммой денег. С ним же он отправил и всех картлийцев, находившихся в Персии (пленных и добровольцев).

Через три года после возвращения Симона из плена картлийские города и крепости почти полностью были освобождены от турецких гарнизонов. Но материальная и политическая поддержка Симону со стороны шаха обеспечила усиление влияния Персии в Восточной Грузии.

В правление Симона царская власть в Картли несколько усилилась. Картлийский царь в борьбе против феодальной раздробленности проводит конфискацию вотчин у противившихся центральной власти тавадов, а также выдвигает верных ему азнауров. Но то эфемерное и случайное объединение княжеств, которое ему удалось провести, захватывало лишь поверхностно-административную сферу, наталкиваясь на капризы местных князей и равнодушие крестьян, не веривших своим феодалам[1].

Симон попытался распространить политическое влияние Картли на Месхети. В 1582 г. он женил Манучара, брата атабага, на своей дочери. В 1588 г. Симон вступил в Месхети с войском и посадил Манучара атабагом, подавив сопротивление его противников из среды местных феодалов.

В том же 1588 г. царь Симон предпринял попытку присоединения Западной Грузии. Агентам Симона удалось привлечь на сторону царя некоторых феодалов Имерети. Имеретинского царя Левана не поддержали и мтавары Гуриели и Дадиани. Поэтому войска Симона легко заняли Кутаиси и, забрав заложников, поспешили в Картли против турок, все еще сидевших в Горийской крепости. В 1590 г. Симон снова начал войну с Имерети, где за это время политические обстоятельства сложились не в пользу Картли.

Но сражение с имеретинским царевичем Ростомом Симон проиграл. Борьба с турецкими гарнизонами, крепко засевшими в важнейших крепостях Картли (Гори и Лоре), а также частые набеги турецких отрядов отвлекали все силы и внимание Симона. Он принужден был заключить мир с Ростомом, признав последнего царем Западной Грузии.

В конце XVI в. в Картли поднялось большое народное восстание против турецких завоевателей. В 1599 г. картлийские войска под предводительством Симона с помощью партизанских крестьянских отрядов совершенно очистили Картли от турецких захватчиков, отняв у них последнюю крепость — Гори; но когда в следующем году турки предприняли новое наступление, Симон попал в плен. Его отвезли в Стамбул, где он и умер. Однако борьба грузинского народа с турецкими феодалами продолжалась.

* * *

В лучших условиях, чем Картли, находилась в XVI в. Кахети. Природные условия Кахети были благоприятны для развития феодального хозяйства. Кахети выгодно отличалась от других частей Грузии и близостью к большому Гилян-Шемаха-Астраханскому «шелковому пути»,

---

[1] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 295.

через который исстари велась большая внешняя торговля кахетинских феодалов.

Во внешней торговле вместе с феодалами участвовал и кахетинский царь. Предметами внешней торговли были шелк, ковры, златотканные материи, красильные растения, вино, кони, овцы. Лежавший на этом торговом пути Ширван был центром средневековой шелковой промышленности Закавказья.

Благодаря сравнительно высокому экономическому уровню количество населения Кахети увеличивалось. Города Загеми, Греми, Базари, Телави представляли собою оживленные торгово-ремесленные пункты.

В XVI в. центральная власть в Кахети была сильнее, чем в других частях Грузии. Кахетинские цари, опираясь на массу средних и мелких феодалов, проводили в стране реформы политико-административного и военного характера, направленные против высшей феодальной администрации с целью усиления царской власти.

До конца XV в. в Грузии существовало деление на эриставства. Соединяя в своих руках все полномочия центральной власти по управлению страной — военные, административные, финансовые и судебные, — эриставы постепенно и неуклонно, по мере распространения крепостнических отношений и усиления феодальной раздробленности, превращались в самостоятельных государей.

Реформы кахетинских царей конца XV — начала XVI в., направленные к государственной централизации, состояли в замене старой системы деления страны на эриставства новой системой моуравов: вся страна была разделена на множество мелких административных территорий с моуравами во главе. Полномочия моуравов были меньше, чем у эриставов; из их компетенции были совершенно изъяты военные функции. В военном отношении страна была разделена на четыре садрошо (военные округа). Во главе каждого садрошо был поставлен епископ, которому вверялось знамя (дроша) в знак военного предводительства. Этому епископу-воеводе подчинялись в военном деле и феодалы и моуравы данного округа. Автор XVIII в. Вахушти указывает, что этими мерами кахетинские цари «верными (преданными) себе сделали множество», т. е. массу средних и мелких феодалов. Таким образом, при проведении реформ кахетинская царская власть опиралась на широкие слои класса феодалов и находила поддержку со стороны церкви.

На усиление центральной власти и одновременно на рост крепостничества указывают и другие мероприятия кахетинских царей, имевшие целью урегулирование повинностей крестьянства по отношению к центральной власти и ее представителям. В зависимости от величины повинностей крестьяне Кахети делились на четыре категории: платящие 1) полный налог местному правителю — моураву, 2) половину налога, 3) четверть налога и 4) «безмискини», не платящие налога, неимущие.

На некоторые экономические успехи страны и усиление центральной власти указывают появление новых городов, строительство кахетинскими

царями и феодалами новых дворцов, замков, церквей и монастырей, реставрация старых.

Героическая борьба Картли за независимость создавала более благоприятные условия для развития Кахети.

В сложной внешнеполитической обстановке мероприятия в области государственной централизации кахетинских царей Георгия (1466—1476), Александра I (1476—1511), Левана II (1520—1574) и Александра II (1574—1604) не дали, однако, значительных результатов.

Исторические связи Закавказья с Русью послужили основой для тех политических сношений, в которые вступила в XVI в. Кахети с Россией, а также для развития культурных связей. В середине XVI в. усилился интерес России к Грузии. Именно в этот период распространяется на Руси «Повесть о царице Динаре». Прообразом Динары была грузинская царица Тамара. Русские живописцы и строители, направленные в Грузию, оказали заметное воздействие на развитие грузинской культуры[1].

Кахетинские цари получали от Русского государства помощь в борьбе с тарковским шамхалом, за спиной которого стояла Турция. Этим были значительно ослаблены набеги подстрекаемых шамхалом дагестанских феодалов на окраины Кахети. В 1564 г. правительство Ивана Грозного взяло под свое покровительство царствовавшего в Кахети Левана II и даже послало ему вспомогательный отряд из стрельцов. Однако к концу XVI в. Кахети попала под власть Турции, и это надолго задержало ее экономическое, политическое и культурное развитие.

В конце XVI в. Россия восстановила прерванную в 70-х годах связь с Кахети. Царь Федор Иванович отправил грамоту с послом Даниловым к кахетинскому царю Александру, предлагая Грузии союз и обещая покровительство. В ответ были присланы кахетинские послы в Москву. Александр просил у Москвы покровительства и защиты. В 1587 г. он вступил в подданство (принес присягу) Федору Ивановичу[2].

Русские войска пытались утвердиться в Дагестане и защитить Кахети от тарковского шамхала, но наступление турок в начале XVII в. парализовало эти усилия, и политическая связь между Кахети и Россией была снова прервана.

* * *

В особенно невыгодном положении находилась Западная Грузия. Древний торговый путь, связывавший Западную Грузию с Передним Кавказом и культурными странами Персии и Малой Азии, уже во второй половине XV в. совершенно заглох, а в горной части Кавказа он стал, вслед-

---

[1] *Л. С. Шепелева.* Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII веках. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 319—322 и др.

[2] Ср. также гл. 3, § 3, гл. V, § 8 настоящего издания.

ствие разбоев, непроходимым для мирных путешественников, тем более для торговцев. С XVI в. Черное море превратилось во внутреннее море Османского государства, и торговля с причерноморскими странами стала монополией турецких купцов. Наконец, соседство турок, а тем более их господство было по своим последствиям крайне тяжелым и опасным для Западной Грузии, как и господство Персии—для Восточной Грузии.

Османская военная держава широко пользовалась «пленниками» (рабами). Рабы служили в войсках (янычары), в домах представителей господствующего класса турецкого общества, погонщиками караванов, слугами на военных и торговых судах. Главный контингент рабов поставляли Закавказье, Кубань, Украина. Рабов покупали или брали в виде дани.

«Пленопродавство» (работорговля) получило в описываемое время исключительное распространение в Западной Грузии. Феодалы присваивали себе право продавать крепостных на иностранные рынки с целью приобретения предметов роскоши. Это приводило к катастрофическому уменьшению количества крестьян. Население Западной Грузии за XVI в. не только не увеличилось, но уменьшилось вдвое.

К середине XVI в. в Западной Грузии «пленопродавство» приняло настолько угрожающие размеры, что явилось предметом обсуждения на специально созванном церковном соборе. Принятая на соборе мера наказания за «пленопродавство» (смертная казнь) показывает, что участники собора понимали всю опасность этого социального зла для самого господствующего класса. Несмотря на подобные мероприятия, «пленопродавство» в Западной Грузии практиковалось почти до второй половины XIX в.

В течение XVI в. Западная Грузия упорно защищалась от натиска Османской империи.

Борьба с Турцией была тем более тяжелой, что последняя, искусно пользуясь внутриполитическим состоянием феодальной Грузии, находила себе союзников среди высших феодалов.

Положение царской власти в борьбе с высшими феодалами все более и более ухудшалось. Тем не менее имеретинские цари Александр (1484—1510) и Баграт III (1510—1565) вели энергичную борьбу и с собственными и с турецкими феодалами. Баграт III провел ряд внутренних мероприятий, направленных к усилению центральной власти (законодательство, церковные реформы, строительство). Почти до конца своей жизни он держал в повиновении других феодалов и успешно отражал турецкие вторжения, но поражение в битве с турками в 1545 г. оказалось началом конца как внешней независимости, так и внутреннего единства страны. Владетели Самцхе-Саатабаго, Мегрелии, Гурии, Абхазии, ведшие беспрестанную борьбу с царем Имерети, то раздельно, то сообща, но всегда с одобрения, а часто и с помощью Турции, становились все более и более независимыми от него, подпадая под власть султана.

* * *

Месхети (иначе Самцхе-Саатабаго, юго-западная часть Грузии) в XVI в. являлась объектом политической борьбы между картлийскими и имеретинскими царями, каждый из которых старался подчинить ее правителя — атабага своей власти. В этой борьбе цари находили себе союзников среди части церковных и светских феодалов Месхети (Месхети состояла тогда из двадцати двух крупных феодальных сеньорий). Атабаги со своей стороны уничтожали или изгоняли своих противников, пытаясь организовать независимую от мцхетского католикосского престола церковь (атабаг Мзечабук, 1502—1516 гг.). Политика атабагов, направленная к децентрализации, была реакционной.

Вследствие своего географического положения Месхети оказывалась в центре внимания соседних восточных государств, боровшихся за обладание Закавказьем, и в XVI в. не раз переходила из рук в руки в результате кровавых сражений и опустошительных вторжений. В захватнических планах Турции Месхети имела исключительное значение. Без твердого обладания этой страной агрессивные намерения Турции в отношении Кавказа не могли быть реализованы. Поэтому Турция не довольствовалась данью и вассальной зависимостью атабагов Месхети (этого она добилась еще в 70-х годах XV в.), а с первой же половины XVI в. повела политику полной ассимиляции населения. Одновременно к подчинению Месхети стремилась Персия. И Турция и Персия искали союзников среди местных феодалов, предававших интересы народа. Завязывались межфеодальные войны, энергично поддерживавшиеся агентами иностранных захватчиков. С 1500 по 1578 г. Турция воевала с Месхети восемь раз, Персия — пять раз.

По турецко-персидскому миру 1555 г. Месхети, как указано, была разделена на две части: западную — турецкую и восточную — персидскую, но в 1578 г. Турция заняла всю Месхети и поспешила провести в отнятой у Сефевидов стране ряд мер, направленных к ее окончательному захвату. Разоренная и истощенная столетней войной и раздираемая феодальными распрями Месхети подчинилась чужеземному игу. С первой четверти XVII в. начинается медленный процесс обращения местного населения в ислам, а затем и отуречения края.

* * *

Итак, на фоне общего упадка отдельные части Грузии в XVI — XVIII вв. отличались друг от друга. На почве различных исторических, а также природных условий (горы, нагорье, равнины, соседство горских племен или кочевников-степняков и развитых земледельческих стран, близость торговых путей, политическое соседство или господство Персии, Турции) складывались особенности феодального развития отдельных провинций.

При низком уровне средневековой техники условия для сельского хозяйства в Западной Грузии были несравненно тяжелее и неблагоприятнее, чем в Восточной.

Гнет местных феодалов сочетался с разорением трудового населения вследствие вторжений турецких и персидских полчищ на территорию страны. В XVI в. постепенно налаживаются связи Грузии с Русским государством, которое оказывало грузинскому народу помощь в борьбе с иноземными захватчиками.

10

АРМЕНИЯ

Со второй половины XV в. началась турецкая агрессия в отношении Армении. Турецкие феодалы завоевали Киликию и стали проникать в восточные области Малой Азии, постепенно захватывая западные окраины Армении. В государстве Ак-Коюнлу[1] начались распри, которыми воспользовались сефевидские шейхи Восточного Азербайджана, создав к началу XVI в. могущественное государство Сефевидов[2]. В дальнейшем Сефевиды овладели Ираном и возглавили Персидское государство. Армения в XVI в. сделалась ареной борьбы между османской Турцией и сефевидской Персией, которые захватывали ее территории.

* * *

В XVI в. в Армении уцелела лишь часть старинной местной армянской феодальной знати (в Сюнике, Маку и т. д.). Лишь некоторые древние княжеские роды нагорных областей Восточной Армении частично сохранили свои прежние права. Эти князья обязаны были во главе своих отрядов принимать участие в походах своих сюзеренов — иноземных властителей. Княжеские дома Лори Северо-восточной Армении считались вассалами грузинских царей. Многие захудалые потомки армянских княжеских домов занимали незначительные должности в селах и районах, вплоть до сельских старшин — танутэров.

Некоторые княжеские роды Западной Армении, приняв ислам, ассимилировались с курдскими племенами или отуречились.

Крупными землевладельцами были армянские монастыри, частично сохранившие свои поместья. В большинстве своем католикосы и епископы были княжеского происхождения. Князья старались, приняв монашество, укрыться от чужеземных захватчиков и удержать за собою свои права на эксплуатацию народных масс.

---

[1] О государстве Ак-Коюнлу и его роли в Армении см. «Очерки истории СССР. Период феодализма» (IX—XV вв.), ч. II, стр. 710 и сл.

[2] См. гл. V, § 11 настоящего издания.

Часть армянской знати, лишенная своих поместий и прав, стала заниматься торговлей как в самой Армении, так и в соседних странах и далеких колониях, куда она переселялась, избегая преследований, которым подвергалась в своей стране.

Господствующее положение в стране заняли завоеватели — феодальная знать кочевых туркменских и курдских племен. Это привело к насаждению в Армении форм феодальных отношений, какие существовали в монгольском государстве Хулагидов и в государствах, занявших место монголов — в Джелаиридской державе, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу[1]. Вожди отдельных племен владели на суюргальном праве целыми округами, районами и деревнями. Слугам — воинам, пользовавшимся тарханным правом, жаловались деревни или кварталы, в городах тарханное право присваивалось и уцелевшей армянской знати, большая часть которой, утратив свои привилегии, занимала низшие должности.

Положение армянских крестьян было очень тяжелым. Крестьянин уплачивал до двух десятков всевозможных податей и повинностей. Он вносил «бахру» или «ашар» (поземельный налог) от $^1/_4$ до $^1/_2$ урожая, а также подушную подать деньгами. Кроме того, существовали налоги на сады, пастбища, дома, скот и т. д.

Трудовая повинность в пользу землевладельцев («кор») выражалась в выполнении полевых, строительных, перевозочных и других работ. Повинность в пользу государства («бекор») заключалась в возведении крепостных сооружений, строительстве мостов, прокладке дорог и т. д. Крестьяне несли подорожную службу, привлекались к сооружению каналов и водопроводов и т. д. При взимании податей господствовал произвол. Завоеватели, а также местные армянские князья и духовенство присваивали труд и имущество народных масс.

Вследствие рутинной примитивной техники земледелия доходы крестьян от земли были незначительны. Главным земледельческим орудием была соха. Изредка применялись деревянные плуги. Удобрялась земля очень редко.

В армянской деревне существовала сельская община, ведавшая распределением земли. Пастбища находились в общинном пользовании. Пашенные, садовые, усадебные участки, вода для орошения распределялись между отдельными крестьянскими хозяйствами. Крестьяне пользовались правом отчуждения своих земельных наделов и усадеб, но лишь в пределах данного села.

Пахотные земли подлежали переделу. Налоги и повинности накладывались не на отдельные крестьянские хозяйства, а на общину. В процессе имущественного расслоения общины выделялись богатые крестьяне — владельцы земли, орудий производства и скота и крестьяне бедняки, попадавшие в кабалу.

---

[1] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 228.

Войны и междоусобицы влекли за собой продажу пленников — рабов, массовое истребление трудящихся или насильственное обращение их в ислам. Торговля рабами являлась обильным источником денежных доходов. Пленников уводили в Персию, Египет, Аравию, Багдад, Хорасан и продавали их там по дорогой цене.

Экономическое состояние горожан было также тяжелым. Столичные города Ани и Двин были почти разрушены. Однако многие из городов продолжали играть значительную роль в экономической жизни страны, ибо даже турецко-татарские эфемерные государства, ведшие бесконечные войны, не могли обходиться без городского ремесленного производства. Многие правители поощряли не только развитие ремесла, но и внутреннюю и особенно внешнюю транзитную торговлю, шедшую через Армянское нагорье. Из таких известных в то время городов можно указать на Ерзынка, Эрзерум, Ван, Карс, Ереван, Арчеш, Бахеш (Битлис), Хой и др. В XVI в. возникли вновь или выросли такие города и поселения городского типа, как Джуга, Агулис, Гавар и др. Значительная часть этих городов развивалась благодаря транзитной торговле.

Ремесленное производство удовлетворяло не только нужды караванов, но и близлежащих сел. В городах существовало несколько десятков ремесленных специальностей. В достаточной степени было развито оружейное дело. Некоторые города, как, например, Ерзынка и Эрзерум, славились производством сукна и полотна, другие выделкой ковров и изготовлением красок.

Ремесленники объединялись в цехи. Среди ремесленников наблюдалось расслоение. Верхний слой их составляли мастера (варпет), хозяева мастерских. В зависимости от них находились подмастерья (каргах) и ученики (ашкерт).

Такое же имущественное расслоение было и в среде купечества. К наиболее экономически мощному его слою принадлежали ходжи, крупные купцы, ведшие транзитную торговлю, а также занимавшиеся ростовщичеством. Затем шли скупщики товаров, привозных и местных, мелкие лавочники и коробейники. У купцов, как и у ремесленников, были свои объединения.

Торговые и ремесленные люди из армян давно уже обосновались также в городах соседних с Арменией стран, в частности в Грузии, Ширване, Южном Азербайджане, Сирии, Северной Месопотамии и в прибрежных городах бывшей Византийской империи. Армянские купцы заключали крупные торговые сделки не только с городами Руси и других европейских стран, но и с Индией и Китаем. Армянские ремесленники пользовались большой известностью за пределами своей страны и славились как блестящие мастера металлических изделий, зодчие и ткачи ковров.

Большинство городов Армении служило одновременно и крепостями. Завоевавшие страну ханы, эмиры, шахи и султаны назначали в города из среды своих приближенных особых начальников. В административных центрах находились также судьи — кадии, которые назначались из среды

крупного мусульманского духовенства; суд производился по шариату и местному обычному праву. Кадии и муллы вынуждали армян отступать от своей веры и принимать ислам.

* * *

В XVI в. Армения подверглась страшному опустошению. Как указано, она сделалась ареной борьбы между иранскими и турецкими феодалами; наступление захватчиков с юга несло неисчислимые бедствия трудовому населению Армении.

В 1499—1502 гг. шах Исмаил (из рода Сефевидов) объединил в своих руках весь Азербайджан, завоевал Восточную Армению, Северный Иран и провозгласил себя шахиншахом. Затем Исмаил совершил несколько походов в Западную Армению, во время которых были опустошены районы и города, населенные армянами. После завоевания отдельных областей Армении они были поделены между кызилбашскими, туркменскими и курдскими племенами, будучи переданы им «в кормление», или закреплены за старыми эмирами и шейхами, перешедшими на сторону Исмаила. С целью укрепления своей власти, Исмаил переводил некоторые племена из одной области в другую. В течение пятнадцати лет Исмаил закрепил свои завоевания и закончил административный раздел страны.

В 1512 г. шах Исмаил объявил войну Турции. Театром военных действий стала Армения. Хотя этой войне был придан религиозный характер (борьба шиитов с суннитами), в действительности она велась ради захвата новых земель, торговых путей и рынков шелка. Армянское население во время военных действий пострадало чрезвычайно сильно. В результате за Турцией временно осталась вся Западная Армения вплоть до областей бассейна оз. Ван.

Вторая турецко-персидская война вспыхнула в 1532—1533 гг. при преемнике Исмаила Тахмаспе. Она велась с переменным успехом, но турки смогли удержать в своих руках лишь западное побережье оз. Ван.

Иноземная агрессия вызывала массовое освободительное народное движение. Армянские крестьяне и ремесленники героически боролись против захватчиков, обладавших более значительными силами. Эту борьбу хотели возглавить и придать ей организованные формы передовые слои господствующего класса феодалов и горожан в целях воссоздания независимого феодального государства в Армении.

В 1547 г. в Эчмиадзине было созвано тайное совещание, с целью обсуждения вопроса о невыносимо тяжелом положении Армении и путях ее освобождения. Инициатором созыва этого совещания был католикос Степанос Салмастеци, который бывал на Руси и в Польше.

В совещании приняли участие большей частью светские феодалы— сельские старшины, и представители купечества. Собрание постановило отправить католикоса в Европу, в частности в Рим, искать помощи. Рим-

ский папа заботился только о том, чтобы обратить армян в католичество, о расширении своей власти и приобретении новых источников дохода, но его отнюдь не трогало тяжелое положение армянского народа. Степанос Салмастеци побывал и в других европейских государствах, но и там переговоры его не увенчались успехом. Из Польши он выехал в Москву[1].

Россия в середине XVI в. была занята борьбой с Казанским и Астраханским ханствами, а затем Ливонской войной и при создавшейся ситуации была лишена возможности помочь армянам.

В середине XVI в. произошла новая ожесточенная схватка между Персией и Турцией. В 1551 г. шах Тахмасп двинулся на Турцию. Армения вновь сделалась театром военных действий. Армии воюющих сторон опустошали страну от Вана до верховьев р. Чорох, от Северной Месопотамии до верховьев Аракса.

В 1554 г. огромное турецкое войско двинулось на Восток — через Карс на Араратскую равнину. В конечном итоге это движение турецкой армии преследовало цель укрепления на побережьях Каспийского моря и в Дагестане с тем, чтобы отбросить русских с Северного Кавказа, восстановить в Астрахани влияние вассала Турции крымского хана, отвоевать Казанское ханство и тем самым удержать в своих руках побережье Черного моря. Поэтому не случайно движение турецкой армии началось именно в 1554 г., когда, после занятия Казани, русское правительство обратило свое внимание на Астрахань, изгнав оттуда хана Ямгурчея[2]. Стратегический план турецких феодалов не увенчался успехом, но за это время их армия разгромила области Восточной Армении и Азербайджана с тем, чтобы в дальнейшем открыть путь продвижения на северо-восток.

В 1555 г. воюющие стороны заключили мирный договор, по которому во владении Турции осталась бóльшая часть Западной Армении, включая Васпуракан, Коговит и долину Алашкерта. Однако этим договором война была прекращена только временно.

В 1562 г. в городе Себастии было созвано второе тайное собрание армянских феодалов и купечества и была отправлена вторая делегация в Западную Европу во главе с ученым дьяком Абгаром. Эта делегация армянских представителей также не увенчалась успехом. В дальнейшем Абгар отказался от своей политической миссии в Европе и целиком отдался культурной деятельности, книгопечатанию на армянском языке. Армянский народ продолжал стонать под игом восточных деспотов.

После заключения в 1555 г. мирного договора между Персией и Турцией междоусобицы продолжались с прежней силой. При этом страдали главным образом массы крестьян, на плечах которых лежала основная тяжесть налогового бремени.

По смерти шаха Тахмаспа началась междоусобная борьба между его сыновьями из-за престолонаследия. Турция воспользовалась этим обстоя-

[1] *Алишан*. Камениц, Венеция, 1896, стр. 135 (на армянском языке).

[2] *Е. Н. Кушева*. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг., стр. 245.

тельством для осуществления своих агрессивных целей. Часть турецкой армии в 1578 г. двинулась на Грузию, другая — на Армению и Азербайджан. Действия турок сопровождались необычайными зверствами.

Турецкое командование переселило в военностратегических целях из юго-западных районов страны в Араратскую долину и в нагорные районы Восточной Армении десятки курдских племен. Целью такого переселения было разъединение областей, сплошь населенных армянами, путем внедрения туда чуждого этнического элемента и ослабление курдов в самой Турции.

В 1590 г. шах Ирана Аббас вынужден был заключить мирный договор с Турцией, по которому он отказался в пользу последней от Закавказья и Южного Азербайджана. Одновременно шах обязался не вмешиваться в ту борьбу, которую Турция предполагала вести с Россией, чтобы отрезать путь последней в Закавказье.

В Восточной Армении, в Грузии и Азербайджане турецкие паши и беки установили режим грабежа и насилия.

Налоги возросли в три раза; ежегодно с населения собиралось 1000 верблюжьих вьюков шелка, между тем как до турецкой оккупации вывозилось всего 400—500 вьюков. Недовольство закавказских народов турецкими правителями достигло крайних пределов.

Воспользовавшись крестьянскими восстаниями и военными мятежами в Турции, шах Аббас в 1603 г. захватил Тебриз. Вскоре он переправился через Аракс, занял Джугу (Джульфу), Нахичеван и осадил Ереван. В целях сохранения своего войска шах Аббас при нападении на крепость выгонял вперед безоружных армянских крестьян. Они должны были сооружать земляные укрепления. Одновременно с осадой Еревана часть персидского войска произвела ряд набегов на Ширакскую равнину вплоть до Карина, Муша и Васпуракана и увела оттуда в Араратскую долину 23 000 пленных армян. Персидское войско кормилось за счет армянского крестьянства. Воины пользовались правом грабежа и пленения женщин и детей, которых они продавали на рынках.

Через девять месяцев Ереванская крепость сдалась. Десять тысяч армян и грузин погибли в самоотверженной борьбе с захватчиками. После этого турецкое правительство направило против шаха Аббаса большое войско, и последний предпочел отступить вглубь Ирана.

Избегая встречи с турецкой армией, шах Аббас решил опустошить всю Восточную Армению путем переселения армянского населения в Персию. Это решение персидского деспота преследовало несколько целей. Во-первых, шах хотел обратить эту обширную страну, простирающуюся между Турцией и Ираном, в пустыню, чтобы турецкая армия лишилась провианта и пристанища во время походов. Во-вторых, ставилась задача заселения квалифицированными земледельцами малонаселенных внутренних областей Персии и перенесения развитой армянской торговли на юг Персии, ближе к Персидскому заливу, для нанесения большого экономического ущерба Турции. Иранское правительство хотело лишить

Восточную Армению армянского населения и создать в центральных областях Ирана по соседству с мятежными ханами и вождями племен инородное население, которое должно было стать надежной военной и экономической опорой шахского престола.

По распоряжению персидского правительства сжигались армянские жилые дома, стога, скирды. Выполняя преступный приказ шаха, персидская армия насильственно переселяла городское и сельское армянское население. Армянский народ оказывал сопротивление захватчикам. Население убегало в горы, пряталось в ущелья. Жители селения Гарни, где была старинная крепость, выступили с оружием в руках против персидского войска.

Армянский народ вел непрерывную борьбу против иноземных и местных эксплуататоров. В начале XVII в. в Армении развернулось стихийное крестьянское движение под руководством монаха Мехлу-вардапета. Оно было направлено преимущественно против церковных феодалов. Восстание распространилось на большую территорию. Мехлу выступал против догматов христианской религии и церковной организации. Крестьяне изгоняли из своих владений монахов и епископов. Церковники мобилизовали все силы и приняли меры идеологического воздействия для подавления восстания.

* * *

Бесконечные войны между враждующими кочевыми племенами, эфемерными династиями и государственными образованиями на территории Армении, эмиграции, голод, эпидемии, резня, грабежи и пленение населения не только разорили страну, но в значительной степени изменили также ее этнический облик. В армянских областях, в частности на огромной территории Западной Армении, особенно с XVI в. постепенно стали селиться новые этнические элементы. Курды и турки в некоторых областях составили даже преобладающую часть населения. Процесс заселения курдами армянских земель продолжался и позднее, чему способствовали не только турецкие, но и персидские власти.

Численность армянского населения резко сократилась. В конце XIII в. при монгольском владычестве на территории Армянского нагорья количество армянского, только сельского, населения было весьма значительно. Следует учесть и население Киликийского армянского государства, а также армянское население соседних стран и дальних колоний. Несмотря на большую эмиграцию, армяне составляли значительную часть населения Армении и в конце XV в. Венецианский посланник Катерино Зено, рассказывая в 70-х годах XV в. о государстве Узун-Гасана Ак-Коюнлу, отмечает, что «в этой стране живут большей частью армяне-христиане и коренные персидские племена»[1].

---

[1] «Описания путешественников», т. I, Ереван, 1932, стр. 153.

В результате тяжелых для армянского народа событий политической истории XVI в. количество армянского населения непрерывно уменьшалось. Однако самоотверженной борьбой армянский народ избавился от окончательного физического уничтожения. Он упорно отстаивал и отстоял от турецко-персидских ассимиляторов свой язык, свою богатую духовную культуру, свое право на национальное развитие. Хотя к началу XVII в. армянское население в Армении сильно сократилось, армяне играли основную роль в экономической и культурной жизни страны.

Армянские крестьяне и городские жители уцелели преимущественно в нагорных областях страны, в бассейне оз. Ван, а также в Персо-Армении (Маку, Хой, Салмаст).

Часть армян на протяжении столетий эмигрировала в другие страны, в первую очередь в соседние с Арменией — Грузию, Азербайджан и Малую Азию. В городах этих стран, в особенности же в Тбилиси и Шемахе, армянские ремесленники и купцы, пользовавшиеся большими привилегиями, составляли значительную часть населения. Сельские жители получали места для заселения и пользовались всеми правами местного населения.

Армянским купцам были знакомы и более отдаленные страны. С XI по XIV в. армянские поселения были уже в Западной Украине, Молдавии, Валахии, Трансильвании.

Столица Западной Украины город Львов с XIV в. стал центром армянских колоний. Во Львове были обширные армянские кварталы, а в Львовской области — многочисленные армянские селения. Они пользовались внутренним самоуправлением. Здесь у армян были собственные судьи, руководствовавшиеся Судебником Мхитара Гоша.

С давних пор имелись многолюдные армянские поселения в Крыму. В одной лишь Кафе к концу XVI в. на 70 000 жителей приходилось свыше 30 000 армян. По всему Крымскому полуострову разбросаны были многочисленные армянские селения. С течением времени часть крымских армян обосновалась в Польше, Венгрии и в соседних с ними странах.

С XV в. зарубежные армянские поселения стали играть особенно значительную роль в деле развития армянской культуры, сильно пострадавшей и преследуемой в самой стране. К началу XVII в. в странах Центральной Европы насчитывалось более 150 000 армян.

В течение первой половины XVI в. часть армянского населения усилиями иезуитов, действовавших по инструкциям римских пап, была насильственно обращена в католичество. Отказывавшихся подвергали жестоким гонениям и самым ужасным пыткам, выработанным инквизицией.

* * *

Начиная с первой половины XV в. армянские купцы Закавказья и Ирана стали все чаще появляться в России, которая была знакома армянам со времен древнерусского государства. В XV—XVI вв. большую роль в эконо-

мическом, культурном и политическом общении армян и русских играли армяне Крыма, Бессарабии, Балканских стран, Западной Украины и Польши. С XIV в. существовало отдельное армянское епископство для армян «всех русских земель и Валахии»[1], с центром в Сурхате или Кафе (Крым).

В Грюнвальдском сражении 1410 г., в котором объединенными силами польских, русских, литовских и чешских войск были разгромлены немецко-тевтонские рыцари, плечом к плечу со смоленскими полками сражались и отряды, сформированные из жителей армянских колоний славянских стран.

Водный путь Каспий—Волга давно уже был знаком армянским купцам. Согласно данным Казанского летописца, во время осады Казани русскими войсками в 1552 г. там было большое количество иноземных купцов, в том числе армянских. По сообщению летописца, армяне сочувствовали русским и отказывались с ними сражаться. Даже когда татары привязали армян железными цепями к пушкам, а позади поставили воинов с обнаженными мечами с тем, чтобы заставить их под страхом смерти стрелять из пушек, армяне старались стрелять таким образом, чтобы пушечные ядра не попадали в русских. Как говорит автор Казанского летописца, армяне «лестно и худо бияху и не улучаху, аки неумеюще, и ядра чрез воя пропущаху или не допущаху, или едва кого убиваху»[2].

Подвластный татарам город Астрахань еще в XIV—XV вв. был главным местом встречи армянских и русских купцов. В Астрахань съезжались с шелком и иными товарами армянские купцы не только из Закавказья, но и из Новой Джульфы.

В 1554 г. бейлербей Ширвана посылал к Ивану Грозному особое посольство, ходатайствуя о восстановлении старинных привилегий армянских купцов и о праве свободного въезда их в Москву. Ходатайство это было удовлетворено, однако возобновившиеся военные действия между Турцией и Персией, Ливонская война и набеги татар, затем предпринятое шахом Аббасом насильственное переселение армян и польско-шведская интервенция в Россию на время ослабили торговые связи России с Арменией. Но даже и в этот период армянские купцы имели собственные торговые суда на Каспийском море, об одном из которых говорит англичанин Христофор Баро, в своем письме от 1580 г. указывая, что судно армянина Якоба тридцатипятитонной вместимостью прибыло из Астрахани в Дербент[3].

Постепенно в Москве и в Астрахани, где имелись специальные караван-сараи для армянских купцов, росли постоянные армянские поселения.

---

[1] «Памятные записи армянских рукописей XIV в.», составил Л. С. Хачикян, Ереван, 1950, стр. 529 (на армянском языке).

[2] «Казанская история». М.—Л., 1954, стр. 135; *К. Н. Григорьян.* Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII вв. «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 334.

[3] «Описания путешественников», т. I, стр, 442.

Этим двум колониям предстояло сыграть значительную роль в укреплении армяно-русских экономических и культурных связей.

* * *

Многочисленные опустошительные войны и политика национального гнета со стороны иноземных захватчиков нанесли удар армянской культуре. Однако армянский народ напрягал все силы, чтобы отстоять и развивать дальше культуру и язык, созданные им в течение веков.

С древнейших времен при крупнейших монастырях имелись монастырские школы. В них, помимо чисто религиозных предметов, преподавались также риторика, грамматика, философия, математика, живопись, музыка и т. д. Окончившим монастырскую школу присваивали степень монаха-вардапета, т. е. учителя, ученого.

В первой четверти XV в., во время борьбы между кочевыми племенами, была нарушена, а местами и вовсе прекратилась деятельность не только монастырских школ, но, прежде всего, и Татевского университета. Понизился уровень научных знаний, искусства, отчасти и литературы.

С другой стороны, с падением значения армянской знати с ее родовыми устоями и привилегиями и постепенным включением феодалов в круг интересов торгово-ремесленного населения, претерпевает сильную ломку и клерикально-религиозная идеология. Получило дальнейшее развитие светское направление в мировоззрении и идеологии феодального общества.

В области литературы и искусства, с одной стороны, постепенно отмирали некоторые устаревшие жанры, с другой — развивались новые, со светским содержанием. Это сказывалось особенно в поэзии и в искусстве миниатюры, в общем имевших светский характер.

Самой яркой страницей в истории культуры армянского народа XVI в. является книгопечатание, создавшееся на основе тысячелетней весьма развитой культуры рукописной книги в Армении. Первым армянским печатником был некий «Грешный Акоп», по всей вероятности уроженец города Джуги или же Киликии. В 1512—1513 гг. было издано пять книг, из которых лишь одна религиозного содержания. Во второй половине XVI в. деятельность Акопа в области книгопечатания была продолжена писцом Абгаром Токатским.

В области научных знаний выдающихся успехов достигла медицина. Среди армянских врачей XV—XVI вв. особенно выделяется Амирдавлат (ок. 1420—1496), уроженец г. Амасии. Он владел шестью восточными и европейскими языками и был всесторонне образованным человеком. Пользуясь армянской, греческой, арабской и персидской медицинской литературой и руководствуясь своей долголетней практикой, он написал десять медицинских сочинений. Выводы он изложил доступным народу языком, чтобы «всем было понятно и всем пошло на пользу». После Мхитара Гераци Амирдавлат в истории армянской медицины — вторая крупная фигура.

до XVIII в. никем не превзойденная. Он считается одним из самых выдающихся врачей своего времени. Главнейшие его труды: «Польза врачевания», «Невеждам не в прок». Ему же принадлежат также обстоятельные книги по средневековой фармакологии и диагностике.

В области феодальной историографии, успешно развивавшейся до начала XIV в., за следующие триста лет не появилось сколько-нибудь значительного труда. Источниками для истории страны и соседних народов с начала XIV в. и до начала XVII в., помимо уцелевших архивных документов и многочисленных лапидарных надписей, служат труды трех десятков мелких хронистов и летописцев из числа светских и духовных феодалов и горожан и дошедшие до нас несколько тысяч весьма ценных памятных записей (объемом от нескольких строк до нескольких страниц), которыми обычно заканчивали рукописные книги писцы и авторы или же которые оставили приобретавшие их лица. Обнимающие многие стороны общественно-политической жизни, эти непосредственные документы современников, при всей их тенденциозности и классовой направленности, являются более достоверными источниками, чем многие исторические труды последующих официальных авторов — панегиристов феодальных домов или царских дворов.

Крупным деятелем армянской литературы был ахтамарский католикос Григор или Григорис, внук «царя» Васпуракана Смбата Арцруни (ок. 1475—1544), один из самых выдающихся лириков средневековой феодальной армянской поэзии. Его творчеству присущи гуманистические черты. В своих красочных стихах Григорис Ахтамарци превозносит природу, цветущую весну и женскую красоту. Он протестует по поводу того, что «вечно телом душа стеснена», силится сбросить оковы «грехов», говоря: «И враждует с душой моей плоть, и друг друга хотят побороть». Он восстает против смерти, которая хочет увести его из цветущего сада жизни, между тем сам он ищет рай и находит его лишь на земле, в любви к женщине. В одном стихотворении Григор Ахтамарци поднимает тему национальной борьбы, жалуясь на то, что «агаряне... как огонь, опаливают армянский народ». Образный слог стихов Ахтамарци очень близок к народным песням.

В XV в. развивается также агиографическая — житийная литература, носившая зачастую политический характер. Старый армянский сборник Четьи-Минеи, в котором преобладали «жития» древних «отцов христианской церкви», был пополнен многими «житиями» не только «мучеников» — церковников, но и светских лиц, погибших за свою веру. Четьи-Минеи редактировал один из видных церковников, ученый монах, представитель феодальной историографии, поэт и книжник Григор Хлатеци.

В XV—XVI вв., помимо переводной и прозаической литературы, развивался также жанр больших и малых эпических поэм. Большей частью эти поэмы лишены художественных достоинств, отличаясь сухим повествовательным стилем и монотонностью. Но поэмы двух авторов достойны вни-

мания своими национально-политическими тенденциями. Одна из них — «Плач» на взятие Константинополя турками — написана известным и многогранным писателем первой половины XV в. Аракелом Бачешским, под свежим впечатлением взятия столицы Византии в 1453 г. Он пишет, что «народы все и племена оплакивают» судьбу города, старого центра христианской культуры, ставшего отныне местопребыванием язычников. Во второй части поэмы автор высказывает надежду на то, что воспрянет и обновится Византия — придут с моря и с суши несметные освободители Стамбула, после чего получит избавление и армянский народ усилиями своих вооруженных сынов, которые освободят его исконные земли от иноземцев [1].

В конце XVI в. в обстановке опустошительных походов турецких феодалов на Восточную Армению и под влиянием освободительных стремлений народа монах Симеон Апаранци пишет историческую поэму о прошлом Армении, проводя идею воссоздания независимого феодального государства. В другом стихотворении автор обращается к ночному туману с вопросом: «Почему, мгла, ты сгущаешь тьму, чтобы зимняя горькая стужа не прошла и чтобы не настала для нас весна? Но мы надеемся, что весенние солнечные лучи рассеют туман и тьму и тогда мы услышим сладкий глас горлицы, люди выйдут с благой вестью, скажут: пришла к нам весна... Не нужно рвать нить надежды».

Начиная со второй половины XVI в. строительство в Армении было почти приостановлено. Ранее воздвигнутые великолепные архитектурные памятники — храмы, замки, крепости, караван-сараи, мосты — во множестве безжалостно разрушались захватчиками страны как во время военных действий, так и в «мирное» время.

С прекращением строительства постепенно вымирали целые профессии строителей-мастеров. За три столетия, вплоть до первой четверти XVII в., во всей Армении и в Киликии, не считая строительства в г. Джуге и постройки нескольких феодальных замков, было завершено не более двух десятков второстепенных архитектурных сооружений (церквей и пр.). Редкие попытки построить новые церкви или восстановить разрушенные почти всюду встречали препятствия со стороны фанатиков мулл и правителей районов и областей.

Высокоразвитое архитектурное искусство, скульптура и резьба на камне, не находя приложения в области монументальных сооружений, почти целиком переходят на малые формы. Лишившиеся крупных материальных средств и политических прав представители армянской феодальной знати имели возможность лишь заботиться о воздвижении надгробных плит и памятников. Область искусства в значительной мере перешла в руки купцов, которые предпочитали вкладывать свой капитал в торговые обороты, ограничиваясь лишь постройкой не столь дорогих домов и заботой об отделке могильных плит.

---

[1] См. *А. С. Анасян*. Армянские хронисты о падении Константинополя.—«Византийский временник», т. VII, М., 1953, стр. 444—466.

Лишь в городе Джуге (Джульфе) крупные купцы в XV—XVI вв. строили прекрасные дворцы и виллы, гостиницы и церкви. Весьма славилось кладбище Джуги своими хачкарами (надгробными камнями) в виде крестов и разнообразными плитами с изображением бытовых сцен и различных животных. До сих пор уцелела часть этого кладбища, где стоят несколько тысяч таких памятников, многие из которых являются выдающимися произведениями искусства. Подобные, но более скромные, кладбища существуют и во многих других пунктах страны. Тончайшая резьба по камню украшает эти, присущие армянскому искусству, бесчисленные и оригинальные памятники, вызывающие в зрителях восхищение.

В дальнейшем развертывание национально-освободительной борьбы в Армении дает новый толчок развитию армянской культуры, передовые деятели которой испытывали благотворное воздействие культуры великого русского народа.

11

АЗЕРБАЙДЖАН

К концу XV в. в северном Азербайджане продолжали существовать государства Ширван и Шеки. Самым сильным соседом этих государств было Ак-Коюнлу, владевшее всей территорией Азербайджана к югу от р. Куры, всей Арменией и всем Ираном, кроме Хорасана, Гиляна и Мазендерана. Это было государство типа средневековых империй, состоявшее из различных племен и народностей, объединенных завоеванием, не имевших единого языка и общей экономической жизни, представлявшее непрочное военно-административное объединение[1]. Оно было крайне ослаблено междоусобиями членов правящей династии и группировок кочевой знати и распалось на уделы.

* * *

В Азербайджане феодальное общество в XIII—XV вв. достигло законченного развития. Рабовладельческий уклад к концу XV в. утратил свое прежнее значение. Полупатриархально-феодальные отношения сохранялись в среде кочевников. Масса оседлого крестьянства находилась в состоянии феодальной зависимости и была прикреплена к земле.

Феодальные отношения в Азербайджане XVI в. мало изменились по сравнению с XV в.

Юридически признавались четыре вида феодальной земельной собственности: государственные земли — дивани; домены шахской фамилии — хассэ или хасс (арабск. «хасс» — буквально «собственный», «особый»); земли религиозных и благотворительных учреждений — вакф (вакуф); частновладельческие земли аллодиального типа — мюльк.

[1] Характеристику государств такого типа см.: *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 293; *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 12.

Доходы земель дивани шли на содержание войск и государственного аппарата, доходы с земель хасс — на содержание шахского двора и придворных чинов. При Сефевидах[1], в результате конфискаций земель старинной местной знати, государственное землевладение выросло. Но бо́льшая часть земель дивани отдавалась в условную феодальную собственность разным категориям служилых людей. Таким условным владением типа бенефиция был тиул. Наряду с тиулом существовал вид наследственного лена — сойюргал, когда земля переходила по наследству; владелец сойюргала пользовался правом не только налогового, но административно-судебного иммунитета, и обязан был в случае войны поставлять определенное число людей в феодальное ополчение. Особый вид лена составляли земельные массивы, часто целые округа, передаваемые наследственно в кормление кочевым племенам — азербайджанским и курдским, которые за то обязаны были нести военную службу в феодальном ополчении; владения эти, включавшие не только кочевья, но и обработанные земли с сидевшими на них феодально-зависимыми крестьянами, находились в распоряжении племенных вождей и знати. Таким образом, знать кочевых племен эксплуатировала также и оседлое крестьянство.

Крупное феодальное землевладение в его различных формах сочеталось с мелким крестьянским землепользованием в форме наследственной издольной аренды. В условиях широкого применения искусственного орошения собственное (господское) хозяйство феодалов или отсутствовало, или было незначительным.

Класс феодалов, как и в XV в., состоял из четырех основных групп: военной знати кочевых племен, чиновничества, духовенства и провинциальной оседлой землевладельческой знати.

Сефевиды физически уничтожили или изгнали бо́льшую часть прежней азербайджанской знати, особенно в Ширване. Значительная часть земельного фонда перешла в разряд земель казны или собственных угодий шаха. В Северном Азербайджане утвердились новые феодалы из числа знати кочевых кызылбашских племен устаджлу, каджар, румлу и зулькадар. Из них же назначались беглербеги — наместники областей — в Тебриз, Ганджу, Шемаху, Ереван. В Южном[2] Азербайджане большие земельные пожалования были розданы шахом не только азербайджанской (афшары и др.), но и курдской кочевой знати.

Главы кызылбашских племенных групп постепенно превратились в местных наследственных ханов, раздававших части своих владений другим знатным людям своего объединения. Значительная часть территории Южного Азербайджана представляла собственные имения шахской семьи Сефевидов. Заметно выросли и вакфные имущества шиитского духовенства.

В середине XVI в. заметен рост феодальной эксплуатации и обеднение крестьянства как в османской Турции, так и в Сефевидском государстве.

---

[1] Об образовании государства Сефевидов см. ниже.

[2] Ныне в иранском Азербайджане.

Среди податей и повинностей[1], лежавших на крестьянах Азербайджана, следует отметить: 1) поземельную подать (харадж), взимавшуюся чаще всего натурой в виде доли урожая (до $^1/_6$); 2) десятину (ушр) с привилегированных земель, а также с садов, виноградников, шелковичных садов и т. д.; 3) подать со скотоводства (чобан-беги); 4) подымный сбор; 5) сборы и поставки натурой для содержания войска или разных звеньев бюрократического аппарата; 6) несколько видов различных обязательных «приношений» и «подарков» — натурой или деньгами — шахским чиновникам и феодальным владетелям; 7) личные повинности работой в пользу государства или феодальных владетелей (бигар, иначе сухра)— очистка оросительной сети, строительство дорог и зданий и т. д. Все эти подати и повинности в совокупности составляли феодальную ренту, которая носила смешанный характер. Ведущее положение в ее составе сохраняла рента продуктами; денежная рента применялась не повсюду, и то при сборе лишь некоторых только видов податей. Применялись принудительные работы крестьян в пользу государства; барщинные работы в пользу землевладельца занимали очень скромное место в системе феодальных повинностей (три—шесть дней в году), что объяснялось незначительными размерами собственных (господских) хозяйств феодалов.

Рост феодального гнета вызывал обострение классовых противоречий, выливавшихся в антифеодальные восстания. Наиболее крупное из них произошло в конце 1537 г. Об этом восстании сообщают очень скупо персидские историки[2], стоящие на классово-враждебной восставшим точке зрения. Непосредственные причины, вызвавшие восстание, нам неизвестны. Искендер Мунши говорит лишь, что притеснения ширванских эмиров, т. е. высшей феодальной знати, «вышли из границ» и достигли такой степени, что в Ширване не осталось «никакого порядка, и смятение и ужас в той стране стали явными». Очевидно в Северном Азербайджане имело место одно из тех народных антифеодальных движений, какие в XIV—XVI вв. происходили на всем Переднем Востоке. Во главе восстания стал некий дервиш, выдававший себя за Султан-Мухаммеда (по другим данным, за его сына), одного из сыновей умершего ширваншаха Шейхшаха. Дервиш собрал под своим знаменем огромную массу народа. Сперва он занял г. Сальян на р. Куре, потом восставшие пошли к столице Ширвана г. Шемахе. Эмиры растерялись, а воины ширваншаха не пожелали сражаться с восставшими. Бежав в крепость Бугурд, эмиры захватили с собою ширваншаха Шахруха. Шемаха была занята восставшими. Однако они

---

[1] См. «Указы кубинских ханов». Изд. Груз. филиала АН СССР, Тбилиси, 1937, перс. текст и русск. перевод; «Нахичеванские рукописные документы». Изд. Груз. филиала АН СССР, Тбилиси, 1936, перс. текст и русск. перевод; Сефевидские персидские документы государственного хранилища Армянской ССР «Матенадаран».

[2] *Искендер Мунши.* Тарих-и алем арай-и Аббаси, литогр. изд., 1314 Хиджры, стр. 15; *Хасан-бек Румлу.* Ахсан-ат-таварих, изд. Gaekwad Oriental series, Барода, 1931, перс. текст, стр. 282; Тарих-и ильчий-и Низам-шах, перс. текст в «Персидской хрестоматии» Шефера, т. II, стр. 60—61.

не смогли удержаться в городе и скоро отступили в Сальян. Узнав об этом, укрывавшиеся в крепости Бугурд эмиры оправились от страха, заняли вновь столицу и пошли на Сальян. Здесь восставшие, не организованные и не располагавшие способными руководителями, были разбиты и рассеяны. Дервиш бежал, но был схвачен и убит. Источники не говорят прямо о социальном составе движения. Однако то обстоятельство, что восстание было вызвано притеснениями феодальной знати, и такие его черты, как массовый характер и в то же время стихийность движения, участие дервишей и т. д., позволяют поставить восстание в Ширване в один ряд с аналогичными крестьянскими восстаниями в Передней и Средней Азии XV—XVI вв.

Управлявшие Ширваном эмиры жестоко расправились с восставшими. По словам Искендера Мунши, «народ от притеснений тиранов Ширвана был доведен до отчаяния»[1].

* * *

Азербайджанские города в XVI в., как и ранее, были центрами ремесла и торговли. Помимо ремесленников, объединенных в цехи (аснаф), в этих городах было много поденщиков и городской бедноты, жившей случайными заработками. Значение ремесленных цехов в XVI в. заметно усилилось.

В 60-х годах XVI в. в связи с присоединением к Русскому государству Казани и Астрахани и возросшим значением волго-каспийского пути значительно увеличилась роль городов Азербайджана в вывозной и транзитной торговле. Главным предметом вывоза из Азербайджана в XVI в. был шелк. Из г. Шемахи вывозили ширванский и шекинский шелк. Уже в 1562 г. в Шемахе была основана английская торговая фактория по инициативе англичанина Дженкинсона, поддержанная шахским беглербегом в Ширване Абдулла-ханом Устаджлу. Тогда же в Шемахе вели торговлю русские купцы. Города Азербайджана были особенно заинтересованы в развитии торговых связей с Россией[2]. При отъезде Дженкинсона в обратный путь Абдулла-хан послал вместе с ним посла к Ивану Грозному.

Важным пунктом оптовой торговли шелком в Северном Азербайджане был г. Ареш, славившийся крашеным (зеленым и др.) местным шелком. Но главная роль в оптовой шелковой торговле с 70-х годов XVI в. принадлежала г. Джульфе (арм. Джуга, перс. Джулах) на р. Араксе (в нынешней Нахичеванской АССР). Это был город с армянским населением, хотя и лежавший на территории Азербайджана. Даже в пору своего расцвета в Джульфе было не больше 15—20 тысяч жителей. Но здесь жили богатейшие армян-

---

[1] *Искендер Мунши*. Указ. изд., стр. 15.

[2] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в., стр. 23, 24 и сл.

ские купцы, державшие в своих руках караванную торговлю и ведшие операции с такими европейскими центрами, как Венеция, Марсель, Лиссабон, Амстердам. О размерах торговых операций джульфинских купцов можно судить хотя бы по размерам вывоза в г. Алеппо (Сирия), куда ежегодно поступало до 500 харваров или 30 000 батманов ширванского и гилянского шелка. Вывозили из Алеппо в Джульфу 18 000 кусков венецианских тканей (крса) и бархата.

Джульфа была центром не только международной торговли шелком, но и оптовой торговли разными товарами, обслуживавшими азербайджанские рынки. Такую же оптовую торговлю вели и другие города и местечки на территории нынешней Нахичеванской АССР, населенные азербайджанцами (Ордубад и др.) или частью армянами (Акулис).

Эти города, так же как и г. Джульфа, получили от сефевидских шахов важную привилегию — они были причислены к «особой» категории собственных имений шаха. Такие территории пользовались налоговым иммунитетом, либо вносили подати непосредственно шаху и были избавлены от произвола и жадности местных феодалов, правителей и сборщиков податей.

Кроме этих привилегий, Джульфа получила от шахов право самоуправления: городом управлял не шахский наместник, а выборный старшина (перс. «калантар», арм. «кагакапет»), зависевший непосредственно от центральной власти.

Наиболее значительным торгово-ремесленным городом Южного Азербайджана и одним из крупнейших городов Передней Азии был Тебриз. В нем насчитывалось не менее 300 000 жителей. Здесь изготовлялись шелковые и шерстяные ткани, шали, ковры, шагреневая кожа, серебряные и железные изделия, оружие и т. д. Трудящиеся массы Тебриза были настроены враждебно по отношению к шахскому правительству. По словам венецианского посланника Алессандри, Тахмасп I, из-за своей жадности и налоговых притеснений, был ненавистен жителям Тебриза[1]. Быть может и это обстоятельство, а не только угроза турецких вторжений, побудило этого шаха перенести свою резиденцию из Тебриза подальше в Казвин (около 1548 г.). Но и после этого Тебриз продолжал именоваться столичным городом (дар-ас-салтанэ) и сохранял прежнее значение.

* * *

О внутренней жизни азербайджанских городов того времени известно мало. Однако немногие сохранившиеся данные говорят о развитии классовой борьбы в городах. Ярким проявлением этой борьбы было восстание «сербедаров» — «висельников»,— ремесленников и городской бедноты в Тебризе, описанное с резко выраженных феодальных классовых

[1] *В. д' Алессандри.* A narrative of Italian travels in Persia, Hakluyt series, т. 49, 1873, стр. 223—224.

позиций Хасан-беком Румлу[1]. По этому восстанию можно судить о классовой борьбе и в других городах Азербайджана.

Ряды восставших, по словам автора, состояли из «простонародья», «черни», «бродяг и подонков»; такие прозвания в персоязычных средневековых хрониках даются обычно городской бедноте и вообще социальным низам. Помимо этого, в числе вождей восстания в хронике Хасана Румлу указаны мелкие торговцы и даже ремесленники. Некоторые вожди восстания названы «пехлеванами» (перс. «богатырь») — так называли обычно членов корпорации борцов-атлетов, нередко принимавших участие в городских волнениях. Восстание было направлено против стоявшей во главе управления городом феодальной знати, крупных купцов и верхов мусульманского духовенства. Последнее везде в городах Востока было связано с оптовой торговлей; в качестве управителей принадлежавших вакфам ремесленных мастерских и лавок представители верхушки мусульманского духовенства взимали с ремесленников крупные поборы, являлись их эксплуататорами.

Восстание в Тебризе произошло в 1571—1572 гг. Ближайшим поводом к нему были притеснения назначенного шахом правителя (хаким) Аллах-кули-бека Устаджлу, вызвавшего особую ненависть народных масс. Однажды «простонародье» избило мулязима (военного слугу) правителя. Один из предполагаемых виновников избиения был казнен. Когда же Аллах-кули-бек хотел помешать похоронить казненного горожанина, «чернь» заволновалась. Аллах-кули-бек пустил было в ход мечи и копья, но был обращен массой народа в бегство и осажден в своем доме; его мулязимы были изранены и вынуждены бежать. «Чернь» обратила оружие также против знатных и вельмож, сейидов, казиев и богачей; дома их были разгромлены, семьи подверглись насилиям. «И на каждой улице,— говорит Хасан-бек Румлу,— кто-нибудь из того простонародья поднимал знамя власти: пехлеван Яри в квартале Санджаран (мастеров, изготовляющих щиты), Нашми в квартале Дерджуйэ, Шереф, сын хромого Мустафы, у ворот Серв («Кипарисовых»), сын изготовителя шалей (шальдуз) в квартале Михад-Махан, Ага Мухаммед у ворот Наубар, пехлеван Аваз на мейдане (главная площадь), Аслан у ворот А'аля, Мирза-и Меликани и Гёкча в квартале погонщиков верблюдов и Аля-и Хасан-Джан в квартале Шеш Килян»[2]. Бóльшая часть главарей восстания принадлежала к народным массам. После бегства правителя власть в городе перешла в их руки.

Мы не знаем, как организовали восставшие управление городом. Волнения продолжались около двух лет. Шах Тахмасп I медлил с посылкой карательной экспедиции в связи с крайне тяжелым внутренним положением

[1] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 455—457; *Искендер Мунши.* Указ. изд., стр. 89—90; *В. д'Алессандри.* Указ. изд., стр. 224 и сл. См. также: *И. П. Петрушевский.* Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571—1573 гг. «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. 1, Баку, 1949, стр. 220—224.

[2] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 455.

Сефевидского государства (междоусобная борьба кызылбашских племен, антифеодальное движение в Гиляне)[1]. К тому же шах надеялся путем переговоров добиться от восставших подчинения. Он назначил правителем Тебриза Юсуф-бека Устаджлу, выделявшегося хитростью и дипломатическими способностями, и поручил ему войти в переговоры с восставшими. Юсуф-беку удалось было склонить кедхуд — городских старшин — заключить мир и допустить нового правителя в город. Но этот компромисс, повидимому, не удовлетворял массу городской бедноты, так как вскоре снова вспыхнуло восстание, руководимое пехлеваном Яри.

Юсуф-бек просил помощи у шаха, указывая, что подавить «мятеж» будет не так уж трудно, ибо активных «мятежников» не более 400 человек. На этот раз шах приказал Сохраб-беку, сыну хана карадагского, двинуться к Тебризу с большими силами на помощь Юсуф-беку. Сохраб-бек, подойдя к Тебризу, соединился с Юсуф-беком и окружил кварталы, охваченные восстанием. Восставшие старались пробиться, но все выходы оказались прегражденными. Ожесточенные бои окончились поражением повстанцев, главари которых были казнены[2]. Усмирение восстания произошло в 1573 г.

В 1577 г. в Ширване произошло восстание во главе с Кавус-мирзой, племянником Бурхан-мирзы, жестоко подавленное. Четыре сотни голов повстанцев было отослано к шахскому двору[3].

* * *

В начале XVI в. кызылбаши[4] сделали попытку захватить Ширван. Воспользовавшись междоусобиями в среде знати государства Ак-Коюнлу, Исмаил, младший сын шейха Хейдара, скрывавшийся в Гиляне, вернулся в Ардебиль и стал во главе кызылбашей.

В 1500 г. Исмаил пошел на Ширван, причем одновременно кызылбаши предприняли набег и на Грузию. Феодальное ополчение Ак-Коюнлу, занятое своими внутренними междоусобиями, не могло оказать помощи Ширвану. Решительная битва между кызылбашами и ширванцами закончилась поражением ширваншаха[5]. Но кызылбашам тогда еще не удалось завладеть всем Ширваном и прочно утвердиться в нем. После того, как жители Баку отказались открыть ворота кызылбашам и платить дань (харадж), Исмаил Сефевид послал под Баку своих полководцев, приказав им во что бы то ни стало взять крепость. Видя невозможность

---

[1] «Шереф-намэ», изд. перс. текст Вельяминова-Зернова, т. II, СПб., 1862, стр. 241—243.

[2] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 456—457.

[3] Там же, стр. 490—491.

[4] О кызылбашах см.: Очерки истории СССР. Период феодализма. (IX—XV вв.), ч. II, стр. 736—738.

[5] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 43 и сл.

взять укрепления штурмом, Исмаил велел подвести подкоп под укрепления Бакинской крепости. Кызылбаши ворвались через брешь в стене. Когда им после долгой борьбы удалось овладеть городом (1501), они перебили значительную часть горожан.

После взятия Баку Исмаил осадил крепость Гюлистан, но не смог взять ее. Крепости Бугурд и Сурхаб также не были взяты. Встретив упорное сопротивление, Исмаил снял осаду Гюлистана. Таким образом, несмотря на ряд успехов, кызылбаши, благодаря мужественному сопротивлению населения, не смогли удержать за собою весь Ширван.

В том же 1501 г. кызылбаши разбили войско Ак-Коюнлу и овладели всем Южным Азербайджаном, одержав большую победу в Шаруре (в Армении); в этой битве большая часть военно-кочевой знати Ак-Коюнлу погибла или, попав в плен, была казнена. Государь Ак-Коюнлу Альвенд с остатками войска бежал. Исмаил занял Тебриз, прежнюю столицу Ак-Коюнлу.

Сефевиды отличались шиитским фанатизмом. Хотя две трети населения Тебриза, насчитывавшего тогда до 300 000 жителей, были суннитами, шиизм был объявлен государственной религией, обязательной для всех мусульман. Началась расправа с теми, кто не желал стать шиитами. Та же политика религиозных насилий проводилась Сефевидами и в других местностях Азербайджана.

Альвенд пытался вновь завоевать южный Азербайджан и временно занял Тебриз, но потерпел неудачу. Исмаил в 1502 г. снова занял Тебриз. Он принял титул «шаханшах Ирана» («царь царей Ирана»). Со времен Сасанидов (224—651) с титулом «царя царей Ирана» связывалось представление о «всемирной» монархии, как идеологическое обоснование политики завоеваний. 1502 год обычно считают годом основания Сефевидского государства. В 1503 г. кызылбаши разбили султана Мурада Ак-Коюнлу и захватили его владения. Между 1503 и 1508 гг. они овладели всем Ираном, кроме Хорасана (владения Тимуридов), а затем арабским Ираком (Месопотамия) с Багдадом и Мосулом. Обладание Восточным Ираном кызылбашам пришлось оспаривать у узбеков. После победы кызылбашей над узбеками при г. Мерве в их руки перешел весь Хорасан.

Сефевидское государство, вопреки ложным утверждениям ряда буржуазных историков, не было иранским национальным государством. Ни в Иране, ни в других странах Передней Азии в XVI в. не было ни процесса разложения феодализма, ни зачатков капиталистических отношений, иначе говоря, не было налицо тех предпосылок, которые необходимы для формирования нации и национального государства. В Сефевидском государстве, особенно на первом этапе его развития (до времени правления шаха Аббаса I), следует видеть не иранское или какое-либо другое национальное государство, а феодальную империю — конгломерат разных племен, стран и народностей, объединенных завоеванием.

До конца XVI в. Южный Азербайджан был центральной областью

Сефевидской державы; азербайджанский (кочевой и полукочевой) элемент играл руководящую роль внутри класса феодалов, в войске и в политической жизни государства. Государственный строй и феодальные отношения мало отличались от тех, какие существовали и в государстве Ак-Коюнлу.

Сефевиды стремились к упрочению своей власти в стране. Но для государственной централизации не было базы в виде достаточно прочных экономических связей между отдельными областями. Государство Сефевидов оставалось поверхностным военно-административным объединением многих крупных и мелких феодальных владений.

С конца XVI в. Сефевидское государство вступило в новый этап своего развития. В интересах объединительной политики шахская власть стремилась ограничить роль военной знати кызылбашских и других кочевых племен и усилить влияние гражданской бюрократии и шиитского духовенства, кадры которых вербовались чаще всего из персов. Создание 44-тысячной постоянной армии по европейскому образцу сильно ослабило (хотя далеко не уничтожило) роль феодального ополчения (черик), а следовательно, кызылбашских и прочих кочевых племен. В среде класса феодалов сильно выросло значение иранского (собственно персидского) элемента за счет элемента азербайджанского. Центр Сефевидского государства переместился во внутренние области Ирана, столицей стал г. Исфахан. В экономической политике шаха Аббаса I заметно стремление обогатить казну за счет эксплуатации окраинных областей, в число которых попали теперь Южный Азербайджан и страны Закавказья.

* * *

Шаху Исмаилу не удалось прочно покорить Ширван. После краткого перерыва ширваншахский престол занял сын Фаррух-Ясара Шейхшах (1502—1524), отказавшийся признать над собою власть Сефевидов и платить им дань; шах Исмаил I предпринял второй поход в Ширван (1509). Ширваншах оказал сопротивление, запершись в крепости Бугурд. Только в 1518 г. Шейхшах окончательно признал себя вассалом Сефевидов. Но и Шейхшах, и его преемник Халилуллах II (1524—1536) стремились освободиться от этой зависимости. Отношения между ширваншахом и шахским двором в Тебризе оставались напряженными.

После смерти ширваншаха Халилуллаха II его преемником стал его пятнадцатилетний племянник Шахрух (1536—1538). Управлявшие от имени последнего «эмиры ширванские» во главе с векилем (регентом) Хусейн-беком Ляля непомерным усилением феодального угнетения вызвали восстание народных масс, жестоко подавленное феодалами[1].

Ростом недовольства и внутренней борьбой в Ширване воспользовался шах Тахмасп II, чтобы на этот раз окончательно присоединить к своим

---

[1] См. выше, стр. 861—862.

владениям государство ширваншахов. В 1538 г. шах предпринял поход на Ширван. Кызылбаши внезапно напали на крепости Сурхаб и Кабалу и захватили их. Население городов было взято в плен, а страна опустошена. Обложив крепость Гюлистан, кызылбаши пошли на крепость Бугурд, куда снова укрылся ширваншах Шахрух. Осада крепости была длительной и упорной. Когда башни крепости были разрушены пушками, а осажденные стали испытывать большие лишения, векиль Хусейн-бек согласился сдать крепость, но только лично Тахмаспу I. Этим ширванские эмиры надеялись сохранить себе жизнь, но их надежды не сбылись. Хусейн-бек, а с ним 600 ширванских пленников были казнены. Последний ширваншах Шахрух, закованный в цепи, был отослан в Тебриз, где был, по-видимому, тайно убит[1]. Но население многих местностей Ширвана продолжало сопротивляться. Только в 1540 г. кызылбаши после долгого сопротивления взяли г. Баку, вырезав большое число горожан [2]. Шах раздал много земель в Ширване в ленное владение кызылбашской знати.

Уже в 40-х годах XVI в. назначенный Тахмаспом I в качестве наместника этой области Алкас-мирза пытался отложиться от Кызылбашского государства и провозгласить себя самостоятельным государем. Первая такая его попытка закончилась примирением между шахом и Алкасом. Но вскоре в Тебризе началась междоусобная борьба между воинами кызылбашских племен афшар и зулькадар [3]. Воспользовавшись этими междоусобиями, Алкас в Ширване снова отложился от шаха (1547), велел чеканить монету от своего имени и читать в мечетях хутбу с поминовением своего имени; то и другое считалось правом самостоятельного государя, а не наместника или вассала. Это было поводом для нового опустошительного вторжения шахских войск в Ширван.

В 1549 г., после ухода главных сил шахской армии, в Ширване вспыхнуло восстание за независимость. Восстание приняло широкие размеры[4]. Сообщения источников не дают возможности установить, было ли это и последующие восстания в Ширване против Сефевидов лишь движениями местной феодальной знати, желавшей восстановить Ширванское государство, или эти движения были поддержаны также и народными массами. Правнук ширваншаха Шейхшаха (1502—1524) Бурхан-мирза, скрывавшийся в Дагестане, прибыл в Кулахан (близ нынешнего г. Кубы), возглавил восстание и провозгласил себя ширваншахом. Сперва кызылбашское войско во главе с сыном Тахмаспа I Исмаил-мирзой было разбито восставшими ширванцами, но когда прибыли главные силы шахского войска, восстание было подавлено, Бурхан-мирза бежал, страна была еще раз опустошена.

---

[1] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 285—289; Шереф-намэ. Указ. изд., т. II, стр. 191; *Искендер Мунши.* Указ. изд., стр. 90 и сл.; Тарих-и ильчий-и, т. II, стр. 62—64.

[2] *Хасан-бек Румлу.* Указ. изд., стр. 300.

[3] Там же, стр. 314—315.

[4] Там же, стр. 326—327.

Новое восстание в Ширване вспыхнуло в связи с назначением беглербегом Ширвана Абдуллы-хана, главы кочевого племени устаджлу. Восставшие провозгласили ширваншахом Михраба, юношу из потомков династии прежних ширваншахов. Восстание было подавлено, Михраб бежал (1549). После этого в Ширване произошло еще одно восстание против сефевидского владычества. Восставшие избрали ширваншахом Курбан-Али, из родственников Бурхана и Михраба, и укрепились на одном из островов Каспийского моря. Кызылбашские всадники переплыли на конях пролив, отделявший сушу от острова, и, взяв штурмом укрепленное убежище восставших, перебили их вместе с Курбан-Али [1].

Последним независимым от Сефевидов княжеством в Северном Азербайджане оставалось Шеки. Владетели Шеки Хусейн-хан и сын его Дервиш-Мухаммед-хан временами, в трудных обстоятельствах, признавали себя вассалами Сефевидов, однако это признание оставалось лишь номинальным.

В 1551 г. шах Тахмасп I, заручившись поддержкой признавшего уже себя вассалом шаха, кахетинского царя Левана (1520—1574), которого азербайджанцы называли Левенд-ханом, пошел на Шеки.

Шах встретил очень упорное сопротивление со стороны шекинцев, которое сосредоточилось главным образом в трех горных крепостях: Киш, Гелясан ва Герасан и Сыкнак у подошвы Главного Кавказского хребта. Гелясан ва Герасан была сильнейшей крепостью, почти всегда служившей шекинцам главной базой борьбы во время нашествий иноземных захватчиков; название этой крепости (азерб. «приди и посмотри») как бы указывало на ее неприступность. Силы обеих сторон были слишком неравны, и несмотря на мужественную защиту, все три крепости были разрушены огнем артиллерии, которой шахское войско было снабжено в изобилии. После падения крепостей Дервиш-Мухаммед-хан с отрядом в 400 человек бежал в горы, но был настигнут кызылбашами и убит.

* * *

Новым фактором в международной обстановке XV в. был рост могущества османской Турции в Передней Азии. Овладев берегами Черного моря и караванными путями через Малую Азию, турецкие султаны добивались и монопольного господства Турции в европейско-азиатской торговле. Эти притязания создавали опасность для экономики стран Закавказья.

В Малой Азии, где в XV и XVI вв. не только крестьяне и кочевники, но и многие малоазиатские феодалы туркменского просхождения стремились сбросить иго Османской державы, было много шиитов и сторонников кызылбашей. На востоке Малой Азии в 1511—1512 гг. произошло

---

[1] *Искендер Мунши*. Указ. изд., стр. 90—91, 124; *Хасан-бек Румлу*. Указ. изд., стр. 340—341.

восстание кочевников и крестьян против Османского государства под идеологической оболочкой шиизма. Шах Исмаил I не оказал поддержки этому восстанию, хотя участники его были единоверцами шаха, а глава их принял титул «шах-кули» — «слуга шаха». Народный характер восстания оттолкнул от него шаха Исмаила.

Турецкий султан Селим I (1512—1520) проводил политику широких завоеваний в Передней Азии. В 1514 г., предварительно вырезав 40 000 шиитов в Малой Азии, чтобы не допустить там нового восстания против османской Турции, он объявил войну Исмаилу. Войны Турции с Сефевидами продолжались в течение нескольких десятилетий.

В 1553 г. турецкий султан Сулейман I (1520—1566) вторгся в Азербайджан, на этот раз в Северный, надеясь на то, что здесь вспыхнет новое восстание против шаха. Сулейман вступил в переговоры с некоторыми уцелевшими представителями ширванской знати, дав им ложные обещания восстановить государство ширваншахов. Султан поддержал очередного претендента из потомков ширваншахов Касум-мирзу, вернувшегося из Крыма, где он укрывался от кызылбашей.

Восстание Касум-мирзы не было поддержано азербайджанским народом. Он вскоре был разбит Абдулла-ханом близ крепости Гюлистан и бежал в Дагестан.

По мирному договору с Турцией в Амасье (1555) Сефевидское государство сохранило все свои владения в странах Закавказья — Азербайджан, Армению и Восточную Грузию (Картлию с Кахетией); Карская область была признана нейтральной территорией, жители из нее были выселены, и она подверглась разорению. Однако договор 1555 г. не привел к установлению прочного мира между Турцией и Сефевидами.

Войны между Турцией и Сефевидской державой продолжались с перерывами более столетия. Обладание странами Закавказья создавало в этих войнах стратегические преимущества, а также давало возможность вывозить из них ценное сырье: серебро, медную и железную руду, нефть, соль, шелк-сырец, шерсть, марену. Через страны Закавказья пролегала одна из важных магистралей европейско-азиатской караванной торговли.

Исключительно важное значение получил вопрос об обладании Азербайджаном с 60-х годов XVI в., после присоединения при Иване Грозном к Русскому государству Казанского и Астраханского царств. Русские и английские купцы, заинтересованные в ведении торговли с Ираном и Индией в обход Турции, стали осваивать волго-каспийский торговый путь. После провала планов султана Селима II организовать поход на Астрахань через придонские степи (1569)[1] Турция сделала попытку перерезать волго-каспийский путь, овладев Азербайджаном и кавказским побережьем Каспийского моря.

---

[1] *Хасан-бек Румлу*. Указ. изд., стр. 453.

* * *

Междоусобиями в среде кызылбашской знати и дворцовыми переворотами в правление шахов Исмаила II (1576—1578) и Мухаммеда (1578—1587) воспользовался турецкий султан Мурад III (1574—1595), возобновивший войну с Ираном (1578). Турецкий полководец Ляля Мустафа-паша вступил в Азербайджан со 100-тысячной армией.

Азербайджан был страшно разорен этой войной. Турецкие завоеватели угоняли в рабство массу жителей, как христиан (армян, грузин), так и мусульман-шиитов (азербайджанцев). Хотя шариатом и запрещалось обращать в рабство мусульман, османы-сунниты не считались с этим правилом. Опустошение Азербайджана враждебными войсками производилось ежегодно, иногда по два-три раза в год.

В 1585 г. Осман-паша подошел к Тебризу. Османские войска, войдя в город, разграбили некоторые кварталы. Когда же горожане убили некоторых насильников, османские захватчики разгромили весь город, перебили до 15 тысяч горожан, множество женщин и детей захватили в рабство; уцелевшие жители разбежались[1]. Даже жившие в Тебризе сейиды были захвачены в рабство и проданы «франкским» (европейским) купцам в Константинополе[2]. Разгром Тебриза вызвал в азербайджанском народе сильную ненависть к Османам. Опустошение Азербайджана тяжелее всего отразилось на непосредственных производителях материальных благ и повело к обнищанию крестьян. Поля не обрабатывались, неурожаи и голод привели к тому, что один тебризский батман ячменя стоил шесть мискалей серебра. Больше всего умирало от голода «простонародья и бедных людей»[3].

Правительство шаха Аббаса I (1587—1628) обратилось к русскому правительству с предложением совместных военных действий в Закавказье против Турции, обещая за это уступить России Дербент и Баку с их округами. Россия, подобно Ирану, была заинтересована в том, чтобы волго-каспийский путь не был перерезан турками. Но России, только что окончившей тяжелую Ливонскую войну, невозможно было немедленно же начинать новую войну с таким противником, каким была тогдашняя Турция. К тому же и сефевидское правительство вскоре заключило с Турцией мир, отказавшись в ее пользу от Восточной Грузии (Картлии и Кахетии), Армении и всего Северного и Южного Азербайджана, кроме Талышского края и г. Ардебиля. Западная Грузия еще с начала XVI в. находилась под властью Турции, которой теперь были вынуждены подчиниться все страны Закавказья

Еще раньше османские войска сильно укрепили завоеванные ими города — Ганджу, Шемаху, Ареш, Баку, Дербент, Нахичеван и Тебриз. Азербайджан при турецком владычестве был разделен на эйялеты, а последние

---

[1] *Шереф-намэ.* Указ. изд., т. II, стр. 274—275.

[2] *Искендер Мунши.* Указ. изд., стр. 375.

[3] Там же, стр. 361.

на санджаки. Установлена была турецкая военно-ленная система. Должности некоторых санджак-беев были предоставлены потомственно крупным местным феодалам из азербайджанцев и курдов; таким образом, под названием санджаков сохранились прежние феодальные владения. Так, глава курдского племени махмуди, перейдя на службу к турецкому султану, сохранил в качестве санджак-бея в своем наследственном владении округ Маку. В районах Баку, Шемахи, Дербента и др. много земель было роздано в качестве наследственных военных ленов (тимар) турецким захватчикам (тимарлы сипахлар)[1].

Турция принудительно насаждала в Азербайджане суннизм, преследуя шиизм. Та часть азербайджанской и курдской знати, которая признала власть османских завоевателей, вскоре разочаровалась в своих надеждах. Султанское правительство не только не выполнило обещания восстановить независимость Ширвана, но всячески старалось ограничить права местных крупных феодалов, ослабить их или заменить турецкими ленниками. В этих целях турецкие правители поощряли междоусобия в среде местных феодалов.

Если азербайджанские феодалы были недовольны политикой турецкого правительства, то больше всего страдали от нее крестьяне и городская беднота. Налоговая политика султанской власти в Азербайджане сводилась к беспощадному ограблению страны. По словам армянского историка Аракела Тебризского, высокие налоги, поборы и хищения султанских чиновников угнетали армян, грузин и мусульман, т. е. азербайджанцев[2]. Тот же историк говорит, что от тяжести налогов население бежало, целые районы пустели.

Многие представители высшей знати, недовольные турецким правительством, эмигрировали в Сефевидское государство. Другие феодалы и купцы вступили в тайные сношения с сефевидским шахским двором. Особенно видную роль в сношениях с шахом сыграли два крупнейших феодала Южного Азербайджана: курд Гази-бек, владетель Салмаса, и Хайбат-бек Улама-оглы из племени текелю. Все эти феодалы уговаривали шаха вторгнуться в Азербайджан, уверяя, что там вспыхнет восстание против Турции. Тогда же вступил в тайные сношения с шахским двором армянский католикос Давид. В 1603 г. шах Аббас I возобновил войну с Турцией, и к 1607 г. владычество Сефевидов в Азербайджане было восстановлено.

* * *

В XVI в. в Азербайджане продолжалось развитие художественного ремесла, центрами которого оставались Гянджа (ныне Кировабад), Шемаха, Нахичеван, Тебриз, Ардебиль; изготовлялись парчевые и шел-

---

[1] *Искендер Мунши.* Указ. изд., стр. 525—529.

[2] Livre l'histoires par le vartabied Arakel de Tauris. Traduite par M. Brosset. ollection d'historiens Armeniens, т. I. СПб., 1874, стр. 275.

ковые ткани (особенно в Тебризе), глазурованная и расписная керамика, бронзовые, медные и серебряные изделия, изделия из дерева (Нахичеван), оригинальные ковры и т. д.

В этот период сложилась знаменитая тебризская школа миниатюрной живописи; с этой школой связано творчество Бехзада, одного из величайших миниатюристов Среднего Востока.

В зодчестве Азербайджана в XVI—XVII вв. продолжали применяться сложившиеся ранее типы архитектурных сооружений, с известными изменениями. В большом количестве в это время возводились сооружения общественного назначения — караван-сараи, бани, водохранилища (овданы), мосты, а также мемориальные сооружения—восьмигранные мавзолеи и культовые памятники — мечети и другие постройки. Из наиболее значительных художественных памятников этого времени выделяются Восточные ворота дворца ширваншахов в Баку (1585) с прекрасным порталом (строитель мастер Мухаммед), погребальная мечеть шейха Джунейда в селении Хазра (1544), Джума-мечеть и мавзолей Гей-имам в Гандже (начало XVII в.), Джума-мечеть в Ордубаде (начало XVII в.), крепостные стены в Баку с художественными Северными воротами (начало XVII в.). Зато великолепные архитектурные памятники Тебриза и его пригорода Шанб-и Газана, воздвигнутые в XIV—XV вв., в результате османо-сефевидских войн конца XVI — начала XVII в., в большинстве были разрушены или разобраны шахом Аббасом I для строительства городских стен.

В XVI—XVII вв. отмечается расцвет азербайджанского фольклора. Из произведений устного народного творчества лирических стихов ашугов (народных певцов-поэтов) следует отметить стихи ашуга Гурбани (XVI в.).

В этот же период сложился ряд народных героико-романтических поэм (дастанов): «Шах Исмаил», «Ашуг Гариб», «Асли и Керем», «Кёр-оглу». Героический эпос «Кёр-оглу» проникнут социальными мотивами — ненавистью к османским захватчикам и турецкому султанскому режиму грабежа и угнетения, к военно-феодальным порядкам. Герой эпоса — Кёр-оглу («Сын слепого»), согласно традиции, был сыном бедного кочевника, ослепленного его феодальным господином. Кёр-оглу вел борьбу с угнетателями своего народа, выступая как защитник всех угнетенных, к какой бы народности они ни принадлежали. Армянский историк XVII в. Аракел Тебризский, перечисляя вождей крестьянских повстанческих отрядов, боровшихся на рубеже XVI и XVII вв. сперва против османских, потом и против сефевидских войск, называет среди этих вождей Кёр-оглу, говоря, что в честь его сложено много стихов. Этот исторический Кёр-оглу, следовательно, был одним из прототипов героя эпоса, складывавшегося на протяжении XVII в. О популярности этого эпоса свидетельствует наличие, помимо азербайджанской версии, также армянской, грузинской, туркменской, узбекской и других версий эпоса «Кёр-оглу» («Гор-оглу»).

Народная поэзия оказала влияние и на классических азербайджанских поэтов XVI — XVII вв., усвоивших некоторые особенности языка народной поэзии, каковы поэты Месихи, Говси Тебризи и др.

В XVI в. первое место в азербайджанской поэзии принадлежало Мухаммеду Физули (1502—1562), одному из величайших азербайджанских поэтов. Значительную часть жизни он прожил в Багдаде, где и умер. Ему принадлежит большая роль в формировании азербайджанского литературного языка. От него дошло до нас собрание стихов — «Диван», в частности лирических газелей, в которых воспевались любовь и красота. Важнейшее произведение Физули — большая поэма «Лейли и Меджнун», написанная на тот же сюжет, что и одноименная поэма великого азербайджанского поэта Низами (XII в.): трагическая любовь девушки и юноши, принадлежавших к враждебным бедуинским племенам и насильственно разлученных. Из других произведений Физули представляет интерес «Шикайет-намэ» («Жалобная грамота») — проникнутая антифеодальными мотивами стихотворная сатира, гневно бичующая продажность и взяточничество чиновничества Османского феодального государства. Стихотворный «Диван» на азербайджанском языке оставил после себя и первый сефевидский шах Исмаил I.

В городах Азербайджана XVI в., преимущественно в Тебризе, не прекращалась и научная жизнь. По поручению шаха Исмаила I, крупный астроном и математик Гийяс-ад-дин Ширази (умер в 1541 г.) был командирован из Тебриза в Марагу для восстановления марагской астрономической обсерватории, основанной в половине XIII в. знаменитым ученым Насир-ад-дином Туси и заброшенной в XIV в. Но в общем время XVI—XVII вв. было неблагоприятно для развития научной мысли, главным образом благодаря беспрерывным феодальным войнам, а также росту религиозного фанатизма и безраздельному господству мусульманского духовенства — шиитского при Сефевидах и суннитского во время кратковременного господства Османов. Мусульманское духовенство преследовало занятия философией и логикой и нетерпимо относилось ко всяким попыткам высказывания новых научных идей.

Укрепление связей с Россией являлось условием дальнейшего экономического, политического и культурного развития Азербайджана.

12

СРЕДНЯЯ АЗИЯ И КАЗАХСТАН

Характерную черту исторического развития Средней Азии составляли существовавшие на протяжении веков экономические и политические связи оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих районов. Эти связи усилились с конца XV в., когда из степей Дешт-и-Кипчака[1] на терри-

[1] Дешт-и-Кипчак (Кипчакская степь) занимала обширные степные пространства от северных берегов Черного моря до Иртыша и озера Балхаш; на юге эта степь граничила с Хорезмом и низовьями Сыр-Дарьи.

торию оседлых районов Средней Азии устремились кочевые племена, основная масса которых называлась узбеками[1]. Массовое продвижение кочевников в земледельческие районы Средней Азии, вызванное большими трудностями кочевого скотоводческого хозяйства и возраставшими потребностями кочевников в продуктах земледелия и в ремесленных изделиях, способствовало развитию обмена между оседлым населением городов Мавераннахра и оседавшими кочевниками.

С половины XVI в. установились более тесные экономические, дипломатические и культурные связи Средней Азии с Русским государством, подготовившие почву для присоединения ее к России.

В XV—XVI вв. основная масса населения Средней Азии — тюркоязычные племена — сформировалась в народности (узбеки, казахи и др.).

На основе развития производительных сил и производственных отношений в XV в. образовались узбекское и первые казахские ханства. В XVI в. сложилось Бухарское ханство. Бухара сделалась политическим и культурным центром Средней Азии.

Но страна переживала в общем период застоя, что было обусловлено прежде всего медленным развитием производительных сил. В экономике Средней Азии XV—XVI вв. еще не были изжиты тяжелые последствия монгольского нашествия, сопровождавшегося хищническим уничтожением производительных сил, истреблением трудящегося населения; сказывались и последствия феодальных войн, тормозивших восстановление разрушенных очагов культуры. Отрицательную роль в развитии хозяйства Средней Азии в XV—XVI вв. сыграло также происшедшее в результате великих географических открытий перенесение торговых путей в Китай и Индию с караванных дорог, проходивших через Среднюю Азию, к морям[2]. В XVI в. окончательно потерял свое значение «шелковый путь», соединявший Дальний Восток с Передней Азией и проходивший через Семиречье, Ташкент, Самарканд, Бухару и Мерв. Сократились также и экономические связи с Ираном.

* * *

Оседлое население Средней Азии занималось преимущественно земледелием, которое в условиях Средней Азии не могло существовать без полива. Урожай в значительной мере зависел от состояния ирригационной сети и от реальных возможностей пользования водой. Устройство арыков при отсталой технике было очень трудоемкой работой, требовавшей большого количества рабочих рук. Во время разливов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, повторявшихся несколько раз в году, арыки сильно засорялись илом, требовалась очистка их. Разрушения ирригационной

---

[1] В конце XIV в. узбеками назывались тюркские и сходные с ними племена восточного Дешт-и-Кипчака, которых нельзя смешивать с узбеками, сложившимися в народность в XVI в.

[2] *Б. Гафуров.* История таджикского народа. М., 1952, стр. 328.

сети во время наводнений и феодальных войн были огромным бедствием для сельского хозяйства Средней Азии.

Архаические сельскохозяйственные орудия: омач (плуг), деревянная борона, кетмень (мотыга для рытья и очистки каналов), лопата для веянья зерна и пр. на протяжении веков оставались почти неизменными и совершенствовались очень медленно. У крестьянина не было средств, чтобы улучшить орудия труда; феодал же не был заинтересован в этом, имея широкие возможности пользоваться дешевым трудом зависимых крестьян или рабов.

В XV—XVI вв., как и в прежнее время, основными земледельческими культурами в Средней Азии были пшеница, ячмень, кукуруза, рис и хлопок. Значительную площадь орошаемых земель занимали виноградники и фруктовые сады. Неблагополучное состояние ирригационной сети сказывалось и на садоводстве.

Важной отраслью хозяйства Бухарского ханства являлось скотоводство. Овцы и лошади разводились на убой и для верховой езды (туркменские аргамаки — в западной части Бухарского ханства, узбекские и кокандские — в северной). В сельскохозяйственных работах употреблялись более выносливые лошади, которые выменивались у казахов и калмыков. Наряду с лошадью в сельском хозяйстве использовался верблюд. Верблюдов держали и для перевозки грузов в караванной торговле. Волы широко применялись в сельскохозяйственных работах. Молочного рогатого скота разводилось незначительное количество, к тому же он был малопродуктивным. Скотоводство стояло на низком уровне и развивалось очень медленно; оно носило экстенсивный характер. Развитие скотоводства тормозили те же условия, которые задерживали развитие земледелия (низкий уровень производительных сил, отсталая техника, междоусобицы и феодальные войны).

Основные виды ремесла (текстильное и кожевенное), которыми занималось население городов и селений Средней Азии, были тесно связаны с сельским хозяйством. В текстильном производстве перерабатывалось главным образом местное сырье (хлопок, шелк), в то время как сырьем кожевенного производства служили кожи, вымениваемые в кочевой казахской и туркменской степи. В связи с возраставшим из года в год спросом на хлопчатобумажные и шелковые ткани на русских и восточных рынках предметы текстильного производства Бухары, Хивы и других среднеазиатских городов все шире входили в круг товарного обращения; развивалось товарное производство. Значительная часть тканей и кожевенных изделий изготовлялась для «ханского обихода» и для феодальной знати. Эти изделия составляли также ассортимент феодальной торговли на внешнем рынке. Продукция феодального ремесла, рассчитанная на спрос массового потребителя, была низкого качества. Трудовому хозяйству, обремененному всевозможными поборами и повинностями, не хватало сырья для изготовления тканей, необходимых для удовлетворения насущных нужд семьи.

Кузнечное ремесло было также связано с сельским хозяйством. Кузнецы изготовляли главным образом примитивные сельскохозяйственные орудия и предметы домашнего обихода (ножи, посуда и др.). Кузнецов было немало и в городах: здесь они ковали холодное оружие (мечи, сабли, кинжалы, пищали, наконечники для копий и стрел), изготовляли военное снаряжение (латы, шлемы, щиты), художественную металлическую посуду. Ремесло городских ремесленников, все более отделявшееся от сельского хозяйства, обслуживало главным образом потребности феодалов. Наряду с производством металлической посуды существовало гончарное производство; изготовляли посуду, поливную и неполивную.

К. Маркс указывал, что на определенном уровне развития феодального города отличительной чертой ремесла является его феодальная организация[1]. В XV—XVI вв. существовала цеховая организация ремесла в среднеазиатских городах[2]. Об этом свидетельствуют так называемые «рисоля» — уставы или статуты различных цехов[3]. Эти документы, отражающие реакционную идеологию ислама, красноречиво говорят о влиянии мусульманского духовенства на жизнь цеховых организаций[4].

Ремесленники должны были платить феодалам особый налог, который взыскивался готовыми изделиями со всех видов ремесла. В своеобразную феодальную повинность превратились подарки, которые обязаны были делать ремесленники хану во время празднеств.

Археологические исследования советских ученых установили значительный упадок хозяйства Хорезма и других районов Средней Азии в XV—XVII вв., сокращение ирригационной сети, упадок строительной техники, архитектуры феодального города (ухудшение кладки стен) и качества ремесленной продукции, в частности керамических изделий.

В условиях медленно развивавшегося процесса общественного разделения труда ремесленник феодального города являлся обычно и продавцом своих ремесленных изделий. Торговля изделиями ремесленного производства была характерной чертой экономики феодального города. В Бухаре и в других среднеазиатских городах устраивались караван-сараи и лавки, хозяевами которых были феодалы: беки, представители мусульманского духовенства (ходжи) и др. «Чорсу» — здания, сооруженные в Бухаре на перекрестках базарных улиц, были предназначены для торговли различными изделиями ремесла: в них размещались

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 14—15.

[2] П. П. Иванов считает, что уже в X в. цехи были крупным явлением в истории феодального города в Средней Азии. «Материалы по истории Туркмении», т. I, М.— Л., 1939, стр. 9.

[3] *М. Гаврилов*. Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент, 1912, стр. 1—2; *В. В. Бартольд*. Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899, стр. 32—33.

[4] *В. В. Бартольд*. Указ. соч., стр. 32—33.

ювелиры, продавцы головных уборов и другие ремесленники. На рынке в Бухаре находился построенный ханом Абдуллой в 1586—1587 гг. гостиный двор для приезжих купцов.

Азиатские купцы играли главным образом посредническую роль в караванной торговле. Они ездили в Россию и на Восток, где выменивали различные товары для «ханского обихода». Кроме того, азиатские купцы вели торг своими товарами.

Широко используя посредничество «купчин» и послов, ханы старались монополизировать торговлю на внешнем рынке. Ввоз и вывоз товаров определялись главным образом потребностями феодалов.

Ремесло и торговля облагались высокими пошлинами и всевозможными поборами, значительная часть которых поступала в ханскую казну. Товарооборот ханской торговли увеличивался за счет натуральной ренты и феодальных повинностей трудящегося населения.

Феодальная торговля не удовлетворяла спроса широкого потребителя: трудящееся население вынуждено было потреблять товары низкого качества и покупать их по высоким ценам.

Простое товарное хозяйство развивалось очень медленно; в основе своей хозяйство оставалось натуральным. Развивавшееся товарное производство не меняло общей системы хозяйства.

В общественном строе Средней Азии в XV—XVI вв. было два антагонистических класса: феодалы (ханы, инаки, аталыки, беки, сеиды, ходжи, ахуны) и феодально-зависимые крестьяне, составлявшие основную массу непосредственных производителей. Продолжало существовать патриархальное рабство.

Для феодальных отношений Средней Азии характерна тесная связь крупного феодального землевладения с владением водой, т. е. системой искусственного орошения. Собственность на землю и ирригационную систему была в Средней Азии основой развивавшихся феодальных отношений. Работы по сооружению и очистке ирригационной сети, возглавляемые феодалами, ложились на плечи трудового населения, являясь наиболее тяжелой повинностью.

Формы феодального землевладения были различны. В Бухарском ханстве существовали земли, которые находились в распоряжении верховной власти. С крестьян, обрабатывающих их, взыскивалась рентаналог (харадж).

В XVI в. широко практиковалась передача ханами земли в полную собственность светским и духовным феодалам за какие-либо заслуги. Пожалованная таким образом земля нередко освобождалась от всяких налогов и называлась свободным от государственных повинностей владением (мульк-и-хурр-ихолис)[1].

---

[1] *Н. Ханыков.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 117—118; *А. Миддендорф.* Очерк Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 416—417; *А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Ташкент, 1929, стр. 7, 9, 17.

В XV—XVI вв. основной формой феодального землевладения являлся суюргал — пожалование земли в наследственное владение, представлявшее собой дальнейшую стадию развития более раннего института икта. Ханы, султаны и эмиры передавали в собственность военных начальников, крупных чиновников и представителей мусульманского духовенства огромное количество земель, нередко целые области. Владелец суюргала имел право взимать в свою пользу все подати с населения в пределах своего удела. Нередко с этим соединялись и административные права на передаваемую территорию и ее население.

В XVI в. распространенным было земельное пожалование, которое называлось персидским термином «танхо». Это было пожалование ханом тому или иному феодалу права в течение известного времени взимать в свою пользу земельную ренту (налог) с крестьян, обрабатывавших ее. Юридически феодал, получивший такого рода условное пожалование, собственником земли не был; фактически же он присваивал неоплаченный прибавочный продукт непосредственного производителя. Это была феодальная земельная рента, представлявшая собой атрибут феодальной собственности на землю.

Широко был развит институт тарханства. Особой грамотой правителя тархан освобождался от налогов и повинностей в пользу государства с земель, принадлежавших ему на праве личной собственности. Тарханство обычно получали наиболее крупные феодалы (придворные хана, представители высшего духовенства и др.). Непосредственные производители, работавшие на земле тархана, не освобождались от налогов; они вносили их не в казну, а тархану.

Феодальная знать жертвовала земли и религиозным учреждениям (медресе или мечетям), увеличивая таким образом фонд вакуфных земель. Эти дарственные земли, освобождавшиеся от повинностей в пользу государства, являлись для мусульманского духовенства одним из средств жестокой эксплуатации трудящегося населения. Фактически вакуфные земли были крупнейшими феодальными владениями держателей вакуфных грамот, ишанов, шейхов и суфийско-дервишских братств.

По мере роста феодального землевладения усиливалась эксплуатация крестьян землевладельцами. С крестьян, обрабатывавших хараджные земли, как и в прежнее время, взимался в пользу феодалов поземельный налог — харадж, состоявший в уплате определенной части урожая[1].

Крупные землевладельцы извлекали феодальную ренту главным образом путем передачи отдельных небольших участков безземельным и малоземельным крестьянам на кабальных условиях издольщины. Крестьяне-издольщики, пользовавшиеся сельскохозяйственным инвентарем и рабочим скотом своих господ, обычно отдавали им от $^1/_3$ до $^1/_5$ части урожая.

[1] Размеры хараджа были неодинаковы в различных районах; этот налог составлял от $^1/_5$ до $^1/_3$ части урожая (*А. Семенов*. Указ. соч., стр. 22).

В соответствии с нормами шариата — мусульманского религиозного права — крестьяне считались лично свободными, но экономическая зависимость крестьян от феодалов была настолько значительной, что эта юридическая «свобода» была лишь номинальной, не соответствовавшей фактическим отношениям. Крестьяне платили множество разнообразных налогов. Существовала подушная подать, всевозможные чрезвычайные налоги, сборы в пользу чиновников и различных должностных лиц: чиновника, распределявшего воду (мираба), сборщика налогов, учетчика урожая и пр. Для выполнения барщины (бегар) в пользу духовного или светского феодала на ирригационные и другие работы крестьянин должен был являться со своим рабочим скотом, со своими орудиями труда и продуктами питания. К этим работам нередко привлекались и городские ремесленники.

Тяжело отражались на положении трудящихся масс непрерывные феодальные войны, во время которых крестьяне должны были входить в ополчение, поставлять подводы, верховых и вьючных животных и принимать на постой войска.

Умышленное уничтожение и потрава посевов, а также грабеж населения в окрестностях осажденного города входили в число обычных приемов ведения войны того времени.

Феодальный гнет обострил и классовые противоречия. Классовая борьба нередко принимала весьма острые формы. Для придворных историков того времена антифеодальные движения масс были только выступлениями «черни» и «разбойников», не заслуживавшими внимания. Поэтому сведения о народных движениях в источниках крайне недостаточны. Но скудные показания, дошедшие до нас, свидетельствуют о том, что городское население, в том числе и ремесленники, не было только пассивным свидетелем политических событий. Известен случай, когда жители Самарканда восстали против одного из крупнейших феодалов, Хусроу-шаха, вызвавшего всеобщее возмущение своей жестокостью. Другое восстание произошло в городе Оше в Ферганской долине. Доведенные до отчаяния притеснениями и поборами низы городского населения напали на правителей города и изгнали их. Восстание было подавлено тимуридом Бабуром. Во второй половине XVI в. крупное восстание населения вспыхнуло в Кулябе [1].

Однако крупных народных движений, которые охватывали бы значительную территорию, в рассматриваемый период не происходило. Этому препятствовала раздробленность народных масс между многочисленными мелкими феодальными владениями и отсутствие осознанной конечной цели восстания.

* * *

Узбекское ханство, образовавшееся в первой половине XV в., имевшее неустойчивую экономическую базу (отсталое кочевое скотовод-

[1] *Б. Гафуров.* Указ. соч., стр. 339.

Военная сцена. Миниатюра Гератской школы из рукописи «Пять поэм Низами», 1491 г.

Государственный музей восточных культур

ство), раздираемое феодальными междоусобицами и родовыми распрями, подвергавшееся непрерывным нападениям извне, было непрочным государственным образованием. В XV в. в разных частях Узбекского ханства появилось несколько враждующих между собой ханов. Не находя поддержки у своей племенной знати, некоторые из них старались укрепить свою власть с помощью правящей верхушки соседних ханств. В первой половине XV в. власть в Дешт-и-Кипчаке захватил Барак-хан (1425—1428), ставший владельцем казахского «юрта».

В конце 20-х годов XV в. на территории бывшей Белой орды возникло новое ханство, во главе которого стал чингизид, потомок Шейбана, Абулхайр (1428—1468). Абулхайр был избран на ханство в одном из городов юго-западной Сибири при участии господствующей верхушки узбекских племен. Абулхайру удалось значительно расширить территорию Узбекского ханства. В своем движении на юг в 40-х годах XV в. Абулхайр овладел Сыгнаком, Сузаком и другими городами на Сыр-Дарье. Продвижение кочевых узбекских племен на территорию Мавераннахра с его земледельческим населением и освоение посреднических центров в торговле между его городами и кочевой степью усилили Узбекское ханство. Но внутриполитическая обстановка в ханстве, сложившаяся в середине XV в., снова ослабила его, усилились феодальные междоусобицы. Обострились и классовые противоречия: откочевки из Узбекского ханства в Семиречье становились массовым явлением.

Неустойчивость экономических связей между отдельными племенами в Узбекском ханстве способствовала усилению стремлений феодальной знати к хозяйственному обособлению. После смерти Абулхайра в 1468 г. его держава распалась. Только в результате упорной борьбы одному из потомков Абулхайра — его внуку Мухаммеду Шейбани удалось восстановить в Дешт-и-Кипчаке власть династии Абулхайра, получившую позднее название шейбанидов.

С приходом к власти Шейбани усилилось стремление как феодальной верхушки кочевых племен, так и рядовых кочевников к продвижению на территорию оседлых районов Мавераннахра. Возникший издавна товарообмен между торгово-ремесленными центрами Мавераннахра и кочевой степью все более и более привлекал кочевников в земледельческие оазисы.

В конце XV в. государство Тимура распалось на две части: северную со столицей в Самарканде и южную, центром которой был Герат. Первое из этих государств включало весь Мавераннахр (т. е. территорию между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей), Фергану и часть Восточного Туркестана; во второе входили Хорезм, Хорасан и часть современного Афганистана. Тимуридские государства, как северное, так и южное, распадались на отдельные области, во главе которых стояли или тимуридские царевичи или крупные феодалы — беки, имевшие в своем распоряжении военную силу.

Усиление феодальной раздробленности, жестокая феодальная эксплуатация трудящегося населения тимуридами мешали восстановлению хозяйства, еще не оправившегося полностью от монгольского нашествия.

Феодальный распад государства тимуридов (Мавераннахра) создал для Шейбани и кочевой узбекской знати благоприятные условия, чтобы захватить власть в этой стране.

Шейбани, восстановив власть династии Абулхайра в Дешт-и-Кипчаке и продолжая борьбу за объединение кочевых узбекских племен, в дальнейшем направил свои усилия на овладение территорией тимуридов[1]. В 1499 г. Шейбани появился со своим войском в долине Зерафшана, занял Бухару и начал осаду Самарканда. Жители Самарканда, возмущенные притеснениями тимуридских военачальников, перебили небольшой гарнизон, занимавший город, и стали готовиться к отражению наступления Шейбани, что заставило его временно снять осаду Самарканда. В 1500 г. войска Шейбани вновь подошли к Самарканду. Ослабленные междоусобной борьбой тимуриды не могли оказать серьезного сопротивления Шейбани. Самарканд был сдан.

Грабежи и насилия узбекских феодалов в городе и его окрестностях вызвали резкое недовольство широких масс. В Самарканде вспыхнуло восстание. Оставленный Шейбани гарнизон был почти весь перебит. Разгрому подверглись также и сторонники Шейбани. Но результаты восстания были использованы феодалами. Власть в городе снова захватили тимуридские правители во главе с Бабуром. Шейбани со своим войском отступил в сторону Бухары. Однако вскоре он нанес поражение Бабуру и снова подошел к Самарканду. Осада продолжалась четыре месяца. В обороне города приняли участие широкие массы городского населения. Они по своей инициативе производили смелые вылазки и проявляли большой героизм в боях с противником, но нанести серьезного поражения войскам Шейбани не могли. В Самарканде начался страшный голод. Богачи прятали зерно и спекулировали им; неимущая беднота, больше всего страдавшая от голода, отвечала на это разгромом хлебных амбаров. Для прекращения жестокой классовой борьбы феодалы выселили из города беднейшую часть населения. Попытки бедняков обратиться за помощью к Шейбани не имели успеха. Голод заставил многих жителей тайно уходить из города. В войсках Бабура была подорвана и без того слабая дисциплина. Он был вынужден оставить Самарканд, который был окончательно занят войсками Шейбани.

После взятия Самарканда Шейбани начал наступление на южное тимуридское государство, центром которого был Герат[2]. В 1505 г. после упорной борьбы был взят главный город Хорезма Ургенч. Таким образом был открыт путь к центральным районам южного тиму-

[1] О Шейбани см.: «Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте» с переводом, примечаниями и приложением И. Н. Березина. Казань, 1849; *Мухаммед-Салих.* Шейбани-намэ, с предисловием Самойловича, изд. П. Мелиоранским. СПб., 1908.

[2] Во главе этого государства стоял один из потомков Тимура, Султан-Хуссейн (1469—1506). Экономика и культура гератского владения была выше, чем в Мавераннахре. Герат был крупным торговым, ремесленным и культурным центром. Здесь творил один из величайших поэтов средневекового Востока Алишер Навои. При

ридского государства. Захватив Балх, Шейбани вторгся в пределы Хорасана, занял несколько городов, в том числе и Герат; на жителей последнего была наложена тяжелая контрибуция. К концу 1507 г. вся территория Мавераннахра и Хорасана была подчинена Шейбани. Под властью узбекских султанов оказались основные земледельческие районы Средней Азии. Только в Бадахшане продолжали до 1584 г. править в качестве независимых владетелей представители тимуридской династии. Номинально подчинились Шейбани горные владения, расположенные на территории нынешнего Таджикистана.

Однако вскоре после завоевания оседлых районов Средней Азии усилилась борьба между феодалами за обладание лучшими городами и землями. Между тем в это время возникла серьезная военная угроза со стороны иранского шаха Исмаила (1502—1524), который, намереваясь расширить свои владения, направил войска в Хорасан. В 1510 г. произошла ожесточенная битва в районе Мерва. В этом сражении погибло большое количество узбекских воинов и сам Шейбани. После разгрома Шейбани шах Исмаил захватил Мерв и Герат, а затем тимурид Бабур с помощью Исмаила начал военное наступление на Мавераннахр. В конце 1512 г. Бабуром был взят Самарканд, но в 1513 г. он снова стал владением шейбанидов[1].

Государство шейбанидов было одним из тех государственных объединений древности и средневековья, «...которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»[2].

В процессе усиления феодальной раздробленности Самарканд, Бухара, Ташкент, Фергана и ряд других районов и областей сделались независимыми друг от друга владениями. В середине XVI в. столицей образовавшегося тогда на территории Мавераннахра Бухарского ханства сделалась Бухара.

* * *

Установление власти кочевых феодалов над земледельческим населением Средней Азии отрицательно сказалось на развитии сельского хозяйства. Кочевые феодалы захватили у крестьян большое количество посевных площадей и превратили их в пастбища для своих стад. Тяжелой была эксплуатация трудового населения местными феодалами.

Формы феодальной эксплуатации трудящегося населения в ханстве шейбанидов, по сравнению с предыдущим временем, существенно не изменились; положение феодально зависимого населения оставалось тяже-

---

дворе Султан-Хуссейна было много музыкантов и художников. Однако положение народных масс в Герате, разоряемых поборами феодалов и налогами правившей клики, страдавших от непрерывных войн, было таким же тяжелым, как и в Самарканде.

[1] В 1513 г. Самарканд был взят шейбанидом Убайдулло-ханом, нанесшим тяжелое поражение Бабуру в Мавераннахре.

[2] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 12.

лым. Особенно тяжело отражалось на хозяйстве крестьянских масс сокращение посевов и поливной территории, в связи с разрушениями некоторых участков ирригационной сети.

Переход власти к шейбанидам не изменил основной базы экономического господства феодалов. Изменился лишь состав правящего класса: старые феодалы, за некоторыми исключениями, были вытеснены новыми — узбекскими султанами и племенными вождями.

Не пострадали от перемены правящей династии высшее мусульманское духовенство и шейхи дервишских орденов. Представление о размерах земельного фонда духовенства могут дать владения бухарского шейха Ходжи-Исмаила, обладавшего несколькими сотнями крупных и мелких имений, разбросанных по разным областям Средней Азии, а также многочисленными стадами коней, овец и верблюдов. Ходжа-Исмаил наживал большие доходы, отправляя караваны на Восток и в Россию. Его хозяйство обслуживало до 300 рабов. Шейхи играли видную роль как в экономической, так и политической жизни страны. Мусульманское духовенство тормозило развитие народной мысли, насильно втискивая ее в рамки реакционной идеологии ислама.

В горных районах современного Таджикистана, в Самарканде, Бухаре, а также в некоторых районах Бухарской и Самаркандской областей продолжали жить таджики, сохранившие свой язык. Таджики в XVI в. составляли значительную часть населения Мавераннахра. Обремененные всякого рода налогами и повинностями таджикские крестьяне (дехкане) наравне с остальным трудящимся населением Средней Азии страдали от гнета феодалов.

* * *

В первой четверти XVI в. в западной части Средней Азии в процессе распада государства шейбанидов образовалось Хорезмское ханство. В состав его входили: собственно Хорезм, пустынные районы между Аму-Дарьей и Каспийским морем и территория вдоль северного склона горных хребтов Копет-Дага с городами: Неса, Абиверд, Дурун и др.

Значительную часть этой территории занимали туркмены, жившие преимущественно на западной окраине Хорезма, вдоль реки Узбоя, по побережью Каспийского моря и у подножья Копет-Дага. Оседлое население Хорезмского ханства, состоявшее частью из потомков местных аборигенов, занималось земледелием, ремеслом и торговлей. Большинство туркмен были кочевниками-скотоводами, в среде которых господствовали патриархально-феодальные отношения.

Положение трудящегося населения Хорезмского ханства оставалось попрежнему тяжелым. Кроме платежа налогов, население должно было выполнять разнообразные трудовые повинности, подвергаясь жестокой эксплуатации светскими и духовными феодалами. В таком же положении оказались и кочевники-узбеки, пришедшие в Хорезм из Дешт-и-Кипчака.

Низший бесправный слой населения Хорезма составляли рабы. Главным источником рабства был плен. Широко практиковалась купля-продажа

рабов. Хорезм в XVI в., как и позднее, являлся главным невольничьим рынком.

Главной опорой правящих кругов Хорезма сделались узбекские феодалы. Они составляли военные дружины; беки назначались на видные и наиболее доходные должности. Особое положение в Хорезмском ханстве занимали туркменские племена. Кроме ушура ($^1/_{10}$ части урожая) и зякета ($^1/_{40}$ части скота) с них взималась «котловая подать» (на ханский котел), исчислявшаяся десятками тысяч баранов. Некоторые туркменские племена обязаны были поставлять хану воинов — нукеров, включавшихся в ханскую гвардию.

Но добиться полного подчинения туркмен своей власти правящая верхушка Хорезма не могла. Об этом свидетельствуют нередкие выступления туркмен против ханов и их чиновников. Так, например, в середине XVI в. туркмены племени эрсари перебили посланных к ним 40 ханских сборщиков податей и перестали платить зякет. Правивший в то время Суфиян-хан организовал военный поход против туркмен, во время которого взял в плен большое количество мужчин, женщин и детей, остальное население заставил выселиться в безводную степь. После этого туркмены вынуждены были согласиться на уплату тяжелой контрибуции — по 1000 баранов за каждого убитого сборщика податей. Утверждая, что туркмены убили 40 сборщиков, хорезмские власти требовали, чтобы туркмены собрали им 40 000 баранов.

Эта контрибуция, согласно бератам (документам, выдававшимся хорезмским ханом своим чиновникам), в дальнейшем превратилась в ежегодный налог[1]. Туркмены племени хызыр-эли, занимавшиеся земледелием, платили оброк зерном.

Трудящиеся туркмены Хорезмского ханства страдали от гнета и туркменских феодалов, сумевших занять видные места при ханском дворе и игравших большую роль во внутриполитической жизни ханства. Феодальная раздробленность в Хорезмском ханстве была еще более значительной, чем в Мавераннахре. Не прекращалась борьба между узбекскими и туркменскими феодалами, осложнявшая внутриполитическую обстановку Хорезма. Имели место и неоднократные попытки калмыцких и бухарских феодалов захватить Хорезм.

* * *

Образование казахских ханств во второй половине XV в. явилось результатом длительного процесса социально-экономического и политического развития племен, населявших Семиречье и кипчакские степи; оно шло параллельно с образованием казахской народности.

---

[1] Ежегодный налог должны были платить и другие туркменские племена: ичкисалыры — 17 000 баранов, хасан-эли — 10 600, арабчи — 4400 и т. д. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.,—Л. 1938, стр. 324 (из соч. Муниса и Агехи).

В то время как кочевники узбеки подверглись в Мавераннахре и Хорезме сильному влиянию городской и земледельческой культуры, что привело со временем к оседанию их на земле и к ассимиляции с оседлым населением, казахи-скотоводы, оставшиеся в Дешт-и-Кипчаке и на территории Семиречья, сохранили в основном кочевой образ жизни.

Главным занятием казахов было отсталое кочевое скотоводство, в значительной степени зависевшее от стихийных сил природы, так как скот содержался круглый год на подножном корму. Во время тебеневки (зимовки) огромное количество скота погибало от периодически повторявшегося джута[1]. Потери скота были огромным бедствием для хозяйства казахов. Экстенсивный характер скотоводства тормозил развитие производительных сил.

Земледелие в Казахстане было развито очень слабо; небольшие очаги его имелись по Сыр-Дарье, в Семиречье, по Тургаю и в других районах. Но и здесь земледелие не отделилось от скотоводства; оно сопутствовало ему. Техника земледелия была крайне отсталой. При употреблении примитивных сельскохозяйственных орудий (мотыга, деревянная соха, сукоеватый пень или вязанка хвороста, применявшаяся при бороновании, и др.) производительность труда была очень низкой. Полив посевов, совершавшийся с помощью примитивных водоподъемных сооружений (атпа и чигирь), требовал большого времени и упорного труда.

В натуральном хозяйстве казахов обработка шерсти, кожи и дерева, примитивное ткачество, кузнечное ремесло при низком уровне производительных сил и слабом развитии общественного разделения труда носили характер домашней промышленности, тесно связанной со скотоводческим хозяйством.

Внутристепной обмен изделий ремесла был незначительным.

Главным объектом меновой торговли был скот. Торговлю скотом вели прежде всего крупные скотовладельцы. Они меняли скот на хлеб (зерно), на ткани и ремесленные изделия в городах среднеазиатских ханств. Не мог удовлетворять растущие потребности казахов в хлебе и меновой торг с каракалпаками. Ощущалась большая нужда в тканях, в изделиях из кожи; нехватало металлической посуды, оружия и пр.

В Казахстане в XV—XVI вв. господствовали патриархально-феодальные отношения, устойчиво сохранявшиеся при низком уровне производительных сил, в условиях кочевого скотоводческого хозяйства.

Земля формально считалась собственностью «рода» и входивших в него аульных общин, носивших обычно родоплеменные названия. Фактически же лучшие пастбища присваивались феодалами, представлявшими собой патриархально-феодальную знать.

В условиях кочевого хозяйства собственность на землю (пастбища) возникала из права феодалов распоряжаться ею. Как показывают источ-

---

[1] *Джут* — падеж скота от бескормицы, вследствие гололедицы, буранов и т. д.

ники[1], этим правом казахские феодалы пользовались и в XV—XVI вв., стараясь упрочить его.

Основную массу населения аульной общины составляли мелкие производители—феодально зависимые крестьяне-скотоводы (шаруа), которые вели самостоятельное хозяйство своим личным трудом. Основная масса скота находилась в собственности богатой верхушки общины (баев) и других феодалов: ханов, султанов, биев и батыров.

Аульная община устойчиво сохраняла свой родовой облик. Объединение нескольких общин составляло подразделение определенного рода; сохранялись номенклатура родства и родовая генеалогия; устойчивы были и родовые традиции (ответственность рода за преступления, кровная месть и т. д.). В семейно-брачных отношениях бытовала экзогамия. Отдельные части казахского войска собирались по родам. Каждый род имел свой боевой клич (уран). Семейная тамга для клеймения скота представляла собой видоизмененное начертание родовой тамги. Патриархально-родовые институты маскировали отношения феодальной эксплуатации, совершавшейся в интересах феодальной верхушки.

Крестьяне-скотоводы несли на себе бóльшую часть феодальных повинностей: их хозяйство было обременено поборами скотом в пользу хана, султанов, баев и биев. Некоторые повинности становились ежегодными, приобретая характер регулярных податей. Так, например, за пользование землей с шаруа взыскивался зякет в скотоводческих районах и ушур в районах земледельческих. Это были поборы скотом, но размеры их в XV—XVI вв. еще не были оформлены юридически[2]. Шаруа обязаны были выполнять и постойную повинность — содержать хана и султанов с их дружинами во время их разъездов по степи и остановок в аулах. Оплата значительной доли султанского калыма ложилась на плечи шаруа. Им вменялось в обязанность поставлять воинов, снаряжать их для военных походов. Таким образом от хозяйства отрывалась трудоспособная рабочая сила.

Одновременно с накоплением скота в руках патриархально-феодальной знати возрастало количество малоимущих скотоводов. Последним приходилось пользоваться «помощью» своих богатых сородичей (баев): брать у них скот для временного пользования его молоком (саун) или шерстью (жун-беру). За пользование скотом бедняк обязан был отрабатывать в хозяйстве бая, пасти его стада, а по истечении некоторого времени вернуть взятый у него скот с приплодом.

В еще большей зависимости от богатой верхушки аула были те бедняки, у которых совсем не было скота. Не имея возможности вести даже неболь-

---

[1] Историк XVI в. Мухаммед Хайдер, рассказывая о свидании казахского хана Касыма с ханом Султан-Сеидом, отмечает, что казахи по распоряжению Касыма двинулись на зимовки. *В. Вельяминов-Зернов.* Исследования о касимовских царях и царевичах, ч. II, СПб., 1864, стр. 167, 201—202.

[2] «Материалы по казахскому обычному праву». Сб. 1. Алма-Ата, 1948, стр. 22.

шое самостоятельное хозяйство, эти бедняки вынуждены были вместе со своими семьями постоянно работать в хозяйстве богатых сородичей (пастьба и доение скота, стрижка овец, обработка кожи и шерсти), влача нищенское существование. Нередко в роли таких домашних слуг оказывались неимущие родственники баев или биев, оказывавших им свое «покровительство», под маской которого скрывалась типичная форма феодальной эксплуатации.

Лишившиеся скота бедняки (джатаки) занимались также примитивным земледелием, отчасти степной охотой и рыболовством. В небольших очагах полукочевого хозяйства джатаки обычно оседали около зимовок своих богатых сородичей, которые использовали их для пастьбы своего скота, а после ухода на летние кочевья — для возделывания пашни, для охраны и полива своих посевов.

Внизу социальной лестницы стояли рабы (кулы). В основном это были пленные, захваченные во время войн и феодальных набегов. Казахские феодалы приобретали рабов и на среднеазиатских рынках. Рабы должны были пасти скот, рыть степные колодцы (водопои для скота), выполнять различные домашние работы. Однако рабство в казахских ханствах в XV—XVI вв. и в дальнейшем было патриархальным. Основными производителями являлись феодально зависимые скотоводы.

Богачами в аульных общинах были баи, представлявшие собой самую многочисленную группу феодалов. Владение многочисленным поголовьем скота и лучшими пастбищами, наряду с властью, приобретаемой вместе со званием бия или батыра, открывали баям большие возможности эксплуатации бедняков. Вместе с развитием обмена в XVI в. со среднеазиатскими ханствами увеличивались и доходы баев: они постепенно втягивались в торговлю скотом и продуктами скотоводческого хозяйства с Бухарой и Хивой.

Усиливалось экономическое господство биев (богатых представителей родовой верхушки, занимавших административные и судебные должности). Пользуясь своим имущественным превосходством и своей властью в аулах,а также родовыми обычаями,бии наряду с баями всевозможными способами эксплуатировали трудовое население аулов. В доходах биев значительную долю составляли поборы и взыскания скотом, в том числе зякет и ушур. Широко использовалась биями выгодная для них «родовая помощь». Бии охотно принимали всякого рода подарки, особенно скотом. Дарение бию, согласно адату, было обязательным, поэтому бии сплошь и рядом занимались вымогательством. Возрастала и роль военачальников-батыров. Если батыры в период патриархально-родового строя были лишь военными вождями рода, то в XV—XVI вв. они стали уже крупными феодалами. В распоряжении батыров находилась и вооруженная сила (джигиты).

На верхней ступени феодальной лестницы стояли султаны. Они не входили в родовые подразделения казахских общин, являясь потомками Чингиз-хана. Один из султанов получал звание хана. Ханская власть

передавалась по наследству старшему в роде[1]. Строгого порядка наследования власти не было, и потому каждая смена ханов сопровождалась длительной борьбой феодальных группировок, заканчивавшейся церемонией избрания нового хана на съезде знати[2].

Распоряжаясь землей всего ханства, ханы и султаны присваивали обширные и лучшие пастбища, в первую очередь зимовки, и получали большие доходы путем эксплуатации феодально зависимого населения.

Ближайшее окружение хана и султанов составляла личная дружина (тюленгуты). Тюленгуты выполняли мелкие дипломатические поручения, собирали налоги, были исполнителями судебных приговоров, участвовали в расправах хана и султанов над непокорными плательщиками оброка. Перед военным походом тюленгуты пополняли отдельные части войска своими воинами.

Привилегированное положение в казахском обществе занимали служители культа — ходжи и муллы. Защищая реакционное учение ислама, мусульманское духовенство влияло на политику казахских ханов и на обычное право (адат), распространяло и упрочивало нормы мусульманского права (шариат).

На территории Казахстана в XV—XVI вв.существовало одновременно несколько ханств. Попытки их объединения не имели успеха. Более крупные политические образования распадались, так как они не имели прочного экономического базиса.

* * *

Восточная часть Средней Азии—Семиречье (Джетысу) — входила в состав Моголистана — кочевого государства, образовавшегося на развалинах империи Чингис-хана. В 70-х годах XV в. в состав того же государства, кроме Семиречья, входили Восточный Туркестан и Ташкент.

Семиречье представляло собой типично скотоводческую кочевую область. Существовавшие здесь раньше города и земледельческие селения были сметены еще в XIII в. монгольским нашествием. В общественном строе кочевых племен Семиречья господствовали патриархально-феодальные отношения; сильны еще были пережитки родового быта.

Кочевое население Моголистана называло себя монголами, держалось монгольских обычаев, носило монгольскую одежду, но, ассимилировав исторически сложившиеся на территории Семиречья кочевые племена и народности, ничем существенным от других кочевников Средней Азии не отличалось. Среди монголов Семиречья сохранялись племенные и родовые деления, состоявшие из осколков различных этнических

---

[1] *Н. И. Гродеков.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области, т. I, Ташкент, 1889, стр. 10.

[2] *А. Левшин.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 126—127.

групп, а патриархально-родовые обычаи служили только оболочкой развивавшихся феодальных отношений.

В пределах Моголистана, в горах южного берега Иссык-куля в начале XVI в. впервые упоминаются «киргизы», начало переселения которых в этот район с Енисея, по ряду данных, началось за несколько веков до монгольского завоевания. Енисейские «киргизы» постепенно слились на новом месте с аборигенами Тянь-Шаня, передав им свой язык и племенное наименование. Население Тянь-Шаня не имело своего государственного объединения; оно управлялось племенными вождями, занималось преимущественно скотоводством. С развитием патриархально-феодальных отношений складывалась новая этническая общность — народность киргизов, в числе предков которых было местное население Тянь-Шаня.

Занимая труднодоступные горные местности, киргизы сравнительно мало испытывали воздействие земледельческой и городской культуры. Они мало подверглись и влиянию мусульманства, хотя формально приняли ислам. Пережитки родового строя у них были значительно сильнее и устойчивее, чем у других кочевников Средней Азии. Эти пережитки, так же как и в Казахстане, прикрывали феодальные формы эксплуатации трудящегося населения манапами (киргизскими феодалами). Широко были распространены поборы скотом и отработка бедняков в хозяйствах феодалов за пользование их скотом (саан), а также другие формы феодальной эксплуатации.

В XVI и начале XVII в. в Средней Азии и Казахстане продолжал распространяться и усиливаться феодальный способ производства и возрастал феодальный гнет; среди кочевого населения развивались патриархально-феодальные отношения.

Со второй половины XVI в. несколько оживилась торгово-ремесленная деятельность городов. В этих условиях большое значение для народов Средней Азии и Казахстана имели экономические, дипломатические и культурные сношения Средней Азии и Казахстана с Россией. Развивалась также торговля с Индией и Сибирью. С течением времени все большее значение стали приобретать торговые связи с Восточной Европой, существовавшие с давних времен. Развивались экономические отношения Мавераннахра с Казанским, Астраханским и Сибирским ханствами, а после присоединения их к Русскому государству — усилились торговые и дипломатические связи с Россией. Известно, например, что в 1557 г. приезжали в Астрахань «гости» (купцы) из Ургенча[1].

Основным среднеазиатским товаром, находившим спрос в Русском государстве, были различные хлопчатобумажные ткани в кусках или изделиях (халаты и пр.). В меньшем количестве вывозили хлопок-сырец, хлопковую и шелковую пряжу, а также шелковые и полушелковые материи. Вывозились также кожевенные товары, дорогое восточное оружие, ревень и т. п. Через посредство среднеазиатских купцов в Россию проникали

[1] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 284.

товары из Китая (шелковые ткани и фарфоровая посуда), а также из кочевой казахской и туркменской степи (скот, кожи и шерсть). Из Русского государства ввозили в Среднюю Азию ценную пушнину, выделанные кожи, мелкие металлические изделия и т. д. Через Россию в Среднюю Азию шли транзитом товары из Западной Европы: металлические изделия, сукна, зеркала, часы и т. п.[1]

Торговые связи России со Средней Азией имели большое значение для экономического развития как среднеазиатских ханств, так и Русского государства. Наряду с экономическими связями усиливались и связи дипломатические.

В 1558 г. в Среднюю Азию прибыл посол Ивана IV, который посетил Хорезм и Бухару. В следующем году в Москву с ним были отправлены ответные посольства из Бухары, Хорезма и Балха. Целью этих посольств было разрешение ряда вопросов торгового характера. Бухарский хан Абдулла просил Ивана IV о свободном пропуске его купцов в Казань, Астрахань и другие города. Осенью 1559 г. прибыли в Москву два бухарских и четыре хивинских посла[2]. Правительство Хивы и Бухары через своих послов получило разрешение хивинским и бухарским купцам приезжать для торга в Астрахань. «Грамотами о купечестве» царя Ивана IV разрешалась торговля азиатским купцам и в других городах[3]. В 1563, 1566 и 1583 гг. приезжали послы в Русское государство из Хивы, Бухары и Самарканда. Они должны были урегулировать вопрос о торговых отношениях с Русью[4]. В 1585 г. хан Абдулла отправил своего посла Мухаммеда-Али к царю Федору Ивановичу с товарами и подарками[5]. Царское правительство интересовалось Средней Азией как базой в монопольной торговле шелком с Западной Европой[6]. В 1589 г. царское правительство разрешило бухарскому послу Достуму и изюрскому послу Кадышу беспошлинную покупку товаров на пути их следования[7].

* * *

Экономические связи с Россией осуществлялись и караванным путем и через Каспийское море. Мангышлак исстари, со времен хазар, служил

---

[1] Ср.: гл. 1, § 6 и гл. II, § 6 настоящего издания.

[2] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 313, 318.

[3] *В. Уляницкий.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв., М., 1889, стр. 5—6.

[4] *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. IX, стр. 417.

[5] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», вып. 3, ч. I, Л., 1932, №№ 1—3, стр. 97—99.

[6] *А. Чулошников.* Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв., в кн.: «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», стр. 61—68; *А. В. Панков.* К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв., в сб.: «В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927, стр. 20—47.

[7] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», № 8, стр. 101—102; № 11, стр. 104—105.

воротами в Среднюю Азию на путях с Поволжья. Значительная роль Мангышлака отмечается источниками с X до XVIII в. Русские купцы, в первой половине XVII в. проникавшие через Мангышлак в Среднюю Азию, соприкасались с местным кочевым населением, торговали с туркменами, приезжали в Ургенч и другие города Средней Азии [1].

Разгром ханства Кучума и присоединение Западной Сибири к России сыграли большую роль в дальнейшем развитии экономических и политических связей России с Казахстаном.

В XVI в. усиливаются связи казахских ханств с Русским государством. После присоединения к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств установился камский торговый путь, ведший в Сибирь и казахские степи. Казахские степи начинают приобретать транзитное значение в связи с оживлением дипломатических и торговых связей Русского государства с Хивой и Бухарой. В 1573 г. в казахские степи было отправлено посольство Т. Чебукова, которое должно было наладить торговые связи [2]. Жалованной грамотой, данной Иваном IV Строгановым в 1574 г., разрешался им беспошлинный торг с бухарцами, казахами и другими торговыми людьми [3].

В конце XVI в. началась колонизация Западной Сибири. Близ северных границ Казахстана возникали русские крепости, города и селения. Русские поселения, состоявшие главным образом из черносошных (государственных) крестьян, оседавших в Сибири в связи с организацией «государевой пашни», вплотную подошли к казахским аулам. Русские поселения продвигались и на юг по Миассу и Ую, а также в восточные районы к Иртышу [4]. Царское правительство, заинтересованное в безопасности русских границ и в регулярном снабжении гарнизонов крепостей сибирским хлебом, требовало, чтобы воеводы были особенно бдительны в отношении пашенных крестьян и не допускали нападений на их селения [5]. В конце XVI в. были построены города: Тюмень, Тобольск, Верхотурье и Тара. Эти города становились экономическими и культурными центрами Западной Сибири, связующими звеньями окраин с центральными районами России. Через Тобольск из Казахстана в Россию направлялись торговые караваны и посольства. С возникновением новых городов в Западной Сибири расширялись возможности обмена продуктов казахского скотоводческого хозяйства на русские товары. Основным занятием русского населения в Западной Сибири было земледелие. Постепенно создава-

---

[1] См. разделы, написанные *А. Н. Насоновым* и *В. Г. Машковой* в «Очерках из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954, стр. 136—161, 173—210.

[2] «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 6, 53. Посольство Чебукова окончилось неудачей. Чебуков был взят в плен одним из родственников сибирского хана Кучума.

[3] «Сибирские летописи», стр. 7, 52.

[4] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.— Л., 1946, стр. 58—59.

[5] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. I, СПб., 1882, № 25, стр. 107; № 26, стр. 109—114.

лись условия для проникновения более высоких форм хозяйства в казахскую степь, для развития земледелия и оседлости в северных районах Казахстана, смежных с земледельческими районами Сибири. Расширялись возможности для развития обмена между русскими крестьянами-земледельцами и казахами-кочевниками.

Уже в конце XVI в. встал вопрос о принятии казахскими ханствами подданства Русскому государству. Для переговоров по этому вопросу в 1594 г. приезжали в Москву послы хана Тевеккеля. В ответ на эту просьбу было отправлено посольство В. Степанова к Тевеккелю в 1595 г., которое должно было заявить о согласии царского правительства принять казахов в подданство Русского государства. В марте 1595 г. была дана жалованная грамота Тевеккелю о принятии его в подданство [1].

* * *

В XVI и начале XVII в. культура Средней Азии развивалась под сильным влиянием реакционного мусульманского духовенства и дервишизма. В Самарканде, являвшемся ранее одним из центров научной деятельности, было совершенно прекращено занятие какими бы то ни было науками, пришли в упадок недавно еще процветавшие поэзия и историческая литература. Несмотря на то, что отдельные представители господствующего класса, подобно Бабуру, автору мемуаров, являющихся классическим образцом староузбекской литературы, были для своего времени весьма образованными людьми, общий культурный уровень был настолько низким, что среди тимуридских правителей, по сообщению того же Бабура, встречались люди, не умевшие писать и читать.

В меньшей степени и медленнее сказывался культурный упадок в Герате. Там при дворе Султана-Хуссейна по обычаю феодальных владетелей, заботившихся о «блеске» своего царствования, было собрано большое число поэтов и художников. Первое место среди них принадлежало одному из величайших средневековых поэтов — Алишеру Навои (1441—1501) — автору многих блестящих произведений, написанных на среднеазиатском тюркском (староузбекском) языке. Своими классическими произведениями,— такими как «Пятерица», состоящая из пяти поэм («Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Стена Александра»), сборник лирических стихотворений и др. —Навои, тонкий мастер слова и яркого образа, блестяще показал, что его родной тюркский язык должен стать языком литературы, близкой тюркоязычной части населения Средней Азии. Этому вопросу Навои посвятил специальное сочинение — «Суждение о двух языках».

Произведения Алишера Навои, пронизанные идеями гуманизма, получили широкое распространение не только в феодальных кругах,

---

[1] ЦГАДА, ф. «Сношения России с киргиз-кайсаками», 1595—1599 гг., д. без №, лл. 1—5. Однако подданство казахи приняли значительно позже.

но и среди широких народных масс; многие стихи его превратились в любимые народные песни. Навои принадлежал к числу наиболее видных и богатых представителей правящего класса феодалов, что, естественно, наложило печать на его идеологию: мечтая о более справедливом устройстве общества, об улучшении положения народных масс, Навои мог представить себе это общество только как феодальное.

Старшим современником Навои, его учителем и другом был другой замечательный, писавший на таджикском языке, поэт Абдурахман Джами (1414—1492). Джами был одним из виднейших суфийских шейхов, а потому его критика произвола феодальной знати сочеталась в его произведениях с суфийской мистикой. Главное его произведение — «Хафт авранг» («Созвездие Большой Медведицы»), состоявшее из семи отдельных поэм, отличается звучным стихом, поэтическими и яркими образами выведенных в них героев.

Пользуясь своим богатством и влиянием при дворе Султана-Хуссейна, Навои оказывал широкое покровительство поэтам, историкам, музыкантам, каллиграфам и художникам, собравшимся в Герате. Там существовала большая придворная библиотека, в которой производилась переписка книг лучшими каллиграфами. Книги украшались заставками и иллюстрациями — миниатюрами, среди которых особенно выделялись произведения знаменитого Бехзада, тонкого и наблюдательного художника. В Герате составлялись комментарии на книги по богословию и арабской грамматике, писались труды дидактического характера и т. д.

В этот период в Герате было написано несколько больших трудов по истории. Исторический труд, охватывающий последние десятилетия монгольского владычества, время Тимура и тимуридов (до Абусаида включительно), написал Абдурраззак Самарканди. Муиниддин Мухаммад Исфизари составил ценное описание Герата и областей южного тимуридского государства. Крупным историческим трудом явилось написанное Мухаммад ибн Хованд-шахом (сокращенно — Мирхонд) произведение «Раззату-с-сафо» («Сад чистоты»), содержащее в семи книгах историю Ирана и Средней Азии, начиная с легендарных рассказов о древних царях, героях и пророках. Его внук Хондемир составил другой исторический труд, названный им «Хабибу-с-сияр» («Друг жизнеописаний»), представляющий собою в большей части компилятивный свод исторических данных с древнейших времен. Перечисленные исторические труды и целый ряд других произведений, написанных в Герате, имеют значение ценных источников, хотя и обладают всеми пороками, присущими феодальной придворной историографии: панегиричностью, риторикой и особым интересом к придворной и династической истории. Кругозор авторов не простирается за пределы «стран ислама», а их общественные интересы определяются той косной и замкнутой феодальной средой, к которой они сами принадлежали. Характерно для этих историков презрительное отношение к «черни» — «бродягам» и «нищим», как неизменно называется ими простой трудовой народ. Жизни народных масс они не уделяют никакого внимания.

От времени последних тимуридов, после 60-х годов XV в., до нас не дошло каких-либо архитектурных сооружений ни в Самарканде, ни в других городах Мавераннахра. Строительство монументальных зданий производилось, повидимому, только в Гератском государстве, где при прямом участии Алишера Навои, и в значительной части на предоставленные им средства, были возведены крупные здания — мечети, медресе, мавзолеи и ряд общественно-полезных сооружений — больниц, хаузов, бань, мостов и рабатов. Особенно славился возведенный Навои комплекс построек в Герате, состоявший из медресе, хонако и других зданий. В Мавераннахре значительные постройки сохранились только от начала XVI в., в частности, мост-вододелитель на Зерафшане около Самарканда, остатки которого в виде одной арки дошли до нашего времени.

Направление культурной жизни в Мавераннахре после завоевания ее шейбанидскими султанами не изменилось. Так же, как и при последних тимуридах, деятельность ученых ограничивалась богословием, мусульманским религиозным правом, арабской филологией, поскольку она нужна была для изучения арабской религиозной литературы. Но даже и в этой области не появилось оригинальных трудов, все сводилось к составлению комментариев (шарх) и примечаний (хошия) на труды, написанные в предшествующие столетия. Некоторое внимание уделялось медицине и астрологии. Наука принимала все более и более схоластический, далекий от жизни, характер.

При дворах шейбанидских ханов продолжалась деятельность придворных поэтов и историков-панегиристов, художников, каллиграфов и музыкантов.

В XVI в. в Мавераннахре было много поэтов и писателей. В антологии бухарской поэзии, составленной в середине XVI в., перечисляется 250 человек, так или иначе причастных к литературе, но выдающегося значения произведения их не представляют. Для характеристики культурной жизни важны мемуары Зайнуддин Махмуда Васифи («Удивительные события»), представляющие собрание занимательных рассказов об исторических людях своего времени. Видным поэтом времени Абдуллы-хана был Мушфики, написавший большое количество лирических стихов, хвалебных од, сатирических стихотворений и эпиграмм.

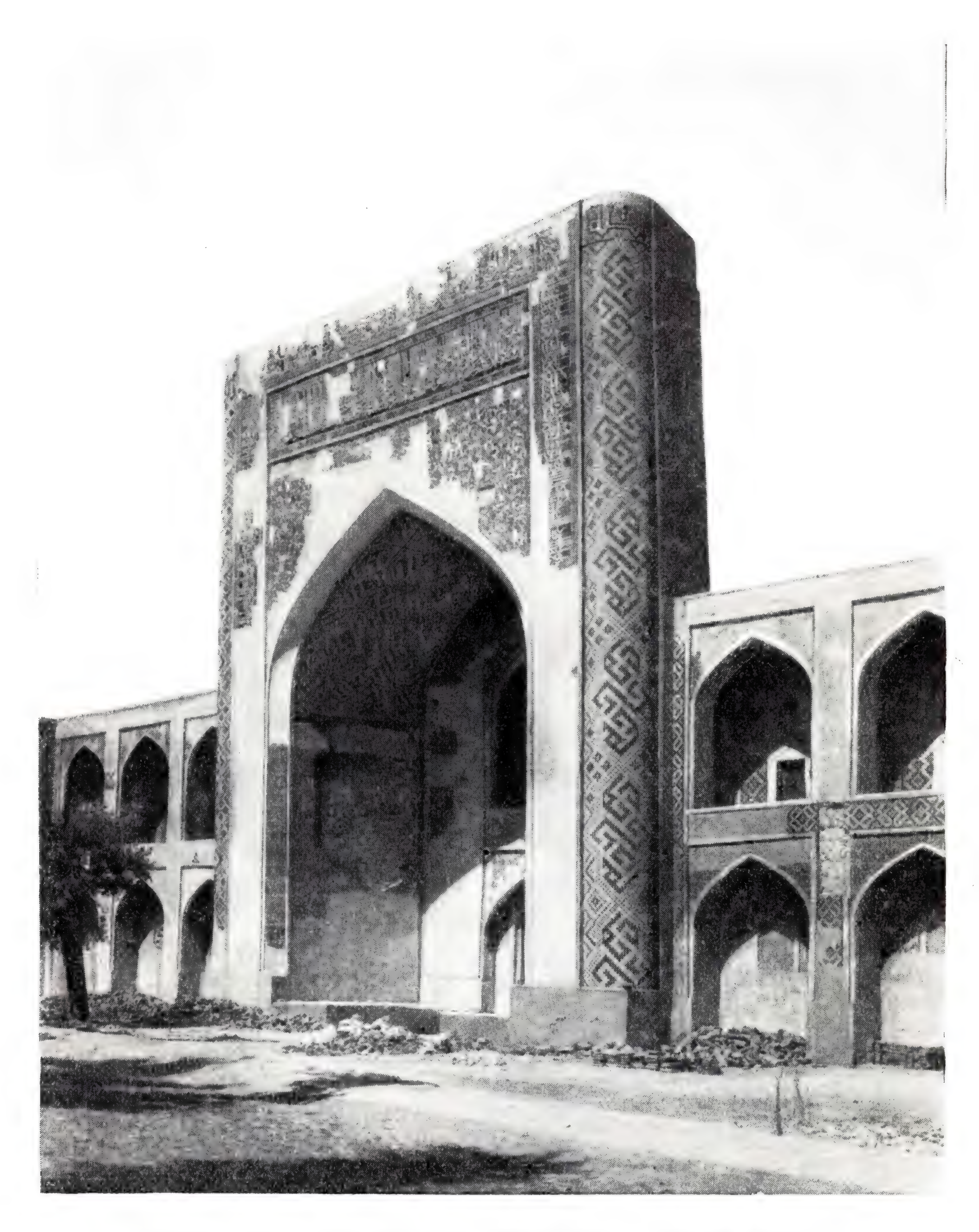
Особенностью поэтического творчества этого времени является его узко придворный характер, увлечение всякого рода формалистическими эффектами, гиперболизмом. Культура придворных кругов не явилась достоянием широких народных масс; население страны испытывало влияние косного, невежественного и реакционного мусульманского духовенства, культивировавшего всевозможные предрассудки и суеверия.

От XVI в. дошло до нас значительное количество памятников зодчества, сосредоточенных по преимуществу в Бухаре, являвшейся главной столицей шейбанидов. При некотором сокращении объемов зданий и упрощении декоративной отделки, творчество народных мастеров стояло на большой высоте, в особенности в развитии архитектурных форм и в раз-

Охота. Миниатюра Гератской школы из рукописи «Пять поэм Низами», 1491 г.

Государственный музей Восточных культур

Бухара. Медресе Абдуллы-хана, 1589—1590 гг. Главный фасад.

работке новых форм сводчатых перекрытий зданий. Сам город значительно вырос и был окружен новой стеной, основные очертания которой сохранялись до недавнего времени.

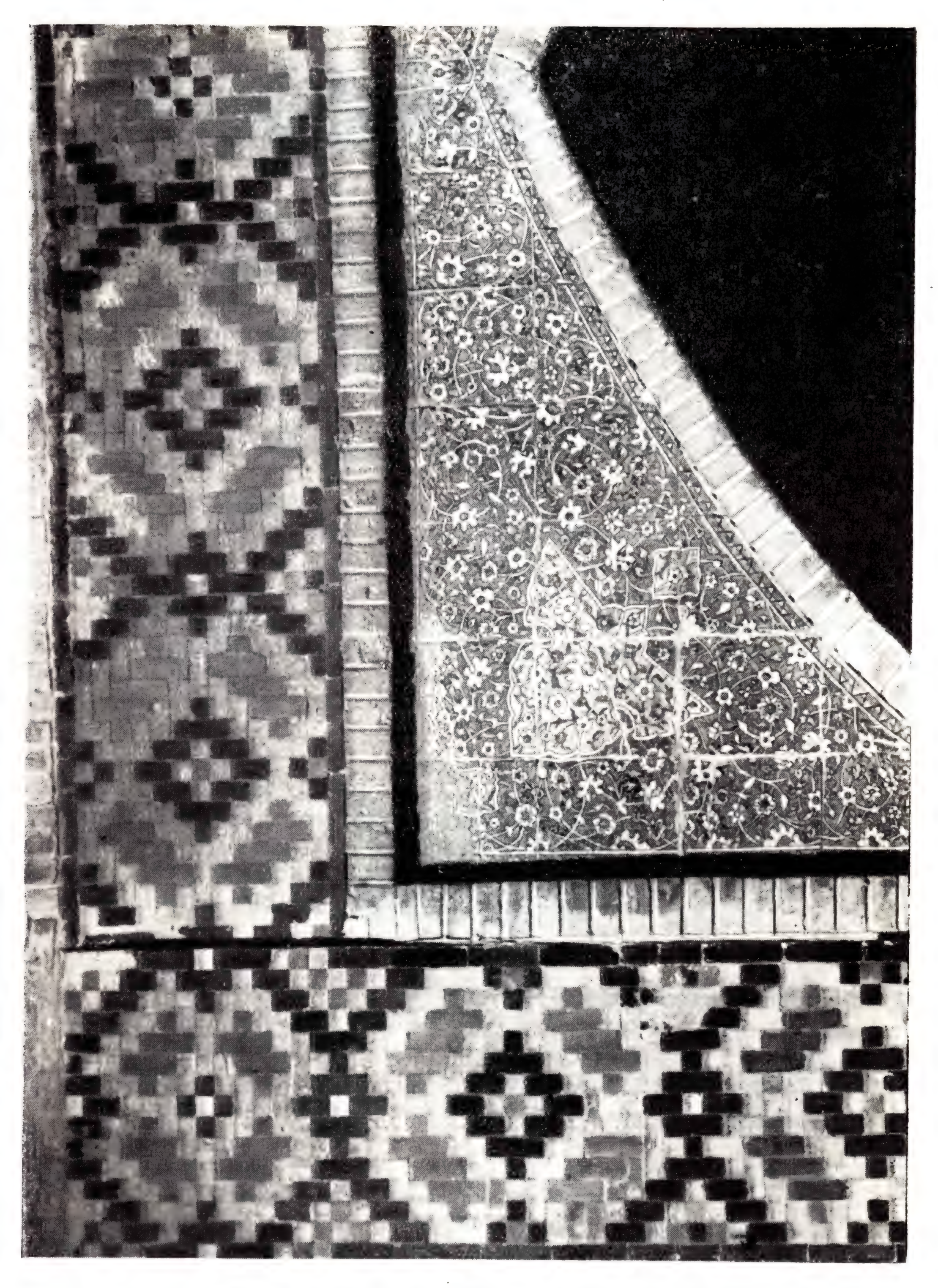
В XVI в. в Бухаре были возведены монументальные здания: Большая мечеть (Мачати-Калён), обширные медресе —Мира-Араб, Кошмедресе (двойное медресе), Кукельдаш и др.; были сооружены также крупные мечети: Ходжи Зайниддина в Бухаре, в селении Бахауддин, с большим изяществом разукрашенная внутри мечеть Балянд, интересный архитектурный ансамбль в селении Чор-Бакр в окрестностях Бухары. Возведение большого количества монументальных зданий религиозного характера было связано с возраставшим влиянием мусульманского духовенства, с превращением Бухары в центр религиозной пропаганды. Абдулла-хан, боровшийся за объединение государства под своей властью, стремился опереться на зажиточные слои городского населения, в первую очередь — купечества. Он принимал различные меры к развитию торговли. Отражением этих стремлений Абдуллы в строительстве являются возведенные при нем большие торговые купольные здания на перекрестках базарных улиц города, кирпичные мосты, многочисленные рабаты и сардоба (цистерны-водохранилища) в пустынных местностях на больших караванных путях.

Большие здания XVI в. сохранились также в Кермине (мечеть Касимшейха) и в Ташкенте (медресе Кукельдаш, медресе Барак-хана и мавзолей казахского хана Юнуса). Совершенствовалось искусство резьбы по дереву, камню, по изготовлению цветных майолик для орнаментации зданий.

Города Узбекистана славились в этот период своими искусными каллиграфами и миниатюристами-иллюстраторами, оставившими после себя в составе рукописных книг замечательные произведения искусства. Ко второй половине XVI в. относится возникновение особой бухарской школы мастеров-миниатюристов, среди которых выделялись Шейхзаде Махмуд Музаххиб и его ученик Абдулла.

Значительно ниже был уровень культурной жизни в Хорезме,на котором крайне неблагоприятно отразились феодальная раздробленность и хозяйственный упадок. Установившаяся в Хорезме власть узбекских ханов, межплеменная борьба и бесправное положение оседлого населения — прямого наследника древней культуры хорезмского оазиса — привели к резкому снижению его культурного уровня.

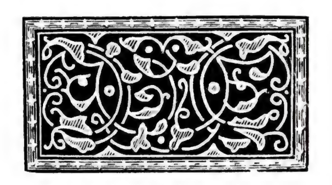
Простой народ творил свою культуру, в значительной мере отличную от культуры феодальных кругов. В народной среде складывались и распевались песни, существовало и народное изобразительное искусство, которое в противоположность официальному исламскому искусству хранило излюбленные традиционные образы, использовавшиеся при украшениях различных предметов, тканей и вышивок, стен народных жилищ и т. д. К сожалению, памятники народного искусства дошли до нашего времени в таком ничтожном количестве, что они не позволяют дать их более точную характеристику.

Бухара. Медресе Абдуллы-хана. Деталь облицовки главного портала.

О культуре кочевых народов этого времени у нас также мало конкретных данных. Здесь, в кочевом обществе, были сильнее пережитки более старых доисламских верований и обрядов. Основным видом литературного творчества было устное творчество. В ставках феодалов и в среде их дружин слагались большие эпические поэмы, такие, как «Гер-оглы» у туркмен, «Манас» у киргизов, былины о Кобланды, Ер-Таргыне и Камбаре у казахов и т. д., выражавшие в основном идеологию феодальных кругов. Наряду с этим складывались лирические поэмы, трудовые и обрядовые песни, сказки, пословицы и поговорки, широко распространенные в народных массах. Исполнение всех этих произведений было связано с их музыкальным оформлением, игрой на различных, преимущественно струнных, инструментах. Произведения народного творчества никем не записывались и дошли до нас в более поздней редакции с наслоениями, отражающими историческую обстановку последующих столетий.

Среди кочевых народов было развито домашнее ремесло по изготовлению предметов, необходимых для кочевого быта: кошем и остовов для юрт, ковров, ковровых мешков, ювелирных изделий и т. п. В орнаментальном оформлении этих предметов проявлялась творческая фантазия их создателей. В коврах, узорных кошмах, вышивках, металлических изделиях кочевые народы создали традиционный, особый для каждой народности, стиль орнамента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем томе были рассмотрены основные моменты истории народов СССР конца XV — начала XVII в. Образование Русского централизованного государства обеспечивало культурно-хозяйственный рост страны и сохранение ее независимости. Годы реформ середины и третьей четверти XVI в. были временем укрепления централизованного аппарата власти и сопровождались разгромом реакционной боярской аристократии.

Процесс государственной централизации определялся в конечном счете экономическим развитием страны, прежде всего развитием феодального землевладения, а также товарного производства, и был ускорен потребностями обороны от турецких феодалов и кочевников Востока.

В состав Русского многонационального государства вошел ряд народов Поволжья, Севера и Сибири. Совместная историческая жизнь с великим русским народом оказала на них большое прогрессивное влияние. Вместе с тем как русский народ, так и другие народы нашей страны подвергались жестокой эксплуатации со стороны класса феодалов. Большие успехи во внутренней и во внешней политике сопровождались усилением феодального гнета, ложившегося на плечи эксплуатируемого большинства населения.

Народные массы отвечали на усиление феодального гнета ростом сопротивления, вылившегося в начале XVII в. в крестьянскую войну под предводительством Ивана Болотникова. Русский народ в тяжелые годы иностранной интервенции начала XVII в. в напряженной борьбе отстоял свою независимость и освободил страну от иноземных захватчиков.

Народам СССР в XVII в., когда начался «новый период» истории России, посвящается следующий том «Очерков».

В конце XV — начале XVII в. развивалось феодальное землевладение; укреплялась власть помещиков-крепостников. В следующем томе будет показано, как этот процесс в XVII в. привел к окончательному закрепощению крестьян и юридическому оформлению крепостного права в Соборном Уложении 1649 г.

Развитие товарного производства в XVI в. подготовило предпосылки для слияния местных рынков в один всероссийский рынок, происходившего, примерно, с XVII в.

Восстание под предводительством Болотникова было только первой в цепи крестьянских войн XVII—XVIII вв. Усиление крепостнического гнета как в городе, так и в деревне вызвало в XVII в. новое обострение классовой борьбы трудящихся масс: восстания в русских городах 1648—1662 гг., крестьянская война под предводительством Разина были только ярчайшими страницами этой борьбы в XVII в.

Задачам укрепления феодального базиса служила реорганизация государственного аппарата власти, способствовавшая установлению в России абсолютизма. Истоки преобразований XVII в. коренились еще в реформах XVI в., проводившихся в борьбе за утверждение самодержавной власти. Не был завершен этот процесс и в XVII в., когда русское самодержавие оставалось самодержавием с боярской думой и боярской аристократией.

Разгром Казанского ханства и присоединение ряда народов Среднего Поволжья в середине XVI в. привели к значительному расширению Русского многонационального государства. В XVII в. процесс развития Русского государства, как многонационального, продолжался. В середине XVII в. произошло воссоединение двух братских народов, — украинского и русского, выросших из единого корня древнерусской народности. Москва сделалась центром, к которому обращали свои взоры порабощенные Турцией славянские народы, а также народы Кавказа и Средней Азии.

Попытки реакционных агентов из числа местных феодалов оторвать отдельные народы Поволжья и Сибири от русского народа были обречены на провал: мятежи феодальной знати, как правило, не поддерживались широкими трудовыми массами народов Поволжья, видевших в русском народе своего старшего брата.

Конец XV—начало XVII в. отмечены крупными достижениями в различных областях русской культуры (введение книгопечатания, расцвет публицистики, создание монументальных памятников архитектуры и т. п.). В XVII в. происходил дальнейший рост научных знаний, культуры и искусства. Продвижение русских в Сибирь в конце XVI в. создало необходимые условия для великих географических открытий русскими «землепроходцами» в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке.

Русская географическая наука занимала по праву одно из самых видных мест в мировой науке.

Русская литература, продолжая традиции предшествующего времени, создала прекрасные образцы бытовой повести, обогащенной лучшими достижениями народного творчества.

В живописи и архитектуре все ярче выступали черты реалистического восприятия действительности (С. Ушаков и др.). Созданный в конце

XVII в. русский театр сумел сохранить и развить основы русского народного театра и творчески воспринять лучшие достижения современного ему театрального искусства Западной Европы.

В XVII в. становится более устойчивой общность территории, языка, экономической и культурной жизни русского народа, что позволяет уже говорить о постепенном сложении русской нации. Предпосылки для сложения русской нации были созданы развитием русской народности, окрепшей и возмужавшей в трудные годы борьбы с иностранной интервенцией начала XVII в.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Принятые сокращения: г.— город, г-к — городок, губ.— губерния, д.— деревня, м-ко — местечко, м-рь — монастырь, н. п.— населенный пункт, обл.— область, о-в — остров, оз.— озеро, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село, у.— уезд.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

[1] Резные изображения на «царском месте» иллюстрируют рассказ о получении Владимиром Мономахом шапки и царских барм от византийского императора. Данная сцена изображает «совет» Владимира с «боярами».

[1] На иконе изображены эпизоды из битвы новгородцев с суздальцами при Андрее Боголюбском. А. Л. Монгайт убедительно доказал, что художник XVII в. под видом этой битвы изобразил современную ему осаду Новгорода шведами (см. «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 31, стр. 38).

Подбор иллюстраций произведен Н. А. Баклановой

СПИСОК КАРТ

(СМ. ОТДЕЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ)

1. Русское государство и его соседи в конце XV — первой половине XVI в (до 1551 г.)
2. Народы и государства Кавказа с конца XV до начала XVII в.
3. Прибалтика в первой половине XVI в. и Ливонская война 1558—1583 гг.
4. Народы Сибири в XVI—XVII вв. и присоединение Западной Сибири к русскому государству в 1581—1618 гг.
5. Крестьянская война 1606—1607 гг. под руководством И. Болотникова.
6. Борьба с иностранной интервенцией в Русском государстве в начале XVII в.
7. Русское государство и его соседи во второй половине XVI — начале XVII в. (до 1618 г.)

Карты составлены И. А. Голубцовым.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией Академии наук.

АВШ — Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 1, М., 1952.

Акты Федотова-Чеховского —«Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России», собр. А. Федотов-Чеховской, т. I, Киев, 1860.

Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ, ч. 1, М., 1898.

Архив ЮЗР — Архив Юго-Западной России.

АФЗиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., М., 1951.

АЮ — Акты юридические, СПб., 1838.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России.

БАН — Библиотека Академии наук СССР.

Временник ОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.

ГБЛ — Рукописный отдел Государственной ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ГВНиП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ГКЭ — ЦГАДА, грамоты Коллегии экономии.

ДАИ — Дополнения к актам историческим.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Археологического общества.

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности.

ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР.

АЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.

КЦАДА — Киевский центральный архив древних актов.

НПК — Новгородские писцовые книги.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950.

ОДРА — Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР (в Ленинграде).

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

РИЖ — Русский исторический журнал.

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.

ФИВМ — ЦГАДА, фонд Иосифо-Волоколамского монастыря.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава третья

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова. Польско-шведская интервенция начала XVII в.

Глава четвертая

Народы Севера, Поволжья и Сибири в составе Русского централизованного государства в конце XV — начале XVII в.

Глава пятая

Народы Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии, Кавказа и Средней Азии в конце XV — начале XVII в.

Утверждено к печати
Институтом истории Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *В. А. Александров*
Технический редактор *А. А Киселева*
Корректоры *В. Г. Богословский и Т. А. Савич*

РИСО АН СССР № 1—42В. Сдано в набор 2/X 1954 г.
Тип. заказ № 752 Подп. к печ. 21/II 1955 г.
Т01448. Издат. № 815
Формат бум. $70\times108^1/_{16}$. Печ. л. 60 =82,2 л.+13 вкл.
Уч.-издат. 77,5. Тираж 20 000.

Цена 51 р.

Издательство Академии Наук СССР. Москва, Подсосенский пер., 10.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

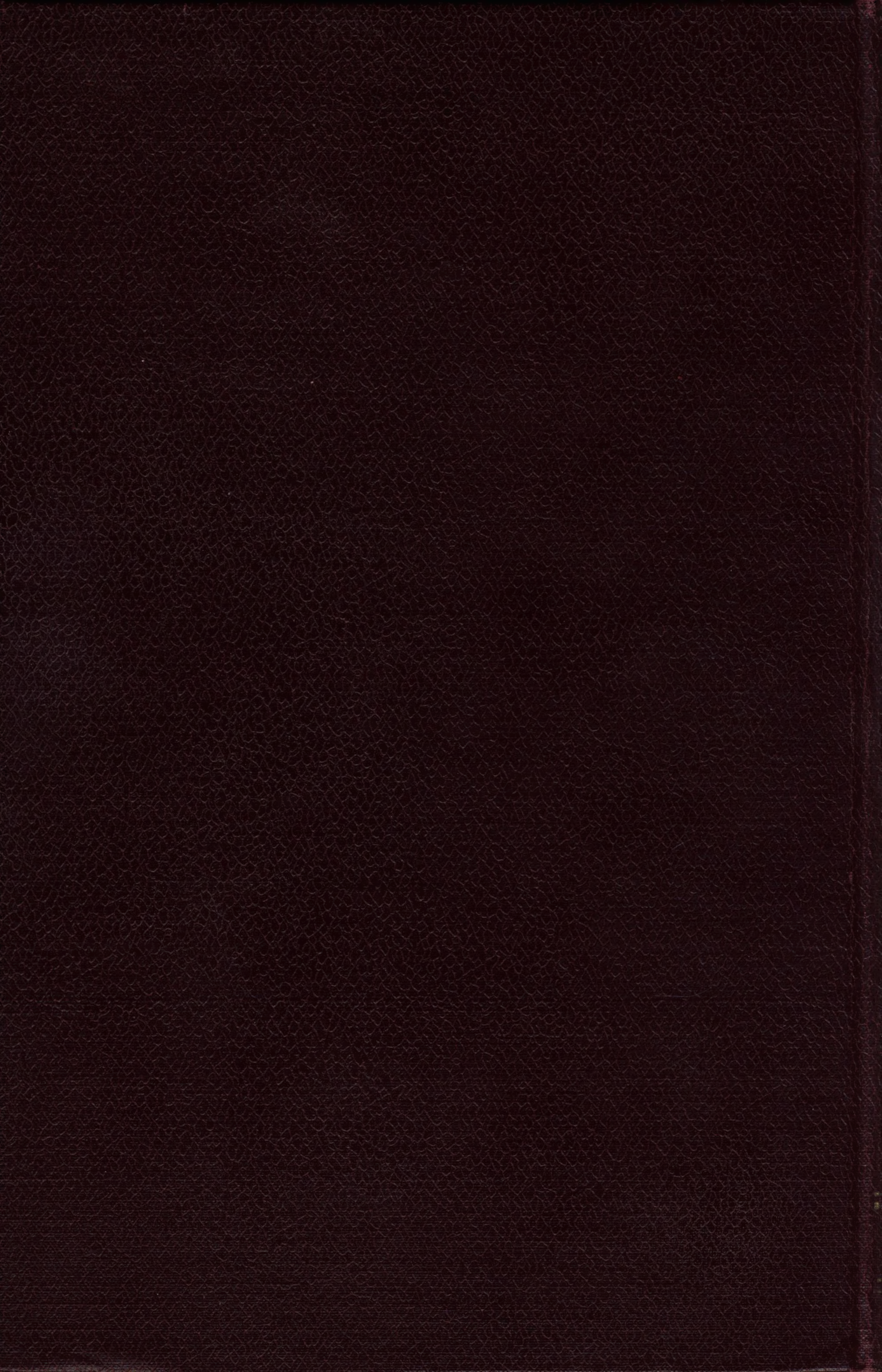
Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
43	7—8 св.	Каргопольских	Карголомских
98	5 сн.	1906	1909
188	8 св.	списков приписываемых	списков приписываемой
197	3 сн.	и эпоху	и в эпоху
260	6 св.	(рабочих)	(работных людей)
274	12 св.	Барабанской	Брабантской
284	9 св.	Андрею Старицкому, женатому на Анне Нагой.	Владимиру Старицкому, женатому на Евдокии Нагой.
308	3 св.	XVI в.	XVII в.
313	23 сн.	Н. Г. Одоевский	Н. Р. Одоевский
316	13 св.	В. В. Грязной	В. Г. Грязной
392	5 сн.	Была бы	Была ли
401	2 сн.	Котанчикова	Кожанчикова
436	19 сн.	1593	1598
498	4 сн.	II	Q II
619	14 сн.	возрастание	возрастание роли
658	16 св.	было	были
793	17 св.	Фредрику	Фридриху
859	14—13 сн.	законченного	значительного
907	Правая колонка 29 сн.	Балыо	Балко
914	Правая колонка 6—7 сн.	Константин Константинович, князь Острожский — 150, 721—723, 732	Константин Иванович, князь Острожский —150 Константин Константинович, князь Острожский — 721—723, 732
934	Правая колонка 2 сн.	Зей	Зея
937	Левая колонка 11 св.	Лянемаа	Ляанемаа
944	Правая колонка 18 сн.	Лянское	Ляанеское
949	Правая колонка 22 сн.	Лянеское	Ляанеское
952	9 св.	200	202

Очерки истории СССР. Конец XV в. — начало XVII в.

2-я ТИПОГРАФИЯ
Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

КОНТРОЛЕР № 4

При обнаружении недостатков
в книге просим возвратить книгу
вместе с этим ярлыком для обмена

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

КОНЕЦ XV в. — НАЧАЛО XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР